

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

WIDENER

HN L3XL W

3 2044 021 942 594

L Soc 3975.20

**HARVARD COLLEGE
LIBRARY**

**GIFT OF
THE UNIVERSITY**

Complete

*Contains Index
1834-1872
21.12.1872*

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1873.

ГОДЪ ХІ.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.
1873.

L Soc 3975. 20

~~Stav 21.15~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF THE UNIVERSITY
JUL 1 1922

Печатается по определению Совета Императорскаго Казанскаго
Университета.

Ректоръ *И. Кремлевъ.*

О СУЩНОСТИ ВЫРАЗИТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ ГЛАЗЪ.

Речь, произнесенная въ торжественномъ юдичномъ собраніи Императорскаго Казанскаго Университета, 5 ноября 1872 года, экстраординарнымъ профессоромъ Офтальміатріи, Е. В. Адамюкомъ.

Мм. Гг.!

Принимая на себя лестную обязанность побесѣдовать въ настоящемъ случаѣ съ Вами, Милостивыя Государыни и Милостивые Государи, я долженъ прежде всего сознаться, что нахожусь въ значительномъ затрудненіи, или, по крайней мѣрѣ, въ сомнѣніи, на счетъ возможности удачнаго выполненія взятой мною на себя задачи. Причина этого затрудненія заключается между прочимъ въ трудности отыскать въ той наукѣ, представителемъ которой я имѣю честь состоять при здѣшнемъ Университетѣ, въ виду значительной специальности этой науки, такой вопросъ, разборъ котораго могъ-бы безъ особеннаго утомленія занять Ваше вниманіе и удовлетворить въ то же время серьезности нашего здѣсь вполне ученаго собранія, слѣдовательно,—быть въ состояніи выдержать хотя отчасти ту строгую критику, съ которою Вы, Мм. Гг., имѣете полное право отнестись къ нему.

Вотъ такихъ-то вопросовъ я не нахожу въ моей наукѣ. Эта послѣдняя, какъ извѣстно, состоитъ въ изображеніи болѣзненныхъ состояній глаза, и хотя съ чисто научной точки зрѣнія, каждый вопросъ, къ какой бы сферѣ онъ не принадлежалъ, разрабатываемый научно, имѣетъ полное право на вниманіе кого-бы то ни было, и когда бы то ни было, но

не во всякое время вполне удобно опираться единственно на эту точку зрѣнія.

Поэтому-то разборъ какого нибудь болѣзненнаго явленія, хотя-бы одного изъ важнѣйшихъ нашихъ органовъ, какъ глазъ, я не считаю здѣсь вполне удобнымъ. Болѣзни этого органа насъ и такъ преслѣдуютъ повсюду въ нашей повседневной жизни; рѣдко глазъ можно встрѣтить, который не страдалъ бы въ какомъ нибудь отношеніи, и если болѣзненные явленія не выступаютъ еще очень рѣзко, такъ что позволяютъ забывать о нихъ, то зачѣмъ-же наводить на нихъ мысль, зачѣмъ вспоминать о нихъ, особенно теперь и здѣсь. Да и мнѣ самому, утомленному и такъ каждодневнымъ обращеніемъ лишь съ больными глазами, желательно было бы поговорить нѣсколько объ этомъ органѣ и съ другой стороны. Предоставимъ поэтому разсматриваніе болѣзненныхъ состояній тѣмъ часамъ и мѣстамъ, которые спеціально назначены для этого. Пусть уже въ аудиторіяхъ и клиникахъ, во имя науки и пользы человѣчества, раздастся смѣло слово и о болѣзняхъ его; нынѣ же, въ тотъ день, когда положено было начало жизни науки въ этомъ отдаленномъ отъ центровъ цивилизаціи краѣ, въ день призванія къ жизни нашего Университета, пусть слово о болѣзняхъ хотя на время будетъ лишено права гражданственности. И такъ пусть жизнь глаза, а не его болѣзани, будетъ предметомъ нашей бесѣды.

Но я не намѣренъ здѣсь говорить о всей жизни глаза, т. е. объ его физиологіи. Наука эта такъ обширна, что многіе и многіе часы необходимы для поверхностнаго даже знакомства съ нею. Я хотѣлъ бы здѣсь говорить лишь объ одномъ совершенно отдѣльномъ видѣ жизни глаза, о томъ, хотя неосвязаемомъ, но хорошо всѣмъ намъ извѣстномъ про-

явленіи его жизни, относительно котораго уже долгое время существуетъ столь распространенное, хотя не вполне вѣрное мнѣніе. Жизнь глаза, разсматриваемаго поверхностно, проявляется въ его *взглядѣ*, съ которымъ соединено его *выраженіе*; и вотъ эту-то послѣднюю сторону проявленія жизни глаза я желалъ бы сдѣлать предметомъ моей рѣчи. Естественно, что я не могу представить здѣсь особенно важныхъ и новыхъ научныхъ фактовъ; я желалъ бы обратить только Ваше вниманіе на это столь давно извѣстное явленіе, толкованіе котораго предоставлено больше поэтамъ, чѣмъ специалистамъ. Кто изъ васъ не знаетъ какова бываетъ сила и значеніе взгляда, кто не старался иной разъ ловить его, и кто не готовъ былъ часто за него жертвовать, а порою и жертвовалъ очень многимъ? Это свойство взгляда глазъ уже давно обратило на себя вниманіе, и ужь давно хорошо извѣстно человѣчеству. Глазь есть зеркало души, въ глазахъ выражается сердце человѣческое — вотъ фразы, къ которымъ привыкли мы съ дѣтства и которыя повторяемъ часто съ большимъ или меньшимъ значеніемъ, или лучше безъ всякаго значенія.

Да и какъ не повторять намъ, когда мы слышимъ это уже изъ глубокой древности, отъ лучшихъ мыслителей и знатоковъ человѣческой природы. Такимъ образомъ еще Plinius сказалъ „oculos cum osculanti, animam ipsam videmur attingere“ т. е. что когда разсматриваемъ глаза, кажись, самую душу видимъ. А отъ различныхъ дѣловыхъ опытныхъ людей постоянно приходилось слышать, какъ они въ глазахъ насъ видятъ человѣка.

Настроенные живыми описаніями поэтовъ и пылыми аффектами воображенія, мы, повидимому, находимъ въ глазахъ дѣйствительно то, чего ищемъ, стараюсь прочесть въ нихъ извѣстное мнѣніе, часто извѣстай себя приговоръ.

●

И такъ многія обстоятельства, повидимому, склоняютъ насъ въ тому убѣжденію, что глаза могутъ съ одной стороны скрывать то, что желательно было бы скрыть, другой разъ обнаруживать то, что желательно выразить. Эта способность до такой степени утверждена общественнымъ мнѣніемъ и продолжительнымъ жизненнымъ опытомъ надъ глазами, что Вы, Милостивыя Государыни, и Милостивые Государи, безъ сомнѣнія думаете услышать отъ меня лишь объясненіе того, какимъ образомъ происходитъ это явленіе, а не разсужденія—дѣйствительно ли этотъ фактъ въ подобной формѣ существовать. Да и какъ сомнѣваться въ его существованіи, когда, какъ я выразился уже, мы находимъ, кромѣ собственнаго опыта, указанія еще столь многыхъ авторитетовъ. Такимъ образомъ знаменитѣйшій изъ физиологовъ новѣйшаго времени, Johann Müller, въ своемъ сочиненіи о зрѣніи посвящаетъ много страницъ на описаніе взгляда глаза, какъ таковаго отправления, которое не зависитъ ни отъ движенія вѣкъ, ни отъ движенія глазнаго яблока, а только отъ невольныхъ измѣненій въ глазѣ самомъ, слѣдовательно здѣсь разумѣется выраженіе ихъ, или въ обыкновенномъ смыслѣ—зеркало души, отражающее различныя внутреннія ощущенія. Правда, что между художниками, особенно заботившимися такъ часто, по своей профессіи, о воспроизведеніи выраженія глазъ, должны были раньше другихъ явиться субъекты, выражающіе нѣкоторое сомнѣніе въ особенной способности глазъ выражать что нибудь, такъ какъ имъ хорошо извѣстно, что это выраженіе глазъ въ искусствѣ часто достигалось безъ особеннаго старанія, при помощи очень простыхъ приемовъ. Такимъ образомъ извѣстно, что уже давно два опытныхъ художника поспорили какъ-то между собою на счетъ того, чѣмъ можетъ быть удобнѣе выражено внутрен-

всё состояніе и настроеніе человѣка. Одинъ утверждалъ, что это состояніе м. б. удобнѣе выражено извѣстнымъ очертаніемъ рта, между тѣмъ какъ другой приписывалъ эту способность болѣе глазамъ. Каждый изъ нихъ, въ особенной на этотъ счетъ приготовленной картинѣ, старался доказать справедливость своего мнѣнія. И побѣда досталась тому, который доказывалъ, что внутреннее состояніе м. б. выражено удобнѣе очертаніемъ рта. Правда, что самыя условія опыта не были вполне равны, но все же возможность существованія этого факта достаточно доказываетъ уже давнее сомнѣніе многихъ, касательно значенія глазъ, какъ органа, назначеннаго преимущественно выразить различныя движенія души.

Но чтобы имѣть полное право на утверженіе или отрицаніе чего бы то ни было, необходимо болѣе близкое знакомство съ предметомъ, а слѣдовательно и со строеніемъ глаза, чтобы поискать, нѣтъ ли въ немъ такихъ моментовъ, на основаніи которыхъ дѣйствительно возможно было бы приписать приписываемую глазамъ способность, и указать ея мѣсто. Разумѣется, я не могу входить подробно въ разсмотрѣніе строенія глаза, которое безъ сомнѣнія Вамъ достаточно извѣстно. Я припомню только, что глазъ собственно представляетъ собою родъ пузыря, снабженнаго тремя оболочками, изъ нихъ наружная плотная, бѣлая, наз. бѣлковинною оболочкою. Въ передней части своей она прозрачна, и эта прозрачная часть носить названіе роговой оболочки. Черезъ эту часть проникаютъ внутрь глаза лучи свѣта, необходимые намъ для зрѣнія, такъ какъ при помощи ихъ мы видимъ окружающіе насъ предметы. Черезъ эту часть просвѣчиваютъ подлежащія, болѣе внутреннія, части глаза, какъ напр. радужная оболочка, окрашенная въ различныя цвѣта, по которой мы сортируемъ глаза: черные, голубые и пр. Въ роговицѣ, т. е.

прозрачной части глаза, какъ въ зеркалѣ отражаются окружающіе, преимущественно свѣтящіеся, предметы, что особенно выступаетъ рѣзко при подлежащей черной радужной оболочкѣ, и при болѣе или менѣе сильномъ увлажненіи глаза. Если радужная оболочка окрашена слабо, тогда условія сильнаго блеска глазъ получаются лишь подъ условіемъ сильнаго расширенія зрачка.

Это обстоятельство не могло ускользнуть отъ наблюденія тѣхъ, кто особенно заботился объ извѣстной степени блеска или выразительности глазъ,—почему расширяющія зрачекъ средства уже давно, а въ одно время даже очень часто, встрѣчались въ числѣ косметическихъ принадлежностей дамскаго будуара,—хотя средства эти далеко не безвредны для глазъ. Эта прозрачная часть, занимающая у животныхъ часто болѣе $\frac{1}{2}$, всей поверхности глаза, у человѣка не превышаетъ $\frac{1}{4}$. Въ такомъ отношеніи прозрачной части оболочки въ непрозрачной лежитъ одно изъ главныхъ условій красоты человѣческаго глаза. И дѣйствительно, въ то время, какъ у животныхъ, при огромной роговой оболочкѣ, черезъ разрѣзъ вѣкъ мы видимъ лишь одну роговицу, или, лучше сказать, просвѣчивающую сквозь нее радужную оболочку, окрашенную большею частию въ неопредѣленные бурые цвѣта, у людей же, при незначительной роговицѣ, мы видимъ, кромѣ нея, просвѣчивающую промежъ вѣкъ еще болѣе или менѣе значительную часть бѣлковинной оболочки.

Бѣлый цвѣтъ этой послѣдней, достигающій часто перламутровой чистоты, при извѣстныхъ окраскахъ радужной оболочки, и производитъ на насъ то пріятное впечатлѣніе красоты, свойственное только человѣческимъ глазамъ. Больше или меньшее количество выступающей промежъ вѣкъ бѣлковинной оболочки даетъ намъ понятіе о величинѣ глазъ.

Такимъ образомъ такъ называемые большіе глаза суть собственно сильно открытые глаза, и на оборотъ, малые глаза— глаза болѣе закрытые, такъ какъ въ сущности дѣйствительныя колебанія величины глазъ очень и очень незначительны.

Вдаваясь дальше въ строеніе глаза, мы подѣ этой наружной оболочкой встрѣчаемъ слѣдующую оболочку, которая, по богатству въ ней кровеносныхъ сосудовъ, наз. сосудистой, а по присутствію въ ней черной краски еще пигментной. Подобно тому, какъ бѣлковая оболочка въ передней своей части переходитъ въ роговую оболочку, сосудистая переходитъ въ томъ же мѣстѣ, т. е. въ передней части, въ ту подвижную, различно окрашенную, уже часто упоминаемую радужную оболочку; въ срединѣ этой послѣдней лежитъ круглое отверстіе, называемое зрачкомъ. Въ задней части обѣ сазаннныя оболочки снабжены также отверстіемъ, сквозь которое проникаетъ внутрь глаза зрительный нервъ. Волокна этого послѣдняго, разсыпаясь вѣрообразно во всѣ стороны и располагаясь по внутренней поверхности только что сказанной сосудистой оболочки, съ придачею поддерживающей эти волокна вѣтчатки и нѣкоторыхъ измѣненій въ строеніи, составляютъ третью—такъ наз. нервную оболочку. Внутренность глаза наполнена частію плотными, частію жидкими веществами, каковы стекловидное тѣло, чечевица и наконецъ та жидкость, лежащая позади роговой оболочки и вытекающая при всякомъ проколѣ глаза, при всякой операціи на немъ, которая извѣстна подѣ именемъ водянистой влаги.

Всѣ эти части должны быть прозрачны, такъ какъ онѣ, кромѣ того, что поддерживаютъ извѣстную болѣе или менѣе круглую форму глаза, служатъ для преломленія столь необходимыхъ для зрѣнія лучей свѣта. При помощи преломляющей способности этихъ частей глаза, упомянутые лучи свѣ-

та, идущіе отъ какаго бы то ни было предмета, соединяются въ ясное изображеніе его на нервной оболочкѣ глаза. Хотя эта послѣдняя, какъ непосредственное продолженіе зрительнаго нерва, соединеннаго, какъ извѣстно, съ общей нервной системой, и могла бы считаться въ нѣкоторомъ родѣ зеркаломъ души, но она такъ скрыта въ глубинѣ глаза, и отверстіе для свѣта, такъ наз. зрачекъ, до такой степени мало,—почему освѣщеніе внутренности глаза выходитъ такъ слабо,—что никакого отраженія на ней мы не можемъ замѣтить.

Такимъ образомъ глазное яблоко въ строеніи своемъ не представляетъ ничего такого, чтобы обладало особенною способностью выражать тѣ ощущенія, которыя происходятъ внутри организма. Точно то же слѣдуетъ сказать и о каждой отдѣльно взятой изъ окружающихъ частей глаза. Выразительная способность глазъ, какъ мы увидимъ, имѣетъ мѣсто лишь при полномъ присутствіи всѣхъ частей органа зрѣнія, и при существованіи полной гармоніи между глазомъ и окружающими его частями. Такимъ образомъ если развести широко вѣки и прикрыть ихъ руками, такъ чтобы глазное яблоко было вполнѣ открыто, то при этомъ увидимъ, что даже самые выразительные глаза теряютъ почти вполнѣ эту способность, и если могутъ что нибудь выразить, такъ развѣ лишь ужасъ, сущность выраженія котораго заключается собственно въ широкомъ раскрытіи вѣкъ. И такъ уже въ этомъ простомъ опытѣ мы видимъ доказательство противъ способности глазъ самихъ по себѣ быть зеркаломъ души, противъ способности ихъ выражать что нибудь.

Еще лучшимъ доказательствомъ тому служатъ наблюденія надъ искусственными глазами. Если, послѣ потери одного изъ глазъ, на мѣсто послѣдняго вставленъ искусствен-

ный и притомъ такъ, чтобы онъ могъ производить нѣкоторыя движенія вмѣстѣ съ здоровымъ, то мы замѣтимъ, что этотъ искусственный глазъ дѣлается способнымъ въ общепринятомъ смыслѣ выражать все, точно такъ-же какъ и здоровый глазъ, и притомъ такъ, что мы рѣшительно бываемъ не въ состояннн опредѣлить, который глазъ живой, который искусственный. Если такимъ образомъ искусственный стеклянный глазъ можетъ принимать на себя разсматриваемую нами функцію здороваго глаза, то видно, эта послѣдняя не очень тѣсно связана съ самимъ глазомъ. Разумѣется, если движеній искусственный глазъ производить не можетъ, то, при взглядѣ въ извѣстномъ направленнн, можно отличить искусственный глазъ, какъ неподвижный, но за то и всякій нормальный глазъ, лишенный подвижности въ какомъ нибудь одномъ направленнн, какъ это бываетъ при паралитическомъ косоглазнн, тоже значительно ограниченъ, или лучше искаженъ, въ своей выразительной способности. Греки очень характеристично обозначали такое состояннн выраженнмъ *Λοξά βλέπειν*, или полатынѣ, *limis oculis adspicere*. Я думаю, каждый могъ подмѣтить, какъ карикатурно обнаруживается на лицѣ косьхъ выраженнн чего бы то ни было. Радость или какое нибудь другое хорошее чувство, вмѣсто того, чтобы облагораживать ихъ лицо, придаетъ ему еще болѣе безобразнн. Сознаннн между прочнмъ отсутствнн всякой выразительности въ подобныхъ малоподвижныхъ глазахъ заставляеть прибѣгать въ извѣстнмъ операцнмъ, часто съ единственною цѣлью освободиться отъ такого ихъ недостатка. Это все даетъ возможность придти въ тому заключеннн, что выразительная способность глазъ есть результатъ не какихъ нибудь особенныхъ неосвязаемыхъ свойствъ глазъ, а лишь результатъ какъ движеннн этихъ органовъ,

такъ и болѣе или менѣе нормальнаго состоянія придаточныхъ ихъ частей.

Изъ этихъ послѣднихъ преимущественно вѣки играютъ въ этомъ отношеніи важную роль. Отсутствие ихъ, какъ это можно предполагать изъ упомянутыхъ разсужденій относительно сильнаго раскрытія глаза, должно лишать этотъ послѣдній его выразительной способности. Даже болѣе или менѣе измѣненное положеніе вѣкъ влияетъ значительно на выраженіе глазъ; это преимущественно касается разрѣза вѣкъ.

Такъ большіе глаза, т. е. лучше сказать глаза, съ широкимъ разрѣзомъ вѣкъ, мы наз. преимущественно выразительными; малые же, т. е. съ уменьшенною вѣрнѣе щелью, не вполне способны въ этомъ отношеніи. Но вотъ стоитъ только вслѣдствіе какой бы то ни было причины въ большемъ глазѣ увеличиться разрѣзу вѣкъ еще на какую нибудь линію, и прежде столь выразительные глаза лишаются окончательно этой способности, такъ что, во избѣжаніе появляющагося въ нихъ отсутствія всякаго выраженія и вообще безобразія, мы прибѣгаемъ къ известной операціи тарсорафіи, частичному сшиванію вѣкъ, что возвращаетъ опять глазамъ ихъ потерянное въ разсматриваемомъ отношеніи достоинство. Тоже самое бываетъ и въ противоположномъ состояніи. Сильное уменьшеніе разрѣза вѣкъ, заставляющее насъ, какъ известно, называть эти глаза малыми, въ тоже время заставляеть насъ предполагать не вполне лестныя душевныя качества у обладателей этихъ глазъ. Но увеличивая оперативнымъ путемъ разрѣзъ вѣкъ, открывая по-болше глазное яблоко, мы измѣняемъ выраженіе ихъ, а затѣмъ и мѣняемъ самое сужденіе о внутреннемъ строѣ нравственной жизни этого субъекта. Но еслибы только такъ легко можно было измѣнять эту послѣднюю!

И такъ изъ этихъ общихъ фактовъ довольно ясно слѣдуетъ, что эти двѣ складки кожи, назыв. нами вѣками, эти придаточныя части глазъ, могутъ имѣть столь важное вліяніе на ихъ выразительность. Это вліяніе вѣкъ еще болѣе становится важнымъ отъ способности ихъ производить извѣстныя движенія по поверхности глаза. Управляя по произволу этими движеніями, мы можемъ рождать въ окружающихъ съ одной стороны тѣ различныя понятія о величинѣ глазъ, и слѣдовательно о ихъ выразительности, затѣмъ мы можемъ при помощи вѣкъ измѣнять влажность глазъ, что тоже имѣетъ значеніе въ извѣстномъ отношеніи.

Извѣстно, что вѣки обладаютъ особенными железками выдѣляющими маслянистую жидкость, увлажняющую поверхность глаза. Болѣе или менѣе свободное движеніе вѣкъ производитъ равномерное распространеніе этой жидкости по поверхности передней части глазнаго яблока. Энергическія движенія и сжатіе вѣкъ какъ бы очищаютъ поверхность глаза отъ этой жидкости, вслѣдствіе чего, въ этомъ послѣднемъ случаѣ получаютъ болѣе блестящіе глаза, характеризующіе болѣе раздражительное состояніе человѣка; между тѣмъ какъ слабыя, лѣнныя движенія вѣкъ по главному яблоку покрываютъ его значительнымъ слоемъ маслянистой жидкости, что производитъ впечатлѣніе тѣхъ томныхъ глазъ съ поволокой, которые составляютъ принадлежность извѣстныхъ состояній, особенно томительной и преимущественно сладострастной нѣги. И такъ мы видимъ, что значительная часть выразительности взгляда зависитъ не только отъ глазъ, но и отъ окружающихъ частей, извѣстныя движенія и другія отправленія которыхъ придаютъ то или другое выраженіе самому взгляду.

Даже болѣе отдаленныя части глаза, какъ брови, тоже

своими движеніями способствуютъ значительно появленію того или другого выраженія, отыскиваемаго нами лишь въ глазахъ. Такимъ образомъ извѣстно впечатлѣніе сдвинутыхъ и опущенныхъ бровей, какъ признакъ выраженія сердитыхъ глазъ; далѣе приподнятыя брови, безъ соотвѣтствующаго приподнятія вѣкъ, заставляютъ насъ читать удивленіе въ глазахъ; наконецъ приподнятыя брови, при опущенныхъ вѣкахъ, обнаруживаютъ въ глазахъ особенное утомленіе, отсутствіе энергіи, или по крайней мѣрѣ присутствіе въ значительной степени сонливости.

Опущенныя умѣренно брови, при раскрытыхъ вѣкахъ, придаютъ глазамъ выраженіе серьезности и осмысленности, хотя это указываетъ болѣе на раздражительность глазъ относительно свѣта, нежели на степень той умственной сосредоточенности или серіозности, которую мы приписываемъ этимъ личностямъ.

Таково въ самыхъ общихъ краткихъ чертахъ вліаніе какъ присутствія такъ и движенія окружающихъ частей на выраженіе глазъ и на способность его измѣняться.

Теперь намъ слѣдуетъ поговорить о вліаніи движенія самихъ глазъ на ихъ выраженіе. Я уже сказалъ, какое вліаніе имѣетъ отсутствіе подвижности глазъ на ихъ выразительность. Какъ извѣстно, движенія глазами мы производимъ чрезвычайно разнообразныя, для чего каждый изъ нашихъ глазъ обладаетъ шестью назначенными для этой цѣли мышцами. Глаза производятъ свои движенія около одной почти неподвижной точки, лежащей нѣсколько сзади отъ середины его или центра, не подаваясь почти нисколько въ стороны. Оба глаза производятъ движенія въ нормальномъ состояніи въ одно и тоже время, причемъ главная цѣль этихъ движеній заключается въ томъ, чтобы направить, или лучше сказать, свести зрительныя оси нашихъ глазъ на разсматриваемый предметъ; этого достигаемъ мы при помощи внутреннихъ пра-

мыхъ мышцъ глаза, т. е. тѣхъ мышцъ, которыя лежатъ съ внутренней или носовой части его и которыя участвуютъ при всякомъ разсматриваніи болѣе близкихъ предметовъ. Чѣмъ ближе разсматриваемый предметъ, тѣмъ сильнѣе необходимо сокращеніе этихъ внутреннихъ мышцъ, потому что необходимо болѣе сильное сведеніе осей зрѣнія, чтобы онѣ перекрещивались на разсматриваемомъ предметѣ. Изъ этого положенія глазъ мы всегда заключаемъ о томъ, каковъ предметъ разсматриваетъ наблюдаемый нами субъектъ. Мы мысленно проводимъ линію отъ средины зрачковъ и замѣчаемъ гдѣ перекрещиваются онѣ, и такимъ образомъ получаемъ свѣдѣнія о предметѣ или мѣстѣ, которые привлекаютъ вниманіе интересующаго насъ субъекта. Фактъ этотъ вѣренъ и несомнѣненъ, хотя относительно его мы иногда и наталкиваемся на противорѣчія.

И такъ большее или меньшее сведеніе зрительныхъ линій глазъ необходимо для разсматриванія болѣе или менѣе близкихъ предметовъ.

Такое положеніе глазъ, въ которомъ они разсматриваютъ что нибудь, заставляетъ насъ предполагать вниманіе къ чему бы то ни было, особенный интересъ къ разсматриваемому, слѣдовательно извѣстное движеніе мысли. Отсутствие способности давать такое положеніе глазамъ, вслѣдствіе недостатка дѣятельности которой нибудь изъ существующихъ для этой цѣли внутреннихъ прямыхъ мышцъ, лишаетъ глаза способности выразить этотъ интересъ къ чему бы то ни было, и вообще какую бы то ни было мысль; глаза тутъ выражаютъ очень немного, или одни лишь отрицательныя свойства. Такое положеніе наши глаза принимаютъ всегда тогда, когда мы задумываемся о чемъ нибудь, когда мысль наша блуждаетъ очень далеко отъ насъ, безъ всякаго интереса къ окружающимъ насъ предметамъ.

Совершенно противоположное состояніе бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти мышцы бываютъ нѣсколько сокращены, а свободное разведеніе глазъ затруднено; глаза имѣютъ тутъ всегда такое положеніе, какъ будто бы они постоянно рассматриваютъ что нибудь пристально, вслѣдствіе чего мы привыкаемъ эти глаза видѣть одушевленными особеннымъ постояннымъ присутствіемъ мысли, особенной сосредоточенностью, осмысленностью. Такіе глаза, которые удобнѣ всего выражаютъ лучшее настроеніе духовной стороны человѣка, или, лучше сказать, такое положеніе глазъ мы всегда видимъ въ портретахъ такъ наз. умныхъ людей, но рѣдко на фотографическихъ карточкахъ. Фотографы не обращаютъ много вниманія на значеніе конвергенціи глазъ относительно ихъ выраженія, т. е., не обращаютъ вниманія на разстояніе отъ фотографируемаго того предмета, на который заставляютъ направлять глаза, во время фотографированія. Предметъ этотъ большею частью бываетъ слишкомъ удаленъ, сведеніе осей глазъ едва замѣтно, и вотъ получается то положеніе ихъ, которое бываетъ при отсутствіи вниманія, получается лицо, украшенное, большею частью, очень незначительною долей присутствія мысли. Въ этомъ же заключается причина того, почему очень большіе фотографическіе портреты въ этомъ отношеніи выходятъ всегда лучше, такъ какъ, при приготовленіи ихъ, приборъ ставятъ близко къ фотографируемому, и снимающій, заставляя обыкновенно смотрѣть на вѣя камеры, даетъ фотографирующемуся возможность глядѣть съ болѣе сведенными глазами, а это самое даетъ глазамъ выраженіе извѣстной осмысленности. И такъ изъ всего сказаннаго видно, что извѣстное выраженіе въ глазахъ, которое мы стараемся находить, и дѣйствительно, по видимому, находимъ въ нихъ, не есть слѣдствіе особеннаго ихъ свойства выражать

присутствіе какой нибудь способности въ чловѣкѣ, а единственно есть слѣдствіе извѣстнаго положенія ихъ въ данной моментъ, или, лучше сказать, результатъ извѣстнаго ихъ движенія.

Въ этомъ лучше всего можно убѣдиться при разсматриваніи лучшихъ произведеній искусства, произведеній лучшихъ художниковъ. Разсматривая портреты безспорно умныхъ людей, съ замѣчательнымъ такъ называемымъ выраженіемъ ума въ глазахъ, если мы обратимъ вниманіе на отдѣлку этого зеркала души, то увидимъ, что отдѣлка эта до крайности проста. Мы находимъ что самымъ грубымъ образомъ сдѣланъ кружокъ, который изображаетъ собой зрачекъ, затѣмъ въ одномъ мѣстѣ кучу бѣлилъ, которая означаетъ блескъ глазъ, или отраженіе свѣта, вотъ и все. И если во время приготовленія портрета, онъ выходитъ неудачно и художникъ старается поправить его, то, какъ это легко можно наблюдать въ различныхъ картинныхъ галлерейхъ, онъ исправляетъ всегда другія части лица, но ничего не измѣняетъ въ глазахъ. Эти послѣдніе не нуждаются нисколько въ какой бы то ни было отдѣлкѣ; для нихъ нужна лишь извѣстная постановка, а остальное уже дополняется нашимъ воображеніемъ, водъ впечатлѣніемъ остальныхъ деталей.

Точно тоже слѣдуетъ сказать и о способностяхъ глазъ выражать другія движенія души. Тутъ часто впечатлѣніе, производимое на насъ глазами, есть результатъ не только вѣстныхъ движеній этихъ послѣднихъ, но и движеній всего туловища.

Такимъ образомъ во многихъ знаменитыхъ картинахъ, гдѣ замѣчаемъ въ глазахъ, по видимому, выраженіе особенной нѣжности, или особеннаго искреннѣйшаго соучастія, мы находимъ, что глаза здѣсь сдѣланы тоже крайне грубо

и что впечатлѣніе, вызываемое ими въ зрителяхъ, есть результатъ другихъ движеній и большею частью движеній цѣлаго организма. Какъ извѣстно, движенія глазъ большею частью связаны съ извѣстными движеніями головы. Эта связь чисто органическая, т. е., что, какъ показали между прочимъ мои опыты, въ мозгу находится органъ, который въ одно и тоже время управляетъ движеніями какъ головы такъ и глазъ по извѣстному направленію. Такимъ образомъ раздраженіе праваго передняго холмика, принадлежащаго той части средняго мозга, которая носитъ названіе четырехолмія, какъ слѣдуетъ изъ сказанныхъ опытовъ, вызываетъ поворачиваніе глазъ, а затѣмъ и головы, на лѣво. Раздраженіе лѣваго холмика—движеніе означенныхъ частей на право. Эта природная комбинація движеній головы и глазъ въ одну и ту же сторону повторяется нами большею частью въ жизни, и, пользуясь этими движеніями вполнѣ, или разъединяя ихъ, мы вызываемъ въ другихъ извѣстное впечатлѣніе, источникъ котораго они, по видимому, находятъ въ однихъ глазахъ.

И такъ, какъ замѣчено только что, всякое движеніе глазъ въ сторону, должно, на основаніи присутствія общихъ центровъ для иннерваціи этихъ движеній, сопровождаться соответствующими движеніями въ сторону и головы. Мы обыкновенно всегда такъ и поступаемъ и, къ извѣстнымъ движеніямъ глазъ въ сторону, присоединяемъ всегда извѣстныя поворачиванія туда-же головы.

Нарушеніе этой природной естественной комбинаціи движеній обнаруживаетъ въ глазахъ выраженіе чего-то ненормальнаго, непріязненнаго. Однако такую дисгармонію въ этихъ движеніяхъ мы довольно часто замѣчаемъ на неудавшихся фотографическихъ карточкахъ. Фотографы чрезвычайно часто погрѣшаютъ въ томъ отношеніи, что движенія глазъ

въ сторону не комбинируютъ съ равномернымъ поворачиваніемъ головы. Устанавливая извѣстными подставками голову неподвижно, съ лицомъ, направленнымъ впередъ, они указываютъ въ то же время предметъ для фиксаціи слишкомъ далеко въ сторонѣ, отъ чего, вслѣдствіе негармоническаго движенія глазъ и головы, получается неестественное въ нихъ выраженіе.

Впрочемъ часто мы сами произвольно нарушаемъ эту гармонию. Такъ если обстоятельства заставляютъ насъ удерживать движеніе головы и произвести движеніе одними только глазами, то получается тотъ, всѣмъ извѣстный, особенный взглядъ, обозначаемый обыкновенно именемъ взгляда, брошеннаго украдкой. Стоитъ таковой взглядъ остановить на комъ нибудь подольше, то мы можемъ уже читать въ этихъ глазахъ особенное выраженіе симпатіи къ тому предмету, на который брошенъ такой взглядъ, и считать его вызовомъ къ тайному обмѣну тѣмъ-же. Если же, изъ желанія еще болѣе скрыть этотъ украдкой бросаемый взглядъ, къ нему будетъ присоединено еще нѣкоторое опущеніе верхнихъ вѣкъ, то въ глазахъ получается особенное выраженіе болѣе значительной нѣжной симпатіи, съ примѣсю нѣкотораго кокетства въ то же время, однимъ словомъ тотъ взглядъ, изъ котораго можно заключать очень много тому, къ кому онъ обращенъ. И если такія условія положенія головы, вѣкъ и глазъ, будутъ выполнены на картинѣ, то какъ бы глаза ни были грубо отдѣланы, мы всегдъ будемъ въ состояніи читать въ этихъ глазахъ выраженіе нѣжнаго чувства, забывая, что сами глаза тутъ не при чемъ. Вообще извѣстныя положенія головы и всего туловища очень удобны для того, чтобы заставить, что называется, въ глазахъ выразить чувство особеннаго расположенія и вниманія, подобно тому, какъ извѣстная степень движенія глазъ внутри,

при сдвинутыхъ нѣсколько бровяхъ, заставляетъ насъ читать въ глазахъ выраженіе особеннаго присутствія интеллектуальныхъ способностей.

Если мы выражаемъ къ чему нибудь особенное вниманіе, то смѣло поворачиваемъ все лицо къ рассматриваемому предмету и смотримъ пристально, какъ выражаются, въ оба глаза. Это уже такое естественное, легко объяснимое движеніе, такъ прямо говорящее за себя, что останавливаться на немъ не стоитъ. Оно особенно рѣзко выступаетъ тогда, когда къ вниманію присоединяется еще значительная доля расположенія. И если художники желаютъ выразить на лицѣ представляемаго ими субъекта подобное же чувство, то они, при совершенно другомъ положеніи туловища, голову и шею заставляютъ изгибать такъ, чтобы лицо было, по возможности, вполне обращено къ предмету, который поглощаетъ вниманіе и пользуется расположеніемъ рисуемаго субъекта. Такую позу мы замѣчаемъ на картинахъ, изображающихъ больныхъ и наклоненныхъ надъ ними близкихъ къ нимъ особъ, въ глазахъ которыхъ мы только тогда, повидимому, находимъ выраженіе полнаго сочувствія, когда шея изогнута такъ, что лицо смотритъ прямо въ лицо лежащаго больного. Да впрочемъ такія же позы мы невольно сами всегда принимаемъ при подобныхъ обстоятельствахъ. Точно тоже замѣчаемъ мы на картинахъ, выражающихъ чтеніе нѣсколькими лицами одной книги, и чѣмъ болѣе художникъ желаетъ выразить въ читающихъ вниманія къ читаемому, тѣмъ сильнѣе заставляютъ онъ изгибать шею и приближать головы другъ къ другу, такъ чтобы лица прямо направлены были къ книгѣ.

Но, при подобныхъ положеніяхъ, мы находимъ въ глазахъ особенное выраженіе симпатіи лишь въ такомъ случаѣ, когда зрительныя оси глазъ будутъ перекрещиваться

на томъ предметѣ, къ которому обращено бываетъ лицо. Если же эти условія не соблюдены, то получается выраженіе совершенно другаго чувства, чувства пренебреженія, или вѣрнѣе презрѣнія. Это послѣднее выраженіе въ томъ и заключается, что мы, при явномъ обращеніи нашего лица къ прозрачному предмету, въ то же время разсматриваемъ нашими глазами на этотъ предметъ, но смотримъ сквозъ него.

Такимъ образомъ самое слово наше „презрѣніе“ есть какъ бы извѣстное выраженіе „чрезрѣніе“. Да и въ самомъ дѣлѣ, то, что мы выражаемъ нашимъ взглядомъ въ этомъ случаѣ, есть лишь выраженіе высшей степени пренебреженія, когда игнорируемъ мы на столько находящійся предъ нами предметъ, что глазами какъ будто не замѣчаемъ его, и смотримъ сквозъ. И такъ и здѣсь, въ нашемъ зеркалѣ души, какъ бы ни идеализировали его поэты, мы видимъ не что нибудь особенное, а лишь извѣстную форму движенія.

Я могъ бы разобрать такимъ же образомъ и всѣ другіе наши душевныя движенія и ощущенія, какъ здоровыя, такъ и относящіяся къ субъективному міру болѣзненной фантазіи, но всѣ они основаны тоже на извѣстномъ лишь движеніи глазъ, почему разбирать ихъ далѣе, значило бы впасть уже въ излишнія повторенія.

И такъ, Мн. Гг., языкъ нашихъ глазъ, какъ бы онъ ни былъ ясенъ, есть результатъ извѣстнаго рода ихъ движеній, такъ какъ въ подвижности глазъ и въ подвижности окружающихъ ихъ частей и заключается вся ихъ выразительная способность. Приведенные примѣры, я думаю, достаточно доказываютъ это. Причина другаго мнѣнія, относительно выразительной способности глазъ, произошла вслѣдствіе смѣшенія цѣли со средствами.

Всякое свободное движеніе дѣлается всегда съ извѣстнымъ

намѣреніемъ. Такимъ образомъ всякое движеніе глазъ есть результатъ тоже извѣстнаго предсущствующаго намѣренія. Такъ какъ движеніе тутъ происходитъ очень быстро, то мы спѣшимъ схватить лишь результатъ этого движенія, выражающаго извѣстную цѣль, т. е., другими словами, не примѣчаемъ произведенныхъ движеній, а стараемся схватить лишь цѣль, съ которою они дѣлаются. Цѣль эту, это предсущствующее намѣреніе, мы считаемъ за что-то самостоятельное, ни съ чѣмъ несвязанное, свойственное одному лишь глазу, движеній котораго тутъ мы не примѣчаемъ. Между тѣмъ какъ эти послѣднія составляютъ все. Въ этихъ обширныхъ движеніяхъ, или лучше въ этой подвижности глазъ заключается между прочимъ и значительная степень красоты ихъ. Я думаю, въ настоящее время уже сдѣлался общимъ достояніемъ фактъ, что всякая пластическая красота есть результатъ дѣйствительныхъ или кажущихся движеній. И дѣйствительно, мы всегда соединяемъ выраженіе красоты съ извѣстнаго рода движеніями. Возьмите самое лучшее произведеніе скульптуры или живописи, сдѣланное съ цѣлью представить намъ извѣстный образецъ прекраснаго, мы замѣчаемъ, что во всѣхъ этихъ произведеніяхъ собственно представлено извѣстнаго рода движеніе.

Такимъ образомъ во всѣхъ статуяхъ, во всѣхъ картинахъ, схвачено лишь какое нибудь движеніе, и чѣмъ удачнѣе представлено это движеніе, тѣмъ сильнѣе производимое на насъ впечатлѣніе красоты. Муміеобразная неподвижность, какъ бы удачно она представлена ни была, никогда не въ состояніи вообудить въ насъ чувства прекраснаго. Тоже самое относится и къ глазамъ.

Ихъ красота, кромѣ вышесказанной причины, заключается и въ ихъ подвижности. А такъ какъ эти свойства, осо-

бенно въ своихъ болѣе тонкихъ проявленіяхъ, преимущественно свойственны женскому полу, то въ этомъ заключается причина особенной способности органа зрѣнія этого пола возбуждать въ насъ чувство прекраснаго и сильнѣе выражать различныя внутреннія движенія.

Но, низводя такимъ образомъ на почву матеріальную эти, по видимому, неуловимыя, отличительныя и даже возвышенныя свойства нашего органа зрѣнія, я спѣшу снять съ себя обвиненіе въ какомъ бы то ни было отрицательномъ направленіи моего научнаго взгляда, т. е. въ стремленіи отрицать существованіе какихъ бы то ни было фактовъ.

Все высказанное до сихъ поръ имѣло цѣлью болѣе поясненіе, нежели отрицаніе. Правда, много явленій въ природѣ теряетъ свою привлекательность послѣ болѣе близкаго знакомства съ ними, послѣ болѣе тщательнаго ихъ анализа. Но если въ этихъ явленіяхъ лежитъ значительная доля прекраснаго, то никакой анализъ не въ состояніи уничтожить въ развитомъ субъектѣ этого послѣдняго впечатлѣнія. Все это относится и къ глазамъ; почему, какъ бы не былъ строгъ анализъ ихъ способности выраженія и производимаго ими на насъ впечатлѣнія, это выраженіе все-же будетъ имѣть свою силу.

Въ извѣстное время, подъ вліяніемъ извѣстныхъ впечатлѣній, мы всегда, не смотря ни на какіе анализы и отрицанія, будемъ искать во взглядѣ, имѣющихъ для насъ значеніе лицъ, одинъ разъ утѣшенія, другой разъ одобренія, тамъ поддержки, тутъ взаимности. И зная, что всѣ эти выраженія не есть слѣдствіе безотчетнаго вліянія на насъ какого нибудь электричества или нервнаго магнетизма, а результатъ извѣстной цѣли, извѣстнаго произвольнаго намѣренія, мы еще болѣе въ состояніи будемъ положиться на нихъ. Почему и я, не смотря на приведенный анализъ, нисколько не намѣренъ

уменьшить своего довѣрія къ выраженію взгляда нашихъ глазъ и, въ силу этого довѣрія, не нахожу ничѣмъ болѣе удобнымъ закончить эту рѣчь, какъ лишь заявленіемъ желанія, чтобы Вы, Мм. Государыни и Мм. Государя, расходясь съ нашего собранія, да и проходя мимо этого достойнѣйшаго учрежденія, бросали бы на него не тотъ, мало выражающій взглядъ, съ параллельными осями зрѣнія, взглядъ полнаго равнодушія, съ которымъ значительная часть нашего общества, — невѣ обиду ему будь сказано, — привыкла обращаться къ этому хранилищу науки, но дарилъ бы его тѣмъ хотя украдкой бросаемымъ взглядомъ, но взглядомъ полной симпатіи, которую поддерживать мы, какъ вѣрные слуги науки, всегда считаемъ нашею пріятнѣйшею обязанностью.

8 Октября 1872 года.

Е. Адамюкъ.

КОММУНА

СРЕДНЕВѢКОВОЙ ФРАНЦІИ

СѢВЕРНОЙ ПОЛОСЫ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ПОЛИТИЧЕСКИМЪ РОСТОМЪ ТРЕТЬЯГО СОСЛОВІА.

ВВЕДЕНІЕ.

Вопросъ о происхожденіи и историческомъ развитіи городскихъ общинъ во Франціи, тѣсно связанный съ исторіей средняго сословія этого государства, есть одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ французской исторіи. Исторія городовъ и ихъ дѣятельнаго, промышленно-торговаго населенія, которое мало по малу, шагъ за шагомъ, отвоевывало себѣ гражданскія и политическія права—есть исторія постепеннаго развитія всего французскаго общества. Каждый успѣхъ средняго сословія былъ ударомъ для феодализма; развитіе городской жизни, вмѣстѣ съ усиленіемъ королевской власти, было главною причиною разрушенія средневѣковаго феодальнаго порядка и созданія новыхъ соціальныхъ отношеній. Высшій научный интересъ для изслѣдователя представляетъ это внезапное возстаніе городовъ на борьбу съ феодалами, которое съ XII вѣка проявляется не только на всѣхъ пунктахъ французской территоріи, но и во всѣхъ государствахъ Западной Европы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи свобода городскихъ общинъ добывается единодушнымъ возстаніемъ горожанъ и вслѣдствіе упорной борьбы съ феодальнымъ владѣтелемъ, въ другихъ пунктахъ эта свобода приобрѣтается путемъ повидимому мирнаго соглашенія съ баронами. Одни

города добываютъ себѣ права, другіе падаютъ въ неровной борьбѣ; но повсюду видимъ жажду свободы, желаніе выйти въ другое, лучшее положеніе. Это всеобщее стремленіе предполагаетъ и общія причины, вытекающія изъ всего предшествующаго хода историческаго развитія. Опредѣлить причины этой революціи,—значитъ изучить предшествующую исторію Франціи, исторію того общества и тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя возникли на Галльско-Римской почвѣ, со времени нашествія Франковъ. Дольше всматриваясь въ организацію городовъ, которая была послѣдствіемъ этого общественнаго переворота, примѣчаемъ чрезвычайное разнообразіе городского устройства, которое впрочемъ сводится къ нѣсколькимъ болѣе общимъ группамъ. Задача историка показать отличительныя черты каждой изъ этихъ группъ и указать причины, почему въ извѣстной полосѣ французской территоріи преобладало такое, а не другое направленіе городской жизни, извѣстный характеръ городского устройства. Затѣмъ историкъ постоянно долженъ имѣть въ виду значеніе королевской власти въ великомъ фактѣ освобожденія городскихъ общинъ отъ феодальнаго гнета. Его долгъ опредѣлить надлежающую мѣру этого участія королей, которому въ исторической литературѣ обыкновенно приписывали больше значенія, чѣмъ оно имѣло въ дѣйствительности. Затѣмъ, послѣ изученія этого начала городской жизни, предстоитъ задача показать постепенный ростъ городскихъ учреждений,— сначала внутри самой муниципальной организаціи, которая была такъ сказать колыбелью третьяго сословія, а потомъ указать значеніе этого сословія на болѣе широкой политической аренѣ, когда оно выступаетъ какъ политическая сила, какъ равноправное съ другими сословіемъ на Собраніяхъ Государственныхъ Чиновъ,—этихъ *États-Généraux*, имѣвшихъ огромное значеніе во французской исторіи. При изученія этого роста средняго сословія постоянно нужно имѣть въ виду другія сословія французской націи,— феодальное дворянство и духовенство, пользовавшееся тоже феодальными правами. Съ этими общественными элементами городское сословіе находится въ постоянной борьбѣ, ходъ и характеръ которой опредѣляютъ направленіе историческаго развитія городской жизни въ средніе вѣка. Постоянное вмѣшательство въ эту борьбу королевской власти составляетъ новый важный элементъ, оказывающій рѣшительное вліяніе на судьбу

городской свободы во Франціи. Поэтому при изученіи коммуна и ихъ гражданскаго и политическаго роста въ средніе вѣка постоянно нужно имѣть въ виду отношеніе феодализма и королевской власти къ городскому сословію.

Борьба городскихъ общинъ съ феодалами проходитъ нѣсколько послѣдовательныхъ ступеней. Кто желаетъ уловить истинный характеръ этой борьбы въ ея историческомъ развитіи, тотъ долженъ имѣть въ виду, что каждый изъ элементовъ, замѣшанныхъ въ этой борьбѣ, не былъ элементомъ неподвижнымъ, застывшимъ, такъ сказать, въ известной формѣ, наложенной на него известной эпохой. Въ исторіи нѣтъ ничего неподвижнаго. Историческій процессъ развитія не есть только равнодѣйствующая известныхъ данныхъ силъ, но есть результатъ силъ постоянно измѣняющихся, постоянно дѣйствующихъ другъ на друга, и въ этомъ взаимнодѣйствіи создающихъ живой общественный и политическій организмъ, подобно тому какъ живыя силы природы взаимнымъ воздѣйствіемъ создаютъ ея живые организмы.

Нельзя сказать, чтобы всѣ вопросы, касающіеся коммунальной исторіи во Франціи, были окончательно рѣшены французской исторической школой. Исторія городовъ, городской жизни, есть одна изъ самыхъ трудныхъ, самыхъ сложныхъ частей французской исторіи. Она связана съ изученіемъ всѣхъ сторонъ жизни французскаго народа. Притомъ коммунальная исторія чрезвычайно разнообразна, смотря по мѣстнымъ особенностямъ. Каждый городъ, каждый бургъ имѣютъ свою исторію. Феодализмъ представляетъ, по крайней мѣрѣ въ полномъ своемъ развитіи, стройную систему и нѣкоторое однообразіе. Мѣстные оттѣнки феодальныхъ отношеній не очень значительны. Разница въ феодальныхъ отношеніяхъ существуетъ только на Югѣ и Франціи, гдѣ феодализмъ не успѣлъ пустить слишкомъ глубокихъ корней. Можно сказать, что организація и исторія каждой коммуны имѣютъ свою индивидуальность. Для окончательныхъ выводовъ слѣдовало бы изучать каждую коммуну отдѣльно, и затѣмъ путемъ исторической индукціи сдѣлать общіе выводы. Но это составляетъ только постулатъ науки. Множество документовъ хранится еще въ городскихъ архивахъ. Покуда изданы только архивы и документы, касающіеся Амьена и Реймса. Амьень можетъ быть названъ типомъ коммуны сѣверной полосы Франціи, коммуны въ ея строгомъ смыслѣ.

Реймсъ служитъ прекраснымъ образцемъ епископальнаго города, путемъ упорной борьбы стремящаго организовать въ чистый типъ коммуны. Это—представитель городовъ центральной полосы Франціи. Потому, на основаніи изданныхъ документовъ, спеціальное изслѣдованіе внутренней организаціи и исторіи городовъ Амьена и Реймса всего лучше можетъ познакомить насъ съ развитіемъ городской жизни въ сѣверной и средней полосѣ Франціи. Подобное изученіе глубже введетъ насъ въ городскую жизнь среднихъ вѣковъ, чѣмъ изученіе общихъ законодательныхъ, административныхъ и финансовыхъ мѣръ, которыми французское правительство старалось регламентировать пеструю жизнь городовъ. Прежде чѣмъ удалось королевской власти наложить эту однообразную форму на городскія общины, онѣ долго жили самостоятельной жизнью. Вотъ эту-то оригинальную жизнь, съ ея мѣстными красками, съ ея индивидуальнымъ характеромъ,—всего лучше изучать въ стѣнахъ одного города. Тутъ цѣлый оригинальный міръ, исторія котораго съ разными оттѣнками повторяется на каждомъ почти пунктѣ французской территоріи. вмѣсто общихъ сухихъ положеній, вмѣсто перечня королевскихъ ординансовъ, статутовъ, эдиктовъ и т. д.,—видишь картину самой жизни, въ высшей степени оригинальную. Вы чувствуете осязательно эту средневѣковую борьбу городскихъ общинъ съ феодалами, которая въ общихъ историческихъ сочиненіяхъ дѣлается какимъ-то отвлеченнымъ понятіемъ. Вы любуетесь на эту промышленную, торговую дѣятельность богатаго города, которая кипитъ на улицахъ, рынкахъ, въ лавкахъ, въ огромныхъ мастерскихъ. Живое знакомство съ разнообразными сторонами городской жизни можно приобрести только на основаніи мѣстныхъ городскихъ архивовъ. Но слишкомъ уже увлекаться индивидуальной жизнью общины тоже было бы невыгодно для историка. Значеніе коммунъ въ общемъ ходѣ историческаго развитія Франціи должно быть изучаемо на болѣе широкой аренѣ. При изученіи извѣстной коммуны нужно постоянно имѣть въ виду общій ходъ исторіи третьяго сословія, направляемый высшею, правительственною властью; а потому необходимо обращать вниманіе на развитіе государственныхъ, судебныхъ, финансовыхъ, полицейскихъ учреждений, источникомъ которыхъ постепенно дѣлалась королевская власть. Тогда только поймешь, какимъ образомъ изъ пестраго разнообразія мѣстной жизни возникло

административное единство Франціи. — Кромѣ того жизнь коммуна сама оказывала воздѣйствіе на ходъ и развитіе общественнаго строя Франціи. Французская администрація, французское законодательство многимъ обязаны развитію мѣстныхъ городскихъ учреждений, городского обычнаго права. Коммуна создала третье сословіе, которое еще въ средніе вѣка пріобрѣло огромное значеніе, сдѣлалось важнымъ элементомъ средневѣковаго общества, и съ половины XIV вѣка выразило стремленіе принять участіе въ управленіи государствомъ. Такимъ образомъ намъ предстоитъ тринаого рода задача: изучить внутреннюю жизнь коммуны, внѣшнее на нее дѣйствіе со стороны королевской власти, и воздѣйствіе самой коммуны на ходъ историческаго развитія Франціи, развившееся въ демократическихъ стремленіяхъ третьяго сословія въ XIV вѣкѣ.

Возрожденіе городской жизни во Франціи началось съ конца XI-го вѣка и начала XII-го; это эпоха освобожденія коммуна и начала ихъ исторіи. Поэтому намъ слѣдовало бы начать наше изложеніе съ указанія причинъ и характеристики этого соціального переворота. Но мы не можемъ обойтись безъ предварительнаго знакомства съ исторіей городовъ и городского населенія и въ предшествующую эпоху, именно со времени паденія римскаго владычества въ Галліи. Безъ этого изученія нельзя понять того важнаго общественнаго переворота, сигналомъ для котораго послужила коммунальная революція. Причины его кроются въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя возникли на развалинахъ Западной Римской Имперіи. Тогда только мы получимъ возможность оцредѣлить тѣ черты различія, какія представляютъ намъ внутреннее устройство и внѣшнія отношенія городовъ разныхъ полось Франціи.

ГЛАВА I.

Послѣ паденія Западной Римской Имперіи древній міръ оставилъ богатое наслѣдство новому. Рушилось владычество Римскихъ Императоровъ. Среди ужасовъ варварскаго нашествія погибла древняя цивилизація, науки, искусства, промышленность и торговля. Но нельзя сказать, чтобы все, что выработана древняя жизнь, исчезло въ этихъ волнахъ варварскаго нашествия. Сохранились пѣкоторые остатки Римскаго права у прежнихъ обитателей Галліи, въ видѣ права

обычнаго. Сохранилась и римская муниципія, какъ хранительница этого права. Тутъ, въ темные вѣка варварства, сохранились нѣкоторыя привычки жизни болѣе цивилизованной, чѣмъ та, грустная картина которой развертывалась на поляхъ Галліи.

Послѣ продолжительной борьбы и хаотическаго броженія, бывшаго первымъ послѣдствіемъ завоеванія въ Галліи, обнаружались двѣ группы людей,—галло-римская и варварская, которыя ничего не имѣли между собой общаго, кромѣ религіи. Они различались неодинаковой полноправностью, законами, обычаями, языкомъ. Aug. Thierry устанавливаетъ нѣкоторый родъ общественной іерархіи членовъ того и другого общества, на основаніи тарифа штрафовъ (Wehrgeld) за убійство или преступленіе противъ личности. Высшая ступень на общественной лѣстницѣ принадлежала свободнымъ франкамъ; потомъ шли свободные римляне, владѣльцы поземельной собственности. Далѣе слѣдовали колонны Германскіе и Римскіе, и наконецъ рабы безъ различія происхожденія. Эти классы общества не равномерно были распределены между городской и сельской жизнью. Знатныя фамиліи патриціевъ при императорскомъ режимѣ жили въ городахъ; они составляли богатый землевладѣльческій классъ муниципій,—муниципальную курію. На поляхъ жили колонны, находившіеся въ полусвободномъ отношеніи къ землевладѣльцамъ, и рабы—въ строгомъ смыслѣ; тѣ и другіе занимались земледѣліемъ. Германцы не любили городской жизни; ихъ отталкивалъ порядокъ этой жизни; имъ не нравилась строгая организація муниципальной администраціи. Каждый свободный Германецъ, получившій въ награду за свои услуги поземельный участокъ, селился среди своихъ полей, окруженный землевладѣльцами Германскаго или Римскаго племени. Изъ Германцевъ жили въ городахъ въ небольшомъ числѣ лица, уполномоченные на то королевскою властію, или тѣ, которые не получили участка земли и принуждены были заниматься какимъ нибудь ремесломъ.

Впослѣдствіи высшіе классы Галльско-Римскаго общества, изъ подражанія Германцамъ, мало по малу переселились изъ городовъ на свои поля. Они пріобрѣли привычки варварской жизни, получили наклонность къ праздности, къ злоупотребленію силой, и отвращеніе отъ регулярной городской жизни. Это происходило особенно на сѣверѣ Франціи,

гдѣ сильнѣе сказались слѣды варварскаго завоеванія. Такимъ образомъ въ городахъ оставался классъ духовенства, немногіе члены прежней куріи⁽¹⁾, и многочисленный классъ ремесленниковъ римскаго и германскаго племени. При такомъ составѣ народонаселенія и въ силу самаго хода событій, римское муниципальное устройство должно было подвергнуться важнымъ измѣненіямъ, которыя на первый разъ клонились даже въ пользу городской свободы. Самую незначительную часть муниципальных привилегій при императорскомъ режимѣ составляли судебныя права курій. Городская магистратура имѣла только право политическаго надзора и суда полицейско-исправительнаго. Городской *defensor* получилъ право суда въ маловажныхъ проступкахъ и сверхъ того могъ производить судебное слѣдствіе. Но *defensor* имѣлъ важное значеніе въ другихъ отношеніяхъ. На немъ лежала обязанность защищать жителей отъ произвола императорскихъ чиновниковъ. Онъ наблюдалъ за правильностью суда, за исполненіемъ законовъ, за правильностью раскладки городскихъ повинностей и за цѣлостью муниципального имущества. Онъ былъ мировой судья, который рѣшалъ дѣла по желанію тяжущихся; онъ былъ адвокатомъ бѣдныхъ и протекторомъ народа противъ злоупотребленій власти и даже дороговизны жизненныхъ припасовъ⁽²⁾. Императорскимъ правителямъ провинціи принадлежала высшая юрисдикція. Во время анархіи франкскаго нашествія, когда эти римскіе администраторы принуждены были удалиться изъ Галліи, подобный порядокъ измѣнился. Все, что приходилось на долю власти императорскихъ *rectores, iudices, praesides, comites, duces* и пр., отошло въ муниципальнымъ властямъ. Эти власти сдѣлались, на первое время, единственными администраторами и судьями въ городѣ и въ предѣлахъ его территоріи⁽³⁾. Судебныя

(1) Augustin Thierry, говоря, что богатые, знатные римляне выселялись изъ городовъ, не дѣлаетъ этой оговорки. Но существованіе въ городахъ знатныхъ потомковъ древнихъ Галльскихъ родовъ при первыхъ двухъ династіяхъ не только на югѣ но даже и на сѣверѣ Франціи доказано въ сочиненіи Ренуара: *Histoire du droit municipal en France*; t. 1, p. 345—351.

(2) Thierry. *Consid.* p. 248.

(3) Savigny. *Histoire du droit romain au moyen âge*; t. 1. chap. V, §§ 1—3.

права муниципіи остались за ней и при графахъ, представителяхъ королевской власти. Графы, имѣвшіе право уголовного и гражданскаго судопроизводства еще въ кантонахъ Германіи, никогда одни не отправляли своихъ судебныхъ обязанностей. Они приглашали въ свои засѣданія представителей фамилій, сообразовались съ ихъ мнѣніемъ ⁽¹⁾. Этотъ обычай перенесенъ былъ Германцами и въ Галлію. Въ городахъ графы приглашали въ свои судебныя засѣданія членовъ куріи, которые кромѣ того имѣли свои независимыя собранія, и продолжали сохранять право на самостоятельную администрацію. Для городовъ южной Галліи, подъ владычествомъ Вестъ-Готскихъ королей, сохранился весьма важный, законодательный памятникъ, который прекрасно знакомитъ насъ съ тѣми измѣненіями въ городской администраціи, которыя возникли при переходѣ отъ римскаго владычества къ варварскому. Это собраніе Вестъ-Готскихъ законовъ, вмѣстѣ съ сокращеніемъ римскаго права, большею частію по *Теоодосіеву кодексу*;—такъ называемый *Breviarium Alaricianum* ⁽²⁾. За каждой статьёй римскихъ законовъ слѣдуетъ ея толкованіе, которое далеко удаляется отъ текста, потому что имѣетъ предметомъ римскія учрежденія въ значительно уже измѣненномъ видѣ. На основаніи этого документа устройство городовъ подъ властію Вестъ-Готскихъ королей представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ каждомъ городѣ высшая власть принадлежала графу, который впрочемъ раздѣлялъ ее съ муниципальной куріей. Онъ смотрѣлъ за сборомъ податей, наборомъ войска; ему принадлежала санкція приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ. Юрисдикція уголовная и гражданская и всѣ частныя сдѣлки принадлежали куріи. Для рѣшенія

⁽¹⁾ Эти люди, засѣдавшіе въ судахъ у Германцевъ назывались лучшими людьми — *beste Manne*, хорошими людьми — *gute Manne*, сильными людьми — *rike Manne*, сильною порукою *Rekin-burghhe*. Это названіе *rachimburgiis* постоянно встрѣчается въ древнихъ Галльско-Франкскихъ актахъ. *Thierry. Rec. des temps Merovingiens; Chap. V. p. 195.* О значеніи этого слова и класса людей, обозначаемого имъ, см. у *Гизо: Essai sur l'histoire de France; T. 1, p. 243.* Гизо говоритъ, что всякій свободный Франкъ назывался такъ; но подобное названіе Германцы могли давать и свободному классу Римлянъ.

⁽²⁾ См. объ этомъ памятникѣ у *Minier: Précis historique du droit Français. p. 52.*

уголовныхъ дѣлъ выбираются пять судей изъ наиболѣе знатныхъ гражданъ. Эти судьи, а также *defensor* и нѣкоторые другіе муниципальные чиновники выбираются всѣмъ составомъ гражданъ, а не одною только куріей, какъ это было при римскомъ владычествѣ ⁽¹⁾. Такое же устройство городского управленія въ городахъ южной Франціи сохранилось и при владычествѣ Франковъ. Бургунды также неприкосновенно оставили городамъ Юго-Восточной Галліи ихъ муниципальное устройство и самоуправленіе. Измѣненіе въ городской администраціи тоже клонилось скорѣе въ пользу муниципальной свободы ⁽²⁾. Съ вѣроятностью можно сказать, что къ сѣверу отъ Луары совершались подобныя же измѣненія въ городской администраціи. Несомнѣнно, что во всѣхъ городахъ, пользовавшихся римскимъ муниципальнымъ устройствомъ, послѣ завоеванія Галліи, курія перестала быть отвѣтственною въ исправномъ взносѣ податей въ королевскую казну. Городскія власти составляли только раскладку этихъ повинностей (*сапоп* или *polurlique*) и представляли графу, который самъ, или черезъ уполномоченныхъ своихъ, занимался ихъ сборомъ. Такъ какъ и прежде муниципальная курія всѣмъ своимъ составомъ отвѣчала за исправный взносъ податей, то при новомъ порядкѣ финансоваго сбора ея положеніе значительно улучшилось. При этомъ курія перестаетъ быть замкнутой корпораціей, состоявшей изъ извѣстнаго только числа патриціанскихъ родовъ. Для поступленія въ нее уже не требуется, какъ прежде, значительнаго поземельнаго ценза; въ нее можетъ поступать всякій, выдающійся изъ среды гражданъ своимъ богатствомъ или личными заслугами. Лучшие люди изъ римскаго сословія и начальники цеховыхъ корпорацій начинаютъ уже принимать участіе въ городскихъ дѣлахъ ⁽³⁾. Въ муниципіи не было судей въ собственномъ смыслѣ; судила вся курія, или извѣстное число куріаловъ. Но не одна курія, какъ при римскомъ владычествѣ, но и вся мас-

⁽¹⁾ О муниципальномъ режимѣ Римской имперіи въ V вѣкѣ у Гизо: *Essai sur l'histoire de France. Premier essai.*

⁽²⁾ Raynouard. *Hist. du droit municipal en France.* t. II, pp. 38, 316, 331.—Savigny. p. 299, 311, 312.

⁽³⁾ A. Thiery. *Considerat. sur l'histoire de France.* p. 199. Въ Парижѣ, напримеръ, корпорація разныхъ торговцевъ, *nautae mercatores*, въ это время едва уже отлучается отъ куріи.

са городского населенія уже начинаетъ оказывать большое вліяніе на ходъ городскихъ дѣлъ. Собранія клира и мірянъ подъ предсѣдательствомъ епископа уже не рѣдкость. Епископы обыкновенно выбираютъ соединеннымъ собраніемъ клира и мірянъ. Епископъ постепенно приобрѣтаетъ огромное значеніе въ городской администраціи и юрисдикціи. Къ нему перешли всѣ права городского дефенсора (*defensoris urbis*), который, какъ мы видѣли, въ послѣднее время римской имперіи приобрѣлъ огромное значеніе въ городѣ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ муниципіяхъ дефенсоры, хотя и въ подчиненномъ отношеніи къ епископу, продолжаютъ нѣкоторое время существовать; но съ теченіемъ времени эта должность совсѣмъ исчезаетъ, и ея права и обязанности окончательно переходятъ къ епископу. Вглядываясь въ общій характеръ этихъ измѣненій въ муниципальномъ устройствѣ, мы видимъ въ немъ бѣльшее преобладаніе демократическаго элемента, чѣмъ при императорскомъ управленіи. Наслѣдственная и аристократическая власть куріи мало по малу преобразуется въ избирательную, и въ большей или меньшей степени дѣлается доступною всему городскому сословію. Между коллегіей городскихъ начальниковъ и цѣлымъ составомъ гражданъ мы не встрѣчаемъ уже посредствующей корпораціи, которую составляла въ римской муниципіи курія. Судебныя и административныя должности даются народомъ. Время отправления этихъ должностей ограничивается большею частію однимъ только годомъ. Это ограниченіе служило важной гарантіей муниципальной свободы.

Но подобныя переходныя условія не могли долго продолжаться. Въ числѣ городскихъ властей была власть, которая значительно перевѣшивала всѣ прочія,—это власть епископа. Разныя обстоятельства, самый ходъ общественныхъ событій влонился къ тому, чтобы власть эта еще болѣе усилилась. Епископы проповѣдывали варварамъ вѣру Христову и рано успѣли обратить ихъ въ эту вѣру. Они говорили имъ во имя этой вѣры, говорили о любви, кротости, великодушій, и слова ихъ не всегда оставались безъ вліянія на грубую, дикую натуру варваровъ. Епископъ въ полномъ облаченіи всегда производилъ какое то обаяніе на воображеніе варвара. Легенда о св. Львѣ и объ Аттилѣ полна глубокой исторической правды. Готовился-ли варварскій отрядъ сдѣлать нападеніе на какой-нибудь городъ, и внести въ него всѣ ужасы

убійствъ и опустошеній,—служитель Божій въ своемъ перво-священническомъ облаченіи говорилъ отъ имени Господа, умолялъ, требовалъ, грозилъ, и варвары отступали (¹). Къ епископамъ обращались провинціи, города, — все угнѣтаемое, разоряемое народонаселеніе, прося ихъ заступничества предъ дикими вождями варварскаго народа. И епископы не отказывались отъ этого опаснаго ходатайства; ихъ сила и значеніе у варваровъ были наилучшей гарантіей муниципальной независимости. Франскіе короли первой и второй династіи щедрой рукой давали епископамъ и прочему духовенству, церквамъ и монастырямъ разныя льготы, свободу отъ всѣхъ податей и повинностей (*immunitatem*) не только лично, но и для всѣхъ лицъ, жившихъ на церковныхъ земляхъ. Эти привилегіи не ограничивались только церковными доменами, но простирались иногда на цѣлые города. При Хольдебертѣ III городъ Туръ былъ освобожденъ отъ всѣхъ повинностей, которыя онъ платилъ Меровингамъ (²). *Immunitas*, имѣвшая начало свое въ римскихъ учрежденіяхъ, освобождала города не только отъ платежа повинностей, но и отъ графской юрисдикціи. Впрочемъ епископы обязаны были исполненіе смертныхъ приговоровъ поручать викарію (*vicedominus*), или адвокату церкви (³). Къ усиленію епископской власти служило и то обстоятельство, что члены куріи, отличившіеся знатностью и богатствомъ, оставляли городъ и селились на своихъ земляхъ. Въ городахъ оставалось большею частью только бѣдное, невѣжественное населеніе. Понятно что епископъ, не встрѣчавшій себѣ противодѣйствія ни внѣ, ни внутри города, приобрѣлъ огромное вліяніе на городское управленіе и судопроизводство. Это вліяніе увеличивалось вслѣдствіе возрастающаго богатства епископовъ. Они получали въ свое владѣніе поземельную собственность, или какъ бенефіціи, или въ видѣ дара отъ франскихъ королей и богатыхъ васаловъ короны. Эта поземельная собственность не отчуждалась отъ духовенства ни продажей, ни наслѣдственнымъ путемъ; это еще болѣе усиливало значеніе лицъ, обладавшихъ

(¹) Guizot. Essai sur l'histoire de France; t. 1. p. 228.

(²) A. Thierry. Consideratons sur l'histoire de France. Ch. V, p. 201.

(³) Warnkōnig. Französische Staats und Rechtsgeschichte. I, 140.

такимъ богатствомъ. Духовныя лица не замедлили постепенно обратить массу народа, жившаго на ихъ земляхъ, въ полурабское относительно себя положеніе. Они постепенно входили въ циклъ феодальныхъ отношеній по примѣру всѣхъ земельныхъ собственниковъ. Это обстоятельство не могло не отозваться и на положеніи городскихъ общинъ.

Пять вѣковъ, слѣдовавшихъ за паденіемъ Западной Римской имперіи, можно назвать временемъ постепеннаго развитія тѣхъ государственныхъ, общественныхъ, личныхъ и поземельныхъ отношеній, которымъ усвоено названіе феодальной системы. Это зданіе слагалось не вдругъ, а постепенно, мало по малу, въ силу разныхъ историческихъ причинъ. Должно замѣтить что власть феодаловъ получила не вездѣ одинаково всеобъемлющее значеніе. Въ городахъ живы были еще преданія о старинной свободѣ. Городское народонаселеніе было больше занято торговлей и ремеслами, чѣмъ обработкой земли; слѣдовательно оно было развитѣе сельскаго населенія. Нападать на города, обнесеныя крѣпкими стѣнами и валами, было не такъ удобно, какъ на беззащитныхъ поселянъ. Оттого города никогда не были въ такомъ полномъ подчиненіи у феодаловъ, какъ сельское населеніе. Самый ходъ развитія феодальныхъ отношеній въ городахъ имѣлъ нѣсколько другой характеръ. Здѣсь феодальное самоуправленіе встрѣчало себѣ отпоръ со стороны не отдѣльныхъ только личностей, но цѣлой городской корпораціи, которая имѣла во главѣ своей строго организованную магистратуру. Это придавало городскому населенію больше единодушія, а потому и больше успѣха въ борьбѣ. При всемъ усиленіи епископской власти, въ городахъ рядомъ съ этой властью существовали выборные люди, которые, хотя и безъ особаго значенія, продолжаютъ существовать,—по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ городахъ, до самой коммунальной революціи. Эти выборные люди имѣли названіе честныхъ, мудрыхъ людей (*probi homines*,—*prud'hommes*). Въ капитуляріяхъ Карла Великаго мы встрѣчаемъ ихъ подъ названіемъ *scabini* ⁽¹⁾ (отсюда французское слово *échevins*). Въ послѣдствіи названіе *probi*

⁽¹⁾ Du-Cange. Gloss. mediae et infimae latinitatis. См. слово *scabini*. Слово это прозводятъ отъ Германскаго *skapene*, *skafene* иначе *skerene*, *skafene*.—отъ глагола *scapan* или *scafan*—распоряжаться, приказывать, судить. A. Thierry. Consid. p. 205.

homines, prout homines преимущественно удержалось на югѣ, а scabini на сѣверѣ Франціи. При Карлѣ Великомъ скабины (¹) отправляютъ судейскія обязанности подѣ предсѣдательствомъ графа. Они выбираются графомъ, или императорскимъ посланнымъ (missus dominicus), съ участіемъ народа. Въ городахъ скабины, по всей вѣроятности, выбирались изъ членовъ курій, изъ тѣхъ фамилій, которыя назывались honogati, proceges populi и т. п. (²). Между скабинами городскими и провинціальными существовало одно важное различіе: послѣдніе были только судьями, тогда какъ первые вмѣстѣ съ тѣмъ были и городскими администраторами. При развитіи феодализма провинціальныи скабинатъ исчезъ, а городской остался. Судьба этого городского учрежденія, въ эпоху постепеннаго распадѣнія Карловой монархіи, неизвѣстна. Вообще нужно замѣтить, что памятники французской исторіи, начиная съ V и до конца XI вѣка, весьма мало интересуются городской живнью. Лѣтописи больше говорятъ о войнахъ и внутреннихъ междоусобіяхъ. Мысль современника, преимущественно обращенная на внѣшнія событія, не можетъ понять значенія общественныхъ переворотовъ. Оттого новѣйшимъ историкамъ,—какъ напр. Тьерри,—оставалось только путемъ историческаго творчества возстановлять исторію этой темной эпохи. Огносительно скабината Тьерри полагаетъ, что онъ сохранился въ сѣверной Франціи въ болѣе или менѣе измѣненной формѣ до самаго начала освобожденія городскихъ общинъ. Жители города Реймса въ своихъ процессахъ съ епископомъ постоянно ссылались на незапамятное существованіе въ ихъ городѣ скабиновъ. Епископальная власть въ городахъ была не въ силахъ окончательно разрушить муниципальную организацію. Она только измѣнила еѣ, придала ей феодальный характеръ. Епископы начинаютъ раздавать городскія должности, въ видѣ леновъ, съ извѣстными обязательствами. Образуется какая-то странная смѣсь между остатками древней муниципіи и новыми формами фео-

(¹) Мы рѣшаемся оставить это слово безъ перевода, потому что трудно найти въ русскомъ языкѣ вполне соответственный терминъ.

(²) Эти римскіе титулы honogati, possessores, primores urbis и т. д. долго сохранялись въ городахъ; см. Raynouard. Hist. du droit municipal, p. 337. Въ памятникахъ этой эпохи весьма часто городская nobilitas противопоставляется простому черному народу, plebs или vulgus. Ibidem, p. 334, 335.

дальнаго двора. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы въ городской практикѣ не сохранилось нѣкоторыхъ преданій римскаго гражданскаго законодательства. Вопросъ о сохраненіи въ городахъ римскаго права чрезвычайно важенъ въ исторіи французскихъ городскихъ общинъ. Существованіе въ городахъ римскаго права при первыхъ двухъ династіяхъ, послужило бы прекраснымъ доказательствомъ, что и въ эту темную эпоху грубаго произвола въ городахъ существовали еще остатки общественнаго порядка, регулируемаго закономъ. Этотъ вопросъ удовлетворительно рѣшенъ новѣйшей исторической наукой. Въ VIII вѣкѣ въ Парижѣ духовныя завѣщанія дѣлались съ соблюденіемъ всѣхъ священныхъ формулъ, предпринимаемыхъ римскимъ законодательнымъ кодексомъ (¹). Въ Парижѣ, Турѣ, Буржѣ, Анжерѣ разные акты, — съ такими формулами, — вносились въ муниципальные регистры (²). Епископы, — хранители каноническаго права церкви, — въ то же время были знакомы и съ римскимъ гражданскимъ и уголовнымъ правомъ. Захвативши въ свои руки юрисдикцію, они не могли не пользоваться этимъ такъ полно, какъ строго выработаннымъ законодательствомъ.

Все, что мы говорили до сихъ поръ о городахъ и городскихъ учрежденіяхъ, имѣетъ отношеніе къ прежнимъ римскимъ муниципіямъ. Въ нихъ, какъ главныхъ пунктахъ діоцезовъ, развивалась феодальная власть епископовъ (³). Но при первыхъ двухъ династіяхъ шло образованіе новыхъ общинъ, которыя путемъ ассимиляціи превратились мало по малу въ общины городскія. Главная инициатива въ этомъ созданіи новыхъ элементовъ гражданственности принадлежала церкви и особенно монастырямъ. Аббатство было не только мѣстомъ молитвы и благочестивыхъ размышленій, но и приближищемъ отъ грубаго насилія варваровъ. Тамъ сохранялись преданія объ искусствахъ и ремеслахъ. Можно сказать, что монастыри были школой, въ которой грубые варвары научились разнымъ приемамъ промышленности и земледѣлія. Монастырямъ обязана Европа обработкой и заселеніемъ пу-

(¹) A. Thierry. Considerat. sur l'hist. de France, p. 250;

(²) Raynouard. I, 294, 316.

(³) Перечень французскихъ городовъ, имѣвшихъ муниципальное устройство въ Римской Галліи, представилъ Raynouard въ своей исторіи муниципальнаго права. I, 24—22.

стихъ мѣсть. Вокругъ монастырей не замедлили образоваться поселенія, главное ядро которыхъ составляли монастырскіе крестьяне, занимавшіеся обраткой земель. Это населеніе постепенно увеличивалось наплывомъ новыхъ силъ. Много беззащитныхъ спѣшило пріютиться подъ покровъ монастырскій. Отъ насилій со стороны варваровъ ихъ защищала святость мѣста, и уваженіе варваровъ къ монахамъ и церквамъ. Такъ какъ подобная гарантія оказывалась не всегда надежной, то все это населеніе обносилось стѣной, рвами и валами. Возникалъ новый бургъ, жители котораго находились въ зависимомъ отношеніи къ аббатству. Много французскихъ городовъ обязаны своимъ происхожденіемъ монастырямъ⁽¹⁾. Приливъ населенія къ монастырямъ долженъ былъ усиливаться и потому еще, что зависимость отъ монастырскихъ общинъ относительно была гораздо легче, чѣмъ зависимость отъ свѣтскаго сеньора. Въ монастырѣ были братья, занимавшіеся разными ремеслами. Этими ремесламъ они учили и тѣхъ, которые селились около монастыря, и не были заняты обработкою полей. Тутъ процвѣтали не только ремесла, имѣвшія цѣлью удовлетвореніе первыхъ потребностей жизни; но монастыри были колыбелью и изящныхъ искусствъ, первоначально служившихъ для выраженія религіозныхъ идей. Они имѣли архитекторовъ, строившихъ базилики, живописцевъ, украшавшихъ стѣны этихъ храмовъ священными изображеніями. Были лица, занятые перепиской и иллюминировкой рукописей. Свобода отъ разныхъ налоговъ, стѣснявшихъ тогда торговлю, благопріятствовала сбыту монастырскихъ произведеній⁽²⁾. Въ послѣдствіи, разбогатѣвшіе и получившіе свѣтскія наклонности монахи перестали заниматься ремеслами. Но созданный монастыремъ бургъ, — съ ремесленнымъ населеніемъ, продолжалъ существовать. Въ немъ, подъ вліяніемъ духа ассоціаціи и изъ подражанія большимъ муниципіямъ, организовалось цеховое устройство, и развивалось стремленіе къ самоуправленію. Подобныя стремленія встрѣчали отпоръ со стороны аббатства. Для управленія бургомъ оно отъ себя назначило разныхъ лицъ монашескаго или мірскаго званія. Подобныя общины, какъ увидимъ впоследствии, при-

(1) Въ IX вѣкѣ городъ Saint Riquier, благодаря аббатству, имѣлъ 14 т. жителей, Levasseur. Hist. des classes ouvrières; t. 1. p. 141.

(2) Levasseur. Hist. des classes ouvrières. t. 1. p. 141.

мнугы въ коммунальному движенію XII вѣка. При развитіи феодализма монастыри, владѣвшіе свѣтскими имѣніями, поспѣшили вступить въ феодальныя отношенія. На своихъ земляхъ они пользовались всѣми правами феодаловъ, раздавали свои земли въ качествѣ леновъ, сами признавали ленную зависимость отъ королевской власти и отъ могущественныхъ вассаловъ королевства⁽¹⁾. Посмотримъ теперь, какія внутреннія отношенія развились въ городскихъ общинахъ, подъ вліяніемъ феодальной власти, въ чемъ именно выражались права этихъ сеньоровъ, свѣтскихъ и духовныхъ. Юридическія права въ городѣ рѣдко принадлежали одному какому-либо сеньору. Епископы дѣлились властью съ королевскими намѣстниками, или феодалами, — графами, виконтами и т. п. Но внутри самой церкви были еще лица и корпораціи, которыя пользовались въ городахъ владѣльческими правами, сначала по порученію отъ епископовъ и въ качествѣ ихъ феодаловъ, а потомъ и независимо отъ нихъ. Обширными правами обладали архидіаконы, викарии и капитулы. Въ городахъ, и особенно въ городскихъ предмѣстьяхъ, находилось по нѣскольку монастырей, изъ которыхъ каждый пользовался судебными правами надъ извѣстной частью жителей. Подобныя же права принадлежали и каждой приходской церкви. Понятно теперь, какая дробность отношеній и судебныхъ правъ существовала въ городахъ. Каждый кварталъ, каждая улица, каждый переулокъ, даже отдѣльные дома въ улицахъ и переулкахъ, въ юридическомъ отношеніи принадлежали разнымъ сеньорамъ. Случалось, что извѣстная часть церкви, или даже извѣстная часть хора въ церкви была подсудна епископу, тогда какъ остальная часть вѣдалась судомъ капитула. Подобная дробность юридическихъ правъ вела ко многимъ столкновеніямъ и спорамъ. Взаимныя права и отношенія феодальныхъ сеньоровъ въ городѣ выработались только путемъ разныхъ соглашеній и безчисленныхъ процессовъ. Юрисдикція въ то время отличалась по преимуществу фискальнымъ характеромъ. Огромное число преступленій и проступковъ наказывались денежными штрафами въ пользу сеньора. Подобные штрафы сначала налагались по произволу сеньора и его уполномоченныхъ; но потомъ они начинаютъ

(1) Warnkönig, Frans. Staats u. Rechtsgeschichte. B. 1, S. 224.

опредѣляться нѣкоторыми правилами, кутюмами, которые, прежде чѣмъ получили письменную форму, существовали уже въ видѣ права обычнаго. Рядомъ съ денежными штрафами продолжаютъ существовать и суровыя тѣлесныя наказанія: висѣлица, позорный столбъ, пытки, отсѣченіе руки и т. д. были еще въ большомъ ходу. Дальнѣйшее развитіе уголовной практики состояло въ томъ, что эти суровыя наказанія болѣе и болѣе вытѣсняются системой денежныхъ штрафовъ. Феодалъ, епископъ, аббатъ, свѣтскій баронъ, — сами лично рѣдко отправляли судебныя обязанности. Они передавали ихъ разнымъ лицамъ, своимъ придворнымъ, или даже болѣе знатымъ горожанамъ на началахъ феодальнаго права⁽¹⁾, съ извѣстными обязательствами. Это обстоятельство увеличивало гнетъ феодализма и феодальныхъ судовъ.

Кромѣ юрисдикціи источникомъ доходовъ для феодала служила земля. При усиленіи феодальныхъ порядковъ постепенно исчезалъ классъ независимыхъ повемельныхъ собственниковъ. Только тотъ могъ владѣть землей, кто стоялъ на какой либо ступени феодальной лѣстницы. Весь ходъ общественныхъ отношеній отъ V до X в. совершался главнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, подъ влияніемъ германскихъ понятій, а главнымъ образомъ благодаря христіанскимъ идеямъ, исчезало рабство, въ римскомъ смыслѣ этого слова. Освобожденные рабы постепенно превратились въ крѣпостныхъ (serf), прикрѣпленныхъ къ землѣ, которые хотя и составляли собственность владѣльца, но уже въ другомъ смыслѣ. Ихъ передавали только съ землей, на которой они жили. По уплатѣ равныхъ повинностей, остальной доходъ съ земли они обращали въ свою пользу. Это положеніе нѣсколько напоминаетъ нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ этомъ постепенномъ исчезновеніи рабства свѣтлая сторона жизни, развивавшейся изъ христіанско-германскихъ началъ. Но съ другой стороны исчезалъ классъ людей сво-

(¹) Отсюда возникли феодальныя должности: bailli, prevot и т. п. Такъ какъ королевскія права сначала были тоже въ сущности правами феодала въ своихъ доменахъ, то были и королевскіе байльи, превотъ и т. д. Вообще кстати замѣтить, что королевскій дворъ и дворъ славнаго феодала представляли, по крайней мѣрѣ въ первыхъ порахъ, весьма много аналогичнаго. Дворъ епископа, вслѣдствіе двойкаго характера епископской власти, представлялъ странныю смѣсь церковнаго и феодальнаго характера.

бодныхъ, владѣльцевъ, стоявшихъ внѣ феодальныхъ отношеній⁽¹⁾. Они становились или вассалами какого либо феодала, или дѣлались податными (*tributaires*), т. е. получали участки земли, съ обязательствомъ известной платы хлѣбомъ или деньгами. По принципу они были свободны: они имѣли право оставлять владѣльца и переходить къ другому. Но прямая выгода феодаловъ состояла въ томъ, чтобы и этотъ классъ людей обратить въ полурабскую, крѣпостную зависимость. Такимъ образомъ образовался огромный классъ крѣпостнаго земледѣльческаго населенія, лишеннаго всякихъ правъ и, вмѣстѣ съ землей, составлявшаго собственность феодала. Этотъ классъ составляли *servi* (*serfs*). Феодаламъ не удалось достигнуть полной ассимиляціи лично свободнаго и обязаннаго только нѣкоторыми повинностями класса людей съ полусвободной, полурабской народной массой. Городскія общины стояли на пути этихъ стремленій. Хотя феодализмъ и уничтожилъ свободу городского населенія, но не успѣлъ вполне сравнять его съ сельскимъ земледѣльческимъ классомъ. Горожанинъ или *villanus*, какъ всего чаще называли жителей города или бурга, не былъ въ такой безконтрольной зависимости отъ сеньора, какъ поселянинъ—*serf*, обрабатывавшій его землю⁽²⁾. Такое различіе конечно не было строго выработано; оно не было опредѣлено какимъ либо положительнымъ закономъ. Напрогивъ феодалы всегда стремились уравнять права того и другаго населенія. Но вслѣдствіе самаго характера городской жизни они встрѣчали препятствія. Горожанинъ, занимавшійся промысломъ или торговлей, легко могъ уходить изъ своего города, переселяться въ другой, гдѣ онъ меньше чувствовалъ стѣсненія для своихъ занятій. Крестьянину труднѣе было оставить свой участокъ земли, съ которымъ онъ сроднился, который онъ трудомъ своимъ воздѣлывалъ и одобрялъ. Переходить отъ одного владѣльца къ другому не представляло особенной выгоды. Скорѣе же между

⁽¹⁾ A. Thierry. Hist. du tiers—état. Introd. Docum. inéd. p. VI—IX.

⁽²⁾ Такъ назывались впрочемъ и жители селъ и деревень, въ противоположность духовенству и феодальному дворянству; Warnkönig, t. 1, p. 252. Всѣ вообще находившіеся подъ властію сеньора жители города или селъ,—все равно,—назывались *homines potestatis*, *hommes de poote* также *coutumiers* или *coutumiers*. Такъ какъ *villani* и *servi* жили на землѣ сеньора, то ихъ называли еще: *munants*, ou *conchants et levants de son seigneur*.

поселянами могло обнаружиться стремление переселиться въ города. Этотъ фактъ замѣчается уже въ X и XI вѣкахъ. Владѣлецъ противодействовалъ сколько могъ подобному переходу. Только вслѣдствіе долгой борьбы городскихъ общинъ съ феодалами былъ опредѣленъ срокъ, послѣ котораго владѣлецъ не могъ требовать изъ города своего челоуѣка. Большею частію срокъ этотъ простирался только на одинъ годъ и одинъ день. Если кто-либо изъ горожанъ и вообще лично свободныхъ вступалъ въ бракъ съ крестьянкой, — дочерью *serf'a*, то долженъ былъ платить владѣльцу этой послѣдней подать, извѣстную подъ именемъ *forlagiage*. Имѣніе умершихъ безъ наслѣдника принадлежало владѣльцу; это феодальное право называлось *manus mortua*. Вслѣдствіе того иногда огромные капиталы доставались сеньорамъ. Епископы имѣли притязаніе на имѣніе лицъ, умершихъ подъ церковнымъ отлученіемъ. Въ эпоху весьма частыхъ интердиктовъ и отлученій такое право составляло значительную статью епископскихъ доходовъ. Города были обязаны своему владѣльцу военной службой. Обязанности этой службы и срокъ ея были чрезвычайно разнообразны. Горожанинъ, владѣвшій поземельнымъ участкомъ, платилъ владѣльцу поземельный цензъ. Потомъ онъ долженъ былъ платить еще ежегодную поголовную подать (*capitagium* или *chevage*). Кромѣ этой подати сеньоръ, въ каждомъ городѣ (также какъ и въ селеніи), на принадлежащей ему землѣ, имѣлъ право пользоваться даровымъ ночлегомъ и угощеніемъ (*droit de gite*) для себя, своей прислуги, своихъ лошадей и собакъ. Если вспомнить эти частые разъѣзды феодала съ многочисленной свитой, со сворами собакъ и т. п., то будетъ понятно, какъ была тяжела эта послѣдняя повинность. Кромѣ того владѣлецъ имѣлъ еще *droit de prise*, — право забирать жизненные припасы для себя, своей свиты и своего войска, — право брать постели, мебель, посуду на такое время, на какое ему угодно (¹). Потомъ слѣдуютъ такъ называемыя банальныя права (*banalités*—отъ слова *ban*—латинское *banus*) (²). Подданный сеньора обязанъ

(¹) *Ibidem*, p. 260.

(²) Это слово употреблялось въ двойномъ смыслѣ: 1) оно означало пространство земли, подсудное сеньору духовному или свѣтскому, или духовной корпораціи — аббатству, капитулу. 2) Такъ называлось провозгла-

былъ молотъ муку на мельницѣ своего господина, печь хлѣбы въ его печи и т. п. За тѣмъ на промышленномъ и торговомъ трудѣ городского населенія лежало огромное число разнаго рода пошлинъ. Вотъ, напримѣръ, какія пошлины должны были платить граждане Амьена своему графу и другимъ сеньорамъ:— 1) *Travers*,—за провозъ товаровъ водой или сухимъ путемъ; эта пошлина называлась также *winage*, *reage*. На землѣ феодала были устроены многочисленныя заставы, на которыхъ взималась эта пошлина уполномоченными феодала. Мосты запирались цѣпями. Всякій проѣзжающій черезъ мостъ долженъ былъ заплатить особую плату, называвшуюся *pontaticum*. Въ болѣе важныхъ пунктахъ, какъ напр. въ мѣстечкѣ Варанте, на дорогѣ изъ Фландрии въ Амьенъ, были устроены таможи. Эти пошлины стѣсняли торговлю и служили предметомъ многочисленныхъ процессовъ. 2) *Tonlieu*, *telonium*. Эта пошлина платилась при въѣздѣ въ городъ и на рынкѣ съ продажи товаровъ; бралась она съ продавца, а иногда и съ покупателя. 3) *Mesurage*—пошлины за мѣру товаровъ, вина, хлѣба, соли и т. п. Пошлина за измѣреніе хлѣба называлась также *sesterage*. Сеньоръ имѣлъ свои мѣры для всѣхъ этихъ продуктовъ, которыми обязаны были пользоваться люди, жившіе на его земляхъ. 4) *Pesage*,—за взвѣшиваніе товаровъ на вѣсахъ сеньора. 5) *Étalage*—(отъ *étaux*—прилавокъ на рынкѣ, *stallum*). Всѣ торговыя лавки, прилавки, иногда составлявшія въ торговомъ городѣ огромныя гостинныя дворы (*halles*), были собственностью владѣльца. 6) *Torellage*—пошлина за право рости солодъ, а также и за ивоваренье; эта пошлина также называлась *sambage*. 7) *La coutume de boulens*,—съ продажи печенаго хлѣба. 8) *La coutume des sanges*,—съ размѣна денегъ. Сеньоръ имѣлъ право бить монету въ своихъ владѣніяхъ. Мѣнялы принадлежали къ самому богатому отдѣлу городскихъ жителей,—они были чѣмъ-то въ родѣ нынѣшнихъ банкировъ. Доходъ съ размѣна былъ очень значителенъ. Феодалному владѣльцу принадлежали лѣса; для смотрѣнія надъ ними назначались имъ особыя лица—*forestiers*. Если онъ давалъ жителямъ извѣстной мѣстно-

шеніе какого нибудь распоряженія сеньора, — имѣвшего обязательную силу для его подданныхъ, напр. оповѣщеніе о продажѣ вина изъ виноградниковъ сеньора. Дю-Канжъ подъ словомъ *bannus*.

сти право пользоваться его лѣсомъ, то за это получалъ особую плату. Ему принадлежали всѣ рыбныя ловли въ его дачахъ. За извѣстную сумму денегъ онъ позволялъ иногда жителямъ ловить рыбу въ теченіе одной или нѣсколькихъ ночей. За тѣмъ слѣдовалъ огромный отдѣлъ штрафовъ за нарушеніе всѣхъ исчисленныхъ правъ владѣльца. Были еще цеховыя пошлины: каждый поступающій въ цехъ, всякій получавшій званіе мастера долженъ былъ платить феодалу извѣстную сумму денегъ. Всякое производство, всякій отдѣлъ промышленности обложенъ былъ разнаго рода повинностями. Всѣ сдѣлки между гражданами, продажа, купля, мѣна, тоже оплачивались (эти пошлины назывались—*lodes et ventes*). Бралась плата за постройку дома, лавки, анбара, за производимыя поправки въ этихъ постройкахъ. Хотѣлъ ли горожанинъ или поселянинъ сломать свой домъ или анбаръ и т. п., онъ платилъ сеньору деньги. Кромѣ этихъ опредѣленныхъ бутюмами налоговъ были еще чрезвычайныя,—*auxilia* (*aides*), *tallia* (*tailles*), *dona* (*dons*)⁽¹⁾. Если феодалъ отдавалъ за-мужъ дочь,—подданные обязаны были платить на ее приданое. Получалъ ли его сынъ рыцарское достоинство, тоже бралась извѣстная плата. Сеньоръ на своей землѣ имѣлъ разнаго рода торговыя монополіи. Послѣ сбора винограда онъ торжественно объявлялъ о продажѣ вина въ теченіе мѣсяца или болѣе. Въ это время никто не смѣлъ конкурировать съ нимъ.

Ко времени полнаго господства феодальной власти въ X и XI вѣкахъ относится возникновеніе въ городахъ цеховъ. Это была первая попытка со стороны промышленнаго городского сословія къ оппозиціи противъ феодальнаго гнета. Коммуны, какъ ассоціація всего городского населенія, образовались не вдругъ; не вдругъ могла возникнуть въ умахъ горожанъ мысль о составленіи союза для взаимной защиты противъ притязаній феодализма подъ однимъ общимъ знаменемъ. Коммунальной ассоціаціи предшествовала ассоціація ремесленниковъ, занимающихся однимъ ремесломъ. Подобныя союзы,—сначала тайныя, были весьма естественны. Постоянныя сношенія, общность интересовъ,

(1) О всѣхъ этихъ податяхъ, пошлинахъ, налогахъ см. Du-Cange—*Glossarium mediae et infimae latinitatis*.—подъ каждымъ терминомъ; а также Warnkönig; I, 254—260.

сближали между собою ремесленниковъ. Тихо, незамѣтно возникли эти цеховые союзы; этимъ они отличаются отъ коммунъ, большею частію получившихъ право на существованіе путемъ открытаго возстанія и упорной борьбы. Коммуна заявляла чрезвычайно дерзкое, въ глазахъ феодаловъ, притязаніе,—быть свободной корпорацией, встать лицомъ въ лицу съ феодализмомъ, какъ общество людей, пользующееся социальными-политическими правами. Цехъ не имѣлъ такихъ смѣлыхъ притязаній; онъ не шелъ противъ власти сеньора, прямо не задѣвалъ феодальныхъ его правъ. Напротивъ въ интересахъ владѣльца было покровительствовать ремесламъ. Развитие промышленности въ подчиненномъ ему городѣ служило для него богатымъ источникомъ доходовъ. Феодалъ смотрѣлъ на ремесленниковъ, какъ на вѣрнопостныхъ, трудъ которыхъ составлялъ его собственность. Всякій мастерской обязанъ былъ отдавать ему часть своихъ издѣлій, или являться на работу по его требованію ⁽¹⁾. Часто сеньоръ отдавалъ мастеру право какого нибудь ремесла въ наслѣдственное владѣніе, въ видѣ лена. Levasseur приводитъ нѣсколько примѣровъ такихъ ленныхъ отношеній между сеньоромъ и ремесленникомъ. Послѣдній обязанъ былъ служить первому своимъ ремесломъ, также какъ вассалъ служилъ ему оружіемъ. За это онъ получалъ отъ своего господина вознагражденіе хлѣбомъ, виномъ, а иногда и деньгами ⁽²⁾. Первоначальныя побужденія къ образованію ассоціацій между ремесленниками заключались въ обстоятельствахъ времени, въ характерѣ эпохи и въ младенческомъ состояніи самой промышленности. Въ вѣкъ феодальнаго насилія, разныхъ смутъ и опасностей, весьма легко могла возникнуть идея о союзѣ лицъ, связанныхъ однимъ общимъ интересомъ. Духъ ассоціаціи былъ сроденъ германскому племени. Германскія гильды продолжали существовать на галльской почвѣ при короляхъ первыхъ двухъ династій. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ времени онѣ перешли въ союзъ съ цѣлью взаимной защиты. При младенческомъ состояніи промышленности ремесленники боялись конкуренціи. Составляя союзъ,—они гарантировали себя отъ невыгоднаго пониженія цѣнъ на ихъ произведенія

⁽¹⁾ Levasseur. Hist. des classes ouvrières; t. 4. p. 167.

⁽²⁾ Ibidem; p. 169.

со стороны отдѣльныхъ личностей. Въ то же время они обезпечивали себя и отъ тяжелаго возвышенія цѣнъ на предметы, необходимые для ихъ производства. При составленіи союза ремесленники выигрывали во многихъ отношеніяхъ. Они помогали другъ другу. Торговля дѣла иногда велись чрезъ цеховыхъ уполномоченныхъ, и во всякомъ случаѣ, подъ защитой цѣлаго союза, они должны были идти успѣшнѣе. Ассоціаціей достигалось больше спокойствія, порядка во взаимныхъ отношеніяхъ ремесленниковъ. Ремесленники, составляя общество—цехъ, составляли извѣстныя правила (*reglements*, а потомъ *statuts*) и клялись свято исполнять ихъ. Въ этихъ уставахъ они не шли противъ своего сеньора; главной задачей ихъ было оградить себя отъ опасной конкуренціи со стороны лицъ, не принадлежавшихъ къ союзу, и опредѣлить извѣстныя условія производства и сбыта работы, а также взаимное отношеніе между членами корпораціи. Съ большимъ трудомъ удавалось имъ отстаивать новыя свои права противъ феодальнаго произвола. Съ большимъ трудомъ, а иногда пожертвованіями, имъ удавалось отъ самаго владѣльца получить утвержденіе своего устава. Тогда ассоціація получала законное право на существованіе.

Цехъ (*corps de métiers, métier, gilde, confrérie, charité* и т. п.)⁽¹⁾ имѣлъ свою внутреннюю организацію. Онъ имѣлъ своихъ начальниковъ, цѣлую систему администраціи. Эти цеховые начальники назывались цеховыми мѣрами (*maieurs des bannières*), хранителями ремесла, въ Амьенѣ (*gardes de métier, esgardes, eswards*), мудрыми людьми (*prudhommes*); на югѣ они получали иногда громкое имя консуловъ. Ихъ обязанность была наблюдать за исполненіемъ цеховаго устава, наказывать виновныхъ въ нарушеніи его и защищать цеховыя права. Сначала феодалы сами назначали цеховыхъ старшинъ, но съ теченіемъ времени цехамъ удалось добиться права самимъ выбирать своихъ начальниковъ. Трудно опредѣлить эпоху возникновенія организаціи цеховъ; достоверно, что они существовали уже въ XI вѣвѣ, даже нѣсколько раньше. Впрочемъ для насъ важнѣе значеніе этого соціальнаго явленія, чѣмъ вопросъ о времени его происхожденія. Цехъ былъ предшественникомъ коммуны; это—ком-

⁽¹⁾ Levass. t. 1. p. 197.

муна въ маломъ видѣ. Происхожденіемъ своимъ цехъ, какъ и коммуна, обязанъ свободному соглашенію лицъ, связанныхъ общими интересами: цехъ былъ зерномъ, изъ котораго развилась потомъ коммуна. Его возникновеніе указываетъ намъ уже на значительное развитіе городской промышленности. Среди массы бѣдствій, тяготѣвшихъ надъ европейскимъ обществомъ X и XI вѣковъ—это первый лучъ свѣта, предвѣстникъ близкаго освобожденія. Возникновеніе и развитіе цеховъ показываетъ намъ, что въ это время возникаетъ уже идея общаго соединенія на борьбу съ окружающимъ зломъ. Это уже зародышъ будущей свободы. При дальнѣйшемъ развитіи промышленнаго и торговаго богатства цеховъ,—полурабская зависимость отъ сеньора становилась болѣе и болѣе невыносимой. Тамъ, гдѣ есть какая-нибудь община, союзъ людей съ извѣстною цѣлью, тамъ всего легче можетъ возникнуть мысль о борьбѣ противъ насилія. Цеховая корпорация начинаетъ чувствовать свою силу. Происходятъ цеховыя сборища, говорятъ о тяжестяхъ прижимокъ и оскорбленій. Если духъ ассоціаціи распространится на нѣсколько цеховъ, если онъ обхватитъ наконецъ большинство городского населенія, то недалеко уже до возстанія, а при удачѣ—близка и свобода. Такимъ образомъ цехи были предвѣстниками великаго историческаго явленія, — освобожденія городскихъ общинъ, начало котораго мы видимъ съ половины XI вѣка, но которое во всей силѣ разразилось уже въ XII вѣкѣ.

ГЛАВА II.

КОММУНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ; ЕЯ ПРИЧИНЫ И РАСПРОСТРАНЕНІЕ.

Движеніе, охватившее вдругъ цѣлыя государства Европы, отличавшееся внезапностью, всеобщностью, упорствомъ борьбы и болшею частію счастливымъ результатомъ, предплагаетъ цѣлый рядъ историческихъ причинъ, коренящихся въ особенныхъ условіяхъ времени, и обусловливаемыхъ всѣмъ предшествующимъ ходомъ историческаго развитія. Мы постараемся указать главнѣйшія причины этого всеобщаго общественнаго переворота, имѣющаго всемірно-историческое значеніе, и извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ освобожденія коммунъ (*affranchissement des communes*).

Все, изложенное нами выше о печальномъ положеніи промышленнаго, торговаго и рабочаго классовъ подъ гнетомъ феодализма, можетъ быть разсматриваемо какъ одна изъ причинъ, вызвавшихъ коммунальное движеніе. Тамъ, гдѣ масса народныхъ бѣдствій достигаетъ высшей точки, гдѣ кажется нельзя уже идти дальше въ подавленіи всякой свободы личности въ пользу нѣсколькихъ, привилегированныхъ лицъ, — тамъ необходимо возникаетъ реакція, которая вызываетъ рѣшительный поворотъ въ обществѣ, и рано или поздно испровергаетъ прежній порядокъ вещей. Мрачную картину представляетъ состояніе европейскаго общества въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка. Народъ испытывалъ ужасныя бѣдствія. Свирѣпствовалъ страшный голодъ. Отъ 987 по 1059 годъ во Франціи насчитываютъ до 48 неурожаевъ. Одинъ современникъ (Raoul Glaber), описывая всѣ ужасы голода, говорить, что кажется всеобщая гибель грозитъ человѣческому роду. Народъ ѣлъ нечистыхъ животныхъ или падаль; ѣли даже человѣческое мясо; его открыто продавали на рынкахъ. За голодомъ шла чума — неразлучная его спутница. Страшными чертами описываютъ современники эту заразу. Народъ толпами стремился въ святые мѣста; многіе умирали прежде, чѣмъ удавалось имъ достигъ цѣли путешествія; огромное число умершихъ валялось по дорогамъ. Стая воровъ провозжали толпы палатримвъ. Къ этимъ бѣдствіямъ присоединились грабежи и убійства. Повсюду была сильный упадокъ нравственности и всякаго порядка въ обществѣ. Вотъ что говорить о состояніи Франціи въ концѣ XI вѣка другой современникъ (Guibert de Nogent): „Королевство — добыча смуть и постоянныхъ войнъ. Только и слышно о грабежахъ и убійствахъ на большихъ дорогахъ. Пожарамъ нѣтъ числа; вездѣ свирѣпствуетъ война, не имѣющая другой причины, кромѣ удовлетворенія ненасытной жадности (1)“. Тоже говорить и Вальгельмъ Тирскій. „Для собственности теперь не существуетъ никакихъ гарантій; всякій, кто слышетъ богатымъ, находится въ опасности попасть въ оковы и подвергнуться страшнымъ истязаніямъ. Города и укрѣпленія не свободны отъ насилій; городскія улицы и площади не безопасны отъ убійцъ (2)“. — Въ такихъ насиліяхъ виновны были

(1) Hist. Hierosolymitana; l. II, c. 7.

(2) Belli sacri historia; l. I, c. 8.

главнымъ образомъ феодальные сеньоры. Подобныя явленія свидѣтельствуютъ объ отсутствіи власти, которая была бы въ силахъ сдерживать насилие и своеволие. Единственный классъ людей—духовные, отъ которыхъ можно было бы еще ожидать лучшихъ нравовъ въ этотъ вполне-варварскій вѣкъ, были глубоко раавращены. Григорій VII писалъ въ своей буллѣ, что съ большимъ трудомъ можно найти хотя одного влирика, который бы не заслуживалъ быть низложеннымъ за свое развратное поведеніе. Епископы и священники женились, или жили открыто съ наложницами. Духовныя мѣста продавали за деньги, или отдавали безнравственнымъ дѣтямъ сеньоровъ. Вотъ назначается собраніе въ городѣ для избранія епископа; уже назначенъ кандидатомъ какойнибудь аббатъ сосѣдняго монастыря, прославившійся умомъ и святостью жизни,—какъ вдругъ является феодалъ съ толпой вооруженныхъ людей, и заставляетъ выбирать, кого онъ хочетъ самъ. Были примѣры, что 6-ти лѣтніе дѣти получали епископскій паліумъ. Монашескіе ордена въ это время уже успѣли развиться всеобщимъ зломъ. Богатство, роскошь, феодальныя привычки, вкрались въ эти общины, отличавшіяся сначала строгостью уставовъ. Конечно были лица, глубоко скорбѣвшія отъ этого зрѣлища всеобщей безнравственности; громко раздавалась ихъ проповѣдь о всеобщемъ покаяніи; торжественно гремѣлъ грозный голосъ такого папы, каковымъ былъ Гильдебрандъ. Но подобныя лица были рѣдкостью; проповѣдь покаянія была голосомъ въ пустынѣ; реформы Григорія VII съ трудомъ проводились въ жизнь. Извѣстно, какое противодѣйствіе встрѣтила во Франціи его булла, запрещающая прелатамъ и священникамъ жениться и жить съ наложницами. Его борьба за инвеституру, направленная противъ господствующаго зла, имѣвшая цѣлю поднять положеніе духовенства, имѣла огромное социальное значеніе. Григорій VII, съ удивительнымъ искусствомъ и смѣлостію, воспользовался всѣми средствами для борьбы съ феодальными отношеніями, въ которыхъ историческимъ ходомъ событій было поставлено духовенство Западной Европы. Стремленія лучшаго папы не осуществились въ той мѣрѣ, въ какой онъ желалъ, подобно тому какъ не удалось совершить церковной реформы его преемникамъ, пронынутымъ тою же мыслию, какъ напр. папѣ Паскалію II. Но самая борьба противъ феодализаціи церковныхъ должностей, желаніе вырвать духовенство изъ его мірскихъ отношеній и вы-

соко поставить, какъ образецъ высокой нравственности для грубаго общества,—не прошла безслѣдно для прогресса европейскаго общества. Григорій велъ войну не съ однимъ только Генрихомъ IV, но со всѣмъ, что грубость варварскаго нашествія внесла чуждаго въ христіанскую жизнь и церковную организацію. Оглученіе епископовъ, громы проклятія противъ могущественныхъ феодаловъ, не хотѣвшихъ отказаться отъ права инвеституры, подрывали значеніе феодальной власти прелатовъ. Особенно сильно выразилось это демократическое значеніе борьбы за инвеституру въ Верхней Италіи.

Вотъ среди такихъ-то бѣдствій, въ послѣднихъ годахъ XI-го вѣка,—распространилось убѣжденіе въ близкой кончинѣ міра. Ужасъ сдѣлался всеобщимъ. Общественныя грамматы и публичные акты того времени обыкновенно начинаются такими грозными словами: *arrproinquantе fine mundi* и т. д. Съ конца XI вѣка начинается поворотъ въ идеяхъ: мысль о концѣ міра, оправдываемая ужасными бѣдствіями и разными предзнаменованіями, вызвала сильное религиозное одушевленіе. Сенъоры стали сомнѣваться въ законности своихъ грабежей и кровавыхъ насилій. Начали строить церкви и жертвовать въ монастыри имѣнія. Потянулись огромныя толпы паллиримовъ въ святую землю. Прекратились безобразныя пиры; въ замѣнъ шумныхъ, веселыхъ кавалькадъ, по дорогамъ видѣлись покаянныя процессіи. Среди этого всеобщаго ужаса и сильнѣйшаго религиознаго возбужденія раздался проповѣдь Петра Пустынника и послышался призывной голосъ Урбана на борьбу съ невѣрными. Начались крестовыя походы. Отдѣльные случаи возстанія городовъ противъ феодаловъ были еще до начала великаго движенія христіанскихъ народовъ на Востокъ, извѣстнаго подъ именемъ крестовыхъ походовъ. Поэтому ихъ нельзя назвать прямой причиной, вызвавшей коммунальное движеніе. Крестовыя походы шли параллельно съ освобожденіемъ коммунъ и сильно содѣйствовали этому движенію. Благодаря крестовымъ походамъ, въ XII вѣкѣ мы видимъ почти уже повсемѣстное освобожденіе городскихъ общинъ и быстрый ростъ городского сословія, а въ XIII вѣкѣ городская жизнь достигаетъ полнаго разцвѣта во всѣхъ государствахъ Западной Европы.

Крестовыя походы имѣли огромное значеніе въ ходѣ европейской цивилизаціи. Мы не станемъ перечислять всѣхъ благотѣльныхъ послѣдствій этого движенія Западной Евро-

пы на Востокъ. Это не входитъ въ планъ нашего сочиненія. Во время крестовыхъ походовъ всѣ средневѣковыя идеи получаютъ всестороннее свое развитіе; но въ то же время крестовые походы владутъ сѣмена будущей европейской цивилизаціи. Для нашей цѣли достаточно указать значеніе крестовыхъ походовъ въ судьбахъ средняго сословія. Кромѣ релігіознаго энтузіазма въ этомъ движеніи имѣло большое вліяніе бѣдственное состояніе народной массы. Съ мыслию умереть за вѣру въ душѣ крестоносца зараждалась надежда на лучшее будущее. Папскія буллы освобождали крестоносцевъ изъ низшаго сословія отъ податей и феодальныхъ повинностей. Положеніе оставшихся дома было гораздо отраднѣе, сравнительно съ прежнимъ. Владѣнія феодаловъ Церковь брала подъ свое покровительство. Это не могло не отозваться благотѣльно на положеніи народной массы, когда такъ много значило покровительство Церкви. Уже самое отсутствіе феодала изъ своихъ владѣній позволяло легче вздохнуть его подданнымъ. Но была одна льгота для воиновъ креста, которая произвела огромный переворотъ въ экономическомъ состояніи тогдашняго общества и оказала рѣшительное вліяніе на судьбу средняго сословія. Вопреки строгимъ правиламъ феодальной системы позволено было сеньорамъ закладывать и продавать свои ленныя владѣнія, не спрашивая позволенія у высшаго феодала. Сеньоры, нуждаясь въ деньгахъ, завлаживали и продавали свои земли за самую умѣренную цѣну. Такимъ образомъ стоимость земель понизилась, за то чрезвычайно возвысилось значеніе капиталовъ. Буржуазія, богатство которой главнымъ образомъ заключалось въ деньгахъ, за безцѣнокъ покупала у феодаловъ земельные участки. Это измѣненіе въ распредѣленіи недвижимой собственности возвысило среднее сословіе. вмѣстѣ съ землей къ нему отошла отъ феодаловъ нѣкоторая часть того значенія, которымъ пользовались въ средніе вѣка владѣльцы поземельной собственности. Къ этому присоединились другія послѣдствія упадка цѣнъ на земли. вмѣстѣ съ огромной убылью въ народонаселеніи, дешевизна земли была причиной, что хлѣбъ дѣлался гораздо дешевле; вмѣсто прежняго недостатка явилось нѣкоторое изобиліе и вообще положеніе рабочихъ классовъ значительно улучшилось.

Крестовые походы имѣли огромное вліяніе на торговое и промышленное развитіе средневѣковаго общества. Въ этомъ

заключается ихъ прямое значеніе для развитія городской жизни и усиленія третьяго сословія. Коммуну создалъ промышленный и торговый трудъ; потому все, что содѣйствовало наибольшему процвѣтанію торговли и промышленности, въ то же время служило для наибольшаго развитія городской свободы. Крестовые походы сблизили моряковъ,—торговцевъ всего свѣта. На моряхъ Востока негоціанты Бремена и Любека знакомились съ богачами Венеціи и Генуи. Блескъ итальянскихъ республикъ достигъ небывалой степени. На сѣверѣ возникъ ганзейскій союзъ, который своей предприимчивостью, своими капиталами и торговыми оборотами соперничалъ съ итальянскими городами. Промышленность также получила небывалое развитіе. Въ рядахъ крестовосной арміи обыкновенно бывало много ремесленниковъ всякаго рода; они перенимали у саррациновъ и грековъ промышленные приемы, напримѣръ, лучшіе способы выдѣлки тканей, искусство составлять болѣе прочныя краски и т. д. Въ Дамаскѣ они узнавали наилучшій способъ закаливанія стали. Въ Греціи она научились разведенію шелковицы, обработкѣ шелка и приготовленію шелковыхъ матерій. Въ Тирѣ венеціанцы научились фабрикаціи стекла и научили потомъ всю Европу. Съ востока заимствовано устройство вѣтряныхъ мельницъ; отсюда же перенесены въ Сицилію сахарный тростникъ и другія полезныя растенія, напр. мансъ. Востокъ познакомилъ Европу съ такого рода произведеніями, о которыхъ въ то время лучшія головы имѣли самыя странныя понятія. Жуан-вилъ, напримѣръ, думалъ, что перецъ и корица растутъ въ земномъ раю, но вѣтеръ заноситъ ихъ въ воды Нила, гдѣ ихъ и ловятъ сѣтями⁽¹⁾. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ крестовыми походами и подъ ихъ вліяніемъ, совершился рѣшительный поворотъ въ социальномъ значеніи и судьбахъ средняго сословія.

Такимъ образомъ причины великаго историческаго явленія, т. е. освобожденія коммунъ, заключаются въ цѣломъ стрѣбѣ общественныхъ и экономическихъ отношеній, возникшихъ на развалинахъ Западной Имперіи и получившихъ полную свою организацію въ X и XI вѣкахъ. Вездѣ, во всѣхъ государствахъ Европы, гдѣ господствовала средневѣковая система,

(1) *Mémoires de Joinville*; II partie p. 36 etc, édit. de Ducange.

элементы борьбы существовали. На каждомъ пунктѣ былъ феодалъ, — представитель торжествующаго начала; но тутъ же рядомъ съ нимъ, — вокругъ его замка, — на поляхъ и въ городахъ, существуетъ угнѣтенный, обращенный въ полурабское состояніе, народъ. Интересы того и другого прямо противоположны; поводовъ для столкновения было чрезвычайно много. Мы видѣли ужасное положеніе народной массы, но въ тоже время видѣли и первые проблески приближающагося переворота. Во 2-й половинѣ XI вѣка и въ началѣ XII взаимное положеніе обѣихъ враждебныхъ сторонъ значительно измѣнилось; переимѣна эта была въ выгудѣ промышленнаго, торговаго населенія. Тогда особенно былъ силенъ духъ ассоціаціи. Необходимость взаимной помощи, среди беспорядковъ тогдашняго общества, для противодѣйствія феодальному насилию, всего болѣе содѣйствовала развитію этого духа въ городскомъ населеніи. Этотъ духъ ассоціаціи выразился въ цеховыхъ союзахъ, а за тѣмъ въ полномъ блескѣ проявилъ себя въ коммунальномъ движеніи. Идея союза, съ вѣтвеннымъ обѣщаніемъ взаимной помощи, была глубоко вкоренена въ германскомъ племени, еще прежде его нашествія на Римскую Имперію. Мы могли бы прослѣдить проявленіе этого духа ассоціацій въ торжественныхъ собраніяхъ древнихъ скандинавовъ, когда они, сидя вокругъ жертвеннаго котла, пили чашу дружбы въ знакъ взаимной помощи и дружескаго единенія. Это такъ называемая германская гильда (gilde) сохранилась и послѣ, преимущественно въ Даніи, Норвегіи и Швеціи, гдѣ такъ живы были германскія преданія. Съ принятіемъ христіанства они получили христіанскій характеръ. Въмѣсто германскихъ боговъ и героевъ, въ собраніяхъ гильды стали призывать имена Спасителя, Божіей Матери и Святыхъ. На Скандинавскомъ полуостровѣ, германскіе союзы для взаимной обороны существовали до XVI вѣка. Тамъ они не встрѣчали гоненія со стороны правительства; напротивъ имъ покровительствовали. Сохранились статуы этихъ братскихъ союзовъ въ Даніи съ XIII вѣка⁽¹⁾. Мы не будемъ входить въ разборъ этихъ статутовъ; замѣтимъ только, что они составляютъ поразительное сходство съ коммунальными хартіями французскихъ городовъ XII вѣка. Въ нихъ видимъ

(¹) A. Thierry. Consider. ch. V, p. 222.

тотъ же принципъ клятвеннаго обѣщанія стоять другъ за друга противъ кого-бы то ни было, тотъ же духъ корпораціи, враждебный всему, что не входитъ въ эту корпорацію. Это наводитъ на мысль о существованіи германской гильды и на галльской почвѣ. Дѣйствительно, историческіе источники времени меровинговъ и карловинговъ подтверждаютъ это. Мы находимъ свидѣтельство въ законодательныхъ памятникахъ каролингской эпохи,—въ капитуляріяхъ и постановленіяхъ провинціальныхъ соборовъ, что подобные союзы во Франціи строго запрещались, потому что они служили источникомъ многихъ безпорядковъ. Въ капитуляріяхъ Карла Великаго есть запрещеніе крестьянамъ составлять ассоціаціи для взаимной защиты противъ тѣхъ, кто вздумалъ бы отнять у нихъ что нибудь⁽¹⁾. Это можетъ быть одно изъ первыхъ проявленій народнаго противодѣйствія феодальному гнету. Въ XI в. мы видимъ подобную же ассоціацію въ возстаніи нормандскихъ крестьянъ. Между ними были образованы мѣстные союзы на принципѣ клятвеннаго обѣщанія взаимной помощи; было организовано центральное управленіе, на которое каждая мѣстная ассоціація посылала двоихъ депутатовъ. Известно, какъ жестоко отплатили феодалы бѣднымъ крестьянамъ за ихъ смѣлую попытку⁽²⁾. Въ томъ же видѣ мы видимъ новое примѣненіе клятвенной ассоціаціи уже на болѣе широкой аренѣ; это знаменитый миръ Божій 1095 года. Этотъ союзъ главнымъ образомъ былъ составленъ по инициативѣ духовенства противъ насилія феодальныхъ грабежей. Одинъ хроникѣръ называетъ другой подобный союзъ, бывший въ началѣ XII вѣка при Людовикѣ VI, *communitas populagis*⁽³⁾. Но подобныя ассоціаціи не имѣли слишкомъ продолжительнаго существованія; онѣ возникали не вслѣдствіе свободнаго побужденія самихъ членовъ ассоціаціи, а подъ вліяніемъ духовенства; оттого онѣ не имѣли особенной силы. Энтузіазмъ проходилъ, и ассоціація превращалась. Совсѣмъ не то мы

(1) *Capit. Carolmani apud Baluze, t. II. col. 290.*—заимств. у Thierry *Consider. p. 221.*

(2) Wace, *Roman de Rou, t. 1. p. 307.* Guilelmus Gemeticensis, *De gestis ducum Normannicorum; lib. V. cap. II.*—A. Thierry. *Consid. p. 229.*

(3) *Scriptores rerum gallic. et francic. t. XII, p. 705.* A. Thierry, *Consid. p. 230.*

видимъ въ ассоціаціи коммунальной. Она представляетъ союзъ не слишкомъ огромнаго числа гражданъ одного только города; но союзъ этотъ крѣпокъ, потому что тысячи общихъ интересовъ его поддерживаютъ. Арена борьбы не слишкомъ обширна, но за то матеріалъ противодействія грубой силѣ концентрируется, а потому имѣетъ и больше успѣха. Thierrу начало коммуны на сѣверѣ Франціи производитъ между прочимъ изъ германской гильды, родиной которой были лѣса Франконіи. Нельзя не согласиться съ нимъ, что германская гильда дала форму коммунальному союзу конца XI и первой половины XII вѣковъ. Подобное примѣненіе къ сѣверной коммунѣ принципа вѣтвеннаго обязательства взаимной защиты составляетъ отличительный характеръ сѣверной коммуны отъ южной, какъ это мы увидимъ дальше. Но самый принципъ ассоціаціи въ XI и въ XII вѣкахъ есть только внѣшнее выраженіе болѣе глубокой идеи. Великимъ историческимъ событіямъ, преимущественно глубокимъ общественнымъ переворотамъ, всегда предшествуетъ перемѣна въ идеяхъ, управляющихъ этими событіями, лежащими въ основѣ переворотовъ. Сама исторія есть движеніе не внѣшнихъ событий, а прогрессивное развитіе идей человѣчества. Внѣшнія событія, какъ бы они велики, многозначительны ни были, есть только внѣшняя одежда идеальнаго міра; самое величіе свое они заимствуютъ отъ величія той идеи, выраженіемъ которой они служатъ. Это не туманное положеніе нѣмецкой философіи, а истина положительная, которая легла въ основу великихъ историческихъ трудовъ нынѣшняго столѣтія. Вся исторія служитъ доказательствомъ этой аксіомы. Великая идея вырабатывается всѣмъ человѣчествомъ; великій человѣкъ, гениальный умъ даетъ ей осмыслительныя формы; лучшіе умы эпохи понимаютъ и развиваютъ ее дальше. Народная масса, большинство посредственныхъ умовъ, сначала относится къ ней враждебно. Но не сокрушить имъ ее силы: она распространяется и приобретаетъ болѣе и болѣе кругъ adeptовъ. При благоприятныхъ обстоятельствахъ она торжествуетъ безъ кровавой борьбы; но это бываетъ чрезвычайно рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ упорная борьба неизбежна. Все ретроградное, отживающее возстаетъ противъ нея. Сначала борьба идетъ не всегда успѣшно; но сила идеи въ томъ, что она непобѣдима. Это—чудовище древнихъ мифовъ, у котораго вмѣсто одной отрубленной головы вырастаютъ

десятки новыхъ. Чѣмъ больше противодѣйствія, тѣмъ сильнѣе, неотразимѣе пробивается новая идея человѣчества. Подавили ее въ одномъ мѣстѣ, она вдругъ вызываетъ цѣлый рядъ, явленій тамъ, гдѣ всего меньше этого ожидаютъ. Это—какъ сила жизни въ органическомъ мирѣ, которую можно направить такъ или иначе, можно стѣснить ее и она дастъ тогда уродливое проявленіе, но задавить, уничтожить которую—нѣтъ возможности. Но съ успѣхомъ сила идеи растетъ; какъ стремительный потокъ она рветъ всѣ прѣграды, она охватываетъ цѣлыя массы и создаетъ цѣлый рядъ новыхъ общественныхъ отношеній, даетъ новое направленіе исторіи человѣчества. Такой ходъ историческаго развитія идеи мы видимъ во всѣхъ великихъ историческихъ протестахъ. Такую упорную борьбу выдержала реформаціонная идея XVI вѣка, революціонная идея XVIII вѣка. Такая же борьба предстояла и идеѣ коммунальнаго движенія, какъ протеста человѣческой равноправности противъ притязаній феодализма. Конечно эту идею понимали въ XII вѣкѣ не такъ, какъ понимали ее передовые люди XVIII столѣтія; оттого она и выразилась совсѣмъ въ другихъ формахъ, въ формахъ конечно менѣе грандіозныхъ, но въ то же время имѣющихъ не меньше значенія въ исторіи человѣчества. На первый разъ идея равноправности выразилась такъ, какъ она могла только выразиться, при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ. Наступала пора для историческаго значенія средняго сословія; вотъ эти-то буржуа во имя свободы труда и выступаютъ на арену борьбы. Франція, да и всѣ государства Европы того времени, не представляли національнаго единства; напротивъ, государственныя организмы въ то время состояли изъ членовъ, жившихъ самостоятельною жизнію и только внѣшнимъ образомъ связанныхъ съ цѣлымъ. Вслѣдствіе такой разрозненности общества, борьба новой идеи совершается въ тысячѣ разныхъ мѣстностей,—вездѣ, гдѣ есть феодалъ и подавленное городское сословіе. Идея равноправности въ томъ видѣ, какъ понимала ее буржуазія XII в., не нашла себѣ литературнаго органа, великаго ума, который бы явился проводникомъ ея, какъ нашлись такіе органы для идей Реформаціи и Революціи. Это опять весьма понятно для эпохи XI, XII и XIII вѣковъ, когда просвѣщеніе, философская литература, составляла привилегію тѣхъ классовъ общества, противъ которыхъ направлялось движеніе. Но эта идея свозить во множествѣ мел-

нихъ, мѣстныхъ документовъ, въ коммунальныхъ хартіяхъ, въ архивныхъ бумагахъ городскихъ совѣтовъ, въ письмахъ, сдѣлкахъ, договорахъ и т. д.,—что вполне соотвѣтствуетъ преимущественно утилитарному характеру движенія.

Франція, подобно прочимъ государствамъ Западной Европы, представляла чрезвычайно удобное поле для борьбы возникающаго средняго сословія съ феодализмомъ. Мы сказали уже, что Франція въ смыслѣ цѣльнаго, политическаго организма, въ то время еще не существовала. Король французскій самъ былъ не больше, какъ феодальный сюзеренъ небольшой части французской территоріи,—герцогства Франціи, которое соотвѣтствовало 5 нынѣшнимъ департаментамъ⁽¹⁾. Парижъ и Орлеанъ составляли единственно значительные города въ королевскихъ владѣніяхъ. Къ сѣверу отъ этихъ владѣній простиралась Пикардія, или графство Вермандуа и Булонь; еще дальше на сѣверъ находилась Фландрія, которая была не меньше королевскаго домѣна, но гораздо населеннѣе и отличалась уже промышленно-торговымъ характеромъ своихъ богатыхъ городовъ. Города Гентъ и Брюгге были уже въ состояніи противиться феодальнымъ притязаніямъ своихъ графовъ. Къ востоку отъ Иль-де-Франса простирались Шампань и Бургундія, принадлежавшія могущественнѣйшимъ баронамъ королевства, потомки которыхъ не разъ бывали на королевскихъ престолахъ Европы. Графамъ Шампани принадлежало въ XIII вѣкѣ королевство Наваррское; вѣтвь бургундскаго дома въ XII вѣкѣ основала Португальское королевство. Съ другой стороны Аяжу,—съ своими воинственными графами,—постоянно держало въ страхѣ первыхъ капетинговъ. Еще дальше на западъ жила совершенно отдѣльной и независимой жизнью Бретань, населенная потомками древнихъ кельтовъ, говорившая совершенно инымъ языкомъ и отличавшаяся особенностями нравовъ, обычаевъ и своеобразной поэзіей бардовъ. Къ сѣверу отъ Бретани небольшой полуостровъ Нормандія былъ занятъ воинственнымъ племенемъ,—потомками прежнихъ страшныхъ пиратовъ, въ которыхъ не улеглась еще прежняя удаль, и которые недавно переправились черезъ проливъ для завосванія Англо-Саксонскаго королевства. Къ югу отъ Луары

⁽¹⁾ Сены, Сены и Уазы, Сены и Марны, Уазы и Луарѣ.

до Пиривеевъ почти половина Галліи была населена романскимъ племенемъ, рѣзко отличавшимся отъ сѣверныхъ жителей Галліи; оно говорило особымъ языкомъ, родственнымъ южнымъ романскимъ нарѣчіемъ; имѣло свои преданія, свои законы, свои нравы. Въ городахъ этой обширной территоріи чище сохранились римскія преданія. На цвѣтущихъ равнинахъ Прованса зарождалась своеобразная цивилизація, которая въ полномъ блескѣ развернулась еще тогда, когда сѣверъ Франціи находился во мракѣ глубокаго невѣжества, но которая скоро исчезла подъ волнами новаго варварскаго нашествія. Эта обширная область номинально признавала сюзеренство французской династіи, но принадлежала разнымъ феодалямъ, между которыми особенно выдавались богатствомъ графы тулузскіе. Западная часть этой обширной территоріи Турэнь (Touraine), Пуату (Poitou), Керси (Quercy), Гвиенн (Guienne), Гасконь (Gascogne), вмѣстѣ съ сѣверо-западными провинціями—Анжу (Anjou), Мэнь (Maine), Бретанью и Нормандіей, скоро вошла въ составъ какъ бы новаго феодальнаго королевства, подъ властію плантагенетовъ и сюзеренствомъ французскихъ королей⁽¹⁾. Мы привели только крупныя территоріальныя дѣленія; они въ свою очередь дробились на множество мелкихъ феодальныхъ владѣній, изъ которыхъ каждое имѣло притязаніе на независимое существованіе.

Подобная арена, при всемъ стѣсненіи для свободы промышленнаго, торговаго и земледѣльческаго классовъ, была чрезвычайно удобна для предстоящей борьбы. Въ противоположномъ лагерѣ не было единодушія: феодалы были въ постоянной войнѣ другъ съ другомъ. Вслѣдствіе разрозненности своихъ интересовъ, они не всегда могли дѣйствовать единодушно въ отношеніи подавленной народной массы. При разсмотрѣніи коммунальнаго движенія мы увидимъ, что весьма часто высшій феодалъ противъ низшаго принимаетъ сторону возмущившагося города. Положимъ, что большею частію это дѣлалось изъ корыстныхъ видовъ; во всякомъ случаѣ результатъ былъ благодѣтеленъ для коммуны. При этомъ не нужно забывать, что феодальное общество, то есть, всѣ обладавшіе феодальными правами, составляли общество свободныхъ. Подобное общественное состояніе во всякомъ случаѣ лучше полной тиранніи,—въ родѣ восточныхъ деспотій. При

(1) Wærköning. 1. 176—202.

феодалномъ строѣ былъ полный просторъ личной храбрости, личной инициативѣ. Это придавало феодалному сеньору характеръ какой-то независимой гордости. Подобный принципъ личной свободы въ привилегированномъ классѣ общества не замедлил распространиться мало по малу и на другіе слои общества. Оттого въ средніе вѣка воинственный характеръ былъ удѣломъ не однихъ только феодалныхъ сеньоровъ. Средневѣковый горожанинъ—это не тотъ тихій мирный буржуа, съ которымъ мы знакомы въ новѣйшее время исторіи, отличающійся любовью къ тишинѣ и семейными добродѣтелями. Въ то время, когда было такъ мало гарантій для общественнаго спокойствія, всякій самъ долженъ былъ заботиться о своей личной безопасности. Оттого военные ассоціаціи купцовъ и ремесленниковъ встрѣчаются никакъ не позже рыцарскихъ ассоціацій. Горожане, подъ предводительствомъ знатныхъ феодаловъ, часто бывали въ военныхъ передѣлахъ. Отъ феодаловъ они перенимали тогдашніе военные приемы; они умѣли отразить нападеніе, разорвать ряды тяжелой кавалеріи, взобраться на стѣны замка. Этимъ искусствомъ они сумѣли потомъ воспользоваться противъ самихъ феодаловъ. Такихъ примѣровъ много въ исторіи коммунъ. Такъ жители Манса, сначала въ союзѣ съ феодалами, вели войну противъ норманновъ, а потомъ возстали противъ самихъ феодаловъ и добыли себѣ свободу (¹).

Но въ средневѣковомъ обществѣ была еще одна сила, стремленія которой совпадали съ стремленіями городскихъ общинъ и не могли не отозваться для нихъ благотворно въ предстоящей борьбѣ. Это—сила королевской власти. Въ короляхъ третьей расы не умерли преданія, завѣщанныя имъ исторіей. Получивши королевскій титулъ по избранію, а не по праву королевскаго происхожденія, сначала они заискиваютъ у могущественныхъ бароновъ королевства. Первые капетинги носили только королевскій титулъ, но въ сущности были гораздо слабѣе своихъ могущественныхъ сосѣдей. Эти послѣдніе только номинально признавали ихъ сюзеренство, а на дѣлѣ были сами самостоятельными государями въ своихъ владѣніяхъ. Большаго труда стоило первымъ капетингамъ одолѣть своихъ собственныхъ вассаловъ, водворить нѣкото-

(¹) A. Thierry. Considerations sur l'histoire de France, p. 194.

рый порядокъ въ своемъ домѣнѣ. Башня Монлери (Montlhergu), находившаяся въ 6 льѣ отъ Парижа, долго держала ихъ въ постоянной тревогѣ; взять и разрушить ее имъ удалось только при помощи другихъ феодаловъ. Бѣдный Филиппъ I, отправляясь изъ Парижа въ Орлеанъ, для охраненія своей личности долженъ былъ нанимать стражу. Самъ Людовикъ Толстый уже въ XII в. не въ силахъ былъ одолѣть одного замка и принужденъ былъ просить помощи у графа Шампанскаго. Вообще задача французскихъ королей, отъ Гуго Капета до Филиппа Августа, т. е. до начала XIII в., состояла въ томъ, чтобы упрочить за собой свои собственныя владѣнія, ввести большій порядокъ во внутреннее управленіе своихъ домѣновъ и стать твердой ногой лицомъ къ лицу съ феодальной конфедераціей. Впрочемъ нѣкоторымъ значеніемъ у феодаловъ королевская власть пользуется еще при Людовикѣ VI (1108—1137 г.) Толстомъ. Жизнеописатель его, аббатъ Сугерій говоритъ, что вступивши на престолъ, онъ не оставилъ обычая пріобрѣтеннаго имъ въ молодости, — покровительствовать церквамъ, поддерживать бѣдныхъ и угнѣтенныхъ, и заботиться о защитѣ и безопасности государства (¹). Во всякомъ случаѣ можно допустить, что идея о королевской власти, какъ объ источникѣ законодательства, администраціи, правосудія для всего королевства, не умирала у капетинговъ. Духовенство, пользовавшееся большимъ значеніемъ при первыхъ короляхъ этой династіи, поддерживало въ нихъ эту идею. Лучшіе изъ нихъ, на примѣръ Людовикъ VI, какъ бы предчувствуютъ свое призваніе, которое такъ хорошо поняли и выразили въ жизни его потомки, какъ Филиппъ Августъ, Людовикъ св. и Филиппъ IV. Конечно Людовикъ VI не могъ заявлять притязаній на всеобщее значеніе королевской власти; но онъ заявляетъ, на примѣръ, о правѣ вмѣшательства въ дѣла между феодалами, для поддержанія общественнаго мира, среди всеобщаго насилія и произвола. Пользуясь этимъ правомъ, король подъ видомъ устроенія общественнаго мира могъ мало по малу ослаблять феодаловъ. Это право послужило исходной точкой для дальнѣйшаго развитія королевской власти. Во всякомъ случаѣ для насъ важно то обстоя-

(¹) Vie de Louis le Gros par Suger, c. 14. — Guizot. Hist. de la civilis. en France t. IV, p. 398.

тельство, что въ феодальномъ обществѣ XI и XII вѣковъ существовала сила, которая пріобрѣтала перевѣсъ надъ прочими, стремленія которой уже и въ то время начали получать противоположное направленіе феодальнымъ порядкамъ. Для коммунальной борьбы подобное обстоятельство было чрезвычайно благотворнымъ. Если инициативу коммунальнаго движенія во Франціи несправедливо приписывать королевской власти, то во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что движеніе это при извѣстныхъ условіяхъ могло встрѣтить точку опоры въ королевской власти. Во французской исторической литературѣ вопросъ о значеніи королевской власти въ важномъ дѣлѣ освобожденія коммунъ до сихъ поръ не рѣшенъ еще окончательно. Прежде думали, что коммуна есть созданіе генія Людовика VI и его совѣтника, аббата Сугерія. Сотни фактовъ опровергаютъ это положеніе. Коммунальное движеніе есть великое историческое событіе, вызванное социальными и экономическими условіями времени. Приписывать его одному лицу, хотя бы и гениальному, какимъ далеко не былъ ни самъ Людовикъ, ни его совѣтникъ, можно было только при отсутствіи серьезнаго историческаго пониманія. Новѣйшая историческая наука во Франціи, преимущественно въ лицѣ Огюстена Тьерри, доказала исторически-міровое значеніе коммунальной революціи. Но вопросъ о значеніи королевской власти въ освобожденіи коммунъ не рѣшенъ съ точностію. Самъ Thierry колебался во взглядѣ на этотъ предметъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ высказываетъ такое мнѣніе, что верхъ несправедливости приписывать королямъ французскимъ инициативу въ коммунальной революціи (lettre XV). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Thierry говоритъ, что, отъ вступленія на престолъ Людовика Толстаго до смерти Людовика XIV, каждый фазисъ въ историческомъ развитіи средняго сословія связанъ съ именемъ великаго короля или великаго министра. Гизо въ своей исторіи французской цивилизаціи тоже касается этого вопроса. Французскій историкъ-доктринеръ въ фактъ освобожденія коммунъ приписываетъ большую роль королевской власти. Врагъ революцій всякаго рода,—онъ игнорируетъ силу общественнаго переворота, совершившагося съ XI по XIII вѣвъ. Для этого онъ преувеличиваетъ крѣпость и единство феодальной организаціи и утверждаетъ, что коммуны безъ помощи королевской власти непремѣнно пали бы въ неравной борьбѣ. Если коммунальное движеніе имѣло ус-

пѣхъ, то это потому только, что оно нашло себѣ могущественныхъ покровителей въ лицѣ королей третьей расы. Онъ соглашается, что коммуны болѣею частію возникали сами собой, даже противъ воли королей. Но безъ помощи королевской власти онѣ не могли устоять въ борьбѣ съ феодалами. По обыкновенію Гизо, доктринёръ въ этой фразѣ, какъ и во всей своей систематизаціи французской исторіи. Онъ подводитъ факты подъ свою доктрину о четырехъ элементахъ, составляющихъ зародышъ историческаго развитія. Элементы эти: теократія, аристократія, монархія и демократія. Каждый изъ нихъ въ извѣстное время преобладаетъ въ жизни народа. Эта доктрина Гизо часто проводитъ его къ натажкамъ въ исторіи. Такъ какъ, послѣ господства феодальной аристократіи, по системѣ Гизо, наступала пора монархическаго элемента, то демократическое движеніе въ XII в. казалось ему несвоевременнымъ. Демократическій элементъ долженъ былъ ждать еще своего времени. Гизо фаталистъ въ исторіи. Изъ этого фатализма проистекаетъ его полная вѣра въ легальность и глубокое значеніе для Франціи абсолютизма французскихъ королей. Эта вѣра привела его и къ тому возрѣнію, что коммуна безъ королевской власти непременно погибла бы. Тутъ онъ стоитъ не на исторической точкѣ зрѣнія. Онъ забываетъ, что если въ XI и въ началѣ XII вѣка была слаба коммуна, то чрезвычайно сильно было коммунальное движеніе. Коммуны возникаютъ повсемѣстно, во всей Европѣ, — возникаютъ вдругъ. Этотъ взрывъ, не смотря на страшный гнетъ феодализма, указываетъ на могучесть силы, которая его вызвала; это — сила самаго историческаго движенія. Смѣшивать коммуны, какъ частную форму, какъ мѣстное выраженіе этой силы, съ самой силой, создавшей въ полвѣка городскую жизнь на всѣхъ пунктахъ Европы, — это тоже, что смѣшивать силу жизни съ какимъ нибудь органическимъ зародышемъ, который она порождаетъ. На первый разъ коммуна была конечно не сильна; она и не могла быть сильной лицомъ къ лицу съ феодальнымъ началомъ, охватившемъ все общество, предъ которымъ слаба была и королевская власть. Но сильна была та идея, которая въ ней проявлялась (1). Можно было уничтожить одну коммуны, или

(1) Въ высшей степени не логично сравнивать въ отношеніи силы такія понятія, какъ коммуна, феодализмъ, королевская власть. Феодализмъ —

нѣсколько такихъ мелкихъ слабыхъ корпорацій; но въ замѣнъ ихъ возникали десятки другихъ. Французскіе короли иногда даже враждебно относились къ коммунальному движенію. На своихъ земляхъ они не допускали возникновенія коммунъ, или подавляли ихъ съ страшною жестокостію. Туда, гдѣ всего пышнѣе развертывался цвѣтъ городской жизни, на югъ Франціи—въ Лангедокъ, и на сѣверъ—во Фландрію, во главѣ огромныхъ армій, французскіе короли внесли всѣ ужасы опустошенія. Короли французскіе впрочемъ не вдругъ рѣшались уничтожить коммунальное устройство въ провинціяхъ, присоединяемыхъ ими къ короннымъ владѣніямъ, какъ напр. въ Нормандіи, въ Анжу, въ Бретани, Гвиенни, Провансѣ. Они боялись вооружить противъ себя богатое городское сословіе. Но во всякомъ случаѣ, медленнымъ путемъ постояннаго вмѣшательства и парламентскихъ рѣшеній, они постепенно уравнивали свободныя городскія общины съ городами, не имѣвшими политическихъ правъ; каковы и были города, непосредственно зависѣвшіе отъ короны, какъ Парижъ и Орлеанъ.

Потомъ коммунальныя хартіи утверждала не одна королевская власть; каждый изъ бароновъ, уступая силѣ движенія, принужденъ былъ иногда утверждать ихъ. Съ коммунальною революціей случилось тоже, что бываетъ и со всякимъ социальнымъ переворотомъ. Противъ него вооружилась та сила, которая всего менѣе съ нимъ мирилась, сила феодальной аристократіи. Королевская власть сначала не понимала всей важности совершавшагося переворота и, не имѣя еще въ отношеніи коммунъ твердоустановленной системы, поступала случайно. Изъ корыстныхъ видовъ, часто за деньги, она утверждала коммуну; потомъ, получивши отъ феодальнаго сеньора еще большую сумму, уничтожала коммуну, даже подавляла ея свободу силой оружія. Конечно и въ то уже время для королевской власти выгоднѣе было поощрять все, что подрывало силу феодализма; оттого мы больше видимъ королевскихъ дѣйствій за коммуны, чѣмъ противъ нихъ. Но во всякомъ случаѣ не было никакого систематическаго, ясно сознаннаго плана дѣйствій относительно городскихъ общинъ. Планъ этотъ могъ создаться не иначе,

собрательное понятіе, королевская власть—отвлеченная идея, коммуна—понятіе конкретное.

какъ подъ вліяніемъ самаго коммунальнаго движенія. Оно шло сильнѣе и сильнѣе; не только большіе торговые города, но и слабые бурги создавали въ стѣнахъ своихъ коммунальное устройство⁽¹⁾. Многие сеньоры уступали силѣ этого движенія; они спѣшили войти съ общинами въ сдѣлки, чтобы гарантировать себѣ относительно ихъ хотя нѣкоторыя феодальныя права. Вотъ тогда-то королевская власть, подъ вліяніемъ распространившихся идей римскаго права, и уже достаточно сильная въ отношеніи къ феодальной аристократіи, — успѣшила встать во главѣ этого движенія. Въ этомъ, если угодно, заслуга французскихъ королей. Они успѣшили опереться на ту силу, подавить которую ни они, ни феодальная аристократія, не были въ состояніи. Они искусно пользовались этой страшной силой въ борьбѣ съ феодализмомъ. Коммунальное движеніе и королевскій абсолютизмъ, — оба имѣли общаго врага, общее стремленіе противъ феодальной автономіи. Но во всемъ прочемъ они глубоко расходились между собою. Коммуна стремилась къ самоуправленію, къ свободѣ суда, къ свободѣ отъ государственныхъ налоговъ; въ ней была сила децентрализаціи. Королевская власть имѣла въ виду создать единое государственное тѣло съ монархомъ во главѣ, монархомъ — источникомъ всякой власти въ государствѣ. Ея видамъ не отвѣчала ни пестрая, разнообразная жизнь коммунъ, ни стремленія ихъ къ автономіи въ дѣлахъ внутренняго управленія. Оттого королевская власть не была надежнымъ союзникомъ коммунъ; мало по малу она съумѣла втянуть ихъ въ общую административную сѣть, которую она навидывала на всю французскую націю.

Все дальнѣйшее изложеніе наше будетъ служить оправданіемъ этого положенія. Вообще двѣ главныя идеи, два ряда отношеній, должны быть у насъ въ виду, при изученіи коммунальнаго движенія и исторіи французской коммуны въ средніе вѣка. Это, во первыхъ, — отношеніе коммуны къ феодальнымъ своимъ сеньорамъ и постоянная борьба съ ними; во вторыхъ, — отношеніе коммуны къ королевской власти, вмѣшательство этой послѣдней въ борьбу и постепенный захватъ на счетъ обоихъ противниковъ. Мы впрочемъ не хотимъ сказать этимъ, чтобы королевская власть вездѣ, всегда

(1) А. Thierry. Consider. p. 184.

и во всѣмъ шла въ разрѣзъ съ городскими общинами. Была эпоха, когда королевская власть поддерживала коммуны и, конечно, эта поддержка чрезвычайно много значила для развитія городской жизни. Но нужно знать мѣру этой поддержки. Именно, политика королевской власти во Франціи представляетъ двойственный характеръ: одной рукой она помогала историческому прогрессу третьяго сословія; другой— всегда стремилась это сословіе удержать въ подчиненномъ къ себѣ отношеніи, шла на переکورъ всѣмъ его политическимъ стремленіямъ, какъ бы они не проявлялись, въ видѣ ли мѣстной автономіи, или съ притязаніями на управление государствомъ чрезъ своихъ представителей на собраніяхъ государственныхъ чиновъ. Замѣтимъ при этомъ, что въ новѣйшей французской исторической литературѣ—прославляется направленіе, противоположное выводамъ Гизо и Тьерри.

Теперь ставятъ впередъ то положеніе, что французская исторія въ средніе вѣка создавалась не королевской властью, а самимъ французскимъ народомъ, преимущественно третьимъ сословіемъ. Но подъ вліяніемъ революціонныхъ идей, которыя никогда не умираютъ во французскомъ обществѣ, представители этого возрѣнія уже забываютъ все историческое значеніе королевской власти для соціального роста третьяго сословія ⁽¹⁾. Это уже другая крайность, вызванная преувеличеніями прежней исторической школы. Изученіе исторіи коммунъ по подлиннымъ документамъ даетъ возможность предохранить себя отъ подобныхъ увлеченій въ ту и другую сторону. Оно укажетъ намъ слабыя стороны въ самой средневѣковой французской коммунѣ, которыя,—въ связи съ другими причинами, особенно при стремленіи королей къ централизаци, не могли обѣщать этой коммунѣ прочной организаціи и продолжительнаго существованія. Установивши взглядъ на значеніе тѣхъ элементовъ, среди которыхъ пришлось развиваться французской коммунѣ, мы переходимъ къ краткому обзору самой коммунальной революціи, создавшей эти городскія общины.

Коммунальное движеніе, возродившее городскую жизнь средневѣковой Европы, шло изъ Италіи,—страны классическихъ преданій. Верхняя Италія представляла много анало-

⁽¹⁾ Таково между прочимъ сочиненіе Fr. Morin'a: *Origines de la démocratie. La France au moyen âge.* 1865.

гичнаго съ сѣверной Франціей въ томъ отношеніи, что лонгобардское завоеваніе тамъ глубоко утвердило германскіе обычаи, а потомъ власть франковъ послужила къ развитію феодальныхъ началъ. Въ городахъ Ломбардіи власть епископовъ была полная, но въ то же время тамъ не умирали преданія и о старинной муниципальной свободѣ. Вслѣдствіе чего неминуемо должна была возникнуть борьба между тѣмъ и другимъ элементомъ, т. е. между феодальнымъ самовластіемъ епископовъ и стремленіемъ городовъ къ самоуправленію. Вслѣдствіе усилившагося богатства этихъ городовъ, ихъ промышленнаго развитія, и не безъ вліянія папской власти, которая въ средніе вѣка на Аппенинскомъ полуостровѣ почти всегда отличалась демократическимъ характеромъ,—ломбардскіе города свергли съ себя власть епископовъ и организовались въ свободныя общины. Исполнительная власть въ этихъ общинахъ принадлежала консуламъ. Они имѣли право войны и спора, созывали народное собраніе, издавали декреты по всѣмъ отраслямъ администраціи. Они судили, или назначали судей въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ; однимъ словомъ они олицетворяли собою верховную власть народа. Это движеніе, положивши начало итальянскимъ республикамъ, не ограничилось одной только Италіей; оно перешло черезъ Альпы и распространилось во Франціи, достигло береговъ Рейна и Дуная и отозвалось въ Германіи. Какъ мы сказали уже выше, элементы борьбы существовали вездѣ, гдѣ развилась феодальная система; движеніе изъ Италиіи было искрой, воспламенившей уже готовый матеріалъ. Вездѣ, гдѣ боролась сила возрожденія городской свободы съ феодальнымъ гнетомъ; толчекъ изъ Италиіи давалъ направленіе этой силѣ и цѣлый рядъ мѣстныхъ столкновеній превратилъ во всеобщее революціонное движеніе (1).

Прежде всего это движеніе сказалось на югѣ Франціи. Здѣсь много было старыхъ римскихъ городовъ; остатки ихъ муниципального устройства здѣсь лучше сохранились, тѣмъ на сѣверѣ. Народонаселеніе съ своими оригинальными нравами и обычаями, съ римскими преданіями, съ своей своеобразной зачинающейсѣ цивилизаціей, съ южнымъ романскимъ нарѣчіемъ, родственнымъ языкамъ южныхъ госу-

(1) A. Thierry. Consider. p. 215.

дарствъ Евровы, — представляло большое родство съ итальянскимъ племенемъ. Епископальная власть въ городахъ Юга не получила такого вполне феодальнаго характера, какъ на сѣверѣ и въ центрѣ Франціи; на Югѣ она не шла въ разрѣзъ съ муниципальными учрежденіями. Епископы даже поддерживали избирательное начало въ городахъ, давали ему свою санкцію. Подъ вліяніемъ итальянскихъ республикъ, въ городахъ Юга съ XII в. почти повсемѣстно мы видимъ учрежденіе консуловъ, которые съ новымъ блескомъ замѣняютъ прежнихъ *prud'hommes* (¹). Здѣсь освобожденныя городскія общины достигли полноты республиканской свободы, которая была только идеаломъ для городовъ сѣверной Франціи. На сѣверѣ борьба была продолжительнѣе и не всегда сопровождалась такими блестящими успѣхомъ, какъ на Югѣ. Одно изъ неблагопріятныхъ условий для сѣверныхъ городовъ заключалось въ томъ, что они находились въ двойной зависимости отъ своего прямаго сеньора и отъ высшаго сюзерена, — короля Франціи. Этотъ послѣдній часто вмѣшивался въ борьбу, и притомъ противъ возникающей коммуны, какъ это уже было замѣчено нами выше. Честь перваго учрежденія коммуны принадлежитъ Камбру, древней муниципіи, — гдѣ съ X вѣка шла ожесточенная борьба между епископомъ и гражданами. Здѣсь въ 1076 году возникло коммунальное устройство, по выраженію лѣтописца, *conjugatio* — заговоръ (²). Отсюда пропаганда направилась къ югу, тогда какъ движеніе изъ Италіи шло къ сѣверу. Послѣ Камбра французскіе города получаютъ коммунальное устройство въ слѣдующемъ порядкѣ: Нуайонъ (Noyon — около 1110 г.), Бовэ (Beauvais — 1122 г.), Сень-Рикье (Saint-Riquier — 1126 г.), Лаонъ (Laon — 1128 г.), Амьенъ (Amiens — 1113 г.), Суассонъ (Soissons — 1181 г.), Реймсъ (Reims — 1120 г.), Корбія (Corbio — 1180 г.), Аббевиль (Abbeville — 1185 г.), Компьенъ (Compiègne — 1186 г.)

(¹) Въ Каркасонѣ консульство учреждено въ 1107 году, въ Безьерѣ въ 1121 или 1131, Монпелье — 1141, Нимъ — въ 1145, Нарбоннѣ — 1148, Арль — 1131, Авиньонѣ — 1146 г. — Warnkönig. Franz. Staats und Rechtsgeschichte. I, 321. Въ Тулузѣ консульскіе списки велись съ 1147 года. Raynouard. Droit munic. en France, II, 200—207.

(²) Исторія борьбы этихъ городовъ за свободу прекрасно разсказана А. Thierry, въ его *Lettres sur l'hist. de France*; *Lettres XIV—XXIV*.

и т. д. Некоторые из этих городов приобрели коммунальную свободу путем вровой борьбы, как например, Туайонъ, Бовэ, Лаонъ, Амьенъ и Суассонъ. Другіе получили права коммуны по соглашеніи съ сеньоромъ и съ утверженіи короля. Восстаніе имѣло характеръ внезапности и борьба была упорная. Ему обыкновенно предшествовало сильное волненіе между горожанами. Много было шумныхъ толковъ объ обидахъ и страшныхъ притѣсненіяхъ со стороны сеньора. Составлялся союзъ сначала небольшого кружка болѣе смѣлыхъ головъ, потомъ союзъ этотъ расширялся и захватывалъ болѣе большой кругъ горожанъ. Конечно въ немъ было больше всего лицъ низшаго сословія, наиболѣе бѣдныхъ, наиболѣе страдавшихъ отъ притѣсненій сеньора. Волненіе достигало высшей степени, когда узнавали, что какой нибудь сосѣдній городъ успѣлъ уже свергнуть феодальное иго. Случалось, что являлись агитаторы изъ другихъ уже освободившихся общинъ: такъ въ городѣ Везелэ (Vezelay) жителей возбуждаетъ къ борьбѣ съ аббатомъ одинъ изъ переселенцевъ съ Юга (1). Чаще всего восстаніе начиналось среди ночной тишины.

Нѣсколько смѣльчаковъ нападаютъ на феодальную стражу въ какомъ нибудь пунктѣ города. Укрѣпившись въ захваченномъ пунктѣ, смѣльчаки съ крикомъ коммуна, коммуна! (commune, commune!) разсыпаются по всему городу. Къ нимъ присоединяются толпы торговцевъ и ремесленниковъ, вооруженныхъ чѣмъ ни пошло. Но это только сигналъ къ борьбѣ продолжительной и упорной. Съ войсками феодала приходилось биться на улицахъ, площадяхъ; приходилось брать приступомъ внутри самаго города не одинъ укрѣпленный домъ, въ которомъ заключались вассалы барона, ненавидимые для народа. Феодальный замокъ, который грозно высился надъ городомъ, всего больше внушалъ страха и ненависти горожанамъ. Осада его иногда продолжалась цѣлыя недѣли. Если имъ удавалось овладѣть замкомъ, то отъ него оставалась только груда камней и щебня. Но это не все: вокругъ города было не одно подобное разбойничье гнѣздо; пока они всѣ не были разворены, у жителей не могло быть покойно на сердцѣ. И вотъ начинался рядъ осадъ и приступовъ. Бѣ-

(1) A. Thierry. Lettres sur l'hist. de France. Hist. de la commune de Vezelay, I. XVII—XXIV.

жавшій феодалъ часто возвращался съ войскомъ, которое онъ получалъ отъ другаго феодала, или отъ своего сеньора, часто отъ самого короля. Случалось, что коммуна не въ силахъ была сопротивляться и тогда, послѣ страшной рѣзни, громадныхъ штрафовъ и истязаній всякаго рода, начинался опять гнеть феодала, который былъ еще тяжелѣе прежняго, какъ месть за попытку къ освобожденію. Но случалось и такъ, что путемъ долгой борьбы, или денежныхъ пожертвованій городъ успѣвалъ добиться утвержденія своей коммуны. Коммуна (*communia, communia jurata, la commune juree*) имѣла еще другіе синонимическіе термины,—*conjuratio, amicitia, confederatio, confraternitas, рах* и т. п. Она означала клятвенный союзъ жителей города для взаимной защиты противъ феодальнаго насилія. Возставшіе противъ власти феодала собирались, или въ церкви, или на городской площади. Тутъ они давали клятву стоять другъ за друга, сохранять между собой взаимный миръ и не допускать, чтобы кто нибудь обращался съ ними какъ съ рабами (*serfs*). Всѣ давшіе такую присягу назывались *jurati—jurés*; отсюда названіе коммуны—*conjuratio*. Собраніе выбирало изъ среды себя городскихъ начальниковъ, на которыхъ возлагалась обязанность блюсти интересы коммуны, завѣдывать ея финансами, судомъ и администраціей. Такимъ образомъ выбирали мэра (*major—maire*) и засѣдателей (*scabini—échevins*, которые впрочемъ иногда называются тоже *jurati*). Такимъ образомъ составлялся городской совѣтъ; коммуна получала внутреннюю организацію. Первой заботой городской администраціи было подумать о защитѣ города. Учреждалась городская милиція; выбирали для нея начальниковъ между гражданами, отличившимися особенной храбростью во время возстанія. Если городъ былъ слабо укрѣпленъ, то городскія власти заботились объ исправленіи укрѣпленій; иногда приходилось вновь строить городскія стѣны, копать рвы и дѣлать земляныя насыпи. Это требовало расходовъ и подавало поводъ къ налогу на жителей,—членовъ коммуны (*taillia, la taille*). Коммуна, въ общемъ собраніи своихъ членовъ составляла хартію (*la charte de la commune, chartam communiae*), въ которой наскоро излагались условія ассоціаціи и опредѣлялись отношенія къ феодалу. Коммунальная хартія часто составлялась путемъ соглашенія съ сеньоромъ; поэтому она представляетъ сдѣлку, компромисъ между городской свободой и феодальны-

ми правами сеньора. Обязываясь исполнять въ отношеніи сеньора нѣкоторыя повинности, впрочемъ не слишкомъ тяжелыя сравнительно съ прежними, коммуна гарантировала себѣ свободу собственной администраціи и значительныя судебныя права. Верхомъ желаній коммуны было получить утвержденіе хартіи отъ короля. Королевская санкція давала коммуна́мъ право на законное существованіе въ феодальномъ обществѣ того времени. Собраніе городского совѣта производилось въ общественномъ городскомъ домѣ. Рядомъ съ городской ратушей, а иногда и прямо надъ ней, возвышалась городская башня (*beffroi*), съ вѣчевымъ колоколомъ. Башня эта составляла предметъ гордости и страстной любви горожанъ. Обыкновенно очень бережливыя въ своихъ расходахъ, они ничего не жалѣли для украшенія своей башни, напомилавшей имъ объ ихъ свободѣ. Съ развитіемъ готическаго стиля и городскія башни начали строиться въ этомъ вкусѣ. Особеной величавостью отличались городскія башни богатыхъ городовъ Юга и итальянскихъ республикъ. Знаменитая башня Пизанская есть монументъ городской свободы, гордаго республиканскаго духа.

Коммуна привилась вездѣ, гдѣ существовали остатки римскихъ муниципій, гдѣ и въ XI вѣкѣ еще не вымерли преданія о прежней свободѣ. Мы представили чистый типъ коммуны, но не всѣ города получили одинаковыя коммунальныя права. Существовало множество отгѣнковъ городскихъ вольностей. Dom Garrin дѣлаетъ различіе между разными степенями внутренняго самоуправленія въ городахъ Франціи,—*affranchissement*, *franchise*, *commune*. Права коммуны давали больше, чѣмъ просто *affranchissement* или *franchises*. *Affranchissement*—только освобождало отъ тяжелой повинности,—называвшейся *manus mortua*. *Franchises*—предполагали освобожденіе отъ большаго числа феодальныхъ повинностей и утвержденіе городскихъ вольностей, съ условіемъ извѣстной платы, извѣстнаго оброка сеньору. Коммуна имѣла право войны и мира, право имѣть сенатъ или городской совѣтъ, члены котораго назначаются по выбору городского собранія и т. д. Вотъ этотъ послѣдній видъ городской организаціи особенно и былъ ненавистенъ для феодаловъ и для духовенства. Они ненавидѣли самое слово коммуна; лѣтописцы XII в. называютъ его *novum ac pessimum nomen, detestabile nomen*. Не мудрено, что коммуна возбуждала такую ненависть въ

феодалномъ обществѣ того времени. Она, по духу своему, по характеру своихъ стремлений, шла въ разрѣзъ съ феодальными порядками. Оттого съ самаго начала своего существованія ей пришлось выдержать упорную борьбу съ сеньорами. Документы городскихъ архивовъ и другіе историческіе источники средневѣковой коммуны представляютъ намъ развитіе городскихъ учреждений подъ вліяніемъ этой борьбы съ феодализмомъ. Столкновеніе между коммуной и феодалами происходитъ на всѣхъ возможныхъ пунктахъ; борьба совершается можно сказать на каждомъ шагѣ: коммуна отстаиваетъ свои молодыя права и въ тоже время шагъ за шагомъ отвоевываетъ новыя. Въ XIII вѣкѣ полный разцвѣтъ городской жизни; къ концу этого вѣка начинается уже ея паденіе, которое идетъ прогрессивно въ XIV и XV вѣкахъ, такъ что во 2-й половинѣ этого столѣтія остается уже только тѣнь прежней городской свободы. Задача наша изложить исторію этой борьбы вмѣстѣ съ развитіемъ городскихъ учреждений, проникнутыхъ болѣе или менѣе свободнымъ характеромъ; затѣмъ — постепенный упадокъ городской свободы, подъ гнетомъ королевскаго абсолютизма. Эти отношенія всего лучше изучать на одномъ какомъ нибудь городѣ; такъ мы лучше познакоимся и съ силами и съ средствами противниковъ, и съ характеромъ самой борьбы и съ ея результатами.

Мы сказали, что коммунальное устройство распространилось по всему сѣверу нынѣшней Франціи и во Фландрію, тогда какъ консульское городское устройство развилось преимущественно на югѣ. Но между двумя областями сѣверной и южной существовала средняя или центральная полоса, гдѣ мы не видимъ ни того ни другаго. Въ этой полосѣ, которая заключаетъ въ себѣ провинціи Орлеанъ, Гатина, Мэнь, Анжу, Турэнь, Берри, Нивернэ и Бургундію, существовали города безъ политическаго значенія, хотя и съ характеромъ самостоятельной магистратуры (*villes de simple bourgeoisie*). Здѣсь безъ возстанія цѣлымъ рядомъ медленныхъ усилій были добыты нѣкоторыя права свободы политической и гражданской; но права эти были весьма незначительны, въ сравненіи съ городами сѣвера и юга. Города средней полосы Франціи имѣли съ незапамятныхъ временъ свою избирательную магистратуру. Они хотя и имѣли нѣкоторыя административныя и судебныя права, но права эти сильно были ограничены феодальной или королевской властью. Города средней Франціи были бо-

гато населены; они отличались промышленнымъ и торговымъ развитіемъ. Они много послужили для прогресса Франціи, но никогда не имѣли политическаго значенія. Напротивъ дѣломъ политики французскихъ королей было уравнивать, путемъ продолжительной ассимиляціи, цѣлымъ рядомъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, коммуны сѣвера и консульскіе города Юга съ безопасными для притязаній абсолютизма городами средней Франціи. Мы увидимъ что эта ассимиляція удалась французской королевской власти. Для изученія городского устройства средней полосы мы могли бы выбрать одинъ изъ самыхъ значительныхъ городовъ, не имѣвшихъ ни консульскаго, ни коммунальнаго устройства, напр. Орлеанъ. Но въ нашемъ сочиненіи представителемъ средней полосы выбранъ городъ Реймсъ. Этотъ архіепископскій городъ—лучшій представитель городовъ средней полосы. Реймсъ представляетъ постоянное, вѣковое стремленіе къ коммунальному устройству, къ тому типу чистой коммуны, которая выразилась въ конституціи городовъ Лаона, Суассона, Бовэ, Амьена. Этотъ послѣдній городъ—представитель сѣверной полосы. Главный городъ Пикардіи, онъ имѣлъ вліяніе своимъ коммунальнымъ строемъ на другіе города этой провинціи. Близость къ Фландріи, постоянная съ ней сношенія, сильно вліяли на развитіе демократическаго духа его жителей. Амьенъ, принадлежавшій сначала графамъ Фландріи, а потомъ королю, въ тоже время былъ и епископскій городъ. Онъ представляетъ намъ прекрасный случай изучить коммуну въ сопркосновеніи съ свѣтскимъ и духовнымъ феодализмомъ и подъ непосредственнымъ вліяніемъ королевской власти. При этомъ мы должны указать границы нашего изученія. Городовая жизнь можетъ быть изучаема съ различныхъ точекъ зрѣнія. Администрація во всѣхъ ея проявленіяхъ, судебное устройство, полицейскій надзоръ, цеховая организація, торговля, промышленность, нравы и обычаи горожанъ и т. д.,—каждый изъ этихъ отдѣловъ могъ бы быть предметомъ особой исторической монографіи. Матеріалы, напечатанные въ *Collection de documents inédits*, могутъ служить источникомъ для каждаго изъ указанныхъ отдѣловъ. Но наша цѣль изучить коммуну какъ часть государственнаго организма, прослѣдить развитіе коммунальныхъ учреждений, которыя оказали вліяніе на общій ходъ историческаго развитія французской націи. Для насъ коммуна есть молекула государственна-

го организма, стремившаяся правда къ обособленію, но потомъ вошедшая въ тѣсную связь съ цѣлымъ. Мы ни на минуту не должны забывать, что французская коммуна была колыбелью средняго сословія, которое воспиталось, выросло и окрѣпло во внутренней борьбѣ свободаго духа съ феодальнымъ гнетомъ, которое выработало путемъ тяжелой борьбы и медленнаго развитія своеобразный, общественный порядокъ, постепенно переходившій въ практику государственной жизни. Поэтому главный предметъ нашего изученія—развитіе коммунальныхъ учреждений, внутренней городской администраціи, порядка судебного, финансоваго, полицейскаго. Цеховое устройство будетъ разсмотрѣно на столько, на сколько цехи принимали участіе въ городскомъ управленіи и на сколько цеховые статуты характеризуютъ внутреннюю жизнь средневѣковой коммуны. Такимъ образомъ подробный анализъ цеховыхъ статутовъ, изученіе мелкихъ правилъ средневѣковой индустріи, не входятъ въ планъ нашего сочиненія. Промышленность и торговля войдутъ на столько, на сколько они служатъ выраженіемъ процвѣтанія или упадка городской жизни. Общая цѣль нашей задачи исключаетъ специальное изученіе всѣхъ тонкостей средневѣковаго процесса. Это уже предметъ специально юридическаго свойства. Для насъ судопроизводство и судоустройство важны какъ выраженіе извѣстной степени коммунальной свободы, извѣстнаго характера коммунальныхъ отношеній. Съ той же точки зрѣнія мы будемъ излагать и парламентскіе процессы. Изложить всѣ мелкіе процессы между коммуной и феодалами значило бы, безъ общей мысли, безъ общаго плана, повторить содержаніе источниковъ. Для насъ важны парламентскія рѣшенія, на сколько они знакомятъ съ отношеніемъ королевской власти къ коммунѣ, на сколько они выражаютъ постепенное развитіе административнаго единства на счетъ феодальнаго и городского самоуправления. Характеръ городской жизни при такомъ изложеніи возникаетъ передъ нами въ его общемъ-историческомъ значеніи. Коммуна является какъ арена борьбы разныхъ политическихъ и соціальныхъ стремленій, положившихъ основу дальнѣйшему движенію французской исторіи. При одномъ только специальномъ изученіи городской жизни, если не обращать постоянного вниманія на общій ходъ историческаго прогресса, картина коммунальной жизни мѣлчаетъ и получаетъ исключительно мѣстный интересъ,

какъ памятникъ старины извѣстнаго города. Но изученіе коммуны въ общемъ государственномъ строѣ жизни будетъ въ строгомъ смыслѣ изученіе историческое, имѣющее интересъ общій, независимо отъ всякихъ мѣстныхъ воспоминаній. Указавши такимъ образомъ основную точку, съ которой мы намерены разсматривать исторію французской средневѣковой коммуны, мы переходимъ къ изученію наиболѣе чистаго ея типа, — именно коммуны города Амьена.

ГЛАВА III.

ИСТОРИЯ КОММУНАЛЬНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ГОРОДА АМЬЕНА.

Первыя историческія воспоминанія о городѣ Амьенѣ восходятъ ко временамъ завоеванія Галліи Цезаремъ. Амбіані составляли особую отрасль галльскаго племени, извѣстную подъ именемъ Бельговъ. Samarobriva (мостъ черезъ Сомму, — такъ называли Амьенъ въ это время) былъ главнымъ населеніемъ этой отрасли и составлялъ галльскую общину: civitas, cité. При Августѣ городъ Samarobriva (или Амбіані — отсюда Amiens) былъ включенъ въ провинцію, извѣстную подъ именемъ Secunda Belgica — второй Бельгійской. Въ качествѣ римской муниципіи онъ получилъ римскую магистратуру (civium), — со всѣми ея правами и тяжелыми обязанностями. Подъ владычествомъ римлянъ Амьенъ достигъ нѣкоторой степени процвѣтанія. Амміанъ Марцелинъ называетъ Амьенъ городомъ славнымъ между другими городами. Амьенъ находился на одной изъ великихъ римскихъ дорогъ, прорѣзавшихъ Галлію во всю ея длину и составляяль складочное мѣсто товаровъ сѣверныхъ и южныхъ провинцій. Этотъ городъ тогда уже отличался своей промышленностью. Онъ снабжалъ римскихъ ветерановъ мечами и щитами. Въ городѣ было нѣсколько прекрасныхъ общественныхъ зданій: дворецъ, въ которомъ жилъ императорскій чиновникъ, амфитеатръ, нѣсколько храмовъ и огромная казенная оружейная фабрика. Въ концѣ III вѣка нашей эры въ Амьенѣ проповѣдывалъ христіанство и потерпѣлъ мучичество св. Фирминъ, который былъ первымъ епископомъ Амьена; его останки составляли предметъ благоговѣйнаго почитанія мѣстныхъ жителей. Въ началѣ V вѣка св. Иеронимъ упоминаетъ объ Амьенѣ въ числѣ городовъ, потерпѣвшихъ отъ нашествія варварскихъ племенъ, какъ то: алановъ, свевовъ, вандаловъ, бургунд-

цевъ. Но съ 428 г. Галлія подверглась другому, болѣе продолжительному и имѣвшему огромныя послѣдствія, нашествію франковъ. Къ концу V вѣка, Амьенъ былъ уже въ ихъ власти. Подъ властью франковъ онъ подвергся общей участи римскихъ муниципій сѣверной Галліи. Тѣсныя рамки римской куріи расширились, всѣ знатные граждане и клирики получили въ нея доступъ. Судебныя ея права увеличились на счетъ власти бывшаго префекта. Епископъ сдѣлался предсѣдателемъ муниципальнаго совѣта. Документъ 2-й половины VII вѣка говоритъ объ избраніи Сальвіана въ епископы города Амьена и прибавляетъ, что онъ былъ призванъ народомъ въ составъ магистратуры,—*fuit vocatus a populo in ordine magistratus*. Отъ VII до половины X вѣка мы не встрѣчаемъ историческихъ свидѣтельствъ объ Амьенѣ; но вѣроятно, что съ нимъ повторилась исторія всѣхъ римскихъ муниципій Галліи. Лѣтописи рассказываютъ только о нашествіяхъ нормановъ, отъ которыхъ Амьенъ страдалъ въ теченіе почти 70 лѣтъ (859—926 г.); причина этихъ частыхъ набѣговъ заключалась въ его положеніи на Соммѣ. Затѣмъ упоминается о междоусобіяхъ феодаловъ при послѣднихъ каролингахъ: сеньоры другъ у друга оспариваютъ власть надъ городомъ. Граждане продолжаютъ выбирать своихъ епископовъ, имѣютъ право назначать изъ среды себя выборныхъ судей (*scabini*). Это право было предоставлено имъ капитуляріями Карла Великаго и его преемниковъ; этимъ правомъ они пользуются вмѣстѣ съ графомъ; X и XI вѣка проходятъ въ борьбѣ внутренняго самоуправленія съ постоянной узурпаціей графовъ, получившихъ феодальныя права. Это періодъ упадка муниципальныхъ учрежденій: городской совѣтъ скабиновъ исчезаетъ, судебныя права передаются вассаламъ графа, перамъ его феодальнаго двора. Вмѣстѣ съ развитіемъ феодальнаго самовластія забываются мало по малу преданія жизни гражданственной; въ замѣнъ дисциплины римскихъ законовъ проникаютъ варварскіе нравы и обычаи. XI вѣкъ представляетъ высшій пунктъ этой дезорганизаціи городской жизни: въ городѣ царствуетъ война между городскими семействами, между феодалами и ихъ вассалами. Но въ этомъ вѣкѣ мы видимъ уже и первые проблески общественнаго порядка; на провинціальныхъ соборахъ епископы неоднократно провозглашаютъ миръ Божій. Случалось, что горожане, подъ предводительствомъ приходскихъ священни-

ковъ, вооруженной рукой заставляютъ феодаловъ сохранять это благочестивое учрежденіе. Это—періодъ борьбы и въ то же время развитія въ жителяхъ городовъ военнаго духа и сознанія силы. Въ то же время мы видимъ первые проблески духа ассоціаціи. Между жителями Амьена и Корбіи заключенъ союзъ для сохраненія взаимнаго мира. Союзъ подтверждается клятвою надъ мощами св. Фирмина. Между жителями обоихъ городовъ было постановлено соблюдать миръ въ теченіи всей недѣли⁽¹⁾. Для возобновленія союза жители обоихъ городовъ собирались ежегодно въ Амьенѣ въ извѣстный праздникъ. На этомъ собраніи надъ мощами святыхъ повторяли клятву союза, условія котораго торжественно читались передъ народомъ; тутъ же разрѣшались тяжбы, кончались ссоры, давались обѣщанія во взаимной молитвѣ другъ за друга. Собраніе скоро потеряло такой строго-религіозный характеръ. Въмѣсто процессій и молитвъ оно заканчивалось играми, пляской и хороводами. *Displicuit res illa bonis et maxime mopachis*, замѣчаетъ дографъ XI в.⁽²⁾ Въ союзѣ Амьена съ Корбіей мы видимъ примѣненіе германской гильды (*guilde*).

Въ Амьенѣ власть принадлежала двумъ феодальнымъ сеньорамъ, епископу и графу. Власть графа простиралась надъ всѣмъ городомъ и его землей (*banlieu*); власть епископа имѣла силу только на церковныхъ земляхъ, внутри и внѣ города. Часть предмѣстій, отъ городской стѣны до Соммы, тамъ гдѣ была старинная цитадель, принадлежала королю, вслѣдствіе чего жители этого предмѣстья были подсудны не графу, а королевскому вассалу, кастеллану⁽³⁾, жившему въ замкѣ *Castillon*, построенномъ на мѣстѣ дворца римскихъ императорскихъ префектовъ. Кромѣ того нѣкоторые судебныя права въ городѣ имѣлъ еще свѣтскій намѣстникъ епископа, — *vicarius*, *vicedominus*, *vidame*⁽⁴⁾. Всѣ эти четыре сеньора: графъ, епископъ, его намѣстникъ и кастел-

(1) Бывали условія мира только на одинъ, или на нѣсколько дней въ недѣлю.

(2) *Monuments de l'histoire du tiers—état* t. 1. p. 13.

(3) *Castellanus*, *châtelain*—отъ *castellum*. См. Du-Cange. *Glossarium*—подъ словомъ *castallanus*. Warnkönig, 1, 244. На нихъ обязанности лежала защита укрѣпленій (*castellum*); но потомъ они получили феодальныя права.

(4) Du-Cange; *vicedominus*. Warnkönig. 1, 245.

лянъ, назывались *principes civitatis* (¹). Въ то же время документы указываютъ, хотя не совсѣмъ ясно, на существованіе и городской магистратуры. Члены ея называются *primores urbis, viri authenticici habentes in plebe pondus testimonii* (²). Трудно опредѣлить, какія были права и обязанности этихъ лучшихъ людей города. Вѣроятно они завѣдывали нѣкоторыми внутренними дѣлами, не представлявшими для сеньоровъ источника доходовъ, а также свидѣтельствовали частныя сдѣлки между гражданами. Есть свидѣтельство, что они, какъ представители города, приносятъ графу жалобу на притѣсненія со стороны вассаловъ, исполнявшихъ судебныя обязанности (³). Къ XI в. относятся нѣсколько документовъ, касающихся привиллегій капитула соборной Амьенской церкви, а также аббатства св. Маврикія, находившагося въ предмѣстьяхъ города (⁴). Гораздо важнѣе граммата конца XI вѣка Гюи и Ивъ (*Gui et Ives*), графовъ Амьенскихъ, относительно судебного устройства Амьена. Изъ нея мы знакомимся съ тяжестью феодальныхъ судовъ, которыми завѣдуютъ викомты графа. Это—его вассалы, ленники съ обязательствомъ военной службы и отправленія судопроизводства. Графы Амьена, по жалобѣ церкви и жителей города на неслыханныя притѣсненія со стороны этихъ феодальныхъ судей, по совѣту лучшихъ людей города (*principes urbis*), постановляютъ нѣкоторыя правила, съ цѣлью ограничить эти злоупотребленія. Въ грамматѣ опредѣляется количество штрафа, которое имѣетъ право требовать викомтъ: бывшаго на судѣ у одного викомта запрещается требовать на судѣ въ другому; запрещается начинать судебное преслѣдованіе безъ формальной жалобы (⁵) и т. д. Граммата проникнута чувствомъ сожалѣнія въ угнетеннымъ жителямъ: она называетъ ихъ *plebs Dei, pauperes Dei*. Положеніе ихъ сравнивается съ положеніемъ Израиля въ Египтѣ (⁶). Но благочестивое желаніе графовъ только на время могло ослабить народныя бѣдствія. Феода-

(¹) Monum. t. 1. p. 15.

(²) Monum. t. 1. p. 15.

(³) Monum. t. 1. p. 22. Документъ 1094—1095.

(⁴) Monum. t. 1. p. 16, 18, 19.

(⁵) Monum. t. 1. p. 22, 23. Докум. 1090—1095 г.

(⁶) *Plebs Dei a vicecomitibus novis et inaudites calamitatibus affligebatur, quasi populus Izrael oppressus in Aegypto ab exactionibus Pharaonis.*

лизмъ болѣе и болѣе навлаживалъ свою тяжелую руку на бѣдный народъ,—этотъ *plebs Dei*, который впрочемъ скоро стумѣлъ свергнуть съ себя иго Фараона.

Коммунальное возстаніе Амьена было вызвано общими причинами, дѣйствовавшими на всея сѣверѣ Франціи. Отъ 1100 по 1112 г., въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, возставшіе жители сосѣднихъ городовъ Нуайона, Бовэ, Сень-Кантена и Лаона свергли феодальное иго и ввели коммунальное устройство, по которому сама корпорація городскихъ жителей получила верховную власть въ городѣ. Особенно было сильно возстаніе въ Лаонѣ 1109 г. (¹). Оно было вызвано страшною жестокостію епископа, который былъ убитъ вмѣстѣ съ другими ненавистными для народа лицами. Вскорѣ возстаніе вспыхнуло и въ Амьенѣ; жители его тоже составили *conjugatio*,—вѣтвенный союзъ,—съ цѣлю освобожденія отъ феодальной власти графа Энгера де Бовэ (*Enguergand de Boves*). Епископомъ въ Амьенѣ въ то время былъ Жофруа, причисленный потомъ въ лику святыхъ. Епископская власть въ Амьенѣ была незначительна: епископъ самъ терпѣлъ обиду отъ графа, его викомтовъ и другихъ городскихъ сеньоровъ. Поэтому Жофруа принялъ сторону гражданъ. Возстанія и коммунальное устройство обѣщали ему больше значенія въ городѣ. Впрочемъ нельзя объяснять поведеніе св. Жофруа только личными его расчетами. Онъ былъ просвѣщенный человекъ своего вѣка и понималъ необходимость коммунальныхъ гарантій. Хроникѣръ XII в., аббатъ Гибертъ Новигентскій тономъ горечи разсказываетъ объ участіи св. епископа въ возстаніи горожанъ (²). Благодаря его посредничеству, Людовикъ VI Толстый за извѣстную сумму денегъ утвердилъ Амьенскую коммуну съ ея избирательною магистратурою. Новое городское устройство было предложено на утвержденіе другихъ сеньоровъ города. Викарій или видамъ далъ свое согласіе съ условіемъ гарантіи нѣкоторыхъ своихъ правъ и уплаты значительной суммы денегъ. Но Энгера де Бовэ,

(¹) Возстаніе въ Лаонѣ было вызвано страшными жестокостями епископа. Лаонская коммуна была устроена по образцу коммуны въ Нуайонѣ. Исторія возстанія въ Лаонѣ прекрасно разсказана А. Thierry въ его *Lettres sur l'histoire de France. Lettres XVI, XVII, XVIII.*

(²) *Monuments. t. 4. p. 29.*

главный сеньоръ города, ни на что не соглашался. Несмотря на утверждение коммуны королемъ, графъ рѣшился бороться съ нею всѣми силами. Къ нему присоединился кастеллянъ Адамъ, дѣйствовавшій въ этомъ случаѣ независимо отъ своего сюзерена. Амьенцы рѣшились защищаться; они вооружились подъ начальствомъ своихъ выборныхъ властей. Епископъ и видамъ присоединились къ нимъ,—важный съ своимъ войскомъ. Но борьба съ могущественнымъ барономъ не могла быть равною; поэтому жители Амьена просили помощи у знаменитаго Томаса де Марль (Thomas de Marle),—сына Энгерана, графа Амьенскаго. Не удивительно, что Томасъ вступился за Амьенъ противъ собственнаго отца. Въ этотъ вѣкъ между феодальными сеньорами весьма слабы были родственныя отношенія. Къ тому же Томасъ получилъ отъ Амьена громадную сумму. Служить коммунѣ ради корысти для него было не новостью. Томасъ де Марль принималъ сторону города Лаона въ борьбѣ его за свободу. Это былъ самый воинственный, самый жестокій изъ бароновъ XII в. Кромѣ того онъ отличался особеннымъ вѣроломствомъ. При его помощи городскія войска одолѣли отрядъ графа и кастелляна; такъ что они оба заперлись въ Кастильонѣ. Теперь графъ понималъ, что пужно склонить на свою сторону главнаго союзника коммуны. Онъ успѣлъ въ этомъ при помощи денегъ и разнаго рода обѣщаній. Вѣроломный Томасъ обратилъ оружіе на своихъ союзниковъ: земли епископа и окрестности города подверглись страшному опустошенію. Томасъ ловилъ жителей и приказывалъ убивать ихъ безъ всякой жалости. Рассказываютъ, что онъ собственноручно зарѣзалъ до 30 человекъ. Но скоро онъ самъ попалъ въ засаду и, тяжело раненный, принужденъ былъ удалиться въ свои владѣнія. Но войско его осталось въ Кастильонѣ. Замокъ этотъ былъ построенъ на углу городской стѣны; поэтому онъ могъ получать подкрѣпленіе и жизненные припасы извнѣ и въ тоже время постоянно тревожить жителей. Люди графа днемъ и ночью дѣлали вылазки, убивали женъ и дѣтей, грабили и жгли городъ. Амьенцы упали духомъ. Противъ епископа слышались упреки,—особенно со стороны клира.

(¹) Въ то время эта должность была наследственной въ фамиліи Пиквины.

Жофруа отослать къ Реймскому архіепископу знаки своего достоинства кольцо и посохъ, и въ 1114 году удалился въ Ключійскій монастырь, а потомъ въ картезіанское аббатство близъ Гренобля (Grande—Chartreuse). Но по приказанію своего архіепископа онъ воротился и снова занялъ епископскую кафедру въ 1115 г. По возвращеніи Жофруа нашель городъ въ печальномъ положеніи. Земли епископа и капитула были опустошены войсками Томаса. Въ городъ была постоянная война; граждане укрѣпляли свои дома и упорно въ нихъ защищались. Имущество свое они скрывали въ сосѣднихъ монастыряхъ. Въ это время Людовикъ Толстый направлялся съ войскомъ противъ Лаона, въ которомъ кипѣло возстаніе противъ епископа. Король повиновался голосу прелатовъ Реймской провинціи. Местъ его была направлена противъ не одного только Лаона, но и противъ его союзника Томаса де Марль. Св. Жофруа воспользовался такимъ двусмысленнымъ поведеніемъ Томаса и жаловался королю на его притѣсненія. Людовикъ наказалъ Лаонъ, уничтожилъ въ немъ коммунальное устройство и, взявши нѣсколько замковъ Томаса, направился къ Амьену для поддержанія общественнаго мира. Около праздника Вербнаго Воскресенья (des Rameaux) королевскій отрядъ вступилъ въ Амьенъ. Въ самый праздникъ, когда король присутствовалъ у богослуженія, епископъ произнесъ проповѣдь по случаю послѣднихъ событій. Рѣчь его дышала силой убѣжденія: онъ предавалъ анаемѣ нарушителей общественнаго спокойствія, возбуждалъ короля и народъ къ осадѣ Кастильона и обѣщаль царство небесное тому, кто падеть въ борьбѣ съ врагами. Монахъ Гибертъ называетъ эту проповѣдь рѣчью Катилины (sic); но она произвела свое дѣйствіе. На слѣдующій же день королевскій отрядъ, вмѣстѣ съ городской милиціей, началъ осаду Кастильона. Военными машинами началъ бить вѣрвнвія стѣны замка. Въ это время епископъ, съ босыми ногами, въ торжественной церемоніи, отправился ко гробу св. Ацеола. Онъ молился объ успѣхѣхъ предпріятія. „Святой, по замѣчанію Гиберта, не долженъ былъ слушать его молитвы“. Осада продолжалась съ энергіей и упорствомъ, которое объясняется жаждой мести жителей города. Огромныя деревянныя башни, съ подъемными мостами и вооруженными людьми, — подкатывались къ стѣнамъ замка. Старались съ башни перекинуть мостъ и по нему ввбираться на стѣну замка. Осажденные защищались долго

они бросали огромныя камни и разбивали осадныя машины. Множество королевскихъ воиновъ и храбрыхъ гражданъ убито. Самъ король получилъ рану въ грудь; стрѣла пробила его панцырь. Король принужденъ былъ отступить; онъ оставилъ горожанамъ часть своего войска. Осада продолжалась: замокъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, такъ что ни откуда не могъ получать подкрѣпленій ни людьми ни хлѣбомъ. Осажденные не сдавались; они дѣлали вылазки, пробились сквозь толпы горожанъ и возвращались съ запасомъ провизіи. Такъ защищались они цѣлыхъ два года. Наконецъ, утомленные продолжительной осадой и не находя болѣе возможности бороться, графъ и кастелянъ сдали замокъ. Эгеранъ былъ лишенъ графства Амьенскаго, которое опять перешло къ потомству прежняго Рауля (¹). Новый графъ, ~~кто~~ добрый борющій коммуна съ врагомъ его фамиліи, самъ объявленный графствомъ коммунальной революціи, — вошелъ въ соглашеніе съ жителями Амьена. Въ 1117 г. были опредѣлены взаимныя отношенія коммуны и графа; послѣдовалъ раздѣлъ власти между феодаломъ и коммуной. Епископъ Жофруа до конца жизни оставался другомъ народной свободы; до послѣдней своей минуты онъ выносилъ упреки отъ клира и феодаловъ за свое благородное дѣло. Онъ умеръ въ 1116 г., ему не суждено было видѣть развитіе и процвѣтаніе коммуны, возникшей при его содѣйствіи. Свѣтлый образъ его на всегда остался въ народной памяти. Римская Церковь причла его къ лику святыхъ, и онъ одинъ изъ числа тѣхъ не многихъ, которымъ по всей справедливости досталась на долю эта высокая честь. Основаніемъ муниципальнаго устройства города Амьена служить его коммунальная хартія. Въ первоначальномъ своемъ видѣ она не дошла до насъ. Статьи ея восстановлены А. Тьергу на основаніи грамоты Филиппа Августа 1190 г. и хартіи города Аббевиля, для которой Амьенская хартія послужила образцомъ. Цѣль хартіи Амьена — установленіе правильныхъ отношеній между гражданами

(¹) Замѣчательно, что кастелянъ, не смотря на борьбу съ самимъ королемъ, не былъ лишенъ своего лена. Долго потомки его владѣли предѣломъ Кастильономъ. Кастильонъ въ послѣдствіи былъ включенъ въ городскія стѣны. Эта часть города до сихъ поръ сохраняетъ свое старинное названіе.

и феодальнымъ сеньоромъ. Эта цѣль вполне соотвѣтствуетъ характеру самой коммунъ, какъ ассоціаціи жителей для взаимной защиты противъ феодальнаго произвола и для сохраненія внутренняго мира между самими членами коммунъ. Въ этой хартии ничего не говорится, ни о выборѣ городскихъ начальниковъ, ни о порядкѣ администраціи, судопроизводства, управленія городскими доходами и т. д. По всему видно, что хартия эта составлена въ дылу народныхъ страстей, на скорую руку и безъ яснаго пониманія тѣхъ отношеній, которыя должны были возникнуть при новомъ порядкѣ дѣлъ.

Мы должны представить болѣе подробный разборъ коммунальной хартии города Амьена, изучить этотъ первоначальный памятникъ городской средневѣковой жизни. Онъ долженъ послужить исходной точкой для дальнѣйшей исторіи коммунальныхъ учрежденій города Амьена (*). Первая статья Амьенской хартии постановляетъ, чтобы каждый членъ коммунъ, въ отношеніи къ своему союзу, хранилъ вѣрность и давалъ помощь и совѣтъ во всемъ, что считаетъ справедливымъ (**). Это основной законъ коммунъ, устанавливающий коммунальный союзъ для взаимной помощи и общаго совѣта. Коммунальная хартия ничего не говоритъ о томъ, кто эти югати, не опредѣляетъ также, какъ далеко простирается верховная власть коммунъ. Но изъ сличенія Амьенской хартии съ другими, напримѣръ, съ хартіей города Суассона, мы можемъ сдѣлать заключеніе, что власть коммунъ имѣетъ мѣсто прежде всего внутри города, внутри городскихъ стѣнъ (**), а потомъ простирается на всѣ бурги и городскія окрестности, что составляетъ городскую территорію (banlieue) (**). Какимъ образомъ были опредѣлены границы этой территоріи. Можетъ быть, на основаніи сохранившагося преданія о прежней римской муниципальной территоріи, но всего вѣроятнѣе по соглашенію съ феодальнымъ сеньоромъ (**). Члены комму-

(*) *Statute-book* нашего собранія городскихъ хартій называется въ *Recueil des ordonnances* т. XII.

(**) *Unusquisque jurato suo fidem, auxilium, consiliumque per omnia jure observabit.* Monum. t. I. p. 41. Док. 1117 г.

(*) *Intra firmatata urbia.* Chart. de Soins. art. 1.

(*) *Et extra in Burgis.* Ch. de Soins. art. 1.

(*) A. Thierry. Monum. t. I. p. 43.

ны—это всё городскія жители, не принадлежавшіе въ привилегированнымъ сословіямъ, — феодальному дворянству и духовенству (¹). Впрочемъ бурги не всегда входили въ составъ коммуны; хотя въ нихъ всегда было стремленіе составить съ городомъ одну общую корпорацію, какъ это мы увидимъ въ исторіи города Реймса. Случалось и такъ, что бургъ составлялъ совершенно отдѣльную коммуну, или бургъ пользовался коммунальнымъ устройствомъ, а главный городъ имѣть (²). Главный атрибутъ высшей власти (*sovereigneté*) въ средніе вѣка составляла юрисдикція. Поэтому коммунa тоже пользуется правами уголовного и гражданского суда надъ всеми своими членами. Хартия Амьена упоминаетъ о городскихъ засѣдателяхъ (*scabini*) (³), о десятникахъ, которые вѣроятно были низшіе городскіе чиновники, исполнители приказаній мэра и его совѣта (⁴). Судебная власть коммуны обязательна для всѣхъ ея членовъ. Если призываемый къ суду мэромъ, засѣдателями и десятниками (*decanis*), водумаетъ уклониться отъ суда коммуны, то домъ его подвергается разрушенію; самъ онъ осуждается на изгнаніе до тѣхъ поръ, пока не дастъ надлежащаго удовлетворенія, а имѣніе представляется въ распоряженіе мэра и графскаго прево (⁵). Учрежденія коммуны, ея честь, ея отношенія мирныя или враждебныя, должны быть священны для каждаго изъ ея членовъ. Кто будетъ говорить о коммунахъ оскорбительныя слова, кто приметъ въ своемъ домѣ врага коммуны, будетъ имѣть съ ними какія либо сношенія, вступать наприм. въ торговыя сдѣлки, будетъ съ ними пить или бѣсть, въ чемънибудь окажетъ ему помощь, особенно если онъ будетъ помогать ему противъ коммуны или дѣломъ или словомъ, тотъ виновенъ въ оскорбленіи коммуны (*lésé—commune*); домъ его будетъ разрушенъ, коммунa не позволитъ ему жить въ ея

(¹) Конечно къ коммунамъ не могли принадлежать клирики, которые судились судомъ церковнымъ, священники и даже клирики, священники епископа, Викарія, лица вѣрностныя—при феодальныхъ сензоратахъ,—изъ вассаловъ, проживавшіе въ городѣ и т. п.

(²) A. Thierry *Monum.* t. II. *preface*.

(³) *Monum.* t. I. p. 42. *Docum.* 1117 г. art. 15.

(⁴) *Monum.* t. I. p. 42. *Docum.* 1117 г. art. 20.

(⁵) *Ibidem.* art. 15.

предѣлахъ до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ удовлетворенія (¹). Такииъ образомъ общій коммунальнй союзъ долженъ былъ для каждаго изъ членовъ коммуны священнѣе всѣхъ другихъ отношеній. Оскорбленіе коммуны—величайшее преступленіе, которое наказывается высшей мѣрой наказанія. Если враги коммуны должны быть врагами для всѣхъ и каждаго изъ ея членовъ, то друзья ея должны быть наравесноеными. Амьенъ былъ торговый городъ и первыми друзьями его были купцы, торговавшіе съ нимъ. Наказаніе, какъ за преступленіе—*lese commune*, т. е. разрушеніе дома и изгнаніе грозятъ тому, кто вздумалъ бы нанести въ предѣлахъ городской территоріи какое нибудь оскорбленіе или насиліе купцамъ, везущимъ товары въ городъ (²). Коммунальнй хартія ничего не говоритъ о правѣ войны и мира, которое составляло не отъемлемую принадлежность коммунальнй свободы. Амьенская коммуна имѣла подобное право; это подтверждается всей послѣдующей исторіей Амьена и существованіемъ городской милиціи. Молчаніе Амьенской хартіи восполняетъ хартія города Лаона, которая составляетъ лучшій типъ коммунальнй хартій (³). Вотъ что говоритъ эта хартія: „если кто нибудь изъ людей феодала причинитъ обиду лицу, принадлежащему къ коммунѣ, то коммуна жалуется сеньору; но если сеньоръ не взыщетъ съ виновнаго, то коммуна имѣетъ право опустошить его владѣнія (⁴). Хартія города Суассона говоритъ, что во время похода никто не долженъ, безъ позволенія начальника милиціи, вступать въ переговоры съ неприятелемъ (⁵). Нѣсколько статей Амьенской хартіи имѣютъ своимъ предметомъ отношеніе членовъ коммуны къ городскимъ властямъ. Каждый членъ коммуны обязанъ оказывать уваженіе своему начальнику. „Кто вздумаетъ упрекать судей коммуны въ неправосудіи и не докажетъ своего извѣта, имѣніе того отдается въ распоряженіе мэра и засѣдателей (вса-

(¹) Monum. t. 1. p. 44—42. Docum. 1117 г. Art. 16. Cp. Coutumes de Soissons; Compiègne. Ordon. t. XI. Art. 15—16.

(²) Monum. t. 1. p. 41. Docum. 1117 г. art. 3.

(³) Приведено у Guao Hist. de la civilis. 3. 175—182. Выдержки у Тьерри Lettr. sur l'his. de Fr. p. 219.

(⁴) Art. 2. de la charte de Laon.

(⁵) Coutum. de Soissons Ordon. XI, p. 242.

binі). Кто оскорбитъ мѣра при исполненіи обязанностей, или кто ударитъ члена коммуны въ присутствіи городского совѣта, тотъ наказивается раззореніемъ дома ⁽¹⁾. Кроме указавшихъ нами преступленій еще сонатише и оскорбленія членовъ городской магистратуры, хартія Амьена касается преступленій противъ личной и имущественной безопасности и опредѣляетъ наказанія за подобныя преступленія. Объ убійствѣ хартія ничего не говоритъ. Впрочемъ есть основаніе думать, что случаи убійства принадлежали суду самой коммуны. Это видно изъ послѣдующихъ документовъ. Графскому праву принадлежало только судебное слѣдствіе и арестъ преступника ⁽²⁾.

Статьи хартіи касаются главнымъ образомъ воровства и нанесенія ударовъ или ранъ. Замѣчательно стремленіе замѣнить право возмездія—(la peine du talion) денежнымъ штрафомъ ⁽³⁾. Римское право отличалось суровостью уголовныхъ наказаній. Коммуна, сохранивши нѣкоторые римскіе законы въ гражданскихъ дѣлахъ, относительно уголовныхъ преступленій отличалась болѣе мягкими наказаніями на основаніи Германскаго права. Тѣмъ болѣе, что подобная практика наказанія штрафами было введена уже въ городахъ самими феодальными судами. Коммунальная хартія удерживаетъ практику этихъ судовъ, опредѣляя ее нѣсколько точнѣе и вѣроятно уменьшивши размѣръ штрафныхъ денегъ ⁽⁴⁾. Впрочемъ кто не въ состояніи заплатить штрафа, тотъ подвергается наказанію по старинному римскому праву,—*vie proig vie, membre proig membre*. Нанесшій рану члену коммуны долженъ потерять свой кулакъ, или заплатить 9 ливровъ ⁽⁵⁾. Кто просто ударитъ члена коммуны, тотъ платитъ штрафъ въ 15 солидовъ ⁽⁶⁾. Въ хартіи устанавливается различіе между членами коммуны и лицами не принадлежащими къ ней (*jugati et non jugati*). Наказаніе за одно и то же преступле-

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 40—42. Докум. 1117 г. art. 20.

⁽²⁾ Monum. t. 1. p. 104. Докум. 1190 г.

⁽³⁾ Въ нѣкоторыхъ коммунальных хартіяхъ мы видимъ существованіе права возмездія. Art. 7 charte de Soissons. Въ Лаонѣ допускается судебный поселянокъ. Art. 5.

⁽⁴⁾ Документъ 1091—1095 г. Monum. t. 1. p. 22.

⁽⁵⁾ Докум. 1117 г. Art. 7.

⁽⁶⁾ Ibidem. Art. 6.

ніе для послѣднихъ всегда строже, чѣмъ для первыхъ. Такъ если члену коммуны будетъ нанесена рана лицомъ не принадлежащимъ въ коммунѣ, то раззоряется домъ виновнаго и имѣніе конфискуется въ пользу коммуны (¹). Въ видахъ общественной безопасности хартія устанавливаетъ такъ называемое *assuagement*,—ручательство въ безопасности лица, нанесшаго обиду, со стороны обиженнаго. Это имѣетъ цѣлю прегращеніе кровавой мести и замѣну ея судебнымъ преслѣдованіемъ. Въ послѣдствіи это правило судебной практики получило обширное развитіе въ городскихъ бутюмахъ. Но на первыхъ порахъ коммуна относится къ кровавой мести очень осторожно: „Если кто нибудь заявивши о нарушеніи своего права со стороны противника, не въ состояніи по какимъ нибудь причинамъ развѣдаться съ нимъ судебнымъ порядкомъ, а потомъ сдѣлаетъ что нибудь во вредъ этому лицу, то коммуна выслушаетъ его объясненіе, а потомъ уже постановитъ, какъ поступить въ этомъ случаѣ (²). Похищеніе собственности, совершенное лицомъ не принадлежащимъ въ коммунѣ, подлежитъ суду графскаго прево; но если онъ откажется отъ исполненія своей обязанности, то судить сама коммуна (³). Въ этомъ случаѣ лицо, пострадавшее отъ воровства, имѣетъ право захватить имущество виновнаго, которое должно храниться у графскаго прево до тѣхъ поръ, пока виновный не явится на судъ (⁴). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ назначается опредѣленный штрафъ; въ другихъ говорится неопредѣленно, что имущество виновнаго поступаетъ въ распоряженіе коммуны (*in misericordiam communitatis*), т. е. отъ нея самой зависитъ взять для удовлетворенія обиженнаго, сколько она захочетъ (⁵). Судебные штрафы дѣлятся между коммуной, графомъ и другими сеньорами города. Большею частью штрафы дѣлились такъ: коммуна брала двѣ трети, а треть принадлежала графу или сеньору, въ участкѣ котораго было совершено преступленіе. Это впрочемъ точнѣе выражено въ позднѣйшемъ видѣ хартіи,— грамотѣ Филиппа Августа—1190 года, гораздо подробнѣе опредѣляющей права коммуны

(¹) Докум. 1117 г. Art. 11.

(²) *Ibidem* p. 42. Art. 14. Cp. 14. Art. de charte d'Abbeville.

(³) *Ibidem*. Art. 4.

(⁴) *Monum.* t. 1. p. 40—Art. 5. Cp. Art. 6 de la charte d'Abbeville.

(⁵) *Ibidem* p. 40—42. Art. 7, 15, 20.

и отношенія ея къ разнымъ сеньорамъ города ⁽¹⁾. Что касается до раздѣла конфискованнаго имущества (*catalla* движимое имущество) ⁽²⁾, то вѣроятно что оно дѣлилось по ровну между сеньоромъ и коммуной; впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сеньоръ получалъ и все конфискованное имѣніе ⁽³⁾.

Общимъ правиломъ относительно частныхъ сдѣловъ и договоровъ между членами коммуны хартія Амьена постановляетъ, что договоръ имѣетъ всю силу законности, если онъ совершенъ въ присутствіи двухъ или болѣе засѣдателей. Въ случаѣ спора дѣло должно рѣшаться на основаніи свидѣтельства засѣдателей ⁽⁴⁾.

Хартія города Амьена представляетъ главное основаніе для дальнѣйшаго развитія коммунальнаго, мѣстнаго законодательства. Всѣ статьи ея отличаются большей неопредѣленностью; поэтому исторія внутренняго развитія коммунальныхъ учрежденій и отношеній къ феодальнымъ сеньорамъ въ XII и XIII вѣкахъ есть, собственно говоря, дальнѣйшее раскрытіе и уясненіе статей коммунальной хартіи. Во всякомъ случаѣ въ ней ясно выраженъ главный принципъ коммуны, какъ независимой, отдѣльной отъ феодальнаго общества корпораціи.

Первая хартія этой коммуны относительно правъ самой ассоціаціи представляетъ нѣчто новое, чего до сихъ поръ еще не было въ обществѣ, сложившемся на феодальныхъ началахъ. Судебныя постановленія хартіи имѣютъ важность въ томъ отношеніи, что они представляютъ первыя основы коммунальнаго права, изъ области права обычнаго перешедшія потомъ въ письменный законъ. Коммунальная хартія есть основа городскихъ кутюмовъ (*coutumes*), имѣвшихъ такое огромное значеніе въ исторіи французскаго національнаго законодательства.

Раскрывши первоначальныя основы коммунальнаго союза, упроченныя во имя свободы, гражданскаго порядка и защиты противъ насилій всякаго рода,—мы должны теперь приступить къ исторіи развитія этого первоначальнаго законодательства. Намъ слѣдуетъ показать какъ оно постепенно

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 110—113. Докум. 1190 г. art. 7, 38, 41, 6 и 40.

⁽²⁾ Du-Cange подъ словомъ *catallum*.

⁽³⁾ Monum. t. 1. p. 110, 111. Докум. 1190 г. art. 11, 15, 20, 9 и 16.

⁽⁴⁾ Monum. t. 1. p. 42. Докум. 1117 г. Art. 45.

расширялось и обхватывало всё отношенія, созданныя коммунальной революціей. Это развитіе выразилось въ мѣстных городскихъ кутюмахъ, въ мѣстной администраціи и судопроизводствѣ, въ отношеніяхъ коммуны къ феодаламъ и взаимныхъ отношеніяхъ между самими членами коммуны. Эта исторія внутренняго роста городской свободы, постепенно развивающагося строя муниципальных учреждений, сопровождалась быстрымъ ростомъ городской торговли и промышленности; поэтому мы должны обратить вниманіе и на эту внѣшнюю сторону городской жизни. Но подобное изученіе коммунальной жизни составляетъ только одну сторону дѣла. Французская королевская власть, стремившаяся создать національное единство Франціи, создавала его путемъ законодательства и цѣлымъ рядомъ административныхъ мѣръ. Пестрая жизнь коммунъ не соответствовала стремленію королевской власти къ этому внутреннему объединенію. Оттого въ исторіи средневѣковой коммуны мы видимъ два противоположно дѣйствующихъ направленія. Прежде всего мы видимъ мѣстную самостоятельность городской общины, стремленіе ея организоваться своеобразнымъ путемъ, подъ вліяніемъ идеи свободы самоуправления, на основаніи мѣстнаго обычнаго права. Но съ другой стороны чрезъ всю исторію французскаго народа проходятъ централизаторскія идеи верховной власти, стремленіе стереть и уничтожить эту мѣстную пестроту коммунальной жизни и наложить на городскія общины единство администраціи. Памятниками первою направленія, чисто мѣстнаго характера, служатъ городскіе кутюмы, статуты и т. д., однимъ словомъ всё документы городскихъ архивовъ, разнообразныя какъ разнообразна была самая жизнь средневѣковаго города. Централизаторскія стремленія выражались въ королевскихъ ордовансахъ, эдиктахъ, приказахъ, въ памятникахъ законодательнаго характера, въ рѣшеніяхъ Парижскаго Парламента, который скоро сдѣлался высшимъ судилищемъ въ королевствѣ и главнымъ органомъ приведенія въ жизнь централизаторскихъ стремленій королевской власти. Взаимодѣйствіемъ двухъ противоположныхъ направленій опредѣлялся весь внутренній процессъ историческаго развитія французскаго народа. Это взаимодѣйствіе всего рельефнѣе выразилось въ городской жизни. Поэтому при изученіи мѣстныхъ документовъ городской администраціи, памятниковъ мѣстнаго обычнаго права, мы по-

стоянно имѣли въ виду централизаторскія стремленія королевской власти, законодательныя и административныя распоряженія, имѣвшія предметомъ своимъ регламентацію городской жизни. Оттого обзорѣніе коммунальнаго роста города Амьена распадаться у насъ на нѣсколько отдѣловъ, соотвѣствующихъ наиболѣе принятымъ дѣленіямъ французской исторіи, и каждому изъ этихъ отдѣловъ предшествуетъ краткій обзоръ общихъ мѣръ королевской администраціи относительно городской жизни. Въ XII вѣкѣ вліяніе королевской власти на внутреннюю организацію коммуны было весьма не значительно. Оттого въ этотъ періодъ ея существованія мы видимъ еще полное господство мѣстнаго обычнаго права и дальнѣйшее развитіе основныхъ положеній коммунальной хартіи. Впрочемъ не всѣ еще статьи этого перваго письменнаго памятника городского законодательства пользуются примѣненіемъ къ практикѣ ⁽¹⁾. Такъ въ 1121 году одна дарственная запись въ пользу Соборной церкви Амьена свидѣтельствуется не въ городскомъ совѣтѣ, въ присутствіи двухъ засѣдателей, какъ этого требуетъ хартія, но по прежнему при собраніи клира и всего народа ⁽²⁾. Но самостоятельность коммуны въ предѣлахъ города и на городской территоріи не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Графъ Амьена, дѣлая пожертвованіе въ пользу аббатства св. Іоанна, поручаетъ монастырское имущество покровительству коммуны ⁽³⁾. Выводъ ясенъ: на городской землѣ кромѣ коммуны ни какая другая власть, даже власть самого графа, не могла уже оказывать законнаго покровительства ⁽⁴⁾. Коммуна сама, отъ собственнаго своего имени, вступаетъ въ сдѣлки разнаго рода. Такъ она покупаетъ у архидіакона право въѣзжей пошлыны ⁽⁵⁾, вступаетъ въ сдѣлку съ аббатствомъ св. Іоанна относительно городскихъ пастбищъ ⁽⁶⁾. Акты коммунальнаго совѣта утверждаются городской печатью съ многозначительнымъ девизомъ: *secretum meum mihi* ⁽⁷⁾. Городская печать — не сомнѣн-

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 42. Докум. 1117 г. art. 44.

⁽²⁾ Monum. t. 1. p. 50. Докум. 1121 г.

⁽³⁾ Monum. p. 66. Докум. 1161 г.

⁽⁴⁾ Monum. t. 1. p. 95. Ср. Докум. 1170 г.

⁽⁵⁾ Monum. p. 86. Докум. 1144—1164 г.

⁽⁶⁾ Monum. p. 90. Докум. 1161 г.

⁽⁷⁾ Monum. t. 1. p. 62, примѣчаніе.

ное свидѣтельство коммунальной свободы. Мы увидимъ въ послѣдствіи, съ какимъ ожесточеніемъ архіепископъ оспаривалъ у Реймскаго городского совѣта право печати. Мэръ и засѣдатели Амьена заботятся о безопасности города. Капитулъ хотѣлъ открыть ворота монастырской ограды, которыя въ тоже время были и городскими воротами. Городской совѣтъ во имя общественной безопасности воспротивился этому. Было сдѣлано соглашеніе, по которому для спорныхъ воротъ было устроено два ключа: одинъ изъ нихъ хранился у канониковъ, другой—у городскихъ властей. Кромѣ того епископъ обязался собственными средствами, въ случаѣ нападенія, защищать ворота коммуны. Отсюда можно сдѣлать тотъ выводъ, что коммуна принадлежитъ военное управленіе городомъ; она хранитъ городскіе ключи и имѣетъ свое собственное войско,—городскую милицію (¹). Городская магистратура пользуется обширными судебными правами: ей принадлежитъ высшая мѣра юрисдикціи; la haute justice, по средневѣковой терминологіи. Она присуждаетъ не только къ изгнанію, но и къ смертной казни. Такимъ образомъ ей принадлежитъ судъ крови (judicium sanguinis). Вотъ фактъ, который служитъ доказательствомъ, что Амьенская коммуна пользовалась этимъ правомъ высшей юрисдикціи еще въ XII вѣкѣ. Одинъ человекъ, долгое время исправлявшій обязанности графскаго судьи въ Амьенѣ, явился въ Римѣ кандидатомъ на полученіе пребанды. Въ Римѣ возникли сомнѣнія, можно ли посвящать человека, который по должности феодальнаго судьи пролилъ много крови. Чтобы разрѣшить это сомнѣніе, одинъ изъ кардиналовъ писалъ въ аббату Амьенскаго монастыря св. Женеьевы. Въ отвѣтъ своемъ аббатъ говоритъ, что сомнѣнія кардинала напрасны, что нѣтъ препятствій на посвященіе кандидата на духовное званіе. При этомъ онъ дѣлаетъ строгое разграниченіе судебныхъ правъ коммуны и графа. Графскій судья, по увѣренію аббата, никогда своими устами не произносилъ смертнаго приговора, во уличенныхъ въ преступленіи отсылалъ въ Амьенской коммуны для окончательнаго суда и наказанія; потому что ей принадлежитъ судъ крови (judicium sanguinis). Дальше говорится въ документѣ, что коммуна, пользуясь этимъ пра-

(¹) Monum. t. 1. p. 96. Докум. 1177 г.

вомъ, многихъ присудила къ повѣшенію, или иной казни по обычаю ⁽¹⁾. Отсюда ясно, что на обязанности графскаго судьи лежало предварительно слѣдствіе; окончательный же судъ и опредѣленіе наказанія принадлежали коммуѣ.

Но въ концѣ XII вѣка важная перемена совершилась въ судьбахъ Амьенской коммуны; она вошла въ составъ коронныхъ владѣній. Въ то время на Французскомъ королевскомъ престолѣ сидѣлъ Филиппъ Августъ, въ которому всего лучше идетъ изрѣченіе аббата Сугерія, что короли имѣютъ долги руи. Этотъ король принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые всего больше заботились о созданіи національнаго единства Франціи. Но онъ создавалъ это единство не законодательнымъ путемъ, а оружіемъ, упорной борьбой съ феодалами, или посредствомъ коварной политики. Онъ искусно пользовался выходами своего положенія, какъ верховнаго сюзерена въ королевствѣ. Посредствомъ наслѣдованія онъ получалъ графство Артуа, чрезъ конфискацію—Нормандію, Манъ, Анжу, Турень и часть Пуату. Такимъ образомъ онъ разрушилъ сильную Англо-Норманскую монархію Плантагенетовъ, которая грозила Франціи XII в. Дошла очередь и до графствъ Вермандуа и Амьенуа—съ городомъ Амьеномъ. Эта область принадлежала Франдрекему и Эльваскому графу Филиппу, который владѣлъ ей отъ имени жены своей Елизаветы,—наслѣдственной графини Вермандуа и Амьенуа. По смерти жены въ 1182 г., приданое ея графъ Филиппъ удержалъ за собой. Но по просякамъ Филиппа Августа Элеонора сестра Елизаветы изъявила право на наслѣдство послѣ умершей и въ то же время тайнымъ образомъ часть этого наслѣдства уступила королю. Въ качествѣ сюзерена король французскій принялъ роль защитника вѣсть Элеоноры. Началась война между графомъ Фланрскимъ и Филиппомъ Августомъ. До окончательнаго рѣшенія спора Амьенъ былъ переданъ епископу этого города. Но въ 1184 году война снова загорѣлась и графъ Филиппъ долженъ былъ передать королю всѣ свои права на графство Амьенское. Такимъ образомъ Филиппъ Августъ получалъ двоякаго рода права на Амьенъ, какъ графъ и какъ король; но онъ, не оставляя титула Амьенскаго графа, главнымъ образомъ поспѣшилъ замять свои

(1) Monum. t. 1. Докум. 1179—1185 г.

королевскія права. По древнему обычаю, въ качествѣ графа, онъ долженъ былъ исполнить предъ епископомъ феодальный обрядъ,—*hommagium*. Но Филиппъ Августъ не хотѣлъ дѣлать того, что приравнивало его къ простымъ баронамъ. Въ своей грамотѣ къ Амьенской церкви 1185 года онъ говоритъ, что будетъ держать мнѣ церковный, не признавая феодальной зависимости отъ церкви; потому что „мы не должны и не можемъ никому оказывать нашего *hommagium* (‘)“. Филиппъ Августъ считается другомъ и покровителемъ городовъ. Дѣйствительно онъ щедро раздавалъ городамъ привиллегіи. Въ 1180 году онъ освободилъ отъ рабской повинности—*manus mortua* жителей Орлеана (‘). Многіе города получили отъ него коммунальныя хартіи. Насчитываютъ до 78 такихъ хартій, которыя даны имъ вновь, или получили королевское подтвержденіе. Нельзя не замѣтить этого дружескаго отношенія, этого союза, между королемъ и коммунами. Главная побѣда Филиппа Августа, упрочившая торжество монархическаго начала надъ феодальнымъ при Бувинѣ (1214 г.), была одержана имъ при помощи коммунальныхъ войскъ. Тутъ были войска изъ Корбинъ, Бовэ, Комьена и изъ Амьена. Лѣтописецъ рассказываетъ, что городская милиція проникла чрезъ ряды феодальной кавалеріи и расположилась передъ самимъ королемъ. За то и восторгъ народа послѣ побѣды не зналъ границъ (‘). Амьенская коммуна послѣшила испросить у новаго своего графа и короля подтвержденіе своей хартіи. Этотъ памятникъ представляетъ новую ступень въ развитіи мѣстнаго городского законодательства. Но уже и въ этомъ актѣ мы видимъ зародышъ другаго законодательства, имѣющаго своимъ источникомъ власть короля и цѣлю — административное единство Франціи. Королевскіе чиновники байды и прево должны засѣдать въ городскомъ совѣтѣ не для того, чтобы вмѣшиваться въ городскія дѣла, но для того, чтобы коммуна помнила, что внѣ ея существуетъ власть, которая *de facto* и *de jure* выше всѣхъ властей въ королевствѣ. Автономія городскихъ властей во внутреннемъ управленіи оставлена неприкосновенною; только въ судебномъ отношеніи зна-

(‘) *Monum. t. 1. p. 104. Докум. 1185 г.*

(‘) *Ord. des Rois de France. XI, 215.*

(‘) *Guill. Brit. apud rer. Gall. Script. XVII, 97 c. p. 103.*

нiе королевскихъ судей увеличилось на счетъ коммуны. Хартия представляетъ три отдѣла; 1) повторенiе первоначальной хартии 1117 года,—слово въ слово, безъ всякой перемѣны; только тамъ, гдѣ стояло прежде *prepositus noster* (т. е. *comitis*), вмѣсто *postes* постановлено *regis*. Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ гражданскiе законы, которыхъ не было въ первоначальной хартии. Это городскiе вѣтумы, городское обычное право, сложившееся традиционнымъ путемъ и получившее теперь королевскую санкцію, чрезъ внесенiе въ коммунальную хартию. Третьй отдѣлъ составляютъ 6 статей, опредѣляющихъ отношенiя коммуны въ королевской власти. Первый отдѣлъ нами разобранъ; потому мы должны обратить вниманiе на второй и третiй.

Городскiе вѣтумы слагались путемъ традицiи. Римское право, опредѣлявшее всѣ гражданскiя и семейныя отношенiя, нѣкоторое время сохранялись путемъ практики. Потомъ, съ паденiемъ муниципальныхъ учрежденiй, оно теряло свой чистый первоначальный характеръ и становилось правомъ обычнымъ. При этомъ оно не могло не принять въ себя чуждыхъ элементовъ германскаго права и феодальныхъ обычаевъ. Поэтому гражданскiе законы, записанные въ первый разъ въ хартии, утвержденной королемъ Филиппомъ, принадлежатъ тремъ источникамъ: нѣкоторымъ воспоминанiямъ римскаго гражданскаго права, древне-германскимъ обычаямъ и праву феодальному. Законы эти касаются правъ владѣнiя, наслѣдованiя, отчужденiя собственности и т. п. Влiянiе римскаго права сказывается напримѣръ въ томъ, что жена по смерти мужа имѣетъ право пользоваться имуществомъ, приобрѣтеннымъ во время супружества ⁽¹⁾. Вдова, оставшаяся по смерти мужа съ малолѣтними дѣтьми, подчиняется опеѣ. Опекунъ, называемый иногда *mainbourg*, въ грамотѣ носитъ названiе адвоката (*advocatus*) ⁽²⁾. Воспоминанiя древне-германскаго характера сказываются въ томъ, что допускаются въ гражданскихъ дѣлахъ судебныя поединки, впрочемъ съ нѣкоторыми ограниченiями ⁽³⁾. Наконецъ въ грамотѣ

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 104. Докум. 1190 г. art. 22, 35. Giraud. Histoire du droit francais au moyen âge 2, 128 etc.

⁽²⁾ Докум. 1190 г. art. 23.

⁽³⁾ Ibidem. Art. 44.

Филиппа много постановленій чисто феодальнаго происхожденія, таково на примѣръ право *du retrait lignager* (¹). Оно состояло въ томъ, что родственники продавца въ теченіе известнаго времени могли возвратитъ проданную вещь; стоило только возвратитъ покупателю его деньги. Это правило имѣло ту цѣль, чтобы имущество не выходило изъ рукъ известной фамиліи. Такой феодальный характеръ имѣетъ и прескрипція (*prescriptio*),—это по нашему право давности владѣнія (²). Хартія назначаетъ срокъ этой давности въ 7 лѣтъ, т. е. послѣ семилѣтняго владѣнія прежній владѣлецъ теряетъ уже право собственности (³). Впрочемъ въ средніе вѣка въ коммунальной практикѣ всего распространена была давность одного года и одного дня. Такъ слуга или крестьянинъ, бѣжавшій отъ своего господина въ городъ, сдѣлался свободнымъ, если владѣлецъ не требовалъ его въ теченіе одного года и одного дня. Въ грамотѣ Филиппа есть уголовныя постановленія на прим. объ обидахъ и оскорбленіяхъ. Замѣчательно правило объ обидѣ, нанесенной городскому мэру (⁴). Наказаніе въ этомъ случаѣ строже чѣмъ за обиду королевскаго прево. Обида мэра, какъ *lese commune*,—наказывается разореніемъ дома и изгнаніемъ виновника; тогда какъ за оскорбленіе королевскаго прево полагается только денежный штрафъ. Впрочемъ для нашей цѣли важнѣе новыя статьи, прибавленныя королевской властью. Они знакомятъ насъ съ отношеніями королевской власти къ графу. Вотъ эти статьи: 1) Всѣ споры относительно недвижимой собственности внутри города—подлежатъ суду королевскаго прево (⁵). 2) Всѣ уголовныя преступленія, совершенныя на городской территоріи, судятъ мэръ и засѣдатели (*scabini*), въ присутствіи королевскаго байльи. Но если онъ не явится въ судебное засѣданіе, то оно идетъ своимъ чередомъ и безъ него. Судъ въ случаяхъ явнаго убійства (*neultrum*), грабежа (*garsum*) и измѣны (*proditio*) король удерживаетъ за собой и за наследниками своими на вѣчныя времена, безъ всякаго участія со

(¹) Докум. art 25.

(²) Minier, Précis historique du Droit français p. 364 et 365.

(³) Докум. 1190 г. art. 26.

(⁴) Monum. t. 1. p. 104. Докум. 1190 г. art. 36, 37.

(⁵) Monum, t. 1. p. 104. Докум. 1190 г. art. 47.

стороны кого-либо другого (*sine parte alterius*) (1). 3) Имущество убійць, поджигателей и измѣнниковъ конфискуется исключительно въ пользу короля; въ случаѣ же другихъ преступленій удерживается въ пользу короля часть, опредѣляемая кутюмомъ (2). 4) Въ городѣ ни кто не можетъ провозгласить никакихъ постановленій (*banna*) кромѣ короля (3). Какъ понимать этотъ законъ? Всего вѣроятнѣе, что тутъ идетъ дѣло о другихъ сеньорахъ города: Епископѣ, Викариѣ, Кастильянѣ. Ни кто изъ нихъ не имѣлъ права обнародовать въ городѣ своихъ постановленій. Городской совѣтъ имѣлъ право издавать законы въ предѣлахъ своего вѣдомства. *Statuta Scabinorum* упоминается въ сапой грамотѣ Филиппа; объ нихъ вездѣ говорится, какъ объ актахъ законодательныхъ, исполненіе которыхъ обязательно для всѣхъ членовъ коммуны. Такимъ правомъ городской совѣтъ дѣйствительно пользовался; изъ документовъ XIII вѣка и позднѣе мы видимъ, что мэръ и засѣдатели даютъ постановленія по всѣмъ отраслямъ городского управленія. 5) Слѣдующая статья грамоты предоставляетъ королю, или королевскому прево, а также епископу и городскому мэру право однажды въ годъ возвращать какого-нибудь изгнанника, если только изгнаніе не было наказаніемъ за убійство, поджогъ и измѣну (4). 6) Последняя статья коммунальной хартии, — редакція Филиппа Августа, заключаетъ въ себѣ обѣщаніе со стороны короля, что городъ Амьенъ навсегда останется присоединеннымъ къ коронѣ и никогда не будетъ отъ нея отчуждаемъ (5). Это обѣщаніе гарантируетъ коммунальную свободу отъ всѣхъ случайностей, въ случаѣ если бы городъ перешелъ въ другія руки.

Всѣ эти статьи, прибавленныя королевской властью, не касаются, ни городского муниципальнаго устройства, ни городского общинаго права. Королевскіе байльи и прево не вмѣшиваются въ коммунальное самоуправленіе. Они присутствуютъ только при уголовномъ судопроизводствѣ, которое принадлежитъ городскому совѣту и совершается по город-

(1) Докум. art. 48.

(2) *Ibidem*. art. 49.

(3) *Ibidem* art. 50.

(4) *Monum.* t. 1. p. 104. Докум. 1190 г. art. 51.

(5) Докум. art. 52.

скимъ обычаямъ. Сами они, въ своихъ засѣданіяхъ (*plaids*), рѣшаютъ гражданскія дѣла о поземельной собственности на основаніи феодальнаго права, если возникаютъ вопросы о ленныхъ владѣніяхъ. Но процессы между горожанами рѣшаются на основаніи права обычнаго,—по стародавнимъ обычаямъ городовъ, кутюмамъ (*coutumes*). Эти мѣстные законы въ грамматѣ Филиппа, чрезъ утвержденіе короля, въ первый разъ получаютъ законную санкцію. Но въ этомъ своемъ видѣ коммунальные законы отличаются еще значительной неполнотой и неопредѣленностью. Дальнѣйшее развитіе гражданского и уголовного законодательства Амьенской коммуны заключается въ такъ называемыхъ кутюмахъ, или вѣрнѣе въ сборникахъ кутюмовъ. Въ *Monuments inedits de l'histoire du tiers—état* напечатаны два такіе сборника. Одинъ изъ нихъ относится къ началу, другой къ половинѣ XIII вѣка. Эти памятники сначала не имѣли официального характера, и принадлежать частнымъ лицамъ, записавшимъ городскіе законы. Но потомъ они получили важность законодательнаго памятника чрезъ внесеніе въ муниципальные картуларіи. Во всякомъ случаѣ они представляютъ цѣлый законодательный кодексъ, по которому управлялась коммуна города Амьена въ теченіи XIII и XIV вѣковъ. Оба эти памятника—собственно юридическаго характера; они главнымъ образомъ касаются законовъ о собственности, о наслѣдствѣ, объ опекахъ и т. п., а также знакомятъ насъ съ порядкомъ уголовного судопроизводства, подробно излагаютъ правила судебныхъ поединковъ. Эта юридическая сторона кутюмовъ будетъ разсмотрѣна нами настолько, на сколько она характеризуетъ жизнь средневѣковой коммуны. Болѣе подробное изученіе средневѣковаго городского законодательства, гражданского и уголовного процесса, представляетъ особую важность для исторіи французскаго права,—науки спеціально юридической. Для насъ важна другая сторона кутюмовъ: организація городского совѣта, различныя права и обязанности его членовъ, взаимныя отношенія городской и королевской юрисдикціи, законы, гарантирующіе свободу членовъ коммуны и т. п. Городскіе кутюмы и въ этомъ отношеніи могутъ дать нѣсколько весьма важныхъ указаній.

Содержаніе перваго (*de la première coutume*) кутюма можетъ быть распредѣлено на три отдѣла: 1) законы гражд-

данскіе и уголовныя 2) правила судопроизводства въ городскомъ совѣтѣ и 3) правила судопроизводства у королевскаго прево. 1) Городской кутюмъ не дѣлаетъ никакого различія между лицомъ благороднымъ и неблагороднымъ, между феодалнымъ сеньоромъ, барономъ или рыцаремъ, и горожаниномъ. Этимъ онъ существенно отличается отъ коммунальной хартии 1190 года, гдѣ это различіе проводится строго⁽¹⁾. Въ кутюмѣ прочно устанавливается другаго рода различіе,— между членомъ коммуны и лицомъ не принадлежащимъ къ ней (*juratus et non juratus*)⁽²⁾. Членъ коммуны, отдающій свою дочь за лицо постороннее, долженъ заплатить въ пользу города извѣстный процентъ съ суммы, которую онъ назначаетъ въ приданое за своей дочерью. Въ городскихъ счетахъ этотъ доходъ записывался подъ особой рубрикой (*issue des deniers*). Стоитъ замѣтить еще законы о малолѣтнихъ; въ нихъ видна патриархальное отношеніе къ членамъ коммуны. Всякій сирота состоитъ подъ особеннымъ попеченіемъ городского совѣта. Во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни онъ долженъ обращаться за совѣтомъ и помощью къ мэру и городскимъ засѣдателямъ⁽³⁾. Опекунъ и даже одинъ изъ родителей, оставшійся въ живыхъ, даетъ въ городскомъ совѣтѣ обязательство передать сиротамъ ихъ наслѣдство въ цѣлости, вмѣстѣ съ приобретеннымъ на него доходомъ, и въ обезпеченіе этого обязательства обязанъ даже дать залогъ⁽⁴⁾. Множество статей кутюма имѣютъ своимъ предметомъ такъ называемыя *assurements*, то есть правила, по которымъ лицо обиженное давало обязательство въ томъ, что не будетъ мстить обидчику. Нарушеніе подобнаго обязательства называется весьма строго,—разрушеніемъ дома и изгнаніемъ, только въ немногихъ случаяхъ—денежнымъ штрафомъ. *Assurement* есть нѣчто въ родѣ мирового суда. Онъ составляетъ исключительное право членовъ городского совѣта. Подобныя мировые су-

(¹) Въ докум. 1190 г. art. 22—дѣлается наприм. такого рода оговорка, *nisi sit feodum*. Въ кутюмѣ нѣтъ уже подобныхъ оговорокъ.

(²) *Monum.* p. 121, art. 23.

(³) *Ibidem.* art. 88. Эта статья замѣчательна еще тѣмъ, что на подобное распоряженіе указывается какъ на законъ городского совѣта.

(⁴) *Monum.* p. 121, art. 66.

(⁵) *Докум.* XIII вѣка art. 65, 67.

ды имѣли важное значеніе въ средневѣковой городской жизни. Французскіе буржуа средневѣковой коммуны не отличались особенной мягкостью нравовъ. Документы постоянно говорятъ объ уличныхъ схваткахъ, о нападеніи ночью съ оружіемъ, о пролитіи крови и т. п. Горожанинъ XII и XIII вѣковъ большею частію ходилъ вооруженный хорошею шпагой или ножомъ и надѣвалъ добрую кольчугу. Вспомнимъ Генри-Смита, кузнеца въ романѣ Вальтеръ-Скотта: Переская красавица. Французскіе буржуа XII и XIII вѣковъ были отчасти на него похожи; можетъ быть, даже вслѣдствіе національнаго характера, отличались еще большей вспыльчивостью. Если на улицѣ происходила драка, то городской мэръ являлся на мѣсто схватки, черезъ своихъ сержантовъ разнималъ дерущихся, потомъ ихъ мирилъ, зачинщиковъ подвергалъ наказанію и во всякомъ случаѣ съ обиженнаго бралъ ручательство (assurance), что онъ не будетъ мстить обидчику⁽¹⁾. Кутюмъ всего подробнѣе передаетъ правила судебного поединка, который допускается съ извѣстными ограниченіями и коммунальною хартіею редакціи 1190 года⁽²⁾. Въ кутюмѣ исчисляются всѣ случаи, въ которыхъ можно прибѣгать къ доказательствамъ такого рода. Запрещаются поединки между членами коммуны въ качествѣ повѣренныхъ отъ другихъ лицъ⁽³⁾. Въ кутюмѣ весьма картинно рассказываются формальности поединка, передаются всѣ судебныя формулы, произносимыя тяжущимися сторонами и ихъ повѣренными. Надзоръ за судебнымъ поединкомъ принадлежитъ королевскому превд. Считаемъ нелишнимъ передать нѣкоторыя подробности судебного поединка, какъ они рассказываются въ избираемомъ кутюмѣ. Сначала исполняются разныя формальности средневѣковаго процесса: *sempence*—призывъ къ суду, *ajournement*—назначеніе дня процесса при-
(натіе или отводъ свидѣтелей—*levée ou recusation des témoins*) и т. д. Но отвѣтчикъ упорно запирается. Тогда истецъ приводитъ къ превдъ свидѣтеля, пользующагося уваженіемъ въ городѣ. Держа его за полу платья, онъ произноситъ такого рода формулу: „Господинъ прево! Вотъ такой-то свидѣтель

(1) Monum. t. 1. p. 124.—Art. 31 de la première coutume.

(2) Ibidem. art. 49, 72, 80.

(3) Art. 17 de la charte commun. 1190.

съ моей стороны противъ NN въ томъ, что онъ (свидѣтель) слышалъ, какъ этотъ послѣдній сознавался, что долженъ мнѣ такую-то сумму денегъ. „Когда отвѣтчикъ продолжалъ отпираться, то судьи постановляли о судебномъ поединкѣ. Тогда истецъ долженъ былъ выбрать (avocat или champion) повѣреннаго, которому онъ поручалъ защиту своего дѣла на поединкѣ. Судъ рѣшалъ, можно ли въ данномъ случаѣ допустить судебный поединокъ чрезъ повѣреннаго, или вѣтъ ⁽¹⁾? Если поединокъ—допущенъ, то въ назначенный день являлись обѣ стороны являлись съ своими повѣренными. Истецъ, взявши за руку своего защитника, говорилъ, что онъ предоставляетъ ему защиту своей правоты, и потомъ цѣловалъ его въ знакъ довѣрія. Защитникъ въ свою очередь на колѣнахъ предъ евангелиемъ клялся, что правда на сторонѣ истца, что онъ былъ свидѣтелемъ въ этомъ дѣлѣ по чистой совѣсти, что онъ намѣренъ доказать это своей рукой и своимъ оружіемъ и сейчасъ заставляетъ своего противника сознаться въ неправотѣ своего дѣла, или убить его. Обвиняемый снова отвергалъ всѣ показанія противной стороны и съ такими же формальностями представлялъ своего защитника. Этотъ послѣдній говорилъ: „Отвѣтника дѣло правое; онъ клялся по чистой совѣсти. Истецъ—не правъ; онъ и его свидѣтели клялись напрасно и защитникъ его тоже далъ ложную клятву. Я берусь это доказать: вотъ этимъ оружіемъ или я его убью, или докажу, что онъ клятвоцѣступникъ“. Тогда всѣ выходили кромѣ защитниковъ, которые еще разъ клялись въ томъ, что они не имѣютъ другаго оружія, кромѣ дозволеннаго обычаемъ, и что не будутъ прибѣгать, ни къ колдовству, ни къ вѣроломству, и не будутъ безчестно вредить другъ другу. Послѣ этого, въ назначенный день, на извѣстномъ мѣстѣ, при огромномъ стеченіи народа, происходить самый поединокъ ⁽²⁾.

Второй отдѣлъ кутюма излагаетъ разныя правила су-

⁽¹⁾ Повѣреннаго можно было брать только въ извѣстныхъ случаяхъ, наприм. по слабости тѣлосложенія, престарѣлости, вслѣдствіе условій пола, или возраста—моложе двадцати лѣтъ, а также извѣстныхъ болѣзней, которыя со всей точностію исчисляются въ кутюмахъ. См. Minier. Precis hist. du droit fr. p. 383.

⁽²⁾ Monum. t. 1. p. 121. Cout. première art. 60, 72.

допроизводства въ городскомъ совѣтѣ. Впрочемъ границы муниципальной юрисдикціи не опредѣляются съ точностію. Замѣчательны слѣдующія постановленія: членъ коммуны не подлежитъ аресту въ дѣлахъ, относящихся къ городской юрисдикціи, за исключеніемъ только особенно важныхъ преступленій ⁽¹⁾. Кто не хочетъ платить налагаемаго судомъ штрафа, тотъ подвергался изгнанію. Если кто, уплативши штрафъ коммуны, отказывается платить штрафъ королю,— конечно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это требуется,— тотъ отсылается къ королевскому прево, который держитъ его подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не заплатитъ штрафа ⁽²⁾.

Въ кутюмѣ опредѣляется, какъ должны дѣлиться штрафы между коммуной и сеньорами города. Въ большей части случаевъ коммуна брала двѣ части, третья дѣлилась между королемъ, епископомъ и вассаломъ; викарій-епископъ получалъ четвертую часть изъ королевской доли ⁽³⁾. Кутюмъ опредѣляетъ наказанія, налагаемыя городскими властями за разные преступленія. За убійство или рану назначается *la peine du talion* (*vie—pour vie, membre—pour membre*), но позволяется откупаться отъ такого наказанія штрафомъ ⁽⁴⁾. За оскорбленіе члена коммуны лицо постороннее платитъ двойной штрафъ ⁽⁵⁾. За ударъ, нанесенный городскому мэру, виновный наказывался отсѣченіемъ руки ⁽⁶⁾. Если побои нанесены городскому засѣдателю, то выскивается штрафъ въ 60 ливровъ,— сумма по тому весьма значительная ⁽⁷⁾. Въ случаѣ неплатежа виновный подвергается изгнанію. Отецъ отвѣчаетъ за проступки своего несовершеннолѣтняго сына ⁽⁸⁾. Сдѣлки и договоры должны заключаться въ присутствіи двухъ засѣдателей ⁽⁹⁾. Въ случаѣ нарушенія обязательствъ, дѣло рѣшается на основаніи свидѣтельства этихъ засѣдателей. Ку-

⁽¹⁾ Monum. t. 1. 121. Cout. première art. 1.

⁽²⁾ Ibidem. art. 3.

⁽³⁾ Coutume première art. 4.

⁽⁴⁾ Ibidem. art. 9.

⁽⁵⁾ Coutume première art. 22, 23.

⁽⁶⁾ Ibidem. art. 27.

⁽⁷⁾ Ibidem. art. 28.

⁽⁸⁾ Ibidem. art. 29.

⁽⁹⁾ Ibidem. art. 74.

твомъ ничего не говорить о письменныхъ актахъ, свидѣтельствуемыхъ въ городскомъ совѣтѣ и утверждаемыхъ подписью мэра и засѣдателей и о приложеніи городской печати, хотя существованіе во 2-й половинѣ XII вѣка подобныхъ актовъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію ⁽¹⁾. Третій отдѣлъ кутюма касается разныхъ правилъ судопроизводства у королевскаго прево. Такъ называемые королевскіе случаи (*cas гор-аих*),—убійство, разбой и измѣна, подлежатъ суду королевскаго сановника. Важную роль играетъ прево въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ судебнымъ поединкомъ. Сравнительно съ хартіей 1190 года, предѣлы королевской юрисдикціи расширились еще въ томъ отношеніи, что дѣла о побояхъ, нанесенныхъ королевскому чиновнику, рѣшаются уже безъ участія засѣдателей ⁽²⁾. Королевская власть даетъ больше гарантіи для непривосновенности своихъ уполномоченныхъ. Гражданскія дѣла о домахъ и должникахъ разсматриваются и рѣшаются королевскимъ прево. Несостоятельныхъ должниковъ, если они не члены коммуны, онъ имѣетъ право заключать въ тюрьму; кредиторъ доставляетъ для проворженія арестанта хлѣбъ и воду, „потому что, наивно прибавляетъ составитель кутюма, никто не имѣетъ права за долги морить голодомъ“ ⁽³⁾. Члена коммуны прево не имѣетъ права подвергать заключенію въ тюрьмѣ; для понужденія къ уплатѣ онъ обращается въ городскую совѣтъ. Должники платятъ штрафъ въ видѣ судебныхныхъ издержекъ. Членъ коммуны платитъ меньше, чѣмъ лицо постороннее ⁽⁴⁾.

Второй кутюмъ во многомъ служитъ дополненіемъ для перваго. Онъ знакомитъ съ организаціей городского совѣта Амьенской коммуны. Совѣтъ этотъ состоитъ изъ мэра и 24 засѣдателей (*échevins*); они выбираются ежегодно въ общемъ городскомъ собраніи, которое состоитъ изъ начальниковъ городскихъ цеховъ—цеховыхъ мэровъ, такъ называемыхъ *maïres des bannières*. Мэръ и засѣдатели представляютъ собранію списокъ трехъ кандидатовъ на должность мэра на слѣдующій годъ ⁽⁵⁾. Послѣ присяги цеховые мэры выбираютъ

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 93. Докум. 1167 года.

⁽²⁾ Coutume, première. art. 26. Cp. art. 36 de la charte 1190.

⁽³⁾ Cout. 1. art. 75.

⁽⁴⁾ Ibidem. art. 71 et 89.

⁽⁵⁾ Monum. t. 1. p. 154 Seconde coutume art. 14.

изъ числа кандидатовъ городского мэра, затѣмъ назначаютъ 12 засѣдателей. Эти послѣдніе сами уже выбираютъ 12 засѣдателей⁽¹⁾. Наконецъ цеховые мэры назначаютъ еще четырехъ *comptables*, т. е. членовъ совѣта, на обязанности которыхъ лежала забота о городскихъ финансахъ, общественныхъ работахъ и т. п. Это—такъ называемые *compteurs*—счетчики. Главный изъ нихъ называется *grand compteur*⁽²⁾. Вновь избранная власть не имѣла права отказаться отъ своихъ должностей. Отказъ наказывался разрушеніемъ дома; но и послѣ этого члены совѣта все-таки не избавлялись отъ исполненія своихъ обязанностей⁽³⁾. Назначеніе на низшія городскія должности зависитъ отъ мэра и его засѣдателей. Они назначали сержантовъ, которые были исполнителями приказаній совѣта; затѣмъ—такъ называемыхъ *jaugeurs*—въ родѣ нашихъ акцизныхъ чиновниковъ, которые слѣдили за правильностью продажи вина, взмѣряли бочки въ мѣстахъ торговли виномъ и т. п. Были и другіе низшіе чины, назна-

(1) Ibidem. art. 15.

(2) Ibidem. art. 16.

(3) Ibidem. art. 17 et 18

Способъ избранія городской магистратуры въ городахъ сѣверной и средней Франціи былъ весьма разнообразенъ. Онъ могъ быть прямымъ или непрямымъ. Въ первомъ случаѣ избраніе совершалось общимъ городскимъ собраніемъ. Такъ было наприм. въ Клермонѣ, Анжерѣ и др. городахъ. Второй способъ избранія происходилъ чрезъ представителей отъ цеховъ, какъ въ Амьенѣ, С. Кентенѣ и проч. Но прямой способъ избранія въ нѣкоторыхъ городахъ былъ до чрезвычайности сложенъ. Онъ былъ не только двойнымъ,—à deux degrés какъ въ Амьенѣ, но тройнымъ и болѣе. Въ нѣкоторыхъ городахъ выбывающіе члены совѣта сами назначали себѣ преемниковъ. Были и такія общины, для которыхъ король или парламентъ назначалъ членовъ магистратуры. Составъ городского совѣта тоже въ высшей степени разнообразенъ. Между городами сѣверной полосы, коммуна въ строгомъ смыслѣ, встрѣчаются такія, въ которыхъ было по два или по три мэра. Рядомъ съ городскимъ совѣтомъ во многихъ коммунахъ существуетъ другой совѣтъ, который можно назвать большимъ. Такъ наприм. въ коммунахъ Нормандіи, Руанѣ и др. большихъ городахъ, муниципальный совѣтъ кромѣ мэра и 12 засѣдателей состоялъ еще изъ 12 совѣтниковъ (*conseillers*) и 75 паровъ, всего 100 членовъ. Члены большого совѣта приглашаются для совѣщанія по дѣламъ особенно важнымъ. Подобная коммунальная конституція перешла изъ Нормандіи во многіе города Англіи. Warnkönig. St.-Gesch. t. 1. p. 422. A. Thierry. Preface à 2 t. des Monum. p. V

чаемъ однимъ мѣромъ безъ участія засѣдателей; таковы на-
примѣръ: смотритель городской башни, которая была и го-
родской тюрьмой; двое мастеровъ изъ цеха плотниковъ и ка-
менщиковъ, для наблюденія за общественными постройками
и т. п. (1). Сомнительно, чтобы съ самаго начала существо-
ванія коммуны избраніе городскихъ должностей совершалось
въ этомъ видѣ. По всей вѣроятности избирательное право
принадлежало сначала всѣмъ гражданамъ, всѣмъ членамъ
коммуны, или по крайней мѣрѣ всѣмъ представителямъ бо-
лѣе зажиточныхъ фамилій въ городѣ. Во всякомъ случаѣ
оно не было тѣсно связано съ цеховымъ, корпоративнымъ
строемъ коммуны. Значеніе цеховыхъ корпорацій начинается
усиливаться съ конца XII в., а въ половинѣ XIII в. они
приобрѣтаютъ уже огромное вліяніе въ коммунѣ. Этимъ кор-
пораціямъ наконецъ удалось поставить отъ себя въ зависи-
мость городской совѣтъ.

Они достигли этого перемѣной въ самомъ принципѣ и
въ формѣ выбора членовъ совѣта. Вредныя послѣдствія по-
добной перемѣны умѣрялись отчасти тѣмъ, что половина за-
сѣдателей назначалась тоже засѣдателями, а не цеховыми
мѣрами. Городскій мэръ могъ быть выбранъ вторично толь-
ко по истеченіи двухъ лѣтъ; выборъ засѣдателей не былъ
такъ ограниченъ: они могли быть избираемы нѣсколько
лѣтъ сряду. Изъ избирательныхъ списковъ, которые въ по-
ловинѣ XIV в. аккуратно велись и хранились въ городскомъ
совѣтѣ, мы видимъ, что городскія должности принадлежали
небольшому числу городскихъ фамилій, которыя такимъ
образомъ составляли нѣчто въ родѣ городской аристократіи (2).
Члены городского совѣта должны были исправлять вою долж-
ность безмездно. Впослѣдствіи мэръ сталъ получать отъ го-
рода коня, или деньги на его покупку (3). Городской мэръ
отличался особенной одеждой,—горностаевой мантией. Съ те-
ченіемъ времени число должностныхъ лицъ, зависѣвшихъ
отъ городского совѣта и получавшихъ отъ коммуны жало-
ванье, значительно увеличилось. Существовали городскіе ад-

(1) *Seconde coutume*; p. 151. art. 19—25.

(2) *Monum.* t. 1. p. 510, 528, 539 и т. п. Документы 1345, 1346,
4348 г. и т. д.

(3) *Monum.* p. 742. Докум. 1387 года.

вокаты и прокуроры, какъ въ самомъ Амьенѣ, такъ и въ Парижѣ, для веденія городскихъ процессовъ. Былъ городской хирургъ, на обязанности котораго лежала забота объ общественномъ здоровьи (¹).

Возвращаемся въ изложенію содержанія городского кутюма. Нѣсколько статей его касаются цеховыхъ корпорацій (*bannières,—arts des métiers*). Всякій цехъ имѣлъ право выбирать цеховаго мэра или старшину (²). Кромѣ мэра цехъ выбиралъ еще надсмотрщиковъ (*eswards* или *esgards*), которые стояли къ старшинѣ въ отношеніи сходномъ съ отношеніемъ засѣдателя къ городскому мэру (³). Обязанность надсмотрщика состояла главнымъ образомъ въ наблюденіи за исполненіемъ цеховыхъ правилъ или статутовъ. Цеховой совѣтъ пользовался юрисдикціей въ цеховыхъ дѣлахъ, но во всякомъ случаѣ былъ обязанъ повиноваться распоряженіямъ городского совѣта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ старшины и надсмотрщики сами налагали штрафы, а въ другихъ это право было предоставлено городскому совѣту (⁴).

Нѣсколько статей кутюма касаются юрисдикціи мэра и засѣдателей. Они дополняютъ правила перваго кутюма относительно этого предмета. Мэры и засѣдатели могутъ производить слѣдствіе по уголовнымъ дѣламъ, но не иначе, какъ въ присутствіи превѣ или его помощника (*lieutenant*). Въ предѣлахъ своего вѣдомства городской совѣтъ судить безъ участія превѣ; онъ имѣетъ право даже не впускать его въ свои засѣданія. Если часть штрафа должна принадлежать королю или другому сеньору города, то совѣтъ сообщаетъ свое рѣшеніе королевскому чиновнику (⁵), и только тогда оно получаетъ свою законную силу. Члены совѣта должны оказывать содѣйствіе превѣ при арестѣ уголовныхъ преступниковъ, виновныхъ въ убійствѣ, грабежѣ и измѣнѣ (*les cas royaux*) (⁶). Кутюмъ опредѣляетъ взаимное отношеніе городской и епископской юрисдикціи. Преступленіе, совершенное

(¹) *Monum.* t. 4. p. 703. Докум. 1387 года.

(²) *Seconde coutume* art. 13.

(³) *Seconde coutume* art. 84.

(⁴) *Ibid.* art. 10.

(⁵) *Ibid.* art. 3.

(⁶) *Seconde coutume* art. 9.

лицомъ подсуднымъ епископу на городской землѣ, судится городскимъ совѣтомъ только въ томъ случаѣ, если преступникъ схваченъ на самомъ мѣстѣ преступленія, въ моментъ его преступленія (*en flagrant delit*). Впрочемъ, въ случаѣ не особенно важномъ, епископъ можетъ взять виновнаго на поруки, съ обязательствомъ представить его въ городской судъ въ назначенный срокъ. Въ случаѣ неявки епископъ ручается въ уплатѣ штрафа. Подобное же правило существовало и для горожанъ, совершившихъ преступленіе на земляхъ епископа ⁽¹⁾. На обязанности совѣта лежитъ забота о городскихъ укрѣпленіяхъ. Всѣ необходимыя расходы на этотъ предметъ идутъ на счетъ членовъ коммуны ⁽²⁾. Впрочемъ въ послѣдствіи постановленіемъ парламента епископъ и капитулъ обязаны были принимать участіе въ таковыхъ расходахъ ⁽³⁾. Въ вѣдѣніи мэра и засѣдателей находится и все городское хозяйство. Они завѣдуютъ городскими пастбищами, отдаютъ въ наймы общественныя постройки разнаго рода, — дома, лавки и т. п. Они дѣлаютъ раскладку всѣхъ городскихъ налоговъ (*tailles mises, assis et subventions*) ⁽⁴⁾. Городской совѣтъ слѣдитъ за хорошимъ качествомъ вина, которое продается въ городѣ, слѣдитъ за правильностью построекъ въ городѣ. Кутюмъ весьма подробно опредѣляетъ эти правила средневѣковаго строительнаго устава. Они отличаются мелочностью предписаній. Напримѣръ, если кто вздумалъ бы построить балконъ или галерею на лицевой сторонѣ дома, то этотъ выступъ стѣны (*saillie*) долженъ быть сдѣланъ на такой высотѣ, чтобы подъ нимъ удобно можно было проѣхать верхомъ на лошади ⁽⁵⁾. Подобныя правила весьма понятны при тѣснотѣ улицъ средневѣковаго города. Всѣ товары въ городѣ должны быть мѣрими городскими мѣрами и взвѣшиваемы на городскихъ вѣсахъ ⁽⁶⁾. Нѣкоторыя исключенія сдѣланы только въ пользу викарія ⁽⁷⁾. Мѣрами завѣдуютъ особенные чи-

⁽¹⁾ Ibid. art. 9.

⁽²⁾ Ibid. art. 27.

⁽³⁾ Monum. t. 4. p 571. Докум. 1355 года.

⁽⁴⁾ *Seconde coutume* art. 79 et 80.

⁽⁵⁾ Ibidem, art. 66.

⁽⁶⁾ Ibidem. art. 86 et 88.

⁽⁷⁾ Ibidem. art. 87.

ны, называемые *meziueurs*. Впрочемъ для собственнаго, не торговаго употребленія горожанамъ позволено имѣть мѣры и вѣсы (¹). Кутюмъ входитъ даже въ описаніе длины и вмѣстительности нѣкоторыхъ городскихъ мѣръ (²).

Всѣ ли правила судопроизводства гражданскаго и уголовнаго занесены въ разобранные нами кутюмы? то есть представляютъ ли они полный кодексъ городскихъ законовъ Амьенской коммуны? Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть отрицательный. Мы замѣтили уже, что такіе сборники составлялись частными людьми, безъ особаго знанія, безъ твердо установленнаго плана и ясно опредѣленной цѣли. Нѣкоторой систематичностью они обязаны не составителямъ, а позднѣйшимъ издателямъ. Въ кутюмахъ только начатки національнаго французскаго законодательства. Съ теченіемъ времени, съ усложненіемъ общественныхъ отношеній, развивалось и самое законодательство. Какимъ образомъ это развитіе? Въ случаѣ, если кутюмъ не давалъ опредѣленныхъ указаній для рѣшенія дѣла, то прибѣгали къ свидѣтельству наиболѣе уважаемыхъ старожилонъ. У нихъ спрашивали, какъ подобныя дѣла рѣшались прежде, по стародавнимъ обычаямъ города. Подобныхъ свидѣтелей требовалось отъ 2 до 14. Въ исторіи города Амьена мы встрѣчаемъ много примѣровъ подобнаго рѣшенія дѣлъ (³). Къ свидѣтельству постороннихъ лицъ особенно прибѣгали, если происходили споры о давности владѣнія, или о правѣ пользованія недвижимою собственностью (⁴). Былъ въ употребленіи третейскій судъ. Случалось, что трудное дѣло мэръ и засѣдатели передавали на рѣшеніе всего народнаго собранія. Подобныя постановленія записывались и такимъ образомъ мало по малу накапливался матеріалъ для новаго, болѣе полнаго сравнительно съ прежними сборниками кутюмовъ. Съ половины XIII в. начались работы легистовъ по изданію сборниковъ этого обычнаго права (*coutumiers*). Они вносили въ нихъ идеи римскаго и каноническаго права (⁵). Въ послѣдствіи

(¹) *Ibidem.* art. 89, 91.

(²) *Seconde coutume* art. 92, 93, 94, 95.

(³) *Monum.* t. 1. p. 189. Докум. 1210 года.

(⁴) *Monum.* t. 1. p. 198. Докум. 1225 года.

(⁵) При Людовикѣ II были собраны и обнародованы кутюмы города Париза, Нормандіи и Бовуазен. Карлъ VII имѣлъ мысль о всеобщемъ

правительство стало заботиться о болѣе обширномъ сборникѣ кутюмовъ, которые такимъ образомъ дѣлались уже, въ своемъ измѣненномъ видѣ, законодательнымъ національнымъ кодексомъ для извѣстной мѣстности. Кутюмы Амьена получили королевскую санкцію въ 1507 году. Посмотримъ теперь, какъ управлялась Амьенская коммуна до половины XIII в. по этимъ правиламъ своего обычнаго законодательства. Мы говоримъ до половины XIII в., потому что съ этого времени королевская власть начинаетъ оказывать болѣе рѣшительное вліяніе на городскую администрацію; вслѣдствіе чего общій ходъ историческаго развитія коммуны принимаетъ уже иное направленіе.—XIII вѣкъ есть время особенно быстрого роста коммуны, какъ въ отношеніи городской свободы и городскихъ учреждений, такъ и со стороны торговаго и промышленнаго процвѣтанія. Королевская власть довольствуется извѣстной долей юрисдикціи и участіемъ въ городскихъ доходахъ и уважаетъ городскую автономию. Амьенская коммуна въ этотъ періодъ времени значительно расширяетъ территорию и судебныя права своей магистратуры. У сеньора Кастильонскаго коммуна покупаетъ значительную часть его земель, наслѣдство прежнихъ кастелляновъ⁽¹⁾. У вассала епископа Гюго Сень-Торэна она скупилла всѣ доходы и судебныя права въ улицѣ Canteraine. Гюго былъ ленникомъ епископа; поэтому продажа его феодальныхъ правъ въ пользу города не могла обойтись безъ епископскаго разрѣшенія. По феодальному обычаю Гюго долженъ былъ возвратитъ своему сеньору его лѣнь со всѣми правами фискальными и судебными. На подобную передачу должны были изъавить свое

законодательномъ кодексѣ. Но это былъ огромный трудъ, для исполненія котораго потребовались нѣсколько поколѣній. Начало, положенное Карломъ VII, продолжалъ Лодовикъ XI и Карлъ VIII. Это изданіе кутюмовъ было дѣломъ національнымъ. Третье сословіе на собраніи 1484 г. требовало письменнаго изданія кутюмовъ. При Карлѣ VIII комиссары парламента на провинціальныхъ собраніяхъ, вмѣстѣ съ представителями отъ всѣхъ 3-хъ сословій, обсуждали мѣстные кутюмы. Потомъ въ Парижѣ ихъ разсматривали законовѣды. Затѣмъ парламентъ вноситъ ихъ въ свои регистры. Послѣ этого они получали силу письменнаго закона для той мѣстности, которой принадлежала ихъ первоначальная редакція. Они тамъ обнародовались. *Minier. Précis hist du dr. Franc. p. 573 et suiv.*

⁽¹⁾ Monum. t. 4. p. 187. Дожум. 1210 года.

согласіе и родственники вассала. Послѣ этого епископъ даетъ коммунѣ инвеституру на владѣніе, за что она должна выплатить ему известную сумму одновременно, а за тѣмъ каждый годъ платить положенную ренту. Судебныя права были переданы не только коммунѣ, но и королевскимъ чиновникамъ, въ предѣлахъ ихъ вѣдомства ⁽¹⁾.

Коммуна строго слѣдитъ за исполненіемъ своихъ законовъ. Кто покупаетъ земли или домъ въ предѣлахъ городской территоріи, тотъ долженъ испросить согласіе городского совѣта и обязаться исполнять городскіе законы и обычаи. Особенно строго соблюдалось это правило относительно монашескихъ орденовъ. Вообще коммуна не любила монастырскихъ общинъ, съ ихъ особыми правами, съ ихъ независимымъ духомъ и постояннымъ стремленіемъ увеличивать свои владѣнія. Имущество, попадавшее въ руки монаховъ,—попало, по средневѣковому выраженію, въ мертвыя руки. Владѣлецъ лишался надежды получить его обратно, потому что для монаховъ не существовали, ни конфискаціи, ни *forisfactura*, ни *deshereence*. Они большею частію подсудны были только папѣ, которые умѣли заставлять уважать ихъ привилегіи. Монашескій орденъ не умиралъ; онъ не отчуждалъ своихъ имѣній; оттого онъ не платилъ ни *lods*, ни *ventes*. Это ставило монастыри въ исключительное положеніе въ средневѣковомъ обществѣ. Стоило завестись въ городѣ какомунибудь монашескому братству, онъ дѣлался какимъ-то болѣзненнымъ наростомъ, который мало по малу вытягивалъ соки изъ коммунальнаго организма. Коммуны понимали это и большею частію отклоняли монашескія общины отъ поселенія внутри городскихъ стѣнъ. Если какойнибудь орденъ и покупалъ недвижимость въ городѣ, то коммуна спѣшила обязать его не распространять своихъ владѣній, отказать отъ нѣкоторыхъ правъ, вредныхъ для городского благоустройства, какъ напр. отъ права убѣжища. За тѣмъ было принято общимъ правиломъ, чтобы всѣ міряне, поселенные на монастырской землѣ, лично и по имуществу подлежали суду коммуны ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Мошм. t. 1. p. 222. Докум. 1228 года.

⁽²⁾ Мошм. t. 1. p. 197, 215, 229. Докум. 1221, 1253 и 1274 годовъ.

При существованіи разныхъ юрисдикцій, Амьенскій городской совѣтъ не могъ обойтись безъ столкновеній. Особенно часты были споры съ епископомъ, который обладалъ двоякаго рода юрисдикціей, свѣтской на принадлежащихъ ему земляхъ и духовной, простиравшейся на всѣхъ горожанъ безъ исключенія. Права епископа, какъ судьи въ дѣлахъ духовныхъ, давали ему поводъ къ постоянному вмѣшательству въ городскія дѣла. При неопредѣленности юридическихъ понятій того времени подобное вмѣшательство не представляло особенныхъ затрудненій. Такъ напримѣръ, епископъ требовалъ въ своему суду дѣла о преступленіяхъ, совершенныхъ въ праздничные дни, на томъ основаніи, что преступленіемъ нарушается святость праздника (¹). Возникъ споръ, въ которомъ король принялъ сторону коммуны. Вотъ какъ выражается граммата епископа: *controversio vertebatur inter Philippum illustrem Francorum regem et cives Ambianenses ex una parte et me (т. е. episcopo) ex altera*. Подобныя выраженія въ документахъ коммуны, въ разсматриваемую эпоху, не рѣдкость. Они показываютъ, какъ сначала нераздѣльны были интересы короля съ интересами коммунъ (²). Для рѣшенія спорнаго дѣла не нашли никакихъ указаній въ кутюмахъ; поэтому обратились къ одному 70 лѣтнему старику Винценцію Камбарію, не помнитъ ли онъ, какъ подобныя дѣла рѣшались при графѣ Филиппѣ Эльзасскомъ. Винцентій сообщалъ по всей правдѣ, что онъ видѣлъ и какъ онъ слышалъ (*jure dicit, quod vidit et audivit*). По его словамъ, епископъ получалъ извѣстную долю штрафа за проступки, совершенные въ извѣстные праздники (*jure christianitatis*), и то только въ томъ случаѣ, если истецъ подавалъ епископу особую жалобу (³). Постановленіе Винценція было принято обѣими сторонами. Но съ другой стороны нарушались коренныя права самого епископа, особенно со стороны представителей королевской власти. Въ 1244 году королевскій прево неизвѣстно за что арестовалъ 17 человекъ влириковъ, жестоко ихъ билъ и заключилъ въ городскую башню. На другой день еще пятеро канониковъ, по приказанію Амьен-

(¹) Monum. t. 1. p. 188, 189. Докум. 1290.

(²) Ibidem. p. 189.

(³) Monum. t. 1. p. 189. Докум. 1210 года.

скаго байльи, были арестованы и, послѣ разныхъ поруганій, повѣшены на одной изъ площадей Амьена. Это было страшное посмѣяніе надъ правами Церкви. Епископъ прибѣгнулъ къ самому сильному средству, бывшему въ его распоряженіи. Онъ отлучилъ королевскихъ сановниковъ отъ Церкви. Байльи и прево должны были поворотиться и просили прощенія у прелата. Характеристично наказаніе, которому подвергъ ихъ епископъ. Пять дней сряду, по числу повѣшенныхъ клириковъ, совершалась въ городѣ Амьенѣ странная церемонія. Королевскій байльи,—лицо въ то время чрезвычайно важное,—шелъ въ торжественной процессіи, въ рубашкѣ, босой, съ веревкой на шеѣ, съ руками связанными за спину, какъ связываютъ преступникамъ, осужденнымъ на повѣшеніе. Шествіе направлялось къ тому мѣсту, гдѣ находилась городская висѣлица. Байльи подводили подъ висѣлицу и дѣлали видъ повѣшенія. Послѣ чего онъ отправлялся въ церковь св. Мунтана, гдѣ лежали тѣла повѣшенныхъ имъ клириковъ. Тамъ ему развязывали руки и онъ бралъ на плеча одинъ изъ труповъ, покрытый шелковымъ покровомъ, купленнымъ на его же счетъ, и несъ торжественно, съ благоговѣніемъ (*solemniter et devote*) въ соборную церковь, гдѣ совершалось надгробное пѣніе, а оттуда на кладбище св. Діонисія, гдѣ тѣло предавалось уже погребенію. Такимъ образомъ байльи долженъ былъ перенести всѣ пять труповъ. Но этимъ наказаніе еще не оканчивалось: въ такомъ же позыанномъ видѣ, онъ долженъ былъ во всѣхъ церквахъ Амьенскаго діоцеза торжественно произнести клятву, что нигдѣ, никогда, не будетъ отправлять судебныхъ обязанностей. Тоже долженъ былъ сдѣлать и прево (¹). Но не ушелъ отъ наказанія и мэръ Амьенской коммуны. Вина его была въ томъ, что онъ позволилъ держать клириковъ подъ арестомъ въ городской башнѣ. Его судили семеро посредниковъ: четверо со стороны капитула и трое отъ коммуны. Онъ присужденъ былъ построить на свой счетъ 6 капеллъ и обезпечить ихъ на вѣчныя времена ежегоднымъ доходомъ по 20 парижскихъ ливровъ для каждой. Въ капеллахъ этихъ должно совершаться вѣчное поминовеніе—невинно пострадавшихъ клириковъ. Мэръ долженъ былъ сдѣлать это: *ad placendam*

(¹) Daire. Hist. d'Amiens. t. 1. Pièces justif. p. 528.

offensam majestatis divinae et ad reformationem honoris Ecclesiae. Смотритель городской башни былъ на всегда лишень права занимать какую либо должность въ городѣ ⁽¹⁾. Не одни королевскіе чиновники подвергались отлученію со стороны епископа; тяжесть этого церковнаго навазанія приводилось испытывать и членамъ коммуны, а иногда и городскому совѣту. Въ подобныхъ случаяхъ гнѣвъ епископа обыкновенно былъ смягчаемъ денежнымъ подаркомъ ⁽²⁾, размѣръ котораго опредѣлялся третейскимъ судомъ.

А. Смирновъ.

(Продолженіе будетъ въ слѣдующей книжкѣ).

⁽¹⁾ Monum. t. 4. p. 208. Докум. 1244 г.

⁽²⁾ Ibidem. p. 192. Докум. 1215 г.

НЕАПОЛИТАНСКІЕ ГОСУДАРИ

ВЪ XIV ВѢКЪ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИТАЛЬЯНСКОЙ ИСТОРИИ.

I. (1)

Въ средневѣковой Италіи уживались самыя разнообразныя государственныя формы. Рядомъ съ типичными республиканскими общинами развились монархіи, построенныя на разнородныхъ началахъ: то римская, — изъ оригинальнаго сплетенія церковныхъ и политическихъ элементовъ; то миланская, созданная насиліемъ военныхъ деспотовъ; наконецъ, неаполитанская, выросшая по всѣмъ условіямъ феодальнаго государства. Югъ Италіи потому шелъ совершенно отдѣльными историческими судьбами. Королевство обѣихъ Сицилій жило долгое время жизнью довольно изолированною; оно оставалось чуждымъ тому юношескому стремленію, съ которымъ остальная часть полуострова вступала въ роскошный періодъ общинъ. Энергичные и умные нормандцы употребили это время на внутреннюю организацію своего королевства.

(1) Предметомъ этой статьи будутъ характеристики неаполитанскихъ анжуйцевъ, начиная отъ Роберта, открывающаго собою XIV вѣкъ, и кончая смертью Владислава. Для ясности разсказа мы предпосылаемъ введеніе, которое должно опредѣлять мѣсто этихъ государей въ неаполитанской средневѣковой исторіи. Объ Іоаннѣ II, послѣдней представительницѣ анжуйской династіи, мы говорили въ особой монографіи; *Аттендоло Сфорца и королева Іоанна II* (Казань, 1866 г.). О двухъ первыхъ Карлахъ мы замѣчаемъ здѣсь лишь въ общемъ очеркѣ; дѣятельность же Владислава, если не во времени, то по духу, принадлежитъ XIV вѣку. Очерки избранной эпохи мы основываемъ главнымъ образомъ на лѣтописяхъ, помѣщенныхъ у *Muratari*, какъ напр. *Giornali napoletani, dall'anno 1266 sino al 1478* (scrip-

Ученныя Зап. Имп. Каз. Унив. 1873 г.

8

Можно сказать, что въ этомъ отношеніи югъ Италіи достойно поддержалъ славу полуострова быть вождемъ средневѣковой цивилизаціи во всѣхъ ея проявленіяхъ. Монархическій порядокъ мы здѣсь застаемъ достаточно окрѣпшимъ уже въ концѣ XII вѣка,—но, что важно, лѣтописи мало говорятъ про сопротивление ему или про рѣшительный протестъ. Напротивъ, суровые Рожеры и Вильгельмы видѣли знаки преданности своего народа, какъ бы въ контрастъ свободнымъ соотечественникамъ, полюбившимъ формы монархіи. Династическія симпатіа южныхъ итальянцевъ вообще отличались консервативнымъ характеромъ; съ одинаковымъ энтузіазмомъ

tores rer. ital. t. XXI, p. 1029—1138); *Istoria napolitana* de Raimo, Franzoni e Lancellotti dall' 1197—1486 (XXIII, 219—240), и въ большомъ собраніи *Raccolta napolitana* (varie chroniche alla storia del Regno di Napoli, 5 vls. in 4, Nap. 1780—82), а также на мемуарахъ *Laurentii Bonincontri*, annales Miniatisensis ab 1360—1458 (Muratori XXI, 1—162) и *Leonardi Aretini*, rerum suo tempore in Italia gestarum commentarius ab 1378—1440 (id. XIX, 911—942) и иными болѣе специальными источниками, какъ, напр. для времени Владислава, біографіями важнѣйшихъ кондотьеровъ—*Leodrisius Cribellus* (de vita, rebusque gestis Sfortiae ab anno 1369 usque ad 1424, изд. Murat. XIX), *Campanus* (vita Bracchii Perusini, ibidem), а также замѣтками другихъ лѣтописей. Объ этомъ матеріалѣ мы говорили въ введеніи къ изслѣдованію о Сфорцѣ. Большое вниманіе обращено на старыя, очень уважительныя работы по неаполитанской исторіи; изданія ихъ теперь сдѣлались рѣдкостями. Сюда принадлежатъ по порядку времени: *Pandolfo Collenuccio da Pesaro* (compendio dell'istoria del regno di Napoli. Ven. 1613), *Angelo di Costanzo* (hist. del regno di Napoli. Aquil. 1581), *G. A. Summonte* (hist. della città e regno di Napoli. N. 1675, 4 v., 3 ed.) и особенно *P. Giannone* (istoria civile del regno di Napoli, edizione accresciuta di note chritiche, riflessioni e moltissime correzioni, 4 v. 1766, Ven. 4 ed.). Очень полезны для насъ были миланецъ *Corio* (l'istoria di Milano, Pad. 1646), неаполитанецъ *Ammirato* (dell'istorie fiorentine libri 20, Fir. 1600) и мантуанецъ *Scipione Agnello Maffei* (Gli annali di Mantova, Tort. 1675). Изъ новыхъ неаполитанскихъ исторій имѣемъ нѣмецкія сочиненія: поверхностное *Herrmann's* (1829) и болѣе основательное *Seybert* (1862). Изъ общихъ итальянскихъ исторій мы пользовались: *Muratori* (Annali, 1753), *Denina* (Rivoluzioni, 1769), *Le Bret* (1778), *Bossi* (1819), *Sismondi* (1825), *Leo* (1829), *La-Farina* (1846), *Cantù* (trad. par. Lacombe, 1860). Прочія, общія и спеціальныя сочиненія указываются въ своемъ мѣстѣ. Знакомые съ нашей задачей поймутъ, что намъ не встрѣчалось надобности пользоваться дипломатическимъ и юридическимъ сборникомъ который издается теперь для первыхъ анжуйцевъ.

выказывали они послѣдовательную привязанность къ нормандцамъ, гогенштауфенамъ, анжуйцамъ, аррагонцамъ и не мирились только съ зависимостью отъ чужаго престола. Много содѣйствовали тому и личныя достоинства представителей этихъ династій. Могучая, вмѣстѣ поэтическая натура гогенштауфеновъ видимо общала важную историческую роль Неаполю. Политическій расчетъ Барбароссы впрочемъ не совсѣмъ оправдался; бракъ его сына Генриха съ послѣднею нормандкою Констанцією сгубилъ знаменитый швабскій родъ, сдѣлавъ вмѣстѣ съ тѣмъ неаполитанское королевство главною ареною великой средневѣковой борьбы. Роскошная природа Сициліи привлекала гогенштауфеновъ а духовная сила Италіи побѣдила ихъ. Геніальнѣйшій между ними, императоръ Фридрихъ II (для неаполитанцевъ Фредерикъ-Рожеръ I) былъ поворнымъ рабомъ ея; онъ явно, безъ всякаго сожалѣнія, промѣнялъ имперію на свои итальянскія владѣнія; онъ предпочелъ свою родину интересамъ династіи. Болѣе чѣмъ кто нибудь, онъ могъ бы создать политическое бытіе цѣлой Италіи, но несчастія и неудачи какъ бы сроднились съ нимъ. Его дѣятельность, оскорбленная въ своихъ чистыхъ стремленіяхъ, должна была принять иное направленіе. Трудно встрѣтить болѣе симпатичную и вмѣстѣ болѣе трагичную историческую личность. Фридрихъ умеръ въ борьбѣ съ вѣкомъ и исторіею, почти потерявъ надежду на осуществленіе въ будущемъ своихъ идеаловъ. Сопровождаемый проклятіями тиары въ могилу, онъ увлекалъ съ собою весь свой родъ, на искорененіе котораго папы употребили самыя могучія средства. Гогенштауфены въ смертельной борьбѣ, въ крови Беневенто и Тальякоццо, лишились неаполитанскаго престола, переданнаго волею Рима французскому принцу, брату Людовика Святаго, Карлу д'Анжу (²).

(²) Вотъ какія условія были выговорены папою Урбаномъ IV и подтверждены послѣ буллою Климента IV, при передачѣ анжуйцамъ королевства обѣихъ Сицилій. Приводимъ главнѣйшія изъ 25 положеній этой буллы. Королевство передавалось подъ условіемъ вассальной покорности римскимъ первосвященникамъ, въ знакъ чего короли обязуются дарить ежегодно папѣ бѣлаго иноходца. Карлъ и его наследники должны давать клятву вѣрности при вступленіи на престолъ и оказывать должное почтеніе святой церкви. Короли сицилійскіе никогда и ни подъ какимъ видомъ не вступаютъ на престолъ императорскій (эту тему папа развилъ особенно подробно). Династія

Династія, обладавшая неаполитанскимъ королевствомъ (но уже безъ острова Сицилія) во все продолженіе XIV вѣка, была анжуйская (1265—1442 г.). Она не породила изъ себя такихъ міровыхъ представителей, какъ Фридрихъ II; она уже не застала разгара папско-императорской борьбы. Правда, въ нѣкоторомъ смыслѣ ей самой пришлось продолжать дѣло гогенштауфеновъ и поддерживать оппозицію Риму; но эта вражда далеко лишена прежняго величія; она часто матеріальная, да и соперники были уже теперь среди жалкихъ условий. Въ нашемъ разсказѣ мы будемъ свидѣтелями враждебныхъ столкновеній неаполитанскаго королевскаго дома съ папами, но интересы тутъ исключительно мѣстные, итальянскіе. Четырнадцатый вѣкъ былъ въ Европѣ началомъ постепеннаго разложенія средневѣковыхъ формъ; монархическая идея готовилась облечься во вооружіе. Короли неаполитанскіе, подобно своимъ французскимъ родственникамъ, но только раньше послѣднихъ, стремились къ расширенію своей территоріи. Смѣлѣйшіе изъ нихъ мечтали сдѣлаться властителями цѣлой Италіи. Такие короли, какъ Карлъ III и Владиславъ, могли смотрѣть на Римъ лишь исключительно съ территоріальной точки; для одного была столь же важна Венгрія, какъ для другаго Далмація или Миланъ. Даже Робертъ, прославляемый за свою святость, придерживался относительно Рима подобной политики. Неаполитанскіе анжуйцы старались всѣми силами задавить общинную, имъ современную жизнь и подвести ее подъ гладкія монархическія формы. Имъ, уже не чужимъ для Италіи, предстояло болѣе надежды на успѣхъ нежели императоромъ, шансы которыхъ съ каждымъ новымъ царствованіемъ умалаялись. Италія все для

анжуйская не должна увеличивать своихъ владѣній на счетъ сѣверной Италіи или какихъ-либо другихъ земель. Короли сицилійскіе обязывались платить Риму ежегодно 8000 унцій золота (на праздникъ Петра и Павла), да еще сверхъ того должны подарить теперь же, въ видѣ взноса на кафедральную церковь, 5000 серебряныхъ марокъ одновременно. Въ заключеніи, короли обязуются содержать въ папскихъ войскахъ на свой счетъ 300 хорошо вооруженныхъ ратниковъ (см. *Summagium* изъ буллы, сдѣланной аббатомъ Циццариано, у *Summonte*, *Storia di Napoli*, II; 177—179). Интересно, что объ исполненіи этихъ условий, такъ долго обсуждаемыхъ, послѣ никто и не думалъ.

нихъ еще обѣтованная земля, но болѣе и болѣе недостижимая. Потому въ борьбѣ Гвельфовъ и Гибелиновъ короли неаполитанскіе очень удобно расположились на сторонѣ народной партіи. Хотя всѣ ихъ усилія не принесли прочныхъ результатовъ, тѣмъ не менѣе XIV вѣкъ на полуостровѣ былъ свидѣтелемъ многихъ политическихъ переворотовъ. Положеніе анжуйцевъ,—то какъ противниковъ папъ, то какъ ихъ защитниковъ противъ императоровъ,—виѣстѣ съ психологически разнообразными и всегда достойными вниманія ихъ характеристиками, дѣлаетъ эту эпоху часто весьма замѣчательною. Правда, не всѣ анжуйцы выдавались такою политическою дѣятельностью; Карлъ II и обѣ Іоанны оставались ей чуждыми; но подвижная жизнь этихъ двухъ королей возбуждаетъ живою интересъ сама по себѣ; обѣ онѣ были къ тому же причиною тѣхъ претензій Франціи на Неаполь, которыми открывается новое время. Четырнадцатый вѣкъ такимъ образомъ даетъ Неаполю богатую жизнь, исполненную фактовъ и драматическаго движенія.

Было бы неумѣстно вникать въ подробности всѣхъ войнъ, которыми обильно ознаменовалось это время; мы, согласно назначенію разсказовъ, остановимся болѣе на личныхъ характеристикахъ государей, которыя невольно совпадутъ съ очеркомъ политической исторіи, потому что личность вступила здѣсь во всѣ свои обширныя права. Рѣдкая династія за такой ограниченный періодъ дала столь разнообразныя характеры. Ея родоначальникъ, „этотъ черный человѣкъ, никогда не славшій“, какъ рисуется его Джіованни Виллави, не повторился въ своихъ потомкахъ. Папы жестоко ошиблись въ мнѣніи о клѣнѣтѣ римской куріи. Суровый *Карлъ I* самъ успѣлъ подчинить ихъ себѣ и тѣмъ опредѣлить политику своихъ наслѣдниковъ. Но, вѣчный дѣлецъ, человѣкъ безостановочнаго труда, съ страшнымъ честолюбіемъ, онъ не могъ удовлетвориться результатами; обстоятельства, для него почти всегда неблагопріятныя, не давали ему рѣшительныхъ успѣховъ; самая дѣятельность его потому еще не достаточно выяснилась по отношенію къ тѣмъ планамъ, какіе онъ создавалъ. Блестящаго триумфа, цѣли своихъ душевныхъ желаній, Карлъ не встрѣтилъ. Сицилійская вечерня была для него всегда отравой. Тогда его постигло горькое разочарованіе, достигшее до полнаго презрѣнія жизни, которая дала ему столько безполезныхъ мукъ. На глубинѣ души его закопилась злоба про-

тивъ самого себя. Карлъ не имѣлъ терпѣнія дожидаться естественной смерти. Страшныя мученія неудовлетвореннаго честолюбія терзали его даже во время тяжелой болѣзни (1285 г.). Однажды ночью, въ сильномъ припадкѣ нервной раздражительности, онъ схватилъ снурокъ и накинулъ его себѣ на шею, предупредивъ такимъ образомъ приближавшуюся смерть (*).

Здѣсь мы не можемъ долго ни заниматься этимъ характеромъ, ни задѣвать подробностей политической дѣятельности Карла I,—такъ какъ онъ не входить по времени въ предѣлы нашего изложенія. Два важныхъ событія для неаполитанской исторіи XIV вѣка совершились при его сынѣ *Карль II Хромомъ* (1285—1309 г.), безцвѣтная личность котораго тѣмъ не менѣе лишена особаго значенія. Событія эти не зависѣли отъ его инициативы. Это было: вступленіе анжуйской династіи на венгерскій престолъ (1290 г.) въ лицѣ его старшаго сына Карла Мартелла, и т. н. вавилонское плѣненіе папъ. Марія, жена Карла II, была дочерью венгерскаго короля Стефана, — а съ ея братомъ, бездѣтнымъ Владиславомъ, послѣднимъ королемъ арпадской династіи, упразднилъ венгерскій престолъ. Оставаясь безъ государя, магнаты предлагали свою корону даже самому Карлу; но онъ былъ слишкомъ чуждъ честолюбія, какъ бы въ контрастъ своему отцу. Его дѣятельность цѣлкомъ уходила на внутреннія или скорѣе богоугодныя дѣла. Плѣнъ у аррагонцевъ гдѣ онъ пробылъ даже еще 4 года послѣ смерти отца, вѣчныя неудачи сицилійской войны отбили въ немъ охоту ко всякаго рода обширнымъ планамъ. За то, заключившись въ болѣе узкіе предѣлы, онъ сохранилъ память свою въ нравственномъ отношеніи чуждою всякаго упрека (*come Re lealissimo e di somma bontà*, по словамъ Джьанноне). Его попеченія объ университетѣ столицы, о торговлѣ страны, о закрѣпленіи монархическихъ порядковъ, все это достойное продолженіе дѣла великаго Фридриха, конечно, имѣютъ большое значеніе.—Покинутый папами Римъ открывалъ Роберту, его наслѣднику, а съ нимъ и всей династіи, блистательное будущее, но повергалъ вслѣдъ за тѣмъ страну въ долги войны. Робертъ долженъ былъ замѣшаться въ круговоротъ наступавшихъ событій; возобновлялись претензіи германскихъ императоровъ на Италію. Робертъ долженъ былъ явиться ихъ противни-

(*) По *Theodorus de Nieme y Giannone*; Ш, 50.

комъ, вождемъ гвельфовъ и слѣдовательно оберегателемъ вакантнаго Рима. Ознакомившись предварительно съ его личностью, мы оставимся послѣ на походъ Генриха VII и очертимъ послѣднія воинственныя покушенія императоровъ на Италію въ продолженіи XIV вѣка.

Личность *Роберта* (1309—1343 г.) перешла въ исторію съ эпитетомъ Мудраго (*il Savio*), за восторженное сочувствіе къ наукѣ, за гуманность характера. Данное учеными же и поэтами это почетное прозвище возбуждаетъ сомнѣніе въ своей основательности. Взглянемъ на факты его внутренней дѣятельности. Дѣйствительно, что касается до правосудія на примѣръ, то въ этомъ отношеніи не было еще тогда монархической страны, которая бы управлялась съ такимъ тактомъ, съ такимъ благоразуміемъ. Это подтверждаютъ тѣ новыя порядки, которые были введены Робертомъ въ устройствѣ трибуналовъ и магистратовъ. Въ судьи онъ выбиралъ людей высокой учености а главное—безупречной репутаціи. Для дѣлъ церковныхъ Робертъ издалъ особыя *Regole della Cancelleria*, въ которыхъ были указаны новыя способы для сбора римской десятины. Ею завѣдывали особо назначенные папскіе повѣренные, такъ называемые *Collettori Appostolici*, подчиненные главнымъ намѣстникамъ папы въ неаполитанскомъ королевствѣ, пользовавшимся огромнымъ значеніемъ и вліяніемъ,—нунціямъ. Главнымъ образомъ Робертъ заботился о внутреннемъ спокойствіи государства, или, какъ выражается историкъ, „наблюдалъ чтобы вѣчный миръ царилъ въ народѣ“ (*). Король сдерживалъ недовольныхъ, наказывая возмутителей общественнаго спокойствія. Онъ укротилъ также произволъ духовныхъ феодаловъ, которые нещадно давили своихъ вассаловъ.

Какъ видимъ, Робертъ дѣйствуетъ въ духѣ новыхъ монархическихъ идей. Однако результаты не выкупали его неразборчивыхъ мѣръ. Передъ смертью онъ имѣлъ неудовольствіе видѣть, какъ снова поднялись только что униженные имъ бароны; съ послѣдними силами онъ предписываетъ дѣйствовать оружіемъ и вотъ вся страна наполняется въ сильномъ количествѣ политическими преступниками. Губернаторамъ провинцій (*giustizieri*) было указано хватать виновныхъ, но

(* *Giannone*; III, 135.

тѣ или разбѣгались по разнымъ мѣстамъ, такъ что команды не могли пзловить ихъ, или же спокойно проживали въ крѣпкихъ замкахъ недовольныхъ бароновъ. Вообще, военныя предпріятія не удавались Роберту; его сферою была гражданская дѣятельность. Между тѣмъ положеніе дѣлъ не позволяло ему власть оружія. Онъ долженъ успѣвать вездѣ,— драться съ двумя императорами, драться съ двумя королями аррагонскимъ и сицилійскимъ, драться съ итальянскими городами изъ за интересовъ гвельфовъ, которые поручили ему охранять авиньонскіе папы, теперь безгласные въ дѣлахъ полуострова. Робертъ былъ самый плохой военачальникъ и на сушѣ и на морѣ, гдѣ самая природа противъ него. У береговъ Сициліи буря разбиваетъ его лучшую надежду, большую флотилію изъ 75-ти галеръ, 3 галіоновъ, 30 транспортныхъ судовъ, 30 лодовъ и 160 другихъ мелкихъ судовъ. У него правда 42 тысячи солдатъ, но и сухопутныя силы такъ же гибнутъ какъ и морскія. Впрочемъ, богатая казна сдѣлаетъ снова такую же армію. Наемничество, это безконечное предложеніе военнаго товара, тогда только что организовалось въ услугахъ общинъ и тирановъ. Робертъ трагилъ на войска то, что получалъ отъ гражданскаго преуспѣянія королевства. Въ послѣднемъ отношеніи труды его были полезнѣе, несравненно производительнѣе. Онъ одинъ много поднялъ и науку, и литературу, и искусства своего вѣка. Около него, какъ около центра, группировалась вся мыслящая Италія эпохи. Онъ не жалѣлъ денегъ для пріобрѣтенія лучшихъ ученыхъ въ неаполитанскій университетъ. Иногда онъ самъ являлся въ аудиторіяхъ и слушалъ тамъ лекціи. Можно совершенно непреувеличенно сказать, что Робертъ благоговѣлъ передъ поэзіей и наукою. Извѣстны его любимыя слова: „лучше хочу знать науки безъ діадемы, нежели носить діадему безъ наукъ“. Особенно Петрарка пользовался его подобострастнымъ уваженіемъ. Когда поэта короновали въ Капитоліи, то Робертъ, уже престарѣлый, высказывалъ искреннее сожалѣніе, что не можетъ собственноручно возложить вѣнецъ на его голову. Петрарка съ своей стороны платилъ глубокою признательностью королю, оставляя потомству слѣдующую, очень вѣрную, характеристику своего друга.

„Ученый король былъ всегда съ книгою въ рукахъ; днемъ или ночью, во время отдыха или прогулки, среди

дѣлъ мира или войны, онъ не измѣнялъ ей. Робертъ заботился о даровитыхъ личностяхъ, со всей щедростью награждая гениевъ своего вѣка (хотя, надо прибавить, мало оказывалось поводовъ къ такой щедрости). Онъ согласенъ не только благосклонно и терпѣливо прослушивать все, что ему читалось, но ищетъ случая одобрить, наградить авторовъ. Такъ онъ поступалъ до послѣдней минуты. Уже старикъ, король-философъ, не стыдился учиться и дѣлиться съ другими своими познаніями. Онъ постоянно твердилъ, что человѣкъ дѣлается мудрымъ только благодаря наукѣ:—уча и участь. Даже тѣ, которые изъ ненависти злословили его, стараясь уменьшить его заслуги, не могли отказать ему въ учености. Искусный въ богословіи, философіи, медицинѣ, краснорѣчіи, онъ не занимался развѣ только одною поэзіею“ (°).

Что особенно отличало Роберта, то это теплое религиозное чувство, выразившееся въ оставленныхъ имъ молитвахъ (°). Онъ тратилъ огромныя суммы на монастыри, церкви, и другіе религиозныя предметы; 3 тысячи дукатовъ въ мѣсяцъ отпускалось на эти статьи изъ королевскаго египіо. Подъ страхомъ возобновленія крестоваго похода, онъ обязалъ египетскаго султана содержать 12 францисканцевъ у Гроба Господня. Съ такимъ мягкимъ, женственнымъ характеромъ, Робертъ конечно заслужилъ эпитафію „suscipe Robertum regem virtute refertum“,—но не удовлетворилъ тѣхъ надеждъ, которыя имѣли право возлагать на него лучшіе люди Италіи, судя по его силѣ и политическому вліянію. Только благодаря отсутствію папъ, онъ могъ приобрѣсти положеніе вождя гвельфской партіи. Внутри государства онъ не всегда могъ сладить съ аристократіей и народомъ. Потому, разобравъ съ разныхъ сторонъ характеръ Роберта и оцѣни-

(°) *Petrarca. Rerum memorabilium*, l. 1, c. 1.

(°) Памятникомъ чистоты своихъ нравственныхъ убѣжденій, Робертъ оставилъ также трактатъ, написанный имъ подъ конецъ жизни. Стихи довольно плохіе, потому издатель Убальдини замѣчаетъ о нихъ, —«cimentò le forze del suo ingegno nella vecchiaja applicandosi a rimare». Трактатъ, изданный въ Римѣ въ 1842 году, называется: «Il trattato delle virtù morali di Roberto Re di Gerusalemme, ed. di conte Federico Ubaldini». Къ этой же рѣдкой книгѣ присоединено нѣсколько сонетовъ Петрарки, Tesoretto Бруцетто Латини и 4 канцоны Бонини Сиенскаго.

вая его дѣятельность какъ по принципу такъ и по достигнутымъ результатамъ, мы приходимъ въ мнѣнію не въ пользу короля. Очевидно, что репутація мудрости создана была благодарными апологистами; за ними она повторялась согласнымъ хоромъ итальянскихъ историковъ XVII и XVIII вѣка, судившихъ сквозь известную призму и односторонне. Сужденія иностранныхъ источниковъ, на примѣръ нѣмецкихъ, выходятъ на этотъ разъ болѣе достовѣрными. Для старыхъ итальянскихъ писателей личность Роберта нѣкоторымъ образомъ священна. О ней можно отзываться лишь въ такихъ общихъ и пышныхъ фразахъ: „Робертъ оставилъ по себѣ имя и доблестнаго и мудрѣйшаго (il più savio) короля своего времени. Онъ былъ украшенъ дарами благоразумія, справедливости, гуманности, скромности, твердости и прочихъ доблестей военныхъ и гражданскихъ“ и т. д.⁽¹⁾ Это говоритъ одинъ изъ лучшихъ между ними. Пристрастіе къ Роберту перешло отчасти и въ изслѣдованія новыхъ историковъ Италіи (кроме Канту). Между тѣмъ исторія похода Генриха VII, гдѣ король остается какъ бы въ тѣни, обнаруживаетъ въ немъ недостатокъ смѣлости, распорядительности и отсутствіе воинскихъ качествъ; государственныя его способности были довольно ограничены. Его прославленная мудрость развилась подъ перомъ риторовъ Возрожденія. Честный и ученый человекъ, онъ былъ поставленъ судьбою не на своемъ мѣстѣ.

Между тѣмъ событія требовали особенной дѣятельности. Перенесеніе папской резиденціи въ Авиньонъ было какъ бы звѣкомъ новаго появленія императоровъ въ Италіи. Уже нашествія изъ Германіи готовились сдѣлаться преданіемъ. Габсбурги, вступая на германскій престолъ, не обратили первое время вниманія на положеніе итальянскихъ дѣлъ. Рудольфъ I смотрѣлъ на Италію какъ на ловушку. И онъ, и

⁽¹⁾ Этотъ отзывъ *Giannone* вытекаетъ изъ того хвалебнаго ореола, которымъ окружилъ Роберта *Giov. Villani* въ своей знаменитой исторіи (*Mem.* XIII, l. 11, 12), *Petrarca* (*rerum memorabilium*, l. 1, 4), даже *Boccaccio* (*Genealogia deorum* etc. l. XIV, c. 9, 22; l. XV, 13). Сужденія итальянцевъ почти буквально сходны, напр. *Maffei* (*gli annali di Mantova*, l. IX, c. 6): «essendo Roberto Principe Savio, e di grand'esperienza in pace e in guerra (p. 656)» и пр. Изъ новыхъ: *Bossi* относится довольно вѣрно (XV, 722); *Canti* же видитъ на этотъ разъ одно дурное (VI, 50).

Адольфъ, и Альбрехтъ I были на столько матеріалисты, что не гнались за лестною, но далекою славою. Не то былъ Генрихъ VП Люксембургскій (1308—1313 г.). По убѣжденію даже нѣмецкихъ историковъ, онъ долженъ былъ быть скорѣе героемъ романа Сервантеса, нежели представителемъ высокой императорской власти (*). Генрихъ былъ прежде всего человѣкъ восторженнаго воображенія и высокихъ идеаловъ; суровая дѣйствительность была не по немъ; жизнь для себя онъ не понималъ. Онъ говорилъ, что „императоръ долженъ быть тѣмъ-же рыцаремъ, съ тою разницею, что его арена гораздо шире; онъ долженъ быть органомъ правосудія, хранителемъ мира“ (*). Такія убѣжденія не раздѣлялись итальянцами, которые въ эти годы готовились захить самостоятельную республиканскую жизнь. Гвельфы торопились связать сопротивление вторженію императора. Они толпились около короля Роберта, который за отсутствіемъ папы считался главою гвельфской партіи. Самъ же Климентъ V, въ величайшему удивленію современниковъ, рѣшается привѣтствовать вступленіе императора; онъ совѣтуетъ своимъ гвельфамъ даже подчиниться ему (1°). Объясненія такого страннаго поступка надо искать въ личныхъ стремленіяхъ папы. Вѣроятно французское иго становилось невыносимымъ, а Климентъ V рассчитывалъ на содѣйствіе Генриха VII въ случаѣ своего возвращенія въ Римъ.

Но въ Италіи въ то время былъ одинъ человѣкъ, который безкорыстно, съ теплымъ патріотическимъ чувствомъ, желалъ присутствія императора на полуостровѣ. Если мы скажемъ, что этотъ человѣкъ былъ Данте, то никто не будетъ сомнѣваться въ неподдѣльности его патріотизма. Меж-

(*) Укажемъ для примѣра на *Kortüm*: (Die Geschichte des Mittelalters), который говоритъ слѣдующее: „Heinrich wirkte gegen seine Zeit; er war der fahrende Ritter der gleichsam veredelte Don Quixote des deutschen Kaiserthums (II, 301)“.

(*) *F. W. Barthold* «Der Römerzug König Heinrichs von Lützelburg. Königsb. 1830, 2v (I, 285). Широко разработанная монографія, но съ характеромъ пристрастнымъ, такъ какъ трудъ во многомъ касается Италіи. Біографія Генриха VII: *Veger* (1531), *Mussati* (1636), *Gundling* (1719), *Köhler* (1722), *Dönniger* (1840).

(1°) *Raynaldi*. Annales ecclesiastici подъ 1310 годомъ.

ду тѣмъ ему вторженіе нѣмецкихъ латниковъ, неистовство, грубыхъ рыцарей, казалось золотымъ вѣкомъ, счастливою зрѣю родной исторіи.... Что бы ни говорили про политическія убѣжденія великаго поэта, нельзя не признать двойственности въ общемъ впечатлѣніи этой личности. Известно, что одинъ изъ французскихъ біографовъ Данте, именно Озанамъ, довольно удачно подмѣтилъ внутреннія противорѣчія характера Аллигieri. Уваженіе Церкви, вражда съ феодализмомъ, могутъ заставить думать, что Данте принадлежитъ къ гвельфской партіи, хотя съ другой стороны, монархическія тенденціи, ненависть къ Франціи, тѣсно сближаютъ его съ гибеллинами. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы поэтъ переходилъ отъ однихъ убѣжденій къ другимъ или чтобы онъ когда нибудь измѣнялъ своимъ принципамъ, напротивъ, онъ всегда честно держался своей программы. Но онъ искренно вѣрилъ, что для блага Италіи необходимо примиреніе двухъ противоположныхъ полюсовъ, необходимо среднее рѣшеніе между ними⁽¹¹⁾. Оттого въ его симпатіяхъ къ императорскому оружію, нельзя подозрѣвать національное отступничество. Потому, не слѣдуетъ удивляться, если итальянскій публицистъ XIV вѣка, оскорбляетъ тѣхъ императоровъ, которые равнодушны къ Италіи, какъ напр. Альбрехта, презрительно называемаго имъ „tedesco“. Не слѣдуетъ также удивляться, если тотъ же Данте пишетъ Генриху VII страстное письмо слѣдующаго содержанія:

„Наступаетъ время радости и мира; новый день озаряетъ всѣхъ своимъ свѣтомъ. Вотъ, съ востока занимается заря, — она разгонитъ тучи нашихъ долгихъ бѣдствій. Мы готовимся скоро вкусить отраду, мы, которые съ давнихъ поръ, живемъ въ жалкой пустынѣ. Солнце мира восходитъ, — и правосудіе, доселѣ мрачное, скоро засіяетъ новымъ свѣтомъ. Теперь тебѣ будутъ завидовать, о Италія будутъ завидовать потому, что твой супругъ, гордость вѣка, слава итальянскаго народа, нашъ милостивый Генрихъ, великій Цезарь, спѣшитъ пировать на твоей свадьбѣ. Утри свои слезы, брось эти печальныя одежды, о ты, прекраснѣйшая изъ дѣвъ... Народы

⁽¹¹⁾ «Dante suivit, non sans hésitations, mais sans pusillanimité la ligne moyenne, qui en résulta. *Ozanam* — Dante et la philosophie Catholique au XIII siècle. P. 1845 (p. 277).

Италіи, преклоняйте колѣна передъ вашимъ государемъ! Помогайте ему, уважайте его, повинуйтесь ему, вы всѣ, которые пьете воды Италіи, которые плаваете по морямъ ея, вы всѣ, которые получаете свои богатства и лишаетесь ихъ только по его произволу“....⁽¹³⁾.

Но убѣжденія поэта не подѣйствовали на народъ итальянскій. Какъ только Генрихъ VII, съ двумя тысячами пѣхоты и кавалеріи, перешелъ черезъ Альпы (сентябрь 1310 г.), то уже встрѣтился съ враждебнымъ настроеніемъ итальянцевъ. Съ какимъ-то презрѣніемъ ломбардцы давали нѣмцамъ деньги, чтобы только выжить ихъ скорѣе изъ страны. Впрочемъ, не всѣмъ городамъ удалось счастливо раздѣлаться съ императоромъ. Закрѣпленіе тираніи отдѣльныхъ синьоровъ,—вотъ осязательные слѣды пребыванія Генриха VII въ сѣверной Италіи. Были еще и другіе признаки императорскаго нашествія. По приказу Генриха срывали стѣны и укрѣпленія сопротивлявшихся городовъ, лишали вольностей независимыя общины, грабили до тла и выгоняли упорныхъ гвельфовъ. Даже король неаполитанскій вызывался къ императорскому трибуналу, какъ виновный въ оскорбленіи величества. Конечно, онъ не поѣхалъ. Но нѣмецкіе судьи вмѣстѣ съ юрисконсультами болонскими распорядились заочно приговорить дерзкаго къ лишенію лена и даже смертной казни,—если только нога его будетъ на императорскихъ земляхъ⁽¹³⁾. Вмѣстѣ съ нимъ подвергались нѣмецкой опалѣ: Флоренція, Павія, Падуа и Асти, за то что вездѣ гоняли императора. Подобныя приговоры, безъ сомнѣнія, верхъ эксцентричности Генриха VII. Понятно, что современники нисколько не сомнѣвались въ ничтожности уголовной рекламы и не обращали то ни никакого вниманія⁽¹⁴⁾. Съ такимъ же чувствомъ относились и къ императорской коронаціи, совершившейся въ Миланѣ. Недостатокъ въ средствахъ побуждалъ Генриха слишкомъ безцеремонно брать деньги съ городовъ, князей, синьоровъ за то, чтобы они опять оставались городами, князьями, синьорами. Оригинальное

⁽¹³⁾ *Barthold*. Der Römerzug Heinrichs; I, 340.

⁽¹³⁾ *Pertz*. Monumenta Germaniae historica. Edictum de crimini laesae majestatis (IV, 545—549).

⁽¹⁴⁾ *Barthold*; II, 389.

донкихотство во всемъ требовало формы, подтвержденія, верховной санкціи. Съ тою же цѣлью императоръ пошелъ на Римъ, послѣ безуспѣшной осады республиканской Флоренціи. Надо замѣтить, что большая часть Рима была занята неаполитанскими войсками, которыхъ при всѣхъ усиліяхъ не могли выбить нѣмцы. Въ простой приходской церкви Генрихъ VII спѣшитъ показать своимъ солдатамъ картину коронованія. Папа грозитъ ему изъ Авиньона. Императоръ рыцарски отвѣчаетъ Клименту, „что онъ не думаетъ нарушать права Церкви, которая напротивъ хочетъ оградить, но что его главная цѣль показать міру достоинство и величіе римской имперіи“. Папа можетъ быть улыбнулся бы такому отвѣту, если бы не получилъ прискорбнаго извѣстія объ измѣнѣ Генуи и Пизы, которыя открыто соединились съ Генрихомъ. Въ то же время Арагонія и Сицилія объявили войну Неаполю и естественнымъ образомъ применили къ императору. Тогда же и Леопольдъ австрійскій привелъ значительное вспомогательное войско въ нѣмецкій лагерь.

Генрихъ VII самъ удивился своему внезапному и неожиданному счастью. У него уже не разбѣяныя сотни усталыхъ латниковъ, а напротивъ стройная сорокатысячная армія. У него подъ рукою превосходная флотилія: 17 галеръ пизанскихъ и генуэзскихъ, 15 сицилійскихъ и арагонскихъ, — выкидываютъ императорскій флагъ. Такъ быстро организовались священныя силы во имя идеи Священной Имперіи. Флотъ уже грабитъ берега Калабріи и готовится обложить самый Неаполь. Робертъ не думаетъ о защитѣ и собирается бѣжать въ родной Провансъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась кампанія, принявшая такой рѣшительный оборотъ. Вдругъ, Генрихъ заболѣваетъ смертельно и въ нѣсколько дней умираетъ въ замкѣ Бонконвенто, недалеко отъ Сиены. Какъ круто поднялись было фонды Гибелииновъ, такъ круто опустылись. Полагали, что императоръ умеръ отъ отравы; такія объясненія были въ духѣ времени. Справедливо или нѣтъ, но было подозрѣніе на одного доминиканца, который будто подлилъ яду въ святые дары, чтобы скорѣе прекратить жизнь больного. Говорили также, что трупъ покойника разлагался необыкновенно быстро, такъ что не было возможности довести тѣло Генриха до родины. Дорогою, трупъ вынули изъ ящика и ночью сожгли; пепель привезли въ Пизу и тамъ зарыли.

а по другимъ извѣстіямъ, его успѣли довести до Германіи⁽¹⁵⁾. При всѣхъ такихъ обстоятельствахъ, мы не имѣемъ достаточныхъ оснований винить гвельфскую партію въ злодѣйскомъ поступкѣ. На него не согласился бы Робертъ, одинъ изъ честиѣйшихъ государей итальянской исторіи.

Смертью Генриха VII рушились всѣ надежды гибеллиновъ, желавшихъ нѣмецкаго вліанія на Италію. Лига разстроилась. Неаполь успѣлъ примириться съ своими врагами. Дальнѣйшія попытки императоровъ уже не могутъ имѣть твердой опоры; онѣ должны были стать еще болѣе отвлеченною мечтою. Бѣднякъ Людвигъ V Баварскій (1314—1347 г.) думалъ только, какъ бы поправить свои скудные финансы. Ему плохо до того, что приходится однимъ яйцомъ наградить своего вѣрнаго полководца⁽¹⁶⁾. Его походъ въ Италію кончился поворнымъ fiasco, хотя онъ и успѣлъ короноваться миланскою и даже римскою императорскою короною (1327 г.). Возмущеніе народа принудило Людвига оставить городъ. Войска неаполитанскіе отгѣснили его въ Тоскану и наконецъ вѣнчанный императоръ бѣжитъ изъ Италіи. Теперь перемѣняется его политика. Онъ продаетъ синьорамъ ломбардскіе города, забывая то, что они уже давно запроданы. За деньги онъ готовъ уступить даже всѣ свои права на Италію. Понятно, что такіе симптомы должны были служить сигналомъ паденія дѣла гибеллиновъ. Впрочемъ, въ теоріи Петрарка еще проводитъ идеи монархизма, но онъ напрасно вызываетъ тѣни римскихъ императоровъ. Онѣ не могутъ ни сами воскреснуть въ новой жизни, ни воскресить другихъ. Когда внукъ Генриха VII, Карлъ IV Богемскій (1347—1378 г.) свергнулъ стараго Людвига, то попытался было также совершить прогулку въ Италію. Но съ нимъ только 300 безоружныхъ воиновъ. Итальянцы встрѣчаютъ его презрѣніемъ. Виллани говоритъ, что императоръ вѣроятно

⁽¹⁵⁾ Изъ извѣстныхъ намъ историковъ только одинъ *Rehm* положительно вѣритъ отравленію (*Geschichte des Mittelalters*; IV, I, 138).—Срв. *Barthold*; II, 438.—Въ нѣмецкой литературѣ есть отдѣльное изслѣдованіе о смерти Генриха.—*Disenbach*. De vero mortis genere, quo Henricus VII obiit. Fr. 1685.

⁽¹⁶⁾ *Kortüm*; II, 306. Слова Людвигъ помѣщены въ надгробную надпись Швейпермана: «Jedem ein Ey; dem frommen Schwepperman zwey».

собрался на рынокъ запастись провизіей. Въ своей Золотой Буллѣ (1356 г.) Карлъ IV называетъ себя едва ли не властителемъ вселенной, а между тѣмъ на дѣлѣ онъ высказывается покорнѣйшимъ слугою папы, забывая и своихъ гибелинновъ и свое императорское величіе. Онъ даетъ честное слово папѣ, что не пробудетъ въ Римѣ болѣе одного дня послѣ коронаціи (17). Повторимъ, въ теоріи императоры по прежнему сильны, недосягаемы. Даже полуумный Венцель (1378—1400 г.) не перестаетъ утверждать, что короли римскіе божіею милостію выше свѣтскихъ государей, а между тѣмъ какъ они ничтожны на дѣлѣ, какъ сгладились они въ своемъ минувшемъ величіи, сгладились до того, что напримѣръ Рупрехтъ (1400—1410 г.) дѣлается простымъ итальянскимъ кондотьеромъ. Преемники гогенштауфеновъ, императоры, скоро перестали уже думать о римскомъ престолѣ и своимъ молчаніемъ какъ будто удвоили торжество папъ, которые даже изъ чужаго Авиньона съумѣли поддерживать и свои права и неприкосновенность своей духовной силы.

II.

Безъ сомнѣнія, на такого гуманнаго, мягкаго человѣка должна была сильно подѣйствовать смерть единственнаго, нѣжно любимаго сына, уже подававшего большіе задатки государственнаго искусства. Герцогъ калабрійскій всегда былъ вѣрнымъ помощникомъ своего отца; какъ соправитель, онъ носилъ титулъ королевскаго намѣстника (*vicario*). Заливаясь слезами, говорилъ старикъ, пораженный въ самое сердце: „корона упала съ головы моей, *caduta è la corona del caro nostro*“ (18). Все свое вниманіе, всю любовь онъ обратилъ теперь на внучку Джіованну, которая во многомъ напоминала ему сына. Эта внучка была знаменита въ послѣдствіи, какъ королева Іоанна I (19). Еще семи лѣтъ, дѣдъ об-

(17) *Raynaldi. Annales. 1346.*

(18) *Giannone; III, 132 и др.*

(19) Carlo, duca di Calabria, такъ во многомъ похожій на своего отца, былъ женатъ два раза. Бракъ съ Екатериною, австрійскою принцессою, былъ бездѣтенъ. Тогда Карлъ женился на Маріи. Валуа Отъ нее онъ имѣлъ трехъ дочерей; Джіованну (будущую королеву), Марію, которая вскорѣ умерла, и еще Марію, уже родившуюся послѣ смерти отца. Последняя вышла за Карла Дураццо.

ручилъ ее съ Андреемъ, младшимъ сыномъ Кароберта, короля венгерскаго (26 сентября 1333 г.). Можетъ быть онъ думалъ этимъ предохранить Неаполь отъ вооруженнаго вторженія венгерской династїи, которая не совсѣмъ-то благосклонно смотрѣла на южную Италію. Съ своей стороны, Каробертъ былъ радъ этому браку. Онъ самъ прїѣзжалъ въ Неаполь, гдѣ самымъ родственнымъ образомъ былъ принятъ дядею Робертомъ. Тотчасъ же послѣ обрученія, Андрей, еще мальчикъ, получилъ титулъ герцога калабрійскаго. Отецъ снабдилъ его достаточнымъ количествомъ венгерцевъ и, поручивъ главную опеку суровому монаху „fra Roberto“, уѣхалъ. Андрей росъ подъ вліяніемъ своихъ приближенныхъ и выросъ истымъ азіатцемъ. Безпрекословно повиновался онъ злому и угрюмому монаху, который грозилъ впоследствии сдѣлаться бичемъ цѣлаго королевства. (1°). Джіованна двѣнадцати лѣтъ была рѣдкая красавица; она отличалась прекрасными качествами ума и сердца. Дѣвическая красота ея въ пору зрѣлости приняла величественное выраженіе, не безъ явнаго отпечатка энергіи, страстности. Ея умъ, гибкій и тонкій въ дѣтствѣ, высказался послѣ въ счастливомъ тактѣ и въ замѣчательной правительственной способности. Обширнымъ образованіемъ, подъ руководствомъ дѣда, она превосходила всѣхъ своихъ соотечественницъ. Понятно, что такая женщина не могла сочувствовать дикому и бездарному человеку, какимъ былъ ея венгерскій супругъ, не перенявшій ничего итальянскаго. Равнодушіе къ нему, скоро превратившееся въ ненависть, поселилось въ ея сердцѣ еще съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ. Въ политическомъ бракѣ нисколько не участвовали ея личныя привязанности. Потому не слѣдуетъ безусловно осуждать ее, если бы впоследствии она явила себя темнымъ дѣломъ, за который обыкновенно покрываютъ позоромъ ея память. Но мы имѣемъ основаніе думать, что такого преступленія не раздѣляла Иоанна; по крайней мѣрѣ, много фактовъ говорятъ за нее. Лучшіе историки

(1°) Личность fra Roberto обрисовалъ *Costanzo* въ 6 книгѣ своей исторїи самыми мрачными красками, — *un animale orrendo, co' piedi scalti, co'l capo scoperto*. — *Torto di persona, marcio di tempo, grossi di fianchi, co'ranni logori estracciati* etc. повторяетъ за нимъ *Maffei* (l. X).

эпохи, люди знавшіе лично королеву, считаютъ ее „святѣйшею женщиною, гордостью міра, солнцемъ Италіи“. Придирчивѣйшіе писатели не могутъ упрекнутьъ ее ни въ частной, ни въ семейной жизни. Правда, Аммирато и Колленуччіо считаютъ ее женщиною сладострастною: „не для потомства, говорятъ они, а только для удовлетворенія своихъ страстей, она, уже на старости лѣтъ, искала себѣ мужа“. Но Костанцо справедливо замѣтилъ, что въ такихъ случаяхъ ищутъ любовниковъ, а не мужей. Фаворитовъ у ней не было. Красавцы полководцы, молодые министры и придворные, постоянно окружавшіе ее, не могли похвалить ея благосклонностью. Только одинъ Боккачіо говоритъ, будто королева въ молодые годы была въ связяхъ съ сыномъ одного изъ первыхъ вельможъ королевства, который считался даже ея официальнымъ фаворитомъ. Но вѣдь Боккачіо свои „de mulieribus“ писалъ исключительно съ невинною цѣлью нарисовать нѣсколько соблазнительныхъ картинъ изъ придворной жизни стараго и новаго міра.

Мы думаемъ, что женщину съ характеромъ Іоанны I, исторія, хотя не совершенно извинить, но оправдаетъ во многомъ. На нее не слѣдуетъ класть вѣйма того отверженія, котораго многіе считаютъ ее достойнымъ. Въ нравственномъ отношеніи она стоитъ безконечно выше Іоанны II, этой Мессалины XV вѣка; она составляетъ даже сильный контрастъ съ послѣднею. Prius felix, mox miserenda nimis,—какъ гласить ея эпитафія,—она возбуждаетъ сожалѣніе и несчастьями своими, и тѣмъ страшнымъ наказаніемъ, которое постигло ее за преступленіе, если и было преступленіе. На судъ исторіи ея образъ явился очищеннымъ, и потому она имѣетъ право на участіе потомства. Портретъ ея, который еще и теперъ можно видѣть въ Неаполѣ, поражаетъ зрителей пластичной и вмѣстѣ симпатичною красотою. По словамъ одного изъ ея біографовъ, который не имѣлъ причины лгать въ этомъ случаѣ, „во всей ея фигурѣ, во всѣхъ манерахъ проявлялась какая-то величественная прелесть (une douceur majestueuse). Эта прелесть внушала невольное чувство уваженія и даже привязанности въ сердцахъ тѣхъ, которые имѣли случай видѣть ее. Въ ея голосѣ звучала теплая задушевность. Она была привѣтлива, сострадала несчастнымъ и всегда ста-

рагась помочь имъ“^(*)). Последнее распоряженіе Роберта дѣлало наследницею престола Иоанну, а Андрею не давало ничего кромѣ номинальнаго титула соправителя и супруга королевы. Умирающій Робертъ имѣлъ еще силы созвать съ этою цѣлью парламентъ; онъ обязалъ бароновъ вѣтвою въ вѣрности королевѣ *Иоаннѣ I* (1343—1382 г.), которая должна была вступить на престолъ тотчасъ послѣ его смерти. Въ помощь себѣ Иоанна тогда же пригласила совѣтъ изъ преданныхъ людей, нисколько однако не ограничивавшій ея власть (*tutto dipendente da lei*).

При всемъ томъ, первые годы правленія Иоанны, этой итальянской Маріи Стюартъ, какъ ее часто называютъ, прошли очень несчастливо. Надо предполагать, что безпорядокъ былъ страшный, потому что онъ выдался въ глаза даже послѣ безпокойнаго времени Роберта. Джьанноне замѣчаетъ, что это былъ контрастъ дня и ночи (*chè tra il dì, e la notte*). Тѣснили всѣхъ совѣтниковъ покойнаго государя, вдова котораго должна была удалиться въ монастырь и тамъ кончить дни въ аскетическихъ подвигахъ святости. Причиною всего этого было вмѣшательство венгерской партіи въ дѣла правленія; полудикіе войны венгерскіе, товарищи Андрея, буйствовали при дворѣ, буйствовали по всему королевству. Наконецъ, *fra Roberto*, поддерживаемый мужемъ

^(*) (*Guijot*). *Histoire des Jeannes, reines de Naples* (Par. 1700); 22.— См. также отзывъ юриста *Angelo da Perugia* у *Giannone* (Ш, 194) — Самъ *Giannone* отзывается такъ объ Иоаннѣ I: «più savia Regina, che sedesse mai in sede Reale» (*ibid.*). Если бы такое замѣчаніе было и преувеличено, тѣмъ не менѣе оно имѣетъ свое значеніе, и далеко не оправдываетъ тѣхъ голословныхъ обвиненій, которыми осыпаютъ королеву. Относительно главнаго изъ нихъ, обвиненія въ убійствѣ, — вопросъ, послѣ защиты *Costanzo* (I. 6) и увѣреній *G. Villani* (I. 12), не можетъ рѣшаться противъ нея. Взглядъ послѣдняго на Иоанну также долженъ быть принятъ въ соображеніе, а онъ считаетъ ее достойною наследницею дѣда Роберта, «не только по престолу, но и по духу», признаетъ ея правительственное искусство, государственный умъ (*si grave la tutte l'operazioni*). Иоанна I, только одна изъ всѣхъ анжуйцевъ, имѣетъ специальную литературу. Вотъ монографіи объ Иоаннѣ I: — *Mignot* (1764), *Stille* (на англ., нѣм. пер. 1830 г.), *Crivelli* (1832), всѣ безъ ученыхъ достоинствъ; послѣдняя для обѣихъ впрочемъ Иоаннъ, на нѣм. *Rotteck* (Sammlung kl. Schr. 1829, B. I) и статья *Röse* (Ersch. u. Grub. Th. II, B. XXI).

королевы, окончательно захватилъ всякую власть въ свои руки, вездѣ разгадивъ своихъ *giustizieri* (губернаторовъ). Мрачный монахъ своею ужасною жестокостью сдѣлался страшнымъ народу. Его уста ежедневно произносили смертные приговоры; эшафоты воздвигались по провинціямъ. Своею суровостью и беспощаднымъ образомъ дѣйствій онъ удалилъ королеву на второй планъ, сдѣлавъ Андрея полновластнымъ государемъ. У венгерской партіи была сильная поддержка изъ родины, гдѣ царствовалъ теперь старшій братъ Андрея, суровый Людовикъ, прозванный послѣ Великимъ. По свидѣтельству венгерскаго историка Бонфинія, Людовикъ отправилъ въ Авиньонъ торжественное посольство, которое имѣло сообщить папѣ, что Андрей, король неаполитанскій, имѣетъ право на этотъ титулъ, не какъ мужъ Иоанны, а какъ первородный правнукъ Карла II Хромаго. Но папа вѣдь ли былъ расположенъ подтвердить своею верховною санкціею подобное предложеніе. Пока венгерскіе послы искали аудиенціи въ Авиньонѣ, въ Неаполѣ папскій легатъ уже совершилъ обрядъ коронаванія и отъ имени его святѣйшества далъ Иоаннѣ I инвеституру на королевство неаполитанское, какъ на ленъ Церкви. Въ соборѣ Santa-Chiara всѣ чины принесли ей присягу, какъ законной государынѣ (30 августа 1344 г.). Къ ея титулу было прибавлено: „Regina di Sicilia e di Gerusalemme, Duchessa di Puglia, Principessa di Salerno, di Capua, di Provenza e di Forcalquieri, e Contessa di Piemonte“⁽²²⁾. Но въ то время, когда папа по поводу этой коронаціи объяснялся съ послами венгерскими и выслушивалъ ихъ гордый протестъ, — изъ Неаполя была получена роковая новость объ умерщвленіи Андрея...

Не всѣ историки рѣшаются обвинять Иоанну I въ смерти ея мужа. Можетъ быть она вовсе не желала его гибели и не знала о заговорѣ, которымъ главнымъ образомъ руководили аристократы и принцы крови, а послѣднихъ было немало при неаполитанскомъ дворѣ⁽²³⁾. Всѣ опа-

⁽²²⁾ *Summonte*; II, 417.

⁽²³⁾ Нпр. *Giannone*, всегда такъ правдивый, ни слова не говоритъ объ участіи самой королевы въ заговорѣ. Мы вѣримъ этому историкку болѣе другихъ; онъ руководствовался положительно всѣми источниками, не упустивъ изъ вида ни одного письма, ни одного документа и ко всему отнесся

сались, чтобы папа какъ нибудь не согласился на коронацію Андрея; тогда бы окончательно сгубла партія патриотовъ. Уже и теперь гра Roberto разогналъ принцевъ, придворныхъ, старыхъ чиновниковъ; всѣ лучшія мѣста были замѣнены венгерцами. Въ страхѣ бѣжали отъ двора родственники запуганной королевы, а дворяне старались пріютиться гдѣ нибудь дальше въ своихъ помѣстьяхъ. Венгерскіе правители нисколько ни стѣснялись съ народомъ, съ которымъ не имѣли ничего общаго; началась тиранія чужеземцевъ. При такихъ обстоятельствахъ, прочіе вліятельные люди были очень рады, что нѣсколько рѣшительныхъ головъ изъ средняго класса составили заговоръ съ цѣлью убить Андрея и тѣмъ свергнуть тиранію. Всѣхъ заговорщиковъ было 12 человекъ. Положительно извѣстно, что бароны сулили имъ большія награды въ случаѣ удачи. Навести ударъ вызвались четверо изъ нихъ; судя по именамъ, они не были итальянцы (Карлъ Артуръ, сынъ его Бертранъ, Конрадъ Катанлано, Конрадъ Унфредъ). Они счастливо избежались послѣ отъ казни и спаслись бѣгствомъ, между тѣмъ, какъ тѣ пятеро, которые играли во всемъ дѣлѣ едва ли не меньшую роль, были принесены въ жертву правосудію. Андрея не хотѣли убивать въ столицѣ, опасаясь беспорядковъ, которые могли произойти въ городѣ, наполненномъ въ то время венгерскими солдатами. Случилось, что король и королева съ небольшою свитою поѣхали въ Аверсо. Они остановились въ городскомъ замкѣ (17 сентября 1345 г.). Уже была глубокая ночь, когда Андрея вызвали изъ спальни королевы будто за важнымъ дѣломъ; доложи-

довольно критически. Между тѣмъ онъ во всемъ обвиняетъ Карла Дураццо, дядю будущаго короля Карла III. «Alcuni Baroni che desideravano, impedirle (подразумѣвается: отвратить коронацію Андрея), stimolati anche da Reali, che vi dissentivano, e sopra tutti da Carlo, duca di Durazzo, stante ancora la dappocaggine d'Andrea, e l'insolenza degli Ungari, diedero la spinta a coloro, che aveano congiurato d'ucciderlo, d'accelerar la sua morte (III, 170)», etc. Если тотъ же историкъ, въ другомъ мѣстѣ относится съ отгѣнкою подозрѣнія къ Іоаннѣ I:—Re Ludovico, *persuaso già, che ella fosse consenziente, e partecipare della morte d'Andrea* (III, 172),—то это подозрѣние видимо объясняется неловкостью фразы; авторъ подразумѣваетъ: «убѣжденный по наветамъ другихъ».—Срав. по этому вопросу новыхъ изслѣдователей, нпр. Bossi (XV, 728) и La-Farina (VII, 36).

ли, что прїѣхалъ гонецъ отъ fra Roberto. Андрей, ничего не подозрѣвая, всталъ, одѣлся на скоро, и вышелъ въ сосѣднюю комнату. Было совершенно темно. Не сдѣлалъ онъ трехъ шаговъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что его шею обвиваетъ что-то крѣпкое. Прошло нѣсколько страшныхъ минутъ.... Въ комнатѣ послышалось предсмертное хрипѣніе удавленнаго. Андрей былъ задушенъ; петля плотно сдавила его шею. Убійцы выкинули трупъ за окно и удалились, никѣмъ не замѣченные ⁽²⁴⁾. Неизвѣстно, что было съ королевой: ждала ли она супруга или нѣтъ? Обстоятельства дѣла не даютъ основательныхъ доказательствъ на столько, чтобы подозрѣвать ее въ соучастіи. На слѣдующее утро, когда цѣлый городъ былъ въ страшной тревогѣ и не вѣрилъ своему внезапному, неожиданному счастью, можетъ быть и королева одинаково изумилась, испугалась и въ тоже время обрадовалась. Она чувствовала себя на свободѣ....

Тотчасъ же страна приняла другой видъ. Итальянская партія получила полное преобладаніе и при дворѣ и въ администраціи. Венгерцы бѣжали, но съ полною увѣренностью, что король Людовикъ заступится за нихъ, что онъ не оставитъ безнаказанною смерть своего брата.

Дѣйствительно, торжество итальянской партіи было самое непродолжительное; ей едва ли пришлось попользоваться плодами своей побѣды. Со всѣхъ концовъ Европы посыпались обвиненія на королеву. Вездѣ увѣряли, что она знала о замыслѣ и если не руководила имъ, то согласилась на его исполненіе. Людовикъ венгерскій объявилъ, что будетъ оружіемъ мстить за кровь своего брата. Онъ собиралъ громадную армію, приготовляя громы на Неаполь. Папа Климентъ VI изъ Авиньона слалъ буллу, въ которой между прочимъ говорилось: „мы не хотимъ и не должны хотѣть оставить безнаказаннымъ преступленіе, столь ужасное, столь безпримѣрное, почти единственное, о которомъ только приходилось слышать намъ и святой католической Церкви“ ⁽²⁵⁾.

⁽²⁴⁾ Это убійство согласно описываютъ всѣ историки. См. ввр. *Ammirato, dell'istorie fiorentine*; 369. *Guijot, histoire des Jeanes*; 48, 49. *Costanzo*; I. VI, 686—688 etc.

⁽²⁵⁾ *Baluzius*; I, 247 (*Hist. Pap. Avineus*).

Королева не могла не принять мѣръ въ виду такихъ угрозъ. Она старалась по возможности отгнать бѣду, которая грозила неминуемо обрушиться на нее, задавивъ въ конецъ ее самую и ея королевство. По ея приказанію стали розыскивать исполнителей и руководителей злодѣянія. Вѣроятно аристократы, такъ искусно и незамѣтно управлявшіе нитями заговора, дали время и средства бѣжать тѣмъ, которые болѣе всего могли навести на слѣдъ. Можетъ быть, и сами убійцы, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, успѣли давно укрыться въ надежномъ убѣжищѣ. По крайней мѣрѣ, изловили и казнили только тѣхъ, которые были менѣе всего виновны и менѣе всего опасны. Двое изъ нихъ, принадлежавшіе къ свитѣ Андрея, умерли еще въ пыткѣ; третій, драхлій старикъ, конечно ни въ чемъ не виноватый, палъ мертвый въ виду однихъ приготовленій къ колесованію; онъ не въ состояніи былъ даже дойти до мѣста казни. Колесовали (*ta pagliate vorgia un saggo*) только двоихъ,—это были сынъ и племянникъ старика.

Королева рѣшилась наконецъ на тяжелое униженіе, невыносимое для всякаго государя, тѣмъ болѣе для женщины. Она послала къ грозному Людовику трапейскаго епископа съ униженною мольбою принять ее, бѣдную вдову, и ея маленькаго сына (отъ брата съ Андреемъ), подъ свое высокое покровительство. Но короля венгерскаго никогда не смачали женскія слезы. Черезъ того же епископа, онъ отправилъ къ Іоаннѣ суровое письмо, въ которомъ, положительно обвиняя ее въ смерти Андрея, законически замѣчалъ, что онъ не преминетъ лично розыскать виновницу преступленія, дабы показать на ней, какъ слѣдуетъ брату мстить за брата.

Такой отвѣтъ ясно обнаруживалъ намѣреніе Людовика. Надо было приготовиться къ рѣшительной оборонѣ, но она, по собственному сознанію правительства, была немислима при тогдашнемъ положеніи неаполитанскаго королевства. Іоанна I рѣшилась на поступокъ, который въ слѣдующемъ столѣтіи хотѣлъ повторить Лаврентій Медичи. Въ полномъ собраніи государственныхъ чиновъ она объявила, что оставляетъ королевство, что не хочетъ рисковать судьбою цѣлаго народа изъ своихъ личныхъ цѣлей, что она побѣдетъ въ Авиньонъ, падетъ къ стопамъ святѣйшаго отца, и тамъ, положивъ руку на евангеліе, докажетъ свою невинность въ смер-

ти Андрея; теперь же разрѣшаетъ своихъ подданныхъ отъ присяги, и позволяетъ имъ, даже приказываетъ, безъ всякаго сопротивленія покориться Людовику. Рѣчь молодой королевы произвела тяжелое впечатлѣнiе на собранiе, многихъ заставила плакать можетъ быть искренними слезами, но никого не возбуждала къ отважному подвигу спасенiя погибавшей династiи. Иоанна съ своимъ вторымъ мужемъ Людовикомъ (бывшимъ принцемъ Дураццо) сѣла на корабль и въ сопровожденiи небольшой эскадры отправилась въ Провансъ.

Передъ Людовикомъ пало все. Никто не смѣлъ и не думалъ оказывать сопротивленiе, никто не рѣшался даже защищать свою собственность отъ „степныхъ варваровъ“. Безпрепятственно венгры вступали въ крѣпости и города, среди могильнаго молчанiя проходили мрачно смотрѣвшими улицами. Случилось такъ, что въ Аверсо должны были встрѣчать Людовика принцы крови. Тогда одна страшная сцена возмутила жителей. Людовикъ, окруженный венгерскими магнатами и неаполитанскими баронами, проѣздомъ черезъ городъ, вдругъ остановился, когда подъѣхали къ самку, въ которомъ задушили Андрея. Рядомъ съ королемъ ѣхали всѣ принцы. Ласково подзываетъ Людовикъ одного изъ нихъ, Карла Дураццо, который, какъ было извѣстно, болѣе всѣхъ принималъ участiе въ заговорѣ. Съ злою иронiею спрашиваетъ принца, въ какое окно онъ выкинулъ Андрея? Карлъ почтительно отвѣчалъ, что онъ не понимаетъ короля. Тогда Людовикъ молча подалъ ему какое-то письмо, и въ тотъ же мигъ по данному знаку, нѣсколько венгерцевъ съ обнаженными мечами бросилось на принца; минута борьбы,—и онъ палъ обезглавленный. Четырехъ принцевъ отвели въ Венгriю. Въ назиданiе своихъ новыхъ подданныхъ, король велѣлъ носить передъ собою черное знамя, на которомъ была изображена сцена убiйства. Съ трепетомъ встрѣтили Людовика депутаты города Неаполя. Угрюмый венгерецъ не сталъ слушать ихъ и въ полномъ вооруженiи, во главѣ грозной армiи, въѣхалъ въ изящную столицу, такъ не гармонировавшую съ нимъ самимъ. Во дворцѣ было приготовлено для него роскошное помѣщенiе, но онъ его не принялъ, а вмѣсто того, надѣвши шлемъ на голову, отправился въ замокъ Castelnuovo и тамъ водрузилъ венгерское знамя.

Черезъ четыре мѣсяца нельзя было узнать неаполитанскаго королевства. По всей странѣ засѣли венгерскiе чи-

новниши, венгерскіе губернаторы, венгерскіе гарнизоны; все это дѣйствовало именемъ новаго короля. За то, когда Людовикъ уѣхалъ обратно въ Венгрію, оставивъ своими намѣстниками нѣмца Буксуса и епископа Варадина, то общій, довольно громкій ропотъ загудѣлъ по всей странѣ. Презрительное, надмѣнное обхожденіе варваровъ (i barbari costumi) возмущало самыхъ скромныхъ людей. И знать, и народъ,— всѣ чаще и чаще стали вспоминать о доброй, несчастной королевѣ. Ея именемъ производились вооруженныя демонстраціи, иногда съ такою силою, что венгерцы даже поддавались. Наконецъ пронесся слухъ, что Джіованна, има которой сдѣлалось теперь лозунгомъ народной свободы, возвратилась, что она скоро будетъ на родныхъ берегахъ. Съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ждали этой минуты.

Слухи оказались справедливыми. Королева успѣла убѣдить папу въ своей правотѣ. Климентъ VI публично объявилъ, что обвиненіе, взведенное на Іоанну, лишено всякаго основанія. Письма и адреса получались Джіованною изъ Неаполя. Безъ сомнѣнія, переписка производилась секретно. Восторженный тонъ писемъ, исполненныхъ обожанія къ королевѣ, еще болѣе убѣждалъ папу въ правотѣ Іоанны⁽²⁶⁾. Наконецъ, около нея сплотился довольно многочисленный кружокъ эмигрантовъ. Авиньонъ,—какъ одинъ изъ городовъ Прованса, составившій наследственную собственность Іоанны,—былъ уступленъ папской куріи въ вѣчное владѣніе за восемьдесятъ тысячъ золотыхъ флорентійскихъ флориновъ (около полъ-милліона нашихъ рублей). Тогда считали, что такая цѣна очень умѣренна, но королева, прибавляютъ ей панегиристы, свято держалась евангельскихъ словъ: *beatius est dare, quam accipere*. При томъ, ей крайне необходимы были деньги на вооруженіе десантнаго войска и десятка галеръ на освобожденіе отечества. Папа же, въ порывѣ благодарности, далъ супругу королевы, Людовіку Дураццо, королевскій титулъ.

Съ энтузіазмомъ было встрѣчена Джіованна въ неаполитанской гавани. Венгерцы, ослабленные раздѣленіемъ силъ, не устояли противъ народнаго движенія, и засѣли въ крѣпкомъ Castel-nuovo. Король и королева поселились, наво-

(26) *Costanzo*, l. 6. *Ammirato*, 377. *Balmzius*; l, 270—272.

пецъ, послѣ долгихъ тревоженій, въ своемъ дворцѣ. Людовикъ Дураццо, провозглашенный главнокомандующимъ, началъ сзывать войска и организовалъ сильные отряды изъ воинственной молодежи, которая съ восторгомъ шла мстить за Джіованну. Король венгерскій также не оставилъ безъ поддержки своихъ. Можно судить, какъ велико было одушевленіе неаполитанцевъ, если они не только одолѣли венгерцевъ, занимавшихъ королевство, но даже не отступили передъ свѣжими силами непріятеля. Въ разгорѣвшейся войнѣ, ни та ни другая сторона не имѣла рѣшительнаго успѣха. Папа своимъ вмѣшательствомъ успѣлъ потушить напрасное кровопролитіе, тѣмъ скорѣе, что около того времени умеръ младѣйшій сынъ убитаго Андрея. Папа убѣдилъ короля венгерскаго заключить перемиріе, а послѣ и окончательный миръ (1351 г.). Людовикъ венгерскій, отказываясь отъ своихъ претензій на Неаполь, освободилъ неаполитанскихъ принцевъ, которыхъ онъ болѣе четырехъ лѣтъ томилъ въ своихъ крѣпостяхъ. Отъ имени Іоанны папа предложилъ королю 300 тысячъ флориновъ въ видѣ вознагражденія за военные издержки, на самомъ же дѣлѣ за уступку своихъ правъ. Но Людовикъ съ благородною гордостью отказался отъ этой низкой награды и предоставлялъ получить ее самому первосвященнику и его святой Церкви. Онъ прибавилъ, что шелъ на Неаполь не для корыстной цѣли, но для славы, что онъ мстилъ за кровь брата, и теперь, когда месть вполне удовлетворена, ему не надо ни жертвъ, ни денегъ (*).

Въ Неаполѣ Венгры оставили по себѣ памятные слѣды. Еще долгое время послѣ выступленія регулярной арміи свирѣпствовали въ странѣ безчисленные отряды наемниковъ, содержимыхъ прежде на счетъ венгерскаго правительства, а теперь дравшихся изъ за собственныхъ выгодъ. Въ эту минуту въ исторіи наемничества совершается важная реформа, появленіе такъ называемыхъ компаній, которымъ главнымъ образомъ обязано неаполитанское королевство своимъ внутреннимъ разстройствомъ. Нуженъ былъ продолжительный миръ, чтобы успокоить и снова привести въ порядокъ потрясенное и разстроенное государство. Казна была истощена до крайности. Экономическое богатство народа, недавно было

(*) *Giannone*; III, 176.

упрочивавшееся, стало подрываться въ своихъ источникахъ. Внутренній порядокъ въ этой старѣйшей монархіи поколебался. Рыцарство, обѣдѣвшее, униженное, приставало съ радостью во всякому, кто только хотѣлъ поднять знамя бунта. Этимъ особенно отличались знатные бароны. Королевскіе принцы, а ихъ было такъ много при дворѣ, одинаково были не прочь играть роль агитаторовъ. Между тѣмъ на миръ, который теперь былъ бы такъ полезенъ, трудно было рассчитывать. Съ правленія Іоанны I, неаполитанское королевство уже собралось начать свою лагерную жизнь и не хотѣло отдохнуть вплоть до половины будущаго столѣтія, до вступленія на престолъ новой династіи. И конечно, чѣмъ долѣе продолжалась война, тѣмъ губительнѣе, тѣмъ печальнѣе, врѣзывались ея слѣды въ внутреннюю организацію государства.

Мы не намѣрены останавливаться на этихъ войнахъ, болѣе нежели нужно для общей связи. Какъ всѣ войны, онѣ принесли много вреда и мало пользы. Нескончаемая сицилійская кампанія по прежнему продолжала занимать неаполитанское правительство. Іоанна I была счастливѣе другихъ въ этомъ отношеніи. Ея полководецъ Аччіоли уже было совсѣмъ завоевалъ Сицилію; онъ успѣлъ разбить главнаго противника анжуйцевъ Кіарамонте и тѣмъ упрочивалъ господство своей королевы. Но интриги принцевъ заставили вернуть всѣ силы на материкъ и Сицилія была снова потеряна, хотя, по условіямъ мира, короли ея обязались признавать себя вассалами неаполитанскими. Ненависть принцевъ къ Іоаннѣ возрастала тѣмъ болѣе, что она принимала всѣ мѣры для удаленія ихъ отъ престолонаслѣдія. Послѣ смерти своего втораго супруга она еще два раза выходила замужъ; старуха 46 лѣтъ она считаетъ себя невѣстою нѣмецкаго герцога. Но ея дѣтамъ не суждено было жить; они умирали одинъ за другимъ. Ни отъ Андрея венгерскаго, ни отъ Людовика Дураццо, ни отъ Іакова Аррагонскаго, ни отъ Оттона Брауншвейгскаго не осталось потомства. Королева, разочаровавшись въ надеждахъ, принуждена была наконецъ обручить свою троюродную сестру Маргариту съ однимъ изъ принцевъ, Карломъ Дураццо и объявить послѣдняго своимъ наслѣдникомъ. Это былъ будущій король Карлъ III. Для того, чтобы уяснить родственныя отношенія неаполитанскихъ принцевъ крови, и показать родовую связь претен-

детовъ анжуйской боковой отрасли съ прежними королями неаполитанскими,—мы прилагаемъ генеалогическую таблицу французскихъ Анжу, съ самаго появленія ихъ въ исторіи. Конечно, мы упоминаемъ только тѣхъ изъ нихъ, имена которыхъ почему нибудь встрѣчались или встрѣтятся въ нашихъ очеркахъ.

Но Карлу надо было вынести много тревоженій, пролить много крови, чтобъ достигнуть ступеней трона. Какъ Елисавета англійская, Иоанна I долго не хотѣла разставаться съ короною, съ которою такъ свыелась въ продолженіе своего сорока-лѣтняго правленія. Объ Иоанны (и первая и вторая) ненавидѣли своихъ будущихъ преемниковъ. Имъ также было подумать, что когда нибудь придется лишиться сладкаго обладанія короною. Онѣ не хотѣли допустить, чтобы кто нибудь могъ смѣстить ихъ на престолѣ. Иоанна I, женщина болѣе ограниченныхъ дарованій, поплатилась даже жизнью за такое честолюбіе.

Первое столкновение между Карломъ и королевою имѣется связь съ исторіей церковной схизмы, которая въ это время образовалась въ папской куріи. Извѣстно, что смертью Григорія XI (1378 г.) кончилось т. н. вавилонское плѣненіе. Уже Григорій два послѣдніе года своей жизни проводилъ въ Римѣ и потому римляне имѣли важныя побужденія настаивать, чтобы папская резиденція была обратно перенесена въ ихъ городъ. Французскіе короли естественно должны были противодѣйствовать этому всѣми силами. Но лишь только скончался Григорій XI, какъ, по настоятельному требованію народа, собравшійся конклавъ долженъ былъ *de jure* рѣшить незаконность французскаго плѣненія (5 апрѣля 1378 г.). По всему вѣроятію въ конклавѣ преобладала партія иностранныхъ кардиналовъ, потому что народъ долженъ былъ употребить насиліе, чтобы достигнуть своей цѣли. Толпы окружили дворецъ; ясно раздавался крикъ, дѣлавшійся болѣе и болѣе навойливымъ: *Romano lo vogliamo* (хотимъ римлянина). Крикъ этотъ продолжался всю ночь. На слѣдующее утро толпа еще болѣе увеличилась и волненіе народное должно было принять еще большіе размѣры. Кардиналы, заключенные въ конклавѣ, испугались, но потомъ, думая что все дѣло кончится шуточнымъ образомъ, перестали было обращать вниманіе на безпорядки. Однако на слѣдующіе дни они принуждены были иначе отнестись въ народнымъ во-

ЛЮДОВИКЪ IX, король французскій († 1270).

ФИЛИППЪ III Смѣлый († 1285).

ФИЛИППЪ IV Красивый († 1314), КАРЛЬ Валуа († 1321).

КАРЛЬ Марк
Первый венгерскі

ФИЛИППЪ VI († 1350).
Первый французскій Валуа.

КАРОБЕРТЬ.
Король венгерскій

ЮАННЪ II Добрый.
(† 1364).

ЛЮДОВИКЪ Великій (†)
Король венгер. и по

КАРЛЬ V Мудрый, ФИЛИППЪ, ЛЮДОВИКЪ I († 1384), МАРИЯ, ЯДВИГА
(† 1380). Герцогъ Бургундскій. Герцогъ АНЖУ. Кор. венгер. Кор. полн

ЛЮДОВИКЪ II († 1417).
Герцогъ АНЖУ.

ЛЮДОВИКЪ III. Рене (1435—1442).
Герцогъ АНЖУ. († 1480).
(† 1434).

Короли франц. до бургонской династии.
(Валуа и Орлеанцы).

Герцоги Бургундские.

племъ. Разсчитывая удовлетворить болѣе и болѣе раздражающую чернь, скорѣе для формы рѣшили выбрать какого-нибудь римскаго кардинала ⁽²⁸⁾. Это былъ архіепископъ баррійскій Бартоломео Преньяно. Джьанноне, основываясь на Панвиніо, говоритъ, что избранный былъ не римлянинъ, а неаполитанецъ ⁽²⁹⁾. Тоже подтверждаетъ и Альбертусъ въ своемъ описаніи Италіи ⁽³⁰⁾. Виллани и нѣкоторые другіе утверждаютъ однако, что онъ родился въ церковной области, въ замѣ Итри, слѣдовательно, недалеко отъ Гаэты ⁽³¹⁾. Этотъ пограничный пунктъ и послужилъ причиною разногласія. Положительно извѣстно только то, что долгое время Преньяно былъ преданнѣйшимъ слугою Авиньона, велъ дурную жизнь и не пользовался никакою популярностью въ Римѣ. Конклавъ наименовалъ его Урбаномъ VI. Народъ не могъ остаться довольнымъ такимъ избраніемъ. Присики другіхъ претендентовъ, честолюбіе которыхъ превѣщивало ихъ французскія привязанности, еще болѣе возбуждали оппозицію. Когда волненіе народа сдѣлалось до того грознымъ, что не шута потревожило спокойствіе избирателей, то кардиналъ di San Pietro высунулся въ окно и сталъ уговаривать мятежную толпу. Народъ скорѣе всего желалъ видѣть своимъ владыкою этого кардинала, потому теперь радостнымъ возгласомъ привѣтствовалъ его появленіе. Раздалось: viva, viva S. Pietro! Онъ захлопнулъ окно и скрылся. Но въ ту же минуту ворота дворца рушились подъ ударами молотовъ и вооруженные люди ворвались въ залу конклава. Кардиналы бросились бѣжать; иные скрылись въ замѣ Санъ-Анджело. Тогда же начался грабежъ въ городѣ; обирали и истребляли имущества французскихъ приверженцевъ; не щадили ничего, что только намекало о ненавистномъ Авиньонѣ. Двѣнадцать кардиналовъ уже на другой день исчезли изъ Рима; они бѣжали во Францію, чтобы тамъ провозгласить своего папу. Между тѣмъ въ конклавѣ происходили другія сцены; чернь скватила своего любимца, такъ не во время показавшагося въ окно, облекла его въ первосвященническія одежды и повлекла короновать.

⁽²⁸⁾ *Baluzius*; I, 1220—30.

⁽²⁹⁾ *Giannone*; III, 185.

⁽³⁰⁾ *Albertus*. *Descriptio totius Italiae*. 1567. f. Col. (190).

⁽³¹⁾ *G. Villani*; I. XII, c. 17.

Съ трудомъ старикъ вырвался изъ навязчивыхъ рукъ; онъ старался вразумить, что между имъ и настоящимъ папою нѣтъ ничего общаго, что онъ не папа, и никогда не хочетъ быть папою. Съ трудомъ Урбанъ VI могъ возстановить порядокъ. Бывшій развратникъ, первый буянь, теперь твердою рукою захватилъ тиару. Онъ проклялъ бѣжавшихъ кардиналовъ и публично объявилъ, что только онъ одинъ законный папа, что прочіе, которые имѣютъ быть выбранными, самозванцы. Еще грознѣе разразился Урбанъ, когда узналъ, что въ Авиньонѣ дѣйствительно избранъ папа. Раскольнической тиарою облачили человѣка, слѣпо преданнаго французскимъ интересамъ, хотя родомъ нѣмецкаго аристократа, — Климента VII (20 сентября 1378 г.). Съ этой минуты началось раздѣленіе западной Церкви. Въ Римѣ послѣдовательно выбираютъ итальянцевъ, въ Авиньонѣ французовъ и нѣмцевъ. Такъ будетъ продолжаться до 1418 года, когда Костницкій соборъ разрѣшитъ общее недоумѣніе, низложивъ Мартина V. Итальянскіе писатели большею частію признавали и признаютъ юридическую законность за преемниками Урбана VI ⁽⁸¹⁾. Однако не всѣ европейскіе государи раздѣляли тогда подобныя убѣжденія. Многіе обратились къ Авиньону, причиною чего была самая личность Урбана VI. Это былъ упрямый, гордый и безконечно щепетильный человѣкъ. Къ нему никто не чувствовалъ ни малѣйшей симпатіи. Иоанна I присылаетъ ему почетное посольство, проситъ его благословенія отъ имени всего королевства, а папа отвѣчаетъ ей дерзостями. Она посылаетъ вторично депутацію и на этотъ разъ даже своего мужа Оттона брауншвейгскаго; королева предлагаетъ полную покорность его святѣйшеству, а папа старается почему то узавить посланнаго и унижить его при своемъ дворѣ. Онъ смотритъ на мужа королевы съ меньшимъ уваженіемъ, нежели на своего слугу; онъ съ намѣреніемъ долго заставляетъ Оттона стоять передъ собою на колѣнахъ со стаканомъ въ рукѣ и ждать пока его святѣйшеству угодно будетъ испить и тѣмъ закончить пышную трапезу ⁽⁸²⁾. Съ

⁽⁸¹⁾ См. напр. *Albertus*; 190 и ин. др.

⁽⁸²⁾ Это рассказываетъ подробно секретарь Урбана *Theodorus Nicomensis*, *hist. schism.* (*Giannone*, III, 189).

какимъ-то непонятнымъ презрѣніемъ онъ относится при каждомъ случаѣ къ Оттону и смѣется надъ королевою. Понятно, что такими поступками, онъ навсегда отвратилъ отъ себя Иоанну I, которая рѣшилась признать власть авиньонскаго первосвященника,—между тѣмъ, какъ народъ ея продолжалъ повиноваться римскому. Трудно понять, что руководило дикимъ раздраженіемъ Урбана VI. Его считаютъ сторонникомъ мнувшихъ преданій римской курии; ему приписываютъ желаніе возобновить ту вражду, о которой тогда даже забыли думать. Урбанъ продолжалъ смѣшивать Неаполь съ Германіей, забывая, что въ послѣднее время интересы папскіе и неаполитанскіе были и должны были быть нераздѣльны, что основнымъ и лучшимъ завѣтомъ курии относительно южной Италіи было слѣпо слѣдовать Авиньону. По примѣру Иоанны, почти по тѣмъ же причинамъ, отложилось отъ Урбана нѣсколько мелкихъ итальянскихъ княжествъ. Въ самомъ Римѣ обнаружались раздоры. Замокъ Санъ-Анджело, куда удалились всѣ недовольные, сдѣлался центромъ туземной клерикальной оппозиціи. Его надо было брать штурмомъ. Что же касается до неаполитанскаго королевства, то оно вмѣстѣ съ пиринейскими государствами, съ Франціею, Шотландіею, Савойею рѣшительнымъ образомъ стало на сторонѣ авиньонскихъ первосвященниковъ и до тѣхъ поръ не признавало римской власти, пока не прекратилось церковное разъединеніе. Прочіе же католическія земли, какъ Германія, Англія, Чехія, Венгрія, Польша, Пруссія, Данія, Швеція, Норвегія, а также большая часть городовъ Тосканы, Ломбардіи и Романіи,—признали Урбана VI единственно законнымъ первосвященникомъ.

Изолированнымъ положеніемъ Иоанны I, какъ нельзя лучше воспользовался Карлъ Дураццо для своихъ видовъ. Этотъ человекъ, безъ особенныхъ военныхъ и гражданскихъ способностей, съ страстнымъ нетерпѣніемъ стремился къ престолу, который обѣщала ему его родственница, королева. Бракъ ея съ Оттономъ былъ крайне непріятенъ для Карла. Опасаясь законнаго потомства, онъ рѣшился низложить королеву, заключивъ союзъ съ папою Урбаномъ VI. Оба они желали ея гибели; Урбанъ, чтобы будущаго сосяда имѣть въ своихъ рукахъ; Карлъ, чтобы скорѣе достигъ престола. Для открытія борьбы, Урбанъ вызвалъ

Карла въ Римъ, но тотъ, вмѣсто ожидаемой арміи, могъ привести съ собою только сотню всадниковъ. Однако, не смотря на то, Урбанъ помазалъ герцога Дураццо королемъ неаполитанскимъ подъ именемъ *Карла III* и короновалъ его въ Римѣ (1 іюня 1381 г.). Надъ Іоанною I было провознесено проклятіе; она отлучалась отъ Церкви, низлагалась съ престола, а подданные ея избавлялись отъ клятвы въ вѣрности (*).

Такой дерзкій поступокъ папы вывелъ изъ себя Іоанну. Ею всецѣло овладѣло желаніе мести Урбану и его кліенту Карлу. И она, въ свою очередь, увлеклась до крайности, рѣшившись на дѣло, которое повергало въ нескончаемое междоусобіе всю южную Италію. Іоанна отправила пословъ къ Людовику, герцогу анжуйскому, брату только что умершаго французскаго короля Карла V. Она просила Людовика прибыть къ ней на помощь и за это давала ему роскошную награду. Она усыновляла его и отдавала ему неаполитанское королевство.

Эти новые Анжу происходили по прямой линіи отъ Людовика Святаго. Они получили въ ленъ то самое графство, которое нѣкогда принадлежало первому неаполитанскому королю французскаго происхожденія. Замѣчательно, что наканунѣ того дня, въ который совершилось помазаніе Карла III, авиньонскій папа Климентъ VII, согласно желанію Іоанны, далъ Людовику такую же инвеституру на обладаніе Неаполемъ, какую Урбанъ VI вручилъ своему кліенту (30 мая 1381 г.). Молодой, всегда отважный и великодушный Людовикъ съ радостію принялъ предложеніе, бросилъ свое опекунство надъ Карломъ VI и въ восторгѣ полетѣлъ помогать названной матери....

Это обстоятельство послужило источникомъ безконечныхъ войнъ, ознаменовавшихъ собою конецъ XIV и начало XV вѣка въ итальянской исторіи. Когда всѣ попытки новыхъ Анжу остались безъ успѣха, когда родъ ихъ прекратился, то послѣдній изъ нихъ, умирая, завѣщалъ свои права на Неаполь царствующимъ королямъ Франціи. И вотъ Карлъ VIII, Людовикъ XII, Францискъ I, въ силу этого завѣщанія,

(*⁴) *Raynaldi; a. 1380.—Costanzo; l. 7.*

начинают грабить Италію, съвозъ кровавую призму показываютъ Европѣ ее, цвѣтущую въ отношеніи экономическомъ и духовномъ. Такимъ образомъ, знаменитыя по своему значенію италяно-французскія войны, стоящія на рубежѣ средней и новой исторіи, явились необходимымъ результатомъ претензій анжуйскихъ принцевъ, которыя въ свою очередь, были слѣдствіемъ неосторожнаго и гибельнаго поступка Іоанны. Вооруженное вмѣшательство анжуйскихъ принцевъ въ внутреннюю исторію неаполитанскаго королевства служитъ первымъ актомъ великой военной драмы, длившейся до половины XVI вѣка. Потому-то это вмѣшательство, составляющее одно изъ главныхъ явленій избранной нами эпохи, можно считать прологомъ новой исторіи. Только съ этой точки зрѣнія оно имѣетъ право на вниманіе изслѣдователя.

Необдуманное увлеченіе Іоанны поставило тронъ ея въ самое опасное положеніе. Подданные отшатнулись отъ нея. Имъ пріятнѣе было видѣть своимъ государемъ роднаго Дураццо, нежели чужаго француза, котораго они не знали и не любили. Людовикъ пользовался такою же непопулярностью въ народѣ, какъ авиньонскій папа Климентъ VII. Напрасно королева пригласила къ себѣ Климента, напрасно она сдѣлала ему торжественную встрѣчу, напрасно въ присутствіи многочисленнаго народа лобызала ноги папы,—ничто не могло склонить неаполитанцевъ на сторону французской креатуры. Народъ мрачно смотрѣлъ на народныя приготовленія къ встрѣчѣ, на триумфальный вѣздъ папы, и въ тотъ же вечеръ уже кричалъ передъ дворцомъ: *viva papa Urbano!* Начался грабежъ „ультрамонтановъ“, какъ тогда назвались сторонники французской Церкви⁽⁵⁶⁾. И послѣ того королева не могла пріобрѣсть симпатіи народа ни благодареніями, ни царской щедростью, ни расточительнымъ путешествіемъ по государству. Національное итальянское чувство громко заговорило. Оно же обѣщало вѣрную поддержку Карлу Дураццо, когда тотъ, желая силою завоевать престолъ, объявилъ войну королевѣ Іоаннѣ I и ея названному сыну Людовику анжуйскому.

(56) *Giorn. napol. Muratori. Scrp. XXI, 1040.*

Собственные силы Карла были слишком незначительны, чтобы на них можно было рассчитывать въ борьбѣ съ неаполитанскою короною. Матеріальное содѣйствіе папы было еще болѣе незначительно; надо было довольствоваться его духовною поддержкою. Но тогдашнія политическія обстоятельства Италіи, какъ нельзя болѣе, выручили Карла. Онъ воспользовался войсками короля венгерскаго, отправленными противъ Венеціи. Людовикъ (Великій) былъ еще живъ; продолжая мстить Іоаннѣ, онъ сдѣлалъ Дураццо своимъ главнокомандующимъ. Сюда же присоединились вооруженные отряды флорентійскихъ эмигрантовъ, которые въ большомъ числѣ бѣжали изъ своего отечества, обвиненные въ политическомъ заговорѣ противъ существовавшаго правительства. Они считывали, что Карлъ впоследствии отблагодаритъ ихъ; они думали также, что одно приближеніе его ветерановъ къ стѣнамъ Флоренціи испугаетъ консуловъ и сенаторовъ республики. Другая партія эмигрантовъ присоединилась въ Болоньѣ къ отряду капитана Джъануццо салернскаго, очень неопаснаго, содержимаго на папскій счетъ. Флорентійская синьорія приняла свои мѣры. Она послала двухъ знатныхъ уполномоченныхъ къ Карлу, чтобы отклонить его отъ содѣйствія мятежникамъ; но посланники разсорились между собою и воротились безъ всякаго успѣха (**). Между тѣмъ во Флоренціи снова открылось два заговора, — Чиомпи и Альбицци. Всѣ знали, что ими руководили аристократы и богатые купцы, условившіеся овладѣть крѣпостями и замками республики; но правительство припесло въ жертву людей средняго класса и обвинило ихъ передъ судомъ. Пламенно выразилось народное негодованіе; чернь настаивала самымъ энергическимъ образомъ, чтобы казнили двухъ аристократовъ и прочихъ участниковъ. При этомъ народъ постоянно угрожалъ Карломъ и правительство дѣйствительно опасалась этихъ угрозъ, — что лучше всего показываетъ силы Дураццо. Теперь Карлу можно было смѣло выступить и противъ Іоанни и противъ Анжу. Джъануццо первый столкнулся съ французскимъ претендентомъ. Джъануццо, по приказанію Карла, переманилъ къ себѣ на службу: „компанію наем-

(**) *Ammirato*; 525.

никовъ св. Георгія“. Съ ними онъ пошелъ на Болонью. Въ его собственномъ отрядѣ, состоявшемъ изъ одной пѣхоты, было триста наемниковъ и триста венгерцевъ. Тѣснымъ соединенными непріятельскими силами, Людовикъ долженъ былъ отступить. Дѣжануццо, преслѣдуя его, бросился на Тоскану, овладѣвъ многими замками и взявъ контрибуціи съ такихъ городовъ, какъ Сіена, Перуза, Лукка и Пиза. Флоренція была въ страхѣ; отовсюду доносились вѣсти о грабежахъ наемниковъ. Жители селъ и мелкихъ городовъ повидали свои жилища и укрывались въ крѣпкихъ замкахъ, подъ защитой гарнизоновъ,—что всегда дѣлалось въ военное время. Тогда же Карль, какъ начальникъ войска короля венгерскаго, началъ военныя дѣйствія противъ венеціанской республики. Разъединеніе силъ не помѣшало ему одолѣть Флоренцію; синьорія заплатила ему сорокъ тысячъ флориновъ контрибуціи. Сіенская республика также заплатила ему довольно большую сумму, именно одиннадцать тысячъ флориновъ, только за то, чтобы онъ оставилъ ея владѣнія и не возвращался бы ранѣе шести мѣсяцевъ⁽²⁷⁾. Принимая каждый флоринъ того времени за четыре нашихъ рубля мы получимъ всю сумму контрибуціи равную 200 тысячъ рублей. Карль долженъ былъ заплатить деньги почти цѣликомъ папѣ въ счетъ стараго долга. Только тогда Дуратто могъ получить инвеституру на обладаніе неаполитанскою короною. Добывши деньги и славу, прочно обезпечивъ себя со стороны Венгріи, Рима и мелкихъ итальянскихъ

⁽²⁷⁾ Изъ неваданнаго документа въ *Arch. stor. ital.* Fir. vecchia serie. 1854; XV, p. 28,—статья *Canestrini*,—della milizia italiana del secolo XIII al XVI. Относительную рѣдкость металла для конца среднихъ вѣковъ можно, какъ minimum, принять въ четыре раза противъ теперешней; о точности здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Эта цифра принята *Sistondi*, *hist. des rép. it.* (VI, 44, nota, гдѣ надо, впрочемъ, исправить типографскую ошибку на «quatre») и *Рошеромъ* (Начала народнаго хозяйства; I, 325, 327). Специальныя сочиненія: *Leber* (Essai sur l'appréciation de la fortune privée au moyen âge), *Carli* (Del valore e della proporzione dei metalli monetati con i generi in Italia prima delle scoperte dell'Indie), *Halferich's* (Von den periodischen Schwankungen im Werth der edlen Metalle),—противорѣчивы и часто весьма ошибочны. *Schlösser* держится той же цифры.

государствъ, Карль съ своими бандами двинулся на Неаполь. Скудное финансовое состояніе королевства не позволяло Іоаннѣ нанять дорогихъ и сильныхъ генераловъ, начинавшихъ тогда торговать своимъ умомъ и своею кровью. Между тѣмъ коронное войско было очень незначительно и очень неискусно. Карль же, имѣвшій нѣкоторую опытность, маневрировалъ очень удачно. Начальникъ королевскихъ войскъ, Оттонъ Брауншвейгскій, безуспѣшно искалъ съ нимъ рѣшительной встрѣчи; онъ уже терялъ всякую надежду дать серьезную битву неприятелю. Наконецъ, утомившись маршами, Оттонъ расположился у самой столицы; онъ думалъ, что Карль подойдетъ къ капуанскимъ воротамъ. Но искусною диверсіею Карль зашелъ въ флангъ своего противника и показался съ совершенно противоположной, приморской стороны. При видѣ арміи Дураццо, ворота della Conceria, нигдѣ не охраняемая, отворились и единодушныя восторженныя восклицанія „viva re Carlo Durazzo, viva papa Urbano“! огласили воздухъ. Королева успѣшила удалиться въ Castel-nuovo. Она грустнымъ опытомъ убѣдилась, что подданные рѣшительно вооружены противъ нея. Карль осадилъ Іоанну въ замкѣ, между тѣмъ какъ Оттонъ, видя постоянную измѣну въ своихъ и безъ того слабыхъ войскахъ, отступилъ отъ города, оставивъ его такимъ образомъ въ полномъ обладаніи Карла (май 1381 г.). Праздники, пиры и пляски открылись въ городѣ въ честь новаго короля (**).

Карль далъ Іоаннѣ четыре мѣсяца на размышленіе, предложивъ ей слѣдующія условія. Если Оттонъ этимъ временемъ успѣетъ побѣдить его, то онъ добровольно отказывается отъ престола; въ противномъ же случаѣ королева безъ всякаго сопротивленія обязуется сдѣлать его своимъ наследникомъ. Счастіе удивительно благоприятствовало Карлу; въ тому же онъ имѣлъ богатые средства. Безъ большаго труда онъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ Оттона. Дѣло произошло близъ Неаполя. Побѣда долгое время оставалась сомнительною. Оттонъ врубился въ середину враговъ и геройски про-

(**) *Giorn. nap.* XXI, 1044—44. Празднества особо помѣчены лѣтописцемъ 10 октября 1381 г. «Alli 10 de ottobre cominciarono a fare festa e giostre per Napole, e danze per causa del nuovo re.»

ложилъ себѣ путь до главнаго знамени. Овладевъ послѣднимъ, онъ рассчитывалъ произвести замѣшательство въ рядахъ непріятеля. Рискъ не увѣнчался успѣхомъ; Оттонъ былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ (ноябрь 1381 г.). Теперь сдалась и Джіованна, упрашивая Карла только объ одномъ,— дать полную амнистію ея приверженцамъ. Если Карлъ и обѣщаль, то, слѣдуя обычаямъ вѣка, не считалъ себя обязаннымъ приводить въ исполненіе просьбу королевы. Дураццо торжествовалъ вполне. Іоанна должна была издать манифестъ, по которому его назначала своимъ преемникомъ, а Людовика анжуйскаго торжественно лишала престолонаслѣдія.

Согласіе, вынуждаемое силою, не бываетъ искреннимъ. Вѣроятно, королева не переставала сноситься съ Франціею и съ Климентомъ VII. Это могъ заподозрить Карлъ. Извѣстно только то, что онъ распорядился заключить Іоанну подъ строгимъ присмотромъ въ замкѣ Мура. Королева содержалась какъ плѣнница въ разлукѣ съ своимъ мужемъ, посаженнымъ въ другомъ замкѣ. Впрочемъ Оттону Карлъ довѣрялъ болѣе и даже думалъ его освободить. Но этого не хотѣло допустить венгерское правительство, во всемъ руководившее Карломъ. Старый Людовикъ, уже смотрѣвшій въ могилу, все еще помнилъ гибель своего брата; ничто не могло примирить его съ Іоанной. Его мстительная натура требовала крови за кровь. Потому на вопросъ Карла, что дѣлать съ Іоанною, Людовикъ, не запинаясь, отвѣчалъ, что за веревку надо отплатить веревкою. Карлъ и самъ подумывалъ объ этомъ и съ удовольствіемъ готовъ былъ исполнить желаніе своего покровителя. Два магната привезли въ Неаполь строгій наказъ короля венгерскаго и вмѣстѣ съ нимъ повелѣніе собственноручно исполнить приговоръ; они взялись быть только свидѣтелями казни. Іоанну задушили 22 мая 1382 г. Теперь же было приказано изъ предосторожности отрубить голову Маріи сицилійской (незаконной дочери короля Роберта); ее подозрѣвали также въ убійствѣ Андруса. Эта была та самая Марія, въ которую былъ влюбленъ Боккачіо и которой онъ посвятилъ свои лучшія стихотворенія.

Тѣло Іоанны съ явными признаками насильственной смерти было привезено въ Неаполь и поставлено передъ алтаремъ церкви di Santa Chiara, будто на показъ всему народу. Оно простояло тамъ въ такомъ-то пренебреженіи (in

abbandono) въ продолженіи семи дней. Тогда уже только похоронили несчастную королеву, которой отказали въ самыхъ обыкновенныхъ почестяхъ, воздаваемыхъ умершимъ (**).

Н. О.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

(**) *Guijot*, hist. des Jeannes; 137—139. Срв. *Muratori*. Annali d'Italia, a. 1382 (XII, 302—303). Доказательства собраны у *Summonte*; II, 467. Замѣчательно, что авторъ *Giorn. nap.* не упоминаетъ про убійство Джіованны, а говоритъ: «mori la Regina Giovanna... Fo portato il suo corpo a Napole e posto nel mezzo del caro di S. Chiara in abbandono, e li stette sette di, che ognuno lo vedesse, e con tutto ciò erano molti, che non credevano, che fosse morta» (XXI, 1045).—Надъ уединенной гробницей Джіованны I находится слѣд. эпитафія:

«Inclita Parthenoꝝis jacet hic Regina Ioanna
«Prima, prius felix, mox miseranda nimis,
«Quam Carolo genitam mulctavit Carolus alter
«Qua morte illa virum sustulit ante suum».

Довольно подробное изложеніе исторіи Іоанны I, кромѣ указанныхъ монографій, можно найти въ малозвѣстномъ сочиненіи *Giovanni Villano Napoletano*. *Chroniche de la Inclita città de Napole*. Nap. 1678. f.—обнимающемъ исторію неаполитанскаго королевства съ первыхъ временъ христіанства до Карла III.

К Р У Т Ч К А

И
БИБЛИОГРАФІЯ.

РОДСТВЕННА-ЛИ МЕРЯ СЪ ВОГУЛАМИ?

МЕРЯ И РОСТОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО. *Очерки изъ исторіи Ростовско-Суздальской земли—Д. Корсакова. Казань. 1872 г.*

МЕРЯНЕ И ИХЪ ВѢТЬ ПО КУРГАННЫМЪ РАСКОПКАМЪ. *Изслѣдованіе гр. А. О. Уварова. Москва. 1872 г.*

Возражая г. Корсакову при защищеніи имъ магистерской диссертациі „Меря и Ростовское княжество“, мы высказали, что Меря, по нашему мнѣнію, болѣе родственна съ Вогулами, чѣмъ съ Черемисами и Мордвою, и что она не претворилась въ русскій элементъ, какъ полагаетъ авторъ, а удалилась въ Паннонію вмѣстѣ съ мадьярами, или урами, жившими между Дономъ и Волгой. Приведемъ здѣсь данныя, служившія основаніемъ нашего возраженія, а прежде всего скажемъ вкратцѣ какъ о сочиненіи г. Корсакова, такъ и объ озаглавленномъ здѣсь изслѣдованіи гр. А. С. Уварова.

Г. Корсаковъ посвятилъ чудскому „народцу“ Меря первую главу своего изслѣдованія. На сколько авторъ успѣлъ въ своихъ изысканіяхъ относительно Меря, какую задачу онъ себѣ задалъ, мы видимъ изъ его собственныхъ словъ: „какъ ни желательно было бы въ интересахъ науки восста-

новить исчезнувшую физиономию Мери, какъ ни желательно было бы вполне реставрировать этотъ народецъ, теперь не существующій,—но мы не можемъ этого сдѣлать въ настоящее время; или лучше сказать, мы не рѣшаемся взять на себя этой задачи. Мы видѣли, какимъ неяснымъ свѣтомъ освѣщено для изслѣдователя все чудское племя вообще, мы видѣли эту неустойчивость, которой до сихъ поръ отличаются возрѣнія ученыхъ на происхожденіе, распространеніе и историческую роль этого племени. Относительно отдѣльнаго чудскаго народа Мери представляется еще болѣе неясности, еще болѣе неустойчивости въ возрѣніяхъ. Даже самый матеріалъ, изъ котораго можно извлечь нѣкоторыя данныя о Мери, не приведенъ въ порядокъ, не сгруппированъ должнымъ образомъ, не проверенъ критически. Между тѣмъ матеріалъ этотъ въ настоящее время, какъ намъ кажется, достигъ уже достаточной полноты для научной обработки. Въ справедливости послѣднихъ словъ мы позволимъ себѣ сильно усумниться. Матеріалъ о Мери едва-ли достаточно полонъ, особенно въ трудѣ г. Корсакова, гдѣ авторъ игнорировалъ весьма важную въ вопросѣ о Мери статью г. Европеуса „о народахъ средней и сѣверной Россіи до Славянъ“, помѣщенную въ іюльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія 1868 г., и не имѣлъ подъ руками замѣчательнаго изслѣдованія гр. А. С. Уварова „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“. Зная талантливость автора, мы убѣждены, что г. Корсаковъ постарался бы заняться научной обработкой этого матеріала, взявшись писать диссертацию о Мери, если бы дѣйствительно матеріалъ достигъ достаточной полноты. Потому-то г. Корсаковъ и не беретса освѣтить имѣющійся о Мери матеріалъ свѣточемъ науки, а ставитъ себѣ „болѣе скромную задачу“: „ограничивается попыткой намѣтить главнѣйшія рубрики группъ матеріала, принявъ за основаніе при этомъ степень важности и достовѣрности изъ той и другой группы данныхъ, и затѣмъ указать на важнѣйшія изъ этихъ данныхъ“.—Посмотримъ же, на какія рубрики раздѣлил авторъ матеріалъ о Мери, и какія данныя онъ призналъ важнѣйшими, и слѣдовательно указалъ на нихъ.

Матеріалъ, изъ котораго могутъ быть извлечены нѣкоторыя (замѣтите, авторъ говоритъ „нѣкоторыя“, а это слово едва-ли указываетъ на богатство данныхъ) этнографическія данныя о Мери, можетъ быть

распределены на следующие четыре группы; *Первая* состоит из свидетельств письменных источников: летописей, житий святых и актов; ко *второй* группѣ относится разсмотрѣніе языка, быта, нравовъ и обычаевъ теперешаго Великорусскаго населенія губерній: Ярославской, Костромской и сѣверной части Московской; *третья* группа заключается въ разсмотрѣніи языка, быта и религіозныхъ вѣрованій Мордвы и Черемисъ, могущихъ имѣть некоторое отношеніе къ языку, быту и религіознымъ вѣрованіямъ Мери; наконецъ *четвертая* группа состоитъ изъ результатовъ курганныхъ раскопокъ и археологическихъ находокъ въ вышеозначенныхъ губерніяхъ. Данныя, которыя можно извлечь о Мери изъ этихъ группъ, такъ характеризуетъ самъ авторъ: «самой достовѣрной, конечно, должна быть почтена первая группа письменныхъ свидѣтельствъ». Почему она должна быть почтена самой достовѣрной, потому-ли только, что она представляетъ письменныя свидѣтельства, или по другой какой причинѣ, авторъ не объясняетъ. По крайней мѣрѣ, судя по его прежнему заявленію, что матеріалъ достигъ достаточной полноты, мы имѣемъ право ожидать, что эта самая достовѣрная группа дастъ намъ не *нѣкоторыя* лишь, но обильныя данныя о предметѣ изслѣдованія. Къ сожалѣнію, авторъ разочаровываетъ насъ: «Но данныя, извлекаемыя изъ этой группы, весьма скудны: они касаются только географическаго распространенія Мери и нѣкоторыхъ указаній на ея религію». И такъ самая достовѣрная группа письменныхъ свидѣтельствъ даетъ весьма немного. «Вторая группа, со временемъ, при болѣе точномъ ея изученіи, можетъ представить много важныхъ данныхъ»... Теперь же, по собственнымъ словамъ автора, данныя этой группы «даютъ право предполагать, что остатки этого народа живутъ въ теперешней населеніи края. И только. «Данныя изъ третьей группы, если не имѣютъ еще достовѣрны, то по крайней мѣрѣ вѣроятны. Эти данныя даютъ возможность, при сопоставленіи этнографическихъ особенностей Мордвы и Черемисы, заключить на основаніи этого сопоставленія по аналогіи— о нѣкоторыхъ этнографическихъ чертахъ Мери». Здѣсь съ перваго взгляда представляется вопросъ: вѣрно-ли сдѣлано сопоставленіе; почему изъ всѣхъ финскихъ племенъ авторъ выбралъ только два—Мордву и Черемисъ для сопоставленія и вывода по аналогіи этнографическихъ чертъ Мери? А если это сопоставленіе не вѣрно, то и сдѣланные по аналогіи выводы не имѣютъ никакой цѣны. Основаніемъ для сопоставленія Мери съ Черемисами была общность названій Мери и *Мари* (такъ зовутъ себя черемисы см. стр. 59—30 соч. г. Корсакова), но это единственное основаніе очень шатко; также шатко производство имени черемисъ отъ татарскаго *Черемизъ*—него-

дний, гнилой, или отъ древне-татарскаго Черизъ—войско, откуда черемисъ—прилагательное: воинственный. Черемисъ— происходить отъ Кересь-Гора и значить просто *горные люди* (*keres-mari*, Sremniscans—Юрнанда). «Чтоже касается до послѣдней четвертой группы, то данныя изъ результатовъ курганныхъ раскопокъ и археологическихъ находокъ представляются намъ еще слишкомъ шаткими для того, чтобы основать на нихъ какіе-нибудь выводы».

Изъ сдѣланной самимъ авторомъ характеристикой всѣхъ 4-хъ группъ матеріала о Мери ясно, что выводы изъ такихъ шаткихъ данныхъ могутъ получиться лишь самыя шаткія. Шаткость выводовъ увеличивается тѣмъ, что авторъ, задавшись мыслию о наибольшемъ сродствѣ Мери съ Мордвой и Черемисами, изъ скуднаго и безъ того матеріала выпускалъ все то, что могло послужить не въ пользу его предвзятой идеи. Такъ въ группѣ письменныхъ памятниковъ онъ опустилъ свидѣтельство житія св. Исаи о существованіи у туземцевъ Ростовской области идоловъ; во второй группѣ нисколько не навелъ справокъ, могутъ-ли быть объяснены изъ мордовскаго и черемисскаго языка, и есть-ли у Мордвы и Черемисы названія мѣстностей, которыя онъ считаетъ мерянскими, и къ какому изъ финскихъ племенъ ближе всего типъ сидяря Ярославской губерніи, въ которомъ можно предполагать черты Мерянина; въ третьей группѣ авторъ не обратилъ вниманія на то, что у Мордвы и Черемисъ, при погребеніи умершихъ родныхъ, „не творятъ лицъ настреканія и „дравія“; что примитивный типъ черемиса, по его собственнымъ словамъ (стр. 31), робкій и боязливый, между тѣмъ какъ Меря, какъ видно, былъ народъ воинственный и предпримчивый; что положеніе женщины у Черемисъ весьма низко, тогда какъ у Мери она, какъ показываютъ раскопки, дѣлила и труды войны съ мужемъ; изъ четвертой группы не обращено имъ надлежащаго вниманія на данныя о воинственности племени Мери, о торговыхъ ихъ сношеніяхъ и т. д. Откинувши всѣ эти отличія Мери отъ Черемисъ, г. Корсаковъ принимаетъ, на стр. 36, предположенія о возможности ближайшаго сродства Мордвы и Черемисъ съ Мерей за достовѣрныя и рисуетъ Мерю по типу этихъ двухъ финскихъ племенъ.

На основаніи данныхъ, доставленныхъ всѣми 4-мя группами, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: „Во первыхъ мы имѣемъ приблизительный районъ растростране-

ніа Мери, общій контуръ ея крайнихъ поселеній. Во вторыхъ мы можемъ заключить, что слѣды языка Мери, очень близкаго съ языкомъ Мордвы и Черемись“, (да извинить насъ авторъ, эта близость имъ не только не доказана, но даже и поверхностно не указана), „сохранилась въ говорѣ теперешняго населенія губерній Ярославской, Костромской и Владимірской, въ мѣстныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ урочищъ и поселеній и въ такъ называемыхъ „тайныхъ языкахъ“ этихъ губерній. Въ третьихъ мы имѣемъ нѣкоторую возможность уловить религію Мери. Религія эта могла быть близка къ религіи Мордвы и Черемись. Первоначально, по всей вѣроятности, она ограничивалась грубымъ фетишизмомъ и не имѣла возможности развиться до того неяснаго дуализма и той неопредѣленной персонификаціи божествъ, которые являются у Мордвы и Черемись. Поэтому на врядъ-ли могли быть у Мери идолы, которыхъ нѣтъ ни у Мордвы, ни у Черемись“. (Курганныя раскопки доказываютъ наглядно, что идолы были). „У Мери пользовались священнымъ значеніемъ камни, которые въ житіяхъ святыхъ Исаи и Авраамія называются идолами только по общепринятой христіанской благочестивой терминологіи. Въ лѣсистой странѣ, въ которой обитала Мера, лѣсъ, безъ сомнѣнія, почитался, какъ почитается онъ доселѣ у Мордвы и у Черемись. У Мери были жрецы, или по вранней мѣрѣ, главные совершители и распорядители жертвоприношеній, въ родѣ правтъ и возатей Мордвы и картъ и мужанъ Черемись. Слѣды этихъ жрецовъ сохранились въ волхвахъ, появившихся въ Ростовско-Суздальской землѣ и имѣвшихъ тамъ большое значеніе..... Мы можемъ почестъ за вѣроятное, что Мера, при столкновеніи съ славянами-христіанами, отстаивала свои религіозныя вѣрованія съ оружіемъ въ рукахъ. Въ четвертыхъ, бытъ Мери, не представляя особенныхъ отличій отъ состоянія вообще диваго племени,—можетъ быть характеризованъ такъ: живя въ лѣсистой, дикой мѣстности, Мера занималась звѣроловствомъ и охотой и, бытъ можетъ, распалась на нѣсколько родовъ, имѣвшихъ своихъ племенныхъ князьковъ, въ родѣ тѣхъ, которые въ позднѣйшее время являются у Мордвы (¹). Въ такихъ только чертахъ кажется намъ возможнымъ представить гипотетическое изображеніе Мери“.

(¹) Мы увидимъ ниже, что князьки были и у Вогуль.

Мы полагаемъ, что самъ авторъ согласится съ тѣмъ, что это гипотетическое изображеніе не живой образъ, а лишь отвлеченныя черты, свойственныя каждому финнскому племени, и притомъ черты далеко не полныя. Вина этаго заключается прежде всего въ самомъ матеріалѣ о Мери, а отчасти и въ авторѣ. Автора можно упрекнуть въ томъ, что онъ: 1) пренебрегъ совершенно филологической стороною, которая много могла бы помочь ему; 2) изъ всѣхъ финскихъ племенъ сопоставилъ Мерю только съ Мордвой и Черемисами безъ достаточныхъ къ тому основаній (1).

Несравненно большею жизненностію отличаются выводы о Мери гр. А. С. Уварова, сочиненіе котораго, цитуемое нами въ оглавленіи, не было въ рукахъ у г. Корсакова, когда онъ писалъ свою диссертацию. Сочиненіе гр. Уварова „Меряне и ихъ бытъ“, съ картою Мерянской земли, съ археологическою картою мѣстностей, гдѣ произведены курганныя раскопки, и съ атласомъ изображеній предметовъ, найденныхъ въ мерянскихъ курганахъ, составляетъ драгоценный вкладъ въ нашу археологическую литературу и представляетъ намъ въ возможно полныхъ чертахъ живую картину мѣстожителства, поселеній, погребальныхъ обрядовъ, курганныхъ насыпей, религиозныхъ вѣрованій, торговыхъ сношеній, внутренняго быта Мерянъ. Предметы, найденные въ курганахъ и изображенные въ атласѣ, представляютъ жилища, предметы религиознаго вѣрованія, одежду и украшенія, домашнюю утварь, хозяйство и ремесла, торговыя принадлежности, вооруженіе. Раскопанные курганы принадлежатъ различнымъ періодамъ: въ нихъ покоятся, быть можетъ, и различныя національности; но нельзя не признать вмѣстѣ съ гр. А. С. Уваровымъ, что раскопки даютъ довольно значительные выводы объ исчезнувшей Мери и о мѣстѣ ея жителства. Раскопки и филологическія данныя,—остатки языка Мери въ названіяхъ мѣстъ,—опредѣляютъ пространство, занятое Мерянскими поселеніями, между слѣдующими границами.

„На востокъ граница Мерянской земли, начиная съ лѣсистой мѣстности въ Устюжскомъ уѣздѣ, почти у верховья рѣки Сухоны, шла на югъ до рѣки Межи; потомъ рѣками Межею,

(1) При этомъ считаемъ долгомъ замѣтить, что мы отдаемъ полную справедливость талантности автора диссертациа, его начитанности и его живому, интересному изложенію.

Унжею, до впаденія этой послѣдней въ Волгу. Отъ впаденія Унжи граница шла по Волгѣ, которая, послѣ крутаго поворота, течетъ съ сѣвера на югъ. На рубежѣ теперешняго Семёновскаго уѣзда Меряне перешли Волгу и распространились до самой рѣки Керженца.

На сѣверѣ граница вѣроятно шла рѣкою Сухоною чрезъ густыя лѣса и болота мѣстности Тотемскаго и Вологодскаго уѣзда до самой южной части Кубанскаго озера и верховьевъ рѣки Шексны.

Южной же границы восточная оконечность не опредѣляется никакимъ точнымъ рубежомъ, наравнѣ съ южною оконечностію восточной границы, потому что Мерянскія поселенія встрѣчаются за Окою на Тѣшѣ, но затѣмъ граница держится праваго берега Тѣши, Оки, Клязьмы, поворачиваетъ на югъ и идетъ по Муромскому и Судогодскому уѣзду до встрѣчи съ Окою, переходитъ Оку и только при поворотѣ Оки на сѣверъ держится этой рѣки и восточнаго берега рѣки Москвы, до впаденія рѣки Нерской. Рѣка Нерская указываетъ намъ, что Меряне по теченію ея дошли до рѣки Москвы, а Москвою и Окою проникнули въ Рязанскій и Пронскій уѣзды. Въ Алексинскомъ же уѣздѣ встрѣчается другая рѣка Нерская.

На западѣ, граница, начинаясь у впаденія рѣки Нерской, или Мерской въ рѣку Москву, шла на сѣверъ, по теченію Москвы, по Коломенскому, Бронницкому, Богородскому и Клинскому уѣздамъ, поворачивая на западъ въ Зубцовскій уѣздъ, проходила восточною оконечностію Новоторжскаго уѣзда по рѣкѣ Тверцѣ, за тѣмъ шла къ великому озеру въ Корчевскомъ уѣздѣ, до верховьевъ рѣки Каменки и Сити, примыкая на западъ отъ рѣки Сити къ рѣкѣ Мологѣ.

Мерю окружали съ трехъ сторонъ одноплеменные съ нею финнскіе народы: Мурома, Мордва, Черемиса, и Весь; съ одной только западной стороны граничили съ нею племена чуждой народности, а именно: Славяне, Кривичи и Вятичи.“

„Меряне при устройствѣ своихъ кладбищъ выбирали по преимуществу мѣста возвышенныя, избѣгая низменныхъ и сырыхъ, такъ что на берегу Переяславскаго и Ростовскаго озера, гдѣ были древнѣйшія поселенія Мерянъ гораздо прежде IX вѣка (стр. 34), всѣ курганы лежатъ на холмахъ. Отсюда слѣдуетъ, что и самыя жилища ихъ были также

расположены на возвышенностяхъ, не вдалекѣ отъ родныхъ могилъ“ (стр. 22). Есть основаніе полагать, что Меряне строили деревянные дома, или вѣрнѣе балаганы; для построекъ преимущественно употребляли дубъ и сосну, что они во время холодовъ грѣлись у разводимаго посрединѣ жилища огня (стр. 95). Одежду Мерянъ, какъ всѣхъ обитателей лѣсистаго сѣвера, составляли звѣринныя шкуры и овчины, а нижняя одежда была изъ полотна и шерстяной матеріи темнаго цвѣта, къ которой привѣшивались разныя бронзовыя украшенія, въ томъ числѣ и бубенчики. Мужчины носили довольно короткую куртку, спускающуюся немного ниже пояса, и шаровары; рубашки шились изъ толстой шерстяной, или полотняной матеріи и обшивались вокругъ ворота и вокругъ прорѣхи на груди разными узорчатыми позументами. Въ одномъ изъ кургановъ на груди остова сохранилась отъ кафтана часть ворота изъ золотистой паволоки, которая оторочена была узкимъ позументомъ и подложена берестю. У Мерянъ существовалъ обычай хоронить умершихъ въ шапкахъ. У знатныхъ лицъ шапки были парчевыя, обшитыя золотыми позументами. Шапки охватывали всю голову и заканчивались на верху заостренною частью (стр. 99—101). Кромѣ бляхъ и украшеній мужчины и женщины привѣшивали къ поясу самые необходимые для нихъ предметы, каковы: ключъ, ножикъ, огниво, иголку, шило, брусокъ, или точильный камень, костяные гребни и т. под. Поясъ былъ узорчатый, кожаный изъ довольно широкаго ремня и украшался узорчатымъ наборомъ, бронзовыми привѣсками, по преимуществу воньками, плетеными изъ проволоки, и привѣсками изъ бляхъ, или бубеньчиковъ. Мерянскія женщины къ этому убранству прибавляли еще большія бронзовыя пряжки. Браслеты изъ серебра и бронзы и такіе же перстни носимы были не только всѣми Мерянами безъ различія пола, но также и дѣтьми. Находились остовы съ широкимъ бронзовымъ перстнемъ на большомъ пальцѣ правой ноги и съ мѣднымъ браслетомъ на лѣвой рукѣ у кисти руки и выше локтя, а на пальцѣ были мѣдный перстень и серебряное витое кольцо. На шеѣ Меряне носили металлическія гривны, большею частію серебряныя обручи, монисты изъ бусъ, привѣсковъ и монетъ. На вискахъ мужчины и женщины носили металлическія вольца; (стр. 45) и мужчины, и женщины имѣли при себѣ ножи (стр. 67), что, по нашему

мѣннiю, можетъ указывать на участiе женщинъ и въ боевомъ дѣлѣ. Въ могилахъ встрѣчаются и каменные и железные топоры, молоты, стрѣлы, боевые ножи,—которые, нужно предполагать, носились всегда въ особыхъ ножнахъ.—По всему видно, что Меряне были народъ воинственный. О наружности ихъ можно судить по лицамъ найденныхъ въ курганахъ идоловъ, у которыхъ типъ финнскiй, похожiй на нынѣшнихъ Остяковъ и Вогуль; волосы у нихъ были темнорусые и черные.

Меряне были язычники; хотя въ ихъ курганахъ и находятъ христіанскіе предметы, но эти предметы скорѣе служили имъ для украшенiя. Курганныя находки доказываютъ, что у Мерянъ были идолы, которымъ придавался конечно наружный видъ мерянина, и одѣвался идолъ въ короткую куртку, спускающуюся не много ниже пояса (стр. 67). Мы не раздѣляемъ мнѣнiя гр. А. С. Уварова о томъ, что найденные идолы несомнѣнно изображаютъ какихъ-нибудь подземныхъ боговъ. Намъ извѣстно, что у сѣверныхъ финнскихъ племенъ идолы дѣлались по разнымъ случаямъ, и, можно сказать для каждаго житейскаго предпріятiя: одинъ—для охоты на медвѣдя, другой—на соболей, для пчеловодства и т. д. „Древнiя финнскiя племена, какъ говоритъ и гр. Уваровъ (стр. 69), боготворили до извѣстной степени разныхъ животныхъ и птицъ. Медвѣдь пользовался у нихъ особеннымъ почитанiемъ предъ всѣми другими; медвѣжьи шкуры, по словамъ Калевалы, привѣшивались на соснахъ, какъ предметы боготворенiя; они считали долгомъ почтить каждаго убитаго медвѣдя особымъ праздникомъ, для успокоенiя его души и расположенiя ея въ свою пользу. Этимъ обоготворенiемъ звѣрей и птицъ объясняются, какъ кажется, находки, сдѣланныя въ мерянскихъ курганахъ“ (стр. 59). Одинъ изъ кургановъ представилъ любопытное доказательство существованiя между Мерянами змѣйнаго культа. Въ этомъ курганѣ на глубинѣ 1½ аршина лежалъ слой жженыхъ костей. Подъ этимъ слоемъ, на вершокъ ниже его, найдено 5 змѣй, вырѣзанныхъ изъ тонкаго листоваго желѣза по одному и тому же образцу (стр. 71). Меряне обоготворяли скалы и камни. Они поклонялись Велесу. Такъ рассказываютъ, что когда Авраамiй Ростовскiй поселился на берегу Ростовскаго озера, мѣстные жители поклонялись каменному богу Велесу (стр. 71). Обоготворялось не изваяніе, а, какъ говорятъ, простой

камень (стр. 72). Подобный же камень, какъ известно изъ житія преподобнаго Арсенія, основателя Коневскаго монастыря, въ исходѣ XIV вѣка, находился на Ладожскомъ озерѣ, на Коневскомъ островѣ, и назывался *камень-конь*; онъ также служилъ предметомъ боготворенія для мѣстныхъ жителей (стр. 72). Гр. А. С. Уваровъ придаетъ по видимому какое-то религіозное значеніе найденнымъ въ курганѣ кувшинскимъ монетамъ, въ которыхъ просвѣрлены дырочки. Такія дырочки, говоритъ онъ, просвѣрленныя съ намѣреніемъ исключительно на восточныхъ монетахъ, навѣрно имѣли какое-нибудь особое значеніе. Мы не думаемъ этого;—эти дырочки просвѣрлены просто для ношенія въ видѣ украшенія: и въ настоящее время древнѣйшимъ монетамъ, какъ рѣдкости, отдають предпочтеніе инородки и любятъ украшать ими грудь и носу.

Меряне вѣрили въ загробную жизнь, но представляли ее, какъ и другія финскія племена, продолженіемъ настоящей, и потому снабжали покойника всѣмъ, что ему необходимо было въ жизни. Какъ видно изъ курганныхъ раскоповъ, у Мерянъ было два способа погребенія: сожиганіе—только въ древнѣйшую эпоху—(стр. 55) и погребеніе. Погребали лицомъ на востокъ большею частію съ протянутыми руками, иногда съ одною протянутою, а другою сложенною на груди; находились тѣла и съ обоими руками, скрещенными на груди. Въ головахъ и ногахъ покойнаго ставили обыкновенно глиняный горшокъ, въ могилу клали всѣ любимыя его вещи и домашнюю утварь. Воина хоронили съ оружіемъ, конскою сбруею, стременами; купца съ вѣсами и гириями, съ мѣшкомъ, съ шкатулкою; ховяйку—съ иглою, ножницами, серпомъ и замкомъ. Мужчинъ и женщинъ клали въ полномъ убранствѣ со всѣми украшеніями, со всѣми перстнями, кольцами и браслетами; мужчинъ въ шапкѣ; въ иныхъ мѣстахъ вмѣстѣ съ костями человѣка находили и кости коня. „Конь въ древнія времена, какъ рѣдкое животное, составлялъ исключительно собственность князей и главныхъ правителей“ (стр. 87). Погребали, какъ видно, и въ гробахъ, и безъ гробовъ, между досками, или лубками. У Мерянъ совершались вѣроятно и жертвоприношенія, состоящія изъ животныхъ и птицъ, доказательство чему мы видимъ въ костяхъ животныхъ и птицъ, встрѣчаемыхъ въ могилахъ. Изъ могильныхъ кургановъ видно, что Меряне за-

нимались звѣриной охотой, рыболовствомъ, выдѣлкою кожи, рѣзбой изъ кости и дерева; они вели вѣроятно торговлю съ арабами и болгарами. Кромѣ курганной насыпи часто находимы были вокругъ Мерянскихъ могилъ большіе камни, которыми онѣ были обложены“.

Этимъ мы закончимъ наши извлеченія изъ замѣчательнаго сочиненія графа Уварова. Желающихъ ближе ознакомиться съ бытомъ древнихъ Мерянъ приглашаемъ прочесть самое сочиненіе: „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“.

Послѣ живой картины быта древнихъ Мерянъ, набросанной мастерскою кистью талантливаго изслѣдователя, постараемся рѣшить вопросъ: съ какимъ изъ нынѣ существующихъ финскихъ племенъ болѣе всего сходенъ представленный намъ типъ Мерянина? А для рѣшенія этого вопроса необходимо прежде всего осмотрѣться, не найдемъ-ли мы гдѣ названій мѣстностей, встрѣчаемыхъ въ Мерянской сторонѣ; изъ какого финскаго нарѣчія легче всего объясняются названія и слова, признаваемые Мерянскими; не было-ли гдѣ находимо такихъ же кургановъ, какіе изслѣдованы въ землѣ Мери; не было-ли курганныхъ находокъ, подобныхъ описаннымъ въ сочиненіи графа Уварова, и если такіе курганы и такіе предметы находились въ мѣстности, обитаемой нынѣ какимъ-нибудь финскимъ племенемъ, то всмотрѣться ближе въ бытъ этого племени, не окажется-ли въ чертахъ живыхъ лицъ, въ уцѣлѣвшихъ еще обычаяхъ и вѣрованіяхъ сходства съ тѣми отжившими и застывшими въ могильныхъ курганахъ чертами, съ тѣмъ исчезнувшимъ бытомъ, который наши археологи такъ тщательно добывали, раскапывая древніе, почитаемые мерянскими курганы?

а) Гдѣ мы находимъ нынѣ названія мѣстностей, встрѣчаемыхъ въ Мерянской странѣ?

По замѣчанію гр. А. С. Уварова „Ростовское озеро, прозванное *Неро*, напоминаетъ имя первоначальныхъ обитателей“ (стр. 8). По мнѣнію г. Корсакова ясно, что слово Мера могло произойти отъ слова Нер, Нера, Нюр—болото. Нюр по зырянски, или пермяцки, дѣйствительно означаетъ болото, а Нюра—болотистый; это названіе могло быть дано Ростовскому озеру, имѣющему болотистое дно. Замѣтимъ, что Нера по древне-греческому значитъ вода. Нага по инд.

вода ⁽¹⁾). Сравнимъ литовское названіе р. Вилии Неристъ, Ня-рисъ, отъ глагола *periti*—нырять, т. е. ныряющая по разнымъ направленіямъ. Названій мѣсть, происходящихъ отъ Меря и Неря, гр. Уваровъ приводитъ: въ губерніи Ярославской 8 (Унимерь—отъ пермяцкаго уна-много), во Владимірской 8, въ Ярославской 2, въ Тверской 6, въ Костромской 1, въ Вологодской 3, въ Нижегородской 4, въ Рязанской 2, въ Тульской 2 и кромѣ того названія рѣвъ: Нерская и Нереста. Ниже города Верхотурья Пермской губерніи, впадаетъ въ рѣку Туру рѣчка *Неромка*, а самый городъ Верхотурье основанъ въ 1589 году на мѣстѣ Чудскаго, или Вогульскаго городища *Неромъ-Кура* (или Карра). Слѣдующія названія рѣвъ и селеній сѣверо-востока Россіи—общія съ названіями рѣвъ и селеній Мерянскій стороны: впадающая ниже Ницы въ Туру рѣчка *Пушма* напоминаетъ намъ рѣку Ярославской губерніи *Пушму*, рѣчка *Танга*—селеніе *Тенголу*; *Обь* и *Неромка*—рѣку *Обнору*, рѣчка *Кисьмыль*—рѣку *Кисьму*; рѣчки *Сыра* и *Сарма*—рѣку *Сару* и оз. *Сурмое*; р. *Яна*; рѣчка *Шултая*—рѣку *Шулу*; р. *Югъ*—*Вага*; рѣчка *Кумуръ*—р. *Комгара*, рѣчка *Лата*—*Лать*, рѣчка *Тура*—городище *Турданъ*; рѣчка *Ламва*—рѣку *Ламу*. Въ Костромской губерніи *Малоюгорская* и *Югоры*, въ Калужской губ. р. *Ура* (вспомнимъ *Уру*, притокъ *Печеры*) и др. напоминаютъ намъ *Уровъ*, *Уру*.

б) Изъ какого финнскаго нарѣчія легче всего объясняются слова и названія, признаваемые Мерянскими? Офени, извѣстные ходящики—продавцы Владимірской губерніи,—называются *мясыками* и производятъ это названіе и свой языкъ отъ мясыковъ, народа, когда-то, по ихъ мнѣнію, кочевавшаго на Волгѣ (Корсакъ стр. 17). Вогулы называются *мансы*, или *мансыки*, не отъ нихъ-ли происходятъ офени? Елтонскія слова (Корсакъ стр. 18): *олонно*, очень давно, и *шунге* находятъ корень въ Пермьскомъ и Вогульскомъ языкахъ: *олонъ* значитъ по Пермьцѣи *впкъ*; *шунге*, означающій на Елтонскомъ языкѣ пѣсенникъ, происходитъ отъ пермяцкаго и во-

⁽¹⁾ Dar Wasser hiess Nara, Nera, und Brahma bekam daher den Namen *Narajiana*, weil sein erstes Ajana, oder Bewegen auf demselben war. *Friedrich Greuzer's* Deutsche Schriften. Symbolik und Mythologie. Erster Band. Drittes Heft.

гульского глагола *шуну*, говорить, и слѣдовательно будетъ отвѣчать нашему рапсоду, сказателю. Названіе тайнаго языка въ Галичѣ *Елманскій* находитъ себѣ разрѣшеніе въ Венгерскомъ языкѣ, въ которомъ *елменч* значить острякъ. Названія боговъ въ Суздальскомъ нарѣчїи (Корсае. стр. 16), вѣроятно испорченныя, нѣсколько могутъ быть объяснены Вогульскимъ языкомъ и напоминаютъ бога Тора-Торома; *Шикторъ* значить Коса-богъ, т. е. съ Косой богъ, (Вогулы, какъ мы увидимъ ниже, носятъ косы); *эльтона* можетъ быть Эльтора, въ родѣ Перуна (*Элтысь-Перунъ*); Миндра, *Иньтора*, жена бога Тора (*инь*-замужняя женщина); *стодъ* можетъ быть—сторъ-сезь-торъ-отцевъ, предковъ богъ, (отецъ—богъ, *сезь* по Вогульски—отецъ). Весьма многія названія мѣстностей Мерянскихъ объясняются Пермязскимъ, Вогульскимъ и Венгерскимъ языками; такъ: *марма* (Пермязское *мар*-пень, *ма*-медь-пневый медь); *Рндьма*-близкій медь; *Ворсма*-лѣсной медь; *Кострома*-разлитый, *Уча*-работящій, *Соть*-обжигай, *Кульза*-умираю, *Кельоть*-обувь, *Ешка*-быкъ. *Керосна*-гористый, *Кештома*-загнѣтый, *Пертома*-растерявшійся, *Моса*-воровой, *Едома*-запекшійся, *Бая*-воднистый, *Кутьма*-пойманный, *Кучубежь*-орлиный хвостъ, *Пера*-огородъ, по Венгерски—терновникъ, *Лута*-луговой, *Ушлома*-впадающій, *Солоть*-саженная ширина, *Ошмара*-медвѣжьей пень, *Пура*-полный плотовъ, *Мумошьму*—земля, *Мошь*-пчела-земляная пчела, *Тошма*-тош-борода; *Киучерь*-каменный топоръ, *Кисьма*-зрѣю, *Чухлома*-искривленный. У насъ говорятъ до сихъ поръ: Ахъ ты чухлома этакая; или—Ахъ ты вквора сицвая—вуквора по венгерски значить кривой. *Вичюга*—вичига, заяка. *Шлесь*—пелесь уголь; *Пулахма*—пулыхъ—хвойное дерево, *ма*-медь; *Воржа*-питаю; *Шула*-шуля, щепая; *Сулость*-отворяй, *Вексавоекса*—наводняю, *Тома*-по мордовски перо; *Кукмики*-куимко-троеногий *Шексна*—венгерское шекшена, сѣдло; *Себла*—венгерское *Себ*—быстрота, *Ла*-вотъ, *Сога*—венгерское *Согай*, вдохъ, *Ильтъ*—венгерское *Илатъ*—запахъ, *Удрусь*—венгерское удрось, прожорливый, *Ега*—егъ-небо, *егъ*-жгучій, *Лама*-лам-болото; *Ростовъ-рас-ты*—означаетъ лѣсное озеро, или *Рос-ты* (')—русское озеро. Такъ могли Меряне назвать свое озеро Неро, по укрѣпленіи на этомъ озерѣ поселеній русскихъ; *Ит*-венгер. *Ит*-питье, напитокъ и т. д.

(') Ты, венч. товъ-значить озеро.

Г. Европеусъ въ статьѣ своей— „въ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія Славянъ“ (Журн. Мин. Народ. Просв. 1868 г. іюль)—приводитъ нѣсколько замѣчательныхъ филологическихъ данныхъ, доказывающихъ, что названія мѣстъ, которыя занимала Мера и Веси, югорскія. Такъ онъ говоритъ что въ областяхъ древнихъ остяковъ (это слово, по мнѣнію г. Европеуса, образовалось изъ *As-jach*, и значитъ люди Оби) и Веси встрѣчается много рѣкъ съ окончаніемъ ега, ога, уга, юга. (Въ остяцкомъ языкѣ рѣка называется *іеага*, *іага*; въ вогульскомъ—въ усѣченной формѣ *іе*, *іа*, встарину *іега*, *іага*; въ зырянскомъ—*іу*). Между ними встрѣчается имя Печуга въ 6-ти мѣстностяхъ (*пече*—по остяцки сосна, *печеема*—сосна рѣка). Этимъ же словомъ *іега* объясняется Гада, Печегда, Вычегда, Вологда, Шижегда, Судогда и т. под. „Имена съ окончаніемъ егда, огда, оказываются всѣ названіями протоковъ болѣе, или менѣе значительныхъ“.

Ки-болъ (во Владимірской губерніи) отъ *ки-болъ* (камень ручей), въ венгерскомъ *камень-кѳ*, въ вогульскомъ *кеу*, въ остяцкомъ *кеу*, въ черемисскомъ *кы*. „Въ сѣверной части Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи, есть рѣка, называемая Кивезъ. Въ этомъ названіи нельзя не узнать венгерскаго *kőviz* (*z—s*), т. е. камень-вода. Во Владимірской губерніи много именъ рѣкъ, съ окончаніемъ *визъ* (венгерское *wiz*, вогульское *вит* вода). Окончаніе *похта бахта* соответствуетъ остяцкому *погот-деревня*, село, (въ вогульскомъ *паулъ*)“ и т. д. Вѣроятно это вогульское *паулъ* является въ окончаніяхъ селеній въ видѣ—*болъ*, *бола*, *болы*: Деболы, Пужбола, Брембола, Кина-болъ, Киболъ, Тенгобола, Яхробола, Рабоколъ и т. под.

Можно положительно сказать, что всѣ Мерянскія наименованія, помѣщенные въ сочиненіяхъ гг. Корсакова и гр. Уварова, находятъ свои корни въ Пермскомъ, Остяцкомъ, Вогульскомъ и Венгерскомъ языкахъ. И такъ лингвистическія данныя влекутъ насъ неудержимо на С. В., въ дѣсныя жилища дивихъ Вогуль и Остяковъ; но будемъ продолжать наши изысканія, не довѣряясь одной филологіи, которая нерѣдко вводитъ въ заблужденіе.

в) Не было-ли гдѣ находимо такихъ же кургановъ, какіе изслѣдованы въ землѣ Мери и съ такимъ же содержимымъ?

Въ Zeitschrift für Ethnologie herausg. v. Bastian und Hartmann (Dritter S. Band. 83—90) помѣщенъ рефератъ г. Радлова о сибирскихъ древностяхъ, читанный имъ 14 мая 1871 г. въ засѣданіи Берлинскаго общества антропологіи, этнологіи и первобытной исторіи. На берегахъ Енисея, въ Минусинскомъ округѣ, г. Радловъ нашелъ значительное число древнихъ кургановъ, окруженныхъ исполинскими камнями; находящіеся на западъ отъ этихъ кургановъ камни представляютъ довольно тщательно отдѣланныя изображенія; въ числѣ ихъ Kurtukjak Tas (камень старухи) до сихъ поръ въ большомъ уваженіи у туземцевъ. Они тайно приносятъ жертву этому камню, — публично приносить жертву боится, потому что они крещенные.... Эти курганы на берегу Енисея представляютъ поразительное сходство съ курганами, лежащими на западъ отъ Оби, а съ курганами на Оби также поразительно сходны курганы, изслѣдованные г. Радловымъ на сѣверѣ отъ Маріинска. Курганы эти лежатъ на берегу рѣкъ, обыкновенно на высокомъ берегу, или на краю высокихъ лѣсистыхъ склоновъ; они расположены такъ близко другъ къ другу, что касаются своими краями. Г. Радловъ произвелъ раскопку этихъ кургановъ въ 60 верстахъ отъ Маріинска на берегу Черды. Тѣла лежали головою на востокъ, руки плотно прилегали къ тѣлу и завернуты въ бересту. У головы и у ногъ трупъ стоялъ или котелъ (изъ желѣза, или мѣди), или глиняный горшокъ. По предметамъ, находящимся въ могилахъ, можно заключить, что погребенные въ нихъ находились на такой же степени развитія, на которой стоитъ большая часть туземныхъ жителей южной Сибири. Видно, что имъ была извѣстна выдѣлка желѣза и мѣди, потому что нѣкоторые ножи, стрѣлы и котлы несомнѣнно были ихъ собственной работы. Найденные въ могилахъ топоры, ножицы и украшенія вѣроятно они получили путемъ торговли. Какъ доказываютъ костяныя и желѣзныя стрѣлы и наконечники копій, они занимались, какъ и настоящіе обитатели этихъ странъ, охотою. Навѣрно у нихъ были и лошади для верховой ѣзды, чему доказательствомъ служатъ стремена и удила. По найденному въ могилахъ можно заключить, что какъ мужчины, такъ и женщины носили мѣховыя шапки, шубы и сапоги, которые имѣли берестяную подкладку. У женщинъ были серьги, ожерелья изъ желѣза, съ которыхъ свѣшивались бусы. На лѣвомъ бедрѣ

онѣ носили мѣдныя пряжки съ нитками бусъ и мѣшечекъ (Nähbeutel) съ орудіями для шитья. Кольца и ожерелья у мужчинъ и у женщинъ одинаковыя.—Г. Радловъ полагаетъ, что эти могилы принадлежали Енисейцамъ, или Остякамъ-самоѣдамъ; а мы знаемъ, что Остяки (уштекъ) тѣже удалившіеся отъ своихъ собратовъ Вогулы. Мы видимъ, что эти курганы имѣютъ большое сходство съ курганами Мерянскими.

Еще болѣе поразительное сходство съ Мерянскими курганами представляютъ находящіяся въ Пермской губерніи чудскія городища и кладбища. Гр. А. С. Уваровъ мимоходомъ обратилъ вниманіе на это сходство: „Говоря о религиозныхъ вѣрованіяхъ Мерянъ, надо упомянуть тоже и о многочисленныхъ конскихъ изображеніяхъ, находимыхъ въ курганахъ или отдѣльными фигурами, или въ видѣ поясныхъ украшеній, съ привѣшенными къ нимъ бубенчиками. Такое изобиліе одинаковыхъ изображеній попадаетъ и въ другихъ мѣстахъ, населенныхъ финскими племенами: стбитъ только припомнить находки въ Пермской губерніи“ (стр. 73). И такъ сходство находокъ въ Мерянскихъ курганахъ съ находками въ Пермскихъ чудскихъ городищахъ и курганахъ признано самимъ изслѣдователемъ Мерянскихъ древностей, и потому долго останавливаться на этомъ предметѣ и доказывать это сходство мы признаемъ излишнимъ. Мы остановимся лишь на немногихъ, особенно характеристичныхъ пунктахъ.

По остаткамъ чудскихъ городищъ Пермской губерніи, несомнѣнно приходимъ къ заключенію, что Чудь⁽¹⁾, или Чудяки, какъ ихъ теперь называютъ, любили выбирать для своихъ поселеній, какъ и Меряне, возвышенности. Такъ близъ Златоустовской станціи въ 60 верстахъ отъ Кунгура находилось чудское городище, расположенное на вершинѣ огромнаго конусообразнаго холма, вышиною по крайней мѣрѣ сажень въ 100. Въ двухъ верстахъ отъ села Ильинскаго, Перм-

(1) Имя Чудь мы полагаемъ дано русскими и происходитъ не отъ чужой, какъ обыкновенно производятъ, а отъ кудо—чудо, чудесникъ. Этимъ именемъ русскій народъ хотѣлъ обозначить присущее финскому племени чудесничество; и въ настоящее время русскіе крестьяне съ довѣріемъ прислушиваются къ предсказаніямъ пермяка, черемисна, мордвина и др.

скаго уѣзда, лежитъ чудское городище, называемое въ народѣ *чортосымъ городищемъ*. Оно расположено также на довольно возвышенномъ, конусообразномъ холмѣ, на берегахъ рѣчки Маслянки; долина, по которой течетъ эта рѣчка, еще на памяти предковъ настоящихъ жителей этой мѣстности, была покрыта густыми лѣсами. Остатки чортова городища представляются теперь въ видѣ длиннаго вала, простирающагося отъ юго-запада на сѣверо-востокъ на 40 сажени и возвышающагося аршина на два надъ окружающею мѣстностию. Около этого вала, лѣтъ 30 тому назадъ, когда крестьяне искали здѣсь кладовъ, открыты были деревянные срубы, образующіе довольно высокой тынъ; теперь слѣды этого тына исчезли. Сохранились также остатки неглубокаго рва, который идетъ параллельно валу. Близъ деревни Чикманъ есть мѣсто, извѣстное въ народѣ подъ именемъ *колокольни* или *могильника*. Мѣсто это лежитъ на довольно высокомъ откосѣ, круто спускающемся въ ложбину рѣки Вожи. По преданіямъ здѣсь было нѣкогда кладбище Чуди. Съ достовѣрностію предположить можно, что Чудь была собирательнымъ именемъ народа финскаго племени.

Выше села Филатовскаго, на правой сторонѣ рѣки Гаревой есть также чудской городокъ, — мѣсто это называется крестьянами Гарамиха. Въ Гарамихѣ найдено было весьма много вещей, изъ которыхъ самыя замѣчательныя, слѣдныя изъ мѣдной композиціи: 1) идолъ, весьма похожій на идола, изображеннаго на стр. 68 сочиненія гр. Уварова „Меряне и ихъ бытъ“, — тотъ же финскій типъ лица, та же остроконечная шапка, только руки несложены, а разставлены, что не составляетъ существеннаго отличія. 2) Мѣдная пластинка, изображающая три человѣческія фигуры, изъ которыхъ двѣ крайнія съ шлемами, въ видѣ птичьихъ головъ; средняя фигура представляетъ женскій финскій типъ. Быть можетъ, это изображение извѣстной золотой Бабы, которая, какъ говорятъ, представляла старуху съ двумя младенцами.

По лѣвую сторону рѣки Туя, въ полверстѣ отъ деревни Зородта, существуетъ небольшой холмъ, обращенный покатою на югъ. Здѣсь тоже было нѣкогда чудское поселеніе: здѣсь въ 1840 году крестьянинъ Плюсинъ нашелъ много значительныхъ серебряныхъ и другихъ вещей; изъ числа ихъ особенно замѣчательно литое изъ мѣдной композиціи и внутри пустое изображение человѣка, сидящаго верхомъ на сѣ-

длѣ и держащаго въ обѣихъ рукахъ концы уѣзды. Онъ безъ сомнѣнія сидѣлъ прежде на конѣ, но изображеніе коня не отыскано. Лице, борода и руки истукана густо позолочены; концы ногъ отломаны; на головѣ у него, плотно обхватывающая голову, знакомая намъ остроконечная шапка, весьма красиво сдѣланная; сзади къ этой шапкѣ придѣлана полоса, придающая ей видъ шлема. На немъ надѣта короткая куртка, спускающаяся немного пониже пояса, весьма отчетливо вылитая; куртка перехвачена поясомъ съ пряжкой. Типъ лица—очевидно финскій. Безъ сомнѣнія это—тоже изображение божества, быть можетъ Воипела (ночное ухо), этого стража Пермской земли, который, какъ охранитель страны, и представленъ на конѣ, объѣздающимъ владѣнія, находящіяся подъ его охраною.

Въ одномъ изъ чудскихъ городищъ была найдена статушка изъ золотистой мѣди, изображающая какого-то идола: голова у него несоразмѣрно съ туловищемъ большая, съ явнымъ финскимъ и притомъ свирѣпымъ отпечаткомъ въ лицѣ, покрыта шкурой какого-то звѣря; голова звѣря приходится на головѣ идола, а лапы съ когтями свѣшиваются до плечъ. Вспомнимъ восточныхъ эеіоповъ въ арміи Ксеркса, имѣвшихъ вмѣсто шлемовъ лошадиныя головы.

Перечислять прочія вещи, найденныя въ пермскихъ чудскихъ городищахъ, значило бы повторять предметы атласа гр. А. С. Уварова: тѣже головныя обручи, тѣ же ожерелья и монеты, тѣ же разнообразныя пластинки, пронизки, бусы и монеты, носимыя для украшенія, тѣже браслеты и кольца, тѣ же многочисленныя конскія изображенія, тѣ же мѣдныя и бронзовыя пряжки, тѣ же ножны отъ боевыхъ ножей, молоты, топоры, ножи, острія стрѣлъ и копій, серебряныя чаши, глиняные сосуды и проч., словомъ—предметы, обличившіе воинственный, занимающійся охотою и торговый народъ, любящій украшенія и снабжающій своихъ покойниковъ всѣмъ, что нужно для земной жизни. И такъ могилы и городища Пермской губерніи какъ бы переносятъ насъ въ Мерянскую страну. Трудно сомнѣваться, что Меряне и Чудь—не одно и то же племя, или по крайней мѣрѣ—не очень родственныя племена. Какъ увидимъ ниже, и краниологія даетъ намъ основаніе заключить о сходствѣ Мерянъ съ Вогулами и Остяками.

И такъ и курганныя находки указываютъ намъ на тѣ же страны, къ которымъ привлекли насъ указанія филологическія, на лѣсистыя страны Вогуль, Пермьяковъ и Остяковъ. Теперь своевременно, намъ кажется, припомнить типъ сицваря Ярославской губерніи, типъ, до того отличный отъ всего населенія, что невольно возбуждаетъ вопросъ, предложенный уже г. Корсаковымъ: откуда взялись Сицвари? „Неуклюжій, небольшого роста, съ выдавшимися скулами, одутловатымъ лицомъ и рѣдкой влочковатой бороденкой“, Сицварь напоминаетъ намъ любого изъ идоловъ, найденныхъ въ Пермской губерніи и у Мерянъ; изъ живыхъ лицъ Сицварь, отличающійся домосѣдствомъ, прилежаніемъ и честностію, напоминаетъ намъ Вогула. Вогуль росту средняго, здоровый, сильный, но безобразный (какъ вообще преданіе изображаетъ Чудь, чудаковъ); волосы у него большею частію черные, борода жидкая, лице широкое, одутловатое, скулы выдавшіяся; онъ бодръ, легкомысленъ, склоненъ къ безпорядкамъ, во гнѣвѣ неукротимъ. Осѣдлые Вогулы промышленны, прилежны, честны и домосѣдливы. Вогулы Верхотурскіе—мужчины и женщаны, носятъ косу, дѣвѣцы—съ лентой, мужчины и женщины безъ ленты.

г) Быть Вогуль и ихъ религіозныя вѣрованія. Вогулы живутъ въ чумахъ и юртахъ. Чумы устраиваются изъ жердей, соединенныхъ посрединѣ острымъ угломъ, подъ которымъ утверждается горизонтальная жердь; два ряда жердей, параллельныхъ землѣ, довершаютъ устройство чума. Чумы покрываются кожами оленей, спатыми вмѣстѣ (крыши эти называются *нюкэ*); кожи эти, натянутыя на жерди, прикрѣпляются къ землѣ маленькими деревянными кольями. Для вентиляціи протыкаютъ въ кожахъ нѣсколько отверстій; но всѣ эти отверстія вполонину прикрываются другими наружными кожами. Невыносимый дымъ ѣстъ глаза вошедшаго въ чумы посѣтителя и заставляетъ его зажмуриваться, а нерѣдко и ложиться ничкомъ на землю и плотно прилегать къ ней лицомъ, потому что всякое другое положеніе нестерпимо. Чумы устраиваются людьми болѣе состоятельными, владѣющими стадомъ оленей, для которыхъ выбираются мѣста, обильныя бѣлымъ мохомъ и лишаями. Чумы бываютъ зимніе и лѣтніе; послѣдніе обтягиваются вмѣсто оленьихъ шкуръ берестой. Юрты строятъ изъ дерева, на подобіе крестьянскихъ амбаровъ, безъ печей и потолоковъ, а для тепла въ нихъ

устанавливается нечто въ родѣ каменнаго очага; для прохода же дыма дѣлается отверстіе, въ которое вмѣсто трубы вставляется верша, обмазанная глиною вершка въ два. Юрты жилища неподвижны и въ нихъ живутъ тѣ, у которыхъ нѣтъ стада—люди бѣдные.

Взрослій въ суровомъ климатѣ, Вогуль такъ сроднился со стужей, что легче сносить сильный морозъ, чѣмъ комнатный жаръ. Путешественникамъ, которые въ зимнее время ночевали въ довольно холодныхъ избахъ, и не иначе какъ въ оленьей шубѣ, случалось видѣть, какъ проводники изъ Вогуль, одинъ за другимъ, выходя изъ избы, оставались на дворѣ и проводили ночь, кто скорчившись на саночкахъ, а кто просто развалившись на снѣгу. Впрочемъ одежда ихъ, какъ нельзя лучше, приспособлена къ суровому климату. Мужчины, вмѣсто рубахи, зимою и лѣтомъ, носятъ на голомъ тѣлѣ *малицу* (родъ мѣшка съ рукавами, съ двумя отверстиями, сверху и снизу), сдѣланную изъ оленьей шкуры, шерстью къ тѣлу. Но такъ, какъ малица дѣлается медрюю вверхъ, а медра по своей нѣжности легко повреждается и корчится отъ сырости, то, для предохраненія ея, многіе надѣваютъ на нее лѣтомъ еще рубашку изъ тика, или другой какой-либо матеріи, а осенью и зимою, для тепла, особый родъ одежды съ капишономъ, или мѣшкомъ изъ оленьей же шкуры, но шерстью вверхъ. Одежда эта называется *совикъ*. Многіе носятъ круглыя шапки изъ шкуръ молодыхъ оленей; но большею частію Вогулы почти круглый годъ не покрываютъ головы и только въ большую стужу натягиваютъ капишонъ на голову; замшевые панталоны у мужчинъ и женщинъ, длинныя чулки шерстью внизъ, лѣтомъ и въ сырое время года большіе кожаные сапоги, а въ зимнее—узорчатые *пимы* шерстью вверхъ и еще родъ мѣховыхъ котиковъ составляютъ нижнюю одежду и обувь вочеваго Вогула. Женская одежда и обувь немногимъ отличается отъ мужской; рубахи у женщинъ (иньки) еще въ меньшемъ употребленіи, чѣмъ у мужчинъ; онѣ ихъ вовсе не носятъ, совика—также, но дѣлаютъ себѣ вмѣсто рубахи особый родъ одежды, шерстью внизъ, называемый *янды*. Онѣ украшаютъ эту одежду узорами изъ бѣлыхъ и темныхъ оленьихъ лапокъ, опушаютъ ее вольчьимъ, лисьимъ и собачьимъ мѣхомъ и нашиваютъ на нее разноцвѣтныя сувоныя лоскутки, которыми увѣшиваютъ также шапки и пимы. У осѣдлыхъ Вогуль мужчины

носятъ куртки и шаровары изъ сукна. И мужчины, и женщины носятъ косы и любятъ украшенія. Женщину всѣ Вогулы почитаютъ какъ хозяйку и помощницу во всѣхъ занятіяхъ.

Оленеводство составляетъ главное занятіе кочующаго Вогула. Кладбища Вогуловъ въ древности находились въ лѣсахъ, на возвышенныхъ мѣстахъ. Покойниковъ клали въ могилу промежъ досокъ лицомъ на востокъ и снабжали ихъ лукомъ, стрѣлами и разными вещами, употребляемыми въ домашнемъ быту.

Вогулы вѣровали въ Торыма (Нума-Тырымъ, у Зырянъ— Ёнъ). Солнце почитали обителемъ Торыма. Ёнъ, или Торымъ, по ихъ вѣрованію, живетъ на солнцѣ и заботится только о надзвѣдномъ мірѣ. Видимый міръ управляется низшими богами—духами, чадами Торыма. Великій духъ даровалъ однимъ духамъ власть дѣлать людямъ добро, а другимъ зло, а потому духи есть добрые и злые. Человѣкъ—слишкомъ ничтожное созданіе: онъ не достоинъ непосредственно возсылать свои молитвы къ Великому Духу; онъ долженъ обращаться къ низшимъ богамъ, управляющимъ дѣлами міра. Этихъ низшихъ божествъ такое множество, что ими наполнены воды, лѣса, камни. Каждое мѣсто по этому требуетъ поклоненія. Вогулы кланялись скалѣ, подобной виду оленю. Мерянской богъ Велесъ едва-ли не Велъенъ (Вельлошадь, Јен богъ) конскій богъ. Вогулы и Пермьки дѣлали деревянныхъ и металлическихъ истукановъ, представлявшихъ собою разныхъ животныхъ—соболей, куницъ, бѣлокъ и друг. Для каждаго промысла они имѣли особаго идола, какъ-то: для промысла соболинаго, лосинаго и т. д. Многихъ идоловъ вырѣзывали изъ дерева, или дѣлали изъ мѣдной композиціи въ видѣ человѣка, вставляя глаза изъ свинцу, или коралловъ. Вогулы и Пермьки обожали Воипеля, который, судя по названію (¹), почитался неусыпнымъ стражемъ и защитникомъ народа. Въ рукописи объ инородцахъ, находящейся въ архивѣ Пермскаго Губернскаго Правленія, заключающей въ себѣ свѣдѣнія, собранныя въ 1784—86 годахъ, по повелѣнію Императрицы Екатерины II, такъ говорится между про-

(¹) *Вой*—ночной, сѣверный и *Пель*—ухо. *Воипель*—ночное, сѣверное ухо.

чимъ о Вогулахъ: „Происходятъ Вогулы отъ Финнскаго племени, и языкъ финскій же, потому отъ разныхъ ихъ разсѣяній и нарѣчій имѣетъ онъ перемѣну и названъ Вогульскимъ, а потому и они называются Вогуличами, а предки ихъ назывались Мансаками, или Мансами; жительство жъ они имѣютъ по рѣкамъ Сосвѣ, Лозвѣ, Турѣ, Лямѣ и Лобвѣ издревлѣ, подъ Россійскую державу покорены вмѣстѣ съ Сибирью, а до покоренія находились въ управленіи у своихъ Манчинскихъ державцевъ, или бояръ, называемыхъ князцевъ, которымъ и присягали по тогдашнему ихъ обряду слѣдующимъ образомъ: положить на шею мечъ, а другой подъ горло и подадутъ съ копья кусокъ хлѣба, съ тавовыми отъ приводящаго къ присягѣ словами: прими, яждь и вѣрно служи, а ежели измѣнишь, то сими мечами и голова снята будетъ, что самое и присягающей подтверждаетъ.

„Въ прежнія времена посвящены были идоламъ и служенію ихъ нѣкоторые рѣчные берега, пещеры, а въ лѣсахъ холмы. Мѣста сіи, кои можно признавать по находящимся вождѣ ихъ вучамъ костей, которыя они не только знали, но и почитали; Россіане называютъ такія мѣста бѣсовскимъ именемъ, на Вогульскомъ языкѣ Шайтанъ, и потому многія рѣчки и набережныя мѣста называютъ либо Шайтаномъ, либо Шайтанкою; сверхъ сего поклонялись они подобной оленю скалѣ. Они вѣровали въ Торома, общаго бога вселенной. Ему подчиняли нисшей статьи божковъ, коихъ различно себѣ воображали и называли. Солнце почитали обителемъ Торома; но притомъ думали, что оно также, какъ луна, облака и главнѣйшія естественныя приключенія, есть независящее божество. А въ жертву богамъ употребляли лошадей, рогатый скотъ, овецъ, козъ, изъ птицъ лебедей, гусей, утокъ, глухарей и рябчиковъ а сверхъ того хлѣбъ, пироги, хлѣбное вино и брагу.

„По закланіи скота и по увареніи мясъ становится жрецъ, или заступившій его мѣсто голову, сердце, легкое и печеньку, положи въ сосудъ, также хлѣбъ, пироги и напитки, на жертвенное мѣсто; мозгъ же, возложя на особую на столбѣ въ томъ мѣстѣ дощечку, зажигаютъ, и дабы лучше горѣлъ прикладываютъ и сало. Между тѣмъ какъ горитъ мозгъ, молится жрецъ коротко и усердно, при чемъ міряне вланыются часто въ землю. Потомъ жрецъ раздѣляетъ жертву и ѣдятъ всѣ съ надлежащимъ благоговѣніемъ. Шкуру съ ло-

шадя, такъ какъ и черепъ, вѣшаютъ на находящемся по близости жертвеннаго мѣста деревѣ; прочія же шкуры употребляются въ дѣло, а кости отъ принесенныхъ въ жертву звѣрей и птицъ зарываютъ въ землю. Поелику хозяева приносятъ порядку жертвы, то долго обряды сіи продолжаются. По окончаніи же всего возвращаются они съ остатками жертвенныхъ мяса и напитковъ въ свои деревни, гдѣ съ домочадцами своими, при всякомъ весельѣ, дождають оныя и допиваютъ“.

Позволимъ себѣ сдѣлать выписку изъ рукописи, обязательно доставленной намъ г. Мирowymъ Посредникомъ Пермскаго уѣзда, Шишенко. Рукопись (которой у насъ копія, а подлинникъ находится у г. Шишенко), носить названіе: *„Опись, учиненная господиномъ профессоромъ Палласомъ, урода Березова и вѣдомства онаго, а также о климатѣ и различныхъ произращеніяхъ сей части земли и обхожденіяхъ ясаинныхъ народовъ и о прочемъ“*. Ясаинный народъ этихъ мѣстъ—Остяки, Самоѣды и Вогулы. Разговоры ихъ состоятъ на трое—Самоядскій, Вогульскій и Остятскій. Женщины на рукахъ и ногахъ выкалываютъ разныя фигуры иглами, и натирають сажею, и поставляють за особливую красу; а мужескъ полъ также на рукахъ выкалываетъ рубецъ, или какую птичку и за незнаніемъ грамоты въ увѣреніе тѣ знаки объявляютъ на письмѣ и тѣмъ, яко рукоприкладство увѣряють.

При жертвоприношеніи своимъ божкамъ употребляютъ слѣдующій чинъ: они приносятъ иногда живыя рыбы и предъ божилками кладутъ на землю и потомъ свара сами ѣдятъ, а ему токмо жиромъ помажутъ губы, или дадутъ ему какую завѣску новую, которою его обернуть; другіе приводятъ оленей и онаго звѣря приведши живаго подъ божилка свяжутъ ему ноги; жрецъ же кричитъ во всю голову, объявляя желаніе жертву приносящаго, а многіе поютъ между тѣмъ. Одинъ, взявши лукъ, натянетъ стрѣлу и держитъ противъ звѣря, доколѣ ему жрецъ дастъ знакъ ударомъ въ голову того скота, а третій рогатиною ударитъ въ брюхо; и какъ убьютъ, то, взявши за хвостъ, обтащатъ три раза около болвана; кровь изъ сердца онаго выжмутъ въ особый сосудъ, покропятъ ихъ шалаши, остатками же божку оному помажутъ губы, кожу онаго звѣря съ головою, ногами и хвостомъ для украшенія повѣсятъ на дерево, а мясо свара ѣдятъ съ великою радостію ⁽¹⁾. Напоследокъ пакы жиромъ губы

⁽¹⁾ Не можешь не припомнить здѣсь того мѣста изъ IV кн. глав. LX, LXI *Геродота*, гдѣ разсказывается о томъ, какъ совершаютъ жертвоприношеніе скивы. И скивы ставили жертву со связанными передними нога-

божишку оному помажутъ, а что не съѣдятъ, то возьмутъ домой и раздають по частямъ своимъ пріателямъ и подчиваютъ женъ, отъ котораго иногда и домашнему божишку ротъ саломъ помазатъ улучатъ, а по окончаніи обѣда махаютъ палками по воздуху и кричатъ во всю голову. Такимъ способомъ они духъ онаго божишка провожаютъ и ему благодарятъ, что онъ сподобилъ ихъ пріити на ихъ обѣдъ.—Когда мужъ умретъ, а жена въ слезахъ печаль свою изъяснить желаетъ, то сдѣлаетъ себѣ болвана и на оный надѣнетъ платье мужа своего и ночью кладесть съ собою, а днемъ ставитъ предъ глазами и въ образѣ онаго оплакиваетъ мужа своего, что продолжаетъ цѣлый годъ, а потомъ, снявъ съ него платье, бросаетъ онаго божишка на сторону, доколѣ другой такой же женѣ понадобится. Если же, которая того не учинитъ, то останется въ поношеніи, что она мужу своему во время жизни вѣрной не была. Если убьютъ медвѣдя, то, снявъ съ него кожу, повѣсятъ подлѣ божишка на высокомъ деревѣ и тому медвѣдю творятъ великое почтеніе, приносятъ разныя извиненія, что они въ убійствѣ его виновны: они желѣзо, которымъ онъ убитъ, не ковали, а стрѣлу оперили не ихъ, но чужихъ птицъ оныя перья, которыя въ стрѣлѣ быстрое летѣніе ей приключили; но токмо просятъ о прощеніи, что онъ стрѣлу вытянулъ и пустилъ. Извиненіе дѣлаютъ отъ боязни, або вѣрятъ, что душа медвѣдя онаго можетъ имъ вредъ учинить, если заблаговременно съ всю не помиряся.—Не этимъ-ли почтеніемъ и обожаніемъ медвѣдя объясняются курганныя находки въ землѣ Мери: медвѣжьи зубы, медвѣжьи когти и т. п. (стр. 69, изслѣдованіе гр. А. С. Уварова):—Когда они должны учинить присягу Государю, тогда, по ихъ вѣрѣ, посылаются къ князю повелѣніе, и чинятъ такимъ образомъ: положить передъ нимъ медвѣдно (т. е. шкуру медвѣдя), топоръ и дають каждому кусокъ хлѣба съ ножа съ шерстью медвѣжьемо съѣсть, и при томъ обѣщаясь тако: если я моему Государю до конца жизни моея вѣрныя не буду, по волчью отступлю и вѣрность нарушу, надлежащаго ясака не заплачу, самъ куда уйду, или инымъ образомъ вина себя учиню, то да растераетъ меня сей медвѣдь надъ хлѣбомъ, который ѣмъ, да подавлюся, и чтобы мнѣ сей топоръ голову отсѣкъ, а ножомъ зарѣзатца. Если же между нами учинится распрія, то выбираютъ посредниковъ, и буде оную, по ихъ обоимъ сказанію, рѣшить нельзя, то велятъ одному изъ нихъ учинить слѣдующую присягу: первоприсягающаго поведутъ къ божишку и отъ неправой клятвы увѣщаваютъ, представляя ему страшные примѣры, потомъ дадутъ ему ножъ, которымъ онъ божишку носъ отрѣжетъ, и топоръ, которымъ онъ его порубитъ, говоря: если я въ семъ спорѣ неправо клянусь, то хочу равномѣрно носъ мой потерять и топоромъ изруб-

ми,—они только давили ее, а не убивали стрѣдой, или ножомъ; задушивъ, они варили мясо. Приносили въ жертву и овецъ, и другой скоть, но преимущественно лошадей».

лень быть, и чтобъ меня медвѣдь въ лѣсу съѣлъ, и всякое бы несчастіе на меня пришло. Сію же клятву употребляютъ и свидѣтели: они крѣпко вѣрятъ, что если кто неправо клянется, то конечно, какамъ наказаніемъ клялся, вскорѣ послѣдуетъ.— Не этимъ ли обычаемъ объясняется изуродованіе идоловъ, находимыхъ въ чудскихъ городищахъ и Мерянскихъ курганахъ?

И въ послѣднее время у Вогуловъ-язычниковъ дѣлалось тоже, что описывается въ приведенныхъ рукописяхъ. Богослуженіе ихъ состоитъ исключительно изъ жертвоприношеній. По разнообразію идоловъ, и жертвы до крайности разнообразны. Въ жертву идоламъ приносили соболей, куницъ, лисицъ, рысей и другихъ звѣрей, вѣшая шкуры ихъ на идоловъ, также покрывали ихъ лучшими полотнами и матеріею, обвѣшивали серьгами и серебряными вещами. Для принесенія жертвы назначались особыя мѣста, и большею частію пещеры. При рѣкѣ Вишаѣ, впадающей въ Ловву, около Урала, есть пещера—общее капище Вогульского народа. Кромѣ общаго жертвоприношенія совершались и частныя. Для этихъ послѣднихъ выбирались особыя возвышенныя мѣста и горы, находящіяся гдѣ-нибудь вдали отъ жилья. Мѣста эти почитались священными и проходившій мимо ихъ обыкновенно выражалъ свое къ нимъ уваженіе какимъ-нибудь особеннымъ образомъ: такъ онъ долженъ былъ выстрѣлить изъ лука (¹), прежде чѣмъ пройдетъ священное мѣсто, а если это мѣсто находилось на берегу рѣки, то плывущій по рѣкѣ старался держаться средины рѣки, чтобы весломъ не коснуться до берега и тѣмъ не разгнѣвать божество.

У Чердынскихъ Вогуловъ такъ совершалось жертвоприношеніе: предъ начатіемъ идола были выносимы изъ кумирницъ и въ порядкѣ разставлялись на нарочно устроенныхъ для того возвышеніяхъ. Тѣ, которые должны были приносить жертвы, кромѣ трехъ поклоновъ божвамъ, трижды съ крикомъ обѣгали вокругъ ихъ. Потомъ приводилась лошадь, назначенная для жертвоприношенія. Завязавши ей глаза и произнесши нѣсколько таинственныхъ словъ, жрецъ (вошаепъ)

(¹) И Вогулы-христіане практикуютъ иногда языческій обычай: во время Пасхи, когда священникъ приходитъ со святыми иконами, Вогулы, въ селеніи Турвинскихъ рудяковъ, долгомъ себѣ поставляютъ встрѣтить и проводить иконы изъ дома выстрѣломъ, каждый изъ своего ружья.

ударялъ ее обухомъ топора такъ сильно, что бѣдное животное испускало стоны. Затѣмъ тотчасъ вонзалъ въ нее ножъ и на приготовленный сосудъ выпускалъ нѣсколько крови. Ножъ оставался вонзеннымъ до тѣхъ поръ, пока жертва не издыхала. Снова потомъ слѣдовали поклоны идоламъ, снова приносящія жертву скакали предъ ними и съ крикомъ бѣгали вокругъ нихъ. Между тѣмъ жрецъ, обмакнувъ палецъ въ наполненный кровію сосудъ, мазалъ ею cadaго идола. Остатки крови онъ выпивалъ вмѣстѣ съ предстоящими; мясо принесеннаго въ жертву животнаго изрѣзывалъ на куски, лучший изъ нихъ, покоптивъ надъ разведеннымъ огнемъ, подносилъ на тарелкѣ каждому идолу, а остальные раздѣлялъ между жертвоприносителями, которые ѣли это мясо въ присутствіи идоловъ, а что не могли съѣсть, уносили домой, для угощенія своихъ семействъ; пляски и крики заканчивали обрядъ. Кошачепъ, смотря на небо, съ поднятыми руками, кричалъ громогласно молитву, прося у боговъ приносящимъ жертву здоровья, чадородія, благополучнаго успѣха въ звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ. Въ случа какихъ-либо народныхъ бѣдствій, напр. при поварныхъ болѣзняхъ, или падежѣ свота, жертвоприношенія были общія. Для этого главный жрецъ долженъ былъ предварительно спросить идола—какія ему угодно жертвы, а потомъ передать отвѣтъ народу. Когда готово было стадо оленей, назначенныхъ для жертвоприношенія, жрецы начинали кричать, кружились и въ изступленіи катались по землѣ. Между тѣмъ жертвоприносители приготовляли жертвы: одни изъ нихъ держали оленей за рога, а другіе стояли вдали съ натянутыми луками, или заостренными колыями. Лишь только жрецъ ударялъ оленя палкой по головѣ, со всѣхъ сторонъ летѣли стрѣлы въ животныхъ, а имѣвшіе колья спѣшили добывать оленей, потому что чѣмъ скорѣе убивались жертвы, тѣмъ пріятнѣе было для идола. По убіеніи оленей вырѣзывали изъ нихъ сердца, выжимали кровь и намазывали ею лицо идолу, а кровь, выпущенную изъ всего тѣла, пили сами. Мясо животныхъ, обнесши три раза вокругъ капища, ѣли сырое, а остатки уносили домой для тѣхъ, которые не присутствовали при жертвоприношеніи. Во все продолженіе обряда жрецы не переставали скакать и кружиться, такъ что назонць безъ чувствъ падали на землю. Если изъ рта жреца выходилъ голубой дымъ, то приносящія жертву расходились весьма довольные, потому что дымъ

этотъ служилъ знакомъ, что богу пріятны жертвы, и что желанія жертвоприносителей исполнятся.

Вогулы зарывали въ могилу съ покойникомъ сбрую, лукъ, стрѣлы, котелъ, чашу, ложку, рогъ съ табакомъ, одно изъ лучшихъ платьевъ. При погребеніи умершихъ, Остязки и Вогулы, въ знакъ сожалѣнія о покойникѣ, ногтями изцарапывали себѣ лицо до крови, драли волосы и окровавленные бросали ихъ на умершаго, вполне увѣренные, что душа умершаго черезъ нѣсколько дней придетъ узнать объ ихъ дѣйствіяхъ въ отношеніи къ нему. Это напоминаетъ намъ слова житія Муромскаго князя Константина о Муромѣ XI вѣка: „которые по мертвымъ лицѣмъ настрожанія и дранія творяще“. У чердынскихъ Вогуль, также какъ и у описанныхъ Палласомъ, жена, по смерти мужа, сдѣлавъ болвана изъ дерева на подобіе челоуѣка, одѣваетъ его въ одежду мужа и ставитъ на то мѣсто, гдѣ покойный имѣлъ обыкновеніе сидѣть, подчуетъ его тѣмъ, что больше нравилось умершему, ночью кладетъ возлѣ себя спать и цѣлуетъ его, вѣря, что душа умершаго видитъ всѣ эти ласки и угощенія. Этому болвана держать годъ и болѣе, а потомъ зарываютъ въ землю съ плачемъ. Обычай зарывать болвановъ, изображавшихъ мужа, даетъ намъ основаніе полагать, что находимые въ курганахъ и городищахъ нѣкоторыя грубыя изображенія, принимавшіяся за идоловъ, не что иное, какъ погребенные болваны, которыхъ вдовы ласкали и угощали цѣлый годъ вмѣсто умершихъ своихъ мужьевъ. И въ настоящее время Вогулы, считающіеся христіанами, иногда увлекаются языческими обрядами. Намъ передавали разсказъ одного крестьянина, семнадцатъ разъ бывавшаго и временно проживавшаго въ чумахъ вогульскихъ, по случаю сборовъ недоимокъ съ Вогуловъ. Онъ разсказывалъ, что ему разъ случилось быть зрителемъ Вогульскаго праздника. Предъ ловлею звѣрей, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, всѣ чердынскіе Вогулы, Верхотурскіе и довольное число Березовскихъ Остязковъ собрались въ рѣкѣ Вишай, впадающей въ Лозву (а Лозва впадаетъ въ Тоболъ), гдѣ въ пещерѣ сдѣланъ былъ изъ дерева болванъ, въ ростъ 13-ти лѣтнаго мальчика; болванъ, одѣтый въ синій кафтанъ, выставленъ былъ на средину пещеры; поклонники обвѣсили его всего почти различными мѣхами. Моленіе совершалось въ такомъ порядкѣ: сначала кошаютъ съ полчаса воздѣвалъ предъ идоломъ руки и что-то бормоталъ предъ нимъ. На-

родъ въ это время безмолвствовалъ. Потомъ приведена была самая худая, тощая, загнанная лошадь и поставлена предъ идоломъ. Черезъ четверть часа, жрецъ, обернувшись съ сильнымъ крикомъ, ударилъ животное остриемъ топора по головѣ, послѣ чего всѣ собравшіеся дружно бинулись на жертву съ различными оружіями. Когда же бѣдное животное падало на землю, раздался сильный смѣхъ изъ идола, явно показавшаго жертвоприносителямъ знакъ своего благоволенія къ ихъ молитвамъ. Жертвоприношеніе окончилось, какъ и всегда, тѣмъ, что убитое и разрѣзанное на части животное было съѣдено.

Что Вогулы прежде были племенемъ воинственнымъ, это доказывается историческими фактами, изъ числа которыхъ мы ограничимся двумя: они дѣлали набѣги на зырянъ-христіанъ во время св. Стефана Великопермекаго; они въ 1455 году, подъ предводительствомъ князя своего Асыка и сына его Юшмана, напали на береговыхъ жителей Вычегды и въ числѣ другихъ плѣнниковъ схватили епископа Питирима и умертвили его. Воинственность ихъ доказывается и характеромъ ихъ родичей Угровъ, или Венгровъ.

Что Югра, Угры, Вогулы были народомъ торговымъ, это, кромѣ легендарныхъ и историческихъ свидѣтельствъ⁽¹⁾, наглядно доказываютъ многочисленныя чудскія городища, въ которыхъ находимы были драгоценныя вещи

(1) Еще въ Повгородской лѣтописи подъ 1092 г. лѣтописцу рассказываетъ Новгородецъ Гирата Роговичъ:—Угры же суть люди—языкъ имъ и сосѣдять съ самоѣдою на полуночныхъ странахъ. Зайди луку моря, есть горы подъ небеса высокою, и въ этихъ горахъ слышенъ шумъ и крикъ: люди живутъ въ среднѣ горы, слытся освободитися, просѣвши изъ горы маленькое оконце и выглядываютъ оттуда и кричатъ, по разобратъ имъ языкъ нельзя. И ежели кто дастъ имъ желѣзо, воони дадутъ дворою (мѣхами) противу.—Давниа торговля опомеша этихъ странъ, въ которыхъ, по рассказамъ, изъ тучъ падали пушныя звѣри и разбѣгались по землѣ, гдѣ была такой городъ, какъ Чердынъ (складъ топоровъ), который, если вѣрить преданію, былъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, шедшихъ изъ Индіи, Персіи и Бухары, и въ которомъ складывались топоры, (а за топоръ будто давали столько пушнаго товара, сколько можетъ пройти въ ушко топора), доказываются и обиліемъ чужеземныхъ предметовъ и монетъ, находившихъ въ чудскихъ городищахъ.

изящной, очевидно нетуземной работы, и множество различных древних монетъ.

И такъ всѣ данныя, приведенныя нами, сильно говорятъ за то, что исчезнувшій нынѣ „народецъ“ Меря имѣлъ много сходства съ Уграми (Вогулы), и много есть оснований предполагать, что Меря, Остяги, Пермьки, Юра, Ераны, Мансаки, Вогулы, Угры составляли одинъ народъ, въ древнее время несомнѣнно говорившій однимъ языкомъ, имѣвшій одни вѣрванія, одни обычаи. Историческій изслѣдователь, безъ предубѣжденія всматривающійся въ туманъ отдаленнаго былаго, невольно поражается распространенностію названія Угровъ по сосѣдству съ Славянскимъ міромъ. Д. И. Илюваискій, съ такимъ талантомъ и съ такою твердостью отстаивающій славянское происхожденіе Русскаго племени, давшаго начало и имя Русскому Государству, въ статьѣ своей, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ Русскаго Вѣстника 1872 г. на стр. 474, говоритъ: „Какъ имя Олега находится въ связи съ названіемъ нашей главной рѣки, такъ и слова Ингаръ и Угоръ можно поставить въ связь съ названіемъ народа „Угровъ“. Это названіе дано ему русскими славянами (какъ, заимѣемъ слова, названіе Ростова дано Мереку, или, согласно нашему предположенію, Уграми:—Росс-ты, т. е. русское озеро). Оно конечно писалось прежде черезъ юсь и выговаривалось Унгры, откуда съ приставкою В получилось Вунгры, или Венгры“.—Это предположеніе оправдывается и названіемъ Венгровъ, происшедшихъ отъ Угровъ, и древнимъ именемъ Угровъ, называвшихся Унугурами (великая Угра) Унграми. „О распространенности этого названія по сосѣдству съ славянскимъ міромъ свидѣльствуетъ и другое финнское племя Ингры, которое у русскихъ перешло въ Ижору. Другая форма этого названія слѣдовательно будетъ Угра, и дѣйствительно въ Россіи есть нѣсколько рѣкъ съ этимъ названіемъ. Оно указываетъ на связь имени народа Угорскаго съ именемъ рѣкъ“.—А эта связь указываетъ, прибавимъ мы, впрочемъ не на то, что Угры лишь прошли чрезъ Россію, а на то, что это племя издревле жило въ Россіи и оставило тутъ свое имя въ именахъ рѣкъ и урочищъ.—„Наша южная рѣка Унгоръ, или Ингуль, при извѣстномъ переходѣ *р* или *л* и обратно, предполагаетъ другую форму Унгоръ или Ингоръ (какъ Сура и Сула, Тура и Тула и пр.), а извѣстно, что Дунайскіе Угры вышли изъ южной Россіи.

На сѣверо-востокѣ Россіи также обиталъ финскій народъ Югра, или Угра, но и тамъ также были рѣки съ названіями: Угра (притокъ Печеры), Угла, Югъ или Угъ, что конечно сокращено изъ Угль. Такимъ образомъ названіе Угры, или Угричи, одного происхожденія съ именемъ нашихъ Угличей⁴. Припомнимъ, что и въ Костромской губерніи есть село Малоугорское и деревня Югоры (около гор. Варнавина при Ветлугѣ), что и въ другихъ губерніяхъ, гдѣ жила Мера, встрѣчаются: Ухра, Уга, Угожь и тому подобное. Припомнимъ, что, по увѣренію Татищева (Исторія Русск. III. 76), когда Юрій Долгорукій привлекалъ колонистовъ въ Ростовско-Суздальскую землю, къ нему приходило множество Венгровъ. Приходили они, конечно, потому, что Ростовско-Суздальская земля, служившая долго отечествомъ отцовъ ихъ, была еще дорога для нихъ. Ясно, что тогдашніе Венгры не отбивались такъ упорно отъ родства съ Югрою и Вогулами, какъ Венгры современные (¹).

Когда мы уже написали все предыдущее, нами получена была декабрьская книжка Журнала Минист. Народ. Просвѣщ. за 1872 годъ, въ которой помѣщена статья г. Европеуса: „О курганныхъ раскопкахъ около погоста Бѣжецъ, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи“. Изъ этой статьи мы увидѣли, что г. Европеусъ, на основаніи длинноголоваго и длинночелюстнаго типа череповъ Тверской, точно также какъ Ярославской, Владимірской и Московской губерній, дѣлаетъ заключеніе, что въ Тверской губерніи въ дорусскія времена и даже въ XI столѣтіи дѣйствительно жила Югра, предки нынѣшнихъ единственныхъ длинноголовыхъ Остяковъ и Вогуличей. „Въ нынѣшнее время, говоритъ г. Европеусъ, на сѣверѣ, по словамъ академика Бера, одни только чистые потомки древней Югры, т. е. Остяки и Вогуличи, имѣютъ длинноголовый типъ черепа. Названія мѣстностей нерусскаго происхожденія, на пространствѣ отъ рѣки Оки до сѣвернаго Океана, и отъ верховья Волги и озера Ильмена до Казани, а въ сѣверной части Россіи отъ окрестностей рѣки Онеги до предѣловъ Черемисы, Зырянъ и Самоѣдовъ, — всѣ югорскаго происхожденія. И такъ отнюдь

(¹) Замѣчательно, что характеръ начертанія буквъ въ древнихъ Венгерскихъ надписяхъ имѣетъ много общаго съ буквами древнихъ зырянскихъ надписей времени св. Стефана Великопермскаго и съ тамгами Сибирскихъ инородцевъ.

не Финны были враждебнымъ образомъ вытѣснены русскими изъ средней и сѣверной Россіи, но Венгры добровольно переселились отсюда въ Паннонію, „чтобы—говоритъ первый ихъ лѣтописецъ, Анонимъ Бѣлы—овладѣть наслѣдствомъ Аттилы, прародителя главнаго вождя ихъ Альмуса“, а большая часть оставшейся здѣсь Югры переселилась туда, гдѣ потомки ихъ, подъ названіемъ Остяковъ и Вогуличей, живутъ и до сихъ поръ. Наконецъ немалая часть этихъ древнихъ жителей средней и сѣверной Россіи, конечно, обрусѣла на мѣстѣ ⁽¹⁾. Мы прибавимъ въ этому, что и самое названіе Аттилы находитъ себѣ корень въ Вогульскомъ языкѣ: Атчжяла—я приобретаю, а Алмосъ—чисто—вогульское слово: Ал—умъ и Мос подобно, уму подобный, воплощенный умъ. Югры (Мера), оставшіеся въ Руси, оставили свои слѣды по всему Поволжью и существуютъ теперь, по нашему мнѣнію, подъ именемъ Мещеры, Мещераковъ. Замѣчательно, что Мещера Казанской и Симбирской губерніи извѣстна подъ именемъ *Мишарь* (сравни венгерское *Мотшар*—болото). Мещеру находимъ мы въ небольшомъ числѣ въ губерніяхъ Казанской, Симбирской, Самарской; въ Пензенской Мещеры до 40000 живутъ въ такъ называемой Разумовщинѣ, т. е. владѣніяхъ графа Разумовскаго, и занимаетъ 17 селеній; въ ихъ языкѣ замѣтны провинціализмы, встрѣчающіеся въ губерніяхъ Ярославской, Костромской и Владимірской. Ясно, что они переселились отсюда уже повдно, почти обрусѣле.

Теперь спрашивается, когда, приблизительно по крайней мѣрѣ, поселились въ этой странѣ Югры, и нѣтъ-ли о нихъ извѣстія у древнѣйшихъ писателей?

Можетъ быть насъ упрекнуть въ излишествѣ, если мы скажемъ, что самое названіе Европы, по нашему предположенію,—Югорское. Югра, вѣроятно уже въ глубокой древности, изъ общей колыбели рода человѣческаго—Азіи, переминулась въ Европу и прозвала эту часть свѣта „*чоловаполе*“, главное поле—*Юр-ыб*. Слово *Юрыб* въ устахъ Грековъ измѣнилось въ *Европа*. Что Европа—слово не греческое, хо-

⁽¹⁾ Мы не раздѣляемъ мнѣнія г. Европеуса о томъ, что Югра средней и сѣверной Россіи—аборигены, и что Остяки и Вогуличи только потомки оставшейся въ Россіи Югры; мы считаемъ Югру, Остяковъ и Вогуличей родичами, происшедшими отъ одного рода, жившаго прежде въ Азіи (см. ниже).

ти и могло бы быть произведено отъ „*Εὐρώπης, ἡ, ον*“—очень распространенный, доказательство этому мы находимъ въ Геродотѣ, который въ XLV гл. IV кн. говоритъ, что „никому неизвѣстно, откуда Европа получила имя, или кто ей далъ это имя (*οὐτε δὲ οὐδὲν τῶ συννομα ἔλαβε τοῦτο, οὐτε ὅστις αἱ ἦν ὁ θεόμενος φαίνεται*)“^а. Геродотъ никакъ не сказалъ бы этого, если бы Греки дали прозваніе странѣ. Славянскимъ словомъ—имя Европа—едва ли можетъ быть признано; вѣроятнѣе всего, что это имя дано древнѣйшими обитателями Европы Уграми. Еще изслѣдованія Эйхвальда о такъ называемыхъ чудскихъ копияхъ приводятъ въ заключенію, что Скиѣскія племена могли быть не только родственны Чуди, но даже можетъ быть тождественны съ нею, и по всей вѣроятности Гунны были народомъ не Монгольскаго, а Угорско-Финнскаго происхожденія. Въ IX главѣ IV книги Геродота, гдѣ разсказывается о войнѣ Грековъ съ Амазонками, есть такая замѣтка: „Амазонокъ же Скиѣи называютъ *οἰορπата*; по гречески это имя значить—убійца мужей (*ἀνδρὸκτονοί*)“^а. Это Скиѣское, по свидѣтельству Геродота, слово *οἰορпата* находитъ себѣ корень въ Угорскомъ языкѣ: *ior*т значить мужъ, *пoлta*—душѣ, *ой-орпата*—душитель мужей. Въ той же IV книгѣ, главѣ XXVII, Геродотъ, говоря обо одноглазыхъ людяхъ, прибавляетъ: „называемъ мы ихъ по Скиѣски *Ἀριμαστοίς*; ибо арима по скиѣски значить одинъ, а *спу*—глазъ“. *Спу*—очень можетъ быть извращенное югорское *синпол*—кривой, а *арима*—югорское *артмема*—родившійся, или *аримаситъ*—отрема-син—одноглазый.

Въ описаніи нравовъ Скиѣовъ у древнихъ писателей многое напоминаетъ намъ Угровъ. Такъ Скиѣи—Саки своею одеждою напоминаютъ намъ Мерянъ. „Саки носили на головахъ остроконечныя шапки, крѣпко обхватывающія голову, носили шаровары, луки у нихъ были свои (туземные) и ножи, сверхъ того топоры. Персы всѣхъ скиѣовъ называли саками“. (Герод. кн. VII, гл. LXIV). Не отъ Персидскаго ли слова *Сек*—собака? И женщины Саковъ сходны съ женщинами Мерянскими: онѣ очень храбры и на войнѣ помогаютъ своимъ мужьямъ. Извѣстная своею красотою, умомъ и воинскими доблестями Зарина царствовала надъ Саками во время войны ихъ съ Мидянами. Подданные Зарины, по смерти ея, поставили въ честь ея пирамиду съ золотой ея статуей на вершинѣ. Если принять Саковъ за Финнскаго племе-

мя, то нельзя не сопоставить Зарину Саковъ съ золотою Вобою Зырачь и Чермяковъ. Слово Зарина можетъ быть объяснено Пермскими словами — *Зарни* золото и *Инь* женщина, и будетъ значить золото—женщина, зологая (зарнiя) женщина. Г. Европеусъ очень находчиво сопоставляетъ слово Чудь съ *Σκιδά*, и хотя не рѣшаетъ, но задаетъ вопросъ: не произошло-ли славянское слово Чудь отъ корня *Σκιδά*? Г. Европеусъ утверждаетъ, на основанiи свидѣтельствъ венгерскихъ лѣтописцевъ Анолушисъ и *Simon Kezai*, что „родина Венгровъ, или Унугуровъ, т. е. великихъ Угровъ, была не въ прибалтiйскихъ странахъ, а въ сѣверной Россiи. Первый, Анолушисъ, говоритъ, что Венгры вышли изъ Скитiи, простиравшейся отъ рѣки Дона до сѣвернаго моря. Иорданъ въ VII столѣтiи пишетъ, что западную границу Скитiи составляли рѣка Висла и Германiя, сѣверную границу—сѣверный Океанъ, восточную—Китайская область (*Seres*) и южную—Персiя, Албанiя (Аланiя) и Понтусъ, т. е. побережья Чернаго моря. *Kezai* еще подробнѣе описываетъ мѣстоположенiе Скитiи. Онъ говоритъ, что Скитiя лежитъ въ Европѣ и опредѣляетъ ея положенiе съ одной стороны Сѣвернымъ моремъ, а съ другой Уральскими горами; при чемъ присовокупляетъ, что тамъ вытекають двѣ большiя рѣки *Etul*, т. е. Волга, и *Тогора*“. По мнѣнiю г. Европеуса, *Тогора*—Печора, которой притокъ, вытекающiй съ самыхъ высшихъ вершинъ Урала, называется Щугорою, по вогульски *Сокурiя*.

Не Угровъ—ли разумѣть Геродотъ подъ именемъ народа *Юрка*. „За рѣкой *Танаисомъ* (¹⁾ (Дономъ), говоритъ Геродотъ, уже не Скисская земля; а сперва земля *Савроматовъ*; надъ ними живутъ *Будины*, выше *Будиновъ* въ сѣверу земля пустынная, дней на семь разстоянiя, а за этой пустыней, нѣсколько на востокъ, живутъ *Фиссатеты*, большою народъ, особенный; живутъ они ококою. Съ ними смежно въ той же сторонѣ живутъ *Юрки*, и эти охотою живутъ такимъ образомъ: влѣзши на дерево, а деревцевъ много въ той странѣ, сторожить онъ; и лошадь у наядаро, выученная ложиться на брюхо, и собака. Какъ только увидитъ съ дерева звѣря, стрѣляетъ въ него изъ лука, и,

(¹) *Танаисъ*, полагаешь, слово Югорское: отъ *дона* дорогой и *визл* вода, т. е. дорога, обильная рыбой вода.

вскочивши на лошадь, преслѣдуетъ его; и собака за нимъ ⁽¹⁾“. Вотъ и все, что говоритъ Геродотъ объ Юркахъ. Но, между Скивами-ли разумѣются Югры, или подъ именемъ Юрковъ, — несомнѣнно, вѣжется, что и во времена Геродота Югры уже занимали Европу, и едва-ли можно сомнѣваться и въ томъ, что во главѣ Унновъ, или Гунновъ (Уна—по пермаченію много, по венгерски великій; Гунны — ясно собирательное имя)—были Угры.

Самъ Аттила по описанію имѣетъ большое сходство съ идоломъ, найденнымъ въ одномъ изъ городищъ Пермской губерніи: ростъ его былъ не великъ, грудь широкая и большая голова, глаза узкіе, рѣдкая борода съ просѣдкою, носъ вогнутой и тѣло смуглаго цвѣта. Его гадатели напоминаютъ намъ отчасти гадателей (*μάντιες*) скиевскихъ, которые, по свидѣтельству Геродота, гадали на ивовыхъ прутьяхъ ⁽²⁾, отчасти жрецовъ остяцкихъ и вогульскихъ. „При погребальномъ свѣтѣ факеловъ, такъ описываются гаданія жрецовъ Аттилы, одинъ жрецъ съ руками, запущенными во внутренности жертвы, наблюдалъ за ея послѣдними сокращениями; другой, встряхивая гадательные прутьи на бѣлой скатерти, старался найти въ ихъ расположеніи таинственные знаки будущаго; третій кудесникъ, вызывая души умершихъ, при громѣ волшебнаго барабана, кружился съ быстротою колеса и въ изнеможеніи падалъ, съ пѣною у рта, неподвижнымъ. Въ глубинѣ палатки Аттилы слѣдилъ за конвульсіями и прислушивался ко всякому взвизгиванію гадателей“. Гунны оплакивали своего повелителя, какъ и до сихъ поръ оплакиваютъ Вогулы дорогихъ умершихъ. „Печаль свою объ умершемъ повелителѣ Гунны выражали тѣмъ, что рвали на себѣ волосы, терзали свое тѣло и пѣли жалобныя пѣсни“. Наконецъ, съ тѣломъ Аттилы погребены были, какъ это дѣлается и у Вогуловъ, всѣ его сокровища, добытыя имъ во время походовъ, чтобы и на томъ свѣтѣ жилось богато повелителю Гунновъ.

Принимая Мерю за финнское племя Югорской отрасли, мы полагаемъ, что родиной этого племени была общая родина рода человѣческаго — Азія, но что еще въ глубокой

⁽¹⁾ Геродот. IV. 22.

⁽²⁾ *Μάντιες δὲ Σκυθῶν εἰς πολλοὶ, οἱ μαντεύονται ῥάβδοις ἰτέινοι πολλῆσι.* Геродотъ; IV. 67.

древности Югры (Угры) заняли Европу и даже дали ей название. Что Югры пришли съ уральскихъ высотъ, это доказывается: 1) сходствомъ кургановъ рр. Оби, Енисея, Минусинскаго округа съ курганами Пермской губерніи и Мерянскій земли; 2) древними монетами и вещами, находимыми въ Сибирскихъ курганахъ и показывающими, что погребенные въ нихъ издревле жили въ этой странѣ; 3) древними названіями тѣхъ мѣстностей, очевидно югорскими; 4) самое предположеніе о возможности ухода Югры, или Мери, на Алтай можетъ служить доказательствомъ того, что тамъ жили ихъ родичи, а иначе за чѣмъ бы имъ было уходить на далекій сѣверъ; точно также, какъ позднѣе, во время св. Стефана Великонермскаго, чудесникъ Памъ, пристыженный и посрамленный этимъ проповѣдникомъ христіанскимъ, удался со своими послѣдователями отъ рѣки Выма на Обь въ своимъ соплеменникамъ, Березовскимъ Остякамъ; и наконецъ 5) самая многочисленность сибирскихъ и чудскихъ городищъ указываетъ на многочисленное племя, жившее тамъ во времена глубокой древности. Это племя безъ сомнѣнія было племя Югорско-финское, которое выселилось въ Европу. И на бывшей родинѣ осталась Югра, которая послѣ смѣшалась съ колонистами, раздѣлилась на племена и языкъ Югорскій развѣтвился на разныя нарѣчія. Возможность такого смѣшенія и развѣтвленія языковъ нагляднѣе всего видна на Пермьяхъ и Зырянахъ, которые очевидно одно и тоже племя, а между тѣмъ въ настоящее время съ трудомъ понимаютъ другъ друга.

Югра, Угры, Мери, жившіе въ тѣхъ границахъ, которые обозначены на основаніи курганныхъ раскопокъ, до появления Руси въ ихъ поселеніяхъ на берегу озера Неро (назавшагося русскимъ озеромъ: Росты, Ростовскимъ—уже по основаніи здѣсь Русью своихъ первыхъ поселеній), оставили свои жилища и удалились въ Паннонію, куда они пошли, соединившись съ Уграми, жившими между Дономъ и Волгою. Путь Мадырь (Mandagei—Паннія) или Угровъ, двинувшихся въ Паннонію изъ Скиіи такъ описываетъ Анонимъ: „Въ 884 году отъ воплощенія Господа нашего семь вождей, называвшихся *Neti moget* (по венгерски *Net moget*—нынѣ *Magyar*—буквально значить семь мадыровъ) вышли съ востока изъ земли Скииской. Изъ нихъ вождь *Almos*, сынъ *Идекъ*’а, изъ рода короля *Магогъ*’а, вышелъ изъ той страны, вмѣстѣ съ

своей женой, съ сыномъ Арпадомъ и съ великимъ множествомъ союзныхъ народовъ. Послѣ многодневнаго шествія по пустымъ мѣстамъ, они на своихъ кожаныхъ „торбахъ“ перешли рѣку Этыль (Волгу) и нигдѣ не нашли ни сельскихъ дорогъ, ни селеній, и не пытались изготовленнымъ людьми бушаньемъ, какъ былъ обычай у нихъ, но наѣдались мясомъ и рыбами, повуда пришли въ Susudal (Суздаля), въ Россію (*). Изъ Суздаля (гдѣ они вѣроятно соединились съ своими родичами, извѣстными подъ именемъ Мери) „они шли въ Кіевъ и потомъ чрезъ Карпатскія горы въ Паннонію, чтобы овладѣть наслѣдствомъ Аттилы, прародителя Almus'a.“

По другимъ источникамъ Мадыары (Шукръ-Аллаховы Мхрхх—то есть Мещеракп), тѣснимые Печенѣгами, двинулись въ Ательвузъ (по Константину Багрянородному, *εις τόπος τῶν ἐπινομαζομένων Ἀτελιουζῶν*) въ Суздалию. Ательвузъ, по нашему мнѣнію, значитъ Поволжье, отъ *Атель* — Волга (*Athel vocatum*—Ил-Ғозлап стр. 38) и повлѣположенія *Кузя*—по, венг. и зырянское *кыдз*— между. Мѣстопребываніе Мещераковъ (Мадыаръ) мы полагаемъ, на основаніи показаній Шукръ-Аллаха и Хаджи-Хальфа, было между Дономъ и Волгою. Послѣдній прямо называетъ рѣки, между которыми жили Мадыары,—Волгою и Дономъ, а первый называетъ одну изъ этихъ рѣкъ Вафою, а другую Итилемъ. Итилемъ, какъ извѣстно, называлась Волга; рѣки Вафы нѣтъ, и ни у кого она болѣе не встрѣчается; потому есть основаніе предполагать, что Вафа—имя нарицательное и скорѣе всего означаетъ качество этой рѣки. Не есть-ли это Пермское *ваа* (вава) воднистый, богатый водою, и не получила-ли эта рѣка въ послѣдствіи названіе Дона (отъ *дон*—цѣна, *дона*—цѣнный, дорогой, вслѣдствіе того же качества, т. е. изобилія воды и рыбы)? „Земля между Дономъ и Волгою и обширна, какъ характеризуетъ землю Мадыаръ Ибнъ-

(*) «О народахъ средней и сѣверной Россіи до Славянъ» ст. 1. Европеуса въ польскомъ изданіи Журнала Минист. Народ. Просвѣщ. 1868 г.

Дастъ, и богата лѣсомъ (*ὕλας γῆ* Геродота) и водами, потому что почва тамъ сыра.“

Съ Мадьярами (Мерей, Мещерой), мы полагаемъ, въ родствѣ и Башкиры, прежде тоже племя Югорско-финнское, теперь совершенно отатарившееся. Сродствомъ Мещеры и другихъ финнскихъ племенъ съ Башкирами и объясняется тотъ историческій фактъ, что, какъ только эти финнскія племена считали себя угнетенными, они бѣжали искать пріюта и убѣжища у родственныхъ имъ Башкиръ на ихъ привольныхъ земляхъ. Тождествомъ Мещеры и Мери съ Мадьярами и Уграми и совмѣстнымъ ихъ уходомъ въ Паннонію объясняется и внезапное исчезновеніе племени Мери: въ началѣ X вѣка имя Мери въ смыслѣ этнографическаго термина исчезаетъ. Не могла же она такъ скоро претвориться въ русскій элементъ, хотя это претвореніе и старается доказать г. Корсаковъ. Фактъ исчезновенія цѣлаго многочисленнаго племени объясняется естественнѣе, если мы примемъ, что Угры (Мадьяры), жившіе между Дономъ и Волгою, тѣснимые Печенѣгами, пошли на соединеніе съ своими родичами, и, соединившись съ ними въ суздальской сторонѣ, двинулись вмѣстѣ въ Паннонію, и только разрозненныя вучки ихъ остались въ странѣ Мерянской и до Волгѣ⁽¹⁾.

Этимъ мы заканчиваемъ наши предположенія о Мери и будемъ почитать себя совершенно счастливыми, если наша статья внесетъ хотя искру свѣта въ темный вопросъ объ этомъ племени, исчезнувшемъ съ лица земли русской, но, быть можетъ, продолжающемъ свое существованіе подъ другими именами, съ которыми она имѣетъ большее право на

⁽¹⁾ Мери, полагаемъ мы, никто не вытѣснялъ изъ ея жилищъ; она ушла сама, увлеченная своими соплеменниками, Мадьярами. Русскіе колонисты шѣли дѣло только съ остатками Мери. Изъ этихъ остатковъ часть осталась въ прежней Мерянской землѣ, большая же часть удалась въ среднія и нижнія части Волги, уступивъ наплыву русскихъ колонистовъ.

историческое значеніе, чѣмъ съ приданнымъ ему древними
лѣтописями и теперь забытымъ именемъ Мерв.

24 января 1873 г.

П. Шестаковъ.

НЕАПОЛИТАНСКІЕ ГОСУДАРИ

ВЪ XIV ВѢКѢ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИТАЛЬЯДСКОЙ ИСТОРИИ.

III.

(Окончаніе).

Вступая на престолъ, какъ вратура папы Урбана VI, Карлъ III, казалось, долженъ былъ остаться лучшимъ и преданнѣйшимъ другомъ своего патрона. Но новый король неаполитанскій не принадлежалъ къ числу людей особенно благодарныхъ. Еще не успѣвъ прочно утвердиться на престолѣ, Карлъ сталъ уже съ меньшимъ почтеніемъ относиться къ римскому двору. Онъ не исполнилъ почти единственной просьбы Урбана VI. Этотъ папа, котораго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно считать предшественникомъ Юлія II, первый внесъ начала nepotизма въ стремленія римской тиары. Онъ хотѣлъ дать своему племяннику, князю Боттилло, города Капуя, Амальфи, Ночера и Ссафа, — какъ независимое принципатство. Подъ именемъ племянниковъ (*nipote*) въ папской исторіи надо большею частью разумѣть дѣтей перво-священниковъ. Развратный, уже сорокалѣтній Боттилло, былъ, вѣроятно, сынъ Урбана VI, который пропускалъ мимо ушей всѣ скандальные подвиги князя, въ родѣ насилуванія монахинь и т. п. И понятно, какъ желалъ Урбанъ составить хорошее принципатство съ тѣмъ чтобы подарить его своему Боттилло. Но Карлъ, еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ, слѣдовательно ранѣ окончательнаго покоренія королевства, отказалъ папѣ, между тѣмъ какъ имѣлъ полную возможность удовлетворить его просьбѣ. Такъ, еще съ той поры, началась тай-

ная вражда между Карломъ и его бывшимъ покровителемъ, вражда, скоро превратившаяся въ смертельную ненависть⁽⁴⁰⁾. Тѣмъ опаснѣе для Карла должна была быть эта ссора, что она оставляла его безъ всякой поддержки въ той рискованной борьбѣ съ Людовикомъ анжуйскимъ, которая только благодаря внезапной смерти французскаго претендента кончилась такъ счастливо для Карла III.

Людовикъ, вторично выступая противъ Карла, имѣлъ по крайней мѣрѣ 15 тысячъ одной французской кавалеріи⁽⁴¹⁾. Когда онъ занималъ абруццскія высоты, то въ нему присоединилось еще нѣсколько неаполитанскихъ отрядовъ, организованныхъ изъ людей, недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей (17 іюля 1382 г.). Между неаполитанцами были всѣ тѣ, которые помнили несчастную Іоанну, которые искали случая отмстить убійцѣ. Тогда армія Людовика по всѣмъ вѣроятіямъ достигала до 30 тысячъ пѣхоты и кавалеріи. Анжуйскаго принца окружала блестящая свита высшей французской аристократіи. Это было въ маломъ видѣ нашествіе Карла VIII. Надо замѣтить, что весь Провансъ былъ за Людовика. Десять провансальскихъ и генуэзскихъ галеръ уже крейсировали у апулійскихъ береговъ. Большинство дворянства неаполитанскаго, на этотъ разъ болѣе чѣмъ когда нибудь, имѣло причины нарушить присягу и предаться французамъ. Внутреннее политическое состояніе королевства явно выразило тогда начало того дуализма, который послѣ долго и съ такою силою губилъ народъ неаполитанскій. Въ эту минуту впервые рѣзко обозначились двѣ враждебныя партіи: Дураццо и Анжу, продолжавшія свое существованіе до полнаго умиротворенія государства, т. е. до второй половины XV вѣка. Потому такъ хорошо и шли дѣла анжуйскаго претендента, что они питались внутренней разладицей королевства. Людовикъ зналъ, что междуособія лучше всего под-

⁽⁴⁰⁾ «A 24 de settembre il Principe Bottillo nepote del Papa, recercò al Re, che li desse la possessione de Capua, e non ce fo effetto, e per questo cominciò mala volontà fra il Papa et il Re Carlo (*Giorn. nap.* XXI, 1044)». Эта лѣтопись указываетъ только на Капуя, между тѣмъ какъ *Raynaldi* (1383) упоминаетъ еще другіе города.

⁽⁴¹⁾ Это самое меньшее число показано только въ анонимной *Chronicon Estense* dall 1104 sino al 1393 (*Muratori*; XV, 308).

рѣжутъ Карла. Дѣйствительно, король долженъ былъ оставить Неаполь и отступить въ болѣе крѣпкую позицію, тогда какъ его соперникъ, въ самое короткое время, уже успѣвшій овладѣть всѣмъ побережьемъ адриатическаго моря, готовился занять столицу королевства. Въ это-то рѣшительное мгновеніе, среди полного упоенія своимъ торжествомъ, Людовикъ, послѣ непродолжительной болѣзни, умираетъ въ городѣ Бизалію, недалеко отъ Бари, на самомъ берегу адриатическаго моря (*). Онъ оставилъ наслѣдственные права своему сыну, извѣстному впослѣдствіи подъ именемъ Людовика II.

Можно представить себѣ радость Карла, когда онъ получилъ вѣсть о смерти страшнаго соперника. Съ какою злобою онъ обрушился теперь на измѣнниковъ вельможъ и на папу. Ему некогда была даже принять мѣръ противъ ужаснаго бѣдствія, которое въ то самое время постигло городъ. Чума, такъ часто навѣщавшая среднія вѣка, похитила на этотъ годъ въ одномъ Неаполѣ до 17 тысячъ человѣкъ. Эта язва была отголоскомъ извѣстной бовкаччьевской чумы, истребившей незадолго передъ тѣмъ столько тысячъ жертвъ въ Тосканѣ и особенно во Флоренціи. Но если послѣдствія повальной язвы не бывали особенно ощутительны въ Италиі, то тѣмъ не менѣе странно видѣть равнодушіе лѣтописцевъ къ этому бичу среднихъ вѣковъ; у монархистовъ такое равнодушіе еще болѣе выдвѣсается въ глаза. Этотъ спокойный, невозмутимый тонъ высказываетъ несчастный бытъ народа въ средневѣковыхъ монархіяхъ, особенно же его бѣднѣйшихъ слоевъ; для республикъ существовали другія условія. И конечно, Карлъ III менѣе другихъ государей заботился о благѣ собственно народномъ. Его неудержимое личное тщеславіе не давало ему покоя. Съ замѣчательною рѣшимостью вынулъ онъ на папу, который, хотя и имѣлъ личное свиданіе съ королемъ въ Неаполѣ, бросалъ теперь Карлу рѣшительный

(*). Изъ словъ неаполитанскаго хроникера видно, что Людовикъ акхуйскій погибъ отъ напряженія силъ при защитѣ гражданъ бизалійскихъ, подвергавшихся всѣмъ ужасамъ ярости остервенившихся солдатъ (*«e tanto questo gioglio travaglio, che se ammalò gravemente, e a li 10 de Ottobri morì. Giorn. nap. 1052»*). Если это вѣрно, то Людовикъ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ военачальниковъ суроваго вѣка.

виновъ. Для вида, Карлъ приглашалъ Урбана на вторичное свиданіе, упрекая его за удаленіе въ укрѣпленную Ночеру, которая сдѣлалась теперь главною причиною спора. Урбанъ отвѣчалъ, что не папы должны ѣздить къ королямъ, а короли къ папамъ. Разсерженный Карлъ велѣлъ передать папѣ, что если онъ своимъ мечемъ покорилъ цѣлое королевство, то вѣрно своимъ умомъ сумѣетъ управлять имъ (**). Урбану объявлялась рѣшительная война. Великій конетабль королевства, знаменитый кондотьеръ Альберико-да-Барбіано, зтотъ отецъ итальянскихъ наемниковъ, — осадилъ Ночеру. Три высокія башни (*trabuchi*) для метанія стрѣлъ были поставлены противъ трехъ главныхъ пунктовъ крѣпостной стѣны. Но онѣ оказались бесполезными. Въ это время въ Италіа огнестрѣльное оружіе еще не вошло въ общее употребленіе, а безъ артиллеріи ничего нельзя было сдѣлать противъ ночерскихъ стѣнъ. Осада продолжалась восемь мѣсяцевъ. Урбанъ отлучилъ Карла отъ Церкви самымъ торжественнымъ образомъ. Каждый день три раза, онъ съ факеломъ и колокольчикомъ въ рукѣ, подходилъ къ окну своего дворца и громко кричалъ проклятіе осаждавшимъ его людямъ. Когда шестеро изъ его кардиналовъ (всѣхъ было 8 при дворѣ Урбана) начали уговаривать упрямого папу покориться королю, то онъ велѣлъ предать ихъ пыткѣ и самъ каждый разъ приходилъ любоваться ихъ мученіями; пытку нарочно повторяли ежедневно. Когда генуэзскій дожъ и два отважныхъ анжуйскихъ барона, — предложившіе десятокъ своихъ галеръ и 3 тысячи всадниковъ къ услугамъ папы, — выручили Урбана изъ Ночеры (іюль 1385 г.), то онъ взялъ съ собою этихъ кардиналовъ и дорогою или передумавъ ихъ или же въ мѣшкахъ побросалъ въ воду. Только одинъ англичанинъ спасся, благодаря заступничеству своего короля. Двое остальныхъ кардиналовъ до того испугались папскаго гнѣва, что, по пріѣздѣ въ Геную, тотчасъ же убѣжали въ Авиньонъ и записались въ курію Климента VII (**).

(**) «Regnum ipse illud sua virtute et viribus subjecisse, proinde, gregis sibi commisse et Ecclesiae curam susciperet. Regni autem, quod suum erat, administrationem sibi relinqueret. *Bonincontrius*, ann. inquit. ab 1360—1458 (*Mem.* XXI, 46).—Срв. съ *Giorn. nap.* (XXI, 1052).

(**) *Rayn.* 1386.—Отъѣздъ папы въ Геную по рукописнымъ документамъ, — *Bret. Geschichte von Italien*; IV, 59—60, nota.

Только азан иронія могла побудить итальянскихъ писателей именовать Карла III, мирнымъ. Ему не суждено было пробить ни одного дня среди домашней сповойной обстановки. Онъ всю жизнь провелъ среди военного лагеря. Въ одно и то же время онъ отбивался отъ нѣсколькихъ противниковъ. За войною съ анжуйскимъ претендентомъ послѣдовала война съ папою. Не успѣла кончиться эта кампанія,— его зовутъ на новые военные подвиги. Послы венгерскіе неожиданно предлагаютъ ему престолъ Людовика Великаго. Такое предложеніе было тѣмъ болѣе страннымъ, что у покойнаго короля осталась законная наслѣдница, его дочь Марія. Но партія магнатовъ желала непременно видѣть своимъ правителемъ опытнаго полководца, а не слабую женщину. Марія и ея мать Елисавета должны были уступить желанію своихъ сильныхъ противниковъ. Онѣ должны были даже привѣтствовать и обласкать Карла, когда онъ, съ искреннимъ удовольствіемъ исполняя желаніе депутатовъ, прибылъ въ Офенъ. Онѣ должны были, наконецъ, присутствовать при коронаціи своего соперника, ненасытное честолюбіе котораго никогда не принимало въ соображеніе ни чести, ни обстоятельствъ, ни даже непосредственныхъ выгодъ. Народъ венгерскій искренно сочувствовалъ жалкому положенію своей молодой королевы; онъ никогда не желалъ считать неаполитанскаго короля своимъ повелителемъ, тѣмъ болѣе тогда, когда видѣлъ, что въ томъ же соборѣ, позади Карла, стояли законныя наслѣдницы престола. Когда епископъ, исполняя старинный обычай, съ амвона трижды спросилъ народъ, согласенъ ли онъ признать вѣнчаннаго монарха своимъ королемъ, то невольное, общее чувство смущенія пробѣжало по рядамъ толпы, наполнявшей всю соборную площадь. Въ первый разъ отвѣтили тихо, во второй еще тише, а въ третій разъ только нѣкоторые приверженцы Карла нарушили общее молчаніе своими робкими, одинокими криками. Когда процессія, послѣ совершенія коронаціи, выходила изъ церкви, знаменосецъ неосторожно зацѣпилъ въ дверяхъ знаменемъ св. Стефана и гнилое древно знаменіе, пережившее нѣсколько столѣтій, раздробилось въ куски. Въ тотъ же день въ городѣ поднялся страшный вѣтеръ, скоро превратившійся въ бурю; заблестала гроза; раздались перекатные удары грома. Страшная буря забушевала въ Офенѣ; она срывала кровли съ домовъ; повывывала деревья съ бор-

немъ. Лишь утихла буря, какъ стая черныхъ вороновъ съ крикомъ окружила дворець королевскій и какъ бы называла бѣду. Все это было принято суевѣрною толпою за дурное предзнаменованіе. Скоро оправдалось предчувствіе народа.

Одинъ изъ небогатыхъ дворянъ венгерскихъ, нѣкто Николай Гарскій, вызвался быть руководителемъ недовольныхъ. Онъ повялся передъ Елисаветой, что возвратить чужеземца. Былъ составленъ заговоръ; его искусно держали въ тайнѣ. Когда наступило время дѣйствовать, то Марія приказала просить короля въ свой дворець, подъ предлогомъ сообщить ему что-то важное. Карлъ пришелъ. Ему показали письмо короля чешскаго Сигизмунда, въ которомъ тотъ предлагалъ Маріи свою руку. Не успѣлъ Карлъ сказать нѣсколько словъ, какъ вошелъ въ комнату Николай и съ нимъ силачъ, извѣстный по всей Венгріи. Послѣдній выхватываетъ свою тяжелую саблю, бросается на безоружнаго Карла и однимъ ударомъ повергаетъ его смертельно раненаго на землю (февраль 1386 г.). Тотчасъ же заговорщики наполнили дворець, побѣжали по улицамъ и всюду пронесли общій лозунгъ: „да здравствуетъ Марія, дочь Людовика, да здравствуетъ Сигизмундъ, ея супругъ“. Другіе кричали: „смерть Карлу и всѣмъ измѣнникамъ“. Но король былъ еще живъ; израненнаго его перенесли на Вышградъ. Тамъ онъ лежалъ еще нѣсколько мѣсяцевъ; тамъ до него доходили вѣсти, какъ вездѣ рѣжутъ его итальянцевъ. Лѣтомъ (3 іюня 1386 г.) король скончался, но не отъ раны, а отъ яда ⁽⁴⁵⁾.

Эта катастрофа повергнула въ анархію и Венгрію и Неаполь. Смутилась Маргарита, жена Карла, когда получила роковую вѣсть о смерти своего мужа. Она теперь оставалась правительницею королевства и опекушею надъ двумя дѣтьми убитаго, — Джіованно и Владиславомъ. Имъ обомъ суждено было носить корону, хотя наступавшія политическія событія не слишкомъ благопріятствовали утверженію династіи Дураццо на неаполитанскомъ престолѣ. Партія новыхъ Анжу заговорила теперь самымъ повелительнымъ тономъ и приняла угрожающее положеніе. Къ ней примк-

⁽⁴⁵⁾ Всѣ эти подробности разсказаны венгерскимъ историкомъ *Johannes de Thwrocx*, *hist. Caroli Parvi (Sismondî; V, 271—273)*. — *Guijot; 152—154*.

нули многіе сильныя аристократы (какъ напр. князя Сап-Северино и др.) и между прочимъ Оттонъ брауншвейгскій, вдовецъ Иоанны I, выпущенный Карломъ на свободу и теперь открыто переходившій во враждебный лагерь. Эти анжуйцы провозгласили королемъ сына Людовика I,—Людовика II, также еще несовершеннолѣтняго, и также еще находившагося подъ опекою своей матери Маріи. Надъ однимъ королевствомъ явилось два короля, двѣ регентши и два правительства. Что дѣлалось въ Неаполѣ, то перенималось въ Провансѣ. Маргарита короновала королемъ своего десятилѣтняго *Владислава* (25 февраля 1387 г.); то же сдѣлала и Марія съ Людовикомъ II. Маргарита умоляла Урбана VI быть опорой ея сына и забыть свою вражду; такъ же хлопотала Марія за своего сына передъ авиньонскимъ папою Климентомъ VII. Замѣчательно, что Урбанъ не только склонился на женскія просьбы, но даже въ знакъ своего примиренія прислалъ регентшѣ 20 тысячъ дукатовъ на наемъ хорошихъ кондотьеры для войны съ Анжу. Маргарита, кромѣ того, по совѣту своихъ министровъ, наложила большія подати на всю страну съ тою же военной цѣлью. Понятно, что всеобщее неудовольствіе было отвѣтомъ на такую мѣру. Страна уже и такъ истомилась отъ постоянныхъ налоговъ, отъ безконечныхъ войнъ. Неаполитанскіе подданные не знали того, что имъ еще теперь только предстоитъ ознакомиться серьезнымъ образомъ со всѣми тяготами подобной жизни. Съ этой минуты идетъ нескончаемая военная передрага для неаполитанскаго королевства, составляющая сущность всей его исторіи до 1443 года.

Однако финансовыя и военныя проекты Маргариты очень не нравились неаполитанцамъ. Простой народъ положительно не видѣлъ никакой цѣли въ этой рѣзні, которая была въ его глазахъ результатомъ личнаго честолюбія коронованныхъ лицъ. Однихъ возрѣнній съ народомъ было мелкое дворянство. Развѣ только знатные бароны понимали въ чемъ дѣло и потому они служили главнымъ осмысленнымъ факторомъ борьбы. Оттого противъ нихъ составила оппозиція, составъ которой напоминаетъ по идеѣ корпоративное сословіе. Мы рѣшаемся, по крайней мѣрѣ для Неаполя, назвать эту минуту,—первымъ проявленіемъ жизненности средняго сословія, первымъ началомъ борьбы обществен-

ныхъ слоевъ. Торговое, т. е. низшее, и дворянское, т. е. среднее сословіе, подаютъ другъ другу руку для сопротивленія насильственному напору аристократіи, т. е. высшаго сословія. Два означенныя сословія берутся контролировать правительство, состоявшее изъ знатныхъ бароновъ. И регентша утверждаетъ ихъ мѣру. Такимъ образомъ организовалось новое собраніе изъ восьми гражданъ,—*Otto Signori del Buono Stato*, поставившее своею обязанностью наблюдать, чтобы министры королевскіе не дѣлали несправедливостей (*). Марія анжуйская, желая польстить массѣ и тѣмъ привлечь ее на свою сторону, придумала такое же совѣщательное собраніе только съ тою разницею, что оно было составлено не изъ восьми, а изъ шести человекъ: *Sei Deputati del Buono Stato del Regno*. Конечно, авторитетъ новыхъ Совѣтовъ скоро взялъ перевѣсъ надъ авторитетомъ министровъ и поватно, что тогда же начались беспорядки въ государственной администраціи; кругъ дѣйствій двухъ правительственныхъ факторовъ не былъ ни разграниченъ, ни ясно опредѣленъ, такъ какъ они явились лишь результатомъ временной потребности. Это одинаково относится какъ къ партіи Анжу, такъ и къ партіи Дураццо. При такой-то внутренней разладѣ открылась рѣшительная война между двумя партіями.

Одинъ изъ знатнѣйшихъ неаполитанскихъ бароновъ, Санъ-Северино, является предводителемъ анжуйской арміи, приплывшей на галерахъ въ Неаполь. Французы не жалѣли денегъ и щедрость была главною, едва ли не единственною причиною ихъ громаднаго успѣха. Въ короткое время было роздано до 25 тысячъ дукатовъ. Золото открыло путь къ столицѣ. Скоро анжуйцы уже овладѣли Неаполемъ, взяли присягу съ клятвою королю Людовику II. Маргарита съ Владиславомъ должны были переселиться въ Гаэту. Это совершилось такъ внезапно, что никто не хотѣлъ вѣрить въ торжество французской партіи. Между тѣмъ голубыя лиліи на *Castel-novo* положительно убѣждали, что теперь королемъ неаполитанскимъ не Владиславъ, а Людовикъ II. Но ни Маргарита, ни Владиславъ, ни ихъ партія нисколько не думали отказаться отъ власти. Теперь *de facto* соверши-

(**) *Avessero da prevedere, che da Ministri del Re non si avesse a far cosa ingiusta. Giann. III, 210.*

лось политическое распадение королевства. Столицей новой анжуйской половины дѣлался Неаполь; мѣстопробиваніемъ людей стараго порядка, Гаэты. Какъ прежде королевство Обѣихъ Сицилій при появленіи Анжу распалось на островъ и материкъ, такъ теперь, благодаря тѣмъ же Анжу, самый материкъ грозилъ навсегда раздѣлиться на двѣ части. Но этого не случилось. Раздѣленіе продолжалось только до 1400 года, впродолженіе 13 лѣтъ. Оно должно было непременно превратиться, такъ какъ новые анжуйцы не имѣли прочной опоры въ народѣ, не имѣли почвы подъ ногами; владычество ихъ не могло быть болѣе какъ мимолетнымъ. Когда Владиславъ вернулся въ свою настоящую столицу, то онъ не преминулъ жестоко наказать тѣхъ, которые содѣйствовали торжеству Людовика (*). Конечно, этимъ онъ не могъ уничтожить противную партію, которая продолжала существовать до тѣхъ поръ, пока оба враждебные лагеря не соединились въ одномъ аррагонскомъ станѣ.

IV.

Владиславъ утвердился въ Неаполѣ уже тогда, когда ему было около 25 лѣтъ. Всю свою юность ему пришлось провести среди безпорядковъ и гражданскихъ междоусобій, что не могло не отразиться на развитіи его характера, явившагося прямымъ слѣдствіемъ оружавшей безурядицы. Изъ Гаэты онъ постоянно ѣздилъ въ Римъ на поклонъ двумъ папамъ Урбану VI и Бонифацію IX, ухаживалъ за ними и потомъ, когда достигъ самостоятельнаго положенія, сдѣлался первымъ врагомъ римской курии. Эта двуличность вмѣстѣ съ жаждою не столько честолюбія, сколько наслажденій, была главною стороною его характера. И странная судьба:—и отецъ и сынъ, оба были наказаны за свои страсти. Если отецъ погибъ за свое честолюбіе, то сыну суждено было поплатиться жизнью за свою чувственность. Аммирато находитъ въ Владиславѣ много

(*) *Cronache di Antonello Coniger, gentiluomo Leccese (Raccolta di varii documenti alla storia di Napoli; V, 9). «Re Ladislao di Sicilia con lo Principe Raymundo Principe di Teranto, e Conte di Lecce fero morire lo Duca de S. Marco, lo Duca Venosa, lo Conte di San-Severino, lo Conte di Thurso, Messere Malacarne di S. Severino, Conte de Cuperrono, lo Conte di Ugento con tutti loro seguaci (a. 1398)».*

хорошихъ качествъ, но если флорентійскій историкъ говорить, что Владиславъ былъ великъ душою, то тутъ же прибавляетъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ безчеловѣченъ (*grande e feroce animo*). Можно согласиться, что онъ былъ сносный солдатъ, но онъ не былъ ни великимъ человѣкомъ, ни замѣчательнымъ правителемъ. У него не было принциповъ чести. Онъ съ удовольствіемъ унижался, если того только требовала выгода, хотя даже не государственная. Какъ хвастливый мальчикъ, онъ гордился атеизмомъ. Циникъ въ душѣ, онъ старался казаться эпикурейцомъ. Онъ былъ великъ болѣе на мелкіе подвиги; тогда проявлялась и его твердость и его настойчивость, что въ другихъ случаяхъ выражалось скорѣе жестокостью, которую даже расположенные къ нему писатели называютъ, — *crudeltà, più che barbara* (*). Храбрый солдатъ, онъ былъ плохой полководецъ; для этого ему недоставало ни знаній, ни хладнокровія (**). Какая то страстная, порывистая дѣятельность брѣсала его отъ одного замысла въ другому, отчего они всегда выходили мало обдуманны. Это былъ яркій контрастъ Роберту, которымъ мы начали эти очерки; какъ тотъ хранилъ свои планы и долго сдерживалъ ихъ, думая больше выиграть, такъ Владиславъ какъ бы торопился предупредить событія. Оттого его время такъ богато фактами для политической исторіи Неаполя; онъ не имѣлъ и года отдыха отъ военнаго шума. Для мирныхъ, гражданскихъ подвиговъ онъ не былъ созданъ и потому въ неаполитанской исторіи немогъ имѣть значенія Карла II или Роберта. За то при немъ ярео выяснились политическіе

(*) *Ammirato* (659) дѣлаетъ изъ Владислава воплощеніе «*principe Mariavegli*. «*Con virtù o imagiai di essa havea accoppiato vitii enormissimi; ma i quali da'nimici il rendevano più sospetto e più tremendo,—non osservanza di promesse, non temenza di religione, libidine sfrenata e crudeltà più che barbara. Le quali cose nondimeno sapeva ottimamente ricepire ove il bisogno il richiedesse, con maraviglioso artificio gli altrui appetiti secondando*».

(**) *Muratori*. *Annali d'Italia* (XIII, 23). «*Nel mestier della guerra pochi gli andavano innanzi; al che non gli mancava coraggio, sapienza e vigilanza. Parve in lui più tosto ombra, che sostanza di Religione; minore tuttavia venne provata in lui l'osservanza delle promesse; e sfrenata poi la libidine, per cui massimamente in Roma commise molti eccessi, e da cui infine fu condotto a morte nella metà dell'ordinaria vita degli'huomini (a. 1414)*».

планы анжуйской династии и ее место в итальянской истории, где онъ стоитъ рядомъ съ Джіованни-Галеаццо, хотя Владиславъ не имѣлъ положительности и сосредоточенности послѣдняго. При его воинственныхъ стремленіяхъ не процвѣтали умственные силы страны; стремленіе быть королемъ Италіи поглощало его цѣликомъ. По замѣчанію одного довольно извѣстнаго нѣмецкаго историка, онъ домогался еще большаго, — онъ стремился къ императорской коронѣ^(*). Все это стоило громадныхъ затратъ на наемниковъ, что очень плохо отзывалось на финансовомъ состояніи королевства. Для военныхъ издержекъ, почти не прерывавшихся, надо было продавать города и земли или отдавать ихъ на откупъ, — отъ чего уменьшились государственные доходы. Начали продавать патенты на титулы, чтобы добыть денегъ, въ которыхъ такъ нуждалось правительство. Потому-то при Владиславѣ до невѣроятныхъ размѣровъ возросло число бароновъ, графовъ, князей и разныхъ титулованныхъ лицъ. — Такова была личность Владислава, сложившаяся отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ политическихъ условій, которыя окружали его въ юности. Въ продолженіи 14 лѣтъ онъ долженъ былъ защищать свои наследственные права то нравственною, то физическою силою, то перомъ, пока не было средствъ иныхъ, болѣе же мечомъ. Часто онъ долженъ былъ держаться выжидательнаго положенія. Рѣшительныхъ дѣйствій нельзя было ожидать отъ него долгое время потому, что средства его были пока слишкомъ незначительны въ сравненіи съ средствами Людовика. Однако въ 1400 г. онъ одержалъ верхъ и вытѣснилъ Людовика. Мы прямо переносимъ дѣйствіе къ этому событію, чтобы потомъ заняться фазисами борьбы, веденной Владиславомъ за итальянское единеніе. Если личность его является тутъ темною, то дѣло было весьма исторично. Хотя по времени эти событія относятся къ другому вѣку, но по духу своему имѣютъ тѣсную связь съ содержаніемъ настоящей статьи.

Бропотливая и всегда вѣрная хроника, называемая „*Giornali napoletani*“, такъ описываетъ удаленіе Людовика II анжуйскаго и утвержденіе власти Владислава I въ Неаполѣ.

(*) *Becker*. Weltgeschichte herausgegeben von Löbell (1844) — «nicht nur nach dem Besitze von ganz Italien, sondern auch nach der Kaiserkrone (VI, 27)». — О тягостяхъ народа и мѣрахъ правительства *Giornali napoletani* (XXI, 4075).

„1400 года 2 іюля король Ланцилао (имя Владислава на неаполитанскомъ нарѣчїи) прибылъ съ 4 галерами въ Калабрию, и тамъ имѣлъ свиданіе съ герцогомъ (Людовикомъ). Между ними и князьями Санъ-Северино произошло соглашеніе. Съ этой поры король овладѣлъ всею страню“.

„На 9 іюля король Ланцилао прибылъ моремъ на галерахъ въ Неаполь. Тогда сошелъ на берегъ Messer Gorriello Auriglia и въ церкви св. Петра мученика были заключены условія, по которымъ Неаполь сдался королю Ланцилао. Это было въ среду вечеромъ. Король во весь этотъ вечеръ не хотѣлъ сходить на берегъ, а принималъ многихъ неаполитанцевъ у себя на галерахъ. Наступилъ четвергъ и съ большимъ торжествомъ совершился въездъ въ Неаполь; въ королевской эскадрѣ было 5 галеръ и 2 галіота. Messer Carlo (братъ и намѣстникъ Людовика анжуйскаго), узнавши о переговорахъ между королемъ Ланцилао и неаполитанцами, заперся въ Castiello nuovo. Король Ланцилао, пробывши только одинъ день въ Неаполѣ, опять сѣлъ на галеры и пошелъ въ Гаэту, оставивъ одну изъ галеръ въ Неаполѣ въ распоряженіе Messer Floridano Latro de Napole, котораго назначилъ намѣстникомъ (vicere). Вся страна, понимая что король Ланцилао утвердился въ Неаполѣ, сдалась ему. Капуанскій замокъ тотчасъ же покорился, не смотря на то, что мессеръ Флоридано былъ тамъ намѣстникомъ. Трабуано аверскій началъ осаду Кастель-ново, гдѣ сидѣли мессеръ Карлъ и нѣсколько провансальцевъ съ французами, преданными королю Людовику (Loise)“.

„Въ концѣ іюля или началѣ августа, король Ланцилао вернулся въ Неаполь и тогда-то начались по всему міру злыя болѣзни (li granchi); чума дошла и до Неаполя, гдѣ истребила 16 тысячъ человекъ. Вслѣдствіе этого, король Ланцилао, мать и сестра его, удалились въ Граньяно, а оттуда въ Соренто. Только къ концу сентября, всѣ они вернулись въ Неаполь, гдѣ поселились въ Кастель-Капуано. Тамъ они жили до января мѣсяца 1402 года, а послѣ уѣхали въ Салерно“.

„Король Лудовикъ, видя себя осмѣяннымъ Санъ-Северино и оставленнымъ всѣми, потерявши Неаполь, продалъ Тарентъ (свой послѣдній оплотъ) Рамондзелло, который сдѣлался такимъ образомъ законнымъ сеньоромъ. Тогда онъ сошелъ на свою эскадру и со всѣми галерами и кораблями,

вакіе у него были, направился къ Капри; тамъ онъ говорилъ съ королемъ Ланцилао, взялъ брата, велѣлъ сдать Кастиль-ново, и отправился въ свою родную, старую Францію. Король Ланцилао остался государемъ всего королевства.

26 января 1401 года изданъ былъ указъ о созваніи парламента на апрѣль мѣсяць. И всѣ бароны и синьоры королевства съѣхались, кромѣ нѣкоторыхъ (слѣдуетъ перечень). Засѣданія происходили въ неаполитанской церкви Santa Chiara“.

„Въ концѣ апрѣля отправился король съ войскомъ въ Калабрию воевать тѣхъ бароновъ, которые не оказали повиновенія. Онъ съ ними сдѣлалъ все что хотѣлъ (e con questo hebbe ogni cosa), и не могъ только одолѣть Котроне и Реджію, владѣнія графа Катанцаро, который остался вѣрнымъ королю Людовику до того, что ни хотѣлъ никогда видѣть короля Ланцилао. Назначивъ Брѣкка намѣстникомъ Калабріи, король Ланцилао вернулся въ Неаполь“ (‘1).

Впрочемъ, и эти стойкіе противники не могли доставить надежной опоры анжуйской партіи, которая, за отсутвіемъ Людовика, скоро совсѣмъ сгладилась въ королевствѣ. Владиславъ, неограниченный монархъ, неограниченный до того, что пренебрегаетъ даже обыкновенными человѣческими законами, обращаетъ все свое вниманіе на территориальное расширеніе королевства. Онъ деспотъ и въ государствѣ, деспотъ и въ семьѣ. Ему не нравилось, что его жена происходила не изъ королевской крови. Изъ за такой прихоти, онъ разводится съ нею. Торжественно развѣнчана была молодая и добрая Констанція, дочь сицилійскаго правителя, Манфредъ де-Кіарамонте. Владиславъ, по совѣту своей гордой матери Маргариты, отправился въ Римъ къ святѣйшему отцу, получая отъ него разводную грамоту и возвратился въ Гаэту въ сопровожденіи одного епископа. Это было еще въ то время, когда королевская резиденція была въ Гаэтѣ. Констанція, не предчувствуя что случится съ нею, въ слѣдующее воскресенье пошла съ своимъ супругомъ въ церковь къ обѣднѣ. Вдругъ, по окончаніи литургіи, епископъ громко прочиталъ папскую разводную грамоту, потомъ сошелъ съ

(‘1) *Giornali napoletani* (XXI, 1067) приводитъ перечень вѣрныхъ Людовику бароновъ, еще долго оказывавшихъ сопротивленіе Владиславу.

амвона, приблизился въ королевѣ, потребовалъ отъ нея назадъ обручальное кольцо, и отдалъ его королю. Оскорбительнымъ тономъ приказали несчастной Констанціи оставить дворецъ; ее перевезли въ особый маленькій домикъ, гдѣ дали ей двухъ служителей и поручили подъ присмотръ старой дамѣ. Изъ дворца ей ежедневно приносили кушанье, какъ милостыню. Такое публичное оскорбленіе возбудило всеобщее негодованіе народа, выразившееся громкимъ сочувствіемъ къ несчастному положенію добродѣтельной королевы. Какъ нарочно, огненные столпы явились на небѣ. Въ нихъ народъ видѣлъ дурное предназначеніе грядущимъ бѣдствіямъ. Только одна Констанція перенесла свое горе съ удивительною покорностью. Она была покорна даже тогда, когда ей велѣли выдти замужъ за одного изъ приближенныхъ королевскихъ, графа Андрея Капуанскаго. Парадный кортежъ невѣсты проѣзжалъ большую городскую площадь. Королева, собравшись съ духомъ, обратилась къ графу Андрею и произнесла: „графъ Андрей Капуанскій! Ты можешь себя считать счастливейшимъ человѣкомъ въ мірѣ; ты будешь имѣть своею наложницею королеву Констанцію, супругу короля Ланцилао!“ Но тутъ она не выдержала и залилась слезами ⁽⁸²⁾.

Владиславъ послѣ того вступалъ два раза въ бракъ: съ Марією, дочерью епископаго короля, и съ принцессою тарентскою ⁽⁸³⁾. Эти браки удовлетворили его королевское честолюбіе, но не дали ему потомства. Бездѣтный, принужденный передать престолъ своей сестрѣ Іоаннѣ, онъ долженъ былъ винить только собственное безсиліе. Онъ отличался развратомъ между всѣми королями. Не ограничиваясь множествомъ официальныхъ любовницъ, которыя содержались при дворѣ, онъ, проѣздомъ черезъ города, не переставалъ заводить любовныя связи и увеличивалъ число своихъ побѣдъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи только однимъ побужденіямъ своей чувственной природы. Такая страсть къ женщинамъ послужила

⁽⁸²⁾ *Giorn. nap.* 1065.

⁽⁸³⁾ Есть предположеніе, что Владиславъ и со второю женою развелся точно также, какъ и съ первою. «Non so, se viva ancor fosse, o morta questa seconda moglie, allorchè egli s'offerse disporre la vedova principessa di Taranta, per riunire in questo modo quel principato alla sua corona» (*Demina*; II, 442).

причиною его смерти. Она владѣла имъ вмѣстѣ съ воинственностью, которая точно также не сообразовалась съ силами, какъ и его сладострастіе.

Оружіе Владислава видалось во всѣ стороны, какъ будто не насыщаясь ничѣмъ. Конечно, оно было на столько бессильно, что не могло сдѣлаться опаснымъ для Европы, но, во всякомъ случаѣ, оно произвело сильное вліяніе въ предѣлахъ Италіи. Венгерскій походъ 1403 года, который былъ его первымъ подвигомъ въ военномъ дѣлѣ, кончился неудачно. Но его римскія войны, продолжавшіяся почти непрерывно до самой смерти, безпокоили полуостровъ тѣмъ болѣе, что девизъ короля „aut Caesar, aut nihil“ слишкомъ напоминалъ самовластныя стремленія диктатора. Тогда, тѣ же стремленія, почти при одинаковыхъ условіяхъ, высказывались съ сѣвера. Какъ съ того, такъ и съ другаго конца, они необходимо должны были сойтись въ одной точкѣ и этою точкою должна была быть Флоренція,—республика между двумя монархіями. Повторился физическій законъ рычаговъ. Точка осталась неподвижною. Какъ о скалу, разбивались о нее волны деспотизма.

Когда послы венгерскіе пріѣзжали въ Неаполь просить Владислава принять корону своего отца Карла, то они какъ нельзя болѣе угодили желанія честолюбиваго короля. Послѣ смерти Маріи, венгерскіе бароны, не любившіе нѣмцевъ, не хотѣли повиноваться Сигизмунду и лучше желали видѣть на престолѣ итальянца Владислава, забывая, что народъ одинаково нерасположенъ въ чужимъ властителямъ той и другой націи безразлично. Хотя Владислава и соблазняла венгерская корона, однако онъ помнилъ страшную участь своего отца, застигнутаго народною ненавистью среди чужихъ, въ полуднякой странѣ. Потому, согласившись на предложеніе посольства, онъ не рѣшился однако прямо ѣхать въ Пештъ, а остановился въ городѣ Зарѣ, принадлежавшемъ тогда Венгріи. Случилось, что его солдаты и матросы пошли за виноградомъ и, конечно, нисколько не стѣсняясь, начали самовольно распорядиться чужимъ добромъ. Владѣльцы садовъ, раздосадованные такимъ нахальствомъ, велѣли бить незваныхъ гостей. Среди свалки и суতোмохи убито 20 итальянцевъ; остальные разбѣжались. Успѣхъ и кровь еще болѣе раздражили толпу. Съ оружіемъ въ рукахъ неистово ворвались далматинцы во дворецъ Владислава; въ толпѣ

громно кричали будущему королю своему, что если онъ не уищетъ своихъ людей, то они сами распорядятся съ ними, такъ какъ у нихъ нѣтъ недостатка ни въ мужествѣ, ни въ оружіи. Эта выходка смутила короля окончательно. Она отняла у него всякую охоту быть государемъ Венгріи, хотя онъ уже успѣлъ короноваться (5 августа 1403 г.). Владиславъ не хотѣлъ однако со стыдомъ и съ пустыми руками уѣхать изъ Далмаціи. Если онъ и желалъ титула короля Венгріи и долго не разставался съ нимъ, то во всякомъ случаѣ искалъ торжества болѣе вещественнаго, болѣе осязательнаго, для вознагражденія трудовъ и издержекъ предпріятія. Совѣстно было человѣку съ его характеромъ возвращаться на родину не только безъ лавръ, но даже безъ всякаго успѣха. Въ такомъ-то настроеніи застигло его предложеніе венеціанскаго сената купить Зару для республики. Съ радостью продалъ Владиславъ чужой городъ за 100 тысячъ дукатовъ правительству, которое смотрѣло на людей и на города такими же глазами, какими покупатель смотритъ вещи на аукціонѣ. Страшные Совѣты этой средневѣковой Спарты съ своимъ деспотизмомъ составляли полный контрастъ тому гуманному духу, который одушевлялъ правительство флорентійской республики, во всѣхъ отношеніяхъ напоминавшей греческія Аѳины. Совершивъ удачную сдѣлку, Владиславъ возвратился въ Неаполь (7 ноября 1403 г.), гдѣ тотчасъ же сталъ обдумывать свой планъ покоренія Італіи. Его томало непреодолимое желаніе соединить весь полуостровъ и сдѣлаться королемъ итальянскимъ. Но ни его личность, ни его средства не годились для того, чтобы привести такую великую мысль въ исполненіе.

Извѣстно, что надъ этою идеею бились и разбивались лучшіе умы Італіи всѣхъ вѣвовъ, хотя въ ней различно относятся и относились исследователи итальянской исторіи. Иные считаютъ роскошное развитіе республиканской жизни полуострова въ средніе вѣка достаточнымъ вознагражденіемъ за политическое разьединеніе, другіе, нападаая на папъ, главнымъ образомъ ставятъ имъ въ вину то сопротивленіе, какое они оказали унитарнымъ стремленіямъ первыхъ лангобардскихъ князей (*).

(*) Объ этомъ вопросѣ мы будемъ говорить подробнѣе въ очеркахъ средневѣковыхъ итальянскихъ республикъ.

Думаемъ, что тѣ и другіе, имѣя за себя извѣстныя историческія основанія, слишкомъ поторопились применить къ крайнему воззрѣнію. Монархія итальянская ничего не потеряла бы, если бы возникла въ описываемое время; самая эпоха Владислава была для того вполне благоприятна; единеніе явилось бы тогда результатомъ средневѣковой жизни, которая могла дать итальянской исторіи богатое внутреннее содержаніе. Мѣстная враждебность не была на столько сильна, чтобы могла помѣшать возрожденію національности, конечно, въ такомъ только случаѣ, если представителемъ унитарности явился бы какой нибудь могучій дѣятель и уже никакъ не Владиславъ неаполитанскій.

Этотъ король считалъ необходимою начать свои операціи непременно съ папы, котораго хотѣлъ лишить его владѣній. Тотчасъ же по окончаніи венгерскаго похода, онъ приступилъ въ дѣлу покоренія церковной области. Достаточно прочесть нѣсколько страницъ изъ мемуаровъ Аретина, чтобы ясно нарисовать себѣ всю картину страшной безурядицы и вровавыхъ междоусобій, какая застала Римъ подѣ конецъ властвованія Иннокентія VII (**). Папа, вѣроломно поступившій съ народными депутатами, долженъ былъ бѣжать отъ ярости черни въ Витербо (1405 г.). Побѣдя свою столицу, онъ оставлялъ ее въ жертву непримиримыхъ страстей аристократіи и черни. Колонна и Савелли послали просить помощи Владислава, который, съ небольшимъ войскомъ, стоялъ недалеко отъ Рима. Неаполитанцы быстро заняли вѣчный городъ и однимъ появленіемъ укротили народъ, который уже совершенно успѣлъ стѣснить солдатъ, нанятыхъ аристократами. Джанноне ошибочно говоритъ, будто народъ пригласилъ Владислава; въ такомъ предложеніи нѣтъ ничего

(**) *Aretinus*, *reg. gest. comment.* XIX, 920—924. Этотъ государственный человѣкъ слѣд. образомъ отзывается о характерѣ стремленій Владислава: «*Mortuo Galeatio Mediolanensium Principe, ac subinde paucis post annis Bonifatio vita functo Ladislaus rex furmidabilis per Italiam esse coepit. Писатели позднѣйшіе говорятъ то же самое, только болѣе рѣшительно, какъ напр. Maffei: «Era Ladislao mosso a tanta iniquità, d'impresa non solo per naturale cupidità di stato, e per farsi Rè d'Italia, com'egli sperava, ma per odio proprio contra il Pontefice Giovanni (751)»; въ мотивахъ каждый приныкаеть къ своей партіи.—Это сужденіе о Владиславѣ слѣлалось общими убѣжденіемъ; см. напр. Scibert. *Gesch. des Königr. Neapel* (I, 386) и др.*

правдоподобнаго (**). Республиканцы побѣдители не могли имѣть надобности въ чужой помощи, тѣмъ болѣе въ помощи своего врага. Тогда бы не было повода къ тому кровопролитію, которое, въ самый день вступленія Владислава, началось между неаполитанцами и римлянами. Солдатамъ королевскимъ не отводили квартиръ; одинъ изъ гражданъ ни за что не хотѣлъ пускать ихъ къ себѣ въ домъ. Лишь только солдаты хотѣли ворваться силою, тотчасъ же сбѣжались сосѣди съ оружіемъ въ рукахъ и смѣло бросились на нападавшихъ. Частная схватка обратилась въ общую горячую свалку между народомъ и войскомъ. Битва продолжалась до глубокой ночи. Наконецъ неаполитанцы отступили и, выходя изъ города, подожгли его съ четырехъ сторонъ. Владиславъ видѣлъ, что съ малыми силами нельзя достигъ цѣли, какую онъ поставилъ себѣ, а потому велѣлъ разбитымъ остаткамъ своей арміи выступать изъ папской земли, разчитывая съ будущаго же года съ новыми средствами начать новую кампанію. Торжествовавшіе римляне выказали себя великодушными побѣдителями. Они любезно пригласили бѣжавшаго папу вернуться въ городъ, требуя только съ его стороны признанія своего самоуправленія, которое достигло теперь въ римской общинѣ высшей точки развитія. Иннокентій VII возвратился весною (13 марта 1406 г.), а осенью уже умеръ (5 ноября 1406 г.). До самой его смерти не прекращалась борьба бароновъ и народа. Собравшійся конклавъ, не снисходя авиньонскимъ исканіямъ, избралъ Григорія XII. Ему то предстояло выдержать серьезный напоръ Владислава. На этотъ разъ (1406 г.) силы неаполитанскаго короля были гораздо значительнѣе. Папа долженъ былъ укрыться въ замкѣ св. Ангела. Владиславъ, истребивъ три тысячи непріятельской кавалеріи, вошелъ въ городъ. Это было въ то самое время, когда венеціанцы брали Падую, а флорентійцы Пизу.

Мы не можемъ сказать, какія обстоятельства заставили Владислава снова покінуть Римъ. Замѣтимъ, что про этотъ второй походъ упоминаетъ только одна, притомъ очень краткая лѣтопись. Эта же хроника прибавляетъ, что въ слѣдующій годъ (1407) Владиславъ дѣлалъ третью попытку на Римъ; опять занялъ его при помощи Колонна, но съ паденіемъ этой фа-

(**) Сравни. *Giannone* (III, 223) и *Sismondi* (VI, 112).

мили и съ торжествомъ Орсини опять долженъ былъ покинуть его (**). Надо предполагать, что силы его были отвлечены въ другую сторону для усмиренія его собственныхъ бароновъ, которые, надѣясь на Францію, поднимали восстаніе, прикрывая знаменами анжуйцевъ свои собственные интересы. Не довольствуясь ни коронными войсками, ни занятыми капиталами, Владиславъ принималъ всё мѣры, чтобы усилить свои войска. Организовавъ болѣе прочно свои военныя средства, Владиславъ въ 1408 году открылъ разомъ двѣ кампаніи и противъ Рима и противъ Тосканы и въ обоихъ былъ замѣчательно счастливъ. Впродолженіе 4-хъ мѣсяцевъ, предводительствуя 18-ти тысячной арміей, онъ покорилъ нѣсколько флорентійскихъ городовъ и замковъ, но, нуждаясь въ деньгахъ, отдавалъ ихъ назадъ за хорошую сумму. Такъ, между прочимъ, онъ продалъ Кортону той же Флоренціи за 30 тысячъ флориновъ. Въ церковной области ему было тѣмъ легче вести войну, что самъ папа, строгій пуристъ и аскетъ, не интересовался политикою и мірскими дѣлами. Перуджіа, Остіа и другіе папскіе города были взяты. По однимъ 12, по другимъ 15 тысячъ кавалеріи и столько же пѣхоты, съ большими транспортами военныхъ матеріаловъ и съѣстныхъ припасовъ, подступило къ стѣнамъ вѣчнаго города; 6 галеръ и 4 корабля, обильно нагруженные необходимыми запасами, поддерживали армію съ моря. Съ Орсини было заключено соглашеніе. Неаполитанскія войска заняли городъ. Владиславъ былъ провозглашенъ синьоромъ Рима и, какъ законный государь, поселился въ самомъ дворцѣ папскомъ. Самъ первосвященникъ въ то время былъ занятъ церковными дѣлами, погруженный въ мысли о прекращеніи схизмы. Онъ сѣзжался, хотя не сѣзхался, въ Савойѣ съ авиньонскимъ папою Бенедиктомъ (**). Больше двухъ мѣсяцевъ, а по инымъ свѣдѣніямъ даже одного, не могъ

(**) *Istoria napoletana* de Raimo, Fransonі etc. въ *Raccolta di varie Croniche* (I, 111).

(**) Свиданіе въ Савойѣ уже совсѣмъ устроивалось; уже оба первосвященника, и Григорій XII и Бенедиктъ XIII, подвигались торжественнымъ нагономъ въ своемъ шествіи изъ Рима и Авиньона, но ничего вельза было сдѣлать тамъ, гдѣ, по замѣчанію Аретина, — «однѣ, какъ морское животное, бояся пристать къ берегу, другой, какъ сухопутное, бояся отстать отъ берега» (*Aretinus, Coment. sui temporis*; XIX, 926).

король Владиславъ прожить въ Римѣ⁽⁵⁸⁾. Дѣла призывали его домой, гдѣ надо было приготовиться къ борьбѣ съ новымъ врагомъ. Постоянныя возстанія неаполитанскихъ бароновъ за права анжуйской династіи, стѣсненное финансовое и стратегическое положеніе Владислава, занятаго своими политическими проектами, настоятельныя побужденія того и другаго папы, наконецъ собственное честолюбіе и соблазнительное желаніе трона,—все это побудило забытаго Людовика II, второй разъ попытать счастья въ борьбѣ съ своимъ соперникомъ. Подъ знамена Людовика явился, уже славный и знаменитый кондотьеръ, Атендоло Сфорца, оставившій тѣмъ временемъ службу флорентійской республики. Этотъ котиньольскій выходецъ, сынъ поселянина, отважный, стойкій, счастливый полководецъ, составлялъ въ то время гордость и надежду всякаго государя, который только успѣвалъ переманить его на свою сторону⁽⁵⁹⁾. Его отборныя пѣшія и конныя дружины, закованныя въ желѣзо, начинавшія привывать даже къ пороху, одушевленные безусловною преданностью своему строгому, но простому начальнику, приобретаючи съ каждымъ годомъ славу героевъ, — имѣть которыхъ въ своемъ распоряженіи составляло предметъ помысловъ и исканій всякаго человѣка, какого только въ то время одолевало честолюбіе и желаніе славы.

Война между Людовикомъ и Владиславомъ за обладаніе неаполитанскою короною открылась въ 1409 году.

Когда успѣхи Владислава, угрожая существованію флорентійской республики, сдѣлались опасными до того, что могли нарушить равновѣсіе итальянскихъ государствъ, то флорентійское правительство прежде другихъ приняло мѣры для спасенія свободы полуострова. Людовикъ анжуйскій казался сенату лучшимъ орудіемъ для борьбы съ Владиславомъ. Ему предлагаютъ снова пріѣхать въ Италію. Пана Александръ V, при всемъ своемъ миролюбивомъ характерѣ, не-

⁽⁵⁸⁾ Для исторіи римскихъ походовъ Владислава необходимо сравнивать *Giorn. par.* съ *Annales de Raimo* (XXI, 1070—1072; XXIII, 224).— Въ годахъ и числахъ постоянная путаница. Такъ напр. *Giorn. par.* вѣстие Рима вмѣсто 1408 г. относить къ 1406 г., чѣмъ явно противорѣчитъ папской хронологіи.—См. между прочимъ *La-Bret*; IV, 109.

⁽⁵⁹⁾ Объ Атендоло см. въ нашей монографіи: *Атендоло Сфорца и королева Иоанна II*.

любившій Владислава, обѣщался короновать претендента. Папскій кондотьеръ, даровитый полководецъ, Браччіо-да-Монтоне уже успѣлъ именемъ Людовика нанести нѣсколько поражений Владиславу. Искусная партизанская война вытѣснила неаполитанскія войска, разсѣянная мелкими отрядами по Романіи. Съ трудомъ удержались гарнизоны, поставленные въ главныхъ пунктахъ. Наконецъ, въ концѣ іюля 1409 г., Людовикъ, удовлетворяя надеждамъ своей партіи, съ 5 галерами и 1500 всадниковъ прибылъ въ Италію и высадился въ Пизѣ. За то Владиславъ имѣлъ полный перевѣсъ на морѣ. Папскій флотъ, послѣ жарваго морскаго боя былъ разсѣянъ и почти всѣ корабли были взяты на абордажъ. Папа долженъ былъ снаряжать другую флотилію, которая опять отправилась пытать счастье къ Неаполю.

Папа далъ Людовику II анжуйскому инвеституру на королевства сицилійскія и іерусалимское а также званіе церковнаго гонфалонера. У претендента явилось до 20 тысячъ одной кавалеріи; число пѣхоты не опредѣлено въ точности, хотя извѣстно, что оно было очень значительно и превосходило кавалерію (*fanti senza numero*). Въ такомъ случаѣ, численность всей арміи можно принять въ 50 тысячъ человекъ. Замѣтимъ, что вся она состояла изъ наемниковъ, за исключеніемъ небольшого отряда, привезеннаго на галерахъ изъ Прованса. Подъ знаменемъ Людовика были на этотъ разъ всѣ знаменитые полководцы Италіи. Тутъ были Аттендоло Сфорца, Браччіо-да-Монтоне, Малатеста-да-Пезаро, Джентиле-да-Монтерано и многіе другіе. Изъ Франціи должна была еще подойти сильная флотилія для крейсирования вдоль неаполитанскихъ береговъ. Положеніе Владислава вдругъ сдѣлалось опаснымъ; его тронъ начиналъ колебаться. Опасность еще болѣе усилилась, когда флорентійское, болонское и сѣвское правительства оказали рѣшительное содѣйствіе папѣ и его анжуйскому кліенту.

Соединенныя усилія этой лиги отгѣснили неаполитанскіе гарнизоны изъ всѣхъ мѣстъ церковной области. Всѣ поворенные города снова возвратились подъ папскую власть. Паоло Орсино, отъ имени короля Владислава занимавшій Римъ, не думалъ обороняться; онъ сдался при приближеніи грознаго непріятеля. Но какъ истый наемникъ, онъ, не справляясь съ требованіями чести, принялъ предложенныя ему условія и съ своими 2000 всадниковъ поступилъ на службу

къ флорентійской республикѣ. Его оставили римскимъ комендантомъ. Только честный графъ Троя не хотѣлъ сдаваться. Тѣснимый съ самой Тосканы неприятельской кавалеріей, онъ отступалъ вплоть до Рима; здѣсь, видя измѣну, онъ долженъ былъ пройти городъ, но у стѣнъ Авреліана остановился и вдругъ сталъ готовиться къ защитѣ переправы черезъ Тибръ, рассчитывая тѣмъ временемъ на помощь Владислава, который со всѣми своими войсками спѣшилъ изъ Неаполя (*cavalio da Napole con tutto lo esercito suo*). Неприятель, желая прервать его сообщенія, бросился ему въ тылъ. Кавалерія перешла Тибръ въ бродъ (между нѣвышними мостами *Palatino* и *Sisto*). Но атака была неудачна. Графъ Троя окопалъ себя укрѣпленіями и храбро защищался отъ враговъ, которые до тѣхъ поръ не могли считать себя обладателями города, пока не прогнали стойкаго противника. Людовикъ анжуйскій, раздосадованный неудачей, уѣхалъ изъ арміи въ Пизу, а оттуда на своихъ галерахъ отплылъ въ Провансъ. Тамъ онъ сталъ собирать новыя войска, для того чтобы продолжать кампанію съ бѣльшимъ успѣхомъ. Этимъ временемъ онъ вооружилъ противъ себя Геную, которая, свергнувъ французское протекторство, открыто приняла сторону Владислава. За то его вознаградили успѣхъ со стороны Рима. Будущій папа, кардиналъ Бальтазаръ Косса, съ болонскимъ войскомъ, явился на помощь союзникамъ. Честь взятія Рима принадлежитъ главнымъ образомъ флорентійскому кондотьеру Малатеста. Онъ при содѣйствіи Браччіо-да-Монтоне и Паоло Орсино частыми сильными атаками утомилъ Трои, который долженъ былъ покинуть свои укрѣпленія. Побѣдители очень скромно вели себя въ городѣ, который провозгласили свободнымъ и республиканскимъ. Поняли нѣкоторую разницу между сущностью монархіи и республики, когда знамена флорентійскія завѣяли надъ замкомъ св. Ангела (2 января 1410 г.). Браччіо, Малатеста и Орсини двинулись далѣе и начали освобождать церковныя города отъ неаполитанскаго ига.

Когда Людовикъ вернулся на мѣсто военныхъ дѣйствій, то уже не засталъ въ живыхъ папу Александра V. Кардиналъ Косса, нѣкогда полководецъ, вступилъ на престолъ подъ именемъ Іоанна XXIII. Но это обстоятельство нисколько не измѣнило положенія дѣлъ. Новый папа, слѣдуя вполне видамъ и программѣ своего предшественника, менѣе чѣмъ

ктонибудь, могъ примириться съ честолюбіемъ Владислава. Борьба должна была продолжаться до полного истощенія противниковъ. На побѣду анжуйской партіи теперь можно было рассчитывать тѣмъ болѣе, что Людовикъ привезъ съ собою изъ Франціи свѣжія войска, хотя, съ другой стороны, неудача при самой высадѣ на итальянскій берегъ могла служить для суевѣрныхъ людей дурнымъ предзнаменованіемъ. Большой флотъ Людовика на всѣхъ парусахъ легълъ въ пизанской гавани, гонимый попутнымъ юговосточнымъ вѣтромъ. Только шесть галеръ не могли поспѣть на ходу и оставались позади. Генуэзская эскадра уже давно слѣдила за анжуйскими кораблями. Въ проливѣ, между островомъ Менорія и материкомъ, отсталыя галеры были застигнуты пятью генуэзскими кораблями. Неизвѣстно, на чью сторону склонилась бы побѣда, если бы не подоспѣло на помощь девять кораблей Владислава. Анжуйцы были разбиты. Двѣ галеры затоплены; три взяты въ плѣнъ и только одна дошла до Піомбино. Однако претендентъ отмстилъ Владиславу за свое пораженіе. Его крейсера много содѣйствовали покоренію материка, опустошая калабрійскіе берега въ то самое время, когда сухопутныя силы Людовика устремились изъ Рима на югъ для покоренія королевства.

Мы уже говорили, что съ анжуйцами были лучшія войска и лучшіе полководцы тогдашней Италіи. Ихъ нанималъ на свою долю каждый изъ членовъ лиги. Силы Владислава показываютъ различно. Одни говорятъ, что у него было 13 тысячъ кавалеріи и столько же пѣхоты; другіе же, что численность его арміи ни въ чемъ не уступала анжуйской^(*). Последнее предположеніе врядъ ли вѣроятно, не смотря на то, что оно подтверждается неаполитанскими хрониками. Но если и дѣйствительно анжуйцы превосходили Владислава численностью войскъ, то у нихъ не было ни того единодушія, ни того порядка, ни той правильности, которая отличала неаполитанскую армію, руководимую одною идеею и главное одною головою. Система кондотьеризма всегда вела къ тому, что разстроивала самыя единодушныя предпріятія. Сегод-

(*) Сравни *Bonincontrius, annales Miniatisensis* (XXI, 103) в *Giorn. nap.* (XXI, 1073).— *Ammirato, dell'istorie fiorentine*, l. 18.

нишній союзникъ становился завтра врагомъ и обратно. Каждый наемникъ въ продолженіи своей походной жизни былъ слугою двадцати господъ, работалъ за самыя противоположныя начала, а отсюда слѣдовало то отсутствіе общаго руководящаго принципа, которое составляетъ характеристическую черту эпохи. Но надо прибавить ко всему этому, что у Людовика не доставало денегъ, чтобы содержать такую громадную армію. Можно было бы предсказать ранѣе, что при такихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ и побѣда будетъ не въ побѣду. Послѣдствія совершенно оправдали такое предсказаніе. Флорентійское правительство прежде другихъ нарушило условія лиги. Занятая финансовыми интересами своихъ богатыхъ вупцовъ, республика заключила миръ съ Владиславомъ, который возвращалъ ей всѣ покоренныя замки и города (7 января 1411). Сиена послѣдовала ея примѣру. Вообще итальянскія богатая республики не любили воевать за идеалы. Экономическое развитіе, внѣшняя безопасность были единственною цѣлью ихъ правительствъ.

Людовикъ и папа были предоставлены теперь своимъ собственнымъ силамъ. Союзники успѣли однако переманить къ себѣ Атендола Сфорцу, который до того считался на флорентійской службѣ. Онъ своими вѣрными могъ оказать большую помощь въ предстоящей кампаніи, уже открывшейся въ неаполитанскихъ владѣніяхъ. Двѣ враждебныя арміи подходили съ разныхъ сторонъ къ рѣкѣ Гарильано, которая впадаетъ въ гаетскій заливъ. Людовикъ шелъ быстрымъ маршемъ по римской дорогѣ и остановился въ городѣ Чепрано, недалеко отъ берега Гарильано, когда узналъ, что на противоположной сторонѣ рѣки, въ вмѣстечѣ Роккасекка, расположены всѣ силы Владислава. Оба противника рассчитывали раньше переправиться черезъ рѣку, и никто не успѣлъ поспѣть къ берегу. Теперь и тотъ и другой остановились, готовясь къ рѣшительной битвѣ. Каждый выжидалъ, что противная сторона начнетъ дѣло. Никто не рѣшался броситься первымъ, потому что силы были равны. Между тѣмъ, каждый солдатъ былъ наготовѣ. Въ такомъ напряженномъ состояніи два короля простояли шесть дней. Наконецъ, Людовику наскучило ждать. Онъ вспомнилъ, что его вондотьеры считаются лучшими въ свѣтѣ (*migliori del mondo*). Ему совѣстно было робѣть. На седьмой день (19 мая 1411 г.). вечеромъ, кавалерія Людовика стремительно атаковала неа-

политанцевъ, не приготовившихся въ битвѣ, не ожидавшихъ такого стремительнаго натиска. Не успѣлъ Владиславъ сдѣлать должныхъ приготовленій, какъ его лагерь былъ взятъ а армія, уже разсыпанная, бѣжала по неаполитанской дорогѣ. Напрасно онъ ободрялъ войска; напрасно онъ, сопротивляясь одолевшему неприятели, не отступалъ съ поля сраженія до самой ночи. Его войска были неопытны, сравнительно съ отважными кирассирами искусныхъ кондотьеры. При всей своей личной храбрости, Владиславъ долженъ былъ бросить все и заботиться только о собственномъ спасеніи. Торжество анжуйцевъ было полное. Сфорцѣ принадлежитъ значительная доля участія въ побѣдѣ. Его кавалерія отличилась на славу. Впослѣдствіи, самъ Владиславъ говорилъ ему:— „ты больше всѣхъ своею конницею повредилъ мнѣ при Роккасека“^а. На мѣстѣ обширнаго лагеря, занимавшаго окрестныя деревни, оставались только груды труповъ, между которыми можно было узнать много родовитыхъ бароновъ неаполитанскихъ, много лучшихъ воиновъ Владислава. Король съ ничтожными остатками своей арміи отступилъ въ Санъ-Джермано. Его очень легко можно было настичь, захватить въ плѣнъ, окончательно истребить, если бы не жадность французовъ и наемныхъ солдатъ, которые уже давно сидѣли безъ денегъ въ ожиданіи хорошей добычи. Они, обрадовавшись легкой побѣдѣ, бросились грабить лагерь и обирать тѣла убитыхъ бароновъ, которыхъ было такъ много на этотъ разъ. Хроника перечисляютъ 12 именъ, принадлежащихъ только самымъ знаменитымъ аристократамъ, погибшимъ въ этомъ сраженіи. Можно судить какъ велика была потеря Владислава, который, казалось, лишился всякихъ средствъ къ продолженію борьбы (^а).

Въ день своего пораженія, вспоминалъ впослѣдствіи самъ Владиславъ, я считалъ и себя и королевство во власти неприятелей; на другой день, я могъ быть споеоенъ за себя, но королевствомъ моимъ они бы еще успѣли овладѣть, если бы захотѣли; на третій же день, всѣ плоды побѣды были

(^а) *Leodrisius Cribellus*. De vita Sfortiae (*Mur.* XIX, 650—652).—*Paolo Giovio*. La vita di Sforza, trad. di L. Dominichi. Ven. 1558 (28, 29).—*Corio*, 599.—*Collenuccio*, 242.—Срав. *Antonius Petrus*, *Diarium Romanum* (XXIV, 1025) и *Giorn. nap.* (XXI, 1073).—*Giannone*; III, 228.—*La-Bret*; IV, 118.

потеряны“ (**). Эти слова прекрасно характеризуют положение дѣлъ послѣ битвы при Роквасеккѣ. Побѣдители насколько не воспользовались своимъ торжествомъ. Отчасти то была ихъ собственная вина, отчасти слѣдствіе обстоятельствъ, Людовикъ не преслѣдовалъ Владислава тотчасъ же послѣ битвы, дозволивъ несвоевременный отдыхъ своему войску. Этимъ онъ опустилъ удобный моментъ для своего торжества. На духъ войска неприятно подѣйствовало поражение, которое въ то же самое время понесли анжуйцы на морѣ. Эскадра, явившаяся въ Неаполь, была уничтожена флотомъ Владислава. Но главное зло, которое никакъ нельзя было предотвратить, и которое сильнѣе всего повредило анжуйской партіи, заключалось въ недостаткѣ денежныхъ средствъ. Ни Людовикъ, ни папа не могли содержать на свой счетъ столько дорогихъ кондотьеры. Ни солдатамъ, ни ихъ генераламъ, почти ни разу не заплатили денегъ, какъ слѣдуетъ. Они съ понятною жадностью бросились на грабежъ. Въ тѣ войны имѣлось обыкновеніе отпускать плѣнниковъ на выкупъ, а иногда даромъ. Наемные солдаты всегда видѣли въ неприятелѣ своего брата, товарища по ремеслу. Убивать не старались; искали болѣе плѣнныхъ и всякій располагалъ своими плѣнными по произволу. На этотъ разъ солдаты, сильно нуждавшіеся въ деньгахъ, возвращали плѣннымъ не только свободу, но даже оружіе, и коня, за какіе нибудь 8 или 10 дукатовъ. Многие тотчасъ же воспользовались этимъ. Тѣ же, которые не имѣли рѣшительно никакихъ средствъ, давали знать въ Неаполь и король съ радостью слалъ парламентаровъ съ мѣшками денегъ и выкупилъ такимъ образомъ почти все свое войско. Къ нему повозвращались скоро почти всѣ, въ томъ же вооруженіи, на тѣхъ же коняхъ, какъ будто пораженія при Роквасеккѣ не существовало. Между тѣмъ солдаты Людовика не удовлетворялись полученнымъ выкупомъ, вознаградившимъ далеко не всѣхъ. Кондотьеры отказывались идти впередъ до полученія полного жалованья. Нѣкоторые теперь же готовы были передаться Владиславу, который всѣхъ соблазнялъ своими богатствами, такъ незащѣтливо награбленными съ изнуренной страны и съ покоренныхъ городовъ. Людовикъ напрасно призывалъ къ повинно-

(**) *L. Aretinus*; XIX, 927.

венію свою волнованшуюся армію. Онъ попробовалъ прорваться въ неаполитанскія земли съ тѣми силами, какія у него были подъ рукою. Но, не смотря на то, что до Неаполя оставалась только Гаэта да нѣсколько неважныхъ крѣпостей, онъ потерялъ всякую надежду на обладаніе короною, которою дарилъ его папа. Всѣ проходы въ неаполитанскомъ королевствѣ были заняты войсками Владислава и тщательно охранялись. Людовикъ, отбитый на всѣхъ пунктахъ, до вельзя раздраженный неудачнымъ исходомъ предпріятія, бросилъ армію и на второй мѣсяцъ роквасекской побѣды былъ уже въ Римѣ (**). Въ Тибрѣ онъ сѣлъ на свои галеры и уѣхалъ во Францію, проклиная и неудачу и корону (авг. 1411 г.). Черезъ нѣсколько дней по приѣздѣ въ Провансъ, онъ внезапно скончался, оставивъ послѣ себя малолѣтняго сына Людовика, которому суждено было бороться также несчастливо за ту же корону.

Папа Іоаннъ XXIII остался теперь одинъ противъ вооруженнаго Владислава. Его положеніе сдѣлалось опаснымъ тѣмъ болѣе, когда онъ узналъ, что его единственная надежда, Аттендоло Сфорца, переходитъ на службу къ его врагу. Котиньольскій герой выставилъ папѣ причиною своего отказа нежеланіе служить вмѣстѣ съ Паоло Орсино (**). Онъ говорилъ, что недовѣряетъ Орсино (*sed ideo Roma discessi, quia non fidebam Paulo Ursino*). Дѣйствительно, у него съ Орсино была постоянная вражда. Собственно противъ папы онъ не могъ имѣть ничего. Іоаннъ XXIII очень любилъ его и подарилъ ему между прочимъ въ наслѣдственную собственность его родное село Котиньолу съ близлежащими мѣстечками и замками. Біографъ упоминаетъ про оскорбленія и обиды, которыя Орсино наносилъ Сфорцѣ. Аттендоло поступилъ благородно. Онъ не принялъ денегъ, которыя предлагалъ ему Іоаннъ и, заранѣе объявивъ папѣ, что не хочетъ служить у него, послалъ вѣстниковъ къ Владиславу. Заключивши условія, онъ перешелъ къ нему съ 2400 кавалеріи и 400 пѣхоты,—это случилось ровно черезъ годъ послѣ битвы при Роквасекѣ (19 мая 1402 г.). Тотъ же Крибелли при-

(**) *A. Petrus; Diarium Romanum; XXIV, 1026.—Denina; II, 446.*

(**) *Cribellus; XIX, 653—655.—Corio, 604.—Bonincontrius; XXI, 106.—Raccolta napoletana; I, 113.*

бавляетъ, что состояніе арміи Владислава и ея организація не произвели благоприятнаго впечатлѣнія на Сфорцу. Первымъ его совѣтомъ было приостановить походъ и расположить войска на зимнихъ квартирахъ. Тѣмъ временемъ воспользовалось флорентійское правительство, чтобы примирить Владислава съ Іоанномъ XXIII. Надо замѣтить, что король неаполитанскій продолжалъ признавать Григорія XII и это обстоятельство было главнымъ поводомъ такой продолжительной и упорной вражды. Владиславъ могъ свободно отказаться отъ своего клиента, когда онъ уже официально былъ низложенъ пизанскимъ соборомъ. Флоренція взяла на себя роль посредницы въ переговорахъ. Она услужила этимъ и Владиславу, который уже начиналъ нуждаться въ деньгахъ, и Іоанну, который, въ виду неравнобѣрнаго перевѣса противника, не могъ разсчитывать на какой бы то ни было успѣхъ. 15 іюня 1412 г. были подписаны мирныя условія между Владиславомъ и Іоанномъ. Король отказывался отъ Григорія XII, котораго предоставлялъ теперь самому себѣ. Съ своей стороны Іоаннъ XXIII между прочими условіями обязывался отказаться отъ Людовика анжуйскаго, дать Владиславу инвеституру на королевство сицилійское и заплатить 100 тысячъ флориновъ контрибуціи, сумму значительную для того времени (*). Скоро Григорій получилъ призваніе оставить неаполитанскія владѣнія. Поживши нѣсколько времени въ Венеціи и Далмаціи, онъ пріѣхалъ въ Римъ и отдался сильному кондотьеру Карлу Малатеста. Такимъ быстрымъ исполненіемъ условій договора Владиславъ искусно провелъ Іоанна, который, при всей своей продолжительной практикѣ въ обманахъ, не могъ еще дойти до убѣжденія въ той теоремѣ, что политическій дѣятель долженъ для успѣха своихъ плановъ отказываться отъ чести, не имѣть ничего святаго. Іоаннъ, считая себя уже другомъ Владислава, сообщилъ ему, что не дурно было бы наказать и лишить владѣній опаснаго для нихъ обоихъ Паоло Орсино, того самого, который былъ личнымъ врагомъ Сфорцы. Владиславъ воспользовался этимъ и послалъ Атендоло брать замѣнъ папскаго кондотьеру. Потомъ и самъ пошелъ къ нему на по-

(*^o) *Rayn.* 1412.—*Giorn. nap.* полагаетъ 30 тысячъ контрибуціи, но это невѣроятно послѣ словъ папскаго зривьера; XXI, 1075.

мощь (**). Но лишь только онъ вступилъ въ церковную область, какъ круто своротилъ съ дороги и устремился къ Риму. При всей сбивчивости цифръ въ хроникахъ, есть основаніе предполагать, что съ обѣихъ сторонъ было по 15 тысячъ кавалеріи (**). Но у Владислава были надежныя войска и искусные предводители, смѣло бившіе на побѣду. Впрочемъ, на этотъ разъ измѣна помогла Владиславу. На седьмой день тихо отворились ворота и неаполитанскій кондотьеръ Тарталліа (заика) ворвался въ городъ (8 іюня 1413 г.). Въ Римѣ опять утвердился Владиславъ (**). Это было его послѣднее и рѣшительное торжество. Теперь онъ сдѣлался положительно опасенъ для Італіа. Флорентійцы, не смотря на свой ласковый тонъ, не могли избѣгнуть войны съ государемъ, который явно выказывалъ свои политическія намѣренія. Только деньги могли еще поддержать республику. Средства Владислава въ это время истощились окончательно. Дипломы на дворянское званіе и купчіа на недвижныя имущества теперь могли пріобрѣтать и купцы, и даже, къ величайшему ужасу безгласнаго духовенства, еврей. Беззастѣнчиво, по два и по три раза, продавалъ король одни и тѣже замки и земли разнымъ лицамъ, обманывая покупателей всяческимъ образомъ и вообще извлекая самые смѣлые, самые оригинальные доходы (**). Между тѣмъ страсть къ войнѣ, какъ азартная игра, заставляла его дѣлать новыя траты, ставить новыя куши. Нанимать кондотьеры сдѣлалось его удовольствіемъ, его лучшею и раззорительнѣйшею страстью. По взятіи Рима, онъ пригласилъ на свою службу еще двухъ папскихъ капитановъ, извѣстнаго Паоло Орсино и Урсо Монтеролиондо (апрѣль 1414 г.). Казалось, онъ хотѣлъ имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ военные таланты Італіи. Только миланскіе герцоги мѣшали ему перекупать ломбардскихъ наемниковъ. Владиславъ по царски награждалъ своихъ вѣрныхъ слугъ. Когда у Сфорцы сторбли его котиньольскія по-

(**) *Cribellus*; XIX, 656.

(**) *Giorn. nap.* (1075). Надо предполагать, что извѣстіе подъ 26 марта относится скорѣе къ 1413 г., нежели къ 1414, какъ думалъ *Simondi* (VI, 139).

(**) *Muratori*; *Annali d'Italia*; XIII, 47.

(**) *Costanzo* въ концѣ XI книги.

мѣстья, то король далъ на имя его и его сына Франческо акты на владѣніе городами и мѣстечками Трикарнео, Грассано, Краки, Кареноза, Саландра, Кальчяно и нѣскольکو другихъ (¹⁰). Надо замѣтить, что осторожный Владиславъ никогда не обманывался въ своемъ выборѣ. Онъ приглашалъ въ свою службу только тѣхъ кондотьери, въ которыхъ былъ хорошо увѣренъ, и на которыхъ могъ положиться. Такъ, онъ Орсино нанялъ только тогда, когда тотъ въ битвѣ при Рокка-Контрада побѣдилъ осаждавшаго его Сфорцу (¹¹).

Мы упомянули про то тяжелое впечатлѣніе, какое произвело на среднюю и сѣверную Италію взятіе Рима. Къ Владиславу явились посланники отъ Флоренціи, Лукки, Сіены, Болоньи и другихъ городовъ Тосканы и Ломбардіи, иные съ изъявленіемъ преданности, другіе съ заявленіемъ покорности. Прежде чѣмъ послы успѣли получить аудіенцію, до ихъ слуха доходили извѣстія о покореніи городовъ Романьи. Городъ Тоди былъ осажденъ Сфорцою, Витербо, Перуджіа, Сутри и другіе важные пункты уже сдались оружію Владислава, который грозился теперь уничтожить такіа республиканскія государства, какъ Сіена и Флоренція. Посланныкъ флорентійскій съ трепетомъ узналъ про это роковое намѣреніе неаполитанскаго короля. Онъ донесъ своему правительству. Изъ Флоренціи отвѣчали ему довольно яснымъ намекомъ....

Владиславъ это время жилъ въ Перуджіи. Тамъ его давно занимала любовная интрига съ дочерью одного врача. Дѣвушка долго не соглашалась на предложеніе развратнаго короля. Вдругъ она получаетъ отъ своего отца довольно лаконическое приказаніе не сопротивляться болѣе Владиславу. Отецъ прибавилъ, что она, напротивъ, должна стараться навсегда привлечь къ себѣ короля, упрочить за собою его расположеніе, а для того ей надо позаботиться о внѣшнихъ средствахъ въ властвованію надъ этой истощенной натурой. А чтобы скорѣе достигнуть этого, онъ далъ ей мазь, которою велѣлъ тщательно натираться.... Дочь повиновалась и въ точности исполнила наставленія отца.... Оказалось, что Владиславъ заразился въ сильной степени болѣзнію,

(¹⁰) *Cribellus*, 655.

(¹¹) *Collenuccio*, 214. — *Cribellus* (656) утверждаетъ, что Орсино лишь хитростью одержалъ побѣду.

которую излѣчить было не въ состояніи тогдашнее медицинское искусство. Черезъ мѣсяць, много черезъ два, онъ долженъ былъ сгнить заживо, не достигши 30 лѣтъ отъ роду. Золото флорентійскаго посланника было такъ соблазнительно, что заставило перуджіанскаго врача пожертвовать и своею дочерью (72).

Въ страшныхъ мученіяхъ, на носилкахъ, былъ перевезенъ король изъ Перуджіи въ Римъ. Но у него хватило на столько воли и силы, чтобы велѣть арестовать своихъ кондотьеры, двухъ братьевъ Орсини, — Паоло и Урзо, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ измѣнѣ. Казалось, что всю свою боль и раздражительность онъ хотѣлъ излить на этихъ несчастныхъ, которые ни въ чемъ не были виновны. Король зналъ, что ему не долго оставалось жить; по крайней мѣрѣ, онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ насладиться властью и мщеніемъ. Эта идея доходила въ немъ до припадковъ помѣшательства. Онъ велѣлъ приготовить двѣ галеры къ отправленію въ Неаполь. На одну сѣлъ самъ, на другую посадилъ арестантовъ, закованныхъ въ кандалы. Всю дорогу онъ боялся, чтобы какъ нибудь не скрылись или не утопились его жертвы. Вотъ что готорятъ *Giornali popolari* о послѣднихъ дняхъ Владислава (73).

„Второго августа приплыли галеры въ Неаполь. Король сидѣлъ на кормѣ, когда замѣтилъ, что Паоло пытался первымъ высочить на берегъ. „Смотри хорошо за этимъ измѣнникомъ“, закричалъ онъ мессеру Бетто. Король перѣхалъ въ *Castel nuovo*, въ четвергъ, въ 4 часа по полудни. Въ пятницу было ему худо; въ субботу сдѣлалось еще хуже. Все время онъ твердилъ: „живъ ли Паоло? приведите его ко мнѣ; а хочу убить его своими руками“. Вечеромъ въ воскресенье онъ позвалъ сестру и приказалъ ей скорѣе умертвить измѣнника. Джіованна солгала, что она уже убила его;

(72) *Giannone*; III, 250.—*Muratori*. *Annali*; XIII, 22. «Non era allora conosciuto il morbo gallico, ma per attestato degli antichi medici si provarono talvolta i medesimi mali influssi dell'incontinenza, a quelli si dava il nome di veleno».

(73) *Giorn. nap.* 1076. О кончинѣ Владислава также: *Campanus*. *Vita Braschii Perusini* (*Mur.* XIX, 501).—*Bonincontroius*, 107.—*Cribellus*, 659.—*P. Giovio*. *La vita di Sforza*; 61, 62.

этимъ отвѣтомъ она какъ будто успокоила больного. Немного спустя король испустилъ духъ; 6 августа въ 8 часовъ вечера Владислава не стало. Его похоронили ночью, въ церкви S. Giovanni a Carbonago, безъ всякаго торжества, какъ какого нибудь татарина“.—Лѣтопись прибавляетъ, что такъ будто хотѣла его сестра, которая и вступила на престоль подъ именемъ Іоанны II.

Н. О.

КОММУНА

СРЕДНЕВѢКОВОЙ ФРАНЦІИ

СѢВЕРНОЙ ПОЛОСЫ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ПОЛИТИЧЕСКИМЪ РОСТОМЪ ТРЕТЬЯГО СОСЛОВІЯ.

III.

(Продолженіе).

Въ то время, какъ коммуна достигала полнаго развитія своихъ учрежденій и вступала въ борьбу съ феодализмомъ, великій переворотъ совершался во Франціи. Переворотъ этотъ былъ направленъ въ ущербъ центральной власти. Онъ начался еще съ 12 вѣка, вскорѣ послѣ коммунальнаго движенія, подъ влияніемъ изученія римскаго права. Италия—страда классическихъ преданій, давшая первый толчекъ коммунальной революціи,—и на этотъ разъ послужила источникомъ идей, перевернувшихъ потомъ все средневѣковое общество. Замѣчательно это влияніе итальянскихъ идей на ходъ историческаго развитія Европы. Италия долгое время служила для полуварварскихъ народовъ Европы тѣмъ, чѣмъ была Греція для грубыхъ народовъ древняго міра. Италия первая въ Европѣ подняла знамя свободы городскихъ общинъ; она познакомила Европу съ идеями римскаго права; она дала ей эпоху Возрожденія; она посѣяла первые семена Реформаціи. Изученіе римскаго права въ темные вѣка грубаго варварства не прерывалось на Аппенинскомъ полуостровѣ (¹). Но съ 12 вѣка особенно прославилась преподаваніемъ нравъ знаменитая Болонская школа. Множество студентовъ изъ Франціи переправлялись черезъ Альпы, чтобы слушать знаменитыхъ докторовъ и глоссаторовъ римскаго права. Подъ

(¹) Sclopis. Histoire de la législation Italienne. t. I. passim.

вліяніемъ Болоньи преподаваніе римскаго права быстро распространилось въ городахъ южной и средней Франціи ⁽¹⁾. Статьи римскихъ кодексовъ, преподаваемые и толкуемыя въ школахъ, мало по малу стали проникать и въ жизнь. Явился цѣлый классъ юристовъ или, какъ ихъ принято называть, легистовъ, пропитанныхъ идеями римскаго права. Они во имя этихъ идей начали борьбу съ средневѣковыми феодальными порядками. Еще при Людовикѣ VIII мы видимъ уже легистовъ, засѣдающихъ въ парламентѣ, который былъ сначала судомъ пэровъ Франціи (*cour des pairs*), а потомъ, послѣ присоединенія къ нему королевскаго суда (*cour du roi*), сдѣлался высшимъ судебнымъ трибуналомъ для всего королевства. Но особенное значеніе въ парламентѣ легисты приобрѣтаютъ уже при Людовикѣ Святомъ. При немъ парламентъ получилъ полную организацію. Легисты, которыхъ Людовикъ Св. приглашалъ туда, сначала были только совѣтниками бароновъ и прелатовъ; постановленія сначала выходили отъ имени послѣднихъ, хотя и были проникнуты новыми идеями. Но легисты, по выраженію Сень-Симона, не замедлили съ низшихъ скамей парламента перейти на высшія мѣста и кончили тѣмъ, что совершенно отстранили отъ дѣлъ бароновъ и прелатовъ. Этотъ переворотъ совершался не вдругъ; онъ рельефно обозначался только во вторую половину царствованія Людовика IX. Благодаря легистамъ, парламентъ скоро сдѣлался судебнымъ и административнымъ центромъ королевства. Легисты путемъ административныхъ мѣръ и судебныхъ рѣшеній, проводили въ жизнь теорію о единой верховной власти въ государствѣ, какъ о единомъ источникѣ законодательства, администраціи, суда. Власть эта сама ни отъ кого не зависитъ, но отъ нея всѣ должны зависѣть, передъ ней всѣ должны быть равны. Это—идея римскаго императорскаго законодательства. Тогда началась глухая борьба съ феодализмомъ, борьба идей съ существующими фактами. Не оружіемъ совершается эта борьба: она ведется по кодексамъ римскаго права и на основаніи схоластическихъ толкованій (*glossarium*) этихъ кодексовъ. Легисты для идей абсолютизма были тоже, что іезуиты для идей папства. У

⁽¹⁾ Histoire du droit romain au moyen âge. Savigny. t. I. passim.

⁽²⁾ Cheruel. Admin. monarch. en France t. I. p. 20.

тѣхъ и другихъ одинаковая неразборчивость въ средствахъ. Легисты даже не очень церемонно обращались съ законами Юстиніана, съ комментаріями Гая и Трибоніана. Съ помощью схоластическихъ приемовъ каждому тексту легко дать какое угодно толкованіе, легко направить его къ какой угодно цѣли. Легисты были великіе мастера своего дѣла. Для каждаго спорнаго пункта они ловко умѣли подыскать законъ. Законъ былъ не ясенъ: они знали гдѣ найти нужное толкованіе и сами не затруднялись въ объясненіяхъ сообразно съ извѣстной цѣлью. Эта борьба длилась цѣлыя столѣтія. При Людовикѣ Святомъ она ведется съ умѣренностью, во имя справедливости. Но тогда уже легисты начали подрывать главныя основы феодализма. Подъ вліяніемъ ихъ Людовикъ запретилъ частныя войны между феодалами и судебныя поединки. Законъ Людовика Св. о частныхъ войнахъ извѣстенъ подъ именемъ *Quarantaine-le-Roi* 1245 года. Частныя войны запрещались въ теченіе извѣстныхъ 40 дней въ году; въ это время бароны должны были обращаться за рѣшеніемъ своихъ споровъ къ королевскимъ судьямъ. Тотъ, въ чью пользу рѣшалось дѣло, поддерживался королевскою властью. Въ 1258 году Св. Людовикъ запретилъ частныя войны уже безъ всякихъ ограниченій; потому, говорится въ его указѣ, что они влекутъ за собой пожары и мѣшаютъ земледѣлію⁽¹⁾. Въ судебномъ отношеніи легисты провели въ жизнь цѣлый рядъ реформъ. Судебная дуэль запрещена, потому что она незаконный путь, какъ выражаются *Etablissements de saint Louis*⁽²⁾. Въ замѣнъ этого варварскаго обычая устанавливается судъ на основаніи показаній свидѣтелей. Всѣ суды въ королевствѣ централизуются: на феодальный судъ апеллируется къ королевскому байльи, на судъ байльи апелляція идетъ въ парламентъ. Увеличено число королевскихъ случаевъ. Къ прежнимъ тремъ: убійству, грабежу, измѣнѣ, прибавлены еще: святотатство, поддѣлка монеты, нарушеніе общественной безопасности, бунтъ противъ королевской власти.

Въ своей борьбѣ съ феодализмомъ легисты опираются на третье сословіе. Они поддерживаютъ города въ борьбѣ съ

⁽¹⁾ Ordon. t. 1. p. 84.

⁽²⁾ Livre 41, ch. II, III, IV, V etc.

феодализмомъ. Ихъ стремленіе, все, что ниже буржуазіи, поднять до нея,—все, что выше, сравнить съ ней. Вѣроятно они съ самаго начала не легко мирились съ политической самостоятельностью коммуны: она противорѣчила ихъ идеямъ о единой верховной власти въ государствѣ. Впрочемъ они относятся съ большою осторожностью къ городской автономіи; уничтоженіе городской независимости было дѣломъ не одного царствованія; оно главнымъ образомъ совершено королями XIV вѣка изъ династіи Валуа. При Людовикѣ Святомъ легистамъ удалось достигнуть относительно городовъ двойной цѣли: 1) придать нѣкоторое единство городской администраціи, подчинить городскихъ начальниковъ контролю высшей власти,—преимущественно въ финансовыхъ дѣлахъ и 2) сдѣлать парламентъ высшимъ апелляціоннымъ судомъ для всѣхъ городскихъ процессовъ съ кѣмъ бы то ни было,—свѣтскимъ барономъ, епископомъ и даже съ самимъ королемъ. Первая идея проведена въ Ордонансѣ Людовика Св. 1256 г. (1). Вотъ главные его пункты: избраніе городского мэра должно совершаться ежегодно 28 октября. Вновь избранный мэръ и мэръ прежняго года должны каждый годъ, въ извѣстный срокъ, являться въ Парижъ и давать отчетъ въ городскихъ доходахъ и расходахъ. Коммуна безъ разрѣшенія короля не имѣетъ права дѣлать ссудъ или подарковъ, за исключеніемъ только небольшого количества вина. По дѣламъ города въ Парижъ должны ѣздить только городскіе мэры въ сопровожденіи не болѣе четырехъ лицъ. Опредѣляется сколько лошадей они могутъ имѣть для своего путешествія. Городская казна должна храниться въ общественномъ сундукѣ. Казначей, завѣдующій городскими расходами, не имѣетъ права держать на дому больше 20 ливровъ общественныхъ суммъ. Эти мэры были вызваны вѣроятно нѣкоторыми безпорядками, вкравшимися въ городскую администрацію, особенно относительно городскихъ финансовъ. Городская аристократія, которая занимала городскія должности, обременяла низшее городское сословіе налогами и распоряжалась городскими суммами не въ видахъ общаго интереса, а по собственному усмотрѣнію. Людовикъ Св. расширилъ права городской юрисдикціи, подчинилъ ей дѣла о проступкахъ совершаемыхъ

(1) Монш. т. 1 р. 218. Докум. этого года.

новообращенными евреями, о фальшивых монетчиках и о виновных въ содомскомъ грѣхѣ (¹). Рѣшенія парламента по дѣламъ коммунъ съ епископомъ большею частію были благопріятны для городской свободы. Въ періодъ времени отъ Людовика Святого до Филиппа Красиваго рѣшенія парламента отличаются безпристрастіемъ. Защищая коммуну отъ притязаній церковныхъ судовъ, парламентъ въ тоже время ограничиваетъ ея стремленіе расширять свои права на счетъ епископа. Таково напр. дѣло о юрисдикціи въ улицѣ, принадлежавшей капитулу и называвшейся Монастырской (Rue de Clôtre). Судья капитула арестовалъ за буйство, произведенное въ этой улицѣ, одного горожанина. Коммуна затѣяла процессъ. Была назначена комиссія, которая рѣшила дѣло въ пользу города; но парламентъ кассировалъ это рѣшеніе и присудилъ спорную юрисдикцію сначала королю, а потомъ капитулу (²). Въ пользу коммунъ рѣшено было дѣло относительно спора ея съ епископомъ о судебныхъ правахъ въ домѣ прокаженныхъ (Maladrerie). Въ одной хроникѣ записанъ разсказъ о прокаженномъ, который былъ вѣять въ плѣнѣ Томасомъ-де-Марль во время его войны съ Амьенской коммуной. Огромная толпа прокаженныхъ собралась предъ воротами Томасова замка и съ громкимъ крикомъ требовала выдачи своего товарища. Суровый Марль велѣлъ имъ сказати, чтобы они убирались прочь, или онъ велитъ ихъ сожечь живыми, Марль способенъ былъ выполнить свою угрозу. Прокаженные въ ужасѣ разбѣжались, призывая мщеніе Божіе на голову жестокаго барона (³). Отсюда видно, что въ это время прокаженные жили въ окрестностяхъ города и для нихъ не было общественнаго пріюта. Но коммуна озаботилась постройкой общественнаго дома для прокаженныхъ. Домъ этотъ назывался Maladrerie; церковь въ немъ была посвящена св. Лазарю, струпы котораго лизали псы, когда онъ лежалъ у воротъ богатаго. Maladrerie—обладала значительной поземельной собственностью. Въ этой богадѣльнѣ главный надсмотръ за больными и управленіе всѣми ея имуществами принадлежало религиозному братству, которое, не

(¹) Monum. t. 1. p. 223, 224, 225. Докум. 1260, 1261 и 1287 г.

(²) Monum. t. 1. p. 220, 229, 237. Докум. 1258, 1272 и 1277 г.

(³) Guib. de vita sua. lib. III. p. 516.

составляя строго монашескаго ордена, давало нѣкоторые монашескіе обѣты. Вотъ этотъ-то религиозный характеръ братства и послужилъ епископу поводомъ къ вмѣшательству въ дѣла городской богадѣльни. Но парламентъ рѣшилъ дѣло въ пользу коммуны, удержалъ за ней право повѣрки счетовъ, назначенія директора, регламентаціи внутреннего порядка и благочинія въ заведеніи (*). Городской совѣтъ счумѣлъ прекрасно воспользоваться этими правами. Правила, составленныя имъ для дома прокаженныхъ (*reglement de la Maladrerie*), могутъ служить образцомъ его предусмотрительности и административной способности. Все предусмотрено до мельчайшихъ подробностей; правила дисциплины, гигиены, заботы о чистотѣ, дѣлаютъ честь составителямъ этого устава. Регламентъ касается внутреннего сповоиствія и мира; онъ заботится о поддержаніи добрыхъ нравовъ и объ исполненіи религиозныхъ обязанностей членами этого приюта (*).

Кромѣ *Maladrerie* въ Амьенѣ было много и другихъ общественныхъ зданій съ благотворительною цѣлью, какъ напр. *Hotel-Dieu*—городская больница для обыкновенныхъ больныхъ (*). Завѣдываніе этимъ учрежденіемъ составляло предметъ постоянныхъ споровъ между епископомъ и коммуной. Заботливость городского совѣта объ общемъ благѣ города не ограничивалась только богоугодными заведеніями. Въ случаяхъ эпидеміи городскія власти нанимали врачей, которые безмездно должны были лѣчить бѣдныхъ больныхъ. Цеховые статуты заключаютъ въ себѣ правила, запрещающія нѣкоторыя занятія внутри города, вредныя для здоровья. Въ XIII вѣкѣ устроена была общественная бойня внѣ городскихъ стѣнъ, которая называлась *lieu de l'escorchorie* (*).

Безпристрастіе парламента всего лучше высказывается въ тѣхъ дѣлахъ, которыя возникали между городскимъ совѣтомъ и королевскими сановниками. Мы знаемъ уже, что дѣла о нарушеніи мировыхъ обязательствъ (*assurements*) по город-

(*) *Monum. t. 1. p. 256. Докум. 1288 г.*

(*) *Ibidem. p. 327. Докум. 1305 г.*

(*) *Ibidem. p. 502. Докум. 1343.* Были и еще благотворительныя заведенія какъ то: *Hopital de S. Quentin, de S. Nicolas, de S. Anne* и др.

(*) *Monum. t. 1. p. 243. Докум. 1282 г.*

скимъ кутюмамъ были представлены городскому совѣту. Но королевскій байльи арестовалъ гражданина, нарушившаго *assurance*. Городъ вступился и подалъ жалобу парламенту, который рѣшилъ дѣло въ пользу коммуны. Суду байльи были представлены только тѣ случаи, когда нарушение даннаго обязательства заключалось въ убійствѣ противника ('). Между епископомъ и городомъ были споры о правѣ устанавливать налоги въ городѣ. Замѣчательно, что для установленія подобнаго налога въ 1266 году потребовалось разрѣшеніе со стороны короля. Это первый примѣръ королевскаго вмѣшательства во внутреннія дѣла коммуны. Оно было очень важно; потому что не далеко было время, когда король уже для себя потребуеъ разныхъ денежныхъ субсидій отъ коммуны. Но въ спорахъ коммуны съ епископомъ парламентъ принималъ сторону первой ('). Происходили столкновения между королевскою и епископскою юрисдикціей. Подобные процессы рѣшались также въ парламентѣ, который умѣлъ оставаться безпристрастнымъ. Такъ наприм. процессъ 1284 г. о правахъ на юрисдикцію въ одномъ изъ церковныхъ домѣновъ былъ рѣшенъ въ пользу епископа ('). Парламентъ присвоилъ себѣ право утверждать мировыя сдѣлки коммуны и разныя соглашения съ сеньорами города и другими лицами. Постановленія третейскихъ судовъ, отличающіяся нѣкоторою важностью, должны получать королевскую санкцію чрезъ занесеніе въ регистры парламента. Это видимъ въ дѣлѣ оруженосца Лятрюи (*Latruil*). Онъ сдѣлалъ важное преступленіе въ глазахъ коммуны: нанесъ побои городскому мѣру. По законамъ коммуны виновный въ подобномъ преступленіи долженъ былъ лишиться руки. Съ Лятрюи такъ и было поступлено. Но городскія власти погорячились: по законамъ города Лятрюи имѣлъ право выкупить свою руку уплатой штрафа, тогда какъ ему не было дано этого права. Изувѣченный оруженосецъ подалъ жалобу въ парламентъ. Городской совѣтъ одумался и, опасаясь, что дѣло будетъ рѣшено не въ его пользу, предложилъ Лятрюи мировую сдѣлку, по которой коммуна должна была уплатить обиженному 100 парижскихъ ливровъ.

(') *Monum.* t. 1. p. 259. Докум. 1288 г.

(') *Ibidem.* p. 227. Докум. 1266 г.

(') *Ibidem.* p. 252. Докум. 1284 г.

Латрюи при этомъ далъ *assurance*, то есть, обязался не мстить мэру за отрубленную руку ⁽¹⁾. Актъ сдѣлки былъ утвержденъ королемъ. Но этимъ коммуна не отдѣлялась: она должна была еще заплатить брату и другу Латрюи, по 100 ливровъ каждому ⁽²⁾. Самъ король изъявилъ гнѣвъ на коммуну и ея начальство. Онъ говорилъ, что коммуна превысила предоставленныя ей королевскими грамотами права, судила въ такомъ дѣлѣ, которое принадлежать королевской юрисдикціи. Но на этотъ разъ король простилъ коммуну „ради простоты постановлявшихъ приговоръ о Латрюи“ ⁽³⁾. Король этотъ, такъ рѣзко дававшій чувствовать свою власть коммунѣ, былъ Филиппъ Красивый.

Съ Филиппомъ IV Красивымъ королевская власть во Франціи получаетъ огромное значеніе, какого еще до сихъ поръ она не имѣла. Борьба легистовъ съ средневѣковыми порядками ведется на всѣхъ пунктахъ: они упрочиваютъ преобладаніе королевской идеи надъ всѣми силами средневѣковаго общества. Папство унижено въ лицѣ Бонифація, духовенство поставлено въ зависимость отъ короля; у феодаловъ отняты многія права и они принуждены были подчиняться королевскимъ судамъ. Король называетъ своихъ бароновъ „людьми подлыми“ (*gent vilaine*). Тѣ люди, писалъ онъ, которые поступаютъ подло, по праву могутъ быть названы людьми подлыми. „Неужели они не имѣютъ свободного доступа въ королю и къ королевскому парламенту. Они могли бы изложить свои жалобы и король милостиво выслушалъ бы ихъ“ ⁽⁴⁾. Въ этихъ словахъ слышится уже голосъ абсолютнаго владыки, который требуетъ безусловнаго повиновенія отъ своихъ поданныхъ. Извѣстны тѣ средства, которыми велась борьба съ феодализмомъ, папствомъ, орденомъ Тамплиеровъ. Король и легисты не отступаютъ ни передъ какими средствами. Съ Филиппа IV начинается торжество королевской идеи, но съ него же начинается радъ узурпаціи со стороны королевской власти. Никогда еще не было во Франціи общественнаго переворота съ характеромъ

⁽¹⁾ Monum t.p. 262. Докум. 1290 г.

⁽²⁾ Ibidem. p. 265. Докум. 1290 г.

⁽³⁾ Ibidem. p. 267. Докум. 1291 г.

⁽⁴⁾ Cheruel. Hist. de l'admin. monarch. t. 1. p. 58.

болѣ мрачнымъ, какой имѣлъ переворотъ, совершавшійся въ началѣ XIV вѣка. Царствованіе Филиппа представляетъ для привилегированныхъ сословій рядъ грабежей, сопровождаемыхъ цѣлымъ рядомъ жестокостей, системой вымогательства и стѣсненій разнаго рода для народной массы. Побѣда королевской власти надъ феодализмомъ не дешево обошлась народу: съ Филиппа IV начинается система обременительныхъ податей и налоговъ. Они были тяжелы особенно способомъ ихъ собиранія. Откупная система налоговъ представляла тысячи злоупотребленій, на которыя такъ громко жаловались въ послѣдствіи États Généraux 14 и 15 вѣковъ. Съ Филиппа начинается система поддѣлки монетъ, которая мѣшала торговлѣ, подрывала кредитъ, убивала энергію капиталистовъ. Съ Филиппа начинается продажность должностей, отдача на откупъ всѣхъ королевскихъ доходовъ вмѣстѣ съ судебными и административными правами, соединенными съ извѣстною должностью. Съ Филиппа же начинаются разныя стѣсненія для свободы коммунъ. Въ послѣдующія царствованія свобода эта подкапывается мало по малу; городская автономія постепенно лишается то того, то другаго изъ своихъ правъ, такъ что во второй половинѣ XIV вѣка города уже представляютъ только тѣнь прежней своей свободы. Мы не хотимъ впрочемъ сказать, чтобы царствованіе Филиппа IV не представляло уже никакихъ свѣтлыхъ сторонъ, чтобы въ это время не было никакого прогресса во французской исторіи. Но весь этотъ прогрессъ совершался въ пользу королевской власти, къ созданію государственнаго единства Франціи. Государственнымъ людямъ Филиппа IV принадлежатъ много административныхъ мѣръ, имѣвшихъ значеніе для созданія единства французскаго народа. Парламентъ получалъ болѣе строгую организацію; изъ него выдѣлились два новыхъ административныхъ центра: королевскій совѣтъ (*le grand conseil*) и палата счетовъ (*la chambre des comptes*). Парламентъ получилъ специальное назначеніе быть высшимъ судебнымъ мѣстомъ въ королевствѣ ⁽¹⁾. Легисты, обладавшіе знаніемъ римскаго и обычнаго права, получили въ немъ высшее значеніе. Прелаты были исключены изъ парламента сыномъ Филиппа IV Филиппомъ Дол-

(1) Cheruel. Hist. de l'admin. monarch. p. 60.

гимъ. Отъ парламента были поставлены въ прямую зависимость разные мѣстные чиновники, число которыхъ при Филиппѣ IV значительно увеличилось. Эти должности (*labellions, avocats, sergents, huisssier*) были занимаемы лицами средняго сословія, обучавшимися въ юридическихъ школахъ и воспитанными парламентской практикой. Гордость и привычка къ лѣни феодальныхъ сеньоровъ были причиной, что они на подобныя мѣста смотрѣли съ пренебреженіемъ. Такимъ образомъ лица, выходяшія изъ средняго сословія, получали огромное вліяніе на ходъ государственной администраціи. Королевская власть, отнимая одной рукой самостоятельныя права городскихъ общинъ, другой создавала политическое значеніе третьяго сословія. Съ Филиппа начинается собраніе государственныхъ чиновъ, — этихъ *États Généraux*, имѣвшихъ огромное значеніе въ исторіи Франціи. На нихъ приглашаются представители отъ городовъ, которые въ строгомъ смыслѣ и составляютъ *tiers-état*, третье сословіе ⁽¹⁾. Подобныя собранія были вынуждены необходимостью, трудными обстоятельствами, въ которыхъ находился король. Онъ требовалъ денегъ, — и представители третьяго сословія сначала весьма не охотно являлись на подобныя собранія. Но тѣмъ не менѣе это участіе представителей отъ городовъ въ государственныхъ собраніяхъ свидѣтельствуетъ о томъ значеніи, какое приобрѣла буржуазія. Она дѣлается составною частью феодальнаго общества, равноправною съ феодалами и духовенствомъ въ томъ отношеніи, что за ней безспорно признано право не налагать податей безъ ея согласія.

Мы увидимъ въ послѣдствіи, какъ въ XIV вѣкѣ третье сословіе воспользовалось этимъ правомъ, какія притязанія заявило на этихъ собраніяхъ. Но при Филиппѣ Красивомъ представители третьяго сословія на собраніяхъ чиновъ являются союзниками королевской власти. Въ 1302 году, по поводу распри съ Бонифаціемъ, третье сословіе просило короля „хранить верховную свободу своего королевства (*garder*

(1) Собранія государственныхъ чиновъ восходятъ до Людовика Св., который приглашалъ въ свой Совѣтъ лучшихъ гражданъ для совѣщанія о дѣлахъ особенно важныхъ. Но это были исключительные случаи, не имѣвшіе особенно важнаго значенія.

(2) *Chronol. des États Généraux. par S. Savaron. p. 94.*

la souveraine franchise de son royaume) и не признавать на землѣ другаго сюзерена, кромѣ самого Бога“ (1). Въ 1308 г., на новомъ собраніи, третье сословіе изъявило согласіе на мѣры короля въ отношеніи Тамплиеровъ. Въ 1314 году оно вотировало подать, предложенную королемъ. По смерти Филиппа Красиваго наступила реакція. Легистовъ постигла общая участь реформаторовъ: одни изъ нихъ погубили на эшафотѣ, другіе разбѣжались. Феодаламъ были возвращены права, отнятыя въ предшествовавшія царствованія: феодальные суды восстановлены; судебныя поединки, частныя войны, снова дозволены. Но реакція не могла быть продолжительной и легисты снова взяли за свои дѣла. Парламентъ снова принялся за реформы въ государствѣ, которыя клонились къ усиленію королевской власти. Въ концѣ царствованія Людовика X (Hutin) было дозволено крѣпостнымъ (serfs) покупать свободу у своихъ господъ. „Всякій, по самой природѣ, говорилъ королевскій указъ, рождается свободнымъ“ (1). Эта идея заключала въ себѣ начало уничтоженія крѣпостнаго состоянія во Франціи. „Великое зрѣлище, говоритъ Мишле, видѣть, какъ съ высоты трона возвѣщается вѣчное право челоуѣка на свободу. Бѣдному крестьянину повуда еще не на что купить этого права, но скоро онъ вспомнитъ объ этомъ царственномъ урокѣ и о томъ вызовѣ, который сдѣлалъ феодальнымъ сеньорамъ“ (2).

При преемникѣ Людовика, Филиппѣ Долгомъ, еще яснѣе обнаружилось, что королевская власть не думаетъ отказываться отъ своихъ пріобрѣтеній. Къ его царствованію относятся цѣлый рядъ административныхъ и финансовыхъ мѣръ, которыя составляютъ дальнѣйшее развитіе и новое примѣненіе учрежденій Филиппа Красиваго (3). У феодаловъ были отняты многія изъ фискальныхъ правъ, которыя были объявлены правами короны. Легисты замыслили важныя реформы, имѣвшія цѣлью объединеніе Франціи въ торговомъ и финансовомъ отношеніи. Въ 1321 г. было предписано единство монеты и мѣръ во всемъ королевствѣ. Правительству Филиппа Долгаго принадлежитъ учрежденіе въ нѣкоторыхъ

(1) Rec. ord. t. 1. p. 583.

(2) Hist. de France. t. 3 p. 243.

(3) Cheruel. Hist. de l'admin. t. 1. p. 60—63.

городахъ должности военныхъ начальниковъ или капитановъ (capitainerie). Мѣра эта въ послѣдствіи имѣла важное значеніе для городской жизни.

Такимъ образомъ, со времени Филиппа Августа до вступленія на престолъ перваго Валуа, мы видѣли постепенное усиленіе королевской власти. Филиппъ Августъ завоевалъ для себя королевство, Людовикъ Св. далъ этому королевству законы, Филиппъ Красивый далъ королевской власти преобладающее значеніе въ государствѣ. вмѣсто феодальнаго короля, стоявшаго во главѣ феодальной іерархіи вассаловъ, которые повиновались только законамъ феодальнаго права, освященнаго преданіемъ, мы видимъ уже короля диктующаго свои законы, — обязательные для всѣхъ подданныхъ безъ исключенія.

При содѣйствіи этой власти буржуазія, послѣ двухвѣковой борьбы, занимаетъ уже почетное мѣсто въ королевствѣ. Городское сословіе обязано своими успѣхами, собственнымъ своимъ усиленіемъ, — своему торговому и промышленному труду. Оно было дѣятельно, трудолюбиво и начинало уже выдвигать изъ среды себя лицъ, пользовавшихся значеніемъ въ государствѣ и обязанныхъ этимъ значеніемъ не происхожденію, а умственному превосходству и политической способности. Буржуазія вѣрно служила на поляхъ сраженій, и своими легистами на скамьяхъ парламента, и своими субсидіями, которыя она вотировала въ государственныхъ собраніяхъ. Казалось бы ей оставалось только совершать свое великое дѣло торговаго и промышленнаго развитія страны. Но случилось не такъ: буржуазія XIII вѣка была союзницей королей, въ XIV вѣкѣ ее хотѣли поставить въ зависимость отъ королевской власти. Въ XIII вѣкѣ король уважали права коммунъ, позволяли имъ свободу самоуправленія во внутреннихъ городскихъ дѣлахъ. Въ XIV вѣкѣ они, чувствуя свою власть достаточно упроченной, начинаютъ мало по малу отнимать у городовъ ихъ самостоятельность, стремятся регламентировать городскую жизнь отчасти въ видахъ общественной пользы, а большею частію съ своекорыстными цѣлями, особенно для того, чтобы высасывать изъ городовъ какъ можно больше денегъ.

Начало такой политики мы видимъ уже при Филиппѣ Красивомъ. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ употребляетъ всѣ средства, чтобы добыть ихъ. Сначала это было выгодно для

коммуны, потому что онѣ покупали у короля привилегіи. Продажность королевскихъ должностей служила для нихъ средствомъ къ расширенію круга дѣйствій собственной магистратуры.

Мы обращаемся къ исторіи Амьенской коммуны и стараемся на ней изучить отношенія, въ которыя коммуна была поставлена при новомъ фазисѣ развитія королевской власти, начиная съ Филиппа IV. Въ 1291 году Филиппъ продалъ своему придворному (chambellan) Петру де Машо пошлину въ Амьенѣ за ввозимую краску—вайду, да кромѣ того въ актъ продажи была включена одна изъ доходныхъ статей Амьенскаго прево. По смыслу королевскаго акта, Петръ де Машо получилъ право распоряжаться проданными доходами по собственному усмотрѣнію (¹). Пользуясь этимъ правомъ, Машо переиспродалъ ихъ Амьенскому буржуа. Городской советъ поспѣшилъ вступить въ сдѣлку съ этимъ послѣднимъ, и онъ передалъ пошлину съ краски и ренту съ превоства въ пользу города. Это прибрѣтеніе было очень важно, особенно пошлина съ краски, которая при развитіи суконныхъ фабрикъ въ Амьенѣ, сдѣлалась богатымъ источникомъ доходовъ для коммуны. Но въ слѣдующемъ году Амьенская коммуна, пользуясь продажностью королевскихъ должностей, успѣла достигнуть болѣе существеннаго расширенія своихъ правъ. По просьбѣ коммуны, Филиппъ IV сдалъ ей на откупъ все свое Амьенское превоство, со всѣми его судебными и административными правами, со всѣми торговыми пошлинами, судебными штрафами, доходами съ земель, лавокъ, домовъ, мостовъ, королевскими регалиями—aubaine, érave (²) и т. д. Эти доходы до послѣднихъ мелочей перечислены въ актъ сдѣлки коммуны съ королемъ. Коммуна купила всѣ феодальныя права короля, какъ Амьенскаго графа, такъ напр. право на пару вызолоченныхъ шпоръ, получаемыхъ ежегодно королемъ съ одного вассала, тоже пере-

(¹) Превоство (la prevoté) означало всѣ судебныя права и доходы королевскаго прево.

(²) Aubaine—наслѣдство послѣ умершихъ иностранцевъ, érave—всѣ заходы на королевскихъ земляхъ. Доходы королевскаго превоства подробно исчисляются подъ 1290—1292 гг. *État des revenus de la prevoté d'Amiens*. p. 279.

шло въ пользу коммуны. Всѣ доходы богатыхъ владѣній графовъ Амьенскихъ въ эту пору не превышали 400 ливровъ. Это служить прекраснымъ доказательствомъ коммунальнаго роста съ XII вѣка. На этотъ разъ коммуна выиграла въ другомъ отношеніи. Коммуна приобрѣтала права на юрисдикцію королевскаго прево. Эти права не должны были смѣшиваться съ юрисдикціей коммуны; поэтому для исполненія обязанностей прево назначался одинъ изъ засѣдателей городского совѣта; иногда эти обязанности исполнялись самимъ мэромъ. Мэръ, при вступленіи въ должность, обязанъ былъ давать присягу королевскому байльи, что онъ будетъ охранять всѣ королевскія права въ городѣ и на городской территоріи. Мэръ и городской совѣтъ получили право назначать сержантовъ превоства. Городской совѣтъ могъ теперь арестовать несостоятельныхъ должниковъ, а также обнародовать свои распоряженія совершенно самостоятельно, тогда какъ прежде ему нужно было испрашивать согласіе прево. Грабежъ, убійство, измѣна, по прежнему остаются случаями королевскими; но городской совѣтъ обязанъ арестовать преступниковъ. При арестѣ мэръ или засѣдатель, исправляющій обязанности королевскаго прево, дѣйствуютъ отъ имени короля и по тѣмъ же правиламъ, какъ должны были поступать королевскіе прево въ подобныхъ случаяхъ (1). Съ приобретениемъ правъ королевскаго превоства Амьенская коммуна достигла той полноты своихъ политическихъ, юридическихъ и финансовыхъ правъ, дальше которыхъ она уже не шла. Напротивъ дальнѣйшая ея исторія есть уже исторія постепеннаго упадка муниципальной свободы во всѣхъ отношеніяхъ. До сихъ поръ мы разсматривали организацію коммуны главнымъ образомъ со стороны ея политическаго значенія и правъ юрисдикціи. Коммунальныя хартіи 1117 и 1190 годовъ, городскія вутюмы XIII вѣка и исторія борьбы городского совѣта съ феодальными сеньорами, главнымъ образомъ знакомятъ насъ съ внутренней организаціей коммуны, съ ея политическими и судебными правами. Но средневѣковая коммуна представляетъ еще одну чрезвычайно важную отрасль администраціи,—именно управление городскими финансами. Городскіе доходы даютъ мэру богатства и силы

(1) Monum. t. 4. p. 289. Докум. 1291 г.

городской общины. Система сборовъ, порядокъ храненія и употребленія городскихъ суммъ, отчетность лицъ, завѣдывающихъ финансами, контроль надъ ними, даютъ намъ ясное понятіе о внутреннемъ порядкѣ и строгости городской администраціи. Статьи доходовъ глубже вводятъ въ права коммуны на ея территоріи относительно разныхъ предметовъ владѣнія, относительно торговыхъ и промысловыхъ пошлинъ и другихъ доходныхъ статей средневѣковаго города. Финансовыя и хозяйственныя права городской общины въ средніе вѣка составляютъ мѣру ея полноправности въ отношеніи къ феодальнымъ сеньорамъ и королевской власти. Статьи доходовъ вводятъ насъ въ сложный механизмъ городского управления и городского хозяйства, знакомятъ съ внѣшними отношеніями коммуны къ окружающей средѣ, съ обширной дѣятельностью ея магистратуры. Поэтому изученіе финансовъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ коммунальной исторіи.

Извѣстная сумма финансовыхъ правъ пріобрѣтена коммуной не вдругъ. Въ XII в., вскорѣ послѣ коммунальной революціи, эти права были не велики, главный доходъ давала городская земля,—городскія пашни, луга, болота, которые коммуна отдавала въ аренду. Кромѣ того большая часть судебныхъ штрафовъ поступала въ ея пользу⁽¹⁾. Коммуна брала подать съ каждаго вновь поступающаго въ общину; эта подать называлась *droit de nouvelle bourgeoisie*⁽²⁾. Были и чрезвычайные сборы съ членовъ коммуны деньгами или ватурой, но подобные сборы не могли быть ни слишкомъ значительны, ни слишкомъ часты. Относительно косвенныхъ налоговъ слѣдуетъ замѣтить, что коммуна сначала не имѣла на нихъ права. Всѣ они принадлежали городскимъ сеньорамъ.

Стремленіе коммуны съ XII в. и въ теченіе всего XIII вѣка состояло въ томъ, чтобы всѣ городскіе доходы обработать въ свою пользу. Въ это время коммуна значительно расширяетъ свою территорію. Покупая часть городскихъ предмѣстій у сеньора Кастильонскаго, улицу *Contergaine* у

(1) Monum. t. 1. p. 39. Докум. 1117 г.

(2) Ibidem. p. 49.

епископскаго ленника Сенъ-Торэна ⁽¹⁾ и т. п., коммуна вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣтала доходы въ купленной территоріи. Кромѣ того она покупала у городскихъ сеньоровъ разныя торговыя пошлины; такъ, въ половинѣ XII вѣка она купила у архидіакона пошлину, которую онъ бралъ за провозъ товаровъ чрезъ одни изъ городскихъ воротъ ⁽²⁾. Она стремилась уничтожить нѣкоторыя привилегіи феодаловъ, вредныя для городской торговли. Такъ, по ея настоянію, а можетъ быть и за извѣстную плату, епископъ и кастелянъ отказались отъ права исключительной продажи вина изъ собственныхъ виноградниковъ въ теченіи 15 дней въ году ⁽³⁾. Разныя статьи доходовъ покупались не всегда всей общиной, а чаще частными лицами. Такъ въ 1167 году двое богатыхъ горожанъ приобрѣли на вѣчныя времена, за извѣстную ежегодную плату, доходы капитала въ городской пристави на Соммѣ со всѣхъ судовъ привозившихъ въ Амьенъ товаровъ ⁽⁴⁾. Если мы вспомнимъ торговое развитіе Амьенской коммуны, то поймемъ, какое важное приобретеніе сдѣлала коммуна въ лицѣ своихъ членовъ. Въ подобныхъ случаяхъ коммуна выигрывала, если не прямо, то косвенно: она богатѣла богатствомъ своихъ членовъ. Но случалось, что она перекупала доходы у частныхъ лицъ. Иногда амьенскіе богачи отказывали извѣстные доходы въ пользу коммуны съ условіемъ вѣчнаго поминовенія. Въ городскихъ счетахъ мы встрѣчаемъ расходы на обѣды и нанихиды за такихъ жертвователей.

Результатомъ подобныхъ приобретеній, а также слѣдствиемъ отдачи ей на откупъ доходовъ королевскаго превотства, было то, что въ началѣ XIV вѣка коммуна сдѣлалась почти единственной обладательницей всѣхъ доходныхъ статей города. Къ этому же времени относится полное развитіе городской финансовой системы. Финансовый годъ въ Амьенѣ начинается, какъ и годъ административный, съ 2 октября. Въ этотъ день выбирались, вмѣстѣ съ прочими членами городского совѣта, четверо счетчиковъ (*compteurs*), которымъ

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 187. Докум. 1210 г.—*Ibidem*. p. 202. Докум. 1228 г.

⁽²⁾ *Ibidem*. p. 86. Докум. 1114—1164 г.

⁽³⁾ *Ibidem*. p. 70. Докум. 1171—1185 г.

⁽⁴⁾ *Ibidem*. p. 92. Докум. 1167.

поручалось управленіе городскихъ финансами. Выборъ производился собраніемъ всѣхъ цеховыхъ старшинъ. Счетчики выбирались обыкновенно, какъ и все городское начальство, только на годъ. Каждый имѣлъ особое названіе и отдѣльный кругъ вѣдомства. Великій счетчикъ—главный городской казначей (*grand compteur*) былъ главнымъ правителемъ и контролеромъ городскихъ доходовъ и расходовъ и начальникомъ въ отношеніи къ другимъ городскимъ казначеямъ. Всѣ городскія суммы шли черезъ его руки: каждому изъ своихъ помощниковъ онъ выдавалъ деньги на расходы по его вѣдомству, отъ каждаго получалъ собранныя имъ деньги и повѣрялъ представляемые счета. Въ концѣ года четверо казначеевъ давали отчетъ въ приходѣ и расходѣ городскихъ суммъ въ полномъ городскомъ собраніи. Для провѣрки счетовъ былъ приглашаемъ главный сборщикъ королевскихъ доходовъ, состоявшій при амьенскомъ байльи. Каждый изъ казначеевъ представлялъ особый реестръ, состоявшій изъ двухъ отдѣловъ,—о приходѣ и расходѣ городскихъ суммъ. Второстепенные казначеи представляли свои реестры, каждый по своему вѣдомству, съ подробнымъ означеніемъ всѣхъ статей прихода и расхода. Реестръ главнаго казначея состоялся уже изъ отчетовъ, представленныхъ ему помощниками и заключалъ въ себѣ всѣ валовыя суммы, выданныя имъ въ теченіе года каждому изъ казначеевъ и общіе итоги всѣхъ полученныхъ отъ нихъ суммъ, по каждой доходной статьѣ. Такимъ образомъ городское собраніе повѣряло общій отчетъ великаго счетчика съ частными реестрами прочихъ казначеевъ. Мы представимъ нѣкоторыя указанія относительно болѣе замѣчательныхъ статей городскихъ доходовъ и расходовъ изъ такого отчета за 1387 годъ⁽¹⁾. Всѣ городскіе доходы раздѣлялись на два отдѣла: доходы коммуны и доходы съ королевскаго превоства (*revenus de la mairie et de la commune, et revenus de la prévosté royale*). Доходы первого рода составляли: налоги съ домовъ и городскихъ лавокъ, доходы съ городскихъ земель, луговъ, лѣсовъ, рыбныхъ ловлей, съ городской мельницы⁽²⁾, подать съ поступающихъ въ составъ коммуны, часть судебныхъ взысканій и штра-

(1) Monum. t. 1. p. 741, 784. Докум. 1387 г.

(2) Ibidem. p. 755.

фовъ за нарушение цеховыхъ статутовъ. Затѣмъ главный источникъ городскихъ доходовъ составляли такъ называемыя пожизненныя ренты (*rentes viagères à vie vendues*). Пожизненные ренты въ средніе вѣка представляютъ первый опытъ общественнаго кредита, — нѣчто въ родѣ городскихъ банковъ. Въ случаѣ какихъ нибудь чрезвычайныхъ расходовъ коммуна объявляла продажу пожизненныхъ доходовъ. Горожане, желая обезпечить себѣ, а иногда и наслѣдникамъ, пожизненный вѣрный доходъ, — отдавали часть капиталовъ городскому совѣту, который обязывался выплачивать извѣстный процентъ съ полученной суммы. Процентъ этотъ разнообразился, смотря по состоянію городского кредита. Большею частью онъ составлялъ $\frac{1}{3}$ часть внесенной суммы. Обыкновенный процентъ съ частныхъ займовъ большею частію былъ 10% на 100. Коммуна платила больше, именно $12\frac{1}{2}\%$, вѣрнѣе обезпечивала уплату дохода, но за то не возвращала капитала. Во всякомъ случаѣ эта финансовая операція въ средніе вѣка считалась выгодной, не только для коммуны, но и для вкладчиковъ. Владчикъ черезъ 8 лѣтъ получалъ обратно свой капиталъ; за тѣмъ всю жизнь онъ получалъ вѣрный доходъ, который составлялъ уже чистую прибыль. Средневѣковой буржуа не любилъ рисковать свои капиталы и съ удовольствіемъ отдавалъ часть ихъ на общественныя нужды; тѣмъ болѣе, что онъ самъ, на городскихъ собораніяхъ, могъ контролировать ихъ употребленіе (¹).

Затѣмъ въ пользу коммуны поступалъ еще обширный отдѣлъ торговыхъ и промышленныхъ пошлинъ, такъ называемыхъ косвенныхъ налоговъ. Значительная часть этихъ доходовъ приобрѣтена коммуной вмѣстѣ съ правами королевскихъ превд. Но кромѣ этихъ обыкновенныхъ пошлинъ коммуна, съ разрѣшенія короля, иногда собирала еще чрезвычайныя, съ извѣстныхъ товаровъ, напр. съ вина, краски и т. п.

Вслѣдствіе контракта съ королемъ относительно превотства, кромѣ торговыхъ пошлинъ, коммуна получала еще доходы съ королевскихъ земель и съ леновъ, приобрѣтенныхъ королемъ покупкой или другимъ образомъ. Часть судебныхъ штрафовъ, которая прежде поступала въ пользу короля, по

(¹) Monum. t. 1. p. 744.

контракту поступала въ пользу коммуны. Впрочемъ всё эти доходы были незначительны; коммуна платила королю больше, чѣмъ сама получала⁽¹⁾. Для нея были дороги не столько королевскіе доходы, сколько судебныя и административныя права королевскаго превд. Въ XIV вѣкѣ, при увеличеніи повинностей города въ пользу королей, эти доходы не покрывали уже городскихъ расходовъ и коммуна часто должна была прибѣгать къ займамъ.

Расходы Амьенской коммуны состояли:—Въ платежахъ пожизненныхъ рентъ; они выдавались особымъ казначеемъ, который назывался *maître des presents et payeur des rentes à vie*. Въ уплатѣ капитала и процентовъ сиротскихъ суммъ; капиталъ обыкновенно выдавался по достиженіи сиротами совершеннолѣтія. Въ суммахъ назначенныхъ на разныя общественныя работы; эти деньги выдавались особому казначею — *maître des ouvrages*. Въ платежахъ процентовъ и капитала по городскимъ займамъ. Въ уплатѣ разныхъ откупныхъ суммъ, такъ нѣкоторыя лавки на церковной землѣ коммуна снимала у епископа и викарія; сюда же относится откупная плата за королевское превотство. Дальше слѣдуютъ расходы на общественную благотворительность. Коммуна на свой счетъ воспитывала всѣхъ подкидышей въ особой богадѣльнѣ, называвшейся *Hôtel-Dieu*. Въ Амьенѣ были и другія богадѣльни для прокаженныхъ, общественная больница и т. п. Нѣкоторыя изъ нихъ коммуна содержала на свой счетъ; въ другихъ, которыя владѣли поземельной собственностью, городскія власти имѣли право высшаго надзора. Коммуна дѣлала влады на монастыри, давала на поминовеніе умершихъ, помогала бѣднымъ и т. п. Такъ въ счетѣ 1387 г. въ числѣ расходовъ записано 6 су бакалавру правъ изъ евреевъ, принявшему христіанство.

Затѣмъ шли военные расходы. Коммуна платила жалованье начальнику городской милиціи даже и тогда, когда онъ былъ назначаемъ королемъ. Если коммуна посылала милицію на службу къ королю, то она содержала ее на свой счетъ и доставляла военныя принадлежности,—палатки, оружіе, аммуницію и т. п. Коммуна старалась поддерживать въ своей милиціи военное искусство. Часто она наз-

(1) Monum. t. 4. p. 280. Докум. 1290—1292 г.

начала упражненія въ стрѣльбѣ изъ лука, или арбалета и при этомъ назначала богатые призы. Часто и собственныхъ стрѣлковъ, на общественный счетъ, она отправляла въ другіе города для подобныхъ состязаній. Статьей расходовъ записывались денежные ссуды. Коммуна давала въ заемъ не только другимъ коммунамъ и частнымъ лицамъ, но и феодальнымъ сеньорамъ и самому королю. Коммуна дѣлала значительные расходы на подарки разнымъ лицамъ. Иногда эта была плата за какія нибудь услуги, а иногда—просто знакъ уваженія. Сюда относятся подарки разнымъ депутаціямъ, присылаемымъ въ городъ другими коммунами и феодалами, а также королевскимъ уполномоченнымъ. Коммуна платила жалованье амьенскому байльи, когда онъ въ качествѣ посредника рѣшалъ споры коммуны съ феодалами, или когда въ 1383 г. присутствовалъ на городскихъ выборахъ. Сюда же относятся расходы на жалованье мэру, смотрителю городской тюрьмы, городскимъ сержантамъ, привратникамъ, палачу, сборщикамъ податей и т. п.

Значительную часть городскихъ расходовъ составляли издержки на судебные процессы въ парламентѣ и у королевскихъ судей. Сюда же слѣдуетъ отнести расходы на разные депутаціи къ королю, къ разнымъ баронамъ и т. п. Въ отчетахъ каждый разъ записывался не только расходъ на городское посольство, но и обстоятельства, его вызвавшія, цѣль, съ которой оно отправлялось, послѣдствія, какія оно имѣло. Эта часть городскихъ отчетовъ составляетъ настоящую лѣтопись, въ которой перечисляются иногда съ подробностями всѣ важныя дѣла, занимавшія коммуны. Благодаря этимъ подробностямъ, можно составить понятіе о неутомимой дѣятельности городского совѣта. Въ теченіе одного только года городской совѣтъ отправлялъ нѣсколько депутацій въ разные концы государства съ чрезвычайно разнообразными цѣлями. Депутація къ королю проситъ уменьшенія налоговъ; посольство къ герцогу Бургундскому умоляетъ о ходатайствѣ предъ королемъ. Депутація къ сосѣднему барону проситъ у него въ займы денегъ; другому коммуна сама посылаетъ деньги. Посольство въ Парижъ идетъ просить совѣта у тамошнихъ адвокатовъ на счетъ важнаго дѣла, или узнать о ходѣ процесса въ парламентѣ. Въ сосѣдній или отдаленный городъ городской совѣтъ отсылаетъ пожизненные ренты; назначается депутація съ цѣлью узнать мѣстные кутюмы

по одному спорному вопросу. Иногда городской советъ управляется самъ, или посылаетъ почетную депутацію, для участія въ какой нибудь церемоніи, напр. на похорны какого нибудь знатнаго лица и т. п.—Въ концѣ отчета выведенъ общій итогъ городскихъ доходовъ и расходовъ. Въ 1387 году цифра дохода простиралась—до 13 т. ливровъ, что по настоящему курсу составляетъ около 700 тысячъ франковъ. Расходы превышали приходъ на нѣсколько десятковъ ливровъ, что заставляетъ предполагать, что нѣкоторые расходы сдѣланы изъ остатковъ отъ предыдущаго года, или въ долгъ—въ счетъ будущихъ сборовъ (¹).—Общее разсмотрѣніе финансовой системы города Амьена и городскихъ доходовъ и расходовъ знакомитъ насъ съ обширной дѣятельностью городской магистратуры. Городская администрація заботливо входитъ во всѣ отрасли городской жизни. Всякій предметъ промышленности и торговли обложенъ извѣстнымъ налогомъ, который въ то время не былъ обременителенъ для города; покрайней мѣрѣ мы нигдѣ не встрѣтили жалобъ на это со стороны городского населенія. Значительная цифра городского бюджета указываетъ на внутреннюю силу и богатство коммуны. Учрежденіе финансовыхъ должностей въ двухъ инстанціяхъ, подчиненіе трехъ городскихъ казначеевъ одному главному, затѣмъ, строгая, мелочная отчетность передъ всѣмъ городскимъ собраніемъ, въ присутствіи королевскаго сборщика, какъ членъ опытнаго въ повѣркѣ счетовъ, — все это показываетъ административный тактъ, хорошее знаніе дѣла и большую осторожность въ тѣхъ лицахъ, которымъ коммуна обязана составленіемъ своихъ финансовыхъ правилъ.

Мы сказали, что съ XIV в. коммуна начинаетъ постепенно терять свои права одно за другимъ. Взятая ей на откупъ доходы королевскаго превоства въ XIV вѣкѣ были нѣсколько разъ у ней отнимаемы. Филиппъ Красивый не стѣснялся нарушать акты и обязательства. Самое условіе, по которому права превоства не должны быть смѣшиваемы съ правами коммуны, показывало, что король не имѣлъ въ виду навсегда отказываться отъ этихъ своихъ правъ. Онъ постоянно давалъ чувствовать коммунаѣ, что не только юрисдикція королевскаго прева, но и все коммунальное устройство, всѣ привилегіи

(¹) Monum. t. 1. p. 757, 784. Докум. 1387 г.

приобрѣтенныя коммуной двухвѣковыми усилиями, зависятъ единственно отъ его воли. Коммуна пользуется въ извѣстныхъ дѣлахъ автономіей, потому что король этого хочетъ. Король даетъ привилегіи коммунамъ только до тѣхъ поръ, пока онѣ свято исполняютъ свои обязанности въ отношеніи къ нему. А потому король можетъ отнять у коммуны извѣстныя ея права, можетъ отнять всѣ ея права, уничтожить коммуны съ ея магистратурой, съ ея народными собраніями, съ административными и судебными ея правами ⁽¹⁾. Эта теорія объ отношеніи коммуна къ королевской власти возникла у легистовъ; она вытекала изъ ихъ римскихъ понятій о единой верховной власти. Примѣненія этой идеи къ Амьенской коммуна мы видимъ уже при Филиппѣ IV. Коммуна была уничтожена со всѣми ея правами между 1306 и 1307 годами ⁽²⁾. За что постигла Амьенъ такая немилость со стороны короля, неизвѣстно. Въ позднѣйшемъ документѣ говорится только, что коммуна была уничтожена *occasione quarundam offensarum et alioorum forfactorum, quas et quae homines dictae villae commisisse dicbantur*. Для управленія Амьеномъ былъ назначенъ особый комиссаръ съ безграничной властью. Онъ получалъ титулъ хранителя мѣрства и превотства города Амьена (*garde de la mairie et de la prévôté d'Amiens*) ⁽³⁾. Но опала продолжалась не долго. Король, „тронутый мольбами гражданъ и воспоминаніемъ о ихъ преданности, которую они оказали ему во время бывшихъ войнъ“, возвратилъ Амьену его прежнее устройство. При этомъ Филиппъ удержалъ за собой превотство, да сверхъ того представилъ себѣ право назначать низшихъ городскихъ чиновниковъ, когда это найдетъ нужнымъ ⁽⁴⁾. Но для города не прошло даромъ и самовластіе королевскаго комиссара, какъ оно ни было кратковременно. Вступивши въ отправленіе своихъ обязанностей, городской совѣтъ началъ повѣрять го-

⁽¹⁾ Такая конфискація коммунальныхъ правъ, также какъ и конфискація ленныхъ владѣній за нарушение вѣрности слагерену, называлась *foris-factura, forfaiture*. См. Du-Cange Gloss. подъ этимъ словомъ.

⁽²⁾ Monum. t. 1. p. 332. Докум. 1307 г.

⁽³⁾ Mairie противопоставляется prévôté, какъ сумма правъ мѣра—превотства коммуна

⁽⁴⁾ Monum. t. 1. p. 332. Докум. 1307 г.

родскіе счеты и нашелъ все въ страшномъ беспорядкѣ. Деньги были расхищены, права коммуны были нарушены; вѣроятно королевскій комиссаръ продалъ нѣкоторыя доходныя статьи. Коммуна жаловалась королю: отчужденныя права ей были возвращены; но о растраченныхъ суммахъ ни слова и комиссаръ оставленъ безъ наказанія⁽¹⁾. Коммуна, потерпѣвшая большія убытки, принесла на короля жалобу въ парламентъ. Свой искъ она основала на томъ, что король, уступившій ей превотство на вѣчныя времена, нарушилъ условія контракта: парламентъ рѣшилъ дѣло въ пользу коммуны⁽²⁾. Но коммуна, не довѣряя уже королю, который не стѣснялся нарушать парламентскія постановленія, спѣшила задобрить его хорошимъ подаркомъ. Представляя королю 2000 ливровъ, городской совѣтъ просилъ утвердить навсегда права превотства за коммуной. Филиппъ деньги взялъ, и на просьбу отвѣчалъ уклончиво, что деньги будутъ возвращены, если вздумается ему снова отнять у коммуны права превотства. Филиппу не пришлось исполнять этого обѣщанія. Но преемники его постоянно отнимали и снова возвращали эти права и доходы. Такъ въ 1332 г. Филиппъ Валуа отнялъ превотство, вслѣдствіе жалобы на злоупотребленія городскихъ властей⁽³⁾, но въ 1337 году снова сдалъ на откупъ коммуны, впрочемъ за возвышенную цѣну⁽⁴⁾. Король Іоаннъ въ 1360 году объявилъ, что всѣ должности, отдавныя на откупъ, возвращаются къ королю. Эта общая мѣра имѣла цѣлью пополненіе королевской казны; города должны были снова покупать должности и за болѣе дорогую цѣну, чѣмъ прежде. Впрочемъ для Амьена было сдѣлано исключеніе: превотство оставлено за нимъ на прежнихъ условіяхъ. Но въ слѣдующемъ году эти права и доходы снова были отобраны отъ города⁽⁵⁾. Таковой политикѣ слѣдовали почти всѣ Валуа. Они отчуждали за деньги коронныя владѣнія и потомъ объявляли, что всѣ королевскіе земли и доходы, съ такого-то времени поступившіе въ чужія руки, возвращаются королю. При

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 336. Докум. 1308 г.

⁽²⁾ Ibidem. p. 343. Докум. 1311 г.

⁽³⁾ Ibidem. p. 434. Докум. 1332 г.

⁽⁴⁾ Ibidem. p. 465. Докум. 1337 г.

⁽⁵⁾ Ibidem. p. 613, 619. Докум. 1361 г.

Карлъ V права превотства снова были отняты у Амьена и снова возвращены ⁽¹⁾. Окончательно они были отняты и присоединены къ королевскимъ регалиямъ уже Генрихомъ IV ⁽²⁾.

Неудовольствіе городскихъ общинъ на притѣсненія со стороны королевской власти связались еще при жизни Филиппа Красиваго. Войну съ Фландріей, для подавленія свободы богатыхъ фландрскихъ городовъ, Филиппъ велъ на деньги, собранныя съ французскихъ коммунъ. Была положена пошлина по 6 денаріевъ съ ливра стоимости всѣхъ товаровъ. Этотъ налогъ тяжело отзывался на внутренней и внѣшней торговлѣ городовъ. Образовалась коалиція феодаловъ и коммунъ; бароны и города Шампани, Бургундіи, Артуа, Бовуазы, Понтьё и Вермандуа заключили союзъ для взаимной защиты противъ вымогательствъ королевской власти. Амьенъ участвовалъ въ союзѣ; актъ объ этомъ существуетъ въ городскихъ хартуляріяхъ ⁽³⁾. Преемникъ Филиппа Красиваго, Людовикъ X поспѣшилъ уничтожить ненавистную пошлину. Послѣ Филиппа Красиваго дѣти его, въ отношеніи къ городамъ, слѣдуютъ политикѣ своего отца. Было постановлено, что города не могутъ учреждать налоговъ безъ королевскаго разрѣшенія. Такъ, въ 1314 г., для сбора денегъ исправленія дорогъ и мостовъ на земляхъ Амьена, потребовалось согласіе Людовика X ⁽⁴⁾. Пожизненные ренты, — главный источникъ городскихъ доходовъ, которыми въ XIII вѣкѣ коммуна распорядилась самостоятельно, въ XIV вѣкѣ уже выпускаются не иначе, какъ съ королевскаго разрѣшенія ⁽⁵⁾. Городская милиція въ XIII в. находилась подъ начальствомъ городскихъ властей; только во время похода короли назначали для нее своихъ капитановъ. Но Филиппъ V Долгий первый обнаружилъ стремленіе организовать городскую милицію такъ, чтобы она постоянно находилась подъ начальствомъ королевскихъ командировъ. Поводъ къ этому былъ данъ отчасти самими коммунами. Депутаты отъ городовъ на собраніи чиновъ 1317 года просили короля, чтобы

⁽¹⁾ Monum. t. I. p. 619. Докум. 1362 г.

⁽²⁾ Ibidem. t. II. p. 1087 г.

⁽³⁾ Ibidem. t. I. p. 354 Докум. 1314 г.

⁽⁴⁾ Ibidem. p. 355. Докум. 1314 г.

⁽⁵⁾ Ibidem. p. 358—360 Докум. 1313 и 1316 годовъ.

горожанамъ было выдано оружіе, и чтобы въ каждомъ городѣ былъ назначенъ опытный командиръ, который долженъ былъ давать присягу защищать коммуну и не нарушать ея правъ и спокойствія. Коммуна съ своей стороны тоже обязывалась въ законномъ содѣйствіи королевскому капитану и въ повиновеніи его распоряженіямъ относительно военнаго благоустройства. Капитаны должны были составить списки жителей городовъ, кто съ какимъ вооруженіемъ долженъ явиться на войну. Богатые должны были запастись всѣмъ нужнымъ для службы на конѣ, бѣдные—для пѣшей службы. Богатые капиталисты были обязаны предоставить капитану вооруженіе на нѣсколько человекъ. Въ городахъ долженъ быть устроенъ общественный складъ для оружія; это послужило началомъ городскихъ арсеналовъ. Мѣра эта имѣла цѣлью, чтобы горожане не продавали и не закладывали оружія. Такимъ образомъ военная служба становилась для городовъ повинностью, которая, распредѣлялась и контролировалась самою королевскою властью.

При новыхъ отношеніяхъ коммуны къ королевской власти старинная ея хартія, служившая базисомъ ея свободы, теперь уже потеряла значеніе. Потребовался ея пересмотръ, уничтоженіе нѣкоторыхъ статей, измѣненіе другихъ, прибавка новыхъ. Такой пересмотръ былъ сдѣланъ лицами уполномоченными коммуной и предложенъ на утвержденіе короля Филиппа Долгаго. Въ нѣкоторыхъ прибавленіяхъ мы видимъ уже вліяніе легистовъ. Апелляція въ парламентъ на судебныя рѣшенія городского суда, существовавшая и прежде въ практикѣ, вносится теперь какъ законъ въ городскую хартію. Въ случаѣ несостоятельности апелляціи назначается строгое наказаніе; это имѣло цѣлью предупредить пустыя ябеды. Коммунѣ предоставлено право руководствоваться своими законами, т. е. городскими кутюмами, если только они не противорѣчатъ смыслу хартіи. Представителемъ королевскихъ интересовъ относительно Амьенской коммуны, послѣ отдачи ей на откупъ правъ превоства, оставался королевскій байльи (¹).

(¹) Байльи обладали высшей юрисдикціей: они судили убійство, грабежи, вѣтны; имѣли по средневѣковому выраженію *la haute justice*. Юрисдикція прево была средняя и низшая, но такъ какъ въ коммунахъ уголовныя дѣла судились городскимъ судомъ, то на обязанности прево лежали

Споры между королевскимъ байльи и коммунной не прекращались. Замѣчательно, что между самими горожанами Амьена въ это время обнаруживается недовѣріе къ городской юрисдикціи. Средство уклониться отъ городского суда состояло въ томъ, что истецъ изъявлялъ желаніе кончить дѣло съ противникомъ судебнымъ поединкомъ; потому что наблюденіе за судами Божьими по городскимъ кутюмамъ было представлено королевскимъ судьямъ. Но время судебныхъ поединковъ уже прошло и парламентъ, по жалобамъ коммунны на подобныя уклоненія отъ городского суда, рѣшалъ дѣло въ ея пользу (1).

XIV вѣкъ есть время упадка городскихъ учреждений. Это выражалось между прочимъ и въ томъ, что члены коммунны начинаютъ уклоняться отъ занятія городскихъ должностей. Они покупаютъ у королей льготныя грамоты, освобождавшія ихъ отъ городской службы. Въ грамотѣ обыкновенно значилось, что извѣстный буржуа состоитъ на службѣ у самого короля, у принца крови, или у какого-нибудь изъ членовъ королевскаго двора. Случалось, въ силу такихъ привилегій уклонялись отъ службы лица, болѣе другихъ способныя къ ней. При торговомъ и промышленномъ развитіи въ городѣ образовался классъ богатой буржуазіи, которой легко было добывать такія грамоты. Коммуна была не въ силахъ примѣнять къ нимъ извѣстную статью коммунальной хартіи о нежелающихъ исполнять обязанности общественной службы (2). Финансовыя дѣла коммунны были не въ блестящемъ положеніи. На ней были большіе долги еще съ

главнымъ образомъ гражданскіе процессы. Судъ у прево былъ нашей инстанціей; аппеляція на его рѣшенія подавалась байльи. Этотъ послѣдній завѣдывалъ сборомъ финансовъ со всего округа; тогда какъ прево получалъ королевскіе доходы только въ городѣ и представлялъ ихъ байльи, который отсылалъ уже въ королевское казначейство. Байльи былъ предводителемъ военныхъ силъ извѣстной провинціи. Впрочемъ подобное распределеніе обязанностей между прево и байльи выяснилось не вдругъ. Сначала отношеніе между ними было весьма неопредѣленно. Законодательство относительно королевскихъ чиновниковъ началось преимущественно съ Филиппа Августа. Людовикъ Св. запретилъ имъ владѣть недвижимымъ имуществомъ въ томъ округѣ, гдѣ они служили. Warnkönig. Franz. Staats-Geschichte t. 1. p. 217.

(1) Monum. t. 1. p. 420. Докум. 1327 г.

(2) Ibidem. p. 418. Докум. 1325 г.

половины XIII вѣка (¹). Трудность уплаты увеличивалась вслѣдствіе тяжести королевскихъ поборовъ. Кромѣ обыкновенныхъ налоговъ и пошлинъ, которые были вотированы на états-généraux, города обязаны были платить королю, какъ верховному сюзерену, еще чрезвычайныя субсидіи, по какимъ-либо особенно торжественнымъ событіямъ. Такъ напр. по случаю бракосочетанія дочери Филиппа V, Иоанны съ Евдомъ, герцогомъ Бургундскимъ, Амьенъ долженъ былъ подарить королю до 4 тысячъ ливровъ (²).

Впрочемъ коммуна въ это время дѣлаетъ еще нѣкоторыя пріобрѣтенія, расширяетъ свою территорію а слѣдовательно и юрисдикцію своего совѣта. Такъ она не удовольствовалась позолоченными шпорами съ владѣльца королевскаго лена Saugée, который со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ землями коммуны. Она купила этотъ ленъ,—вочечно на феодальныхъ условіяхъ и съ дозволенія сюзерена (³). Коммуна купила также судебныя права въ улицѣ Glatigny и надъ двумя домами, находившимися близъ Большаго моста, у какого-то Жана-де-Сорси (⁴). Мы приводимъ этотъ фактъ, потому что онъ показываетъ, какъ въ началѣ XIV в. дробилась еще въ городахъ юрисдикція. Коммуна стремилась объединить эту дробность подъ своей властью и короли благопріятствовали этому стремленію, потому что оно отвѣчало ихъ централизаторскимъ планамъ.

Споры между епископомъ и коммуной продолжались; но они уже не отличаются ожесточеніемъ, какъ въ бывшее время и не имѣютъ особенной важности. Обѣ стороны большею частію стараются уладить дѣло соглашеніемъ (accord). Процессы въ парламентѣ стоили дорого, а потому и коммуна и епископъ избѣгаютъ ихъ. Подобныя мировыя сдѣлки обыкновенно составлялись третейскимъ судомъ. Всего чаще постановленія касаются только фактовъ, а вопросъ о правѣ остается нерѣшеннымъ; отсюда неистощимый источникъ новыхъ споровъ и новыхъ соглашеній. Споры главнымъ образомъ касались судебныхъ правъ. Коммуна дѣлается смѣлѣе

(¹) Monum. t. 1. p. 221. Докум. 1259 г.

(²) Ibidem. p. 383. Докум. 1319 г.

(³) Ibidem. p. 379. Докум. 1318 г.

(⁴) Ibidem. p. 405. Докум. 1318 и p. 396. Докум. 1324 г.

и не стѣсняется захватывать права епископа. Она арестуетъ преступниковъ на земляхъ капитула: въ городской совѣтъ является сержантъ отъ церковныхъ властей—требовать выдачи арестованныхъ, но начальники города арестуютъ и его ⁽¹⁾.

Дробность юрисдикціи въ средніе вѣка не ограничивалась только территоріальными дѣленіями. Случалось, что одинъ владѣлецъ имѣлъ право суда по извѣстнымъ дѣламъ на земляхъ другого владѣльца; такъ наприм. въ Амьенѣ въ нѣкоторыхъ улицахъ капитулъ имѣлъ такъ называемую justice de catel (судъ о движимой собственности), тогда какъ во всемъ прочемъ юрисдикція принадлежала городскому совѣту. Этотъ послѣдній старался сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ эти исключительныя права. Споры доходили иногда до мелочности ⁽²⁾. Напримѣръ, однажды городской мэръ приказалъ прекратить игру и велѣлъ схватить шаръ, который укатился на землю капитула. Епископъ немедленно протестовалъ противъ нарушенія своихъ правъ ⁽³⁾.

Мы разсмотрѣли исторію Амьенской коммуны при короляхъ третьей династіи. Мы видѣли ростъ коммунальной свободы въ борьбѣ съ сеньорами города, потомъ постоянное вмѣшательство королевской власти въ дѣла коммуны. Это вмѣшательство сначала было даже благотѣльно для коммуны и содѣйствовало разсвѣту городской жизни. Оно умѣряло страстную борьбу городскихъ партій и уравнивало бѣдныхъ съ богатыми предъ лицомъ высшей власти. Лишаясь нѣкоторыхъ правъ въ пользу короля, коммуна выигрывала много въ другихъ отношеніяхъ. Короли помогали гдѣ добывать на счетъ сеньоровъ множество правъ, не имѣвшихъ политическаго значенія, но чрезвычайно важныхъ для развитія городской торговли и промышленности и для объединенія городской территоріи. Но королевская власть скоро начала вмѣшиваться въ такія дѣла, которыя всего лучше, всего удобнѣе было предоставить мѣстной самостоятельной администраціи. Этотъ переворотъ, начавшійся съ Филиппа Красиваго, вполне выразился при короляхъ изъ дома Валуа,—младшей

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 407. Докум. 1324 г.

⁽²⁾ Ibidem p. 395. Докум. 1324 г.

⁽³⁾ Ibidem p. 389. Докум. 1323 г.

лннн Капетинговъ. Политика династїи Валуа рѣзко расходится съ политикой королей XII и XIII вѣка. Эти послѣдніе въ союзѣ съ буржуазіей вели упорную борьбу съ феодализмомъ. Валуа соединяются съ феодалами для подавленія городской свободы, для насильственной остановки усиливающего роста третьяго сословія. Валуа уничтожаютъ коммунальное устройство, вмѣшиваются во внутреннія дѣла городовъ, стараются направить городскую жизнь по своимъ цѣлямъ. Усиливается роскошь королевскаго двора; пробуждается страсть къ праздникамъ, турнирамъ. Прежде королевская власть упогребляла государственные финансы въ видахъ общественной пользы; при Валуа она дѣлается расточительной, эгоистичной. Начинается цѣлый рядъ вымогательствъ разнаго рода, которыя тяжелымъ гнетомъ ложатся на городскую жизнь и останавливаютъ ея развитіе. Потомъ началась тяжелая война съ Англіей, которая длилась почти цѣлое столѣтіе. Начались опустошенія, грабежи и разныя народныя бѣдствія. Непріятельскія арміи нѣсколько разъ проходили черезъ всю Францію, знаменуя путь свой грабежами и пожарами. Буржуа на своихъ плечахъ должны были выносить всю тяжесть этой войны. При отсутствіи правильной финансовой системы, королевская власть прибѣгаетъ къ такимъ мѣрамъ, которыя кругомъ разоряли подданныхъ и въ тоже время ей самой не много приносили пользы. Началась чудовищная система поддѣлки монеты самимъ правительствомъ (1), которая подрывала общественный кредитъ, убивала торговые обороты. Начались тяжелыя контрибуціи, извѣстныя подъ разными именами, ненавистныя особенно для городского сословія; потому что они главнымъ образомъ падали на него. Монополія соли (*la gabelle*), пошлины на товары (*aides*), поголовныя подати (*tailles*), подати съ домовъ (*fouage*), *emprunts for. és*, *subventions etc.*—всѣ эти налоги были тяжелы особенно вслѣдствіе откупной системы ихъ сбора. Правительство, желая получить скорѣе деньги, отдавало государственные доходы на откупъ. Но въ этотъ вѣкъ безурядицы, королевскіе указы не исполнялись; королевскіе чиновники, вмѣсто того чтобы смотрѣть за откупщиками,

(1) При Іоаннѣ стоимость серебряной марки колебалась между 4 и 18 ливрамъ.

сами наживались на счетъ городовъ. Относительно внутренней городской администраціи вмѣшательство центральной власти доходитъ до крайности. При Филиппѣ Валуа запрещаются денежныя ссуды за проценты; всѣмъ должникамъ въ королевствѣ король простилъ четвертую часть долга ⁽¹⁾. При преемникѣ его Іоанпѣ, правительство назначаетъ размѣръ заработной платы ⁽²⁾. Король вмѣшивался въ дѣла цеховъ, регламентируетъ цеховыя уставы. Онъ самъ опредѣляетъ, какой процентъ съ капитала должна составлять торговая прибыль ⁽³⁾. Конечно, всѣ эти распоряженія не достигали своей цѣли; они только раздражали противъ правительства торговое и промышленное сословіе. Война съ Англіей была несчастна; самъ король попался въ плѣнъ англичанамъ. Принцы и гордое французское рыцарство поворно оставили своего короля на равнинахъ Пуатье. Народъ возсталъ. Бѣдные поселяне, угнетаемые сеньорами, раззоряемые непріятельскими отрядами, жгли замки, рѣзали благородныхъ и страшно мстили за свои страданія. Это возстаніе крестьянъ—извѣстно подъ именемъ *Jacquerie* ⁽⁴⁾. Въ немъ принимали участіе и горожане, особенно жители Парижа; они старались умѣрить жестокости крестьянъ и дать направленіе возстанію. Но рыцари соединились противъ общей опасности. Поселяне жестоко поплатились за свою дерзкую попытку; ихъ били, рѣзали, вѣшали тысячами; селенія ихъ были выжжены, поля и жатвы опустошены; вслѣдствіе чего народныя бѣдствія еще больше увеличились. Но и городское населеніе имѣло много причинъ быть недовольнымъ. Еще на прежнихъ собраніяхъ государственныхъ чиновъ раздавались голоса депутатовъ отъ третьяго сословія противъ тяжести налоговъ. При Филиппѣ Валуа третье сословіе заявляетъ право наблюдать за сборомъ и расходованіемъ податей, вотируемыхъ на *États-Généraux* ⁽⁵⁾. Два вѣка муниципальной свободы для коммунъ не прошли даромъ; городское населеніе привыкло внутри своего коммунальнаго

⁽¹⁾ Ord. II. p. 45, 49 et 59.

⁽²⁾ Ord. II. 350.

⁽³⁾ *Lavasseur*; t. 1. p. 396.

⁽⁴⁾ *Henri Martin. Hist. de France. t. V.—Sismondi. Hist. des Français t. X.*

⁽⁵⁾ Ord. II. p. 238.

строю къ порядку, къ экономіи, къ заботѣ о благѣ всѣхъ и каждаго, къ правильному веденію городского хозяйства, къ аккуратности городскихъ счетовъ, къ контролю надъ городскими властями въ употребленіи общественныхъ суммъ. Представители третьяго сословія совѣтъ не то видѣли на болѣе широкой аренѣ государственной администраціи. Ихъ не могли не поразить постоянные обманы правительства, безконтрольность государственныхъ доходовъ и расходовъ, самоуправство и множество злоупотребленій со стороны должностныхъ лицъ и т. п. Въ лучшихъ представителяхъ третьяго сословія явилась мысль ввести въ государственную систему администраціи тотъ же порядокъ, который строго соблюдался въ коммунахъ. Изъ этой идеи возникъ тотъ новаторскій духъ, гдѣ демократическія стремленія третьяго сословія, которыя съ такой силой выразились на собраніи чиновъ 1355 года. Королевскій ордонансъ, составленный по идеямъ третьяго сословія и изданный вскорѣ послѣ этого собранія, заключаетъ въ себѣ такія государственныя гарантіи, которыя сдѣлали бы честь нынѣшнему конституціонному вѣку. Высшая государственная власть раздѣляется между королемъ и тремя сословіями. Девять депутатовъ, по три отъ каждаго сословія, составляютъ государственный совѣтъ, ограничивающій власть короля. *États-Généraux* имѣютъ право собираться по собственному усмотрѣнію. Государственныя повинности распределяются между всѣми классами общества; самъ король отъ нихъ не освобождается. *États-Généraux* чрезъ особыхъ уполномоченныхъ заботится о вниманіи налоговъ и имѣютъ контроль надъ финансовымъ управленіемъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ. Учреждается національная милиція на основаніяхъ сходныхъ съ нынѣшней прусской военной системой. Установлены гарантіи законнаго суда; запрещается кого бы то вибыло требовать на суды чрезвычайные, помимо суда законнаго. У короля отнято право насильственнымъ образомъ брать провіантъ на содержаніе арміи (¹). Въ этихъ постановленіяхъ нельзя не видѣть политической опытности третьяго сословія, а также его умѣренности въ отношеніи къ другимъ сословіямъ и къ самой королевской вла-

(¹) Ordon. 28 decem. 1355. Recueil t. III. p. 22.—Rathery. Hist. des États-Généraux. Paris 1845 p. 72 etc.

сти. Оно требуетъ только законныхъ гарантій и дѣйствуетъ во имя всей націи, не отдѣляя своихъ интересовъ отъ интересовъ другихъ сословій. Нѣсколько другой характеръ имѣютъ États-Généraux слѣдующаго года, которыя были созданы регентомъ Карломъ послѣ битвы при Пуатье и взятія въ плѣнъ короля Іоанна. Собралось до 800 депутатовъ, половина которыхъ была отъ третьяго сословія. Собраніе энергично принялось за дѣло реформы королевства. Былъ назначенъ комитетъ изъ 80 членовъ для составленія программы новаго государственнаго устройства. Плодомъ дѣятельности этого комитета были слѣдующія постановленія, представленныя регенту. Верховная власть въ королевствѣ должна принадлежать États-Généraux, которымъ представляется высшее административное и финансовое управленіе страны. Немедленно долженъ быть назначенъ особый реформаціонный комитетъ, въ которомъ должны засѣдать представители отъ всѣхъ трехъ сословій. Всѣ королевскіе совѣтники предаются формальному суду; множество должностныхъ лицъ немедленно должны выйти въ отставку. Собраніе чиновъ можетъ собираться по собственному усмотрѣнію (¹). Когда испуганный Карлъ медлилъ отвѣтомъ, то чины, не дожидаясь уже его отвѣта, сами объявили себя высшей властью въ королевствѣ и начали управлять государственными дѣлами отъ имени регента. Но между тремя сословіями не было единодушія. Дворяне были оскорблены преобладаніемъ третьяго сословія, и депутаты ихъ удалились изъ собранія; депутаты отъ духовенства вскорѣ послѣдовали ихъ примѣру; такимъ образомъ третье сословіе осталось представителемъ всей націи. 5 февраля 1357 года начались засѣданія этого національнаго собранія. Во главѣ его стоялъ вупеческій предъ города Парижа, т. е. начальникъ парижской муниципаліи, Етьень Марсель. Это была высокая личность XIV вѣка, выдвинутая впередъ соціальнымъ развитіемъ третьяго сословія, городской свободы и муниципальных учреждений. Онъ былъ пропитанъ демократическими стремленіями и можетъ быть названъ лучшимъ представителемъ интересовъ третьяго сословія. Его неукротимая энергія, широта его замысловъ, его организаторскій государственный талантъ,—сдѣлали бы честь луч-

(¹) Rathery, p. 75 и слѣд.

шимъ дѣятелемъ французской Революціи XVIII вѣка. Но ояъ предварилъ революціонеровъ новаго времени. Ояъ опирался на народныя страсти; оружіемъ его былъ терроръ, какъ и у членовъ Конвента. Сходство революціонеровъ XIV вѣка съ революціонерами XVIII—выразилось даже и внѣшнимъ образомъ. Были приняты извѣстные цвѣта, какъ символъ обповленія націи. Замыслы Эгъена Марсея простирались далеко: ояъ добивался національнаго единства, но совершенно на другихъ основаніяхъ, — чѣмъ королевская власть. Вотъ какія рѣшенія приняло по его инициативѣ третье сословіе въ 1357 г. Король или регентъ королевства ничего не можетъ сдѣлать безъ согласія совѣта, состоящаго изъ 36 членовъ, которые выбираются по ровну изъ всѣхъ трехъ сословій. Всѣ финансовыя должности находятся въ прямой зависимости отъ États-Généraux, которыя должны собираться дважды въ годъ. Ни одна подать въ королевствѣ не можетъ быть установлена безъ ихъ согласія. Судебныя должности не должны отдаваться на откупъ. Скорый и правый судъ долженъ быть для каждаго изъ подданныхъ. Стоимость монеты можетъ быть измѣняема не иначе, какъ съ согласія трехъ сословій. Уничтожается королевское право брать пожизненные припасы для войска; запрещаются частныя войны; уничтожаются нѣкоторыя изъ феодальныхъ правъ, особенно тягостныя для народа (1). Но кромѣ этихъ постановленій, которыя Карлъ принужденъ былъ принять и помѣстить въ своемъ ордонансѣ 3 марта 1357 года (2), проекты и требованія депутатовъ третьяго сословія заключаютъ въ себѣ цѣлый политическій кодексъ. Реформы касаются всѣхъ подробностей администраціи; предполагалось преобразовать парламентъ, палату счетовъ, королевскій совѣтъ. Эти реформы не прошли въ жизнь, какъ желалъ парижскій прево и его дѣятельный помощникъ Робертъ-ле-Кокъ. Тотъ же регентъ, давшій санкцію постановленіямъ собранія, не стѣснялся нарушать ихъ и управлять королевствомъ попреж-

(1) Rathery. Hist. des États Généraux. pp. 81 etc.

(2) Rec. t. III. pp. 94—96. Къ чести третьяго сословія во Франціи нужно сказать, что депутаты его являются представителями не только городскихъ интересовъ, но и окрестнаго земледѣльческаго населенія. A. Thierry. Hist. de tiers-état; passim.

нему. Тогда Етьеспъ Марсель произвелъ возстаніе парижской черни, которая подъ его предводительствомъ ворвалась во дворецъ. На глазахъ регента были убиты его совѣтники и два маршала Нормандіи и Шампани, которые стояли на пути демократическихъ стремленій Марселя. Трепещущій Карлъ въ двухцвѣтной національной шапочкѣ изъ оконъ дворца долженъ былъ объявить, что убиты были измѣнники. Послѣ этого Карлъ не долго оставался въ Парижѣ: онъ бѣжалъ въ Компьенъ и тамъ 1 мая 1358 года созвалъ États-Généraux, которые высказались противъ парижскихъ демагоговъ. Въ это время дѣятельность революціонеровъ продолжалась: Марсель укрѣпилъ Парижъ и пригласилъ врага регента, короля Наваррскаго Карла Злаго. Марсель и его приверженцы думали возвести его на престолъ. Король принялъ начальство надъ городской милиціей, но скоро долженъ былъ удалиться, такъ какъ въ городѣ была сильная партія, стоявшая за регента. Но Карлъ Злой съ значительнымъ отрядомъ оставался въ парижскихъ предместьяхъ, выжидая удобнаго случая ворваться въ городъ. Вскорѣ приблизился и регентъ во главѣ феодаловъ и многочисленной арміи. Такимъ образомъ Парижъ вдругъ былъ осажденъ съ двухъ сторонъ—королемъ Наваррскимъ и регентомъ Карломъ. Марсель попрежнему оставался приверженцемъ Карла Злаго. Онъ хотѣлъ тайно отворить ему ворота Бастиліи и впустить въ городъ. Уже все было готово, уже самъ Марсель ночью шелъ къ условленному мѣсту, но въ моментъ исполненія своихъ замысловъ былъ убитъ приверженцами регента, который въ слѣдъ затѣмъ торжественно вступилъ въ столицу. Марсель палъ жертвою стремленій, осуществленіе которыхъ представлено было уже другому вѣку. Было время, когда онъ дѣйствовалъ отъ имени всей націи, и на его реформаціонныхъ замыслахъ лежала печать величія и глубокой зрѣлости. Потомъ онъ былъ увлеченъ революціоннымъ духомъ, и его гевій уже направленъ не на созданіе правильнымъ законнымъ путемъ новаго государственнаго строя, но на разрушеніе стараго. Эта работа разрушенія ему не удалась, да и не могла удалась. Въ третьемъ сословіи не было единодушія: большинство гражданъ предпочитало спокойствіе, гарантируемое законной властью, бурнымъ тревогамъ революціи. Феодализмъ XIV вѣка, хотя и ослабленный коммунами и легистами, все-таки имѣлъ еще силу и значеніе. Съ

помощію его королевская власть была еще въ силахъ подавить новаторскія стремленія третьяго сословія. вмѣстѣ съ Марселемъ погибла и большая часть его приверженцевъ. Съ вступленіемъ на престолъ Карла V Мудраго, торжество королевской идеи упрочено. Но не погибли реформаторскія идеи, провозглашенныя собраніемъ 1355—1357 годовъ. Самъ король, еще регентомъ получивши такой хартіей урочъ, проводилъ въ жизнь нѣкоторыя изъ преобразованій, на которыя онъ не могъ согласиться въ молодости. Его царствованіе ознаменовано успѣхами оружія въ войнѣ съ Англіею, которыми Франція была обязана столько же всепому генію Вертрава, сколько и мудрой политикѣ. По случаю войны Карлъ не могъ обойтись безъ налоговъ на торговый и промышленный классъ. При немъ въ первый разъ были узаконены постоянныя, государственныя налоги (*aides ordinaires*). Но онъ былъ бережливъ, даже скупъ въ своихъ расходахъ. Города охотнѣе, чѣмъ прежде платили подати, потому что чувствовали ихъ необходимость и видѣли результаты умной политики Карла, видѣли успѣхи оружія надъ врагами и лучший порядокъ въ управленіи государствомъ, особенно относительно финансовъ ('). Карлъ заботился о возстановленіи внутренней и внѣшней торговли въ королевствѣ, которая по случаю войны съ Англіею была въ страшномъ упадкѣ. Карлъ V продолжалъ дѣло созданія національнаго едательства Франціи; кромѣ завоеваній у англичанъ, онъ сдѣлалъ не менѣе важныя приобрѣтенія путемъ дипломатическимъ. Раздавая братьямъ для управленія провинціи, онъ старался ограничивать ихъ злоупотребленія. Пользуясь совѣтами легистовъ, онъ старался поправить ошибки расточительныхъ королей своей династіи. Относительно городскихъ общинъ политика Карла отличалась нѣкоторымъ прогрессомъ сравнительно съ предшественниками. Онъ давалъ привилегіи городамъ, переходившимъ отъ англичанъ на его сторону. Эти города сами требуютъ утвержденія тѣхъ правъ, которыми они пользовались со времени добраго короля Людовика Святаго. При преемникѣ Карла V, Карлѣ VI, снова стали тяжелы налоги. Злоупотребленія администраціи вызвали возстаніе во Фландріи. Самъ Карлъ, тогда еще не сходявшій съ ума, во главѣ

(') Chéruel. Hist. de l'administ. p. 51.

сильной арміи кровавыми мѣрами подавилъ свободный духъ фландрскихъ городовъ. Замѣчательно, что между французской и фландрской буржуазіей поддерживались постоянныя сношенія; съ той и другой стороны была обѣщана взаимная помощь. Въ Парижѣ снова готовилось возстаніе, но Карлъ, хотя и не на долго, сумѣлъ укротить неспокойный духъ парижской буржуазіи. Королевская армія, возвращаясь изъ Фландріи, вступила въ Парижъ, какъ въ завоеванный городъ. Городскія укрѣпленія были разрушены, до 300 гражданъ арестовано, старинныя права парижской муниципалитетъ уничтожены и богатая буржуазія принуждена была заплатить огромныя штрафы, равнявшіеся почти конфискаціи имущества (1). Города сѣверной Франціи, въ томъ числѣ и Амьенъ, заплатились за сношенія съ сѣверянами; ихъ коммунальное устройство было уничтожено, множество лучшихъ гражданъ подверглось казнямъ и городскія общины заплатили королю огромныя контрибуціи. Но такія мѣры вызвали новое возстаніе въ Парижѣ. На этотъ разъ протестъ шелъ уже не со стороны богатой буржуазіи, какъ это было во время регенства Карла V. Взволновалась парижская чернь, голодная, грубая, лишенная всякаго политическаго смысла, требовавшая только хлѣба и крови. Жестокія мѣры Карла VII убили значеніе высшей буржуазіи, которая была когда-то опорой французскихъ королей, служила имъ, и деньгами, и совѣтами—въ лицѣ легистовъ, выходившихъ преимущественно изъ высшихъ слоевъ богатаго торговаго класса. Вліяніе перешло теперь къ цехамъ и то не ко всѣмъ; особенное значеніе приобрѣлъ цехъ мясниковъ (bouchers). Когда муниципальное устройство въ Парижѣ было восстановлено, въ 1412 году городской совѣтъ состоялъ изъ представителей этого цеха. Народъ страдалъ подъ тяжестью налоговъ, и городское начальство рѣшилось вступить за него. Обстоятельства благопріятствовали протесту: королевствомъ правилъ герцогъ Бургундскій, по случаю сумасшествія короля. Онъ хотѣлъ утвердить свою власть союзомъ съ демократической городской партіей. По его инициативѣ былъ восстановленъ городской совѣтъ Парижа; по его вліянію члены этого совѣта были выбраны изъ цеха мясниковъ. Къ муниципальному со-

(1) A. Thierry. Hist. du tièrs-état. Introd à Monum. t. 1. p. CX.

вѣту присоединился парижскій университетъ; онъ также рѣшился возвысить свой голосъ въ защиту бѣднаго народонаселенія. Образовался небывалый союзъ между демагогами парижской черни и учеными докторами Сорбонны. Получилъ приглашеніе присоединиться къ этому союзу и парламентъ, но онъ отказался изъ боязни компрометировать себя связью съ уличными демагогами и теоретиками—безъ практическаго знакомства съ дѣломъ. Какъ бы то ни было, но членами совѣта и докторами былъ составленъ и представленъ правителю королевства планъ государственной реформы. Въ это время герцогъ Бургундскій потерялъ уже прежнее значеніе. Новое правительство хитрило и снова замышляло кровавыя мѣры, противъ жителей города. Слухъ объ этомъ вызвалъ возстаніе, главная роль въ которомъ принадлежала сдирателямъ кожъ (*écorcheurs*), которые были работниками у мясниковъ. Кровавое ремесло пріучило ихъ къ свирѣпости и кровожадности. Во главѣ ихъ стоялъ Симонъ Кабошъ,—ярый демагогъ, кото́рый былъ бы на мѣстѣ въ кровавыхъ сценахъ революціи XVIII вѣка. Была взята Бастилія. Начались переговоры: правительство многое обѣщало, не думая исполнить своихъ обѣщаній. Вспыхнуло новое возстаніе подъ предводительствомъ Кабоша и Павильи, доктора богословія; было сдѣлано нападеніе на дворецъ короля. Множество знатныхъ было арестовано; въ числѣ ихъ были даже дамы. Казалось, что въ началѣ XV вѣка готова была разыгратъ революція и на нѣсколько столѣтій предупредить дѣло просвѣтительнаго вѣка. Но дѣятелямъ XV вѣка не доставало организаторскаго духа членовъ законодательнаго собранія. Королевскій ордонансъ 1413 года, вынужденный этой партией, противнуть централизаторскимъ идеямъ легистовъ. По выраженію Мишле, народныя страсти диктовали этотъ государственный актъ, но умѣренность его писала (¹).

Дѣйствительно актъ этотъ отличался большой умѣренностью. Всѣ преобразованія касаются только нѣкоторыхъ злоупотребленій администраціи. Всѣ отрасли управленія—въ административномъ, судебномъ, финансовомъ отношеніи,—должны исходить отъ королевской власти, какъ отъ своего центра. Французское общество XV вѣка сжилося уже съ

(¹) Michelet. Hist. de France t. IV.

идеями централизаціи, которыя такъ настойчиво проводились въ жизнь легистами XIV вѣка. Въ ордопансѣ 1413 года ни слова не говорится о представительствѣ трехъ сословій, — о государственномъ совѣтѣ изъ выборныхъ лицъ, ограничивающемъ королевскій произволь, чего такъ настойчиво добивались вожди третьяго сословія въ половинѣ XIV в. Въ ордопансѣ 1413 года устанавливается іерархія должностей, которыя ставятся въ прежнюю зависимость отъ парламента, отъ палаты счетовъ и другихъ центральныхъ парижскихъ учреждений; при чемъ опредѣляются правила лучшаго дѣлопроизводства и финансовой отчетности. Число судебныхъ и финансовыхъ должностей уменьшено, произволь ихъ ограниченъ, продажность должностей запрещена. Нѣкоторыя мѣста должны замѣщаться по выборамъ, которые производятся провинціальными легистами и адвокатами. На другія болѣе важныя мѣста провинціальное собраніе выбираетъ троихъ кандидатовъ; изъ нихъ назначеніе производится государственнымъ канцлеромъ, вмѣстѣ съ комиссарами парламента. Возстановлено во всей силѣ старинное правило, по которому сепешалы, байльи и прево не имѣютъ права пріобрѣтать недвижимую собственность въ управляемыхъ ими провинціяхъ, не должны брать себѣ женъ изъ этой мѣстности и отдавать замужъ дочерей за лицъ подвѣдомственнаго имъ округа. Ограниченъ произволь королевскихъ судей по лѣвному и водяному вѣдомству; аппеляція на нихъ должна быть подаваема въ парламента. Нѣсколько постановленій имѣютъ своимъ предметомъ сельское населеніе; такъ на примѣръ, приказано королевскимъ чиновникамъ уважать сельскіе обычаи; крестьянамъ дано право вооружаться для преслѣдованія разбойниковъ и т. п. (1). Всѣ эти законы показываютъ въ составителѣ ихъ умѣренность и благородство побужденій. Впрочемъ этотъ ордопансъ не былъ проведенъ въ жизнь, какъ и много другихъ ордопансовъ, вынужденныхъ у королевской власти третьимъ сословіемъ. Ордопансъ 1413 года былъ уничтоженъ чрезъ три мѣсяца послѣ обнародованія. Но этимъ дѣло не ограничилось: правительство жестоко отмстило за неистовство парижской черни. Пять лѣтъ въ столицѣ продолжался терроръ. По ночамъ трупы убитыхъ сотнями бросали въ

(1) A. Thierry. Hist. du tiers-état. p. LXVII.

Сену. Рѣка переполнилась мертвыми, такъ что вышло за-
прещеніе купаться въ ней. Но обыкновенію карали винов-
ныхъ и невинныхъ: множество честныхъ граждавъ погибло,
или подверглось изгнанію. Доктора Сорбонны за свою связь
съ народной партіей тоже жестоко поплатились; много изъ
нихъ были изгнаны и имѣнья конфискованы. Всѣ эти жес-
ткости описаны монахомъ аббатства св. Діоннеи. Пужно
читать его хронику, чтобы понять весь ужасъ феодальной
мести. Мы говоримъ— „мести феодальной“; потому что въ то
время король французскій не понималъ и не могъ понять,
что дѣлалось въ его государствѣ: онъ былъ сумасшедшій.

Послѣдніе годы этого несчастнаго, преступнаго цар-
ствованія были ознаменованы постоянными раздорами внут-
реннихъ партій и наконецъ иноземнымъ владычествомъ.
Мрачными красками описываютъ современники печальное
состояніе Франціи въ эту грустную эпоху. Вотъ что гово-
ритъ Тома Базенъ, — біографъ Карла VII и Людовика XI:
„И видѣлъ долины Шампани, Гатинэ, Мана, Бовуазии и
другія провинціи отъ Сена до Амьена и Аббевиля совершен-
но пустыми и необработанными. Жителей не было; въ по-
ляхъ вмѣсто хлѣба—росли сорныя травы“ (1). Послѣ пора-
женія при Азинкуръ для Франціи наступилъ цѣлый рядъ
несчастій, какихъ нивогда, ни прежде, ни послѣ, не приво-
дилось ей испытывать. Французская королева была отдана
иноземному государю; Парижъ отворилъ ворота новому ко-
ролю и торжественно ликовалъ при его въѣздѣ. Все коро-
левство до Луары принадлежало уже англичанамъ; одишь
Орлеанъ выдерживалъ осаду побѣду побѣдоносной арміи. Въ
эту несчастную эпоху, когда повидимому все погибло и не
откуда было ждать спасенія, спасительницей Франціи яви-
лась вдохновенная поселница Жанна д'Аркъ. Какимъ-то чуд-
нымъ ореоломъ божественнаго свѣта окружена эта личность.
Достойнаго пѣвца она нашла себѣ въ свѣтлой личности ве-
ликаго поэта нашего столѣтія. Орлеанская дѣва Шиллера—
это лучшій памятникъ для Жанны д'Аркъ, какого не могла
создать ей спасенная ею нація. Ея энтузіазмъ, ея глубокая
вѣра, ея любовь къ родинѣ, ея готовность все выстрадать
для спасенія этой родины,—пробудили наконецъ уснувшій

(1) Cheruel. Hist. de l'administ. p. 92.

патріотизмъ французскаго народа отъ низшихъ его слоевъ до самыхъ высшихъ. Результаты извѣстны; они принадлежатъ общей исторіи. Для насъ важно замѣтить въ этомъ великомъ дѣлѣ народнаго обновленія роль сельскаго сословія. Въ первый разъ оно выступаетъ на сцену исторіи не ради мести за свои права, какъ это было въ XIV вѣкѣ, но на великое дѣло спасенія родины. Жанна д'Аркъ великая представительница этого новаго элемента исторіи, который выступаетъ иногда какъ страшная разрушительная сила, иногда какъ сила обновленія и возрожденія общественнаго организма ⁽¹⁾.

Царствованіе Карла VII представляетъ работу внутренняго преобразованія государственнаго организма. Этотъ государь занимаетъ видное мѣсто во французской исторіи, благодаря своимъ совѣтникамъ изъ высшей буржуазіи и низшаго дворянства. Нѣкоторыя изъ преобразованій, которыхъ желала народная партія 1413 года, наконецъ получали примѣненіе на практикѣ. Карлъ VII стоялъ въ такомъ же отношеніи къ преобразовательнымъ планамъ третьяго сословія, въ какомъ и дѣлъ его Карлъ V. Замѣчательные факты правительства Карла VII заключаются въ созданіи регулярной арміи и постоянного налога. Королевская власть при немъ получила такимъ образомъ двѣ громадныя силы,—войско и финансы; теперь полное развитіе королевской идеи до ея крайнихъ послѣдствій было обезпечено. Администрація, судъ, финансовое устройство, получили ту организацію, которая въ главныхъ своихъ чертахъ перешла въ новую исторію. Новаторскія идеи начала XV вѣка, впрочемъ съ значительными ограниченіями, проникли въ жизнь и легли въ основу государственнаго механизма. Карлъ старался воскресить торговлю въ своемъ государствѣ. Онъ уничтожилъ незакон-

⁽¹⁾ Освобожденіе сельскихъ общинъ во Франціи началось еще съ конца XIII вѣка. Освобожденіе коммунъ играло великую роль въ этомъ великомъ социальномъ явленіи. Въ XIII и XIV вѣкахъ крестьяне получаютъ свободу цѣлыми селеніями, иногда феодальный сеньоръ освобождалъ всѣхъ своихъ крестьянъ. Освобожденная община получала названіе коммуны. Вліяніе городской коммуны на это постепенное освобожденіе сельскаго сословія, а также внутреннее устройство сельскихъ коммунъ и отношеніе ихъ къ феодальнымъ сеньорамъ, будутъ указаны нами на основаніи документовъ города Реймса.

ныя пошлины (réages), мѣтавшія торговымъ споменіямъ внутри государства. Онъ принялъ дѣятельныя мѣры для улучшенія путей сообщенія. Онъ покровительствовалъ и внѣшней торговлѣ. При Карлѣ VII мы видимъ значительный прогрессъ въ благосостояніи народной массы. Поэты того времени воспѣваютъ радости жизни, правосудіе, безопасность земледѣльца, изобиліе хлѣба и вина и т. п. Конечно восторгъ этотъ былъ вызванъ контрастомъ лучшаго порядка съ ужасами предшествующаго царствованія. Но нельзя не замѣтить дѣятельной роли королевской власти въ этой перемѣнѣ къ лучшему. Порядокъ, довольство, безопасность, все это исходитъ съ высоты трона, во имя королевской власти. Онъ есть цвѣтъ административнаго единства для всего государства. У подножія престола—близкіе къ царю люди и совѣтники принадлежать къ третьему сословію. Отъ королевскаго центра идутъ, какъ радіусы, разныя функціи общественной администраціи во всѣхъ ея отрасляхъ.

Королевская власть опирается на регулярное войско и твердо организованную систему финансовъ. Пользуясь этими могущественными средствами, при Людовикѣ XI она смѣло выступаетъ на борьбу съ феодализмомъ, снова возродившимся, благодаря внѣшнимъ несчастіямъ и внутреннимъ смутамъ. Побѣда королевской власти на этотъ разъ была полная. Царствование Людовика XI было постоянной борьбой за единство власти, во имя королевской идеи; стремленіемъ его было уравнивать передъ собой всѣ классы общества. Въ этой борьбѣ всѣ средства считались позволенными,—коварство, хитрость, жестокость. Людовикъ XI, своей безпощадной жестокостью и неумолимой настойчивостью, напоминаетъ типы демократическихъ диктаторовъ Римской Имперіи. Промышленность городского сословія, заключившуюся въ тѣсныхъ рамкахъ цеховой корпораціи, онъ хотѣлъ сдѣлать доступной для всѣхъ. Подобно Іоанну Доброму, онъ стремился разорвать цеховую замкнутость, сдѣлать цехъ доступнымъ для всѣхъ и cadaго. Онъ приглашалъ въ свой совѣтъ богатыхъ негоціантовъ и съ ними толковалъ о средствахъ поднять торговлю въ государствѣ. Онъ заботился объ открытіи новыхъ рынковъ, новыхъ фабрикъ. Онъ создалъ купеческій флотъ; по его инициативѣ улучшались дороги, рылись каналы, разрабатывались рудники. Привилегіями онъ привлекалъ во Францію толпы иностранныхъ мастеровъ особен-

но изъ Италіи. Его армія въ четверо была многочисленнѣе арміи отца; онъ основалъ флотъ; онъ строилъ страшныя укрѣпленія на границахъ королевства. Какая-то лихо-радочная дѣятельность — охватываетъ французскую націю по инициативѣ королевской власти. Эта власть является уже передъ нами со всѣми чертами монарховъ новой исторіи. Одолѣвши внутреннихъ враговъ, сокрушивши послѣднія силы феодализма, сломивши демократическія стремленія третьяго сословія, она во всеоружіи готовится выступить на арену новой исторіи. Она понимаетъ силу и значеніе третьяго сословія; она знаетъ, что главный нервъ государства промышленное и торговое богатство; оттого она, эта область, покровительствуетъ третьему сословію, употребляетъ всѣ усилія для созданія національной промышленности и торговли. Но это стремленіе быстро переходитъ въ правительственную опеку, которая сама по себѣ есть одно изъ самыхъ сильныхъ препятствій для успѣховъ торговаго и промышленнаго развитія. Притомъ королямъ, для проведенія въ жизнь своихъ предначертаній, нужны деньги и деньги. При Людовикѣ XI подати и налоги увеличились чрезвычайно. Нація, не успѣвшая отдохнуть отъ ужасовъ прошедшихъ царствованій, глубоко страдала подъ этимъ тяжелымъ гнетомъ. Буржуазія не любила Людовика, хотя и была вѣрна ему. Его глубокіе замыслы, его мысли объ общественномъ благѣ, всѣ замыслиаемыя имъ реформы, оставались чуждыми для народной массы. Все совершалось въ глубокой таинственности, въ тиши кабинета, въ четырехъ стѣнахъ королевскаго замка. Его приближенные и совѣтники, какъ напр. біографъ его Филиппъ Коминъ, при всемъ увлеченіи личностью короля, плохо его понимали. Смерть Людовика для французскаго народа казалась освобожденіемъ отъ тяжелаго ига. Въ 1484 году были созваны États-Généraux, — послѣднее средневѣковое національное собраніе. Никогда еще французская нація не имѣла такого полнаго представительства отъ всѣхъ сословій; всѣ провинціи не только сѣверной и средней, но и южной Франціи прислали въ Парижъ своихъ представителей. Избраніе депутатовъ было произведено по всей формѣ; по всей формѣ велись дебаты. Никогда еще вопросъ о политическомъ значеніи États-Généraux, начиная съ самого 1356-г., не былъ поставленъ съ такою ясностью. Много громкихъ словъ было сказано на этомъ собраніи, много благородныхъ стремленій

было заявлено. Рѣчи депутатовъ поражаютъ своей смѣлостью и новаторскимъ духомъ. „Королевская власть есть обязанность, а не наследственная привиллегія. Верховная воля народа создала королей; поэтому верховная власть въ государствѣ принадлежитъ не королямъ, а народу. Кто держитъ въ рукахъ своихъ власть безъ народнаго согласія, тотъ по справедливости можетъ быть названъ похитителемъ чужихъ правъ. Въ случаѣ малолѣтства или неспособности короля, верховная власть возвращается къ народу. Народъ составляетъ совокупность всѣхъ жителей королевства. Собраніе государственныхъ чиновъ слѣдуетъ считать представителемъ воли народной.“ Вотъ темы дебатовъ этого собранія. Кажется, вы слышите бурныя рѣчи пламенныхъ борцовъ третьяго сословія въ вѣкъ французской революціи. Но разочарованіе начинается съ того, что эти, повидимому, демократическія идеи высказаны дворяниномъ, а не депутатомъ третьяго сословія. Подъ этой верховной властью народа скрываются аристократическія тенденціи потомка прежнихъ феодаловъ. Третье сословіе на этотъ разъ хлопотало не о теоріи происхожденія королевской власти, не о правахъ народа на высшее значеніе въ королевствѣ, а о насущныхъ своихъ потребностяхъ, объ уменьшеніи податей и налоговъ. Но и это не удалось ему: такса налоговъ была еще увеличена. Собраніе разошлось, не постановивши ничего особенно важнаго; всѣ его распоряженія касались только интересовъ минуты. Его требованіе, чтобы собранія чиновъ были созываемы каждые два года, осталось только требованіемъ. Карлъ VIII долго управлялъ государствомъ безъ États-Généraux. Подати налагались и собирались безъ согласія націи. Журналы собранія чиновъ 1484 г. остались только памятникомъ благородныхъ порывовъ нѣкоторыхъ лицъ и печальнаго положенія народа подъ бременемъ налоговъ разнаго рода. Въ собраніи этомъ выразилось торжество королевскаго принципа. Теперь, кромѣ обѣщавій да обманутыхъ надеждъ, французская націи ничего уже не могла ждать отъ своихъ монарховъ. Дальнѣйшая судьба третьяго сословія принадлежитъ уже новой исторіи.

Мы остановились съ подробностью на демократическихъ стремленіяхъ третьяго сословія въ XIV и XV вѣкахъ. Значеніе третьяго сословія въ эти два столѣтія переходитъ изъ городовъ на болѣе широкую арену государственныхъ собраній. Стремленія этого сословія къ участію въ управленіи

государствомъ не удались; но они не прошли безслѣдно для французской исторіи. Нѣкоторыя изъ идей общественнаго порядка, гражданскаго благоустройства, судебной организаціи, общественнаго хозяйства, правильной системы финансовъ, выработанныя городской живнью и заявленныя на собраніяхъ чиновъ, проникли въ государственный организмъ. Королевская власть, жестоко карая демократическій духъ буржуазіи, сама въ лицѣ легистовъ, путемъ упорной борьбы проводила въ жизнь идеи этого сословія, только измѣняя ихъ идеями римскаго права о единой верховной власти въ государствѣ. Случалось конечно, что въ жизни, въ дѣйствительности, идеи третьяго сословія являлись въ искаженномъ видѣ. При усилившемся абсолютизмѣ французскихъ королей легко встрѣтить множество злоупотребленій. Но въ то же время была одержана великая побѣда; феодализмъ палъ, благодаря союзу третьяго сословія съ королевской властью. Национальное единство создано,—единство во всѣхъ странахъ государственнаго управленія,—единство законовъ, суда, администраціи и т. д. Но эта побѣда досталась французской націи цѣной ея собственной свободы. Муниципальныя учрежденія въ XIV и XV вѣкахъ болѣе и болѣе приходятъ въ упадокъ и представляютъ только тѣнь прежней свободы городскихъ общинъ. Замѣчательно, что политическія тенденціи третьяго сословія совпадаютъ съ упадкомъ муниципальных учреждений городскихъ общинъ.

Мы снова обращаемся къ Амьенской коммунѣ; здѣсь мы найдемъ подтвержденіе нашихъ положеній. Мы укажемъ главные симптомы этой агоніи коммунальной свободы подъ подавляющимъ вліяніемъ королевскаго абсолютизма. Мы увидимъ причины паденія коммунальныхъ учреждений, отчасти кроющихся въ самой коммунальной организаціи. Мы прослѣдимъ послѣднія вспыхивающія умирающей свободы, которыя были отголоскомъ демократическихъ стремленій столицы, или поддерживались сношеніями съ свободными коммунами Фландріи.

Мы видѣли уже отношенія королевской власти при Валуа къ коммунамъ. Выѣшательство Филиппа VI въ дѣла Амьенской коммуны доходитъ до мелочей. Городскія власти, вздумавши построить новую бойню, должны были попросить

королевское позволеніе (¹). Потребовалось повѣсить на городской башнѣ колоколъ, по звуку котораго рабочіе должны были пачинать и оканчивать свои работы,—опять потребовалось королевское разрѣшеніе (²). Коммуна не распоряжается уже по собственному усмотрѣнію городскимъ имуществомъ,—городскими землями, пашнями и лугами. Для разработки торфа въ одномъ болотѣ спросили позволенія высшей власти (³). Король стремился расширить свою власть на счетъ городской юрисдикціи. Орудіемъ королевской власти служить парламентъ. Въ одномъ изъ парламентскихъ дебатовъ королевскій прокуроръ развиваетъ уже такую теорію отношеній королевской власти къ коммунамъ: король—сюзеренъ Амьена и имѣетъ въ городѣ права высшей, средней и низшей юрисдикціи. Права эти онъ можетъ временно передавать кому хочетъ, *per concessionem*. При самомъ возникновеніи коммуны нѣкоторыя изъ этихъ правъ король передалъ городскому совѣту, другія предоставилъ себѣ. Отсюда ясный выводъ, что король имѣетъ право и отнимать уступленные имъ временно права (⁴). Теорію эту королевская власть въ XIV в. начинаетъ уже примѣнять къ дѣлу. Въ 1332 году важныя жалобы поступили къ королю на злоупотребленія городского совѣта въ дѣлахъ судебныхъ. Королю писали изъ Амьена, что многія важныя преступленія мѣромъ и городскими засѣдателями оставлены безъ наказанія. Возникло дѣло: членовъ городского совѣта потребовали на судъ въ парламентъ. Королевскій прокуроръ предложилъ лишить Амьенъ коммунальнаго устройства. Городской совѣтъ поспѣшилъ войти въ сдѣлку; онъ заявилъ, что не думаетъ судиться съ своимъ государемъ. Но этотъ разъ коммуна поплатилась только правами превотства. Король подтвердилъ коммунальную хартію со всѣми правами и вольностями города (⁵). Для него не было особенной выгоды уничтожить коммунальное устройство; онъ довольствовался одной только угрозой и тѣмъ, что всегда могъ примѣнить ее къ дѣлу, если найдетъ это нужнымъ.

При Филиппѣ Валуа въ первый разъ встрѣчаемъ примѣніе королевскаго права помилованія относительно лицъ

(¹) Monum. t. 1. p. 429. Докум. 1330 г.

(²) Ibidem. p. 456. Докум. 1335 г.

(³) Ibidem. p. 476. Докум. 1340 г.

(⁴) Ibidem. p. 478. Докум. 1341 г.

(⁵) Ibidem. p. 437. Докум. 1332 г.

приговоренныхъ городскимъ судомъ. Такъ король освобождаетъ отъ изгнанія какого-то Роберта Бовапа и приказываетъ коммуцѣ не касаться его личности и имущества. Какъ бы чувствуя нарушение правъ городского совѣта, опъ прибавляетъ, что подобное помилованіе не должно служить въ ущербъ судебнымъ правамъ городского совѣта (¹). На этотъ разъ коммуна уступила; но въ 1344 г. въ подобномъ же случаѣ городской совѣтъ отказался отмѣнить свое рѣшеніе. Послѣдовало новое строжайшее приказаніе; но совѣтъ опять не послушался. Дѣло было передано въ парламентъ; къ сожалѣнію неизвѣстно, чѣмъ оно кончилось (²). Вмѣшательство королевской власти въ дѣла коммуны дѣлало ее жертвой произвола королевскихъ комиссаровъ. Одинъ убійца, приговоренный городскимъ совѣтомъ къ изгнанію, пожаловался королю. Для разслѣдованія дѣла была назначена секретная коммисія. Множество жителей ни въ чемъ не виновныхъ было привлечено къ дѣлу; ихъ имѣніе было конфисковано и сами они подверглись аресту. Коммуна жаловалась королю: была назначена новая коммисія, которая нашла, что прежняя превысила данную ей власть; свобода и имѣнія гражданъ были возвращены (³).

Королевская власть вмѣшивалась въ права коммуны относительно судебныхъ обезпеченій, въ заботы о малолѣтнихъ сиротахъ, относительно продажи имущества за неплатежъ долговъ и т. д. (⁴). Коммуна, избѣгая процессовъ, вступала въ соглашеніе съ королевскими чиновниками. Соглашенія эти обыкновенно оканчивались какой нибудь полумѣрой. Впрочемъ право завѣдыванія сиротскимъ имуществомъ городской совѣтъ сумѣлъ удержать за собой въ полномъ его объемѣ (⁵). Столкновеніе юрисдикціи муниципальной и королевской зависѣло иногда оттого, что городской совѣтъ судилъ на основаніи своего обычнаго права, тогда какъ королевскіе байльи, назначаемые большею частію изъ легистовъ, примѣшивали къ обычному праву понятія римскаго законодательства. Оттого подобныя соглашенія между городскимъ совѣтомъ и

(¹) Monum. t. 1. p. 474. Докум. 1338 г.

(²) Ibidem. Докум. 1344 г.

(³) Ibidem. p. 490. Докум. 1342 г.

(⁴) Ibidem. p. 494. Докум. 1343 г.

(⁵) Ibidem. p. 494. Докум. 1343 г.

королевскими байльи составляютъ источникъ для изученія права въ эту переходную эпоху.

Король назначалъ помимо городского совѣта на низшія городскія должности; это дѣлали и его придворные. Впрочемъ вълѣдствіе пастоянія городскихъ властей король отказался отъ подобнаго нарушенія правъ коммунъ (¹). Выѣшываясь въ городскія дѣла, расширяя власть свою на счетъ городского совѣта, король поддерживаетъ коммуну въ спорахъ съ епископомъ. Нѣкоторыя права епископа не только свѣтской, но и духовной его юрисдикціи, посредствомъ парламентскихъ рѣшеній, переходятъ къ городскому совѣту. Такъ, напримѣръ, возникъ споръ о правѣ епископа судить прелюбодѣяніе. Это позволяло духовной власти выѣшываться въ семейный бытъ горожанъ, поворить ихъ жизнь по несправедливымъ подоврѣніямъ и вымогать значительныя суммы въ видѣ штрафа. По рѣшенію парламента дѣла о прелюбодѣяніи должны вѣдаться городскимъ судомъ. Такъ какъ епископъ упорствовалъ, то ему было приказано отказаться отъ своихъ притязаній, подъ страхомъ конфискаціи свѣтскихъ владѣній (²). Епископъ имѣлъ право благословлять брачное ложе новобрачныхъ черезъ три дня послѣ свадьбы. Кто хотѣлъ получить благословеніе раньше, тотъ платилъ большую сумму денегъ (до 30 ливровъ); кто хотѣлъ обойтись безъ благословенія, съ того выскивался штрафъ. По жалобѣ коммуну парламентъ ограничилъ и эти притязанія епископа (³).

Въ судебной практикѣ этого времени мы видимъ развитіе судебного процесса со всѣми его формальностями. Городскимъ совѣтомъ былъ составленъ особый уставъ, подробно опредѣляющій ходъ судопроизводства, начиная съ приглашенія въ суду тяжущихся—до окончательнаго постановленія рѣшенія (⁴). Вотъ нѣкоторыя любопытныя подробности средневѣковаго процесса по дѣламъ гражданскимъ. Судъ производился въ особой залѣ городской ратуши: тамъ судили не только члены городского совѣта, но и королевскій байльи. Мѣсто для суда было отгорожено рѣшеткой, охраненіе ко-

(¹) Monum. t. 1. p. 440. Докум. 1332 г.

(²) Ibidem. p. 462. Докум. 1336 г.

(³) Ibidem. p. 462. Докум. 1336 г.

(⁴) Ibidem. p. 445. Докум. 1333 г.

торой поручалось особому сержанту. Онъ впускалъ за рѣшетку только лицъ прикосновенныхъ къ дѣлу. Для приглашенія тяжущихся былъ придуманъ оригинальный способъ: на городской башнѣ, которая возвышалась надъ ратушей, съ разрѣшенія короля былъ повѣшенъ особый колоколь, по звуку котораго заинтересованныя въ дѣлѣ стороны должны были являться въ судъ. Если во время благовѣста, которая выбудь изъ сторонъ въ судъ не явилась, то дѣло рѣшалось за ея отсутствіемъ. Эта мѣра объясняется тѣмъ, что вслѣдствие неявки тяжущихся чрезвычайно замедлялся ходъ процессовъ. Наконецъ колокольный звонъ прекращался и начинался допросъ явившихся лицъ. Тяжущіеся могли имѣть адвокатовъ или прокуроровъ (въ то время оба эти на званія смѣшивались), которые получали денежное вознагражденіе. Они должны были говорить стоя, одинъ за другимъ—по очереди и не перебивать другъ друга; за несоблюденіе этого правила былъ назначенъ штрафъ. Главная сила судебного доказательства въ то время заключалась въ показаніяхъ свидѣтелей, а не въ письменныхъ документахъ. Свидѣтели обыкновенно допрашивались подъ присягой. Они могли говорить только опредѣленное время. Вѣроятно это имѣло цѣлью отстранить пустословіе свидѣтелей. Допросъ записывался особымъ присяжнымъ клирикомъ въ присутствіи двухъ засѣдателей. Каждая сторона получала особое удостовѣреніе, что ея свидѣтели были спрошены подъ присягой. Это дѣлалось для того, чтобы оклонить всякое подозрѣніе со стороны противной партіи. Рѣшеніе обыкновенно постановлялось сейчасъ же, послѣ выслушанія всѣхъ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ, или не дальше, какъ на другой день послѣ засѣданія. Краткій протоколъ засѣданія выдавался тяжущимся, и они или адвокаты ихъ, черезъ три дня, считая отъ выдачи протокола, должны были представить въ судъ письменный азтъ, въ которомъ подробно излагались представленныя ими въ судъ доказательства (raisons). Въ то время, когда не знали стенографіи, не умѣли даже быстро записывать судебныя дебаты, подобный актъ долженъ былъ служить для секретаря (greffier) матеріаломъ, по которому онъ составлялъ подробный протоколъ судебного рѣшенія. Адвокаты въ представляемомъ актѣ ручались, что въ немъ изложены тѣже самыя доказательства въ пользу ихъ стороны, какія были заявлены и во время самого процесса. Если бы другая сторона уличила ихъ во лжи,

то они подвергались штрафу. Мы знаемъ, что аппеляція на рѣшеніе городского суда подавалась въ парламентъ; но судебный уставъ XIV в., изъ котораго мы заимствуемъ подробности процесса, не назначаетъ срока для этой аппеляціи. Но съ вѣроятностью можно заключить, на основаніи другихъ документовъ, что дѣло въ парламентѣ обыкновенно пересматривалось въ ближайшее его засѣданіе, — назначенное для округа амьенскаго байльи⁽¹⁾. Нельзя сказать, чтобы во всѣхъ коммунахъ судебный процессъ былъ заключенъ въ однообразныя формы. Онъ разнообразился по мѣстностямъ, хотя нужно сказать, что образцомъ служили для него парламентскіе процессы.

Отношеніе королевской власти къ коммунамъ выражалось не столько въ административной или судебной сферѣ, сколько въ финансовой, — въ тѣхъ податяхъ и налогахъ, которые депутаты отъ городовъ втировали на собраніяхъ États-Généraux, которые королевская власть стремилась сдѣлать постоянными и которые тяжелымъ бременемъ ложились на экономическое развитіе коммунъ. Впрочемъ города подчинялись этимъ налогамъ не безъ сопротивленія; по крайней мѣрѣ они старались получить за это какъ можно больше правъ. Иногда требованія со стороны коммунъ отличались неумѣренностью. Вотъ одинъ изъ числа многихъ случаевъ такого рода. Король Филиппъ (Вазуа) потребовалъ отъ всѣхъ городовъ королевства субсидіи на содержаніе флота. Мотивомъ было выставлено то обстоятельство, что предполагаемый флотъ имѣетъ своимъ назначеніемъ охранять внѣшнія торговыя сношенія городскихъ общинъ. Подать должна быть собираема со всѣхъ товаровъ. Королевскіе комиссары явились и въ Амьенъ; было созвано и народное собраніе, которое согласилось на требуемую субсидію, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы товары, разъ оплаченные королевской пошлой въ Амьенъ, были уже свободны отъ нея во всѣхъ городахъ Франціи. Палата счетовъ растолковала коммунѣ, что исполненіе подобнаго требованія, кромѣ огромныхъ затрудненій и повода къ разнаго рода обманамъ, равняется унич-

(¹) Для каждаго округа назначалось въ парламентѣ нѣсколько засѣданій въ извѣстныя дни въ году, которые назывались напр. *jour du baillage d'Amiens* и т. п. Warnkönig. Franz. Rechts-Geschichte. t. 4. V. 338.

тоженію пошлины съ тѣхъ товаровъ, для которыхъ Амьенъ служилъ складочнымъ мѣстомъ. Коммуна согласилась съ замѣчаніями палаты и пошлина была принята безъ всякихъ ограниченій ⁽¹⁾. Короли находили и другое средство вымогать изъ коммуны деньги. Вообще вужно сказать, что въ эту эпоху весьма замѣтно обнаруживается обѣднѣніе коммуны. На Амьенѣ, напр., лежали большіе долги, уплатить которые изъ обыкновенныхъ доходовъ коммуна была не въ состояніи. Одна королевская грамота свидѣтельствуетъ о печальномъ положеніи Амьенской коммуны. Она должна огромныя суммы разнымъ лицамъ; на ней лежитъ уплата пожизненныхъ рентъ, которая давно не производилась за неимѣніемъ денегъ. Король говоритъ, что если не будутъ приняты мѣры, то обѣднѣніе города дойдетъ до послѣдней степени. Для поправленія городскихъ финансовъ король разрѣшаетъ пошлину съ товаровъ. Но сожалѣніе короля не помѣшало ему выговорить себѣ третью часть этой пошлины ⁽²⁾.

Тяжелое положеніе французскихъ коммуны къ половинѣ XIV вѣка сдѣлалось еще хуже. Начинались тяжелыя войны съ Эдуардомъ III англійскимъ, изъявившимъ свои притязанія на французскую корону. Тяжесть войны падала преимущественно на городское сословіе. Не проходило почти ни одного года, въ который бы короли не требовали отъ городовъ субсидій и разнаго рода податей и пошлинъ на содержаніе наемныхъ войскъ ⁽³⁾. Города и на этотъ разъ выговаривали себѣ разныя льготы, соглашались платить подати на извѣстныхъ условіяхъ. Такъ въ 1351 г. амьенцы согласились допустить раскладку и сборъ королевской субсидіи съ тѣмъ, чтобы извѣстная часть шла въ пользу коммуны, чтобы въ теченіе этого года коммуна была свободна отъ другихъ повинностей и между прочимъ отъ личной службы ея членовъ въ королевскомъ войскѣ ⁽⁴⁾. Кромѣ того коммуна освобождалась отъ

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 459. Докум. 1336 г.

⁽²⁾ Ibidem. p. 468. Докум. 1337 г.

⁽³⁾ Если подать была поголовная, то она бралась сообразно съ имуществомъ каждаго. Всякій подѣ присягой долженъ былъ объявить городскимъ сборщикамъ о своихъ доходахъ. Собранныя деньги передавались генеральному сборщику, котораго назначали или король или États-Généraux. Докум. 1356 г. p. 574.

⁽⁴⁾ Monum. t. 1 p. 552. Докум. 1361 г.

обязанности службы въ войскѣ тѣхъ феодаловъ, въ которыхъ она находилась въ ленныхъ отношеніяхъ, т. е. отъ которыхъ они держали землю, съ обязательствомъ исполненія всѣхъ феодальныхъ обязанностей (¹). Но коммуны служили королю не одними только деньгами. Фруассаръ рассказываетъ, что Амьенская милиція, отправлявшаяся къ королю Филиппу, встрѣтилась съ англійскимъ отрядомъ, когда онъ переправлялся черезъ Сену. Завязалось сраженіе: амьенцы дрались храбро. Много было убитыхъ съ той и другой стороны; но наконецъ англичане одолѣли. Французы были всѣ перебиты, или взяты въ плѣнъ; однихъ убитыхъ было до 1200 человекъ (²). Городъ Амьенъ составлялъ важный стратегическій пунктъ по своему положенію на Соммѣ. Ему постоянно грозила осада и всѣ ужасы непріятельскаго опустошенія. Поэтому пондобились большіе расходы на сооруженіе укрѣпленій. Въ городѣ былъ опредѣленъ особый полкъ съ этой цѣлью (³). Король принудилъ епископа, капитуль и нѣкоторыхъ феодальныхъ сеньоровъ принять участіе въ этихъ расходахъ (⁴). По случаю военнаго времени, при Филиппѣ Валуа, коммуна была взята подъ особое покровительство короля. Трѣмъ сержантамъ амьенскаго байльи дано было полномочіе охранять права города, оказывать его жителямъ защиту и законное содѣйствіе, противъ всякаго насилія и нападенія со стороны вооруженныхъ людей. Всякаго, кто нарушилъ бы городскія права, они имѣли право требовать на судъ къ байльи или въ парламентъ. Но самимъ запрещено было вмѣшиваться во внутреннія дѣла коммуны (⁵). Въ эпоху смутъ всякаго рода, подобная мѣра имѣла большое значеніе для городскихъ жителей. Подобныя грамматы были разосланы по всѣмъ городамъ Франціи. Особенно ихъ много было роздано городамъ Пикардін. Впрочемъ такая гарантія не всегда оказывалась достаточной. Въ Амьенѣ каждый день происходили ссоры и драки; много убійствъ было совершено на городскихъ улицахъ. Напрасно городской совѣтъ нѣсколько разъ повторялъ запрещеніе носить кому либо въ городѣ оружіе, кромѣ лицъ составлявшихъ городскую милицію.

(¹) Monum. t. 1. p. 552. Докум. 1347 г.

(²) Froissart. t. II. Chap. CCLXXIV. p. 325. éd. Bucton.

(³) Monum. t. 1. p. 527. Докум. 1346 г.

(⁴) Ibidem. p. 581, 571, 575. Докум. 1347, 1355 и 1357 гг.

(⁵) Ibidem. p. 525. Докум. 1346 г.

Потребовалось возобновить старинный законъ Людовика Святаго,—такъ называемый *quarantaine du roi*. Въ теченіе 40 дней запрещено было мстить лицу, нанесшему раны или смерть кому либо изъ жителей Амьена (1).

Тяжести войны, королевскіе поборы, злоупотребленія королевскихъ комиссаровъ, пробудили и въ Амьенѣ тотъ же духъ оппозиціи, который выразился на собраніи чиновъ, во время регентства Карла V, и въ замыслахъ Марселя и Лекко, о которыхъ мы уже говорили. Въ 1357 г. жители Амьена участвовали въ освобожденіи Карла Злаго, котораго регентъ держалъ въ заключеніи въ одномъ изъ своихъ замковъ, недалеко отъ Амьена. Этотъ смѣлый замыселъ былъ исполненъ викаріемъ города Амьена, дворяниномъ Жаномъ-де-Шикиньи. При содѣйствіи гражданъ, онъ схватилъ въ Амьенѣ комменданта того замка, въ которомъ томился наваррскій король и силой заставилъ его освободить плѣнника. По другимъ рассказамъ, ему удалось добиться этого посредствомъ подложнаго письма отъ самого регента. Какъ бы то ни было, только 9 ноября 1357 года, на разсвѣтѣ, вырвавшійся изъ плѣна король прискакалъ въ Амьенъ, гдѣ много было преданныхъ ему лицъ. Извѣстно, что Робертъ Лекко, епископъ лаонскій, другъ Марселя,—сносился съ епископомъ города Амьена и старался чрезъ него склонить амьенскую буржуазію на свою сторону. Поэтому король наваррскій былъ встрѣченъ въ Амьенѣ съ большимъ торжествомъ. Немедленно онъ велѣлъ отворить церковныя и городскія тюрьмы и освободить всѣхъ преступниковъ. Въ народномъ собраніи онъ произносилъ рѣчи, обѣщая жителямъ разныя льготы. Есть извѣстіе, что нѣсколько льготныхъ грамотъ было уже дано имъ городскому совѣту. Краснорѣчіе его, по выраженію лѣтописца, было таково, что онъ заставлялъ всѣхъ проливать слезы. Пятнадцать дней провелъ король наваррскій въ Амьенѣ. Наконецъ, благодаря посредничеству королевы Бланки, онъ получилъ отъ своего соперника охранную грамоту и отправился въ Парижъ. Множество амьенскихъ гражданъ провожали его туда. Во время революціоннаго движенія въ Парижѣ амьенцы продолжали оставаться вѣрными духу оппозиціи. Они посылали грамоты въ другіе города, желая ихъ привлечь на свою сто-

(1) Monum. t. 1. p. 539. Докум. 1353 г.

рону. Когда регентъ въ 1358 году, проѣзжая изъ Компьена въ Корбію, потребовалъ къ себѣ цеховыхъ старшинъ города Амьена и нѣкоторыхъ изъ знатныхъ горожанъ, то они отказались къ нему явиться. Причина заключалась въ томъ, что они боялись мести Карла за сношенія съ его врагами. Городскіе посланные просили его пожаловать въ городъ, но безъ вооруженной свиты. Карлъ не поѣхалъ. Для насъ важнѣе этотъ фактъ въ томъ отношеніи, что онъ прекрасно рисуетъ взаимное недовѣріе верховной власти и городскихъ общинъ. Изъ этого же факта мы видимъ, что король въ то время не былъ еще полнымъ автократомъ въ отношеніи къ коммунамъ. Коммуна города Амьена не совсѣмъ еще потеряла духъ прежней независимости: она ведетъ переговоры съ регентомъ, какъ съ лицомъ себѣ равнымъ, отказывается выдать ему требуемыя бумаги, не пускаетъ его въ городъ. Но такое отношеніе продолжалось недолго; верховная власть соединилась съ феодалами, подавила демократическій духъ парижской буржуазіи и снова получила преобладающее значеніе въ государствѣ. Какъ же теперь отнесется побѣдитель къ побѣжденнымъ? Въ политикѣ Карла было не разрывать союза съ городскими общинами; напротивъ онъ снѣхитъ скрѣпить эту ослабѣвшую связь, вступить въ доброе дружеское отношеніе къ коммунамъ. Франція грозилъ отчаянная борьба съ вѣковымъ ея врагомъ; позорный миръ, заключенный Іоанномъ, возмутилъ національную гордость. Нужно было подумать о средствахъ къ борьбѣ, нужно было подумать о деньгахъ на уплату огромнаго выкупа за вѣнценоснаго плѣнника. И вотъ въ 1358 году регентъ посылаетъ въ Амьенъ грамоту: тономъ неудовольствія говоритъ онъ о союзѣ коммуны съ его врагами, — Карломъ Злымъ, Жаками, парижской буржуазіей; съ неумолимой точностью, съ мелкими подробностями перечисляетъ онъ причины своего неудовольствія противъ коммуны. Онъ не забылъ и о томъ, какъ жители не пустили его въ городъ, какъ не хотѣли выдать ему льготныхъ грамотъ наваррца. „Если бы мы захотѣли поступить съ виновными по справедливой строгости, пишетъ Карлъ, то слѣдовало бы уничтожить коммуну, прилично наказать виновныхъ, а имущество ихъ взять въ наше распоряженіе. Но, принимая во вниманіе прежнія услуги коммуны по отношенію къ намъ и нашему отцу, милостиво прощаемъ злоумышленникамъ всѣ ихъ преступленія. Запре-

щаемъ начинать противъ нихъ какое нибудь судебное преслѣдованіе; а если оно уже начато, то повелѣваемъ прекратить, освободить арестованныхъ и все предать полному забвенію“ (1).

Но милостивая грамота регента не расположила къ нему гражданъ Амьена. Болѣе богатая и знатная фамилія въ городѣ, вмѣстѣ съ городскимъ совѣтомъ, продолжали держать сторону Карла Злаго, тогда какъ масса бѣднаго народонаселенія стояла за регента. Здѣсь мы встрѣчаемся въ первый разъ съ внутреннимъ раздѣленіемъ коммунъ на двѣ партіи, которыя можно назвать аристократической и народной. Городская аристократія, состоявшая изъ банкировъ и богатыхъ купцовъ, а также наиболѣе богатыхъ мастеровъ нѣкоторыхъ привилегированныхъ цеховъ, имѣла преобладающее значеніе въ городѣ; изъ нея почти исключительно выбиралось городское начальство. Она раздѣляла замыслы парижскихъ демагоговъ относительно возведенія на престолъ наваррской династіи, сносилась съ Карломъ Злымъ и его приверженцами, — съ Марселемъ и Леккомъ и единомышленниками ихъ въ другихъ городахъ Франціи. Изъ этой партіи выбирались депутаты на собранія чиновъ, замышлявшіе государственныя перевороты, ограниченіе королевской власти и т. п. Конечно въ членахъ этой партіи, отличавшихся богатствомъ и умственнымъ превосходствомъ, было больше политическаго смысла и энергіи къ исполненію замысловъ, чѣмъ въ массѣ престонородья. Но неуспѣхъ аристократической партіи зависѣлъ оттого, что она стремилась къ исключительности, къ господству въ городѣ; она не была представительницей всего городского населенія, а только своихъ личныхъ интересовъ. Бѣдное народонаселеніе понимало это, держалось законной власти и не думало помогать замысламъ аристократовъ. Напротивъ, при первомъ удобномъ случаѣ, низшее городское сословіе было готово силой противиться осуществленію этихъ замысловъ, что и случилось въ томъ же 1358 году, вскорѣ послѣ обнародованія милостивой грамоты регента Карла. Жакъ Пикиньи, содѣйствовавшій освобожденію Карла Злаго изъ замка Арлѣ, задумалъ отъ его имени овладѣть Амьеномъ. Находясь съ своимъ отрядомъ въ одномъ

(1) Монум. т. 1. р. 583. Докум. 1358 г.

укрѣпленномъ замкѣ, въ 3-хъ лье отъ Амьена, онъ вошелъ въ сношеніе съ городскимъ мэромъ и знатной буржуазіей, державшейся Карла Злаго. Имъ удалось привлечь на свою сторону и королевскаго капитана Жана Сенъ-Фюсьана. Отрядъ наваррцевъ скрывался въ городскихъ предмѣстьяхъ, готовясь ворваться въ городъ. Въ ночь на 16 сентября, по распоряженію мэра, городскія ворота оставались не запертыми, и Пикини съ 500 человекъ безъ труда овладѣлъ той частью города, которая находилась между новыми и старыми укрѣпленіями⁽¹⁾. Когда вѣсть объ этомъ разнеслась въ городѣ, то бѣдное населеніе, цеховые мастера и рабочіе, вооружились чѣмъ ни попало и съ крикомъ: „измѣна! измѣна!“ спѣшили занять городскія ворота въ старыхъ укрѣпленіяхъ. Произошло сраженіе: много было убито и раненыхъ съ той и другой стороны, какъ вдругъ изъ Корби награнуль отрядъ подъ начальствомъ самого коннетабля Франціи Фіенна и графа Сенъ-Поля, — королевскаго намѣстника въ Пикардіи. Королевская партія имѣла благоразуміе напередъ отправить къ нимъ извѣстіе о намѣреніяхъ Пикини и наваррцевъ. Эти послѣдніе, не видя возможности защищаться, отступили и при этомъ сожгли амьенскія предмѣстья. Сгорѣло около 3000 домовъ, нѣсколько церквей и монастырей.

Начальники королевскаго отряда немедленно принялись за аресты; семнадцать главныхъ заговорщиковъ поплатились головами, въ томъ числѣ королевскій капитанъ и аббатъ одного монастыря. Милостивая грамота регента, прощающая приверженцамъ Карла наваррскаго ихъ вины, была отобрана. Въ тотъ же день графъ Сенъ-Поль въ народномъ собраніи потребовалъ отъ городскаго мэра отчета въ поведеніи. Такъ какъ его уклончивые отвѣты только подтверждали подозрѣніе въ измѣнѣ, то ему было объявлено, что онъ отрѣшается отъ должности. Прочіе члены городскаго совѣта тоже были отставлены. По приказанію королевскаго намѣстника цеховые старшины приступили къ новому избранію членовъ городскаго совѣта. Выбранный мэръ, по городскимъ кутюмамъ, долженъ былъ дать присягу прежнему мэру; но

(1) По случаю войны въ Амьенѣ были возведены новыя укрѣпленія, охватывавшія не только городъ, но и часть предмѣстій. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о значительномъ распространеніи города съ XII вѣка.

на этотъ разъ присяга дана была графу Сенъ-Полю. Послѣ этого королевская грамота была возвращена вновь избранному городскому начальству, начавшіяся преслѣдованія прекращены и членамъ коммуны объявлена полная амнистія (1).

Такимъ образомъ новая попытка аристократической партіи не удалась, главнымъ образомъ вслѣдствіе несогласія между самими членами коммуны. Но раздоры въ Амьенѣ не прекращались. Королевская власть искусно пользовалась этимъ раздѣленіемъ для усиленія собственнаго значенія въ городѣ. Послѣ послѣднихъ событій въ городѣ, когда значительно ослабѣла сила аристократической партіи, вліяніе на городскіе дѣла переходитъ къ цеховымъ мѣрамъ. Мы знаемъ уже, что городской совѣтъ пополнялся изъ аристократической партіи или ея приверженцевъ. Но со второй половины XIV вѣка цехи обнаруживаютъ стремленіе замѣщать нѣкоторые городскія должности лицами низшаго городского сословія. Вслѣдствіе этого возникла борьба между аристократической партіей и городскимъ совѣтомъ съ одной стороны и цеховыми старшинами или мѣрами съ другой. Члены городского совѣта сами подали поводъ къ нападению. Въ 1382 году цеховые старшины города Амьена принесли жалобу въ парламентъ на разныя злоупотребленія со стороны чиновъ городского совѣта за послѣднія 20 лѣтъ. Старшины жаловались, что городское начальство неизвѣстно на что растратило общественныя деньги, не выплачиваетъ общественныхъ рентъ, доходы съ сиротскихъ имѣній употребляетъ въ свою пользу, не давая отчета въ употребленіи городскихъ суммъ. Парламентъ назначилъ комиссію для разслѣдованія дѣла. На коммунѣ оказался страшный долгъ въ 24,000 ливровъ. Городскихъ доходовъ едва доставало на покрытіе расходовъ. Объ уплатѣ долга изъ обыкновенныхъ средствъ коммуны нечего было и думать. Въ городскомъ собраніи былъ предложенъ вопросъ, какія мѣры принять къ погашенію долга? Раздѣленіе между городскимъ совѣтомъ и цеховыми старшинами выразилось и въ этомъ вопросѣ. Члены совѣта предлагали торговую пошлину, которая падала главнымъ образомъ на промышленное цеховое городское сословіе. Цеховые старшины съ своей стороны предлагали поголовную подать,

(1) Monum. t. 1. p. 590. Докум. 1358 г.

которая падала на всѣхъ равномѣрно. Парламентъ утвердилъ мѣнѣе совѣта, и пошлина на 6 лѣтъ со всѣхъ напитковъ и съ одной краски была утверждена (¹). Новымъ поводомъ къ раздору между обѣими партіями послужили выборы того же 1382 года. Цеховые старшины, составлявшіе избирательный корпусъ, на должность главнаго городскаго казначея или великаго счетчика (*grand-compteur*) выбрали какого-то *Henri Roze*, человѣка принадлежащаго къ низшему городскому населенію, бѣднаго и даже безграмотнаго. Могивомъ въ такому выбору вѣроятно послужила честность Руа и недовѣріе къ аристократамъ. Но выборъ Руа былъ небывалымъ событіемъ въ исторіи городскихъ выборовъ; должность главнаго казначея обыкновенно поручалась людямъ богатымъ и пользовавшимся особымъ уваженіемъ въ городѣ. Городская аристократія видѣла въ этомъ выборѣ нарушеніе своихъ правъ и стремленіе демократовъ къ преобладанію въ городѣ; поэтому она рѣшилась уничтожить избраніе и поручила городскому совѣту выбрать на мѣсто Руа другаго болѣе достойнаго. Но Руа протестовалъ противъ такого нарушенія муниципальныхъ правилъ и хотѣлъ подать жалобу въ парламентъ. Тогда аристократическая партія, черезъ городской совѣтъ, обратилась къ королю съ просьбою, чтобы онъ собственною властью назначилъ на должность городскаго казначея, кого самъ найдетъ достойнымъ. Король назначилъ *Жана де Бовиля*. Это былъ первый примѣръ королевскаго вмѣшательства въ городскіе выборы (²).

Но король этимъ не ограничился; онъ рѣшился уничтожить самую систему выборовъ, существовавшую въ Амьенѣ съ XIII вѣка. Причиной послужило участіе амьенцевъ въ смутахъ, возникшихъ въ Парижѣ, и извѣстныхъ подъ именемъ бунта мальотинцевъ (³). Волненіе парижской черни, не хотѣвшей платить никакихъ податей, отозвалось и въ Амьенѣ. Пошлина по 12 динариевъ съ ливра со всѣхъ товаровъ, послужившая поводомъ къ возстанію мальотинцевъ, была объявлена и въ Амьенѣ, какъ и другихъ городахъ Пикардіи и Нормандіи.

(¹) *Monum.* t. 1. p. 702. Докум. 1382 г.

(²) *Ibidem.* p. 708—712. Докум. 1382 г.

(³) Парижская чернь овладѣла арсеналомъ и одѣлась въ желѣзныя кольчуги (*mailles*); отъ чего бунтовщики получили свое названіе.

Цехи отказались платить и силой воспротивились сбору установленной пошлины. Но высшій классъ буржуазіи воспользовался этими смутами для уничтоженія системы городскихъ выборовъ чрезъ цеховыхъ старшинъ. Черезъ это аристократическая партія снова надѣялась возвратить утраченное вліяніе на ходъ городскихъ дѣлъ. Повинуясь королевскому приказу, амьенскій байль въ день св. Симона пригласилъ въ городской совѣтъ лучшихъ гражданъ Амьена и приступилъ къ городскимъ выборамъ. Были выбраны мэръ, 12 засѣдателей и четверо казначеевъ, которые и составили городской совѣтъ на 1383 годъ ⁽¹⁾. Такимъ образомъ вліяніе цеховыхъ старшинъ на городской совѣтъ и городскую администрацію кончилось. Но за то огромное значеніе въ городскихъ дѣлахъ приобрѣла королевская власть. Въ измѣненной системѣ городскихъ выборовъ въ концѣ XIV в. нельзя не видѣть огромной разницы съ системой, существовавшей до половины XIII в. Тогда право избранія принадлежало всѣмъ членамъ коммунъ; теперь оно досталось на долю нѣсколькимъ фамиліямъ, отличавшимся богатствомъ и знатностью. Побѣда аристократической партіи была куплена цѣной городской независимости. Королевскіе чиновники приобрѣли участіе въ городскихъ выборахъ и сильное вліяніе на весь ходъ городского управленія. Смѣло можно ручаться, что теперь не упадутъ въ городской совѣтъ горячія головы, пропитанныя демократическими стремленіями Марсея и Леока. Всѣ вымогательства королевской власти, вся эта чудовищная система налоговъ, развившаяся въ концѣ XIV вѣка и въ XV в., не встрѣтятъ уже прямой, смѣлой оппозиціи со стороны бѣднаго городского населенія. Теперь вся тяжесть государственныхъ повинностей падетъ именно на это низшее городское сословіе. вмѣстѣ съ уничтоженіемъ избирательной системы въ Амьенѣ было уничтожено и самое званіе цеховыхъ старшинъ или маровъ. Цеховыя корпораціи потеряли право избирательныхъ собраній; они должны были находиться подъ непосредственнымъ управленіемъ городского совѣта. При этомъ король не забылъ и себя; онъ конфисковалъ въ свою пользу всѣ права, льготы, доходы и выгоды, соединенныя съ званіемъ цеховаго старшины, то есть, онъ объявилъ себя

(1) Monum. t. 1. p. 712.

старшиной всѣхъ цеховъ въ городѣ. Вслѣдствіе этого къ королю перешли и всѣ взыскапія цеховыхъ старшинъ, а также право продолжать тѣ иски, которые были уже начаты ими. Прекрасно характеризуетъ королевскую власть того времени искъ, начатый именемъ короля противъ коммуны. Процессъ между цеховыми старшинами и городскимъ совѣтомъ, по поводу растраты городскихъ суммъ и злоупотребленій по управленію городскими финансами, парламентъ рѣшилъ въ пользу цеховыхъ старшинъ; король въ качествѣ обладателя ихъ правъ потребовалъ отъ городского совѣта уплаты судебныхъ издержекъ по этому процессу; вѣроятно этого иска былъ значительнъ, потому что, только снисходя просьбамъ коммуны, король удовольствовался 2000 золотыхъ франковъ⁽¹⁾. Впрочемъ дѣло о злоупотребленіяхъ городскихъ властей этимъ не кончилось: оно тянулось до начала XV вѣка. Парламентъ посылалъ въ Амьенъ комиссаровъ для повѣрки счетовъ, но они ничего не могли сдѣлать. Члены совѣта отказывались неимѣніемъ письменныхъ документовъ и давностію времени. Наконецъ король велѣлъ превратить это дѣло⁽²⁾.

Въ XV вѣкѣ городской совѣтъ нѣсколько разъ хлопоталъ передъ королемъ о восстановленіи цеховыхъ мѣровъ, потому что „этого требуетъ общественная польза всего города“; такъ говорилось въ просьбѣ городского совѣта. Назначеніе цеховыхъ мѣровъ, по смыслу прошенія, должно быть предоставлено городскому совѣту, а не цехамъ. Но эти просьбы не имѣли успѣха: восстановленіе цеховой организаціи не входило въ разсчеты правительства и въ документахъ мы уже больше не встрѣчаемъ упоминанія о цеховыхъ мѣрахъ. Дальнѣйшая исторія Амьена въ XV в. находится въ связи съ общей исторіею Франціи. Жители этого города принимаютъ участіе въ раздорахъ принцевъ крови во время сумасшествія Карла VII. Они держались партіи Іоанна Безстрашнаго, герцога Бургундскаго; по его распоряженію они выгнали даже, королевскаго байльи и прокурора. Подъ его знаменами они принимали дѣятельное участіе въ осадѣ Кале 1405 года⁽³⁾. Къ внутреннимъ смутамъ присоединилась не-

(1) Monum. t. 1. p. 754. Докум. 1385 г.

(2) Ibidem. p. 8. Докум. 1403 г.

(3) Ibidem t. II. p. 60.

счастливая война съ англичанами. Битва при Азинкуръ въ 1415 г. была проиграна. Это была тяжелая пора для Амьена, какъ и для всей Франціи. Непрестанно требовались поборы то людьми, то деньгами. Началась осада Руана въ 1418 году. Король потребовалъ у коммуны огромной суммы, простиравшейся до 30,000 франковъ, и прислалъ комиссаровъ для сбора этого налога.

Въ это время мы видимъ между амьенцами патриотическое одушевленіе, которое знакомитъ насъ съ настроеніемъ умовъ въ эту эпоху. Борьба съ англичанами, походившая въ XIV вѣкѣ скорѣе на междоусобную войну, въ XV вѣкѣ принимаетъ религіозно-патриотическій характеръ. Въ Амьенѣ съ церковной кафедры гремѣлъ кармелитъ Кегренъ-де-Павильи, призывая гражданъ къ войнѣ съ врагами отечества. Патриотическое одушевленіе въ городѣ достигло высшей степени. Немедленно была отправлена на выручку Руана городская милиція. Къ ней добровольно присоединилось множество охотниковъ изъ гражданъ. Отрядъ сопровождали толпы мальчиговъ, увлеченныхъ проповѣдями кармелита. Такое патриотическое одушевленіе городского населенія предвѣщало скорѣе появленіе на исторической сценѣ Жанны д'Аркъ, — орлеанской дѣвы. Но скоро самому Амьену пришлось готовиться къ непріятельской осадѣ. Въ сентябрѣ 1419 года англичане явились подъ стенами города. Уже были опустошены городскія предмѣстья, уже англійское войско готовилось къ страшному приступу. Но осада была прекращена миромъ, который Карлъ VI поспѣшилъ заключить съ Генрихомъ V на тяжелыхъ условіяхъ для Франціи.

Дальнѣйшая исторія Амьена въ эту мрачную эпоху есть исторія тяжелыхъ жертвъ на общее дѣло, страшнаго упадка промышленно-торговаго развитія и страшныхъ раззореній со стороны чужихъ и своихъ войскъ. Снова была пущена въ ходъ система косвенныхъ налоговъ на всѣ товары, преимущественно на соль (*gabelle*); снова принялось правительство за выпускъ низкопробной монеты (*). Подати требовались не только королемъ Франціи, но и англичанами. Герцогъ Бедфордъ, — намѣстникъ Генриха VI во Франціи, обложилъ амьенскій округъ податью; на долю одного Амьена пришлось

(*) Monum. t. II. p. 88.

2800 ливровъ (¹). Приходилось платить и предводителямъ отдѣльныхъ отрядовъ для избѣжанія грабежей. Замѣчательно, что грабили преимущественно французскіе рыцари. Такъ амьенцы должны были каждый годъ платить огромныя контрибуціи Жану Бланфорту, который, занявши одинъ сосѣдній замокъ, производилъ страшныя опустошенія въ окрестностяхъ Амьена (²). Обѣднѣніе коммуны достигло высшей степени, когда Карлъ VII прислалъ комиссара въ Амьенъ требовать уплаты королевской подати въ 4080 ливровъ. Городское начальство объявило, что городъ не въ состояніи заплатить этой суммы. Народонаселеніе уменьшалось въ страшной пропорціи. Жители толпами оставляли городъ (³).

Во внутренней исторіи коммуны мы видимъ уже полный просторъ для королевскаго вмѣшательства. Система сбора податей измѣнена: прежде подати собирались большею частью выборными отъ коммуны; но съ 1449 г. обязанность эта была возложена на королевскихъ комиссаровъ (⁴). Городской совѣтъ самъ предложилъ эту мѣру: онъ не въ силахъ былъ производить взысканія тяжелыхъ контрибуцій съ обѣднѣвшаго народонаселенія (⁵). Вскорѣ мы видимъ новое посягательство со стороны короля на самыя коренныя права городского самоуправленія. 28 октября 1467 г. мэръ и засѣдатели собрались въ городскомъ общественномъ домѣ; было приглашено нѣсколько знатныхъ гражданъ; тутъ же находился и королевскій байльи. Собраніе готовилось приступить къ муниципальнымъ выборамъ, какъ вдругъ является одинъ буржуа съ грамотой отъ Людовика XI, которую онъ подалъ мэру. Граммата была прочитана: король объявлялъ городскому начальству, что должность мэра въ Амьенѣ отдана имъ на три года его совѣтнику и кравчему (échanton) Филиппу-де-Морвилье. Такое распоряженіе дѣлало бесполезнымъ собраніе. Начали думать, какъ сохранить добрыя отношенія къ королю и въ то же время соблюсти и городской законъ о выборахъ. Придумали такого рода средство: къ Морвилье была отправлена депутація съ просьбой, чтобы онъ отказался

(¹) Monum. t. II. p. 97. Докум. 1425 г.

(²) Ibidem. p. 116. Докум. 1432. Ср. Докум. 1441 г. p. 146.

(³) Ibidem. p. 164. Докум. 1446 г.

(⁴) Ibidem. p. 197. Докум. 1449 г.

(⁵) Срав. Докум. 1446 г. Monum. t. II. p. 174.

отъ королевскаго назначенія, и съ обѣщаніемъ, что онъ непремѣнно будетъ выбранъ на должность городскаго мэра. Но Морвилье предпочиталъ службу по королевскому назначенію службъ по городскимъ выборамъ и отказался. Тогда городской совѣтъ приступилъ къ избранію. Въ спискѣ кандидатовъ первымъ былъ записанъ Филиппъ де-Морвилье,—королевскій совѣтникъ. Но прежде отбиранія голосовъ байльи еще разъ прочиталъ королевскую граммату. Вотъ что говорилось въ ней:—„По верховной власти и по праву королевскаго величества, единственно только нашей особѣ принадлежитъ всеобщее управленіе во всемъ королевствѣ и въ нашихъ добрыхъ городахъ, какъ относительно назначенія на какія бы то ни было должности, такъ и въ правахъ судебныхъ и другихъ. Намъ единственно принадлежитъ право назначать въ городахъ мэровъ, засѣдателей и т. п. Мы можемъ вновь учреждать эти должности и назначать на существующія, кого найдемъ нужнымъ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Мы и предшественники наши издавна назначали въ Амьенѣ городскаго мэра, засѣдателей и прочихъ членовъ городскаго совѣта. Выборы этихъ начальниковъ производились въ Амьенѣ ежегодно въ силу нашихъ королевскихъ грамматъ, каждый разъ даваемыхъ нами и предшественниками нашими“.—Въ этой грамматѣ, что ни слово, то ложь. Но дѣлать было нечего: городское собраніе приступало къ выборамъ, и на должность мэра единогласно былъ назначенъ Филиппъ де-Морвилье (1).

Мы подробно рассказали этотъ фактъ, потому что онъ въ высшей степени характеристиченъ. Королевская граммата объявляетъ смертный приговоръ городской свободѣ. Коммуна безсильна передъ такимъ деспотомъ, каковымъ былъ Людовикъ XI. Но она хочетъ сохранить хотя только призракъ городской свободы и разыгрываетъ комедію. Но это въ высшей степени грустная комедія. Теперь для Амьена, и не только для одного Амьена, но и для всѣхъ городовъ Франціи, наступаетъ пора полнаго королевскаго самовластиа. Мрачный геній Людовика XI предначерталъ программу для королей новой исторіи. Программа эта: уравненіе предъ верховной властью всѣхъ классовъ общества, подавленіе свободы во

(1) Мопим. t. II. p. 272. Докум. 1464 г.

всѣхъ ея проявленіяхъ и тысячи злоупотребленій, неразрывно связанныхъ со всякой безконтрольной властью. Выполненіе этой программы опредѣлило дальнѣйшій ходъ французской исторіи и вызвало страшную реакцію 18 вѣка.

Такимъ образомъ во 2-й половинѣ XV в. городская свобода пережила послѣдній симптомъ своей агоніи. Какъ тѣнь прежней автономіи, какъ надгробный памятникъ городской свободы, городской совѣтъ города Амьена переходитъ и въ новую исторію и продолжаетъ существовать до 1597 года, когда Генрихъ IV уничтожилъ должность мэра и далъ новую организацію совѣту, за которымъ оставлены только нѣкоторыя права полицейскаго надзора въ городѣ (1).

Мы представили картину историческаго роста коммунальной свободы города Амьена съ 12 вѣка, ея процвѣтаніе въ XIII и упадка въ XIV и XV вѣкахъ. Досихъ поръ коммуна разсматривалась нами какъ политическая единица, въ связи съ цѣлымъ общественнымъ организмомъ, въ борьбѣ съ феодализмомъ, при постоянно усиливающимся внимательствѣ центральной власти, стремившейся ввести ее въ общую систему государственной администраціи. Мы видѣли, какъ мало по малу закидывалась эта административная сѣть на разноцвѣтную жизнь французской коммуны. Мы видѣли то противодѣйствіе, которое не разъ оказывала коммуна королевской власти въ этомъ ея стремленіи къ централизаціи. Но для того, чтобы дополнить эту картину городской жизни въ средніе вѣка, намъ остается сдѣлать краткій очеркъ состоянія промышленности и торговли въ Амьенѣ.

Промышленность средневѣковаго города опредѣлялась цеховыми статутами; поэтому изученіе ея всего лучше достигается изученіемъ цеховой организаціи промышленнаго, городского населенія. Мы должны сказать даже больше; самый характеръ городской жизни въ ея внутреннемъ строѣ всего лучше изучается въ цехахъ. Цеховая исключительность и замкнутость многое объясняетъ намъ въ городской жизни; она лучше знакомитъ насъ съ свѣтлыми и темными сторонами средневѣковой городской общины. Понятіе коммуны немислимо безъ понятія цеховой корпораціи: цеховая свобода была началомъ свободы коммунальной,—зерномъ, изъ котораго развилась эта послѣдняя. Съ развитіемъ цеховой исклю-

(1) Monuments. II. p. 1081.

чительности самая коммуна, доступная прежде для всѣхъ и каждаго, заключилась въ тѣсныя рамки извѣстнаго количества цеховъ, состоявшихъ въ свою очередь изъ извѣстнаго числа привилегированныхъ фамилій. Отождествленіе коммунальнаго строя съ цеховымъ есть одно изъ характеристическихъ явленій средневѣковой городской жизни. Отождествленіе это впрочемъ никогда не было полнымъ: въ коммунахъ всегда были члены, не включавшіеся въ тѣсныхъ рамкахъ извѣстнаго цеха; интересы ихъ шли въ разрѣзъ съ цеховыми интересами. Потому королевская власть противодействовала этой исключительности, которая наконецъ сдѣлалась характеристической принадлежностью цеховъ, которую они стремились распространить и на всю коммунальную организацію. Королевская власть находила много средствъ противодействовать этой исключительности: мы видѣли, какъ короли искусно поддерживали направленные противъ цеховъ стремленія аристократической партіи, какъ они своей собственной властью измѣнили систему выборовъ,—чѣмъ уничтожили вліяніе цеховыхъ старшинъ на городскую администрацію. Съ Іоанна Добраго мы видимъ попытку прямого вмѣшательства во внутреннее цеховое устройство. Іоаннъ хотѣлъ разорвать цеховую замкнутость, сдѣлать цехи доступными для всѣхъ и каждаго. Эта попытка не удалась; напротивъ цехи еще больше замкнулись сами въ себѣ и доступъ въ свою корпорацію сдѣлали еще затруднительнѣе, чѣмъ прежде. Цеховые статуты города Амьена въ первый разъ встрѣчаются со второй половины XIII в.; но они всего больше относятся къ XIV, особенно къ XV вѣку.—Это періодъ развитія цеховой организаціи. Цеховые статуты—главнѣйшій источникъ для изученія цеховъ и въ тоже время богатый матеріалъ для знакомства съ промышленностью средневѣковаго города. Какъ все городское законодательство, сначала они имѣютъ чисто мѣстный характеръ. Потомъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Франціи они получаютъ нѣкоторое однообразіе. Главные промышленные центры становятся образцомъ для окрестнаго населенія.

Въ затруднительныхъ случаяхъ города справляются съ цеховыми обычаями другихъ городовъ, гдѣ извѣстная про-

(²) Мопш. т. 1. р. 225. Докум. 1268 г.

индустриальная отрасль получила особенное развитие ⁽¹⁾. Нетъ сомнѣнія, что сѣверныя коммуны Франціи были подъ вліяніемъ фландрскихъ городовъ. Городъ Парижъ тоже имѣлъ вліяніе на цеховыя статуты другихъ городовъ. Составленный, по порученію Людовика Св., парижскимъ прево Етьенемъ Буало кодексъ цеховыхъ статутовъ для Парижа, извѣстный подъ именемъ *Livre des métiers* или точнѣе *Registre des métiers et marchandises*,—былъ образцомъ для многихъ городовъ и составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія средневѣковаго цеховаго устройства ⁽²⁾. Но общая черта всѣхъ цеховыхъ статутовъ та, что они принадлежатъ самимъ цехамъ, составляютъ оригинальный продуктъ средневѣковаго промышленнаго развитія. Даже *Livre des métiers* заключаетъ цеховыя вѣткы, которые были только собраны и изданы Етьенемъ Буало.

Королевская регламентация во весь періодъ среднихъ вѣковъ всего менѣе оказала вліянія на эту отрасль городского обычнаго права. Въ Парижѣ это вмѣшательство королевской власти началось нѣсколько раньше, но и тамъ королевскіе ордонансы, имѣющіе цѣлью опредѣленіе разныхъ правилъ производства, заработной платы, срока обученія извѣстному ремеслу и т. п., являются не раньше половины XIV вѣка. Въ провинціяхъ власть короля относительно цеховыхъ правилъ имѣла еще меньше значенія. Въ Амьенѣ мы встрѣчаемъ единственный случай и то уже въ XV в., когда цеховой статутъ былъ представленъ на утвержденіе королевской власти. Обыкновенно правила, касающіяся извѣстнаго производства, составлялись самимъ цехомъ и вносились на разсмотрѣніе и утвержденіе городского совѣта. Огромное число статутовъ города Амьена имѣютъ такое происхожденіе. Ихъ цѣль состояла въ томъ, чтобы получить прежде всего привиллегію на извѣстное ремесло, на извѣстную отрасль промышленности. Отсюда огромное число правилъ, ограничивающихъ доступъ въ цехъ для постороннихъ лицъ. Отсюда ревнивое наблюденіе, чтобы никто въ городѣ не смѣлъ заниматься извѣстнымъ ремесломъ, кромѣ лицъ принадлежащихъ цеху. Постороннимъ лицамъ только въ извѣст-

⁽¹⁾ *Monum. t. I. p. 576 et 577.*

⁽²⁾ Онъ надалъ *Depping*омъ въ *Docum. inéd. de l'hist. de France.*

ные дни и на известных условиях позволено было продавать в город свои произведения. Но этого было еще мало: в каждом цехе должно быть определенное число мастеров; всякий мастер должен иметь определенное число учеников. Цеховые статуты составлялись мастерами известного цеха; поэтому с такой точностью, с такой мелкой подробностью вычисляются все их права и привилегии; тогда как о правах огромной массы рабочих не говорится ни слова. Сначала цеховая корпорация имела свои хорошие стороны. Характер цеховой замкнутости обуславливался характером эпохи. В средние века против привилегий разного рода, которыми щедро были надѣлены высшие классы, только и можно было оградить себя тоже привилегиями. В виду разного рода притѣсненій естественно было промышленному рабочему люду сомкнуться в тѣсные корпорации. Цеховой союз, как и коммуна, главной цѣлью имѣлъ взаимную защиту своихъ членовъ. Цеховая корпорация послужила колыбелью, в которой выросъ промышленный трудъ; она послужила крѣпостью, в которой трудъ этотъ нашелъ себѣ убѣжище и защиту отъ феодальнаго насилия. Только благодаря цеховой замкнутости, городская промышленность могла достигнуть той высоты, на которой она стояла в концѣ XIII вѣка. Цехъ покровительствовалъ своимъ членамъ. Ревниво оберегая свои права и привилегіи, онъ всегда былъ готовъ на защиту каждаго изъ нихъ. Отношенія между членами цеховаго союза сначала отличались нѣкоторой теплотой, духомъ братской любви. Цехъ, вслѣдствіе характера эпохи, имѣлъ религіозный характеръ. Обыкновенно онъ находился подъ покровительствомъ какаго нибудь святаго. Въ Амьенѣ напр. плотники считали своимъ патрономъ св. Іосифа и т. п. Цехъ имѣлъ свою часовню или даже особую церковь. Иногда нѣсколько цеховъ имѣли особый придѣлъ въ соборной церкви Notre-Dame. Множество разноцвѣтныхъ стеколъ этого готическаго храма были пожертвованы цеховыми мастерами. На этихъ стеклахъ изображались разные гербы, печать коммуны и т. п. Но на нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ еще существуютъ изображенія цеховыхъ мастеровъ съ атрибутами ихъ ремесла: одни изъ нихъ твуть сукно или полотно, другіе на огромныхъ вѣсахъ вѣсятъ товары (1).

(1) Monum. t. I. p. 307.

случаю какогонибудь торжества, наприм. въ день цеховаго патрона, собирались всѣ принадлежавшіе къ цеху или къ нѣсколькимъ цехамъ. Послѣ службы день оканчивался общимъ празднествомъ.

Въ XII и XIII вѣкахъ характеръ цеховой корпораціи не отличался такимъ узкимъ характеромъ, какъ въ послѣдствіи. Много было причинъ, которыя заставляли всякаго ремесленника любить свою корпорацію. Онъ не былъ еще привязанъ къ ней на столько, чтобы не имѣть возможности оставить свое ремесло и избрать другое. Цехъ охотно принималъ новыхъ членовъ въ свою корпорацію: исключительность его относилась только къ лицамъ совершенно постороннимъ для цеха и не хотѣвшимъ применить къ нему. Каждый членъ цеха имѣлъ право выбирать начальниковъ, — цеховыхъ мэровъ и т. п., вмѣстѣ съ ними онъ судилъ своихъ товарищей; въ общихъ цеховыхъ собраніяхъ онъ принималъ участіе въ составленіи цеховыхъ правилъ. Совершенно иной характеръ получаютъ цехи въ XIV и XV вѣкахъ. Духъ замѣнутости, лежавшій въ основѣ цеховаго устройства, въ это время получаетъ особенную силу. Еще прежде цеховые статуты опредѣляли срокъ обученія извѣстному мастерству у какогонибудь мастера; раньше этого срока нельзя было получить званіе мастера. Въ XIV и особенно въ XV вѣкахъ срокъ этотъ значительно былъ увеличенъ. Но независимо отъ этого условія всякій желающій пріобрѣсти права цеховаго мастера (*maitre*) напередъ долженъ былъ подвергнуться долгому и трудному испытанію; онъ долженъ былъ представить образчикъ работы, по заказу цеховыхъ старшинъ или надсмотрщиковъ. Эта мѣра повидимому оправдывалась общественной пользой, служила гарантіей достаточнаго искусства въ желающемъ получить званіе мастера. Но въ сущности подобное испытаніе назначалось съ цѣлю уменьшить число мастеровъ, сохранить монологію нѣсколькихъ лицъ, успѣвшихъ получить это дорогое званіе. Въ цеховыхъ статутахъ Амьена чрезвычайно много правилъ относительно этого *chef d'oeuvre*: эги правила опредѣляютъ способъ, матеріалъ, приемы для заказанной работы, — мѣсто, гдѣ она должна быть исполнена и т. д. Они имѣютъ цѣлю предупредить разные обманы со стороны лицъ, подвергнутыхъ испытанію (¹). Когда наконецъ, съ

(¹) Мошш. t. II. p. 45. t. I. p. 786. t. II. p. 6. 365, 258, 415 и т. д.

большимъ трудомъ и большими издержками, работа была окончена, она представлялась на судъ знатокѣвъ. Если они не желали принять труженника въ свою корпорацію, работа забраковывалась и онъ снова долженъ былъ начинать ее съ мысли о новомъ неуспѣхѣ. Къ чести городского совѣта города Амьена нужно сказать, что онъ старался ограничить эти злоупотребленія (¹).

Наконецъ образчикъ признанъ удовлетворительнымъ. Но множество требованій преимущественно денежнаго характера ждутъ ремесленника прежде, чѣмъ удастся ему получить давно желаемое званіе. Мы не будемъ перечислять всѣхъ этихъ пошлинъ, взносов, приношеній въ пользу цеха, въ пользу старшины, на угощеніе товарищей, на свѣчу патрону и т. п. (²). Въ XIV и XV вѣкахъ вмѣстѣ съ цеховыми корпораціями получаютъ особенное развитіе братства (*confréries*), отличавшіяся преимущественно религіознымъ характеромъ. Начало ихъ нужно искать въ XIII вѣкѣ, но тогда они были еще рѣдки; тогда какъ въ слѣдующіе вѣка они получаютъ всеобщее распространеніе. Огромное число особыхъ статутовъ касаются этихъ братствъ. Цехъ и братства не всегда совпадали: иногда нѣсколько цеховъ составляли одно братство, иногда нѣсколько братствъ было въ одномъ цехѣ (³). Каждое братство имѣло особую часовню и особаго патрона; его изображеніе обыкновенно красовалось на знамени религіозной общины; его статуя стояла въ часовнѣ (⁴). Предметомъ особой заботливости каждаго братства была свѣча, носимая въ торжественныхъ процессіяхъ и похоронное сузно, на которомъ выносили тѣла умершихъ. Статуты назначаютъ часть цеховыхъ пошлинъ или штрафовъ на содержаніе этихъ священныхъ предметовъ. Особенно свѣча въ честь патрона была предметомъ дѣтскаго соревнованія между цехами. Она достигала иногда огромнаго вѣса и украшалась разнодѣвѣтными лентами. Были назначены особые лица, которые должны были хранить и носить ее во время процессій.

(¹) *Monum.* t. II. p. 152. *Докум.* 1452 г.

(²) *Ibidem.* p. 201. *Докум.* 1450. 258. *Докум.* 1462 г.

(³) *Ibidem.* p. 216. *Докум.* 1456 г.

(⁴) *Ibidem.* p. 431. *Докум.* 1488 г.

На членахъ братства лежали нѣкоторыя взаимныя обязанности. Всякій цеховой мастеръ долженъ былъ непремѣнно присутствовать на свадьбѣ и похоронахъ собрата (¹). За несоблюденіе этого правила взыскивается штрафъ. Во время похоронъ цеховаго мастера половина рабочихъ должна была оставлять работу. Торговцы, если сами не могли являться на похороны, то по крайней мѣрѣ должны были посылать своихъ женъ. Но если кто былъ не женатъ, то долженъ закрывать лавку (²).

Всѣ эти церемоніи сопровождались праздниками, пирами, попойками. Всѣ эти праздники, священныя церемоніи и т. п. стоили дорого. Цеховые статуты придумывали разные источники доходовъ на этотъ предметъ (³).

Цеховые статуты заключаютъ въ себѣ множество правилъ относительно самого производства предметовъ городской промышленности. Главная цѣль этихъ правилъ—доброкачественность работы. Общій характеръ цеховыхъ постановленій отличается большою недовѣрчивостью относительно ремесленниковъ. Онѣ отличаются ужасной мелочностью (⁴). Статуты опредѣляютъ матеріалъ для извѣстной работы, ея размѣры, даже приемы ея производства. Опредѣлялось время для работы. На городской башнѣ былъ особый колоколъ, по звуку котораго всѣ рабочіе должны были начинать, или прекращать работы, обѣдать, отдыхать и т. п. (⁵). Для соблюденія за исполненіемъ цеховыхъ правилъ въ каждомъ цехѣ были старшина и надсмотрщики (*maieurs et esgardes ou esgardes*) (⁶). Они имѣли право посѣщать мастерскія и осматривать работы. Всякое производство дурнаго качества конфисковалось, или сжигалось, а виновный платилъ штрафъ (⁷). Если мастерство оказывалось хорошимъ, то къ нему прикладывалась особая печать (⁸). Безъ всякаго сом-

(¹) Monum. t. II. p. 27. Докум. 1407 г.

(²) Ibidem. p. 51. Докум. 1408 г. 169—1446 г.

(³) Ibidem. p. 27. Докум. 1407 г. p. 283. Докум. 1464 г. p. 18—1442; 243—1453; 169—1496 г.

(⁴) Ibidem. t. I. p. 387. Докум. 1322 г. t. I. p. 307. Докум. 1317 г.

(⁵) Ibidem. t. I. p. 567. Докум. 1354 г.

(⁶) Въ нѣкоторыхъ городахъ они назывались *prudhommes* et les *gardes des métiers* Levasseur. Hist. des classes ouvrières. t. I. p. 246.

(⁷) Monum. t. I. p. 340. Докум. 1308 г., 370—1317 и т. д.

(⁸) Ibidem. t. I. p. 378. Докум. 1318 г.

нѣнія всѣ эти правила исполнялись дурно; огромное число штрафовъ, —составлявшихъ значительный доходъ цеха, доказываетъ это. Ни правила, ни строгій надзоръ цеховыхъ начальниковъ, не были въ состояніи предупредить всѣ обманы средневѣковой промышленности; которые обуславливались отсутствіемъ конкуренціи (¹).

Главная отрасль промышленности въ Амьенѣ была фабрикація суконъ. Цехъ суконщиковъ былъ самый богатый, самый многочисленный. Къ нему причислялось еще нѣсколько цеховъ, имѣвшихъ предметомъ своихъ занятій обработку суконъ (tissebands, ragueurs, tainturgiers и т. п.). Суконщики пользовались особымъ значеніемъ въ городѣ и возбуждали иногда опасеніе городского начальства, потому что они неохотно подчинялись его распоряженіямъ. Въ XIV вѣкѣ имъ запрещено было дѣлать собранія или гильды; не велѣно было собираться болѣе четырехъ человекъ въ одномъ мѣстѣ; запрещалось дѣлать денежные складчины и т. п. (²). Кромѣ ткачей—довольно значительный цехъ составляли фабриканты полотень (³). Много было цеховъ имѣвшихъ назначеніемъ удовлетворять первымъ нуждамъ городского населенія,—масниковъ, хлѣбниковъ, плотниковъ, портныхъ и т. п. Такие цехи существовали во всѣхъ городахъ. Въ Амьенѣ былъ цехъ цирюльниковъ; они были вмѣстѣ и парикмахеры и врачи. Имъ запрещалось стричь въ воскресенье и праздники; запрещалось брить и стричь прокаженныхъ и пускать имъ кровь. Не велѣно держать свиней изъ боязни, чтобы они не вздумали откармливать ихъ человѣческой кровью (⁴). Вислѣдствіи изъ этого цеха развилась отдѣльная вѣтвь хирурговъ. Каждый, кто хотѣлъ заниматься въ городѣ ремесломъ хирурга, долженъ былъ выдержать у надсмотрщиковъ цеха цирюльниковъ экзаменъ въ знаніи устройства человѣческаго тѣла (⁵). Городская торговля также составляла предметъ регламентаціи цеховыхъ статутовъ. Предписывалось продавать товары честно, не обманывать покупателей относительно мѣры и вѣса. Запрещалось издали приглашать покупателей, отвлекать раз-

(¹) Monum. t. I. p. 643. Докум. 1368 г.

(²) Ibidem. p. 458. Докум. XIV в.

(³) Ibidem. p. 744. Докум. 1382 г.

(⁴) Ibidem. t. II. p. 22. Докум. 1407 г.

(⁵) Ibidem. p. 568. Докум. 1524 г.

ными общаніями отъ сосѣдней лавки и т. п. (1). Множество правилъ касалось мѣстъ для торговли; ширина и высота прилавковъ регулировалась цеховыми уставами. Всѣ цеховыя правила относительно городской промышленности и внутренней торговли отличаются чрезвычайно узкимъ характеромъ. Ни одинъ ремесленникъ не смѣлъ заниматься ремесломъ чужаго цеха. Подобное правило вело къ большимъ странностямъ и стѣсненію ремесленниковъ. Въ Амьенѣ кузнецъ не имѣлъ права поправить замка, столяръ не могъ продавать стола или шкапа съ замкомъ; потому что фабрикація замковъ принадлежала особому цеху слесарей (2). Въ числѣ цеховъ мы не видимъ негодіантовъ, занятыхъ внѣшней торговлей. Существованіе ихъ въ Амьенѣ не подлежитъ сомнѣнію, но они стояли внѣ цеховаго строя и это не могло не отовариться благотѣльно на внѣшней городской торговлѣ. Городъ Амьенъ занималъ пунктъ чрезвычайно важный въ торговомъ отношеніи. Еще при первыхъ двухъ династіяхъ онъ былъ однимъ изъ цвѣтущихъ городовъ Франціи. Карлъ Великій ставитъ его въ числѣ главныхъ торговыхъ городовъ сѣверной провинціи. Людовикъ XI въ одной изъ своихъ грамотъ высоко ставитъ этотъ городъ въ торговомъ и стратегическомъ отношеніи. Его положеніе на Сомвѣ, на дорогѣ изъ Ліона въ Булонь, а также изъ Фландріи въ Бургундію и Шампань, дѣлало его складочнымъ мѣстомъ разныхъ товаровъ.

Въ первое время коммунальной свободы городъ Амьенъ, для обезпеченія своей торговли, принужденъ былъ вести постоянную борьбу съ феодальными порядками. Въ этой борьбѣ королевское вмѣшательство оказывало коммунѣ чрезвычайно важныя услуги. Начиная съ Филиппа Августа, французскіе короли покровительствуютъ торговому развитію стороны. Въ спорахъ съ феодалами короли почти всегда принимаютъ сторону городскихъ общинъ. Такъ въ 1191 году Филиппъ Августъ уничтожилъ ненавистное для торговаго класса феодальное право *lagan*, по которому все выбрасываемое моремъ на берегъ составляло собственность владѣльца берега. Поль-

(1) Monum. t. I. p. 349. Докум. 1314 г.

(2) Ibidem. p. 357. Докум. 1322 г.

(3) Ibidem. p. 336 et 337. Докум. 1474 г.

зудсь этимъ правомъ, которое Филиппъ Августъ называетъ ненавистнымъ для Бога и для людей, — (*consuetudinem Deo et hominibus detestabilem*), феодальные сеньоры грабили корабли, подвергавшіеся кораблекрушенію у береговъ Пикардіи и Фландріи (*). Филиппъ уничтожилъ и другой обычай, тоже чрезвычайно вредившій торговлѣ, по которому всѣ купцы извѣстной націи обязаны были отвѣчать за своихъ соотечественниковъ, въ случаѣ не исполненія ими какихъ либо обязательствъ (**). Амьенъ стоялъ во главѣ торговой ассоціаціи городовъ, находившихся на Сомнѣ, такъ называемаго водянаго цеха (*métier de l'eau*). Въ общемъ собраніи членовъ этого союза были составлены правила относительно судоходства по Сомнѣ. Намъ извѣстны препятствія для торговли со стороны феодаловъ, заключавшіеся въ безчисленномъ количествѣ таможенъ и заставъ, на которыхъ взымались пошлины за провозимые товары. Всѣ эти стѣсненія противорѣчили свободному духу коммунъ; они стѣсняли ея промышленное и торговое развитіе. Поэтому коммунъ вступаютъ въ борьбу съ этими феодальными правами. Путемъ разнаго рода стѣлокъ и продолжительныхъ процессовъ, при помощи королевской власти, коммунамъ удалось разорвать эту замкнутость маленькихъ государствъ въ государствѣ, такъ вредно отзывавшуюся на торговля сношенія городовъ между собой. Отдавая должную справедливость нѣкоторымъ изъ королей, которые въ этой борьбѣ всегда были на сторонѣ городскихъ общинъ, мы все-таки должны сказать, что инициатива въ этомъ великомъ дѣлѣ принадлежала самимъ общинамъ. Они шли впередъ королевскихъ ординансовъ и цѣлымъ рядомъ усилій старались разорвать средневѣковую замкнутость.

Исторія Амьенской коммунъ представляетъ намъ нѣсколько фактовъ относительно дѣятельности ея въ этомъ направленіи. Добывши путемъ восстанія право на существованіе, вставши твердой ногой въ феодальномъ обществѣ, коммуна пользуется уваженіемъ, приобретаетъ мѣнше, сама становится соціальной единицей, воздѣйствующей окружающей ея среду. Многие сеньоры окрестныхъ владѣній спѣшатъ войти

(*) Monum. t. I. p. 110. Докум. 1194 г.

(**) Ibidem. p. 919. Докум. 1199 г.

(*) Ibidem. p. 216. Докум. 1258 г.

съ ней въ добрыя отношенія, отказываются въ пользу ея отъ нѣкоторой доли своихъ феодальныхъ правъ. Въ ихъ грамотахъ, соглашеніяхъ, сдѣлкахъ, слышится тонъ уваженія къ коммунѣ. Они желаютъ сохранить ея дружбу, называютъ городскихъ жителей добрыми сосѣдами и друзьями⁽¹⁾. Пользуясь такой дружбой, коммуна получаетъ отъ нѣкоторыхъ феодаловъ право безошлиннаго провоза своихъ товаровъ чрезъ ихъ владѣнія. Иногда коммуна ссылается на давнишнее право, полученное ей отъ предковъ феодала. Возникалъ споръ; спрашивали старожилы, и дѣло большею частью рѣшалось въ пользу коммуны. Тогда городской совѣтъ сдѣлалъ записку писменнымъ актомъ отъ владѣльца, который гарантировалъ ея права на будущее время⁽²⁾. Въ нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ коммуна пользовалась правомъ безошлиннаго провоза товаровъ съ незапамятныхъ временъ. Мѣстечко Варанте, принадлежавшее графамъ Артуа, было въ числѣ такихъ пунктовъ. Купцовъ, которые изъ Фландріи переправляли товары во Францію, графы Артуа заставляли насильно проходить чрезъ Баномъ и платить высокаго пошлина. Исключеніе было сдѣлано только въ пользу амьенскихъ купцовъ; но и они обязаны были провозить чрезъ Баномъ и оплачивать вино, провозимое во Фландрію, и вывозимыя оттуда туземныя произведенія, если эти послѣднія назначались не для собственнаго употребленія города, но для продажи въ другія руки. Коммуна была не довольна этимъ ограниченіемъ: ей хотѣлось распространить привилегію на всѣ товары. Поэтому она завела процессъ въ парламентъ: сначала его проиграла⁽³⁾, но черезъ двадцать лѣтъ снова начала искъ и на этотъ разъ успѣла расширить свои привилегіи⁽⁴⁾. Часто коммуна вступала съ сеньорами въ денежные сдѣлки. Отъ Гетье Шатильонскаго за 200 флориновъ единовременной платы она получила свободу отъ платежа пошлинъ въ его владѣніяхъ. Исключеніе было сдѣлано только относительно жовглеровъ, которые, проходя чрезъ имѣніе графа — Даоптс, должны были платить обычную пошлину⁽⁵⁾.

(1) Monum. t. 1. p. 238. Докум. 1277 г.

(2) Ibidem. p. 254. Докум. 1286 г.

(3) Ibidem. p. 382. Докум. 1318 г.

(4) Ibidem. p. 472. Докум. 1338 г.

(5) Ibidem. p. 562. Докум. 1353 г.

Амьенъ велъ дѣятельныя торговыя сношенія съ фландрскими городами, — Гентомъ, Брюгге, Иперномъ. Франдрскіе графы оказывали покровительство амьенскимъ купцамъ. Амьенская коммуна занимала у фландрскихъ банкировъ огромныя суммы денегъ, но не всегда уплачивала въ срокъ проценты⁽¹⁾. По средневѣковому обычаю каждый городской житель долженъ былъ отвѣчать за долги своего роднаго города. Оттого фландрскіе банкиры силой отнимали товары у амьенскихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ торговать во Фландрію. Этотъ вредный обычай наконецъ былъ отмѣненъ. Амьенъ велъ дѣятельную торговлю съ Англіей. Здѣсь амьенскіе купцы покупали шерсть, которая превращалась въ сукно на ихъ фабрикахъ и отправлялась въ разные пункты Франціи, особенно на югъ. Амьенское сукно славилось на рынкахъ Шампани⁽²⁾. Въ Сомюрѣ амьенскіе купцы имѣли контору⁽³⁾. Амьенъ былъ членомъ торговаго союза, извѣстнаго подѣ

О жонглерахъ нѣсколько разъ упоминается въ архивахъ г. Амьена. Существовало цѣлое братство — *Confrérie du Saint Sacrement*, дававшее мистеріи въ городѣ. Трудно рѣшить, состояло ли это братство изъ мѣстныхъ жителей, или это была труппа странствующихъ жонглеровъ? Извѣстно, какъ любили мистеріи въ средніе вѣка. Въ городахъ сѣверной Франціи въ XV вѣкѣ играли ихъ на площадяхъ, для муниципальныя властей и королевскихъ сановниковъ устраивались особыя подмостки. Представленія продолжались иногда по нѣсколькимъ дней; городскія власти въ это время не уходили домой, по крайней мѣрѣ днемъ; они обѣдали на мѣстѣ представленія мистерій. Огромныя толпы народа тѣснились на площади; дома и лавки пусты. Городское начальство принимало особыя мѣры для городской безопасности: одни изъ городскихъ воротъ запирались; у другихъ ставились шпалеры; на городской башнѣ стоялъ сержантъ, который зорко осматривалъ окрестности.

Расходы по представленію городской совѣтъ принималъ на счетъ города; она покрывалась изъ экстраординарныхъ суммъ. Епископъ и капитулъ принималъ участіе въ этихъ расходахъ. Плата актерамъ иногда была довольно значительна. Такъ однажды имъ было выдано на расходы и въ видѣ вознагражденія 100 ливровъ. Изъ документовъ мы узнаемъ, что въ XV в. въ Амьенѣ давались слѣдующія мистеріи: *Passion, Jeu de Dieu* и *Jeu de la vengeance*; послѣдняя давалась въ Троицынъ день. *Monum. t. II. p. 158. Докум. 1445, 1446 г.*

⁽¹⁾ *Monum. t. I. p. 607. Докум. 1360 г.*

⁽²⁾ *Ibidem. p. 117.*

⁽³⁾ *Ibidem. p. 228.*

именемъ Лондонской Ганзы (Hanse de Londres). 17 городовъ сѣверной Франціи и Фландріи принадлежали къ этому союзу, главная контора котораго находилась въ Лондонѣ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ городовъ: Брюгге, Ипернъ, Гентъ, Сентъ-Омеръ, Дуэ, Турнэ, Аррасъ, Шалонъ, Реймсъ, Амьенъ, Аббевиль. Чтобы сдѣлаться членомъ этого союза необходимо было получить право гражданства въ одномъ изъ союзныхъ городовъ. Поступающему производилось строгое испытаніе въ особомъ комитетѣ, заправлявшемъ дѣлами союза (1). Англійскіе короли оказывали покровительство амьенскимъ купцамъ. Ихъ товары подлежали конфискаціи только за ихъ собственные долги (2). Они имѣли въ Лондонѣ прокурора, который былъ обязанъ защищать ихъ интересы въ судебныхъ процессахъ (3). Амьенская коммуна заключала торговые трактаты съ Лондономъ, которыми она гарантировала свои прежнія привилегіи и приобрѣтала новыя (4).

Амьенцы вели торговлю и съ Шотландіей. Шотландскій король Іоаннъ Баліолъ въ XIII вѣкѣ далъ имъ разныя привилегіи. Всѣ купцы города Амьена, ихъ приващики, товары и имущество должны находиться подъ особеннымъ покровительствомъ короля (5). Въ XIV вѣкѣ Амьенъ и другіе города Пикардіи вступаютъ въ торговые сношенія съ Португаліей. Торговля производилась еубнами и хлѣбомъ. Изъ одного процесса между амьенскими и португальскими купцами видно, что португальцы не всегда честно поступали съ французами. Французскіе товары подвергались тяжелымъ пошлинамъ, тогда какъ португальскіе купцы во Фландріи торговали безошлинно. Въ 1380 году товары одной компаніи амьенскихъ купцовъ, невѣдомо по какой причинѣ, были конфискованы въ лиссабонской гавани. Купцы искали правосудія у португальскаго короля, но имъ было отказано. Тогда они обратились въ парижскій парламентъ и получили отъ него позволеніе отомстить португальцамъ, вслѣдствіе чего и были захвачены португальскіе товары въ горфлерской

(1) Monum. t. I. p. 477.

(2) Ibidem. p. 249. Докум. 1256 г.

(3) Ibidem. p. 814. Докум. 1338 г.

(4) Ibidem. p. 455. Докум. 1334 г.

(5) Ibidem. p. 300. Докум. 1293 г.

тавани ('). Только тогда португальцы, захватившіе аньенскіе товары, сочли нужнымъ явиться на судъ парижскаго парламента. Этотъ фактъ служитъ доказательствомъ произвола, господствовавшаго въ торговлѣ, и младенческаго состоянія международныхъ сношеній средневѣковой Европы.

Но подобныя явленія въ то время были естественны. Инициатива торговыхъ предпріятій принадлежала самому торговому и промышленному городскому населенію. Оно упорной борьбой противъ безчисленныхъ стѣсненій со стороны феодаловъ добилось свободы для своего труда; подъ покровомъ этой свободы оно изобрѣтало и усовершенствовало разные приемы промышленности, оно доставляло привлекательнымъ сословіямъ предметы необходимости и роскоши. Оно завязывало и первыя торговыя сношенія, какъ внутри, такъ и внѣ государства. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ первую эпоху этого возрожденія торговой и промышленной жизни мы встрѣчаемъ много младенческаго, и въ приемахъ промышленности, и въ организаціи промышленнаго класса, и въ торговыхъ сношеніяхъ. Но во всякомъ случаѣ, благодаря великому факту освобожденія коммунъ, промышленность и торговля достигаютъ высокой степени процвѣтанія въ XIII вѣкѣ. Этотъ вѣкъ составляетъ эпоху полного раскрытія средневѣковыхъ идеаловъ; въ тоже время онъ есть эпоха процвѣтанія средневѣковой промышленности и торговли.

Слѣдующій вѣкъ есть вѣкъ упадка. Опустошительная война съ Англіей, тяжелыя жертвы — со стороны третьяго сословія, усиливающееся вѣнательство и произволъ королевской власти, — все это не могло не отозваться вреднымъ образомъ на промышленное и торговое развитіе страны. Иностранцы перестаютъ пріѣзжать для торговыхъ сношеній; промышленность въ городахъ падаетъ, ихъ населеніе бѣднѣетъ. Многіе ремесленники оставляютъ Францію и переселяются въ другія государства; другіе дѣлаются разбойниками и живутъ въ лѣсахъ, или пристають къ разбойничьимъ шайкамъ. Поэтъ XIV вѣка жалуется, что не кому работать, потому что всѣ хотятъ быть солдатами ('). Также мы видимъ

(') Monum. t. 1. p. 745. Докум. 1364 г.

(') Eustach. Deschamps. éd. Chapuis. p. 140.

в XV вѣкѣ; только къ концу этого вѣка обнаруживаются нѣкоторые признаки обновленія. Инициатива принадлежитъ уже королевской власти. Карлъ VII и Людовикъ XI стараются поднять торговлю и промышленность. Они утверждаютъ торговые трактаты между коммунами (¹), они подтверждаютъ прежнія привиллегіи и даютъ новыя (²). Жителямъ нѣкоторыхъ городовъ дано право свободной торговли во всемъ королевствѣ (³). Короли еще въ XIV в. покровительствовали ви́шней торговлѣ. Они старались привлечь разными привиллегіями ломбардскихъ, вастнальскихъ и португальскихъ купцовъ (⁴). Этимъ купцамъ обѣщались личная и имущественная безопасность. Города были обязаны за умѣренную плату давать помѣщеніе для ихъ товаровъ. Всѣ дѣла между французскими и иностранными купцами рассматривались особымъ трибуналомъ, состоявшимъ на половину изъ тѣхъ и другихъ (⁵). Въ XV в. англичане снова получили право свободной торговли съ Франціей. Фламанды избавлены отъ тяжелыхъ торговыхъ стѣсненій. Съ ганзейскимъ союзомъ былъ заключенъ первый торговый трактатъ (⁶).

Въ XV вѣкѣ прославился своей смѣлостью и предприимчивостью Жанъ-Керъ (Jean-Coeur), сынъ скорняка изъ Буржа. Онъ нѣсколько разъ отправлялся съ торговой цѣлью на востокъ, основалъ тамъ нѣсколько конторъ и приобрѣлъ огромное богатство. Карлъ VII часто занималъ у него деньги и ввѣрилъ ему даже управленіе финансами. Но вслѣдствіе придворныхъ интригъ онъ подвергся изгнанію и конфискаціи большей части своихъ капиталовъ. Покровительствуя внутренней и ви́шней торговлѣ, королевская власть въ XV вѣкѣ болѣе и болѣе вмѣшивается во внутреннюю жизнь цеховыхъ корпорацій. Она не могла помириться съ тѣмъ раздѣленіемъ, которое вносили въ общество. Эти маленькія, постоянно враждующія республики. Короли издаютъ указы относительно городской полиціи, вмѣшиваются въ цеховые споры, отъ себя назначаютъ разныхъ лицъ для надзора

(¹) Ord. IV. 1345 г.

(²) Ord. XIX. 1483 г.

(³) Ord. V. 1369 и XVII. 1468 г.

(⁴) Ibidem. t. V. 1389 г.

(⁵) Ibidem III. 1341, 1340, 1350 г.

(⁶) Ibidem. XX. 1484 и 1490 г.

за торговыми пристанями и рынками. Собственной властью они освобождаютъ нѣкоторыхъ лицъ отъ трудныхъ условий, налагаемыхъ цехами и даютъ званіе цеховаго мастера (¹). Но, какъ бы въ отвѣтъ на это вмѣшательство королевской власти, цехи еще болѣе замкнулись сами въ себя. Королевская власть должна была уступить;—въ концу XV вѣка она подтверждаетъ цеховые статуты, еще больше прежняго проникнутые духомъ исключительности. Движеніе противъ цеховой замкнутости вышло изъ среды самаго рабочаго и промышленнаго сословія. Оно выразилось въ стремленіи рабочихъ составлять союзы для взаимной защиты и вызвало явленіе, извѣстное въ исторіи рабочаго класса подъ именемъ *samprognage*. Подобное стремленіе обнаруживается еще въ XIV вѣкѣ еще тогда городской совѣтъ города Амьена запрещалъ рабочимъ дѣлать сходки, имѣть общую кассу, составлять ассоціаціи съ цѣлью возвышенія заработной платы. Но въ XV вѣкѣ подобныя ассоціаціи рабочаго люда встрѣчаются чаще и являются съ новымъ характеромъ. Интересы рабочихъ рѣзко расходились съ интересами мастеровъ, а слѣдовательно и всей цеховой корпораціи. Цеховой союзъ привязывалъ своихъ членовъ къ извѣстному городу, даже къ извѣстной улицѣ, или кварталу. Въ рабочихъ обнаруживалось желаніе выйти изъ этой тѣсной рамки; ихъ союзы не ограничивались не только однимъ или нѣсколькими городами, но распространялись на все государство. Въ нѣкоторыхъ обществахъ, какъ напр. свободныхъ каменщиковъ,—этотъ духъ ассоціаціи не ограничивается даже извѣстной страной, а отличается самымъ широкимъ космополитизмомъ. Въ XV вѣкѣ мы встрѣчаемъ уже много рабочихъ союзовъ во Франціи. Въ нихъ господствуетъ тотъ же духъ любви, которую мы видѣли въ цеховыхъ братствахъ. Но этотъ духъ освобождается отъ того узкаго характера, которымъ отличаются религіозныя цеховыя общины. Цѣлью союзовъ между рабочими была взаимная помощь. Членъ союза, гдѣ бы онъ не былъ, куда бы онъ не являлся, вездѣ находилъ у товарищей покровительство, пріютъ, помощь дѣломъ и словомъ. Его даромъ кормили до тѣхъ поръ, пока онъ не находилъ работы; съ нимъ дѣлались даже работой. Если онъ дѣлался боленъ, за нимъ

(¹) Levasseur. Hist. des class. ouvrières. t. I. p. 566.

ходили, какъ за близкимъ роднымъ. Случалось, что членъ союза, жившій уже нѣсколько лѣтъ въ городѣ, уступалъ свое мѣсто новому пришельцу; а самъ уходилъ въ другой городъ искать себѣ новаго мѣста. Другой товарищъ отправлялся съ нимъ, чтобы защищать его въ случаѣ нужды. Направленіе этихъ союзовъ шло въ разрѣзъ съ узкимъ характеромъ цеховой корпораціи; при дальнѣйшемъ своемъ развитіи оно не могло не вызвать упадка цеховъ. Если цеховые мастера обращались съ рабочими дурно, платили плохо, обременяли работой, то рабочіе и сами уходили отъ нихъ и предупреждали своихъ товарищей. Сила ассоціаціи давала возможность рабочимъ вести борьбу съ цеховыми привилегіями. Нельзя сказать, чтобы не было злоупотребленій со стороны этихъ союзовъ. Вѣдя борьбу съ привилегіями, стѣснявшими свободу рабочаго труда, они и сами не чужды были узкаго корпоративнаго духа. Но для насъ важенъ тотъ фактъ, что промышленное сословіе къ концу среднихъ вѣковъ, по собственной своей инициативѣ, вслѣдствіе эпохи, нашло средство для борьбы съ тѣмъ зломъ, противъ котораго была бессильна королевская власть ⁽¹⁾.

Мы прослѣдили исторію Амьенской коммуны, на сколько это было возможно въ сжатомъ очеркѣ, отъ начала ея существованія до конца среднихъ вѣковъ. Мы указали тотъ громадный переворотъ въ исторіи средневѣковаго общества, который выразился въ великомъ фактѣ освобожденія городскихъ общинъ отъ феодальнаго гнета. Коммуна была явленіемъ глубоко жизненнымъ; она была первичной формой, въ которой выразился прогрессъ торгово-промышленнаго сословія Западной Европы. Оттого на самыхъ первыхъ порахъ коммуна поражаетъ насъ своей внутренней силой. Впрочемъ есть одна сторона дѣла, которой мы не касались до сихъ поръ, но которая всего лучше, всего нагляднѣе выражаетъ эту глубокую жизненность коммуны, именно вліяніе ея на окрестное народонаселеніе. Это вліяніе началось съ самой эпохи освобожденія и достигло высшей степени въ XIII вѣкѣ. Нельзя преувеличивать этого вліянія коммуны на освобожденіе массы крѣпостнаго населенія, потому что это послѣднее само чувствовало тяжесть феодальнаго гнета и готово было вступить въ борьбу

(1) Levasseur. Hist. des classes ouvrières t. I. p. 495—516.

съ феодальными владѣльцами. Но не подлежитъ сомнѣнiю тотъ фактъ, что освобожденiе обыкновенно начиналось съ главнаго промышленнаго и торговаго центра и распространялось отсюда на окрестности. Городъ упорной борьбой добывалъ себѣ права и привилегiи. Примѣръ его заражалъ другiе города. Кво хартия свободы служила образцомъ для другихъ торговыхъ и промышленныхъ мѣстностей. Хартии Лаона, Вова, Суассона были приняты съ незначительными измѣненiями во многихъ городахъ сѣверной Францiи. Хартия Аббевиля почти буквально списана съ хартии Амьена. Другiе менѣе значительные бурги, не получивши коммунальныхъ гарантiй въ той степени, въ какой обладалъ ими большой городъ, все таки добывали себѣ нѣкоторыя права, значительно улучшали свое положенiе. Жители бурга всегда находились въ дѣятельномъ сношенiи съ городскимъ населенiемъ. Они часто бывали въ городѣ по своимъ торговымъ и промышленнымъ дѣламъ и не могли не чувствовать желанiя ввести подобное же устройство и у себя дома. Доказательства подобнаго взаимiя Амьенской коммуны на окрестное промышленное населенiе мы встрѣчаемъ въ подлинныхъ документахъ нѣсколькихъ городовъ провинцiи Амьенуи⁽¹⁾. Жители Корбию, — городка находившагося на одномъ изъ притоковъ Сомны, — въ началѣ XII вѣка находился въ полной зависимости отъ аббатства, были по выраженiю документовъ *homines potestatis, homines de robte*. Они платили аббату, который въ IX вѣкѣ носилъ титулъ графа Корбию, ежегодно оброкъ деньгами и отправляли для него разныя работы⁽²⁾. Вскорѣ послѣ коммунальной революцiи въ Амьенѣ населенiе Корбию получило свободу и ввело коммунальное устройство. То, что амьенцы добыли себѣ оружиемъ, жители Корбию получили посредствомъ сдѣлки съ своимъ сеньоромъ. Людовикъ Толстый утвердилъ новую коммуну съ согласiемъ и по прособѣ самого аббата (*consensu et petitioe abbatis*)⁽³⁾. Аббать рассчитывалъ, что давши жителямъ Корбию свободу отъ разныхъ феодальныхъ повинностей, онъ усилитъ ихъ торговую и промышленную дѣя-

(1) Документы эти помѣщены въ III томѣ *Monuments inédits de l'hist. du tiers états*, — въ видѣ приложенiя.

(2) *Monum. t. III. p. 416.*

(3) *Ibidem. p. 422. Docum. 4423 r.*

тельность и увеличить чрезъ то свои собственные доходы. Такъ думаетъ О. Тьерри; но, по нашему мнѣнiю, сеньоръ Корбиі не могъ поступать иначе, если желалъ, чтобы его люди оставались въ его владѣнiяхъ. Переворотъ въ Амьенѣ не могъ не возбудить въ жителяхъ Корбиі жажды освобожденiя. Мы знаемъ уже, какія тѣсныя связи соединяли этотъ промышленный и торговый городокъ съ Амьеномъ. Жители того и другаго города еще въ XI вѣкѣ заключили между собой союзъ и ежегодно составляли общее собраніе въ Амьенѣ для возобновленiя этого влѣтвеннаго союза и рѣшенiя обоюдныхъ дѣлъ (¹). Вновь образовавшаяся коммуна въ Амьенѣ не отличалась нетерпимостью въ отношенiи къ окрестному населенiю; напротивъ она охотно принимала всѣхъ и каждого въ свои члены, съ обязательствомъ исполнить нѣкоторыя условiя. Коммунальное устройство привлекало въ Амьенъ многихъ изъ окрестныхъ жителей, которые по роду своихъ занятій всегда могли найти для себя работу въ богатомъ и промышленномъ городѣ и при томъ пользоваться выгодами коммунальной свободы. Аббатъ Корбианскаго монастыря понималъ это притяженіе могущественной коммуны и, согласно общему желанiю жителей, постѣпшилъ ввести въ Корбиі коммунальное устройство. Первоначальная хартія Корбианской коммуны до насъ не дошла; съ ея устройствомъ и правами можно познакомиться изъ грамматы короля Филиппа Августа, подтверждавшей коммуну въ 1180 году. Аббатъ владѣлъ Корбиі въ качествѣ королевскаго лена; оттого первая статья грамматы Филиппа требуетъ, чтобы всякій житель Корбиі и ея территорiи отправлялъ службу королю и оказывалъ повинновеніе коммунѣ (²). Никто не можетъ строить замковъ на городской землѣ безъ позволенiя короля и согласiя коммуны (³). Дѣла постороннихъ лицъ съ членами коммуны подлежатъ городскому суду. Въ случаѣ совершенiя членами коммуны какого нибудь преступленiя противъ короля и его власти король не имѣетъ права требовать ихъ къ своему суду, но они судятся у городскихъ засѣдателей (⁴). Если кто нибудь изъ членовъ коммуны совер-

(¹) Monum. t. 1. p. 12, 13.

(²) Ibidem. t. III. p. 426. Докум. 1180. Art. 1.

(³) Ibidem. Art. 3, 4.

(⁴) Ibidem. Art. 5.

шить преступное дѣйствіе въ отношеніи другаго члена, тотъ судится судомъ коммуны и присяжныхъ (*juratum*) и подвергается изгнанію до тѣхъ поръ, пока не дастъ надлежащаго удовлетворенія ⁽¹⁾. Купцамъ, пріѣзжающимъ торговать съ городомъ, всякій членъ коммуны обязанъ оказывать помощь и покровительство ⁽²⁾. Эта королевская грамота говорить о правахъ городской юрисдикціи и объ отношеніи коммуны къ королю, но ни слова не говоритъ объ отношеніи къ аббату,—ея феодальному сеньору. Изъ другихъ документовъ видно, что жители Корбиі далеко не имѣли тѣхъ гарантій, какими пользовались ихъ сосѣди, жители Амьена. Кромѣ разныхъ торговыхъ пошлинъ и феодальныхъ повинностей корбійцы должны были отправлять на монастырь равныя работы,—косить сѣно, убирать хлѣбъ, работать въ монастырскихъ садахъ и лѣсахъ, поддерживать монастырскія укрѣпленія и т. п. Въ городскомъ управленіи значеніе мэра и присяжныхъ коммуны было ограничено монастырскими властями. Они постоянно виѣшивались въ торговый полицейскій надсмотръ за городской промышленностью и торговлей ⁽³⁾. Аббатъ имѣлъ право назначать четверыхъ членовъ городского совѣта по собственному усмотрѣнію ⁽⁴⁾. Коммуна не могла никого изгнать изъ города, или приговаривать къ смертной казни, безъ согласія аббата ⁽⁵⁾. Это согласіе требовалось въ случаѣ, если бы городское пачальство вздумало положить какую либо подать на городскихъ жителей ⁽⁶⁾. Эти ограниченія были причиной борьбы коммуны съ аббатомъ. Въ жителяхъ этого города всегда было стремленіе ввести въ внутреннее управленіе кутюмы города Амьена. Городское начальство стремилось подражать магистратурѣ богатаго города. Оно также торжественно, съ соблюденіемъ обычныхъ церемоній, разрушило домъ одного виновнаго въ оскорбленіи коммуны. Но парламентъ, по жалобѣ королевскихъ судей, заставилъ коммуны снова выстроить разрушенный домъ, да

⁽¹⁾ Monum. t. III. p. 426. Докум. 1180 г. art. 6.

⁽²⁾ Ibidem. art. 7.

⁽³⁾ Ibidem. p. 430.

⁽⁴⁾ Ibidem. p. 492.

⁽⁵⁾ Ibidem p. 453. Докум. 1306 г. p. 456.

⁽⁶⁾ Ibidem. p. 475. Докум. 1303 г.

сверхъ того заплатить 100 ливровъ штрафу ⁽¹⁾. Въ другой разъ коммуна разрушила вновь возведенныя укрѣпленія аббатства. Но Людовикъ VIII велѣлъ на счетъ коммуны исправить сдѣланныя поврежденія ⁽²⁾. Аббатъ съ своей стороны подражалъ амьенскому епископу и другимъ прелатамъ; онъ изъявилъ притязаніе на имѣніе одного горожанина, умершаго во время церковнаго отлученія. Мы знаемъ, какъ успѣшно боролась Амьенская коммуна съ подобными притязаніями своего епископа. Корбія слѣдовала ея примѣру. Въ этой борьбѣ небольшой коммуна не было недостатка въ смѣлости и энергіи. Городское начальство арестовало сержантовъ аббата, посланныхъ имъ для исполненія его приказаній относительно имѣнія умершаго подѣ церковнымъ отлученіемъ. Потомъ во главѣ толпы гражданъ мэръ и присяжные ворвались въ монастырь и избили самого аббата. Аббатъ предалъ отлученію всю коммуна и жаловался напѣ. Григорій IX подтвердилъ отлученіе и предалъ виновныхъ свѣтской власти. Дѣло было передано въ парламентъ, который приговорилъ главныхъ зачинщиковъ въ тюремному заключенію и штрафу въ 500 ливровъ. Во время этихъ смуть, дѣйле три года коммуна пользовалась полной автономіей; но рѣшеніемъ парламента все было приведено въ прежній порядокъ ⁽³⁾. Вообще въ борьбѣ корбіанской коммуны съ своимъ сеньоромъ, королевская власть всегда принимала сторону феодала. Королевскіе судьи и парламентъ почти всѣ дѣла между коммуной и аббатомъ рѣшаютъ въ пользу послѣдняго ⁽⁴⁾. Причина заключалась отчасти въ томъ уваженіи, которымъ пользовались монастырскія общины, даже сравнительно съ епископами, — отчасти въ томъ, что королевская власть не имѣла особенныхъ выгодъ записывать въ незначительной коммуны не слішкомъ богатаго города. Жители Корбіи, обѣднѣвшіе отъ разныхъ поборовъ въ пользу короля и аббата, обремененные долгами, утомленные продолжительной и бесполезной борьбой, въ началѣ XIV вѣка сами просили Филиппа Красиваго объ уничтоженіи коммунальнаго устройства и о присоединеніи Корбіи къ короннымъ владѣніямъ. Но монахи предложили королю

⁽¹⁾ Monum. t. III. p. 455.

⁽²⁾ Ibidem. p. 435. Докум. 1226 г.

⁽³⁾ Ibidem. p. 441—445. Докум. 1238 et 1255 гг.

⁽⁴⁾ Ibidem. p. 453. Докум. 1266 г.

всамѣнь Корбіи нѣоторыя изъ своихъ владѣній и 6000 ливровъ. Король предоставилъ аббатству право поступить съ коммуной по собственному усмотрѣнію; при чемъ выговорилъ себѣ значительныя права въ городѣ (право сюзеренства и обязанность военной службы со стороны гражданъ). Для приведенія въ исполненіе этого договора Филиппъ отправилъ въ Корбію двухъ комиссаровъ. Они, вмѣстѣ съ амьенскимъ байльи, пригласили монаховъ, членовъ городского совѣта и нѣкоторыхъ жителей въ городской домъ. Потомъ была прочитана королевская грамота, отдававшая коммуны въ полную власть аббата. Затѣмъ ему были вручены ключи отъ городскихъ воротъ, городской тюрьмы и башни. Тогда монахи объявили, что они уничтожаютъ коммуны со всѣми ея правами и привилегіями; въ знакъ чего сейчасъ же было приказано вынуть языки отъ колоколовъ городской башни. Теперь оставалось только разрушить самую башню, — неважный символъ городской свободы. Но аббатъ боялся сопротивленія со стороны жителей города. Онъ придумалъ хитрость: однажды въ какой-то праздникъ, довольно далеко отъ города, онъ устроилъ гулянье для народа и стрѣльбу въ цѣль, причемъ для побѣдителей были назначены богатые призы. Горожане, охотники до подобныхъ развлеченій, почти всѣ оставили городъ. Одни спѣшили показывать свою ловкость, другіе полюбоваться на зрѣлище. Аббатъ только этого и ждалъ и немедленно велѣлъ запереть городскія ворота. Быстро завихлилась работа: башня была подрыта въ самомъ основаніи и разрушена. Воротившіеся горожане нашли только груды камней. Они жаловались парламенту, но онъ велѣлъ имъ хранить по этому дѣлу вѣчное молчаніе (*perpetuel silence*)⁽¹⁾. Такъ кончила свое существованіе коммуна Корбіи. Она представляетъ намъ прекрасный образецъ небольшого города, стремившагося воплотить въ себѣ полный типъ коммунальнаго устройства подъ вліяніемъ другой болѣе сильной и болѣе счастливой коммуны. Уничтоженіе коммунальнаго устройства въ Корбіи въ свою очередь характеризуетъ отношеніе къ коммунамъ королевской власти въ началѣ XIV вѣка. Король за деньги продаетъ монахамъ коммуны, искавшію защиты подъ его властью. Въ концѣ XIII и въ XIV в. мы встрѣчаемъ много примѣровъ произвольнаго уничтоженія городами своего ком-

(1) Мошш. т. III. р. 505. Докум. 1310 и 1312 г.

мунальнаго строя. Гизо приписываетъ подобные факты безсилію самой коммуны создать внутренній порядокъ въ своемъ управленіи. Коммуны, утомленныя внутренними раздорами партій, злоупотребленіями и тиранніей своей магистратуры, спѣшатъ подчинить себя королевской администраціи. Управление королевскихъ байльи и прево общало для горожанъ больше порядка и спокойствія (¹). Мы считаемъ этотъ выводъ неправильнымъ; по крайней мѣрѣ онъ не долженъ имѣть такого всеобъемлющаго значенія. Королевская власть шла въ разрѣзъ съ коммунальной автономіей. Помогая коммунамъ въ борьбѣ съ феодалами, она никогда не сочувствовала ихъ демократическому духу, выразившемуся въ городскомъ самоуправленіи; оттого медленнымъ путемъ разнаго рода захватовъ она стремилась уничтожить свободу городскихъ общинъ. Въ отношеніи болѣе сильныхъ коммунъ она дѣйствовала осторожнѣе; она не хотѣла раздражать ихъ народонаселенія, которое могло быть ей полезнымъ, и въ борьбѣ съ феодалами, и на ратовомъ полѣ, и въ финансовомъ отношеніи. Начиная съ Филиппа IV, королевская власть мало по малу ослабляетъ коммуны, сама пріобрѣтаетъ постоянно усиляющееся значеніе; она больше и больше вмѣшивается во внутреннія дѣла коммуны. Городская свобода фактически уже уничтожена; но форма продолжаетъ существовать. Остается нѣкоторая автономія коммуны въ дѣлахъ не важныхъ въ той мѣрѣ, на сколько согласно это съ королевскими видами. Такъ поступала королевская власть съ Амьенской коммуной. Но съ другими коммунами въ силу другихъ обстоятельствъ она меньше церемонилась. Коммуна Лаона была нѣсколько разъ уничтожаема и снова восстанавливаема. Она служитъ доказательствомъ того, что королевская власть сначала не имѣла въ отношеніи къ коммунамъ опредѣленной системы дѣйствій, хотя всегда она не любила не зависимаго духа ихъ свободы. Если король былъ въ ладахъ съ феодаломъ, особенно если этотъ феодалъ повинуалъ у короля его милостивое расположеніе, то коммуна была уничтожаема. Феодалъ шелъ противъ короля, навлекалъ на себя гнѣвъ его величества, — коммуна снова была восстанавливаема, какъ королевская угроза, какъ средство заставить его покориться державной волѣ. Но въ концѣ концовъ коммуна Лаона все-таки

(¹) Hist. de la civilis. V, p. 231.

была уничтожена въ 1322 году. Подобное эгоистическое отношеніе короля къ коммунѣ мы видѣли уже въ исторіи уничтоженія корбіанской коммуны. Коммуна боролась съ аббатомъ; путемъ страшныхъ усилій она хотѣла добиться той автономіи, о которой Гизо говоритъ, что она вела къ беспорядкамъ и тиранин. Королевская власть не помогала ей и стояла за аббата. Видя невозможность вести борьбу съ феодаломъ, постоянно подвергаясь разнаго рода взысканіямъ и штрафамъ, проигрывая процессы и въ парламентѣ и у королевскихъ судей, корбіанская коммуна рѣшилась отдаться королю и имѣть по крайней мѣрѣ одного сеньора вмѣсто двухъ. Можетъ быть она и рассчитывала встрѣтить въ королѣ сильнаго покровителя и подъ сѣнью его власти найти хотя нѣкоторыя гарантіи противъ монашескаго произвола. Но она горько ошиблась въ своихъ расчетахъ. Корыстолюбивый Филиппъ продалъ ее аббату, но продалъ такъ, что снова оставилъ себѣ широкое поле для вмѣшательства разнаго рода.

А. Смирновъ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

БРАТЯ.

(ADELPHI).

КОМЕДИЯ ПУВЛИЯ ТЕРЕНЦІЯ.

Дѣйствующія лица:

Миціонъ.

Демей, братъ его.

Эскинь

Ктезифонъ } дѣти Демей.

Сострата, вдова.

Памфила, ея дочь.

Кантара, служанка Состраты.

Гета, невольникъ Состраты.

Гегіонъ, родственникъ Состраты.

Санніонъ, левонъ.

Сиръ

Парменонъ } невольники Миціона.

Дромонъ

Каллидія, невольница.

Дѣйствіе происходитъ въ Афинахъ.

Комедія „Братя“ была представлена въ Римѣ въ 160 году до Р. Ж.

ПРОЛОГЪ (¹).

Поэтъ, узнавъ, что всѣ его враги (²)
Преслѣдуютъ его произведение,
Которое хотимъ мы представлять,—
Узнавъ, что въ немъ одно дурное видятъ—
Самъ за себя рѣшился говорить.
Теперь вы сами лучше разсудите—
Чего онъ стоитъ: брани иль похвалъ.
И такъ: въ числѣ Дифиловыхъ комедій
Извѣстна также „*Synarothnescontes*“;
И вотъ ее и передѣлалъ Плавтъ,
Назвавши „*Умирающіе вмѣстѣ*“ (³).
Дифиль въ своей комедіи представилъ
Намъ юношу, который у ленона (⁴)
Невольницу насильно отнимаетъ.

(¹) Прологъ произносился предъ зрителями однимъ изъ актеровъ.

(²) У Теренція въ прологахъ къ *Andria* и *Heautontimorumenos* читаемъ:

Nam in prologis scribundis operam abutitur,
Non qui argumentum narret, sed qui malevoli
Veteris poetae maledictis respondeat.

Andria. v. 5—8.

■

Tum quod malevolus vetus poeta dicitur
Repente ad studium hunc se applicasse musicum,
Amicum ingenio fretum, haud natura sua,
Arbitrium vestrum vestra existimatio

Valebit.

Heaut. v. 22—26.

Слова *ab iniquis* (*Adelphi*. 2.) и *vetus poeta* (*Andria* и *Heaut.*) относятся къ Людю Ланувію, поэту современнику Теренція и другимъ лицамъ, имена которыхъ не дошли до насъ.

(³) Дифиль, по словамъ некоторыхъ, род. въ Синопѣ и былъ современникомъ Менандра и Филемона. Умеръ въ Смирнѣ. Говорятъ, что онъ написалъ до 100 комедій. До насъ дошли только титулы некоторыхъ и незначительные отрывки, и передѣлки Плавта:

Synarothnescontes Diphili *comedia*'st.

Eam *Commorientes* *Plautus* fecit *fabulam* (v. 6—7).

Commorientes Плавта не дошли до насъ.

(⁴) Лено—ленонъ, прозавецъ невольниковъ и преимущественно невольницъ. Обыкновенно же *леноисъ* понимается въ худшемъ значеніи.

До этой сцены Плавтъ и не вознудся,
Теренцій же, переведа дословно,
Включилъ ее въ комедію свою
„Adelphi“. Вотъ ее-то и представимъ,
Какъ новую комедію (*), сегодня.
Теперь вамъ хорошо извѣстно, чѣмъ
Считать поступокъ нашего поэта:
Простой ли кражей, или же внесеньемъ
Опущенной предшественникомъ сцены!
И недоброжелатели поэта
Въ упрекъ ему напрасно ставятъ то,
Что наша знать участвуетъ въ занятіяхъ
Его, что даже пшутъ заодно.
Напротивъ нашъ поэтъ достойно цѣнитъ
Внимание къ себѣ такихъ людей,
Которые стяжали ненапрасно
И вашу и всеобщую любовь,—
Такихъ людей, которые въ дѣлахъ
Общественныхъ—въ войнѣ, во время мира—
Служили всѣмъ и каждому безъ чванства (*).
О сущности комедіи шито
Не сообщить вамъ зрители: отчасти

(*) *Eam nos aeturi sumus novam. Pernoscite,
Furtivum factum existimetis, an locum
Reprehensum, qui praeteritus negligentia'st.* (v. 12—14).

Въ „Эвнухѣ“, на обвиненіе своихъ противниковъ въ заимствованіяхъ, Теренцій отвѣчаетъ, что если бы не позволялось выводить въ разныхъ комедіяхъ однихъ и тѣхъ же характеровъ, то на сценѣ не было бы ни проныръ-слугъ, ни обжоръ-паразитовъ, ни матронъ, ни прелестницъ, ни обманываемыхъ стариковъ,—что вообще нѣтъ ничего изъ того, что говорится, что не было бы уже прежде сказано. Въ данномъ случаѣ можно предпо- ложить, что Теренцій хотѣлъ сказать: хотъ *Adelphi* и передѣлка изъ *Synprothnescontes*, уже бывшихъ на римской сценѣ въ передѣлкѣ Плавта, но съ прибавленіемъ пропущенной Плавтомъ сцены, все таки вышла новая комедія.

(*) *Quorum opera in bello, in otio, in negotio.
Suo quisque tempore usu'st sine superbia.* (v. 20—21).

Комментаторы *in bello* — относятся къ Сципіону Африканскому, *in otio* — къ Фурию Публию, *in negotio* — къ Лелію (*Laelius Sapiens*), или *in negotio* — къ Фулу или Сервилю, *in otio* — къ Лелію.

Ее откроютъ двое стариковъ,
Что первые появятся на сцену (¹),
Въ своей бесѣдѣ; остальное сами
Изъ дѣйствія поймете вы. Итакъ
Своею благосклонностью усильте
Въ повѣтъ къ драматургѣ любовь.

А К Т Ъ I.

СЦЕНА I.

Миціонъ (одинъ)

Стораксъ!... Нѣтъ, видно, съ нынѣшней пирушкой
Эскинъ еще не возвратился!... Никого
Изъ посланныхъ за нимъ еще не видно (²).
И справедливо утверждаютъ: если
Куда нибудь ты отлучишься, или
Замедлишь гдѣ нибудь—увидишь самъ
Изъ словъ своей разгнѣванной сунруги
Или прочтешь въ ея душѣ тогда,
Что опасенье за тебя не столько
Глубоко въ ней, какъ то же опасенье
Въ родителяхъ нѣжнѣйшихъ развито.
Замедлишь—и жена подумаетъ сейчасъ:
Другую любить онъ, а, можетъ, самъ любимъ,
Онъ пьетъ, онъ весело проводитъ время
Въ забавахъ, какъ она одна скучаетъ....
Ну что же я теперь подумать долженъ,
О томъ, что сынъ еще не возвратился
Домой? О чемъ заботиться теперь?
Не простудился ли? ужъ не упалъ ли?
Руки или ноги не повредилъ ли?
Какъ глупо—привязаться къ человѣку,

(¹) Миціонъ и Демей—дѣйствующіе 1-го акта.

(²) Storax!... non rediit hac nocte a coena Aeschinus, etc.

v. 26—27.

Миціонъ зоветъ раба Сторакса, и не получивъ отвѣта, заключаетъ, что Эскина еще нѣтъ дома: Стораксъ провожалъ Эскина на ширь, а потому за нихъ были посланы и другіе рабы.

И полюбить сильнѣе чѣмъ себя!
Не я ему отецъ—отецъ ему мой братъ,
Который съ раннихъ юношескихъ лѣтъ
Въ характерѣ со мною не сходилса.
Предпочиталъ я городскую жизнь,
Приятную, покойную... женатъ
Я не былъ—хоть женитьбу и считаютъ
Великимъ счастьемъ!—(*) Братъ же мой, Демей,
Во всемъ со мной контрастъ: суровый скрага,
Демей въ деревнѣ жизнь свою проводитъ,
Женатъ, двоихъ имѣетъ сыновей;
И старшаго изъ нихъ усыновилъ я,
Отъ раннихъ лѣтъ воспитывалъ его
И полюбилъ какъ собственнаго сына.
Лишь въ немъ одномъ моя утѣха. Онъ
Дороже для меня всего на свѣтѣ.
Но чтобъ и онъ равно меня любилъ—
Стараюсь всѣми мѣрами: сквозь пальцы
Смотрю на все, снабжаю нужнымъ всѣмъ.
И не считаю я необходимымъ—
Всегда во всемъ входить въ свои права.
Его я приучилъ, чтобъ отъ меня
Онъ не скрывалъ, какъ дѣлаютъ другіе,
Проступковъ тѣхъ, въ которыхъ виноватъ
Лишь возрастъ. Кто ужъ лгать привыкнетъ, или
Осмѣлится обманывать отца —
Другихъ тѣмъ легче обмануть рѣшится.
Увѣренъ я, что стыдъ и ласка легче,
Чѣмъ страхъ, дѣтей удержатъ отъ пороковъ.
Но братъ со мною и въ этомъ не согласенъ,
И доводы мои не нравятся ему.
Нерѣдко онъ является съ упрекомъ:
„Ахъ, Миціонъ! что дѣлаешь, подумай!
Ты просто губишь нашего Эхина:
Онъ бѣгаетъ за женщинами, пьетъ...”

(*) Et quod fortunatum isti putant,

Uxorem nunquam habui... (v. 43—44) напоминаетъ известный стихъ

Менандра:

Ὁ μακάριον μέ... γυνῆν' οὐ λαμβάνω.

Зачѣмъ на это тратишь столько денегъ?!..
Такъ пышно одѣваешь!.. очень глупо!..
А самъ-то онъ какъ грубъ и какъ неправъ!
Мнѣ кажется въ великомъ заблужденнѣ
Бываетъ тотъ, кто думаетъ, что только
Единственно надежна та лишь власть,
Которую доставила намъ сила—
Не узы дружбы: я же полагаю,
Что кто лишь воневолѣ исполняетъ
Свой долгъ, тавъ тотъ старается пока
Увѣренъ, что за нимъ слѣдять упорно;
Но понадѣясь, что не доглядятъ,
Опять за старое возьмется; если жъ
Кого нибудь въ себѣ добромъ привлекъ ты—
Тотъ станетъ исполнять все отъ души,
И за добро добромъ воздастъ; и гдѣ бы
Онъ ни былъ—онъ повсюду будетъ тѣмъ же.
Родители должны своихъ дѣтей
Учить тому, чтобъ дѣти добровольно,
А не изъ страха, поступали прямо.
Вотъ въ чемъ и разница между отцомъ
И господиномъ! Тотъ, кто не беретъ
Въ расчетъ всего, что я сказалъ, тотъ долженъ
Сознаться въ томъ, что управлять семьей
Не можетъ.... Да ужъ это не Демей ли?
И точно... и печаленъ что-то онъ...
Ну ужъ теперъ пойдетъ опять ругаться....

СЦЕНА II.

Миціонъ и Демей.

Миціонъ

Здорово, братъ!.. весьма пріятно встрѣтить...

Демей

А! Миціонъ! Тебя-то и ищу.

Миціонъ

Что такъ печаленъ ты?

Демей

Что такъ печаленъ—
Спросилъ ты—а Эскинъ-то!...

Миционъ

Такъ и есть!
Вѣдь говорилъ я!... Что же сдѣлалъ онъ?

Демей

Что сдѣлалъ?... Потерялъ и стыдъ и страхъ;
Не думаетъ о томъ, что существуютъ
Законы здѣсь.... (1°) О прошломъ ужь молчу я,
Нѣтъ,—что теперь надѣлалъ?

Миционъ

Чтожъ такое?

Демей

Что? Двери выломалъ, въ чужой ворвался домъ,
Хозяина, семью избилъ до смерти
И отнял женщину, которую любилъ.
Вѣдь всѣ кричатъ, что подло поступилъ онъ.
Ахъ, Миционъ! ужь сколько разъ объ этомъ,
Пока тебя искалъ, пришлось мнѣ слышать!
Молва о томъ въ устахъ всего народа.
Да хоть бы взялъ онъ для примѣра брата,
Который любить дѣломъ заниматься;
Вовдержно, бережливо онъ живетъ
Въ деревнѣ; а Эскинъ на Ктезифона
Нимало не походить. Этимъ самымъ
Я и тебѣ хотѣлъ напомнить, братъ,
Что у тебя испортился онъ....

Миционъ

Есть ли

На свѣтѣ ктонибудь несправедливѣй

(1°) Quis neque pudet

Quidquam, nec metuit quemquam

Присцианъ приводитъ слѣдующій соответственный стихъ Монадра:

Ὅς οὐτ' ἐρυθρίαν αἰδεν, οὐδέ δεδιέναι.

Τὰ πρῶτα παύτης τῆς ἀναδείας ἔχει.

Демей нарочно говоритъ неопредѣленно: *leges alienas* и *dominium*, потому что проступокъ Эскина показался бы маловажнымъ, если бы онъ прямо сказалъ, что дѣло идетъ о ленонѣ. (Донатъ).

Невѣжды? Человѣкъ такой всегда
Считаетъ то единственно хорошимъ,
Что самъ творить ⁽¹¹⁾.

Демей

Къ чему же это ты
Ведешь?

Миціонъ

Да все къ тому, что очень криво
Толкуешь ты! Повѣрь: тому, кто молодъ,
Не стыдно и за женщинами бѣгать,
Не стыдно выпить, даже не безчестье
И выбить дверь... И если мы съ тобой
Не дѣлали подобныхъ преступлений —
То бѣдность насъ къ тому не допускала.
Что дѣлалось въ ту пору по неволѣ,
Тѣмъ нечего теперь и похваляться.
Не правъ ты: только было бы на что —
Мы сами тоже дѣлали бы. Если бъ
Ты былъ почеловѣчѣе, Демей,
То далъ бы сыну больше воли; это
Вѣдь дань лѣтамъ... и несравненно лучше,
Чѣмъ, проводя тебя въ послѣдній путь,
Онъ, послѣ столькихъ долгихъ ожиданій,
Несвоевременно за тоже бы взялся!

Демей

О боги! съ человѣчностью своей
Съ ума меня ты сводишь! Не безчестье —
Для юноши подобныя поступки!...

Миціонъ

Зачѣмъ твердить одно и тоже? слушай:
Вѣдь ты позволилъ мнѣ усыновить
Эсхина? Стало быть, онъ сталъ моимъ,
И если провинится въ чемъ нибудь —

⁽¹¹⁾ *Homine imperito nunquam vidi injusti'is.*
Qui nisi quod ipse facit, nil rectum putat. (v. 99—100).
Сравн. съ стихомъ Менандра:
Ὅτι ἐστ' ἀνοίας οὐδέν, ὡς ἐμοὶ δοκεῖ,
Τολμηρότερον.

Онъ предо мной, конечно, провинится;
Въ его винѣ отвѣтчикъ буду я.
Его пиры, попойки, благовонья—
На мой вѣдь счетъ; онъ любить женщинъ—что же?
Вѣдь я плачѹ, повуда деньги есть;
Не будетъ—пусть ему покажутъ двери;
Сломалъ онъ дверь—ну что жъ! опять навѣсятъ;
Онъ платье изорвалъ—по милости боговъ
Все это мы исправить еще въ силахъ.
Повѣрь—все это сносно.... Перестань же
Ворчать, или посредника возьмемъ:
Я докажу тебѣ, что въ этомъ дѣлѣ
Грѣшишь ты болѣе меня.

Демей

О боги!

Спроси того, что значить быть отцомъ,
Кто испыталъ на самомъ дѣлѣ это.

Миціонъ

Но ты ему отецъ по плоти только,
По духу я отецъ ему....

Демей

Такъ ты

Подобные даешь ему совѣты?!

Миціонъ

Не замолчишь—такъ я сейчасъ уйду.

Демей

Такъ это ты....

Миціонъ

Ужъ сколько разъ объ этомъ
Мнѣ слушать приводилось!

Демей

Да кому же

Заботиться о немъ, какъ не отцу?!

Миціонъ

И я о немъ заботиться обязанъ.
Не лучше ли намъ раздѣлить заботы:
Тѣ за своимъ смотри, я стану—за своимъ.

Вѣдь о двохъ заботиться—все тоже,
Что у меня Эскина снова взять!

Демей

Ахъ, Миціонъ!

Миціонъ

Мнѣ кажется, что такъ.

Демей

Когда тебѣ угодно, пусть онъ мотомъ
Останется, пусть самъ погибнетъ онъ!
Теперь я васъ ужъ больше не затрону.
И если послѣ этого хоть слово...

Миціонъ

Опять, Демей, ты изъ себя выходишь!

Демей

Не вѣришь?... Не потребую назадъ
Эскина; вѣдь его тебѣ я ввѣрилъ...
Но горько.... я ему вѣдь не чужой!
И если иногда противорѣчу....
Но замолчу.... ты хочешь, чтобы я
Лишь объ одномъ изъ сыновей пекся—
Да будетъ такъ! Благодарю васъ, боги!
За то, что Ктезифонъ таковъ, какимъ его
Всегда желательно мнѣ было видѣть....
Ужъ говорить не хочется....

СЦЕНА III.

Миціонъ (одинъ)

Не все

Въ его словахъ несправедливо, впрочемъ
Не все и правда.... И хоть неприятно,
Да не хотѣлъ я высказать ему
Что думалъ самъ: таковъ характеръ брата!
И если увротить его хочу,
То спорю съ нимъ и чѣмъ нибудь стращаю—
И тутъ едва удастся мнѣ; а если бъ
Я вздумалъ согласиться съ нимъ, то, право,

Мы оба съ нимъ съ ума сошли бы!... Самъ
Эсхинъ насъ огорчилъ своимъ поступкомъ.
Которую изъ здѣшнихъ легкихъ женщинъ
Онъ не любилъ? Чего имъ не дарилъ?
Но видно, всё наскучили ему,
И онъ сказалъ, что онъ не прочь жениться.
И я рѣшилъ, что юный жаръ его
Простылъ, и былъ ужь радъ... и что же—снова!...
Пойду, развѣдаю, что сдѣлалось у нихъ.
Быть можетъ, съ нимъ на форумѣ увижусь.

А К Т Ъ П.

СЦЕНА I.

Саннионъ, Эсхинъ, Парменонъ, Каллидія.

Саннионъ

Сограждане, на помощь! умоляю!
Я безъ вины страдаю! Помогите!

Эсхинъ (Каллидія)

Покойна будь!... Не озирайся такъ!
Останься тутъ! Онъ здѣсь тебя не тронетъ,
Пока я здѣсь....

Саннионъ

Не посмотрю на васъ...

Эсхинъ

Хоть онъ и негодай, но ужь сегодня,
Конечно, онъ не доведетъ себя
До новой потасовки.

Саннионъ

Ну, смотри же,

Эсхинъ, чтобъ послѣ этаго всего
Невѣденыемъ—кто я, неотзывать:
Ленонъ я.

Эсхинъ

Знаю.

Саннионъ

Но на столько честный,
На сколько и другимъ не худо, право, быть.
Конечно, ты, чтобъ оправдаться, скажешь,
Что не хотѣлъ мнѣ нанести обиды,
Но не приму я этихъ отговорокъ.
Повѣрь, что я не откажусь отъ иска,
И на словахъ тебѣ не оправдаться—
Въ чемъ ты меня на дѣлѣ разобидѣлъ.
Увертки ваши мнѣ извѣстны: „жалко,
Клянусь, ты этого не заслужил!“
Не заслужилъ! За что жъ не по заслугамъ
И припятъ былъ?!

Эсхинъ

Скорѣе, Парменонъ,
Впередъ, да двери отопри.

Саннионъ

Ну что же
Ты хочешь этимъ сдѣлать?

Эсхинъ (Каллидін)

Ну, ступай.

Саннионъ

Я не пущу.

Эсхинъ

Эй, Парменонъ! поближе....
Ты слишкомъ далеко ужъ отошелъ.
Ты встань съ нимъ рядомъ.... такъ; смотри же въ оба,
Смотри же, глазъ съ меня ты не спускай;
Едва мигну—тотчасъ ему и въ зубы....

Саннионъ

Попробоваль бы я....

Эсхинъ (Парменону)

Смотри.... (Санниону) пусти ее!
(Парменонъ бьетъ Санниона)

Саннионъ

Разбой! злодѣйство!

Эсхинъ

Мало, такъ прибавить....
Молчи (Парменонъ снова бьетъ Санниона)

Саннионъ

Разбой!

Эсхинъ (Парменону)

Да я вѣдь не мигалъ!
А впрочемъ не бѣда и ошибиться....
(Каллидѣи) Теперь иди....

Саннионъ

Дѣ что же это значить?
Давно ли ты, Эсхинъ, у насъ царемъ!!

Эсхинъ

О, если бѣ здѣсь царемъ я былъ, поцарски
За доблести тебя я наградилъ бы!...

Саннионъ

Скажи, чегѣ ты отъ меня желасшь?

Эсхинъ

Да ничего.

Саннионъ

Не знаешь ты, кто я?

Эсхинъ

И не желаю...

Саннионъ

Трогалъ я тебя?

Эсхинъ

Попробуй, если не было на шеѣ
Бѣды!

Саннионъ

За что же ты меня лишаешь
Каллидѣи? Я за нее далъ деньги.
Скажи....

Эсхинъ

Сейчасъ же переставъ ругаться...
Ты у дверей стоишь, а станешь продолжать—
Такъ въ домъ тебя потащатъ, и до смерти
Плетьми отпощуютъ.

Саннионъ

Меня плетьми?

Свободнаго?

Эскинъ

Ну да!

Саннионъ

И увѣряютъ —

Безсовѣстный!—что здѣсь равно свободны всѣ.

Эскинъ

Я думаю ты вдоволь накричался!

Послушай....

Саннионъ

Кто же болѣе изъ насъ

Шумѣль?

Эскинъ

Постой, поговоримъ о дѣлѣ.

Саннионъ

О чемъ? какое дѣло?

Эскинъ

Если хочешь,

Я стану говорить, что только до тебя

Касается.

Саннионъ

Хочу, да только правду.

Эскинъ

Торгующій чужою красотой

Гнушается неправдой!—

Саннионъ

Сознаюся,

Чужой я промышляю красотой;

Для юношей я камень преткновенья,

Обманщикъ я, зараза я—все такъ,

Но вѣдь тебѣ я ничего не сдѣлалъ!

Эскинъ

Лишь этого тебѣ не доставало.

Саннионъ

Прошу тебя, вернись къ тому, чѣмъ началъ:

Эскинъ

Тебѣ пѣвица стоитъ двадцать минъ!....
Чтобы тебя нелегкая..... и ихъ
Сюзна получишь.

Саннионъ

Что? а если я
Не захочу продать ее тебѣ?
Ужъ не принудишь ли?

Эскинъ

Нимало.

Саннионъ

Это

Меня вѣдь и пугало!

Эскинъ

Я не думалъ,
Что можно продавать свободныхъ; предъ судомъ
Я докажу ея свободу; выбирай
Любое: или деньги, или тяжбу.
Подумай же, какъ слѣдуетъ, объ этомъ;
Я скоро возвращусь сюда....

—
СЦЕНА II.

Саннионъ

Юпитерь!

Не подивлюсь, что отъ обидъ съ ума
Иные сходятъ! Онъ насильно отнялъ
Невольницу, заставилъ бросить домъ,
Да въ этому—мнѣ, бѣдному, въ придачу
Влѣпилъ онъ больше пятисотъ пощечинъ.
И послѣ всѣхъ подобныхъ оскорбленій
Рѣшилъ онъ потребовать, чтобъ я
Спустилъ ему Каллидію за то же,
За что мнѣ самому она пришлась.
Хоть заслужилъ бы чѣмъ—тогда ужъ пусть бы....
Законный искъ.... ужъ я бы согласился,
Лишь отдалъ бы онъ деньги. Но вѣдь знаю:
Скажи-ка я, что продаю ее

За столько-то: сейчас же онъ представить
Свидѣтелей, что продалъ я ее;
А деньги, какъ во снѣ приснились! мы
Ужъ знаемъ это: „очень скоро!“ „завтра
Приди“. Да не бѣда,—лишь заплатилъ бы!
Обидно, а подумавши рѣшишь:
Взялся за этотъ промыслъ, такъ обиды
Отъ молодыхъ людей съ терпѣніемъ сноси!
Да впрочемъ, для чего же самъ съ собой
Я разсуждаю такъ? вѣдь не заплатятъ....

СЦЕНА III.

Сиръ ⁽¹²⁾ и Санніонъ.

Сиръ (выходя изъ дома Миціона,
говорить Эсхину)

Молчи!... я самъ пойду къ нему и такъ
Устрою все, что съ радостью возьметъ
И будетъ благодаренъ.

(Санніону) Говорятъ,
Что сильно ты поспорилъ съ господиномъ?

Санніонъ

Не приводилось никогда мнѣ видѣть
Глупѣе спора: и пока меня онъ билъ,
А я терпѣлъ—мы оба утомились.

Сиръ

Твоя вина!

(12) Имя раба—Сиръ, или Сиріецъ, указываетъ на его происхожде-
ніе. Уже Ювеналъ говорилъ:

Jam pridem Syrus in Tiberim defluxit Orontes
Et linguam et mores et cum tibicine chordas
Obliquas et ad circum jussas prostare puellas.

(Sat. III. 62—65).

Этотъ Сирійскій Оронтъ изъ богатой Антиохіи доставлялъ въ Римъ
вмѣстѣ съ греческимъ языкомъ и нравами и принадлежности роскоши—
мази, благоуханія, невольницъ и невольниковъ. (См. объясненіе этихъ сти-
ховъ Ювенала въ Гейнриховскомъ изд. Ювенала. Воннае. М. DCCC. XXXIX;
II, 131).

Саннионъ

Да что жь мнѣ было дѣлать?

Сиръ

Ты долженъ былъ Эсхину уступить.

Саннионъ

Да какъ же уступить еще? Вѣдь зубы
Ему я подставлялъ.

Сиръ

А знаешь, что

Скажу тебѣ: „при случаѣ, бываетъ
Большая польза деньгой пренебречь“.

Саннионъ

Ужели?

Сиръ

Не надѣялся съ лихвой
Всю сумму получить, глупѣйшій изъ людей,
Когда бы сдѣлалъ отъ себя уступку?

Саннионъ

Я не привыкъ на деньги покупать
Однѣ надежды на получку денегъ.

Сиръ

Поди!.. ты не составишь состоянья:
Не знаешь, какъ приманивать народъ!

Саннионъ

Ово и лучше, можетъ быть, однако
Я не былъ никогда на столько хитрымъ,
Чтобы не брать тотчасъ того, что можно.

Сиръ

Да я тебя вѣдь знаю: двадцать минъ
Ужъ будто для тебя такъ много значать,
Чтобъ угодить ему!.. Да говорить,
Что въ Кипрѣ плывешь ты....

Саннионъ

Гмъ!

Сиръ

Купилъ товару
Для Кипра, и корабль ужь будто нанялъ,
Да это дѣло задержало; впрочемъ,
Его отложишь ты до возвращенья.

Саннионъ

Пока ни шагу! Геркулесъ свидѣтель—
Погибь!.... они въ надеждѣ той и дѣло
Затѣяли....

Сиръ

Онъ струсилъ! Я поставилъ
Его въ тупикъ.

Саннионъ

Разбой!.... смотри, пожалуй!
Вѣдь выискалъ же случай! Накупилъ я
Не мало женщинъ и другихъ товаровъ
Для Кипра: если мнѣ поѣздку эту
Отсрочить—понесу большой убытокъ;
Оставить здѣсь начатый искъ—нельзя:
Пока вернусь, заглохнетъ это дѣло.
Мнѣ скажутъ: „ты являешься теперь лишь?
Что не являлся въ срокъ? гдѣ былъ ты?“ Лучше
Оставить все, чѣмъ самому остаться,
Или, пріѣхавши, за деньгами ходить.

Сиръ

Ну, чѣмъ повончилъ ты свои расчеты?

Саннионъ

Достовнъ ли его такой поступокъ?
Отнять невольницу!....

Сиръ (въ сторону)

Колеблется! (Санниону). Еще
Одинъ вопросъ тебѣ я предложу:
Чтобы тебѣ не сомнѣваться долше—
Воротишь ли свою затрату, или
Утратишь все—не лучше ли тебѣ
Изъ суммы взять теперь же половину?
А десять минъ онъ какъ нибудь сколотить!

О боги! ужь не жди и своего!
И нѣтъ стыда! Всѣ разпаталя мнѣ зубы,
И отъ побой вся въ шипеахъ голова;
И въ этому обманъ еще.... Не ѣду,
Не ѣду я!

Сиръ

Какъ хочешь; я иду....

Саннионъ

Постой же, Сиръ! прошу тебя—нельзя ли
Чтобъ онъ безъ тяжбы—такъ тому и быть—
Лишь заплатилъ бы то, во что приплась
Мнѣ самому она.... Не испыталъ ты
До сей поры, что значить быть мнѣ другомъ—
Но вѣрь: не назовешь неблагодарнымъ,
Безпамятнымъ меня....

Сиръ

Готовъ стараться.

А! Ктезифонъ! И радъ ужь, что досталась
Возлюбленная.

Саннионъ

Что-жъ, о чемъ просилъ я....

Сиръ

Постой....

—

СЦЕНА IV.

Ктезифонъ и Сиръ.

Ктезифонъ

О какъ пріятно встрѣтить помощь
Отъ каждаго въ постигшей насъ бѣдѣ:
Но какъ легко ту помощь принимать
Отъ тѣхъ людей, которые намъ близки!
О, братъ мой, братъ! Какъ мнѣ тебя хвалить?
Увѣренъ я, что нѣтъ похвалъ, которыхъ
Не превзошелъ бы ты! Осталось мнѣ одно:
Гордиться тѣмъ, что только я имѣю
Такого доблестнаго брата!....

Сиръ

Ктезифонъ!

Ктезифонъ

Ахъ, Сиръ! а гдѣ Эсхинъ?

Сиръ

Эсхинъ? Онъ дома,

И ждетъ тебя.

Ктезифонъ

Ахъ!....

Сиръ

Что такое?

Ктезифонъ

Жизнью,

По милости его я наслаждаюсь.

Сиръ

Премилый человѣкъ!

Ктезифонъ

Все презрѣлъ для меня,
Принявши на себя безславіе, брань,
Любовь мою, проступокъ даже мой.
Чего жъ еще? Чу, двери заскрипѣли.

Сиръ

Постой, постой.... да вотъ и самъ Эсхинъ.

—

СЦЕНА V.

Эсхинъ, Санніонъ, Ктезифонъ, Сиръ.

Эсхинъ

Гдѣ тотъ бездѣльникъ?

Санніонъ

Знать, меня онъ ищетъ!
Чего съ собой не захватилъ ли онъ?
Нѣтъ, ничего не видно: все пропало....

Эсхинъ

Ахъ, встати, братъ! Тебя-то и искалъ.

Ну, что еще?... Опасность миновалась;
Забудь свою печаль.

Ктезифонъ

Да, я обязанъ
Забуть ее, въ тебѣ имѣя брата....
Мой добрый братъ!... Боюсь хвалить въ глаза,
Чтобъ ты не счелъ признательности лестью.

Эсхинъ

Смѣшно! Какъ будто мы другъ друга видимъ
Теперь впервые?... Одного мнѣ жаль,
Что это все дошло до насъ такъ поздно,
И до того почти уже дошло,
Что мы при всѣхъ усиляхъ, стараньяхъ,
Едва изъ рукъ не выпустили дѣла.

Ктезифонъ

Мнѣ было стыдно.

Эсхинъ

Полно, что за стыдъ:
Не стыдъ, а глупость! вспомни—за бездѣлку
Отечество оставить.... ужь сказать
Не хочется!... Да сохранять насъ боги!

Ктезифонъ

Вполнѣ винюсь.

Эсхинъ

А что нашъ Саннионъ?

Сиръ

Онъ присмирѣлъ.

Эсхинъ

Пойду теперь на форумъ:
Съ нимъ нужно развязаться. Ктезифонъ!
Теперь иди ты къ ней.

Саннионъ (Сиру)

Смотри же, Сиръ!...

Сиръ

Пойдемте же, онъ въ Кипръ спѣшитъ....

Саннионъ

Не скоро:

Я здѣсь могу остаться, сколько хочешь.

Сиръ
Не бойся: отдадутъ.
Саннионъ
Ахъ, еслибъ все
Спозна!
Сиръ
Получишь все. Молчи, иди за мной.
Саннионъ
Иду.
Ктезифонъ
Эй, Сиръ!
Сиръ
Что тамъ?
Ктезифонъ
Скорѣй, какъ можно,
Ты съ этимъ негодяемъ разочтись;
А то, взбѣшенный, онъ въ отцу, пожалуй,
Пойдетъ: тогда пропасть я безвозвратно.
Сиръ
Не бойся—все пройдетъ. Ступай домой,
Вели сейчасъ разставить ложи,—въ пиру
Все припасти ⁽¹²⁾, а я, покончивъ дѣло,
Приду домой съ провизіей.
Ктезифонъ
Пожалуй,
Похлопочи. Уладивъ наше дѣло,
Превесело мы проведемъ весь день.

М. П—ій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

(12) Et lectulos jube sterni nobis, et parari caetera. v. 286.
Lectulos—ложи, на которыхъ возлежали во время обѣда.

К. Р. У. Ш. Ч. К. А.

И

БИБЛИОГРАФІЯ.

Виноградскій. Объ опредѣленіи элементовъ орбиты двойныхъ
звѣздъ. Казань. 1872 г.

(Отзывъ, представленный въ факультетъ)

Авторъ сочиненія принялъ на себя трудъ опредѣленія орбиты ξ Bootis, и при этомъ онъ изложилъ тѣ методы, которые даны Гершелемъ, Виларсо и другими, для подобныхъ вычисленій. Такимъ образомъ мнѣ предстоитъ разобрать отдѣльно обѣ части: часть теоретическую и часть практическую, то есть вычисленіе и оцѣнку результатовъ. Я начну съ теоріи.

Наблюденія двойныхъ звѣздъ состоятъ въ томъ, что, помощію микрометрическихъ снарядовъ, измѣряется разстояніе спутника отъ главной звѣзды и уголъ положенія спутника, или уголъ, составляемый этой линіей съ кругомъ склоненія, проходящимъ чрезъ главную звѣзду. Если касательную въ этому послѣднему кругу, въ точкѣ, занимаемой главною звѣздою, примемъ за ось координатъ x , и линію, перпендикулярную къ ней и къ лучу зрѣнія, направленному въ главную звѣздъ, примемъ за ось y , то плоскость xy будетъ плоскостію перспективы, и на этой плоскости наблюденія дадутъ разстояніе ρ , уголъ положенія θ , слѣдовательно и координаты $x = \rho \cos \theta$ и $y = \rho \sin \theta$ конического сѣченія. Это видимое коническое сѣченіе есть проекція истиннаго конического сѣченія, описаннаго спутникомъ около главной звѣзды, или

около начала координат $x y$, и вопросъ состоитъ въ томъ, какъ найти третью координату z помощію извѣстныхъ x и y , или какъ найти размѣры истиннаго коническаго сѣченія и положеніе его плоскости въ отношеніи плоскости $x y$.

Очевидно, задача эта принадлежитъ къ области теоріи коническихъ сѣченій, и рѣшается вполне, помимо знанія времени, тѣми приемами, которые намъ представляетъ эта теорія. За исходную точку должно служить то данное въ задачѣ, что начало координатъ x и y не есть произвольная точка на плоскости $x y$ видимой орбиты, но она совпадаетъ съ фокусомъ истинной орбиты. Это данное въ задачѣ придаетъ ей совершенную опредѣленность, приводящую къ полному рѣшенію. Такое рѣшеніе, какъ независящее отъ времени наблюденія, я, для краткости, буду называть геометрическимъ рѣшеніемъ.

Въ приложеніи къ бинарнымъ системамъ звѣзднаго міра, рѣшеніе это можетъ служить только какъ первое приближеніе и то въ случаяхъ, гдѣ оно можетъ быть примѣнимо, то есть когда даны полныя координаты x и y . Но въ большей части случаевъ разстоянія ρ весьма малы, такъ что погрѣшности въ измѣреніи ρ , въ сравненіи съ самою величиною ρ , весьма замѣтны; часто также вовсе не измѣряютъ этихъ разстояній по причинѣ ненадежности ихъ, но измѣряютъ только углы положенія θ . Въ этомъ случаѣ геометрическое рѣшеніе будетъ, или ненадежнымъ, или вовсе непримѣнимымъ. Въ тѣхъ даже случаяхъ, когда разстояніе ρ довольно значительно, какъ въ примѣрѣ вычисленномъ г. Виноградскимъ, гораздо выгоднѣе, для точности результатовъ, основывать рѣшеніе вопроса только на углахъ положенія θ , приводя θ въ зависимость отъ времени t наблюденія. Какъ только мы вводимъ время въ нашу задачу, то она представляется въ другомъ видѣ. Дѣйствительно въ геометрическомъ рѣшеніи мы имѣемъ дѣло съ уравненіями второй степени, между тѣмъ въ послѣднемъ случаѣ, на первыхъ же порахъ, мы встрѣчаемся съ трансцендентными уравненіями.

Рѣшеніе, въ которомъ будетъ входить время t , мы, для отличія отъ перваго, будемъ называть аналитическимъ рѣшеніемъ.

Это послѣднее рѣшеніе имѣетъ значительное преимущество въ томъ отношеніи, что, во первыхъ, мы вводимъ въ него величины θ и t , которыя, по наблюденіямъ, выходятъ

гораздо точнѣе чѣмъ x и y , и во вторыхъ, въ послѣднемъ рѣшеніи вліяніе эксцентриситета на величину θ въ два раза болѣе, чѣмъ вліяніе эксцентриситета на координаты x и y .

Я счелъ нужнымъ привести эти предварительныя разъясненія по той причинѣ, что г. Виноградскій не сдѣлалъ яснаго разграниченія между двумя разнородными вопросами, называя всѣ способы опредѣленія орбитъ вполнѣ точными съ аналитической стороны. Разсматривая сочиненіе, я встрѣчаю въ немъ только геометрическое рѣшеніе; рѣшеніе же, данное Вилярсо, хотя оно и основано на дифференціальныхъ уравненіяхъ движенія, отнюдь нельзя назвать аналитическимъ.

Джонъ Гершель, собравъ достаточный матеріалъ наблюденій двойныхъ звѣздъ, сдѣланныхъ его отцомъ и продолженныхъ имъ самимъ, первый сталъ вычислять ихъ орбиты. Начертивъ помощію наблюдаемыхъ координатъ x и y видимый эллипсъ, предполагая, что наблюденія обнимали полный оборотъ спутника, легко можно было найти, помощію этого чертежа, проекціи большой и малой оси и положеніе этихъ двухъ линій въ отношеніи оси x . Помощію этихъ данныхъ размѣры и положеніе истиннаго эллипса вычисляются не трудно. Приемъ этотъ составляетъ предметъ перваго мемуара Гершеля. Формулы, сюда относящіяся, изложены г. Виноградскимъ на стр. 38 и слѣдующихъ. Но въ послѣдствіи Гершель, въ новомъ своемъ мемуарѣ, предлагаетъ находить предварительно—значенія пяти неизвѣстныхъ α , β , γ , δ и ϵ изъ пяти уравненій вида:

$$1 + \alpha x + \beta y + \delta xy + \gamma x^2 + \epsilon y^2 = 0, \quad (1)$$

и приличными преобразованиями дойти до вида

$$\frac{x^2}{a^2} + \frac{y^2}{b^2} = 1.$$

Всѣ вычисленія, относящіяся сюда, взятые изъ теоріи коническихъ сѣченій, совершенно излишни по той причинѣ, что, если условія задачи позволяютъ опредѣленіе постоянныхъ m и n въ уравненіи

$$z = m x + n y \quad (2)$$

плоскости истиннаго эллипса, то конечно значенія постоянныхъ m и n должны быть функціи отъ α , β , γ , δ , ϵ . Такъ какъ

$$\begin{aligned} m &= -t g i \sin \omega \\ n &= t g i \cos \omega, \end{aligned}$$

гдѣ i выражаетъ наклонность плоскости (2) въ плоскости $x y$, и ω есть уголъ между пересѣченіемъ этихъ двухъ плоскостей и осью x , то величины ω , i должны опредѣляться въ функцияхъ α β

Условіе задачи таково, что начало координатъ x , y есть вмѣстѣ съ тѣмъ фокусъ коническаго сѣченія начерченнаго на плоскости (2), посему это условіе и должно быть введено непосредственно въ уравненіе (1) и тогда увидимъ, что размѣры истиннаго коническаго сѣченія и положеніе его плоскости легко выводятся, зная α , β , γ , δ , ϵ .

Если буквою p означимъ параметръ, буквою λ уголъ между большою осью и пересѣченіемъ плоскости (2) съ плоскостью $x y$, буквою e эксцентриситетъ истинной орбиты спутника, то уравненіе этой орбиты, при упомянутомъ выше условіи, будетъ:

$$p = e \rho \left\{ \sin(\theta - \omega) \sin \lambda \operatorname{Sec} i + \cos(\theta - \omega) \cos \lambda \right\} + \rho \sqrt{1 + t g^2 i \sin^2(\theta - \omega)} \quad (3)$$

Положивъ въ этомъ уравненіи

$$x = \rho \cos \theta$$

$$y = \rho \sin \theta,$$

и сдѣлавъ его рациональнымъ, получимъ уравненіе второй степени отъ x и y . Сравнивъ теперь коэффициенты при одинаковыхъ степеняхъ x и y въ этомъ уравненіи и въ уравненіи (1), получимъ слѣдующія формулы, которыя должны служить для вычисленія элементовъ истинной орбиты, колы скоро α , β ... ϵ уже извѣстны:

$$\frac{t g^2 i}{p^2} \sin 2 \omega = \delta - \frac{1}{2} \alpha \beta$$

$$\frac{t g^2 i}{p^2} \cos 2 \omega = (\gamma - \epsilon) - \frac{1}{4} (\alpha^2 - \beta^2) \quad (4)$$

$$\frac{2}{p^2} + \frac{t g^2 i}{p^2} = -(\gamma + \epsilon) + \frac{1}{4} (\alpha^2 + \beta^2)$$

$$e \sin \lambda = -\frac{p}{2} (\beta \cos \omega - \alpha \sin \omega) \cos i$$

$$e \cos \lambda = -\frac{p}{2} (\beta \sin \omega + \alpha \cos \omega).$$

И такъ мы видимъ, что есть двѣ плоскости (2), одинаково удовлетворяющія задачѣ; обѣ плоскости пересѣкаются съ плоскостію xu по одной и той же линіи, и наклонены въ ней подъ однимъ угломъ i ; одна подъ угломъ i положительнымъ, другая подъ такимъ же угломъ отрицательнымъ.

Уравненіе (3), хотя оно должно служить основаніемъ геометрическаго рѣшенія вопроса, Гершелемъ упущено изъ вида, посему результаты (4) и немогли быть имъ получены. Г. Виноградскій же старался держаться строго подлинника.

Способъ Гершеля вычислять орбиты двойныхъ звѣздъ, хотя и представляетъ нѣкоторыя несовершенства, указанныя мною выше, вѣроятно будетъ часто примѣняться на практикѣ. По этой причинѣ, можетъ быть, не будетъ излишнимъ представить тѣ упрощенія, которыя столь важны при вычисленияхъ.

Читатель вѣроятно обратилъ вниманіе на то, что вся трудность его состоитъ въ вычисленіи $\alpha \beta \dots \epsilon$. Если бы было только пять уравненій вида (1), то и тогда рѣшеніе утомительно. Представимъ себѣ, что есть не пять а гораздо болѣе уравненій съ пятью неизвѣстными, и что эти уравненія нужно рѣшить по способу наименьшихъ квадратовъ; очевидно, опредѣленіе значеній этихъ пяти неизвѣстныхъ потребуетъ много времени, и оно будетъ одинаково сложно, описалъ-ли спутникъ полную орбиту, или нѣтъ.

Примѣненіе способа наименьшихъ квадратовъ тогда только легко и удобно, когда дѣло идетъ объ опредѣленіи значеній постоянныхъ коэффициентовъ періодической строки. Чтобы имѣть такую строку положимъ, что наблюденія θ и ϱ распредѣлены чрезъ равные промежутки угла положенія θ , и что они обнимаютъ дугу $360 - \alpha$, гдѣ α на столько мало, чтобы дать $\mu = \frac{360}{\alpha}$ число не менѣе 5. Пусть наблюденія ваши будутъ написаны въ слѣдующемъ порядкѣ:

$$\theta_0, \theta_0 + \alpha, \theta_0 + 2\alpha, \dots, \theta_0 + 360 - \alpha$$

$$\varrho_0, \varrho_1, \dots, \varrho_{\mu-1}$$

Если α будетъ равно 30° , то $\mu = 12$, —почему мы будемъ имѣть 12 частныхъ значеній θ и ϱ , изъ которыхъ нужно будетъ найти вѣроятнѣйшія значенія элементовъ спутника.

Положимъ, что радикаль входящій въ формулу (3) разложенъ въ слѣдующую безконечную строку:

$$\sqrt{1+tg^2i \operatorname{Sin}^2(\theta-\omega)} = B_0 \left\{ 1 - B_1 \operatorname{Cos} 2(\theta-\omega) + B_2 \operatorname{Cos} 4(\theta-\omega) - \dots \right\},$$

то легко найти, полагая для краткости;

$$tg \frac{2i}{2} = h,$$

значеніе коэффициентовъ B_0, B_1, B_2 , etc.; дѣйствительно имѣемъ:

$$B_0 = \left(\frac{1 + \operatorname{Sec} i}{2} \right) \left\{ 1 + \left(\frac{1}{2} h \right)^2 + \left(\frac{1 \cdot 1}{2 \cdot 4} h^2 \right)^2 + \left(\frac{1 \cdot 1 \cdot 3}{2 \cdot 4 \cdot 6} h^3 \right)^2 + \dots \right\}$$

$$B_0 B_1 = (1 + \operatorname{Sec} i) \left\{ + \frac{1}{2} h + \frac{1}{2} \frac{1 \cdot 1}{2 \cdot 4} h^3 + \frac{1 \cdot 1 \cdot 1 \cdot 3}{2 \cdot 4 \cdot 2 \cdot 4 \cdot 6} h^5 + \dots \right\}$$

Если теперь обозначимъ

$$\xi = B_1 \operatorname{Cos} 2\omega \quad \xi' = \frac{e}{B_0} (\operatorname{Cos} \lambda \operatorname{Cos} \omega - \operatorname{Sin} \lambda \operatorname{Sin} \omega \operatorname{Sec} i)$$

$$\eta = B_1 \operatorname{Sin} 2\omega \quad \eta' = \frac{e}{B_0} (\operatorname{Cos} \lambda \operatorname{Sin} \omega + \operatorname{Sin} \lambda \operatorname{Cos} \omega \operatorname{Sec} i),$$

то уравненіе (3) перейдетъ въ слѣдующее:

$$\frac{p}{B_0} \frac{1}{\varrho} = 1 + \xi' \operatorname{Cos} \theta + \eta' \operatorname{Sin} \theta + \xi \operatorname{Cos} 2\theta + \eta \operatorname{Sin} 2\theta + B_2 \operatorname{Cos} 4(\theta-\omega) + \dots$$

то есть мы получимъ желаемую періодическую строку съ постоянными коэффициентами.

Взявъ теперь ариметическую средину всѣхъ значеній

$$\frac{1}{\varrho_0}, \frac{1}{\varrho_1}, \dots, \frac{1}{\varrho_\mu} - 1 \quad \text{и назвавъ его } \frac{1}{R}, \text{ получимъ}$$

$$\frac{p}{B_0} = R.$$

Назвавъ теперь

$$\frac{R}{\varrho_0} - 1 = a_0, \quad \frac{R}{\varrho_1} - 1 = a_1, \quad \text{etc.} \quad \frac{R}{\varrho_{\mu-1}} - 1 = a_{\mu-1},$$

найдемъ

$$\xi' = \frac{2}{\mu} \left\{ a_0 \operatorname{Cos} \theta_0 + a_1 \operatorname{Cos}(\theta_0 - \alpha) + a_2 \operatorname{Cos}(\theta_0 + 2\alpha) + \dots + a_{\mu-1} \operatorname{Sin}(\theta_0 + (\mu-1)\alpha) \right\}$$

$$\eta' = \frac{2}{\mu} \left\{ a_0 \operatorname{Sin} \theta_0 + a_1 \operatorname{Sin}(\theta_0 - \alpha) + a_2 \operatorname{Sin}(\theta_0 + 2\alpha) + \dots + a_{\mu-1} \operatorname{Sin}(\theta_0 + (\mu-1)\alpha) \right\}$$

$$\xi = \frac{2}{\mu} \left\{ a_0 \cos 2\theta_0 + a_1 \cos 2(\theta_0 + \alpha) + a_2 \cos 2(\theta_0 + 2\alpha) + \dots + a_{\mu-1} \cos 2(\theta_0 + (\mu-1)\alpha) \right\}$$

$$\eta = \frac{2}{\mu} \left\{ a_0 \sin 2\theta_0 + a_1 \sin 2(\theta_0 + \alpha) + a_2 \sin 2(\theta_0 + 2\alpha) + \dots + a_{\mu-1} \sin 2(\theta_0 + (\mu-1)\alpha) \right\}$$

И такъ помощію простыхъ вычисленій доходимъ до опредѣленія пяти неизвѣстныхъ $\frac{p}{B_0}$, ξ , ξ' , η и η' , изъ которыхъ такъ же легко извлекаются элементы p , e , i , ω , и λ .

Если бы мы распредѣлили наши наблюденія θ и φ чрезъ равные промежутки времени, то задача значительно усложняется, потому что, какъ мы замѣтили выше, введеніе времени исключаетъ нашу задачу изъ числа геометрическихъ задачъ.

Я посвящаю нѣсколько строкъ этому вопросу, по той причинѣ, что способъ Вилларсо опредѣлять элементы двойныхъ звѣздъ основанъ на знаніи координатъ x и y въ функціи времени. Такъ какъ г. Виноградскій излагаетъ способъ Вилларсо, то для поясненія дальнѣйшихъ моихъ замѣчаній, введеніе это не бесполезно.

Если буквою n назовемъ среднее движеніе спутника, и буквою t время, считаемое отъ произвольнаго начала, то координаты x , y выражаются слѣдующими сходящимися строками:

$$\begin{aligned} x &= C_0 + C_1 \cos nt + C_2 \cos 2nt + \dots + S_1 \sin nt + S_2 \sin 2nt + \dots \\ y &= C'_0 + C'_1 \cos nt + C'_2 \cos 2nt + \dots + S'_1 \sin nt + S'_2 \sin 2nt + \dots \end{aligned} \quad (5)$$

Только два коэффициента C_0 и C'_0 выражаются въ конечномъ видѣ. Если буквою ϵ назовемъ эксцентриситетъ въ видимой орбитѣ, буквою σ уголъ положенія періастрія, то

$$C_0 = -\frac{3}{2} \epsilon, \sin \sigma$$

$$C'_0 = -\frac{3}{2} \epsilon, \sin \sigma.$$

Всѣ прочіе коэффициенты C_1 , C_2, \dots , S_1 , S_2 , C'_1, \dots суть безконечныя строки. Если бы мы нашли числовое значеніе C_0 , C'_0 , C_1 , C'_1 и S_1 , S'_1 , то элементы орбиты возможно было бы найти, хотя, впрочемъ, это вычисленіе, по причинѣ значительности эксцентриситовъ, вышло бы утомительнымъ. Нахожденіе же значеній вышеупомянутыхъ шести коэффициентовъ C_0 , C_1 , C'_0 , C'_1 , S_1 и S'_1 и средняго движенія n удобно

можетъ быть исполнено, если только вычисляющій будетъ слѣдовать тѣмъ правиламъ, которыя, для этой цѣли, даны г. Пулемъ, почетнымъ членомъ нашего университета въ мемуарѣ его, помѣщенномъ въ *Annales de l'observ. de Paris*.

Сообразивъ весь трудъ, который нужно предпринять, чтобы, этимъ путемъ, найти семь элементовъ орбиты, и принявъ во вниманіе то, что погрѣшности въ x и y чувствительно могутъ повліять на результаты, надобно отказаться отъ этого пути. Но Виларсо дѣйствительно основываетъ свой методъ на знаніи x и y въ функціи времени. Мысль его состоитъ въ слѣдующемъ: возможно ли найти третью координату z въ функціи времени, когда двѣ первыя x и y извѣстны. Опредѣленіе z онъ основываетъ на уравненіяхъ движенія

$$\begin{aligned}\frac{d^2 x}{dt^2} &= \frac{d U}{d x} \\ \frac{d^2 y}{dt^2} &= \frac{d U}{d y} \\ \frac{d^2 z}{dt^2} &= \frac{d U}{d z}.\end{aligned}$$

Для частнаго случая, когда

$$U = \frac{M}{r}$$

$$\text{гдѣ } r^2 = x^2 + y^2 + z^2,$$

чтобы достигнуть желаемой цѣли, надобно чрезъ дифференцированіе двухъ первыхъ уравненій движенія, раздѣлить двѣ неизвѣстныя M и r , которыя первоначально входятъ совокупно въ видѣ одного множителя $\frac{M}{r}$.

Мы этимъ путемъ достигнемъ дифференціального уравненія перваго порядка въ отношеніи r ; интегрированіемъ его мы найдемъ r въ функціи времени. Но это интегрированіе ведетъ новую постоянную произвольную, значеніе которой не предполагается извѣстнымъ, и посему здѣсь рождается вопросъ: можно ли, послѣдовательнымъ дифференцированіемъ, по времени, двухъ первыхъ уравненій движенія, достигнуть того, чтобы получить уравненіе между z и производными координатъ x и y , не прибѣгая къ интегрированію. Вопросъ этотъ рѣшается положительно, на основаніи слѣдующихъ соображеній. Уравненія движенія, какъ извѣстно, должны удовлетворять уравненію вто-

рой степени (1) и уравненію первой степени (2), и въ этомъ послѣднемъ постоянныя m и n суть вполне опредѣленныя функціи отъ коэффициентовъ $\alpha, \beta, \dots \epsilon$ перваго уравненія. По этой причинѣ, если извѣстны коэффициенты $\alpha, \beta, \dots \epsilon$, то координата z дѣлается извѣстною. Для опредѣленія $\alpha, \beta, \dots \epsilon$ надобно написать пять уравненій, изъ которыхъ первое будетъ тоже самое уравненіе (1); второе же, третье, четвертое и пятое уравненія получатся, взявъ первую, вторую, третью и четвертую производную, по времени, уравненія (1). Изъ чего слѣдуетъ, что величины $\alpha, \beta, \dots \epsilon$, и затѣмъ, искомая координата z будетъ найдена, безъ всякаго интегрированія, помощію значений x и y и ихъ четырехъ производныхъ.

Если бы мы дѣйствительно слѣдовали изложенному пути, то въ концѣ мы непременно дошли бы до уравненій (4) по той причинѣ, что, при такомъ рѣшеніи, время t должно исчезнуть.

Вилярсо, послѣдовательнымъ дифференцированіемъ уравненій движенія, дошелъ до результата, что координата z опредѣляется уравненіемъ второй степени помощію координатъ x и y и ихъ производныхъ до четвертаго порядка включительно.

Спрашивается теперь, что удобнѣе на практикѣ, находить ли z помощію формулы Вилярсо, или же находить эту координату z помощію формулы (2), опредѣливъ предварительно значенія коэффициентовъ $\alpha, \beta, \dots \epsilon$ въ формулѣ (1). Если бы намъ не стоило никакого труда вычислять коэффициенты въ строкахъ (5), то отвѣтъ былъ бы въ пользу формулы Вилярсо. Но придавъ сюда трудъ, нужный на вычисленіе коэффициентовъ упомянутыхъ строкъ, заключеніе будетъ совершенно противоположнымъ.

Впрочемъ Вилярсо и не упоминаетъ о строкахъ (5); онъ полагаетъ достаточнымъ найти коэффициенты $a, b, c, d, f, \dots a', b', \dots$ въ слѣдующихъ строкахъ:

$$\begin{aligned} x &= a + b t + c t^2 + d t^3 + f t^4 + \dots \\ y &= a' + b' t + c' t^2 + d' t^3 + f' t^4 + \dots \end{aligned} \quad (6)$$

Строки эти могутъ быть сходящимися только тогда, когда дуга, пройденная спутникомъ, небольшая. Такъ какъ нужно, кромѣ того, знать значенія производныхъ x и y до четвертаго порядка, то погрѣшности въ коэффициентахъ этихъ строкъ, особенно въ d и f, d' и f' значительно увеличатъ неточность

производныхъ. Да, въ тому же и является сомнѣніе, будутъ-ли эти строки сходящимися.

Если x и y даны чрезъ равные промежутки времени, то нахождение значений коэффициентовъ $a, b, \dots, f, a' \dots$ относительно нетрудно, если мы воспользуемся извѣстною формулою, дающею значеніе x и y въ видѣ строки по степенямъ t , коэффициенты которыхъ выражены посредствомъ послѣдовательныхъ конечныхъ разностей, хотя, впрочемъ, и этотъ путь не можетъ дать точныхъ значенийъ a, b, \dots . Если же наблюдения не даны чрезъ равные промежутки времени, то вычисленіе коэффициентовъ a, b, \dots становится очень сложнымъ.

На основаніи всего сказаннаго выше, я прихожу къ заключенію, что способъ Вилярсо приводитъ къ столь же длинному вычисленію, какъ способъ Гершеля, и притомъ онъ не можетъ быть примѣненъ тогда, когда спутникъ описалъ цѣлую орбиту; кромѣ того, вслѣдствіе сомнѣнія въ сходимости строкъ (6), особенно ихъ производныхъ, мы рискуемъ получить менѣе точные результаты, чѣмъ по способу Гершеля.

Г. Виноградскій, излагая способъ Вилярсо, полагаетъ, что онъ излагаетъ его для частнаго случая, когда орбита перпендикулярна въ плоскости x, y ; однакожъ ходъ изложенія формулъ противорѣчитъ высказанному имъ взгляду.

Остается мнѣ разсмотрѣть сочиненіе г. Виноградскаго по части вычисленія имъ орбиты ξ Bootis. Такъ какъ онъ употребилъ геометрическій методъ, предложенный Гершелемъ, то вычисленіе вышло немного утомительнымъ и рискованнымъ въ отношеніи точности результатовъ. Впрочемъ, г. Виноградскій приложилъ все стараніе, чтобы найти вѣроятнѣйшіе результаты для элементовъ орбиты; я не могу только согласиться на значеніе большой полуоси, найденное имъ изъ 43 наблюдений, сдѣланныхъ разными наблюдателями. Сравнивая результатъ г. Виноградскаго $a = 5''425$ съ отдѣльными, принадлежащими каждому изъ шести наблюдателей, и безъ перечисленія, видно, что результатъ г. Виноградскаго слишкомъ малъ.

Не могу не обратить также вниманія на способъ вычисления пяти неизвѣстныхъ $\alpha, \beta, \dots, \epsilon$, изъ 13 линейныхъ уравненій. Г. Виноградскій два раза рѣшаетъ эти уравненія; сначала онъ находитъ приближенные значенія $\alpha, \beta, \dots, \epsilon$, а послѣ, новымъ вычисленіемъ получаетъ ихъ поправки. Къ чему это двойное вычисленіе, когда всѣ 13 уравненій линейны въ отношеніи неизвѣстныхъ.

Когда дуга, описанная спутникомъ, небольшая, какъ это имѣеть мѣсто въ примѣрѣ, вычисленномъ г. Виноградскимъ, то при семи постоянныхъ, которыхъ значеніе нужно найти, вопросъ сильно приближается къ неопредѣленности. Еслибы г. Виноградскій нашелъ значеніе только трехъ величинъ γ , δ и ϵ въ функціи α и β , и если бы онъ подставилъ эти значенія въ первоначальныя 13 уравненій, то онъ замѣтилъ бы, что полученныя, такимъ образомъ, 13 новыхъ уравненій съ двумя неизвѣстными α и β имѣли бы столь малые числовые коэффициенты, что поневолѣ, онъ долженъ бы былъ предложить себѣ вопросъ, на сколько можно положить-ся на такія уравненія, въ которыхъ коэффициенты будутъ одинаковаго порядка съ погрѣшностями наблюдаемыхъ значеній x и y . Это обстоятельство есть явленіе весьма обыкновенное, въ подобныхъ вопросахъ, и, чтобы сдѣланный трудъ не потерялъ, со временемъ, своего значенія, находятъ значеніе не всѣхъ неизвѣстныхъ, но оставляютъ одну изъ нихъ, или поправку одной изъ нихъ, неопредѣленною, выражая неизвѣстныя въ функціи этой послѣдней. Такимъ образомъ достигается то, что, когда, съ теченіемъ времени, собраны будутъ новыя наблюденія, то значеніе этой неопредѣленной величины, ближе можетъ быть изслѣдовано, не прибѣгая къ перечисленію всего матеріала.

Сравненіе наблюденій съ вычисленіемъ, данное г. Виноградскимъ на стр. 57 и 58, показываетъ въ ошибкахъ нѣкоторую періодичность въ знакахъ, это есть признакъ того, что элементы требуютъ нѣкоторой поправки. Если бы г. Виноградскій далъ значеніе элементовъ къ функціи одной неопредѣленной величины, и далъ разности между наблюденіемъ и вычисленіемъ въ функціи этой неопредѣленной, то можно было бы судить, въ какихъ предѣлахъ заключаются элементы ξ *Bootis*.

Впрочемъ трудъ г. Виноградскаго заслуживаетъ вниманія, и, несмотря на нѣкоторые недостатки, доказываетъ въ немъ опытнаго вычислителя. На этомъ основаніи сочиненіе его „объ опредѣленіи элементовъ орбитъ двойныхъ звѣздъ“ я признаю достойнымъ искомой имъ степени магистра астрономіи.

Орд. Проф. М. А. Ковальскій.

Г. Глинскій. О радикалахъ въ органической химіи. Каз. 1872 г.
(Отзывъ представленный въ факультетъ)

Когда было замѣчено, что элементы обладаютъ большою склонностью входить въ реакціи прямаго соединенія, чѣмъ образованныя изъ нихъ сложныя тѣла, то объясняли это тѣмъ, что элементы въ свободномъ состояніи обладаютъ свободнымъ средствомъ, которое у элементовъ, вошедшихъ въ соединеніе, отчасти или сполна насыщено. Этотъ выводъ, сдѣланный при изученіи неорганическихъ соединеній еще въ то время, когда органическая химія представляла не болѣе какъ массу необработаннаго матеріала, не могъ, конечно, остаться безъ примѣненія при научной обработкѣ органическихъ соединеній.

Когда, при сопоставленіи реакцій двойнаго разложенія органическихъ соединеній съ неорганическими, было найдено, что, при этихъ реакціяхъ первыхъ соединеній, переносятся изъ одного соединенія въ другое группы элементовъ, совершенно подобно тому, какъ въ неорганическихъ соединеніяхъ переходятъ атомы элементовъ, то этотъ фактъ заставилъ нѣкоторыхъ химиковъ принять, что въ органическихъ соединеніяхъ предсуществуютъ особыя группы, сходныя съ атомами элементовъ, которыя и были названы *сложными радикалами*. Въ первое время, по установленіи этой теоріи, приписывали радикаламъ не только способность функционировать подобно элементамъ, но также неизмѣнимость и способность существовать въ свободномъ состояніи, причемъ принимали, что радикалы, аналогично элементамъ, должны обладать запасомъ энергіи входить въ реакціи прямаго соединенія, обладать—какъ обыкновенно выражаются—свободнымъ средствомъ. Съ накопленіемъ фактовъ несостоятельность вышеупомянутой теоріи становилась все яснѣе и яснѣе, и на ея мѣсто не замедляла явиться другая, такъ называемая *унитарная теорія*, которая отвергала существованіе свободнаго средства не только у соединеній, но даже и у элементовъ.—Однако, послѣдующіе факты заставили, и преверженцевъ этой послѣдней теоріи, принять существованіе въ свободномъ состояніи нѣкоторыхъ радикаловъ въ смыслѣ радикальной теоріи, т. е. съ свободнымъ средствомъ, а именно радикаловъ съ парнымъ числомъ единицъ средства. Этимъ радикаламъ было придано названіе *непредѣльныхъ соединеній*.

Въ настоящее время, когда получило болѣе широкое развитіе ученіе объ атомности элементовъ, распространилось у большинства химиковъ мнѣніе, что непредѣльныя соединенія не обладаютъ свободнымъ средствомъ въ полномъ смыслѣ слова. Принимаютъ, что и въ тѣхъ соединеніяхъ, въ которыхъ, основываясь на атомности элементовъ, повидимому, и должно-бы было принять существованіе свободныхъ единицъ средства, эти единицы средства все таки насыщены вслѣдствіе способности однородныхъ многоатомныхъ атомовъ входить между собою въ связь, тратя на нее болѣе, чѣмъ по одной единицѣ средства, со стороны каждаго атома.—Такое мнѣніе находитъ, главнымъ образомъ, поддержку въ тѣхъ отрицательныхъ результатахъ, которые были получены при попыткахъ приготовить непредѣльныя соединенія, обладающія—несомнѣнно—свободнымъ средствомъ, на примѣръ, соединеній съ двумя единицами свободного средства, принадлежащими одному углеродному атому.

Изслѣдованіе г. Глинскаго принадлежитъ къ числу многихъ работъ, явившихся за послѣднее время, направленныхъ къ оцѣнкѣ только что упомянутаго мнѣнія большинства химиковъ, относительно невозможности существованія непредѣльныхъ соединеній съ свободнымъ средствомъ.

Такъ какъ сочиненіе г. Глинскаго раздѣлено на три главы, то, приступая къ разбору этого труда, я нахожу болѣе удобнымъ высказать свое мнѣніе о каждой главѣ въ отдѣльности.

Первую главу г. Глинскій посвятилъ историческому очерку развитія ученія объ радикалахъ. Въ этомъ очеркѣ, какъ замѣчаетъ въ предисловіи самъ авторъ, онъ старался воздержаться отъ личныхъ указаній о несостоятельности того или другаго ученія, а хотѣлъ только подробно привести тѣ фактическія основанія, которыми различные ученые думали подтверждать справедливость своихъ взглядовъ. Нужно сказать, что г. Глинскій вполне добросовѣстно исполнилъ поставленную имъ задачу: съ начала и до конца проведенъ имъ историческій очеркъ съ обстоятельной полнотой и знаніемъ дѣла, что конечно стоило автору немало труда, такъ какъ ему пришлось знакомиться, говоря безъ преувеличенія, съ массой теоретическихъ статей, касающихся затронутаго имъ вопроса.

Во второй главѣ г. Глинскій описываетъ свои изслѣдованія, направленныя къ разрѣшенію вопроса, обладаютъ-ли нѣкоторые галогидопроизводныя эфиленя дѣйствительно свободнымъ средствомъ или нѣтъ. Для достиженія своей цѣли авторъ занялся изученіемъ содержанія указанныхъ соединеній къ хлорноватистой и бромноватистой кислотамъ. Передъ описаніемъ результатовъ изслѣдованія авторъ излагаетъ теоретическія соображенія относительно возможнаго хода реакціи между хлорноватистой и бромноватистой кислотами и галогидопроизводными эфиленя, причемъ и указываетъ какимъ образомъ извѣстный ходъ реакціи можетъ послужить къ рѣшенію поставленнаго вопроса. Произведенные г. Глинскимъ опыты надъ дѣйствіемъ хлорноватистой кислоты на хлористый и бромистый винилъ, а также бромноватистой кислоты на хлористый винилъ вполне рѣшаютъ, по моему мнѣнію, то, что хлористый и бромистый винилъ имѣютъ строеніе, выраженное въ формулахъ $\begin{matrix} \text{CH}_2\text{Cl} & \text{CH}_2\text{Br} \\ | & | \\ \text{CH} & \text{CH} \end{matrix}$ и $\text{CH}=\text{CH}$, т. е., эти соединенія

обладаютъ дѣйствительно свободнымъ средствомъ. — Далѣе авторъ примѣнилъ разработанные имъ приемы къ изученію строенія охлореннаго хлористаго винила Berthelot, двуохлореннаго эфиленя Regnault, тѣла съ формулой C_2HCl_2 , приготовленныхъ Berthelot, Laurent и Regnault, и хлористаго углеорода. Хотя эти послѣдніе изслѣдованія еще не всѣ доведены до желаемаго конца, тѣмъ не менѣе уже полученные результаты до извѣстной степени подтверждаютъ принятое авторомъ строеніе подвергнутыхъ изслѣдованію соединеній. Въ заключеніе второй главы г. Глинскій описываетъ результаты окисленія хлоральдегида и хлоромолочной кислоты. Эти изслѣдованія интересны, во первыхъ потому, что разъясняетъ причину случающагося иногда и бывшаго до сихъ поръ непонятнымъ, малаго выхода хлоргидрина эфиленъ-гликоля, при приготовленіи этого тѣла изъ эфиленя и HClO и во вторыхъ потому, что подтверждаютъ строеніе открытой г. Глинскимъ хлоро-

молочной кислоты, выраженное въ формулѣ $\left\{ \begin{matrix} \text{CH}_2\text{Cl} \\ \text{CH}_2\text{OH} \\ \text{CO.OH} \end{matrix} \right.$

Въ третьей и послѣдней главѣ г. Глинскій сначала сопоставляетъ извѣстные въ настоящее время факты, которые, вмѣстѣ съ полученными имъ фактами, могутъ послужить къ установленію формулъ строенія галогидопроизводныхъ эфиля-

ной группы, затѣмъ уже переходить къ разбору строенія указанныхъ соединеній. Въ этой главѣ оригинальны и особенно интересны выводы, сдѣланные авторомъ, относительно возможности существованія съ свободнымъ сродствомъ нѣкоторыхъ непредѣльныхъ галондопроизводныхъ углеводовъ и о невозможности такого существованія при указанныхъ условіяхъ, для самихъ непредѣльныхъ углеводовъ.

Изъ всего сказаннаго выше, факультетъ усмотритъ, конечно, что я считаю представленное г. Глинскимъ сочиненіе вполне удовлетворяющимъ требованіямъ магистерской диссертациі.

Орд. проф. А. М. Зайцевъ.

БРАТЯ.

(ADELPHI).

КОМЕДИЯ ПУВЛІЯ ТЕРЕНЦІЯ.

(Окончаніе).

А К Т Ъ ІІІ.

СЦЕНА І.

Сострата, Кантара.

Сострата

Прошу теба, скажи, что будетъ съ ней
Теперь, Кантара?

Кантара

Ты меня спросила
Что будетъ съ ней—да все пойдетъ какъ должно....
Родами стала мучиться, а ты
Ужъ испугалась, будто не бывала
Сама при этомъ, или никогда
Не находилась въ этомъ положеніи.

Сострата

О бѣдности! Никого я не имѣю:
Мы здѣсь однѣ.... и Геты дома нѣтъ;
И некого послать мнѣ ни за бабкой,
Ни за Эскиномъ.

Кантара

Онъ и самъ придетъ;
И такъ ни дня Эскинъ не пропускаетъ:
Всегда заходитъ.

Сострата

Только онъ одинъ
Всѣ горести мои и облегчаетъ.

Ученія Зап. Имп. Каз. Унив. 1878 г.

Кантара

Чего же лучше и желать Памфилъ,
Когда она безчестье понесла
Отъ важнаго такого человѣка,
По роду, по характеру, какъ нашъ
Эскивъ!

Сострата

Дѣйствительно. Да сохранятьъ
Его благіе боги!

—
СЦЕНА II.

Гета, Сострата, Кантара.

Гета

Ну!... пришла мы
Къ тому теперь, что никакая мудрость
Не въ силахъ горю пособить—ни мнѣ,
Ни госпожѣ, ни дочери. О горе!
Такъ много вдругъ столпилось обстоятельствъ,
Что, вѣжета, не выплывешь изъ нихъ:
Насилье, нищета и беззащитность!
Съ безславіемъ! О вѣвъ! о нечестивцы!
О низкій человѣвъ!

Сострата

Что такъ спѣшить
Испуганный нашъ Гета?

Гета (продолжаетъ монологъ)

И ничто

Его не удержало отъ обмана:
Ни увѣренія, ни клятвы! Хотя бы
Жалость
Заставила подумать о несчастной:
Вѣдь матерью приводится ей быть!
Не онъ ли погубилъ ее насильемъ?

Сострата

Не слышу, что онъ говоритъ, Кантара.

Кантара

Пожалуй, подойдемъ къ нему поближе.

Гета

Несчастный! Я едва собой владѣю....
Такъ я взбѣшонъ! Желая одного,
Чтобъ вся его семья теперь попалась мнѣ!
Ужъ я бы вымѣстилъ свою досаду,
Пока свѣжа печаль. Довольно съ нихъ
И кары было бы, когда бы только
Мнѣ удалось отмстить имъ. Прежде всѣхъ
Убилъ бы старика за то, что онъ
Такое зло родилъ,—а послѣ Сира,
Наставника, ужъ какъ бы растерзалъ:
Схватилъ бы поперекъ, да головою о землю,
Чтобъ мозгу больше въ ней не оставалось!
Мальчишкой, вырвавъ у него глаза,
Швырнулъ бы я; а остальныхъ—
Схватилъ, избилъ, повергнулъ, оглушилъ бы!
Но что же я не тороплюсь объ этомъ
Несчастія хозяйкѣ рассказать.

Сострата

Постой же, позовемъ его. Эй! Гета!..

Гета

Мнѣ не до васъ....

Сострата

Да это я—Сострата.

Гета

Но гдѣ жъ она?... Тебя то и ищу.
Какъ кстати ты попалась мнѣ на встрѣчу.

Сострата

Ты весь дрожишь!..

Гета

Несчастье!

Сострата

Что спѣшишь?

Сберися съ духомъ.

Гета

Мы совсѣмъ....

Сострата

Да что же

„Совсѣмъ?“

23*

Гета

Погибли... вончено.

Сострата

Сважи,

Въ чемъ дѣло, умоляю я.

Гета

Уже...

Сострата

Уже?...

Гета

Эскинъ....

Сострата

Эскинъ?...

Гета

Чужой намъ!...

Сострата

Погибли мы! Эскинъ? Но какъ же это?

Гета

Влюбленъ въ другую....

Сострата

Горе!...

Гета

Да и то

Не тайно, въявь онъ отнялъ у ленона.

Сострата

Да правда ли?

Гета

Я видѣлъ это самъ,

Вотъ этими глазами.

Сострата

О, чему же,

Кому же вѣрять, если и Эскинъ—

Вся наша жизнь,—последняя надежда!—

И тотъ.... не онъ ли клялся намъ,

Что дня прожить не въ силахъ безъ Памфилы!

Хотѣлъ нести малютку на волѣна

Къ отцу и умолять, чтобъ разрѣшилъ
Жениться на Памфилѣ... (14)

Гета

Перестань
Печалиться, не плачь; подумай лучше
За что теперь намъ взяты: умождать ли
О нашемъ горѣ, или разгласить?

Кантара

Здоровъ ли ты, любезнѣйшій, помилуй!
Ужели думаешь, что это дѣло
Вездѣ разславить нужно? (15)

Гета

Да и мнѣ

Оно не нравится. Но, ясно видно,
Изъ дѣла, что Эсхинъ покинулъ насъ.
Но ежели разславимъ мы объ этомъ,
То онъ запрется, а вѣдь это знаю.
Тогда и честь твоя и безопасность
Памфила подѣ сомнѣньемъ.... Если бъ даже
Эсхинъ не заперся — и тутъ не лучше:
Вѣдь если онъ влюбленъ уже въ другую,
Тавъ для чего же быть за нимъ Памфилъ?
Не лучше ли молчать объ этомъ дѣлѣ?

Сострата

О! Ни за что на свѣтѣ! Не хочу!

(14) Греческій обычай. Отца приносили своихъ новорожденныхъ мальчиковъ къ дѣдушкѣ, на колѣна которой в кляли ихъ. Въ Иліадѣ (IX, 450 344) читаемъ:

Страстно онъ двумъ любилъ и жестоко бесславилъ супругу.
Матерь мою; а она обнимала мнѣ ноги, молила
Съ дѣвомъ прежде почить, чтобы сталъ ненавистенъ ей старецъ.
Я покорился и сдѣлалъ Отецъ мой, то скоро принѣтъ.
Началъ меня проклинать, умоляя ужасныхъ Эривнѣ,
Вѣтъ на колѣна свои да не приметъ онъ милого сына,
Мною рожденнаго ... (Гнѣдичъ).

Хоть у римлянъ и не было этого обычая, но Теренцій удержалъ его въ своей передѣлкѣ.

(15) Въ некоторыхъ рукописяхъ эти слова приписываются Состратѣ.

Гета

Такъ что же хочешь сдѣлать?

Сострата

Объявлю.

Кантара

Подумай же, Сострата, хорошенько
На что рѣшилась?

Сострата

Хуже вѣдь не будетъ!

Во первыхъ, вѣтъ приданаго за ней;
И то, что было для нея приданнымъ,
Погибло: и, какъ дѣвушку, ее
Теперь уже нельзя мнѣ прочить замужъ,
Одно осталось: ежели во всемъ
Онъ станетъ запирается, я представлю
Свидѣтеля—оставленный имъ перстень.
Ужъ ежели увѣрена я въ томъ,
Что въ этомъ дѣлѣ я не виновата,
Ни денегъ, ни чего другаго не брала,
Что было бы и ей и мнѣ постыдно,
Такъ отчего жъ къ суду его не вызвать?!

Гета

Такъ что же? Я согласенъ! Какъ тебѣ
Угодно будетъ.

Сострата

Поскорѣй, какъ можно,

Сходи ты къ Гегіону, расскажи
Все дѣло по порядку.... Знаешь: онъ
И Симуль мой пріятелями были;
Равно и насъ любилъ онъ.

Гета

Онъ одинъ

О насъ клянется, клянуса Геркулесомъ!

Сострата

Кантара, ты бѣги за бабкой: чтобъ за ней
Потомъ не вышло остановки....

СЦЕНА III.

Демей, потомъ Сирь.

Демей

Боги!

Съ Эскиномъ, говорятъ, и Ктезифонъ
Участвовалъ въ насильи.... Вотъ чего
Мнѣ бѣдному еще доставало!
И онъ, еще надежды подававший,
Ужъ тоже до безпутства доведенъ!
Куда пойду искать его? Ужъ, вѣрно,
Онъ завлеченъ въ какой нибудь негодный домъ:
И я увѣренъ, виновать въ томъ братецъ.
Но это Сирь! Узнаю отъ него,
Гдѣ Ктезифонъ. Но, Геркулесь свидѣтель!
Того же поля ягода и онъ....
Пронюхай онъ, что нужно мнѣ узнать,
Гдѣ Ктезифонъ—такъ ни за что не скажетъ,
Разбойникъ! Но не дамъ ему замѣтить.....

Сирь

Вотъ мы и рассказали Миціону
Все дѣло по порядку. Ужъ какъ радъ-то!

Демей

Клянусь Юпитеромъ!.. Какая глупость!

Сирь

И сына расхвалилъ, да за совѣтъ и мнѣ
Сказалъ спасибо.

Демей

Боги! задохнусь я!

Сирь

И тутъ же, отсчитавши деньги, далъ
И намъ пошлины на расходы. Мы,
Какъ онъ хотѣлъ, такъ съ ней и поступили.

Демей

Къ нему въ нуждѣ и нужно обращаться:
Ужъ дѣло аккуратно поведеть!

Сиръ

Демей!.. Да я тебя и не примѣтилъ....
Что скажешь?

Демей

Что скажу тебѣ?... да вотъ
Все досыта еще не надивуюсь
Всей вашей мудрости.

Сиръ

Клянусь, она
Нелѣпа, ежели пойдетъ на правду ⁽¹⁶⁾.

(обращается къ дому)

Дромонъ! Смотри же, остальную рыбу
Всю вычисти и только одного
Оставь ходить въ водѣ большаго угря;
Какъ я приду, управимся и съ нимъ.
Не раньше—слышишь?

Демей

Гадости!

Сиръ

И мнѣ ужъ

Досадно это, и нерѣдко самъ
Я крупно говорю объ этомъ....

(опять обращается къ дому)

въ воду

Стефаніонъ, всѣ сельди положи;
Пусть вымоютъ онѣ какъ можно больше.

Демей

О боги правосудные! ужали
Считаетъ онъ похвальнымъ даже то,
Что погубилъ Эскина! Я предвижу
Тотъ день, когда Эскинъ отъ нищеты
Бѣжить за тѣмъ, чтобы наняться въ службу
Военную.

⁽¹⁶⁾ Мольеръ, какъ извѣстно, весьма много въ свои комедіи внесъ изъ римскихъ драматурговъ. И его знаменитый *Scapin* орава Теренціевскому *Сару*.

Сиръ

Тотъ только и уменъ
Кто не одно, что только подъ ногами,
Но и впередъ, и далѣе провидитъ.

Демей

Ну, а пѣвица та.... у васъ?

Сиръ

У насъ.

Демей

Ужели у себя ее оставишь?

Сиръ

На вѣрное, по глупости....

Демей

Ужели?

Сиръ

Глупа и снисходительность отца,
И гибельна потачка сыну.

Демей

Жаль,

А виѣстѣ съ тѣмъ и стыдно мнѣ за брата.

Сиръ

Другъ на друга вы вовсе непохожи—
Такъ говорю не потому, Демей,
Что самъ ты адѣсы! Нѣтъ, съ головы до ногъ
Весь мудрость—ты (''), а братъ твой—сумасшедшій.
Вѣдь Ктезифона ты не допустилъ бы
До этого?

Демей

Чтобъ я-то допустилъ?

(¹¹) Tu quantus quantu'a, nil nisi sapientia es;
Ile somnium (v. 395—396).

Французы сравниваютъ этотъ стихъ съ Мольеровскими:
C'est, de la tête aux pieds, un homme tout mystère (*Misanth. II. sc. V.*)—
Ut quisque suum vult esse, ita' est (v. 400).

Французы сравниваютъ съ стихомъ Мольера:
Ma foi, les filles sont ce que l'on les fait être (*L'école des femmes*,
II. sc. IV).

Какъ, въ полгода, и я бы не пронюхалъ
За что вьялся онъ?

Сиръ

Ужь не говори мнѣ
Про бдительность свою!

Демей

Желаю только,
Чтобъ и всегда такимъ же оставался,
Каковъ теперь онъ.

Сиръ

Кто какимъ желаетъ
Свое дитя имѣть, такимъ и будетъ
Оно.

Демей

Ты не видалъ его сегодня?

Сиръ

Сегодня? Ктезифона твоего?
(Въ деревню я его спроважу)... Онъ,
Я полагаю, ужь давно въ деревнѣ
Надъ чѣмъ нибудь трудится.

Сиръ

Точно знаешь,
Что тамъ онъ?

Сиръ

Самъ его и провожалъ.

Демей

Прекрасно! а ужь я, было, боялся,
Чтобъ адѣсь онъ не остался!

Сиръ

Онъ былъ очень
Сердитъ.

Демей

На что?

Сиръ

Да съ братомъ побранились
На форумѣ, изъ за пѣвицы этой.

Ужь правда ли?

Демей

Сиръ

Хоть бы о чемъ смолчалъ!

Пришолъ, когда отсчитывались деньги,
Да какъ начнетъ: „что дѣлаешь Эсхинъ?
Не стыдно ли? Вѣдь этимъ ты позоришь
Нашъ родъ!“...

Демей

Отъ радости я плачу.

Сиръ

„Жизнь,
Не только деньги ты вѣдь промотаешь“....

Демей

Да сохранятьъ его благіе боги!
По предкамъ Ктезифонъ пошелъ.

Сиръ

Еще бы!

Демей

Пропитанъ весь уроками отцовъ! (1°)

Сиръ

Все жилъ съ тобой, такъ могъ пока учиться.

Демей

Стараюсь, какъ могу; ужъ ничего
Не упускаю изъ виду; вѣлю,
Чтобы побольше вглядывался онъ,
Какъ въ зеркало, въ людскую жизнь и въ нравы,

(1°) Syre, præceptorum plenus istorum ille (v. 413).

Французы комментаторы Теренція сравниваютъ этотъ стихъ съ словами Сганареля (*Ibidem. II. sc. V*):

Va, ta vertu me charme, et ta prudence aussi;
Je vais que mes leçons ont germé dans ton âme.

Вообще характеръ Сганареля скопированъ съ Теренціевскаго Демей. Isabelle и Léopore сходны съ другими характерами въ «Братьяхъ Теренція. См. Lameri: Bibl classica latine. Terentius. Vol. poster., pars. I. pages 64, 65 etc.

Чтобъ извлекалъ оттуда образцы.
„Вотъ это дѣлай“, говорю я.

Сиръ

Дѣльно!

Демей

„А этого старайся избѣгать“.

Сиръ

Прекрасно!

Демей

„Это вотъ похвально!“

Сиръ

Дѣло!

Демей

„А это дурно“.

Сиръ

И отлично!

Демей

Послѣ

Того....

Сиръ

Повѣрь: мнѣ право недосугъ
Теперь все это слушать; лучшей рыбы,
Кавой хотѣлось, я досталъ, такъ нужно
И побережь ее, чтобъ уцѣлѣла.
Вѣдь и для насъ, рабовъ, какъ и для васъ,
Не хорошо не исполнять на дѣлѣ
Того, о чемъ сейчасъ ты говорилъ.
И я вѣдь точно также, какъ могу,
Учу своихъ товарищей тому же:
„Здѣсь много соли!“... „Это сожжено!“
„А это не промыто хорошенько!“
„Вотъ это ладно! и впередъ такъ дѣлай“.—
Учу, чему могу, на сколько знаю самъ.
Потомъ велю я имъ смотрѣться въ блюда,
Какъ въ зеркало; напоминаю имъ
Что нужно дѣлать. Правда, все что мы
Ни дѣлаемъ,—я знаю—очень дурно;
Но что же станешь дѣлать? Вѣдь слуга

Обязанъ господину угождать!
Не нужно ли еще чего?

Демей

Ума

Побольше бы вамъ надобно!

Сиръ

Послушай,

Въ деревню ты пойдешь теперь отсюда?

Демей

Прямехонько.

Сиръ

Чего здѣсь тебѣ и дѣлать

Когда никто не слушаетъ твоихъ
Полезныхъ наставленій!

Демей

Да ужь если

И тотъ, за кѣмъ сюда пришолъ я, дома,
Такъ я уйду отсюда. Онъ—одна
Моя забота! Брату такъ угодно!
И за Эскиномъ пусть онъ смотритъ самъ.
А это кто? Кого еще тамъ вижу?
Не Гегіонъ ли это, мой товарищъ
По трибѣ? (1°) Если я не ошибаюсь,
То это онъ, влянуся Геркулесомъ,
Товарищъ дѣтства, другъ.... Благіе боги!
У насъ въ такихъ согражданахъ теперь
Ужасный недостатокъ. Гегіонъ же
Старинныхъ, прежнихъ правилъ человѣкъ!
Республикѣ вреда не нанесетъ онъ!
Какъ веселья я, какъ радъ всегда бываю,
Когда случится видѣть мнѣ въ живыхъ,
Людей того, былого поколѣнья.
И жизнь тогда пріятнѣе!... Дождусь
Его; да, поздоровавшись, не худо
О томъ, о семъ и перемолвить съ нимъ.

(1°) Tribulis noster. v. 440.

СЦЕНА IV.

Гегіонъ, Гета, Демей.

Гегіонъ

Клянусь безсмертными богами! Низкій
Поступокъ!... недостойный!... если правда —
Что говоришь ты, Гета?

Гета

Точно такъ.

Гегіонъ

Какъ это подло! Какъ же было ждать
Отъ такой семьи! Эсхинъ, Эсхинъ!
Совсѣмъ не поэтцовски поступаешь!

Демей (съ собой)

На вѣрное, онъ слышалъ о пѣвицѣ!
Чужому человѣку стало жаль,
А воспитателю совсѣмъ и дѣла
Какъ будто нѣтъ.... О если бъ здѣсь онъ былъ,
Да слышалъ бы, какъ говорятъ объ этомъ!

Гегіонъ

Не захотятъ раздѣлаться добромъ,
Такъ ни за что ужь не пройдетъ имъ даромъ!

Гета

Вся на тебя, надежда, Гегіонъ:
Ты нашъ патронъ, ты нашъ отецъ! и Симулъ
Тебѣ вѣдь при смерти насъ ввѣрилъ. Если
Ужъ ты еще насъ бросишь, мы погибнемъ!

Гегіонъ

Что говоришь! Нѣтъ, этому не быть!
Безсовѣстно бы было васъ оставить.

Демей

(Дай, подойду я!). Много лѣтъ тебѣ
Желаю здравствовать.

Гегіонъ

Тебя и нужно!

Здорово!

Демей

Что? зачѣмъ?

Геіонъ

Да сынъ твой старшій,
Эсхинъ, котораго позволилъ брату
Усыновить, взялся за ремесло
Дурное и безчестное....

Демей

Какое?

Геіонъ

Ты помнишь Симула? Онъ былъ пріятель
И сверстникъ намъ?

Демей

Ну какъ его не помнить?!

Геіонъ

Его-то дочь Эсхинъ и обезчестилъ.

Демей

О боги!

Геіонъ

Стой, Демей, еще не все
Ты выслушалъ: похуже есть поступокъ.

Демей

Похуже!... Что же хуже можетъ быть?!

Геіонъ

Да можетъ быть! Все это еще сносно;
Его склонили—ночь, любовь, вино
И возрастъ: тоже человѣкъ! (**). Когда же
Онъ понялъ свой поступокъ, то пришолъ
Тотчасъ же къ матери ея и слезно
Просилъ, молилъ и съ клятвой увѣрялъ,
Что онъ готовъ жениться на Памфилѣ.

(**) *Persuasit* пох, amor, vinum, adolescentia: *Humanum*'st. v. 471.

У многихъ греческихъ и римскихъ писателей встрѣчаемъ вариациі на эту тему: у Демосеена, Менандра, Каллимаха; у Плавта, Овидія, Проперція.

И вотъ ему повѣрили, простили
И обо всемъ смолчали,—хоть она
Беременна уже десятый мѣсяцъ—
Пѣвицей угостилъ насъ добрый человекъ!
Ужъ видно такъ богамъ угодно! Съ нею
Теперь живетъ, а нашу бросилъ онъ.

Демей

Ужъ правда ли?

Геіонъ

Да здѣсь вѣдь на лицо:

И мать Памфилы, и она сама,
И дѣло самое, и даже Гета,
Который взять хотя и изъ рабовъ,
Но малый честный онъ и работащій:
Онъ кормитъ ихъ и всю семью содержитъ:
Возьми его, приструнь и распроси.

Гета

Клануса Геркулесомъ, хоть пытайте,
Когда неправда это! Самъ Эскинъ
Не будетъ заператься: подавайте
Его сюда.

Демей

Мнѣ стыдно! Что мнѣ дѣлать,
Что даже отвѣчать ему—не знаю.

За сценой слышенъ голосъ

Памфилы:

„О какъ мучительны мои страданья!
Юнона! помоги, спаси меня,—молю!“

Геіонъ

Гмъ! видно мучится она родами!

Гета

Такъ точно!

Геіонъ

Умоляетъ васъ она,
Изъ чести проситъ васъ о томъ, что силой
Она могла бы вынудить. Молю
Боговъ, чтобъ все окончилось какъ должно.

Но если вы убѣждены въ противномъ,
Тогда, Демей, я самъ уже вступлюсь
И за нее и за ея отца.
Онъ родственникъ мнѣ былъ; еще измала
Я вмѣстѣ съ нимъ воспитывался, съ нимъ
Ни на войнѣ, ни въ продолженъе мира
Не разлучались; съ нимъ переносили
И бѣдность тяжкую: такъ не отстану,
Я постараюсь сдѣлать все, что можно;
Да, я готовъ скорѣе умереть,
Чѣмъ ихъ въ бѣдѣ покинуть..... что же скажешь?

Демей

Отправлюсь къ брату, и его совѣта
Спрошусь, какъ поступить мнѣ!

Геіонъ

Ты возьми

И ваше положеніе въ расчетъ:
Вы люди съ вѣсомъ, счастливы, богаты
И знатны; но тѣмъ болѣе должны вы
Не отступать отъ правды, если вы
Желаете слыть честными....

Демей

По чести,

Какъ должно, все устроимъ.

Геіонъ

Такъ и должно.

Ну, Гега, проводи меня къ Состратѣ.

Демей

Не говорилъ ли я, что это будетъ?
О, еслибъ тѣмъ и кончилось.... А то
Подобная распущенность введетъ
Его въ бѣду еще крупнѣе этой!
Пойди, развѣ, съискать мнѣ Миціона,
Чтобъ всю бѣду обрушить на него.

СЦЕНА V.

Геніонъ

Да полно, не печалься такъ, Сострата!
Старайся, сколько можешь, и ее
Утѣшить. Я отправлюсь въ Миціону—
Ужъ только отыскать бы мнѣ его
На форумѣ—все дѣло по порядку
Я расскажу ему; и если онъ
Раздѣляться захочетъ честно—дѣло!
А нѣтъ—такъ пусть онъ самъ меня наставитъ,
Что предпринять должны мы въ этомъ дѣлѣ.

А К Т Ъ IV.

СЦЕНА I.

Ктезифонъ и Сиръ.

Ктезифонъ

Ты говоришь, что батюшка въ деревню
Отправился.

Сиръ

Давно ужъ.

Ктезифонъ

Въ самомъ дѣлѣ?

Сиръ

На видѣ онъ. Я думаю теперь
Надъ чѣмъ нибудь трудится онъ!

Ктезифонъ

О, если бы
Онъ такъ измучился (и былъ при томъ здоровъ),
Чтобъ цѣлыхъ три дня не вставалъ съ постели!

Сиръ

Не только это—если бъ что нибудь
И болѣе случилось!

Ктезифонъ

Да! смертельно
Желалъ бы я окончить этотъ день
Такъ радостно, какъ начать онъ; и эту
Деревню ненавижу я за близость
Отъ города, а не за что иное,
Вотъ если бы она была подальше,
То ночь тогда настала бы пораньше,
Чѣмъ онъ сюда успѣлъ бы воротиться.
А то теперь—я въ томъ увѣренъ—онъ,
Меня тамъ не найдя, сюда вернется,
Начнетъ допросъ: гдѣ былъ я? Цѣлый день
Я не видался съ нимъ! Ну что скажу я?

Сиръ

И ничего тебѣ на умъ не вспало?

Ктезифонъ

Рѣшительно.

Сиръ

Тѣмъ хуже! И у васъ
Ни друга, ни клиента, ни знакомыхъ
Ужъ будто здѣсь и нѣтъ?

Ктезифонъ

Хоть есть, но что же?

Сиръ

Ты помогалъ имъ въ чемъ нибудь?

Ктезифонъ

Да если
Не помогалъ я? Нѣтъ, вельзя.

Сиръ

Ужъ можно.

Ктезифонъ

Пускай-же днемъ! Но я вѣдь здѣсь ночью:
Какую же причину я скажу?

Сиръ

Не дурно было бы, если бы друзьямъ
И по ночамъ служить велся обычай!..

Но будь покоенъ; я ужь хорошо
Привыкъ къ нему: какъ ни вспыли онъ—
Я сдѣлаю его смирнѣй овечки.

Ктезифонъ

Но какъ же?

Сиръ

Онъ всегда ужасно радъ,
Когда тебя похвалятъ: передъ нимъ
Я до небесъ тебя превозношу,
И доблести твои я воспѣваю.

Ктезифонъ

Какъ? доблести мои?

Сиръ

Куда! и слезы
Тогда, какъ у ребенка у него
Вотъ такъ и льются съ радости. Да вотъ онъ....

Ктезифонъ

Кто тамъ?

Сиръ

Да волея изъ сказки! ⁽²¹⁾

Ктезифонъ

Мой отецъ!

Сиръ

Онъ самый!

Ктезифонъ

Что же дѣлать, Сиръ, теперь?

Сиръ

Ступай домой; я съ нимъ останусь.

(21) Lupus in fabula. v. 539.

Различно объясняютъ происхожденіе этой поговорки. Греки и римляне—по увѣренію нѣкоторыхъ—думали, что неожиданное появленіе волка лишаетъ человѣка голоса, почему и говорится, если вдругъ появится тотъ, о комъ говорить: «lupus in fabula»,—такъ увидѣвшіе того, о комъ только что говорили, умолкаютъ. Донатъ говоритъ, что эта поговорка возникла изъ рассказовъ нянекъ, которы пугаютъ дѣтей, говоря, что волкъ крадется изъ лѣса, подходить все ближе и ближе, и уже показывается въ дверяхъ.

Ктезифонъ

Если
Онъ спросить обо мнѣ, такъ ты скажи,
Что не видалъ меня нигдѣ.

Сиръ

Молчи ужь....

(Ктезифонъ входитъ въ домъ Миціона).

—
СЦЕНА II.

Демей, Сиръ. Ктезифонъ за сценой.

Демей

Рѣшительно несчастье мнѣ! во первыхъ —
Я брата не нашолъ; а во вторыхъ —
Когда его искалъ я, мнѣ попался
На встрѣчу мой работникъ съ виллы; онъ
Мнѣ говорилъ, что сына нѣтъ на виллѣ.
Не знаю, право, что и дѣлать?!

Ктезифонъ (изъ за дверей)

Сиръ!

Сиръ

Ну что?

Ктезифонъ

Ужъ не меня ли ищеть?

Сиръ

Да.

Ктезифонъ

Ну, я совсѣмъ пропалъ!

Сиръ

Да успокойся!

Демей (съ собой)

Что за несчастье—просто не могу я
Взять въ толкъ! Ужъ видно такъ мнѣ на роду
Написано: повсюду неудачи
Однѣ встрѣчать! Семейныя несчастья

Я первый чувствую и узнаю,
И первый говорю о нихъ; за всѣхъ,
Что ни случись, всегда одинъ забочусь.

Сиръ (съ собой)

Какъ онъ смѣшонъ! сейчасъ вѣдь онъ сказалъ,
Что первый онъ все узнаеть, да онъ-то
Одинъ вѣдь и не смыслить ничего.

Демей

Пойди назадъ... быть можетъ, воротился
Мой братъ.

Ктезифонъ

Смотри же, Сиръ, чтобы сюда.
Онъ не вломился.

Сиръ (Ктезифону)

Ты молчи. Ужь я
Постерегу.

Ктезифонъ

Клянусь, теперь тебѣ
Я этого не ввѣрю. Лучше съ нею
Въ какойнибудь хотъ уголь я забьюсь....
Вѣрнѣе это будетъ.

Сиръ

Хорошо.

А я его сейчасъ спроважу.

Демей

Сиръ,

Бездѣльникъ!....

Сиръ (какъ бы не примѣчая Демей)

Нѣтъ, терпѣнья неостанеть
Здѣсь жить, когда у насъ все такъ пойдетъ.
Желалъ бы знать я, сколько у меня
Однихъ господъ?...

Демей

На что еще ворчить онъ?
Чего еще онъ хочетъ? (Сиру) что такое
Ты говоришь тутъ, честная душа?
Что, дома братъ?

Сиръ

О, злоба! Что ты хочешь
Сказать мнѣ этимъ? Я совсѣмъ погибъ!

Демей

Да что жь съ тобой такое?

Сиръ

Что такое!

Меня, несчастнаго, съ пѣвицей этой
Твой Ктезифонъ избилъ до полусмерти.

Демей

Что говоришь ты?

Сиръ

Видишь, какъ расцѣлъ

Мнѣ губу? (**)

Демей

Но за что же?

Сиръ

Говорить онъ,

Что будто бы кушили ту пѣвицу
По моему совѣту.

Демей

Да не ты ли

Сейчасъ сказалъ, что самъ и провожалъ
До виллы Ктезифона?

Сиръ

Это правда,

Но онъ опять, взбѣшенный, прибѣжалъ....
Не пожалѣлъ ни мало: и не стыдно
Избить такъ старика, что на рукахъ
Носилъ его вотъ этакимъ! (показываетъ рукой).

Демей

Похвально!

Ай, Ктезифонъ! да это по отцовски!...

Ну, истый мужъ!...

(**) Нѣкоторыхъ германскихъ ученыхъ эти слова Сира ставили въ тупикъ: дѣйствительно ли у него была расцѣлена губа кѣмъ нибудь, или только онъ исправилъ ловко ротъ, рассчитывая на слабое зрѣніе Демей?

Сиръ

Ты хвалишь? Если онъ
Дѣйствительно уменъ, то впредь ужь, вѣрно,
Своимъ рукамъ не дастъ онъ больше воли.

Демей

Какая смѣлость!

Сиръ.

Смѣлость, что османилъ
Меня, раба, который не посмѣлъ
Ему сопротивляться, да еще
Ту женщину несчастную?... Геройство!

Демей

Чего же больше! Также, какъ и я,
Онъ полагалъ, что ты всему виною....
Что, дома братъ мой?

Сиръ

Нѣтъ!

Демей

Куда же мнѣ

Идти — искать его?

Сиръ

Я знаю, только

Сегодня этого ужь не скажу.

Демей

Что говоришь ты?

Сиръ

Такъ-то!

Демей

Видно, ты

Надѣешься на крѣпость лба?... смотри же!

Сиръ

Я имени хозяина не знаю,
А знаю только домъ, гдѣ онъ теперь.

Демей

Такъ говори.

Сиръ

Конечно, ты вѣдь знаешь
Тотъ портень отъ свѣснаго рынка внизу?...

Демей

Ну, какъ не знаты!

Сиръ

Ступай же прямо вверхъ;
Потомъ, когда поднимешься, увидишь
Тотчасъ же спускъ: по спуску и иди;
По эту руку будетъ храмъ, а возлѣ
Пойдетъ проулокъ... ну еще тамъ есть
Высокая смоковница....

Демей

Ну знаю.

Сиръ

Такъ дальше и иди себѣ

Демей

Куда жѣ?

Вѣдь тамъ глухой проулокъ!

Сиръ

Вѣдь и точно!...

Что я за человекъ!... ошибся! Ты назадъ
Сверни опять на портикъ: ближе будетъ
И меньше кривку. Знаешь еще тамъ
Палаты богача Кратина?...

Демей

Знаю.

Сиръ

Когда же ихъ минуешь, то возьми
На лѣво, все по улицѣ; потомъ,
Съ Діаной поровнявшись (**), повернешь
На право; прежде чѣмъ придешь къ воротамъ,
Увидишь мельницу у водоема;
Напротивъ же и будетъ мастерская
Столярная: теперь онъ тамъ!

Демей

Но что же

Ему тамъ дѣлать?

(**) Т. е. съ храмомъ Діаны. У насъ тоже употребительны подобныя обороты рѣчи.

Сиръ

Видишь ли ты: ложи
На ясеневыхъ ножкахъ заказалъ онъ,
Для ужиновъ на воздухѣ.

Демей

Гдѣ пьянствовать вамъ?

Чтобъ было

Сиръ

Какъ же!

Демей

Что же я

Нейду въ нему?! (уходить).

Сиръ (одинъ)

Ступай.... ужъ я-жъ порядкомъ
Сегодня, старый хрычъ, тебя помучу.
Эскинь ужасно медлить, и обѣдъ
Испортится; а Ктезифонъ въ любви
Совсѣмъ погрязъ; такъ я похлопочу
И о себѣ: пойду, да что получше
Возьму; и понемногу цѣлый день,
Ціатами (24) глотая, проведу я.

СЦЕНА III.

Миціонъ, Регіонъ.

Миціонъ

Я, право, въ этомъ дѣлѣ, Регіонъ,
Рѣшительно не вижу, чѣмъ бы можно
Похвастаться: я выполняю долгъ,
И исправляю только то, что нами
Испорчено. Не думаешь ли ты,
Что я принадлежу въ числу людей,
Которые, обидѣвши другаго,
Рѣшаются его же обвинять?
Благодарить меня за то, что я
Не поступаю такъ, какъ эти люди!

(24) Cusethus—иѣра для жидкостей, обыкновенно осушаемая однимъ глоткомъ.

Terentius

Нѣтъ, никогда я не считалъ тебя
Не таковымъ, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ;
Но попрошу тебя: пойдѣмъ со мной
Сейчасъ же къ матери Памфилы; ей
Ты можешь тоже, что и мнѣ сказалъ ты:
Что подозрѣнье, будто онъ завелъ
Пѣвицу, онъ навлекъ вѣдь изъ за брата.

Micionis

Ужъ если ты считаешь это нужнымъ,
И справедливымъ, такъ пойдѣмъ.

Terentius

Прекрасно!

Вѣдь этимъ ты ее ободрить.... съ горя,
Съ нужды, она зачала; этимъ самымъ
Ты исполнишь обязанность свою.
Но если самъ ты къ ней идти не хочешь,
То я пойду и все ей передамъ,
Что ты сказалъ мнѣ.

Micionis

Нѣтъ, ужъ самъ пойду я.

Terentius

И превосходно сдѣлаешь. Всѣ тѣ,
Кто терпятъ неудачи, по чему-то—
Не знаю—подозрительны бываютъ,
Въ дурную сторону все принимаютъ (**),
Считаютъ, что пренебрегаютъ ими
По немощности ихъ; и потому
Прятнѣе ей будетъ, если самъ
Ты станешь передъ нею извиняться.

(**) Omnes, quibus res sunt minus secundae, magis sunt, nescio quo modo, Suspiciosi, ad contumeliam omnia accipiunt magis (v. 606—607).

Эти стихи Теренція сравниваютъ съ слѣдующими стихами Менандра:

Πρὸς ἅπαντα θεῖλὸν ὁ πένης ἐστὶ γὰρ, καὶ πάντας αὐτοῦ καταφρονεῖν ὑπολαμβάνει.

Ὁ γὰρ μετρίως πράττων περισσεύτερον ἅπαντα τὰναρὰ, λαμπρὰ, φέρει.

Миціонъ

Дѣйствиельно, ты правду говоришь.

Гейонъ

И такъ, иди сюда за мной.

Миціонъ

Съ охотой.

СЦЕНА IV.

Эскинъ (одинъ)

Какъ я страдаю!... могъ ли ожидать
Подобнаго удара? что мнѣ дѣлать,
Что предпринять—рѣшительно не знаю.
Съ испуга руки, ноги отнялись!
Отъ страха я какъ будто обезумѣлъ,
И ничего придумать не могу!
Не знаю, какъ и выпутаться мнѣ
Изъ этого запутаннаго дѣла!
Такъ сильно въ нихъ закралось подозрѣнье,
И, надобно сказать, не безъ причины....
Сострата вдругъ подумала, что я
Себѣ купилъ пѣвицу ту; на это
Мнѣ сдѣлала намекъ ея старуха:
Когда ее случайно встрѣтилъ я
(Она была послана за бабкой),
То, подошедши къ ней, спросилъ: и что, и какъ
Съ Памфилой? не нужна ли стала бабка,
И не за ней ли бросилась она?—
„Ступай, ступай Эскинъ!—она вскричала—
Ты надавалъ не мало обѣщаній!
Пора ужъ перестать насъ проводить“....
Я къ ней опять: скажи же, что такое,
Прошу тебя!... „Будь счастливъ съ той—она
Сказала мнѣ—которая по праву!
Тебѣ пришлась!“ Тутъ догадался я,
Въ чемъ всѣ онѣ меня подозрѣваютъ;
Но пустомелѣ этой ничего
Я не сказалъ о братѣ Ктезифонѣ,
Чтобъ въ тайнѣ оставалось это дѣло....

Теперь что стану дѣлать? Объяснить,
Что та пѣвица куплена для брата!
Но гласнымъ дѣлать этого нельзя!
Такъ что же?! Развѣ поступать смѣлѣе?
Быть можетъ, все останется межъ нами!
Боюсь я одного, что не повѣрятъ!
И столько обстоятельствъ вдругъ сошлось:
Я самъ пѣвицу отнял, самъ и деньги
Платилъ, и самъ же въ домъ къ себѣ привелъ!
И сознаюсь, я самъ всему виною.
Не лучше ли бы во время открыться
Передъ отцомъ въ любви моей къ Памфилѣ?
Я, вѣрно, испросилъ бы у него
Согласіе на бракъ съ моею Памфилой....
Вотъ до чего съ медленьемъ дожилъ я!
Пора, Эскинъ, пора тебѣ очнуться!
Но ранѣ всего пойду я къ нимъ,
Чтобъ оправдаться.... Вотъ и у дверей....
О, ужасъ! чуть до двери я дотронуся,
Такъ холодомъ меня и обдаеть....

(Стучится въ двери)

Эй!... ктонибудь!... скорѣе отоприте....
Здѣсь я.... Эскинъ....

(Слышать чья-то шаги)

Чу! кто-то тамъ идетъ!...

Пока сюда на время отойду я....

СЦЕНА V.

Миціонъ и Эскинъ.

Миціонъ (выходя изъ дома Со-
страты, говоритъ ей)

Такъ вы и поступайте, какъ свазалъ я,
А я пойду къ Эскипу, чтобы онъ
Узналъ на чемъ мы съ вами порѣшили....
Стучатся въ двери.....

Эскинъ

Мой отецъ!... о, ужасъ!

Миціонъ

Эсхинъ!

Эсхинъ

За чѣмъ бы быть ему у нихъ?

Миціонъ

Не ты ли здѣсь стучался?... (Онъ молчать.
Постой же, подшучу я въ наказанье
За то, что онъ скрывался предо мной).
Ну что же ничего не отвѣчаешь?

Эсхинъ

На сколько знаю, здѣсь я не стучался.

Миціонъ

А я ужъ подивился, что за крайность
Заставила тебя сюда придти!
(Онъ покраснѣлъ!... хорошій знакъ!) (**).

Эсхинъ

А что же

За дѣло привело сюда тебя,
Мой батюшка?

Миціонъ

Да у меня-то дѣла,
Конечно, нѣтъ, а вотъ одинъ пріятель
Увелъ, сейчасъ лишь, съ форума меня
По собственному дѣлу.

Эсхинъ

По какому?

Миціонъ

Да вотъ какое дѣло: здѣсь живутъ
Двѣ женщины—онѣ весьма бѣдны,
И ты, я думаю, да и увѣренъ въ этомъ,
Не можешь ихъ и знать,—еще недавно
Онѣ и перѣхали сюда.

Эсхинъ

Ну что-жь?

(**) Erubuit: salva res est (v. 647). У Менандра:
Ἐρυθρίων πάς κρηστός εἶναι μοι δοκεῖ.

Миціонъ

Дѣвица съ матерью....

Эсхинъ

Потомъ?...

Миціонъ

Отца она лишилась. Мой пріятель—
Ея родственникъ ближайшій—и законъ
Велитъ ему на ней жениться.... (").

Эсхинъ

Бога!

Миціонъ

Да что съ тобой?

Эсхинъ

Нѣтъ.... такъ я.... продолжай.

Миціонъ

Вотъ онъ за ней нарочно и пріѣхалъ:
Онъ самъ живетъ въ Милетѣ.

Эсхинъ

Такъ съ собой

Онъ увезетъ ее?

Миціонъ

Ну, да!

Эсхинъ

Въ Милетѣ?

Миціонъ

Конечно.

Эсхинъ

Боги?... ну а сами, сами

Онѣ что говорятъ объ этомъ?

(") По закону Солона родственникъ долженъ былъ жениться, если уже не былъ женатъ, на бѣдной сиротѣ. Если родственникъ самъ не хотѣлъ жениться на бѣдной сиротѣ, то долженъ былъ постараться о томъ, чтобы она вышла за мужъ за кого нибудь, при чемъ обязывается вознаградить ее приданымъ. Дѣвушка, въ свою очередь, должна была согласиться на бракъ съ родственникомъ.

Миціонъ

Какъ бы

Ты думалъ? ровно ничего. И мать
Изволить сочинять еще, что будто
У дочери ребенокъ родился,
А отъ кого—не говорятъ онѣ,
И будто бы ей должно быть женой
Того, кто былъ отцомъ ея малютки,
А не женой Милетца.

Эскинъ

Неужели

Ея слова несправедливы?

Миціонъ

Нѣтъ!

Эскинъ

Да какъ же—нѣтъ, прошу тебя? Откуда
Онъ увезетъ ее?

Миціонъ

А почему же

Не увозить?

Эскинъ

Безжалостно, сурово

И, если прямо говорить, нечестно
Вы поступили....

Миціонъ

Это почему?

Эскинъ

И ты еще спросилъ!... Но каково же
Тому несчастному, кому она
Впервые отдалась,—тому, который,
Влюбленъ въ нее, быть можетъ, и теперь,
Когда при немъ возьмутъ ее насильно
И увезутъ далеко съ глазъ долой!....
Нѣтъ, батюшка!... Поступокъ не хорошій!

Миціонъ

Да почему? кто сговорилъ ее?

И выдавалъ? Когда свершился бракъ? (24)
И какъ бы онъ жениться могъ на ней,—
Другому предназначенной закономъ?

Эскинъ

Такъ видно зрѣлой дѣвушкѣ лишь дома
Сидѣть да ждать, покуда къ ней придетъ,
Невѣсть откуда, родственникъ? Такъ вотъ что
Тебѣ бы нужно было говорить
И защищать.

Миціонъ

Смѣшно! съ какой же стати
Я высважусь теперь противъ того,
Чью сторону я принялъ прежде. Впрочемъ,
Что съ ними общаго у насъ, Эскинъ?
Какая намъ нужда! Пойдемъ отсюда.
Что это? Плачешь?

Эскинъ

Батюшка! молю

Узнай же все....

Миціонъ

И слышалъ все, и знаю.
Вѣдь я люблю тебя и потому
О всемъ, что ты ни дѣлаешь, забочусь.

Эскинъ

Но я желалъ бы, батюшка, чтобъ ты,
Покуда дни твои не прекратились,
Лкбилъ меня не даромъ, по заслугамъ.
Поэтому проступокъ мой мнѣ въ тягость;
Мнѣ совѣстно, повѣрь, передъ тобой.

Миціонъ

Клянусь тебѣ, что вѣрю, потому
Что знаю благородный твой характеръ;
Но все таки боюсь, чтобъ черезъ чуръ

(24) По римскимъ законамъ бракъ имѣлъ силу только тогда, если
нѣкій право надъ дѣвушкою, т. е. отецъ или братъ, исполнявшій обя-
занность отца, или дѣдъ по отцу, помолвилъ ее жениху.

Не сдѣлался ты вѣтреннымъ!... Подумай
О томъ, гдѣ ты живешь! Вѣдь обольстить
Дѣвицу, до которой по законамъ
Не долженъ былъ касаться ты—большой
Проступокъ.... Впрочемъ онъ еще въ порядкѣ
Вещей. Случалось это и съ другими,
Съ людьми весьма порядочными тоже.
Ну, а потомъ заглядывалъ ли ты
Впередъ,—и самъ себѣ порой вопросы:
И что, и какъ что будетъ—задавалъ ли?
И какъ же я узналъ бы, если самъ ты
Стыдился обо всемъ мнѣ рассказать?
И вотъ пока ты медлил мнѣ признаться,
Прошло ужъ десять мѣсяцевъ! Вѣдь этимъ
Ты страшно провинился предъ собой,
Предъ женщиной, повѣрившей тебѣ,
И предъ своимъ малюткой! Посуди:
Ужели думалъ ты, что сами боги,
Безъ твоего старанья, все покончатъ
И въ спальню приведутъ ее къ тебѣ;
А ты дремать все время сладко будешь!...
Прискорбно бы мнѣ было, если-бъ ты
Во всемъ другомъ на столько былъ небреженъ.
Ну, успокойся: женишься на ней!

Эсхинъ

Ужели?

Миціонъ

Ужъ сказалъ, что не печалься.

Эсхинъ

О, батюшка? и если ты не шутишь!

Миціонъ

Шутить—зачѣмъ?

Эсхинъ

Ужъ я не знаю самъ:

Чѣмъ болѣе желаю, чтобъ сбылись
Твои слова на дѣлѣ, тѣмъ все больше
Боюсь....

Миціонъ

Ступай теперь, моли боговъ,
Чтобы твой бравъ устроили сворѣе....
Ступай....

Эсхинъ

Тавъ я женюсь на ней.

Миціонъ

Ну да!

Эсхинъ

Теперь женюсь?

Миціонъ

Какъ только будетъ можно.

Эсхинъ

О, пусть меня накажутъ боги, если
Не больше жизни я люблю тебя,
Мой батюшка.

Миціонъ

Что? больше, чѣмъ ее?

Эсхинъ

Равно люблю!

Миціонъ

Ужъ это слишкомъ много!

Эсхинъ

А гдѣ же тотъ милетецъ?

Миціонъ

На корабль

Успѣлъ онъ сѣсть, отправиться отсюда
И утонуть!... Но ты чего же ждешь?

Эсхинъ

Ужъ лучше самъ ты, батюшка, пошолъ бы
Молить боговъ: они къ твоимъ мольбамъ
Тѣмъ легче склонять слухъ, чѣмъ самъ ты лучше
Меня.

Миціонъ

Теперь пойду домой, чтобъ все,
Что нужно, приготовить тамъ, а ты,
Какъ знаешь, дѣлай что тебѣ сказалъ я.

Эскизъ

Но какъ же это?... Онъ вѣдь мой отецъ!...
Я сынъ его!... Да если бъ онъ былъ братъ,
Товарищъ мнѣ—то могъ ли сдѣлать больше?
О, какъ его сердечно не любить!
Такая снисходительность невольно
Внушаетъ опасенье, чтобъ не сдѣлать
Печально того, что онъ не любить....
Пойду домой, чтобъ самому не быть
Виною остановки нашей свадьбы.

—
СЦЕНА VI.

Демей (одинъ)

Какъ я усталъ!... довольно погулялъ!
Спасибо, Сиръ! чтобы тебя великій
Юпитеръ поваралъ за указанье!
Вѣдь я почти весь городъ исходилъ:
И у воротъ, и у озеръ, и гдѣ ужъ
Я не былъ! (**). Тамъ и фабрики-то нѣтъ;
Да говорятъ—и брата не видали:
Зайду теперь сюда, да буду ждать,
Пока онъ самъ воротится домой.

—
СЦЕНА VII.

Миціонъ, Демей.

Миціонъ

Пойду скажу, что дѣло не за нами.

(**) Почти тоже, разумеется съ нѣкоторыми вариациями, встрѣчаемъ у Плавта въ его Амфитріонѣ (IV. 1): у Плавта Амфитріонъ говоритъ:

Naucratem quem convenire volui, in navi non erat:
Neque domi, neque in urbe invenio quemquam, qui illum viderit.
Nam omneis plateas perreptavi, gymnasia et myropolia:
Apud emporium, atque in macello, in palaestra atque in foro:
In medicinis, in fonstrinis, apud omneis aedeis sacras.
Sum defessus quaeritando....

У Теренція Демей начинаетъ словами:
Defessus sum ambulando....

Демей

А! вотъ онъ! ужъ давно тебя ищу.

Миціонъ

Зачѣмъ?

Демей

Увѣдомить тебя спѣшу я
О новыхъ подвигахъ прекраснаго сына.

Миціонъ

Опять?

Демей

О новыхъ, уголовныхъ.

Миціонъ

Полно!

Демей

Нѣтъ! ты его еще не знаешь.

Миціонъ

Знаю.

Демей

Какой ты, право, глупый! все ты бредишь,
Что я о той пѣвицѣ говорю?
Онъ дѣвушку—гражданку обезчестилъ.

Миціонъ

И это знаю.

Демей

Знаешь и молчишь?

Миціонъ

А что жъ прикажешь дѣлать?

Демей

Ну, пожалуй
Скажи? и не кричать!... и не бѣситься?

Миціонъ

О, нѣтъ! скорѣе....

Демей

Мальчикъ родился...

Миціонъ

Да сохранятьъ его благіе боги!

Демей
За нею ровно ничего.

Миціонъ
Я слышалъ.

Демей
И безъ приданаго ее придется брать!

Миціонъ
Конечно.

Демей
Ну, а что же дальше будетъ?

Миціонъ
Да то, чему и слѣдовало быть:
Бо мнѣ переведутъ ее отсюда.

Демей
Юпитеры! что же? будто такъ и должно?

Миціонъ
А что же больше дѣлать?

Демей
Что же дѣлать?
Когда ни мало сына не жалѣешь,
Такъ ты, по крайней мѣрѣ, притворись,
Какъ дѣлаютъ порядочные люди.

Миціонъ
Да вѣдь она сосватана совсѣмъ;
Мы порѣшили дѣло, и ужь идутъ
Приготовленья къ свадьбѣ; разогналъ я
Всѣ опасенья ихъ на этотъ счетъ,
Какъ дѣлаютъ порядочные люди! (**)

Демей
И ты вполне доволенъ всѣмъ?

(**) И здѣсь, какъ и прежде Миціонъ сводитъ Демея съ ума съ своей
человѣчностью, такъ рельефно высказавшемуся въ знаменитомъ стихѣ ко-
медіи Neautontimoroumenos (v. 77):

Nomo sum: humani nihil a me alienum puto.

Миціонъ

О, нѣтъ!

Вотъ если бь могъ я это передѣлать?
А такъ какъ не могу, то остается
Переносить все это равнодушно.
Вѣдь наша жизнь—не то ли же, что въ кости
Извѣстная игра? Когда упало
Не то число, какое ты желалъ бы,—
И изъ него сьумѣй извлечь что можно (*1).

Демей

Прекрасно, Миціонъ!... Да по чьему же
Вмѣшательству погибло двадцать минъ
За ту пѣвицу? Вѣдь куда нибудь,
Конечно, не за деньги ужь, а даромъ
Намъ сбыть ее необходимо съ рукъ.

Миціонъ

И продавать ее я не намѣренъ.

Демей

Такъ что жь теперь ты будешь дѣлать съ ней?

Миціонъ

Пусть дома у меня и остается.

(*1) Ita vita est hominum, quasi quum ludas tesseris... (v. 743).

Tesserae—четвероугольныя косточки, зернь. Онѣ были шестисторонныя; каждая изъ сторонъ имѣла свой номеръ (I, II, III, IV, V, VI). Tali—отличались отъ тессеръ тѣмъ, что имѣли только четыре стороны съ означеніемъ очковъ, а двѣ остальные округленныя. На одной сторонѣ изображалась точка или очко (unicus, какъ карточный тузъ, называвшійся canis); на противоположной сторонѣ было шесть очковъ (senio—шестерка); на двухъ другихъ сторонахъ—три (ternio) и четыре (quaternio) очка. Въ игрѣ употреблялись по три кости перваго рода (tesserae) и по четыре послѣднихъ (tali). Ихъ клали въ tritillus—коробочку конической формы, сьуженную сверху, съ круглымъ отверстіемъ. Изъ нея выбрасывали кости на игорный столикъ (fagus). Счастливейшій iactus составляли три шестерки въ тессерахъ и разные номера на всѣхъ четырехъ костяхъ въ талахъ. Это называлось venus или iactus venereus. Самый неудачный результатъ составляли въ первомъ случаѣ—три туза, а во второмъ—когда всѣ кости лежали одинаковыми номерами сверху. Вообще считалась сумма выпавшихъ очковъ.

Демей

О боги! мать семейства будетъ жить
Съ любовницей въ одномъ и томъ же домѣ?

Миціонъ

Такъ что-жъ?

Демей

Въ умѣ ли ты?

Миціонъ

Да полагаю.

Демей

Клянусь богами, ты ее затѣмъ,
По глупости, оставилъ, чтобы было
Съ вѣмъ пѣть тебѣ?

Миціонъ

Такъ что-жъ?

Демей

И молодая

Научится тому же...

Миціонъ

Да!

Демей

А самъ

Пойдешь плясать, схватившись за веревку! (**)

Миціонъ

И славно!

Демей

Славно?

Миціонъ

Если будетъ нужно,
И ты вѣдь съ нами пустишься плясать?

Демей

О, боги! Какъ тебѣ не стыдно это?

Миціонъ

Ну, полно, брось всегдашнюю брюзгливость

(**) Родъ пляски.

И веселъ будь, какъ слѣдуетъ на свадьбѣ
У сына. Я найду покуда къ нимъ
И ворочусь сейчасъ же.... (уходитъ).

Демей

О, Юпитеръ!

Какая жизнь! какіе нравы!.. ужасъ!
Безуміе!.. Жена въ безприданницѣ!
Да вмѣстѣ съ ней пѣвица будетъ жить!..
Въ хозяйствѣ расточительность во всемъ!....
Сыновъ вдался безъ всякой мѣры въ роскоши!..
Помѣшанный старикъ!.. Само спасеніе (**),
При всемъ желаніи, не въ силахъ имъ помочь!..

А К Т Ъ V.

СЦЕНА I.

Сиръ и Демей.

Сиръ (пьяный)

Ну, Сиръ? могу сказать: ты постарался
И выполнилъ обязанность свою;
А такъ какъ тамъ всего наѣлся вволю,
То хорошо и прогуляться здѣсь.

Демей

Смотрите: вотъ образчикъ дисциплины!

Сиръ

(А!... нашъ старикъ!) ну что? что такъ печаленъ?

(**) Salus, у грековъ *Тулоса*. Этой богинѣ Salus въ Римѣ былъ посвященъ храмъ. Titus Livius. IX.

Весь этотъ монологъ почти переведенъ Мольеромъ въ его «l'école des maris»; у него вмѣсто богини спасенія является богиня мудрости:

Oh! que les voilà bien tous formés l'un pour l'autre.
Quelle belle famille! un vieillard insensé,
Qui fait le dameret dans un corps tout cassé
Une fille maîtresse et coquette suprême!
Des valets imprudents! Non, la Sagesse même
N'en viendrait pas à bout, perdrait sens et raison
A vouloir corriger une telle maison. (Acte I. sc. IV).

Бездѣльникъ!
Демей
Сиръ
Ну! пошолъ ужь расточать
Свою премудрость!
Демей
Жаль, что ты не мой!
Сиръ
Будь я твоимъ, такъ ты разбогатѣлъ бы
И знатно бы свои дѣла устроилъ!
Демей
А я тебя въ примѣръ бы ставилъ всѣмъ!
Сиръ
А что? Да что я сдѣлалъ?
Демей
Вотъ вопросъ!
Въ подобной кутерьмѣ, въ такомъ смятеннѣ,
Которое не стихло и теперь,
Ты славно наливался, и какъ будто,
Ты сдѣлалъ что хорошее!..
Сиръ
Не даромъ
Сюда мнѣ не хотѣлось выходить.

ЯВЛЕНІЕ II.

Дромонъ, Сиръ, Демей.

Дромонъ
Эй, Сиръ! иди скорѣе къ Ктезифону.
Сиръ
Пошолъ!
Демей
Что началъ онъ о Ктезифонѣ?
Сиръ
Да ничего.

Демей

Разбойникъ, говори:

У васъ мой Ктезифонъ?

Сиръ

Да нѣтъ!

Демей

Кого же

Онъ называлъ?

Сиръ

Не его а паразита.... (*4)

Такъ крохотный..... Не знаешь?

Демей

Вотъ узнаю.

Сиръ

Что дѣлаешь, Демей? Куда идешь ты?

Демей

Пусти меня.

Сиръ

Останься.... говорю!

Демей

И не опустишь рукъ, мерзавецъ! или
Желдешь, чтобъ я голову тебѣ
Сейчасъ же размозжилъ?

(входить въ домъ)

Сиръ

Ушолъ а право

Не во время пришолъ въ нимъ этотъ гость....

(*4) Паразиты—прихлебатели. У Теренція въ его «Евнухъ» (v. 248—253) встрѣчаемъ прекрасную характеристику паразита въ его же собственныхъ словахъ: «Есть люди—говорить Гнаеонъ—которые хотятъ во всемъ быть первыми, хотъ и не могутъ: за ними то я и ухаживаю; не имъ доставляю я случаи сѣяться когда мною, но самъ сѣюсь съ ними и восхищаюсь ихъ умомъ. Что ни утверждаютъ они—я одобряю; если они отрицаютъ тоже самое,—я опять таки одобряю. Скажетъ кто нибудь изъ нихъ: «нѣтъ»—и я тоже «нѣтъ»; скажетъ: «да»—и я тоже «да!» Словомъ я во всемъ соглашаюсь съ ними. Это въ настоящее время самый выгодный промыселъ». См. *Études sur le théâtre latin*, par M. Meyer. pp. 59—120.

Особенно для Ктезифона! Что же
Теперь мнѣ дѣлать? Развѣ, между тѣмъ
Покудѣ позатихнетъ все, забиться
Куда нибудь, хоть въ уголь, да просиаться....
Да будетъ такъ!...

СЦЕНА III.

Миціонъ, Демей.

Миціонъ

(говоритъ Состратѣ, выходя изъ ея дома)

У насъ готово все,
Сострата, какъ сказалъ я. Если хочешь...

(слышенъ стукъ въ домъ Миціона)

Но это это такъ сильно хлопнуло дверью?

Демей

И что теперь мнѣ дѣлать? чѣмъ начать:
Браниться или жаловаться? Небо!
Земля! Нептуновы моря!

Миціонъ

Ужь, видно,

Онъ все узналъ и сердится за это....

Ну вотъ и ссора не далеко! надо

Вступиться...

Демей

А!... да вотъ, и онъ—губитель
Моихъ обонхъ сыновей! (32)

Миціонъ

Опомнись

И удержи языкъ свой....

(32) *Eccum adest*

Communis corruptela nostrum liberum (v. 796—797).

Сравнивъ съ словами Мольера съ его *Fourberies de Scapin* (Acte I, sc. VI):

Ah! Ah! vous voilà donc, sage gouverneur de famille, beau directeur de jeunes gens!

Демей

Ужь молчу,

Опомнися, и не хочу браниться—
Поговоримъ о дѣлѣ. Между нами
Вѣдь было рѣшено—не самъ ли ты
И предложилъ мнѣ это—чтобъ ни я
До твоего Эскина не касался,
Ни ты—до Ктезифона моего?

Миціонъ

Дѣйствительно! и я не отрицаю.

Демей

Зачѣмъ же у тебя теперь онъ пьетъ?
Зачѣмъ ты у себя его скрываешь?
Зачѣмъ ему любовницу купилъ?
У насъ съ тобой раздѣлены права:
Не хлопочу я о твоёмъ Эскинѣ
И ты оставь въ покоѣ Ктезифона.

Миціонъ

Несправедливо судишь!

Демей

Почему?

Миціонъ

Да старая пословица гласитъ,
Что у друзей все общее!

Демей

Вотъ мило!

Не поздно ли припомнилъ ты ее?

Миціонъ

Да выслушай, прошу тебя, два слова:
Тебя страшатъ издержки сыновей—
Но вспомни, что на собственныя средства
Ты ихъ хотѣлъ воспитывать и думалъ
Что хватить имъ обоемъ твоего
Имущества, Демей, и что женюсь я....
При этомъ бы тебѣ и оставаться:
Храни, вои, чтобы какъ можно больше
Оставить имъ—и честь тебѣ, и слава!
Но не мѣшай же пользоваться имъ

Монимъ имѣнемъ: на него нельзя
Разсчитывать имъ было. Капиталь,
Накопленный тобою, не убудеть,
А все, что отъ меня перепадетъ,
Пускай ложится за проценты. Если
Все это ты обсудишь равнодушно,
То повѣрь, Демей: меня, себя и ихъ
Избавишь отъ напрасныхъ безпокойствъ.

Демей

Положимъ такъ, но ихъ поступи....

Мицѳонъ

Стой!

Я знаю все, и самъ хотѣлъ объ этомъ
Поговорить, Демей, съ тобой: повѣрь,
У каждаго изъ смертныхъ есть черты
Въ характерѣ, которыя даютъ намъ
Возможность безъ ошибки заключать
О степени виновныхъ въ проступкѣ:
Что одному простибельно, другому
Вмѣняется по истинѣ въ вину:
Вся сила тутъ уже не въ преступленьи,
А только въ томъ, кто совершилъ его.
А въ нашихъ дѣтяхъ я давно примѣтилъ
Хорошія наклонности, какихъ
Желали оба мы: они умны,
Понятливы, послушны, очень дружны:
Вотъ признаки ума и благородства!
Ты отъ всего удерживать ихъ можешь.
Конечно, ты боишься одного,
Чтобъ не были всегда они безпечны;
Но знаешь ли, любезный мой Демей,—
Съ лѣтами мы становимся умнѣе;
У старости единственный порокъ:
Не въ мѣру прилѣпляется къ богатству....
Съ лѣтами тоже будетъ вѣдь и съ ними.

Демей

Смотри же, чтобы доводы твои
И равнодушный взглядъ не довели бы
До горя насъ.

Миціонъ

Не будетъ ничего!
Забудь о прошломъ; только на сегодня
Отдайся мнѣ во власть и распрами
Свое чело.

Демей

Ужъ такъ и быть. Но впрочемъ,
Чуть свѣтъ, я завтра утромъ вмѣстѣ съ сыномъ
Уйду домой.

Миціонъ

Какъ хочешь, хоть въ полночь.
Ужъ только нынче будь повеселѣе.

Демей

Пѣвицу ту съ собой же я возьму.

Миціонъ

Ого, Демей! Ударъ довольно ловкій!
Ты этимъ больно въ ней привяжешь сына,
Да только въ оба тамъ за ней смотри.

Демей

Да я объ этомъ думалъ ужъ: отъ кухни,
Да мельницы—она вся будетъ въ сажѣ,
Въ пыли, въ мукѣ; и это вѣдь не все:
Въ полденный жаръ пошлю ее на жниву—
Пусть тамъ себѣ колосья подбираетъ.
Ужъ я-жъ ее порядкомъ пропеку;
Ужъ у меня, какъ уголь почернѣетъ.

Миціонъ

Прекрасно! Вотъ и я скажу: умно!
Тогда и сына сблизитъ съ ней насильно?

Демей

Смѣшно тебѣ! Завидѣвъ твой характеръ.
Вотъ я, напротивъ....

Миціонъ

Ну, пошелъ опять!

Демей

Перестаю.

Миционъ

Пойдемъ же въ намъ, Демей,
И проведемъ, какъ слѣдуетъ, весь день.

СЦЕНА IV.

Демей (одинъ)

Никто изъ насъ и никогда не можетъ
Сказать, что онъ, на жизненномъ пути,
Такъ рассчиталъ свой каждый шагъ, чтобъ годы,
Случайности и опытъ ничего
Ему съ собой не принесли неожиданно;
Чтобъ даже въ томъ, въ чемъ прежде былъ увѣренъ,
Не привелось ему разувѣряться;
Чтобъ то, что выспимъ благомъ почиталъ
Въ своемъ умѣ—на дѣлѣ не отвергъ бы!
Теперь сбылось все это и со мной:
Пройдя почти все поприще земное,
Бросаю мой суровый образъ жизни....
Зачѣмъ? зачѣмъ, что я узналъ на дѣлѣ—
Что значать снисходительность и мягкость.
И какъ не трудно въ этомъ убѣдиться:
Лишь стоитъ взять въ примѣръ меня и брата.
Всю жизнь свою провелъ покойно онъ,
Среди пировъ лашъ, кроткѣй и любезнѣй,
Ничѣмъ и никого не оскорбилъ онъ,
Напротивъ—всѣмъ пріятно улыбался!
Хоть для себя онъ жилъ и проживался,
Но всѣ его благословляютъ, любятъ....
А я-то?... деревенщина, суровъ,
Угрюмъ, упрямъ, жестокъ и свупъ^(*); женился —
И сколько тутъ я перенесъ хлопотъ!
А дѣти?... Вотъ и новыя заботы!
Для нихъ хотѣлъ я накопить побольше—

(*) Ego ille agrestis, saevus, tristis, parvus, truculentus, tenax,
(v. 870).

У Менандра находимъ:

Ἔγω δ' ἀγροῖκος, ἰσχυρῆς, σκληρὸς, πικρὸς, φειδωλῆς.

Для этого всю жизнь свою, весь вѣкъ свой,
Провелъ я въ собраніи богатства.
И вотъ теперь, въ лѣтахъ моихъ преклонныхъ,
Ихъ ненависть—весь плодъ моихъ заботъ!
И безъ труда досталось брату то,
Чѣмъ я бы только пользоваться долженъ:
Его они такъ любятъ, а меня
Напротивъ избѣгаютъ; повѣраютъ
Ему всѣ тайны, уважаютъ, оба
Бѣгутъ къ нему охотно—я покинуть!
Какъ дорога имъ жизнь его теперь,
И какъ моя—конечно, надоѣла!
И сколько же трудовъ я положилъ
При воспитаньи ихъ!... а онъ, напротивъ,
Ничтожными издержками привлекъ ихъ;
Я привялъ всѣ заботы на себя,—
Всѣ радости я предоставилъ брату....
Да ну же, ну.... попробуемъ, Демей:
Авось и я сзумѣю на словахъ
Быть ласковымъ, на дѣлѣ благодушнымъ:
Самъ Миціонъ меня на это вызвалъ!
Хочу, чтобъ и меня любили дѣти,
И также почитали, какъ его.
И если только щедрость и поправки
Причиной ихъ любви, то и тогда,
И въ этомъ, буду я не изъ послѣднихъ.
А ежели не хватитъ средствъ—и тутъ
Мнѣ мало горя будетъ: я старикъ ужъ!...

СЦЕНА V.

Сиръ, Демей.

Сиръ

Постой, Демей, не уходи далеко:
Тебя зоветъ твой братъ.

Демей

Кто тамъ еще?

А! это ты, любезный Сиръ! здорово!
Ну что ты? Какъ идутъ твои дѣла?

Ученна Зап. Имп. Каз Унив. 1873 г.

Сирь

Какъ должно.

Демей

И прекрасно. (Противъ воли
Я могъ ему сказать три слова цѣлыхъ:
„Любезный“, „что ты?“, „какъ твои дѣла?“)
На взглядъ слуга хорошій ты! охотно
Желаю я полезнымъ быть тебѣ.

Сирь

Благодарю.

Демей

А въ томъ, что это правда,
Увѣришься на дѣлѣ очень скоро.

—
СЦЕНА VI.

Гета, Демей.

Гета

Теперь я въ нимъ пойду, чтобы узнать
Когда возьмутъ Цамфилу. Вотъ и кстати,
Демей! Желаю здравствовать.

Демей

Тебя зовутъ?

А какъ

Гета

Мнѣ имя Гета.

Демей

Гета!

Я и сегодня думалъ о тебѣ,
Что ты отличный малый, Гета: тотъ день,
По моему, испытанный слуга,
Который такъ заботится о домѣ,
Какъ ты. И я, представься только случай,
Повѣрь: не позабуду о тебѣ.
(Хочу я быть поласковѣе съ каждымъ
И это удается мнѣ легко).

Гета

Ужь, право, слишкомъ добръ ты!...

Демей

Я привлеку въ себѣ сначала чернь. Понемногу

СЦЕНА VII.

Эскинъ, Демей, Сиръ, Гета.

Эскинъ

Они меня замучать изъ желанья
Торжественно отпраздновать мой бракъ.
Въ однихъ приготовленіяхъ, пожалуй,
У нихъ пройдетъ не меньше дня....

Демей

Эскинъ, дѣла твои идутъ?

Ну, какъ,

Эскинъ

Мой батюшка, пришолъ сюда?

И ты,

Демей

Я твой отецъ по духу и по крови;
Отецъ, которому дороже ты, чѣмъ свѣтъ
Его очей.... Что не берешь Памфилу
Къ себѣ домой? Конечно

Эскинъ

Да я бы очень радъ,
Но ожидаю флейтщицу и тѣхъ,
Кто будетъ пѣть намъ Гименея.

Демей

Послушаться совѣта старика?

Хочешь

Эскинъ

Но въ чемъ?

Демей

Все это брось:—и Гименей,
И флейтищъ, и свѣтильники ^(*), веди,
Чтобы въ саду ограду разобрали
И чрезъ нее Памфилу проведи;
Изъ двухъ домовъ одинъ чрезъ это будетъ:
Потомъ въ нашъ домъ переведи, немедля,
И мать и всю ея семью.

Эсхинъ

Съ охотой

Мой добрый батюшка!

Демей

Ого! меня

Ужь величаютъ *добрымъ*. Братній домъ
На долго будетъ каждому открытъ;
Онъ наведетъ къ себѣ толпы народа....
Пойдутъ опять издержки.... Ну да миѣ-то
Какое дѣло?... я достигъ того,
Что почитаюсь *добрымъ*.... Двадцать мнѣ
Еще отдать придется за пѣвицу.... ^(**)
А ты что, Сирь, стоишь.... ийдешь работать!

Сирь

Работать? что?

^(*)

..... Missa haec fesse,
Нупенаиш, turbas, lampadas, tibicinas... (v. 940—941).

Нупен или Нупенаиш, сынъ Венеры и Бахуса, богъ брака, какъ в Thalassio—у римлянъ. Невѣсту (эрозю) сопровождали въ домъ жениха трое мальчиковъ, родители которыхъ еще были въ живыхъ. Двое мальчиковъ вели невѣсту подъ руки, а третій несъ пламенный изъ пихтова о дерева или терновника. Кроме того предъ ней несли еще пять пламениковъ (fascies nuptiales, lampadas). Служанка, толпа родныхъ и знакомыхъ сопровождали невѣстѣ. Всѣ они были угощаемы брачнымъ столомъ (coena nuptialis), при чемъ были и музыканты, игравшіе и пѣвшіе брачныя пѣсни—epithalamia; припѣвъ ихъ былъ: Jo Nupen Nupenese, или Thalassio.

^(**) Въ оригиналѣ: jube nunc jam

Dimiseret ille Babylo viginti minas (v. 948—949).

Комментаторы различнымъ образомъ объясняютъ выраженіе Babylo— в собственномъ именемъ банкира, в нарицательномъ, въ значеніи богатаго шедраго, расточительнаго чловѣка. Трудно рѣшить, кто изъ нихъ болѣе во правъ.

Демей .

Ограду разбирать!
А ты бы, Гета, шелъ теперь за ними.

Гета

Да награждать тебя благіе боги!
Ты отъ души желаешь намъ добра.

Демей

Вы этого достойны. (Эскину) Что ты скажешь
На это?

Эскинъ

Тоже думаю и я.

Демей

Гораздо лучше будетъ, чѣмъ вести
По улицѣ родильницу больную.

Эскинъ

Ахъ батюшка! Чего же лучше?

Демей

Такъ-то!

Да вотъ и братъ выходитъ со двора.

—
СЦЕНА VIII.

Миціонъ, Демей, Эскинъ.

Миціонъ (выходитъ изъ дому)

Такъ братъ велѣлъ?... а гдѣ онъ?...

(Демей) Это ты,

Демей, распорядился?

Демей

Я! хочу

Чтобы во всемъ, не только чрезъ это,
Одну семью составили мы съ ними;
Служили имъ, гдѣ нужно—помогали,
Сроднились съ ними....

Эскинъ

Я прошу о томъ же,

Мой батюшка!

Миціонъ

И самъ я тоже думалъ.

Демей

Клянуса, такъ и слѣдуетъ: во первыхъ
Она вѣдь мать женѣ Эскина....

Миціонъ

Ну?

Демей

Она—одна изъ честныхъ, свромныхъ женщинъ.

Миціонъ

Да!... говорятъ.

Демей

Уже преклонныхъ лѣтъ.

Миціонъ

И это знаю.

Демей

Ужь родить не можетъ;

Она одна; и некому за ней
Ходить.

Миціонъ

Къ чему онъ влонить рѣчь?

Демей

Къ тому,

Что слѣдуетъ тебѣ на ней жениться....

И ты, Эскинъ, похлопочи объ этомъ.

Миціонъ

Жениться!... мнѣ!

Демей

Тебѣ!

Миціонъ

Такъ мнѣ жениться?

Демей

Тебѣ.

Миціонъ

Да ты негѣнцу городишь.

Демей (Эсхину)

Проси его: онъ, вѣрно, согласится!

Эсхинъ

О, батюшка!

Миціонъ

И ты, осель, туда же?

Демей.

Да какъ ужъ хочешь, а не виновать....

Миціонъ

Съ ума сопелъ ты.

Эсхинъ

Батюшка, позволъ же

Просить тебя....

Миціонъ

Съ ума сопелъ ты.... Прочь.

Демей

Послушайся же сына.

Миціонъ

Въ самомъ дѣлѣ,
Здоровъ ли ты? чтобъ въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Жениться на старухѣ, столь же дряхлой....
И вы еще совѣтуете мнѣ!...

Эсхинъ

Я общалъ имъ это.

Миціонъ

Слишкомъ рано!

Дари людей своимъ добромъ.

Демей

А если бѣ

Случилась просьба по важнѣе этой?

Миціонъ

Какъ будто эта просьба такъ ничтожна!

Демей

Послушайся!

Эсхинъ

Не принимай такъ строго.

Демей

Послушай насъ!... Скажи, что ты согласенъ.

Миціонъ

Да отвѣжитесь!

Эсхинъ

Ни за что, пока
Не выпрошу согласія.

Миціонъ

Насялие!

Но это

Демей

Рѣшайся, Миціонъ.

Миціонъ

Хоть это для меня и неприятно,
И кажется и глупымъ и смѣшнымъ,
Хоть и чужда была мнѣ мысль о бракѣ,
Но если вы такъ этого хотите—
Да будетъ такъ.

Эсхинъ

Любовь!

Прекрасно: ты достоинъ

Демей

Теперь не знаю самъ—чего бы
Еще желать? За что бы ни взялся я—
Во всемъ удача.

Миціонъ

Что? еще не все?

Демей

Вѣдь Гегіонъ—имъ родственникъ ближайшій,
По нихъ—и намъ; онъ бѣденъ,—такъ не худо
И для него бы сдѣлать что нибудь!

Миціонъ

Да что же сдѣлать?

Демей

У тебя, отсюда
Недалеко,—есть лесутокъ земли,

Который отдаешь же ты въ аренду;
Вотъ этотъ доскутокъ и подарить бы....
Пускай онъ имъ владѣть....

Миціонъ

Доскутокъ?

Демей

Да если и не доскутокъ—положимъ—
А все ему бы должно уступить:
Вѣдь онъ Памфилъ замѣнялъ отца,
Хорошій человекъ, и намъ не дальній,—
Такъ стало быть не даромъ подаримъ.
Теперь тебѣ напомню то, что прежде
Сказалъ ты мнѣ,—и кстати, и умно:
„У старости единственный порокъ:
Черезъ мѣру прилѣпляется къ богатству“....
Не на словахъ, на самомъ дѣлѣ нужно
Подобныхъ недостатковъ избѣгать.

Миціонъ

Что дѣлать! Видно, надо уступить,
Чтобы его желаніе исполнить.

Эсхинъ

О, батюшка!...

Демей

Теперь душой и тѣломъ
Ты мнѣ родной.

Миціонъ

И очень радъ!

Демей

Его же

Оружіемъ его и побиваю....

—
СЦЕНА IX.

Сиръ. Демей. Миціонъ. Эсхинъ.

Сиръ

Исполнено, что ты, Демей, велѣлъ.

Демей

Ты добрый малый, Сиръ! Еще сегодня
Ему бы нужно было дать свободу.

Миціонъ

Ему свободу? за какой же подвигъ?

Демей

За многіе.

Сиръ

О, добрый нашъ Демей!
Старательно ходилъ я за твоими
Обоими дѣтьми, отъ ихъ рожденья,
Училъ, и наставлялъ, какъ только могъ!

Демей

Дѣйствительно! Притомъ всегда исправно
Имъ доставлялъ провизію въ столу;
Приготовлялъ имъ дорогія блюда,
Устраивалъ любовныя дѣла,
Заготовлялъ пирушки спозаранку (**).
На это вѣдь не каждый же способенъ!

Сиръ

Какой онъ добрый!

Демей

Даже и сегодня
Онъ помогалъ пѣвицу ту выпить.
Вездѣ, во всемъ его заботы видны:
Его необходимо наградить —
Другіе станутъ болѣе стараться....
Да и Эскинъ вѣдь этого желаетъ.

(**) Res apparet: et quidem porro haec, obsonare cum fide,
Scortum adducere, apparare de die convivium (v. 969—970).

Соена или ужинъ былъ главною, и, нѣкоторые думаютъ, единствен-
ственною, въ древнія времена, трапезою у римлянъ. Обыкновенное время
ужина лѣтомъ былъ 9-й часъ или 3 часа по полудни (Cic. ad Div. IX,
26; Mart. IV, 8) и 10-й часъ зимою (Plin. Ep. III. 1). Ужинать ранѣе
считалось невоздержностью.

Столъ, начинавшійся ранѣе обыкновеннаго времени и продолжавшійся
до поздней ночи, назывался *convivium intempestivum*; продолжавшійся до
утра—*coena antelucana* (Suet. Cal. 45; Cic. Cat. II).

И ты желаешь?

Миціонъ

Эхинъ

Да!

Миціонъ

Ужь если такъ,

То подойди сюда....

(кладеть ему на голову руку)

Будь, Сиръ, свободенъ (**).

Сиръ

Какой ты добрый! Каждому изъ васъ
Обязанъ я, но больше всѣхъ тебѣ,
Демей!

Демей

И очень радъ!

Эхинъ

И я.

(**) Si quidem

Tu vis, Syre, ego accede huc ad me: liber esto (v. 974—975).

Господниъ налагать руку (отсюда—*manumissio*) на голову раба, получающаго при этомъ ударъ (*colaphus*), и увольнялъ его съ словами: «*liber esto!*». Прежде отпускали рабовъ на волю или чрезъ цензорское внесеніе именъ ихъ въ списокъ гражданъ (*per censum*) или по желанію господина, который приводилъ къ претору или консулу своего раба, съ словами: «я требую свободы этому челоѣку по обычаю квинтовъ». Преторъ, ударивъ раба по головѣ тростью, объявлялъ его свободнымъ. Трость называлась *vindicta*, отсюда и самый видъ *manumissionis* — *per vindictam*. Третій видъ увольненія совершался по заѣщанію (*per testamentum*); но въ позднѣйшія времена отпускали на волю или чрезъ письмо (*per epistolam*) или при друзьяхъ (*inter amicos*), т. е. въ присутствіи пятерыхъ свидѣтелей; или чрезъ столъ (*per mensam*), т. е. допущеніемъ за свой столъ. Всѣ эти роды увольненія примыкали или *ad modos solemnes* или *ad modos minus solemnes*; къ послѣднему роду принадлежалъ и видъ *manumissionis*—*inter amicos*),—какъ у Теренція. Рабы пользовались у римлянъ только правомъ *сожителства* (*jus contubernii*) и только отпущенные по одному изъ способовъ перваго рода (*modi solemnes*) могли вступать въ законный бракъ (*jus connubii*).

Сиръ

О, вѣрю!

Но еслибъ это счастье было полно!
Вотъ если бы и Фригию мою
Увидѣть мнѣ на волѣ!

Демей

Что-жь—она

Вѣдь женщина прекрасная!

Сиръ

Впервые

Кормила грудью внучка твоего
Сегодня.

Демей

О, клянуса Геркулесомъ!

Ужь если въ первый разъ кормила грудью,
То, безъ сомнѣнья, должно и ее
На волю отпустить.

Миціонъ

За это только?

Демей

За это! Да возьми съ меня хоть деньги,
Во что она тебѣ пришлась.

Сиръ

О! боги

Да исполняютъ всѣ твои желанья!

Миціонъ (Сиру)

Ну! выдался тебѣ счастливый день!

Демей

Конечно, если выполнишь свой долгъ
И дашь ему хоть что нибудь на время:
Онъ скоро возвратитъ тебѣ свой долгъ.

Миціонъ

Не возвратитъ ни обола.

Демей

Онъ малый

Довольно честный!

Сиръ

Возвращу, клянусь!

Сеуди лишь....

Эскинъ

Батюшка!....

Мицiонъ

Объ этомъ послѣ

Подумаю.

Демей

И сдѣлаеть потомъ.

Сиръ

О, превосходный! человекъ!

Эскинъ

Добрѣйшiй

Мой батюшка!....

Мицiонъ (Демей)

Что такъ скоропостижно
Характеръ твой могло перемѣнить?
И что это за прихоть?... что за щедрость
Нежданно такъ напала на тебя?

Демей

А выслушай: мнѣ показать хотѣлось,
Что добрымъ, свисходительнымъ тебя
Считаютъ вовсе не за образъ жизни,
Не за правдивый, мягкiй твой характеръ,
А за одно потворство и за щедрость.

(Эскину)

И такъ какъ вамъ противна жизнь моя
За то, что я порой не соглашаюсь
Въ понятiяхъ—что хорошо, что худо,
То я готовъ не спорить больше съ вами:
Творите, что угодно будетъ вамъ!
Бросайте, расточайте ваши средства.
Но если вы желаете, чтобъ я
Порою васъ журилъ и разъяснялъ бы
Все то, въ чемъ вы, по молодости, сами
Не опыты, къ чему стремитесь пылко,
И судите поверхностно; порою
И поощрялъ бы васъ—то я готовъ
За это взяться....

Эсхинъ

Батюшка! мы рады
Во власть тебѣ отдаться: ты вѣдь знаешь
Получше насъ, что нужно намъ.... рѣши же,
Что дѣлать Ктезифону?

Демей

Ктезифону?
Прощаю! пусть Каллидией владѣть,
Но что бы тѣмъ и былъ всему конецъ.

Миционъ

Вотъ это дѣло! Что-жь? Рукоплещите ⁽⁴¹⁾.

М. П—кій.

(41) Istuc recte. Plaudite (v. 1002).

Обыкновенный финалъ римскихъ комедій, не чуждый и современнымъ французско-русскимъ водевилямъ.

Въ старинныхъ изданіяхъ, послѣ окончательной сцены, помѣщается, какъ и послѣ окончанія комедіи «Форміонъ», такъ называемая *scena addita*, написанная уже не Теренціемъ, въ которой Каллидія является дочерью Геріона.

КОММУНА

СРЕДНЕВѢКОВОЙ ФРАНЦІИ

СѢВЕРНОЙ ПОЛОСЫ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ПОЛИТИЧЕСКИМЪ РОСТОМЪ ТРЕТЬЯГО СОСЛОВІЯ.

ГЛАВА IV.

ИСТОРИЯ КОММУНАЛЬНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ГОРОДА РЕЙМСА.

(Продолженіе).

Коммуна Реймса представляетъ чрезвычайно много интересныхъ сторонъ, которыя напрасно мы стали бы искать въ Амьенской коммунѣ. Амьенъ сначала принадлежалъ графамъ Амьенуа, а потомъ перешелъ подъ непосредственную власть короля. Переходъ этотъ, какъ мы видѣли, совершился чрезвычайно быстро, — вскорѣ послѣ коммунальной революціи. Оттого Амьенъ можно назвать типомъ королевскаго города, пользующагося правами коммуны. Развитие городскихъ учрежденій въ Амьенѣ съ конца XII вѣка совершалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ королевской власти. Феодалная власть епископа и нѣкоторыхъ другихъ феодаловъ, въ сравненіи съ коммуной, была ничтожна. При помощи королевской власти борьба городской свободы съ ихъ притязаніями была успѣшна и не отличалась особеннымъ упорствомъ. Посредствомъ купли, мирныхъ сдѣловъ и большею частью путемъ парламентскихъ рѣшеній, коммунѣ удалось присвоить одно за другимъ почти всѣ права прежнихъ своихъ феодалныхъ сеньоровъ. Мы не должны забывать при этомъ, что значительная доля этихъ правъ досталась королевской власти. Дальнѣйшая исторія Амьена въ XIV и XV вв. опредѣляется отношеніями коммуны къ этой власти. Борьба теперь совершается между коммуной и королемъ; но мы не рѣшаемся дать такого громкаго имени цѣлому ряду захватовъ центральной власти надъ мѣстной городской автономіей. Борьба слабой коммуны противъ силы центрального правительства не было возможности. Только въ моменты ослабленія

королевской автономіи, какъ на примѣръ: во время регенства Карла V и при внутреннихъ смутахъ царствованія его сына, коммуна поднимала голову, обнаруживала признаки жизни, оказывала противодѣйствіе и желаніе возвратить прежнюю самостоятельность. Мы знаемъ исходъ этихъ попытокъ: послѣ нихъ наступалъ еще большій гнетъ для городской свободы, еще большее усиленіе королевской власти насчетъ коммуны. Такимъ образомъ короли постепенно сосредочивали въ своихъ рукахъ и феодальныя права и большую часть привилегій городского самоуправления. Пользуясь силой коммуны, опираясь на третье сословіе, они подорвали феодальную систему; пользуясь своимъ собственнымъ могуществомъ, а иногда призывая на помощь послѣднія силы феодализма, они стѣсняли городскую свободу.

Того же результата достигло монархическое начало по отношенію и къ Реймской коммунѣ, какъ и ко всѣмъ городскимъ общинамъ Франціи. Средства къ подавленію городской свободы разнообразились смотря по различію мѣстныхъ условій, но имѣютъ одну общую характеристическую черту. Это—постоянное вмѣшательство королевской власти во внутреннюю борьбу городскихъ общинъ съ феодалами, то въ пользу города, то противъ него, за феодала. Королевская власть помогаетъ коммунѣ отнимать въ некоторыхъ права у феодальнаго сеньора, тѣ права, которыя не противорѣчали централизаторскимъ стремленіямъ самого правительства. Но какъ скоро усилившаяся коммуна начинала заявлять сильныя притязанія,—короли сдерживаютъ коммуны, помогаютъ феодаламъ и болѣе стѣсняютъ городскую свободу. Въ результатъ вышло, что огромное число и феодальныхъ и коммунальныхъ правъ переходило въ ихъ собственныя руки.

Но не смотря на этотъ общій характеръ развитія, а потому и упадка городской свободы, коммуна города Реймса представляетъ чрезвычайно много особенностей, которыя рѣзко отличаютъ ее отъ Амьенской коммуны и отъ многихъ другихъ коммуны сѣверной и средней Франціи. Городъ Реймсъ былъ архіепископскимъ городомъ; архіепископъ Реймскій,—сначала графъ, потомъ герцогъ,—въ феодальномъ отношеніи былъ ленникомъ короля наравнѣ съ первыми баронами Франціи. Королевская власть, захватывая постепенно всѣ близкія къ короннымъ землямъ феодальныя владѣнія, не касалась архіепископскаго лена. Причина заключалась въ цер-

ковномъ значеніи и отношеніи Реймскихъ прелатовъ къ королямъ Франціи. Первое духовное лицо въ королевствѣ, митрополитъ Реймскаго діоцеза, кардиналъ и легатъ апостольскаго престола, — архіепископъ г. Реймса пользовался особеннымъ покровительствомъ римскихъ первосвященниковъ. Сдерживая притязанія прелатовъ Реймскихъ, стремившихся къ автономіи, папы все-таки старались сохранить хорошія отношенія съ ними и грозили церковнымъ отлученіемъ всякому, кто вадумалъ бы посягнуть на ихъ права. Эти прелаты пользовались завиднымъ положеніемъ во Франціи и независимо отъ папскаго покровительства. Владѣнія Реймскаго архіепископа были весьма обширны: они не ограничивались только г. Реймсомъ; огромное число небольшихъ городовъ и селъ въ Реймской провинціи принадлежало имъ. На земляхъ своихъ она имѣли много замковъ. Значительный военный контингентъ въ случаѣ войны доставляли они французскимъ королямъ. Множество богатыхъ монастырей, и въ самомъ Реймсѣ, и во всемъ Реймскомъ діоцезѣ, зависли отъ нихъ. Доходы Реймскихъ архіепископовъ были огромны: они соединяли въ рукахъ своихъ и свѣтскую и духовную юрисдикцію и умѣли ту и другую превращать въ средства къ добыванію денегъ. Архіепископы Реймскіе долгое время пользовались покровительствомъ французскихъ королей, со временъ самого св. Реми, апостола франковъ. Пользуясь щедростью мервинговъ, онъ оставилъ преемникамъ своимъ большое наслѣдье, которое они не замедлили еще больше увеличить. Архіепископъ Реймскій былъ перомъ Франціи; въ раду перовъ и свѣтскихъ и духовныхъ онъ занималъ первое мѣсто. Французскіе короли короновались въ Реймсѣ; тамъ хранился священный сосудъ съ муромъ (сагета амрора), ниспосланный съ неба святому Реми для коронованія Хлодвига. Городъ Реймсъ былъ священнымъ городомъ въ глазахъ француза среднихъ вѣковъ; эта святость города дѣлала особу Реймскаго архіепископа неприкосновенною. Французскіе короли съ Филиппа Августа, забирая феодальныя владѣнія, не хотѣли и не могли посягнуть на земли Реймскихъ прелатовъ. Они ограничивались тѣмъ, что постепенно стѣсняли ихъ свѣтскую юрисдикцію и старались подчинить ихъ подданныхъ общимъ королевскимъ судамъ. Когда огромное число феодальныхъ владѣній сдѣлалось достояніемъ короля, когда почти уже вся Франція признавала единую верховную

власть короля, архієпископы Реймскіе номинально продолжали называться баронами и пэрами Франціи и сеньорами города Реймса. Вотъ съ такимъ-то могущественнымъ прелатомъ - барономъ вступаетъ въ борьбу Реймская коммуна. Реймсъ лучше другихъ городовъ Франціи сохранилъ преданія о прежней муниципальной свободѣ. Если архієпископы производили свои права отъ самого первоапостола франковъ, то коммуна Реймская вела свою свободу отъ временъ задолго предшествовавшихъ и св. Реми и французскому завоеванію. Городской совѣтъ считалъ себя прямымъ наследникомъ римской куріи. Конечно притязанія на стародавность правъ съ той и другой стороны имѣли за собой не много историческихъ основаній. Феодалная власть архієпископа выросла уже послѣ св. Реми, совершенно также, какъ и притязанія наследницы римской муниципии. Права римскаго самоуправления подъ давленіемъ архієпископской власти постепенно исчезли. Галльско-римская курія города Реймса повторила на себѣ исторію муниципальных учрежденій всѣхъ городовъ сѣверной и средней Франціи. Подъ именемъ скабиновъ (¹) выборные отъ города пользовались только нѣкоторыми судебнo-полицейскими правами, не представлявшими особенной важности. Всѣ атрибуты верховной власти сосредоточились въ рукахъ архієпископа. Сначала сдѣлавшись самъ членами римской куріи, потомъ превратившись въ городскихъ дефессоровъ, они не замедлили сдѣлаться феодалными сеньорами города. Изъ одного документа, относящагося къ 717 году, видно, что въ это время архієпископъ Реймскій пользовался огромнымъ вліяніемъ въ городскомъ управленіи (²). Въ 940 году Людовикъ Заморскій подарилъ архієпископу Арталду графство Реймское (*omnem comitatum eidem confert*) (³). Много было споровъ между историками и церковными и свѣтскими относительно значенія этого слова *comitatus*. Всего вѣроятнѣе, что подъ этимъ терминомъ разумѣлись тѣ права судебной, военной и финансовой администра-

(¹) Это названіе въ архивахъ Реймса встрѣчается въ первый разъ только въ 1100 г. Arch. adm. de Reims t. 1.1. p. 254. Докум. 1100 года. Но существованіе ихъ а въ предшествующую эпоху не подлежитъ сомнѣнію.

(²) Arch. adm. de Reims t. 1.1. p. 26. Докум. 717 г. (примѣчаніе).

(³) Ibidem. p. 83—87 (примѣчаніе).

дін, которими пользовались при короляхъ второй династіи графы,—ихъ намѣстники. Свои територіальныя владѣнія архіепископы пріобрѣли другимъ способомъ,—посредствомъ дара, завѣщаній, покупки и т. д. При развитіи феодальныхъ отношеній они получили всѣ права верховной власти въ городѣ; къ нимъ отошла и прежняя городская территорія. Изъ исторіи Амьенской коммюны мы знаемъ уже съ правами феодальныхъ сеньоровъ. Замѣтимъ только, что архіепископы Реймскіе не были единственными сеньорами города Реймса. Огромное значеніе и обширныя юридическія права принадлежали капитулу. Нѣкоторыя части города зависѣли прямо отъ капитула; въ окрестностяхъ города онъ имѣлъ такъ называемую „Общую Землю“, *Terre Commune*, населенную его крестьянами, и бургъ де Везль (*de Vesle*), которимъ управлялъ совершенно независимо отъ архіепископа (¹). Къ нему же принадлежало нѣсколько сельскихъ общинъ, которыхъ было много вокругъ Реймса. Самой замѣчательной изъ нихъ было селеніе Фрейликуръ (*Fraillicourt*) (²). Но кромѣ того капитулъ обладалъ нѣкоторыми правами въ самомъ городѣ на архіепископской землѣ. Всякій членъ капитула имѣлъ право брать въ услуженіе изъ подданныхъ архіепископа сначала по три человека, а потомъ по одному. Эти лица назывались *francs sergientes*, потому что они дѣлались свободными отъ всякаго рода повинностей въ пользу архіепископа и отъ его юрисдикціи духовной и свѣтской. Жители Реймса пользовались этимъ, какъ средствомъ освободиться отъ власти архіепископа, которая давала чувствовать себя тяжело, чѣмъ власть капитула, или монастырей Реймскихъ. Случалось, что самые богатые горожане записывались въ *francs sergientes* и потомъ откупались деньгами отъ личныхъ услугъ, которимъ они были обязаны членамъ капитула. Своими владѣніями капитулъ обязанъ былъ архіепископамъ Реймскимъ; въ феодальномъ отношеніи онъ долженъ былъ признавать ихъ патронатство (³). Но стремленія капитула постоянно шли наперекоръ архіепископской власти. Въ духовныхъ и свѣтскихъ

(¹) Arch. adm. de Reims t. 4. 4. p. X.

(²) Arch. adm. de Reims t. 4. 4. p. 383. Докум. 1191 г.

(³) Arch. adm. de Reims t. 4. 4. p. 77. Тутъ же помѣщена подробный перечень всѣхъ владѣній капитула въ городѣ и его окрестностяхъ.

дѣлахъ капитулъ постоянно добивался автономіи; во многихъ отношеніяхъ это удалось ему. Капитулъ поддерживали папы, которые опасались усиленія Реймскихъ архіепископовъ. Архіепископъ, вступая въ должность, въ соборной переданъ капитула давалъ торжественную присягу, что онъ свято будетъ хранить и защищать права Реймскаго духовенства⁽¹⁾. Такъ какъ архіепископы большею частью не исполняли своего клятвеннаго обѣщанія, а клирики стремились болѣе и болѣе расширить свои права, то съ той и другой стороны были постоянныя столкновенія, которыя большею частью рѣшались самымъ первосвященникомъ римскимъ⁽²⁾.

Въ окрестностяхъ Реймса было множество монастырей. Самыми замѣчательными изъ нихъ были аббатства св. Реми (S. Remi), св. Діонисія (S. Deni) и св. Никазія (S. Nicaise). Подъ сѣнью этихъ монастырей образовалось нѣсколько бурговъ, изъ которыхъ самымъ замѣчательнымъ, по многочисленности и богатству жителей, былъ бургъ аббатства Сень-Реми, такъ называемый *ban* или *bourg de Saint Remi*⁽³⁾. Если владѣльческія права монахи производили отъ Арнульфа, архіепископа Реймскаго, который особой грамотой подарилъ имъ монастырю: *suburbium nomine Burgum cum appenditiis*⁽⁴⁾. Монастырскія власти имѣли надъ бургомъ феодальныя права, юрисдикцію, такъ называемую *haute, moyenne et basse*. Монастырь св. Реми былъ однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ монастырей сѣверной Франціи; въ немъ хранился священныи сосудъ съ муромъ, которымъ помазывались на царство короли французскіе. Въ торжественной церемоніи приносили монахи этотъ сосудъ въ храмъ св. Діонисія, гдѣ совершался обрядъ коронованія и съ такой же церемоніей, по окончаніи обряда, уносили его обратно⁽⁵⁾. Обширныя привилегіи давали аббатству св. Реми, и короли, и папы, и архіепископы. Такъ Паскалій II утвердилъ за монастыремъ рыцарей, находившихся на его землѣ; освободилъ отъ нѣкото-

(1) Arch. adm. de Reims t. 1. 1. p. 223. Докум. 1067 г.

(2) Arch. adm. de Reims t. 1. 2. p. 560. Докум. 1233 г.

(3) Ibidem. t. 1. 2. p. 94. (Примѣчаніе)

(4) Ibidem. t. 1. 1. p. 95. Докум. 989 г.

(5) См. обрядъ коронованія французскихъ королей. Arch. adm. de Reims t. 1. 2. p. 228.

рхъ первоныхъ повинностей въ пользу архіепископа и далъ право апелляціи прямо къ святѣйшему престолу (1). Еще въ XI в. аббаты св. Реми получали десятину отъ своихъ архіепископовъ (2). Въ XII в. аббатство наравнѣ съ другими Реймскими монастырями, пользовалось правомъ покупать жизненные припасы въ Реймѣ безъ платежа пошлинъ. Въ феодальномъ отношеніи монастырь св. Реми, какъ и другія монашескія братства г. Реймса,—былъ въ зависимости отъ архіепископа. По феодальному праву, въ случаѣ смерти аббата, архіепископъ бралъ подъ свое управленіе всѣ монастырскія владѣнія въ Реймской провинціи,—впредь до выборовъ новаго аббата. Это право называлось *gardia, garde*. Короли французскіе пользовались такимъ же правомъ въ отношеніи свѣтскихъ владѣній самаго архіепископа. Въ случаѣ его смерти они брали *en garde* г. Реймсъ, со всѣми окрестными бургами, замками и селеніями,—впредь до новыхъ выборовъ. Но монастырскія общины не любили тяжелой опеки своихъ презатовъ. Они стремились въ феодальномъ отношеніи стать въ непосредственную зависимость отъ королевской власти, подобно тому какъ въ духовныхъ дѣлахъ они успѣли поставить себя въ прямую зависимость отъ папскаго престола. Отсюда огромное число процессовъ между архіепископами и монастырями, особенно съ аббатствомъ св. Реми. Короли, вслѣдствіе своего централизаторскаго стремленія, сочувствовали видамъ аббатствъ и постоянно вмѣшивались въ споры между духовными властями относительно свѣтскихъ владѣній. Въ случаѣ смерти аббатовъ часто они сами брали монастыри въ свое собственное храненіе (*en garde royale*) (3). Отсюда огромное число процессовъ между аббатствомъ св. Реми и архіепископомъ,—которые съ половины XIII в. рѣшаются въ парламентѣ. Постановленія парламента болѣею частью клонились въ пользу централизаторскихъ стремленій королевской власти. Архіепископы упорно защищали свои права; они не хотѣли подчиняться обыкновеннымъ засѣданіямъ парламента и громко заявляли свое право, въ качествѣ паровъ Франціи, поддѣжать только суду

(1) Arch. adm. de Reims t. 1. 1. p. 260. Докум. 1107 г.

(2) Ibidem. t. II. p. 214. Докум. 1067 г.

(3) Arch. adm. de Reims t. 1. 2. p. 727. Докум. 1254 г. p. 756. Докум. 1254 г.

себѣ равныхъ (¹). Напрасно папы писали письма королямъ французскимъ (²). Легисты дѣлали свое дѣло и мало по малу подрывали феодальныя права французскихъ прелатовъ. Каждый изъ Реймскихъ монастырей имѣлъ владѣльческія права на своей территоріи. Аббатству Сенъ-Дени принадлежалъ бургъ того же имени; монастырю св. Никазія—бургъ св. Сикста (³). Всѣ они находились въ такомъ же отношеніи къ архіепископамъ, какъ и монастырь св. Реми. Но, не облада такимъ богатствомъ, какъ этотъ послѣдній, они не отличались такими смѣлыми притязаніями и находились въ болѣешемъ повиновеніи у архіепископа. Монастырскія общины часто ссорились между собою; поводовъ къ столкновенію было чрезвычайно много. Случалось, что въ какомъ нибудь приходѣ—жители подчинялись юрисдикціи одного аббатства, а приходская церковь съ кивромъ зависѣла отъ другаго. Аббатство, пользовавшееся духовною властію въ приходѣ, старалось присвоить себѣ и свѣтскую. Замѣчательно, что жители Реймса пользовались этими раздорами; они переселялись цѣлыми семействами на земли того аббатства, которое давало больше гарантій для личной свободы и вообще относилось лучше въ своимъ подданнымъ. Богатое аббатство св. Реми меньше имѣло поводовъ къ вымогательствамъ всякаго рода, къ которымъ прибѣгали другія. Оттого жители его бурга часто силой противились другимъ монастырямъ, когда эти послѣдніе въ отношеніи ихъ заявляли какія нибудь притязанія (⁴). Въ самомъ Реймсѣ, кромѣ архіепископа и капитула, большими правами пользовались архидіаконы. Кромѣ духовной юрисдикціи, которую они раздѣляли съ самими архіепископами, архидіаконы пользовались и нѣкоторыми правами свѣтской юрисдикціи, особенно въ отношеніи цеховъ. Долгое время они утверждали цеховыя статуты рѣшали споры между цехами (⁵). Вообще цеховая юрисдикція отличалась большою запутанностью: одни изъ цеховъ находились въ при-

(¹) *Ibidem.* p. 790. Докум. 1250 г.

(²) *Arch. adm. de Reims t. 1. 2. p. 795.* Докум. 1260 г.

(³) Подробный перечень всѣхъ религіозныхъ братствъ въ Реймсѣ см. *Arch. adm. t. 1. 1. p. 13.* Притѣчаніе.

(⁴) *Arch. adm. de Reims t. 1. 1. p. 263.*

(⁵) *Arch. adm. de Reims t. 1. 2. p. 1071.* Докум. 1292 г.

мой зависимости отъ архіепископа, другіе отъ архидіакона, третьи отъ архіепископскаго викарія (¹).

Значеніе королевской власти въ отношеніи къ Реймсу и его бургамъ до половины XIII в. ограничивалось только правами высшаго феодальнаго суверена въ отношеніи къ архіепископу. Этотъ послѣдній обязанъ былъ въ случаѣ войны посылать королю войско подъ начальствомъ своего викарія или видома (²). Кромѣ этого короли пользовались въ Реймсѣ такъ называемымъ *droit de gîte*,—правомъ получать на счетъ архіепископа содержаніе и угощеніе во время пребыванія въ Реймсѣ. На этомъ правѣ было основано другое, которое требовало огромныхъ расходовъ и въ послѣдствіи послужило поводомъ къ самому тяжелому налогу на жителей Реймса, извѣстному подъ именемъ *frais du sacre*—расходовъ на коронованіе. Эти расходы сначала падали на архіепископа; онъ получалъ только вспоможеніе отъ капитула и отъ наиболѣе богатыхъ жителей Реймса. Но въ послѣдствіи архіепископы успѣли возложить эту тяжелую повинность на коммуну (³).

Въ качествѣ феодальнаго суверена король утверждалъ разныя сдѣлки между сеньорами города, касавшіяся ихъ феодальныхъ владѣній (⁴). Но во внутреннихъ дѣлахъ города и бурговъ королевская власть не имѣла ни малѣйшаго значенія. Первымъ поводомъ къ внимательству послужила коммунальная революція, разразившаяся въ Реймсѣ ооло 1139 года. Время было удобное для образованія коммуны между жителями г. Реймса. Кругомъ,—въ Нуайонѣ, въ Бова, въ Амьенѣ, Суассонѣ, Лаонѣ,—въ первыхъ годахъ XII в. вышло восстаніе противъ феодальной власти. Архіепископская катедра послѣ смерти Райнвальда II въ 1139 году оставалась вакантною. Свѣтскія владѣнія и права свѣтской юрисдикціи находились подъ непосредственною властью Людовика VII. Онъ былъ въ ссорѣ съ папой Иннокентіемъ II, который предалъ его даже отлученію. Поэтому Людовикъ не торопился выборомъ новаго архіепископа. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ и по примѣру ближайшихъ городовъ, жители Рейм-

(¹) Arch. législ. de Reims 2-e partie. Statuts, t. 1. 330.

(²) Arch. admin. de Reims t. 1.1. p. 55. Примѣчаніе.

(³) Arch. admin. t. 1.1. p. 384. Докум. 1180 г.

(⁴) Ibidem p. 426. Докум. 1196 г.

са ввели у себя коммунальное устройство под именем *сопрагниэ*. Въ основаніе была принята хартія Лаона. Документы Реймса не сообщаютъ никакихъ подробностейъ относительно новой коммуны. Въ нѣкоторыхъ замѣткахъ, находящихся въ старинныхъ церковныхъ актахъ, говорится, что въ Реймсѣ была учреждена республика ⁽¹⁾. Такъ духовныя лица того времени называли независимую городскую общину, пользовавшуюся внутреннимъ самоуправленіемъ. Какъ бы то ни было, только въ 1139 году коммуна получила королевское утвержденіе. Вотъ что писалъ Людовикъ VII къ мэру и къ Реймской коммунѣ: „Снисходя на ваши смиренныя мольбы, мы дали вамъ коммуну, по образу коммуны Лаонской (*communiam vobis indulimus ad modum comuniae Laudunensis*), не нарушая впрочемъ правъ и обычаевъ архіепископской власти и всѣхъ церквей Реймскихъ (*salvo tamen jure et consuetudinibus Archiepiscopatus et omnium ecclesiarum Remis*). Мы такъ поступили изъ чистаго и простаго намѣренія (*pro pura et simplici intentione*), чтобы вамъ была выгода, но чтобы отъ вашей выгоды, ни церквамъ, ни намъ самимъ, не произошло какого-либо вреда или безчестія (*ex vestro autem commodo nec ecclesiis, nec nobis ipsis damnum aliquod aut de honestas veniret*)“. Въ этой грамматѣ заключается одно изъ тѣхъ противорѣчій, какия часто допускала королевская власть XII вѣка. Изъ этой граммати мы видимъ, что Реймская коммуна имѣла уже коммунальную магистратуру, во главѣ которой стоялъ мэръ. Ограниченіе, высказанное съ такой неточностью и видимымъ противорѣчіемъ въ грамматѣ Людовика, не могло остановить дальнѣйшаго движенія коммунальной революціи противъ феодальныхъ правъ сеньюровъ Реймса. Энтузіазмъ, подвигавшій знамя свободы въ Реймсѣ, распространился и на окрестности города, въ тѣхъ монастырскихъ бургахъ, о которыхъ мы уже говорили, а также и въ нѣкоторыхъ сельскихъ приходахъ. Крѣпостное, полурабское населеніе ихъ обнаружило стремленіе войти въ составъ Реймской коммуны. Жители города благопріятствовали этому стремленію. Городское начальство начало уже пользоваться правами юрисдикціи не только въ городѣ, но и

(1) Mart. Metr. Remen. Hist. t. II. p. 327.

(2) Arch. adm. de Reims t. I. I. p. 297—299. Докум. 1139 г.

надъ монастырскими и церковными людьми. Въ важныхъ случаяхъ созывалось народное собраніе. Такъ какъ Реймская коммуна не имѣла ни городской башни съ вѣчевымъ колоколомъ, ни общественнаго дома, то собраніе происходило въ церкви Св. Симфоріана, по звуку ея колоколовъ. Коммуна имѣла демагоговъ Обри и Симова, которые разжигали народныя страсти. Съ ними былъ одинъ изложенный священникъ, который въ праздникъ всѣхъ Святыхъ совершалъ для коммуны богослуженіе. Клиръ г. Реймса сочелъ это святотатствомъ и профанаціей святыни. Церковь Симфоріана, гдѣ происходило собраніе и было отправляемо богослуженіе, была снова освящена. Въ послѣдствіи запрещено было собираться въ церковь и употреблять колокола церковныя съ другою цѣлью, кромѣ богослуженія. Эти волненія встревожили бѣлое и черное духовенство. Оно обратилось съ жалобой къ королю, который въ томъ же 1139 году писалъ Реймской коммуны: „Намъ чрезвычайно присвободно слушать о поступкахъ вашихъ: вы дѣлаете то, чего ни одна коммуна не осмѣливается дѣлать. Во всѣхъ отношеніяхъ вы превысили права Лаонской коммуны. Мы крѣпко запретили вамъ принимать въ вашу общину вѣшнія селенія (*villas extrinsecas*), а вы это дѣлаете съ полной увѣренностью и смѣлостью (*hoc confidenter et secure facitis*). Обычныя доходы церкви вы собираете властью коммуны, или запрещаете платить кому слѣдуетъ. Вы или совсемъ отнимаете, или значительно уменьшаете права, привилегіи и юрисдикцію Реймскихъ церквей, особенно церкви Св. Маріи, которая теперь находится подъ покровительствомъ нашимъ и не имѣетъ другаго защитника, кромѣ насъ. Кромѣ того вы заставляете платить въ пользу коммуны лицъ находящихся въ услуженіи у канониковъ (*franci servientis*); нѣкоторыхъ изъ нихъ вы захватили и держите въ заключеніи; другіе изъ страха не смѣютъ выходить изъ церкви. Вслѣдствіе такихъ незаконныхъ поступковъ вашихъ мы снова увѣщаемъ васъ и повелеваемъ оставить ихъ въ покоѣ, возвратить отнятое и ненарушимо соблюдать юрисдикцію, права и вольности церквей и канониковъ“ (1).

(1) Arch. admin. de Reims t. 4.4. p. 303. Докум. 1140 г.—Recueil des Ordonnances des rois de France. t. XI, p. 184.

Клерикальная партія нашла себѣ ревностнаго защитника въ лицѣ св. Бернара, — основателя и перваго аббата Клервосскаго монастыря. Св. Бернаръ пользовался огромнымъ значеніемъ; его голосу повиновались короли и папы; его пламенное краснорѣчіе возбуждало энтузіазмъ и вызвало новый крестовый походъ. Ему предлагали архіепископскую кафедру въ Реймсѣ; но настоянію молодаго короля онъ уже выбранъ былъ на этотъ великій постъ. Отъ него надѣялись умиротворенія дѣлъ церковныхъ; въ немъ думали найти могучаго борца противъ новаго духа, выразившагося въ коммунальномъ движеніи и направленнаго противъ феодальныхъ правъ духовенства. Св. Бернаръ отказался отъ этой чести. Онъ предпочиталъ изъ глубины монастырской кельи властвовать надъ королями и папами, чѣмъ на архіепископской кафедрѣ бороться съ строптивымъ духомъ коммуны, съ мірскими склонностями благаго духовенства и стремленіемъ къ автономіи монастырскихъ общинъ ('). Св. Бернаръ былъ глубоко пораженъ событіями, совершившимися въ Реймсѣ; его сердце страдало отъ оскорбленій, нанесенныхъ коммуной епископскому престолу и св. Церкамъ. И вотъ онъ начинаетъ писать, то къ королю, то къ папѣ, умоляя ихъ подать руку помощи Церкви Божіей. Глубокою скорбію и пламеннымъ краснорѣчіемъ проникнуты эти письма. Они прекрасно знакомятъ насъ съ характеромъ возрѣній и самаго Бернара и той партіи, органомъ которой онъ является. Вотъ что писалъ онъ къ Иннокентію II по поводу событій въ Реймсѣ: — „Волюбленному отцу и господину Иннокентію первосвященнику — ничтожный братъ Бернаръ Клервосскій, называемый аббатомъ.

— „Церковь Реймская погибаетъ; славный градъ преданъ поруганію. Она вымаетъ ко всякому мимоходящему путемъ, „яко нѣтъ болѣзнь, яко болѣзнь ея“. Виѣ ея война, внутри страхъ, но и внутри война; потому что собственныя ея дѣти подвалили руку противъ своей матери и нѣтъ у нея отца, который бы освободилъ ее. Ея единственная надежда на Инновентіа, который отрѣтъ слезы съ ея ланитъ. Но доволъ, Господинъ нашъ, ты будешь медлить и не прострешь надъ ней щита своего покровительства? Доволъ она будетъ попи-

(') Arch. admin. de Reims t. 1.1. p. 302. Докум. 1139 г.

раема ногами и не найдетъ никого, кто бы поднялъ ее? Пусть теперь король смирился, гнѣвъ его противъ тебя утихъ. Что же остается, какъ не поддержать твоей апостольской десницей опечаленную и подать ей врачеванье для исцѣленія ранъ? Нужно подумать объ избраніи новаго архіепископа, чтобы наглость народа Реймса не похитила и того немногаго, что еще остается. Если избраніе будетъ совершенно съ обычной церемоніей, то мнѣ кажется, что во всемъ прочемъ Господь дастъ намъ успѣхъ и свое благословеніе" (1).

Увѣщанія Бернара подѣйствовали: римская курія встревожилась успѣхами коммунальнаго движенія, которое, распространилась съ изумительной быстротой, грозило подорвать свѣтскую власть духовенства. Иннокентій писалъ къ Людовику VII, просилъ уничтожить коммуну Реймса и строго наказать гражданъ за возмущеніе. Тономъ горькаго упрека говорить папа объ утвержденіи Реймской коммуны. „Не подобаетъ королю подъ вліяніемъ гнѣва произносить не позволительныхъ словъ или клятвы (*illicita verba seu iuramenta proferere*), но всегда слѣдуетъ зрѣло и основательно извѣшивать свои дѣла и поступки и предвидѣть исходъ дѣла (*geritur exitum praevidere*)... Нашей апостольской грамматой увѣщаемъ тебя и во отпущеніе грѣховъ твоихъ повелѣваемъ расплатить эти беззаконія Реймсаго собора, которыя называются *Comptagnies*, церковь и городъ привести въ то состояніе, въ которомъ они были при покойномъ отцѣ твоёмъ и архіепископѣ Рейнальдѣ, и возвратитъ всё убытки, понесенные церковію и клириками" (2). Въ томъ же письмѣ папа приказываетъ приступить немедленно къ избранію Реймсаго архіепископа.

Наконецъ въ 1170 г. новый архіепископъ Сансонъ Мальвуазенъ былъ избранъ и посвященъ. Но возненія при немъ не успокоились. Черезъ семь лѣтъ послѣ его утвержденія вспыхнуло возстаніе въ бургѣ Сентъ-Реми. Монастырскіе подданные не въ силахъ были ввести коммунальное устройство, какимъ пользовались жители Реймса. Поэтому они хотѣли составить одну коммуну съ городомъ. Подстрекаемые народной партіей Реймса, они прогнали монастырскихъ чиновни-

(1) *Epist. S. Bernardi, apud Script. rer. gallic. et francic. t. XV, p. 394.*

(2) *Arch. admin. de Reims . 1.1. p. 301. Докум. 1139 г.*

ковъ и направились въ Реймсъ. Реймскіе жители ихъ сторонники тоже вооружились. Всѣ направились къ архіепископскому дворцу выразить предъ самимъ архіепископомъ свое желаніе о присоединеніи бурга къ коммунѣ и получить его согласіе, а въ случаѣ отказа принудить силой. Напрасно архіепископъ изъ окопъ своего дворца увѣщевалъ мяжниковъ и умолялъ оставить свои замыслы. Смѣлость толпы увеличивалась: она бросилась на дома сторонниковъ архіепископа, разграбила ихъ; нѣкоторые разрушила до основанія; при чемъ было навесено оскорбленіе сановникамъ архіепископа. Самъ архіепископъ заперся въ дворецѣ и не смѣлъ показываться въ народѣ. Онъ просилъ помощи у аббата Сугерія, который былъ регентомъ королевства, по случаю отъѣзда короля въ св. землю. Епископъ Суассонскій Жоссединъ и самъ св. Бернаръ явились посредниками между архіепископомъ и народной партіей. Сугерій отправилъ войско для усмиренія непокорныхъ. Жители бурга должны были смириться; имъ не удалось осуществить своихъ замысловъ относительно присоединенія къ Реймской коммунѣ. Борьба Реймса съ архіепископомъ продолжалась до самой смерти Саясона Мальвуазена. Онъ не хотѣлъ признавать за Реймсомъ правъ коммуны; но отличаясь слабостью характера, былъ принужденъ иногда смотрѣть съвою палецъ на нарушеніе своихъ правъ. Не таковъ былъ преемникъ его Генрихъ Французскій, братъ короля. Будучи епископомъ въ Бовэ, онъ имѣлъ уже случай заявить свою ненависть противъ коммуны этого города. При помощи своего брата онъ ограничилъ судебныя права городского совѣта. Засѣдатели г. Бовэ, въ силу королевской грамоты, могли отправлять юрисдикцію только въ случаѣ отказа въ правосудіи со стороны епископа (¹). Въ такое же отношеніе къ себѣ архіепископъ Генрихъ хотѣлъ поставить и Реймскую коммуну. Началась цѣлая система стѣсненій для городской свободы. Жители Реймса обратились къ архіепископу съ просьбой позволить имъ жить по тѣмъ законамъ, которыми городъ пользовался непрерывно со времени св. Реми, апостола франковъ (²). Они предложили архіепископу

(¹) Этотъ случай на юридическомъ языкѣ того времени назывался *déni justice*. Recueil des ordon. X. p. 498.

(²) Arch. admin. de Reims t. 1.1. p. 347. Дозум, 1467 г.

2000 ливровъ, если онъ оставитъ ихъ въ покоѣ. Генрихъ и слышать не хотѣлъ ни о какихъ сдѣлкахъ. Онъ хотѣлъ наложить на городъ новое неслышанное и невыносимое рабство (*novas quasdam indebitas et intolerabiles servitutes volebat imponere*)⁽¹⁾. Притязанія архіепископа возбудили жеудовольствіе даже въ клирѣ и въ нѣкоторыхъ феодалахъ, жившихъ въ городѣ. Составился заговоръ съ дѣлюю противодѣянствія архіепископу. Вспыхнуло возстаніе; горожане овладѣли нѣкоторыми укрѣпленными домами и выгнали изъ города приверженцевъ архіепископской партіи. Генрихъ обратился за помощью къ брату. Лидовицъ не одобрялъ неумѣренныхъ притязаній Генриха; онъ думалъ какъ нибудь помирить его съ жителями Реймса; но гордый прелатъ не соглашался ни на какія предложенія. Онъ требовалъ, чтобы король сокрушилъ городъ (*ut in brachio ejus contereret civitatem*)⁽²⁾. Король съ печалью въ сердцѣ принужденъ былъ уступить настояніямъ брата (*dolebat sed tamen fratris satis faciens voluntati*). Онъ явился въ Реймсъ съ отрядомъ войска, — разрушилъ до 60 домовъ, принадлежавшихъ главнымъ заговорщикамъ и потомъ удалился⁽³⁾. Множество гражданъ бѣжало изъ Реймса въ окрестные лѣса. Воротившись, они увидѣли дома разрушенными и имѣніе разграбленнымъ. Снова и еще сильнѣе прежняго загорѣлась ихъ ненависть къ Генриху; въ отищеніе они разрушили нѣсколько домовъ, принадлежавшихъ лицамъ архіепископской партіи. Самъ архіепископъ принужденъ былъ запереться въ своемъ неприступномъ замкѣ—радомѣ съ дворцомъ.

На этотъ разъ Генрихъ обратился уже не къ брату, дѣйствія котораго казались ему мягкими. Онъ просилъ графа Фландрскаго съ войскомъ явиться въ Реймсъ для подавленія возстанія. Графъ прибылъ съ шеститысячнымъ отрядомъ. Жители, видя невозможность сопротивляться военнымъ силамъ архіепископа и графа, удалились изъ города, но напередъ уничтожили всѣ жизненные припасы. Графскому войску нечего было ѣсть; рыцари, опасаясь умереть съ голоду, черезъ сутки оставили городъ. Напрасно архіепископъ умолялъ ихъ, льстилъ имъ, давалъ разныя обѣщанія: ничто

(1) Ibidem. p. 347.

(2) Arch. adm. de Reims t. 1.1. p. 347. Докум. 1167 г.

(3) Arch. adm. de Reims t. 1.1. p. 348. Докум. 1167 г.

не помогло: голодные фламандцы слѣшили оставить пустой городъ. Народная партія торжествовала. Архіепископъ принужденъ былъ вступить съ членами коммуны въ переговоры, которые отъ его имени велъ другой братъ его; Робертъ де Дре. Прежде Генрихъ клался казнить главныхъ зачинщиковъ, примѣрно наказать другихъ и взять съ нихъ такой штрафъ, какой ему только вздумается. А теперь онъ долженъ былъ заключить миръ съ коммуной на выгодныхъ для нея условіяхъ, обѣщался уважать ея права и удовольствовался только 450 ливрами. Нужно читать документы того времени, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе на тогдашнее общество производили подобныя смуты (¹). Вскорѣ послѣ возстанія въ Реймсѣ одинъ епископъ писалъ въ другому письмо. По всему видно, что онъ былъ сильно напуганъ событіями, совершившимися въ Реймсѣ. У страха глаза велики и почтенный прелатъ смотрѣлъ на возмущеніе коммуны глазами страха. Столкновеніе между архіепископомъ и гражданами онъ называетъ столкновеніемъ царствъ, великимъ колебаніемъ земли и т. п. (*regnum collisio et terrae motus magni*). Въ такое бурное время онъ боялся писать въ своему собрату и ждалъ болѣе удобныхъ обстоятельствъ. (*commodiora scribendi tempora exspectabat*). Онъ говоритъ, что вся Реймская провинція до того взволнована возстаніемъ Реймскихъ гражданъ, что не безопасно было выходить изъ его городка и онъ боялся что его письмо не дойдетъ по назначенію. Притязанія архіепископа Реймскаго епископъ не сочувствуетъ, но негодованіе его главнымъ образомъ выражается противъ мира, заключеннаго Генрихомъ съ коммуной. Онъ говоритъ, что архіепископъ повесъ убытку отъ свеволія гражданъ вчетверо больше полученнаго имъ вознагражденія. Поэтому миръ Генриха съ коммуной онъ называетъ убыточнымъ и безчестнымъ (*per damnosam et ignominiosam*). Заключительныя слова письма объясняютъ нерасположеніе автора въ Генриху. Онъ деспотично обращался съ духовенствомъ Реймса и подчиненными ему епископами (*adhuc cum clero exercet inimicitias et se juri offerentes vexat ecclesias*) (²).

(¹) Arch. admin. de Reims t. 4. 1. p. 348. Д. кум. 1167 года

(²) Epist. Joannis Saresb. ad Joan. Episc. Pictav. Arch. admin de Reims, p. 347. Докум. 1167 года.

Преемникомъ Генриха французскаго на архіепископской кафедрѣ въ Реймсѣ былъ Вильгельмъ Шампанскій. Онъ былъ миролюбивѣе своего предшественника и желалъ кончить раздоры съ Реймской муниципіей. Вильгельмъ старался по возможности согласить свои феодальныя права съ коммунальными стремленіями буржуазіи, поставить границы между юрисдикціей городского совѣта и своимъ свѣтскимъ судомъ, отиѣрить наѣзственную область коммунальной самоуправности, дальше которой она не должна простираться своихъ притязаній. Вслѣдствіе этихъ стремленій и по взаимному соглашенію съ представителями Реймской коммуны была составлена знаменитая въ исторіи г. Реймса хартія Вильгельма Шампанскаго. До сихъ поръ съ обѣихъ сторонъ притязанія были неумѣренны. Буржуазія желала полной муниципальной автономіи, по образцу свѣрныхъ комунъ. Идеаломъ стремленій Реймской коммуны была Лаонская хартія, по полнотѣ муниципальных гарантій составлявшая наилучшій типъ свѣрнаго коммунальнаго строя. Но подобное муниципальное устройство, съ народнымъ собраніемъ, съ выборной магистратурой, съ строго организованной системой управленія, съ правомъ жизни и смерти для членовъ коммуны, съ правомъ войны и мира для ея враговъ, оставалось только идеаломъ Реймской городской общины. Въ прямыхъ документахъ мы не встрѣтили никакихъ указаній, чтобы г. Реймсъ когда нибудь,—со времени перваго возникновенія вѣтвеннаго союза для взаимной защиты въ 1139 г. до вступленія на архіепископскій престолъ Вильгельма Шампанскаго,—прочнымъ образомъ пользовался подобной автономіей. Только въ минуты высшаго волненія народныхъ страстей, когда архіепископскіе чиновники бѣжали изъ города, а самъ архіепископъ запирался въ своемъ неприступномъ замкѣ, народная толпа могла дѣлать, что хотѣла. Но подобная автономія отличалась революціоннымъ характеромъ и не представляла прочныхъ гарантій для будущаго времени. Жители Реймса грабили и разоряли дома феодаловъ и канониковъ, сажали подъ арестъ и били архіепископскихъ чиновниковъ и сержантовъ капитула. Но по просьбѣ раздраженнаго прелата являлось войско короля или могущественнаго барона: въ паническомъ страхѣ революціонеры бѣгутъ изъ города; начинаются грабежи и разоренія ихъ собственныхъ домовъ, ихъ собственные аресты и истязанія.

Время отъ одного возстанія до другаго проходить въ мелкой борьбѣ раздраженнаго сеньора съ неменѣе раздраженной общиной. Утомленные этой бесплодной борьбой, жители Реймса должны были желать установленія болѣе прочныхъ отношеній своихъ правъ къ феодальнымъ правамъ архіепископа. Они соглашались оставить свои мечты о полномъ коммунальномъ строѣ, о полной независимости городского самоуправленія, лишь бы мирно пользоваться хотя нѣкоторыми прочными гарантіями городской свободы отъ самовласти архіепископа. Хартія Вильгельма Шампанскаго отвѣчала этому обоюдному желанію взаимнаго мира и болѣе прочныхъ отношеній между враждебными сторонами. Хартія Вильгельма послужила основаніемъ муниципальнаго устройства въ Реймсѣ. При дальнѣйшихъ столкновеніяхъ архіепископовъ съ коммуной, каждая изъ сторонъ ссылалась на эту хартію. Каждое выраженіе, каждое ея слово служило въ послѣдствіи темой самыхъ жаркихъ споровъ, парламентскихъ дебатовъ и комментариевъ. Поэтому мы должны представить самыя замѣчательныя мѣста этой хартіи, преимущественно касающіяся устройства городского совѣта, отношеній его въ архіепископской власти и границъ феодальной и городской юрисдикціи; такъ какъ главнымъ образомъ этихъ именно пунктовъ касались дальнѣйшія споры архіепископа съ коммуной.

— „Вильгельмъ, Божією милостію архіепископъ Реймскій, кардиналъ св. Римской Церкви, легатъ апостольскаго престола, возлюбленнымъ и вѣрнымъ сынамъ своимъ, всѣмъ Реймскимъ людемъ, поселеннымъ на архіепископской землѣ (in banno Archiepiscopi constitutis).

— „Какъ земные владыки, храня права и свободу своихъ подданныхъ, могутъ снискать себѣ любовь отъ Бога и ближнихъ; совершенно также, нарушая и измѣняя стародавнія привилегіи народа, они могутъ заслужить гнѣвъ Всевышняго, потерять любовь народа, а душу свою обременить вѣчною тяжестью. Вслѣдствіе такихъ соображеній и принимая во вниманіе повинновеніе и преданность, которую вы, любезные сыновья и наши вѣрные граждане, до сихъ поръ охотно намъ оказывали, мы сочли нужнымъ силой нашей власти возстановить и на вѣчныя времена подтвердить вамъ и потомкамъ вашимъ законы и обычаи, съ древнихъ временъ вамъ дарованные, но вслѣдствіе смѣны владыкъ (ша-

tatione dominorum) иногда худо соблюдаемые (aliquando minus servatas).

—, Итакъ мы желаемъ, чтобы городскіе засѣдатели (scabini, chevins) были возвращены городу: они выбираются по общему согласію всѣхъ жителей. Выборъ въ числѣ двѣнадцати долженъ производиться ежегодно въ страстную пятницу изъ людей нашей территоріи (bannalibus nostris); послѣ чего они представляются къ намъ и приносятъ присягу, что будутъ судить праведнымъ судомъ и вѣрно хранить наши права (et quantum ad ipsos pertinuerit jus nostrum fideliter servabunt). Если выбранный въ засѣдателя не захочетъ принять этой должности, то мы принудимъ его собственной нашей властью, особенно если онъ обладаетъ достаточными матеріальными силами. Но если жители города при избраніи засѣдателей не будутъ между собой согласны, то мы сами имѣемъ право назначить засѣдателей, соображаясь съ пользою города и нашей собственной. Если городскіе засѣдатели, или двое, или нѣсколько изъ нихъ, произнесутъ какое-либо сужденіе, которое покажется недостаточно разумнымъ (quod non satis rationabile videatur), и если они потомъ признаютъ свою ошибку, то должны исправить ее безъ ущерба для своего имущества (т. е. безъ штрафа или конфискаціи и т. п.). Но если они будутъ упорствовать, а обиженный поведетъ дѣло судебнымъ порядкомъ и они будутъ уличены въ фальшивомъ постановленіи приговора, то должны будутъ дать удовлетвореніе, на основаніи постановленія суда нашей юрисдикціи (illud per iudicium curiae nostrae nobis emendabunt). Если гражданинъ, живущій на нашей землѣ, будетъ привлеченъ къ суду по какому нибудь дѣлу и если онъ не будетъ уклоняться отъ процесса, то ни самъ онъ, ни имущество его не подлежатъ аресту; домъ его не подвергается разрушенію; но онъ обязанъ представить, если можетъ, поручителей въ исполненіи судебного приговора, а если этого сдѣлать не въ состояніи, то по крайней мѣрѣ лично обязаться явкой къ суду засѣдателей и въ обезпеченіе представить имущество, домъ или другую наследственную собственность, которой онъ владѣетъ въ Реймсѣ. Но если обвиняемый не имѣетъ собственности, то непременно долженъ представить поручителей. Но если онъ и поручителя представить не можетъ, то долженъ быть подвергнутъ аресту до тѣхъ поръ, пока не будетъ произнесенъ и исполненъ надъ нимъ судебный

приговоръ. Если кто изъ обитателей нашей земли въ Реймсѣ совершитъ воровство (*furtum*), убійство (*murdrum*), или измѣну, и преступленіе это будетъ явно, то самъ онъ и имущество его должны быть въ нашей власти. Но если преступленіе подлежитъ сомнѣнію и обвиняемый будетъ настаивать на судебномъ процессѣ, то долженъ представить поручителей. Въ этомъ случаѣ неясности и неочевидности преступленія житель Реймса нашего участка подлежитъ суду городскихъ засѣдателей и подвергается заключенію только въ томъ случаѣ, если не въ состояніи представить за себя поручителей“.

Остальные постановленія хартіи Вильгельма Шампанскаго касаются нѣкоторыхъ правъ архіепископа на торговлю и промысловыя пошлины; тутъ же опредѣляется срокъ прескрипціи или давности владѣнія (*prescriptio*), послѣ котораго прежній владѣлецъ липался права на свою собственность. Срокъ этотъ, (какъ и въ Амьенскихъ кутюмахъ, опредѣляется въ 7 лѣтъ. Хартія заканчивается такъ: „Чтобы относительно всего вышесказаннаго впоследствии не могло возникнуть спора, но чтобы всѣ эти постановленія и на будущее время оставались твердыми и ненарушимыми, мы утверждаемъ ихъ для васъ и потомковъ вашихъ настоящимъ нашимъ актомъ и приложеніемъ печати. Мы постановляемъ и подъ страхомъ отлученія запрещаемъ, чтобы никто никогда не осмѣливался дѣйствовать вопреки этой хартіи“⁽¹⁾.

Всматриваясь ближе въ содержаніе хартіи Вильгельма Шампанскаго, нельзя не обратить вниманія на ея неполноту, неясность и неопредѣленность. Ни слова не говорится о правахъ коммуны, какъ общества гражданъ тѣсно связанныхъ одной общей цѣлью, общества пользующагося извѣстными правами предъ своимъ сеньоромъ. Самое слово коммуна, ненавистное для архіепископовъ Реймскихъ—ни разу не упомянуто. Архіепископъ говоритъ только о жителяхъ „нашей территоріи“ и въ этомъ родѣ. Отсюда возникло впоследствии множество процессовъ, слѣдуетъ ли г. Реймсъ считать коммуной, или нѣтъ. Самое понятіе „коммуны,“ идея правъ городской общины, пользующейся коммунальнымъ устройствомъ, въ то время оставалась еще не выработанною. Да и

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims. t. 4. 1. p. 391—395. Докум. 1182 г.

не могло быть иначе, потому что коммуна в XII в. только еще переживала первый процесс своего развитія. Коммунальный строй слагался путемъ историческимъ; полное свое развитіе онъ получилъ уже въ слѣдующимъ вѣкѣ; тогда только, благодаря легистамъ, могли выработаться опредѣленные понятія о правахъ коммуны. Но была еще другая причина, почему архіепископъ Вильгельмъ не хотѣлъ дать Реймской городской общинѣ этого имени. Въ его время подъ словомъ коммуна понималось что-то ненавистное, незаконное, нѣчто въ родѣ анархіи. Въ стремленіи гражданъ получить коммунальную организацію клерикалы видѣли желаніе выйти изъ повиновенія законамъ Божескимъ и человѣческимъ, которые установлены вѣковыми преданіемъ и находятъ для себя оправданіе въ самомъ св. Писаніи. Акты, вышедшіе отъ лицъ этой партіи, проникнуты этимъ возрѣніемъ. Такъ понималъ коммуны и Вильгельмъ Шампанскій; оттого мы и не встрѣчаемъ въ его хартіи этого ненавистнаго для него термина. Нѣсколько словъ говорится о правѣ города имѣть свою выборную магистратуру; но и тутъ чрезвычайно много неопредѣленнаго, недосказаннаго. Зачѣмъ выбранные засѣдатели обязаны являться къ архіепископу? Имѣетъ ли онъ право отмигнуть городскія выборы, или обязанъ дать свое утвержденіе тому, кого выбрали граждане? Объ отношеніи городского совѣта къ архіепископской власти въ хартіи Вильгельма только одинъ неясный намекъ: засѣдатели, въ случаѣ жалобы на неправильный судъ должны дать удовлетвореніе по суду архіепископа. Кому они должны дать удовлетвореніе? истцу или самому архіепископу?—неизвѣстно; сами ли лично, по дѣламъ службы, городскіе засѣдатели подлежатъ суду архіепископа или только устанавливается апелляція къ архіепископскому суду на неправильныя рѣшенія городскихъ засѣдателей? Другой весьма важный вопросъ,—о подсудности жителей города юрисдикціи архіепископа и городского совѣта,—рѣшенъ весьма неопредѣленно. Архіепископъ удерживалъ за собой, по примѣру королевскихъ судовъ, три случая: грабежъ, убійство и измѣну. Эти преступленія подлежатъ его суду только тогда когда они явны, очевидны (*manifestum facinus*.) Какое преступленіе слѣдуетъ считать явнымъ и поэтому не требующимъ формальнаго уголовного процесса? Вся эта неопредѣленность происходила отъ невыработанности юридическихъ понятій въ XII в.

Напрасно думалъ архіепископъ Вильгельмъ, что Реймская коммуна удовольствуется тѣми незначительными гарантіями, которыя онъ предоставилъ ей своей хартіей. Стремленіе добиться полныхъ коммунальныхъ правъ долго не умирало въ жителяхъ Реймса. Неопредѣленность хартіи давала имъ постоянный поводъ требовать большихъ гарантій. Выраженія хартіи можно было толковать такъ или иначе. Каждая изъ сторонъ, и коммуна и архіепископъ, толковали ихъ по своему; отсюда постоянный поводъ къ столкновеніямъ. Борьбѣ гражданъ благопріятствовало раздѣленіе въ непріятельскомъ лагерѣ. Архіепископъ Реймскій былъ первымъ лицомъ въ Реймской Церкви, но онъ не былъ единственнымъ и полнымъ властелиномъ. Власть его была ограничена капитуломъ блага духовенства соборной Реймской церкви. Отношенія между архіепископами и капитуломъ въ XII в. отличались большей неопредѣленностью, какъ и всѣ церковныя и гражданскія отношенія этого времени. Отсюда происходили постоянные споры, которые доходили до апостольскаго престола. Не въ лучшемъ ладу находился капитулъ и съ городскими властями. Онъ ревниво охранялъ права своей свѣтской юрисдикціи въ городѣ. Съ той и другой стороны было стремленіе къ расширенію правъ на счетъ другаго. Въ поводахъ къ столкновеніямъ не было недостатка. Подсудность въ то время опредѣлялась не только личностью виновнаго, но и характеромъ вины, мѣстомъ и временемъ, гдѣ и когда было совершено преступленіе.

Исторія г. Реймса за это время представляетъ постоянные споры, то между городской и церковной юрисдикціей, то между самими церковными властями. Но архіепископъ и капитулъ, расходясь между собою во многомъ, сходились въ одномъ, — въ ненависти къ коммунѣ и нежеланіи допустить расширенія ея правъ, чего такъ сильно добивались жители Реймса. Между ними не умирала идея клятвеннаго союза на общую борьбу съ феодальными правами церкви. Въ концѣ XII в. въ Реймсѣ было сильное броженіе, которое заставило опасаться повторенія сценъ, бывшихъ при архіепископахъ Сансонѣ и Генрихѣ Французскомъ. Тотъ же самый Вильгельмъ Шампанскій, хартія котораго установила нѣкоторыя гарантіи для городской свободы, чрезъ 16 лѣтъ даетъ торжественное обѣщаніе капитулу, безъ его вѣдома и согласія недопускать въ Реймсѣ, ни коммуны, ни братства и вообще никакого общаго клятвен-

наго обязательства (*nec communia, nec alicujus fratreae vinculum, nec commune aliquod juramentum intra predictos cives fieri permittemus praeter prefati capituli convenientiam et consensum*)⁽¹⁾. Эти раздоры и тревоги продолжались до самой смерти Вильгельма Шампанскаго. Въ письмахъ къ друзьямъ онъ жалуется что лучшія его намѣренія не удалось, что онъ утомленъ этими постоянными ссорами съ коммунной и съ капитуломъ. Въ отвѣтъ на одно изъ такихъ писемъ Стефанъ, епископъ г. Турна, утѣшаетъ его шутками: „Въ этомъ мірѣ, пишетъ Стефанъ, три группы. бривуновъ; есть и четвертая, которую не легко заставить молчать. Это коммуна, желающая властвовать, ссорящаяся между собой женщины, стадо свиней и капитулъ, раздираемый несогласіемъ. Мы смѣемъ надъ второй группой; презираемъ третью; но избави насъ Боже отъ первой и четвертой“ (*et primo et quarto libera nos Domine!*)⁽²⁾.

Въ XII в. королевская власть мало вмѣшивалась въ эти внутренніе раздоры архіепископа съ коммунной. Со времени Людовика VII, который сдерживалъ притязанія коммуны в уѣздами и вооруженной рукой, до Филиппа Августа мы не встрѣчаемъ въ документахъ ни одного случая королевскаго вмѣшательства въ дѣла города. Въ началѣ XII в. споры архіепископа съ коммунной касались главнымъ образомъ военнаго управленія городомъ. Трудно было рѣшить, подъ чьей властью находился тогда городъ: городскіе ключи и право назначенія начальниковъ городской стражи принадлежали поочередно то архіепископу, то коммунѣ. Этотъ фактъ показываетъ уже, какъ неопредѣленны были отношенія между городской и архіепископской властью. Хартія Вильгельма ничего не опредѣлила, ничего не разграничила. Въ своихъ спорахъ съ коммунной архіепископъ ссылался на феодальныя права, которыми предшественники его пользовались въ городѣ съ незапамятныхъ временъ. Горожане утверждали, что надворъ за городской безопасностью естественно долженъ принадлежать тому, чьи интересы всего больше могутъ пострадать отъ небрежности въ этомъ отношеніи (*Dictitantes*

⁽¹⁾ Arch. adu. de Reims. t. 1. 1. p. 435. Докум. 1198. года.

⁽²⁾ Anquetil. Hist. de Reims, t. II p. 16 и т. д.

urbium custodiam penes esse eos debere, quorum maxime interesset) (1).

Наконецъ архіепископъ Обри де Го-Вилле (Aubry-de Haut-Villiers) принужденъ былъ обратиться съ жалобой на жителей города къ Филиппу Августу. Король въ своей грамматѣ приказываетъ жителямъ возвратить городскіе ключи архіепископу, повиноваться его распоряженіямъ (bans) и безъ позволенія архіепископа не принимать въ городъ лицъ, подвергнутыхъ изгнанію по приговору архіепископскаго суда. Филиппъ считаетъ нужнымъ при этомъ напомнить и о своихъ собственныхъ правахъ, какъ феодальнаго суверена, въ отношеніи къ архіепископу. „Мы не можемъ отказать ему въ нашей помощи и не гарантировать ему тѣхъ владѣній, которыя онъ держитъ отъ насъ“ (2). Филиппъ находилъ въ хорошихъ отношеніяхъ къ архіепископу и духовенству Реймскому. Въ 1209 году, по случаю военного времени, архіепископъ, отъ лица всей коммуны Реймской, общалъ принять короля въ городъ и защищать въ случаѣ опасности; кромѣ того онъ предлагалъ 4 т. ливровъ на исправленіе городскихъ укрѣпленій (3). Король требовалъ денегъ на военные расходы и отъ коммуны и отъ аббатства св. Реми (4). Онъ нуждался въ помощи духовенства и поэтому старался сохранить съ нимъ хорошія отношенія. Въ одной грамматѣ, принимая Реймскую церковь и церковное имущество подъ свое особенное покровительство, онъ говоритъ, что всякое нарушеніе правъ Церкви, онъ будетъ считать нарушеніемъ своихъ собственныхъ правъ (Si Ecclesiae fuerit in aliquo foris factura, ac si nobis ipsis foris factum fuisset) (5).

Въ 1212 г. архіепископъ снова жаловался на жителей города, что они отказываются исполнять его приказанія и требуютъ, чтобы всѣ его распоряженія напередъ были утверждаемы городскимъ совѣтомъ. Архіепископъ увѣрялъ короля, что притязанія коммуны наносятъ вредъ его собственной власти; потому что они уменьшаютъ права и доходы одного изъ

(1) Marl. Hist. Metr. Remensis, t. 11, p. 478.

(2) Arch. adm. de Reims., t. 1. 2. p. 480—481. Докум. 1211 г.

(3) Ibid. t. 1. 2. p. 476. Докум. 1209 года.

(4) Arch. adm. de Reims. t. 1. 2. p. 463. Документъ 1207 года, р. 465—1208 года.

(5) Ibidem. p. 448. Докум. 1209 года.

большихъ коронныхъ леновъ. Въ послѣдствіи архіепископы постоянно ссылаются на солидарность своихъ феодальныхъ правъ съ королевской прерогативой. Граммата Филиппа къ Реймской коммунѣ отличается строгимъ тономъ. Онъ приказываетъ исполнять предписанія архіепископской власти безъ всякаго утвержденія ихъ со стороны муниципальныхъ властей. Если бы коммуна нашла, что распоряженія архіепископа неразумны, то должна смиренно просить его, какъ своего господина, исправить что слѣдуетъ. Если не смотря на это онъ останется непреклоннымъ, то коммуна должна жаловаться королю. „Охотно, говорить Филиппъ, мы дадимъ вамъ совѣтъ, какой найдемъ наилучшимъ“. Этимъ общаніемъ Филиппъ представлялъ себѣ право вмѣшиваться во внутренніе раздоры коммуны съ архіепископомъ. Это первый проблескъ идеи легистовъ относительно апелляціи на феодальные суды къ королевскимъ, — идея, которая получила полное примѣненіе къ практикѣ уже во 2-й половинѣ XIII вѣка. Филиппъ въ концѣ своей грамматы общается силой поддерживать власть архіепископа (*ne manum arponere nos orog-teat; in hoc enim non possemus ei deesse*)⁽¹⁾.

Съ Филиппа Августа короли принимаютъ гордый тонъ не только въ отношеніи къ коммунѣ, но и къ самимъ феодаламъ. Королевская власть стремится встать въ прямые отношенія съ феодальными подданными. По феодальнымъ обычаямъ давали ленную присягу королю только бароны, прямо отъ него державшіе свои лены; подобной присяги не требовалось отъ лицъ владѣвшихъ королевскими ленами чрезъ посредство этаго высшаго феодала; тѣмъ болѣе не требовалось такой присяги отъ феодальныхъ подданныхъ, сельскихъ и городскихъ жителей. Но Филиппъ потребовалъ присяги отъ всѣхъ жителей Реймса и окрестныхъ бурговъ. Въ своемъ приказѣ (*mandatum*) аббату Сенъ-Реми онъ говоритъ, что присяга требуется вслѣдствіе того, что всѣ жители Реймса обязаны королю вѣрностью; они могутъ быть вѣрными своему сеньору иначе, какъ подъ условіемъ сохраненія вѣрности королю (*nec archiepiscopo possunt, nec debent fidelitatem facere, nisi salva fidelitate nostra*)⁽²⁾. Кажется аббать

(1) Arch. adm. de Reims. t. 1. 2. p. 486. Докум. 1212 года.

(2) Arch. adm. t. 1. 2. p. 511. Докум. 1219 года.

не сляшкомъ торопился исполнить приказаніе короля, потому что король требовалъ его въ Парижъ для личныхъ объясненій⁽¹⁾. Наконецъ требуемая присяга была дана: жители бурга влялись, по силѣ возможности (*pro posse suo*), вѣрно защищать жизнь и здоровье короля (*vitam, corpus et membra*), охранять честь королевства и всѣ королевскія права (*honorum regni et omnia jura regis*)⁽²⁾.

Болѣе прямое вмѣшательство во внутреннюю жизнь коммунъ мы видимъ при Людовикѣ IX. Въ исторіи Амьенской коммуны мы имѣли случай изучить законодательныя мѣры Людовика, имѣвшія предметомъ своимъ финансовое управленіе городовъ Франціи. Въ исторіи Реймской коммуны намъ представляется прекрасный случай познакомиться съ столкновеніемъ королевской власти съ феодальными правами духовныхъ сеньоровъ, по случаю королевскаго вмѣшательства во внутреннія дѣла коммунъ. Поводомъ къ этому вмѣшательству короля и столкновенію съ свѣтской юрисдикціей епископа послужили событія въ Бовэ. Здѣсь въ 1232 году происходили выборы городскихъ начальниковъ. 12 паровъ и 12 засѣдателей были выбраны спокойно, но когда пришлось выбирать мэра, то народное собраніе раздѣлилось на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая хотѣла, чтобы выборъ палъ на ея кандидата. Въ Бовэ, какъ и въ другихъ коммунахъ, существовали двѣ партіи:—богатыхъ торговцевъ,—родъ городской аристократіи и цеховыхъ мастеровъ, представителей демократіи. Вотъ эти-то партіи и спорили теперь о выборѣ мэра и ни та ни другая не хотѣла уступить. Въ эти раздоры вмѣшался епископъ: онъ утверждалъ, что право назначенія на должность мэра принадлежитъ ему и что коммуна должна только представить ему кандидатовъ. Въ это время королемъ былъ Людовикъ Св.; онъ былъ еще молодъ и королевствомъ управлялъ совѣтъ регенства. Идеи легистовъ о единой верховной власти были уже въ ходу. Правительство пользовалось всякимъ удобнымъ случаемъ къ посягательству на феодальныя права и коммунальныя привилегіи. Оно начинало даже искусно пользоваться распрями городскихъ партій между собой и съ феодальными сеньорами. Когда въ Бовэ не

(¹) Arch. adm. t. 4. 2. p. 511. Докум. 1219 года.

(²) Ibidem. p. 511. Докум. того-же года.

могли согласиться относительно избранія новаго мэра, регентство собственной властью назначило на эту должность какого-то Роберта Морэ,—человѣка не принадлежавшаго къ коммуниѣ. Это было уже прямое нарушеніе коренныхъ законовъ коммуны. Не смотря на это аристократическая партія согласилась принять новаго мэра. Городскіе аристократы готовы были жертвовать свободой коммуны, только бы не допустить усиленія ненавистныхъ для нихъ демократовъ. Но не такъ легко уступила эта послѣдняя партія. Недовольная, и нарушеніемъ правъ коммуны, и распоряженіями новаго мэра, она стала требовать отъ городского совѣта новыхъ выборовъ. Мэры и засѣдатели сочувствовали аристократической партіи и не согласились на требованія ремесленниковъ. Въ отвѣтъ на это вспыхнуло возстаніе. Мэръ и засѣдатели должны были бѣжать изъ залы городского совѣта и заперлись въ одномъ сосѣднемъ домѣ. Но чернь подошла этотъ домъ и начальники города попались въ ея руки. Горностаевая мантия Роберта Морэ была разорвана; съ разными поруганіями народъ водилъ его по улицамъ. Кромѣ того до 50 человѣкъ партіи аристократовъ было убито и ранено (1). Аристократическая партія немедленно послала извѣстіе о случившемся въ Парижъ въ совѣтъ регентства. Въ то же время епископскій байль о событіяхъ въ городѣ извѣстилъ епископа, бывшаго въ отсутствіи. Епископъ Милонъ де Нантёйль (Milon de Nanteuil) немедленно воротился въ городъ. Демократы пытались склонить его на свою сторону; они увѣряли, что назначеніемъ Роберта Морэ нарушены его собственные права. Но эти уловки не удались: епископъ отвѣчалъ, что виновные должны дать отчетъ въ своемъ поведеніи передъ его офиціалами. Когда раздраженіе народныхъ страстей въ сколько утихло, начались аресты. Главные зачинщики были посажены въ епископскую тюрьму. Но епископу не удалось раздѣлаться съ жителями Бове и на счетъ ихъ пополнить свою казну: самъ молодой король приближался съ войскомъ. Людовикъ IX шелъ съ цѣлью наказать виновныхъ въ ослушаніи королевской воли. Въ его глазахъ главнымъ преступленіе было оскорб-

(1) Arch. adm. de Reims t. 1. 2. p. 596. Докум. 1235 года: Instrumentum inquisitionis de seditione Bellovacensi.

леніе мэра, назначеннаго королевской властью. Епископъ Милонъ предчувствовалъ это: онъ узналъ, что король будетъ дѣйствовать во имя собственной юрисдикціи, а не какъ защитникъ феодальныхъ правъ епископа. Поэтому епископъ поспѣшилъ выѣхать королю на встрѣчу и просилъ у него совѣта, — какъ поступить ему съ бунтовщиками. Этимъ онъ хотѣлъ напомнить королю о собственныхъ правахъ въ городѣ. Но король спокойно отвѣчалъ, что онъ самъ лично произведетъ судъ и расправу. Епископъ тогда сказалъ: „Возлюбленный государь! Вамъ вѣроятно извѣстно, что мнѣ, и только мнѣ одному, принадлежать судебныя права въ городѣ“. Это онъ повторилъ трижды, но Людовикъ не отвѣчалъ ни слова. По другимъ свидѣтельствамъ епископъ умолялъ короля не нарушать его правъ и не вступать въ городъ. Но король сказалъ: „войду въ Бове, и вы увидите, что я тамъ сдѣлаю“ (*ibi Belvasum, et videbitis quod faciam*) (1).

На другой день король, явившись въ городъ, велѣлъ собраться всему народу. Родственники убитыхъ во время возстанія пали на колѣна и просили правосудія. Король приказалъ взять у епископа арестованныхъ и запереть ихъ при городскомъ домѣ; не смотря на сопротивленіе епископа это было исполнено. Начался судъ: до полутора тысячъ человекъ было приговорено къ изгнанію; пятнадцать домовъ, принадлежавшихъ главнымъ зачинщикамъ, разрушено до основанія. Мэръ Робертъ де Морё первый ударялъ молотомъ въ стѣну дома; наемные работники доканчивали остальное.

Епископъ Милонъ протестовалъ противъ нарушенія королевскихъ правъ его юрисдикціи. Онъ требовалъ, чтобы королевскіе судьи возвратили изгнанниковъ, такъ какъ они незаконно были приговорены къ изгнанію. Но король отвѣчалъ тѣмъ, что потребовалъ отъ епископа 80 ливровъ на содержаніе въ городѣ своей свиты (2). Милонъ просилъ срока для обсужденія этого требованія съ капитуломъ (3). Но король приказалъ схватить и продать нѣкоторыя вещи епископа, да сверхъ того поставить военный гарнизонъ въ епископскій дворецъ; послѣ чего онъ удалился изъ города (4).

(1) Arch. adm. de Reims t. 1. 2. p. 595. Докум. 1235 г.

(2) Мы знаемъ уже, что это право называлось *droit du gîte*.

(3) Arch. adm. t. 1. 2. p. 598. Докум. 1235 г.

(4) *Ibidem*. p. 598.

Вѣсть о королевскомъ насилии и нарушеніи правъ епископа Милона быстро разнеслась по всему Реймскому діоцезу. Всѣ прелаты, и во главѣ ихъ Генрихъ де Брэнъ, архіепископъ Реймскій, въ высшей степени раздражены были поступкомъ короля. Теперь никто изъ нихъ не былъ увѣренъ въ неприкосновенности своей власти. Между прелатами особенно выдавался самъ архіепископъ Реймскій Генрихъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени честолюбивый; онъ отличался смѣлостью и непреклонностью характера. Онъ былъ глубоко проникнутъ убѣжденіемъ въ законности феодальныхъ правъ духовенства. Дѣятельность его была неутомима: онъ умѣлъ сдерживать непокорный духъ монаховъ и гордыя претензіи блага духовенства. Его трепетали даже смѣлые горожане Реймса. Генрихъ де Брэнъ былъ достойный представитель французской клерикальной партіи и ревностный защитникъ ея интересовъ. Извѣстіе о событіяхъ въ Бове онъ получилъ на соборѣ, который держалъ въ Нуайонѣ для разсужденія о дѣлахъ церковныхъ. Немедленно къ королю была отправлена депутація, которая требовала именемъ собора: чтобы права епископа Милона были восстановлены; чтобы захваченныя вещи были возвращены; чтобы убытки понесенныя жителями отъ разграбленія имущества и разрушенія домовъ были уплачены епископу; чтобы сами изгнанники были выданы ему для произнесенія надъ ними приговора ⁽¹⁾. Король отказался исполнить эти требованія. Тогда епископы Реймскаго діоцеза собрались снова и всѣмъ соборомъ съ Реймскимъ прелатомъ во главѣ отправились къ королю умолять его загладить свою вину, — оскорбленіе Церкви Божіей въ лицѣ епископа Милона. Но король не слушалъ ни увѣщаній, ни угрозъ ⁽²⁾. Тогда на соборѣ въ С. Кантенѣ былъ наложенъ интердиктъ на всю Реймскую митрополию, о чемъ донесено было папѣ. Нѣкоторые епископы были противъ интердикта; но пылкій архіепископъ Реймскій настоялъ на своемъ. Въ ноябрѣ 1233 года онъ приказалъ всѣмъ епископамъ Реймскаго діоцеза провозгласить въ своихъ епархіяхъ отлученіе по установленной формѣ. Этотъ интердиктъ былъ неполный: было дозволено отправленіе богослуженія съ закры-

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims t. 1.2. p. 563. Докум. 1233 г.

⁽²⁾ Ibidem. p. 568. Докум. 1233 г. Epist. Henr. Arch. Rem. ad. P. Greg. IX. de oppressione Ecclesiae Belvacensis.

тыми дверями и тихимъ голосомъ (*januis clausis, submissa voce*). Въ погребеніи отказывали всѣмъ, кромѣ лицъ принадлежавшихъ къ Церкви. Но чтобы духъ народа не ожесточился (*ne populi animus indurescat*), позволено было однажды въ мѣсяцъ, послѣ богослуженія — съ закрытыми дверями, устраивать для народа покаянную процессію, при чемъ произносилась проповѣдь и отправлялось особое молебствіе объ успокоеніи церкви ⁽¹⁾. Въ письмѣ къ папѣ архіепископъ Генрихъ просилъ защитить церковь отъ притязанія свѣтской власти. „Мы сочли нужнымъ, говорилъ онъ отъ лица всѣхъ прелатовъ Реймской митрополіи, передать твоему святѣйшеству въ настоящемъ слезномъ письмѣ о событіяхъ достойныхъ плача и состраданія“ ⁽²⁾. Людовикъ также горько жаловался на дѣйствія прелатовъ въ письмѣ къ лаонскому капитулу ⁽³⁾.

Этотъ раздоръ короля съ епископами сильно возмущала сѣверныя провинціи Франціи. Не смотря на нарушеніе коммунальной конституціи г. Бовэ, всѣ городскія общины стояли за короля; на происшествія въ Бовэ онѣ смотрѣли какъ на исключительный случай. Теперь когда король открыто вступалъ въ борьбу съ ненавидимыми прелатами, въ городскихъ общинахъ зарождалась надежда освободиться отъ ихъ власти. Наложеніе интердикта еще болѣе увеличивало народную ненависть къ духовенству. Въ коммунахъ было сильное броженіе: въ Нуайонѣ происходили постоянныя схватки съ канониками. Въ Суассонѣ никто изъ нихъ не осмѣливался показываться на улицахъ. Но въ Реймсѣ народное волненіе достигло высшей степени. Это зависѣло отъ особенныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ былъ поставленъ г. Реймсъ при архіепископѣ Генрихѣ де Брэнъ. Ни одинъ прелатъ не отличался такой суровостью, такой неумолимой жестокостью, какъ архіепископъ Генрихъ. Посредствомъ террора онъ хотѣлъ сломить строптивый духъ коммуны. Архіепископы Реймскіе на сѣверной сторонѣ города имѣли замокъ, построенный еще Генрихомъ французскимъ. Замокъ этотъ назывался *Port-Mars*; потому что старинная римская арка — въ честь бога Марса, служившая когда-то вмѣсто городскихъ воротъ, была включена въ одну изъ башенъ замка. Портъ-

⁽¹⁾ Arch. admiv. de Reims t. 1.2. p. 571. Докум. 1233 г.

⁽²⁾ Ibidem. p. 568.

⁽³⁾ Ibidem. p. 572. Докум. 1233 г.

Марсѣ одной стороной выходилъ въ поле, а другой былъ обращенъ къ городу. Внѣшняя часть его состояла изъ нѣсколькихъ башенъ, возвышавшихся надъ городскимъ рвомъ. Посредствомъ подъемнаго моста замокъ сообщался съ окрестностями; поэтому всегда можно было ввести въ замокъ сколько угодно войска изъ окрестныхъ замковъ, которыхъ такъ много было у архіепископовъ Реймскихъ. Но особенно сильно была укрѣплена сторона обращенная къ городу. Съ этой стороны и стѣны замка были толще, и рвы гораздо шире и глубже, огромные брустверы, облежавшіе замокъ, были снабжены военными машинами. По всему было видно, что эта цитадель назначалась не столько для защиты города отъ внѣшнихъ нападеній, сколько для того, чтобы держать въ страхѣ самихъ жителей. Рядомъ съ замкомъ архіепископы имѣли небольшой дворецъ, окруженный садами. Когда въ городѣ было тихо, они жили въ дворцѣ; но при малѣйшей тревогѣ запирались въ замокъ, гдѣ постоянно находился сильный гарнизонъ.

Въ замкѣ Портъ-Марсѣ засѣдалъ архіепископскій судъ подъ предсѣдательствомъ архіепископскаго байльи или прево. Сюда приглашали въ отвѣтъ Реймскихъ гражданъ. Никто изъ нихъ, разъ вступивши въ него, не былъ увѣренъ, воротится ли назадъ здоровымъ и невредимымъ, или по крайней мѣрѣ незаплативши огромнаго выкупа. Архіепископъ имѣлъ въ городѣ шпионовъ, которые доносили ему обо всемъ, что тамъ говорилось или дѣлалось. Въ случаѣ какого-либо преступленія или проступка, иногда просто вслѣдствіе неосновательнаго подозрѣнія, архіепископъ требовалъ къ себѣ на судъ виновныхъ. Если горожанинъ медлил явиться въ страшный замокъ, то подъемный мостъ съ городской стороны опускался; изъ него выходилъ вооруженный отрядъ и направлялся въ городъ отыскивать обвиненнаго. Его искали въ собственномъ домѣ, на улицахъ, въ домахъ сосѣдей, родныхъ, знакомыхъ. Если находили, уводили въ Портъ-Марсѣ; если нѣтъ, то брали перваго встрѣчнаго и держали въ замкѣ до тѣхъ поръ, пока не отдавали кого нужно. Начинались допросы, чудовищныя пытки и истязанія всякаго рода. Въ тяжелыхъ цѣпяхъ обвиненнаго отводили въ подземныя темницы замка. Много невинныхъ жертвъ погибло въ этихъ

(¹) Arch. admin. de Reims t. 1.4. 12. 26.

дупныхъ и мрачныхъ подземельяхъ; страдалцы томилсь иногда по нѣскольку лѣтъ, подвергаясь страшнымъ мученіямъ, на которыя такъ изобрѣтательны были средневѣковые бароны и прелаты. Много входило въ этотъ замокъ, но не всѣмъ удавалось выходить изъ него. Богатые отдѣлялись большею частью хорошимъ выкупомъ; но если родственники или друзья не торопились заплатить требуемой суммы, то заключеннаго подвергали пыткамъ. Многие, попавши въ замокъ, пропадали безъ вѣсти. Когда впоследствии, при усилившемся вмѣшательствѣ королевской власти, королевскіе судьи или парламентъ спрашивали, что сдѣлалось съ тѣмъ или другимъ арестантомъ, то архіепископы или ихъ прокуроры отвѣчали, что они умерли во время заключенія,—и этимъ дѣло оканчивалось. Перечитывая подлинныя документы, которые такъ хорошо вводятъ въ духъ и характеръ эпохи, лучше и осознательнѣе понимаешь мотивы упорной борьбы городскихъ общинъ съ феодализмомъ. Борьба ведется изъ за насущныхъ интересовъ, за свободу жить и дышать, за право имѣть казую нибудь прочную собственность, за возможность спокойно заниматься какимъ нибудь дѣломъ, торговлей или ремесломъ. Коммунальное движеніе, направленное противъ феодальнаго деспотизма, есть одна изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ средневѣковой жизни. Невольное сочувствіе возбуждаетъ эта толпа смѣлыхъ буржуа, которая на каждомъ шагу ведетъ отчаянную, упорную борьбу съ могущественнымъ феодаломъ. За него цѣлый строй общественныхъ отношеній, узаконенныхъ вѣковыми преданіями; въ его рукахъ военная сила, огромное поземельное богатство, сочувствіе сотни другихъ феодаловъ, которые готовы дружно стоять другъ за друга. Если феодалъ—духовная особа, то за него цѣлая система церковнаго строя. Въ его рукахъ двойное оружіе власти свѣтской и духовной; за него всесильное покровительство папы.

Противъ такого-то сеньора вела упорную борьбу Реймская коммуна. Желаніе свободы въ ней не умирало; напротивъ чѣмъ сильнѣе было давленіе со стороны архіепископовъ, тѣмъ сильнѣе была коммунальная реакція. Событія въ Бове, раздоръ прелатовъ Реймскаго діоцеза съ королемъ, придали еще большей смѣлости народной партіи. Характеръ архіепископа, его мрачные замыслы, новыя притязанія на свободу жителей, тревожили и волновали коммуны. Архіе-

пископъ вмѣшивался въ дѣла бурговъ, которые подъ управленіемъ аббатовъ сравнительно находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ самый городъ. Жители бурга св. Реми, пользуясь распріей архіепископа съ королемъ, исходатайствовали королевское позволеніе отдѣлать себя отъ города особыми укрѣпленіями. До сихъ поръ для этой цѣли служили желѣзныя цѣпи, протягиваемыя въ концахъ улицъ (¹). Городской совѣтъ Реймса въ отношеніи къ елерикальной партіи, пользуясь распріей Церкви съ королемъ, сдѣлался гораздо смѣлье: городскіе совѣтники именемъ короля требуютъ къ своему суду вассаловъ архіепископа (²). Они осудили на изгнаніе самого архіепископскаго прева, каноника Томаса де-Бомета. Не смотря на возраженія капитула приговоръ городского совѣта былъ приведенъ въ исполненіе (³). Новымъ поводомъ къ столкновенію между архіепископомъ и коммунной послужилъ выпускъ пожизненныхъ рентъ городскимъ совѣтомъ. Архіепископъ требовалъ себѣ десятую часть займа; но городской совѣтъ отвѣтилъ ему молчаніемъ. Разгнѣванный архіепископъ запретилъ вносить капиталы въ совѣтъ и запрещеніе это было прочитано во всѣхъ приходскихъ церквахъ Реймса (⁴). Но эта мѣра не произвела ожидаемаго дѣйствія. Горожане охотно вносили деньги въ городской совѣтъ съ условіемъ опредѣленнаго годоваго дохода. Но всѣ эти притязанія волновали жителей; раздраженіе ихъ доходило до высшей степени. Однажды въ воскресенье девакъ и члены капитула въ торжественной процессіи шли по городу: они провожали на кладбище тѣло умершаго собрата. Огромная толпа слѣдовала за процессіей, но не для того, чтобы воздать честь умершему; она осыпала бранью канониковъ, называла ихъ ворами и измѣнниками. Съ какимъ-то ужасомъ говоритъ о такомъ поруганіи святыхъ одно изъ писемъ Григорія IX: „Онп ухали на служителей Божіихъ какъ на волковъ или какъ на собакъ (*hulularunt, quod turpius in gallico idiomote sonare dicitur: huiaverunt*)“ (⁵). Но этимъ враждебныя дѣйствія

(¹) *Marl. Hist. Métrop. Remens.*, t. 11 p. 518.

(²) *Arch. admin. de Reims.* t. 1. 2. p. 583. Докум. 1235 г.

(³) *Ibidem.* p. 584.—1235 с.

(⁴) *Ibidem.* p. 577. Докум. 1234 г.

(⁵) *Arch. admin.* t. 1. 2. p. 580. Докум. 1235 г.

горожанъ противъ духовенства не ограничились. Они запрещали всѣмъ въ городѣ поступать въ услуженіе къ духовнымъ, не иначе какъ только на извѣстныхъ условіяхъ тяжелыхъ и безчестныхъ, какъ выражается папская грамота. Кто не хотѣлъ исполнять этого распоряженія, тому дѣлали такія оскорбленія, которыхъ „постыдились самыя еретики или язычники“ (*pagani vel heretici erubescerent*)⁽¹⁾. Людямъ капитула запрещено было продавать въ городѣ свои произведенія; никто изъ жителей города не смѣлъ вступать съ ними въ дѣла и торговые сношенія. Запрещено было продавать что нибудь каноникамъ „какъ мытарямъ и язычникамъ“⁽²⁾. Эти „дѣти Сатаны“, такъ называетъ горожанъ папа, избили каноника, оскорбили священника, который несъ умирающему св. Дары. Когда архіепископъ Генрихъ вздумалъ произвести слѣдствіе объ этихъ безчинствахъ, то городской совѣтъ запретилъ всѣмъ и каждому говорить правду; вслѣдствіе чего архіепископъ не добился никакого толку⁽³⁾.

Событія въ Бовэ и волненія въ реймскомъ діоцезѣ дошли до свѣдѣнія папы Григорія IX. Еще въ 1234 году онъ писалъ къ Людовику по поводу оскорбленій, навесенныхъ имъ епископу Милону. Папа напоминаетъ королю подвиги его предковъ, ихъ любовь къ св. Церкви и всегдашнюю готовность сражаться съ врагами ея. „Они неоднократно отправлялись за море мстить невѣрнымъ за обиды Распятому. Блаженной памяти отецъ твой, слѣдуя по стопамъ предковъ, много потрудился въ искорененіи альбигойской ереси. Поэтому есть надежда, что снискавши временную славу онъ наслаждается и вѣчное блаженство. Обнимая тебя нѣжно, какъ возлюбленнаго во Христѣ сына нашего, увѣщаемъ твою свѣтлость и съ отеческою ласкою молимъ, просимъ, требуемъ, заклинаемъ именемъ Господа нашего Иисуса Христа и, во отпущеніе грѣховъ твоихъ, повелѣваемъ тебѣ склонить кротость души твоей къ примиренію съ епископомъ г. Бовэ“. Папа извѣщалъ, что посредникомъ между епископомъ Милономъ и королемъ онъ назначаетъ магистра Петра де Колломедіо, а что силой апостольской власти, по ходатай-

⁽¹⁾ Ibidem.

⁽²⁾ Arch. admin. de Reims. p. 581. Докумен. 1235 г.

⁽³⁾ Ibidem. p. 581.

ству самого обиженнаго епископа, онъ снимаетъ интердиктъ, наложенный на реймскую митрополию архіепископомъ Генрихомъ (1). Но Людовикъ отвѣчалъ на это письмо тѣмъ, что запретилъ папскому легату, когда онъ хотѣлъ приступить къ слѣдствію о событіяхъ въ Бовэ, касаться вопроса о коммунѣ этого города и о правахъ королевской юрисдикціи (2). Нѣсколько писемъ Григорія IX къ епископамъ и каноникамъ разныхъ городовъ сѣверной Франціи имѣютъ предметомъ уже событія въ Реймсѣ. Онъ повелѣваетъ духовенству настоятельно требовать у короля восстановления правъ реймской Церкви, поруганныхъ городскими жителями. Папа сильно негодуетъ на реймскихъ горожанъ; онъ называетъ ихъ „ехиднами, дѣтьми Сатаны“ и т. д. (3) Въ одномъ письмѣ онъ требуетъ въ Римъ городскихъ вассаловъ къ суду за оскорбленія, нанесенныя ими капитулу реймской Церкви (4), Въ другомъ письмѣ, адресованномъ ко всѣмъ суффраганамъ (5), реймской Церкви, папа повелѣваетъ имъ помогать реймскому архіепископу въ борьбѣ съ городскимъ совѣтомъ и жителями Реймса (6). Папа говоритъ объ опасности для Церкви отъ подобныхъ возмущеній: „Если важно преступленіе, то еще опаснѣе примѣръ, который подають жители Реймса другимъ французскимъ городамъ“ (7).

Феодальные сеньоры не оставались посторонними зрителями этой распри между королемъ и коммунами съ одной стороны и духовными феодалами съ другой. Притязанія прелатовъ въ мірскихъ дѣлахъ зашли уже слишкомъ далеко. Они стремились къ полной самостоятельности и совершенной независимости отъ королевскихъ судовъ. Они забыли уже, что на основаніи феодальнаго права, какъ ленники короля, въ отношеніи къ своимъ свѣтскимъ владѣніямъ, они обязаны подчиненіемъ королю, какъ высшему сюзерену, и суду бароновъ Франціи, какъ суду свѣтскихъ пэровъ. Французскіе бароны

(1) Arch. adm. de Reims. t. 1. 2. 575—577.

(2) Ibidem. p. 605. Докум. 1235 г.

(3) Ibidem. t. 1. 3. p. 581. Докум. 1235 г.

(4) Arch. adm. t. 1. 2. p. 583. Докум. 1235 г.

(5) Такъ называлось всякое духовное лицо, имѣвшее право голоса (suffragium) на провинціальныхъ соборахъ.

(6) Ibidem. p. 590. Докум. 1236 г.

(7) Ibidem. t. 1. 2. p. 590—591. Докум. 1235 г.

писали въ своей жалобѣ къ Григорію IX ⁽¹⁾: „Реймскій архіепископъ и епископъ г. Бовэ суть ленники короля, (homines ejus ligii et fideles); свои свѣтскія владѣнія они держатъ какъ коронные вассалы. Но дерзость ихъ возрасла до такой степени, что они не хотятъ подлежать суду папѣ Франціи относительно своихъ ленныхъ владѣній. Слѣдуя ихъ примѣру, и архіепископъ г. Турнэ не позволяетъ являться въ королевскому суду аббатамъ и пріорамъ своей провинціи“ ⁽²⁾. Папа не отвѣчалъ на это письмо.

Если легисты дѣйствовали противъ феодальныхъ правъ духовныхъ сеньоровъ медленнѣе, во вѣрнымъ путемъ поставянаго вмѣшательства королевскихъ судовъ въ ихъ юрисдикцію, если бароны и сеньоры думали ограничить ихъ притязанія жалобами къ Св. Престолю, то коммуны предпочитали путь открытаго возстанія. Горожане дѣйствовали не на основаніи общихъ соображеній, но подъ вліяніемъ обстоятельствъ минуты. Притязанія духовныхъ живо задѣвали ихъ интересы, прямо касались ихъ жизни, свободы, труда, личной и имущественной безопасности. Угрозы Римскаго престола мало подѣйствовали на реймскихъ буржуа. Ихъ тревожили опасенія иного характера. Генрихъ де Бренъ, находившійся въ то время въ отлучкѣ по дѣламъ Церкви, приказалъ прибавить съ городской стороны нѣсколько новыхъ укрѣпленій къ замку Портъ-Марсу. Множество рабочихъ рыли рыи, вбивали тяжелые высокіе колья, отсюду сносили кирпичи и камни и дѣлали толще и безъ того толстыя стѣны Портъ-Марса. По всему было видно, что Генрихъ замышлялъ противъ города что-то недоброе. Такъ казалось по крайней мѣрѣ городскимъ жителямъ. Въ городѣ наконецъ вспыхнуло всеобщее возстаніе. По звуку церковныхъ колоколовъ вооруженные горожане собирались на улицахъ и площадяхъ и толпами направлялись къ архіепископскому замку. Работники занимавшіеся укрѣпленіями были прогнаны; заготовленные матеріалы расхищены, уничтожены, или перенесены въ другое мѣсто ⁽³⁾. Гарнизонъ архіепископа, состоявшій изъ рыцарей, его вассаловъ и хорошо обученныхъ

⁽¹⁾ Arch. admin. t. 1. 2. p. 591. Докум. 1235 г.

⁽²⁾ Ibidem. t. 1. 2. p. 592. Докум. 1235 г.

⁽³⁾ Arch. admin. de Reims t. 1. 2. p. 601. Докум. 1235 г. Litt. Gr. IX. de tumultibus remensibus.

стрѣлковъ, сдѣлалъ было вылазку, но былъ немедленно отбитъ, не смотря на превосходство оружія и военной тактики. Маршалъ или военный намѣстникъ архіепископа при отступленіи получилъ смертельную рану⁽¹⁾.

Но жители не удовольствовались этимъ успѣхомъ: они рѣшились овладѣть замкомъ. Въ то время военныя стѣнобитныя машины хранились въ церквахъ. Жители Реймса овладѣли ими, притащили къ стѣнамъ замка и начали приступъ. Они овладѣли сосѣднимъ домомъ братьевъ миноритовъ и помѣстили въ немъ стрѣлковъ, которые день и ночь стрѣляли въ архіепископскихъ людей, если кто нибудь изъ нихъ показывался на стѣнахъ замка. Но Портъ-Марсъ не легко было взять, благодаря толщинѣ его стѣнъ и храбрости осаждаемыхъ. Тогда горожане превратили приступъ въ правильную осаду. На берегу рва окружавшаго замокъ они выстроили цѣлый рядъ редутовъ. Потребовались матеріалы, — кирпичи и камни. Горожане разобрали мостовыя, потаскали съ кладбищъ надгробныя памятники, овладѣли матеріалами, назначенными для построекъ въ соборной церкви⁽²⁾. Архіепископа не было въ городѣ: онъ въ это время объѣзжалъ реймскій діоцезъ, убѣждая прелатовъ дружно стоять за права Церкви. Капитулъ, оставшійся въ городѣ безъ главы, не смѣлъ открыто воспротивиться замысламъ горожанъ. Каноники выбрали другое средство съ цѣлью ослабить революціонное возбужденіе коммуны. Они старались внушить жителямъ Реймса сомнѣніе въ законности ихъ дѣйствій, поселить въ нихъ опасеніе за будущее. Каноники толпами разсыпались по городу и говорили жителямъ: „Будьте осторожны; ваши права и привилегіи не такъ ясны, какъ вы думаете; можетъ быть ваши замыслы принесутъ вамъ больше вреда, чѣмъ пользы; не подумайте-ли вамъ напередъ хорошенько о томъ, что вы замышляете⁽³⁾“.

Случалось, что каноники далеко заходили въ своихъ спорахъ съ горожанами: они доказывали, что городъ не имѣетъ правъ коммуны и ссылались на хартію архіепископа Вильгельма. Этимъ они навлекли на себя враждебныя дѣйствія со стороны революціонеровъ. Не смотря на новыя увѣ-

(1) Anquetil. Histoire de Reims. t. II. p. 41.

(2) Arch. admin. de Reims. t. 1. 2. p. 602. Докум. 1235 г.

(3) Anquetil. Hist. de Reims. t. 11. p. 44.

щанія папы и на призывъ городскихъ засѣдателей къ папскому суду, оскорбленія духовенства продолжались. Наконецъ оффиціальъ реймскаго архіепископа произнесъ отлученіе на неповорныхъ; но не подѣйствовало и это. Коммуна запретила жителямъ продавать каноникамъ жизненные припасы. Это приказаніе было исполнено со всею точностью. Въ то же время распространился слухъ, что на духовныхъ готовится нападеніе, что жители рѣшились перебить ихъ всѣхъ до одного⁽¹⁾. Напуганный капитулъ тайно оставилъ городъ. Узнавши объ этомъ, реймская чернь съ яростью бросилась на дома канониковъ; многіе разрушила и разграбила имущество. Между тѣмъ каноники собрались въ одномъ городѣ въ трехъ миляхъ къ сѣверу отъ Реймса. Здѣсь они дали торжественную клятву не возвращаться въ Реймсъ, пока не получатъ удовлетворенія за понесенные ими убытки и оскорбленія.

Обо всѣмъ было донесено Папѣ. Григорій рѣшился наконецъ предать отлученію нарушителей правъ Церкви⁽²⁾. Вотъ что писалъ онъ въ своей буллѣ къ духовенству реймской митрополи: „До насъ дошли важныя жалобы, которыя повергли насъ въ удивленіе. Нашъ, братъ архіепископъ, реймскій, пользуется всѣми правами свѣтскаго сеньора въ Реймсѣ. Жители города должны быть въ отношеніи къ нему не только духовными сынами, но и вѣрными подданными. Но они перестали быть дѣтьми; они не постыдились возстать противъ матери; они не убоялись замыслить погибель отца. Они поцѣли ногами Церковь реймскую, свою мать, они изгнали архіепископа, своего отца, и, овладѣвши наслѣдствомъ, превзошли въ лютости самую змѣивую природу. Опасаясь, чтобы примѣръ такой злобы не заразилъ другихъ и чтобы виновные не возвечелились въ дѣлахъ своихъ, мы повелѣваемъ вашему смиренству торжественно провозглашать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ при звукѣ колоколовъ и съ зажженными свѣтильниками прилагаемую при семъ формулу отлученія. Прочитайте ее въ церкви реймской, въ сосѣднихъ діоцезахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ вы найдете пужнымъ и удобнымъ. Но если возмутители и послѣ отлученія не возвратятся къ повинновенію, то распорядитесь объ удер-

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims. t. 1. 2. p. 581. Докум. 1235 г.

⁽²⁾ Arch. admin. de Reims. t. 1. 2. p. 611.

жаніи ихъ доходонъ во всё время интердикта, откуда бы они не были ими получаемы, на рынкахъ, ярмаркахъ, вездѣ, гдѣ только будутъ найдены. Объявите, что должники ихъ освобождаются отъ всякихъ обѣщаній и клятвенныхъ обязательствъ. Въ случаѣ нужды обратитесь къ помощи свѣтской власти, да сокрушится ихъ упорство⁽¹⁾.—Приказаніе папы было исполнено и отлученіе провозглашено во всѣхъ епархіалахъ реймской провинціи, съ соблюденіемъ всѣхъ мрачныхъ церемоній анафемствованія. При торжественно-увывломъ звукѣ колоколовъ въ соборномъ храмѣ, передъ трепещущимъ народомъ, провозносилась формула отлученія. Ее читалъ епископъ въ полномъ облаченіи, окруженный 12 священниками съ зажженными факелами въ рукахъ. Вотъ что читалъ епископъ, обратившись лицомъ къ народу: „Властию вселенскихъ соборовъ и по примѣру св. отцевъ, во имя Отца и Сына и дѣйствіемъ Святаго Духа, мы отлучаемъ жителей Реймса отъ нѣдръ Святой матери Церкви, какъ говнителей церквей Божіихъ, хищниковъ и челоуѣкоубійць, и осуждаемъ ихъ анафемой вѣчнаго проклятія. Да будутъ они прокляты въ городѣ, да будутъ прокляты въ селѣ. Да будутъ прокляты имѣнія ихъ, и тѣла ихъ да будутъ прокляты. Пусть падеть проклятіе на плодъ утробы ихъ и на плодъ земли ихъ. Пусть падуть на главу ихъ всѣ бѣдствія, которыя Господь изрекъ устами Моисея противъ нарушителей закона своего. Да будутъ они анафема, Мараната (Maganatha), то есть, да погибнуть они во второе пришествіе Господа нашего. Никто изъ христіанъ не долженъ имъ говорить привѣтствія. Ни одинъ священникъ не долженъ служить для нихъ обѣдни, не долженъ давать имъ Причастія. Пусть они будутъ погребены во гробѣ осла, пусть какъ пометъ будутъ на лицѣ земли. Если они не принесутъ плодовъ достойныхъ покаянія и не дадутъ удовлетворенія оскорбленной ими Церкви Божіей, то да угаснетъ свѣтъ ихъ, какъ гаснутъ эти свѣтильники въ рукахъ нашихъ“. Съ этими словами епископъ и священники находившіеся въ ихъ рукахъ факелы бросали на землю и пощипали ногами⁽²⁾. Послѣ этого епископъ объяснялъ смыслъ церемоніи на народномъ языкѣ. „Знайτε, говорилъ онъ, что отнынѣ вы должны поступать

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims t. 1. 2. p. 611. Докум. 1236 г.

⁽²⁾ Script. rer. gallic. et francic. t. IV. p. 612.

съ ними не какъ съ христіанами, а какъ съ язычниками. Если кто-нибудь изъ васъ будетъ имѣть какое нибудь общеніе съ отлученнымъ, будетъ пить, ѣсть, разговаривать, или молиться съ нимъ, тотъ будетъ подвергнутъ отлученію. При этомъ епископъ объявлялъ, что властью первосвященника всѣ должники отлученныхъ свободны отъ уплаты долговъ, что всѣ контракты, всѣ обязательства, заключенные съ ними, теряютъ свою силу^а.

Въ это время прелаты реймской провинціи, засѣдавшіе на соборѣ въ Санъ-Кантенѣ, снова рѣшились отправить къ королю депутацію и просить у него защиты противъ реймскихъ гражданъ⁽¹⁾. Самъ архіепископъ Генрихъ въ сопровожденіи шести епископовъ явился къ королю въ Мелёнъ (Melun). „Государь, говорили прелаты, мы просимъ у васъ помощи противъ насилій, оказанныхъ церкви реймской горожанами“. Король потребовалъ мѣсяца срока для обсуждения этого дѣла въ совѣтѣ. Не больше имѣла успѣха и другая депутація, отправленная къ королю въ Сенъ-Дени. Тогда снова собрался соборъ въ Санли (Senli) и наложилъ интердиктъ уже на всѣ королевскія владѣнія⁽²⁾.

Во время молодости короля Людовика IX, феодальныя права прелатовъ и канониковъ были нарушаемы со стороны королевской власти. Королевскіе суды начинали проводить въ жизнь идеи легистовъ и дѣятельно вмѣшиваться въ права свѣтской юрисдикціи духовенства.

Самъ Людовикъ въ молодые годы больше подчинялся вліянію легистовъ, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ. Каждый разъ, когда прелаты или депутаціи отъ соборовъ лично къ нему обращались съ своими жалобами на притѣсненія со стороны королевскихъ судовъ, онъ отвѣчалъ, что подумаетъ объ этомъ вмѣстѣ съ совѣтомъ. Къ этому времени относится нѣсколько епископскихъ соборовъ подъ предсѣдательствомъ реймскаго архіепископа. Они громко жалуются на притѣсненія со стороны короля и королевскихъ судовъ. Такъ напримѣръ предметомъ совѣщаній собора 1235 года въ Санъ-Кантенѣ были слѣдующіе незаконные поступки короля Людовика: „Собственно своею властью онъ, король, принудилъ къ изгнанію

(1) Arch. admin. de Reims. t. 1. 2. p. 584. Докум. 1235 г.

(2) Mart. Hist. Metrop. Reims. t. II. p. 522.

каноника реймской церкви. Въ Суассонѣ вновь выбранной аббатисѣ отказался дать инвеституру. Епископу суассонскому запретилъ давать ей благословеніе. Капитулу суассонской церкви не велѣлъ впускать еѣ въ церковь для совершенія надъ нею обычной церемоніи. По его приказанію королевскій байль велѣлъ вынести изъ монастыря мощи и другіе священные предметы“. Архіепископъ Генрихъ предложилъ на соборѣ нѣсколько вопросовъ: Имѣеть ли король право вмѣшиваться въ юрисдикцію архіепископа въ отношеніи къ подвластнымъ жителямъ Реймса? Могутъ ли королевскіе судьи принимать жалобы и отбирать показанія отъ лицъ подвергнутыхъ отлученію? Законно-ли поступаютъ они, когда требуютъ на судѣ отъ духовныхъ особъ доказательствъ посредствомъ судебного поединка? Развѣ прилично прелату, канонику или монаху, драться съ миряниномъ⁽¹⁾.

На соборѣ было предложено нѣсколько и другихъ вопросовъ въ томъ же родѣ. Всѣ единогласно отвѣчали, что король и его судьи дѣйствуютъ незаконно. Положено было всѣмъ епископамъ реймскаго діоцеза и нунціямъ отъ капитуловъ явиться къ королю и смиренно просить его оставить свои притязанія на права духовной юрисдикціи. Дѣйствительно депутация явилась къ королю; но онъ уклончиво отвѣчалъ ей, что обсудить это въ своемъ совѣтѣ и тогда уже дастъ отвѣтъ отцамъ собора⁽²⁾.

Холодность короля объясняется вліаніемъ его совѣта, проникнутаго идеями легистовъ. Но вступивши въ совершеннѣе, Людовикъ сдѣлался христіаннѣйшимъ королемъ, не по титулу только, но и на дѣлѣ. Онъ послѣдшилъ вступить въ мирныя отношенія съ духовными властями. Послѣдствія этого примиренія тяжело отозвались на реймской коммунѣ⁽³⁾. Всѣ права, добытыя ею во время возстанія, были у нея отняты. Она должна была заплатить за всѣ убытки, понесенныя архіепископомъ и капитуломъ. Даже прежнія права коммуны были значительно ограничены. Множество спорныхъ вопросовъ королевскимъ судомъ рѣшено въ пользу архіепископа. Онъ возстановленъ въ полномъ владѣніи замкомъ

⁽¹⁾ Arch. admin. t. 1. 2. p. 584. Докум. 1235 г.

⁽²⁾ Ibidem.

⁽³⁾ Ibidem. p. 608. Докум. 1236 г.

Портъ-Марсомъ. Всѣ поврежденія въ укрѣпленіяхъ должны быть исправлены на счетъ города (¹).

Всѣ разрушенные дома горожане обязаны выстроить снова на свой счетъ. Укрѣпленія, возведенныя передъ Портъ-Марсомъ, должны разрушить собственноручно и надгробные памятники съ покаянной церемоніей отнести на мѣсто (²). Всѣ жители, подвластные архіепископу, судятся въ замѣкъ судомъ архіепископа (³). Безъ его позволенія городскому совѣту запрещено производить выпускъ пожизненныхъ рентъ и устанавливать въ городѣ какіе либо налоги. Въ послѣднемъ случаѣ раскладка повинностей (compotum) представляется на утвержденіе архіепископа (⁴). Въ случаѣ жалобы жителей на неправильность налога или его раскладки споръ рѣшается архіепископомъ (⁵). Наконецъ коммуна должна выплатить архіепископу въ вознагражденіе убытковъ понесенныхъ имъ во время возстанія 10,000 ливровъ (⁶). Въ отношеніи къ капитулу жители отдѣлялись церковнымъ покаяніемъ и штрафомъ во 100 ливровъ (⁷).

Но Людовикъ опасался, что архіепископъ не удовольствуется опредѣленнымъ вознагражденіемъ. Опыты прошедшаго времени показывали, какъ жестоко мстили архіепископы реймскіе жителямъ города за возстанія противъ ихъ власти. Особенно слѣдовало ждать притѣсненія отъ оскорбленнаго Генриха, мстительность котораго была извѣстна Людовику. Поэтому король потребовалъ отъ Генриха письменнаго обѣщанія не дѣлать никакого зла своимъ подданнымъ. Этотъ актъ былъ переданъ въ городской совѣтъ г. Реймса (⁸).

Въ Реймсѣ были отправлены королемъ два комиссара, чтобы на мѣстѣ рѣшить разные споры относительно вознагражденія архіепископу. Но этотъ послѣдній возбудилъ вопросъ, могутъ-ли жители Реймса имѣть городскую печать. По понятіямъ того времени печать была символомъ городской

(¹) Arch. admin. de Reims. t. 1. 2. p. 608. Докум. 1236 г.

(²) Ibidem. p. 617. Докум. того же года.

(³) Ibidem. p. 608.

(⁴) Ibidem. p. 609.

(⁵) Ibidem. p. 610.

(⁶) Arch. admin. de Reims. t. 1. 2. p. 617. Докум. 1236 г.

(⁷) Ibidem. p. 624. Докум. 1237 г.

(⁸) Ibidem. p. 610—611. Докум. 1256 г.

свободы; только община, пользующаяся всѣми правами коммуны, могла имѣть ее. Оттого-то архіепископъ Генрихъ такъ энергически и оспаривалъ у реймскаго городского совѣта это право. Королевскіе комиссары отвѣчали уклончиво, что относительно печати они рас судяютъ, когда будутъ имѣть время (*de sigillo autem cum vacare poterimus cognoscemus*)⁽¹⁾. Черезъ вѣсколько дней комиссары уѣхали изъ Реймса, не рѣшивши дѣла.

Вскорѣ послѣ отъѣзда королевскихъ комиссаровъ съ жителей Реймса было снято церковное отлученіе съ соблюденіемъ обычныхъ церемоній. Тѣла умершихъ во время интердикта были преданы погребенію, если предъ смертью были обнаружены какіе нибудь признаки раскаянія⁽²⁾.

Въ городѣ послѣ трехлѣтнихъ волненій и тревожной жизни наступила наконецъ тишина. Но эта тишина не предвѣщала ничего добраго, это скорѣе было гробовое молчаніе, — признакъ утомленія, разочарованія, которое всегда слѣдуетъ послѣ неудавшихся революцій, когда наступаетъ реакція. Реакція началась и для Реймса. По соглашенію архіепископа съ городомъ жители должны были ему уплатить 10 т. ливровъ въ три срока. Одинъ срокъ прошелъ; жители честно внесли опредѣленную часть штрафа. Но архіепископу понадобились деньги и онъ пожелалъ вдругъ получить остальную сумму. Въ городскомъ совѣтѣ денегъ не было и архіепископъ собственной властью наложилъ подать, которая равнялась не уплаченной части штрафа; онъ немедленно приступилъ къ сбору денегъ. Архіепископскіе комиссары слишкомъ строго поступали съ жителями; не давали имъ не малѣйшей отсрочки. Кто не торопился взносомъ, тому грозили тюремнымъ заключеніемъ. Снова вспыхнуло возстаніе и преимущественно между низшимъ бѣднымъ городскимъ населеніемъ. Было

(1) Arch. admin. de Reims. t. 1. 2. p. 619. Документъ 1236 г. Описание печати городского совѣта г. Реймса см. Arch. adm. t. 1. 2. p. 956 Докум. 1279 года. Гербъ Реймса, изображенный на печати, показываетъ, что онъ былъ архіепископскимъ гербомъ. Между двухъ вѣтокъ было изображеніе архіепископскаго жезла. Кругомъ была надпись: *Sigillum Remensium scabinozum*. Въ послѣдствіи архіепископскій жезлъ былъ замѣненъ лавіями — государственнымъ гербомъ Франціи. Ср. гордый девизъ амьенской коммуны: *secretum meum mihi*.

(2) Arch. adm. de Reims. t. 1. 2. p. 627. Докум. 1237 г.

нанесено оскорбленіе сборщикамъ податей и самому архіепископскому байльи. Архіепископъ потребовалъ выдачи виновныхъ, и когда засѣдатели медлили исполнить это привязаніе, то самъ лично съ военнымъ отрядомъ явился въ городъ для расправы.

По распоряженію архіепископа городскія ворота были заперты; на часахъ поставлена стража. Начались аресты: были схвачены городскіе засѣдатели и нѣсколько уважаемыхъ и богатыхъ гражданъ и всѣ были отправлены въ Портъ-Марсъ. Тамъ безъ суда и слѣдствія архіепископъ приговорилъ однихъ къ тюремному заключенію,—другихъ къ изгнанію. Нѣсколько домовъ было разрушено до основанія. Городъ снова былъ преданъ отлученію, которое продолжалось до смерти архіепископа Генриха, случившейся въ 1240 году⁽¹⁾. Послѣ него реймская архіепископская кафедра оставалась вакантною въ теченіе четырехъ лѣтъ. Въ это время коммуна вздохнула свободно. Она вошла въ сдѣлку съ капитуломъ и добилась того, что остальная часть архіепископскаго штрафа была прощена⁽²⁾.

Во время этихъ событій въ Реймсѣ борьба противъ духовныхъ феодаловъ совершалась на болѣе широкой аренѣ. Мы знаемъ уже, что во время распри правительства Людовика IX съ прелатами реймской митрополи, по вопросу о церковной юрисдикціи въ свѣтскихъ дѣлахъ, бароны Франціи приняли сторону короля⁽³⁾. Не получивши отвѣта на свою жалобу отъ папы Григорія IX, черезъ десять лѣтъ они составили лигу (*communitatem*) для защиты своихъ правъ противъ притязаній духовенства. Былъ составленъ статутъ этого клятвеннаго союза⁽⁴⁾. Изъ своей среды бароны выбрали уполномоченныхъ, на которыхъ была возложена обязанность защищать каждаго изъ членовъ лиги противъ притязаній со стороны духовенства. На всѣ необходимые расходы каждый членъ союза обязанъ вносить въ общую кассу ежегодно $\frac{1}{100}$ часть стоимости своихъ земель. Всѣ споры меж-

⁽¹⁾ Mart. Jlist. Metr. Remensis. t. II. p. 526.

⁽²⁾ Arch. admin. de Reims. t. 1. 2. p. 641. Докум. 1241 г.

⁽³⁾ Ibidem. p. 594. Докум. 1235 г.

⁽⁴⁾ Statuta baronum Franciae contra Ecclesiam. Arch. admin. t. 1. 2. p. 690. Докум. 1246 г.

ду самими членами союза рѣшаются посредствомъ четырехъ уполномоченныхъ (¹).

Эта лига встревожила духовенство: оно обратилось съ жалобами къ папѣ Иннокентію IV, который формальнымъ декретомъ уничтожилъ замыслы бароновъ. „Тѣснятъ насъ со всѣхъ сторонъ, писалъ папа къ тускуланскому епископу, легату апостольскаго престола, котораго онъ отправлялъ въ Францію для уничтоженія лиги. Мы со всѣхъ сторонъ получаемъ вѣсти о жестокостяхъ преслѣдователей церквей Божіихъ. Но всего больше огорчаетъ насъ, что противъ Церкви возстаютъ бароны Франціи: тогда какъ между ними особенно должна бы процвѣтать вѣра и любовь къ Церкви. Ихъ предки проникнутые горячей вѣрой и искренней любовью, не только защищали Церковь отъ нападеній со стороны другихъ, но сами распространяли ее богатствами и оградилн многими привилегіями; а теперь замышляютъ противъ нея новый и неслыханный способъ нападенія. Скорбитъ наше сердце, какъ потому что примѣромъ такого злочестія могутъ заразиться и другія націи, такъ особенно потому, что обиды отъ друзей всегда больше оскорбляютъ, чѣмъ ненависть враговъ. Союзъ бароновъ противъ Церкви нарушаетъ коренныя ея права и привилегіи, оскорбляетъ ея честь, порождаетъ всеобщій соблазнъ и готовитъ неминуемую гибель для души. Если бы бароны подумали, что всѣ составляющіе союзъ, сочиняющіе статуты противъ церковной свободы, уже этимъ самымъ отлучаютъ себя отъ Церкви, то можетъ быть не рѣшились бы на такое нечестивое дѣло, или, рѣшившись, не стали бы въ немъ упорствовать. Своими замыслами они слятся ниспровергнуть не только свободу Церкви, но хотятъ разрушить все ея зданіе“. Затѣмъ Иннокентій повелѣваетъ своему легату отлучить всѣхъ членовъ лиги, настоящихъ и будущихъ, и всѣхъ кто будетъ стараться привлекать другихъ къ этому союзу. Предаются отлученію всѣ, которые будутъ хранить эти богоненавистные статуты противъ свободы церквей,—всѣ, которые составляли, писали, переписывали и обнародывали ихъ, или руководствовались ими при постановленіи судебныхъ рѣшеній. Папа повелѣваетъ предать отлученію и тѣхъ, которые будутъ препятствовать церковной юрис-

(¹) Ibidem. t. 1. 2. p. 691.

дирекціи во всѣхъ дѣлахъ духовныхъ или мірскихъ, — подвѣдомственныхъ духовенству на основаніи закона или прочно установившагося обычая ⁽¹⁾.

Но папскіе эдикты и отлученія уже безсильны были противъ того великаго переворота, который совершался во Франціи съ половины XIII вѣка. Идеи легистовъ, — этихъ борцовъ противъ феодализма во имя единой верховной власти въ государствѣ, — начинаютъ пробиваться въ жизнь. Святой король, желавшій жить со всѣми въ мирѣ, не разрушавшій вѣковаго зданія феодальнаго строя, но имѣвшій въ виду упрочить его своимъ законодательствомъ, своими идеями законности, общественнаго порядка и мира, не всегда былъ въ силахъ сдерживать въ границахъ эти новыя стремленія вѣка.

Самъ онъ лично до конца своей жизни оставался вѣрнымъ сыномъ Церкви. Свою готовность служить ей и защищать ея права ему пришлось еще разъ доказать на реймской коммунѣ. Здѣсь борьба между архіепископскою властью и коммунальными притязаніями не прекращалась. Отношеніе между обѣими враждебными силами было въ высшей степени неустойчиво. Малѣйшій перевѣсъ съ одной стороны всегда вызывалъ реакцію съ другой. Коммуна, подавленная при архіепископѣ Генрихѣ, при его преемникахъ снова начинаетъ обнаруживать признаки жизни и стремленіе къ самостоятельности. Въ горожанахъ Реймса въ теченіе всего средневѣковаго періода не умирало желаніе во что-бы-то ни стало добиться независимости отъ архіепископской власти, или по крайней мѣрѣ получить болѣе прочныя гарантіи для своей свободы. Задачей архіепископовъ наоборотъ было какъ можно больше стѣснить свободу общины, — подавить въ ней это ненавистное стремленіе къ независимости. Отсюда неминуемо должна была возникнуть борьба. Борьба эта ведется на каждомъ шагѣ, въ буквальномъ смыслѣ. На площадяхъ, на улицахъ, въ домахъ, въ городскомъ совѣтѣ, въ засѣданіяхъ архіепископскаго суда, — вездѣ мы видимъ столкновеніе обѣихъ враждебныхъ сторонъ. Только посредствомъ террора могли архіепископы реймскіе сдерживать непокорный духъ городской общины. Терроръ ослабѣвалъ, — коммуна поднимала голову. Преемникъ Генриха, архіепископъ Югелль

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims. t. 1. 2. p. 694—694. Докум. 1247 г.

характеромъ своимъ не походилъ на предшественника. Главной заботой его было духовное просвѣщеніе: онъ основалъ и далъ устройство первой реймской школь (Collegium Remense bonorum pedagogum) ⁽¹⁾. Всѣ время его правленія отличалось нѣкоторымъ, конечно, относительнымъ спокойствіемъ въ городѣ. Купцы и ремесленники принялись за обычные занятія, которыя были прерваны въ бурное правленіе архіепископа Генриха. Коммуна въ средніе вѣка отличалась удивительной способностью быстро возстановлять свои потери. Во время смутнаго правленія архіепископа Генриха торговля и промышленныя занятія жителей не могли идти успѣшно. Церковное отлученіе каждый разъ сопровождалось почти банкротствомъ для городскихъ капиталистовъ. Мы знаемъ уже, что архіепископы и папы своею властью разрѣшали должниковъ коммуны отъ уплаты ей долговъ, что всѣ контракты и обязательства въ отношеніи ея теряли силу. Кромѣ того коммуна и главнымъ образомъ конечно наиболѣе зажиточные горожане должны были своимъ имуществомъ отвѣчать за всѣ неистовства городской черни. Мы видѣли уже, какъ распорядился архіепископъ Генрихъ тогда, когда онъ не могъ найти виновныхъ въ какой-нибудь продажѣ. Каждый разъ за всякую попытку къ освобожденію коммуны приходилось платить въ пользу архіепископа значительныя контрибуціи. Церковныя покаянія, когда горожане должны были во нѣскольку разъ въ недѣлю совершать покаянныя процессіи, должны были для исполненія эпитиміи отправляться въ другіе города діоцеза, а иногда и дальше— на югъ Франціи, или въ Испанію ко гробу Св. Іакова де Компостелья,— всѣ эти проволочки кромѣ нравственнаго униженія не могли не отзываться тяжело и на городской торговлѣ и промышленности. Но на кажда вступалъ архіепископъ болѣе миролюбиваго характера,—внутри города возстановлялось нѣкоторое спокойствіе; по крайней мѣрѣ сравнительно съ прежними бурными временами,—и коммуна быстро начинала поправляться. Снова кипѣла въ ней дѣятельность, трудолюбивая жизнь, фабрики, заводы работали съ утра съ ночи; на нихъ были заняты тысячи рабочихъ рукъ. Вънутреннее спокойствіе позволяло безопасно отправлять товары на сѣверъ—въ богатые города Фландріи, или прода-

(1) Arch. admin. de Reims. t. 1. 2. p. 662. Докум. 1245 г.

вать ихъ на знаменитыхъ ярмаркахъ Шампани. Есть свидѣтельство, что реймскихъ купцовъ феодальные сеньоры приглашали для торговли въ свои владѣнія, обѣщая имъ покровительство⁽¹⁾. Безопасность привлекала въ городъ окрестное населеніе. Рабочія руки стачивались дешевле; являлась возможность готовить больше товаровъ и продавать ихъ дешевле. При безопасности и внутреннемъ спокойствіи не нужно было отправляться куда-нибудь далеко для сбыта своихъ произведеній: посторонніе купцы сами являлись въ городъ; фабриканты избѣгали опасностей далекаго странствованія и получали возможность выгодно намѣстѣ сбывать товары. Въ городъ стекались жители окрестныхъ селъ и деревень и везли сюда свои сельскія произведенія; всѣ жизненные припасы становились дешевле. Въ то время коммуны не знали еще тяжелыхъ поборовъ и чудовищныхъ пошлинъ со стороны королевской власти. Система поддѣлки монеты самими правительствомъ еще не была пущена въ ходъ: въ городѣ ходили полновѣсные экю, вычеканенные въ самомъ городѣ съ уплатой феодальному сеньору извѣстнаго процента⁽²⁾, и хорошіе ливры парижской работы или съ монетныхъ заводовъ г. Турна⁽³⁾. Это благотѣльно отзывалось на торговыхъ дѣлкахъ и оборотахъ; городъ пользовался кредитомъ со стороны феодаловъ и другихъ коммунъ. При внутреннемъ спокойствіи коммуна заключала торговые союзы съ другими городами⁽⁴⁾. При такой кипучей дѣятельности благосостояніе коммуны расло: капиталы увеличивались, достатокъ переходилъ въ народную массу. Даже внѣшній видъ города улучшался. Въмѣсто темныхъ, узкихъ, излучистыхъ улицъ и глухихъ переулковъ появлялись новые кварталы съ улицами болѣе просторными, прямыми и чистыми. Мы знаемъ уже, какъ заботливо городской совѣтъ амьенской коммуны слѣдилъ за правильностью построекъ въ городѣ. Коммуны сѣвера имѣли цѣлый строительный уставъ, который строго соблюдался. За неправильныя постройки, среди улицы, коммуны затѣвали процессы съ феодалами. Благосостояніе

(1) Arch. admin. t. 1. 2. p. 818. Докум. 1263 г.

(2) Право чеканить монету было представлено архіепископамъ реймскимъ еще Людовикомъ Заморскимъ въ 940 г. Arch. adm. de Reims. t. I. 1. p. 23, —urbis monetam perpetuo possidendam dedit.

(3) Ibidem. t. 1. 2. p. 819. Докум. 1263 г.

(4) Ibidem. t. 1. 2. p. 874. Докум. 1264 г.

коммуны выражалось въ увеличеніи числа лавокъ, гостиныхъ дворовъ, торговыхъ рынковъ. Чѣмъ свободнѣе была коммуна, тѣмъ свободнѣе, тѣмъ быстрѣе она развѣтывалась съ этой внѣшней стороны. Городъ Реймсъ не былъ свободной общиной, — и никогда онъ небылъ такъ богатъ, такъ многолюденъ, какъ счастливые города Фландріи, и даже свободныя коммуны сѣверной Франціи. Феодалная власть давила его; внутреннее раздѣленіе на разныя общины, признававшія разныхъ сеньоровъ, также мѣшало экономическому богатству и процвѣтанію. Но въ высшей степени интересно слѣдить на реймской коммунѣ тотъ фактъ, какъ при малѣйшемъ ослабленіи феодалнаго гнета быстро начинала развѣтываться городская жизнь во всѣхъ направленіяхъ. Съ улучшеніемъ экономическаго быта въ коммунѣ Реймса снова пробуждалась жажда свободы; феодалное иго становилось невыносимымъ. Экономическое богатство и стремленіе къ свободѣ всегда и вездѣ идутъ рука объ руку. Коммуну создалъ торговый и промышленный трудъ; первая мысль о ней возникла въ лавкѣ торговца, или въ мастерской ремесленника. Денежное богатство, накопившееся въ городахъ, дало возможность бороться съ самоуправствомъ поземельныхъ собственниковъ. Но съ развитіемъ свободныхъ городскихъ учреждений еще болѣе развивается дѣятельность городского сословія, еще больше возрастаетъ его экономическое богатство. Этотъ законъ соотношенія между свободой и экономическимъ развитіемъ всего рельефнѣе въ исторіи итальянскихъ республикъ. Но законъ этотъ можно прослѣдить и на каждой коммунѣ, какъ бы она не была незначительна. Ослабленіе феодалнаго гнета всегда вызывало въ нихъ улучшеніе экономическаго быта; лучше экономическое положеніе всегда порождало новое стремленіе къ освобожденію.

Этотъ законъ повторился и въ исторіи реймской коммуны. Съ улучшеніемъ экономическаго быта въ ней проснулась прежняя энергія. При преемникахъ Генриха де Бранъ перевѣсъ переходитъ на ея сторону. Военное управленіе города принадлежитъ ей; въ это время въ первый разъ мы встрѣчаемъ въ Реймсѣ городскую милицію. Городской советъ стремится дать ей наилучшую организацію: она раздѣляется на роты (*compagnie*), изъ которыхъ каждая имѣетъ особаго начальника съ громкимъ именемъ коннетабля. Городское войско день и ночь охраняетъ городскія укрѣпленія;

отсюда видно что ключи отъ городскихъ воротъ въ это время хранились въ городскомъ совѣтѣ. Каждая рота имѣла свое знамя, честь котораго была для него дороже. Горожане занимались военными экспедиціями, приучались владѣть шпагой, или искусно попадать въ цѣль. Свое искусство городской милиціи случалось примѣнять и къ дѣлу въ схваткахъ съ архіепископскими людьми. Городской совѣтъ заботился также и объ укрѣпленіи города. По приказанію городского начальства улицы по ночамъ запирались желѣзными цѣпями, устраивались баррикады, особенно со стороны архіепископскаго зѣмба. Все это дѣлалось для того, чтобы архіепископское войско не могло входить въ городъ безъ позволенія городского начальства. По всему было видно, что коммуна готовилась къ новой борьбѣ съ своимъ сеньоромъ, что она не думала ограничиться тѣми незначительными правами, которыя даны были ей архіепископской властью.

Архіепископскій престолъ въ то время занималъ Томасъ де Бомецъ (Thomas de Beaumetz). Онъ не отличался суровостью, энергіей, какъ—былъ архіепископъ Генрихъ. Но онъ не меньше его ненавидѣлъ коммуны и съ недовѣріемъ смотрѣлъ на затѣи неугомонныхъ горожанъ. Городская милиція, ея военныя упражненія, столкновеніе съ его людьми, а также цѣпи и баррикады, встревожили его. Онъ требовалъ объясненій отъ городского совѣта, приказывалъ оставить эти новости; но такъ какъ на его запросы отвѣчала уклончиво, а приказаній не слушались, то архіепископъ обратился къ королевской помощи. Онъ просилъ Людовика прибыть въ Реймсъ, выслушать его жалобы на горожанъ и собственной властью принудить ихъ оставить враждебные замыслы. Король явился и, выслушавши обѣ стороны, въ качествѣ посредника, далъ рѣшеніе сходное съ тѣмъ, которое онъ произнесъ назадъ тому двадцать два года. Городскіе засѣдатели говорили королю, что городъ Реймсъ, по всѣмъ правамъ, долженъ быть признаваемъ свободной коммуной. Какъ коммуна, онъ имѣетъ право учреждать милицію, назначать военныхъ начальниковъ, имѣть въ своемъ распоряженіи городскіе ключи, заботиться объ укрѣпленіи и безопасности города. Но король не обратилъ вниманія на эти возраженія. Рѣшеніе его состоялось въ пользу противной партіи; городскіе ключи были переданы архіепископу; городская милиція подчинена ему; вновь выстроенныя укрѣпленія и баррикады приказано

было разрушить⁽¹⁾. Постановление Людовика Св. по этому дѣлу касается и другихъ спорныхъ пунктовъ между архіепископомъ и городомъ. Такъ реймскіе жители оспаривали у архіепископа обязательную силу его постановленій, издаваемыхъ имъ безъ согласія городского совѣта. Они принимали въ городъ согражданъ, изгнанныхъ архіепископомъ—безъ формальнаго слѣдствія и суда съ участіемъ городскихъ засѣдателей. Городской совѣтъ налагалъ и собиралъ подати безъ дозволенія архіепископа, приказавъ прогнать архіепископскую стражу, приставленную для охраненія конфискованнаго имущества. Горожане не хотѣли отвѣчать на архіепископскомъ судѣ, когда производилось дѣло о самихъ засѣдателяхъ. Относительно всѣхъ спорныхъ пунктовъ, касающихся юрисдикціи, король далъ самый нерѣшительный, неопредѣленный отвѣтъ. Архіепископъ долженъ простить всѣ эти вины горожанамъ и ихъ засѣдателямъ. Самый фактъ должно считать уничтоженнымъ и какъ бы неслучившимся (*ad nihilatum ac si nunquam evenisset*). За тѣмъ сдѣлана такого рода оговорка, что жители Реймса и городское начальство не приобрѣтаютъ никакого новаго права, котораго они не имѣли прежде; а также и права юрисдикціи архіепископа ни въ чемъ не уменьшаются и не увеличиваются⁽²⁾. Это обыкновенный способъ рѣшенія трудныхъ спорныхъ дѣлъ въ средніе вѣка. Въ случаѣ невозможности согласить интересы партій, обыкновенно дѣлалось постановленіе только относительно факта; а вопросъ о правѣ оставался нерѣшеннымъ. „Мы не хотимъ, говоритъ король въ своемъ постановленіи, чтобы хартіи, которыми владѣютъ реймскіе граждане, или хартіи и грамоты, находящіяся у архіепископа, вслѣдствіе настоящаго рѣшенія, въ чемъ-нибудь получили больше или меньше силы и значенія, какое они имѣли до сихъ поръ“⁽³⁾.

Такимъ образомъ король весьма осторожно отнесся въ главному вопросу между Реймсомъ и архіепископомъ, — вопросу о томъ, слѣдуетъ-ли Реймсъ считать коммунальной вѣтъ?

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims. t. I. 2. p. 776. Докум. 1258 г.

⁽²⁾ Arch. admin. de Reims. t. I. 2. p. 779. Докум. 1258 г.

⁽³⁾ Ibidem.

Дальнѣйшая исторія борьбы г. Реймса съ феодальной властью архіепископа представляется намъ уже съ другимъ характеромъ. Со второй половины XIII в. парижскій парламентъ приобретаетъ въ королевствѣ значеніе высшаго судебного трибунала. Борьба коммуны съ притязаніями феодальнаго сеньора съ этого времени переносится въ парламентъ. Начинается длинный рядъ процессовъ, въ которыхъ роль истца и отвѣтчика попеременно принадлежитъ то архіепископу, то коммунѣ. Эта борьба ведется съ тѣмъ же ожесточеніемъ, съ такой же непримиримой ненавистью, съ какой она велась и до сихъ поръ посредствомъ оружія въ стѣнахъ самаго города. Настойчивость и энергія обѣихъ партій въ этой парламентской борьбѣ изумительны. Можно сказать, что со второй половины XIII в. до конца XIV в., въ теченіе полутора вѣка, тянется одинъ громадный процессъ между архіепископомъ и коммуной. Королевская власть въ лицѣ легистовъ сначала поддерживаетъ коммуну противъ архіепископа. Но эта поддержка ведется съ искуствомъ достойнымъ легистовъ. Парламентъ защищаетъ коммуну отъ феодальнаго самовластия, но не думаетъ давать ей автономіи. Архіепископъ выражаетъ притязаніе на полное господство въ городѣ,—это ему не удается. Но не удается и коммунѣ добиться полной свободы самоуправленія. Парламентъ быстро рѣшаетъ побочные вопросы о юрисдикціи, о правѣ налога и т. п. Но какъ скоро противныя стороны требуютъ его рѣшенія относительно главнаго пункта, относительно феодальной власти архіепископа, или о городской независимости,—легисты медлятъ рѣшеніемъ. Они затягиваютъ дѣло, поднимаютъ десятки побочныхъ вопросовъ, пускаютъ въ ходъ весь сложнѣйшій механизмъ средневѣковаго процесса,—и въ концѣ концовъ все-таки парламентское рѣшеніе оставляетъ главный вопросъ въ сторонѣ. Большою частью постановленія парламента касаются факта, а вопросъ о правѣ остается въ прежнемъ положеніи.

Періодъ парламентской борьбы въ исторіи Реймса имѣетъ огромное значеніе. Это эпоха усиленія въ городскихъ дѣлахъ королевской власти. Въ рѣшеніяхъ парламента, которыя часто колеблются между коммуной и архіепископомъ,—одна общая идея, которая выражается рѣзко и опредѣленно безъ малѣйшихъ колебаній. Это идея о верховной власти короля, о подчиненіи этой власти и феодальныхъ сеньоровъ

и городскихъ общинъ. Въ началѣ борьбы архіепископъ и коммуна обращаются къ этой власти за рѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ; въ концѣ борьбы королевская власть господствуетъ въ городѣ и надъ феодаломъ и надъ коммуной. Архіепископъ Реймскій по прежнему считаетъ себя полновластнымъ сеньоромъ въ городѣ; городская община по прежнему ведетъ свой родъ отъ древней римской муниципіи и по прежнему гордится такимъ знатнымъ родствомъ. Но въ этомъ уже только сила историческихъ предацій. Полный самовластный сеньоръ города — король или вѣрнѣе его намѣстникъ. Остается только тѣнь прежняго феодальнаго самовластія реймскихъ прелатовъ. Но и коммуна осталась не въ выигрышѣ; ея вѣковая борьба не слишкомъ много принесла ей; напротивъ она лишилась многого, чѣмъ владела при архіепископахъ. Въ выигрышѣ остался только одинъ король и та система административнаго единства, которую такъ упорно проводили легисты. Такимъ образомъ изучить парламентскую борьбу Реймской коммуны съ ея сеньорами — значитъ изучить постепенное паденіе и феодальныхъ правъ архіепископа и коммунальныхъ привилегій города. Но это только одна сторона дѣла. Борьба велась полтора столѣтія: она велась за самые дорогіе интересы обѣихъ партій. Она служитъ выраженіемъ внутренней жизни коммуны въ эту эпоху; поэтому она всего лучше вводитъ насъ въ эту жизнь. Черезъ нее мы знакомимся со всѣми отраслями городского управленія, городского суда, полицейскаго благоустройства, съ системой городского хозяйства, финансовъ и т. д. Процессы въ парламентѣ велись по каждому изъ этихъ отдѣловъ городской администраціи. Они лучшіе документы для изученія внутренней городской жизни второй половины среднихъ вѣковъ. Въ нихъ прекрасно рисуются, и гордая претензія архіепископа, и свободный духъ городской общины, и эта непрерывная борьба, борьба безъ отдыха и перемирія, борьба безъ сожалѣнія и пощады, борьба на каждомъ шагѣ, изъ за cadaго вопроса, которая составляетъ сущность и характеръ средневѣковой городской жизни.

Исходнымъ пунктомъ этой борьбы служитъ хартія архіепископа Вильгельма Шампанскаго или Вильгельмина, какъ окрестили ее средневѣковые юристы. Какъ ни не опредѣленны были ея положенія, во всякомъ случаѣ она послужила основаніемъ для городского устройства Реймса и для опредѣленія

отношеній между совѣтомъ городскихъ засѣдателей и архіепископской властью ⁽¹⁾.

Городской совѣтъ г. Реймса въ XIII в. состоялъ изъ 12 засѣдателей (échevins). Они выбирались только на одинъ годъ изъ природныхъ жителей Реймса подвластныхъ архіепископу. Избраніе происходило каждый годъ въ первый день поста. Всѣ жители Реймса архіепископской территоріи имѣли право на избирательный голосъ. Преобладанія въ правѣ выбора какой-либо городской партіи, аристократической или демократической, мы не видимъ. Архіепископская власть уравнивала всѣхъ и каждого. Выбранные засѣдатели въ тотъ же день являлись во дворецъ архіепископа и тамъ передъ его байльи давали присягу не посягать на феодальныя права архіепископа и производить судъ надъ городскими жителями со всей справедливостью и по совѣсти ⁽²⁾. Присяга эта давалась городскими засѣдателями отъ лица всѣхъ городскихъ жителей подвластныхъ архіепископу ⁽³⁾.

Послѣ присяги засѣдатели возвращались въ залу городского совѣта и распредѣляли между собой разныя отрасли городского управленія на весь предстоящій годъ.

Прежде всего выбирался предсѣдателемъ совѣта, такъ называемый городской прево. Потомъ—двое присяжныхъ засѣдателей отъ городского совѣта, для присутствованія при

⁽¹⁾ Источники для изученія правъ и обязанностей городского совѣта и внутренней городской администраціи: 1) Extrait d'un mémoire de Bergier, procureur de l'échevinage, en date du 25 Avril 1645. 2) Mémoire sur les droit de l' Echevinage dressée par ordre des échevins en 1564. 3) Extrait des mémoires de Bidet et de son histoire de l' Echevinage. Arch. adm. de Reims, t. 1. 2. p. 784.

Нужно помнить, что эти мемуары принадлежатъ уже новѣйшей эпохѣ XVI, XVII и XVIII вв. Поэтому ихъ нужно повѣрять на основаніи примыхъ документовъ городской администраціи. Эти послѣдніе даютъ возможность изучать городскія учрежденія Реймса въ ихъ историческомъ развитіи подъ вліяніемъ борьбы съ феодальной властью. Но указанные нами мемуары имѣютъ значеніе въ томъ отношеніи, что въ нихъ сгруппированы факты, разбѣянные въ огромномъ собраніи архивныхъ документовъ Реймса. Поэтому они служатъ хорошимъ пособіемъ при изученіи самыхъ документовъ.

⁽²⁾ Arch. adm. de Reims t. I 2. p. 484. Примѣч.

⁽³⁾ Ibidem. t. I. 1. p. 136. Примѣч.

рѣшеніи дѣлъ у архіепископскаго байльи или прево⁽¹⁾. Двое другихъ принимали на себя обязанность смотрѣть за городскими зданіями, мостовыми, городскими укрѣпленіями и т. п. Еще двоимъ засѣдателямъ поручалось управленіе городскими госпиталями, богадѣльнями и др. богоугодными заведеніями. Наконецъ двоимъ городскимъ казначеямъ ввѣрялись ключи отъ общественнаго сундука, въ которомъ хранились дѣловые и денежные документы и городская казна⁽²⁾.

Въ какомъ отношеніи городской совѣтъ стоялъ къ архіепископу? Имѣлъ ли право архіепископъ не утверждать выборовъ отъ города? Могъ ли онъ смѣнять ихъ собственною властью? Могъ ли привлечь къ своему суду членовъ городского совѣта за преступленіе по должности? Всѣ эти вопросы—чрезвычайно важны для опредѣленія степени городской свободы. Утвердительное или отрицательное рѣшеніе ихъ прямо касается вопроса о правахъ Реймской коммуны. Если городскіе засѣдатели—только уполномоченные архіепископа, если онъ можетъ назначать и смѣнять ихъ по произволу, если за каждое свое распоряженіе въ городѣ они постоянно должны опасаться феодальнаго суда, то коммуна,—какъ ассоціація жителей извѣстнаго города, съ извѣстными политическими правами,—не существуетъ. Городъ съ такимъ устройствомъ, съ такой ограниченной магистратурой, не больше какъ городъ простой буржуазіи. Реймсъ тогда ничѣмъ не отличался бы отъ окрестныхъ бурговъ и архіепископскихъ поселеній, въ родѣ *couture, venisse* и т. п.⁽³⁾ Мы видѣли, что хартія Вильгельма оставила этотъ пунктъ безъ разъясненія. Людовикъ IX не взялся рѣшить его. Но подобный вопросъ былъ вопросомъ жизни или смерти для коммуны. Оттого въ теченіе XIII и XIV в. онъ составлялъ предметъ постоянныхъ процессовъ въ парламентѣ. Обыкновенно этотъ вопросъ соединялся съ другимъ какимъ-нибудь, касавшимся городского суда или управленія. Такъ въ 1280 году между архі-

(1) Впрочемъ случалось, что въ засѣданіяхъ архіепископскаго суда присутствовали четверо или даже шестеро засѣдателей.

(2) Съ учрежденіемъ въ XIV в. большаго городского совѣта (*Grand Conseil de la Ville*) двое засѣдателей присутствуютъ въ немъ. *Arch. adm. de Reims t. I. 2. p. 484*; примѣч.

(3) *Arch. adm. t. I. 2. p. 737*. Примѣч. Докум. 1235—1263 г.

епископомъ и городомъ возникъ процессъ о взаимныхъ границахъ городской и архіепископской юрисдикціи. Архіепископскій прокуроръ оспариваетъ довѣренность коммуны, въ которой она уполномочиваетъ своего прокурора защищать ея интересы. Свое опроверженіе прокуроръ архіепископа основывалъ на томъ, что совѣтъ городскихъ засѣдателей не имѣетъ права держать печать,—потому что жители Реймса не составляютъ коммуны, какъ ассоціаціи съ извѣстными политическими правами (*pes corporis vel communitatem habebant*)⁽¹⁾. Городской прокуроръ возражалъ, что права и вольности Реймса такія же, какими обладаютъ коммуны Фландрія и сѣверной Франціи. Парламенту были предствлены съ той и другой стороны документы; но архіепископскій прокуроръ, не дожидаясь парламентскаго постановленія, согласился принять полномочіе прокурора городского. Такимъ образомъ вопросъ о коммунальномъ правѣ косвеннымъ образомъ былъ рѣшенъ въ пользу Реймса⁽²⁾.

Но въ XIV в. архіепископы и ихъ прокуроры не были уже такъ уступчивы. Этотъ періодъ времени всего богаче процессами о коммунальныхъ правахъ жителей Реймса. На техническомъ языкѣ юристовъ того времени вопросъ этотъ получилъ особое названіе „*Status scabinorum*“ (*état de l'échevinage*). Около 1306 г. по какому-то дѣлу архіепископъ потребовалъ къ себѣ на судъ городскихъ засѣдателей и приказалъ заключить ихъ въ тюрьму. Засѣдатели жаловались въ парламентъ на самовластіе архіепископа, который съ своей стороны опровергалъ самое право подобной жалобы. По его словамъ городскіе засѣдатели должны подлежать его суду и только послѣ рѣшенія дѣла могутъ апеллировать въ парламентъ какъ въ высшую инстанцію. Но засѣдатели утверждали, что во всемъ, касающемся должности, они подсудны только королю и парламенту (*super omnibus casibus scabinatum tangentibus habent possessionem coram rege non coram alio litigandi et standi juri*)⁽³⁾. На этотъ разъ члены совѣта были освобождены королевскою властью, а вопросъ о ихъ подсудности остался нерѣшеннымъ. Парламентъ потребовалъ только, чтобы та и другая сторона изготовила доказательства своихъ притязаній для слѣдующаго засѣданія. Вообще нуж-

(1) Arch. adm. de Reims t. I. 2. p. 965. Докум. 1280 года.

(2) Arch. admin. de Reims t. I. 2. p. 967. Докум. 1280 г.

(3) Arch. admin. t. II. 1. p. 52. Докум. 1306 года.

во замѣтить, что королевская власть находила выгоднымъ поддерживать права городского совѣта въ борьбѣ съ архіепископомъ. Она вовсе не имѣла желанія отдать богатый городъ въ полное распоряженіе феодальному самовластию. Притомъ нужно помнить, что королевская власть большею частью не дожидалась окончанія длинныхъ процессовъ въ парламентѣ. Дѣло о правахъ совѣта г. Реймса тянулось двадцать лѣтъ. Во все это время королевская власть на практикѣ поступаетъ такъ, какъ выгоднѣе было для нея самой. Но ея прямая выгода была поддерживать городской совѣтъ, который старался освободиться отъ архіепископской юрисдикціи и встать въ прямые отношенія къ королевской власти. Это стремленіе вполне совпадало съ идеями легистовъ; они больше всего бились изъ за того, чтобы разорвать феодальную іерархію, чтобы всякій членъ ея, какъ-бы низко онъ ни стоялъ, вступалъ въ прямые отношенія къ государственной администраціи. Поэтому королевскіе судьи, байльи, прево и т. п. на практикѣ поступаютъ согласно желаніямъ коммуны, не дожидаясь окончанія парламентныхъ преній; тѣмъ болѣе, что короли формально приказывали имъ поддерживать и защищать права коммуны отъ всякихъ насилій со стороны феодала⁽¹⁾. Въ примѣненіи къ Реймской коммунѣ королевскіе приказы давали королевскимъ сановникамъ полномочіе вмѣшиваться въ раздоры народа съ прелатомъ. Въ средніе вѣка административная и судебная практика имѣла огромное значеніе. Время было переходное: взаимныя права и отношенія, вопросы о подсудности, объ отношеніи коммуны къ феодаламъ, къ королевскимъ судьямъ, объ отношеніи феодаловъ къ королевской власти и т. п. — вся эта административная система только еще вырабатывалась. Прежній порядокъ уже не отбѣчалъ требованіямъ и идеямъ эпохи; новый порядокъ еще не сложился. Въ эту эпоху неустановившихся отношеній со стороны королевской власти было много захватовъ, много незаконнаго, не оправдываемаго ни феодальнымъ уже отживающимъ правомъ, ни правомъ коммунальнымъ, еще не сложившимся въ твердыя и опредѣленныя формы. Вопросъ о правахъ Реймской коммуны служить прекраснымъ оправда-

(1) Arch. de Reims t. II. 1. p. 196. Докум. 1317. года. Приказъ Филиппа Красиваго своему байлю въ Верманду.

віємъ нашего мнѣнія. Коммуна считаетъ себя полноправною; но законныхъ доказательствъ въ юридическомъ смыслѣ этого слова она представить не можетъ. Ея хартіи неясны и неопредѣленны; ея прошедшее говоритъ и за нее и противъ нея. Архіепископъ считаетъ себя полновластнымъ сеньоромъ города. Но подобныя притязанія уже несвоевременны; имъ противорѣчатъ множество фактовъ изъ прошедшей исторіи его отношеній къ городу. Было-же время, когда предшественники ихъ уважали городскую свободу, давали городу хартіи, позволяли свободный выборъ городскихъ начальниковъ? Вѣдь было-же время, когда городъ имѣлъ и милицію, и свою общественную казну, входилъ въ сдѣлки съ другими коммунами, съ другими сеньорами, даже съ самими архіепископами Реймскими. Оттого въ большомъ затрудненіи были почтенные совѣтники парламента, эти искусившіеся во всевозможныхъ тонкостяхъ юридическаго искусства легисты, когда приходилось имъ составлять окончательный протоколъ по дѣлу о правахъ Реймскаго городского совѣта. Нужно читать всѣ эти объемистые процессы, всѣ эти длинные дебаты прокуроровъ и адвокатовъ, чтобы имѣть понятіе о трудности рѣшаемаго дѣла. Та и другая сторона развиваетъ свою теорію и приводитъ сотни аргументацій, сотни фактовъ. Онѣ представляютъ и старинныя грамоты и хартіи, онѣ ссылаются на факты давно минувшаго времени, указываютъ на примѣры другихъ коммуналь, другихъ феодаловъ, онѣ обращаются къ разуму, къ исторіи, къ праву римскому, къ праву феодальному, даже къ праву естественному. Всѣ тонкости средневѣковой діалектики пущены въ ходъ. Но по всему видно, что это могучіе борцы, что они выступаютъ съ равными силами, что они не уступаютъ другъ другу въ искусствѣ вести дѣло. Они ловко умѣютъ открывать слабыя стороны противника, неожиданно напасть на нихъ, искусно отразить нападеніе. Но въ то же время видно и то, что борьба идетъ между врагами непримиримыми. Нѣтъ ни одного положенія, ни одного пункта, на которыхъ они могли бы согласиться. Прокуроръ архіепископа съ неподражаемымъ искусствомъ развиваетъ свою теорію, приводитъ доказательства и факты, ловко подводитъ ихъ подъ свой взглядъ о полной феодальной власти архіепископа надъ городомъ. Прокуроръ городского совѣта на каждое его положеніе отвѣчаетъ, что онъ не вѣритъ этому, что онъ не думаетъ такъ

(*non credo, non admitto*) и т. п. Приходитъ очередь городскаго прокурора и на всѣ свои длинныя разсужденія и неоспоримыя аргументы онъ получаетъ такой-же отвѣтъ отъ своего противника.

Мы сказали, что въ парламентскихъ процессахъ обѣ враждебныя стороны развиваютъ полную теорію своихъ правъ. Возьмемъ для примѣра хотя одинъ процессъ и посмотримъ, на чемъ основываютъ свои притязанія архіепископъ и коммуна (¹). Вотъ напримѣръ какія доказательства въ пользу феодальныхъ правъ Реймскаго прелата представлялъ его прокуроръ въ 1384 г.—Городъ Реймсъ не есть коммуна въ смыслѣ полноправной ассоціаціи гражданъ, имѣющей свою самостоятельную магистратуру, свои судебныя и административныя права. Тѣ хартіи, на которыя ссылаются городскіе засѣдатели, не говорятъ объ этомъ ясно и опредѣленно. Хартія Вильгельма не упоминаетъ ни о коммунѣ, ни о городскомъ совѣтѣ (*scabinatus*). Реймскіе граждане не могутъ основывать свои притязанія на давности владѣнія коммунальнымъ устройствомъ (*nes erant admittendi dicti scabini ad se juvandum usu longo*) (²). Прескрипція въ подобныхъ случаяхъ не допускается. На основаніи хартіи Вильгельма жители Реймса могутъ изъ среды себя выбирать засѣдателей, но архіепископъ имѣетъ право утверждать ихъ и назначать вновь въ случаѣ несогласія гражданъ. Это служитъ доказательствомъ, что засѣдатели подвластны архіепископу, что въ случаѣ злоупотребленій по должности они подлежатъ его суду. Но прокуроръ архіепископа этимъ неограничивается: онъ отвергаетъ уже всякое значеніе хартіи Вильгельма. Въ духовныхъ дѣлахъ архіепископъ Вильгельмъ былъ подвластенъ папѣ; относительно свѣтскихъ своихъ владѣній — королю; по этому онъ не имѣлъ права отчуждать отъ Реймской архіепископской кафедры ни духовныхъ, ни свѣтскихъ ея правъ. Онъ не могъ никому давать ни правъ юрисдикціи, ни правъ владѣнія, ни правъ личной свободы; не могъ уменьшать доходовъ архіепископа и т. п. Отсюда ясно, что его хартія не имѣетъ силы и дана съ превышеніемъ власти и по ошиб-

(¹) Мы беремъ для примѣра процессъ 2-й половины XIV в., потому что обѣ теоріи въ это время сложились уже окончательно.

(²) Arch. admin. de Reims t. III. p. 547. Докум. 1384 года.

въ (*dicta charta erat nulla et nullius valoris, surrepticie et per errorem concessa*)⁽¹⁾. Отсюда другой выводъ, что грамоты королей и папъ, подтверждающія хартію Вильгельма, тоже не имѣютъ ни малѣйшей силы. Всѣ эти хартіи и грамоты получены воровски, онѣ нарушаютъ добрые нравы, вводятъ въ смертный грѣхъ, нечестивы и даны по ошибкѣ⁽²⁾. Прокуроръ настаивалъ, чтобы парламентъ въ своемъ рѣшеніи объявилъ такими всѣ указанные документы (*praedictae chartae pronunciarentur inique, torçonnerie, irracionabiles, cum Dei displicencia, contra bonos mores, contra virtutem et bonum justicie, et contra rempublicam concessae*)⁽³⁾. Относительно Реймской коммуны прокуроръ требовалъ, чтобы она со всѣми правами была предоставлена власти архіепископа, что архіепископская курія рассмотреть, слѣдуетъ ли совсѣмъ уничтожить эти права, или допустить ихъ въ той мѣрѣ, въ какой это будетъ согласно съ видами архіепископа⁽⁴⁾.

Посмотримъ теперь, какъ возражалъ прокуроръ городского совѣта.—Городъ Реймсъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ городовъ французскихъ. Блаженный Реми былъ въ немъ архіепископомъ и крестилъ перваго христіанскаго короля Франціи. Сюда Господь ниспослалъ святѣйшее миро, которымъ помазуются французскіе короли на царство. Такое высоекое значеніе Реймсъ передалъ и своему архіепископу: онъ признается всѣми главою въ духовныхъ дѣлахъ, герцогомъ Реймскимъ и первымъ перомъ Франціи. Прилично, чтобы такой славный городъ превосходилъ другіе города также и правами и привилегіями⁽⁵⁾. Извѣстно, что чѣмъ свободнѣе городъ, чѣмъ богаче онъ надѣленъ привилегіями, тѣмъ больше онъ изобилуетъ и народонаселеніемъ; въ него притекаетъ много жителей, которые, живя въ такомъ городѣ, легко и скоро богатеютъ. Отъ такого увеличенія народонаселенія и народнаго богатства самая власть архіепископа получаетъ больше силы и блеска; самыя выгоды и доходы его должны непримѣтно

(1) Arch. adm. de Reims t. III. p. 549. Докум. 1384 года.

(2) Такъ говорить о папскихъ грамотахъ можно было только въ XIV вѣкѣ.

(3) Arch. adm. de Reims t. III. p. 553. Докум. 1384 года.

(4) Ibidem, p. 555.

(5) Arch. adm. de Reims t. III. p. 556. Докум. 1384 года.

увеличиваться. Владѣя правами и привилегіями, городъ Реймсъ больше почестей можетъ воздать и королямъ Франціи, когда они являются въ городъ для священнаго миропомазанія и коронаванія. Многіе города французскаго королевства владѣютъ извѣстной долей свободы съ самаго своего возникновенія. Съ незапамятныхъ временъ города эти пользуются коммунальнымъ устройствомъ, выбираютъ мэровъ и засѣдателей и это дѣлаютъ по естественному праву своихъ жителей, безъ всякихъ хартій или уступокъ. Другіе города приобрѣли права и привилегіи вслѣдствіе пожалованія отъ своихъ феодальныхъ владѣтелей. Они пользуются ими тоже съ незапамятныхъ временъ (*per longum et antiquum usum*). Къ числу этихъ послѣднихъ городовъ принадлежитъ и г. Реймсъ. Его привилегіи даны ему Вильгельмомъ Шампанскимъ. Дальше прокуроръ излагаетъ содержаніе Вильгельмовой хартіи и толкуетъ ее въ смыслѣ благопріятномъ для городской свободы. Архіепископъ Вильгельмъ понималъ, что двѣнадцать засѣдателей могутъ всегда лучше, безошибочнѣе дѣлать судебныя постановленія, чѣмъ одинъ архіепископскій байль. По этому хартія Вильгельма сообразна и съ здравымъ смысломъ и съ общимъ народнымъ правомъ. Затѣмъ городской прокуроръ ссылается на королевскія и папскія грамматы, на парламентскую и вообще судебную практику, которая всегда сообразна была скорѣе съ его теоріей, чѣмъ съ теоріей его противника. Въ своемъ заключеніи прокуроръ требовалъ, чтобы всѣ упомянутыя имъ хартіи и грамматы о правахъ и вольностяхъ Реймской коммуны были признаны во всей силѣ (*bonas et validas, debite factas et concessas*)⁽¹⁾.

Мы сказали, что вмѣстѣ съ вопросомъ о правахъ Реймской коммуны были тѣсно связаны и другіе вопросы, особенно о архіепископской и городской юрисдикціи. Въ спорахъ съ коммуной архіепископъ преимущественно опирался на свое право судиться только судомъ себѣ равныхъ. Его феодальная гордость возмущалась, что онъ герцогъ, графъ и первый пэръ Франціи долженъ судиться въ обыкновенныхъ парламентскихъ засѣданіяхъ съ своими людьми, (съ этими *vilains, hommes de poûté, levant et couchant de lui* и т. п.). Но эта претензія не соответствовала видамъ королевской влас-

(1) Arch. adm. de Reims t. III. p. 355—367. Докум. 1384 года.

сти. Городскіе прокуроры-тоже легисты отлично понимали это. Оттого она въ своихъ дебатахъ постоянно опираются на права королевской власти. Иногда имъ удавалось добиваться того, что королевскій прокуроръ становился на ихъ сторону, и тогда процессъ происходилъ между королемъ и коммуной съ одной стороны и архіепископомъ съ другой. Вотъ какія положенія высказываетъ прокуроръ Реймской коммуны вмѣстѣ съ королевскимъ прокуроромъ въ 1348 году ⁽¹⁾.— Городскіе засѣдатели Реймса во всякомъ дѣлѣ касающемся ихъ правъ и юрисдикціи могутъ и даже обязаны требовать архіепископа Реймскаго на судъ въ парламентъ ⁽²⁾. Они подсудны королю или его байльи безъ всякаго посредства. Въ качествѣ начальниковъ города они изъяты отъ свѣтской юрисдикціи архіепископа и его чиновниковъ. Дальше прокуроры приводятъ и доказательства этого положенія. Съ незапамятныхъ временъ въ Реймсѣ существуютъ городской совѣтъ и засѣдатели. Каждый годъ они выбираются жителями Реймса и архіепископъ не имѣетъ права отмѣнять этого выбора. Эти засѣдатели имѣютъ всѣ права коммунальной магистратуры: у нихъ есть печать, общественный сундукъ, общественная касса и т. д., однимъ словомъ всѣ атрибуты городского совѣта. Съ незапамятныхъ временъ они управляютъ дѣлами Реймской коммуны, служатъ ея представителями, защищаютъ ея интересы, отъ ея имени являютъ на судъ въ парламентъ и къ королевскому байльи. Всѣ эти права Реймская коммуна получила отъ королей французскихъ безъ участія архіепископовъ. Вотъ по этому-то засѣдатели Реймса подсудны только королевской власти безъ всякаго посредства. Съ незапамятныхъ временъ совѣтъ г. Реймса приносилъ жалобы на архіепископовъ, на ихъ притѣсненія и обиды въ судахъ королевскихъ ⁽³⁾. Этого не

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims. t. II. 2. 1197. Докум. 1348 года.

⁽²⁾ Постановленіе парламента начинается такъ: *Lite pendente in curia nostra, inter dilectum et fidelem consiliarium nostrum Remensem Archiepiscopum ex una parte, et procuratorem nostrum ac scabinos hanni ipsius Archiepiscopi, in quantum quemlibet eorum tangit, ex altera.* p. 1198—1200.

⁽³⁾ Не забудемъ, что дебаты происходятъ въ 1348 году. 100 лѣтъ судебной практики сдѣлали свое дѣло: право вести процессы въ парламентъ противъ архіепископа городской совѣтъ считаетъ уже кореннымъ своимъ правомъ.

могло бы быть. если бы архіепископъ имѣлъ феодалныя права въ отношеніи городскому совѣту (*laquelle chose ne fut pas, se il fut sirez (sire) dudit eschevinage*). По обычаямъ страны подданный не имѣетъ права привывать на судъ своего господина въ случаѣ незаконнаго поведенія съ его стороны. Впрочемъ говорятъ, что между господниномъ и подданнымъ даже не можетъ быть и вопроса о какихъ-нибудь незаконныхъ нововведеніяхъ (*entre seigneur et sujet ne chiet point de nouvelleté*). Не было случая на памяти человѣческой, чтобы архіепископы привлекали къ своему суду реймскихъ засѣдателей по дѣламъ ихъ службы. Всякій разъ когда Реймская коммуна начинала процессъ противъ архіепископа, онъ требовалъ, чтобы спорное дѣло было передано его собственному суду; но каждый разъ ему отказывали въ этомъ ⁽¹⁾.—Эти доказательства, приведенныя нами въ сжатомъ видѣ, излагаются въ парламентскихъ процессахъ со всѣми тонкостями тогдашняго юридическаго искусства. Общій смыслъ всѣхъ положеній королевскаго и городскаго прокуроровъ заключается въ слѣдующей формулѣ: выгоды короля и коммуна неразрывно между собой связаны: они взаимно должны защищать права другъ друга (*Les choses sont si fort relatives entre le roy et lesdis eschevins que li uns garde le droit de l'autre*)⁽²⁾.

Долго тянулись процессы въ парламентѣ о взаимныхъ правахъ и отношеніяхъ Реймскаго архіепископа и городскихъ засѣдателей. Вопросъ этотъ возникалъ по поводу каждаго спора почти при каждомъ процессѣ. Парламентъ выслушивалъ дебаты обѣихъ сторонъ, требовалъ и разсматривалъ документы той и другой партіи, но не давалъ яснаго и опредѣленнаго рѣшенія. Отъ половины XIII до половины XIV в., по главному вопросу между архіепископомъ и коммуной, въ огромномъ количествѣ парламентскихъ постановленій не сказано почти ни слова. Они рѣшаютъ второстепенные пункты: о границахъ городской и архіепископской юрисдикціи, объ отдачѣ на поручительство лицъ арестованныхъ архіепископомъ, о значеніи городскихъ засѣдателей въ засѣданіяхъ архіепископскихъ судей и много другихъ вопросовъ судебной практики. Чѣмъ объяснить эту уклончивость парламентскихъ

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims. t. II. 2. p. 1198—125. Документъ 1348 года. См. p. 1199.

⁽²⁾ Ibidem. p. 1204.

судей? Прежде всего замѣтимъ, что эта нерѣшительность только кажущаяся. Уже тотъ фактъ, что жалобы на архіепископа были принимаемы и разсматриваемы парламентомъ, опровергаетъ теорію архіепископа и въ известномъ смыслѣ допускаетъ теорію прямого подчиненія Реймской коммуны верховной власти. Затѣмъ относительно второстепенныхъ вопросовъ парламентъ не раздѣляетъ притязаній духовнаго феодала и рѣшая ихъ въ пользу коммуны, тѣмъ самымъ подрываетъ его феодальную теорію. Вся судебная практика королевскихъ судовъ шла въ разрѣзъ съ феодальными правами архіепископа. Уже со 2-й половины XIII в. онъ былъ принужденъ подчиняться рѣшеніямъ парламента не только въ своихъ спорахъ съ коммунной, но даже и съ частными гражданами⁽¹⁾. По случаю распріи между архіепископомъ и городскимъ совѣтомъ, иногда незначительныхъ, парламентъ поручалъ производить слѣдствіе королевскимъ судьямъ⁽²⁾. Королевскіе суды⁽³⁾ больше и больше вмѣшивались во внутреннія дѣла коммуны. Уже въ 1294 году коммуна требуетъ архіепископа на судъ въ парламентъ по дѣлу одного горожанина, заключеннаго архіепископомъ въ тюрьму за поддѣлку какихъ-то документовъ⁽⁴⁾. Король Филиппъ дѣлаетъ уже общее распоряженіе относительно раздоровъ партій въ Реймсѣ. Онъ при казываетъ своему байлди назначать день архіепископу и членамъ городского совѣта для явки въ парламентъ⁽⁵⁾. Черезъ четыре года засѣдатели подняли вопросъ о правахъ архіепископской юрисдикціи. Они жаловались въ парламентъ, что архіепископъ подвергаетъ заключенію жителей города вопреки прямому смыслу хартіи Вильгельма Шампанскаго, тогда какъ онъ долженъ былъ отпускать ихъ на поруки, давая имъ такъ называемую на юридическомъ языкѣ того

(1) Arch. admin. de Reims. t. I. 2. p. 902. Докум. 1269 года.

(2) Ibidem. p. 994. Докум. 1284 года.

(3) Парламентъ со 2-й половины XIII в. есть, собственно говоря, высшая инстанція королевскихъ судовъ. Онъ уже утратилъ прежнее свое значеніе феодальнаго суда паровъ. Этотъ послѣдній судъ существуетъ и въ XIII и въ XIV в., но какъ судъ чрезвычайный, собираемый только въ важныхъ случаяхъ, по феодальнымъ дѣламъ касающимся паровъ. Пары являются совѣтниками парламента, но не засѣдаютъ въ немъ. Все значеніе принадлежатъ совѣтникамъ изъ легистовъ.

(4) Arch. admin. de Reims. t. I. 2. p. 1082. Докум. 1294 года.

(5) Ibidem t. II. 1. p. 45. Докум. 1302 года.

времени рекреденцію (*recredentiam, récréance*). Когда архіепископъ отказывался освободить заключенныхъ, то король приказывалъ исполнить это лаонскому байльи⁽¹⁾. Съ тѣхъ поръ вѣдательство королевскаго байльи въ юрисдикцію архіепископа становится уже постояннымъ. Каждый разъ, когда по требованію городскаго совѣта, архіепископъ отказывался отпустить на поруки арестованныхъ горожанъ, коммуна жаловалась въ парламентъ, и каждый почти разъ парламентъ приказывалъ байльи, своей собственной властью, дѣлать рекреденцію⁽²⁾. Огромное число процессовъ, возникавшихъ въ парламентѣ по этому поводу, было причиной что въ XIV в. королевскіе байльи получили право освобождать на поруки уже собственною властью, не дожидаясь парламентскихъ приказовъ⁽³⁾. Такимъ образомъ съ половины XIII в. архіепископъ въ своихъ спорахъ съ городскими совѣтомъ подчиняется суду парламента. Поэтому относительно вопроса *de statu scabinoꝝum* парламентъ находилъ влѣшнимъ опредѣленно выражать то, что давно уже было рѣшено на практикѣ.—Но была еще причина, почему парламентъ такъ осторожно относился къ главному вопросу между архіепископомъ и коммуной. До половины XIV в. притязанія и архіепископа и коммуны не были согласны съ видами легистовъ. Каждая сторона требовала гарантій въ свою собственную пользу, мало заботясь о королевской власти. Архіепископы обращались къ королю во имя своихъ феодальныхъ правъ, только какъ къ высшему сюзерену. Коммуна просила его быть только посредникомъ между собой и архіепископомъ. Легисты не раздѣляли взглядовъ ни той ни другой стороны. Идеи ихъ объ административномъ единствѣ Франціи подъ сѣнью королевской власти—не мирились ни съ стародавними отжившими правами феодала, ни съ молодыми свѣжими стремленіями демократической общины. Высказаться за ту или другую сторону они не могли; потому что каждое рѣшеніе ихъ служило основой для дальнѣйшихъ притязаній. Высказаться прямо за преобладаніе королевской власти и надъ феодаль-

(1) *Ibidem* t. II. 1. p. 53. Докум. 1306 года.

(2) Сюда относятся огромное число парламентскихъ процессовъ. См. t. II. 1. p. 62. Докум. 1308 г. p. 74. 1309. p. 228—233. Докум. 1318 г. 370.—1323 г. 433.—1326 г. 441.—1327 г. II. 2. 973.—1345 г. p. 1497—1348 г. 1216 того же года и т. д.

(3) *Arch. admin. de Reims.* t. III. p. 161. Докум. 1361 года.

ными правами сеньора и надъ притязаніями коммуны они не рѣшались; они предпочитали проводить въ жизнь королевскую идею медленнымъ путемъ практики; они хотѣли подорвать постепенно ту и другую сторону въ крайнихъ ея проявленіяхъ; посредствомъ административной практики приучить средневѣковое общество къ королевской ферулѣ. Эта медленная политика удалась какъ нельзя лучше. Во 2-й половинѣ XIV в. коммуны заискиваютъ уже у королевской власти и не раздѣляютъ своихъ интересовъ съ ея интересами⁽¹⁾. „Взаимныя отношенія королевской власти и городского совѣта таковы, говорили прокуроры городской и королевской, что они должны защищать права другъ друга“. Когда вопросъ былъ поставленъ въ этомъ видѣ, то не трудно угадать рѣшеніе парламента: онъ уже формально, прямо и рѣшительно объявляетъ архіепископа подсуднымъ парламенту во всѣхъ его дѣлахъ съ коммуной⁽²⁾. Съ этого времени вопросъ о правахъ городского совѣта можно считать рѣшеннымъ уже не на практикѣ только, но и въ теоріи. Каждое рѣшеніе парламента служило исходнымъ пунктомъ для доказательствъ въ послѣдующихъ процессахъ. Такимъ образомъ юридическія понятія о коммунахъ, объ ихъ отношеніи къ феодальнымъ сеньорамъ и къ королевской власти, выработались сначала въ административной и судебной практикѣ, а потомъ получили свое легальное выраженіе въ административныхъ и юридическихъ актахъ.

Всѣ эти процессы сильно отзывались на упадкѣ феодальной власти Реймскихъ архіепископовъ. Чего не могли добиться вѣковыми усиліями смѣлые граждане Реймса, то сдѣлали легисты, засѣдавшіе въ парламентѣ и занимавшіе судебныя и исполнительныя должности въ провинціальныхъ округахъ. Легисты — это главная опора королевской идеи; они и развили ее и боролись за нее и проводили ее въ жизнь. Кромѣ громаднаго знанія, юридическаго искусства, политической ловкости, они отличались еще непреклонностью воли и смѣлостью въ исполненіи парламентскихъ и королевскихъ предписаній. То, что вырабатывали парламентскіе совѣтники въ судебныхъ засѣданіяхъ, — смѣло и рѣшительно проводили въ жизнь королевскіе байльи и прево. Вся эта административная іерархія легистовъ, отъ высшихъ ея чле-

(1) Arch. adm. de Reims, t. II. 2. p. 1198—1205. Докум. 1348 г.

(2) Ibidem. t. II. 2. p. 1206. Докум. 1348 года.

новъ до самыхъ низшихъ, представляетъ общество стройно организованное во имя одной общей идеи. Это войско, одушевленное одной общей мыслью, однимъ общимъ желаніемъ. Расскажемъ хотя одинъ изъ сотни случаевъ, какъ приводились въ исполненіе парламентскія рѣшенія въ отношеніи къ архіепископу реймскому. Мы беремъ фактъ начала XIV в., когда еще сильны были гордые притязанія этихъ герцоговъ и первыхъ пэровъ Франціи⁽¹⁾.

Архіепископъ конфисковалъ имѣніе одной горожанки по какому-то дѣлу, приказалъ запечатать ея сундуки и для охраненія ихъ поставилъ въ ея домъ сержанта. По жалобѣ горожанки парламентъ, находя конфискацію ея имущества незаконной, далъ приказъ лаонскому байльи принудить архіепископа снять арестъ съ конфискованнаго имущества и возвратить его по принадлежности. Байльи поручилъ это дѣло лаонскому прево и одному изъ его сержантовъ. Эти послѣдніе, явившись въ Реймсъ, пригласили къ себѣ архіепископскихъ судей, чтобы предъявить имъ приказъ байльи о выдачѣ имущества горожанкѣ. Тѣ отказались повиноваться и даже не явились на приглашеніе. „Тогда мы, доносить лаонскій прево Марживаль, вмѣстѣ съ сержантомъ и въ сопровожденіи огромной толпы реймскихъ жителей, отправились въ Портъ-Марсу. Но ворота его были заперты. По приказанію вашему и отъ имени короля мы потребовали отъ привратника, чтобы немедленно онъ отворилъ ворота и впустилъ насъ въ замокъ, потому что у насъ есть дѣло до архіепископскаго байльи или его помощника. Привратникъ отвѣчалъ, что онъ воротъ не отворитъ и мы въ замокъ не войдемъ. Тогда мы спросили его: „Кто онъ такой и какъ его зовутъ?“ На этотъ вопросъ онъ сказалъ дерзко: „Зачѣмъ вамъ это? У меня нѣтъ имени, или по крайней мѣрѣ вы отъ меня его не узнаете.“ Видя такое неповиновеніе, мы трижды повторили наше требованіе, но привратникъ не слушался. Тогда мы громко и внятно, въ присутствіи огромной толпы народа, прочитали вашъ приказъ и снова потребовали, чтобы ворота замка были отворены, но и на этотъ разъ повиновенія намъ не было оказано. Дѣлать было нечего и мы воротились въ нашъ отель. На слѣдующее утро къ намъ

(1) Arch. adm. de Reims t. II. 1. p. 70. Докум. 1308 г.

явился архіепископскій превдъ вмѣстѣ съ другими людьми архіепископа и спросилъ, что намъ нужно? Когда ми объяснили ему наши требованія и предъявили вашъ приказъ, то онъ потребовалъ копію. Копія была ему дана, но онъ потребовалъ еще сутки для обсужденія этого дѣла въ архіепископскомъ совѣтѣ. Мы сказали, что въ этомъ нѣтъ особенной надобности, что достаточно ему приказа и что разсуждать тутъ нечего, а слѣдуетъ исполнять ваше приказаніе. Впрочемъ все-таки мы подождали еще сутки: намъ хотѣлось знать, что скажутъ намъ архіепископскіе люди. На другой день превдъ снова явился и объявилъ, что совѣтъ не находитъ нужнымъ исполнять вашего приказа и не намѣренъ передѣлывать то, что уже сдѣлано. Тогда мы объявили, что находимъ себя вынужденными силой исполнить то, чего они не хотятъ сдѣлать по доброй волѣ. Сейчасъ же мы отправились въ домъ горожанки, прогнали архіепископсваго сержанта, распечатали сундуки, имѣніе отдали хозайкѣ и поставили къ ней людей, чтобы они въ случаѣ нужды защитили эту женщину отъ насилія со стороны архіепископа. Потомъ мы схватили одного изъ вассаловъ архіепископа (*homines fittés*) и отправили въ лаонскую тюрьму. Дорогой мы заѣхали въ архіепископское помѣстье Курмисы (*Courmissi*), потребовали къ себѣ архіепископскихъ судей, отмѣнили извѣстное вамъ рѣшеніе, рѣшили дѣло отъ имени королевской власти и нѣкоторымъ лицамъ приказали отправиться въ лаонскую тюрьму. Все это мы сдѣлали по вашему приказанію, чтобы принудить архіепископа къ повиновенію. Будьте увѣрены, что мы всегда готовы исполнять вашу волю⁽¹⁾.—Разсказанный нами случай одинъ изъ числа многихъ примѣровъ приведенія въ исполненіе парламентскихъ рѣшеній относительно прелатовъ реймскихъ. Разница только въ томъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ меньше исполнителямъ королевской воли они оказываютъ сопротивленія. Байльи отворяетъ архіепископскія тюрьмы и освобождаетъ заключенныхъ горожанъ⁽²⁾. Напрасно архіепископы старались запереть ихъ куда нибудь подальше,—въ одинъ изъ окрестныхъ замковъ. Сержанты отсылали ихъ и тамъ и смѣло исполняли приказы королевской

(¹) Arch. admin. de Reims t. II. 1. p. 70—72. Докум. 1308 г.

(²) Ibidem. t. II. 1. p. 228—233. Докум. 1318 года.

власти. Въ рукахъ байльи было могущественное средство заставить архіепископовъ повиноваться,—это конфискація на имя короля ихъ свѣтскихъ владѣній⁽¹⁾. Такимъ образомъ по неволѣ приходилось смириться. Прелаты реймскіе XIV в. далеко не напоминаютъ собой прежнихъ гордыхъ полновластныхъ архіепископовъ, которыхъ трепетали реймскіе граждане, которымъ могущественные графы Шампани давали ленную присягу, которыхъ уважали сами короли и боялись оскорбить ихъ архіерейскую и феодальную гордость. Теперь сержантъ законскаго байльи требуетъ ихъ на судъ въ парламентъ. Однажды случилось, что королевскій сержантъ собственной властью хотѣлъ даже приступить къ разбирательству спора между архіепископомъ и городскимъ совѣтомъ⁽²⁾.

Но мы ошиблись бы, если бы на основаніи этихъ данныхъ сдѣлали заключеніе, что власть архіепископовъ реймскихъ въ отношеніи къ реймской коммунѣ сдѣлалась ничтожною. Въ теченіе не только XIII-го, но и большей части XIV в. архіепископы остаются сеньорами г. Реймса. Его притязанія сильно ограничены королевскимъ вмѣшательствомъ; но тѣмъ не менѣе феодальныя его права надъ городомъ весьма значительны. Во всю вторую половину среднихъ вѣковъ мы видимъ борьбу, но не видимъ еще исхода этой борьбы,—полнаго паденія архіепископскихъ феодальныхъ правъ. Борьба ведется съ двухъ сторонъ: со стороны легистовъ и со стороны самой коммуны. Мы видѣли, какъ велась борьба отъ имени королевской идеи; посмотримъ теперь, какъ она ведется во имя коммунальной свободы. Этотъ очеркъ даетъ намъ случай познакомиться съ отношеніями коммуны къ архіепископской власти и съ правами городского совѣта, которыя составляютъ мѣру коммунальной свободы. Кромѣ того мы увидимъ въ чемъ состоялъ результатъ парламентской борьбы коммуны съ архіепископомъ. Главный атрибутъ власти въ средніе вѣка составляла юрисдикція. Мы видѣли, какими обширными судебными правами обладалъ городской совѣтъ г. Амьена. За исключеніемъ трехъ королевскихъ случаевъ (*cas royaux*)—убійства, грабежа и измѣны,—всѣ судебныя дѣла въ Амьенѣ рѣшаются коммунальными вла-

⁽¹⁾ Ibid. p. 433. Докум. 1326 года.

⁽²⁾ Arch. adm. de Reims t. II. 2. p. 1010. Докум. 1346 года.

стями. Посмотримъ теперь, то ли было въ Реймсѣ, такъ ли были обширны судебныя права его городскихъ властей.

На основаніи хартіи Вильгельма Шампанскаго въ началѣ XIII в. судебное устройство г. Реймса представляется въ слѣдующемъ видѣ. Архіепископскіе судьи, безъ всякаго участія реймскихъ засѣдателей, рѣшаютъ уголовныя дѣла по убійству, грабежу и измѣнѣ. Такимъ образомъ архіепископу принадлежитъ безраздѣльно высшая городская юрисдикція въ уголовныхъ преступленіяхъ. Въ дѣлахъ гражданскихъ архіепископскіе судьи вѣдаютъ всѣ споры между архіепископскими феодалами. Если членъ городской общины принадлежитъ къ числу вассаловъ архіепископа, то въ отношеніи ленныхъ земель и владѣній онъ подлежитъ также суду архіепископскаго двора. Въ дѣлахъ феодальныхъ прежде судъ принадлежалъ всѣмъ вассаламъ архіепископа подъ его предсѣдательствомъ; но съ XIII в. мы видимъ, что и эти дѣла рѣшаются обыкновеннымъ судомъ, то есть байльи и превѣ. Въ трехъ уголовныхъ случаяхъ горожане реймскіе, поселенные на архіепископской землѣ, судятся архіепископскими судьями безъ всякаго участія засѣдателей только тогда, когда эти преступленія (убійство, грабежъ, измѣна) очевидны и не требуютъ формальнаго процесса. Но въ противномъ случаѣ, а также и въ другихъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ, въ засѣданія архіепископскаго байльи или превѣ должны быть приглашаемы городскіе засѣдатели. Это неотъемлемое право Реймской коммунъ, которымъ она пользовалась съ незапамятныхъ временъ и которое подтверждено за ней хартіей Вильгельма Шампанскаго. Засѣданія архіепископскаго байльи или превѣ⁽¹⁾ происходили въ Портъ-Марсѣ. Для жителей Реймса были назначены два дня въ недѣлю: вторникъ и пятница; прочіе дни назначались для разбирательства по дѣламъ жителей окрестныхъ архіепископскихъ помѣстьевъ⁽²⁾. Въ послѣдствіи съ 1384 г. судебныя

(¹) Сначала предметъ юрисдикціи байльи и превѣ не былъ строго разграниченъ. Но съ XIV в. байльи судятъ въ уголовныхъ дѣлахъ, а превѣ въ гражданскихъ.

(²) Бурги Couture et Venisse были расположены вблизи Реймса и со временемъ прикнули къ Реймской коммунѣ. Жители этихъ бурговъ участвовали въ выборѣ городскихъ засѣдателей и имѣли право судиться съ участіемъ двоихъ изъ нихъ. Въ судѣ предсѣдательствовала мэръ—лицо уполномоченное отъ архіепископа. Arch. admin. de Reims. t. I. Notice bibliograph. LVII p.

дѣла производились уже не въ Портъ-Марсѣ, а въ городскомъ домѣ (¹). Сюда являлись, по приглашенію архіепископскихъ судей, двое или четверо, а иногда и больше, городскихъ засѣдателей. Вотъ это-то право коммуны и давало постоянный поводъ къ столкновениямъ съ архіепископской властью. Хартія Вильгельма не указала съ точностью предѣловъ между чисто-феодальнымъ судомъ архіепископа и смѣшаннымъ судомъ архіепископскихъ судей съ участіемъ городскихъ засѣдателей. Она не рѣшала, какіе случаи грабежа, убійства, измѣны слѣдуетъ считать очевидными (notoria), какіе нѣтъ. Отсюда поводъ къ разнаго рода столкновениямъ и процессамъ въ парламентѣ. Совершалось въ городѣ убійство; архіепископъ приказывалъ схватить и заключить въ Портъ-Марсѣ виновнаго. Начинались пытки, допросы; къ суду привлекали много другихъ гражданъ. Всѣ дѣла велось съ тайнственностью; родственники схваченныхъ, засѣдатели совѣта ничего не знали объ ихъ участи. Если арестованному удавалось какъ-нибудь получить свободу, то онъ рассказывалъ о страшныхъ подземельяхъ замка, объ ужасныхъ пыткахъ, которымъ подвергали его. Много было насилія и несправедливостей со стороны архіепископскихъ властей. Права юрисдикціи становились въ ихъ рукахъ средствомъ къ вымогательствамъ разнаго рода. Эти притѣсненія увеличивались еще вслѣдствіе того, что судебныя должности давались архіепископомъ на ленномъ правѣ за извѣстную сумму. Реймские граждане отказывались являться въ Портъ-Марсѣ на судъ вассаловъ архіепископа, но это не помогало: за каждый случай неявки въ XIII в. былъ положенъ штрафъ въ 60 ливровъ,—сумма весьма значительная для того времени (²).

Городской совѣтъ Реймса и вся Реймская коммуна ненавидѣли феодальные суды архіепископа. Съ XII в. до половины XIII-го притѣсненія и произволы этихъ судовъ составляли одну изъ главныхъ причинъ возмущеній противъ феодальной власти. Со второй половины XIII в. коммуна нашла

(¹) Домъ этотъ назывался *Maison de la Pierre au Change*. Отсюда юрисдикція городскихъ засѣдателей, подъ предѣтельствомъ феодальныхъ судей, получила свое названіе: *jurisdiction de l'Eschevinage de la Pierre au Change*.

(²) *Arch. adm. de Reims t. I. 2. p. 974. Докум. 1280 г.*

другое, болѣе вѣрное средство противъ архіепископскихъ судовъ. Съ этого времени начинаются жалобы въ парламентъ, начинается длинный рядъ процессовъ, исходъ которыхъ былъ благодѣтеленъ для коммуны (¹). Парламентъ, такъ осторожно относившійся къ вопросу о правахъ Реймской коммуны (*de statu scabinozum*), въ вопросѣ объ юрисдикціи былъ рѣшительнѣе. Онъ поддерживалъ притязанія городского совѣта и чаще всего рѣшалъ дѣла въ его пользу. Большая часть преступныхъ случаевъ была признаваема сомнительными и требующими формальнаго процесса съ участіемъ городскихъ засѣдателей (²). Но этого было еще мало: архіепископъ могъ держать подъ арестомъ обвиняемыхъ въ извѣстномъ преступленіи даже и въ томъ случаѣ, если ихъ дѣло рѣшалось съ участіемъ засѣдателей. Процессъ и не скоро начинался и долго продолжался, а обвиняемый долженъ былъ томиться въ архіепископской тюрьмѣ, подвергаясь разнымъ истязаніямъ и пыткамъ (³). Средство къ освобожденію давала хартія Вильгельма, именно то ея мѣсто, въ которомъ говорилось о поручительствѣ. Это такъ называемая *gestudentia*, за которую такъ стояли жители Реймса и которая также была предметомъ парламентскихъ процессовъ. Коммуна посредствомъ огромныхъ усилій и издержекъ наконецъ добилась того, что отдача на поруки сдѣлалась обыкновенной въ судебной процедурѣ того времени. По смыслу Вильгельмовой хартіи обвиняемый могъ получать свободу, если онъ предоставитъ въ обезпеченіе своей явки на судъ какое нибудь имущество, или поручительство отъ другихъ гражданъ. Въ послѣднемъ случаѣ приговоръ могъ падать на поручителей, если бы обвиняемый не явился къ суду, или былъ не въ состояніи удовлетворить судебному рѣшенію. Подобный порядокъ дѣла не всегда былъ строго соблюдаемъ (⁴). Парламентъ рѣшалъ дѣло просто объ отдачѣ на поруки городскимъ засѣдателямъ, не объясняя условій ихъ поручительства. Вслѣдствіе этого ре-

(¹) Въ первый разъ въ парламентѣ было рѣшено дѣло о правахъ юрисдикціи между коммуной и архіепископомъ въ 1280 году. См. *Arch. adm. de Reims t. I. 2. p. 985*. Докум. этого года.

(²) *Arch. adm. de Reims t. II. 1. p. 87*. Докум. 1306 года.

(³) *Ibidem t. II. 2. p. 795*. Докум. 1338 года.

(⁴) *Arch. adm. de Reims t. II. 2. p. 251*. Докум. 1345 года.

креденція потеряла свой первоначальный смысл и приравнивалась къ простому о освобожденіи подсудимыхъ, съ обязательствомъ явиться на судъ архіепископскаго байльи съ участіемъ городскихъ засѣдателей⁽¹⁾. Жители Реймса постоянно пользовались этимъ правомъ. Если кто нибудь изъ арестантовъ умиралъ прежде парламентскаго рѣшенія по вопросу о поручительствѣ, то засѣдатели все-таки приводили въ исполненіе парламентское постановленіе. Для этого дѣлалось изображеніе умершаго и надъ нимъ исполняли формальности, предписываемыя судебной практикой того времени⁽²⁾. Случалось, что даже мертвые трупы отдавали на поруки. Такъ въ 1326 году одна женщина упала въ колодезь и утонула. Архіепископъ, относя этотъ случай къ самоубійству, приказалъ взять мертвое тѣло, а на имущество утопленницы наложилъ арестъ. Но городскіе засѣдатели и къ этому случаю примѣнили законъ объ отдачѣ на поруки. Тѣло было имъ выдано съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей рекреденціи⁽³⁾.

Какое же значеніе имѣли Реймскіе городскіе засѣдатели въ гражданскомъ и уголовномъ процессахъ у архіепископскихъ судей⁽⁴⁾? Байльи бесспорно принадлежало судебное слѣдствіе, преслѣдованіе преступниковъ въ случаѣ нужды, его арестъ и т. п. Затѣмъ онъ былъ на судѣ предсѣдателемъ, онъ призывалъ къ суду обвиняемыхъ и свидѣтелей, производилъ допросы, отбиралъ показанія, приводилъ къ присягѣ, постановлялъ о судебныхъ поединкахъ, въ случаѣ нужды давалъ судебныя отсрочки, рѣшалъ: нужно ли подсудимаго отдать на поруки, или подвергнуть тюремному заключенію. Во время засѣданій если городскіе засѣдатели распоряженія байльи находили законными, то подписывали ихъ безъ всякихъ возраженій, но въ случаѣ нарушенія правъ, гарантированныхъ коммунѣ хартіями, они протестовывали⁽⁵⁾. Но главное значеніе ихъ было въ постановленіи окончательнаго приговора. Послѣ судеб-

(1) Arch. adm. de Reims t. II. 2. p. 1216. Докум. 1348 года.

(2) Ibidem t. II. 1. p. 265. Докум. 1324 года.

(3) Arch. admin. de Reims t. II. 1. p. 420. Докум. 1326 года.

(4) Источникомъ для судебного процесса въ Реймсъ служатъ такъ называемыя *plaids en baillie et en prévôté*. Arch. adm. de Reims t. II. 2. p. 665. Докум. 1333—1335 года.

(5) Ibidem p. 704.

ныхъ дебатовъ они дѣлали свое заключеніе, записывали его и вручали байльи⁽¹⁾. Эта судебная функція напоминаетъ собой постановленія нынѣшнихъ присяжныхъ о виновности или невинности подсудимаго. Сначала подобныя постановленія реймскихъ засѣдателей, по всей вѣроятности, не имѣли обязательной силы для архіепископскихъ судей. Они должны были только соображаться съ мнѣніемъ засѣдателей, но имѣли право и не слѣдовать имъ. Хартія Вилльгельма намекаетъ на это, когда говоритъ, что въ случаѣ неправильнаго приговора со стороны городскихъ засѣдателей, архіепископскій судъ имѣетъ право исправить ихъ постановленіе⁽²⁾. Но реймскіе засѣдатели этимъ неудовольствовались: они стремились сдѣлать свои постановленія обязательными, изъ присяжныхъ превратиться въ судей, а архіепископскихъ чиновниковъ сдѣлать исполнителями своихъ рѣшеній⁽³⁾. Королевская власть сначала поддерживала такія притязанія городскихъ засѣдателей⁽⁴⁾. Съ теченіемъ времени засѣдатели приобрѣли право присутствовать при формальномъ приглашеніи обвиняемаго въ суду; послѣ чего, если обвиняемый не являлся, то его подвергали изгнанію. Этотъ призывъ дѣлали трижды и по крайней мѣрѣ одинъ разъ онъ долженъ былъ совершаться съ участіемъ засѣдателей⁽⁵⁾. Случалось, что засѣдатели съ умысломъ не исполняли этой формальности, а потомъ, когда невзвѣсившійся преступникъ былъ осуждаемъ на изгнаніе, они протестовывали. Это давало поводъ къ злоупотребленіямъ и безнаказанности преступниковъ. Архіепископъ жаловался въ парламентъ и дѣло было рѣшено въ его пользу⁽⁶⁾. Этимъ же рѣшеніемъ отнято было у засѣдателей право прежде постановленія рѣшенія требовать судебныя дѣла для просмотра⁽⁷⁾. Вообще конецъ XIV в. представляетъ упадокъ значенія городскихъ засѣдателей въ гражданскомъ и уголовномъ судопроизводствахъ. Пользуясь смутнымъ

(1) Arch. admin. de Reims. t. II. 2. p. 713. Докум. 1333 г.

(2) Ibidem t. I. 4. p. 391. Докум. 1182 года.

(3) Ibidem t. III. p. 895. Докум. 1398 года.

(4) Ibidem t. II. 2. p. 713. Докум. 1333 года.

(5) Arch. admin. de Reims. t. II. p. 961—963. Докум. 1345 г.

(6) Ibidem t. III. p. 858. Докум. 1395 года.

(7) Ibidem p. 861.

временемъ и своими связями при дворѣ, архіепископы реймские стали призывать къ суду самихъ засѣдателей реймскихъ и подвергать ихъ штрафамъ за проступки по должности. Вообще это время представляетъ уже значительный упадокъ городской свободы и старинныхъ правъ городскихъ засѣдателей. Королевская власть, всесильная въ городѣ, уже не находила нужнымъ поддерживать городской совѣтъ въ борьбѣ съ архіепископомъ. Справедливость требуетъ сказать, что въ пылу борьбы съ архіепископскимъ деспотизмомъ городской совѣтъ г. Реймса дѣйствовалъ не всегда во имя правосудія и строгой справедливости. Отъ 2-й половины XIV в. сохранился весьма замѣчательный процессъ, въ которомъ обвинителемъ городскихъ засѣдателей является королевскій прокуроръ (¹).— „Постоянное вмѣшательство городскихъ засѣдателей въ судебные процессы, говорилъ онъ въ парламентѣ, ведетъ къ ненаказанности важныхъ преступниковъ. Только тогда они считаютъ преступленіе явнымъ и не требующимъ судебныхъ доказательствъ, когда оно совершено въ ихъ присутствіи. Если преступникъ былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, на самомъ мѣстѣ преступленія, при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, то засѣдатели все-таки называютъ фактъ сомнительнымъ, требуютъ отдачи на поруки и формального процесса съ ихъ участіемъ, на которомъ они иногда оправдываютъ виновнаго. (Королевскій прокуроръ приводитъ нѣсколько примѣровъ такого несправедливаго со стороны членовъ городского совѣта) (²). Злоупотребленія происходятъ и въ гражданскомъ процессѣ. Положимъ, кто-нибудь изъ реймскихъ торговцевъ схваченъ съ фальшивой мѣрой или вѣсами,—ему стоитъ только дать ложную присягу въ своей невинности, и онъ свободенъ отъ наказанія“ (³).—Но подобныя злоупотребленія были естественны при неустановившихся правилахъ судебного процесса. Притѣсненія со стороны феодальной власти вызывали злоупотребленія со стороны городскихъ властей. Городскіе совѣтники всѣми мѣрами старались защитить своихъ согражданъ отъ архіепископскаго суда. Они не считали его трибуналомъ правосудія, а напро-

(¹) Arch. admin. de Reims t. II. 2. p. 1234. Докум. 1349 г.

(²) Arch. admin. de Reims. t. II. 2. p. 1235. Докум. 1349 г.

(³) Arch. admin. de Reims. t. II. 2. p. 1236.

тивъ источникѣмъ притѣсненій и вымогательствъ разнаго рода. Свидѣтельства о злоупотребленіяхъ городскихъ засѣдателей вообще очень рѣдки, тогда какъ нѣтъ конца свидѣтельствамъ о насиліяхъ архіепископскаго суда. Вотъ наприм. какое средство нажитья придумалъ архіепископскій прево въ 1376 году. Архіепископу принадлежали дѣла о прелюбодѣяннн. Пользуясь этимъ, прево начинаетъ заирать въ Реймсѣ честныхъ женщинъ и дѣвушекъ подъ предлогомъ подозрѣнія въ прелюбодѣяннн. Мужья и отцы для избѣжанія бзчестія платили ему огромныя суммы. Городской совѣтъ вступился за оскорбленныхъ и жаловался въ парламентъ, который велѣлъ прево вознаградить всѣхъ обиженныхъ имъ жителей Реймса и возвратить полученные съ нихъ деньги (¹).

Всматриваясь въ общій характеръ судебной дѣятельности городскихъ засѣдателей Реймса, нельзя не признавать благотѣльными результаты той упорной борьбы, которую они съ такимъ блестящимъ успѣхомъ выдержали противъ архіепископской власти. Стремленіе коммуны состояло въ томъ, чтобы превратить произвольныя, безконтрольныя дѣйствія архіепископскаго суда въ формальный судебный процессъ и распространить судъ съ участіемъ присяжныхъ на всѣ возможные случаи. Средствомъ для борьбы могла быть только ябеда, схоластически-юридическое толкованіе разныхъ хартій и грамматъ, допросы въ парламентъ, прокурорскіе дебаты и судебныя процессы. Въ этомъ отношеніи коммуна была также настойчива, энергична, какъ и въ революціонныхъ вспыскахъ XII-го и первой половины XIII вѣка. Коммуна не жалѣла денегъ на парламентскіе процессы, которые въ то время обходились не дешево; она щедро платила деньги своимъ прокурорамъ и парижскимъ адвокатамъ (²). Процессы не всегда удавалось выигрывать: коммуна платила штрафы, платила судебныя издержки, но не падала духомъ, снова затѣвала процессъ—и выигрывала дѣло. Борьба городскихъ засѣдателей съ феодальнымъ судомъ архіепископа велась не только въ парламентѣ, но и у себя дома, съ архіепископскимъ байльи и прево, во время ихъ судебныхъ засѣданій.

(¹) Arch. adm. de Reims. t. III. p. 431.

(²) Arch. admin. de Reims. t. III. p. 701. Докум. 1389 г. t. II. 2. p. 889.—1343 г.

Рѣдко засѣданіе происходило безъ оппозиціи и безъ горячихъ споровъ со стороны засѣдателей. Сами горожане или ихъ прокуроры, опираясь на защиту присяжныхъ, смѣло возражали феодальнымъ судьямъ⁽¹⁾. Эта борьба не осталась безъ послѣдствій. Если городскимъ засѣдателямъ не удалось превратиться въ присяжныхъ, въ судей; если имъ не удалось распространить право собственнаго участія на всѣ судебные процессы, то за то они сумѣли отстоять это относительно большей части процессовъ⁽²⁾. Не забудемъ, что это право до начала борьбы было спорнымъ. Съ другой стороны нельзя не признать и расширенія судебныхъ правъ городского совѣта. Въ XII в. простые совѣтники, мѣнѣе которыхъ всегда можно было исправить и отвергнуть, въ XIV в. — городскіе засѣдатели, уже присяжные въ полномъ смыслѣ этого слова. Ихъ постановленія (verdict) дѣлаются обязательными для архіепископскихъ судей. Въ случаѣ неисполненія этихъ постановленій, засѣдатели жалуются въ парламентъ и большею частью выигрываютъ дѣло. Вѣковыми усилиями средневѣковыхъ коммунъ положено прочное начало тому знаменитому французскому процессу съ участіемъ присяжныхъ и адвокатовъ, который, на ряду съ англійскимъ, считается образцомъ судебныхъ процессовъ для всей Европы.

Но судебныя обязанности городскихъ засѣдателей не ограничивались только участіемъ въ процессахъ у байльи или превѣ. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ они были мировыми судьями по желанію самихъ тяжущихся⁽³⁾. Горожане не любили архіепископской процедуры и обращались къ третейскому разбирательству своихъ засѣдателей. Всѣ добровольныя сдѣлки между гражданами совершались въ присутствіи городского совѣта и вносились въ его регистры. Часть взыскиваемыхъ при этомъ денегъ должна была идти въ пользу архіепископа; оттого подобныя сдѣлки совершались въ присутствіи его сержанта⁽⁴⁾. За тѣмъ всѣ такъ называемыя *assurements*, то

(1) Arch. admin. de Reims. t. II. 2 p. 894—916. Докум. 1344 г. Plaid en baille et en prévôté.

(2) Такъ засѣдатели участвуютъ въ феодальномъ судѣ архіепископа относительно наслѣдованія архіепископскихъ земель. Arch. admin. de Reims. t. II. 2. p. 584. Докум. 1329 г.

(3) Arch. adm. de Reims. t. II. 1. p. 306. Докум. 1322 г.

(4) Arch. admin. de Reims t. I. 1. Nitice bibliographique LIX.

есть, ручательства въ сохраненіи мира со стороны враждующихъ сторонъ, совершались въ городскомъ совѣтѣ.

Но былъ еще цѣлый отдѣлъ городской администраціи, въ которомъ засѣдатели дѣйствовали независимо отъ архіепископской власти, именно городская полиція и городское хозяйство. Засѣдатели имѣли право надзора за всѣми товарами, которые продавались въ городѣ; они назначали таксы для хлѣбниковъ, смотрѣли за порядкомъ на рынкахъ, рѣшали всѣ споры торговаго характера и т. п. Они имѣли право надзора за правильностью мѣръ и вѣсовъ, за городскими постройками, за улицами и мостовыми. Ни одинъ изъ жителей не имѣлъ право выстроить въ городѣ какое либо новое строеніе или поправить старое безъ ихъ рѣшенія. На ихъ обязанности лежало наблюденіе за постройками по случаю коронованія королей, — триумфальными воротами, подмостками въ церкви и т. п. Со временемъ они получили право принимать въ составъ коммуны постороннихъ лицъ, давать имъ право гражданства въ Реймсѣ (*droit de bourgeoisie*). Городскіе засѣдатели назначали на разныя ниспія городскія должности, имѣвшія предметомъ своимъ торговый, хозяйственный и полицейскій надзоръ въ городѣ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ должностей: *courtiers*, которые должны были смотрѣть за правильной продажей вина; *jaugeurs*, — которые должны были мѣрить бочки съ виномъ и другими напитками, такъ какъ съ ихъ вмѣстимости бралась извѣстная пошлина; *brasseurs de foins*, которые охапками мѣрили сѣно, бывшее въ продажѣ; *maistres visiteurs de mareés, des pores* и т. п., лица, обязанныя смотрѣть за продажей рыбы, мяса и т. д.; *presentateur de bourgeois*, — на его обязанности было представлять въ городской совѣтъ вновь поступающихъ въ составъ коммуны. Мы должны нѣсколько дольше остановиться на послѣдней должности, потому что съ ней связано одно изъ важнѣйшихъ правъ городскихъ засѣдателей, — принятіе въ коммуну новыхъ членовъ. — Городъ Реймсъ пользовался общимъ правомъ коммунъ Франціи, по которому всякій прожившій въ городѣ одинъ годъ и одинъ день становился членомъ городской общины и освобождался отъ всѣхъ обязательствъ въ отношеніи къ прежнему своему владѣльцу⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims. t. III. p. 533. Докум. 1384 г.

Это правило относилось въ крѣпостнымъ, бѣгавшимъ отъ своихъ феодальныхъ владѣльцевъ. Но не одни крѣпостные желали селиться въ Реймсѣ. Во время экономическаго, торговаго и промышленнаго процвѣтанія Реймской коммуны, многие жители окрестныхъ городовъ и бурговъ считали за честь получить права Реймской буржуазіи. Право принятія новыхъ членовъ развивалось путемъ историческимъ, какъ и всѣ права реймской и городской общины. Сначала это принятіе зависѣло единственно отъ воли архіепископа, или его вассала виконта. Этотъ послѣдній, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими городскими доходами, которыми онъ пользовался на ленномъ правѣ, собиралъ доходъ и съ вновь поступающихъ въ члены Реймской коммуны. Такъ какъ въ средніе вѣка всякое феодальное право непременно соединялось съ правами юрисдикціи, то отъ виконта зависѣло допустить или нѣтъ посторонняго лица въ составъ городской общины⁽¹⁾. Коммуна боролась и за это чрезвычайно важное право всякой свободной общины. На первый разъ она добилась того, что это право сдѣлалось смѣшаннымъ. Каждый вновь поступающій долженъ былъ обращаться сначала къ архіепископу или его виконту, который, получивши установленную пошлину, представлялъ просителя въ городской совѣтъ. Только послѣ исполненія этихъ формальностей вновь поступавшій могъ называться реймскимъ гражданиномъ и записывался въ городской списокъ. Если виконтъ медлилъ или отказывалъ въ принятіи желающимъ, то городской совѣтъ жаловался въ парламентъ и парламентъ рѣшалъ дѣло въ его пользу⁽²⁾. Въ послѣдствіи общимъ правиламъ было принято, что архіепископъ или его виконтъ не имѣетъ уже права отказывать желающимъ поступать въ число реймскихъ гражданъ, но каждого должны представлять городскому совѣту⁽³⁾. Наконецъ коммуны удалось сосредочить въ своихъ рукахъ права принятія новыхъ членовъ безъ всякаго участія кого бы то ни было. Тогда военнаго должностнаго *presentateur des bourgeois*. Онъ дѣлалъ то, что прежде обязанъ былъ дѣлать архіепископскій вассаль, т. е. обязанъ былъ вновь поступающихъ представлять город-

(1) Arch. admin. de Reims t. II. 4. p. 220. Докум. 1318 года.

(2) Arch. admin. de Reims t. III. p. 824. Докум. 1394 г.

(3) Ibidem. p. 825.

свому совѣту; который послѣ присяги записывалъ ихъ въ реестръ буржуазіи. Кромѣ того онъ долженъ былъ наводить справки о прошедшей жизни, нравственности и образѣ поведенія лицъ, желающихъ попасть въ члены коммуны; потому что коммуна остерегалась принимать людей сомнительнаго поведенія⁽¹⁾. Тотъ же процессъ постепеннаго освобожденія отъ примѣся феодальныхъ элементовъ представляютъ намъ и другія права коммуны въ полицейскомъ и хозяйственномъ отношеніи. Споры городскихъ засѣдателей съ архіепископомъ со 2-й половины XIII в. разбираются или королевскими судьями и парламентомъ, или оканчиваются мировыми сдѣлками (accord). Такъ еще въ 1284 г. мы видимъ посредничество въ этихъ спорахъ лаонскаго прево⁽²⁾. Въ XIV в. парламентъ вмѣстѣ съ важными дѣлами рѣшаетъ споры и торгово-полицейскаго характера. Рѣшенія эти болъшею частью поддерживали притязанія засѣдателей. Такъ въ 1321 г. въ ихъ пользу было рѣшено дѣло о прилавкахъ, построенныхъ архіепископомъ на городской улицѣ прямо на дорогѣ⁽³⁾. Этимъ рѣшеніемъ поддержано было право городского совѣта наблюдать за городскими постройками и улицами⁽⁴⁾. Архіепископъ оспаривалъ у городскихъ властей право назначенія на нисшія полицейскія должности. Такъ въ 1323 году по рѣшенію третейскаго суда за городскимъ совѣтомъ было признано право назначать лицъ для измѣренія сѣна, соломы и т. п. (brasseurs)⁽⁵⁾. Въ 1344 году королевскій байль получилъ приказъ отъ короля поддержать засѣдателей противъ притязаній архіепископа относительно права надзора за продажей вина⁽⁶⁾. Иногда произволъ архіепископа въ подобныхъ дѣлахъ доходилъ до крайности: пользуясь своимъ феодальнымъ правомъ, онъ бралъ пошлыны за провозъ товаровъ черезъ городскія ворота, или по извѣстной улицѣ. Такъ какъ объ одной изъ такихъ пошлынъ со сторо-

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims. t. 1. 2. p. 487. Примѣчаніе.

⁽²⁾ Ibidem. p. 994. Докум. 1284 г.

⁽³⁾ Arch. admin. de Reims. t. II. 1. p. 276. Документъ 1321 года. t. II. 2. p. 797.—1339 г.

⁽⁴⁾ Подобное право называлось въ средніе вѣка voigie отъ латинск. viarium. См. Дю-Канжа Glossarium подъ этимъ словомъ.

⁽⁵⁾ Arch. admin. de Reims. t. II. 1. p. 369. Докум. 1323 г.

⁽⁶⁾ Ibidem. t. II. 2. p. 923. Докум. 1344 г.

ны засѣдателей возникъ споръ, то архіепископъ приказалъ запереть одни изъ городскихъ воротъ и перегородить улицу. Дѣла подобнаго рода доходили тоже до парламента, который ограничивалъ самоуправство архіепископа (1).

Впрочемъ каждую бездѣлицу доводить до парламента было неудобно для обѣихъ сторонъ; отсюда возникаютъ соглашения между архіепископомъ и городскими засѣдателями относительно разныхъ спорныхъ пунктовъ торговаго и полицейскаго надзора въ городѣ. Общій характеръ этихъ соглашеній тотъ, что полицейская власть дѣлится между архіепископомъ и городомъ. Архіепископъ признаетъ за городскими засѣдателями право полицейскаго суда въ извѣстныхъ случаяхъ нарушенія разныхъ правилъ городского благоустройства (2). Въ другихъ случаяхъ подобныя дѣла рассматриваются въ засѣданіяхъ байльи или превдъ съ участіемъ городскихъ засѣдателей (3). Для надзора за продажей жизненныхъ припасовъ назначается коммисія изъ архіепископскихъ людей и лицъ отъ города (4). Цѣль назначенія депутатовъ отъ архіепископа состояла преимущественно въ сборѣ штрафовъ: такъ какъ большая часть взысканій за нарушеніе торгово-полицейскихъ правилъ шла въ его пользу. Дальнѣйшая исторія реймской коммуны представляетъ постоянное расширеніе полицейскихъ правъ городского совѣта на счетъ архіепископа, такъ что въ началѣ XVI в. почти вся полицейская администрація въ городѣ принадлежала уже засѣдателямъ (5).

Дѣла, касающіяся торговли, полиціи и городского хозяйства, рассматривались засѣдателями безъ всякаго участія со стороны архіепископскихъ судей. Эта юрисдикція, по мѣсту ея отправленія, называлась *jurisdiction de Buffet*, въ отличіе отъ засѣданій архіепископскаго байльи или превдъ — съ участіемъ засѣдателей, которые назывались *jurisdiction de la Pierre au Change* (6). Эти обѣ юрисдикціи никогда не

(1) Arch. admin. de Reims. t. II. 2. p. 965. Докум. 1345 г.

(2) Ibidem. t. II. 2. p. 867. Докум. 1372 г. t. III. p. 199. Докум. 1363 г. p. 438—4377 г.

(3) Arch. admin. de Reims t. III. p. 787. Докум. 1392 г.

(4) Ibidem. p. 472. Докум. 1379 г.

(5) Ibidem. t. I. 2. p. 487. Mémoire sur les droits de l'Echevinage. 1564.

(6) Arch. admin. de Reims t. 1. 2. p. 489. Примѣчаніе.

смѣшивались. Торгово-полицейское разбирательство (*de la police et de la voigie*) всегда производилось въ полномъ собраніи засѣдателей подъ предсѣдательствомъ одного изъ нихъ, который носилъ названіе городского прево: прочіе обязаны были давать ему присягу, что они будутъ судить по совѣсти. Апелляція на рѣшеніе этого суда могла быть подаваема только въ парламентъ⁽¹⁾.

Мы должны еще сказать нѣсколько словъ о городскихъ финансахъ. Финансовыя права Реймской коммуны развивались также борьбою съ архіепископской властью. Городъ Реймсъ не владѣлъ богатой недвижимой собственностью, каковой обладали богатыя коммуны сѣвера, какъ наирим. Амьенъ. Онъ не имѣлъ ни земель, ни луговъ, ни рыбныхъ ловлей. Вся окрестная территорія принадлежала архіепископу, и только съ его дозволенія жители Реймса могли пользоваться нѣкоторыми угодьями. Такъ имъ позволялось ловить рыбу въ архіепископскихъ рѣкахъ и озерахъ, пасти скотъ на архіепископскихъ лугахъ и т. п.⁽²⁾ Въ послѣдствіи времени нѣкоторые изъ окрестныхъ луговъ и другихъ угодій, хотя и не въ значительномъ объемѣ, сдѣлались городской собственностью. Доходъ съ отдачи въ наемъ этихъ угодій былъ не великъ и не могъ удовлетворять нуждамъ коммуны. Поэтому главнымъ источникомъ ея доходовъ былъ подушный овладъ съ жителей (*la taille*). Городскіе расходы, простиравшіеся въ концѣ XIII вѣка до 4500 ливровъ, покрывались почти исключительно этимъ сборомъ. Общая сумма въ 1290 году составляла 9 тысячъ ливровъ⁽³⁾. Остающіяся отъ расхода деньги обращались на уплату городскихъ долговъ, простиравшихся за это время до 8 т. ливровъ. Въ теченіе всего

⁽¹⁾ Ibidem. p. 490.

⁽²⁾ Arch. adm. de Reims t. I. 2. p. 539. Докум. 1227 г. Получая деньги съ жителей Реймса, архіепископы дѣлали оговорку, что деньги эти даются не какъ рабская повинность, но просто изъ щедрости. *Ne vero liberalitas ista nomine servitutis in postremum senseatur.* «In postremum» — значить подобная плата не была одновременнымъ подаркомъ со стороны города. Такія оговорки дѣлались по просьбѣ жителей изъ опасенія въ чемъ-нибудь походить на окрестное полурабское населеніе архіепископскихъ владѣній.

⁽³⁾ Arch. adm. de Reims. t. I. 2. p. 1050. Докум. 1290 года — *Compte de l'Échevinage*. Это древнѣйшій изъ сохранившихся счетовъ городского совѣта.

XIII в. городскіе засѣдатели не имѣли права дѣлать налоговъ безъ разрѣшенія архіепископа. Это право было имъ предоставлено Филиппомъ IV въ 1300 году⁽¹⁾. Въ 1306 году позволено дѣлать налогъ не свыше 1000 ливровъ⁽²⁾. Въ 1311 г. засѣдателямъ предоставлено право налагать подати уже безъ ограниченія суммы. Замѣчательно, что королевскій приказъ распространяетъ это право городского совѣта на всѣхъ жителей Реймса подвластныхъ архіепископу, и другимъ феодальнымъ сеньорамъ города (*super alios burgenses dominiogium temporarium velleae*). Отсюда въ послѣдствіи возникло множество процессовъ между городскими засѣдателями и владѣльцами окрестныхъ бурговъ⁽³⁾.

Не смотря на всѣ эти приказы со стороны короля и парламентскія рѣшенія, архіепископы реймскіе долго оспаривали право городскихъ засѣдателей дѣлать налоги безъ ихъ согласія. Эти споры давали поводъ къ вмѣшательству королевской власти. Когда, пользуясь спорами коммуны съ архіепископомъ, нѣкоторые изъ гражданъ отказывались платить налогъ установленный городскимъ совѣтомъ, то король приказывалъ производить взысканіе своему байльи⁽⁴⁾. Притязанія архіепископа главнымъ образомъ опирались на то, что засѣдатели и жители Реймса, не имѣя права коммуны, не могутъ собираться безъ его позволенія, — для обсужденія вопросовъ о налогахъ, о раскладкѣ, о способѣ сбора и т. п. Если бы возникъ споръ между частными лицами и засѣдателями относительно раскладки, то споръ этотъ долженъ подлежать рѣшенію архіепископскаго суда. Только архіепископъ имѣетъ право поужденія кого-либо изъ жителей къ уплатѣ налога (*droit de la contrainte*). Только феодальный владѣлецъ можетъ налагать арестъ на имущество, продавать его съ аукціона, подвергать заключенію веплательщиковъ и т. п. Но кромѣ того архіепископъ каждый разъ требовалъ двадцатую часть подати, въ чемъ отказывали ему засѣдатели. Городской совѣтъ не оставлялъ безъ возраженія притязаній архіепископа. Онъ утверждалъ, что городскіе засѣдатели и народъ реймскій могутъ собираться и безъ позволенія

(1) Arch. admin. t. II. 4. p. 4. Докум. 1300 г.

(2) Ibidem. p. 58. Докум. 1306 г. Ср. p. 62—1308 г.

(3) Ibidem. p. 124. Докум. 1311 г.

(4) Arch. adm. de Reims t. II. 2. p. 751. Докум. 1336 г.

архієпископа, гдѣ и когда хотять. Имѣтъ съ правами администраціи и юрисдикціи городской совѣтъ имѣтъ право устанавливать налоги въ городѣ, составлять ихъ раскладку и производить ихъ сборъ, никому не давая отчета. Парламентъ рѣшилъ дѣло такъ: если налогъ долженъ идти на нужды всего города и сборъ его предполагается со всѣхъ жителей, какъ архієпископскихъ, такъ и монастырскихъ и церковныхъ, то архієпископъ не имѣтъ права на двадцатую часть. Но если подать имѣтъ своимъ назначеніемъ потребности жителей только архієпископской территоріи, то эта часть должна быть выдаваема архієпископу. Въ послѣднемъ случаѣ налогъ долженъ производиться съ согласія архієпископа; ему же принадлежитъ право понуждать жителей въ уплатѣ налога посредствомъ конфискаціи имущества и т. п. (¹).

La taille былъ единственный налогъ предназначаемый на городскія нужды. Въ XII и XIII вв. мы не встрѣчаемъ другихъ налоговъ въ Реймсѣ. Расходы на коронованіе королей архієпископъ принималъ на себя; если жители Реймса иногда помогали ему, то это дѣлали по доброй волѣ. Въ 1223 г. Людовикъ VIII писалъ Реймской коммуны, чтобы она оказала помощь архієпископу по случаю предстоящей коронаціи (²). Но архієпископы не ограничились одной только добровольной помощью. Уже съ XIII в. они обнаруживаютъ стремленіе возложить эту тяжелую повинность на коммуну. Жители жаловались королю, но безуспѣшно. Въ 1272 г. ихъ принудили насильно заплатить королевскія издержки на коронованіе. Архієпископская кафедра была въ то время вакантною; свѣтскими владѣніями архієпископа управляли королевскіе уполномоченные. Въ это время съ необыкновенной пышностью короновался въ Реймсѣ Филиппъ Смѣлый (³). Обыкновенно дѣло устраивалось такъ: король самъ выдавалъ на расходы известную сумму; всѣ распоряженія, закупки, постройки и т. п. дѣлались его придворными. Но послѣ коронаціи всѣ затраченныя суммы взыскивались съ архієпископа. На этотъ разъ королевскіе комиссары нашли нужнымъ про-

(¹) Arch. adm. de Reims. t. III. p. 675—676. Докум. 1386 г.

(²) Arch. adm. de Reims. t. I. 2. p. 527. Докум. 1223 г.

(³) Коронація Филиппа стояла 5 т. ливровъ, тогда какъ его предшественники расходовали по этому случаю не больше 1000 ливровъ. Arch. adm. de Reims. t. I. 2. p. 920. Прямѣніе.

известіи высканіе съ жителей города архіепископской части (du ban de l'Archevêque). Но дѣло не обошлось безъ протеста, въ которомъ выразился смѣлый духъ свободной городской общины. „Мы не рабы, говорили засѣдатели, чтобы платить намъ рабскія повинности (¹). Письма прежнихъ королей заключали въ себѣ просьбы, а не приказанія; да если бы короли и приказывали исполнять что-нибудь незаконное, то мы всегда въ правѣ не повиноваться имъ и защищаться передъ судомъ. Пусть разсудятъ насъ съ королемъ и тогда мы поступимъ такъ, какъ рѣшитъ судъ“. Но судъ былъ порученъ королевскому байльи; поэтому напередъ можно было угадать его рѣшеніе (²). Горожане принуждены были заплатить королевскимъ комиссарамъ требуемыя деньги.

Такимъ оборотомъ дѣла воспользовались реймскіе архіепископы для того, чтобы и на будущее время расходы на коронованіе сдѣлать городской повинностью. Но коммуна въ теченіе всей второй половины среднихъ вѣковъ не переставала спорить съ архіепископомъ относительно этого налога. По обыкновенію, споры эти рѣшались въ парламентѣ (³). Архіепископы не рѣдко употребляли мѣры насилія, сажали подъ арестъ засѣдателей, захватывали имѣніе гражданъ. Короли не хотѣли лично имѣть дѣла съ упрямыми горожанами; они получали деньги съ архіепископа, а ему предоставляли выскивать ихъ, съ кого и какъ онъ хочетъ. Парламентъ болѣею частью рѣшалъ дѣло въ пользу архіепископа (⁴). Король въ случаѣ упорства гражданъ общалъ ему даже свою помощь (*respondit curia nostra, quod ipsa juvabit ei fortificabit manum Archiepiscopi, si necesse fuerit, ad faciendam dictam compulsione*) (⁵). Эта повинность окончательнымъ образомъ была навязана городу парламентскимъ постановленіемъ 1320 года (⁶). Она была одной изъ самыхъ тяжелыхъ городскихъ повинностей. Роскошь французскихъ королей

(¹) Архіепископы обыкновенно взыскивали расходы на коронацію съ сельскихъ жителей окрестныхъ помѣстій (*chastellanes*). Arch. adm. t. I. 2. p. 924. Примѣчаніе.

(²) Arch. admin. de Reims t. I. 2. p. 949. Докум. 1272 г.

(³) Arch. adm. t. II. 1. p. 197. Докум. 1311 г.

(⁴) Arch. admin. de Reims. t. II. 1. p. 205. Докум. 1317 г.

(⁵) *Ibidem*. p. 208.

(⁶) *Ibidem*. p. 255. Докум. 1320 г.

увеличивалась съ каждымъ царствованіемъ. Коронаваніе Людовика X стоило 21 т. ливровъ. Чапа поднесенная королю въ этотъ день стоила 3200 ливровъ; серебряный севивъ къ королевскому обѣду—послѣ обряда—2 т. ливровъ; 1600 ливровъ было заплачено ломбардскому купцу за дорогія ткани, ковры и т. п.; столько-же за сукно и пологно, которымъ была покрыта палатка, въ которой обѣдалъ король; 700 ливровъ на котлы и кухонную посуду; 50 ливровъ на соль; полторы тысячи на вино и т. д.—въ этомъ родѣ ⁽¹⁾. Такимъ образомъ королевская коронація равнялась какому нибудь общественному бѣдствію. Съ королемъ являлись знатные бароны королевства, прелаты реймскаго діоцеза, вассалы короля и архіепископа, монахи аббатствъ Сень-Реми, Сень-Дени и т. д. Всѣ они, сопровождаемые многочисленной свитой, пировали на счетъ города въ теченіе нѣсколькихъ дней ⁽²⁾. Правда, по жалобѣ городского совѣта и по распоряженію регента королевства, Филиппа (впослѣдствіи короля Филиппа VI Валуа), королевскій казначей Петръ Реми, распоразавшіеся расходами на коронацію, былъ повѣшенъ; но городу отъ этого не было легче, потому что деньги ему не были возвращены ⁽³⁾. Коронація самаго Филиппа VI стоила 13 т. ливровъ ⁽⁴⁾. Короли династіи Валуа преимущественно отличались роскошью и блескомъ придворной жизни. Дворъ Филиппа Валуа далеко не напоминалъ собой монастырскую обстановку Людовика IX или скромный дворъ бережливаго Филиппа IV. Постоянные праздники, турниры, пиры, истощали городскую казну. Королевскіе доходы не покрывали расходовъ: отсюда дѣлая система вымогательства денегъ у подданныхъ, особенно у жителей добрыхъ городовъ (какъ называютъ ихъ короля въ своихъ грамотахъ). Съ этого времени быстро идетъ упадокъ городской жизни. Мы прослѣдили этотъ упадокъ въ исторіи Амьенской коммюны; но положеніе Реймса было еще хуже. Не имѣя обширной городской земли, не отличаясь такою богатой торговлей, такимъ промышленнымъ развитіемъ, какъ столица Шикардіи, старинный архіепископскій городъ,

⁽¹⁾ Ibidem. p. 477. Докум. 1328 г.

⁽²⁾ Arch. admin. de Reims t. II. 1. p. 480. Докум. 1328 г.

⁽³⁾ Ibidem. p. 477. Примѣчаніе.

⁽⁴⁾ Ibidem. p. 490. Докум. 1328 г. Ср. p. 559. Докум. 1328—1329 г.

Реймсь во 2-й половинѣ XIV вѣка представляетъ картину страшнаго обѣдѣнія. Одной изъ главныхъ причинъ этого упадка городского богатства служили расходы на королевскую коронацію. Жители разбѣгались, переселялись въ бурги и въ другіе города, чтобы не платить этой тяжелой подати (¹). Напрасно короли старались силой остановить это выселеніе: оно продолжалось съ большей и большей силой. Напрасно они думали помочь жителямъ, прощая имъ недоимки другихъ налоговъ, наприм. военныхъ субсидій (²), или предоставляя въ распоряженіе городскихъ зашѣдателей всѣ материалы, остающіеся послѣ коронаціи (³); тяжесть налога увеличивалась отъ злоупотребленій со стороны королевскихъ чиновниковъ, завѣдовавшихъ церемоніей. Они показывали расходовъ больше, чѣмъ ихъ было на самомъ дѣлѣ (⁴).

Но не одна подать на коронацію (*depense du sacre*) тяжелою бременемъ падала на Реймскую коммуну. Еще въ XIII в. коммуна давала субсидіи королямъ и лицамъ королевскаго дома. Такъ въ 1254 году Карль Анжуйскій получилъ отъ Реймса въ видѣ подарка 300 ливровъ (⁵). Св. Людовикъ тоже пользовался пособіями по случаю своихъ заморскихъ странствованій (⁶). Первая попытка обязательнаго налога на реймскихъ жителей принадлежитъ Филиппу Красивому. Онъ велѣлъ заплатить ему по одному денарію съ ливра цѣнности всѣхъ товаровъ, которые будутъ проданы въ теченіе года (⁷). Основаніе для военныхъ субсидій лежало въ феодальныхъ отношеніяхъ архіепископа въ королю. Въ случаѣ войны архіепископы высылали военный отрядъ состоявшій изъ ихъ людей. Было время, когда архіепископы сами лично отправлялись на войну; потомъ они поручали начальство надъ отрядомъ городской милиціи одному изъ своихъ вассаловъ. На военные расходы съ городскихъ жителей взыскивалась известная сумма (⁸). Въ послѣдствіи короли требуютъ суб-

(¹) Arch. adm. de Reims. t. II. 1. p. 295. Докум. 1322 г.

(²) Arch. adm. de Reims. t. II. 1. p. 556. Докум. 1328 г.

(³) Ibidem. t. II. 2. p. 955. Докум. 1345 г. Вопросъ объ этихъ остаткахъ былъ предметомъ нѣсколькихъ процессовъ въ парламентѣ.

(⁴) Arch. adm. de Reims t II 1. p. 630 Докум. 1330 г.

(⁵) Arch adm. t. I. 2. p. 759. Докум. 1254 г.

(⁶) Ibidem 782—1258 г.

(⁷) Arch. adm. de Reims. t. I. 2. 1080. Докум. 1294 г.

(⁸) Arch. adm. t. II. 1. p. 36. Докум. 1303 г.

сидѣй деньгами и натурой прямо отъ горожанъ помимо ихъ феодальнаго сеньора. Требованіе это распространялось на монастырскихъ и на церковныхъ людей ⁽¹⁾. Относительно военной повинности въ XIV в. мы видимъ болѣе прямое участіе королевскаго байльи: онъ понуждаетъ городскихъ жителей къ уплатѣ субсидій; онъ же наблюдаетъ за ихъ вооруженіемъ, когда они лично должны были отправляться на войну. При Филиппѣ VI Валуа было указано, кто изъ городскихъ жителей, въ какомъ вооруженіи, пѣший или конный, одинъ или съ извѣстнымъ количествомъ оруженосцевъ, долженъ былъ явиться на войну ⁽²⁾. За основаніе былъ принятъ имущественный цевъ. Вооруженіе того, имущество котораго превышало 1000 ливровъ, ничѣмъ не отличается отъ настающаго рыцаря. Въ каждомъ округѣ назначаются два капитана, которые наблюдаютъ за исправностью вооруженія. Байльи дѣлаютъ общій смотръ войскамъ въ округѣ ⁽³⁾. Тотъ же Филиппъ VI самаго архіепископа назначилъ капитаномъ въ Реймсѣ и королевскимъ комиссаромъ. Въ этомъ званіи архіепископъ дѣлалъ смотръ городской милиціи. Этотъ фактъ характеризуетъ новыя отношенія, въ которыхъ очутились реймскіе прелаты въ королевской власти ⁽⁴⁾. Около того же времени съ Реймской коммуны потребовался налогъ по случаю войны съ Англіей ⁽⁵⁾. Этотъ налогъ, называемый aide, брался съ стоимости продаваемыхъ товаровъ. Обыкновенно онъ назначался на извѣстный срокъ—большою частью на одинъ годъ. Но вмѣстѣ съ этимъ налогомъ король требовалъ и субсидій, которыя падали прямо на жителей, а не на предметы торговли ⁽⁶⁾. Съ этого времени налоги прямые и косвенные, по случаю войны съ Англіей, становятся явленіемъ уже обыкновеннымъ. Не прошло ни одного года безъ тяжелыхъ пожертвованій со стороны города. Сборы эти были весьма значительны: такъ въ теченіе двухъ лѣтъ—1359 и 1360 гг.—жителямъ Реймса пришлось заплатить на военныя

⁽¹⁾ Ibidem. t. I. 2. p. 1081. Докум. 1294 г. Ср. t. II. p. 585. Докум. 1329 г.

⁽²⁾ Arch. adm. de Reims. t. II. 2. p. 791.

⁽³⁾ Ibidem. p. 791. Докум. 1338 г.

⁽⁴⁾ Ibidem. p. 850—851. Докум. 1340 г.

⁽⁵⁾ Arch. adm. de Reims. t. II. 2. p. 857. Докум. 1341 г.

⁽⁶⁾ Ibidem. p. 949. Докум. 1345 г.

задержки до 73 т. эю (¹). Особенно тяжела была пошлина на соль (*gabelle*). Но кромѣ налоговъ на содержаніе войска былъ особый родъ городскихъ расходовъ на содержаніе городскихъ укрѣпленій (²). Исторія укрѣпленій г. Реймса въ маломъ видѣ повторяетъ собою всю исторію Реймской коммуны. Древній городъ (*cité*) былъ обнесенъ старинными стѣнами римской постройки. Мы знаемъ, что вокругъ его, подъ стѣнью монастырскихъ общинъ, образовалось много бурговъ. До Филиппа Августа они были отдѣлены отъ города старинными укрѣпленіями. Филиппу принадлежитъ мысль о постройкѣ одной общей стѣны для города и для бурговъ. Долго продолжались работы; причина заключалась не столько въ денежныхъ расходахъ, сколько во внутреннемъ раздѣленіи между населеніемъ города и бурговъ. Монастырскіе и церковные люди, не смотря на то что укрѣпленія предназначались для нихъ безопасности, отказывались участвовать въ этихъ расходахъ вмѣстѣ съ людьми самаго города, подвластными архіепископу (³). Отсюда постоянные споры и множество процессовъ въ парламентѣ. Король и парламентъ принимали сторону Реймской коммуны, то есть, — общества горожанъ подвластныхъ архіепископу. Даже окрестные жители селъ и деревень на три мили кругомъ Реймса обязаны были участвовать въ расходахъ на укрѣпленія. Это распоряженіе объясняется тѣмъ, что въ случаѣ непріятельскаго нападенія сельскіе жители обыкновенно спасались за стѣнами ближайшаго города (⁴). Во время войны съ Англіей не проходило года безъ опустошеній со стороны непріятельскихъ отрядовъ и разбойничьихъ шайкъ, извѣстныхъ подъ именемъ *grandes compagnies*, а иногда со стороны и самихъ французскихъ войскъ. Работы по укрѣпленіямъ пошли успѣшнѣе. Особенно дѣятельно принялись за нихъ послѣ несчастныхъ битвъ при Кресі и Пуатье. Была назначена особая коммиссія для надзора за работами. Укрѣпленія были кончены при королѣ Іоаннѣ Добромъ. Въ 1359 году Реймсъ былъ въ

(¹) *Ibidem*. t. III. p. 131. Докум. 1359 г. p. 132. — того же года.

(²) *Ibidem*. t. I. 2. Примѣчаніе.

(³) Филиппъ IV освободилъ архіепископа отъ участія въ расходахъ на городскія укрѣпленія. *Arch. adm. de Reims*. t. I. 2. p. 1091. Докум. 1295 г.

(⁴) *Arch. adm. de Reims*. t. I. 2. p. 1085. Докум. 1295 г.

состояніи выдержать осаду непріятельской арміи. Расходы на укрѣпленія большею частью брались прямо съ жителей; иногда, съ особаго королевскаго разрѣшенія, устанавливалась извѣстная пошлина съ тозаровъ ⁽¹⁾.

Особый родъ городскихъ расходовъ обуславливался недостаткомъ гарантій общественной безопасности въ средніе вѣка. Это расходы—на поимку разбойниковъ. Смѣлость ихъ доходила до того, что они врывались въ городъ, раззорали жителей среди бѣлаго дня, захватывали плѣнниковъ. Особенно прославились смѣлостью нападений и беспощадной жестокостью братья де Бріэннъ ⁽²⁾. Приговоренные къ смертной казни за какое-то преступленіе, эти два оруженосца долго скрывались въ окрестностяхъ Реймса и наводили ужасъ на его жителей. Они были въ сношеніяхъ съ окрестными феодалами и даже имѣли сообщниковъ въ самомъ Реймсѣ ⁽³⁾. Когда де Бріэннъ не было уже возможности оставаться во Франціи, они удалились въ сосѣднія провинціи Германіи и оттуда опустошали Шампань, а особенно Реймскую область. Жители Реймса ничего не жалѣли для охраненія городской безопасности. Они наняли одного капитана за большую сумму съ условіемъ содержать въ городѣ гарнизонъ ⁽⁴⁾. Они предлагали королю наварскому 10 т. ливровъ, если онъ поймаетъ братьевъ-разбойниковъ. Одинъ изъ нихъ умеръ, но другой еще долго продолжалъ опустошать Реймсъ и окрестности. Наконецъ онъ былъ пойманъ въ 1325 г. и повѣшенъ жителями Реймса. Городъ заплатилъ пойманному Рауля 800 ливровъ ⁽⁵⁾. Раззоренія Реймса продолжались въ теченіе всего XIV в. Въ половинѣ этого столѣтія съ жителями буквально велъ войну феодалъ Родемавръ, мстившій за какое-то оскорбленіе. Горожане сами должны были позаботиться о своей безопасности. Они дѣлали налоги, наняли какого-нибудь бродячаго капитана, а иногда вооружались

⁽¹⁾ Ibidem. t. III. p. 357. Докум. 1372 г. 506—1380 г. 532—1383 года.

⁽²⁾ Arch. admin. de Reims. t. III. p. 125—126. Докум. 1311 г.

⁽³⁾ Ibidem. t. II. p. 125.—1311 г.

⁽⁴⁾ Arch. adm. de Reims. t. II. 1. p. 130.

⁽⁵⁾ Ibidem. p. 392. Тутъ же перечень всѣхъ расходовъ реимской коммуны на поимку разбойниковъ.

и сами (*). Король поручалъ своему байльи защищать горожанъ отъ насилій феодаловъ, но этой защиты не всегда было достаточно. Во время войны съ англичанами разоренія Реймса достигли высшей степени. Шайби наемныхъ войскъ поступали съ жителями не лучше неприятелей: они опустошали поля и виноградники, захватывали плѣнныхъ, брали съ нихъ большіе выкупы. Карлъ V въ своемъ приказѣ реймскому капитану и лаонскому превд о принятіи мѣръ противъ этого зла свидѣтельствуеть о печальномъ положеніи жителей города и окрестностей (*). Онъ говоритъ о страшномъ обѣднѣніи города, о громадной убыли народонаселенія. Но въ то же время не прекращались подати и налоги на военные расходы и на выкупъ плѣннаго короля. Жители города Реймса наконецъ просили пощады: въ своемъ прошеніи къ королю они говорятъ, что городской долгъ просярается до 40 т. золотыхъ реаловъ (гоуаих d'or) и что они не находятъ средствъ уплатить его. Средство это было указано королемъ въ новомъ налогѣ на вино (*).

Тяжесть всѣхъ этихъ налоговъ, —субсидій, пошлинъ разнаго рода на вино, на соль, на жизненные припасы, —увеличивалась вслѣдствіе способа ихъ взиманія. Въ лучшія времена Реймская коммуна сама, чрезъ своихъ засѣдателей и сборщиковъ податей, завѣдывала и раскладкой и сборомъ повинностей (*). Городскіе счета доходовъ и расходовъ подлежали строгому контролю. Выбывавшіе изъ должностей засѣдатели должны были давать отчетъ вновь выбраннымъ въ употребленіи городскихъ суммъ. Если оказывались недочеты, то они отвѣчали предъ коммуной всѣмъ своимъ имѣніемъ. Случалось, что въ случаѣ смерти засѣдателей, почему-либо не отдавшихъ отчета въ городскихъ финансахъ, взысканіе падало на ихъ наследниковъ. То же самое вужно сказать относительно и сборщиковъ податей, назначаемыхъ коммуной по-приходамъ (parroche, parrochium). Они виѣстѣ съ отчетомъ вручали собранныя деньги городскимъ засѣдателямъ (*).

(*) Arch. admin. t. II. 2. p. 1210.—1348 г.

(*) Arch. admin. de Reims. t. III. p. 152. Докум. 1359 года.

(*) Ibidem. p. 174. Докум. 1361 года.

(*) Arch. admin. de Reims. t. I. 2. p. 1027. Докум. 1287 года.

(*) Ibidem. t. II. 2. p. 877. Докум. 1342 г.

Такой же порядокъ существовалъ относительно раскладки и сбора податей налагаемыхъ королевскою властью. Короли сначала не вмешивались въ это дѣло. Такъ Филиппъ VI самимъ вассаламъ предоставилъ раскладку и сборъ субсидій по случаю войны съ Англіею⁽¹⁾. Но подобная система продолжалась не долго. Такъ какъ жители не всегда во время и исправно вносили въ королевскую казну требуемые деньги, то короли поручаютъ сборъ налоговъ своимъ чиновникамъ или особымъ уполномоченнымъ сборщикамъ податей (*collecteurs du roi*). Это давало поводъ къ разнаго рода злоупотребленіямъ, вымогательствамъ, утайкамъ, несправедливой раскладкѣ и т. п.⁽²⁾.

Подобныя злоупотребленія усилились съ учрежденіемъ въ Реймсѣ должности королевскаго капитана. Мы знаемъ уже, что эта обязанность по случаю войны возлагалась иногда на архіепископа. Такъ было въ 1338 году⁽³⁾; тоже самое повторилось и въ 1356 году при королѣ Иоаннѣ Добромъ. Главная обязанность архіепископа состояла въ принятіи дѣятельныхъ мѣръ къ окончанію укрѣпленій⁽⁴⁾. Архіепископомъ въ это время былъ Иоаннъ де Краонъ. Назначеніе его на должность военнаго начальника г. Реймса случилось не за долго до несчастной битвы при Пуатье. Вскорѣ послѣ этого событія въ Реймсѣ произошли волненія⁽⁵⁾. Мы должны рассказать ихъ съ нѣкоторыми подробностями, потому что они послужили поводомъ къ рѣшительному перевороту въ городскомъ управленіи, выразившемся въ учрежденіи должности капитана Совѣта Шести. Народъ подозрѣвалъ архіепископа въ измѣнѣ: указывали на какое-то далекое родство его съ Эдуардомъ III, говорили, что онъ ждетъ въ Реймсѣ своего великаго родственника для того, чтобы возложить на него французскую корону, что съ этой цѣлью онъ не заботится о городскихъ укрѣпленіяхъ и т. п. Жители успѣли овладѣть Портъ-Марсомъ; они удобно могли это сдѣлать, потому что архіепископа въ это время въ городѣ не было. Когда онъ воротился, то жители принуждали его поселиться во

⁽¹⁾ Ibidem. p. 949. Докум. 1345 года.

⁽²⁾ Arch. adm. de Reims. t. II. 2. p. 980. Докум. 1346 г. Ср. t. III p. 52.—Докум. 1354 г.

⁽³⁾ Arch. adm. t. II. 2. p. 791. Докум. 1338 г.

⁽⁴⁾ Ibidem. t. III. p. 77. Докум. 1356 г.

⁽⁵⁾ Arch. admin. de Reims. t. III. p. 79. Примѣчаніе.

дворцѣ среди города, подѣ тѣмъ предлогомъ, что они желаютъ пользоваться его совѣтами въ виду предстоящей опасности со стороны непріятелей. Архіепископъ сначала согласился съ условіемъ, чтобы былъ очищенъ его замокъ; но потомъ вдругъ оставилъ городъ. Въ это время кипѣло возстаніе крестьянъ, извѣстное подѣ именемъ Ласкуегіе; оно находило отголосокъ въ коммунахъ сѣверной Франціи. Это объясняетъ причину удаленія архіепископа; онъ боялся оставаться въ городѣ. Тогда жители снова овладѣли Портъ-Марсонъ, выбрали изъ среды себя 6 человекъ, которымъ ввѣрили военное управленіе городомъ, а потомъ поручили главное начальство въ городѣ одному сосѣднему феодалу—Готье Шатильонскому, которому они довѣрили и съ которымъ находились въ дружескихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ по собственной инициативѣ горожане составили особый совѣтъ, состоящій изъ шести выборныхъ отъ города, подѣ предсѣдательствомъ феодальнаго барона. Готье Шатильонскому была ввѣрена забота объ охраненіи города, начальство надъ военными силами, бывшими въ городѣ, смотрѣніе за городскими укрѣпленіями, военными машинами и т. п. Готье, получившій названіе капитана, долженъ былъ принести присягу архіепископу и управлять городомъ отъ его имени⁽¹⁾. Но между горожанами составилась партія, желавшая независимости новаго капитана и вновь учрежденнаго совѣта отъ архіепископской власти. Она хотѣла воспользоваться городскими смутами, чтобы самой получить вліяніе на городскія дѣла. Въ Реймсѣ, какъ и въ другихъ коммунахъ Франціи, существовало двѣ партіи: партія богатыхъ гражданъ, крупныхъ торговцевъ (merciers), банкировъ (changeurs) и т. п., и партія цеховаго промышленнаго населенія. При преобладающемъ значеніи архіепископской власти, ни одна изъ этихъ партій не могла получить преобладанія въ городѣ, какъ это случилось въ свободныхъ коммунахъ. Архіепископская власть уравнивала всѣхъ и каждого—и богатыхъ и бѣдныхъ. Вслѣдствіе борьбы съ феодальной властью, въ Реймсѣ было больше единодушія; тамъ городская аристократія не отдѣляла своихъ интересовъ отъ интересовъ народной массы. Такъ было во все время коммунальной борьбы въ XII, XIII и даже въ на-

(¹) Arch. admin. de Reims. t. III. p. 110. Примѣчаніе.

чалъ XIV вѣка, когда борьба велась собственными силами коммуны. Но когда въ этой борьбѣ приняла дѣятельное участіе королевская власть и когда феодальное самовластіе реймскихъ прелатовъ значительно уже ослабѣло, тогда и въ Реймсѣ стали обваруживаться признаки внутренняго раздѣленія, общіе всѣмъ городскимъ общинамъ. Аристократическая партія въ половинѣ XIV в. желала принять болѣе дѣятельное участіе въ городскомъ управленіи. Система выборовъ городскихъ засѣдатель въ Реймсѣ не давала особаго предпочтенія богатству и знатности. Засѣдателей выбиралъ весь народъ, для котораго не было никакихъ мотивовъ давать предпочтеніе банкирамъ и негоціантамъ предъ цеховыми мастерами. Архіепископы рѣдко выѣзжали въ городскіе выборы. Впрочемъ ихъ симпатіи не могликлониться въ пользу богатой городской буржуазіи. Мы знаемъ уже, какъ они обирали ее за неистовства городской черни. Всѣ притѣсненія и вымогательства архіепископскаго суда главнымъ образомъ были направлены противъ богатыхъ торговцевъ. Архіепископскому предъ не зачѣмъ было забирать жемъ бѣняковъ; съ нихъ взять было нечего. Всѣ эти огромные штрафы, всѣ эти конфискаціи имущества, о которыхъ говорятъ документы Реймса, были направлены главнымъ образомъ противъ богатыхъ капиталистовъ. Инициатива борьбы съ архіепископскимъ произволомъ преимущественно принадлежала этому городскому сословію; оно не жалѣло капиталовъ на парламентскіе процессы, на содержаніе прокуроровъ и адвокатовъ. Такимъ образомъ до половины XIV в. они стояли во главѣ коммунальнаго движенія, давали ему направленіе и силу. Безъ всякаго сомнѣнія они пользовались вліяніемъ на городской совѣтъ, хотя сами и избѣгали опасностей городской службы. Теперь борьба значительно ослабѣла. Архіепископская власть была сильно ограничена королевскою властью. Король становился всесильнымъ въ городѣ. Поэтому городскіе аристократы понимали, что только опираясь на королевскую власть они могутъ укрѣпить за собой преобладаніе въ городѣ, забрать въ свои руки городскія дѣла. Подобное движеніе въ XIV в. было общимъ всѣмъ сѣвернымъ коммуналь Франціи. Въ Амьенѣ мы видѣли желаніе аристократовъ опереться даже на наварскаго короля Карла Злаго,—противника регента Карла. Реймскіе аристократы не отличались такой смѣлостью и обращались въ самому реген-

ту. Сначала они просили его утвердить комиссію изъ знатныхъ гражданъ, выбранныхъ для надзора за городскими укрѣпленіями, а потомъ они пошли дальше и предложили регенту самому принять военное управленіе городомъ и уже отъ собственнаго имени назначить капитаномъ Готье Шатильонскаго. Въ то время на всѣхъ пунктахъ Франціи кипѣла война съ Англіей; это давало принцу Карлу благовидный предлогъ исполнить желаніе реймскихъ гражданъ. Вѣроятно при этомъ было представлено ему въ невыгодномъ свѣтѣ поведение архіепископа, его незаботливость относительно городскихъ укрѣпленій, его родство съ Эдуардомъ и т. п. Какъ бы то ни было, просьба реймскихъ аристократовъ была исполнена. Совѣтъ Шести былъ утвержденъ и званіе королевскаго капитана пожаловано Готье Шатильонскому⁽¹⁾. Въ своей грамматѣ объ утвержденіи совѣта выборныхъ гражданъ (*conseil des notables bourgeois*) регентъ говоритъ, что онъ исполняетъ желаніе всѣхъ жителей Реймса— какъ мірянъ такъ и епископовъ, или наибольшей и наилучшей части этихъ жителей (*de la plus grant et saine partie d'у сеux*). Такъ королевскіе грамматы называли аристократическую городскую партію⁽²⁾. Регентъ говоритъ объ опасностяхъ военнаго времени, о необходимости заняться городскими укрѣпленіями, намекаетъ на недостатокъ заботливости объ охраненіи города со стороны архіепископа. Граммата регента Совѣту Шести даетъ обширное полномочіе. Они имѣютъ право всѣхъ и каждаго, безъ различія подсудности кому бы то ни было, обязывать къ участию въ расходахъ на городскія укрѣпленія. Они имѣютъ право въ случаѣ нужды вооружать всѣхъ городскихъ жителей. Имъ предоставляется власть удалять изъ города лицъ, не принадлежащихъ къ числу городскихъ жителей, если бы ктонибудь изъ нихъ вздумалъ ослушаться ихъ приказаній. Они могутъ обезоруживать подозрительныхъ лицъ, являющихся въ городъ съ оружіемъ, вскрывать письма и т. п. Архіепископъ, церковныя и монастырскія власти и всѣ жители города да обязаны оказывать имъ повиновеніе и въ случаѣ нужды давать по-

(1) Arch. admin. de Reims. t. III. p. 107. Докум. 1358 г. ф. 417, — того же года.

(2) Arch. adm. de Reims. t. III. p. 111—112.

мощь и содѣйствіе⁽¹⁾. Если бы кто нибудь изъ выборныхъ по какимъ-нибудь обстоятельствамъ выбылъ изъ службы, регентъ позволяетъ выбрать на его мѣсто другаго. Избраніе должно производиться лучшими людьми города съ участіемъ городскихъ засѣдателей. Другой грамотой регентъ назначаетъ капитаномъ г. Реймса Готье Шатильонскаго. Ему ввѣрятся военное управленіе городомъ, вооруженіе гражданъ, смотрѣніе за городскими укрѣпленіями, за городской стражей, прямо собирать налоги на военныя нужды и т. п. Граммата ничего не говоритъ объ отношеніи капитана къ Совѣту Шести. Но изъ другихъ документовъ видно, что капитанъ былъ предсѣдателемъ комиссіи выборныхъ и главнымъ военнымъ начальникомъ города⁽²⁾.

Новое городское начальство прежде всего обратило вниманіе на замокъ Портъ-Марсъ. Мы знаемъ уже, что устройство замка позволяло архіепископу вводить въ него войско, когда ему угодно. Замокъ занималъ мѣсто въ линіи укрѣпленій; съ вѣшной его стороны проходилъ городской ровъ. Архіепископу стоило только перебросить подъемный мостъ, и онъ могъ впустить въ замокъ кого ему угодно. Подобное устройство Портъ-Марса не отвѣчало видамъ военной комиссіи, главной заботой которой была городская безопасность. Жители не довѣряли архіепископу и требовали, чтобы подъемный мостъ былъ уничтоженъ и чтобы вѣшнія ворота замка были заложены⁽³⁾. Но архіепископъ въ отвѣтъ на это требованіе ввелъ въ замокъ сильный военный отрядъ и приказалъ военными машинами бросать въ городъ огромные камни. Городскіе жители, по звуку колоколовъ церкви св. Симфоріана, вооружились и подъ начальствомъ своего капитана Готье Шатильонскаго направились къ замку. Начались переговоры: архіепископъ отвѣчалъ, что онъ ради собственной безопасности долженъ былъ принять непріязненные мѣры по отношенію къ городу. Дѣло кончилось тѣмъ, что Готье Шатильонскій съ королевскаго позволенія велѣлъ провести новую линію укрѣпленій съ обѣихъ сторонъ замка. Зубчатая стѣна прошла надъ ровомъ замка съ внутренней стороны, а съ вѣшной противъ него были построены двѣ вѣрпція баш-

⁽¹⁾ Ibidem. p. 107—114. Докум. 1358 г.

⁽²⁾ Arch. admin. de Reims. t. III. p. 325. Докум. 1368 г.

⁽³⁾ Arch. adm. de Reims. t. III. p. 141. Примѣчаніе.

ни надъ вѣнскимъ городскимъ рвомъ⁽¹⁾. Такимъ образомъ Портъ-Марсъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ городскими укрѣпленіями. Архіепископъ былъ отрѣзанъ отъ города и въ то же время былъ лишенъ возможности и вѣнскихъ сношеній безъ вѣдома королевскаго капитана. Архіепископъ жаловался въ парламентъ на нарушеніе его правъ. Онъ по прежнему ссылался на свои феодальныя права, говорилъ, что ему одному принадлежитъ военная какъ и всякая другая власть въ городѣ. Назначеніе Готье называлъ нарушеніемъ своихъ вѣнскихъ правъ; обвинялъ жителей въ возмущеніи и измѣнѣ; говорилъ, что, пользуясь плѣномъ короля при Пуатье, они хотѣли освободиться отъ законной власти не только архіепископа, но и самаго короля. Это былъ послѣдній протестъ реймскаго архіепископа, направленный столько же противъ жителей Реймса, сколько и противъ королевской диктатуры въ городѣ. Онъ требовалъ 50 т. ливровъ вознагражденія и примѣрнаго наказанія виновныхъ. Архіепископскій прокуроръ предлагалъ сдѣлать золотыя, серебряныя или скульптурныя изображенія этого наказанія и поставить ихъ въ реймской церкви, или предъ замкомъ архіепископа, на память будущимъ поколѣніямъ. Архіепископъ поддѣлывался къ королю и просилъ, чтобы королевскій прокуроръ принялъ его сторону противъ реймскихъ возмутителей. Онъ предлагалъ оштрафовать коммуну въ пользу короля огромной суммой во 100 т. ливровъ. Но городской прокуроръ лучше повелъ дѣло. Онъ развилъ предъ парламентомъ полную теорію королевской власти въ томъ смыслѣ, какъ понимали ее сами легисты, Власть короля отъ Бога; ей принадлежатъ защита народа и права войны и мира. Король Французскій пользуется въ своемъ королевствѣ всѣми правами Императорской власти (*omnia jura imperatoris habet in suo regno*), а потому можетъ вездѣ, гдѣ найдетъ нужнымъ, строить крѣпости, назначать военачальниковъ и т. п. Эти права верховной власти—нераздѣльны отъ королевской личности (*sunt jura regalia, jura supcriotatis in persona principis residentia*). Городской прокуроръ требовалъ, чтобы прокуроръ короля принялъ его сторону и защищалъ общее дѣло короля и коммуны противъ архіепископа. Рѣшеніемъ парламента по вопросу объ укрѣп-

(1) Arch. adm. de Reims. t. III. p. 136. Докум. 1359 г.

леніякъ и распоряженіякъ, сдѣланныхъ королевскимъ капитаномъ, было постановлено признавать ихъ законными. Архіепископу предоставлено право свободнаго входа и выхода изъ своего замка. Парламентское рѣшеніе прибавляетъ, что военное управленіе городомъ впредь должно принадлежать единственно королевской власти и ея уполномоченнымъ⁽¹⁾.

Съ этого времени окончательно падаетъ значеніе архіепископской власти въ городѣ; но въ то же время теряютъ прежнее значеніе и городскіе засѣдатели. По прежнему они выбираются народомъ, даютъ присягу архіепископу, собираются въ городскомъ домѣ Buffet, засѣдаютъ въ качествѣ присяжныхъ на судѣ архіепископскаго прево или баньей. Но они не имѣютъ уже того значенія, которымъ пользовались прежде. Королевскіе капитаны вмѣшиваются въ выборы, нарушаютъ коренные законы коммунъ⁽²⁾. Главная власть въ городѣ принадлежитъ имъ и шестерымъ представителямъ аристократической партіи. Въ 1377 году Карль V навсегда утвердилъ Совѣтъ Шести, которому было ввѣрено финансовое управленіе города⁽³⁾. Когда въ народномъ собраніи была прочитана объ этомъ королевская грамота, то въ народѣ послышался ропотъ. Говорили о злоупотребленіяхъ капитана и выборныхъ, о нарушеніи законовъ коммунъ, о вымогательствахъ при сборѣ податей, о разныхъ злоупотребленіяхъ въ расходованіи городскихъ суммъ; но этотъ протестъ остался безъ отвѣта. Не больше оказала дѣйствія и жалоба городскихъ засѣдателей въ парламентъ; ей не было дано хода⁽⁴⁾. Напротивъ въ рѣшеніяхъ парламента за 2-ю половину XIV в., по случаю разныхъ споровъ засѣдателей съ архіепископомъ, мы уже видѣли поворотъ не въ пользу засѣдателей. По прежнему они остаются представителями коммунальныхъ стремленій, теперь уже отжившихъ свое время; но прежнему стараются расширить свои права на счетъ архіепископа, но парламентъ ограничиваетъ ихъ притязанія и поддерживаетъ власть архіепископа⁽⁵⁾. Архіепископы реймскіе не стояли уже на пути королевскихъ стремленій; по

(1) Arch. adm. de Reims. t. III. p. 204—261. Докум. 1363 г.

(2) Arch. adm. de Reims. t. III. p. 460. Примѣчаніе.

(3) Ibidem. p. 458. Докум. 1377 г.

(4) Ibidem. p. 461. Примѣчаніе.

(5) Arch. adm. de Reims. t. III. p. 858—1395. 883—1398 г. 888 того же года.

прежнему именуясь герцогами и пэрами Франціи, они потеряли всякое значеніе въ городской администраціи. Судебныя права ихъ тоже не имѣли прежняго назначенія: они рѣшаютъ дѣла только въ первой инстанціи; аппеляція на ихъ рѣшенія подается не только въ парламентъ, но и королевскимъ судьямъ, лаонскому байльи и превд⁽¹⁾. Городская администрація въ дѣлахъ особенно важныхъ принадлежитъ королевскому капитану. Городскимъ засѣдателямъ предоставлены дѣла торгово-полицейскаго характера⁽²⁾, но и тутъ власть ихъ ограничена произволомъ королевскаго капитана. Ограниченіе капитанской власти попеченіемъ о городской безопасности осталось только на бумагѣ. Отношенія его къ городскимъ властямъ, — засѣдателямъ городского совѣта, даже къ Совѣту Шести, не были съ точностью указаны. Капитанъ скорѣе былъ военнымъ диктаторомъ, чѣмъ правительственнымъ лицомъ съ извѣстной мѣрой власти, съ извѣстными правами и обязанностями въ отношеніи къ городскимъ жителямъ и выборному городскому начальству. Онъ имѣлъ право жизни и смерти, казнилъ гражданъ, оруженосцевъ и даже сеньоровъ безъ суда и безъ отвѣтственности. Онъ занималъ деньги отъ имени города и силой заставлялъ жителей платить ихъ. Онъ устанавливалъ разные налоги и пошлины безъ согласія городскихъ властей⁽³⁾. Онъ королевскимъ именемъ требовалъ у городскихъ капиталистовъ денегъ на военные расходы сколько находилъ нужнымъ и никто не смѣлъ отказать ему⁽⁴⁾. По обыкновенію вмѣстѣ съ диктаторомъ явились въ городъ его родственники, отецъ, братья. Каждый хотѣлъ дѣлать распоряженія, каждый требовалъ повиновенія отъ городскихъ жителей. Отецъ Готье Шатильонскаго, узнавши о неблагопріятныхъ отзывахъ о немъ со стороны гражданъ, замыслилъ внезапное нападеніе на городъ. Его дѣти собирали уже войско, а отецъ требовалъ выдачи оскорбителей и въ случаѣ отказа грозилъ раздѣлаться съ ними. Самъ король, бывшій

⁽¹⁾ Ibidem. p. 264. Докум. 1363 г. По случаю одного спора между архіепископскимъ судьей и городскими засѣдателями, король поручаетъ разобрать дѣло своимъ комиссарамъ. Arch. admin. t. III. p. 446—4377 г.

⁽²⁾ Ibidem. p. 438. Докум. 1377 г.

⁽³⁾ Arch. adm. de Reims t. III. p. 199. Докум. 1363 г.

⁽⁴⁾ Ibidem. p. 461. Докум. 1360 г.

тогда въ плѣну, просилъ его оставить замыслы⁽¹⁾. Король писалъ, что такое самоуправство можетъ помѣшать скорому его выкупу; но что, получивши свободу, онъ самъ накажетъ виновныхъ. Иоаннъ больше заботился о своемъ выкупѣ, чѣмъ о свободѣ и безопасности городскихъ жителей⁽²⁾.

Самовластіе королевскаго капитана оправдывалось отчасти военнымъ временемъ. Въ 1359 году англійская армія перешла уже Сомму и направлялась въ Реймсу. Эдуардъ называлъ себя уже королемъ Франціи и обѣщался короноваться въ Реймсѣ. Дѣйствительно въ декабрѣ 1359 года въ окрестностяхъ Реймса показались англійскія войска подъ начальствомъ самаго Эдуарда, сына его—Чернаго Принца, брата—герцога ланкастерскаго и др.⁽³⁾ Сорокъ дней пребыли непріятеля подѣ стѣнами Реймса, но они ограничились только опустошеніемъ окрестностей и предмѣстій и не рѣшились на приступъ. Въ январѣ слѣдующаго года непріятель отступилъ. Реймскіе жители сдѣлали вылазку съ цѣлью нападенія на непріятельскій арріергардъ, но отбили только 80 барановъ и нѣсколько головъ крупнаго скота. Замѣчательно, что въ городѣ сейчасъ-же возникъ споръ, кому должна принадлежать добыча. Смѣльчаки—горожане, дѣлавшіе вылазку, присвоивали ее себѣ по праву военной добычи. Архіепископъ пустилъ въ ходъ старинное феодальное право, по которому всякая находка на землѣ феодала (сраве) должна принадлежать ему. Споръ рѣшилъ королевскій капитанъ Готье Шатильонскій: онъ велѣлъ продать захваченный скоть, а деньги оставилъ у себя на жалованье войску⁽⁴⁾.

Съ этого времени наступаетъ особенно трудная пора для жителей Реймса. Не проходило ни одного года безъ новыхъ налоговъ и субсидій: на военные расходы, на возведеніе укрѣпленій, на выкупъ плѣннаго короля, на выкупъ городовъ и замковъ, захваченныхъ разбойничьими шайками (grandes compagnies), и на королевскую коронацію⁽⁵⁾. Тяжесть город-

(1) Arch. adm. de Reims. t. III. p. 167. Докум. 1360 г.

(2) Ibidem. p. 168.

(3) Arch. admin. de Reims. t. III. p. 151. Докум. 1359 г.

(4) Ibidem. p. 157. Примѣчаніе.

(5) Arch. adm. de Reims. t. III. 284—1364 г. 295—1365 г. p. 358—1372 года и т. д.

скихъ налоговъ доходила до высшей степени. Жалоба 25 городовъ сѣверной Франціи регенту Карлу не имѣла успѣха (¹). Раскладка и сборъ налоговъ теперь уже принадлежать не засѣдателямъ, какъ это велось прежде, а Совѣту Шести и королевскому капитану. Совѣтъ Шести назначаетъ сборщиковъ, главный изъ нихъ долженъ давать отчетъ въ собранныхъ суммахъ (²). Впрочемъ случалось, что королевскій капитанъ и собственною властью назначалъ комиссаровъ изъ гражданъ и клириковъ для раскладки податей. Иногда это дѣлалось по королевскому приказанію (³). Капитанъ рѣшалъ всѣ недоумѣнія, возникавшія между совѣтомъ выборныхъ и сборщиками податей или откупщиками, бравшими на откупъ косвенные налоги за извѣстную сумму денегъ (⁴). Жители Реймса уже отказывались составлять народныя собранія и выбирать сборщиковъ (⁵). Должность эта не нравилась горожанамъ; они не хотѣли быть орудіями разоренія своихъ согражданъ, боялись столкновеній съ городской аристократіей и королевскимъ намѣстникомъ (⁶). Сборщики, назначаемые капитаномъ или Совѣтомъ Шести, допускали множество злоупотребленій: они мирволили богатымъ, притѣсняли бѣдныхъ (⁷), собирали лишнее и не хотѣли ни кому давать отчета въ собранныхъ суммахъ. На такія злоупотребленія засѣдатели жаловались королю, который приказывалъ своему байльи принудить въ отчету сборщиковъ (⁸). Не лучше была и другая система сбора налоговъ и пошливъ,—на вино, на соль и другіе жизненные припасы. Превъжая поголовная подать раскладывалась сообразно съ имуществвомъ. Богатымъ торговцамъ, городскимъ капиталистамъ приходилось платить больше, чѣмъ бѣдному городскому населенію. Въ началѣ XIV вѣка субсидіи на короля собирались такимъ же способомъ. Они включались въ общую сумму городскихъ расходовъ и раскладывались на жителей пропорціонально съ ихъ достат-

(¹) Ibidem. p. 143. Докум. 1359 г.

(²) Ibidem. p. 127. Докум. того же года.

(³) Ibidem. p. 288. Докум. 1364 года.

(⁴) Arch. adm. de Reims. t. III. p. 304. Докум. 1366 г.

(⁵) Ibidem. p. 349. Докум. 1371 г.

(⁶) Ibidem. p. 294. Докум. 1364 г.

(⁷) Ibidem. p. 465. Докум. 1378 г.

(⁸) Ibidem. p. 443—1377 г. p. 677—1386 г. Ср. 809—1393 г.

вомъ. Но съ половины XIV в., подъ влияніемъ аристократической городской партіи, получившей огромное вліаніе на городскія дѣла, начинаетъ преобладать система косвенныхъ налоговъ съ предметовъ потребленія. Система эта особенно тяжело отзывалась на бѣдномъ низшемъ городскомъ сословіи. Подъ вліаніемъ аристократовъ центральное финансовое управленіе, Королевская Палата Налоговъ (*Chambre des aides*), и внутренняя городская администрація преимущественно обращались къ системѣ пошлинъ на предметы торговли. Для того чтобы скорѣе и безъ хлопотъ получить известную сумму денегъ, съ торговъ отдавали известную пошлину на откупъ. Кто предлагалъ высшую сумму, тотъ на известный срокъ приобреталъ право собирать ее въ известной мѣстности. При невыработанности экономическихъ и финансовыхъ понятій эта система откуповъ давала поводъ къ злоупотребленіямъ. Правительство думало гарантировать народъ посредствомъ инструкцій откупщикамъ. Но достаточно прослѣдить хоть одну изъ такихъ инструкцій, чтобы убѣдиться, какое широкое поле для вымогательства и притѣсненій разнаго рода было предоставлено произволу откупщиковъ. Вотъ напрямѣръ какія правила даны для сбора пошлины на соль инструкціей 1351 г.⁽¹⁾ Пошлина на соль (*gabelle*) въ Реймсѣ и въ Реймскомъ округѣ была сдана на одинъ годъ за 3,700 флориновъ троишь реймскимъ купцамъ. Заплативши эту сумму, они имѣли право на пошлину съ продажи соли въ Реймсѣ, въ бургахъ, предмѣстьяхъ и окрестныхъ городкахъ и селеніяхъ. Откупщики или ихъ повѣренные должны осмотрѣть всѣ городскіе магазины, амбары, лавки, и опредѣлить количество соли, назначаемой для продажи. Затѣмъ никто не имѣлъ права продавать соль безъ ихъ вѣдома и въ случаѣ требованія со стороны покупателей каждый разъ долженъ былъ приглашать откупныхъ агентовъ для полученія опредѣленной пошлины. Для избѣжанія тайной продажи соли отъ каждаго солянаго склада должно быть два ключа: одинъ хранится у хозяина соли, другой у откупщика пошлины. Но пошлина бралась не только съ продажи, но и съ потребленія. Поэтому откупщики и ихъ повѣренные имѣли право розыскивать соль въ частныхъ домахъ, въ домахъ влириковъ, въ монастырскихъ зданіяхъ

(¹) Arch. admin. de Reims. p. 132. Докум. 1359 г.

и т. д. Только архіепископскій дворецъ, имѣвшій право безпошлиннаго употребленія соли, былъ свободенъ отъ такпхъ поисковъ. Откупщики имѣютъ право отбирать показанія подъ присягой отъ хозяевъ и отъ прислуги. Въ случаѣ утайки или неправильной продажи соль конфискуется въ пользу откупщиковъ и того владѣльца, на чьей землѣ будетъ схвачена контрабанда⁽¹⁾. Этой мѣрой думали привлечь владѣльцевъ на сторону откупщиковъ, дать имъ побужденіе ворко слѣдить за контрабандой. При высокомъ тарифѣ (4 флорина съ известной мѣры) и особенно вслѣдствіе самой системы сбора, дававшей поводъ къ злоупотребленіямъ, — понятно, какъ тяжело эта пошлина должна была отозваться на положеніи бѣднаго городскаго и сельскаго населенія.

Короли продолжаютъ короноваться на городской счетъ. Коронація бережливаго Карла V стоила только 900 ливровъ; но обѣднѣвшій городъ былъ не въ состояніи заплатить и этой незначительной суммы⁽²⁾. Отправляя комиссара для взысканія денегъ, Карлъ V въ своемъ приказѣ выражаетъ удивленіе и недовольство на жителей (*de quoі nous sommes moult merueilleux et nous en deplaist grandement*). Но удивляться было нечему: во 2-й половинѣ XIV в. Реймсъ представлялъ уже картину полнаго обѣднѣнія жителей. Объ этомъ свидѣлствуетъ самъ король; онъ писалъ Совѣту Шести въ 1392 году. „Жители жалуются на тяжесть налоговъ и пошлинъ. Они понесли огромныя потери отъ неприятельскихъ раззореній, отъ грабежей разбойничьихъ шаекъ. Шайки эти нѣсколько разъ опустошали городскія окрестности, жгли, убивали, забирали жителей и брали съ нихъ тяжелый выкупъ. Въ теченіе десяти лѣтъ въ городѣ была страшная смертность и народонаселеніе уменьшилось больше, чѣмъ на половину. Реймсъ не можетъ похвалиться выгоднымъ мѣстоположеніемъ. Онъ не имѣетъ ни судоходной рѣки, ни виноградниковъ, ни богатыхъ пашень и луговъ; не смотря на то, онъ одинъ, безъ участія другихъ городовъ Франціи, платитъ расходы на коронованіе. Жители изъ него бѣгутъ и цѣлыми семействами переселяются на земли капитула или окрестныхъ феодаловъ“. Въ заключеніе

(1) Arch. adm. de Reim. t. III. p. 132. Докум. 1359 г.

(2) Arch. adm. de Reims. t. III. p. 290. Докум. 1361 года.

Карль приказываетъ уменьшить на половину налогъ этого года ⁽¹⁾.

При преемникѣ Карла положеніе Реймской коммуны сдѣлалось еще хуже. Должность королевскаго капитана сдѣлалась наконецъ постоянной ⁽²⁾. Капитанъ получилъ право назначать лейтенанта, который въ его отсутствіе пользуется всѣми его правами ⁽³⁾. Съ 1371 г. они получаютъ жалованье изъ городскихъ доходовъ ⁽⁴⁾. Каждый разъ при назначеніи капитана, указывался кругъ его вѣдомства, заключавшійся главнымъ образомъ въ военномъ управленіи городомъ и въ высшемъ надзорѣ за сборомъ королевскихъ податей. Королевская власть старалась ограничить произволъ капитана, приказывая ему совѣтоваться во всемъ съ членами Совѣта Шести и городскими засѣдателями ⁽⁵⁾. Наконецъ вошло въ обычай, чтобы въ совѣтъ капитана, состоявшемъ изъ лучшихъ людей города и депутатовъ отъ капитула и монастыря св. Ремй, засѣдали также двое изъ городскихъ засѣдателей ⁽⁶⁾. Но, давая обширное полномочіе капитанамъ и не опредѣляя точнымъ образомъ ихъ отношеній къ совѣту, королевская власть давала поводъ къ разнаго рода злоупотребленіямъ. Такъ въ 1387 году городскіе засѣдатели жаловались на капитана Жегана Барата и его лейтенанта, что они самовольно захватили ключъ отъ городского ящика съ деньгами и денежными документами, хранившася въ церкви монастыря братьевъ-Кордельеровъ ⁽⁷⁾. Тотъ-же капитанъ Жеганъ Баратъ притѣснялъ жителей, требовалъ отъ нихъ незаконныхъ субсидій и въ случаѣ отказа грозилъ заключеніемъ въ Портъ-Марсѣ ⁽⁸⁾.

Наконецъ всѣ эти и подобныя злоупотребленія, также невыносимая тяжесть налоговъ и пошлинъ вызвали въ 1395 году новыя волненія въ Реймсѣ преимущественно между

⁽¹⁾ Arch. adm. de Reims. t. III. p. 358. Докум. 1372 года.

⁽²⁾ Ibidem p. 491. Докум. 1362 г. p. 348.—1371 г. p. 670.—1385 г. p. 782.—1391 г.

⁽³⁾ Ibidem p. 328. Докум. 1362 года.

⁽⁴⁾ Ibidem, p. 348.—1371 г.

⁽⁵⁾ Arch. admin. de Reims. t. III. p. 458. Докум. 1377 года.

⁽⁶⁾ Ibidem. p. 692.—1388 года.

⁽⁷⁾ Arch. adm. de Reims. t. III. p. 569. Докум. 1384 года.

⁽⁸⁾ Ibidem. p. 670. Докум. 1385 года.

бѣднымъ населеніемъ. На этотъ разъ инициатива возстанія принадлежала архіепископу. Поводомъ послужила новая пошлина на вино, установленная въ городѣ капитаномъ съ королевскаго разрѣшенія и съ согласія городскихъ засѣдателей. Архіепископомъ въ то время былъ Ивелль. Онъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на распоряженія королевскаго уполномоченнаго и выборныхъ отъ аристократической партіи. Когда въ городѣ сдѣлалось извѣстнымъ о новой пошлинѣ на вино, между бѣднѣйшимъ классомъ народа обнаружилось неудовольствіе. Архіепископъ воспользовался этимъ и чрезъ своихъ сержантовъ еще больше разжигалъ народныя страсти. Онъ совѣтовалъ силой не допускать новаго налога, напоминалъ о деспотизмѣ королевскаго капитана, о хитрости и своекорыстіи аристократовъ и обѣщаль свою помощь. Народъ толпами ходилъ по улицамъ, сильно ропталъ и грозилъ аристократамъ и капитану. Никто изъ городскихъ властей не осмѣливался показываться на улицахъ. Архіепископъ во время этого волненія показалъ себя демагогомъ и другомъ бѣдствующаго народа. Къ нему стекались толпы горожанъ и онъ изъ оконъ своего дворца говорилъ рѣчи, призывая народъ къ возстанію. Происходили собранія въ церкви св. Діонисія: здѣсь архіепископъ старался поддерживать мужество въ народѣ, говорилъ о его бѣдствіяхъ и о страшномъ гнетѣ со стороны городскихъ начальниковъ. Составился союзъ изъ 1500 человекъ съ цѣлью недопускать предполагаемаго налога. Непріязненные дѣйствія начались со стороны архіепископа: онъ арестовалъ и заключилъ въ Портъ-Марсъ одного изъ городскихъ богачей—члена Совѣта Шести. Когда капитанъ Робертъ Тиранъ потребовалъ у архіепископа отчета въ его поведеніи, то онъ отвѣчалъ грубо и грозилъ самаго его посадить съ Портъ-Марсъ. Дѣло дошло наконецъ до короля. Были посланы въ Реймсъ королевскіе комиссары и совѣтники парламента, чтобы успокоить народное волненіе и произвести слѣдствіе о послѣднихъ событіяхъ. Начался процессъ въ парламентѣ: съ той и другой стороны происходили жаркіе споры. Архіепископъ отстаивалъ свои старинныя права; онъ говорилъ, что никто въ городѣ безъ его согласія не можетъ дѣлать налоговъ. Но эта послѣдняя попытка архіепископа къ возвращенію своихъ феодальныхъ правъ не удалась. Парламентъ постановилъ, что онъ не долженъ вмѣшиваться въ вопросы о налогахъ,

имѣющихъ своимъ назначеніемъ общія городскія нужды⁽¹⁾. Вопросъ о пошлинѣ на вино, давшій поводъ къ волненіямъ черни, былъ рѣшенъ королевскими комиссарами въ общемъ городскомъ собраніи, при участіи капитана, городскихъ совѣтниковъ, засѣдателей, самаго архіепископа и депутатовъ отъ реймскихъ церквей и монастырей. Налогъ былъ принятъ впрочемъ съ нѣкоторыми измѣненіями⁽²⁾.

Во время этихъ волненій городскіе засѣдатели были на сторонѣ капитана и его совѣтниковъ. Процессъ въ парламентѣ производился между архіепископомъ съ одной стороны и всѣми городскими властями съ другой—безъ различія Совѣта Шести и Совѣта засѣдателей. Но между этими Совѣтами все таки не было согласія. Засѣдатели по прежнему служатъ представителями городской свободы и городскихъ интересахъ и продолжаютъ борьбу во имя этой свободы и этихъ интересовъ, хотя уже и не съ прежней энергіей, и большею частію безуспѣшно.

Въ высшей степени интересно слѣдить за этой смертной борьбой умирающей свободы съ новымъ административнымъ строемъ, который обязанъ своимъ происхожденіемъ королевскому абсолютизму и продажности городскихъ аристократовъ. Съ половины XIV в. въ Реймсѣ существуютъ двѣ отдѣльныя системы управленія: одна выработана длиннымъ путемъ историческаго развитія коммунальной жизни, другая произвольно наложена королевскою властью. Представителемъ первой остается совѣтъ засѣдателей (*échevinage*); вторая выразилась въ учрежденіи коммуны и совѣта выборныхъ отъ аристократической городской партіи. Оба эти учрежденія продолжаютъ существовать рядомъ, не смотря на глубокую разницу принциповъ того и другаго. Совѣтъ засѣдателей—представитель стремленій коммуны къ городскому самоуправленію; совѣтъ капитана органъ центральной власти и служитъ орудіемъ для подавленія этой автономіи во имя административнаго единства. Совѣтъ засѣдателей опирается на всѣ отживающія преданія мѣстной самобытной администраціи, мѣстнаго обычнаго права. Аристократическій совѣтъ капитана опирается на силу королевской власти, на силу адми-

(1) Arch. adm. de Reims t. III. p. 832. Докум. 1395 года.

(2) Ibidem. t. III. p. 852.—1395 г.

нистративной системы, выработанной легистами. За него—парламентъ, за него парижскія финансовыя центральныя учрежденія,—Палата Налоговъ, Палата Счетовъ; за него вся эта іерархія королевскихъ чиновниковъ, судей, комиссаровъ, главныхъ сборщиковъ податей (Elus Genevaux) и т. п. При разности принциповъ, стремленій, всего духа и характера обоихъ учреждений—между ними неминуемо должна возникнуть борьба; но борьба эта не можетъ быть равной. Въ своихъ парламентскихъ дебатахъ демократическій совѣтъ засѣдателей по прежнему опирается на коммунальное право. По прежнему онъ ссылается на стародавнія привилегіи города Реймса—со времени Первоапостола Франціи, на хартіи архіепископовъ реймскихъ, подтверждавшія его вѣковую свободу, на грамоты королей французскихъ, гарантировавшія эти права и вольности. Онъ забываетъ, что миновало время коммунальной самоправности, что старинныя преданія теперь уже мертвыя, отжившія преданія, что потомки Капетинговъ—XII и XIII вв. уже не похожи на своихъ предковъ. Рѣчи прокуроровъ коммуны какъ-то странно звучатъ теперь подъ сводами этого парламента,—крѣпкаго союзника королевской идеи, полтора вѣка работавшаго надъ подавленіемъ коммунальной самоправности и демократическихъ стремленій на всѣхъ пунктахъ французской территоріи. Прокуроры аристократическаго Совѣта лучше понимаютъ новый духъ эпохи; они прямо опираются на королевскую автономію, на божественное происхожденіе королевской власти, на императорскія права французскихъ королей.—Только королю, говорятъ они, принадлежитъ право заботиться о безопасности и благостояніи всего французскаго королевства, а слѣдовательно и всѣхъ городовъ Франціи. Онъ одинъ имѣетъ право вѣрять въ городахъ управленіе кому захочетъ. Онъ имѣетъ право превращать города въ крѣпости, поставлать въ нихъ военныхъ начальниковъ, требовать отъ нихъ для общаго блага, и военной службы, и податей, и субсидій.—Рѣшенія парламента и финансовыхъ палатъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ говорятъ о цртязаніяхъ засѣдателей. Они уже не задаютъ себѣ труда подробно опровергать ихъ коммунальную теорію. Городскіе засѣдатели и собраніе городскихъ жителей, говоритъ одно изъ такихъ рѣшеній, не больше имѣютъ права на управленіе городомъ, какъ и частные жители взятыя отдѣльно (Les eschevins et habitans n'avoient que veir ou gouverne-

ment de la ville, plus que une singulière personne, chacune en son chief)⁽¹⁾.

Но этотъ совѣтъ засѣдателей, для котораго теперь нѣтъ уже мѣста въ городскомъ управленіи, много поработалъ для самой королевской власти. Не говоря уже о борьбѣ съ архіепископомъ, подорвавшей его феодальныя притязанія, онъ много сдѣлалъ для централизаціи самаго Реймса. Городъ Реймсъ XII в. и тотъ же Реймсъ XIV в. представляетъ глубокую разницу. Феодальный городъ, или лучше сказать какая-то странная пестрая смѣсь феодальныхъ общинъ, теперь уже подъ управленіемъ королевскихъ капитановъ, — напоминаетъ собой городскую общину новѣйшей исторіи. Власть капитана и его совѣта простирается не только на старинное наслѣдіе архіепископовъ реймскихъ, но и на землю капитула и на монастырскіе бурги. По вопросамъ важнымъ самъ архіепископъ принимаетъ участіе въ общемъ городскомъ совѣтѣ. Отъ Реймской коммуны постоянно присутствуютъ два городскихъ засѣдателя. Въ случаѣ нужды приглашаются представители отъ капитула и окрестныхъ монастырскихъ общинъ. Это первый эскизъ будущаго городского устройства, когда Совѣтъ капитана превратился въ Большой Городской Совѣтъ, въ которомъ уже правильнымъ образомъ постоянно присутствуютъ представители отъ всѣхъ городскихъ сословій. Въ совѣтѣ выборныхъ обсуждаются вопросы, имѣющіе значеніе для всѣхъ жителей Реймса безъ различія ихъ подсудности, архіепископу, капитулу, или монастырскимъ общинамъ. Вопросы эти покуда военнаго и финансоваго характера, — о налогахъ, о городскихъ уврѣпленіяхъ, о мѣрахъ общей безопасности. Но не далеко уже время, когда значеніе общаго городского совѣта распространится на всѣ отрасли городского управленія, судопроизводства, полицейскаго и торговаго надзора и т. п. — XIV вѣкъ есть эпоха переходная отъ стараго порядка вещей къ новому. По прежнему еще существуютъ различія въ территоріяхъ и подсудности жителей, какъ памятники отживающихъ феодальныхъ отношеній. Но эти разныя части одного организма не живутъ уже отдѣльною жизнью, какъ это было въ лучшую пору феодализма. Въ XIV в. уже много сдѣлано для будуща-

⁽¹⁾ Arch. adm. de Reims. t. III. p. 899. Докум. 1398 года.

го соединенія подъ общимъ королевскимъ знаменемъ. У всѣхъ отдѣльныхъ частей Реймса обнаруживаются уже общія стремленія, общія потребности. Въ Реймсѣ существуетъ административный институтъ,—нѣкоторый родъ центрального управленія, опредѣленія котораго обязательны для всѣхъ и каждаго. Это объединеніе символически выразилось въ самомъ вѣшнемъ видѣ города. Жители стараго города—архіепископской юрисдикціи, или бурга св. Реми—уже не протягиваютъ въ концахъ улицъ желѣзныхъ цѣпей, чтобы прекращать на извѣстное время сообщеніе съ сосѣднимъ городскимъ поселеніемъ. Одна общая стѣна, одна общая система укрѣпленій соединяетъ всѣ эти бурги и предмѣстья съ старымъ городомъ.

Но это стремленіе къ централизаціи началось гораздо раньше прямиго вмѣшательства королевской власти въ городскія дѣла. Съ тѣхъ поръ какъ въ первый разъ въ Реймсѣ раздался звукъ коловоловъ церкви Св. Симфоріана, призывавшій горожанъ къ борьбѣ съ феодалами, это стремленіе не прекращалось. Мы имѣли уже случай замѣтить, что законъ коммунальнаго движенія, мѣра силы этого движенія, заключаются именно въ силѣ воздѣйствія коммуны на окрестное населеніе, подвластное феодаламъ. Мы видѣли уже фактъ вліянія большой и богатой коммуны на менѣе значительную городскую общину въ исторіи Амьена и Корбій. Реймская коммуна была не чужда таковаго благотвительнаго значенія для жителей окружающихъ ее монастырскихъ бурговъ и феодальныхъ владѣній. Подобное вліяніе со стороны коммуны было прежде всего невольное: она заражала окрестныхъ жителей примѣромъ своихъ привилегій и гарантій. Начиная съ XII в., мы видимъ огромный переворотъ въ социальномъ положеніи рабочаго люда феодальныхъ владѣній. Приписывать этотъ переворотъ непосредственному вліянію коммуны было бы большой исторической ошибкой; но нельзя не признать значительной доли въ великомъ фактѣ освобожденія и реорганизаціи крестьянскихъ общинъ за коммунальной революціей. Главнымъ образомъ убѣждаетъ въ этомъ историческая аналогія, — сравнительное обозрѣніе исторіи рабочихъ классовъ въ разныхъ государствахъ Европы. Изъ этого обозрѣнія открывается тотъ многозначительный фактъ, что вездѣ, во всѣхъ государствахъ западной Европы, непосредственно за коммунальною революціей слѣдовалъ поворотъ къ лучшему въ положеніи закрѣпленнаго за феодалами клас-

са. Мало того: гдѣ полнѣе совершилась коммунальная революція, тамъ всестороннѣе было освобожденіе и сельскихъ общинъ, какъ напр. въ Италиі, въ Фландріи. Подобный законъ преслѣдять и исполнѣ изучить можно только на болѣе широкой аренѣ при помощи особаго рода историческихъ матеріаловъ, богатый запасъ которыхъ до сихъ поръ еще хранится въ монастырскихъ архивахъ. Впрочемъ излагая исторію Реймской коммуны, мы не можемъ обойти этого вопроса; тѣмъ болѣе, что въ бывшемъ у насъ подъ руками изданіи напечатано нѣсколько подобныхъ документовъ для сельскихъ общинъ Реймскаго округа,—подвластныхъ архіепископу и реймскимъ аббатствамъ. Изъ этихъ документовъ мы видимъ, что съ XII вѣка начинаются сдѣлки между владѣльцами и крестьянами. Положеніе рабочей массы становится лучшимъ уже вслѣдствіе большей опредѣленности ихъ отношеній къ феодаламъ. Въ грамотахъ, даваемыхъ реймскимъ капитуломъ, монастырскими властями, или самими архіепископами реймскими, съ точностью опредѣляются тѣ оброки деньгами или натурой и тѣ работы, которыми крестьяне обязаны своимъ владѣльцамъ⁽¹⁾. Впрочемъ эти грамоты даютъ и положительныя привилегіи, которыя должны были благотѣльно отозваться на положеніи земледѣльческаго класса. Крестьяне извѣстной сельской общины освобождаются отъ нѣкоторыхъ тяжелыхъ повинностей и получаютъ внутреннее устройство съ нѣкоторыми правами самоуправления. Управление общиной предоставляется мэру, назначаемому феодаломъ болшею частью изъ сельскихъ жителей. Онъ собираетъ оброкъ въ пользу господина, слѣдитъ за господскими работами. Въ тоже время ему предоставленъ полицейскій надзоръ въ общинѣ: онъ арестуетъ виновныхъ и доноситъ о преступленіяхъ феодальнымъ судьямъ. вмѣстѣ съ мэромъ существуетъ и совѣтъ выборныхъ отъ самой общины; они съ мэромъ рѣшаютъ въ первой инстанціи нѣкоторые маловажные проступки и незначительные споры между крестьянами. Апелляція на рѣшенія сельскаго суда подается феодальному суду. Сельская община, получившая подобныя гарантіи отъ феодальнаго произвола, называется уже свободной общиной. Она пользуется привилегіей всякой

(¹) Arch. admin. de Reims. t. I. 1. p. 385. Докум. 1181 года.

свободной общиной: кто прожилъ въ ней одинъ годъ и одинъ день и въ это время не былъ вытребованъ своимъ владѣльцемъ, тотъ становился членомъ общины. Феодалы въ своихъ грамотахъ исключаютъ впрочемъ изъ этого общаго правила своихъ собственныхъ крестьянъ другихъ не свободныхъ общинъ⁽¹⁾. Грамоты, утверждающія права и привилегіи сельскаго населенія, носятъ названіе *chartae libertatis et pacis*, а сельскія общины принимаютъ громкое имя коммуны (*communia*)⁽²⁾. Подобное устройство очевидно заимствованное съ коммунальнаго строя городскихъ общинъ, хотя и съ большими ограниченіями, мы видимъ въ большихъ монастырскихъ бургахъ, окружавшихъ Реймсъ. Богатое и промышленное ихъ населеніе успѣло записаться гарантіями прежде бѣднаго земледѣльческаго класса⁽³⁾. Впрочемъ къ чести монастырскихъ общинъ нужно сказать, что онѣ первыя вводятъ подобное же устройство и въ сельскихъ своихъ помѣстьяхъ. Потому уже этотъ поворотъ къ лучшему распространяется и на владѣнія свѣтскихъ феодаловъ. Случалось, что монастырь владѣлъ извѣстной сельской общиной вмѣстѣ съ какимъ-нибудь сеньоромъ. Отсюда возникала сложность отношеній, которая тяжело отзывалась на жителяхъ селенія. Монастырь, давая имъ нѣкоторыя права, въ то же время старался ограничить ихъ и отъ насилій свѣтскихъ феодаловъ⁽⁴⁾. Архіепископы съ своей стороны тоже даютъ подобныя грамоты и своимъ помѣстьямъ, которыхъ у нихъ было много въ Реймской провинціи. Сельскимъ мѣрамъ вмѣстѣ съ выборными отъ общины (*jugati*) предоставлено рѣшеніе въ первой инстанціи нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ; апелліція на нихъ подается къ архіепископскому байльи или превб⁽⁵⁾. Если на архіепископской землѣ возникало новое поселеніе, то оно получало такое же устройство. Такъ въ 1205 г. въ сосѣдствѣ съ Реймсомъ образовалось поселеніе *Venisse*. Поселенцы поспѣшили войти въ соглашеніе съ архіепископомъ, заручиться отъ него грамотой,

⁽¹⁾ Arch. admin. t. I. 4. p. 387. Докум. 1182 года.

⁽²⁾ Ibidem. p. 390.

⁽³⁾ Ibidem. p. 94. Примѣчаніе.

⁽⁴⁾ Arch. admin. de Reims. t. I. 4. p. 387. Докум. 1182 года. Ср. T. I. 4. p. 407. Докум. 1184 года. Ibidem. p. 451. Докум. 1203 г.

⁽⁵⁾ Ibidem. p. 417. Докум. 1191 года.

утверждавшей ихъ привилегіи относительно повинностей и самоуправленія. Они должны были платить незначительный земельный оброкъ по 18 денаріевъ въ годъ съ поземельнаго участка. Новые mansaragii получаютъ права и вольности (franchises) селенія Кюльтури, возникшаго нѣсколько прежде. Архіепископъ позволяетъ имъ выбрать мэра; если только, замѣчаетъ граммата, изъ числа ихъ найдется способный къ занятію этой должности. Мэръ долженъ принести присягу архіепископу въ томъ, что онъ будетъ творить судъ и расправу по чистой совѣсти. Впрочемъ права его юрисдикціи ограничены взысканіями не выше 7 солидовъ⁽¹⁾. Въ послѣдствіи оба эти селенія вошли въ составъ Реймской коммуны: права юрисдикціи мэра расширились, но въ свои судебныя засѣданія онъ долженъ приглашать городскихъ засѣдателей.

Реймская коммуна оказывала болѣе прямое вліяніе на монастырскія предмѣстья особенно на бургъ, принадлежавшій аббатству св. Реми. Мы видѣли уже, что жители этого бурга стремились войти въ составъ Реймской коммуны. Они не могли не заразиться тѣмъ свободнымъ духомъ жителей стараго города, который выразился въ смѣлой борьбѣ ихъ съ архіепископскою властью. Они не разъ бывали свидѣтелями шумныхъ народныхъ собраній на городскихъ площадяхъ, или въ церкви св. Симфоріана. Борьба Реймской коммуны велась не ради какихъ либо незначительныхъ привилегій; жители Реймса добивались полной коммунальной автономіи, по образцу сѣверныхъ французскихъ коммунъ или свободныхъ городовъ Фландріи. Борьба эта не имѣла желанныхъ результатовъ. Феодалная власть реймскихъ прелатовъ, благодаря поддержкѣ королевской власти и покровительству св. престола, ограничила притязанія жителей Реймса только нѣкоторыми гарантіями. Эти права, выраженные слишкомъ неопредѣленно въ хартіи Вильгельма Шампанскаго, представляли мало привлекательнаго для жителей окрестныхъ бурговъ. Давно уже подъ сѣнью богатыхъ монастырскихъ общинъ они пользовались ими и не въ меньшей мѣрѣ. Но мы должны помнить, что права и привилегіи монастырскихъ бурговъ были гораздо обезпеченнѣе, чѣмъ права и привилегіи жителей Реймса. Монастырское управленіе

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims. t. I. 2. p. 458. Докум. 1205 года. Ср. p. 525. Докум. 1223 года.

отличалось нѣкоторой гуманностью въ сравненіи съ архіепископскою властью. Богатыя аббатства, владѣвшія огромной поземельной собственностью не только въ Реймской провинціи, но и во всей Франціи, даже въ другихъ государствахъ Европы, не имѣли повода прибѣгать къ той системѣ вымогательства и притѣсненій всякаго рода, которую проводили прелаты реймскіе. Поэтому въ XIII в. въ отношеніяхъ бурговъ къ коммунѣ начался поворотъ: желаніе соединенія въ нихъ значительно уже охладѣло. Прежде коммунальная автономія была общимъ идеаломъ и города и бурговъ. Теперь когда идеаль этотъ не осуществился, когда коммуна Реймская остановилась на полудорогѣ, бургамъ не зачѣмъ было мѣнять легкую зависимость отъ своихъ монастырскихъ властей на суровое подчиненіе архіепископу. Портъ-Марсъ съ его подъемными тюрьмами имѣлъ мало привлекательнаго для горожанъ, зависѣвшихъ отъ капитула, или отъ аббатства св. Реми. Напротивъ, въ жителяхъ монастырскихъ предмѣстій мы видимъ уже стремленіе отдѣлиться отъ Реймской коммуны. Это стремленіе усилилось, когда наступила пора постоянного вмѣшательства королевской власти. Съ этого времени между коммуной и бургами мы видимъ постоянный антагонизмъ, выразившійся во множествѣ парламентскихъ процессовъ. Короли требовали отъ коммуны денегъ на военные расходы и на коронованіе. Мы знаемъ уже, какъ тяжела была для жителей Реймса эта послѣдняя подать. Нѣкоторое время люди капитула и сосѣднихъ монастырей были отъ нея свободны; но съ половины XIII в. коммуна старается привлечь ихъ къ участию въ налогѣ на коронованіе. Церковь и монастыри защищали своихъ людей, предавали отлученію и наказывали тяжелыми эпитиміями городскихъ засѣдателей⁽¹⁾. Но королевская власть принимаетъ сторону Реймской коммуны. Было опредѣлено, какую долю расходовъ на коронацію должны были оплачивать коммуна, люди капитула, бургъ св. Реми и окрестныя селенія архіепископа⁽²⁾. Если возникалъ процессъ меж-

(1) Arch. admin. de Reims. t. I. 2. p. 925. Докум. 1274 года. Ср. р. 259.—1320 г.

(2) Arch. admin. de Reims t. II. 1. p. 227. Любопытное распределение расходовъ на коронованіе Людовика X. Общая цифра налога простиралась до 17,500 ливровъ. Изъ этой суммы на долю Реймса падало 9,600 л., на долю капитула — 3,800, окрестныхъ владѣній архіепископа — 2,500, бурга св. Реми—1600 ливровъ.

ду коммуна и бургами, то парламентъ рѣшалъ дѣло въ пользу коммуны (¹). Но коммуна старалась привлечь жителей предмѣстій къ участию и въ другихъ налогахъ, имѣющихъ предметомъ своимъ общія городскія нужды, безъ различія подсудности жителей, архіепископу, капитулу, или монастырямъ. Тѣ упорно отказывались, но засѣдатели упрямо проводили свою мысль и съ помощью парламентскихъ рѣшеній достигли своей цѣли. Такъ парламентскимъ декретомъ 1366 года велѣно было жителямъ бурга св. Реми принимать участие въ расходахъ коммуны на поимку разбойниковъ де Бриэнъ (²). Тоже слѣдуетъ сказать и о расходахъ на городскія укрѣпленія и на военныя субсидіи въ пользу короля (³). Капитулы и аббатства оказывали сопротивленіе; случалось, что каноники предавали отлученію реймскихъ засѣдателей (⁴). Но бороться противъ коммуны, поддерживаемой королевскою властью, было трудно. За ослушаніе короли грозили конфискаціей свѣтскихъ владѣній.

Подобныя стремленія Реймской коммуны входили въ централизаторскіе виды королевской власти. Они много содѣйствовали послѣдующему объединенію отдѣльныхъ городскихъ частей подъ общей властью королевскаго капитана. Жители бурговъ уже заранѣе были приучены къ разнаго рода повинностямъ въ пользу города и королевской власти. Въ половинѣ XIV в., благодаря усиліямъ коммуны и при помощи королевской власти, значительно была ослаблена та феодальная особность, которая изъ одного города дѣлала нѣсколько отдѣльныхъ, независимыхъ общинъ. Но эта централизація совершилась не вслѣдствіе внутренняго притяженія коммуны на окрестное населеніе. Инициатива шла, говоря строго, не отъ коммуны, а отъ королевской власти: коммуна невольна должна была подумать объ облегченіи невыносимой тяжести разнаго рода поборовъ, которую налагала на нее королевская власть. Характеристическій фактъ въ исторіи Реймса тотъ, что до половины XIII в., не смотря на постоянную

(¹) Ibidem. p. 257. Докум. 1320 года.

(²) Ibidem. p. 430. Докум. 1326 года.

(³) Arch. admin. de Reims. t. II. 1. p. 585. Докум. 1329 года.

(⁴) Arch. admin. de Reims. t. II. 2. p. 817.—1339 г. p. 847.—1340 г. t. III. p. 114.—1358 г. и т. д.

борьбу съ архіепископомъ, всегда находились охотники переселяться туда. Но съ этого времени начинается обратное движеніе;—жители Реймса сами бѣгутъ изъ роднаго города. Это стремленіе къ концу XIV в. усиливается; цѣлыя семейства переселяются на землю капитула, въ монастырскіе бургы, или ищутъ для себя пріюта далеко отъ родины,—въ болѣе счастливыхъ коммунахъ Фландріи. Этотъ фактъ замѣчательнъ въ высшей степени: онъ повторился въ исторіи почти всѣхъ коммунъ Франціи, особенно тамъ, гдѣ сильнѣе сказалось вліяніе королевской власти.

Во время столѣтней войны, города Гаскони, Гвѣнны и другихъ юго-западныхъ провинцій Франціи, бывшіе подъ владѣтельствомъ Плантагенетовъ, не съ охотой переходили подъ власть французскихъ королей. Когда Карль V хотѣлъ присоединить Бретань къ короннымъ владѣніямъ, городскія общины единодушно возстали; потому, какъ замѣчаетъ хроника Гильома Сентъ-Андрѣ, что они боялись того рабства, которое вездѣ царствовало во Франціи (¹); Французское правительство налагало тяжелое иго на города Франціи: оно требовало службы и денегъ, а взамѣнъ повуда еще ничего не давало. То была смутная пора,—время испытанія, тяжелаго гнета и внутреннего броженія для городскихъ общинъ. Феодализмъ потерялъ свою силу, но феодальныя формы жизни еще существовали. Порывъ городскихъ общинъ къ коммунальной автономіи не удался, но они внесли богатый вкладъ въ исторію. Королевская власть приобрѣла преобладающее значеніе, но еще не выработала прочныхъ опредѣленныхъ общественныхъ отношеній. Городскія общины представляютъ какую-то странную смѣсь разныхъ элементовъ. Реймсъ служитъ прекраснымъ примѣромъ этихъ разнообразныхъ, даже противоположныхъ стремленій, царствующихъ въ стѣнахъ одного города. Въ одно и тоже время въ немъ продолжаютъ существовать феодальныя сеньоры, коммунальная магистратура и представитель королевской власти.

Въ отношеніи къ юрисдикціи городъ удерживаетъ свои средневѣковыя дѣленія, на основаніи подчиненія той или другой феодальной власти; но въ финансовомъ и военномъ

(¹) Docum. inéd. Chron. du Bertran du Guesclin. t. II.—Livre du bon Jehan duc de Bretagne. Guil. J. André.

отношеніяхъ онъ уже объединенъ подъ начальствомъ королевскаго капитана. Совѣтъ городскихъ засѣдателей имѣетъ свой независимый кругъ дѣйствія—это дѣла торгово-полицейскія. По прежнему онъ разсматриваетъ и рѣшаетъ эти дѣла въ городскомъ домѣ, безъ участія архіепископа и королевскихъ намѣстниковъ. Въ отношеніи къ юрисдикціи и финансовому управленію старинный совѣтъ засѣдателей находится въ подчиненномъ отношеніи: на судебныя засѣданія архіепископскихъ судей онъ посылаетъ своихъ представителей, которые въ качествѣ присяжныхъ даютъ приговоръ о виновности или невинности подсудимаго; въ совѣтѣ капитана тоже засѣдаютъ двое изъ членовъ коммунальнаго совѣта съ правомъ голоса во всѣхъ дѣлахъ, касающихся жителей города архіепископской юрисдикціи. Такимъ образомъ въ Реймсѣ образовалась смѣшанная администрація; въ нее входятъ три элемента: феодальный, королевскій, городской. Отношенія между ними не установлены твердыми правилами. Но преобладающее значеніе остается за элементомъ королевскимъ: власть королевскаго капитана и его совѣта—уже сильнѣе и архіепископской и городской власти.

При такомъ положеніи дѣла Реймская коммуна уже не могла оказывать вліянія на окрестное населеніе. Вліяніе это было сильно только тогда, когда были сильны коммунальныя стремленія. Теперь они значительно ослабли, подъ непосредственнымъ вліяніемъ королевской власти. Централизація феодальныхъ владѣній, составлявшихъ Реймсъ, уже ведется не во имя коммунальной свободы, а подъ знаменемъ централизующей королевской власти. Мы сказали, что мѣрою силы для каждой коммуны можетъ служить степень оказаннаго ею вліянія на окрестное полусвободное населеніе. Вліяніе Реймской коммуны было сильно, но непродолжительно. Причина заключается въ самомъ характерѣ коммунальной жизни г. Реймса и въ отношеніяхъ его къ феодальнымъ сеньорамъ. Исторія г. Реймса съ самаго начала коммунальнаго движенія въ XII в. до конца XIV в. есть исторія непрерывной борьбы съ феодализмомъ. Силы коммуны постоянно находились въ напряженіи,—постоянно были заняты этой борьбой.

Городу Реймсу не удалось, подобно коммунамъ Сѣвера, свергнуть съ себя феодальное иго и получить полныя коммунальныя гарантіи. То, что въ Амьенѣ совершилось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ кровавой борьбы съ своимъ графомъ,

того Реймса не могъ достигнуть вѣковыми усилиями, при всемъ напряженіи своихъ силъ. Гарантіи Реймса были незначительны, его коммунальное устройство въ высшей степени шатко. Оттого и вліяніе его на окрестныя бурги не было рѣшительнымъ.

Сравнивая исторію Амьенской коммуны съ исторіей г. Реймса, мы не можемъ не замѣтить между ними громадной разницы. Это различіе проходитъ отъ начала до конца исторіи обѣихъ коммунъ. Оно выражается, и въ характерѣ историческаго развитія городской жизни, и во внутреннемъ коммунальномъ устройствѣ, и въ отношеніяхъ къ феодальной и къ королевской власти. Прежде всего еще до начала коммунальной революціи, между Амьеномъ и Реймсомъ существуетъ глубокая разница. Амьенъ принадлежалъ главнымъ образомъ графу,—свѣтскому владѣльцу; владѣнія епископа, викарія и кастеллана были ничтожны. Феодальный владѣлецъ Амьена не былъ могущественнымъ барономъ, не пользовался большимъ значеніемъ въ феодальной іерархіи XII в. Онъ не былъ связанъ съ королевской властью какими-нибудь прочными отношеніями; напротивъ его феодальныя права уже въ XII в. неладили съ стремленіями королевской власти. Притомъ между городскими сеньорами не было согласія и единства интересовъ. Епископъ и графъ враждовали между собой; власть графа уже слишкомъ преобладала надъ властью епископа; поэтому послѣдній былъ расположенъ въ пользу движенія, направленаго противъ графа. Такое положеніе дѣла сказалось чрезвычайно благоприятными послѣдствіями для коммунальной революціи. Амьенская коммуна опираясь на епископа, склонивши на свою сторону викарія, уравнивала свои силы съ силами противной партіи,—графа и кастеллана. Но успѣхъ борьбы былъ еще сомнителенъ. Благодаря своему союзу съ епископомъ, коммуна успѣла получить помощь и отъ короля. Теперь перевѣсъ оказался уже на сторонѣ города и дѣло коммунальной революціи было сдѣлано.

Вспомнимъ теперь, въ какомъ положеніи былъ Реймсъ предъ началомъ борьбы за свободу. Онъ былъ раздѣленъ на нѣсколько разныхъ феодальныхъ общинъ, принадлежалъ нѣсколькимъ владѣльцамъ, — архіепископу, капитулу, аббатамъ. Каждая изъ этихъ феодальныхъ силъ неслишкомъ много уступала другой. Владѣнія монастырскихъ общинъ усту-

пали въ объемѣ владѣніямъ архіепископа, но они восполнились еще другими имѣніями внѣ Реймской провинціи. Капитулъ пользовался меньшимъ значеніемъ въ городѣ; но онъ рано умѣлъ сдѣлать свои права священными для архіепископовъ. Всѣ эти феодальныя власти были въ антагонизмѣ относительно дѣлъ церковныхъ, но это не мѣшало имъ соединиться противъ всякой враждебной силы, которая бы вздумала посягнуть на ихъ права. Мы знаемъ уже, какъ дружно они дѣйствовали противъ коммуны и даже противъ королевской власти. Всѣ они были члены одной могущественной корпораціи, съ всеильнымъ главой — первосвященникомъ римскимъ. Папа, взаимно уравнивая ихъ силы, всѣмъ имъ одинаково покровительствовалъ предъ лицомъ свѣтской власти. Извѣстно значеніе папскаго покровительства въ XII и XIII вв., когда предъ римскими первосвященниками склоняли голову короли и императоры. Реймское духовенство пользовалось этимъ покровительствомъ даже предпочтительно предъ прочимъ духовенствомъ Франціи. Реймскіе прелаты своими стремленіями къ автономіи въ дѣлахъ галликанской Церкви и близкими отношеніями къ французской королевской власти внушали опасенія папамъ. Прагматическая санкція 1268 года была продуктомъ столько же легистовъ, сколько и провинціальныхъ соборовъ Реймской провинціи подъ предсѣдательствомъ реймскаго архіепископа (¹). Она ограничила нѣкоторыя притязанія папской власти, послужила конституціонной хартіей для галликанской Церкви, хотя и сохранила при этомъ подчиненіе ея святому престолу. Поэтому въ политикѣ папъ было поддерживать добрыя отношенія съ Реймскими прелатами. Они давали имъ громкіе титулы кардинала и легата и всегда готовы были защищать ихъ права противъ кого-бы то ни было. Аббатства Реймса тоже пользовались особой милостью папъ: ихъ архивы заключаютъ множество папскихъ грамотъ, безчисленное количество привилегій не только въ церковномъ отношеніи, но и въ мірскихъ дѣлахъ. Коммуна Реймская, вступая въ борьбу съ архіепископомъ, съ самаго начала встрѣтила могущественный отпоръ. Въмѣсто одного врага она разомъ должна была бороться съ нѣсколькими. Всѣ церковныя власти соединились; они забывали свои раздоры, оставили ихъ до будущаго времени.

(¹) Minier. Droit français. p. 199.

Противъ коммуны раздался могучій голосъ главнаго авторитета Церкви XII в.—св. Бернара. За архіепископа вступились и папа, и король, и могущественный графъ Фландріи. Коммунальное движеніе не достигло результатовъ, хотя и не было совершенно подавлено. Оно превратилось въ медленную упорную борьбу съ феодальной властью архіепископа. При всякомъ удобномъ случаѣ коммуна снова заявляла свои притязанія, снова стремилась получить во что бы-то ни стало полныя коммунальныя гарантіи. Коммунальная революція растянулась на цѣлыя столѣтія и составила сущность исторической жизни Реймской городской общины.

Коммуна Амьена, свергнувши съ себя феодальное иго, сразу получила коммунальное устройство и независимое существованіе. Въ первой половинѣ XII в. городской совѣтъ пользуется верховной властью внутри города надъ всѣми членами коммуны. Права, предоставленныя графамъ, оставшіяся за епископомъ и другими сеньорами, не нарушаютъ значенія этой власти. Коммуна составляетъ независимую общественную единицу, равноправную съ феодальными сеньорами. Она вступаетъ съ ними въ сдѣлки, въ договоры, имѣетъ право войны и мира, право жизни и смерти надъ своими членами. Независимость ея существованія гарантирована ей королевской властью. вмѣстѣ съ коммунальной революціей борьба ея съ феодалами не кончилась. За ними еще осталось много дорогихъ для коммуны правъ. Поэтому стремленіе города направлено къ расширенію коммунальныхъ правъ на счетъ прежнихъ городскихъ сеньоровъ. Но борьба эта ведется уже подъ знаменемъ коммунальной свободы, отъ лица свободной, независимой общины, имѣющей свою самостоятельную магистратуру, свой независимый кругъ дѣйствій и законное положеніе въ современномъ феодальномъ обществѣ. Борьба эта не отличается такимъ упорствомъ, какъ борьба коммуны Реймской. Амьенская коммуна добивала врага, получившаго уже смертельный ударъ. Но ея силы еще увеличиваются отъ союза съ королевской властью. Съ самаго начала коммунальной революціи стремленія Амьенской коммуны совпали съ стремленіями королей французскихъ. Для нихъ было выгодно поддерживать коммуны въ борьбѣ съ феодалами; самая эта борьба, истощавшая силы феодализма, входила въ ихъ политику. Но скоро самъ французскій король занялъ мѣсто прежнихъ графовъ Амьенскихъ; теперь коммуна вступила въ болѣе

прямые отношенія къ королевской власти. Отмѣривши границы для коммунальной свободы и собственной власти, Филиппъ Августъ и преемники его до самаго Филиппа IV въ извѣстныхъ предѣлахъ оставили неприкосновенной городскую свободу и не вмѣшивались во внутреннія дѣла города. Напротивъ, они поддерживали коммуну въ борьбѣ съ епископской властью. Къ концу XIII в. остаются только двѣ власти въ городѣ,—королевская и власть самой коммуны. Права прежнихъ сеньоровъ, оставшіяся за ними послѣ революціи 1117 г., теперь почти всѣ сосредоточены въ рукахъ или самой коммуны, или короля. Если мы обратимъ вниманіе на этотъ раздѣлъ, то замѣтимъ, что большая часть правъ городского управленія досталась на долю коммуны. Королевская власть уважаетъ муниципальную свободу, довольствуется той областью, которую она сама себѣ отмѣрила. Съ Людовика Св. начинается законодательство, имѣющее предметомъ своимъ внутреннюю городскую организацію; но это законодательство не отнимаетъ у городовъ ихъ коммунальныхъ правъ. Это время высшаго развитія и процвѣтанія городской жизни: оно выразилось въ полномъ раскрытіи муниципального строя общины, въ развитіи мѣстнаго городского законодательства и проявилось внѣшнимъ образомъ въ торговомъ и промышленномъ богатствѣ. Ростъ Амьенской коммуны, благодаря благоприятнымъ условіямъ, въ которыхъ она была поставлена, благодаря высокой степени ея муниципальной свободы, совершается изъ нея самой. Процессъ внутренняго развитія городской жизни идетъ правильнымъ путемъ; коммуна создаетъ цѣлую систему своеобразной администраціи,—судебнаго, финансоваго, полицейскаго устройства. Цехи достигаютъ полной организаціи; цеховые статуты создаютъ оригинальную систему торгово-промышленныхъ отношеній.

Совсѣмъ не то представляетъ исторія Реймской коммуны. Періодъ развитія для сѣверныхъ коммунъ проходитъ для нея въ упорной борьбѣ съ архіепископскою властью. Наконецъ ей даны нѣкоторыя права, нѣкоторыя гарантіи хартіей Вильгельма; но эти гарантіи только тѣнь свободнаго устройства сѣверной коммуны. Возмите любую сторону городской жизни и вы увидите въ ней слабую долю значенія коммунальныхъ властей и тяжелый гнетъ архіепископской автократіи. Прелаты отказываютъ реймской городской общинѣ даже въ названіи коммуны. Они правы, если взять коммуну

въ строгомъ смыслѣ, въ томъ видѣ, какъ она выразилась въ болѣе свободныхъ въ болѣе счастливыхъ городахъ Сѣвера. Реймская коммуна не есть социальная единица, равноправная съ своимъ сеньоромъ; она подчинена ему и только пользуется нѣкоторыми гарантіями, данными ей по его усмотрѣнію. Впрочемъ она не мирится съ этимъ положеніемъ; она вездѣ и всегда называетъ себя коммуной въ полномъ смыслѣ этого слова, въ томъ смыслѣ, говорили ея прокуроры, въ какомъ называютъ себя коммунами города Фландріи. Но это только одни притязанія,—цѣль страстныхъ желаній реймскихъ горожанъ. Реймская городская община иногда была ближе, иногда дальше отъ своего завѣтнаго идеала. Въ минуты революціоннаго раздраженія народныхъ страстей, когда реймская чернь жгла и разоряла дома канониковъ и вассаловъ архіепископа, а самъ архіепископъ запирался въ замкѣ, коммуна Реймская пользовалась полной автономіей. Но это вызывало только мщеніе со стороны прелата и коммуна теряла даже тѣ гарантіи, которыми пользовалась прежде. Коммуна усиливалась, благодаря слабости и миролюбивому характеру нѣкоторыхъ изъ архіепископовъ реймскихъ. Но и это продолжалось не долго. Вступалъ на каеэдру ревнитель свѣтскихъ правъ Церкви, человекъ болѣе суроваго характера,—и положеніе дѣла измѣнялось. Короли французскіе до конца XIII в. если и вмѣшивались въ дѣла города, то большею частью въ пользу архіепископовъ. Политика королей въ отношеніи къ духовнымъ феодаламъ отличалась нѣсколько другимъ характеромъ, чѣмъ въ отношеніи къ феодаламъ свѣтскимъ. Епископы не были опасны для короны; большею частью они были ленниками короля, получали отъ него инвеституру на свѣтскія владѣнія, помогали королямъ и деньгами и войскомъ. Открыто нападать на нихъ было неудобно; пріобрѣтать ихъ лены посредствомъ духовныхъ завѣщаній и брачныхъ союзовъ—нельзя. Королевская власть приняла въ отношеніи ихъ другую систему дѣйствій—систему постояннаго вмѣшательства въ ихъ раздоры съ городами и постепеннаго расширенія своихъ правъ на счетъ обоихъ противниковъ.

Такую политику королей французскихъ всего лучше слѣдить на исторіи Реймской коммуны. Въ Амьенѣ дѣло велось проще. Начиная съ Филипа IV, они даютъ чувствовать коммунамъ, что она должна находиться въ подчиненіи у королев-

ской власти. Такую теорію они проводят иногда и въ самую жизнь, отнимая у города его коммунальное устройство и снова возвращая. Начинается постоянное вмѣшательство королевской власти во внутреннія городскія дѣла. Объемъ коммунальныхъ правъ болѣе и болѣе суживается, но за то значеніе королевской власти постепенно расширяется. Въ коммунѣ обнаруживаются признаки внутренняго раздѣленія на двѣ партіи, — торговой аристократіи и промышленной демократіи. Королевская власть искусно пользуется этимъ раздѣленіемъ: поддерживаетъ аристократовъ и стѣсняетъ демократическую партію, а вмѣстѣ съ ней и демократическій принципъ средневѣковой коммуны, ея автономію въ своихъ собственныхъ дѣлахъ. Короли вмѣшиваются въ городскіе выборы, сами назначаютъ городское начальство; затѣмъ измѣняютъ самый принципъ избирательной системы, даютъ въ немъ прямое участіе аристократическому элементу и опираясь на него, сами пріобрѣтаютъ въ лицѣ своего байльи огромное значеніе въ городской администраціи. Съ этого времени короли становятся всеильными въ дѣлахъ города и самостоятельная жизнь городской общины обанчивается.

Вмѣшательство королевской власти достигло весьма сходныхъ результатовъ въ отношеніи и къ г. Реймсу; по пути, которымъ она шла къ этой цѣли, былъ другой. Политика королевской власти опредѣлялась характеромъ самой коммунальной жизни, отношеніями коммуны къ архіепископу и обѣихъ враждующихъ сторонъ къ королевской власти. Реймская коммуна не имѣла такой полноты коммунальныхъ гарантій, какими пользовался Амьенъ и другіе города сѣверной Франціи. Ея устройство, ея тѣсная зависимость отъ феодальной власти архіепископа не ставили ея въ прямое противорѣчіе съ стремленіями французскихъ королей. Въ борьбѣ за коммунальную полноправность она обратилась къ помощи верховной власти, сама въ лицѣ своихъ прокуроровъ признавала подсудность засѣдателей парламенту, потому сама отдавалась въ руки короля, лишь бы только освободиться отъ невыносимаго гнета феодальной тираниіи. Это входило въ виды королей, или вѣрнѣе легистовъ, имѣвшихъ огромное вліяніе на государственныя дѣла. Они старались поставить верховную власть въ болѣе прямое отношеніе къ городскому населенію. Они стремились разорвать эту іерархическую сѣть, вассаловъ первичныхъ, вторичныхъ, третичныхъ (vassaux,

agrière-vassaux, agrière-agrière vassaux и т. д.) Они хотѣли создать систему административнаго единства, которое должно имѣть своимъ центромъ королевскую власть и черезъ посредство разныхъ учреждений обхватить всѣхъ и каждого,— и феодаловъ, и ихъ вассаловъ, и подвластное имъ городское и сельское населеніе. Отсюда цѣлый рядъ симпатій и антипатій для королевской власти. Она сочувствуетъ тому феодалу, который, обходя рядъ высшихъ феодаловъ, прямо обращается къ королевской власти. Она сочувствуетъ городскимъ общинамъ, которыя стремились, вмѣсто власти свѣтскаго или духовнаго барона, подчиниться непосредственно власти короля. Королевская власть не сочувствуетъ феодальнымъ судамъ, не любитъ суда пэровъ, хотя и пользуется имъ въ случаѣ вужды для проведенія своихъ собственныхъ стремленій. Когда враждующія стороны и архіепископъ и коммуна г. Реймса обратились за рѣшеніемъ своей вѣковой вражды къ королю французскимъ, не трудно было угадать, чью сторону они примутъ. Въ феодальномъ владѣльцѣ Реймса все противорѣчило идеямъ о единой верховной власти. Онъ называетъ себя пэромъ Франціи, пэромъ не только въ отношеніи къ могущественнымъ вассаламъ короля, по и къ самимъ королямъ французскимъ; свои доказательства противъ коммуны архіепископъ основываетъ на феодальномъ правѣ. Онъ единственный господинъ надъ горожанами, — своими людьми; онъ обладаетъ относительно ихъ всѣми правами суверенитета безъ участія кого-либо другаго. Коммуна можетъ жаловаться на архіепископа королю не иначе, какъ высшему сюзерену. Король имѣетъ право разсматривать подобныя жалобы, только въ случаѣ отказа со стороны владѣльца своимъ подданнымъ въ правосудіи, или при явномъ нарушеніи справедливости (*en deni* или *en default de justice*, *en cas de mauvaise justice*). Архіепископъ требуетъ суда пэровъ; обыкновенный парламентскій судъ для него унизителенъ; нечего и говорить уже объ низшихъ королевскихъ судьяхъ — байльи или прево.

Мы знаемъ уже, что въ началѣ этой борьбы нѣкоторыя притязанія Реймской коммуны также не соответствовали видамъ легистовъ, именно ея стремленіе къ полной автономіи. Но за то всегда въ этихъ притязаніяхъ была сторона, которая какъ нельзя лучше входила въ виды централизаторскихъ стремленій французской королевской власти. Это прежде всего самый фактъ посредничества между городомъ и его

владѣльцемъ, котораго требовала коммуна; затѣмъ—фактъ борьбы съ сеньоромъ, подрывавшій его власть и значеніе и дававшій широкое поле для королевскаго вмѣшательства. Отсюда извилистый путь политики французскихъ королей въ отношеніи къ Реймской коммунѣ: они поддерживаютъ тѣ ея требованія, которыя не противорѣчатъ ихъ собственнымъ стремленіямъ. Но въ тоже время они ограничиваютъ притязанія на коммунальную полноправность. Феодалная теорія архіепископа разбиваема на каждомъ шагѣ, даже не столько парламентскими рѣшеніями, сколько путемъ административной практики. Эта королевская политика кажется темной и запутанной; но результаты, которыхъ она достигла, всего лучше объясняютъ общій смыслъ отношеній королевской власти, и къ феодалному самоуправству, и къ независимымъ стремленіямъ городской общины. Искусство легистовъ сразу достигло двухъ цѣлей: архіепископы реймскіе постепенно превращались въ подвластныхъ королю прелатовъ, а коммуна Реймская становилась королевской городской общиной. Той и другой цѣли королевская власть достигла не вдругъ; подобныя отношенія выразились со всей ясностью и полнотой уже въ новой исторіи. Но и въ XIV вѣкѣ такое положеніе дѣлъ въ г. Реймсѣ обозначилось довольно рельефно,— въ учрежденіи капитановъ реймскихъ и совѣта выборныхъ, который въ послѣдствіи превратился въ Большой Городской Совѣтъ и уже отъ имени королей управлялъ дѣлами города до самой революціи.

Мы говорили уже, что городъ Реймсъ можетъ быть названъ представителемъ коммуны средней полосы Франціи. Это справедливо въ отношеніи общаго характера городскихъ учреждений. Но при подобныхъ положеніяхъ не нужно забывать чрезвычайнаго разнообразія, такъ сказать, индивидуальности французскихъ городскихъ общинъ. Въ средней Франціи были города, которые пользовались полной муниципальной независимостью не въ меньшей мѣрѣ, какъ и коммуны Сѣвера. Таковы наприм. города Туръ (Tours) и Буржъ (Bourges). До XV в. они управлялись четырьмя прудомами (prudhommes), выбираемыми каждый годъ. Эти четыре сановника соединяли въ своемъ лицѣ всѣ отрасли городского управленія. Они судили въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ. Въ ихъ рукахъ были городскіе финансы. Они завѣдывали полицейскими дѣлами города. Королевскому байльи принадлежало только пред-

варительное слѣдствіе ⁽¹⁾. Но преобладающимъ элементомъ въ городахъ средней полосы была власть епископовъ. Вотъ эта-то общая черта и сближаетъ Реймсъ съ городами средней Франціи. Епископскій элементъ начинаетъ уже обнаруживаться въ сѣверныхъ предѣлахъ Лангедока; наприм. въ Оверни исчезаетъ уже понятіе о консулахъ; должность ихъ исполняется савонниками епископовъ или аббатствъ. Элементъ епископскій является господствующимъ въ широкой полосѣ французской территоріи между Луарой и Сеной ⁽²⁾. Епископы находятся въ ленной зависимости отъ графовъ, или королевской власти и пользуются въ городахъ обширными правами юрисдикціи. Городскія общины имѣютъ выборную магистратуру; но ея права сильно ограничены властью епископа, графскихъ и королевскихъ чиновниковъ. Въ дѣлахъ полицейскихъ и торговыхъ выборные отъ городской общины (большею частью *jugati, jugés*—по 4, 10 и болѣе) пользуются нѣкоторой самостоятельностью, какъ мы видѣли это и въ Реймсѣ. Города обладаютъ обширными привилегіями (*franchises*) въ отношеніи къ торговлѣ и промышленности; по эти права не даютъ имъ политическаго значенія въ томъ смыслѣ, въ какомъ имѣли это значеніе коммуны Сѣвера. Коммунальная революція, распространившаяся на Югъ и на Сѣверѣ, не коснулась городовъ средней Франціи и они не возставали на борьбу съ своими владѣльцами. По мнѣнію Тьерри, причина заключалась въ характерѣ тѣхъ отношеній, которыя возникли на развалинахъ римскаго владычества въ разныхъ провинціяхъ римской земли. На Сѣверѣ феодальная система пустила глубокіе корни; она обхватила всѣ общественныя отношенія и наложила зависимость на городскія общины, весьма близкую къ рабской. Мы знаемъ уже положеніе городского населенія подъ властью феодаловъ; оно не много было лучше положенія сельскаго полурабскаго населенія. Во всякомъ случаѣ со стороны феодаловъ было стремленіе уравнивать горожанъ съ крѣпостными земледѣльцами (*servi*). Оттого въ XII в. коммунальная революція въ сѣверныхъ провинціяхъ нынѣшней Франціи нашла для себя богатую почву. На югъ феодализмъ не получилъ

⁽¹⁾ A. Thierry. Consider. sur. l'hist. de France, Ch. V, p. 244, 245.

⁽²⁾ Провинціи этой полосы: Орлеанъ, Гатиназ, Мэнъ, Анжу, Турень, Берри, Ниверне, Бурбонъ и Бургундія. Augustin Thierry. Monum. Préface, t. I. 26. II. 3—70.

полнаго преобладанія надъ муниципальной жизнью; феодальная зависимость городовъ Лапгедока была слабѣе, чѣмъ городовъ сѣверныхъ провинцій. На Югѣ было сильно римское законодательство, римскія нравы и обычаи; тамъ не прекращались преданія римской муниципальной жизни. Близость къ сѣверной Италиі, сношенія съ ея торговыми городами, свергнувшими власть феодаловъ, — все это въ городахъ южной Франціи произвело общественный переворотъ, давшій имъ муниципальное устройство по образцу консульскихъ городовъ Италиі. Опираясь на сочувствіе епископовъ, южная община выросла безъ тѣхъ кровавыхъ потрясеній, которыя сопровождали ростъ сѣверной общины.

Въ средней полосѣ Франціи и римскій и германскій элементы остались въ нѣкоторомъ равновѣсіи. Франки меньше щадили остатки римскихъ учреждений, чѣмъ Готы и Бургундцы; но въ средней полосѣ Франціи они не были такъ многочисленны сравнительно съ туземнымъ населеніемъ, какъ на Сѣверѣ. Оттого средняя полоса въ отношеніи къ городской жизни представляла до XII в. переходъ отъ феодальнаго порабощенія Сѣвера къ муниципальному складу жизни Юга. Города средней полосы не были такъ всецѣло подавлены, какъ сѣверные города; по этому они не такъ сильно чувствовали потребность соціального обновленія. Съ другой стороны они не отличались такимъ богатымъ торговымъ и промышленнымъ развитіемъ, какъ коммуны Юга; они гораздо слабѣе сохранили римскія муниципальныя преданія и не чувствовали той жажды независимости, которая порождается экономическимъ и духовнымъ богатствомъ болѣе счастливыхъ общинъ⁽¹⁾. Гарантіи, предоставленныя феодальными владѣльцами, города средней Франціи предпочитали сомнительному усилію возстанія. Гарантіи эти съ теченіемъ времени расширялись: короли и бароны Франціи, не любившіе свободнаго строитиваго духа коммунъ, не были скупы въ раздачѣ городамъ привилегій, которыя во всякомъ случаѣ имѣли большое значеніе для городской жизни и высоко ставили городское населеніе надъ жителями обрестныхъ феодальныхъ владѣній. Такимъ образомъ источникъ силы и роста для третьяго сословія заключался не въ одномъ коммунахъ Сѣвера, или консульскихъ городахъ Юга. Города средней Фран-

(1) A. Thierry. Considerations sur l'histoire de France. Chap. V. p. 244.

цій (*villes de la simple bourgeoisie*) постепенно развивались, увеличивались въ народонаселеніи, возрастали въ торговомъ и промышленномъ богатствѣ и служили общему національному дѣлу—въ тяжелую годину испытанія. Они, также какъ и коммуны въ строгомъ смыслѣ этого слова, создавали то третье сословіе, которое внесло такой богатый вкладъ въ исторію Франціи. Но они не жили самостоятельною жизнью сѣверной или южной городской общины: они не знали обаянія свободы, торжества побѣды, горечи пораженія. Ихъ жизнь развертывается покойно, сначала подъ властью духовнаго или свѣтскаго феодала, а потомъ подъ господствомъ королевской власти. Борьба Реймса съ архіепископомъ была вызвана близостью коммунъ Сѣвера, исключительностью положенія въ отношеніи къ сеньору и большей долей римскихъ муниципальныхъ преданій. Реймсъ въ строгомъ смыслѣ городъ простой буржуазіи, какъ и всѣ епископскіе города средней Франціи. Но его со всѣхъ сторонъ окружаютъ коммуны. Онъ находился не далеко отъ Лаона, Бовэ, Суассона, Санли и т. д. Множество городовъ Реймской митрополіи—съ XII в. пользовались коммунальнымъ устройствомъ. Это сосѣдство опредѣлило борьбу Реймской городской общины. Въ періодъ полного развитія муниципальной жизни на Сѣверѣ и на Югѣ, когда внутренняя жизнь и отношенія городскихъ общинъ уже сложились въ опредѣленныя формы, Реймсъ представляетъ постоянную борьбу и постоянныя измѣненія въ своей муниципальной физиономіи. Онъ борется за право коммуны, становится то дальше, то ближе въ отношеніи къ своей завѣтной цѣли; онъ представляетъ картину,—то полного разгула необузданной свободы, то мрачной тиранніи своего духовнаго феодала. Въ борьбу вмѣшивается королевская власть и еще болѣе разнообразія придаетъ этой волнующейся картинѣ городской жизни. Оттого-то Реймсъ представляетъ не только типъ города съ ограниченными правами, безъ политическаго значенія,—но арену постоянной борьбы архіепископскаго города за право коммунальнаго устройства. Оттого изученіе Реймской коммуны имѣетъ высшій историческій интересъ, какимъ не могутъ похвалиться города средней Франціи. Исторія Реймса даетъ возможность изучить всѣ три элемента, создавшіе французскую націю. Элементы эти: феодальная власть барона, демократическія стремленія городской общины и централизаторскія идеи королевской власти. Въ исторіи Реймса

мы изучали эти элементы въ ихъ борьбѣ и взаимодействіи. Мы видѣли, какъ королевскій элементъ постепенно усиливался на счетъ и феодальной власти архіепископа и муниципальныхъ правъ городской общины. Эта борьба трехъ элементовъ и наконецъ побѣда королевской власти составляютъ отличительную черту французской исторіи въ средніе вѣка.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ заключеніи нашего труда сдѣлаемъ нѣсколько выводовъ относительно характера и судебъ коммунъ во Франціи.

Общій характеръ городского устройства сѣверной французской коммунъ можетъ быть названъ демократическимъ. Въ городскихъ законахъ нѣтъ другаго различія, кромѣ члена коммунъ и лица для него посторонняго, — *jurati et non jurati*. Выборы городскихъ начальниковъ производятся въ общемъ народномъ собраніи, которое составляютъ всѣ члены коммунъ. Народное собраніе рѣшаетъ особенно важныя дѣла; оно разъясняетъ темный смыслъ городскихъ вѣтумовъ. Передъ народомъ совершаются даже наиболѣе важныя сдѣлки и договоры между частными лицами. Но такъ продолжалось не долго. Законы коммунъ долго еще остаются демократическими, но власть въ городѣ быстро перешла къ наиболѣе богатымъ, наиболѣе знатнымъ городскимъ жителямъ. Въ этомъ заключается общая черта, сближающая коммунъ Франціи съ городами Фландріи, республиками Италіи, *provinciones* Испаніи. Замѣтимъ при этомъ, что общее городское собраніе во французской коммунѣ никогда не играло такой важной роли, какъ въ республикахъ Италіи. Оно имѣло право повѣрять городскіе счета, принимало участіе въ установленіи новыхъ налоговъ, — я только. Контроль надъ городскимъ совѣтомъ въ коммунѣ Франціи не былъ слишкомъ строгимъ; въ ней не было учрежденій, которыя напоминали бы *divieto* и *sindacato* Флоренціи. Даже финансовая отчетность предъ народнымъ собраніемъ не была такъ строго соблюдаема, какъ въ итальянскихъ республикахъ. Въ коммунахъ Франціи случалось, что городское начальство по нѣскольку лѣтъ не давало отчета въ употребленіи городскихъ суммъ. Вообще во Франціи городское населеніе не принимало такого дѣятельнаго, такого

живаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, какъ въ Италіи. Въ этомъ блескѣ итальянской городской жизни,—наилучшее свидѣтельство о полнотѣ развитія республиканской свободы, какъ для всей общины, такъ и для каждаго изъ ея членовъ. Кутюмы французскихъ коммунъ почти ни слова не говорятъ объ отвѣтственности городскихъ властей передъ народомъ. Въ коммунахъ Франціи одно и тоже лицо могло занимать должность городского засѣдателя по нѣскольку лѣтъ сряду. Послѣдствіемъ такой непредусмотрительности было то, что извѣстныя лица, — члены аристократическихъ фамилій, — занимали мѣста засѣдателей по нѣскольку лѣтъ сряду. Во французской коммунѣ не было такого раздѣленія власти, какое выразилось въ итальянскихъ республикахъ въ формѣ разныхъ городскихъ совѣтовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ отдѣльный, независимый кругъ дѣйствія. Въ сѣверной коммунѣ Франціи всѣ функціи власти сосредоточивались въ одномъ городскомъ совѣтѣ въ лицѣ мэра и засѣдателей. Это давало огромное значеніе коммунальной магистратурѣ; передъ ней становилась безсильной власть самой коммуны, или общаго городского собранія. Съ половины XIII в. происходитъ реакція противъ аристократическаго элемента: въ коммунахъ приобрѣтаютъ вліяніе на городскія дѣла цехи. Но положеніе дѣлъ оттого не улучшилось: цехи вносили въ городскую администрацію тотъ духъ исключительности и замкнутости, котормъ отличалась сама цеховая корпорація. Занятые своими мелкими спорами и собственной внутренней организаціей, цеховые мастера не отличались административной способностью; до половины XIV в. изъ собственной среды они не могли давать членовъ городского совѣта. Городскія должности по прежнему оставались за богатыми аристократическими фамиліями. Но, во всякомъ случаѣ, XII в. есть лучшая эпоха въ исторіи французской коммуны. Причины быстраго роста городскихъ общинъ отчасти заключаются въ смѣшанной организаціи городского управленія. Аристократическая партія въ лицѣ членовъ городского совѣта и демократическая въ лицѣ цеховыхъ мэровъ—взаимно уравновѣшивали одна другую. Въ XIV вѣкѣ цехи достигаютъ полнаго развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ полной исключительности и замкнутости для всѣхъ, кто не имѣлъ счастья принадлежать къ корпораціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ цехи начинаютъ обнаруживать стремленіе къ рѣшительному преобладанію въ

городскихъ дѣлахъ. Они не успѣли и не могли этого достигнуть; королевская власть ограничила ихъ притязанія, отняла у цеховъ ихъ избирательныя права и снова возвысила аристократическую партію.

Съ этого времени начинается усиленіе королевской власти въ дѣлахъ коммуны и постепенный упадокъ муниципальной свободы. Но причины этого упадка мы не можемъ искать въ борьбѣ городскихъ партій. Нигдѣ эта борьба не была такъ продолжительна и упорна какъ въ городахъ Италіи; однако она несколько не помѣшала прочности ихъ республиканскихъ учреждений, ихъ политической силѣ и экономическому процвѣтанію. Причина паденія свободныхъ учреждений во Франціи заключается въ отношеніи коммунъ къ феодализму и королевской власти. При упорной борьбѣ съ феодализмомъ коммуны Франціи никогда не могли достигнуть той полноты правъ, которыми отличалась республиканская Италія и даже города сосѣдней Фландріи. Разнообразіе мѣстныхъ условий и вѣрность феодальныхъ учреждений были причиной, что коммунальная революція во Франціи не была повсемѣстной и освобожденіе городскихъ общинъ далеко не было полнымъ. Не только города между Сеной и Луарой не пользовались свободнымъ устройствомъ сѣверной общины, но даже и на Сѣверѣ не всѣ города получили независимость отъ феодаловъ. Въ самыхъ коммунахъ Сѣвера, которыя мы привыкли называть свободными, въ XII и отчасти въ XIII вѣкахъ феодальная власть имѣла еще большое значеніе. Еще много юрисдикціи, множество доходныхъ статей, оставалось за феодалами. Съ коммунальной революціей борьба коммунъ съ феодализмомъ не кончилась; она продолжалась во внутреннихъ распряхъ, въ непрерывныхъ столкновеніяхъ обѣихъ сторонъ. Эта борьба поглощала силы коммуны, задерживала ея ростъ. Она же была причиной замкнутости коммунальной жизни, ея исключительности и стремленія къ монополии. Феодализмъ во Франціи до того былъ силенъ, что не могъ не отразиться на самой коммунальной жизни; оттого многія формы отношеній городскихъ общинъ носятъ на себѣ феодальный характеръ. Коммуна владѣетъ ленами, раздаетъ лены, признаетъ ленную зависимость отъ королей. Въ городскіе кутюмы много было взято изъ феодальнаго права. Иначе и не могло быть: тамъ, гдѣ такъ сильно было развитіе феодализма, онъ не могъ не оказать вліянія и на другія стороны обществен-

ной жизни. Но некоторые французские историки уже слишком много значенія придаютъ этому феодальному отбѣнку коммунальной организаціи. Не забудемъ, что, при сохраненіи некоторыхъ феодальныхъ формъ, коммуна, по духу и характеру своихъ учрежденій, шла въ разрѣзъ съ феодальными порядками. Этотъ духъ коммуны, этотъ внутренній ея порядокъ, сильнѣе подрывалъ феодализмъ, чѣмъ мелкая борьба общины съ сеньоромъ. Но самый фактъ существованія феодальныхъ формъ въ коммунальной жизни доказываетъ вѣрность феодализма на французской почвѣ. Коммунальная свобода въ средневѣковой Франціи казалась какимъ-то исключеніемъ: она была привилегіей только некоторыхъ городскихъ общинъ. Кругомъ этихъ счастливыхъ городовъ, подъ ихъ стѣнами, часто внутри самыхъ стѣнъ, царилъ власть феодаловъ. Многого труда стоило французскимъ коммунамъ уничтожить феодальныя заставы, которыя окружали коммуны со всѣхъ сторонъ и стѣсняли ея торговлю. Борьба съ феодализмомъ задерживала развитіе городскихъ общинъ; феодальное раздѣленіе территории раздѣляло и городскія общины. Въ сѣверной Франціи не могло поэтому образоваться городскихъ союзовъ, какіе существовали въ Италіи, въ Фландріи, даже на югѣ Франціи. Феодалы дружно возставали противъ коммуна. Мы видѣли, какую тревогу подняли прелаты реймскаго діоцеза по поводу нарушенія феодальныхъ правъ своего собрата. Феодальные бароны составляютъ союзы противъ притязаній королевской власти. Разъ только коммуны сѣверной Франціи составили такую же федерацію, но и то по инициативѣ бароновъ и вмѣстѣ съ ними. Коммуны Франціи скорѣе находились во враждебномъ между собою отношеніи. Мы встрѣчали въ документахъ договоры городовъ въ XIII в. о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій. Города принимали участіе во внутреннихъ междоусобныхъ войнахъ раздиравшихъ Францію въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣковъ. Союзы между коммунами, какъ напр. водяной цехъ городовъ на Сомѣ, заключались въ видахъ торговыхъ и не имѣли политическаго значенія. Отсюда слабость коммунальной жизни во Франціи,—та легкость, съ которой коммуны быстро подчинялись королевской власти.

Вопросъ объ отношеніи королевской власти къ коммунамъ во Франціи до сихъ поръ еще составляетъ камень преткновенія для французскихъ историковъ. Весьма немно-

гіе изъ нихъ,—даже настоящаго вѣка, даже нынѣшняго времени,—отличаются спокойствіемъ взгляда. Это зависитъ отъ того, что судьба французской націи до сихъ поръ еще не рѣшена; смѣны правительствъ, быстрыя перемѣны формъ правленія, переходы отъ республики къ военному деспотизму и на оборотъ, невольно отражаются на историческихъ воззрѣніяхъ французскихъ писателей. Борьба Франціи за свободу, эти кратковременныя побѣды и быстрыя пораженія, затрогиваютъ ихъ патріотическое чувство, а часто и личные интересы. Оттого у нихъ при видимомъ спокойствіи скрывается внутреннее раздраженіе. Гизо,—одинъ изъ лучшихъ представителей французской науки, по видимому спокойный, безстрастный, всему отдающій справедливость,—не любитъ коммунальной автономіи. Это обусловливается его отношеніями къ французскому правительству и политическими убѣжденіями. Въ его системѣ французской исторіи королевская власть составляетъ тотъ центръ притяженія, около котораго группируются силы націи. Она направляетъ французскую исторію и создаетъ національную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Въ борьбѣ съ феодализмомъ она пользуется помощью буржуазіи, но пользуется ею какъ царственная союзница и по царски награждаетъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ. Уничтожая коммунальное устройство, съ его мелкой враждой, съ его неурядицей, она дѣлаетъ благодѣяніе коммунамъ и обѣщаетъ имъ внутренній миръ и тишину, покровительство и полицейское благоустройство. Гизо со всей точностію слѣдитъ за ростомъ этой благотворной силы; все его вниманіе сосредоточено на этомъ центрѣ тяжести французскаго народа. За то онъ мало обращаетъ вниманія на то, что дѣлается въ периферіи, въ самой націи, особенно въ третьемъ сословіи. Всякую благодѣтельную мѣру королевской власти въ отношеніи къ коммунамъ, Гизо заботливо отмѣчаетъ; онъ со всей точностію статистива перечисляетъ для каждаго царствованія число коммунальныхъ хартій, вновь пожалованныхъ королемъ, или получившихъ только утвержденіе. Въ этомъ онъ видитъ огромное значеніе королевской власти для историческаго роста третьяго сословія; въ этомъ у него масштабъ, которымъ онъ измѣряетъ прогрессъ французской націи. Онъ не чувствуетъ силы самой націи, въ полвѣка создавшей свободныя общины и на своихъ плечахъ высоко поднявшей прежнихъ графовъ Иль-де Франса. У Гизо королевская власть растетъ, крѣпнетъ,

приобрѣтасть наконецъ огромное значеніе, захватываетъ всѣ сферы жизни, создаетъ законы, единство администраціи, судъ и т. д. Все это конечно правда; но откуда брала силы эта власть? какимъ образомъ французскій король, прежде боявшійся сосѣдняго феодала, получилъ наконецъ возможность предписывать законы для всей націи? На эти вопросы у Гизо вѣтъ отвѣта. Мы не отвергаемъ огромнаго значенія королевской власти въ судьбахъ французскаго народа. Напротивъ, едвали есть государство въ Европѣ, гдѣ эта власть оказала такое рѣшительное вліяніе, какъ во Франціи. Къ концу среднихъ вѣковъ побѣда королевской власти надъ всѣми элементами французскаго общества была полная. Но не нужно забывать, какими средствами, какой цѣной, одержана эта побѣда. Королевская власть возвысилась, благодаря тому великому движенію, которое выразилось въ коммунальной революціи, которое продолжало проявляться во все теченіе среднихъ вѣковъ борьбой городскихъ общинъ съ феодалами. Первый смѣлый, рѣшительный ударъ феодализму былъ нанесенъ великимъ соціальнымъ переворотомъ XII вѣка, создавшимъ городскія общины и городскую жизнь во Франціи. Нація сама выступила на борьбу съ существующими порядками, задерживавшими ея развитіе,—сама потрясла тяжелое иго феодализма.

Безъ коммунальнаго движенія XII вѣка у слабыхъ королей не могло бы возникнуть и идеи о томъ великомъ переворотѣ, который совершился въ судьбахъ Франціи, благодаря третьему сословію. У нихъ никогда не достало бы средствъ для борьбы съ феодальной системой. Феодализмъ—это цѣлая система отношеній, правъ, законовъ, выработанныхъ вѣковымъ историческимъ ходомъ. Феодализмъ—это громадная іерархія, охватившая все общество, захватившая въ свои руки поземельное богатство, силу, власть, наложившая оковы на свободный ходъ историческаго развитія націи. Королевская власть въ XII в. лицомъ въ лицу съ этой громадной силой была ничтожна. Самъ король—это тотъ же феодалъ, имѣвшій только королевскій титулъ, доставшійся ему по наслѣдству, по преданію. Его понятія, благодаря этимъ наслѣдственнымъ преданіямъ, конечно отличались отъ понятій феодальныхъ бароновъ. Положимъ, что въ немъ не могла возникнуть идея о преобладаніи надъ ними, о борьбѣ съ ними, о расширеніи своихъ правъ на ихъ счетъ. Но откуда взять

силъ и средствъ для этой борьбы? Во имя чего должна вестись эта борьба? Какой государственный строй долженъ былъ возникнуть на развалинахъ феодализма? Если административная система, возникшая во Франціи вмѣсто системы феодальной, есть явленіе жизненное, историческое, то она возникла, развилась и получила преобладаніе жизненнымъ, историческимъ процессомъ. Королевская власть была безсильна совершить такую реформу во всѣхъ областяхъ государственныхъ, социальныхъ и экономическихъ проявленій жизни. Идеи римскаго права, въ лицѣ легистовъ, указывали только общую цѣль для стремленій королевской власти, давали только общую норму государственнаго строя. Безъ самой націи, безъ содѣйствія третьяго сословія, безъ его историческаго роста, легисты едва ли были въ силахъ совершить громадный переворотъ въ жизни націи; вмѣсто феодальной системы отношеній, феодальныхъ правъ, обычаевъ, законовъ,—создать другія отношенія, обычаи, законы. Таковъ громадный переворотъ могъ быть совершенъ только самой націей, процессомъ ея историческаго развитія. Эта великая роль выпала на долю третьяго сословія. Оно боролось на всѣхъ пунктахъ съ феодальными порядками. Борьба эта была борьбой свободы противъ тиранніи, борьбой капитала съ поземельной собственностью, борьбой городского обычнаго права съ феодальнымъ традиціоннымъ порядкомъ, борьбой общественнаго гражданскаго благоустройства съ военной силой. Говорятъ, что третье сословіе помогло королевской власти въ борьбѣ съ феодализмомъ. По нашему мнѣнію правильнѣе было бы сказать, что королевская власть помогла третьему сословію въ борьбѣ съ феодализмомъ и потомъ воспользовалась плодами побѣды на счетъ свободы городскихъ общинъ. Значеніе коммунъ въ исторіи Франціи заключается въ борьбѣ ихъ съ феодализмомъ. Но кромѣ того коммуны имѣли и положительное значеніе въ жизни французской націи. Коммуна выработала новыя формы общественныхъ отношеній, которыя постепенно разрушали прежнія феодальныя формы жизни. Мы знаемъ уже, какъ общественный порядокъ средневѣковой городской общины мало по малу, хотя и въ измѣненной формѣ, преобразовался въ административную систему, охватившую все государство. Мы знаемъ, какое огромное вліяніе оказала коммуна своимъ обычнымъ правомъ на французское законодательство. Городскіе кутюмы полу-

чали королевскую санкцію, становились законодательнымъ кодексомъ для дѣльных провинцій, а потомъ послужили богатымъ матеріаломъ для всего французскаго національнаго законодательства. Коммунальная жизнь была той лабораторіей, въ которой права римское, германское, обычное перерабатывались въ одно національное право.

Съ высоты идей нашего вѣка, обладая тысячелѣтней исторической опытностью, современный историкъ конечно можетъ находить недостатки въ коммунальной жизни XII или XIII вѣковъ. Но коммуна была явленіемъ глубоко жизненнымъ. Она была той первичной формой, въ которой выразился прогрессъ торговаго и промышленнаго класса не только Франціи, но и всей Европы. Третье сословіе, при первомъ взрывѣ возстанія противъ феодальнаго самовластия, помимо всякихъ указаній высшей власти, сумѣло найти для себя наилучшую форму организаціи. Недостатки коммунальнаго устройства во Франціи обуславливались историческими обстоятельствами и характеромъ эпохи. Относительная слабость коммунальной жизни во Франціи, зависѣвшая отъ сильнаго развитія на французской почвѣ феодальной системы, была причиной ранняго вмѣшательства королевской власти во внутреннюю жизнь городскихъ общинъ. Вмѣшательство это нѣкоторое время было благотѣльно для городской жизни; но это продолжалось недолго. Опираясь на силы третьяго сословія, королевская власть достигла преобладающаго значенія на французской территоріи. Но свое могущество она возвила на развалинахъ и феодализма и коммунальнаго строя городскихъ общинъ. Самостоятельная жизнь коммунъ кончилась; городскія общины подчинились общей системѣ администраціи, выработанной легистами во имя королевской идеи. Въ этомъ — значеніе королевской власти въ судьбахъ Франціи. Но не забудемъ, что въ созданіи этого новаго порядка жизни огромная роль принадлежала и третьему сословію, что оно дало точку опоры для королевской власти и было той могущественной силой, прогрессъ которой всегда былъ прогрессомъ средневѣковой исторіи. Историческій ходъ французской націи привелъ ее къ королевскому абсолютизму: мы не хотимъ винить въ этомъ французскихъ королей. По нашему мнѣнію въ подобныхъ обвиненіяхъ, какія раздаются изъ рядовъ революціонерной партіи, мало историческаго такта и пониманія исто-

рическихъ законовъ⁽¹⁾. Абсолютизмъ королей—такой же прудуктъ исторической жизни народа какъ и народная свобода, народное самоуправленіе. Въ средніе вѣка французская нація была не въ силахъ создать для себя другой формы государственнаго управленія, кромѣ централизаціи, съ одной верховной властью во главѣ народа. Королевская власть омерзала полную побѣду, потому что она не встрѣтила сильнаго отпора со стороны мѣстной автономіи. Третье сословіе, не смотря на свои конституціонныя попытки въ XIV в., было не въ силахъ поддержать и упрочить ихъ. Мы отчасти касались причинъ этой неудачи, заключавшихся въ самомъ третьемъ сословіи. Мы говорили уже о раздѣленіи, существовавшемъ въ рядахъ этого сословія. Другая причина заключалась въ его антагонизмѣ съ феодалами. Въ Англіи бароны и коммуны были въ союзѣ между собой; соединенными силами они боролись съ королевскимъ абсолютизмомъ и еще въ XIII в. получили важныя гарантіи для національной свободы. Представительная система кортесовъ въ Испаніи возникла, благодаря борьбѣ съ маврами, раннему возникновенію городской жизни, позднему развитію феодальной системы, территориальному раздѣленію на нѣсколько королевствъ и слабости королевской власти. Въ Фландріи и Италіи городская жизнь получила такое полное, блестящее развитіе, какого она нигдѣ не имѣла. Оттого во Фландріи сами графы рано должны были приглашать представителей отъ городовъ на общія государственныя собранія, а въ Италіи само республиканское устройство составляло наилучшую гарантію народной свободы. Судьба французской націи въ средніе вѣка была другая. Здѣсь, благодаря особенности историческихъ условій, вслѣдствіе крѣпости феодальной системы и слабости развитія городской жизни, преобладающее значеніе досталось на долю королевской власти. Но эта побѣда не уменьшаетъ значенія третьяго сословія. Въ судьбахъ Франціи оно было той организующей силой, которая, развиваясь изъ себя самой,

(¹) Такъ наприм. Fr. Morin утверждаетъ, что короли съ намѣреніемъ поддерживали и раздували вражду народныхъ партій, чтобы усилить собственное значеніе въ городскомъ управленіи. Это напоминаетъ одного французскаго писателя XVIII вѣка, который увѣрялъ, что въ XII в. королевскіе комиссары возбуждали горожанъ къ борьбѣ съ феодалами. Fr. Morin. Orig. de la démocr. p. 233.

боролась съ враждебными элементами, привлекала и уподобляла себя все сродное, создавала французскую исторію, преобразовывала общественный организмъ, давала ему извѣстный видъ, извѣстную фязіономію. Этотъ процессъ національной жизни начался главнымъ образомъ въ XII в. и совершался во весь періодъ среднихъ вѣковъ, но не кончился вмѣстѣ съ ними. Дальнѣйшая исторія Франціи опредѣлялась тѣмъ же третьимъ сословіемъ и отношеніемъ къ нему королевской власти. Сила національнаго роста, сдвленная абсолютизмомъ королей новой исторіи, проявилась наконецъ во французской революціи XVIII вѣка.— Такое возвращеніе на французскую исторію не разрываетъ ея настоящаго съ прошедшемъ. Великое дѣло третьяго сословія въ XVIII в. было только продолженіемъ историческаго прогресса французскаго народа, совершавшагося еще въ темную эпоху среднихъ вѣковъ, но насильственно задержаннаго развитіемъ королевскаго абсолютизма. Въ XVIII в. третье сословіе съ новой силой выступаетъ на борьбу съ послѣдними остатками феодализма и съ королевскимъ произволомъ. Борьба эта ведется подъ знаменемъ философскихъ идей о человѣческихъ правахъ; но и прошедшая исторія Франціи, вѣковой ея опытъ, историческія воспоминанія и преданія мѣстной свободы,—остались не безъ вліянія въ великомъ дѣлѣ общественнаго переворота и національнаго обновленія XVIII вѣка.

А. Смирновъ.

Въ переводѣ ком. «Adelphi» просить одѣлать слѣдующія

ПОПРАВКИ:

<i>Стр.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Учтено:</i>
315	1 ст.	тѣ	ты
351	5 —	пошлины	польвины
352	9 ст.	всѣ сельди	селедия
353	10 ст.	оставишь	оставить
355	22 —	вока учатся	понаучатся
356	4 ст.	зеркало	зеркала
357	12 ст.	Нѣго	Что
360	3 —	нѣсяць—	нѣсяць, — что же!
361	2 ст.	развѣ,	было,
362	6 —	если бы	если бы
363	5 —	пускай же	пускай бы
364	14 ст.	Куда	Ну, да
370	2 ст.	Cucethus	Suathus
371	6 ст.	можешь	скажешь
383	10 ст.	сторакъ—три (tercio)	сторонахъ—три (tercio)
390	5 ст.	ложится	сочтется
—	18 —	внорныхъ	внорности

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

КАКЪ

ВОСПИТАТЕЛЬ И УЧИТЕЛЬ НАРОДА.

Приступая къ изображенію просвѣдательной дѣятельности Петра Великаго, должно указать какъ на тѣ цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ въ жизни, такъ и на побужденія, руководившія его дѣйствіями, на интересы, волновавшіе его.

Узкимъ, обыденнымъ пониманіемъ жизни, по которому цѣль ея—счастье—можетъ быть достигнуто при довольствіи одного только личнаго „я“ или семьи, Петръ не довольствовался. Онъ является провозвѣстникомъ другой, болѣе широкой идеи, рѣдкой гостыи русской земли, идеи, по которой личное счастье можетъ быть вполнѣ достигнуто только вмѣстѣ съ общими. „Государственная польза“, „всенародная польза“, „всеобщее благо“,—вотъ цѣли, достойныя по взглядамъ Петра лучшихъ, благородныхъ человѣческихъ стремленій. Что же именно должно было по его понятіямъ составить благо народа? Прежде всего доставленіе ему политическаго значенія въ средѣ другихъ націй, силы и умѣнья постоять за себя въ минуты столкновеній, а для предупрежденія послѣднихъ—сближеніе съ другими національностями чрезъ возможно-большее расширеніе мирныхъ сношеній съ ними. Хотя Петръ и позагалъ, что воинское дѣло—первое изъ мірскихъ дѣлъ, хотя онъ хотѣлъ самъ быть и другихъ видѣть солдатами, но онъ всетаки не способенъ былъ отдаться только политическимъ соображеніямъ, а тѣмъ болѣе завоевательнымъ планамъ. Внутреннее спокойное развитіе народа было постоянно предметомъ его желаній. Устранить тяжелое экономическое положеніе государства, народныя бѣд-

ствія, раззоренья всякаго рода, установить болѣе справедливыя отношенія между членами его, вигнать изъ общественной и семейной жизни господство своеволия и самодурства, расбѣять темныя привраки, что владычествовали надъ умомъ народа, разрушить темное царство яскетизма и суевѣрія, пробудить заснувшія силы, прилучить общество къ болѣе честной самостоятельной жизни, — съ достиженіемъ всего этого, по мнѣнію Петра, неразрывно было связано благо народное. Успѣхъ возможенъ только при введеніи въ возможно большіе размѣрахъ двухъ могучихъ рычаговъ общественнаго развитія: всепобѣждающаго труда и всепросвѣщающаго знанія. Мало того что научныя знанія собирались по всей Европѣ; пытливой мысли „развѣдчиковъ“ предназначалось проникнуть и въ заповѣдныя сибирскія тайги, невѣдомыя степи, горы, заглянуть въ темныя закоулки русской жизни, все выгадывать на божій свѣтъ, чтобы съ собранными свѣдѣніями, — „когда науки и искусства произойдутъ въ вѣдній цвѣтъ“, истина и трудъ смѣло могли разгуляться по лицу русской земли, разрушая отжившія старыя начала, созидая новыя, реформируя жизнь. На всякаго члена общества для блага цѣлаго должна быть возложена какая нибудь работа, будетъ ли онъ совершать далекіе походы, будетъ ли строить корабли, рыть каналы, пахать землю, отыскать ли руду, построить ли заводъ, перевести ли книгу, будетъ ли завѣдывать порядкомъ и собирать денежную казну, только трудъ, непременно трудъ. На знатность рода, на породу не слѣдуетъ обращать вниманія. Чѣмъ больше труда положить членъ общества въ свое дѣло, чѣмъ больше знаній и честности покажетъ онъ, тѣмъ высшее мѣсто онъ займетъ въ обществѣ. Вотъ крайній предѣлъ тѣхъ началъ, какія стали вводиться Петромъ въ русскую жизнь, хотя, можетъ быть, и безъ сознанія возможныхъ послѣдствій. Но съ Петромъ случилось то, что нерѣдко бываетъ съ историческими дѣятелями: нельзя не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ поступаетъ своими возрѣніями, вступаетъ въ компромиссы съ прошедшимъ, поддается вліанію обстоятельствъ и окружающихъ лицъ, а иногда увлеченіямъ своей натуры — отсюда является непоследовательность, противорѣчія во взглядахъ и въ образѣ дѣйствій. Такая смѣсь старыхъ и новыхъ началъ поражаетъ и въ томъ случаѣ, когда дѣло касается отпавшей государя отъ народа. Съ одной стороны конатія и

пріемы чисто московскихъ царей: то-же представленіе ѓ божественномъ происхожденіи царской власти, ѓ отвѣтственности за свои дѣйствія только передъ Богомъ, прежніе злые умыслы противъ государева здоровья стали носить имя злыхъ умысловъ противъ персоны его царскаго величества. Московскіе взгляды и привычки тѣмъ крѣпче держались, что находили себѣ оправданіе въ примѣрахъ Западной Европы; въ томъ благовѣнномъ уваженіи, съ которымъ многіе относились въ Европѣ къ творцу Версаля и къ людямъ, умѣвшимъ поражать роскошью и вѣшнимъ блескомъ. Но съ другой стороны уже одно то, что Петръ рядомъ съ собою выставилъ новое „величество“, самое обращеніе съ княземъ-касаремъ заставляють предполагать, что онъ не чувствовалъ симпатіи къ типу недоступныхъ — владыкъ, въ который выработались московскіе цари. Петръ оставилъ идеаль государя совершенно новыми условіями, стараясь подчинить его дѣятельность тѣмъ же началамъ, выполненіе которыхъ онъ признавалъ необходимой обязанностью каждаго члена общества. Такъ государь во имя общаго блага долженъ *служить* государству, народу. Свое служеніе онъ начинаетъ съ висшихъ ступеней, неся на себѣ служебныя обязанности. Образование, трудъ, заслуги, признанія другими, даютъ ему право подниматься на высшія ступени общественнаго положенія. Петръ допускаетъ вліаніе на него, государя, чужаго мнѣнія; онъ терпѣливо выслушиваетъ споры, дорожитъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, сужденіями людей честныхъ, образованныхъ. Во имя безпристрастія онъ отказывается на время отъ своей власти, проситъ совѣта и суда у другихъ въ дѣлѣ съ собственнымъ сыномъ, онъ удѣляетъ довольно значительную долю власти новому учрежденію, сенату, признавая за нимъ возможность замѣнять въ нѣкоторыхъ случаяхъ персону его величества; наследникъ престола не можетъ занять его, если окажется непотребнымъ и можетъ быть замѣненъ другимъ, чужимъ. Для пользы Россіи Петръ готовъ отказаться отъ царской власти на неопредѣленное время, а въ случаѣ смерти поручаетъ избрать въ наследники „достоинѣйшаго“. Государь является не прежнимъ помѣщикомъ вотчины, а трудолюбивымъ управляющимъ ея, руководимымъ заботами ѓ общимъ благѣ, ѓ справедливости, зависимымъ отъ общественнаго мнѣнія.

Съ измѣненіемъ взглядовъ на отношенія государя вообще къ народу произошла переиѣна во взглядахъ на то, какъ долженъ поставить себя государь въ обыденныхъ сношеніяхъ съ разнаго рода людьми. Петръ чувствовалъ отвращеніе къ уединенной замкнутой жизни во дворцѣ; ему казалось, что только дѣтей позволительно оставлять дома, что лишать однихъ царей человѣческаго общества—варварскій и безчеловѣчный обычай. Надо узнать народъ, которымъ управляешь, а чтобъ узнать его, надо прежде всего сблизиться съ нимъ⁽¹⁾. Бывшіе холопы становятся рядомъ въ качествѣ участниковъ въ общемъ дѣлѣ служенія родинѣ.

Должны были измѣниться и взгляды на права государя надъ общественными суммами, собираемыми съ народа. Не разъ заявленъ былъ Петромъ взглядъ, что правитель не долженъ тратить чужаго имущества на личныя нужды,—бережливо распоряжаться добытымъ потомъ и кровью. Замѣчательно, что Петръ просилъ назначить ему жалованье по заслугамъ⁽²⁾, по достоинству его трудовъ и говорилъ, что трудовыми деньгами можетъ распоряжаться, какъ самъ хочетъ⁽³⁾.

При введеніи въ жизнь этихъ новыхъ началъ, Петръ, какъ извѣстно, не считалъ нужнымъ стѣсняться крутостью, радикальностью средствъ и мѣръ, такъ что на первый взглядъ онѣ кажутся безпощадными, непростительно жестокими. Но въ этомъ случаѣ Петръ является только сыномъ своего суроваго времени. Правда, онъ не заботится въ этомъ случаѣ о распространеніи гуманныхъ началъ, по не думаетъ и о нововведеніяхъ и изобрѣтеніяхъ по части извѣстнѣйшихъ мѣръ и казней. Онъ даже старается ограничить въ некоторыхъ случаяхъ пытку⁽⁴⁾. За то замѣчательно тотъ фактъ, что Петръ въ своей реформаторской дѣятельности не ограничивается одними предписаніями и требованіями, при-

⁽¹⁾ Голицыновъ. Дѣянія П. В. IV, 243. Корбъ, 257. Берхгольца Дневникъ. II, 84.

⁽²⁾ Подробныя доказательства будутъ ниже.

⁽³⁾ Подробное объясненіе суровости мѣръ Петра и сравненіе ихъ съ допетровскими казнями и съ уцѣлѣвшими въ западно-европейскихъ кодексахъ—въ статьяхъ г. Шышкина «Манегислы и порицатели П. В.» Рус. Сл. 61 г. Въ петровскомъ законодательствѣ можно найти нѣсколько мѣръ, вносящихся къ ограниченію свободы слова. №№ 2223, 3653, 3775.— 29 и 149 арт. Воинскаго устава.

пудительной и карательной стороною мѣръ. Въ разныхъ случаяхъ онъ старается *убѣдить* въ полезности и необходимости предпринятой реформы, задуманнаго дѣла, издаваемого закона. Для большой убѣдительности въ указахъ, манифестахъ, регламентахъ приводятся въ доказательство не только библейскіе факты, цитаты (что возможно было и въ допетровской Руси), но выписывается длинный рядъ примѣровъ изъ исторіи общей, русской, церковной, предлагается разсудить о томъ или другомъ. Подъ вліяніемъ Петра создается цѣлая литература въ защиту реформы, проносятся проповѣди политическаго характера, пишутся цѣлыя трактаты и проч. Не додумался только Петръ до сознанія о пользѣ отъ вопли свободнаго обсужденія его мѣръ и указовъ. Свобода слова казалась слишкомъ страшной. Впрочемъ онъ давалъ довольно видное мѣсто гласности, особенно въ политическихъ преступленіяхъ.

Вотъ общія программа тѣхъ началъ и взглядовъ, о которыхъ Петръ заявлялъ своему народу въ равное время, по разнымъ случаямъ, разными способами. По это не значить, чтобы Петръ былъ способенъ явиться говорунуомъ. Онъ сознавалъ, что „воистинну легко писать и указывать, а самому не дѣлать“⁽¹⁾. Нѣтъ, онъ стремился осуществить ихъ въ дѣйствительной жизни; онъ самъ, гдѣ можно, первый принимался за работу. Посмотримъ теперь, дѣйствительно ли соотвѣтствовалъ его взглядамъ общій характеръ его дѣятельности.

Сначала обратимъ вниманіе на то, насколько онъ приготовился къ своему дѣлу, какого рода знаніями и въ какомъ количествѣ онъ владѣлъ.—Прежде всего нужно упомянуть о томъ выгодномъ положеніи, которое занялъ Петръ, вырвавшись изъ душной атмосферы царскихъ палатъ;—предъ нимъ раскрылось широкое поприще для умственныхъ и физическихъ трудовъ—Россія и Европа; тутъ онъ могъ лицомъ къ лицу столкнуться съ невѣдомой жизнью, сблизиться съ представителями разныхъ націй, вѣръ, степеней образованія, общественныхъ положеній и проч. Въ тоже время и природа рѣдко награждала кого такою впечатлительностью, наблюдательностью, живымъ, свѣтлымъ умомъ, не просто

(¹) Голицковъ; II, 241.

любопытностью, а скорѣе жаждой знанія, энергіей и тѣлесной крѣпостью, какими одѣлила она Петра Перваго.

Не даромъ дивились ему современники и между прочимъ такой замѣчательный человекъ своего времени, какъ Лейбницъ ⁽¹⁾. Въ молодости уже обнаружилась въ немъ любовь къ положительнымъ знаніямъ, практически примѣнимымъ и особенно къ касающимся военнаго и морскаго дѣла,—и Петръ 15 лѣтъ поступилъ „въ чинъ учимыхъ“, не научившись до того твердо и орфографически—правильно писать. Познакомившись съ ариеметикой, нашедши учителя въ голландцѣ Тиммерманнѣ, Петръ началъ подъ его руководствомъ заниматься геометріей, и вслѣдъ за тѣмъ перешелъ въ изученію фортификаціи и артиллеріи. Для этой же цѣли, вѣроятно, перевели по приказанію государя въ 1685 г. съ иностраннаго: „художества огненная и всякія воинскія орудія ко всякимъ городовымъ приступамъ и оборонѣ приличныя“. Знанія въ военномъ искусствѣ увеличились еще отъ участія царя въ строевой службѣ ⁽²⁾. Приобрѣтенное провѣрялось на практикѣ сначала только въ потѣшныхъ, а потомъ и въ азовскихъ походахъ, гдѣ Петръ, какъ извѣстно, принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ офицера, инженера и артиллериста. Свои знанія въ артиллеріи Петръ пополнилъ во время перваго путешествія за границу подъ руководствомъ главнаго инженера прусскихъ крѣпостей Штерпфельда, который „ежедневно . . . Петра Михайлова не только въ теоріи науки, но въ практикѣ частыми работами собственныхъ рукъ его обучалъ и упражнял“. О знаніяхъ Петра въ артиллеріи говорятъ и уцѣлѣвшія въ его письмахъ и бумагахъ подробныя собственноручныя наставленія и замѣтки о разныхъ составвахъ пороха, о калибрѣ орудій, о правилахъ, какъ попадать въ данную точку ⁽³⁾ и проч. Кромѣ того одной изъ

⁽¹⁾ Лейбницъ называетъ царя «очень любопытнымъ», а дарованія Петра *ingentes*—грошадными. Въ письмѣ къ Бурге онъ пишетъ: «я не могу довольно удивиться живости и уму этого великаго государя». Гербье: «Отношенія Лейбница къ П. В.» Журн. М. Н. П. 1870 г. февр. 515 стр. 377.

⁽²⁾ Устр. II, 18 и 19 и предисловіе къ морскому регламенту въ I м. прил. ко II т.; 120—129. Соловьевъ, XIV, 71; прил. Пек. I, 220

⁽³⁾ Устр. III, 32—34. Афанасьевъ. Госуд. хоз. при П. В. Совр. 1847 г. Іюль; 36.

главныхъ цѣлей перваго путешествія Петра за границу было—пріобрѣсти спеціальныя практическія и теоретическія знанія въ любимыхъ имъ до страсти кораблестроенія и мореплаванія вмѣсто первоначальныхъ практическихъ свѣдѣній, полученныхъ въ Россіи отъ Бранта и Корта. Въ Голландіи царь бралъ уроки по математикѣ и навигаціи у знатока этихъ наукъ Альбертсона фанъ-Дама и уроки черченія у Адама Сило. Въ то же время онъ изучилъ въ продолженіи 4¹/₂ мѣсяцевъ на остиндской верфи все, „что доброму плотнику знать надлежитъ“. Но такъ какъ относительно кораблестроенія въ Голландіи преобладали практическія знанія, а теоретическія еще слабо развиты, то чтобы еще больше усовершенствоваться въ корабельной архитектурѣ, Петръ поѣхалъ въ Англію и тамъ изучилъ ее въ 4 мѣсяца⁽¹⁾. Въ его подробныхъ письменныхъ инструкціяхъ и замѣткахъ, касающихся постройки доковъ, кораблей, судовъ, ихъ отдѣлки, ослѣдствіи обнаруживается знатокъ корабельнаго дѣла во всѣхъ его частяхъ. Петръ, кажется, зналъ морское дѣло лучше всѣхъ русскихъ. Объ его обширныхъ знаніяхъ въ военномъ и морскомъ дѣлѣ говорятъ также и иностранцы⁽²⁾.

Кромѣ того Петръ научился еще многимъ ремесламъ. Еще въ 1697 г. ганноверская курфюрстина писала, что царь знаетъ въ совершенствѣ 14 ремеслъ, не называя впрочемъ какихъ, и откуда она это узнала. Его познанія въ ремеслахъ обнаружались также во время посѣщенія имъ Парижа, когда царь, заходя къ ремесленникамъ, спрашивалъ ихъ о подробностяхъ работы. Петръ былъ искусный плотникъ, толяръ, рѣшникъ, кузнецъ, канатный мастеръ, садовникъ, дрочосѣкъ, фейерверкеръ, барабанщикъ⁽³⁾. . . Знанія Петра были на столько очевидны и настолько выходили изъ общаго уровня, что память о нихъ до сихъ поръ не можетъ исчез-

(1) Пекарокій 7—8. Устряловъ 1-е прил. ко II, 7; III, 73—75; 87 и слѣд. Афан. IV. 55—56.

(2) Голяковъ II, 169, 206, 208. П. С. З. № 4118. Берхгольцъ I, 119. Нартовъ, анекдоты о П. В. въ Москвитянинѣ за 1842 г. № 110. Устр. IV. прил. 66—66. Вебера записка въ Рус. Арх. 1872 г. 1078 стр.

(3) Устр. III, 58, 64. Солов. XVIII. 77. Пекар. I, IV, прил. 4. Берхгольцъ II, 71, 1, 170. Нартовъ № 81. Записка Вебера. Рус. Арх. 72, 1159. Афанасьева; 31, 33, 56.

нуть изъ народныхъ преданій: „росту онъ былъ высокаго, ученья великаго“, говоритъ про Петра одно изъ нихъ⁽¹⁾.

Все вышеупомянутое въ большинствѣ Петръ зналъ какъ специалистъ; но этимъ не ограничивались еще его знанія и практическія свѣдѣнія. Начавши поздно ученье, отвлекаемый государственной дѣятельностью, Петръ, въ продолженіи почти всей жизни, заботился, если не спеціально изучить практически полезныя науки и искусства, то по крайней мѣрѣ познакомиться съ ними, не переставая въ то же время дополнять и свое общее образованіе. Онъ провѣрялъ приготовляемые къ печати переводы; всѣ почти выходившія на русскомъ языкѣ книги проходили черезъ руки царя. Ему же сообщались статистическія данныя о положеніи различныхъ частей государственнаго управленія. Но не среди только кабинетныхъ занятій образовался Петръ; онъ искалъ случая слышать живую рѣчь самихъ людей науки, научиться отъ нихъ, слушалъ ихъ лекціи, смотрѣлъ опыты химическіе, механическіе, анатомическія вскрытія, какъ напр. у Рюйма, извѣстнаго профессора анатоміи, у членовъ парижской академіи, у Жофруа⁽²⁾. „Онъ, говоритъ про Петра Лейбницъ, видѣвшій его въ Германіи, со всѣхъ сторонъ собираетъ около себя свѣдущихъ людей, и когда онъ съ ними говоритъ, они совершенно поражены: съ такимъ пониманіемъ ихъ дѣла онъ ведетъ съ ними рѣчь. Онъ освѣдомляется о всѣхъ механическихъ искусствахъ; но главный его интересъ сосредоточивается на всемъ, что относится къ мореплаванію, а поэтому онъ любитъ также астрономію и географію. Я надѣюсь, что черезъ него мы узнаемъ, соединены-ли Азія съ Америкой“⁽³⁾... Въ другихъ странахъ Петръ воже не упускалъ случая побесѣдовать о научныхъ предметахъ съ разными учеными (Витзенгомъ, Шейнфойтомъ, Демелемъ и проч.). Однихъ просилъ разъяснить словесно мало знакомые научные вопросы, съ другими велъ о нихъ переписку, слѣдилъ за изобрѣтеніями, иногда даже, говоритъ,

(1) Бесѣда за 1872; V, 300.

(2) Встрѣтившись въ 1717 г. съ Рюйменъ, Петръ, подавая руку, сказалъ: «ты еще мой старинный учитель». Голлк. V, 285. Нартовъ, № 4. Пекарскій. I, 9, 43 и 44.

(3) Герье. «Отв. Л. къ П. В.» март. 377.

выносили терпѣливо дерзвія выходки людей, открытія которыхъ считалъ для себя полезными. Кромѣ того свои научныя знанія онъ пополнялъ при подробномъ осмотрѣ кабинетовъ по натуральной исторіи, коллекцій, музеумовъ, зоологическаго сада, механическихъ кабинетовъ, лондонской и др. обсерваторій, лабораторій, анатомическихъ театровъ, госпиталей, картинныхъ галлерей и проч. Эти осмотры дѣлались не изъ простаго любопытства; Петра не занимала внѣшняя декоративная сторона предметовъ, какъ это было съ современными ему русскими туристами. Его вниманіе могли напр. привлечь статуи Рышелье и Эразма Роттердамскаго⁽¹⁾. Получивъ въ Петербургѣ знаменитый готторпскій глобусъ, Петръ, отозвавшись объ немъ какъ о самомъ приятномъ подаркѣ, лучше котораго едва-ли могло найти герцогство голштинское, говорятъ, *по цѣлымъ часамъ* занимался разсматриваніемъ его⁽²⁾.—Но не одни только теоретическія, научныя знанія пополнялъ Петръ. Онъ сталъ лицомъ къ лицу съ самой жизнью, сближался съ людьми, различными по развитію, занятіямъ, общественному положенію; его постоянныя, тщательныя наблюденія надъ своей и чужой жизнью, чуткое вниманіе ко всякому явленію, выдающемуся изъ ряда обыкновенныхъ, естественно, могли дать ему массу разнообразныхъ практически-полезныхъ свѣдѣній. Не безслѣдными для него, конечно, остались его столкновенія съ государственными людьми Европы, распросы купцовъ о торговлѣ, пословъ о ихъ далекихъ земляхъ, его пытливые вопросы и просьбы объяснить то или другое; не бесполезно съ топоромъ въ рукѣ работалъ онъ и дружилъ съ плотниками, „съ кузнецами ковалъ, съ ткачами ткалъ, съ кожевниками кожу строгалъ“ (Голик.). А дома со сколькими людьми приходится сталкиваться Петру! Не даромъ онъ бросаетъ весь боярскій синельникъ, мѣняетъ сотенныя стрѣлцкіе караулы на одного двухъ деньщиковъ. Люди бывалые, опытные всегда почти находятъ въ немъ внимательнаго слушателя и собесѣдника. Онъ входитъ въ крестьянскія нужды, толкуетъ съ крестьянами о

⁽¹⁾ Пекарскій; 7—10, 43, 53, 281, 292. Чистовичъ, Осиф. Прокон. в его время. 47. Голик. V, 203; II 333; 282—285 Берхголь. I. 72—73, Нартовъ. № 144, 142, 4, 34. Солов. XVII. Устр. III.

⁽²⁾ «Кабинетъ Петра В.» при изд. Берхгольца. Нартовъ, № 32.

подробностях ихъ жизни; съ однимъ изъ нихъ „объ руку идетъ“, другаго „призываетъ къ себѣ на думу“,—передаетъ народныя преданія,—спрашиваетъ „каково-да вы, крестьяна поживаете, и за какой же у васъ промыселъ есть“? (1). При отсутствіи у насъ въ то время газетъ, журналистики, почти всякой литературы, эти бесѣды давали ему много практически полезныхъ свѣдѣній о природѣ и жизни.—Наконецъ, въ мало добыто имъ и собственными наблюденіями. Въ чужихъ краяхъ онъ посматрѣлъ на невѣдомую цивилизацію, побывалъ въ столицахъ и деревняхъ, въ дворцахъ и рудопысляхъ, на полевыхъ работахъ и на фабрикахъ и проч., записывалъ, записывалъ (2). Многое, многое открывалъ ворки глазъ Петра и по разнымъ концамъ Россіи среди ея безбрежныхъ степей и непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ. „Отъ его глаза, писалъ про Петра къ Лейбницу Гюнсени, ничего не ускользаетъ, объ всемъ онъ справляется“ (3). Поэтому въ его именныхъ указахъ и собственноручныхъ писемъ разсыпаны критически-полезныя наставленія и замѣтки относящіяся къ разнымъ областямъ челоѣческой дѣятельности (4). Отсюда въ его разговорахъ то „знаніе дѣла и вѣрное сужденіе“, о которыхъ говорилъ Лейбницъ. Эту сторону въ разговорѣ Петра подмѣтилъ и Берхгольцъ при помещеніи Петромъ голштинскаго герцога: первый „говорить между прочимъ говоритъ очень умно и съ знаніемъ дѣла о разныхъ предметахъ. Въ особенности онъ такъ наивно и хорошо описывалъ свойства своихъ подданныхъ, что любо было слушать“ (5).

Не привлекала только Петра тогдашняя схоластическая мудрость; повидимому, въ риторикѣ и пѣтвѣ онъ былъ совер-

(1) Берхгольцъ I, 122, II 83. Нартовъ №№ 62, 98, 409, 419, 425. Де-Брунна и путешествіе въ Московію. въ Читаніяхъ О. И. и Др. 1872. Голицы IV, 100, II, 114, 78 V, 98. Максимовъ, годъ на сѣверѣ: 317, 318, 541. Сборникъ Тихомірова 351.

(2) Голицы IV, 93, V, 244, 281. Афанасьевъ, Июль. 90. Нартовъ, № 126.

(3) Герье. Февр. 352.

(4) Онъ касаются и лѣсоводства Год. V, 102 и хирургіи. Нартовъ, №№ 82, 101. Берхг. III, 14, 85. и сожелья рыбы № 3668, и сущи пороха. Голицы II, 395 и лѣтъ пушекъ 3061.

(5) Берхг. II, 83.

шенно несбѣдущъ. Странно только видѣть въ этомъ разносторонне образованномъ чловѣкѣ вѣру въ астрологическія годанія; не менѣе странными кажутся въ воинскомъ уставѣ угрозы жестокихъ наказаній занимающимся волшебствомъ, чернокнижіемъ.

Съ такимъ-то запасомъ знаній можно было смѣлѣе приступить къ дѣлу служенія родинѣ; знаніе укрѣпляло, поддерживало, давало новыя силы на трудъ и борьбу, а труда предстояла не мало, и Петръ въ полномъ смыслѣ слова не былъ „бѣлоручкой“,—онъ былъ и чернорабочимъ богатыремъ-работникомъ. Стукъ его топора раздавался и на Переяславскомъ озерѣ, и на Воронежѣ, и на Волгѣ, и на Невѣ, и въ далекихъ Сардаиѣ и Амстердамѣ. Съ ранняго утра, послѣдуя слову Божию, бывшему къ Адаму, Петръ ужъ трудится въ потѣ лица гдѣ-нибудь на верфи, въ адмиралтействѣ. Застриваютъ корабль, и Петръ собственноручно закладываетъ; спускаютъ корабль, и царь „прлежно трудится надъ приготовленіями къ спуску“, работаетъ усерднѣе всѣхъ, собственноручно дѣлаетъ первый ударъ при отнятій подмостковъ⁽¹⁾. Не въ адмиралтействѣ,—такъ на одноколѣ разѣзжаетъ по работамъ въ своей новой столицѣ и ея окрестностяхъ, участвуетъ при проведеніи новыхъ улицъ, при постройкѣ новыхъ зданій⁽²⁾, самъ своими руками строитъ себѣ „скромный домикъ“. Нужно засыпать болото, прорубить просѣку, аллею и царь своими руками помогаетъ работающимъ, нужно развести рошу, садъ, и Петръ берется за кирку; нужно прорыть рѣчку, и онъ, открывая работы, первый прикладываетъ къ землѣ заступъ; закладывается гавань и государь вмѣстѣ съ другими таскаетъ камни. Раздается тревожный звукъ набата, и царь съ величайшей поспѣшностью является на пожаръ: здѣсь онъ способствуетъ тушенью огня не только своими распоряженіями, но не падить даже своихъ рукъ, работаетъ тамъ, какъ самый простой работникъ. Домъ обрушивается, а государь тогда работаетъ сре-

⁽¹⁾ Его руки были жестки отъ работы. Сол. XIV. 254 а также 228, 258. Гол. II. 370. Берхгольцъ, I, 149, 150, 178. II, 61.

⁽²⁾ Нартовъ, № 80; на это указываютъ и резолюція, касающіяся постройки. 2955, 3049, 3530.

ди его развалины⁽¹⁾. Не мало занятій у него и дома: бывали случаи, говорятъ, что онъ самъ носилъ себѣ дрова, топилъ печь и готовилъ кушанье. То дѣлаеть онъ для себя мебель, то готовитъ модели кораблей, крѣпостей, то точитъ на станкѣ; но это скорѣе отдыхъ. Обыкновенно же дома принимались доклады, прочитывались полученные письма, донесенія, представленные проекты, давались отвѣты, резолюціи⁽²⁾, указы, инструкции, составлялись и поправлялись уставы, или регламенты, генеральный воинскій, морской и проч.—а то Петръ самъ отправляется въ сенатъ, коллегіи, приказы заниматься текущими дѣлами. Предпринималось посерьезнѣй дѣло, гдѣ нибудь подальше: затѣвалась война, морская кампанія, задумывали взять важную крѣпость и проч.—и Петръ спѣшилъ лично принять участіе, ѣхалъ съ одного конца Россіи на другой, переносилъ всѣ невзгоды походной жизни „въ марсовомъ ярмѣ непрестанно трудился“; являлся всюду и всздѣ, и въ траншеяхъ и въ подкопахъ „самъ ружьемъ солдатскимъ правилъ, самъ и пушки заряжалъ“... И другой великій труженикъ,—русскій народъ не забылъ своего богатыря-работника,—на дальнемъ сѣверѣ разказываетъ оны, то о томъ, какъ Петръ и войско „верстъ двѣсти безъ маленькаго днемъ и ночью двигались по выбамъ, трясовинамъ, по горамъ, по водамъ, по мхамъ дыбучимъ и лѣсамъ дремучимъ; лѣсъ рубили, влады клали, плоты дѣлали“, то о томъ, какъ царь, задумывая новый каваль, 10 дней бродитъ по лѣсамъ и болотамъ, осматривая мѣстность, отдыхаетъ отъ усталости въ простомъ шалашѣ изъ древесныхъ вѣтвей. „Часто ѣздилъ въ нашу лѣсную сторону (къ Петрозаводску) Петръ I-й... приде, скажутъ, въ заводъ своимъ царскама рукама

(¹) Голик. II, 308. Берхгольцъ I, 58, 149, II, 49, III, 161. Корбъ 124—125. Веберъ, Рус. Арх. 72, 1159. Бесѣда 1872 г. V, 300. Сол. XIV, 245.

(²) Представлялись докладные пункты и давались резолюціи самаго разнообразнаго характера, причемъ Петръ доходилъ до мелочей, не теряясь впрочемъ въ нихъ. Такъ напр. въ докладныхъ пунктахъ Мещикова 1708 г. 21 марта спрашивается и о дровахъ во дворецъ и по какой цѣнѣ продавать черкасскій табакъ,—или докладной пунктъ такого рода: „имъ же (парвскимъ священникамъ) ладонъ, воскъ, вино церковное, на просфогы муку откуда давать и почему?“. Рез. „Давать изъ гарнизона кромѣ вску, которой собирать изъ малыхъ свѣчъ, которыя ставятся предъ образомъ, а чтобъ предъ всякимъ образомъ одна большая свѣча была, а малыхъ не употреблять.“ № 2194 а также №№ 1817, 2164, 3569, и др.

врицы (мѣхи) дуетъ, а бояра уголья носятъ; въ молото-бѣйню завернетъ,—и молотъ въ руки, и желѣзо куетъ... *Вотъ оно царь, такъ царь, даромъ хлѣба не ѣлъ; лучше бурлака работалъ* (1).“ Со всѣмъ пыломъ горячей натуры онъ отдавался своему дѣлу, во имя его трудился до изнеможения, не жалѣлъ силъ и здоровья, шелъ на встрѣчу опасностямъ, не щадилъ своей жизни въ борьбѣ съ бурями и непогодами, въ пылу сраженій, на сушѣ и на морѣ.—Потому-то такъ близко къ сердцу принималъ всякій успѣхъ въ своихъ начинаніяхъ, всякій шагъ впередъ, видя, что сѣмена, посѣянные имъ, даютъ уже плодъ. Онъ былъ счастливъ при видѣ искусно построеннаго русскими корабля; праздникомъ былъ для него спускъ новаго корабля—„роднаго дѣтища“, начиналась шумная попойка (а въ то время въ этомъ выражалось веселье). Одерживалась побѣда, заключался выгодный для страны миръ, и тогда не было предѣловъ веселью: раздавался въ новой столицѣ звукъ трубъ и лютневъ, развѣвались флаги, палили изъ пушекъ, зажигали иллюминаціи. Особенно веселился Петръ послѣ заключенія ништадскаго мира: во время празднествъ царя видѣли въ отличномъ расположеніи духа, онъ даже плясалъ по столамъ и пѣлъ пѣсни, слѣдовала амнистія, прощенье недоимокъ: „пусть веселится и радуется со мной Россія!“ (2)

Успѣхъ дѣла часто бываетъ тѣсно связанъ съ матеріальными средствами, а ихъ не мало сосредоточивалось въ рукахъ Петра. Посмотримъ на сколько взгляды свои на этотъ предметъ осуществлялъ онъ въ дѣйствительности. Известно, что вообще Петръ былъ очень бережливъ тамъ, гдѣ дѣло шло объ общественныхъ деньгахъ; онъ заботливо отыскиваетъ новые источники государственныхъ богатствъ, стремится расширить область государственнаго хозяйства (3). Но нельзя не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ вступаетъ въ компромиссъ не столько съ прошедшимъ, сколько съ своимъ време-

(1) Бесѣда. 1872. V, 299—301.

(2) Берхгольцъ I, 178 Партовъ № 77, 83 Это торжество по случаю побѣды было въ ту пору признакомъ новаго времени: это были государственные праздники, сѣтлившіе прежніе празднества, происходившія по поводу семейно-религіозныхъ событій.

(3) О его бережливости можно судить по нѣкоторымъ распоряженіямъ, какъ напр. №№ 2798, 2913, 3149, 3057, 3620, 3967 въ П. С. З.

немъ, тѣмъ временемъ, когда милліоны ливровъ бросались на постройку Версаля, что онъ дѣлалъ уступку вкусамъ прибывавшихъ къ нему разнаго рода пословъ и придворныхъ, герцоговъ голштинскихъ и тому подобныхъ повлонниковъ роскоши и увеселеній. Мы видимъ постройку увеселительныхъ дворцовъ, дачъ, разведеніе садовъ съ дорогами фонтанами, учрежденіе штата при дворѣ Екатерины, придворную роскошь и пышность, проглядывавшія въ роскошныхъ одеждахъ, въ назначеніи караблей для дворцовыхъ принадлежностей, въ назначеніяхъ 50 т. рублей на содержаніе придворнаго штата принцессы или 200 т. въ приданое. „Признаюсь, говорить Берхгольцъ, я вовсе не ожидалъ, что здѣшній дворъ такъ великолѣпенъ . . . дворъ царицы такъ хорошъ, блестящъ, какъ почти всѣ дворы германскіе“. Про петергофскія же увеселительныя постройки, фонтаны и проч. Берхгольцъ виѣстѣ съ Веберомъ отзываются съ великимъ удивленіемъ, ожидая, по затраченнымъ суммамъ и массѣ убитаго труда, чего то въ родѣ „новаго Версаля“⁽¹⁾.—При всѣмъ томъ про современника Фридриха прусскаго Петръ говорилъ: „онъ таковъ какъ и я,—роскоши и мотовства не любитъ“⁽²⁾,—и былъ правъ, но преимущественно относительно частной, обыденной жизни. Тутъ уже въ Петрѣ замѣтны другія, рѣдкія для того времени, черты. Простота его образа жизни, невзыскательность въ пищѣ, одеждѣ, обстановкѣ, удивляли и удивляютъ многихъ; до сихъ поръ еще „домикъ“ Петра характеризуетъ вкусъ бывшаго хозяина. Этотъ хозяинъ говорилъ въ Сардамѣ⁽³⁾: „мы не знатные господа, а простые люди; намъ довольно и нашей коморки“.

Петръ не гнался и за роскошнымъ обѣдомъ; за обыкновеннымъ столомъ подавались большею частію простые блюда въ родѣ щей, каши, студени, солонины; многочисленной прислуги не терпѣлъ Петръ Великій, говоритъ его деньщикъ Нартовъ, не любилъ никакой пышности, великолѣпія и многихъ прислужниковъ. Публичные столы отправлялъ у кн. Меньщикова, куда званы были и иностранные министры. У себя же за обыкновеннымъ столомъ не приказано было служить придворнымъ ла-

⁽¹⁾ Берхгольцъ, I 91—93, 135, 137. Веберъ Р. Арх. 72 г. 1104 стр. Про дворецъ Екатерины. ч. I, 24, 36, 54, 70, 96; царица любитъ великолѣпіе I, 96 а также 56 в №№ 2272, 2354, 2798.

⁽²⁾ Нартовъ, № 84.

⁽³⁾ Соловьевъ, XIV, 236.

келямъ⁽¹⁾“. Вотъ напр. какіе факты пердаетъ Берхгольцъ про дворъ царя, — „опъ чрезвычайно простъ; почти вся его свѣта состоятъ изъ нѣсколькихъ деньщиковъ, изъ которыхъ только немногіе хорошихъ фамилій, большая же часть незначнаго произхожденія“. Про преображенскій дворецъ въ Москвѣ, гдѣ любилъ остававливаться Петръ, тотъ же Берхгольцъ записалъ: „мы не мало удивились, когда, подъѣхавъ къ дому императора, узнали отъ нашего кучера, что мы предъ императорскимъ дворцомъ: это старинный, маленкій и плохой деревянный домъ, за который, судя по его наружности и мѣстоположенію, нельзя дать и сто талеровъ. Глядя на него снаружи, нельзя не принять его за жилище простаго человѣка⁽²⁾...—Костюмъ Петра, какъ извѣстно, обыкновенно состоялъ изъ зеленого или сѣраго кафтана, иногда изъ самодѣльнаго русскаго сукна, остальные принадлежности были также очень просты; напр., въ день полтавской битвы, на немъ была старая, очень простая шляпа, простая поргупея и старые изношенные башмаки⁽³⁾“.

Въ отношеніяхъ къ окружающимъ въ правитель государства произошла болѣе рѣзкая, радикальная перемена. Петръ дорожить главнымъ образомъ людьми полезными для общественныхъ, а не личныхъ и семейныхъ цѣлей, — кто бы они ни были, свои или иностранцы, матросы-ли вновь прибывшаго корабля, солдаты или генералы, мастера, переводчики, купцы или члены коллегій и сената; люди, полезные для страны, составляютъ предметъ его особенныхъ заботъ, пользуются его любовью и внимательностью. Впрочемъ и съ окружающими вообще Петръ былъ простъ въ обращеніи. Всѣмъ извѣстно, какъ опъ избѣгалъ разнаго рода церемоній, торже-

⁽¹⁾ Нартовъ, №№ 129, 79; въ запискахъ Неллиева упоминается, какъ Петръ расхваливалъ пироги съ морковью Берхг. II, 211—212.

⁽²⁾ Берхг. I, 56, II, 41, 43.

⁽³⁾ Ыдилъ Петръ на одпоколѣ или верхомъ; зимой въ очень плохихъ сапгахъ, нѣсколько болѣе обыкновенныхъ, Берхг. II, 49 по водѣ, — въ простой шляпкѣ, 117. Вино пилъ изъ стакановъ, изъ кубковъ, — рѣдко; «случайно возыться понапрасну съ такою тяжелою посудиною» говорилъ онъ (123); иногда, говорятъ, пилъ прямо изъ деревяннаго ковша; тѣзъ деревянной ложкой. Другія подробности можно найти въ статьѣ Корниловича въ сборникѣ Тахомирова 1872.

ственныхъ аудіенцій, не терпѣлъ боярской спѣси и чванства, былъ доступенъ для всѣхъ, если обращались къ нему съ какимъ нибудь серьезнымъ дѣломъ, угощалъ иногда самыхъ простыхъ людей, самъ бывалъ у нихъ на семейныхъ праздникахъ, крестинахъ, свадьбахъ, пріѣзжалъ славить и проч. наконецъ выбралъ себѣ подругой безвѣстную плѣнницу⁽¹⁾. О близости Петра къ народу можно бы привести не мало свидѣтельствъ, но едва ли не лучше всего рассказываютъ о томъ два-три преданія уцѣлѣвшія на сѣверѣ. Прѣздомъ въ Архангельскъ Петръ остановился у деревни Шестовой. „Крестьяне изъ околныхъ мѣстъ собрались во множествѣ, видимо-невидимо... Намѣстный староста на встрѣчу съ хлѣбомъ-солью, какъ водится, по рускому обычаю. Выступилъ Петръ I-й изъ коляски; росту онъ высокаго, ученья великаго; хлѣбъ соль принялъ и съ крестьянами разговоръ держитъ: каково да вы крестьяна, поживаете и за какой же у васъ промыслъ есть? Тутъ крестьяне словесечно ему стали высказывать“. Здѣсь Петру внушена была народомъ мысль о необходимости устройства маринскаго канала. Около тѣхъ же мѣстъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія сѣдой, какъ лунь, старикъ Пахомъ въ качествѣ очевица рассказывалъ о пребываніи Петра въ ихъ захолустѣ. Изъ этихъ рассказовъ, проникнутыхъ благовѣніемъ къ великому царю, особенно замѣчательны слова: *„Надежда-государь не гнушался нашего житья-бытья, кушивалъ нашу хлѣбъ-соль“*⁽²⁾.— Ближе всѣхъ сошелся онъ съ кружкомъ избранныхъ имъ людей, съ своей „дружиной“, какъ выражается г. Соловьевъ. Въ большинствѣ это были люди „нужные“, сотрудники его по реформѣ. Къ нимъ Петръ старался стать на дружескую ногу, дѣлилъ труды, радости и горе; тутъ были его „товарищи“, „друзья“, „пріятели“. Въ бесѣдахъ онъ, по словамъ Нартова, „бывалъ весель, разговорчивъ, обходитель въ просторѣ безъ церемоній и вычуровъ... онъ и гости его забавлялись равно; не примѣтно было въ немъ того, что онъ былъ самодержавный

⁽¹⁾ Онъ угощалъ матросовъ, гвардію, корабельныхъ мастеровъ, шкиперовъ, работниковъ. Фактовъ много у Бергъ. въ I II и III 77., Нартова. Въ Бесѣдѣ за 1872, V, есть народное преданье, живо представляющее крестьяны у крестьянина. Петръ не гнушался самыми пезыскательными блюдами на крестинахъ у гренадера. Бергъ. II, 212.

⁽²⁾ Бесѣда за 1872 г. V, 300—302, 303—304.

государь, но, казалось, был простымъ гражданиномъ и пріятелемъ. Я многожды бывалъ съ императоромъ въ такихъ бесѣдахъ, и такому обхожденію его былъ свидѣтель“. Другой очевидецъ, Берхгольцъ, самъ убѣдился въ томъ, что когда государь бываетъ въ веселомъ настроеніи духа, то приближенные бываютъ свободны съ нимъ, „какъ съ товарищемъ“ (1). Этими дружескимъ, полусутоливымъ тономъ проникнуты многія письма Петра. „Меня либете камарадъ!“ „меня бесте фриндъ!“ „меня брудеръ“,—такъ начинается не одно письмо къ Меншикову. Вотъ нѣсколько отрывковъ отъ нихъ; 8 мая 1705 г. изъ Москвы)— „гей, сколько отъ болѣзни, а паче отъ печали, что время пропадаетъ, тако-жь разлученіи съ вами.. Дай, дай, дай, Господи, Боже, видѣть насъ въ радости, пожалуй поклонись отъ меня нашимъ пріятелямъ и знаемымъ“. 14 мая.. „въ которой болѣзни не меньше тоска разлученія съ вами, что я многожды въ себѣ терпѣлъ, но нынѣ же вящше не могу: извольте ко мнѣ быть скорѣй“... 2 окт. 1706 г. „предая васъ въ сохраненіе божіе, пребываю неотступно хотя не тѣломъ, во душою и мыслию“ и много въ этомъ родѣ. Въ письмѣ Петра къ адмиралу Апраксину встрѣчаемъ... „вамъ, яко другу, объявляю“ (2).—Смерть друзей-сотрудниковъ всегда тяжело дѣйствовала на Петра. Получивъ извѣстіе о смерти Лефорта, Петръ, по словамъ Корба, заливался слезами и рыдалъ, какъ будто извѣщали о смерти отца. На слѣдующій день при встрѣчѣ съ родственникомъ умершаго, царь отъ горести и слезъ не могъ выговорить ни слова. Онъ долго не забывалъ посѣченныхъ смертью друзей и не рѣдко съ грустью вспоминалъ о нихъ (3). Задушевные отношенія къ кружку не означали впрочемъ того, что Петръ сквозь пальцы смотрѣлъ на несправедливости и проступки своихъ любимцевъ. Пресловутая дубинка, ходившая по спинамъ ослушниковъ, и наконецъ казнь Шафирова, достаточно подтверждаютъ это. Только крайняя нужда въ людяхъ полезныхъ и свѣдущихъ заставляла терпѣть нѣкоторые проступки до поры до времени (4).

(1) Нартовъ, анекдоты № 80. Берхгольцъ I, 178 а также факты въ I, 117, 176. 57. Соловьевъ, XIV, 291.

(2) Устряловъ IV часть 2. №№ 99, 100, 103, 105, 106, 108, 169 и др.; №№ 125, 126, 164, 98.

(3) Голяковъ II, 353. Корбъ 155—156. Нартовъ №№ 85, 106, 162.

(4) Нартовъ. №№ 74, 80, 101.

Разбирая поступки окружающихъ лицъ, всматриваясь вообще въ русскую жизнь, сравнивая ее съ западно-европейской, Петръ не могъ не замѣтить, что, не смотря на всѣ упорные труды, пожертвованія и добытые результаты, новыя начала и реформы слабо прививались въ русской жизни, что не велико число его искреннихъ приверженцевъ. Мучительныя сомнѣнія наводили тоску и горе на душу великаго дѣятеля, доводили его чуть не до отчанія: его дѣло не прочно, сведи его болѣзнь въ могилу и разсыпятся прахомъ всѣ начинанія! Но эти опасенія и сомнѣнья не могли поколебать его, не могли ослабить энергіи этого человѣка, они пробуждали только въ немъ силы на новую дѣятельность на новую борьбу съ препятствіями, на битвы съ врагами его дѣла.—А враговъ тайныхъ и явныхъ было не мало съ самаго начала его дѣятельности. Допетровская Русь выставила противъ него спѣсивую, суетвѣрную толпу тунеядцевъ и невѣждъ, которымъ такъ привольно жилось въ старину, и которые при Петрѣ уже „не въ авантажѣ обрѣгались“. Противникъ былъ—опасный если не искусствомъ, такъ массой, искренно ненавидѣвшій Петра и его дѣло, неразборчивый въ средствахъ. Петръ видѣлъ, что враги „дѣютъ ему пакости демонскія“. Не разъ грозила ему опасность. Останься врагъ побѣдителемъ, и не пощадилъ бы онъ антихриста и реформатора, его незнатныхъ друзей и всѣ „новшества“, и дѣло обновленія Россіи отсрочилось, можетъ быть, на долго. Во имя тѣхъ благъ, которыя онъ хотѣлъ ввести въ русскую жизнь, для спасенія всего новаго, посѣяннаго на русской землѣ, Петръ вступилъ въ борьбу на жизнь и смерть съ „ненавистниками его дѣла“, „раззорителями“. Наслѣдникъ престола грозилъ посадить на колъ приверженцевъ реформы, и Петръ, какъ древній Брутъ, не пожалѣвшій сына для спасенія республики, не пощадилъ и роднаго дѣтища. Правда, Петръ, увлекся борьбой; рядомъ съ врагами умирали и мучились въ застѣнкахъ люди безвредные; правда, въ пылу раздраженія онъ предавалъ поруганію даже знамена противной партіи,—большія бороды и длиннополая ферязи и облаченья; но не забудемъ и того, что онъ родился въ Московіи, въ XVII в., а предъ нашими глазами происходила кровавая, братоубійственная борьба передъ Парижемъ и въ немъ самомъ.

Такимъ образомъ принципы, провозглашенные Петромъ, нашлы прежде всего ревностнаго послѣдователя въ самомъ

проповѣдникѣ ихъ. Петръ былъ натура цѣльная во многихъ отношеніяхъ.

Такого-то рода личность явилась въ началѣ XVIII вѣка во главѣ правительства. Теперь перейдемъ къ способамъ, средствамъ и случаямъ, которыми пользовался Петръ для проведенія и распространенія въ народѣ своихъ убѣжденій и взглядовъ и для обученія его новымъ знаніямъ.

Всматриваясь въ характерныя черты этой исторической личности, нельзя не сомнѣваться въ томъ, чтобы она могла пройти безслѣдно въ умственно-нравственной жизни народа, не оставивъ никакого сильнаго впечатлѣнія въ народномъ представленіи. Много самыхъ разнообразныхъ вліяній отъ разнаго рода личностей испытывалъ народъ, смотря по характеру самихъ дѣятелей и по условіямъ, при которыхъ они дѣйствовали; но такого рѣзко-выдающагося, не похожаго на все, то, что народъ привыкъ соединять въ своемъ представленіи съ понятіемъ о царяхъ, боярахъ и всякаго рода воеводахъ и владыкахъ, явленія, какимъ былъ Петръ Великій, не случалось еще видѣть. Его внѣшность, простота въ обращеніи, его образованіе, соединенное съ практической опытностью, цѣльность натуры и несокрушимая богатырская энергія въ трудахъ и борьбѣ должны были сильно поражать народъ (не даромъ враги прозвали его антихристомъ!). Конечно, впечатлѣніе отъ этой личности было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе стояли къ Петру люди, испытывавшіе это впечатлѣніе, чѣмъ чаще привлекала ихъ вниманіе эта необыкновенная натура, и наконецъ чѣмъ свѣжѣе и воспріимчивѣе была натура самихъ близкихъ къ Петру людей, чѣмъ меньше затвердѣла она въ прадѣдовскихъ понятіяхъ и привычкахъ. Нартовы, Неплюевы, Татищевы, Макаровы, Меншиковы легче поддавались вліянію своего воспитателя, чѣмъ Долгорукіе, Ромадановскіе, Голицыны. На этихъ близкихъ къ нему ученикахъ сотрудникахъ благотворно отзывалось и важное въ воспитательномъ отношеніи отсутствіе начальническаго тона, дружеская задумчивость, установившаяся во взаимныхъ отношеніяхъ между главой и членами кружка. Съ этими людьми чаще чѣмъ съ другими, велась откровенная бесѣда, предъ ними больше и смѣлѣе, чѣмъ предъ кѣмъ нибудь, развивалъ онъ свои убѣжденія и взгляды, знакомилъ съ тайными и явными намѣреніями и планами, имъ больше другихъ передавалъ онъ свои наблюденія и знанія. Этихъ лю-

дей вполне можно назвать наперсниками, апостолами его идей. Непосредственное влияние личности Петра не ограничивалось, конечно, этимъ тѣснымъ кружкомъ; оно далеко переходило за его предѣлы. Впечатлѣнія, болѣе или менѣе сильныя, должны были оставаться всюду, гдѣ ни появлялся этотъ человекъ: „на Бѣломъ, и на Черномъ морѣ, на Финскомъ заливѣ и на Каспійскомъ морѣ; на Волгѣ и на Ворсклѣ, въ городахъ и деревняхъ, на верфяхъ, фабрикахъ, заводахъ, въ палатахъ и палаткахъ, въ крестьянскихъ избахъ. Его дѣятельность видѣли, его рѣчи слышали — и бояринъ, и крестьянинъ, и вѣнецъ, и работникъ, раскольникъ и солдатъ, а стоустая молва разносила дальше по народу рассказы о царѣ, плотникѣ, кузнецѣ и бомбардирѣ. Только чуть не все скрыты тѣ рѣчи и рассказы отъ исторіи; развѣ намекнетъ на нихъ какаянибудь пѣсня да народное преданье, да пожалуй попадутъ они въ обезображенномъ видѣ въ какойнибудь сборникъ анекдотовъ. И невольно историкъ долженъ перейти къ тому, что сохранили уцѣлѣвшіе письменные памятники: указы, регламенты, письма. Тамъ, среди груды канцелярскихъ предписаній и дѣловыхъ требованій и наставленій, Петръ мимоходомъ выскажетъ свой общій взглядъ на то или другое, а не то разразится обличеніемъ общественныхъ золъ и велитъ при этомъ распространить свой указъ въ народѣ, напечатать, прибить во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ, по городамъ и селамъ, читать служащимъ въ присутственныхъ мѣстахъ, а народу въ церкви, по нѣскольку разъ въ годъ.

Повидимому, такимъ способомъ распространяемые, письменные изложенные мысли и взгляды должны бы усвоиться значительнымъ числомъ чтецовъ и слушателей; но если припомнимъ, что требованія не всегда исполняются, какъ это и случалось съ петровскими распоряженіями о публикаціи, если представимъ себѣ низкій уровень народнаго развитія, тяжелый слогъ и языкъ петровскихъ указовъ и наконецъ массу постороннихъ вопросовъ юридическаго или полицейскаго характера, скрывающихъ одиноко закравшійся взглядъ, то придется сознаться, что тогдашніе письма и указы, за немногими исключеніями, далеко несовершенное орудіе для популяризаціи идей и не могли производить такого впечатлѣнія на слушателя, какъ живая рѣчь, подкрѣпляемая живымъ, сознательнымъ примѣромъ.

Свой основной взгляд, что общее благо должно составлять постоянную, высокую цѣль человѣческой дѣятельности, Петръ проводилъ въ разговорахъ съ окружающими людьми, въ перепискѣ и наконецъ во многихъ законодательныхъ памятникахъ, не только общихъ регламентахъ, наказахъ, но и по поводу частныхъ случаевъ. Едва ли когда нибудь среди обыденной жизни такъ часто раздавался на Руси призывъ послужить общимъ, всенароднымъ интересамъ. Открыто заявляя, что у него „всѣ старанія и намѣренія клонились къ тому, какъ бы симъ государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобы всѣ наши подданные, попеченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе“, что для счастья Россіи онъ не жалѣлъ здоровья и жизни ⁽¹⁾. Петръ убѣждаетъ сенатъ и народъ: „надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ предъ очми кладеть, какъ внутрь, такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ“... „о должности севата едино сказать,—всегда сенату имѣть о моваршеской и государственной пользѣ неусыпное попеченіе, доброе бы простирать, а все, что вредно можетъ быть, всемѣрно отвращать“ ⁽²⁾. При заведеніи новыхъ учрежденій, при какомъ нибудь новомъ предпріятіи, а и иной разъ даже по поводу обыденнаго факта, Петръ не упускаетъ случая указать на ту цѣль, которую слѣдуетъ неуклонно преслѣдовать, напомнить о существованіи другихъ интересовъ въ жизни, кромѣ личныхъ, „партикулярныхъ“, объ интересахъ государственныхъ, общественныхъ. Петръ объясняетъ, что онъ предпринимаетъ то или другое дѣло въ виду общенародной пользы. Устраивая напр. главный магистратъ, онъ указываетъ этому учрежденію на его важное общественное значеніе,— что своими заботами и усердіемъ онъ можетъ повліять на благосостояніе многихъ городовъ, на массу народа. При вновь заводимыхъ учрежденіяхъ нужно поступать „съ осмотрѣніемъ, чтобы оныя были ко общенародной пользѣ“. Петръ

⁽¹⁾ № 1910. Въ печатномъ манифестѣ о лишеніи Алексѣя Петровича престола, Петръ объявляетъ, что нельзя терпѣть такого сына, «который исповѣргъ бы славу и честь народа русскаго, для котораго я здоровье свое истратилъ, не жалѣя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и живота своего» Уст. VI, 440, № 3840 П. С. З.

⁽²⁾ П. С. З. №№ 3264, 3978, 9 п.

убѣждаетъ разузнавать, не будетъ ли отъ чего нибудь „нашимъ людямъ польза“, „смотря и описывать въ чемъ интересъ государства и вообще во всемъ „тщательно остерегать“, вездѣ и во всякихъ случаяхъ „охранять со тщаніемъ и ревностью интересъ государства“ (1), при столкновеніи интересовъ государственныхъ съ частными отдавать предпочтеніе первымъ. Изъ всего этого естественно вытекало, что „все то, что вредъ и убытокъ государству приключить можетъ, — суть преступленія“, и притомъ болѣе тяжелыя, чѣмъ частныя прегрѣшенія, а потому нужно и строже преслѣдовать „все, что во вредъ государственному интересу быть можетъ, каковаго бы оно имени ни были“:... „враговъ общенародной пользы“, „повредителей интересовъ государственныхъ“, государственныхъ татей“ и проч. (2). Чтобы провести эти взгляды въ народъ, Петръ поручалъ другимъ разъяснять ихъ. „Надобно, гласить одинъ указъ, изъяснить именно интересы государственные для вразумленія людямъ“. Дѣлая распоряженія, касающіяся размноженія льнянаго и пеньковаго промысловъ, Петръ велитъ при этомъ объявить въ народѣ, что это дѣлается „для всенародной пользы и имъ поживленія“ (3).

Петръ однако не хотѣлъ въ этомъ вопросѣ оставаться въ области общихъ взглядовъ; онъ старался въ подробности развить передъ народомъ свои понятія о томъ, что разумѣеть онъ подъ народнымъ благомъ и государственной пользой.

Для блага Россіи, по мнѣнію Петра, необходимы были, какъ и прежде было сказано, главнымъ образомъ слѣдующія условія: безопасность отъ внѣшнихъ враговъ, или иначе политическая сила, тѣсно связанная съ матеріальнымъ благосостояніемъ, возможнымъ въ свою очередь при развитіи добывающей, обрабатывающей промышленности и торговли, и наконецъ болѣе справедливыя и самостоятельно—свободныя общественныя отношенія, уваженіе къ труду и распростра-

(1) П. С. З. № 3708, XXV или гл. I. Уст. гл. Маг. № 3318, 23 п. 6. Генерал. регл. I.VI. Морск. Уставъ гл. I кв. I. и присяга. Военскій Уставъ арт. I.XIV. №№ 2503; 2915, 2994, 5 п., 3294, 4 и 46 п., 3436, 8 п., 3711, 3870, 47. Нартовъ № 101.

(2) П. С. З. 3304, 25; 2871, 3464 послѣ 11 п., 3870, 2707, 3304.

(3) П. С. З. № 2966, 3673.

неніе знаній.—Въ генеральномъ регламентѣ онъ объявилъ, что охраненіе народа отъ внѣшнихъ враговъ, и слѣд. содержаніе морскихъ и сухопутныхъ войскъ въ добромъ состояніи, коммерція, искусства и мануфактуры, горное дѣло, исправное опредѣленіе и исчисленіе приходоу, устройство юстиціи и администраціи составляютъ „государственныя нужды“, о которыхъ необходимо позаботиться и Россіи, подобно другимъ государствамъ (¹). Кромѣ того Петръ указывалъ на значеніе каждой изъ упомянутыхъ государственныхъ потребностей въ частности. Такъ онъ убѣждалъ сына въ томъ, что „оборона“ есть одно изъ необходимыхъ дѣлъ правленія, а военное дѣло—первое изъ мірскихъ дѣлъ, назначающихся для обороны отечества. „Не хочу многихъ примѣровъ писать, но точію равномѣрныхъ намъ Грековъ: не отъ сего ли пропали, что оружіе оставили и единымъ миролюбіемъ побѣждены, и, желая жить въ покоѣ, всегда уступали непріятелю, который ихъ покой въ некончаемую работу тиранамъ отдалъ?“ Благодаря войнѣ, русскій народъ добился моря и могъ вступить въ сношенія со всѣмъ свѣтомъ; при помощи военного искусства „мы отъ тьмы къ свѣту вышли, и которыхъ не знали—къ свѣту нынѣ почитаютъ“... „Хотя и мирное время, говорилъ Петръ сенату послѣ сѣверной войны, не надлежитъ (однако) ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, чтобы съ нами не такъ случилось, какъ съ монархіей греческой“ (²). Слова эти были впоследствии приведены въ печатномъ указѣ. Въ манифестѣ о призывѣ иностранцевъ Петръ доводитъ до общаго свѣдѣнія, что онъ думаетъ, заботится о разныхъ способахъ „какъ бы обезопасить предѣлы наши отъ нападенія непріятельскаго и сохранить право и преимущество нашего государства и всеобщее спокойствіе въ христіанствѣ, какъ то христіанскому монарху слѣдуетъ. Для достиженія сихъ благихъ цѣлей, мы наипаче старались о наилучшемъ учрежденіи военного штата, яко опоры нашего государства, дабы войска наша не токмо состояли изъ хорошо обученныхъ людей, но и жили въ добромъ порядкѣ и дисциплинѣ“ (³). Изъ приведенныхъ фактовъ отчасти видно, что Петръ не одобрялъ

(¹) П. С. З. № 3534.

(²) Соловьевъ XVII, 164—163. П. С. З. № 3840.

(³) П. С. З. 1910.

войны для войны, для безцѣльных завоеваній, войны изъ за пустяковъ. Еще болѣе подтверждаютъ это постоянныя заботы Петра скорѣе покончить сѣверную войну, устранить дипломатическимъ путемъ частыя попытки Турокъ вступить въ войну съ Россіей. Въ томъ же письмѣ къ сыну, гдѣ Петръ толковалъ о необходимости для государства военныхъ силъ, онъ замѣчаетъ: „а не научаю, чтобъ охочь былъ воевать безъ законныя причины“. Въ манифестѣ же о пріямѣ иностранцевъ между прочимъ тоже сказано: „мы весьма старались сохранить внутреннее спокойствіе“, а въ другомъ, касающемся малороссійскихъ дѣлъ, что, послѣ изгнанія непріятели, малороссіяне „по прежнему, при правахъ и вольностяхъ своихъ, вѣчно въ покоѣ и тишинѣ житьствовать могутъ“, что слѣдовательно война временное зло, которое потому нужно по возможности устранять; наконецъ, въ манифестѣ о войнѣ съ турками, Петръ высказываетъ свое удивленіе относительно поведенія султана, со стороны котораго „послѣ подтвержденія... постановленнаго и отъ насъ по се число непорушимо содержаннаго мира вмѣсто показательства всякаго рода пріязни произошли многія противности... къ разрушенію *святаго* покоя“⁽¹⁾. Замѣчательны въ этомъ отношеніи разговоры, которые влгаетъ Нартовъ въ уста Петра, разговоры невѣрные, можетъ быть, въ поддѣлкахъ, но за то пропикнутые одной общей мыслью,—осужденіемъ безтолковыхъ завоеваній, героевъ-завоевателей. Разговорившись разъ за столомъ объ Александрѣ Македонскомъ, Петръ сказалъ: „какой тотъ великій герой, который воюеть ради собственной только славы, а не для обороны отечества, желая быть обладателемъ вселенныя! Александръ не Юлій Цезарь. Сей былъ разумный вождь, а тотъ хотѣлъ быть великаномъ всего свѣта; послѣдователямъ его неудачный ус-

(1) Соловьевъ; XVII, 166. II. С. З. №№ 1910, 2224, 2322.

При заключеніи Головиннымъ договора при посредствѣ Флеминга, послѣдній просилъ объяснить слухи, появившіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, „будто бы его ц. в. нѣкоторое намѣреніе шѣсть на восточное царство, такожъ и въ томъ стараться, дабы Рѣчь—Полсполитую совѣсімъ разорить и разлучить“. Головинъ отвѣтилъ, „его ц. в. свято засвидѣтельствовалъ и обнадѣживаетъ чрезъ сіе пакы, что оный ни на то, ни на другое изъ предъявленныхъ намѣреній ни малый рефлексъ не сочиняеть и впродъ сочинять не будетъ“ № 2363.

лѣхъ“. Когда Карлъ на предложеніе со стороны русскихъ о мирѣ хвастливо отвѣтилъ, что предпишетъ его въ Москвѣ, Петръ пронически замѣтилъ: „Карлъ все мечтаетъ быть Александромъ“. Услыхавъ потомъ о полученной Карломъ ранѣ онъ съ сожалѣніемъ отозвался о его безцѣльно героическомъ подвигѣ: „Карлъ, проливъ много крови человѣческой, льетъ нынѣ собственную свою кровь для одной мечты быть властелиномъ чужихъ царствъ!“ Разсуждая съ министрами о мирѣ съ Швеціей, Петръ ясно высказалъ имъ мысль, что онъ дорожитъ спокойствіемъ страны: „я въ миру всегда былъ склоненъ; но того непріятель слышать не хотѣлъ“ (1).

Но указывая на необходимость спокойствія для страны, Петръ не говорилъ эгимъ, чтобы народъ отдался безмятежному мертвящему покою:—миръ нуженъ для развитія явныхъ и пробужденія скрытно дремлющихъ силъ народа, отвлеченныхъ внѣшней борьбой. Петръ заявилъ, что онъ ждалъ только того, какъ бы управиться, что вовсе не желалъ пренебречь „земнаго справедливаго правленія“, но „трудится и сіе въ такой же добрый порядокъ привести, какъ и воинское дѣло“. До Петра у насъ мало обращали вниманія на то, что благо народа и государства тѣсно связано съ экономическимъ развитіемъ страны. Петръ шагнулъ дальше нашего прошлаго по этому пути, но не дальше своего вѣка вообще. Согласно съ понятіями, господствовавшими въ умахъ современныхъ ему государственныхъ людей Европы, Петръ началъ проводить взгляды о необходимости развитія торговли, мануфактуръ (понимая подъ послѣдними не только фабричную и заводную промышленность, но и ремесла) и наконецъ добывающей промышленности. Манифестъ 1702 года заявилъ, что правительство признало необходимымъ для того чтобы народъ приходилъ „въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе“, —заботиться между прочимъ „всячески улучшить и распространить торговлю. Для сей цѣли мы побуждены были въ самомъ правленіи учинить нѣкоторыя нужныя и ко благу земли нашей служащія перемѣны, дабы наши подданные могли тѣмъ болѣе и удобнѣе научиться по вынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ и тѣмъ искуснѣе становиться во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ. Чего ради мы всѣ наипаче въ споспѣшествованію торговли съ иноземцамъ необходимыя при-

(1) Нартовъ №№ 99, 116, 120, 92.

казанія, распоряженія и учрежденія всемилостивѣйше учинили и впредь чинить намѣрены“. Учреждая коммерцъ-коллегію, Петръ высказалъ въ уставѣ ея общія обязанности: „надлежитъ все, что купечество (торговлю) споспѣшествовать и въ доброе состояніе привести можетъ, не только въ довольномъ смотрѣніи имѣть, но и трудиться, чтобъ такое сокровище утрачено не было“ (1). Вопросъ о русской торговлѣ былъ, конечно, не разъ предметомъ бесѣдъ съ сотрудниками. Такъ кн. Черкасскій предлагалъ: „послать посла до шаха персидскаго отъ лица вашего (т. е. Петра) для интересовъ государственннхъ, какъ я отъ вашего в. слышалъ, что желаете расширить купечество“. „Такъ какъ богатство каждаго города, говорится въ уставѣ главнаго магистрата, отъ корабельнаго морскаго хода, такожь отъ свободнаго и безобиднаго во всемъ вездѣ купечества и искуснаго руководѣля собственную свою имѣть силу и умножительное дѣйство“, то нужно заботиться проводить, по возможности, все это, полезное для всего государства, въ лучшее состояніе (2). При заведеніи новыхъ фабрикъ, заводовъ Петръ иной разъ указывалъ на побужденія, которыми онъ при этомъ руководился: „мы прилежное стараніе всегда имѣемъ о распространеніи въ государствахъ нашихъ и пользы общаго блага и пожитку подданныхъ нашихъ, купечества и всякихъ художниковъ и руководѣлій, которыми всѣ прочія благоустроенныя государства и процвѣтаютъ и богатятся“; потому то и разрѣшается „дѣлать и размножать нѣкоторые руководѣльныхъ художествъ заводы“ (3). Заботы о другихъ важныхъ отрасляхъ государственнаго хозяйства, о скотоводствѣ, земледѣліи и рыболовствѣ, Петръ призналъ пужнымъ возложить на особое учрежденіе: коммерцъ-коллегію. На важное значеніе горнаго дѣла указываетъ народу указъ объ учрежденіи бергъ-коллегіи: „мы усмотрѣли, что отъ рудоппныхъ заводовъ и прилежнаго устроенія оныхъ земля обогатѣетъ и процвѣтаетъ; также пустыя и бесплодныя мѣста многолюдствомъ населятся, яко же и искусство въ различнымъ земляхъ довольно покажетъ. Наше Россійское государство предъ многими землями преизобилуетъ, и потребными металлами и минералами благословенно есть, которыя до

(1) П. С. З. №№ 1910 и 3318.

(2) П. С. З. №№ 2815 и 3708, XI, 2, 3089 и 3180.

ныѣшняго времени безъ всекаго прилежанія исканы; паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежитъ, тако что многая польза и прибытокъ, который бы намъ и подданнымъ нашимъ изъ онаго произойти могъ, пренебреженъ*. Кромѣ того Петръ высказывалъ мысль о необходимости развитія экономической жизни государства по поводу и другихъ болѣе частныхъ случаевъ⁽¹⁾.

Не покидали его заботы о народномъ благостоянїи и при устройствѣ финансовъ. Поставляя въ обязанность и сенату и воеводамъ „непрестанно смотрѣть“, изыскивать новые источники для государственныхъ доходовъ, онъ постоянно напоминалъ при этомъ, чтобы сборы не были обременительны для народа⁽²⁾. Мало этого. Издаются и публикуются особые указы, гдѣ царь вооружается противъ жестокихъ способовъ собиранія государственныхъ доходовъ, „правежей“ и разныхъ несправедливостей, возникающихъ при этомъ, слухи о которыхъ доходили до правительства. Петръ признавалъ даже необходимымъ уравнять государственныхъ повинности между разными классами общества; считая несправедливымъ возлагать всѣ тягости на простой народъ. Сдѣлалось извѣстнымъ, что „возрастаютъ на тягость всенародную и умножаются для лукавыхъ приобрѣтений и похищеній государственныхъ интересовъ великія неправды и грабительства, и тѣмъ многіе всякихъ чиновъ люди, а наипаче крестьяне, приходятъ въ разореніе и бѣдность“,—и Петръ всенародно объявляетъ, что ревностное желаніе его—„искоренить неправды бѣдственныя всенародныя тягости и похищенія лукавыя государственныхъ казны“⁽³⁾ во всякаго города государственныхъ сборахъ и повинностяхъ. Или вотъ на что Петръ указываетъ сенату: „какъ я слышу по постороннимъ вѣдомостямъ, въ губерніяхъ песоные правежи чинятся, въ чемъ мнѣ за такою дальностью, а въ своемъ государствѣ будучи, за сею тяжкою войною усмотрѣть не возможно, отъ чего не точію разореніе государству, но отъ Бога не безъ гнѣва, что я на совѣсти своей не могъ оставить вамъ сіе писать,

⁽¹⁾ П. С. З. №№ 3466, 3464; 3590, 3711, 3774, 3472.

⁽²⁾ П. С. З. №№ 1822, 42 п., 2097, 10 п. 2135, 14—16 пп. 2328, 2330, 3 п., 2469 1, 10 п. 2707.

⁽³⁾ № 2707.

дабы въ томъ гораздо смотрѣли, понеже онаго дѣла не имѣете“... „Что же надлежитъ до сборовъ денежныхъ, въ томъ наипаче смотрѣть надобно, ибо и безъ великаго отягченія людямъ денегъ сыскать можно, ибо въ семь не малую оплошность имѣете“. Оплошность эта заключалась между прочимъ и въ опущеніяхъ при сборѣ пошлинъ въ Архангельскѣ. Петръ предлагаетъ въ случаѣ нужды наложить пошлину и на промыслы, также „поголовщину по городамъ, какъ то въ всемъ свѣтѣ ведется (кромѣ деревень) и иные сему подобныя, отъ чего разоренія государству не будетъ“⁽¹⁾. Въ инструкціи земско-го комиссару Петръ выражаетъ свое неудовольствіе на то, что многіе избѣгаютъ совсѣмъ или отчасти общественныхъ повинностей, и что у него есть намѣреніе уравнивать и сдѣлать сносными подати:—новый регламентъ опредѣлитъ „о податяхъ, какъ бы оныя сносны и въ равенствѣ были“. Замѣчательны слова, высказанныя въ регламентѣ камеръ-коллегіи: „никакого государства въ свѣтѣ нѣтъ, которое бы наложенную тягость снести не могло, ежели правда, равенство и по достоинству въ податяхъ и расходахъ осмотрѣно будетъ“. На это слѣдуетъ камеръ-коллегіи обратить особенное вниманіе и хорошенько пообдумать этотъ вопросъ. Наконецъ онъ требовалъ отъ сената бережливаго обращенія съ государственной казною: „смотрѣть во всемъ государствѣ расходы, и ненужныя, а особливо напрасныя оставить“⁽²⁾.

Выѣстъ съ указаніями на необходимость улучшенія экономическаго положенія народа, встрѣчаемъ довольно настойчивыя попытки ввести болѣе справедливости и свободы въ судебную и административную области. Служеніе лицу, а не дѣлу, безсиліе слабого, произволь сильнаго, взяточничество—эти язвы развѣдающія русскую жизнь, подкапывающіяся подъ благосостояніе народа, не ушли отъ зоркаго глаза Петра. Нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ, гласитъ извѣстный указъ, выставленный въ присутственныхъ мѣстахъ, таковаго пренебреженія къ законамъ, нигдѣ не играютъ въ законы точно въ карты, прибирая масть къ масти, какъ у насъ были и отчасти и еще есть, „и зѣло тшцатся всякія мины чи-

⁽¹⁾ П. С. З. № 3080.

⁽²⁾ 3295, 4 а также главному магистрату 3708, XII, 3466, 9 п.; 2330, 2.

нить подъ фортецію правды“; на глазахъ въ помѣстномъ приказѣ подтасовываютъ указы, чтобъ „удобнѣе въ мутной водѣ ловить рыбу“ (1). Петръ уважалъ правдивость въ окружающихъ лицахъ (2), и постоянно заботился установить справедливость въ судахъ. Прежде всего всѣ безъ исключенія должны быть равны передъ закономъ,—мысль, не успѣвшая и до сихъ поръ уложиться въ умы, а тогда казавшаяся многимъ опаснымъ нововведеніемъ. Магницкій, довольно образованный человѣкъ для своего времени, возмущался очными ставками, назначенными Тверитинову съ его обвинителями: „я удивляюсь сему вашему суду, замѣтилъ онъ въ сенатѣ, что свидѣтели люди безпорочные и въ томъ числѣ многіе именитые царедворцы и пречестные именитые архимандриты, съ такими ворами-еретиками на одной доскѣ должны стоять“ (3). Петръ говорилъ: „судите, не смотря на лице“, „ни на какія персоны“, „какого бѣ званія и важности не были“. Послѣ казни Гагарина, Петръ говорилъ своимъ сотрудникамъ, что скорое и доброе правосудіе нужно оказывать всѣмъ одинаково и наказывать зло „въ лицахъ знатныхъ также, какъ и въ послѣднемъ крестьянинѣ“. „Правда, говорится въ воинскомъ уставѣ, нѣкоторыя права за насиліе надъ явною блудницею не жестоко наказать повелѣваютъ, однакожь сіе все едино; ибо насиліе есть насиліе, хотя надъ блудницею или честною женою“, надлежитъ *судьбу не на особу, но на оубо и обстоятельство смотрѣть*“, безпристрастно взвѣшивать на вѣсахъ неподкупной Фемиды. Не мало трудовъ, говорить другой указъ, положилъ государь, жалѣя подданныхъ, на заведеніе новыхъ учрежденій для того, чтобъ „каждому по ихъ дѣламъ во всемъ судѣ былъ праведный и без-

(1) П. С. З. № 3970.

(2) Чернышевъ училъ Неплюева говорить Петру правду; «говори правду и ничего не солги, хотя бы что и худо было, онъ-де больше рассердится, буде что солжешь». Дѣйствительно, разъ, опоздавъ на работы, Н. не рѣшился бѣжать и притвориться больнымъ. Петръ, бывшій уже на работѣ встрѣтилъ его словами: «я уже мой другъ, здѣсь». — «Виновать,—засидѣлся въ гостяхъ вчера». Петръ, взявъ его за плечо, пожалъ: «спасибо, милый, что говоришь правду, Богъ проститъ!». От. Зап. 1825, XXI. 441. 436.

(3) Русскій Вѣстникъ 1871 г. 6, 437.

продолжительный“, „всѣмъ повсюду равный безъ ненавистнаго лицемѣрія и противныя истинѣ проклятыя корысти“⁽¹⁾.

Въ администраціи Петръ также замѣтилъ господство произвола. Онъ упоминаетъ о прежнихъ „воеводскихъ тягостяхъ“, о самоуправствѣ завѣдывавшихъ приказами. Лучшее средство для устраниенія этихъ золъ онъ видитъ въ примѣненіи выборнаго начала и коллегіальнаго управленія, желаетъ приучить народъ къ самоуправленію и слѣд. къ большей самостоятельности, свободѣ дѣйствій. Взгляды на этотъ вопросъ высказывались Петромъ по разнымъ случаямъ: то обращаясь къ брянскимъ бурмистрамъ, „выборнымъ людямъ“, указываетъ имъ, какое новое пріобрѣтеніе они сдѣлали: „нынѣ вы учинены свободны отъ прежнихъ воеводскихъ тягостей“, то сравнивая между собою приказы и коллегіи, представляетъ на видъ преимущества послѣднихъ, что „ихъ президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старыя судьи дѣлали, что хотѣли; въ коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ совзволѣнія товарищевъ своихъ ничего учинить“⁽²⁾. При заведеніи ландратовъ при губернаторахъ Петръ прибавилъ: „и губернаторъ у нихъ не яко *властитель*, но яко президентъ“, и безъ нихъ не долженъ дѣлать никакого дѣла. Преимущества коллегіальнаго управленія предъ единоличнымъ особенно постарались разъяснить въ духовномъ регламентѣ. Петръ старался приучить къ тому, какъ вести дѣла въ этихъ новыхъ для русскихъ учрежденіяхъ, наблюдать напр. за порядкомъ въ преніяхъ „какъ честнымъ людямъ надлежитъ, а не какъ бабамъ торговкамъ“⁽³⁾. Вы-

⁽¹⁾ П. С. З. №№ 3006, L; 2331, З. 3951, 5. 167 артикул. 2330, 1819, (о печати Ѳемидовой въ ратушѣ), 3900, 2822. Въ борьбѣ противъ неправды въ судахъ Петръ до того, что сталъ признавать зломъ всякую снисходительность въ судѣ, называя ее „похлѣбствомъ“, когда „многіе не только за худое дѣло но и за добродѣтель вмѣняють, ставя въ милосердіе, еже виновныхъ легко судить или по случаю иныхъ и весьма свободныхъ отъ суда имѣть, дабы тѣмъ отъ людей любовь получать. Но таковой хранишу себѣ на песокъ создаетъ безъ твердаго основанія и всегда готова къ паденію. Понеже ничто такъ людей ко злу не приводитъ, какъ слабая команда. П. С. З. № 3006, X а также VI т. 6 стр. относительно духовныхъ 3780.

⁽²⁾ П. С. З. №№ 1819, 3261, 4010.

⁽³⁾ П. С. З. №№ 2673, 12 п. VI т. 314 стр. 3231. Берхгольцъ передаетъ слухъ, что Петръ хотѣлъ устранишь сенаторовъ отъ должностей

борное начало, какъ извѣстно, вводилось при Петрѣ не только въ городское управленіе, но даже въ армію; разрѣшено было самимъ прихожанамъ выбирать себѣ священниковъ, только руководились бы при этомъ достоинствомъ человѣка (1).

Всѣ эти судейскія неправды и воеводскія тягости, конечно, совершались главнымъ образомъ изъ-за корыстныхъ цѣлей, въ надеждѣ получить взятку, посулъ. Эта жажда важивы, заявлявшая себя, какъ видѣли, и при разнаго рода государственныхъ сборахъ, была общимъ, повсюду распространеннымъ зломъ русской жизни. И противъ него, противъ „блудней“, „гагариновыхъ правилъ“, „сребролюбія“, въ чемъ бы они не проявлялись, Петръ боролся и словомъ и дѣломъ, обличеніемъ и осмѣяніемъ: „понеже корень всему злу есть сребролюбіе, гласятъ воинскій и морской уставы, того для всякъ командующій аншефъ долженъ блюсти себя отъ лихоимства, и не тоцію блюсти, но и другихъ отъ онаго жестоко унимать и довольствоваться опредѣленнымъ, ибо многіе интересы государственные чрезъ сіе зло потеряны бывають. Ибо такой командиръ, который лихоимство великое имѣеть, не много лучше измѣнника почтенъ быть можетъ, понеже онаго непріятель (хотя онъ и вѣренъ) постороннимъ образомъ подарить и съ прямого пути свести легко можетъ. Того ради всякому командиру надлежитъ сіе непрестанно въ памяти имѣть, отъ онаго блюстися, ибо можетъ таковымъ богатствомъ легко смерть или безчестное житіе купить“ (2). Отправляя воеводу въ Нерчинскъ, онъ наказываетъ ему „чтобы онъ смотрѣлъ за тѣмъ, чтобъ всякаго чина людямъ „ни отъ кого, ни въ чѣмъ никакого раззоренія и тѣсноты, и продажъ, и налогъ никакихъ не было“, „а за кѣмъ явятся какія блудни и воровства или кражи и тѣхъ обличать при многихъ лучшихъ людяхъ гораздо, безъ всякой пощады смирать, чтобъ на то смотря иные ихъ брагья его воеводы боялись, а какъ онъ воевода къ тѣмъ не подобнымъ дѣламъ самъ не приличится и во образъ встѣмъ себя чиста и вепорочна удержитъ, тогда на него смотря и прочіе всѣ учнутъ опасаться во всякія прежде бывшія различ-

предшествовавшихъ коллегій такъ свидѣшіе съ ними власяи по ихъ дукѣ, а отсюда рождалось много интригъ и несправедливостей. Берх. II, 48.

(1) П. С. З. №№ 3708, XIV 3911 и др.

(2) П. С. З. № 3006 и VI т. 6 стр.

няя злости, кражи, клеветы, обиды вступать“ (1). Особенно грозенъ былъ указъ 1714 года, который велѣно было повсюду разослать, чтобы всѣ находящіеся у дѣлъ и тѣхъ, которые впослѣдствіи будутъ назначены, прочитавъ, приложили къ нему руки; для народа велѣно было вездѣ прибить печатные листы. Вотъ отрывки изъ него: „понеже многія лихоимства умножились, о чемъ многіе, якобы оправдая себя, говорятъ, что сіе неказано было, не разсуждая того, что все то, что вредъ и убытокъ государству приключить можетъ, суть преступленія. И дабы впредь плугамъ (которые ни во что иное тцатся, точію мины подъ всякое добро дѣлать, и несытость свою исполнять) невозможно было никакой отговорки сыскать: того ради запрещается всѣмъ чинамъ, которые у дѣлъ приставлены великихъ и малыхъ, духовныхъ, военныхъ, гражданскихъ, политическихъ, купецкихъ, художественныхъ и прочихъ, какое званіе оныя ни имѣютъ, дабы не дерзали никакихъ посуловъ казенныхъ и съ народа собираемыхъ денегъ брать, торгомъ, подрядамъ и прочими вымыслами, какого бѣ званія оныя и манера ни были, ни своимъ, ни постороннимъ лицомъ, кромѣ жалованья“... „А кто дерзаетъ сіе учинить, тотъ весьма жестоко на тѣлѣ наказанъ будетъ, всего имѣнія лишентъ, шельмованъ, и изъ числа добрыхъ людей изверженъ, или и смертью казненъ будетъ“... „Тоже слѣдовать будетъ и знавшимъ про это подвластнымъ людямъ и служителямъ, не смотря на оправданія, что страха ради сильныхъ лицъ, или что его служитель“. Желая опозорить въ общественномъ мнѣніи, во мнѣніи народа, не только взяточниковъ, но и тѣхъ, которые давали взятки, Петръ велѣлъ прибить во время казни Монса около эшафата списки лицъ, дававшихъ взятки казенному преступнику, не пощадивъ при этомъ именъ князей Доглорукскихъ, Голицыныхъ, Черкасскихъ, графа Головина, и даже царевны Прасковьи Ивановны (2).

Великими средствами для устраненія разныхъ золъ русской жизни, Петръ, не безъ основанія, почиталъ знаніе и трудъ. Онъ при всякомъ удобномъ случаѣ указывалъ то на недостаточность ихъ въ древней Россіи и окружающемъ его обществѣ, то на неуваженіе къ нимъ и даже презрѣніе, на

(1) П. С. З. № 3622, 61 п. а также и другіе указы № 2135. 4 и 12 пп. № 3488 (ковецъ).

(2) П. С. З. № 3871. Семейство Монсовъ Семеваго, 158.

вредныя послѣдствія всего этого, на значеніе ихъ въ народ-
ной жизни. Такъ онъ объяснялъ малое развитіе до него
горнаго дѣла тѣмъ, что „наши подданные рудовѣнныя дѣ-
ла и какъ съ онаго въ пользу государственную произве-
сти не разумѣли“; такъ, онъ приписывалъ неудачи чигирин-
скаго и крымскихъ походовъ малому знакомству русскаго
войска съ военнымъ искусствомъ, а бывшія потомъ пораженія
отъ регулярныхъ шведскихъ войскъ также нашему не-
искусству; такъ, онъ объявилъ народу, что только благодаря
невѣжеству и глупости нѣкоторые не умѣютъ пользоваться,
даже порочать такой неоцѣненный даръ природы, какъ мар-
циальныя воды въ Олонцѣ; такъ, заявлялось имъ, что отъ
невѣденія иноземныхъ торговыхъ трактатовъ русскіе купцы
могутъ впасть въ убытокъ⁽¹⁾ и проч. Петръ любилъ, говорятъ,
высказать мысли въ средѣ окружающихъ людей о пользѣ
знаній⁽²⁾ и проводилъ ихъ нерѣдко въ среду народа въ своихъ
указахъ; напр. въ духовномъ регламентѣ, гдѣ часто попада-
ются нападки на невѣжество, встрѣчаемъ и такое общее
положеніе: „ученіе доброе и основательное есть всякой пользы,
какъ отечества, такъ и церкви, аки корень и стѣмя и осно-
ваніе“, или „народъ свой во многихъ воинскихъ и граждан-
скихъ наукахъ къ пользѣ государственной и славы обучилъ“.
Наконецъ „академіи, школы дѣло есть зѣло нужное для обу-
ченія народнаго“⁽³⁾ и т. п. Едва ли не больше дѣйствовала на
окружающихъ Петра лицъ и на народъ личная дѣятельность
реформатора и умственная работа, вивѣвшая въ его кружкѣ:
уже одни новыя, странныя для многихъ явленія, свѣтскія
книжки, карты, газеты, указы и манифесты, знакомящіе съ
внѣшней и внутренней политикой правительства, а то прямо
требовавшіе занятій разнаго рода науками или „опыта“, испы-
тыванья, провѣдыванья, испробованья, изобрѣтенія, „инвен-
цій“, вымысленія новыхъ машинъ, словомъ знанія и зна-
нія⁽⁴⁾,—все это должно было поражать вниманіе тогдашняго
общества, заставляло задуматься надъ этимъ, поближе у-
знать, что это такое наука, чему учить тамъ и самъ разнаго

⁽¹⁾ П. С. З. №№ 3464, 3006 (начало). Соловьевъ; XVII, 166.
№№ 3579, 3388, 3977, 3318, 27.

⁽²⁾ Корбъ 242, Вестеръ. Записки въ Р. Архивъ 1074 стр. изъ 1872 г.

⁽³⁾ П. С. З. VI т. 331. Устряловъ; VI, 443, № 3708. X т.

⁽⁴⁾ 3668, 2, 7. 3811, 3937, XII, 29, XX, 21. 4129 и др.

рода школьничковъ. Это были первые переходные шаги русскаго общества отъ полнаго невѣжества къ знакомству, правда поверхностному, съ наукой.— вмѣстѣ съ знаніемъ Петръ стремился поднять въ глазахъ общества трудъ, какого-бы рода онъ ни былъ, трудъ ли чернорабочаго или ремесленника, торговаго, служилаго человѣка, ученаго, приучить словомъ и примѣромъ окружающихъ его къ работѣ. Употреблялись даже старанья сдѣлать трудъ обязательнымъ для всѣхъ. Въ русскомъ дворянствѣ уворенился взглядъ, что самымъ приличнымъ занятіемъ должно быть хожденіе на войну, сидѣнье по воеводствамъ и по приказамъ и особенно служба при дворѣ. Устраивая майоратство, Петръ заявляетъ, что желающимъ изъ вѣдетовъ дворянскихъ фамилій перейти въ чинъ купеческій или какое знатное художество, или въ бѣлые священники не слѣдуетъ ставить это въ безчестье. Лишившись помѣстій, они принуждены будутъ добывать себѣ кусокъ хлѣба службой, ученіемъ, торгами и прочимъ, а „все то, что они сдѣлаютъ вновь для своего пропитанія государственная польза есть“⁽¹⁾. Чтобы показать бѣлоручкамъ-боирамъ,—что нечего стыдиться чернорабочаго физическаго труда и питать презрѣніе къ занимающимся такимъ трудомъ, представитель Романовыхъ, царской крови, выковыываетъ осьмнадцать пудовъ желѣза, покупаетъ на заработанныхъ осьмнадцать алтынъ башмаки, носить и показываетъ многимъ, рассказывая, что выработалъ онъ ихъ самъ своими руками⁽²⁾. Владѣтели помѣстій и вотчинъ обязаны нести за нихъ службу государству. Съ замѣчательной смѣлостью стали дѣлаться, какъ увидимъ, при Петрѣ нападенія на тунеядство монашества и духовенства. Не постарому отнесся Петръ и къ тому праздному люду, которому такъ тепло и уютно жилось въ старину, къ здоровымъ нищимъ и гулякамъ, „которые, не хотя трудиться о своемъ пропитаніи, даромъ хлѣбъ ѣдятъ, которые шатаются безъ службъ, в отъ которыхъ такимъ образомъ нельзя ждать государственной пользы. „Нищимъ по улицамъ..., говорить одинъ указъ... милостыни не просить, и никому не давать, и по улицамъ имъ не шататься, понеже въ таковыхъ многіе за дѣлностями и молодые, которые не употребляютъ въ работы и въ наймы, милостыни просить,

(1) П. С. З. № 2789, 15, 3891.

(2) Нартовъ. № 81.

отъ которыхъ ничего добраго, кромѣ воровства помазать не можно... а кто пожелаетъ милостыню давать, и имъ давать въ госпитали и въ другія таковыя подобныя мѣста". Магистратамъ, коммерцъ-коллегіи, помѣщикамъ, старостамъ крестьянскимъ и сотскимъ поручено выводить лѣннцевъ и нищихъ, посылать ихъ на работу, принуждать къ трудамъ и честному промыслу⁽¹⁾. Но особенно рѣзко напалъ на туземцевъ духовный регламентъ: „многіе бездѣльники при совершенномъ здравіи за лѣнность свою пускаются на прошеніе милостыни, и по міру ходятъ безстыдно, и иные же въ богадѣльни вселяются посулами у старость, что есть богопротивное и всему отечеству вредное". Что лѣнныя попрошайки и подавщіе имъ милостыню противны Богу, грѣшатъ, доказывалось тѣмъ, что Богъ повелѣваетъ въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ, а праздному человѣку совсѣмъ запрещаетъ ѣсть. „Отечеству... великій вредъ дѣется, отъ сего бо во первыхъ скудость, и дорогъ бываетъ хлѣбъ. Разсуди всякъ благоумный, сколько тысячъ въ Россіи обрѣтается лѣнныхъ таковыхъ попрошавовъ, толико-жъ тысячъ не дѣлають хлѣба, и потому нѣтъ у нихъ приходу хлѣбнаго: а обаче нахальствомъ и смиреніемъ чуждые труды посядаютъ, и потому великій хлѣба расходъ вотще. Хватать бо таковыхъ всюду, и къ дѣламъ общимъ приставлять. Да отъ тѣхъ же прошавовъ дѣется убогимъ истиннымъ великая обида.... Суть же и таковыя, что и дневной пищи лишася, просятъ стыдятся. Аще кто истинную имѣетъ утробу милосердія, сія разсудивъ, не можетъ не желаетъ отъ сердца, чтобъ было таковому безчинію доброе исправленіе.—Сверхъ того еще лѣнныя оныя нахальники сочиняють нѣкая безумная и душевредная пѣнія, и оная съ притворнымъ стenanіемъ предъ народомъ поютъ, и простыхъ невѣжъ еще вѣщше обезумливаютъ, пріемля за то награжденіе себѣ. И кто вкратцѣ исчислить вреды отъ таковыхъ бездѣльниковъ дѣемья.... Во истину нѣтъ беззаконнѣйшаго чана людей!"⁽²⁾. Работникамъ-бѣднякамъ обѣщана поддержка черезъ коммерцъ-коллегію: „а которые работать могутъ, онымъ способъ и свобода въ тому подана была, и чтобъ таковымъ немущимъ пропитанія людямъ путь показанъ былъ въ купечеству или

(1) П. С. З. №№ 3676, 3708, X, XX гл., 3318, 20. 4035, 4047, 31.

(2) П. С. З. 3 часть, Дух. регламента § 12.

руководяію, смотря по каждаго лѣтамъ, мочи, натурѣ и удобствамъ" (1). Наконецъ въ письмахъ Петра къ согражданамъ на каждомъ шагу встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „надобно зѣло трудиться...“ „всевозможно трудиться“, „порешовать и склоняться въ добру и трудолюбію...“, „отъ всей крѣпости своей туды приложить“, „приложить туды къ тудамъ“, „паки напоминаемъ, дабы вы тудились“, „хотя я и вѣдаю ваше радѣніе, не вѣна напоминать про тудъ“, „мы всѣмъ сердцемъ рады вашу милость и работу вашу видѣть и васъ за туды благодарить“ (2). Новымъ сенаторамъ приходилось напоминать, чтобы они смотрѣли по серьезнѣ на свое дѣло: на засѣданіяхъ не занимались бы бѣздѣльными разговорами и шутками. Но не однѣ приведенныя прѣсбы показываютъ, что и въ перепискѣ Петръ являлся поклонникомъ туды; самое содержаніе ея преимущественно дѣловое, серьезное; шутки, личные нужды стояли на второмъ планѣ, а на первомъ—дѣла и дѣла самаго разнообразнаго свойства.

Что Петръ ставилъ высоко тудъ вообще и въ частности однѣ изъ видовъ его,—службу обществу, государству, на это указываетъ та мысль, которую онъ съ настойчивостью проводилъ въ своей перепискѣ, указавъ, въ особенности въ известномъ „табелѣ о рангахъ“, и которой придерживался въ отношеніи къ окружающимъ. Человѣкъ тудящійся, а тѣмъ болѣе оказавшій уже своею дѣятельностью услуги странѣ, имѣетъ всегда полное право на пользованье благами жизни, на уваженіе другихъ; тудъ вмѣстѣ съ знаніемъ и честностью указываютъ положеніе въ обществѣ, а по окончаніи дѣятельности даютъ право труженнику быть обеспеченнымъ на общественныя средства. Такъ напр. въ инструкціи Трубецкому Петръ замѣчаетъ, чтобы онъ, приводя въ порядокъ кавалерію, имѣлъ тудъ наусыпный, чтобы „надлежащее за приложеніе къ тому туды благополучіе слѣдовать могло“. Вамъ нужно тудиться изо всѣхъ силъ, пишетъ царь къ Матвѣеву, „и повеже сіе дѣло великое вручено вамъ, то не мазаго и воздаянія уповати можете, ежели оное съ помощію Божіею управите“. Губернаторамъ и воеводамъ поставлялось въ обя-

(1) 3318, 20.

(2) Гол. II, 309, 4 стр. IV, 2 ч. 54 и 40. № 2391 и др.

(*) II. С. З. № 3978.

ванность смотрѣть за посланными въ учителя арифметическихъ школъ, чтобы „безъ дѣла даромъ жалованья не получали“; кригсъ-коммисариату—чтобы „никто безъ труда изъ платы своей не имѣлъ, и убытокъ казнѣ его ц. в. не чинилъ“.
„Пусть инженеры, требуетъ воинскій уставъ, получаютъ жалованье по заслугамъ“⁽¹⁾. Замѣчательныя мысли, высказанныя Петромъ въ табелѣ о рангахъ, что одна изъ цѣлей законодателя, — „охоту подать въ службѣ“, и онымъ, т. е. заслуженнымъ, честь а не нахаламъ и туеядцамъ“ оказывать; никому даже изъ дѣтей знатнѣйшихъ аристократовъ, говорится въ этомъ указѣ, „никакого ранга не позволяетъ, пока они намъ и отчеству никакихъ услугъ не покажутъ, и за оныя характера не получаютъ“. Труды, заслуги и образованіе постепенно возводятъ служащихъ, „хотя бы и низкой породы они были“ на высшія и высшія ступени общественнаго положенія, даютъ преимущества, которыми до сихъ поръ пользовалось только привилегированное сословіе, дворянство⁽²⁾. Это распространялось и на членовъ магистрата, „если кто изъ нихъ въ ввѣренной ему службѣ покажетъ тщательное раченіе и во все время содержитъ себя честно“. Вообще особеннопользные услуги и особливые опыты ревности всегда не остаются безъ вниманія, общалъ Петръ плѣннымъ шведамъ, желавшимъ поступить на рускую службу⁽³⁾. Наконецъ Петръ считаетъ большой ошибкой оставлять человека, истощившаго свои силы на служеніе странѣ въ безпомощномъ состояніи. Оставленныхъ за ранами или за старостью офицеровъ, гласитъ указъ сенату, „велите употреблять въ гарнизоны или въ другимъ какимъ дѣламъ по губерніямъ въ ландраты, или кто къ какому дѣлу будетъ способенъ, а особливо бѣдныхъ, которые мало имѣютъ за собою крестьянъ и которые ничего не имѣютъ, ибо не безъ грѣха есть въ томъ, что такіе, которые много служили, тѣ забыты и свитаются, а которые нигдѣ не служили туеядце, тѣ многіе по прихотямъ губернаторскимъ въ губерніяхъ взысканы чинами и получаютъ жалованье довольное; а которые хотя и къ дѣламъ не годят-

⁽¹⁾ Н. С. З. № 3404, Гол. II, 309. № 3695, 2456, 7. Реглам. адмир. XX, 27.

⁽²⁾ Н. С. З. №№ 3890, 3, 8, 11, 14, 16. 3703, 3006, X и XII, 3973, 3937, XII, 40, 1, 110. 3870, 3. 6. Гол. IV, 42.

⁽³⁾ 3708, XIV, 3778, 6.

ся за дряхлостью или за увѣчьями, тѣмъ давать нѣкоторое жалованье по разсмотрѣнiю, для ихъ пропитанiя по ихъ смерть... (1). Нартовъ слышалъ слова, высказанныя между прочимъ Петромъ при назначенiи пенсiи одному заслуженному полковнику, вышедшему въ отставку: „ужели за пролитую кровь и раны для отечества при старости и дряхлости съ голоду умереть?... Вътъ я для такихъ не скупъ“ (2).

Проповѣдуя такимъ образомъ уваженiе въ справедливости, труду и знанiю, Петръ училъ цѣнить людей за ихъ достоинства: храбрость, а главное честность, трудолюбіе, опытность и образованіе, устрояя значеніе кровнаго происхожденiя. Тѣмъ самымъ онъ возвышалъ, конечно, личность человѣка, развивалъ въ ней сознаніе человѣческаго достоинства, вѣру въ собственные силы, самостоятельное-независимое отношеніе въ жизни, — словомъ вводилъ тѣ начала, которыя и составляютъ необходимое условіе прогрессивнаго развитiя общества.

Такіе-то взгляды проводилъ Петръ въ среду своихъ учениковъ и народа на государство, на необходимость развитiя разныхъ сторонъ государственной жизни, на необходимость служенiя общественнымъ интересамъ, и на необходимость установленiя въ общественной жизни на прочныхъ основанiяхъ справедливости, знанiя и труда.

Выдвигая на первый планъ государство, страну, Петръ тѣмъ самымъ долженъ былъ поставить личность государя рядомъ съ государствомъ или даже отодвинуть ее на второй планъ. Раньше была двойственность во взглядахъ Петра на государя, отразившаяся и на его дѣятельности; остается подробно указать, кого и какъ знакомилъ онъ со своими взглядами. Въ официальныхъ указахъ народу развиваются главнымъ образомъ перваго рода взгляды, въ которыхъ онъ является самодержавнымъ императоромъ, особа котораго должна пользоваться уваженіемъ равнымъ съ государствомъ. Въ указахъ народу рѣдко можно найти другаго рода взгляды; чаще они встрѣчаются въ указахъ сенату, а еще чаще — въ перепискѣ Петра съ сотрудниками и въ живыхъ беседахъ съ ними. „Его величество, гласитъ воинскій уставъ, есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о

(1) И. С. З. №№ 3003 и др. указы и рассказы современниковъ; 2754, 2174, 1810. Уст. М. IV, на IV гл. Нартовъ № 37. Гол. V, 36—37.

(2) Нартовъ. № 36.

своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ; по силу и власть имѣеть—свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомыслию управлять“ (1). Вступающій на государственную службу долженъ былъ дать клятвенное обѣщаніе въ родѣ слѣдующаго: „царю, его наслѣдникамъ вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быть и всё къ высочему его ц. в. самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и прерогативы (или преимущества) узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и въ томъ живота своего въ потребномъ случаѣ не щадить“... Предписывается „интересъ монарха хранить“ наравнѣ съ государственнымъ—„во всемъ царскаго в—ва интересъ и государственную пользу тщательно охранять“, „всегда подобаетъ сенату имѣть о монаршеской и государственной пользѣ неусызное попеченіе“ (2). Умыслы противъ государя должны считаться однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій и по военнымъ и по гражданскимъ законамъ. „Если кто его дѣйства и намѣреніе презирать и непристойнымъ образомъ разсуждать будетъ“, подвергается смертной казни. Оскорбителямъ превысокой чести его пресвѣтлаго в—ва вѣтъ пощады. При произношеніи царскаго титула въ торжественныхъ случаяхъ не должно допускать ни малѣйшей ошибки въ произношеніи, просодіи, удареніяхъ, иначе грозило жестокое наказаніе (3). Наконецъ въ челобитныхъ предписывалось подписываться не иначе какъ „вашего императорскаго величества низжайшій рабъ“ (4).

Но изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы Петръ считалъ себя въ правѣ руководиться въ своей дѣятельности только личными желаніями, своей волей, дѣлать все, что только вадумается. Опъ, видимо стремится подчинить свои дѣйствія тѣмъ же началамъ, которыя проводились имъ при вопросѣ о государственной жизни. Такъ Петръ заявлялъ, что цѣлью стремленій государя должно быть благо отечества, страны, народа. „Для народа русскаго я здоровье свое истратилъ, не жалѣя въ вѣкоторыхъ случаяхъ и живота своего“.

(1) П. С. З. № 3006. 20 артикуль.

(2) П. С. З. №№ 3294, 4 п. 46 и. 3978.

(3) П. С. З. №№ 3006, 20 арт. 3984, 4012, 3882.

(4) П. С. З. № 3850.

„Страдаю, а все за отечество, желаю ему полезное“... говорил онъ (1). Заботы о благѣ страны не покидали государя ни при обыденныхъ занятіяхъ, ни въ торжественныя минуты его жизни. Разводитъ онъ собственноручно дубовый корабельный лѣсъ, а самъ говорить окружающимъ: „не для себя тружусь, польза государству впередъ“... После полтавской битвы собираются въ шатеръ государя, дивятся его шляпѣ, пробитой пулей, а Петръ, по словамъ Нартова, такъ объясняетъ тѣ мотивы, пробудили и поддержали смѣлость и храбрость: „ради благополучія государства я, вы и солдаты жизни не щадили... сія баталія—счастье наше; она рѣшила судьбу обоихъ государствъ. Тако судилъ Промисль возвысить славою отчизну мою“... Служеніе общей пользѣ ставилъ Петръ въ обязанность и Алевксію Петровичу, какъ своему преемнику: „ты долженъ любить все, что содѣйствуетъ благу и чести отечества“. Упорныя болѣзни усиливались болѣе и болѣе, а Петръ не хотѣлъ беречь себя: „о пользѣ государства пешишь надлежитъ неусыпно, доколѣ силы есть“. Эту любовь въ народу завѣщевалъ государь на смертномъ одрѣ тому, кого думалъ оставить наследникомъ: „народъ свой не забуди, но въ любви и почтеніи имѣй паче прочихъ“... (2). Такъ какъ надо заботиться, чтобъ отечество наше было безобѣдно“, то, высказываясь будто бы Петръ, „государю заворно обогащаться стяжаніемъ подданныхъ“. Сомнѣнія относительно послѣднихъ словъ начинаютъ исчезать при знакомствѣ съ тѣми распоряженіями, въ силу которыхъ Петръ какъ бы отказывался въ пользу государства отъ равнаго рода привилегій, которыми обладали московскіе цари. Говорили, что прибыльная продажа государевыхъ товаровъ принесетъ не малую пользу „государству“. На вопросъ, быть ли государевымъ товарамъ, Петръ владеть резолюцію: „государственнымъ товарамъ не быть, кромѣ поташу и смо-

(1) Устряловъ; VI, 440. Нартовъ, № 156.

(2) Нартовъ № 69. 113. Устр. VI, 305. Семеvскій. Сем. Монсовъ. 162. Замѣчательно, что когда пришла неудовольствія у Петра съ англійскими министрами, онъ объявилъ, что не хочетъ разрывать связи съ англійскимъ народомъ, укорялъ англійское правительство за пристрастіе къ династическимъ интересамъ: «мы видимъ, что все то чинится не для Англій, но для интереса ганноверскаго, для котораго гг. министры англійскіе не токмо постороннихъ державъ дружбу, но и своего отечества ищадагъ. № 3725.

льчугу (для сбереженія лѣсовъ), а прочіе позволить въ народъ“. Послѣ оное объясняетъ, что въ этомъ случаѣ оное руководится заботами о государственной пользѣ и народной прибыли⁽¹⁾. При учрежденіи бергъ-коллегии, Петръ заявляетъ, что изъ любви къ поданнымъ „тоже намъ однимъ, яко монарху, принадлежащія рудокопныя заводы и оныхъ употребленіе каждому и вообще всѣмъ, кто къ тому охоту имѣетъ, милостиво соизволяемъ“. Государственне блоко, корону, скипетръ, ключъ и мечъ Петръ называетъ вещами „принадлежащими государству“. Съ дворцовыхъ и конюшенныхъ деревьевъ нужно, говорится въ именномъ указѣ сенату, платить на армію, что помѣщики платятъ. Вѣрно также и пошлины взимать съ дворцовыхъ запасовъ, привозимыхъ изъ деревень. Наконецъ изъ словъ, слышанныхъ отъ Петра Нартовымъ, видно что первый признавалъ за государемъ только право распоряжаться произвольно своими деньгами, а „съ государственными доходами поступать надлежитъ осторожно“⁽²⁾.

Извѣстно, что Петръ потратилъ не мало усилій на то, чтобъ вывести изъ народной жизни всякаго рода своеволія. Рождается вопросъ, долженъ-ли, по его мнѣнію, и всякій государь страшиться этого въ своей дѣятельности? До Петра доходятъ слухи, что иностранцы укоряютъ его за то, что оное „усугубляетъ рабство“. „Говорятъ, что я тиранъ, что я повелѣваю рабами, какъ невольниками“, говорилъ оное разъ въ токарной Брюсу съ Остерманомъ, очевидно, принимая это обвиненіе близко къ сердцу. Потому оное развивалъ предъ ними такого рода мысли, — что кто руководится въ своихъ дѣйствіяхъ желаніемъ добра, тотъ не увеличиваетъ рабства, тотъ еще не тиранъ, кто присуждаетъ согласно съ требованіями закона преступника, что самъ оное вовсе не желаетъ, чтобы только одна его воля руководила всѣмъ. „Усматривающій вредъ и придумывающій добро говорить можетъ прямо мнѣ безъ

(1) Нартовъ № 160. II. С. 3. №№ 2391, 3252, 3, 3428.

(2) 3464, 3704, 3188. Нартовъ, № 141. Гол. IV, 369. Нартовъ рассказываетъ слѣдующій случай. Екатерина поднесла государю голубомъ шитый серебромъ кафтанъ своей работы, прося надѣть его въ день коронаціи. Петръ тряхнулъ кафтанъ, — на полъ полетѣло нѣсколько канители: «смотри, Катенька, прапало дневное жалованье солдата». Больше раза Петръ не надѣвалъ это платье. № 60.

боязни. Свѣдители тому вы. Полезное слушать радъ и отъ послѣдняго подданнаго; руки, ноги и языкъ не скованы. Доступъ до меня свободенъ, лишь бы не отягчали меня только бездѣльствомъ и не отнимали бы времени напрасно, котораго всякій часъ мнѣ дорогъ“. Надо понимать шародъ чтобы звать, какъ имъ управлять. У насъ англійская свобода еще не умѣстна; „она также пристанетъ въ намъ, какъ въ стѣнѣ горохъ“⁽¹⁾. Въ своей дѣятельности Петръ хочетъ взять себѣ въ руководителя „общее благо“; при возвышеніи тѣхъ или другихъ объявляетъ себя только ревностнымъ служителемъ его: „не кланяйся братецъ, говорилъ государь Неплюеву, когда тотъ благодарилъ за назначеніе резидентомъ, я вамъ отъ Бога приставникъ и должность моя. смотрѣть того, чтобъ недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь, не мнѣ, — а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь“. Когда Меншиковъ тоже благодарилъ Петра за свое повышеніе, послѣдній, по словамъ Неплюева, отвѣтилъ ему: „Вы симъ мнѣ не обязаны; возвышая васъ, не о вашемъ счастьи я думалъ, но о пользѣ общей; а ежели бы я зналъ кто достойнѣе тебя, конечно бы, васъ не произвелъ“⁽²⁾. Что Петръ проводилъ идею о томъ, что справедливость и законъ должно ставить выше государя, доказываютъ слова, высказанные имъ въ объявленіе свѣтскимъ особамъ по дѣлу царевича: „прошу васъ, дабы истиною сіе дѣло вершили, чему достойно, не элатируя (или не похлѣбуя) мнѣ и не опасаясь того, ежели сіе дѣло легкаго наказанія достойно, и когда вы такъ учините осужденіемъ, чтобъ мнѣ противно было, въ чемъ вамъ клянуса самимъ Богомъ и судомъ Его, что въ томъ отнюдь не опасайтесь, тако-жъ и не разсуждайте того, что тотъ судъ вашъ надлежитъ вамъ учинить на моего, яко государя вашего, сына, но не смотря на лице сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія и отечество наше бездѣдно“⁽³⁾. Уваженіе къ справедливости видно и приводимомъ Татищевымъ случаѣ, какъ Петръ принималъ челобитную на себя отъ считавшаго себя обиженнымъ

(1) Нартовъ, № 121, в о томъ-же въ № 26.

(2) Живень Неплюева. Отч. Зам. 1825 г. XXIII ч., 190—191 стр.

(3) Соловьевъ; XVII, 247.

Посадскаго, и не назвавъ именъ, послалъ описаніе дѣла въ сенатъ за разрѣшеніемъ и уплатилъ наложенный на него штрафъ. Здѣсь царь преклоняется предъ судебной властью. Петръ любилъ выслушивать отъ окружающихъ людей правду, но не ту мягкую, поддакивающую правду, а горькую, которая колетъ иной разъ глаза. Возвратившись изъ сената онъ говорилъ про Яв. Долгорукова Ягушинскому: „князь Яковъ въ сенатѣ прямой помощникъ; онъ судить дѣльно, и мнѣ не потакаетъ, безъ красноречія рѣшетъ прямо правду, не смотря на лицо“⁽¹⁾. Выведенный разъ изъ терпѣнія льстивыми рѣчами Мусина-Пушкина, Петръ высказалъ тому же Долгорукову при большомъ обществѣ применительность за его правдивость: „ты меня больше всѣхъ бранишь, и такъ тяжело спорами досаждаешь, что я часто едва могу стерпѣть, но какъ разсужу, то вижу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь; для того я тебя внутренне благодарю“ и проч.⁽²⁾ Впрочемъ изъ этихъ фактовъ неслѣдуетъ заключать, что Петръ желалъ непосредственно проводить казнь-либо идеи о независимости царской власти отъ судебной.— Что Петръ приверженцемъ деспотическихъ взглядовъ, въ рѣдѣ высказаннаго Людовикомъ XIV,—не былъ, доказывается и тѣмъ, что высоко поставилъ власть новаго учрежденія—сената; онъ призналъ за нимъ право внутренняго управленія государствомъ; онъ присоединилъ еще право по своей волѣ назначать на должности, право самостоятельно обсуждать выработывать законодательныя мѣры, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ (послѣ обсужденія съ другими коллегіями) даже издавать временныя постановленія, представляя ихъ уже потомъ на утвержденіе государя⁽³⁾. О сенатѣ Петръ говорилъ: „всякъ... да будетъ послушенъ ему, какъ мнѣ самому“, „сенатъ собирается вмѣсто присутствія нашей персоны въ отлученіи, признавалса, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ мнѣній сената „его в. одному опредѣлить трудно“⁽⁴⁾. Вотъ напр. его письмо къ синоду изъ Астрахани: „Святѣйшій синодъ!

(1) Нартовъ, № 88. Нилъ Поповъ, Тагишевъ, в его время, 18 стр.

(2) Поповъ. Н. Тагишевъ. 23. Нужно у англичанъ учиться говорить явно правду.

(3) П. С. З. №№ 3978, 5, 3970. Королю, говорилъ будто бы Петръ въ парламентѣ. Нартовъ, № 6.

(4) П. С. З. №№ 2328 (?) 3978, 10, 4003.

Письма наши четыре я получить, на которыя дѣла нынѣ не отвѣтствую, того ради, понеже оныя безъ разсужденія и разсмотрѣнія, съ вами и сенатомъ за очи рѣшить не возможно; другія же не такія, чтобъ времени терпѣть не мочно: того ради, Богъ дастъ, при возвращеніи своемъ оныя рѣшимъ, къ тому же будучи въ такой дальности и трудахъ настоящаго дѣла. А ежели впредь будутъ дѣла такія, что времени не терпящія; хоти о оныхъ и писать будете, однакожь *только для видома намъ, а рѣшить можете обще съ сенатомъ* до вашей апробаціи“. Петръ даже укорялъ своихъ сотрудниковъ въ томъ, что они слѣдуютъ старинной привычкѣ предоставлять обсужденіе разныхъ дѣлъ государю. Онъ писалъ въ Шереметьеву: „а нынѣ, какъ ты, такъ и прочіе генералы дайте совѣтъ, какимъ образомъ сію войну къ концу приводить; только бѣ въ тѣхъ письмахъ отнюдь не было „какъ изволишь“, и собравъ пришли ко мнѣ“. Замѣчательны были, высказанныя имъ въ письмѣ къ сенату изъ прутскаго похода: „если я погибну, и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то *выберите* между собою *достойнѣйшаю* мнѣ въ наслѣдники“⁽¹⁾. Обращаютъ на себя вниманіе и мысли Петра о томъ, что его собственными мнѣніями руководиться нужно, не потому что они высказаны государемъ, а потому, что они могутъ быть полевы, какъ совѣты опытнаго человѣка. Государя слѣдуетъ уважать не за то только что онъ государь, а потому еще что онъ достоинъ уваженія, какъ человѣкъ⁽²⁾. Мѣряя же достоинства человѣка между прочимъ и трудами, которые онъ приноситъ на служеніе родинѣ, считая заслуги необходимымъ условіемъ для занятія высокаго положенія въ обществѣ, Петръ переносилъ этотъ взглядъ отчасти и на государя. Ты долженъ, писалъ онъ Алексію Петровичу, какъ будущему государю, не щадить ни какихъ трудовъ для благо-общаго; „не бояться ни труда ни опасностей“. „Видишь, братецъ, говорилъ онъ Неплюеву во время его экзамена, а и царь, да у меня на рукахъ мозоли, а все отъ того: показать вашъ примѣръ и хотя-бѣ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству“⁽³⁾. Такъ въ письмѣ къ Крейцу онъ объясняетъ, что имѣтъ

(1) П. С. З. № 4051. Год V, 261. IV т. П. С. З. 712 стр.

(2) Письмо къ Крейцу. Год. IV, 216 и Корѳъ.

(3) Устряловъ; IV. 305. Отеч. Зап. 1825 г. XXI ч. 439 стр.

основанія на право командованія флотомъ въ силу заслуженной опытности и добровольнаго согласія на то войска (а не въ силу своей власти): „уже вѣнше осьмнадцати лѣтъ служу саму государству. (о чемъ пространно не пишу, по неже всѣмъ то извѣстно), и въ колѣннхъ баталіяхъ, акціяхъ и бѣлгерахъ былъ, ведѣ отъ добрыхъ и честныхъ офицеровъ прошенъ былъ, дабы не отлучался... а не отсыланъ, и дабы дома, яко дитя остался... того ради, *идѣ не желають меня, оставаяю свою команду*“⁽¹⁾. Окружающіе Петра, слыша отъ него, что трудъ, достоинство работы даетъ главнымъ образомъ право на большее или меньшее вознагражденіе, на большее или меньше пользованіе матеріальными благами, слышали и то, что и государю только заслуженныя деньги можно вполнѣ назвать своими⁽²⁾.—Насколько необходимо считалъ онъ образованіе для государя, Петръ показалъ прежде всего своимъ приѣбромъ, потомъ воспитательными заботами о будущемъ наследникѣ, Алексѣѣ Петровичѣ; этого вопроса онъ касался и въ письмахъ къ нему, а въ разговорахъ съ окружающимъ онъ высказывалъ и ту мысль, что кромѣ общаго образованія государю нужно еще изучитъ народъ, страну: „надобно не мало трудиться, чтобъ хорошо узнать народъ, которымъ управляешь“: „Друзья мои, обращался онъ къ Шереметьеву и Апраксину, полезно государю въ отцннѣ своей путешествовать и замѣчать то, что государству произвести можетъ сущую славу и процвѣтаніе“⁽³⁾.

Стремясь такимъ образомъ пересоздать общество проведеніемъ въ него новыхъ гражданско-политическихъ началъ, взглядовъ на государство и государя, Петръ долженъ былъ поколебать нѣкоторыя изъ началъ, крѣпко засѣвшихъ въ семейномъ быту, подъ вліяніемъ условій котораго вырастаютъ и живутъ общественные дѣтели. Сознавалъ или нѣтъ Петръ подобную зависимость общественной жизни отъ семейной, только при немъ мы видимъ довольно рѣшительныя попытки протестовать противъ господствовавшихъ до сихъ поръ, патриархально-родовыхъ аскетическихъ, домостроевскихъ понятій на семейныя отношенія, и помочь русской женщинѣ

(1) Гол. IV, 245.

(2) Нартовъ, № 141. Гол. II, 414, Голыковъ, IV, 368.

(3) Берхгольцъ; II, 84. Нартовъ, 161.

стать на ноги, поднять ее значение, замѣнить семейныя отношенія, основанныя на цеволѣ, на подчиненіи волѣ старшихъ началами взаимнаго согласія и добровольныхъ отношеній, Отношенія къ Лопухиной, Монсѣ и Екатеринѣ, его письма къ послѣдней, проникнутыя теплымъ чувствомъ, ясно показывали, что Петръ смотрѣлъ на женщину не какъ на существо, главнымъ образомъ назначенное служить почвой для поддержанія племени, что онъ цѣнилъ въ ней не одно только умѣнье заниматься домашнимъ хозяйствомъ, что онъ искалъ въ женщинѣ друга, способнаго сочувствовать его дѣлу и принимать хоть небольшое участіе въ его трудахъ, или по крайней мѣрѣ не беспокоить его докучами и просьбами сидѣть дома (¹). Свой гуманный сравнительно съ прежними, бывшими до него, взглядъ на женщину онъ доказалъ уже тѣмъ, что смѣло помогъ русской женщинѣ выдти изъ терема, по крайней мѣрѣ въ средѣ высшихъ слоевъ, и хотѣлъ познакомить недавнихъ плѣнницъ съ общественной жизнью или лучше сказать съ удовольствіями общественной жизни (²).

Новые взгляды на брачныя отношенія Петръ высказалъ еще въ указѣ 1702 г., когда признавалъ необходимымъ для совершенія брака добровольное согласіе на него жениха и невесты, стараясь подтвердить свой указъ и подобранными правилами отъ св. отецъ. „Буде кто дочь или сестру, или какую свойственницу, или дѣвица, или сама вдова говорить замужь за кого, и прежде вѣнчанья обрученью бытъ за шесть недѣль, и буде обручатся, а послѣ сговору и обрученья, женихъ невесты взять не похочеть, или невеста за жениха замужь подти не похочеть-же: и въ томъ бытъ свободѣ“ (³). Дошло извѣстіе, что разъ Петръ прямо стоялъ

(¹) Странно, что въ найденномъ завѣщаніи предпологавшейся преемникъ его власти Петръ какъ-бы противорѣчитъ себѣ, говоря: мужа люби и почитай, яко главу и слушай во всемъ.... (Семейство Монсовъ. 162). Впрочемъ и при этомъ онъ дѣлаетъ замѣчательное исключеніе, — что въ вопросахъ совѣсти, а также гдѣ дѣло идетъ о народныхъ интересахъ, она не должна подчиняться волѣ мужа.

(²) Повиданому, Петръ не чуждъ былъ и желанія познакомить женщинъ высшаго общества съ трудомъ; по крайней мѣрѣ, на этомъ намекаетъ фактъ, переданный Берггольцемъ о томъ, какъ по волѣ Петра Екатерины и др. дамы должны были вбѣтъ въ строящійся корабль по большому грому въ палецъ топашиною. Бергг. Ц, 125.

(³) П. С. З. № 1907.

за разводъ при неудачно заключенномъ брачномъ союзѣ. „Когда, говоритъ г. Шашковъ, Ягужинскій, страдавшій отъ капризовъ своей ипохондрической жены, не рѣшался однако развестись съ нею, считая это дѣломъ противнымъ совѣсти и религіи, то Петръ, рассказываетъ Бассевичъ, началъ убѣждать его, что „Богъ установилъ бракъ для облегченія чело-вѣка въ горестяхъ и превратностяхъ жизни, что дурное супружество прямо противно волѣ Божіей и потому столько-же справедливо, сколько-же полезно расторгнуть его, продолжать-же его крайне опасно для спасенія души“. Кромѣ того Петръ призналъ справедливымъ дозволить разрывать бракъ и вступать въ новый лицамъ, супруги которыхъ со-сланы на каторгу (¹).

Находившись въ извѣстныхъ отношеніяхъ въ Аннѣ Монсъ, а потомъ въ Екатеринѣ, Петръ не думалъ заявлять себя строгимъ ригористомъ, когда дѣло шло о сожительствѣ безъ церковнаго освященія. Не мудрено, что и справедливъ записанный Штелинымъ рассказъ о томъ, какъ Петръ въ бытность свою въ Вышнемъ Волочкѣ, замѣтивъ, что крестьяне насмѣваются надъ дѣвушкой за ея связь съ нѣмцемъ-офице-ромъ, бросившимъ потомъ ее, сказалъ крестьянамъ, успо-койвъ прежде несчастную, что она не сдѣлала столь важ-наго проступка, чтобъ такъ долго упрекать и стыдить ее; Петръ запретилъ дѣлать впередъ ей упреки. Приласкавъ онъ и ея прижитаго съ офицеромъ сына: „этотъ малый бу-детъ современемъ добрымъ солдатомъ: имѣйте объ немъ по-печеніе“. По словамъ Щербатова, „Петръ Великій, вида, что законъ нашъ запрещаетъ вв. Никитѣ Репнину вступать въ четвертый бракъ, позволилъ ему имѣть метрессу, а дѣтей

(¹) Шашковъ. Главныя эпохи въ исторіи р. женщины «Дѣло» 1874 г. № 4204 и 205 П. С. З. № 3431.

(²) Къ сожалѣнію, Петръ, вѣроятно, по государственнымъ расчетамъ позволялъ себѣ насильственно вторгаться въ семейную жизнь, требуя раз-вода, хотя бы противъ желанія супруговъ, — это было по случаю того, что пѣнные поляки и шведы, поженавшись въ пѣнну на русскихъ, хотѣли по окончаніи войны удалиться на родину съ русскими женами. Последніи ни въ какомъ случаѣ не могли отправиться съ мужьями. П. С. З. №№ 3604 и 3684.

его, подъ именемъ Ренцинскихъ, „благородными призналъ“ (1), слѣдовательно узаконилъ, какъ говорятъ теперь.

Наконецъ распоряженія Петра о принятіи незаконнорожденныхъ въ воспитательные дома и монастыри, гдѣ ихъ предполагалось содержать на средства государства и общественной благотворительности, заботы о ихъ физическомъ и умственномъ воспитаніи, должны были показать обществу, что передовой человѣкъ его не хочетъ подражать тѣмъ, которые презрительно относятся къ такимъ дѣтямъ, клеймятъ ихъ позорными именами, лишаютъ человѣческихъ правъ.

Въ семейныя отношенія дѣтей къ родителямъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда ограничивался произволъ родительской власти при вступленіи дѣтей въ бракъ, едва ли внесены были Петромъ какіе нибудь новые взгляды. По крайней мѣрѣ въ письмахъ къ сыну онъ ссылается и на авторитетъ пятой заповѣди, и грозитъ отцовскимъ проклятіемъ, даетъ ему наставленіе о томъ, что „сыну надлежитъ во всемъ повиноваться волѣ отцовской“, что „простые родители полную власть безъ всякаго суда надъ дѣтьми своими имѣютъ“. Морской и воинскій уставы поучаютъ: „ничто такъ людей ко злу не приводитъ, какъ слабая команда, чему примѣръ суть дѣти въ волѣ безъ надзранія и страха возвращенные, которые обыкновенно въ бѣды впадаютъ, но случается послѣ, что и родителямъ пагубу приносятъ“. При Петрѣ не успѣли еще отрѣшиться отъ домостроевскихъ понятій о семьѣ и въ тогдашнихъ передовыхъ кружкахъ.

Перейдемъ теперь къ тому, какъ смотрѣлъ Петръ на представителей Церкви, на ихъ отношенія къ государству и народу.

Прежде было сказано, что уже давно раздавались обличительныя голоса противъ учительнаго сословія, но эти голоса до сихъ поръ какъ-бы не касались правительственныхъ сферъ. Цари, не смотря на нѣкоторые столкновенія, продолжали выражать во дворцѣ и передъ народомъ свое благочестиво-почтительное уваженіе къ духовенству вообще и къ патриарху въ особенности. Иначе взглянулъ на это Петръ, поднавший съ первыхъ дней по возвращеніи изъ за границы вопросъ о нестроеніяхъ церковныхъ и завершившій его при

(1) Голицыновъ; V, 99—100; въ статьѣ Пашкова, 206.

помощи обвиняемаго въ пристрастіи въ лютерскимъ обычаемъ Ѡ. Прокоповича, — „Духовнымъ регламентомъ“, указомъ о монастыряхъ и рядомъ синодскихъ указовъ. Основные взгляды его на государство, на благо народное слагались и здѣсь.

Ссылаясь на историческіе примѣры, особенно на папу римскаго, который, похитивъ значительную часть римскаго государства „и инья государства едва не до крайняго раззоренія не единожды потрясе“, припоминая „и у насъ бывшіе замахы“, указывая и на то, что подобныя попытки могутъ найти поддержку и въ народѣ, который привыкъ думать, „что духовный чинъ есть другое и лучшее государство“, — „Духовный регламентъ“ ясно высказываетъ опасенія за отечество, которому грозятъ мятежи и смущенія, и за государя. Петръ не могъ равнодушно отнестись въ этому. Послѣ отмѣны патріаршества, онъ старался выяснить „Духовнымъ регламентомъ“ разныя неудобства единоличнаго правленія, причемъ допускалъ возможность пристрастія, коварства, лихоимнаго суда, мздоимства со стороны самовластнаго пастыря⁽¹⁾. А прежде такъ даже публично осмѣивалъ патріарха въ комически-шутовскихъ церемоніяхъ, маскарладахъ, разъѣзжая съ патріархомъ по Москвѣ, съ патріархомъ-Зотовымъ, наряженнымъ въ облаченье, митру съ посохомъ въ рукѣ. Берхгольцъ видѣлъ также этаго патріарха, благословляющаго патріаршимъ благословеніемъ⁽²⁾.

Но не одному патріарху доставалось отъ Петра, наряжалъ онъ и архіереями, священниками, а самъ изображалъ изъ себя дьякона и устраивалъ съ ними шутовскія процессіи. Потомъ перешли къ обличеніямъ. Выставлялись на видъ почти тѣже пороки, какіе господствовали въ государственной жизни, хотя здѣсь и проявлялись въ другой формѣ: самовластіе, снѣсъ, корыстолюбіе, невѣжество, лѣнь, тунеядство. Весь духовный регламентъ проникнутъ очевидными укорами духовенству и обличеніями его: — „Вѣдалъ бы всякъ епископъ мѣру чести своея и не высоко бы о ней мыслилъ... Се же того ради предлагается, чтобъ укротити оную весьма жестокую епископовъ славу, чтобъ оныхъ подъ руки (дovelѣже здравы суть) не вожено, и въ землю бы онымъ под-

(1) Дух. регла. част. I, 7 и 6.

(2) Корбъ; 126—127, 145—146, 150. Борх. I. 175.

ручная братія не кланялась. И оны поклонницы самохотно и нахально стелются на землю да лукаво: чтобъ степень исходатайствовать себѣ недостойный, чтобъ такъ неистовство и воровство свое покрѣть“, „чтобъ епископъ не былъ дерзокъ и скоръ во употребленіи власти своей связательной, т. е. во отлученіи и анафемѣ“, „чтобъ лишнихъ служителей не держали, ненужныхъ строеній не дѣлали, такожъ священнаго себѣ одѣянія, и своего платья надъ подобающую чести своей потребу не дѣлали“... „Крѣпко же заповѣдать епископъ долженъ служителемъ своимъ, чтобъ въ посѣщаемыхъ городахъ и монастыряхъ благочинно, и трезво пребывали, и не творили-бъ соблазна, наипаче же не домогались бы у мняховъ и у поповъ кушанья и пшты, и конскаго корму лишнаго. Кольми паче не дерзали-бъ грабить подъ виною жестокаго наказанія. Ибо слуги архіерейскіе *обычнѣ бывають лакомые скотины*, и гдѣ видитъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостью и безстудіемъ, какъ татаре на похищеніе устремляются“. „Сказуютъ нѣщны архіереи для вспоможенія церквей убогихъ или новыхъ построенія, повелѣвали проискивать явленія иконы въ пустынѣ или при источницѣ и икону оную за самое обрѣтеніе свидѣтельствовали быть чудотворную“. Въ перечисленныхъ запрещеніяхъ и замѣчаніяхъ въ сущности сыпались обличенія на высокопоставленныхъ лицъ церковной іерархіи, на архіереевъ⁽¹⁾. Раскрывались потомъ „нестроенія“, „немощи“, и „злообразіе“ всего вообще духовнаго чина: „мнози въ священнической чинѣ вдираются не для чего инаго, только для большей свободы и пропитанія, а никаковаго званію своему должнаго искуства не имѣють; многи въ писаніи неискусные священники держатся за тревникъ, какъ слѣпые...“ Регламентъ укоряетъ ихъ въ лѣности, грубости, суевѣрїи, въ эгоистически-семейныхъ заботахъ замѣщать мѣста церковниковъ сродниками, не смотря на то, способны они или нѣтъ, совѣтуетъ разузнавать о посвящающихся, не ханжили, „не сказуютъ ли своихъ о себѣ и иномъ сновъ и видѣній, ибо отъ таковыхъ каковаго добра надѣяться, разсѣбабныхъ басенъ и вредныхъ въ народѣ плевелъ“, „не истя-

⁽¹⁾ Часть II Духов. регл. 14, 15, 13. 8. О посѣщеніи епископовъ, 12. Дѣла по управленію, 8.

вуютъ ли (священники) въ гостахъ подчиванья (а сіе нестерпимое безстыдіе бываетъ), не храбствуютъ ли въ бояхъ и проч. „Таковыя бо неблагообразія, заключаетъ обличитель, показуютъ ихъ быти ярыжными: а они поставлены пастыри и отцами въ народъ“⁽¹⁾.—Не менѣе рѣзкія сужденія высказывались и относительно монашества. „Чинъ наипаче монашескій, который въ древняя времена былъ всему христіанству, аки зеркало и образъ покаянія и исправленія, во времена сія во многія безчинія развратися“⁽²⁾. Уже именной указъ 1701 г. смѣло выставяетъ на показъ большое мѣсто монастырской жизни:— „Древніе монахи сами себѣ трудолюбивыми своими руками пищу промышляли и общежително живаше, и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали; нынѣшніе же монахи не токмо нищихъ питаше отъ трудовъ своихъ, но сами чуждые труды поядаша, и начальныя монахи во многія роскоши впадоша, а подначальныхъ монаховъ въ нужную пищу введоша и вотчинъ же ради свары и смертныя убивства и неправыя обиды многи твориша“⁽³⁾. Тѣ же мысли повторялись иногда и въ позднѣйшемъ законодательствѣ съ добавленіемъ новыхъ чертъ монастырской жизни. Люди богатые оставляли при себѣ имущество и послѣ вступленія въ монастырь: являлись „гордыня, и сластей исполненіе, ихъ же ради мнози въ монастырь приходятъ подъ образомъ терпѣнія“; „монастыри пекутся о строеніи точію стѣнъ, и собраніи многого богатства“. Обличая и осмѣивая такимъ образомъ передъ русскимъ обществомъ церковниковъ, Петръ заявлялъ и о необходимости вступить и въ болѣе серьезную борьбу съ ними: „Ой бородачи! многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами“. Толстой, слышавшій эти слова, отвѣтилъ: „старцамъ пора обрѣзать перья и поубавить пуха“. — „Не будутъ летать, скоро, скоро!“—сказалъ Петръ⁽⁴⁾. Это было въ 1718 г. Вскорѣ ясно стали говорить объ обрѣзываньи

(1) Прибав. къ Дух. р. 1 и 2; Дух. рега. часть I, 9. И дѣла общія 5, 9; прибавленіе къ Дух. рега. 4, 14, 27, 28.

(2) Приб. къ Дух. рега. о монахахъ.

(3) П. З. С. № 1886.

(4) П. З. С. Приб. къ Дух. рега. о монахахъ 28 и 49.

(5) Соловьевъ XVII, 216.

крыльевъ частыя распоряженія , ограничивающія имуще- ственныя права монастырей и запрещающія посвящать сверхъ potreбы въ священники , принимать въ монахи и монахини людей молодыхъ , служащихъ ; бѣльцы и бѣльщицы удалялись пзъ монастырей; появлялись выведенные монастыри (').—Въ епископахъ и въ священникахъ Петру хотѣлось бы видѣть скромныхъ , просвѣщенныхъ и трудолюбивыхъ учителей народа , „труждающихся въ словѣ и ученіи“, учившихъ христіанскимъ добродѣтелямъ , а въ монахахъ и монахиняхъ—людей , посвятившихъ себя труду вообще и особенно служенію ближнему уходу за престарѣлыми больными членами общества , воспитанію сиротъ и незаконнорожденныхъ дѣтей (').

Возникающій здѣсь вопросъ , чему же , кромѣ христіанскихъ добродѣтелей , должны были священники учить мірянъ , по мнѣнію Петра , объяснится самъ собою , если мы познакомимся со взглядами Петра на религію , проводимыми имъ въ законодательствѣ.

Извѣстно , какую важную роль играла религія въ жизни древне-русскаго общества; ея аскетическіе идеалы находили себѣ ревностныхъ послѣдователей въ выдающихся людяхъ того времени. Ея вліяніе простиралось не только на частную и семейную жизнь , но проникало и въ государственную. Подъ вліяніемъ религиозныхъ традицій не рѣдко дѣйствовало и законодательство. Общество чрезвычайно цѣнило въ человѣкѣ привязанность къ вѣрѣ , ставило достоинство его въ зависимость отъ характера его религиозныхъ убѣжденій. Подвижники , отшельники , всѣ , искренно и лицемерно посвятившіе себя Богу; и при этомъ , непремѣнно православные , стояли высоко во мнѣніи общества. Петръ своими утилитарными требованіями отъ жизни , поглощенный исцаньемъ земныхъ благъ , мѣрая пною мѣрою человеческое достоинство , долженъ былъ отодвинуть подальше религиозные вопросы. Были бы только честные и полезные люди вообще и особенно для его страны , и онъ готовъ дружить и съ люте-

(¹) П. З. С. Прибавленіе къ Духов. регл. № 1886, 3907, 1856, 1948, 4516, 9, 10, 11.

(²) Приб. къ Дух. регл. о житіи монаховъ; 18, 36 и др. 4450, 3937, XLVII, 10. Нартовъ № 18.

раниномъ, и съ католикомъ; приносили бы только пользу государству раскольники, и онъ готовъ оставить ихъ въ покоѣ. Нужно удержатъ для вновь заводимаго руднаго дѣла и для государственной службы искусныхъ шведскихъ плѣнниковъ, и царь добивается у синода разрѣшенія на браки съ иновѣрцами, хотя, выражаясь словами синодскаго указа, „брачиться православнымъ съ иновѣрцами дѣло есть не безъ сомнительства совѣсти“⁽¹⁾. Порой провозглашались Петромъ начала вѣротерпимости, чуть не свободы совѣсти:— „Мы... совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей“. Офицеровъ флота убѣждали „да любятъ другъ друга вѣрно, какъ христіанину надлежитъ, *безъ разности какой они вѣры* или народа будутъ“. Ходившіе потомъ рассказы приписывали Петру слова, сказанная про купцовъ-раскольниковъ, слывшихъ за честныхъ и трудолюбивыхъ: „если они подлинно таковы, то по мнѣ пусть вѣрують, чему хотятъ и носить свой козырь; и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то конечно не пособить ни огонь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть: ни они той чести не достойны, ни государство пользы имѣть не будетъ“. Про Петра-же рассказывали, справедливо или нѣтъ, что будучи въ Виртенбергѣ онъ назвалъ Лютера мужемъ разумнымъ, достойнымъ уваженія потомства⁽²⁾. — Но приведенные факты не означаютъ еще того, что Петръ всегда оставлялъ въ покоѣ людей, противныхъ съ нимъ религиозныхъ убѣжденій, отказался отъ всякаго религиознаго прозелитизма. Правда, Петръ убѣждалъ дѣйствовать на отступившихъ отъ православія, на иновѣрцевъ и на атеистовъ убѣжденіемъ, „доводами“, „духовно“, „поступать съ противниками Церкви святой съ разумомъ, правильно и кротостью“⁽³⁾, словомъ рекомендовалъ вовсе не тѣ инквизиторскіе способы обращенія съ еретиками, какіе усвоили и одобряли его предшественники, однако справедливость требуетъ сказать, что въ его законодательствѣ встрѣчаются

⁽¹⁾ П. С. З. № 3814.

⁽²⁾ № 1910, 2, 3985. 20 стр. VI, 7. Голицынь. III, 157, IV, 150.

⁽³⁾ П. С. З. №№ 1800, 3910, 2986, 2925. Мартовъ 142, 70.

Тихоураховъ. Русскіе вольнодумцы XVIII ст. Р. Вѣст. 1870—71.

не всегда духовныя и кроткія мѣры, когда дѣло идетъ о религиозныхъ вопросахъ. Но вѣдь послѣ сожженія еретиковъ въ срубахъ, трудно сейчасъ же развиться полной вѣротерпимости⁽¹⁾.

Эта религиозная ревность Петра даетъ право предполагать, что онъ дѣйствовалъ подѣ влияніемъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ выкладовъ на вопросы вѣры, что у него сложились извѣстныя религиозныя убѣжденія, которыя онъ и хотѣлъ утвердить въ народѣ. Дѣйствительно, судя по отзывамъ людей, близко знавшихъ его, какъ Неплюева, Нартова и по другимъ фактамъ, можно заключить, что Петръ не принадлежалъ къ атеистамъ, а напротивъ былъ человекомъ религиознымъ, но религиознымъ не въ смыслѣ слѣпаго безусловнаго преклоненія предъ всѣмъ, что люди искренно или лицемерно привыкли называть святымъ и слѣдовательно достойнымъ всякаго уваженія и подражанія и стоящимъ выше всякаго сомнѣнія. Напротивъ, религиозныя сомнѣнія, давно уже тревожившія умы русскихъ людей, находили въ это время для себя едва ли не большую пищу въ ненормальныхъ явленіяхъ религиозной жизни и поддержку отъ близкаго знакомства съ религиозными вѣроученіями иностранцевъ. Эти обстоятельства повліяли и на впечатлительную натуру Петра, пробудили и въ немъ сомнѣнія, заставили критически и даже скептически отнестись къ религиознымъ явлені-

⁽¹⁾ Особенно тяжело наказывались религиозное свободомысліе и легкомысленное отношеніе къ религиознымъ обязанностямъ во флотѣ и арміи (артик. воп. 3 а также VI, 7. 49—50). За неявку на молитву офицеровъ наказывали вѣнями, а рядовыхъ кошками. Регрессивнымъ характеромъ отличаются постановленія, лишавшія непричащавшихся и подоавшихъ церковному проклятію права быть свидѣтелями. Не говоря про двойной окладъ, въ послѣдніе годы начались насильственные мѣры противъ раскольниковъ, ссылка на галеры ихъ учителей и совратившихся къ нимъ изъ православія, совратителямъ грозила казнь и др. Наказаніе назначалось и тѣмъ, кто «безбожія воюю отъ себя надаетъ». П. С. З. №№ 3469, 4052, 4009, 8. 4, 14, 23, 12. Дух. регл. мірскіе особы 6 п. 3854₁₁, 3870₁₁, 3854₁₁, 3963₁₁, , (на 24 п. Д. р.).—Отношенія къ еретикамъ до Петра характеризуютъ и факты приведенные у Забѣлина II ч. 115, 124, 130, 132, 141, 142, 145. При Петрѣ Тверитиновъ укорялъ въ домѣ Лопухина приверженцевъ старины: «кто съ вами станетъ говорить правду отъ святаго писанія, а вы и грозите мучительствомъ». «Только у васъ и разума—грозите кнутомъ и огнемъ». Тихонр. 678.

ямъ, преимущественно къ обрядовой сторонѣ религіи, къ суевѣріямъ, къ разнаго рода бабьимъ баснямъ и разсказамъ, вторымъ все вѣруется.

Преемникъ строгихъ блюстителей церковныхъ традицій и обрядовъ находилъ нужнымъ отмѣнять одно за другимъ „дѣйства“, „выходы“, „хожденія“ къ разнымъ цѣлителямъ зубной и другихъ болей, запретить хожденія на домъ съ образами изъ церквей и монастырей, собираніе на построенье храмовъ, постройку домашнихъ и липныхъ церквей, считалъ вполне позволительнымъ для поддержки здоровья и бодрости духа отмѣнять посты⁽¹⁾, разрѣшалъ иногда себя и своей шутовской компаніи смѣхотворное обращеніе съ духовными одеждами, митрой, посохомъ, патриаршимъ благословеніемъ и даже торжественно повѣнчалъ князь-папу въ шутовскомъ костюмѣ въ Троицкой церкви. Подобное поведеніе царя, конечно, не могло пройти незамѣченнымъ окружающими и народомъ. Поднимались толки, что Петръ въ среду и пятницу ѣстъ мясо, „лагушевъ“,... подозрѣвали самаго Петра и людей, близкихъ къ нему—Феофана, Феодосія въ лютеранствѣ. „Лютеръ по всему“, „врагъ креста Господня“, говорили про послѣдняго; „антихристъ!“ величали Петра раскольники⁽²⁾. Тѣмъ сильнѣе должны были дѣйствовать на народъ религіозныя новшества, что они не всегда походили на легкомысленныя увлеченія, а проводились сознательно: въ указахъ, въ частныхъ разговорахъ обличалось то, что прежде не считалось предосудительнымъ, а защища-

(¹) П. С. З. №№ 3910, 3474, 3963, 3994, 2984, 5 п. Дух. Регл. 8 п. 4022. Гюйссенъ писалъ къ Лейбницу: «его в. позволялъ ему (царевичу) не соблюдать строго постовъ изъ опасенія, чтобъ это не повредило его здоровью и силамъ. (Герье. Отв. Лейбн. къ П. В. Февр. 351). Императоръ, пишетъ Берхгольцъ (II, 160) и весь императорскій дворъ, равно какъ и многіе вельможи мало обращаютъ на него (великій постъ) вниманія и преспокойно, какъ и мы, ѣдятъ во все время мясо». Это же видѣлъ и де-Бруинъ еще въ 1702 г. Чт. въ Общ. И. и Др. за 1872 а также №№ 2826; 3. 3020.

(²) Корбъ; 126—127, 145—146, 150. Берхгольцъ; 175 и 169. Семейство Монасовъ 15. Тихонравовъ, Рус. Вѣстн. 1871, 713. Идолослуженіемъ могли показаться ревнителямъ старины описанныя Корбомъ и Берхгольцомъ маскарады Петра съ участіемъ Бакусовъ, Нептуновъ, съ идеологической обстановкой, воскуреніями и 7 п.—Срavn. съ Заб. II, 394.

лось то, что прежде считалось чуть не смертельным грѣхомъ. Въ своихъ бесѣдахъ Петръ пользовался случаемъ, чтобы раскрывать глаза окружающихъ его указаніемъ на то, какъ подъ личиной святости и чудодѣйственной силы скрывается иногда наглый обманъ, рассчитанный на наивную простоту вѣрующихъ, объяснилъ напр., разъ, женѣ и духовнымъ лицамъ, какъ приходимцы - монахи выдали имъ аміантъ за незатлѣнную сорочку Божьей Матери, рассказывалъ, какую мнроточивую икону видѣлъ онъ въ Польшѣ, сколько гвоздей и дровъ креста Христова бережется въ католическихъ монастыряхъ, указывалъ архіереямъ, чтобы они не допускали почитать за святыню „невѣдомыхъ и отъ церкви несвидѣтельствованныхъ гробовъ“, боготворить иконы и вымыслять ложныя чудеса, не принимали отъ духовнаго и мірскаго чина и другихъ подъ образомъ благочестія притворныхъ и прелестныхъ дѣлъ⁽¹⁾. При учрежденіи Синода не разъ напоминалъ ему о необходимости бороться противъ суевѣрія. Вотъ напр. одинъ изъ подобныхъ указовъ:— „Понеже разговорами я давно побуждалъ, а нынче письменно, дабы краткія поученія людямъ сдѣлать (понеже ученыхъ проповѣдниковъ дѣло мало имѣемъ), также сдѣлать книгу, чтобы изъяснить, что непремѣнный законъ Божій и что совѣты, и что преданія отеческія, и что вещи среднія и что только для чину и обряду сдѣлано, и что непремѣнное и что по времени и случаю перемѣнилось, дабы знать могли, что въ каковой силѣ имѣть. О первыхъ, кажется мнѣ, чтобы просто написать такъ, чтобы и поселянинъ зналъ, или на двое: поселянамъ простые, а въ городахъ покрасивѣе для сладости слышащихъ, какъ вамъ удобнѣе покажется, въ которыхъ бы наставленія, что есть прямой путь спасенія истолкованъ былъ, а особливо вѣру, надежду, любовь (ибо о первой и послѣдней зѣло мало знаютъ, и не прямо, что знаютъ, а о средней и не слышали), понеже всю надежду кладутъ на пѣніе церковное, постъ и и поклоны и прочее тому подобное, въ нихъ же строеніе церквей, свѣчи и ладонь“... и проч. Подъ вліяніемъ Петра и при его участіи явился и Духовный регламентъ, а также рядъ синодскихъ указовъ противъ суевѣрія, ханжества и аскетизма. Объявляется вражда всему „что либо именовъ

(1) Нартовъ, № 103, Голицковъ; II 197. № 2986, 6.

субвѣрія нарешися можетъ“,—т. е. если не по слову божію, но по легкомысленнымъ разсказамъ и бабїимъ баснямъ всеу вѣруется—, всему лишнему, ко спасенію непотребному, вымышленному только для своего интереса лицемѣрами, прельщающими простой народъ“. Синодъ заявлялъ, что можетъ случиться, что кто нибудь, придумавъ ложное чудо, начнетъ разглашать, а оно простымъ и малоразсуднымъ народомъ принимается за истину, прибавляется къ числу чудесъ, распространяется и укрѣпляется въ памяти всѣхъ; синодъ указывалъ на необходимость разыскиванія сомнительныхъ мощей, нѣтъ-ли у насъ такого бездѣлія,—, много бо и о семъ наплутано“, вооружался противъ выдуманныхъ молитвъ, преданій, житій святыхъ, противъ построенія лишнихъ церквей,—, понеже всякому здраворазсудному извѣстно, какое-то небреженіе славѣ божіей въ лишнихъ церквахъ и множествѣ поповъ“, противъ аскетическихъ подвиговъ самоистязанія: „о безумія и ованства! что глупые отъ ума плоти своея дмѣящіяся чловѣцы возмечтали о Бозѣ, будто бѣдство и болѣзнь наша сама собою Богу есть прїятна. Богъ нашъ, о треваяннїи глупцы! не мучитель есть, но отецъ щедротъ и *Богъ всякія утѣхи*“... наконецъ противъ монастырскихъ затворниковъ и ханжей⁽¹⁾.

Наконецъ, Петръ пытался расцѣять укоренившіяся въ народномъ представленіи боязливыя опасенія передъ темными призраками, окрещенными именемъ діавола. Такъ онъ думалъ поколебать народное повѣрье въ присутствіе діавола въ великушахъ и бѣснующихся и въ то, что монстры или уроды авляются отъ дѣйствія того же діавола. Утаиванье послѣднихъ вызвало съ его стороны обличительно-наставительный указъ. Заявляя о томъ, что монстровъ, собираемыхъ во всѣхъ государствахъ, представлено только два, указъ прибавляетъ: „однакожь въ такомъ великомъ государствѣ можетъ болѣе быть; но таятъ невѣжды, чая, что такія уроды родятся отъ дѣйства дьявольскаго чрезъ вѣдовство и порчу: чему быть невозможно, ибо единъ Творецъ вся твари—Богъ, а недіаволь, которому ни надѣ какимъ созданіемъ власти нѣтъ; но отъ поврежденія внутренняго и мнѣнія матернаго во время бремени, ваъ тому многіе есть примѣры, чего

⁽¹⁾ П. С. З. № 3894. Дух регл. дѣла общія 4012, 4121, 3912, 4053.

испугается мать, такіе знаки на дитяти бывають“. Зная въ 1706 г. объ ожидаемомъ сильномъ затмѣніи солнца, и опасаясь, какъ бы оно принятое за предзнаменованіе, не навело на народъ унынія, столь опаснаго въ критическія минуты кровавой борьбы съ врагомъ, Петръ предупреждаетъ о томъ административныхъ лицъ и поручаетъ имъ объяснить народу, что въ ожидаемомъ затмѣніи нѣтъ ничего чудеснаго и зловѣщаго (¹).

Сама жизнь, наводила Петра на мысль, что лучшее средство для борьбы съ суевѣріемъ и всякимъ зломъ—знаніе, что слѣд. ему нужно сдѣлаться не только воспитателемъ, но и учителемъ народа.

Взгляды Петра на жизнь, его бесѣды, непрестанныя заботы о самообразованіи, наконецъ самая практическая дѣятельность достаточно указываютъ на то, какъ высоко онъ ставилъ знаніе. Еще болѣе онъ убѣждался въ этомъ, благодаря обстоятельствамъ его исторической дѣятельности, направленной на борьбу съ внѣшними врагами, а главнымъ образомъ на радикальныя реформы во всѣхъ областяхъ внутренней жизни народа. Эти обстоятельства раскрыли также ему, куда нужны образованные люди и какаго рода должны быть знанія ихъ.

Потери и неудачи подъ Азовомъ, разгромъ подъ Нарвой и много другихъ военныхъ событій и разныхъ мелочей военного быта съ перваго же времени должны были убѣждать въ необходимости изучать серьезно специально военныя науки, приучаться къ дисциплинѣ и вотъ воинскій уставъ 1716 г. подробно опредѣляетъ знанія, требуемыя отъ тогдашнихъ военныхъ людей. „Фельдцейхмейстеру, говорится въ немъ, надлежитъ о фортификаціи, такъ и о артиллеріи и инфантеріи совершенное извѣстіе (Wissenschaft) имѣть“, генераламъ, криесъ-и обер-коммисарамъ — „доброму ариемегіку быть“. Чинъ генераль-квартирмейстера требуетъ человѣка, искуснаго въ географіи и фортификаціи, полковому же квартирмейстеру нужно по крайней мѣрѣ „знать рисунокъ“ и отчасти географію, а также быть добрымъ ариеметикомъ и

(¹) П. С. З. № 3459. Гол. II, 300—304.

геометромъ. Отъ инженеровъ требовалось основательное знаніе фортификаціи, отъ генералъ аудитора и отъ фискаловъ знаніе военныхъ и прочихъ правъ. Генералы, штабъ и оберъ офицеры, солдаты, должны были каждый достаточно свое знаніе вѣдать. Даже отъ волонтеровъ требовалось не только знаніе военныхъ экзерцицій, но и прочихъ военныхъ наукъ, особенно фортификаціи и артиллеріи. Такимъ образомъ отъ военныхъ начальниковъ и отъ простыхъ солдатъ требовалось, хотя отъ каждаго не въ полномъ объемѣ, знаніе ариѳметики, геометрии, фортификаціи, артиллеріи, географіи, военныхъ и прочихъ правъ,—отъ всѣхъ вообще знаніе военной экзерциціи (¹).

Создавая для Россіи военный флотъ, гдѣ по самому характеру службы требуется не столько личная храбрость, сколько опытность и знанія, нужно было снабдить его людьми искусными въ отправленіи своихъ обязанностей. Не смотря на всѣ усилія царя-моряка, не смотря на приглашенія на службу во флотъ иностранцевъ, въ русскомъ флотѣ долго, по словамъ Вебера, чувствовался недостатокъ въ опытныхъ матросахъ. Кромѣ того были нужны капитаны, штурманы, артиллеристы, знакомые съ навигаціей, артиллеріей, географіей и другими спеціальными свѣдѣніями (²).

Кромѣ людей, умѣющихъ отправлять морскую службу, нужны были и люди, умѣющие построить флотъ, оснастить, снабдить его всѣмъ необходимымъ: мастера корабельные, знающіе строеніе кораблей и судовъ, разнаго рода, также маляры, столяры, рѣшники, фонарные, паяльные, парусные шведы, товари, прядильщики, конопатчики, компасники, канатные и др. (³).—Вообще расширеніе добывающей и обрабатывающей, ремесленной, заводской и фабричной промышленности, постройка новыхъ крѣпостей, столицы, каменныхъ зданій, заложеніе гаваней, проведеніе каналовъ, заведеніе торговаго флота съ его новоманерными судами требовали людей знакомыхъ съ теоретическими и особенно практическими естественно-научными и математическими знаніями:

(¹) Военскій уставъ, № 3006, гл. XII, XV, XXVII; гл. XX и 3 часть; гл. XXIV и XLII; гл. XXX; отдѣлъ о экзерциціи гл. I а также 3 ч.

(²) Морской уставъ №№ 3485 и 3937.

(³) № 3937 опредѣленіе о мастеровыхъ.

химиковъ, механиковъ, инженеровъ, архитекторовъ и разнаго рода мастеровыхъ и художниковъ.

Чтобы замѣнить пользующихся народнымъ довѣріемъ знахарей-лекарей и колдуновъ, а также чтобы сколько нибудь удовлетворить вопіющимъ потребностямъ войска и флота, почти лишенныхъ до сихъ подъ медицинскою помощью, нужны были научно-образованные медики вообще и хирурги въ частности.

Для своихъ преобразованныхъ судебныхъ и административныхъ учреждений, Петръ нуждался въ людяхъ знакомыхъ съ русскимъ и иностраннымъ законодательствомъ и съ управленіемъ дѣлъ въ коллегіяхъ, ратушахъ въ людяхъ, которые „счетнымъ и экономическимъ дѣламъ искусны“... „кто въ магистратскихъ и гражданскихъ, полиціи дѣлахъ довольно искусство имѣеть“⁽¹⁾.

Раскалъ, поддержанный реформой, усиленіе еретическихъ и особенно протестанскихъ ученій и имѣній благодаря увеличившимся сношеніямъ съ западною Европой, а также образовой, часто бессознательный характеръ русскаго богочтенія, злоупотребленія въ дѣлахъ вѣры и масса суевѣрій, ясно обнаружившихся при столкновеніи съ иностранцами, все это—вмѣстѣ съ желаніемъ распространить православіе въ средѣ инородцевъ⁽²⁾—побуждало Петра создать въ средѣ духовенства людей, которые бы смѣло боролись съ этими „многими нестроеніями“, душевными болѣзнями русскаго общества, вооружившись истиннымъ „знаніемъ божескимъ“, „евангельскимъ ученіемъ“⁽³⁾.

Сношенія съ Европой стали чаще разнообразнѣе. Русскіе или путешествовали за границей, или размѣстились при разныхъ дворахъ, школахъ, а иностранцы помѣстились чуть не въ каждой коллегіи, фабрикѣ, заводѣ, кораблѣ, школѣ; то одно, то другое пересаживается изъ ихъ жизни на русскую почву, а наука чуть не сплошь переводится съ иностраннаго; Повсюду „зѣло нужны переводчики“, толмачи, и во-

(1) П. С. З. №№ 2927, 3202, 3778.

(2) Кромѣ прежде приведенныхъ фактовъ, обстоятельное подтвержденіе этихъ мыслей можно найти въ статьяхъ г. Знаменскаго въ Прав. Собесѣдн., за 1864 г. «Законодательство П. В...».

(3) Дух. реглам. Сол. XV, 116.

обще люди, знающіе латинскій и новыя европейскіе языки, особенно нѣмецкій, голландскій и французскій ⁽¹⁾.

Такъ какъ русскіе, даже послы отличались нерѣдко до сихъ поръ грубостью обращенія съ иностранцами, то оказалась нужда въ людяхъ „полированныхъ“, „учтивыхъ“, „политич-ныхъ“ ⁽²⁾.

Наконецъ жизнь стала требовать вообще людей грамотныхъ безъ отношенія къ спеціальному образованію. Послышавъ и голосъ Посошкова о необходимости грамотности для крестьянъ и инородцевъ, чтобъ охранить ихъ отъ „великихъ пакостей“ и лишнихъ поборовъ со стороны администраціи или мнимыхъ представителей ея ⁽³⁾.

Создавая въ Россіи науку, расширяя для этого типографскую дѣятельность, приготовляя библіотеки, кунсткамеру, выписывая инструменты, модели, отправляя экспедиціи съ учеными цѣлями, Петръ долженъ былъ найти людей, умѣющихъ собирать и распоряжаться этими матеріалами и научными средствами, найти ученыхъ, которые были бы въ состояніи самостоятельно разрабатывать науку.

Такимъ образомъ личный характеръ Петра Великаго и направленіе его реформы вызывали людей, знакомыхъ главнымъ образомъ съ положительными знаніями и практическими свѣдѣніями, а крайняя необходимость, какъ можно скорѣе примѣнить ихъ въ жизни побуждала обратить особенное вниманіе не на теоретическую ихъ сторону, на практически-привладную.

Но являлся вопросъ, какимъ образомъ удовлетворить этимъ общественнымъ нуждамъ, гдѣ взять людей искусныхъ, образованныхъ, ученыхъ? Если нанять иностранцевъ, то пришлось бы нанимать ихъ тысячами,—что было бы тяжело для народа и въ тоже время не прочной мѣрой, такъ какъ большинство иностранцевъ не умѣло или не хотѣло открывать своихъ знаній русскимъ, а обогатившись въ Россіи, уво-зило вмѣстѣ съ деньгами и свои знанія. Наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ иностранцевъ даже совсѣмъ нельзя было

⁽¹⁾ П. С. З. №№ 2928, 3318, 3843, 3937, 4438, 4443. Стл. I, 5 и глава IX.

⁽²⁾ П. С. З. № 3318. Солов. XVI, 24.

⁽³⁾ П. С. З. № 4624. Солов. XVI, 303.

допускать. Петръ, естественно желавшій не только ввести но и упрочить свою реформу вообще и новыя знанія въ частности, хотя и принужденъ былъ воспользоваться услугами иностранцевъ, тѣмъ не менѣе онъ старался всѣми средствами, какия казались ему полезными, — образовать самихъ русскихъ⁽¹⁾.

Изъ всѣхъ средствъ, которыми Петръ пользовался для распространенія въ Россіи образованія, мы остановимся на одномъ — на обученіи народа *разнаго рода знаніямъ*, насколько это извѣстно изъ законодательства Петра, а отчасти и изъ другихъ свидѣтельствъ; при этомъ по возможности укажемъ на нѣкоторыя побочныя условія способствовавшія и препятствовавшія этому дѣлу и на нѣкоторые ближайшіе результаты.

Учителями въ то время могли быть всѣ, обладающіе извѣстными свѣдѣніями въ наукѣ, искусствѣ, ремеслѣ, не смотря на то, имѣли ли наклонности къ педагогической дѣятельности и были ли подготовлены къ ней, знали-ли языкъ своихъ учениковъ и обстановку, въ которой они выросли. Петру, какъ нарочно, пришлось прежде всего обратиться къ иноземнымъ учителямъ, такъ какъ предшествовавшіе опыты дали мало русскихъ. Какъ извѣстно, въ продолженіи всей жизни Петръ сильно заботился о вызовѣ иностранцевъ вообще (кромя евреевъ). Объявляя для всѣхъ безпрепятственный проѣздъ, свободу вѣры и отправленія богослуженія, самостоятельный судъ и свободу возвратиться по исполненіи условій, онъ приглашалъ ихъ самъ лично, черезъ пословъ, резидентовъ, агентовъ. Было приглашеніе и плѣннымъ Шведамъ. Одни изъ этихъ иностранцевъ поступали безъ обязательства учить когонибудь, другіе напротивъ того вызывались прямо съ цѣлью обучать народъ; для послѣднихъ правительство заботилось открыть школу, значеніе которыхъ

(1) Что Петръ считалъ свои реформы упроченными въ Россіи только съ распространеніемъ знаній, видно отчасти изъ его указовъ. Въ предисловіи къ морскому регламенту говорится: «дабы то кораблестроеніе и мореходство *важно утвердилось въ Россіи, умысливъ искусство дѣла тою весть въ народъ свой...* Устр. II, 4-е прил., а въ указѣ о строеніи каменныхъ зданій доказывается, что только *отъ обученія* это доброе дѣло *впредь будетъ прочно.* № 1800.

было рано сознано и высказано Петромъ еще въ разговорѣ съ Адрианомъ по возвращеніи изъ-за границы; въ послѣдствіи школы считались „благоугоднымъ“ и „зѣло нужнымъ дѣломъ“ (1). Наконецъ, третьяго рода учителя обязаны были отправлять служебныя обязанности и въ тоже время учить поручаемыхъ имъ русскихъ. Послѣдняго рода учителей было больше другихъ; они обучали на мѣстѣ отправленія своихъ службъ,—въ войскѣ, во флотѣ, на заводахъ, фабрикахъ, мастерскихъ, госпиталяхъ и другихъ мѣстахъ. Вообще Петръ заботился увеличить число иностранцевъ втораго и третьяго рода; приемъ же перваго рода, по упомянутымъ выше побужденіямъ, считался скорѣе только временной мѣрой. Впрочемъ, призывая иностранцевъ въ Россію, правительство не всѣхъ безъ различія принимало на службу. Петръ, особенно въ послѣдніе годы, старался допускать ихъ, подвергнувъ предварительно испытанію, исключая, конечно, тѣхъ, которые пріобрѣли себѣ извѣстность. Такъ напр. относительно мастеровъ иностранцевъ вѣрно было мануфактуръ-коллегіи свидѣтельствовать, „знаютъ ли они своего дѣла и буде не знаютъ или плохо знаютъ, тотчасъ отпустить безъ жаднаго озлобленія“ (2).

Но такъ какъ иные иностранцы не соглашались ѣхать въ Россію частію изъ опасенія за свое положеніе въ варварской странѣ, какою они считали Россію, частію вслѣдствіе другихъ причинъ и такъ какъ русскія учебныя заведенія и другія мѣста, гдѣ бы можно было учиться народу, были въ зародышѣ или только развивались, между тѣмъ какъ за границей университеты, академіи, спеціальныя школы были въ полномъ ходу,—то естественно, что Петру могла придти мысль посылать русскихъ учиться за границу. Къ тому же путешествіе по Европѣ имѣло и то образовательное значеніе для учащихся, что они могли „для обученія посмотреть другія государства“, какъ говорилъ Петръ Толстой, могли видѣть, какіе сильные корни пустила наука въ жизнь, сколько здѣсь разнаго рода школъ, учащихся, ученыхъ, каковы ре-

(1) П. С. З. №№ 1910, 3778, 4 п. 3708 гл. XXI. Кол. XV, 116.

(2) П. С. З. № 4345, 4 п.

вультаты знанія для жизни, дивиться, пречудному математическому разуму иностранцевъ (¹).

Иногда вмѣсто послылки за границу отправляли ближе — въ Ливонію (²). Привося несомнѣнную пользу, ученье у иностранцевъ имѣло и неудовлетворительныя стороны: ревнивыя опасенія со стороны учителей—передать знанія „не своимъ“ (³), незнаніе или плохое знаніе русскаго языка и презрительныя отношенія къ невѣжеству, складу жизни, обычаямъ учениковъ,—что, конечно, не могло содѣйствовать сближенію учащаго съ учащимся,—этимъ скорѣе поддерживалась въ послѣднихъ старинная антипатія къ „еретикамъ“. Наконецъ въ матеріальномъ отношенія не выгодны были большія денежныя затраты, соединившіяся съ обученіемъ за границей, громадное жалованье привезеннымъ иностранцамъ (доходившее, по словамъ Касеяса, иногда до десяти и болѣе тысячъ рублей) (⁴). Это побуждало отыскивать болѣе лучшихъ и дешевыхъ учителей.

Исчисленные недостатки могли быть устранены устранены, хоть отчасти, учителями изъ обучившихся русскихъ. Послѣдніе не могли бы скрывать знаній безъ вреда для себя, нашли бы больше сочувствія своихъ единосемцахъ, легче и успѣшнѣе могли обучать на своемъ родномъ языкѣ и уменьшили бы большія и уходящія въ чужія руки затраты на иностранныхъ учителей. „Польза, которая изъ сей академіи будетъ, говорится въ проектѣ объ учрежденіи ея, есть слѣдующая: 1) что его и. в. изъ своихъ подданныхъ ученые (а они, по уставу, были и учителя) люди получить... 3) оныя, которые поѣдутъ за границу (обучившись дома языку иностранному) меньше денегъ будутъ тратить, понеже они больше въ одинъ годъ научатся, нежели иной въ десять лѣтъ“. Петръ высказывалъ преимущественное желаніе имѣть своихъ учителей еще въ разговорѣ съ патриархомъ Адрианомъ, а

(¹) Поповъ. Путешествіе въ Италію П. А. Толстаго въ 1697—98 гг. (изъ Атеней) 76; 28, 31, 54 и въ др. мѣстахъ.

(²) П. С. З. 2279, 4 ст. 4348, 4; Чистовичъ 49—50.

(³) Солов. XVIII, 261. П. С. З. №№ 4381 и 4600. Афанасьевъ. Июль II отд. 62 стр.

(⁴) П. С. З. № 4600. Чистовичъ. Феоф. Пр. 135. Пекар. И. и литерат. при П. В. I, 60.

на уставѣ академіи приписалъ: „надлежитъ по два человѣка еще прибавить изъ словенскаго народа, дабы могли удобнѣе русскихъ учить“,—слѣдовательно онъ видѣлъ неудобства въ обученіи черезъ иностранцевъ (¹). При немъ болѣе и болѣе появляются учителя изъ русскихъ, въ нисшихъ учебныхъ заведеніяхъ, учителя - мастера и художники, учителя - военные и моряки. Высшимъ духовнымъ образованіемъ стали завѣдывать малороссіяне.

Подобно тому какъ не много учителей, такъ не много учебныхъ пособій оставила древняя Русь Петру. Если и были учебники въ кievской и московской академіяхъ, то они были рукописные; на учениковъ возлагалась обязанность переписывать составленные учителями руководства,—что должно было отнимать не мало времени. Петру пришлось обратиться за учебниками за границу, и по разнымъ предметамъ начали переводить на русскій языкъ болшею частію цѣлкомъ иностранныя руководства; иныя впрочемъ нѣсколько передѣлывались. Петръ справлялся о ходѣ перевода, прочитывалъ, исправлялъ и дополнял переведенные учебники, напр. геометріа, присланная изъ „военнаго похода“ 1707 г. была поправлена рукой Петра „въ премногихъ мѣстахъ“, и наконецъ такіе учебники печатались, притомъ болшею частію простымъ гражданскимъ шрифтомъ. Съ другой стороны переведенные учебники должны были страдать почти общимъ недостаткомъ тогдашнихъ переводовъ, когда, при невыработанности русскаго языка, при маломъ знакомствѣ иностранцевъ съ нимъ, а русскихъ съ языками иностранными, способъ изложенія и языкъ отличались темнотою: верались иностранныя обороты рѣчи, русскій языкъ наполнялся варваризмами, германизмами, полонизмами и въ то же время не могъ избавиться и отъ славенскаго высокаго діалекта. Если этотъ недостатокъ представлялъ затрудненія и для тогдашняго образованнаго читателя, то тѣмъ болѣе для начинающихъ учиться, для которыхъ учебникъ долженъ быть изложенъ легкимъ и понятнымъ языкомъ. При Петрѣ же начали у насъ печатать и географическія карты, гравюры, таблицы; оказалось нужнымъ выписывать и готовить у себя математическіе и другихъ родовъ инструменты, хотя они и не всегда назначались для учебныхъ цѣлей.

(¹) Пек. I, 60; Солов. XV, 116. П. С. З. № 4443.

Ставя народное образование однимъ изъ необходимыхъ условій государственной жизни, Петръ старался помогать народному обученію и другими способами.

Во первыхъ доставленіемъ *денежныхъ средствъ*. Съ Петра явился отдѣлъ государственныхъ расходовъ, не существовавшій до него:—расходы на жалованье учителямъ, ученикамъ, на содержаніе школъ и на учебныя пособия. Изъ государственныхъ же суммъ шло жалованье учащимъ и учащимся въ войскѣ, флотѣ, на казенныхъ фабрикахъ, заводахъ, въ госпиталяхъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи и Европы (¹).—Кромѣ того на содержаніе нѣкоторыхъ школъ учителей и учениковъ назначены были особые спеціальныя доходы: опредѣленные части изъ архіерейскихъ домовъ, получавшихъ деньги или припасы съ вотчинъ, церковныя дани и вѣчныя памяти, изъ монастырскихъ доходовъ. Особенно въ послѣдніе годы царствованія, Петръ сталъ заботиться о распространеніи просвѣщенія на счетъ доходовъ монастырскихъ. На этотъ же предметъ отдавались иногда и сборы съ раскольниковъ (²). Наконецъ, правительство, помогало разнаго рода частнымъ промышленнымъ заведеніямъ деньгами или льготами, обязывало при этомъ лицъ завѣдывающихъ этими заведеніями непременно обучать русскихъ учениковъ. Иногда назначались привилегіи для семействъ учащихся (Указъ 3 декабря 1723 г.)

Употребляя такимъ образомъ разнаго рода суммы на народное образование, правительство никогда почти (³) не брало денежной платы за ученье, но старалось обязать учащагося вознаградить обучавшихъ и содержавшихъ его,—правительство или частныхъ лицъ—службой или вообще трудомъ по окончаніи ученья.

Кромѣ денежной помощи Петръ Великій тѣмъ еще могъ поощрять народъ учиться, что старался доставлять выучив-

(¹) П. С. З. №№ 2554, 2626, 2736, 2798, 3006. LXVIII гл., 3485 кв. IV гл. III, 3551, 3748, 4443. Частов. 138—149 и др.

(²) Дух. реглам. дѣла епископовъ, 11 и 12 вл. П. С. З. №№ 2778, 4426, 4450, 4516, 10.

(³) Мнѣ извѣстны только два позволенія: одно учителямъ цифирныхъ школъ брать съ выучившихся совѣтъ по 1 р., другое посланнымъ для обученія новонамерному судостроенію съ хозяевъ судовъ опредѣленную плату на жалованье и прогоны.

шимся: „ученымъ“, а гдѣ не требовалось научныхъ знаній, „искуснымъ“ и опытнымъ, какого бы званія они ни были, *выгоды, соединенныя съ исправленіемъ разнаго рода должностей*, запрещая давать разнаго рода преимущества и награды не учившимся и не трудящимся, какой бы знатной фамиліи они ни были. Такъ, „воинскій уставъ“, упоминая о знаніяхъ, которыми надлежитъ владѣть высшимъ и нисшимъ воинскимъ чинамъ, тѣмъ самымъ не только высказываетъ сознанныя правительствомъ нужды государства (о чемъ было выше сказано), но явившись въ формѣ закона, вмѣстѣ требуетъ отъ желающихъ пріобрѣсти преимущество по службѣ опредѣленныхъ знаній въ военномъ искусствѣ. Другіе указы: указъ 16 февраля 1714 г., требующій, чтобы изъ дворянскихъ породъ и иныхъ со стороны отнюдь не писали въ офицеры, если они не знаютъ солдатскаго дѣла и указъ 21 января 1723 г. предписывающій между прочимъ назначать въ армейскіе полки офицерами только „изъ ученыхъ въ школахъ, искусныхъ людей“ только дополняетъ „воинскій уставъ“ (¹).—Во флотѣ и на адмиралтейской верфи награждаются тѣ изъ морскихъ служителей, которые окажутся „знающими въ морскомъ хожденіи и тщательными въ произведеніи своего дѣла паче другихъ“. Точно также и изъ служителей на верфи и изъ артиллерійскихъ служителей. Пріобрѣсти первыхъ чиновъ для всѣхъ моряковъ необходимо соединялось съ пріобрѣтаемой въ продолженіи 5—6 лѣтъ опытностью въ морской службѣ, а пріобрѣтеніе чина офицера и другихъ чиновъ невозможно было, по закону, безъ знанія навигаціи, артиллеріи и прочаго, спеціально относящагося къ извѣстной должности (²).

Генеральный регламентъ постановляетъ, что желающіе не только служить при канцеляріяхъ и конторахъ, но также современемъ быть произведенными въ высшіе по градусамъ чины должны учиться, хотя бы они были знатныхъ и шляхетскихъ фамилій, „ибо кромѣ сего пути никто въ вышній градусъ и до министерскаго чина произведенъ быть не можетъ“. На пріемъ „неученыхъ“ смотрѣли какъ на вре-

(¹) П. С. З. №№ 2775 и 4147.

(²) П. С. З. № 3485 книга III, 46 и 53 п. № 3937, 410 п. и 64, 1-й отд.; гл. X, 37; гл. XII, 1.

менную мѣру; ихъ допускали только „за оскудѣніемъ ученыхъ“, и они должны были первое время служить безъ ранговъ ⁽¹⁾.

Естественно, что исполнять всѣ обязанности медика правительствомъ могло дозволить только людямъ, приготовившимся въ этому званію; такъ напр. только выучившихся полковыхъ фельдшеровъ оно производило въ лѣкаря ⁽²⁾.

Наконецъ и духовныя должности Петръ и сочувствующіе ему въ этомъ сотрудники его тоже старались замѣстить людьми, подготовленными образованіемъ къ этому званію. Сначала опредѣленіемъ на епископскіе кафедры ученыхъ кievскихъ монаховъ, а потомъ указомъ о монашествѣ ⁽³⁾. Петръ ясно высказалъ свое стремленіе имѣть архіереями и архимандритами въ знатныхъ монастыряхъ людей, владѣющихъ праличными принимаемому сану образованіемъ, преимущественно передъ другими. Въ архимандриты же вообще, игумены и священники должны были допускаться только люди, знакомые хотя съ первоначальнымъ школьнымъ образованіемъ, „а ежели явятся въ томъ нерадивы и лѣнсты; тѣмъ, яко самимъ о себѣ нерадящимъ, отнять всю священнаго чина и церковнаго причту надежду“. „Въ слушаніи ставленниковъ быть опасну и жестоку, и аще явится неумѣнье и воспочтенье дьячковъ, такимъ весьма отказывать“ ⁽⁴⁾.

Но Петръ не ограничивался вспомогательными средствами и мѣрами для обученія русскаго народа, — онъ считалъ нужнымъ дѣйствовать и *насилъственными, принудительными мѣрами и наказаніями*. Вотъ что высказывается въ петровскихъ законодательныхъ памятникахъ о необходимости подобныхъ средствъ при реформѣ вообще и при воспитаніи и обученіи въ частности: „знаете, хотя что добро и надобно, а новое дѣло, то наши люди безъ принужденія не сдѣлаютъ“; „нашъ народъ, яко дѣти, неученья ради которыхъ никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневоле-

(1) П. С. З. №№ 3534, XXXVI в 3890, 44 п.

(2) П. С. З. № 3006 гл. XXXIII, 4 п.

(3) П. С. З. № 4450, II очеред. и особ. 15 п.

(4) П. С. З. о епископахъ 10 п.; домы учащныя 16 и 26 п.; указа № 4024. По словамъ автора «молотка на камень вѣры». Яворскому отнюдь не велѣно было ставить въ священники не наученыхъ по малой мѣрѣ катихизиса и 10 заповѣдей. Чист. 394. № 2352, 8.

ны бывають, вторымъ сперва досадно вѣжется, но когда кончатся, потомъ благодарять, что явно изъ всѣхъ выигравшихъ дѣлъ,—не все-ль неволю сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ“; „дѣти въ волѣ, безъ наказанія и страха возвращенныя... обыкновенно въ бѣды впадаютъ, но случается послѣ, что и родители за пагубу приносятъ“ (1). Прикладывая подобныя педагогическія приемы къ воспитанію сына наследника и своихъ ближайшихъ учениковъ-сотрудниковъ, Петръ захотѣлъ заставить и другихъ русскихъ братья за учебу „неволю“, или лишеніемъ права жениться, часто собственноручно узаконялъ суровыя наказанія учащимся со стороны учителей и начальниковъ, наблюдавшихъ за ученымъ воспитаніемъ (2). Но съ другой стороны Петръ давалъ приказанья принимать въ учебу охотниковъ только, людей, склонныхъ въ какому нибудь роду знаній (3).—Педагогическія понятія Петра какъ будто не были тверды, колебались. Онъ придавалъ значеніе и учебу по охотѣ и въ тоже время не прочь былъ заставить иныхъ учиться самыми крутыми мѣрами (4). Эти колебанія имѣють, мнѣ вѣжется, своимъ источникомъ то двойственное направленіе, которое стало замѣчаться въ педагогическихъ взглядахъ общества. Съ одной стороны въ большинствѣ общества господствуютъ старыя „домостроевыя“ взгляды на воспитаніе. Съ другой стороны пробираются въ общество понятія о воспитаніи въ другомъ родѣ. Нѣкоторыя изъ русскихъ побывали за границей; одинъ изъ нихъ Матвѣевъ описываетъ, что его поразило между прочимъ: „въ обращеніи съ дѣтьми (во Франціи) нѣтъ ни малѣйшей жестокости, ни ожесточенія отъ своихъ родителей, ни отъ учителей и отъ наказанія словеснаго паче, нежели отъ побоевъ, въ прямой волѣ и смѣлости воспитываются“. Италіецъ Каселъ предлагалъ для посылки въ Италію обучаться тамошнимъ художествамъ выбрать „охочихъ“ изъ молодыхъ русскихъ людей и опредѣлять къ

(1) П. С. З. №№ 3781, 4385, 3485, предисловіе.

(2) П. С. З. №№ 4291, 2762, 2788 и др.

(3) П. С. З. № 4384, 1 п. Устр. III, 426, № 3937, часть II, т. IV, 2 п.

(4) Эти колебанія замѣтны и на другомъ лицѣ—Поликариовѣ, который сначала признавалъ необходимость наказанія, а потомъ писалъ: «сопѣваюсь, дастся ли словеснымъ наука?» Некарек. I, 176, Солов. XVI, 307.

наученью всякаго „по своей склонности“ (1). Въ проектѣ академіи наукъ, принадлежащемъ, вѣроятно, Петру Курбатову, между прочимъ сказано: „надо ученикамъ или и студентамъ объявить, что ученье ихъ не яко бы они тѣмъ обременены были силою, но почитали бы они сіе за милость его и. в., и того ради не всякаго надобно въ сему допускать, но кто къ сему склонность будетъ имѣть“ (2). Перваго рода понятія остались господствующими. Что Петръ чаще склонялся на сторону принужденія, суровыхъ наказаній; это объясняется отчасти и его нетерпѣливымъ, раздражительнымъ характеромъ. Это свойство характера вредитъ въ педагогической дѣятельности. Петру же, какъ учителю народа, очень часто приходилось встрѣчаться съ равнодушіемъ или упорствомъ своихъ учениковъ, и онъ считалъ нужнымъ прибѣгать къ угрозамъ и наказаніямъ.

Сказавъ вообще о прямыхъ средствахъ обученія народа: объ учителяхъ и учебныхъ пособіяхъ, о важнѣйшихъ вспомогательныхъ средствахъ и мѣрахъ, а также и о понудительныхъ, употреблявшихся Петромъ Великимъ для обученія своего народа, а перейду къ болѣе подробному изложенію упомянутыхъ средствъ и мѣръ и примѣненія ихъ въ русской жизни, причемъ прежде всего изложу обученіе военному искусству и морскому дѣлу, такъ какъ на этотъ предметъ было больше обращено вниманія Петромъ Великимъ по упомянутой выше особенной склонности государя къ этого рода знаніямъ и по обстоятельствамъ политическимъ.

Первымъ началомъ *военнаго искусства*: строевой службѣ, ружейнымъ приѣмамъ и стрѣльбѣ,—что называлось еще эскерцией,—обучали всѣхъ; назначенныхъ въ военную службу Петръ началъ заботится объ этомъ еще во времена потѣшныхъ походовъ, призывая разнаго рода служивыхъ людей „для ученія ратному строю“, подъ угрозой великой опалы безъ всякаго милосердія за ослушаніе (3).—Впослѣдствіи онъ въ составленномъ имъ „воинскомъ уставѣ“ велѣлъ заботиться объ обученіи армейскихъ солдатъ полковникамъ и всѣмъ штабъ-и оберъ-офицерамъ; ротному писарю велѣно было въ

(1) Пекарск. I, 155. П. С. З. № 4600.

(2) Пекарск. I, 59—61 гл. VI, 1 п.

(3) Устрял. II, 178 и 179, 134 и 135.

указное время читать всей ротѣ военные артикулы „для всегдашняго вразумленія въ должности солдатской“, какъ сказано было въ одномъ позднѣйшемъ указѣ⁽¹⁾. Матросы также обучались первымъ военнымъ приемамъ, хотя и меньше солдатъ. „Командиры ротъ корабельныхъ повинны матросовъ, когда они на берегу обрѣтаются, ... учить экзерциціи солдатской съ ружьемъ и гранатами два дни въ недѣль, ежели какая работа не помѣшаетъ“; велѣно было также учить стрѣлять въ цѣль⁽²⁾.—Въ 1720 г. велѣно было недорослямъ съ 10 лѣтъ, дѣтямъ всякихъ чиновъ служивыхъ людей (кромя шляхетскихъ),—офицерскимъ, рейтарскимъ, драгунскимъ, солдатскимъ, стрѣлецкимъ и др.—явиться на смотры по губерніямъ, гдѣ годныхъ въ службу изъ нихъ велѣно было „приверстывать въ гарнизонные полки въ солдаты и обучать ихъ непрестанно экзерциціи“⁽³⁾. Дѣтей шляхетскихъ, также дьячкихъ и подъячкихъ, съ 1712 г. велѣно было цѣлымъ рядомъ указовъ, принявшихъ подъ конецъ гровный видъ, высылать въ Петербургъ на смотръ⁽⁴⁾. Большая часть этихъ недорослей предназначалась для военной службы и сначала должна была въ качествѣ рядовыхъ сухопутной или морской гвардіи обучаться „фундаменту солдатскаго дѣла“. Такъ въ іюль 1712 г. вѣроятно, послѣ майскаго смотра велѣно было 700 недорослей обучаться въ Москвѣ военному артикулу съ жалованьемъ въ мѣсяцъ по 15 алтынь съ прибавкой провіанта по полусмѣнѣ⁽⁵⁾.—Этими начальными свѣдѣніями и ограничивалось обученье большинства русской арміи—простыхъ солдатъ. Научившись развѣ еще отъ офицера молитвѣ „отче нашъ“, да изрѣдка грамотѣ и другимъ молитвамъ петровскій солдатъ вступалъ въ другую „трехвременную жестокую школу“ походовъ, осадъ и битвъ со Шведами⁽⁶⁾.

Меньшинство же военныхъ людей обучали и болѣе упомянутыхъ начальныхъ свѣдѣній.

(1) П. С. З. № 3006 отд. о экзерциціи гл. I и № 4422.

(2) 5-я часть реглам. морскаго гл. XIII, 4 и 2. П. С. З. № 3937.

(3) П. С. З. № 3634.

(4) П. С. З. №№ 2492, 2497, 2652, 2679, 2754, 2988, 3634, 3803, 3846, 3859.

(5) № 2554.

(6) №№ 3006 гл. LXIV, 3422. Солов. XVII, 377, 466.

Такъ матросы, кромѣ общихъ съ солдатами экзерцицій, занимались еще *экзерциціями относящимися къ морскому дѣлу*. Еще до изданія морскаго регламента встрѣчаемъ указъ, гдѣ повелѣвалось офицерамъ каждый день дѣлать съ матросами экзерциціи пушками, парусами и веревками. Морской регламентъ велитъ разнаго рода командирамъ непрестанно обучать морскихъ служителей экзерциціямъ преимущественно на корабляхъ, а также ботахъ, шлюпкахъ. Чтобы быть добрымъ и искуснымъ матросомъ требовалось не меньше пятилѣтней службы⁽¹⁾.—Во время пребыванія въ портѣ матросовъ съ каждаго корабля, по пропорціи, обучали конопатить. Генераль майору Чернышеву поручено было обучать матросовъ грамотѣ и цифири⁽²⁾. Матросовъ старались обучить другимъ образомъ,—отдавая ихъ на службу другимъ государствамъ. Такъ вмѣстѣ съ каждымъ столбникомъ, отправленнымъ въ 1697 г. за границу, было по одному солдату для изученія морскаго дѣла. По желанію Петра, Матвѣевъ хлопоталъ въ 1703 году о принятіи 4000 русскихъ матросовъ въ голландскую службу, и „черезъ великіе труды“ удался ему и Брюйсу выпросить позволеніе, но только на 1000 русскихъ матросовъ⁽³⁾. Впослѣдствіи закономъ было позволено молодымъ матросамъ 14 и 15 лѣтъ служить на англійскихъ и голландскихъ корабляхъ для обученія морскаго ходенія и языковъ съ ручательствомъ родственниковъ, представить ихъ чрезъ 4—5 лѣтъ. Наконецъ правительство заботилось знакомить новыхъ матросовъ съ практическими свѣдѣніями касательно ихъ службы, предписывая отдавать пятого изъ нихъ на всѣ торговыя русскія суда, которыя ходили внутри и внѣ государства, также и на тѣ, которыя отправлялись на морскіе промыслы. Когда окажется нужда въ этихъ матросахъ, то велѣно было брать ихъ съ торговыхъ судовъ, отдавая новыхъ на ихъ мѣсто⁽⁴⁾.

(1) П. С. З. № 2882. Уставъ морской № 3485, кн. III, гл. I 22 п.; 53 п. съ толкованіемъ; кн. I гл. I. 16 и 17. № 3937. Часть II, гл. I, 3, 14 пп. гл. II, V, 3.

(2) № 3559; № 3122 относительно записныхъ матросовъ.

(3) Устр. II, 516. Семеро изъ великаго посольства поступили на корабли въ матросы (Устр. III, 426). Соловьевъ; XV, 58 и 64.

(4) П. С. З. №№ 3938, I. 76 и 78.

Кромѣ сообщенія немногихъ свѣденій по артиллеріи солдатамъ и матросамъ, правительство хотѣло обстоятельно обучить особо предназначенный для этого отдѣлъ войска— пушкарей, или артиллерійскихъ служителей. Обучение пушкарей флота поручалось цейхмейстру и артиллерійскому офицеру (констаблю). „Морскимъ уставамъ этотъ офицеръ обязанъ былъ, „когда время допустить со опредѣленными людьми... учинить эзерцицію пушками, дабы оныя были искусны, когда случится противъ непріятели дѣйствовать“. Въ бытность же флота въ портѣ предписывалось учить всѣхъ пушкарей всему, что надлежитъ въ стрѣльбѣ пушечной на корабляхъ. Для простаго пушкара ученіе не было сложно: считали достаточнымъ, если онъ въ разное время впродолженіи года дѣлалъ 15 выстрѣловъ; кромѣ ученія его употребляли на работу⁽¹⁾.

Но для арміи и флота нужны были артиллеристы, инженеры и моряки, которые владѣли бы *научнымъ специально-военнымъ образованіемъ*, а такъ какъ подобное образованіе требовало первоначально знакомства съ ариѳметикой и геометрией, то, еще въ 1700 г. была учреждена въ Москвѣ *математическая школа*, назначеніе которой главнымъ образомъ состояло въ томъ, чтобы готовить въ занятіяхъ военнымъ искусствомъ. Учителями этой школы были англичане: Фарварсонъ, профессоръ абердинскаго университета, знавшій русскій языкъ, нововводитель арабскихъ цифръ въ Россію, Гвинъ, Грейсъ и русскій—Магницкій. Изъ писемъ Курбатова, подъ вѣденіемъ котораго находилась эта школа, видно, что въ 1703 г. въ ней было до 200 учениковъ всякихъ чиновъ людей; большинство въ это время учились ариѳметикѣ, „человѣкъ съ 10 учатъ радикасы и готовы совершенно въ геометрію, только имѣемъ нужду въ лишеніи инструментовъ... а въ геометрію безъ инструментовъ быти невозможно“⁽²⁾. О характерѣ занятій въ математической школѣ можно отчасти судить по учебнику Магницкаго. По словамъ г. В., разбиравашаго этотъ учебникъ, собственно ариѳметика въ книгѣ Магницкаго обработана съ болѣею полнотою сравнительно съ другими частями: „онъ преимущественно старался указать тѣ случаи, гдѣ можно счесть или измѣ-

(1) П. С. З. № 3485, гл. IV. 2 40. № 3937 часть II, гл. IV, 12.

(2) Пек. I, 122—123, 269. Солов. XV, 99.

рять что набудь при пособіи ариметики. Съ этою цѣлью онъ помѣстилъ въ своей книгѣ множество примѣровъ или прикладовъ... Методъ изложенія истинъ науки у Магницкаго довольно ясный, но, по нашимъ понятіямъ, неудовлетворительный; авторъ учитъ только производить дѣйствія, не представляя причинъ, почему такъ, а не иначе дѣлается¹. Такого же направленія держался и Копіевскій въ своей ариметикѣ. Того же метода направленія держались и въ геометріи; тогдашній учебникъ по этому предмету состоялъ изъ практическихъ задачъ⁽¹⁾. Не смотря на подобный механическій способъ обученія, мало развивающій мыслительныя способности учащагося,—ученье въ математической школѣ, если вѣрить Курбатову, шло довольно успѣшно: „нынѣ мноіе изъ всякихъ чиновъ и прожиточные люди *признами тоя науки сладость* (по словамъ Перри, въ его время въ Россіи людей, знавшихъ ариметику, было весьма мало: они считались остроумнѣйшими головами, одаренными блестящими способностями; Пек. I, 269), отдають въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные и сами недоросли и рейтарскіе дѣти и молодые изъ приказовъ подъячіе приходятъ *съ охотою не маюю*“⁽²⁾. Такое расположеніе общества къ наукѣ—явленіе чрезвычайно рѣдкое для того времени.

Послѣ знакомства съ математикой можно было приступать и къ основательному изученію *навигациі, артиллерійскаю и инженернаю* искусствъ. Сначала обученье этому происходило при той же математической школѣ. Вивіусъ въ письмѣ отъ 1706 г. говоритъ, что онъ „школу математическую ради изученія русскому народу въ наукѣ инженерской, бомбардирской, пушкарской устроилъ“⁽³⁾. Самое названіе школы—„школа математическихъ и навигацкихъ, т. е. мореходныхъ хитростно искусствъ ученія“ показываетъ, что одной изъ главныхъ цѣлей ея было—обучить молодыхъ людей, познакомившихся съ начальными свѣдѣніями по математикѣ, искусству мореплаванія,—сдѣлать изъ нихъ моряковъ. Впрочемъ не всѣ, познакомившіеся съ русской грамотой и цифирной наукой, принимались за изученіе навигаціи, а только дѣти „шляхетскіе“. Эти дѣти были не только 12—17 лѣтъ,

⁽¹⁾ Пекар. I, 270—271, 273—276, 20—21.

⁽²⁾ Солов. XV, 100.

⁽³⁾ Пек. I, 206.

но частенько и 20. „Русскій баричъ 17—18 лѣтъ, характеризуетъ Веселаго, считался неразумнымъ младенцемъ и жилъ въ своемъ помѣстьѣ въ самомъ безсознательномъ невѣжествѣ. Капризамъ балованнаго дитяти нерѣдко повиновалось окружающее, и ему, съ самыхъ пеленокъ, подобострастные нянюшки и дядьки вбивали въ голову барскую спѣсь и презрѣніе къ труду и работѣ, какъ дѣлу холопскому. Нѣкоторые изъ этихъ юношей, еще бывши у себя въ деревнѣ, хаживали на медвѣдя, и естественно, кулачный бой считали однимъ изъ пріятнѣйшихъ препровожденій времени; другіе серьезно придерживались чарочки“. Послѣ знакомства съ ариѳметикой, геометрией и тригонометріей, обращали особенное вниманіе на навигацію. „Изъ астрономіи проходили необходимыя части морской астрономіи и подъ именемъ „географіи“ разумѣли немногія свѣдѣнія изъ географіи математической... Тяжелая схоластическая система преподаванія и новостъ русскаго научнаго языка до послѣдней крайности затемняли самыя простыя вещи. Надъ тѣми предметами, которые теперь играючи можно предать 13-лѣтнему мальчику не очень быстрыхъ способностей, взрослый ученикъ навигацкой школы убивалъ нѣсколько мѣсяцевъ постояннаго, усерднаго труда, и нерѣдко въ результатѣ оказывалось, что большая часть его знаній состояла въ изученіи бесполезныхъ фразъ, пустыхъ опредѣленій и множество научныхъ фокусовъ, только для профановъ кажущихся наукою. Къ этому надо прибавить, что въ первые годы существованія школы, англичане худо знали русскій языкъ, и слѣдовательно уроки ихъ были мало понятны“. Кромѣ ариѳметики Магницкаго, которая включала въ себѣ и курсъ математики въ приложеніи къ мореплаванью, составлялись для навигаторовъ и другіе учебники— по тригонометріи, навигаціи; напечатаны также таблицы логарифмовъ и тригонометрическихъ линій, таблицы склоненія солнца, географическія и морскія карты. Впрочемъ были и другія средства для образованія юношей. За большіе проступки наказывали плетью, а на знатныхъ дворянъ, по царскому указу, налагали *нѣты*,—штрафъ за прогульные дни—за 1 день по 5 р., за 2—10, а за слѣдующіе по 15 р., и такихъ штрафовъ разъ накопилось до 8545 р. Но „строгий, часто даже грозный царь, въ своей любимой школѣ, былъ какъ добрый отецъ (среди) своего семейства. Здѣсь онъ уже видѣлъ первые плоды своей мысли,—преобразованія Россіи:

здѣсь начинали понимать его, и всегда, въ свою вѣстную башню часто приходилъ онъ отдыхать отъ трудовъ безпрестанныхъ, горькихъ столкновений съ упрямствомъ и предразсудками" (1). Много для этой школы сдѣлалъ англичанинъ Фарварсонъ. Будучи знакомъ съ русскимъ языкомъ, принимая участіе въ составленіи учебниковъ, онъ кромѣ того, по словамъ Вебера, обучилъ многихъ молодыхъ людей, поступившихъ въ военную и морскую службу, и подготовилъ еще не мало учениковъ для вновь учрежденной мерской академіи. Его заслуги подтверждаются и официальными свидѣніями; одна бумага 1737 г. говоритъ, что съ помощью его „едва-ли не всѣ при флотѣ россійскіе подданные отъ высшихъ и до низшихъ чиновъ къ мореплаванью въ навигацкихъ наукахъ обучены. Не смотря на званіе профессора и на его труды, Фарварсонъ терпѣлъ нужду. Съ самаго пріѣзда онъ съ своими помощниками жаловался на это въ поданной просьбѣ. Хотя ему и назначено было жалованье въ 250 р., а Гвину и Грейсу по 150, однако онъ въ 1710 г. долженъ былъ униженно молить Апраксина, чтобы онъ напомнилъ о немъ царскому величеству, „для того что невозможно больше и долѣ въ такой скудости жить, какъ я по се число живу“. Магницкомушло жалованье въ 90 рублей, а за составленіе арифметики дано кормовыхъ за 11 мѣсяцевъ 50 р., на 200 учениковъ до 2000 р. (2).

Образованіе по другимъ спеціально-военнымъ наукамъ давалось главнымъ образомъ въ школахъ математическихъ и навигацкихъ наукъ.

Такъ въ 1712 г. государь велѣлъ сенату отдать 20 молодыхъ дворянъ въ артиллерійскую науку артиллеріи генералъ—майору Гинтеру (3). Въ 1717 г. велѣно было цехмейстеру Отто „учить простыхъ ребятъ артиллеріи столько, сколько простому командиру надлежитъ, числомъ 500 или 300 человекъ; обучать оныхъ зимою, а лѣтомъ быть во фло-

(1) Г. Веселаго, авторъ «исторіи морскаго кадетскаго корпуса»—выдержки въ сборникѣ Тихомирова 247—259. Пекарскій I, 123—124, 270—272 II, 397, 286, 654, 655.

(2) Записки Вебера. Р. Арх. 1872 г. 4364 стр. Нек. I, 192—193, 270. Солов. XV т. 53 прим.

(3) Указъ у Голякова и въ запискѣ Глѣбова о военныхъ школахъ при Петрѣ В. Отеч. Зап. т. XLIV, VIII отд. 91.

тѣ“. Впослѣдствіи же вообще на всякаго цейхмейстера возложена была морскимъ регламентомъ обязанность обучать лучшихъ и охочихъ людей изъ пушкарей не меньше 150 артиллерійскому дѣлу съ основанія, такъ чтобы они годились не только въ унтеръ но и въ оберъ-офицеры артиллеріи ⁽¹⁾. Наконецъ именнымъ указомъ 13 марта 1721 г. учреждалась артиллерійская школа: „выбрать изъ артиллеріи учениковъ (30) и обучать ихъ при саяктпетербургскомъ лабораторномъ домѣ всему, касающемуся до артиллеріи, а также арифметикѣ, геометріи и тригонометріи ⁽²⁾“.—Иногда русскіе артиллеристы, — „бомбардиры“ обучались своему искусству заграницей. Такъ, уѣзжая въ 1697 г. изъ Кенигсберга, Петръ оставилъ тамъ для изученія артиллеріи 4 бомбардировъ; царевичъ имеритинскій учился бомбардирству въ Гагѣ. Въ числѣ отправленныхъ въ 1699 г. за границу былъ рядовой бомбардиръ, впослѣдствіи суровый управитель военно-учебныхъ заведеній, Скорняковъ-Писаревъ. Въ какихъ близкихъ отношеніяхъ стояли иногда эти учащіеся къ государю, показываютъ отрывки изъ уцѣлѣвшаго письма одного бомбардира Корчмина въ „Петру Михайлову“: „мы съ Степкою Бужениновымъ, благодаря Богу, по 20 марта выучили фейерверкъ и всю артиллерію; нынѣ учимъ тригонометрію. Мастеръ нашъ (лейтенантъ артиллеріи),—человѣкъ добрый, знаетъ много и намъ указываетъ хорошо; только намъ въ томъ не полюбилися, что просить съ насъ за ученье денегъ, а безъ платы пересталъ было и учить: просить съ человѣка, хотя по 100 талерей. Пожалуй, батка нашъ, прикажи объ мастерѣ вѣдомость учинить.... Изволишь писать, чтобы я уведомилъ какъ Степанъ (т. е. Бужениновъ) не учась грамотѣ, геометрію выучилъ, и я про то не вѣдаю: Богъ и свѣпцы просвѣщаетъ ⁽³⁾“. Элементарнымъ учебникомъ по артиллеріи могла служить книга Бринка: „Описаніе артиллеріи“, предназначавшаяся авторомъ для молодыхъ людей, желающихъ изучать артиллерію, а также могла быть, по отзыву Виніуса, „потребна артиллерійскимъ служителямъ“ ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ П. С. З., №№ 3122, 3937, ч. II, гл. IV, 2.

⁽²⁾ Указъ этотъ сохранился, по словамъ Глѣбова, въ выпискѣ въ архивѣ 2-го кадетск. корпуса.

⁽³⁾ Устр. III, 42, 426, 427. Пекар. I, 276.

⁽⁴⁾ Пекар. II, 238, I, 208.

Для обученія инженерному искусству въ началѣ 1712 г. Петръ велѣлъ основать въ Москвѣ инженерную школу на 100 или 150 человѣкъ (¹), изъ дворянскихъ дѣтей). Успѣли однако набрать только 23 человѣка, и въ концѣ 1713 г. является опять новый указъ, — „набрать въ военной канцеляріи изъ всякихъ чиновъ людей, также изъ царедворцовыхъ дѣтей, за которыми есть до 50 дворовъ, семьдесятъ семь человѣкъ, чтобы всѣхъ въ школѣ было не менѣе ста“. Учить ихъ велѣно было сначала ариметикѣ, а когда окончатъ ее, геометріи, сколько до инженерства надлежитъ, а потомъ уже отдавать ихъ инженеру учить фортификаціи. Главное наблюденіе за этимъ дѣломъ поручено было полковнику инженеру Декулону. Жалованье учителю, ученикамъ и другіе расходы простирались до 3038 рублей. Черезъ шесть-семь лѣтъ послѣ основанія школы въ 1719 г. изъ семидесяти четырехъ учениковъ ея велѣно было уничтожить инженерную роту подъ вѣдѣніемъ того-же Декулона, оставивъ при нихъ и инженера и инструменты. На ихъ мѣсто вновь набраны были 100 человѣкъ, также переведенные въ 1724 г. въ инженерную роту. Жалованье ученикамъ этой роты отпускалось сообразно съ ихъ успѣхами въ изучаемомъ искусствѣ (²). Руководствомъ при занятіяхъ, вѣроятно, служила книга Штурма „Архитектура воинская“, изложенная въ формѣ разговора учителя съ ученикомъ (³).—Во время войны за испанское наслѣдство нѣсколько русскихъ училось инженерному искусству подъ надзоромъ знаменитаго въ свое время инженера Кэгорра (голландскій Вобанъ) (⁴). Изъ писемъ араба Абрама видно, что и онъ учился инженерской наукѣ во Франціи, во вновь открытой тамъ школѣ; ему, какъ и еще нѣкоторымъ русскимъ, назначено было 240 французскихъ ефимковъ на содержаніе, но учащіеся не могли прожить на эти деньги, такъ какъ каждый на эту сумму долженъ былъ и содержать себя, и платить за ученіе. Къ тому же это жалованье высылалось неакуратно, притомъ векселями, упавшими въ цѣнѣ. Абрамъ писалъ, что ему съ товарищами грозитъ опасность

(¹) П. С. З. № 2367, II, 17, №№ 2739 и 4567.

(²) Пск. II, 244.

(³) Idem, I, 10, II, 249.

умереть съ голоду, что они были принуждены отказать учившимъ ихъ мастерамъ за недостаткомъ денегъ и кредита⁽¹⁾.

Военному дѣлу учились еще дѣти Репнига, посланные за границу подъ руководство знаменитаго тогда полководца, принца Евгенія. Какъ истые баричи, вырвавшіеся на свободу, они оставили въ сторонѣ всякій серьезный трудъ. Отецъ писалъ, что по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ дѣти его „въ обобщѣ живутъ непотребно—со всякимъ непостоянствомъ“, „безпутнымъ житьемъ“, стоятъ ему 15000 рублей⁽²⁾.

Давать по возможности *высшее военное образованіе*, преимущественно впрочемъ въ наукахъ, касающихся морскаго дѣла, было главнымъ назначеніемъ высшаго петровскаго военно-учебнаго заведенія—морской академіи. Инструкція, данная ей 1-го октября 1715 года⁽³⁾, даетъ намъ понятіе о внутреннемъ строѣ этого учрежденія. Академія находилась подъ вѣденіемъ адмирала, но непосредственнымъ начальникомъ ея былъ директоръ академіи. Отъ него зависѣли профессоры, за преподаваніемъ которыхъ онъ долженъ былъ наблюдать и для этого ежедневно находиться въ залахъ академіи, или классахъ, и особенно ученики. Смотря за прилежаніемъ послѣднихъ и принимая донесенія о поведеніи ихъ отъ полицейской власти академіи, офицера надъ караульными,—директоръ могъ наказывать учащихся. Но это право было особенно тягостно потому, что инструкція, т. е. законъ, стараясь за всякій проступокъ со стороны учащагося непременно опредѣлить наказаніе, въ тоже время не опредѣляла степень этого наказанія для отдѣльнаго случая. Отсюда вытекала возможность почти безграничнаго произвола, тѣмъ болѣе что въ защиту учащагося не было ни одной статьи въ инструкціи. Законъ не допускалъ даже пассивнаго сопротивленія—выхода изъ заведенія. Учителя, хоть въ такой степени. Предметами ученья были назначены слѣдующіе: арифметика, геометрія, навигація, артиллерія, полевая фортификація, географія, фехтъ или приемы ружья и воинское обученіе съ мушкетами. Всему этому должно было обучать совершенно. Долговременной же фортификаціи, а также кора-

(1) Пекарскій; I, 163—167.

(2) Соловьевъ; XVI, 204.

(3) П. С. З. № 2937.

бельнымъ членамъ, должно было учиться такъ, чтобы только знали, что для чего дѣлается, а рисовать и на рапирахъ, сколько возможно. Наконецъ нѣкоторыхъ велѣно было учить астрономіи (¹). Осталось извѣстіе, что велѣно было въ академіи обучать 30 человекъ геодезіи, т. е. „такимъ образомъ въ географическихъ дѣйствахъ обучить, чтобы въ каждую провинцію по 2 человека для сниманія оной отправлены быть могли“ (²). Учебники для разныхъ специально-военныхъ школъ могли быть введенными и въ академіи; остается упомянуть только объ учебникахъ по географіи, которую здѣсь проходили „совершенно“. До 1718 г. у насъ существовало только одно печатное краткое руководство по этому предмету, изданное въ 1710 г.: „Географія или краткое земнаго круга описаніе“, гдѣ на 106 страницахъ in 8° вромѣ общихъ опредѣленій описаны части свѣта и многія государства.

Гораздо полнѣе „Географія генеральная“ Варенія, пользовавшаяся тогда извѣстностью и напечатанная на русскомъ языкѣ въ 1718 г. Въ ней авторъ обращаетъ особенное вниманіе не на политическую географію, а на описаніе частей земли и океана, мѣстоположеніе странъ, климатическія явленія, обычаи разныхъ народовъ. Хотя эта книга и назначалась для учащихся, однако переводчикъ ея Поликарповъ находилъ ее многотрудной и премудрой. Только въ 1719 г. была переведена географія Гюбнера, извѣстнаго въ свое время за талантливаго составителя учебниковъ, изъ которыхъ учащіеся легко понимали и усваивали научныя свѣдѣнія (³).— Ученье начиналось утромъ. Въ 7, а лѣтомъ въ 6 часовъ морская гвардія (вомплектъ для морской академіи былъ назначенъ въ 300 учащихся) должна была собираться въ залы академіи „подъ наказаніемъ“. Наказаніе грозило и тому, кто въ назначенной залѣ не будетъ присутствовать на молитвѣ о потребной милости отъ Бога, о здравіи его ц. в. и о благополучіи его оружія. Послѣ молитвы долженъ былъ „со всякимъ почтеніемъ и со всевозможною учтивостію сѣсть каждый по мѣстамъ безъ всякой конфузій, недосады другъ другу, подъ наказаніемъ. Когда учителя и профессеры учить будутъ, то ученики должны принимать всѣ представленія

(¹) П. С. З. №№ 3271, 3937, 59. Пек. I, 124.

(²) Пекар. I, 348—349, № 4864.

(³) Пекар. I, 345 II. №№ 182, 390 и 410.

ихъ и имѣть надлежащее почтеніе подѣ наказаніемъ, никакого крику ни шуму не чинить, ниже время проводить разговоромъ съ другими“. При этомъ Петръ прибавилъ собственноручно-написанное приказаніе: „для унятія крика и безчинства выбрать изъ гвардіи отставныхъ добрыхъ солдатъ и быть имъ по человѣку во всякой камерѣ во время ученія, и имѣть хлысть въ рукахъ; и буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онимъ бить, не смотря, какой бы онъ фамиліи не былъ, подѣ жестокимъ наказаніемъ, это помянуть“ (¹). Но за поведеніемъ морской гвардіи зорко смотрѣли и не во время однихъ занятій. Ежедневно велѣно было разставлять у назначенныхъ дверей караульныхъ. Команда надъ ними поручалась офицеру, на котораго возложена была обязанность надсматривать не только за часовыми, находятся ли они на своихъ мѣстахъ, но и за жившими въ академіи гвардейцами—учениками, чтобы не было пьянства, божбы, ниже богохуленія, чинить рундъ надъ гвардіею каждый часъ днемъ и ночью; послѣ того, какъ пробьютъ тапту (²) отправлять патрули на дворъ академіи и вокругъ ея, чтобы арестовать и посадить въ караульню тѣхъ, которые окажутся внѣ заведенія. Послѣ тапты гвардейцы не должны отлучаться ни изъ камеръ своихъ, ни ночевать въ камерахъ другихъ. Въ другое же время всѣмъ изъ морской гвардіи позволялось отлучаться только за необходимыми причинами и иначе, какъ только съ позволенія директора академіи, а изъ города только съ разрѣшенія адмирала. Если же бы кто захотѣлъ самовольно отстать отъ академіи,—тогда отдается подѣ военный судъ и судится, какъ дезертиръ (³).—Обширная власть директора, неопредѣленная точными границами и безправіе учащихъ вели въ произволу и возможность частаго повторенія поступковъ въ родѣ того, который вызвалъ жалобу навигатора Угримова, подавшаго царю челобитную, что директоръ С. Илеръ билъ его по щекамъ и палкою при всей школѣ (⁴). Тяжесть положенія, увеличивавшаяся отъ господство-

(¹) Инструкція морск. академіи. П. С. З. № 2937.

(²) Въ воинскомъ уставѣ сказано: «тапту надлежитъ бить тогда когда еще во 100 саженьяхъ въ лице и цвѣтъ платья свободно видѣть возможно». П. С. З. № 3006, LX 4 п.

(³) Инструкц. морск. академіи. № 2937.

(⁴) Солов. XVI, 309.

вавшей и днемъ, и ночью военной дисциплины доводила учениковъ до того, что они массами бѣжали изъ академіи. Въ 1723 г., когда академіей завѣдывалъ Скорняковъ-Писаревъ, извѣстный своей строгостью и неуживчивостью, изъ 400 воспитанниковъ 116 были въ бѣгахъ⁽¹⁾.

Приобрѣтенныя въ школахъ теоритическія знанія навигаторы или, какъ ихъ еще называли, гардемарины пополняли и прилагали къ практикѣ обученіемъ во флотъ на морѣ и въ портѣ на верфи, на которой обучалось, ежегодно перемѣняясь, по 20 гардемариновъ.

Завѣдыванье этимъ дѣломъ поручалось (на морѣ) капитану корабля и (въ портѣ) командиру надъ портомъ и особымъ офицерамъ, поставленнымъ надъ гардемаринами. Ихъ обязанности такъ объясняются закономъ: „крѣпко радѣть объ ихъ (гардемариновъ) обученіи“, обучать ихъ опредѣленнымъ наукамъ и вообще „крѣпко надъ ними смотрѣть и называть“,—въ такомъ же порядкѣ „содержать, учить и наказывать, яко лейбъ-гвардію, безъ всякаго изытія“. Ежели не добро будутъ обучать, говорится про офицеровъ, надъ гардемаринами, или въ чемъ ихъ манить, должны дать отвѣтъ, „подъ штрафами и наказаніями“. Относительно капитана сказано, что если онъ въ обученіи „лѣнство поступитъ, тяжкой отвѣтъ будетъ имѣть..., а ежели въ другой разъ то учинитъ, то наказанъ за оное будетъ вычетомъ жалованья или лишеніемъ чина“. Наконецъ капитанъ и офицеры должны были представлять вѣдомости объ обхожденіи гардемариновъ, или, какъ пояснено въ другомъ мѣстѣ, роспись, гдѣ означить „поведенія всякаго, поступокъ въ ихъ обученіи и прилежность въ наукѣ“. Такимъ образомъ угрожаемы свыше лишеніями и наказаніями за нерадѣніе упомянутые начальники снабжены были относительно своихъ учениковъ правами: учить извѣстнымъ предметамъ (нѣкоторымъ предметамъ обучали мастеровые), слѣдить за нравственностью, оцѣнивать успѣхи, прилежаніе и поведеніе съ правомъ наказывать и представлять отзывы⁽²⁾.

Разсмотримъ подробнѣ постановленія закона относительно обученія и способовъ слѣдить за нравственностью учащихся. На морѣ гардемарины обучались разнаго рода

⁽¹⁾ Пекарск. I, 276.

⁽²⁾ П. С. З. № 3485 кн. III гл. I, 56 п. № 3937. Часть II, гл. XIX 1 и 2 пп. и гл. I, 3 п.

свѣдѣніямъ, преимущественно практическимъ, необходимымъ для матроса и для офицера, „повинны въ наукѣ своей, которую получили въ школахъ, всегда обращаться, для чего опредѣляется имъ время 4 часа въ день, для разныхъ наукъ: полтара часа для штурманскаго обученія, которое имъ долженъ указывать штурманъ корабельный, а офицеръ, приставленный къ гардемаринамъ, повиненъ тогда надсматривать, чтобъ тотъ штурманъ, который ихъ учитъ, отправлять должность свою и открывалъ имъ все, что онъ знаетъ въ своемъ художествѣ; полчаса для солдатскаго обученія съ мушкетерами и для обращеній воинскихъ, и сіе будетъ указывать имъ ихъ начальникъ; часть для обученія пушечнаго, какъ въ теоріи, которую приняли отъ офицера артиллерійскаго или констапеля, такъ и въ практикѣ; часть для обученія корабельному правленію, если время позволяетъ, то повиненъ командовать капитанъ или капитан-лейтенантъ. Если капитану самому не досугъ, оной капитанъ прикажетъ гардемаринамъ командовать управленіемъ корабельнымъ, всякому поочередно, ихъ спрашивать и поправлять, въ чемъ не доразумѣютъ, изъяснить случаи, въ которыхъ какое управленіе надобно употребить“. Учились также прилагать къ практикѣ свои свѣдѣнія по навигаціи: „повинны сами брать observaцію, т. е. усматривать высоту мѣста и прочее, нужное къ ихъ мореплаванію“⁽¹⁾.—Въ бытность въ портѣ гардемарины обучались въ недѣлю 2 часа инженерному искусству, 2 часа навигаціи, 4 часа въ палатѣ, гдѣ корабельные мастера и искусные офицеры будутъ имъ по правиламъ толковать строеніе кораблей и пропорціи всѣхъ частей въ кораблѣ, 2 дни въ мѣсяцъ экзерциціи солдатской. Въ тѣ дни, когда они въ другія науки не ходили, вѣрно было обучать ихъ стрѣльбѣ изъ ружья и изъ пушекъ, какъ учили матросовъ, пушкарей и солдатъ“⁽²⁾. Наконецъ гардемарины должны были ходить учиться боцманской работѣ и работать своими руками, также быть при валяньи (?) кораблей и присматривать, какъ то отправляется, 1½ или 2 часа⁽³⁾.

Чтобъ успѣшнѣе слѣдить за нравственностью гардема-

(1) П. С. З. № 3482. Кн. Ш гл. I 53 и гл. XX, 2 и 8.

(2) П. С. З. № 3937. Часть II морск. рега. XIX. 3 п. Здѣсь былъ еще особый начальникъ обер-сарваеръ.

(3) П. С. З. № 3937. о управл. адмиралт. гл. XII; 8 п. Часть II морск. рега. гл. XIX, 7 п.

риновъ, начальство выбирало себѣ помощниковъ изъ тѣхъ гардемариновъ „которые лучше и прилежнѣе въ наукахъ“. Эти товарищи-начальники назывались сержантами и карпоралами и у нихъ были свои дивизіи⁽¹⁾. Заботы о нравственномъ воспитаніи не простирались дальше разнаго рода полицейскихъ запретительныхъ понудительныхъ и карательныхъ мѣръ. Такъ приказывали присутствовать на молитвѣ; за неисполненіе этого рядовые (а слѣд. и гардемарины?) наказывались кошками, офицеры же штрафомъ, начиная съ 25 копѣекъ и увеличивая далѣе вдвое; приказывали заботиться о чистотѣ ружья и платья; запрещали привозъ вина, женщинъ на корабль⁽²⁾, а въ портѣ сержанты и корпоралы должны были „въ квартирахъ, гдѣ гардемарины живутъ, спрашивать хозяевъ о житіи оныхъ гардемариновъ, и ежели явятся непотребно живущіе, о тѣхъ доносить опредѣленнымъ офицерамъ“. Во время занятій въ школахъ порта велѣно было сержантамъ и карпораламъ смотрѣть, чтобы между гардемаринами было тихо. Подобно морской академіи у дверей всякой школы (класса) офицеры разставляли часовыхъ, чтобы безъ вѣдома офицера никого не выпускать. Въ отпускъ съ Котлина въ Петербургъ можно было отправляться только съ разрѣшенія главнаго командира надъ портомъ, а въ дома—адмиралтейской коллегіи, кто не явится въ опредѣленный срокъ, имѣеть быть наказанъ, „какъ солдатъ“⁽³⁾.

Неплюевъ въ своихъ запискахъ замѣтилъ, что при опредѣленіи его гардемаринномъ во флотъ, ему съ товарищами выдали парусинные бостровы и назначили 2 р. 40 к. мѣсячнымъ жалованьемъ⁽⁴⁾.

Кромѣ изученія искусства мореплаванія дома, русскіе учились ему и за границей. Въ предисловіи къ морскому регламенту сказано, что Петръ „многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго“⁽⁵⁾. Трудно съ точностью опредѣлить какъ велико было это „многое число благородныхъ“. Известно, что въ 1697 г. послано было 50 столь-

(1) 2 части морск. реглам. гл. XIX, § п. № 3937.

(2) Морск. уставъ кн. IV, гл. I № 3485.

(3) П. С. З. 2 части морск. реглам. гл. XIX 10, 5, 6, 11 и 12 пп.

(4) Отечеств. Зап. 1823 г. ч. XVI, 173.

(5) Устр. II, 400.

никовъ и спальниковъ; въ промежутокъ времени между 1713—1715 гг. только въ Голландіи было въ навигацкой наукѣ 22 человекъ изъ самыхъ знатныхъ фамилій. Въ 1717 г. было послано 47 навигаторовъ, „дворянскихъ дѣтей“. Кромѣ Голландіи посылали учиться въ Италію, Англию, Францію, Испанію⁽¹⁾. Предметы занятій главнымъ образомъ вращались около наукъ и искусствъ, необходимыхъ для морскаго дѣла, хотя всетаки не всегда были одинаковы. Такъ инструкція, данная Толстому, обязывала 1) знать чертежи или карты, компасы и прочіе признаки морскіе; 2) владѣть судномъ, какъ въ бою такъ и въ простомъ шествіи, и знать всѣ снасти и инструменты, къ тому принадлежащіе: паруса, веревки, а на ваторгахъ и на иныхъ судахъ весла и пр. 3) околько возможно, искать того, чтобъ быть на морѣ во время боя, а кому и не случится, и то съ прилежаніемъ того искать, какъ въ то время поступать. 4) Ежели кто захочетъ впредь получить милость большую, по возвращеніи своемъ научился бы знать, какъ дѣлать тѣ суда, на которыхъ они искушеніе свое примуть⁽²⁾. Подобнымъ нравитескимъ знакомствомъ съ морскимъ дѣломъ не всегда ограничивалось изученіе его. Многіе знакомились съ научной стороной и изучали другія искусства. Такъ Неплюевъ послѣ практическаго знакомства съ наукой галернаго плаванія и послѣ участія въ битвахъ съ Турками учился въ кадыкской академіи: „артикулу солдатскому, повседневно математикѣ, повседневно артиллерійскому искусству, на шпагахъ биться, тапцовать“. Семь русскихъ гардемариновъ въ Тулонѣ учились, кромѣ сейчасъ упомянутыхъ наукъ, инженерству, „рисовать мачтабы“, кораблестроенію, боцманству, на лошадяхъ ѣздить⁽³⁾. Князь Иванъ Андр. Щербатовъ писалъ про себя въ 1719 г., что онъ, кромѣ того, что всѣми силами старался быть въ практикѣ на военныхъ англійскихъ корабляхъ, научился еще отчасти ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, астрономіи и навигаціи⁽⁴⁾. Наконецъ всѣмъ учащимся не-

(1) Декар. I, 142; П. С. З. №№ 2999, 3058, 3067. и Записки Неплюева; Отеч. Зап. 1823; XVI, 176 и 180.

(2) Поповъ Путешествіе Толстаго. 6—7 объ исполненіи этой инструкціи 30—31, 55, 67—68.

(3) Отеч. Зап. за 1824 г. XIX, 230, 234.

(4) Декар. I, 244.

обходимо было познакомиться съ языкомъ тѣхъ земель, въ которыхъ они учились или по крайней мѣрѣ съ латинскимъ. Трудно давалась большинству вся эта наука. М. М., меньшей Голицынъ, одинъ изъ учившихся въ 1711 г. въ Голландіи навигацкой наукѣ, знавшій только природный языкъ, тяготился своимъ положеніемъ „наука опредѣлена самая премудрая; хоты мнѣ всѣ дни живота моего въ той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того—не знамо учителя языка, не знамо науки“. По словамъ Голицына, даже и для знакомыхъ съ латинскимъ языкомъ навигацкая наука оставалась трудной: „и тѣ въ три годы ни одинъ человекъ ни половины окончатъ не можетъ“⁽¹⁾. Если прибавить еще, что многимъ, незнакомымъ съ моремъ, приходилось переносить морскую болѣзнь, то понятно, что нужно было „понуужденіе (къ) навигацкой наукѣ“⁽²⁾ для учащихся ей за границей отъ лицъ, назначенныхъ для наблюденія за учениками. Но часто эти наблюдатели (письма Львова, Конопа Зотова) оказывались беззачетными не только припуждать къ ученю, но даже сдерживать своихъ соотечественниковъ. При внушающей если не отвращеніе, то ровнородушіе наукъ, при отсутствіи всякой здоровой, привлекательной дѣятельности, учащейся молодежи оставалось направиться въ другую сторону и мѣрить свои силы количествомъ выпитаго вина и совершать буйные подвиги надъ своими и чужими. Это тѣмъ болѣе было возможно, что нравственныхъ сдержекъ, приобретаемыхъ большею частью съ молодости здоровымъ воспитаніемъ, не было, а внѣшнія—оказывались слабыми. Денежныя средства гардемаринъ также успѣвали находить себѣ: однимъ присылали деньги изъ дома, другіе входили въ долги. „Увѣдомились мы, говорится въ именномъ указѣ кн. Гагарину 1710 г.⁽³⁾, что къ посланнымъ за море въ науку вашей братьи дѣтямъ, которые съ кн. Ив. Львовымъ, переводятъ отцы ихъ и братья, и прочіе свойственники для довольства имъ вексели черезъ иноземцевъ на великое число денегъ, мимо адмиралтейскаго приказа, отчего они тамъ живутъ въ волѣ и гуляютъ, а ученя принимаютъ мало“. Подметное письмо изъ Голландіи подтверждаетъ этотъ указъ „нѣкоторые изъ нихъ („русскихъ господ-

(1) Пекарск. I, 143.

(2) Тамъ-же, 142.

(3) П. С. З. № 2289.

чиковъ" живутъ) уже по завладнымъ и попродали вещи и деревни и деньги иждиваютъ въ безчиніи". Про долги англійскихъ павигаторовъ Львовъ писалъ: „не могу ихъ оплатить, а нынѣ пишутъ, что хотятъ уже въ тюрьмы сажать за долги"... хотя бы вы изволили прислать 5000 фунтовъ, я чаю мало будетъ на англійскихъ навигаторовъ. Упомянутое выше подметное письмо говорить про трехъ братьевъ Шереметьевыхъ, которые, бывъ въ Венеціи, задолжали и не были выпущены, чего ради долженъ былъ одинъ изъ нихъ ѣхать въ Русь для денегъ на окупъ братьевъ, кои между тѣмъ сидѣли за карауломъ" (1). И дѣйствительно, русскіе „гуляли". Изъ Англии шли въ 1711 году извѣстія, что навигаторы „научились тамъ больше пить и деньги тратить"; что одинъ изъ московскихъ вышибъ англичанипу глазъ (2). Въ 1717 г. Кононъ Зотовъ писалъ царю изъ Парижа: „господинъ маршалъ Д'Этре призывалъ меня къ себѣ и выговаривалъ мнѣ о срамныхъ поступкахъ нашихъ гардемариновъ въ Тулонѣ: дерутся часто между собою и бранятся такою бранью, что послѣдній человекъ здѣсь того не сдѣлаетъ. Того ради обобрали у нихъ шпаги". За тѣмъ вскорѣ новое письмо: „гардемаринъ Глѣбовъ покололъ шпагою гардемарина Борятинскаго и за то за арестомъ обрѣтается. Господинъ вице-адмиралъ не знаетъ, какъ ихъ приказать содержать, ибо у нихъ такихъ случаевъ никогда не бываетъ, хотя и колются, только честно на поединкахъ лицомъ къ лицу" (3). Подобное же было и въ средѣ товарищей Неплюева. У двоихъ изъ нихъ А. А. А. (Алексѣя Арбугова?) и Квашнина-Самарина, передавалъ впоследствии Неплюевъ, „ссоры и драки были въ Венеціи, въ Корфу сея зимы; и А. А. послѣ драки въ Корфу говорилъ: ежели-де Вас. Самаринъ на предки будетъ меня бить, то я его заколю, понеже я съ нимъ драться не смогу". Черезъ нѣсколько времени, проигравши въ трактирѣ, разъ въ карты до поздней ночи, они вышли вдвоемъ, и на дорогѣ А. А. закололъ шпагой Самарина (о причинахъ, которыми хотѣлъ было оправдать себя убійца, издатель „Записокъ Неплюева" умалчиваетъ, „щадя чувствительность читателя").

(1) III прилож. кн. XVI т. Ист. Росс. Соловьева. 406 стр. Некар. I, 141.

(2) Нек. I, 141.

(3) Солов. XVI, 302.

Когда утромъ товарищи спрашивали А., зачѣмъ онъ замыкаетъ кафтанъ (бывшій въ крови), А., чтобы представить объясненіе, которое не возбуждало бы ихъ сомнѣній, сказалъ: „вечоръ я былъ пьянъ и облилъ кафтанъ краснымъ виномъ“, и только другое обстоятельство открыло виновника преступленія⁽¹⁾. — Впрочемъ не всѣ вдавались въ разгулъ; иные избирали другой путь, — были случаи, что навигаторы шли въ монахи: такъ вологодскій помѣщикъ Иванъ Морковъ, посланный въ Венецію для навигацкой науки, ушелъ оттуда въ Россію и постригся; товарищъ же Неплюева, Прозоровскій, скрылся на афонскую гору⁽²⁾. Только опасеніе за будущее, только страхъ передъ „страшнымъ судомъ“, какъ сравниваетъ Неплюевъ экзаменъ при царѣ, только опасеніе „превеликаго бѣдствія“ „безъ всякія пощады“, „престрашнаго гнѣва“ монарха (письмо Голицына, Пек. I, 143) могли понуждать навигаторовъ учиться и сдерживать свои буйные порывы. Охотниковъ же до навигацкой науки едва ли было хоть не много.

Выучившихся вышеупомянутымъ наукамъ навигаторовъ назначали офицерами во флотъ. Но и тутъ ученіе не должно было оканчиваться, „ибо въ томъ нѣсть зазнанія офицерамъ, что они имѣютъ экзерциціи въ своихъ наукахъ“. Въ морскомъ регламентѣ сказано: „когда лейтенантъ и унтерлейтенантъ обрѣтаются въ портѣ, то они повинны ходить въ школы, какъ командиръ надъ портомъ опредѣлитъ и быть при ученіи, которое тамо отправляется для обученія офицерскаго⁽³⁾“.

Въ заключеніе я скажу нѣсколько словъ вообще объ отношеніяхъ, въ какія былъ поставленъ закономъ учащійся военному искусству относительно учителей; такъ какъ и этимъ обуславливается успѣшный ходъ обученія. Въ учителяхъ военнаго вѣдомства замѣтны особаго рода черты. Здѣсь почти *всякій*, выучившійся больше другихъ хоть на столько, чтобы получить званіе офицера, *обязанъ* былъ учить другихъ, не смотря на то, имѣетъ ли педагогическія способности, а главное расположеніе къ дѣлу, которое на него возложили. От-

(1) Отеч. Зап. 1823 г. XVI часть 194, 191. 436, 189, 437, 192.

(2) Тамъ же, 183 и Солов. XVI 306.

(3) № 3937, часть II, гл. VIII. 1 п.

сюда являлась возможность появленія учителей—по не волѣ. Понятно, съ какой ревностью и любовью должны были они относиться къ обученію и ученикамъ. Кромѣ того почти всякій учащій поставленъ былъ въ отношеніи учащагося не только какъ учитель къ ученику, но вмѣстѣ еще какъ военный начальникъ, *командиръ* къ подчиненному. Законъ же гласить: „начальнику принадлежитъ повелѣвать, а подчиненному слушаться“. Тотъ, кто будетъ непристойно разсуждать объ указахъ отъ начальника, наказывается. Кто будетъ жаловаться при военныхъ людяхъ или гдѣ публично на несправную выдачу жалованья, наказывается, какъ возмутитель безъ всякой милости. Кто преслушаетъ повелѣніе начальника съ умысломъ или другихъ научать будетъ, оный имѣетъ всемирно живота лишень быть. Не говоря уже о правѣ начальниковъ наказывать, военный законъ слабо относился иногда и къ жестокостямъ начальника относительно подчиненнаго. Такъ, если кто изъ офицеровъ во время какой нужной работы ударить подчиненнаго своего какой нибудь тяжелой вещью (деревомъ, веревкой) по неопасному мѣсту до смерти, и если онъ не имѣлъ на подчиненнаго злобы, это *не почитается за убійство*, „понеже оное не за свою прихоть учинилъ, но наказанъ имѣетъ быть отставленіемъ *отъ чина на время* или *вычетомъ жалованья*, по винѣ смотря, за оное дерзновеніе, что тяжелой вещью а не *обыкновенною билью*“ (1). Чтоже могъ дѣлать подчиненный, кромѣ того что слушаться и переносить наказанія? Могъ жаловаться,—жалкое право при господствѣ произвола сельнаго въ судахъ!—Поставленный въ беззащитное положеніе прогивъ учителя—командира, учащійся былъ лишень даже права выразить свой протестъ безмолвнымъ удаленіемъ отъ учащаго,—ему грозило наказаніе какъ дезертиру.—Такимъ образомъ законъ устанавливалъ между большинствомъ учащихся военному искусству и морскому дѣлу и учащими почти такія же отношенія, какія существуютъ между рабами и ихъ господами.

И. Соколовскій.

(Продолженіе будетъ).

(1) П. С. З. № 3485 кн. V. гл. I, 9 и 11 п. съ толкованіемъ 42; гл. V, 60. гл. XV, 444.

О ЗНАЧЕНИИ ПРАВА ВОЙНЫ,

ВЪ СВЯЗИ СЪ ОБЩИМЪ ПОНЯТИЕМЪ О МЕЖДУ-
НАРОДНЫХЪ ОТНОШЕНИЯХЪ.

ГЛАВА I.

Международный союзъ и международное право. — Способы пре-
ращения международныхъ несогласій.

Причина происхожденія какъ человѣческаго *общества*, такъ и *права* заключается въ самой природѣ человѣка. Только въ обществѣ, или вслѣдствіе сношеній съ другими людьми и при взаимной мѣнѣ услугъ, человѣкъ получаетъ возможность удовлетворенія своимъ многочисленнымъ, какъ матеріальнымъ, такъ и духовнымъ потребностямъ, и только вслѣдствіе господства права, какъ разумной нормы для внѣшней человѣческой дѣятельности и порядка въ жизни, человѣческой бытъ получаетъ необходимый для него характеръ опредѣленности и правильности. И дѣйствительно, ученіе многочисленныхъ философовъ и публицистовъ XVII и XVIII столѣтій о такъ называемомъ первобытномъ или естественномъ состояніи (*status naturae*), въ которомъ люди жили внѣ всякихъ связей между собою и не признавая никакой власти и права, рѣшительно опровергается всѣми свидѣтельствами исторіи и этнографіи. Такого состоянія нигдѣ и никогда не существовало. Напротивъ того, уже въ

самую отдаленную эпоху и у самых грубыхъ современныхъ дикарей и номадовъ мы все-таки видимъ, по крайней мѣрѣ, семейный или племенной бытъ съ опредѣленнымъ характеромъ и нѣкоторыя сношенія между лицами различныхъ семей, а слѣдовательно видимъ также общежитіе и право, хотя, конечно, соотвѣтственно со степенью культуры, въ простомъ и несовершенномъ состояніи (¹).

Наибольшую же прочность и опредѣленность общественныя отношенія и юридическій бытъ получаютъ, въ средѣ извѣстнаго народа, съ образованіемъ государственнаго союза. *Государство* — это органъ народнаго единства, или народъ, какъ единое органическое цѣлое. Какъ самый полный и всесторонній союзъ народной жизни, оно сообщаетъ ей, посредствомъ права, во всѣхъ ея проявленіяхъ, извѣстный общій характеръ, содѣйствуетъ водворенію въ народѣ всеобщаго благосостоянія, устанавливаетъ и охраняетъ необходимый для него внутренній и внѣшній порядокъ и спокойствіе. Въ государствѣ уже все становится болѣе или менѣе опредѣленнымъ и согласованнымъ между собою: создается и охраняется органическая система разнообразныхъ правъ и учрежденій, какъ въ пользу отдѣльныхъ лицъ и различныхъ социальныхъ группъ и интересовъ, существующихъ въ государствѣ, такъ и въ пользу цѣлаго государства, и вообще всѣ разумныя жизненныя потребности и цѣли народа, подъ общимъ контролемъ и при содѣйствіи правительства, находятъ для себя, по возможности, надлежащее удовлетвореніе. Разумѣется, изъ сказаннаго не слѣдуетъ, чтобы всѣ государства, по характеру и свойству своему, во всѣ времена и у различныхъ народовъ, были одинаковы: такое мнѣніе противорѣчило бы очевиднымъ фактамъ жизни и опровергается національнымъ и историческимъ значеніемъ государствъ. Но каждый государственный союзъ, достойный этого имени, всегда и вездѣ представляетъ характеристическую для него и самую существенную черту—и именно является выраженіемъ или юридическимъ представителемъ народнаго единства. Безъ этого же условія не можетъ быть и рѣчи о государствѣ (²).

(¹) *Kaltenborn Kritik des Völkerrechts.* 1847. Kap. IV. S. 256. — *Th. Ortolan Règles internationales etc.* édit. 1864. t. I. ch. 1.

(²) Ср. *Rob. von Mohl Encyklopädie der Staatswissenschaften.* 1859. §§. 6, 7, 11.

Но однакоже и государство съ своею прочною организаціей и опредѣленнымъ юридическимъ бытомъ, при всемъ своемъ значеніи, не составляетъ еще конечной формы человѣческаго общежитія. Это было бы лишь тогда, когда бы все человѣчество составляло единое *всемирное государство*. Но такого всемірнаго государства, точно также, какъ и совершенно - разобщеннаго естественнаго состоянія людей не знаетъ исторія, да и въ будущемъ возникновеніе его едва-ли возможно. Человѣческій родъ дробится на различныя расы и поколѣнія, или націи съ особыми свойствами и наклонностями, особою религіей, нравами и обычаями, историческими преданіями и т. под. Природныя условія мѣста жительства людей также не одинаковы. Все это порождаетъ въ средѣ извѣстнаго народа и на опредѣленной мѣстности особое міросозерцаніе, пробуждаетъ особыя потребности, словомъ — владетъ на народную жизнь своеобразный отпечатокъ, который и находитъ для себя соотвѣтственную внѣшнюю форму выраженія въ образованіи извѣстнаго отдѣльнаго государства⁽¹⁾. Слѣдовательно, существованіе отдѣльныхъ государствъ есть фактъ, вытекающій изъ закона естественной необходимости, и, наоборотъ, образованіе единаго всемірнаго государства было бы нарушеніемъ такого закона. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ, народы, конечно, не могутъ не дорожить своимъ отдѣльнымъ самобытнымъ существованіемъ, и потому всемірное государство могло бы возникнуть развѣ лишь путемъ чрезвычайнаго насилія и поддерживаться имъ. Но въ такомъ случаѣ и самое существованіе всемірнаго государства было бы самое жалкое и весьма непрочное. Это замѣчаніе подтверждается отчасти и исторіей. Если никогда не существовало всемірнаго государства, то извѣстно, по крайней мѣрѣ, что обширныя монархіи, существовавшія, какъ въ древности, такъ и въ новое время, были или весьма непродолжительны, или же влекли за собой всеобщій застой и огрубеніе нравовъ. Это доказываютъ, на примѣръ, Персидская монархія, монархія Александра Великаго, Римская имперія и въ новое время — монархія Карла V и Наполеона I.

⁽¹⁾ *A. Ferrero-Gola* Corso di diritto internazionale. 1866. vol. 1. p. 33: «Ogni nazione ha bisogno di speciali ordinamenti che soddisfacciano a suoi bisogni, alle sue tendenze, al suo stato attuale.»

Но если невозможно всемірное государство, то отсюда еще не слѣдуетъ, что человѣческая жизнь и дѣятельность должны быть строго заключены въ предѣлахъ отдѣльныхъ государствъ. Такая національная замкнутость дѣйствительно известна въ исторіи, какъ религиозная догма восточныхъ теократическихъ націй, но съ полной строгостью она и тамъ не примѣнялась. Да этого и быть не можетъ. Уже самый фактъ совмѣстнаго и одновременнаго существованія отдѣльныхъ государствъ необходимо приводитъ ихъ и ихъ подданныхъ къ разнообразнымъ сношеніямъ между собою—враждебнымъ или мирнымъ—сперва, конечно, лишь случайнымъ и совершенно неопредѣленнымъ, а потомъ и болѣе правильнымъ или юридическимъ, вслѣдствіе практической потребности порядка въ жизни и болѣе или менѣе сознательнаго чувства справедливости. Такъ возникаетъ высшая и послѣдняя сфера человѣческаго общежитія—*международный союзъ* съ своимъ *международнымъ правомъ*. Слѣдовательно, международный союзъ—это общество или вся совокупность государствъ, находящихся между собою во взаимныхъ сношеніяхъ; а международное право представляетъ собою разумно-необходимый порядокъ, или норму для этихъ взаимныхъ сношеній, какъ между самими государствами, такъ и ихъ подданными.

Посмотримъ, въ чемъ же заключается значеніе и характеристическія особенности международнаго юридическаго быта. Членами международнаго союза и непосредственными субъектами международнаго права являются собственно лишь сами государства. Какъ лица юридическія, они дѣйствуютъ здѣсь, какъ и вообще, черезъ физическихъ представителей своей общественной власти. Частныя же лица, подданные государствъ, а также и разнообразныя общественныя учрежденія, существующія въ отдѣльныхъ государствахъ, въ своихъ заграничныхъ сношеніяхъ, хотя и пользуются покровительствомъ международнаго права, но не въ качествѣ самостоятельныхъ международныхъ дѣятелей, а во имя своихъ общечеловѣческихъ правъ и въ качествѣ членовъ своихъ отечественныхъ государствъ, которыя такимъ образомъ и въ международныхъ отношеніяхъ сохраняютъ надъ ними свой общій правительственный надзоръ и оказываютъ имъ свою защиту (1). Слѣдовательно, всѣ междуна-

(1) *Bluntschli*, Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten. 1868. §§. 22—27.

родныя отношенія посать на себѣ не только юридическій, но также, болѣе или менѣе, государственный или политическій характеръ.

Вообще въ основаніи международнаго права заключаются *два начала* — начало государственной самостоятельности и начало взаимнаго общенія или содѣйствія націй.

Самостоятельность (*Souveraineté*) есть выраженіе полноправной политической личности государства. Она заключаетъ въ себѣ понятіе о государственной независимости и самобытности. Въ силу своей самостоятельности каждое государство устраиваетъ свой внутренній бытъ по собственному усмотрѣнію и вступаетъ въ такія международныя отношенія, которыя находитъ справедливыми и полезными для себя. Никто не въ правѣ навязывать государству чуждыхъ для него своихъ воззрѣній и не въ правѣ принуждать его къ такія дѣйствіямъ, которыя несогласны съ естественными потребностями или съ основнымъ міросозерцаніемъ самого государства. Понятно, что самостоятельность составляетъ для государства такое же священное и дорогое благо, что и личная свобода для отдѣльнаго человѣка. Только при условіи своей самостоятельности государство и можетъ удовлетворять своему разумному назначенію: быть естественнымъ выраженіемъ особыхъ свойствъ своего народа и стремиться къ удовлетворенію его своеобразныхъ потребностей. Государственная самостоятельность составляетъ вообще конечную цѣль политическаго развитія каждой націи. Вотъ почему и международное право признаетъ за государствами, какъ за своими субъектами, ихъ взаимную самостоятельность—какъ требованіе практической необходимости и справедливости. Такимъ образомъ изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ международномъ союзѣ отдѣльныя государства, вслѣдствіе своей самостоятельности, находятся между собою въ положеніи отрицательной свободы, или—что все то же—въ положеніи юридическаго равенства и взаимной независимости.

Но однако же значеніе государственной самостоятельности въ международномъ правѣ не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ безусловной свободы и исключительности государства. Взаимное общеніе или содѣйствіе націй также составляетъ положительную потребность дѣйствительной жизни. По крайней мѣрѣ съ успѣхами цивилизаціи отдѣльные народы необходимо приходятъ къ сознанію взаимной солидарности, и

наряду съ правами и интересами отдѣльныхъ государствъ возникаютъ также общіе права и интересы международнаго союза. Понятно, что признаніе и уваженіе этихъ общихъ правъ и интересовъ составляетъ обязанность для каждаго государства, какъ члена этого союза. Право немислимо безъ обязанности. Кромѣ того, никакое государство, взятое въ отдѣльности, не въ состояніи доставить своему развитому населенію всѣхъ необходимыхъ средствъ для удовлетворенія его разнообразныхъ разумныхъ потребностей. Эти потребности могутъ быть удовлетворены лишь при содѣйствіи другихъ государствъ, вслѣдствіе сношеній съ ними. А такъ какъ цѣль государства состоитъ въ предоставленіи человѣку всѣхъ условій его развитія, то отсюда слѣдуетъ, что взаимное общеніе или содѣйствіе дѣйствительно составляетъ не только право, но и обязанность государствъ. Конечно, каждое государство преслѣдуетъ при этомъ, какъ и во всемъ, прежде всего свою собственную цѣль, и никакое государство, въ силу своей самостоятельности, не обязано вступать въ такія международныя сношенія, которыя противорѣчатъ его собственнымъ правамъ и интересамъ, или же его подданныхъ. Но государство поступило бы несправедливо, если бы отказывалось отъ международнаго общенія безъ всякаго разумнаго основанія, и другія государства, въ крайнемъ случаѣ, могутъ даже силою принудить его къ извѣстнымъ сношеніямъ, если послѣднія являются для нихъ существенно необходимыми. Законъ крайней необходимости одинаково дѣйствуетъ какъ въ государственномъ, такъ и международномъ быту. Но обыкновенно международное общеніе возникаетъ и развивается совершенно мирнымъ путемъ, во имя общей пользы государствъ, посредствомъ взаимныхъ уступокъ и добровольныхъ соглашеній между ними. Такъ напр., въ настоящее время, сюда относятся мѣждународныя соглашенія относительно торговли, о положеніи иностранцевъ, о свободѣ судоходства по международнымъ рѣкамъ, объ общемъ признаніи литературной и художественной собственности, о силѣ и исполненіи иностранныхъ судебныхъ рѣшеній и т. под. Вообще, въ возможно-широкомъ развитіи и охраненіи такого мирнаго международнаго общенія и заключается разумная и положительная задача международнаго права. Въ этомъ отношеніи международный союзъ является какъ бы восполненіемъ отдѣльныхъ государствъ: посредствомъ взаим-

ныхъ сношеній и при взаимномъ содѣйствіи государства достигаютъ такихъ цѣлей, которыя необходимы для нихъ, или ихъ подданныхъ и которыя иначе не могли бы быть достигнуты при ограниченности собственныхъ средствъ государства.

Итакъ, съ одной стороны, государственная самостоятельность, а съ другой—взаимное общеніе или содѣйствіе націй,—вотъ два основныхъ начала международной жизни. Въ справедливомъ примиреніи или согласованіи обоихъ этихъ началъ заключается и все содержаніе международного права. Уважая государственную самостоятельность и предоставляя каждому государству свободу жить и развиваться согласно съ его естественными силами и потребностями, международное право требуетъ, въ тоже время, отъ важдаго государства признанія общаго международного порядка. Насколько собственные права и интересы извѣстнаго государства остаются неприкосновенными, оно, какъ членъ международного союза, обязано уважать права и интересы другихъ государствъ и даже, во имя общей пользы и взаимной солидарности, содѣйствовать имъ ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Правильное понятіе о значеніи международныхъ отношеній и международного права высказалъ еще въ XVI ст. испанскій іезуитъ *Суаресъ* въ своемъ сочиненіи *De legibus ac Deo legislatore*. Но онъ ограничился почти однимъ намекомъ и не представилъ никакихъ выводовъ. Ср. *Ompheda Litteratur des Völkerrechts*. 1785. 1-er B. § 48. S. 167.—Затѣмъ, подъ вліяніемъ ученій *Гюю-Гроція* и *Канта*, хотя многія частности международной жизни и были выяснены съ надлежащею полнотою и точностью, однако же основное возрѣніе на самое существо международного права, господствовавшее въ наукѣ до послѣдняго времени, страдало односторонностью. Публицисты видѣли въ международномъ правѣ лишь простое огражденіе взаимной свободы или самостоятельности государствъ и, такимъ образомъ, признавали за нимъ лишь отрицательное значеніе. Впрочемъ, еще въ XVIII ст. *Вольфъ* указывалъ на «mutuum adiutorium», какъ на разумную цѣль международной жизни; но онъ почти уже совершенно отождествляетъ международныя отношенія съ государственными и прямо называетъ международный союзъ великою республикою націй—*civitas gentium maxima*. — *Wolff. Jus gentium etc. Proleg.* §§ 7—8.—Только новѣйшіе нѣмецкіе публицисты, въ особенности *Калтенборнъ* и *Роб. Мольтъ*, доказали самобытный характеръ международного права и выяснили положительную цѣль международной жизни, какъ необходимаго дополненія государства.—*Kaltenborn Kritik des Völkerrechts*. 1847. Kap. IV. S. 256—272. — *Rob. Mohl Staatsrecht, Völkerrecht und Politik*. 1860. 1-er B. S. 579—636. См. вообще *Geyer Ueber die neueste Gestaltung des Völkerrechts*. 1866. S. 12—13, 15—18, 28.—Ср. также *Блэзюкаю*. О значеніи международного права и его матеріаловъ, Варшава, 1872, стр. 65—71.

Сравнивая международныя отношенія съ государственными, мы замѣчаемъ между ними нѣкоторое сходство, но еще большее различіе. Сходство состоитъ въ томъ, что какъ государство, такъ и международный союзъ суть формы человѣческаго общежитія съ опредѣленнымъ юридическимъ порядкомъ. Подобно тому, какъ по закону естественной необходимости, отдѣльныя лица входятъ въ разнообразныя сношенія между собою, соединяются въ семьи, составляютъ различныя социальныя группы, и все это, подъ вліяніемъ мѣстныхъ и національныхъ условій, организуются въ отдѣльныя государства,—вслѣдствіе такой же необходимости, вступаютъ и между собою во взаимныя сношенія и такимъ образомъ, съ развитіемъ этихъ сношеній, въ своей совокупности, образуютъ союзъ международный. И точно также, какъ въ государствѣ, такъ и въ международномъ союзѣ господствующій юридическій порядокъ имѣетъ въ виду охраненіе и правильное взаимное согласованіе правъ и интересовъ какъ отдѣльныхъ членовъ, такъ и цѣлаго союза. — Но затѣмъ, какъ самый характеръ и степень общественной связи въ государствѣ и международномъ союзѣ, такъ и время возникновенія этихъ союзовъ и способы проявленія и охраненія въ нихъ права совершенно не одинаковы.

Государство, какъ уже замѣчено, является представителемъ народнаго единства. Общественная связь здѣсь всесторонняя и тѣсная. Это объясняется самымъ свойствомъ членовъ государственнаго союза, то есть отдѣльныхъ лицъ, которыя имѣютъ множество потребностей и въ то же время крайне ограничены въ своихъ индивидуальныхъ средствахъ для удовлетворенія ихъ. Правда, отдѣльныя лица взаимно восполняютъ другъ друга еще въ нисшихъ сферахъ общежитія—въ семьѣ, разнообразныхъ социальныхъ группахъ и товариществахъ и т. под.; но и эти нисшіе союзы еще слишкомъ незначительны и односторонни для того, чтобы человѣческія потребности, хотя при нѣкоторомъ развитіи цивилизаціи, могли быть вполне удовлетворены въ нихъ. Для этого необходимо возникновеніе болѣе обширнаго союза, и при томъ такого, который охватывалъ бы народную жизнь со всѣхъ сторонъ, согласовалъ между собою права и интересы отдѣльныхъ членовъ и содѣйствовалъ имъ. Такимъ союзомъ и является государство. Слѣдов., государство, уже по самому существу своему, должно быть и дѣйствительно пред-

ставляется самымъ полнымъ и всестороннимъ союзомъ народной жизни, и, повторяю, общественная связь въ государствахъ, или внутренне-государственныя отношенія необходимо являются тѣсными и строго-опредѣленными.

Международныя же отношенія носятъ на себѣ другой характеръ. Они никогда, даже и при высшемъ развитіи ихъ, не могутъ быть столь тѣсными, какъ отношенія внутренне-государственныя. Числами международного союза являются уже сами государства—слѣдовательно такіе общественные организмы, которые и сами по себѣ уже обладаютъ значительною полнотою средствъ для удовлетворенія какъ своихъ общественныхъ потребностей, такъ и потребностей своихъ отдѣльныхъ подданныхъ. По крайней мѣрѣ большинство этихъ потребностей можетъ быть удовлетворено уже внутри самого государства, его собственными средствами, и международный союзъ, по самой природѣ своей, является лишь восполненіемъ отдѣльныхъ государствъ. Поэтому международныя отношенія въ сравненіи ихъ съ государственными необходимо представляютъ болѣе свободный характеръ.

Отсюда становится понятнымъ также существованіе государствъ во всѣ времена и, напротивъ, уже позднее возникновеніе правильныхъ международныхъ отношеній. Определенный юридическій порядокъ и прочная организація внутреннего общественнаго быта, въ средѣ извѣстнаго народа, столь необходимы, что образованіе первыхъ государствъ неизвѣстно исторіи. Оно относится ко временамъ доисторическимъ. Но правильныя международныя отношенія являются результатомъ лишь новѣйшей цивилизаціи. Въ теченіе долгаго времени онѣ были лишь случайными и болѣею частию враждебными. Это зависѣло отъ разнообразныхъ причинъ. Религіозныя и національныя предразсудки и предубѣжденія, неразвитость культуры и, вслѣдствіе того, отсутствіе высшихъ потребностей, недостижимыхъ въ предѣлахъ отдѣльнаго государства, наконецъ, всеобщая грубость нравовъ,—все это способствовало взаимному отчужденію народовъ, или же выражалось въ международномъ насиліи. Только съ XVII вѣка, подъ влияніемъ противоположныхъ условій, вызванныхъ главнымъ образомъ открытіемъ Новаго Свѣта и религіозною реформаціей, взаимныя сношенія государствъ получаютъ уже

правильный и постоянный характер ⁽¹⁾. Но и теперь еще международный союз и международное право, во всем своем значении распространяются лишь на христианскія государства и на Турцію, то есть связываютъ между собою Европу и Америку. Государства же другихъ частей свѣта и другой цивилизаціи вступаютъ въ международныя сношенія болѣе или менѣе случайно и не могутъ пока считаться настоящими членами международного союза. Расширеніе этого союза и вообще дальнѣйшее развитіе и укрѣпленіе международныхъ отношеній составляютъ задачу и дѣло будущаго ⁽²⁾.

Наконецъ, есть и еще весьма важное формальное различіе между государствомъ и международнымъ союзомъ. Въ каждомъ государствѣ, какъ извѣстно, существуетъ общественная власть, какъ представительница общей воли государства. Безъ этой власти немыслимо и самое понятіе о государствѣ, какъ о всестороннемъ и организованномъ единствѣ народа. Общественная власть имѣетъ опредѣленную и самостоятельную организацію и дѣйствуетъ во имя общихъ правъ и интересовъ государства. Она издаетъ общеобязательные законы и распоряженія, наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ и, въ крайнемъ случаѣ, даже силою охраняетъ юридическій порядокъ государства. Слѣдовательно, общественная власть въ каждомъ государствѣ какъ устанавливаетъ права, такъ и охраняетъ ихъ, причѣмъ не только граждане, но и вообще всѣ лица, находящіеся въ государствѣ, обязаны повиноваться ей. Другое видимъ мы въ международномъ союзѣ. Самостоятельныя государства, какъ члены этого союза, не имѣютъ надъ собою никакой общей власти. Онѣ признаютъ обязательную силу международного права, но подчиняются ему, въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, не вслѣдствіе внѣшняго приказанія, а вслѣдствіе сознанія относительно самой разумности этого права и практической необходимости его господства въ дѣй-

⁽¹⁾ Исходнымъ пунктомъ правильныхъ международныхъ отношеній признается обыкновенно Вестфальскій миръ 1648 года.

⁽²⁾ Ср. *G. Fr. Martens*, Précis du droit des gens moderne de l'Europe 1. Introd. §§ 9 — 10. — *Heffter*, Das europäische Völkerrecht der Gegenwart. 3. Ausg. 1867. §§ 6—7. Турція формально признана членомъ европейскаго международного союза по статьѣ VII акта парижскаго конгресса 1го/30 марта 1856 года. (*Leurs Majestés etc... «déclarent la sublime Porte admise à participer aux avantages du droit public et du concert Européens»*). *Martens-Samwer*, Nouveau recueil général des traités etc. T. XV, p. 770.

ствительной жизни. Международное право какъ возникаетъ, такъ и поддерживается взаимодействіемъ самихъ государствъ, какъ субъектовъ его. Его источникъ не законъ, или не предписанія власти, которой не существуетъ въ международномъ союзѣ, но юридическое убѣжденіе государствъ и ихъ взаимное соглашеніе—международный трактатъ и международный обычай. И точно также, охраняется международное право самими же государствами—посредствомъ разнообразныхъ, какъ мирныхъ, такъ и насильственныхъ средствъ и, въ крайнемъ случаѣ, посредствомъ войны, какъ полнаго выраженія необходимой обороны государствъ ⁽¹⁾.

Такимъ образомъ, въ виду всѣхъ указанныхъ особенностей международнаго союза, отличающихъ его отъ государства, нельзя не согласиться, что международный бытъ, по самому существу своему, не представляется столь строго-организованнымъ, какъ порядокъ государственный. Вслѣдствіе взаимной самостоятельности государствъ и возможности удовлетворенія большинства потребностей человѣка въ предѣлахъ отечественнаго государства, при отсутствіи общей власти въ международномъ союзѣ, международныя отношенія, въ сравненіи ихъ съ государственными, необходимо носятъ на себѣ своеобразный и, какъ уже замѣчено, болѣе свободный характеръ.

Но отсюда, съ другой стороны, еще не слѣдуетъ, какъ это думаютъ нѣкоторые, что международныя отношенія нельзя признавать юридическими и что международнаго права не существуетъ. Такое отрицаніе *международнаго права* дѣлается уже съ давняго времени. Еще въ XVII столѣтіи, когда Гуго-Гроцій впервые положилъ прочныя основы научной обработкѣ международнаго права, уже тогда явились и скептики, которые объявили трудъ Гроція бесполезнымъ и несостоятельнымъ. По ихъ мнѣнію не можетъ быть права тамъ, гдѣ, какъ въ международныхъ отношеніяхъ, при отсутствіи законовъ и общей власти, естественно и на всемъ просторѣ могутъ господствовать эгоизмъ и своекорыстіе. Такие отрицатели международнаго права встрѣчаются и доселѣ.

Въ послѣднее время замѣтно особое оживленіе сношеній европейскихъ державъ и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ съ Китаемъ и Японіей.

(¹) Ср. *Berner Völkerverecht* (Bluntschli's und Brater's Staatswörterbuch XI. B. S. 77 fg)

Но доводы ихъ, хотя въ извѣстныхъ отношеніяхъ и весьма важные, страдаютъ одностороннимъ формализмомъ относительно пониманія самого существа права и не могутъ быть приняты.

Вотъ какъ, напримѣръ, выражаетъ означенія международнаго права французскій публицистъ *Рейнсваль*: „Не можетъ быть права тамъ, гдѣ нѣтъ закона; а законъ, въ свою очередь, не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ верховной власти (il ne peut y avoir de droit, où il n'y a point de loi, et il n'y a pas de loi, où il n'y a de supérieur). Для независимыхъ народовъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, существуютъ только нравственныя обязанности, вытекающія изъ разума, который показываетъ, что извѣстный образъ дѣйствія всего болѣе содѣйствуетъ всеобщему счастью“⁽¹⁾.—Подобнымъ образомъ знаменитый германскій юристъ *Савиньи*, хотя и признаетъ положительное международное право, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что это есть право несовершенное, какъ по неопредѣленности его постановленій, такъ и по отсутствію общей власти и суда надъ отдѣльными государствами⁽²⁾. Наконецъ, съ особенною рѣзкостью выражается о международномъ правѣ другой нѣмецкій юристъ—*Пухта*. По его требованію „не слѣдуетъ профанировать (zu entweihen) слово: „право“, употребляя его для обозначенія такихъ положеній, для которыхъ еще не найдено никакой юридической формы практическаго примѣненія, или не существуетъ принудительности. Можно говорить о международной нравственности, но никакъ не о международномъ правѣ“⁽³⁾.

Въ такомъ же родѣ возражаютъ противъ международнаго права и другіе его отрицатели. Вообще они большею частью повторяютъ другъ друга. Слѣдовательно, какъ это видно изъ приведенныхъ извлеченій, скептики отрицаютъ международное право по тремъ главнымъ основаніямъ, а именно—вслѣдствіе отсутствія общаго международнаго за-

⁽¹⁾ *Rayneval Institutions du droit de la nature et des gens liv. 1. p. 8. n° 10.*

⁽²⁾ *Savigny System des heutigen römischen Rechts Bd. 1. Kap. 2. § 6.*

⁽³⁾ *Puchta Gewohnheitsrecht Thl. 1. S. 142.* Тоже самое въ сущности говорить и новѣйшій французскій юристъ: „Le droit international est une morale internationale, et non pas un droit; le signe propre et caractéristique du Droit la sanction de l'action, lui fait défaut. (Em. Accollas Cours élémentaire de droit. 1869. t. 1. Introd. p. VII).“

вонодательства, отсутствія общей власти въ международномъ союзѣ и по недостатку принудительности въ отношеніи международныхъ обязательствъ, какъ существеннаго отличія юридическихъ требованій отъ нравственныхъ.

Но первое основаніе—отсутствіе общаго международного законодательства—еще вовсе не говоритъ противъ существованія самого международного права. Законъ, какъ извѣстно, не есть единственный источникъ права, а служитъ только болѣе удобнымъ, или болѣе яснымъ его выраженіемъ. И въ государственномъ быту, кромѣ закона, другимъ источникомъ права является обычай, который иногда бываетъ даже настолько силенъ, или настолько въ нравахъ народа, что и самый законъ неизбѣжно долженъ согласоваться съ обычаемъ, чтобы имѣть въ жизни дѣйствительное значеніе. Такіе же обычаи существуютъ и въ международномъ быту и являются однимъ изъ главныхъ источниковъ международного права. Но кромѣ того, во избѣжаніи недоразумѣній, относительно опредѣленныхъ случаевъ, государства заключаютъ между собою взаимные трактаты, которые и составляютъ другой, письменный источникъ международного права (*jus scriptum*). При этомъ, какъ международные обычаи, такъ и трактаты, какъ выраженіе общей цивилизаціи государствъ, входящихъ въ международный союзъ, и ихъ однородныхъ потребностей, болѣею частью сходны между собою; а нѣкоторые же трактаты—какъ наприм. акты конгрессовъ—прямо являются общимъ соглашеніемъ большинства государствъ и, слѣдовательно, обязательны для всѣхъ ихъ. Такъ что изъ всѣхъ означенныхъ источниковъ можно извлечь, кромѣ отдѣльныхъ постановленій для опредѣленныхъ случаевъ, даже и общія начала международного права⁽¹⁾. Поэтому указывать на неясность или неполноту опредѣленій международного права или вообще на отсутствіе общаго международного законодательства и, вслѣдствіе того, отрицать и самое международное право,—несправедливо. Къ тому же въ такой общей международной кодификаціи, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Каченовскій, пока и нѣтъ еще настоятельной потребности: международныя отношенія, говоря вообще, по существу своему, еще слишкомъ просты и не усложнились на столько,

(1) *Martens Précis du droit des gens* §§ 7—8.

чтобы могло возникнуть сомнѣніе въ самыхъ основаніяхъ международнаго права. Въ такой кодификаціи нуждается собственно лишь частное международное право, опредѣляющее международное положеніе частныхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, нельзя не согласиться, что при современномъ развитіи заграничнаго гражданскаго оборота и при разнообразіи законовъ объ иностранцахъ, существующихъ въ отдѣльныхъ государствахъ, было бы весьма желательно составленіе если не общаго международнаго кодекса, то по крайней мѣрѣ заключеніе общаго трактата между государствами, сглаживающаго рѣзкія противорѣчія въ отдѣльныхъ законодательствахъ относительно правъ иностранцевъ ⁽¹⁾.

Гораздо важнѣе, затѣмъ, другое возраженіе противъ международнаго права. Отсутствіе общей власти въ международномъ союзѣ, дѣйствительно, значительно затрудняетъ въ спорныхъ случаяхъ осуществленіе взаимныхъ правъ государствъ. вмѣсто спокойнаго и обстоятельнаго обсужденія и рѣшенія спора со стороны безпристрастнаго и независимаго суда, или вообще со стороны общественной власти,—какъ это дѣлается внутри государствъ,—въ международномъ союзѣ, наоборотъ, отдѣльныя государства, какъ участники въ спорѣ, въ силу своей самостоятельности, сами же и охраняютъ свои права. Вслѣдствіе этого международные споры, въ отличіе отъ внутренне-государственныхъ, какъ по самой важности затрогиваемыхъ ими правъ и интересовъ, такъ и вслѣдствіе самого способа рѣшенія этихъ споровъ самими же спорящими сторонами, необходимо принимаютъ болѣе страстный и напряженный характеръ. Но тѣмъ не менѣе, вопреки мнѣнію скептиковъ, мы все-таки скажемъ, что отсутствіе общей власти въ международномъ союзѣ, точно также какъ и отсутствіе общаго международнаго законодательства, еще не доказываетъ несуществованія международнаго права. Существованіе власти лишь способствуетъ осуществленію, или проявленію права, но право существуетъ уже само по себѣ и поми-

⁽¹⁾ Каченовскій. Курсъ международнаго права. Вып. 1. 1863 стр. 70—71. Ср. также Holtzendorff Europäisches Völkerrecht въ его Encyclopaedie der Rechtswissenschaft 1870. 1. Theil. S. 767—768.

мо власти (¹). Утверждать противное значило бы отрицать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, существованіе права и внутри государствъ, какъ наприм. во время революцій, или при дурномъ судоустройствѣ, а также въ случаѣ необходимой обороны и т. под. На самомъ же дѣлѣ, въ подобныхъ случаяхъ, какъ, впрочемъ, никто не станетъ отрицать, право существуетъ и затрудняется лишь удобство его осуществленія. Безспорно, это обстоятельство весьма важно въ практическомъ отношеніи, но все-таки само по себѣ оно еще не можетъ привести юриста къ логическому заключенію о несуществованіи самого права. Тоже самое и въ быту международномъ: отсутствіе общей власти служить здѣсь причиною существованія особенныхъ, своеобразныхъ способовъ охраненія международного права, но все-таки не опровергаетъ его. До нѣкоторой же степени замѣною общей власти въ международномъ союзѣ являются международные конгрессы, международное посредничество и международный третейскій судъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Наконецъ, отрицаніе международного права, по отсутствію принудительности относительно его исполненія и, вслѣдствіе того, признаніе исключительнымъ закономъ международной жизни лишь международной нравственности, всего нагляднѣе свидѣтельствуютъ объ одностороннемъ пониманіи скептиками существа юридическихъ отношеній. Дѣйствительно, характеристическимъ отличіемъ права отъ нравственности является возможность принудительнаго осуществленія права, какимъ не можетъ быть осуществленіе нравственныхъ требованій. Но право предполагаетъ лишь физическую возможность принужденія, а не фактическую. Другими словами, требованія права должны быть таковы, чтобы было возможно вообще, по самой природѣ ихъ, даже и вынужденное ихъ осуществленіе, хотя въ конкретномъ случаѣ, вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ, возможность такого принужденія можетъ и не имѣть мѣста. Такая фактическая невозможность принудительнаго осуществленія права, въ противоположность всегда присущей праву физической возмож-

(¹) *Rolin-Jacquemyns*. De l'étude du droit international: «Le plus ou moins d'efficacité du droit, la nature et la qualité de sa sanction et l'existence du droit sont des questions distinctes» (Revue de droit international. 1869. p. 232—233).

ности принудительнаго его осуществленія, может встрѣтиться и въ государственномъ быту. Напримѣръ никто не оспариваетъ у государства права преслѣдовать и наказывать преступниковъ; но иногда такое право можетъ остаться и неосуществленнымъ, вслѣдствіе фактической недостаточности принудительныхъ средствъ государства—какъ наприм., если бы образовался въ государствѣ обширный заговоръ, или же произошло народное возстаніе, усмирить которое правительство не въ состояніи и т. под. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о международныхъ отношеніяхъ. Эти отношенія, вопреки мнѣнію скептиковъ, по самой природѣ своей, суть юридическія, а не только нравственныя. Взаимныя обязанности государствъ, какъ и вообще всѣ юридическія обязанности, могутъ быть опредѣляемы съ полною точностью и, въ случаѣ надобности, отстаиваемы матеріальными средствами ⁽¹⁾. И дѣйствительно, практическая жизнь показываетъ намъ, что государства требуютъ другъ отъ друга взаимнаго признанія своихъ правъ и исполненія обязанностей, а въ крайнемъ случаѣ дѣйствуютъ при этомъ даже и посредствомъ насильственнаго принужденія. А если же иногда какое-либо государство не въ состояніи защитить своихъ правъ противъ притязаній другаго государства, то это свидѣтельствуетъ только о фактической невозможности осуществленія права въ данномъ случаѣ, но не доказываетъ еще самого несуществованія права, вслѣдствіе его непринудительности.

Въ заключеніе замѣтимъ еще, что отвергать международное право значитъ вообще совершенно противорѣчить очевиднымъ фактамъ дѣйствительной жизни. Его обязательная сила торжественно признана государствами на международныхъ конгрессахъ ⁽²⁾; оно имѣетъ своихъ специальныхъ ор-

⁽¹⁾ .If those (international) relations can be accurately defined howsoever, and can be enforced at all, they are not merely relations of Morality, but relations of Law. (*Travers Twiss The Law of Nations. 1864. Vol. 1. p. 140*).

⁽²⁾ Напримѣръ, на Ахенскомъ конгрессѣ 1818 г., великія европейскія державы высказали формальное признаніе общеобязательнаго значенія международнаго права. Въ деклараціи этого конгресса отъ 15 ноября 1818 г. говорится: «Les souverains en formant cette union auguste ont regardé, comme la base fondamentale, leur invariable résolution de ne jamais s'écarter, ni entre eux ni dans leur relations avec d'autres états, de l'observation la plus stricte des principes du droit des gens etc. См. *Heffter Völkerrecht.*

гановъ въ лицѣ посланниковъ и консуловъ, которые, въ качествѣ представителей своихъ отечественныхъ государствъ, субъектовъ международнаго права, наблюдаютъ за его исполненіемъ; подъ его охраною положеніе иностранцевъ повсемѣстно сдѣлалось болѣе или менѣе обеспеченнымъ, и такимъ образомъ открылась возможность всемірно - гражданскаго оборота; наконецъ, международное общеніе, во всѣхъ его видахъ, растетъ и укрѣпляется все болѣе и болѣе, и т. под. (1).

И такъ, международное право неоспоримо существуетъ и имѣетъ практическое значеніе. За него говорятъ факты дѣйствительной жизни. Иначе и быть не можетъ. Если уже самый фактъ совмѣстнаго и одновременнаго существованія государствъ необходимо порождаетъ между ними разнообразныя отношенія и такимъ образомъ возникаетъ международный союзъ, какъ высшая форма человѣческаго общежитія, то въ этомъ союзѣ необходимо также должно господствовать извѣстное право, на основаніи естественнаго закона жизни, по которому никакое человѣческое общежитіе невозможно безъ права—*ubi societas ibi jus est*. Къ признанію международнаго права человѣчество приходитъ вообще самымъ естественнымъ путемъ: къ этому приводитъ его первоначально уже самая практическая необходимость извѣстнаго порядка въ жизни и польза отъ этого порядка, а потомъ и болѣе сознательное чувство справедливости (2). Но такъ-такъ право, какъ норма внѣшней дѣятельности людей, имѣетъ въ виду достиженіе ихъ жизненныхъ цѣлей и потребностей и является формальнымъ средствомъ или условіемъ для этого достиженія, а эти цѣли и потребности въ различныхъ сферахъ человѣческаго общежитія неодинаковы и опредѣляются вообще

Ausg. 1867. Anlage 2. S. 438. Точно также въ протоколѣ Лондонской конференціи отъ 19 февраля 1831 г., по поводу отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи, между прочимъ сказано: «Chaque nation a ses droits particuliers; mais l'Europe aussi a son droit». *Martens-Murhard Nouveau recueil des traités* Vol. 1. p. 197.

(1) Объ отрицателяхъ международнаго права см. *Schmelzing Systematischer Grundriss des Europ. Völkerrechts* Th. 1. 1818. S. 9—30. *Kaltenborn Kritik des Vrts* s. 306—316. *Bluntschli Das moderne Völkerrecht*. 1868. s. 2—10. *Каченовскій Курсъ межд. права*. Вып. 1. стр. 54 слѣд.—*Блѣцкій*, О значеніи межд. права и пр., стр. 100—120.

(2) *Heffter Völkerrecht*. § 2. s. 3.

самымъ существомъ и характеромъ общежитія, то по этому международное право необходимо носить на себѣ своеобразный характеръ, соотвѣтственно самому существу международныхъ отношеній.

Въ особенности же такая своеобразность международного права—и надобно сознаться мрачнаго свойства—выражается въ способахъ охраненія этого права или прекращенія международныхъ несогласій, къ разсматриванію которыхъ мы и обращаемся.

Нормальное состояніе правильного международного общежитія, какъ это понятно само собою, представляетъ взаимное согласіе или взаимный миръ между государствами. Каждое государство должно пользоваться своими правами и исполнять свои обязанности въ отношеніи другихъ государствъ. Только при этомъ условіи и возможно международное общеніе или взаимное содѣйствіе государствъ, какъ положительная задача и разумная цѣль международныхъ отношеній. Но однакоже, международный союзъ, какъ и всякое общежитіе, не можетъ расчитывать на ненарушимое спокойствіе. Между государствами, какъ и между отдѣльными лицами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, возможны также взаимные споры и столкновенія. Причины ихъ могутъ быть весьма разнообразны: иногда простое недоразумѣніе о значеніи взаимныхъ правъ и обязанностей государствъ, а иногда и своекорыстная, эгоистическая политика какого-либо государства и явное нарушеніе имъ правъ другаго государства. Кромѣ того, международныя несогласія могутъ возникнуть также не только вслѣдствіе несправедливыхъ дѣйствій непосредственно со стороны самихъ государствъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, но и по поводу частныхъ лицъ, подданныхъ государствъ. Находясь въ чужомъ государствѣ, или вступая въ какія-либо сношенія съ иностраннымъ правительствомъ и иностранными подданными, частныя лица, какъ уже замѣчено, не лишаются защиты своего отечественнаго государства и дѣйствуютъ вообще подъ его представительствомъ, а потому и всѣ притязанія, какъ со стороны частныхъ лицъ противъ иностранныхъ правительствъ и иностранныхъ подданныхъ, такъ и, наоборотъ, притязанія со стороны послѣднихъ противъ самихъ частныхъ

лицъ, могутъ также сдѣлаться предметомъ взаимнаго спора между самими государствами ⁽¹⁾.

Но если, такимъ образомъ возможны взаимные споры и вообще несогласія государствъ, по поводу мнимаго или дѣйствительнаго нарушенія ими своихъ взаимныхъ правъ, то въ международномъ быту, какъ и въ государственномъ, должны существовать также извѣстные способы и средства для прекращенія этихъ несогласій или для охраненія и восстановленія права. Какъ выраженіе справедливости и необходимое условіе для господства порядка въ жизни, каждое право, по идеѣ своей, неприкосновенно и нарушеніе права не можетъ быть терпимо. Въ особености же это слѣдуетъ сказать о правахъ самихъ государствъ, въ противоположность правамъ частныхъ лицъ. Если частное лицо въ сферѣ своихъ гражданскихъ правъ, принадлежащихъ лишь ему исключительно, можетъ вообще поступать по своему усмотрѣнію, такъ что, въ случаѣ нарушенія этихъ правъ со стороны другихъ лицъ, одинаково можетъ, какъ отстаивать ихъ законными способами, такъ и отказаться отъ нихъ, то напротивъ того, само государство не только можетъ, но и обязано отстаивать свои права противъ всякихъ несправедливыхъ притязаній. Какъ представитель своего народа, государство дѣйствуетъ во имя общихъ интересовъ, и потому, понятно, что, отказываясь отъ своихъ правъ, безъ уважительной причины, государство погрѣшило бы противъ своего назначенія ⁽²⁾.

Но спрашивается, какимъ же образомъ могутъ быть охраняемы взаимныя права государствъ въ быту международномъ? Это обусловливается самымъ существомъ международныхъ отношеній. Общественная связь въ международномъ союзѣ, какъ мы видѣли, представляется менѣе тѣсною, нежели въ союзѣ государственномъ. Успѣхи цивилизаціи и развитіе потребностей хотя и пробуждаютъ въ отдѣльныхъ

⁽¹⁾ *Heffter*, Europ. Völkerrecht § 405. *Holtzendorff*. Encyklopaedie. 1 B. S. 804—805.

⁽²⁾ *Vattel* Le droit des gens liv. II. Ch. XVIII. § 325. *Ferrero Gola* Corso di diritto internazionale vol. I. p. 248: «Quando una nazione patisce un danno od un' ingiuria è, più che in diritto, in dovere di domandare una riparazione». Ср. также *Tr. Twiss Law of Nations* vol. 2. 1863. Ch. 1. § 2—3.

народахъ сознание солидарности, но международный союзъ не имѣеть, однако, самобытнаго органа для выраженія своей общей воли и общихъ интересовъ. Отдѣльные государства, члены этого союза, пользуются взаимною самостоятельностью, и не признаютъ надъ собой никакой общей власти. Поэтому, и охранение взаимныхъ правъ государствъ, въ быту международномъ, принадлежитъ самимъ же государствамъ и преимущественно тѣмъ изъ нихъ, которыя въ данномъ случаѣ являются непосредственными участниками спора. Государства дѣйствуютъ при этомъ отчасти въ качествѣ представителей всеобщаго международного порядка, но главнымъ образомъ, въ силу своей самостоятельности, во имя собственныхъ правъ и интересовъ ⁽¹⁾. Такимъ образомъ, нельзя не согласиться, что относительно охраненія правъ международный бытъ существенно отличается и вообще значительно отсталъ отъ быта государственнаго: тогда какъ въ государствахъ, благодаря существованію общественной власти, какъ блюстительницы всеобщаго порядка и спокойствія, охраненіе правъ самими частными лицами, какъ субъектами этимъ правъ, уже давно исчезло и допускается лишь по исключенію,—въ международномъ быту, наоборотъ, охраненіе взаимныхъ правъ самими государствами существуетъ по общему правилу, какъ неизбежное послѣдствіе высшаго блага народовъ—взаимной самостоятельности государствъ. Вслѣдствіе же этого, а также и по самой важности затрогиваемыхъ правъ и интересовъ, международные споры, какъ уже замѣчено, необходимо носятъ на себѣ напряженный характеръ и подають поводъ ко множеству злоупотребленій.

Впрочемъ, изъ сказаннаго еще не слѣдуетъ, что государства, при охраненіи своихъ взаимныхъ правъ могутъ поступать совершенно произвольно и дѣйствовать лишь посредствомъ грубаго насилія. Такой произволъ и такое насиліе, дѣйствительно, въ теченіе долгаго времени господствовали въ международныхъ отношеніяхъ. Но мало по-малу, хотя и медленнымъ путемъ, пробудившееся сознание общей пользы народовъ и чувство справедливости не только способствовали къ образованію между государствами болѣе правильныхъ дружественныхъ сношеній, но выразились также и въ прогрессивномъ смягченіи враждебныхъ дѣйствій государствъ. При

⁽¹⁾ *Berner, Kriebsrecht* (Bluntschli, Staatswörterbuch. VI Bd. S. 93).

отсутствіи общей власти въ международномъ союзѣ, главнѣйшимъ средствомъ для охраненія взаимныхъ правъ между государствами является, конечно, война между ними, какъ полное выраженіе необходимой обороны государствъ. Но военныя жестокости оправдываются теперь лишь въ предѣлахъ необходимости. Между государствами относительно главнѣйшихъ вопросовъ, касающихся войны, существуютъ формальныя соглашенія, и всякое бесполезное насиліе, совершаемое во время войны, порицается какъ злоупотребленіе. Кромѣ того, война, вслѣдствіе крайней своей отягощенности, въ большинствѣ случаевъ является лишь послѣднимъ средствомъ для прекращенія международныхъ несогласій. Во избѣжаніе ея, государства, уже съ давняго времени, для разрѣшенія своихъ взаимныхъ споровъ, обращаются обыкновенно еще къ другимъ, предварительнымъ средствамъ—какъ мирнымъ, такъ и менѣе насильственнымъ, и хотя не всегда можно согласиться съ самою раціональностью нѣкоторыхъ изъ этихъ средствъ, или же съ справедливостію ихъ примѣненія въ данномъ случаѣ, но уже самый фактъ обращенія къ нимъ служитъ доказательствомъ сознанія государствъ о необходимости, во имя права и человѣколюбія, ограничить по возможности свои враждебныя дѣйствія (¹).

Такимъ образомъ, разнообразныя средства, примѣняемыя въ международной практикѣ, для прекращенія международныхъ несогласій, или для охраненія взаимныхъ правъ государствъ, по степени своей репрессивности, сводятся вообще къ тремъ категоріямъ: 1) мирныя средства; 2) отдѣльныя принудительныя мѣры, еще не доходящія до войны, и, наконецъ, 3) война—какъ общее враждебное состояніе государствъ.

Разсмотримъ значеніе этихъ средствъ.

I. Добросовѣстное примѣненіе въ международной практикѣ *мирныхъ средствъ* для прекращенія взаимныхъ несогласій государствъ, конечно, заслуживаетъ полнаго сучувствія. Въ нихъ, какъ нельзя болѣе, выражается сознаніе государствъ о господствѣ права въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Спорный вопросъ подвергается здѣсь всестороннему обсужденію и рѣшеніе спора является результатомъ сознательнаго убѣжденія о самой сущности этого спора.

(¹) Ср. *Heffter* Europ. Völkerrecht § 106. *О. Мартенс* О правѣ частной собственности во время войны. 1869. стр. 20.

Сюда относятся, прежде всего, непосредственныя дипломатическія сношенія между спорящими государствами. Они состоятъ въ обмѣнѣ дипломатическихъ нотъ между правительствами спорящихъ государствъ и въ переговорахъ черезъ посланниковъ. Цѣль этихъ сношеній заключается вообще въ томъ, чтобы выяснитъ самый предметъ международнаго столкновенія. Каждая сторона ставитъ здѣсь на видъ своему противнику основанія своихъ притязаній, опровергаетъ его возраженія и предлагаетъ условія для прекращенія спора. А такъ-какъ причиною международныхъ несогласій можетъ быть иногда лишь простое недоразумѣніе, то дипломатическія сношенія, въ международной практикѣ, неоднократно служили достаточнымъ средствомъ для умиротворенія государствъ. По разъясненіи спора, государства могутъ или отказаться отъ своихъ притязаній, вслѣдствіе ихъ неосновательности, или же покончить споръ заключеніемъ между собою какою либо добровольной сдѣлки (¹).

Кромѣ того, если взаимный споръ между государствами становится болѣе ожесточеннымъ, или же усложняется вслѣдствіе какихъ-либо постороннихъ обстоятельствъ, то правительства спорящихъ государствъ, особенно въ новѣйшее время, нерѣдко дѣлаютъ также *опубликованіе главныхъ ихъ документовъ* или т. наз. *дедукцій*, относящихся къ спору, съ цѣлью вцзвать свободное обсужденіе спора въ періодической печати и подѣйствовать на противника силою общественнаго мнѣнія. Средство, конечно, чисто-нравственнаго свойства, но которое, тѣмъ не менѣе, можетъ оказаться на практикѣ довольно дѣйствительнымъ. Общественное мнѣніе, какъ извѣстно, все болѣе и болѣе приобретаетъ всестороннее значеніе, и съ нимъ приходится теперь считаться не только отдѣльнымъ лицамъ, но и правительствамъ (²).

Съ другой же стороны, при солидарности международныхъ интересовъ и при всеобщей потребности мира, въ соглашеніи спорящихъ государствъ нерѣдко принимаютъ такъ

(¹) *Tr. Twiss Law of Nations* vol. 2. 1863. § 4.—*Vattel Droit des gens*. Liv. II. ch. XVIII §§ 326—27.

(²) *Berner, Kriegsrecht* (Bluntschli, Staatswörterbuch VI. S. 102.).— О значеніи общественнаго мнѣнія въ современной дипломатіи см. *Vergé, Droit des gens avant et depuis 1789* (Introd. à Martens, Précis du droit des gens, édit. 1858 p. LI et suiv.).

же участіе и постороннія державы. Такое участіе, по внѣшнему своему выраженію, можетъ быть различное. Иногда стороннія державы уже по собственному побужденію, во имя общаго спокойствія, предлагаютъ спорящимъ государствамъ свои *дружественныя услуги* и даютъ имъ различные совѣты для примиренія ихъ—такъ наз. *bona officia, les bons offices*,—причемъ, конечно, по крайней мѣрѣ юридически, принятіе этихъ предложеній или отказъ отъ нихъ совершенно зависятъ отъ усмотрѣнія спорящихъ государствъ. А иногда, и наоборотъ, примирительное участіе постороннихъ державъ въ прекращеніи международнаго спора происходитъ по приглашенію самихъ спорящихъ государствъ, что и составляетъ *международное посредничество* въ тѣсномъ смыслѣ—*la médiation internationale préalable pacifique* ⁽¹⁾. Значеніе посредничества въ международномъ быту тоже самое, что и въ гражданскомъ. Посредникъ, какъ замѣчаетъ Ваттель, есть примиритель спорящихъ, а не судья надъ ними; его призваніе составляетъ сохраненіе мира, а не строгое право. Оставаясь безпристрастнымъ въ спорѣ, онъ имѣетъ цѣлью согласить взаимныя притязанія спорящихъ и, въ этихъ видахъ, склоняетъ ихъ ко взаимной уступкѣ и высказываетъ собственное мнѣніе о способѣ рѣшенія спора. Мнѣніе посредника, какъ не строго-юридическое, не обязательно для спорящихъ, но оно, конечно, не можетъ не имѣть для нихъ болѣе или менѣе важнаго нравственнаго значенія. Въ особенности же это слѣдуетъ сказать о коллективномъ посредничествѣ, когда международные споры обсуживаются на международныхъ конгрессахъ, или конференціяхъ при участіи представителей многихъ государствъ ⁽²⁾. По общему правилу международное посредничество, вслѣдствіе самостоятельности государствъ, можетъ имѣть мѣсто лишь по взаимному согласію между спорящими государствами и самимъ посредникомъ. Но на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года, великія европейскія державы—Россія, Англія, Франція, Австрія, Пруссія и Сардинія—относительно своихъ споровъ съ Турціей, объявили для себя обязательнымъ взаимное посредни-

⁽¹⁾ *A. Bulmerincq Vermittelung* (Holtzendorff Encyclop der Rechtswiss. Bd. 3. S. 620 fg).—*Heffter Europ. Vrt.* § 107.

⁽²⁾ *Vattel Droit des gens*, liv. 2. ch. XVIII §§ 328, 330.

чество⁽¹⁾; а въ одномъ изъ протоколовъ этого конгресса, по предложенію англійскаго уполномоченнаго, лорда Кларендона, выражено даже общее желаніе, хога и необязательное, чтобы всѣ государства, при возникновеніи каждаго, болѣе или менѣе, серьезнаго международнаго несогласія, не прибѣгали въ оружію, не обратясь напередъ къ „добрымъ услугамъ“, или посредничеству какой-либо дружественной державы для мирнаго разрѣшенія спора⁽²⁾. Но такъ какъ, къ сожалѣнію, заявленіе это не имѣетъ значенія безусловнаго требованія, то мы видимъ на практикѣ, что въ послѣднюю французско-нѣмецкую войну предложеніе мирнаго посредничества со стороны великихъ державъ не было принято враждующими сторонами⁽³⁾.

Наконецъ, весьма замѣчательное мирное средство для превращенія международныхъ несогласій представляетъ собою *международный третейскій судъ*—*l'arbitrage, Schiedsgericht*. Этотъ судъ, какъ и въ гражданскомъ быту, состоитъ въ томъ, что споряція государства добровольно поручаютъ какъ разсмотрѣніе, такъ и рѣшеніе своего спора извѣстному лицу, или нѣсколькимъ лицамъ, принимая на себя обязанность подчиниться этому рѣшенію. Слѣдовательно, въ отличіе отъ посредничества, которое какъ мы видѣли, имѣетъ цѣлью лишь соглашеніе взаимныхъ притязаній спорящихъ и, вообще, примиреніе ихъ посредствомъ добровольныхъ уступокъ, международный третейскій судъ, наоборотъ, въ предѣлахъ своей компетентности или полномочія, дѣйствуетъ самостоятельно: онъ изслѣдуетъ самое существо спора и рѣ-

(¹) Въ статьѣ VIII Парижскаго мирнаго трактата 18го марта 1856 г. постановлено: «S'il survenait, entre la Sublime Porte et l'une ou plusieurs des autres Puissances Signataires, un dissentiment qui menaçât le maintien de leurs relations, la Sublime Porte et chacune de ces Puissances, avant de recourir à l'emploi de la force, mettront les autres Parties Contractantes en mesure de prévenir cette extrémité par leur action médiatrice». (*Martens-Samwer* Nouv. réc. gén. des traités. XV, p. 770).

(²) Protocole n° XXIII, séance du 14 avril 1856: «M—rs les Plénipotentiaires n'hésitent pas à exprimer au nom de leurs gouvernemens le vœu que les états, entre lesquels s'élèverait un dissentiment sérieux, avant d'en appeler aux armes, eussent recours, tant que les circonstances l'admettraient, aux bons offices d'une puissance amicale». — Cp. *Bluntschli* Moder. Vrt. § 484.

(³) См. *Revue de droit international*. 1870. № 4, p. 715—716.

шаетъ его, согласно съ правомъ, по собственному убѣжденію. По значенію своему, третейскій судъ раздѣляется на два вида: *arbitrium* и *arbitratio*. *Arbitrium*—это третейскій судъ въ тѣсномъ смыслѣ, рѣшающій вопросъ о самомъ существованіи права. *Arbitratio*, наоборотъ, бываетъ тогда, когда вопросъ о правѣ не подлежитъ сомнѣнію и назначеніе суда состоитъ лишь въ фактическомъ примѣненіи права. Напримеръ, вопросъ о правѣ на вознагражденіе составляетъ предметъ *arbitrium*'а, а самое количество или размѣръ вознагражденія опредѣляетъ *arbitratio* ⁽¹⁾. Но, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, юридическимъ основаніемъ международнаго третейскаго суда, вслѣдствіе самостоятельности государствъ, всегда является добровольное соглашеніе, или взаимный договоръ, какъ между самими спорящими государствами, такъ и третейскими судьями—такъ наз. *compromissum*, *compromis*. Въ этомъ компромиссѣ обозначается составъ третейскаго суда и его цѣль, время и мѣсто судебныхъ засѣданій, самый порядокъ судопроизводства, способъ исполненія третейскаго судебного рѣшенія и т. под.

Третейскими судьями, или арбитрами, для рѣшенія международныхъ споровъ избираются обыкновенно владѣтельные особы дружественныхъ государствъ. Но это дѣлается лишь для приданія суду ббльшаго нравственнаго авторитета и не составляетъ непремѣннаго юридическаго условія для самой дѣйствительности международнаго третейскаго суда. Нерѣдко международными арбитрами избирались также и другія лица, или извѣстныя общественныя учрежденія, какъ наприм. извѣстные юристы, церковные сановники, высшіе суды какаго-либо государства, юридическіе факультеты и т. под. ⁽²⁾.—Самое число судей и способъ ихъ назначенія также зависятъ отъ усмотрѣнія спорящихъ государствъ. Они могутъ представить рѣшеніе своего спора или одному арбитру, или же нѣсколькимъ. Въ послѣднемъ случаѣ избраніе арбитровъ происходитъ или сообща обѣими враждующими сторонами, или же, наоборотъ, каждая сторона въ отдѣльности избираетъ отъ себя одинаковое число арбитровъ. При этомъ арбитры постановляютъ приговоръ, какъ и всякое коллективное

⁽¹⁾ *Bluntschli* § 488.—*Hefster* § 109.

⁽²⁾ *Bulmerincq* Schiedsspruch (Holtzendorff, Encyclopädie III Bd. 1871. S. 416.).—*Klüber* Droit des gens moderne de l' Europe § 318.

собрание, по большинству голосовъ, а въ случаѣ равенства послѣднихъ рѣшаетъ голосъ предсѣдателя (*superarbitrer*), избраніе котораго также принадлежитъ спорящимъ государствамъ, или же, на основаніи компромисса, арбитрамъ⁽¹⁾.

Вообще, вслѣдствіе компромисса, рѣшеніе международнаго третейскаго суда, въ отношеніи спорящихъ государствъ, имѣетъ значеніе добровольной сдѣлки между ними. Если государства условились взаимно представить свой споръ на рѣшеніе извѣстнаго третейскаго суда, то отсюда слѣдуетъ также, что они, вмѣстѣ съ этимъ, уже заранѣе выразили свое согласіе и съ самымъ рѣшеніемъ, потому что иначе назначеніе суда не имѣло бы смысла. Вотъ почему, какъ уже замѣчено, рѣшеніе третейскаго суда, въ отличіе отъ мнѣнія посредника, обязательно для спорящихъ, и государства не могутъ отвергать это рѣшеніе, какъ и всякую сдѣлку, подъ предлогомъ его неосновательности или отяготительности для ихъ интересовъ.—Но однакоже, съ другой стороны, нельзя сказать также, чтобы третейскій судъ, относительно своего рѣшенія, могъ поступать сов. произвольно. Какъ судъ добровольный, онъ долженъ дѣйствовать лишь въ предѣлахъ извѣстной компетентности, предоставленной ему спорящими сторонами, и, какъ всякій судъ, не можетъ нарушать общихъ требованій права и справедливости, потому что, понятно, только при этихъ условіяхъ и можно говорить о разумномъ назначеніи суда. Поэтому рѣшеніе международнаго третейскаго суда является недѣйствительнымъ и спорящія государства могутъ отказаться отъ его исполненія въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если это рѣшеніе, по содержанію своему, выходитъ изъ предѣловъ полномочій компромисса; 2) если оно противорѣчитъ общему юридическому порядку, или же состоялось при явномъ нарушеніи основныхъ началъ всякаго судопроизводства,—какъ наприм., если бы судъ постановилъ свое рѣшеніе, не выслушавъ объясненія сторонъ и т. под.; и, наконецъ, 3) если рѣшеніе состоялось подъ вліяніемъ подкупа судей и, вообще, при явномъ ихъ пристрастіи и недобросовѣстности⁽²⁾.

На практикѣ рѣшенія международныхъ споровъ посредствомъ третейскаго суда встрѣчаются съ древнѣйшихъ вре-

(¹) *Berner Kriegsrecht* (Bluntschli, Staatswörterbuch, Bd. VI, S. 103.).

(²) *Bluntschli Vrt.* §§ 494—495.—Примѣрные случаи см. у *Travers Twiss Law of Nations* vol. II, p. 8—9.

ментъ. Еще греческія республики для прекращенія своихъ взаимныхъ несогласій нерѣдко избирали въ качествѣ арбитра дельфійскаго оракула, или же какой-либо дружественный городъ, а также извѣстнаго поэта, или оратора⁽¹⁾. У римлянъ для разбирательства частныхъ споровъ между римскими гражданами и иностранцами мы видимъ такъ назыв. рекуператоровъ, то есть третейскихъ судей, которые, на основаніи особыхъ трактатовъ, выбирались самими спорящими, или же, при несогласіи ихъ, назначались правительствомъ; а въ политическихъ спорахъ между союзными итальянскими городами роль третейскаго судьи предоставлялась обыкновенно римскому сенату⁽²⁾. Но чаще всего международные споры рѣшались третейскимъ судомъ въ эпоху среднихъ вѣковъ. Римскій первосвященникъ и германскій императоръ, какъ двѣ главы тогдашняго западно-европейскаго общества, по крайней мѣрѣ до XIV вѣка, постоянно являлись въ качествѣ миротворцевъ между христіанскими государями и ихъ феодальными баронами⁽³⁾. Кромѣ того, въ то же время, рѣшеніе международныхъ споровъ въ Западной Европѣ иногда предоставлялось также извѣстнымъ знатокамъ римскаго права—членамъ болонскаго университета. Укажемъ, на примѣръ, на ронвальскій сеймъ 1158 года, на которомъ болонскіе юристы, въ качествѣ арбитровъ, обсуживали взаимный споръ между императоромъ Фридрихомъ Барбароссою и ломбардскими городами и рѣшили этотъ споръ въ пользу императора⁽⁴⁾. У насъ, въ Россіи, до окончательнаго утвержденія Московскаго единодержавія, дѣла *порубежныя* или пограничныя между жителями различныхъ княжествъ, а также и споры между самими князьями обсуживались общимъ или *смѣтнымъ* судомъ изъ бояръ обоихъ княжествъ; а въ случаѣ безуспѣшности этого суда дѣло предоставлялось на рѣшеніе третейскаго судьи, каковымъ избирался обыкновенно ка-

⁽¹⁾ *Laurent Histoire du droit des gens etc.* 2-ème éd. 1855. t. 2. p. 134.

⁽²⁾ *Sell Recuperatio der Römer.* 1837.—Ср. *Bulmerincq Schiedsspruch* (Holtzendorff, Encykl. III. S. 414—15).

⁽³⁾ *Pütter Beiträge zur Völkerrechtsgeschichte und Wissenschaft.* 1843. S. 180 fg.

⁽⁴⁾ *H. Wheaton Histoire des progrès du droit des gens etc.* 3 éd. 1863. t. I. p. 29—30.

кой-либо дружественный князь, или митрополитъ⁽¹⁾. Изъ новѣйшихъ случаевъ примѣненія международнаго третейскаго суда для прекращенія взаимныхъ несогласій государствъ укажемъ на споръ Англии съ Сѣверо-Американскими Штатами, возникшій въ 1827 году относительно границы ихъ владѣній въ Америкѣ. Этотъ споръ былъ представленъ на третейское разбирательство короля нидерландскаго; но такъ-какъ король не постановилъ обязательнаго рѣшенія, а высказалъ лишь простое посредническое мнѣнiе, то спорящія государства возобновили между собою непосредственныя дипломатическiя сношенія и покончили споръ по взаимному соглашенiю⁽²⁾. Извѣстны также два третейскихъ рѣшенія гамбургскаго сената 1858 и 1861 гг. относительно споровъ между Англiей и Португалiей, по поводу претензiй англiйскихъ купцовъ противъ португальскаго правительства⁽³⁾. И наконецъ, въ послѣднее время Сѣверо-Американскiе Штаты являлись участвующею стороною въ пяти международныхъ процессахъ съ различными государствами, которые, точно также, были представлены на обсужденiе международныхъ третейскихъ комиссiй⁽⁴⁾.

Таковы мирныя средства, въ которыхъ обыкновенно обращаются государства для разрѣшенія своихъ взаимныхъ споровъ⁽⁵⁾. Какъ средства совершенно дружественнаго свойства

(1) См. Рѣчь проф. *Лешкова* О древней русской дипломатiи. 1847. стр. 54—55.—*Рейцъ* Опытъ Исторiи российскихъ законовъ. Перевъ Моршкiна. 1836. стр. 91, 121—122.

(2) *Travers Twiss* Law of Nations II. p. 8.

(3) Тамъ же, p. 10.

(4) См. *Revue de droit international*. 1872. № 1, p. 137, note.

(5) Въ прежнее время, и особенно въ эпоху среднихъ вѣковъ, для прекращенія международныхъ несогласiй, употреблялись еще *жребiй* и *поединокъ*. Посредствомъ жребiя рѣшались обыкновенно, въ Западной Европѣ, многочисленныя споры феодальныхъ князей о раздѣлѣ ихъ территориальныхъ владѣнiй и споры посланниковъ о взаимномъ рангѣ или предсѣдательствѣ. Поединокъ же, обставленный всѣми условiями правильной дуэли, нерѣдко употреблялся государями, соответственно рыцарскимъ правамъ, во избѣжанiе общей битвы. Но очевидно, что какъ жребiй, такъ и поединокъ предоставляютъ рѣшенiе спора простой случайности, и потому, какъ средства нерациональныя, совершенно не встрѣчаются въ новѣйшей международной практикѣ. Послѣднiй примѣръ политическаго поединка, въ указанномъ смыслѣ, представляетъ неудачный вызовъ на дуэль, сдѣланный Густавомъ IV,

и состоящія во всестороннемъ обсужденіи спора, они, какъ уже замѣчено, заслуживаютъ полнаго сочувствія, и нельзя не пожелать имъ возможно-широкаго практическаго примѣненія. Но, въ сожалѣнію, выборъ средства для взаимнаго примиренія дѣлается государствами, обыкновенно, уже по возникновеніи спора, когда взаимное раздраженіе спорящихъ сторонъ достигаетъ уже значительной степени, вслѣдствіе чего и самое примѣненіе того или другаго средства, въ международной практикѣ, является болѣе или менѣе неожиданнымъ, или случайнымъ и не всегда приводитъ къ желаемому окончанію международного столкновенія. Во избѣжаніе этого, было бы вообще весьма желательно, чтобы государства, при заключеніи каждаго трактата, въ то же время уже заранѣе условливались между собою и относительно способовъ мирнаго разрѣшенія могущихъ возникнуть между ними какихъ-либо споровъ при исполненіи этаго трактата. Такия соглашенія, какъ добровольныя, конечно, нельзя считать оскорбительными для самостоятельности государствъ, а между тѣмъ они значительно содѣйствовали бы водворенію болѣе правой и справедливой въ международныхъ отношеніяхъ и служили бы весьма важною гарантіею международного спокойствія⁽¹⁾.

II.—Если примѣненіе мирныхъ средствъ для взаимнаго соглашенія государствъ оказывается безуспѣшнымъ, то, очевидно, что, при отсутствіи въ международномъ союзѣ общей власти, спорящія государства, относительно охраненія своихъ взаимныхъ правъ, становятся тогда въ положеніе необходимой обороны. Вслѣдствіе своей самостоятельности каждое изъ государствъ можетъ именно отстаивать свои права противъ

королемъ шведскимъ, Наполеону I. Ср *Heffter*, Vrt, § 108. — Въ исторіи древней Руси также извѣстно единоборство между русскимъ княземъ, Мстиславомъ Тмутораканскимъ, и Редедю, княземъ Касоговъ, въ 1022 году. «Рече Редедъ къ Мстиславу: «что ради губивъ дружину межа собою? Но съидевъ ся сама бороть; да еще одолѣши ты, то возмеша и мѣице мое и жену мою, и дѣти мои и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то возму твою все». И рече Мстиславъ: «такъ буди». — Побѣдителемъ въ этомъ единоборствѣ былъ Мстиславъ, который, дѣйствительно, согласно условію, овладѣлъ всѣмъ имуществомъ и семействомъ своего противника и получалъ право данн въ землѣ Касоговъ. См. Полн. Рус. Лѣт. Т. I, 1846, стр. 63.

⁽¹⁾ Ср. *Berner Kriegsrecht* (Bluntschli, Staatswörterbuch. Bd. VI. S. 104.).

всякихъ несправедливыхъ притязаній даже силою, лишь бы при этомъ не были нарушаемы права другихъ государствъ. Но однакоже, примѣненіе силы, или насильственное принужденіе можетъ имѣть различныя степени и оправдывается въ международномъ быту, какъ и вообще въ юридическомъ, лишь насколько оно дѣйствительно необходимо для охраненія права. По этому, при безуспѣшности мирныхъ средствъ, споряція государства, во избѣжаніе войны, какъ крайняго принужденія, ради охраненія своихъ правъ, примѣняютъ иногда лишь *отдѣльныя принудительныя мѣры* (*vereinzelte Gewaltmassregeln*), при которыхъ мирное отношеніе между этими государствами не прерывается совершенно. Такимъ образомъ, примѣненіе этихъ отдѣльныхъ принудительныхъ мѣръ въ международной практикѣ, представляетъ собою какъ бы переходъ отъ состоянія мира къ состоянію войны между государствами, хотя въ частности мѣры эти бываютъ различныя ⁽¹⁾.

Самую слабую изъ подобныхъ принудительныхъ мѣръ, примѣняемыхъ въ международныхъ отношеніяхъ, является т. наз. *реторсія* (отъ *retorgere*—отражать, или поварачивать обратно). Она имѣетъ мѣсто не вслѣдствіе нарушенія какого-либо права между государствами, а лишь вслѣдствіе суроваго пользованія своимъ правомъ извѣстнымъ государствомъ вопреки интересовъ другаго государства, или же— вслѣдствіе нарушенія международной справедливости, и состоитъ въ приложеніи между государствами принципа таліона, т. е. возмездія равнымъ за равное. *Par pari refertur*; или, *quod quisque in alterum statuerit ut ipse eodem jure utatur* ⁽²⁾. Предположимъ, на примѣръ, что извѣстное государство, при отсутствіи обязательныхъ для него трактатовъ, издастъ какой-либо законъ, или постановленіе, по которымъ стѣсняетъ внутри своихъ предѣловъ положеніе подданныхъ другаго государства, сравнительно съ положеніемъ собственныхъ подданныхъ, или же иностранцевъ другихъ націй; какъ

⁽¹⁾ Cp. *Ortolan Regles internationales etc.* Ed 1864, t. I, p. 346, 360.—*Bluntschli Vrt.* § 499.

⁽²⁾ *Bluntschli Vrt.*, § 505: «Die Retorsion ist nicht gegen Unrecht, aber gegen eine unbillige Ausübung fremden Rechtes gewendet».—Cp. также *Heffter Eur. Vrt.*, § 110.—*Rob. Phillimore's Commentaries upon International Law.* Vol. 3. 1857, p. 8—9.

напр., при конкурсѣ отдаетъ предпочтеніе передъ ними отечественнымъ кредиторамъ, или же затрудняетъ для нихъ право наслѣдованія, облагаетъ ихъ товары высокими таможенными пошлинами и т. под. Въ этихъ случаяхъ, очевидно, что о нарушеніи права между государствами не можетъ быть рѣчи, потому что каждое государство, въ силу своей самостоятельности, по общему правилу, въ отношеніи своего законодательства и правительственныхъ распоряженій, поступаетъ совершенно свободно, и государственная власть одинаково распространяется какъ на собственныхъ подданныхъ государства, такъ и на всѣхъ иностранцевъ, находящихся въ государствѣ. Но однакоже, съ другой стороны, понятно также, что, пользуясь подобнымъ образомъ своимъ правомъ, государство существенно нарушаетъ если не права, то, по крайней мѣрѣ, интересы другаго государства, отечества иностранцевъ, и обнаруживаетъ противъ него непріязненное расположеніе; вслѣдствіе чего и послѣднее государство, въ свою очередь, можетъ также предпринять противъ перваго государства, или противъ его подданныхъ, въ видѣ возмездія, подобныя же мѣры, которыя и будутъ международною реторсіей.

Вообще предметъ реторсіи можетъ быть всякое международное отношеніе, и не требуется непременно, чтобы реторсивныя мѣры состояли въ томъ же самомъ непріязненномъ дѣйствіи, которое вызвало примѣненіе реторсіи. Какъ мѣра возмездія, справедливая реторсія не должна только заключать въ себѣ большую степень вреда сравнительно съ претерпѣваемымъ отъ самого противника (¹). Кроме того, реторсія можетъ быть прилагается не только въ томъ случаѣ, когда извѣстная несправедливость со стороны враждебнаго государства уже дѣйствительно совершилась, но также и тогда, когда несправедливость представляется лишь вѣроятною,—какъ на примѣръ, если враждебное государство еще только издало какой-либо стѣснительный законъ, но еще не успѣло привести его въ исполненіе и т. под. Самая же цѣль примѣненія реторсіи между государствами, какъ очевидно, заключается въ томъ, чтобы дать почувствовать противнику всю отягчительность его же собственной политики и этимъ побудить его перемѣнить свою политику въ болѣе благопріятномъ смы-

(¹) *Rob. von Mohl* Encyclop. der Staatswiss. § 65. S. 450. *Bulmerincq* Retorsion (Holtzendorff, Encykl. der Rechtswiss. III. S. 384.).

слѣ; приче́мъ, конечно, съ отри́ною недружелюбныхъ мѣръ, вызвавшихъ реторсію, должна прекратиться и самая реторсіа (¹).

Та́къ-ка́къ реторсіа имѣетъ свое примѣненіе лишь въ области справедливости и не состоитъ въ нарушеніи права, то приложеніе реторсіи, со стороны юридической, не можетъ быть порицаемо. Если государство пользуется своими правами со всею строгостью, или исключительностью, то, конечно, оно не можетъ претендовать, если и другія государства, въ сферѣ своихъ правъ, будутъ поступать относительно его та́кимъ же образомъ (²). Но, въ отношеніи политическомъ, реторсію нельзя, однако же, считать совершенно цѣлесообразною мѣрою. Вме́сто того, чтобы побудить противника къ уступчивости, она можетъ, иногда наоборотъ, еще болѣе раздражить его и, та́кимъ образомъ, усилить международное столкнове́ніе. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, какъ напри́мѣръ относительно положенія иностранцевъ, примѣненіе реторсіи искажаетъ та́же, болѣе или менѣе, внутреннее законодательство страны и, если не юридически, то нравственно несправедливо, нарушая интересы совершенно неповинныхъ частныхъ лицъ. И, наконецъ, вслѣдствіе солидарности международныхъ интересовъ, реторсіа почти всегда бываетъ одинаково отяготительною не только для государства, противъ котораго примѣняется, но та́же и для самого государства, примѣняющаго реторсію (³). Поэто́му въ новѣйшей международной практикѣ реторсіи выходятъ изъ употребленія, и примѣненіе ихъ можно оправдать лишь въ томъ случаѣ, когда оно дѣлается государствами съ полною осмотрительностью, по возможности безъ вреда для частныхъ интересовъ и съ достаточной вѣроятностью на дѣйствительный успѣхъ реторсіи (⁴).

(¹) Ср вообще *Heffter*, *Europ. Vrt* § 110.

(²) *Vattel Droit des gens*, liv. II, ch. XVIII, § 66.

(³) Ср. *Mohl* *Encyclopädie* § 65, S. 450. *Bluntschli* *Mod. Vrt.* § 505. *Ferrero Gola Corso di dir. Intern.* vol. I, p. 312.

(⁴) Проф. *Мартенс* выражаетъ даже желаніе, чтобы, «на основаніи сознанія неосновательности и нецѣлесообразности реторсіи, государства навсегда отказались бы отъ ея примѣненія». (О правѣ частной собственности во время войны Стр. 23.). Но мы не можемъ согласиться съ та́кимъ безусловнымъ требованіемъ. Если государства, вслѣдствіе своей самостоя-

Гораздо важнѣе, затѣмъ, по своему значенію, другой видъ международныхъ принудительныхъ мѣръ—такъ назыв. *репрессалии*. Если реторсія, какъ говоритъ Гефферъ, есть реакція лишь противъ несправедливости въ международныхъ отношеніяхъ, то репрессалии, наоборотъ, примѣняются между государствами, какъ противодѣйствіе, въ случаѣ нарушенія между ними строгаго права⁽¹⁾. Но репрессалии, какъ и реторсія, также являются мѣрою возмездія между государствами и, по существу своему, состоятъ вообще въ томъ, что государство, считающее свое право нарушеннымъ со стороны другаго государства, не прибѣгая еще къ открытой войнѣ, нарушаетъ и въ свою очередь какое либо право своего противника, или же его подданныхъ, имѣя при этомъ въ виду или вынудить противника въ представленію за нарушенное имъ право надлежащаго удовлетворенія, или же получить отъ него также удовлетвореніе непосредственно черезъ самое примѣненіе репрессалии⁽²⁾. Такъ, напримѣръ, репрессалія является, если государство, въ отмщеніе за свое нарушенное право, отказывается отъ исполненія въ пользу своего противника какого-либо трактата, или же высылаетъ изъ своихъ предѣловъ и совершенно не допускаетъ на свою территорию враждебныхъ подданныхъ, отказываетъ имъ въ правѣ судебной защиты и т. д. Но главнымъ образомъ подъ именемъ репрессалии разумѣется въ международной практикѣ насильственный захватъ или задержаніе обиженнымъ государствомъ враждебныхъ лицъ или враждебнаго имущества, чѣмъ и объясняется самое названіе репрессалии (отъ латинскаго глагола *rependere* или *reprehendere*)⁽³⁾. Кромѣ того, репрессалии употребляются также и въ военное время и озна-

тельности, вынуждены прибѣгать къ самооборонѣ, то чѣмъ менѣе при этомъ насилія, тѣмъ справедливѣе и гуманнѣе. Вопросъ о нецѣлесообразности реторсій категорически можетъ быть рѣшенъ не вообще, а лишь въ отношеніи къ каждому отдѣльному случаю, при соображеніи всѣхъ обстоятельствъ этого случая.

(¹) *Heffter* Europ. Vrt, Ausg. 1867. S. 201: «Die Retorsion ist eine Reaction gegen eine Iniquität (jus iniquum), die Repressalien reagiren gegen eine Ungerechtigkeit (injustitia)».

(²) *Huhn* Völkerrecht, 1865, S. 228.

(³) Ср. *Berner* Repressalien (Bluntschli, Staatswörterbuch. VIII. Bd. S. 597.). *Bulmerincq* Repressalien (Holtzendorff, Encykl. III. Bd., S. 370).

чаютъ тогда примѣненіе между воюющими государствами, по принципу таліона, какихъ-либо чрезвычайныхъ стратегическихъ мѣръ въ возмездіе за подобныя же мѣры со стороны противника; но эти военныя репрессаліи не подлежатъ теперь нашему разсмотрѣнію.

По извѣстнымъ основаніямъ, репрессаліи раздѣляются публицистами на различныя категоріи. А именно, по самому предмету своему, онѣ бывають *личныя* и *реальныя*, смотря потому, направлены ли репрессивныя мѣры противъ самихъ враждебныхъ лицъ, или же только противъ враждебнаго имущества⁽¹⁾. Затѣмъ, по самому свойству репрессивнаго дѣйствія, различаются репрессаліи *положительныя* и *отрицательныя*. Положительныя—это такія репрессаліи, которыя состоятъ, со стороны обиженнаго государства, въ непосредственномъ совершеніи какого либо дѣйствія, прямо направленаго къ нарушенію правъ враждебнаго государства или же его подданныхъ, въ отмщеніе за подобное же правонарушеніе съ ихъ стороны; какъ на примѣръ, сюда относится непосредственный захватъ враждебныхъ лицъ или имущества. Отрицательныя же репрессаліи, наоборотъ, заключаются лишь въ отказѣ, со стороны обиженнаго государства, отъ исполненія въ пользу противника какого-либо обязательства, или же въ препятствованіи самому противнику воспользоваться какимъ-либо его правомъ; какъ на примѣръ такую репрессалію составляетъ отказъ, вопреки спеціальной конвенціи, въ денежной субсидіи враждебному государству, или же отказъ для враждебныхъ подданныхъ, вопреки торговому трактату, въ правѣ транзита товаровъ черезъ территорію обиженнаго государства и т. под.⁽²⁾ И, наконецъ, по самому объему репрессивныхъ дѣйствій, британская практика, а также и нѣкоторыя изъ англійскихъ и сѣверо-американскихъ публицистовъ дѣлають еще различіе между репрессаліями *общими* и *спеціальными*. Общія репрессаліи (*general reprisals*) бывають тогда, когда обиженное государство даетъ до-

(¹) *Hugo Grotius*, De jure belli ac pacis lib. III, cap. II, § 5, 2.—*Martens*, Précis du droit des gens § 259.—*Tr. Twiss*, Law of Nations, vol. II § 20. p. 37.

(²) *Klüber* Droit des gens moderne de l'Europe § 234.—*Berner Reprisalien* (Staatswörterbuch VIII. S. 599).—*Wheaton* Elements du droit international, v. I, part 4, ch. I, § 2.

зволение совершать ихъ своей вооруженной силѣ, или даже и всѣмъ своимъ подданнымъ и, притомъ, какъ противъ правъ самаго враждебнаго государства, такъ и противъ всѣхъ подданныхъ и ихъ имущества, гдѣ бы они не находились; а спеціальныя репрессалии (*special reprisals*), напротивъ того, разрѣшаются государствомъ лишь извѣстнымъ лицамъ и, по существу своему, состоятъ лишь въ опредѣленномъ враждебномъ дѣйствіи⁽¹⁾. Но очевидно, что это различіе репрессалій не можетъ быть принято. Общія репрессалии представляютъ уже крайнюю степень международнаго принужденія и означаютъ съ состояніемъ самой войны между государствами, а потому большинство публицистовъ справедливо признаютъ лишь спеціальныя репрессалии⁽²⁾.

Въ международной практикѣ, репрессалии, въ томъ или другомъ видѣ, встрѣчаются съ древнѣйшихъ временъ. Въ Греціи, по свидѣтельству Демосена, употреблялась т. н. *андроленсія* (*ἄνδροληψία*), или личная репрессалия, которая, по афинскому закону, состояла въ томъ, что родственникамъ и друзьямъ убитаго въ чужомъ государствѣ, дозволялось захватить троихъ согражданъ убійцы и держать ихъ въ неволѣ до тѣхъ поръ, пока убійца не будетъ казненъ или же выданъ⁽³⁾. И точно также, изъ римской исторіи, какъ на примѣръ приложенія репрессалій, можно указать на тотъ случай, когда, въ отмщеніе за разграбленное имущество Тарквиніевъ, ихъ наслѣдникъ, Аристокемъ, задерживаетъ въ Кумахъ римскіе корабли со всѣмъ ихъ грузомъ⁽⁴⁾. Но въ особенности часто и, притомъ, безъ соблюденія всякихъ правилъ, репрессалии примѣнялись въ началѣ среднихъ вѣковъ. Въ это время, при грубости и воинственности нравовъ и вслѣдствіе слабости государственной власти, каждое лицо отстаивало свои права, преимущественно же въ международныхъ отношеніяхъ, своими собственными средствами и

(1) *Wheaton* ibidem.—*Tr. Twiss Law of Nations* II, § 47. p. 30.

(2) *Vattel Droit des gens*, l. II, ch. XVIII, § 345.—*Martens Précis*, § 262.—*Heffter Eur. Vrt*, 1867, § 111, S. 203.—*Phillimore's Commentaries* III p. 42.—*Bulmerincq Reprisalien* (Holtzendorff, Encyklopaedie, III, S. 372.).

(3) Ср. *Grotius*, De jure belli ac pacis, lib. III, cap. II, § 3.—*Vattel, Droit des gens*, liv. II, ch. XVIII, § 351.

(4) *Grotius* De j. b. ac. p. l. III, c. II, § 5, 2.

могло примѣнять репрессалии, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, по своему усмотрѣнію, безъ всякаго контроля со стороны правительства⁽¹⁾. Только съ XII и еще болѣе съ XIII столѣтій такая анархія мало по малу ограничивается: правительства заключаютъ между собою многочисленныя трактаты и издаютъ внутреннія узаконенія, по которымъ репрессалии могли быть примѣняемы лишь въ извѣстныхъ случаяхъ,— въ особенности же въ случаѣ отказа въ правосудіи и въ уплатѣ долга, и притомъ, частное лицо, чувствующее себя обиженнымъ со стороны иностраннаго правительства, или же иностранца, могло осуществлять репрессалии лишь по прошествіи опредѣленнаго срока со времени правонарушенія—отъ двухъ до шести мѣсяцевъ—и не иначе, какъ съ разрѣшенія своего отечественнаго правительства, которое и заключалось въ выдачѣ обиженнымъ лицамъ, послѣ предварительнаго внесенія ими надлежащаго залога, особыхъ полномочныхъ патентовъ—т. н. *lettres de represailles ou de marque*⁽²⁾. Наконецъ, съ XVII вѣка даже и выдача такихъ полномочныхъ патентовъ на совершеніе репрессалій самими частными лицами, во избѣжаніе злоупотребленій, дѣлается вообще чрезвычайно рѣдко и совершенно прекратилась послѣ войнъ французской революціи и первой имперіи,—такъ что въ новѣйшее время репрессалии примѣняются лишь самими государствами посредствомъ органовъ общественной власти и регулярной военной силы⁽³⁾.

Такимъ образомъ способы примѣненія репрессалій, въ своемъ историческомъ развитіи, наглядно свидѣтельствуютъ о постепенномъ водвореніи извѣстнаго порядка и правильности въ международныхъ враждебныхъ отношеніяхъ. Выражаясь первоначально въ безграничномъ частномъ самоуправствѣ, репрессалии, какъ мы видимъ, совершаются затѣмъ, хотя и частными лицами, но уже подъ контролемъ государственной власти, и, наконецъ, примѣненіе ихъ становится исключительнымъ правомъ лишь самихъ правительствъ. Но, какъ въ прежнее время, такъ и теперь еще, согласно международному обычаю, репрессалии могутъ быть

(1) *Martens*. О правѣ частной собственности во время войны стр. 27—28.—*Vulmerincq* Repräsentationen (Holtzendorff, Encykl. III, 370.).

(2) *Tr. Twiss* Law of Nations II §§ 43, 24.

(3) *Ortolan* Regles internationales etc., éd. 1864, p. 358—59.

направлены не только противъ правъ самого враждебнаго государства, непосредственно виновнаго въ правонарушеніи, вызвавшемъ репрессалію, но и противъ невинныхъ враждебныхъ подданныхъ и ихъ собственности, которые такимъ образомъ, въ международныхъ отношеніяхъ, являются какъ бы отвѣтственными за дѣянія своего правительства—обычай, очевидно, несправедливый, хотя и оправдываемый большинствомъ публицистовъ. И дѣйствительно, распространеніе репрессалій на права частныхъ лицъ за международное правонарушеніе, совершенное ихъ отечественнымъ государствомъ, рѣшительно противорѣчитъ современному правосознанію. Оно могло имѣть мѣсто въ эпоху древности, когда, согласно тогдашнему юридическому міросозерцанію, частное лицо со всѣми своими правами и интересами совершенно поглощалось государствомъ, и было неизбежно также и въ средніе вѣка, вслѣдствіе всеобщей неурядицы и при господствѣ кулачнаго права,—но въ настоящее время является уже анахронизмомъ, какъ отголосокъ иного, болѣе грубаго времени. Сферы частнаго и публичнаго права составляютъ теперь двѣ особыя области, несмѣшиваемыя между собою, и, подобно тому, какъ современное государство, понимаемое какъ самостоятельная юридическая личность, черезъ посредство своихъ органовъ, въ сферѣ другихъ публичныхъ правъ, дѣйствуетъ совершенно свободно и подъ собственною отвѣтственностью, такъ и частное лицо, говоря вообще, является неприкосновеннымъ въ своей гражданской сферѣ и можетъ подлежать отвѣтственности лишь за собственные дѣянія. Конечно, изъ сказаннаго еще не слѣдуетъ, что, въ отношеніи взаимныхъ правъ и интересовъ, между государствомъ и его подданными, въ настоящее время, должна существовать полная раздѣльность—напротивъ, солидарность между ними, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи, необходимо существуетъ и является основаніемъ государственнаго союза,—но только эта солидарность представляется теперь строго-организованною и не можетъ состоять въ безразличномъ смѣшеніи публичныхъ правъ и интересовъ съ гражданскими. Такъ, государство, какъ представитель народнаго единства, по самому назначенію своему, не только имѣетъ право, но даже и обязано защищать своихъ подданныхъ отъ всякихъ несправедливыхъ притязаній со стороны другихъ государствъ и иностранныхъ подданныхъ; но государство не отвѣчаетъ, однакоже, по крайней

мѣръ непосредственно, за проступки своихъ подданныхъ передъ иностранными государствами, а лишь, вслѣдствіе жалобы со стороны послѣднихъ, обязано подвергнуть преступника закону наказанію, или же—принудить его къ имущественному удовлетворенію обиженнаго, и, на основаніи своего представительнаго характера, становится отвѣтственнымъ лишь за неисполненіе послѣдней обязанности. Частныя же лица не являются представителями своего отечественнаго государства, а потому и не должны подлежать за его дѣйствія никакой отвѣтственности. Какъ члены извѣстнаго государства, они, конечно, не могутъ оставаться, совершенно безучастными къ судьбѣ его и, въ качествѣ подданныхъ, обязаны доставлять отечественному правительству, въ видѣ платежа налоговъ и отправленія повинностей, всякаго рода средства, необходимыя для надлежащаго отправленія государственнаго организма, а слѣдовательно и для исполненія международныхъ обязанностей государства, напримѣръ, для уплаты иностраннаго государственнаго долга и т. под. Но, тѣмъ не менѣе, международныя обязанности самаго государства не распространяются непосредственно на частныхъ лицъ, его отдѣльныхъ подданныхъ, и отвѣтствовать за нихъ должно само же государство въ лицѣ представителей своей общественной власти и своимъ публичнымъ имуществомъ. Частныя же лица доставленіемъ средствъ для удовлетворенія общихъ государственныхъ потребностей обязываются лишь именно въ отношеніи къ своему отечественному правительству, и только послѣднее уже отъ себя опредѣляетъ, установленнымъ порядкомъ, соотвѣтственную долю участія каждаго гражданина относительно исполненія международныхъ обязанностей цѣлаго государства (1). Впрочемъ, несправедливость распространенія репрессалій на права частныхъ лицъ за международное правонарушеніе ихъ отечественнаго государства такъ очевидна, что всѣ публицисты, защитники этого обычая, единогласно требуютъ, чтобы отечественное правительство вознаграждало бы за это своихъ невинно пострадавшихъ под-

(1) *Massé*, Droit commercial dans ses rapports avec le Droit des gens, éd. 1864, t. I, p. 109 et suiv.—*Мартенсъ*, О правѣ частной собственности во время войны, стр. 33—34.

данныхъ (¹). При этомъ Гроцій прямо высказываетъ, что „по естественному праву никто не отвѣчаетъ за поступки другихъ лицъ“ (nemo naturae jure ex facto alieno nemo tenetur) и оправдываетъ частныя репрессаліи лишь на основаніи положительнаго международнаго права (jus gentium voluntarium) и вслѣдствіе практической необходимости, такъ-какъ вредить самому враждебному государству и захватывать его имущество несравненно труднѣе, нежели вредить враждебнымъ подданнымъ и конфисковать ихъ собственность, которую можно встрѣтить почти повсемѣстно (²). Но понятно, что простое удобство примѣненія обычая еще не можетъ служить доказательствомъ его справедливости, а развившіяся международныя сношенія, вопреки мнѣнію Гроція, именно и требуютъ настоятельно, во имя всеобщей пользы націй и ради сохраненія между ними взаимнаго довѣрія, возможной неприкосновенности правъ иностранцевъ.

Вообще, относительно репрессалій можно сказать почти тоже самое, что сказано, и о реторсіяхъ. Примѣненіе репрессалій оправдывается въ международныхъ отношеніяхъ, какъ выраженіе необходимой обороны государствъ, вслѣдствіе ихъ взаимной самостоятельности. Сравнительно съ войною репрессаліи представляютъ меньшее насиліе, и потому, при вѣроятности успѣха, должны быть предпочитаемы ей (³). Но, точно также, какъ и самооборона въ гражданскомъ быту, репрессаліи могутъ быть примѣняемы обиженнымъ государствомъ лишь въ случаѣ несомнѣннаго нарушенія его права и не иначе, какъ при безуспѣшности мирныхъ средствъ для взаимнаго соглашенія съ противникомъ (⁴). Кромѣ того, на основаніи связаннаго, можно оправдать лишь публичныя репрессаліи

(¹) *Grotius* De jure belli ac pacis, l. III, c. II § 7.—*Wolff* Jus gentium, §§ 598—99.—*Vattel* Droit des gens, l. II, ch. XVIII, §§ 345, 349.—*Martens* Précis § 258.—*Ortolan* Regles intern. t. I, ch. XVI, p. 350.

(²) *Grotius* De j. b. ac. p. l. III, cap. II, §§ 1—2.

(³) *Vattel* Dr. des g. l. II, ch. XVIII, § 354.—*Berner* Repressalien (Staatswörterbuch, VIII S. 596).—*Bulmerincq* Repressalien (Holtzendorff's Encyclopädie, III S. 376.).

(⁴) *Vattel* Dr. des g. l. II, ch. XVIII, § 343.—*Philimore* Commentaries III, p. 14.—*Tr. Twiss* Law of Nations II, § 49, p. 35.—*Bynkershoek* Quaestiones juris publici, l. I, cap. XXIV: «Ne repressaliae concedantur, nisi palam denegata justitia».

въ тѣсномъ смыслѣ слова, то есть такія, которыя не только согласно современному обычаю, совершаются органами государственной власти, но и по самому предмету своему распространяются лишь противъ правъ самого враждебнаго государства и не нарушаютъ, по крайней мѣрѣ непосредственно, частныхъ правъ его подданныхъ. „Государства, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Мартенсъ, ведутъ между собою споръ, они прибѣгаютъ къ насильственнымъ мѣрамъ, съ цѣлью возмездія за нарушение права и только ими, или ихъ представителями, должны ограничиваться репрессалии“ (1). Самое же свойство, а также и размѣръ репрессалій обуславливаются значеніемъ правонарушенія, вызвавшаго репрессалию, и ни въ какомъ случаѣ, даже и въ видѣ таліона, репрессалии не должны состоять, особенно-же въ отношеніи враждебныхъ лицъ, въ какой либо бесполезной жестокости (2).

Но репрессалии, какъ и реторсія, въ отношеніи цѣлесообразности, представляются ненадежнымъ средствомъ для прекращенія международныхъ споровъ. Какъ отдѣльныя принудительныя мѣры, по существу своему, онѣ не могутъ, конечно, въ противоположность войнѣ, поставить враждебное государство въ положеніе невозможности къ дальнѣйшему сопротивленію, а между тѣмъ, составляя, въ видѣ возмездія, сознательное нарушение права, подаютъ поводъ къ различнымъ злоупотребленіямъ и нареканіямъ между противниками и могутъ, вообще, привести ихъ лишь къ большому ожесточенію. Поэтому на практикѣ репрессалии примѣняются обыкновенно лишь сильными, государствами противъ слабыхъ и, съ цѣлью устрашенія, вопреки справедливости, выражались иногда въ весьма суровыхъ дѣйствіяхъ (3).

(1) О правѣ собственности и пр. стр. 35.—Ср. также G. Fr. Martens Précis etc § 258, note de Pinheiro—Ferreira.

(2) Bluntschli Das moderne Völkerrecht, § 501, S. 281.

(3) Такую суровую репрессалию употребила, напримѣръ, Англія противъ королевства обѣихъ Сицилій въ 1840 году. За два года передъ этимъ, неаполитанское правительство заключило контрактъ съ одною французскою компаніей, по которому предоставило ей монополію на добываніе сѣры въ Сициліи (sulphur—шопоролу), въ чемъ Англія увидала нарушение своихъ льготъ, принадлежащихъ ей на основаніи торговаго трактата, заключеннаго съ Неаполемъ въ 1816 г., и потребовала уничтоженія контракта. Но, встрѣтивъ отказъ, британское правительство прибѣгло къ репрессалии, которая и

Какъ особые виды репрессалій, но имѣющіе иногда и другое значеніе, между государствами употребляются еще такъ наз. эмбарго и мирная блокада.

Эмбарю (отъ испанскаго *embargar*—задерживать) означаетъ вообще налагаемый по повелѣнію верховной власти арестъ судовъ и кораблей, находящихся въ гаваняхъ и вообще въ территориальныхъ водахъ какаго-либо государства. Оно имѣетъ двойное значеніе и раздѣляется на гражданское и международное эмбарго—*civil and international embargo*. Гражданское эмбарго есть внутренне-государственная мѣра и налагается съ какою-либо полицейскою цѣлью, въ обширномъ смыслѣ этого слова, смотря по надобности, на известное время и безразлично на корабли всѣхъ націй, какъ отечественные, такъ и иностранные; какъ на примѣръ, оно имѣетъ мѣсто, если известныя корабли задерживаются съ санитарною цѣлью, или же ради производства судебного слѣдствія, ради пресѣченія возможности распространенія какихъ либо извѣстій, опасныхъ для государства и т. под. Въ этомъ случаѣ, очевидно, что эмбарго составляетъ актъ обыкновеннаго проявленія дѣятельности общественной власти, по существу своему, ни для кого неоскорбительный, хотя, разумѣется, вслѣдствіе задержанія кораблей владѣльцы имъ могутъ понести болѣе или менѣе чувствительный убытокъ, за который и могутъ требовать отъ территориальной власти надлежащаго удовлетворенія. Международное же эмбарго, или эмбарго въ тѣсномъ смыслѣ, на оборотъ, есть враждебная мѣра между известными государствами и состоитъ въ насильственномъ задержаніи лишь враждебныхъ, какъ военныхъ, такъ и купеческихъ судовъ со всѣмъ ихъ грузомъ и экипажемъ. При этомъ, международное эмбарго примѣняется на

состояла въ томъ, что англійскій флотъ на Средиземномъ морѣ получилъ приказаніе захватывать вообще все неаполитанскія суда—какъ военныя, такъ и частныя, и приводить ихъ, въ качествѣ призовъ, въ англійскія порты. Тогда и неаполитанское правительство, съ своей стороны, стало готовиться къ сопротивленію, и такимъ образомъ споръ грозилъ превратиться въ открытую войну. Но однакоже, въ скоромъ времени, благодаря посредничеству Франціи, споръ былъ оконченъ миролюбиво: Англія возвратила свои призы, а неаполитанское правительство, заплативъ неустойку, расторгло контрактъ съ французскою компаніей.—*Phillimore's Commentaries*, III, p. 27—8.—*Twiss Law of Nations*, II, p. 33—35.

практикѣ не только въ качествѣ самостоятельной или отдѣльной принудительной мѣры, то есть именно въ качествѣ репрессаліи, но и во время или, правильнѣе сказать, при началѣ самой войны (in the contemplation of war), какъ вообще одна изъ стратегическихъ мѣръ между враждующими государствами. Самая же сущность, или практическое послѣдствіе наложенія международнаго эмбарго зависить отъ дальнѣйшей судьбы спора. Если споръ оканчивается какимъ-либо миролюбивымъ соглашеніемъ, то эмбарго снимается, т. е. задержанные корабли съ ихъ грузомъ и экипажемъ освобождаются отъ ареста и могутъ безпрепятственно оставить гавань; а если же международное столкновение приводитъ къ открытой войнѣ, то лица, принадлежащія къ экипажу кораблей, становятся военнопленными, а самые корабли вмѣстѣ съ враждебнымъ грузомъ подвергаются конфискаціи⁽¹⁾. Такимъ образомъ, очевидно, что, распространяясь на права невинныхъ враждебныхъ подданныхъ, эмбарго, какъ и вообще репрессаліи, по существу своему, является несправедливою принудительною мѣрою для прекращенія международныхъ несогласій. Налагаемое совершенно внезапно, въ то время, когда частные корабли, ничего не подозрѣвая, входятъ въ гавань, по ихъ предположенію, дружественнаго государства, оно подрываетъ взаимное довѣріе націй и дѣйствуетъ одинаково вредно вообще для всѣхъ государствъ, затрудняя правильное развитіе международныхъ торговыхъ сношеній⁽²⁾. Поэтому, еще съ конца среднихъ вѣковъ государства заключаютъ между собою трактаты, по которымъ наложеніе эмбарго, какъ и вообще примѣненіе репрессалій, ограничивается лишь случаями отказа въ правосудіи и можетъ имѣть мѣсто уже послѣ безуспѣшности дипломатическихъ переговоровъ между государствами, по прошествіи извѣстнаго срока; а по нѣкоторымъ трактатамъ государства даже совершенно отказались отъ взаимнаго примѣненія эмбарго, въ качествѣ международной враждебной мѣры, сохранивъ за собой право лишь на гражданское эмбарго, прилагаемое, по мѣрѣ надобности,

⁽¹⁾ Cp. *Tr. Twiss Law of Nations* II, § 12. p. 21.—*Bluntschli Vrt* § 509.—*Holtzendorff Encyklopaedie der Rechtswissenschaft* II. s. 345—46.

⁽²⁾ *G. Fr. Martens Précis etc.* § 268.—*Ferrero-Gola Corso di dir. internaz.* v. 1, p. 317.

въ отношеніи всѣхъ націй⁽¹⁾. Но, тѣмъ не менѣе, случаи наложенія эмбарго, въ качествѣ репрессаліи, встрѣчаются и въ новѣйшее время, особенно со стороны Англіи⁽²⁾.

Подобно эмбарго и примѣненіе *блокады*, какъ враждебной международной мѣры, можетъ также имѣть различное значеніе. Блокадою, какъ извѣстно, называется вообще оцѣпленіе вооруженною силою государства извѣстныхъ гаваней и портовъ, или, даже, и цѣлаго морскаго берега враждебной страны съ цѣлью воспрепятствовать внѣшнимъ сношеніямъ для блокируемыхъ мѣстностей. Большою частію блокада примѣняется, какъ стратегическая мѣра, во время самой войны между государствами, и тогда нарушеніе блокады, то есть, попытка прорвать блокадную сторожевую линію, чтобы про-

(1) Таковъ, напр., торговый трактатъ между Пруссіей и Северо-Американскими Штатами отъ 11 іюля 1799 г. и трактатъ между Россіей и Швеціей отъ ^{80 мая} _{11 іюня} 1801 Ср. *Heffter* Europ. Vrt. 1867. § 112, s. 205.

(2) Кромѣ наложенія эмбарго въ гражданскихъ размѣрахъ во время войнъ французской революціи и первой имперіи, Англія, прибѣгая къ этой мѣрѣ, въ соединеніи съ другими репрессаліями, въ 1850 году, противъ Греціи, по поводу претензіи португальскаго еврея, Пацифико, находившагося подъ покровительствомъ Англіи. Во время народнаго мятежа въ Афинахъ, въ 1847 году, подъ влияніемъ релігіознаго фанатизма, былъ разрушенъ домъ этого еврея и разграблено или уничтожено нѣкоторое имущество, — за что Пацифико требовалъ отъ греческаго правительства удовлетворенія въ 800,000 драхмъ (200,000 руб.) Чтобы настоять на исполненіи этой претензіи, британское правительство выслало противъ Греціи цѣлую эскадру изъ 13 кораблей съ 700 пушками и 7000 матросовъ. По прибытіи эскадры, англійскій посланникъ, устранивъ всякое разсужденіе, потребовалъ удовлетворенія въ 24 часа, и когда греческое правительство отказало, то англійскій флотъ объявлялъ берега Греціи въ блокадѣ для военныхъ кораблей, сбѣлалъ нѣсколько призовъ на морѣ и, вслѣдъ затѣмъ, наложилъ эмбарго на тысячу греческихъ купеческихъ судовъ. Такія грубыя и суровыя дѣйствія со стороны Англіи противъ слабой Греціи вызвали порицаніе даже въ англійской палатѣ Лордовъ, а державы-покровительницы Греціи, Франція и особенно Россія, сбѣлали англійскому правительству, въ пользу Греціи, весьма энергическія дипломатическія представленія. Споръ былъ оконченъ при посредничествѣ Франціи: представленный отъ Пацифико счетъ о понесенныхъ убыткахъ былъ опровергнутъ, и, вмѣсто первоначальнаго сумасброднаго требованія Пацифико удовольствовался вознагражденіемъ лишь въ 8,000 франковъ. — Ср. *Ортоланъ*. Морское международное право, перев. *Лосвицкаю*. Спб. 1865. Прилож. № 6. стр. 220—25. См. также *Philimore's Commentaries* III, p. 29—33.

никнуть въ блокируемый портъ, или выйти изъ него, подвергается всякій корабль, какъ непріятельскій, такъ и нейтральный, конфискаціи ⁽¹⁾. Но, кромѣ того, примѣненіе блокады между враждующими государствами можетъ быть также и въ мирное время, то есть, въ качествѣ лишь отдѣльной принудительной мѣры, или въ качествѣ репрессалии, что и составляетъ такъ наз. *мирную блокаду* — *blokus pacifique*. Такая мирная блокада встрѣчается въ международной практикѣ лишь въ новѣйшее время. Именно, въ первый разъ её употребили въ 1827 году Англія, Франція и Россія въ защиту возставшей Греціи противъ Турціи. Союзники блокировали тогда греческія гавани съ цѣлью удержать въ нихъ турецкій флотъ и воспрепятствовать подвозу для турецкихъ войскъ провіанта и аммуниціи. Затѣмъ Франція примѣнила мирную блокаду противъ Португаліи въ 1831 году; Англія противъ Новой Гранады въ 1836; потомъ опять Франція — противъ Мексики въ 1838 г. и, наконецъ, въ томъ же году, Англія и Франція соединенными силами, начали мирную блокаду противъ Аргентинской республики, продолжавшуюся въ теченіи десяти лѣтъ ⁽²⁾. При этомъ, что касается самыхъ послѣдствій нарушенія мирной блокады, то Англія совершенно отождествила значеніе этой мѣры съ военною блокадою и безразлично конфисковала какъ враждебныя, такъ и нейтральныя корабли, нарушившіе блокаду. Франція же, напротивъ, за нарушеніе мирной блокады подвергала конфискаціи только корабли нейтральныхъ, а на враждебныя суда налагала лишь временный секвестръ впредь доснятія блокады ⁽³⁾.

Въ наукѣ международнаго права вопросъ о значеніи мирной блокады является спорнымъ. Гефферъ и Коши ⁽⁴⁾ оправдываютъ примѣненіе этой мѣры, указывая на умѣренность ея сравнительно съ настоящею войною. Но большинство публицистовъ, какъ напримѣръ Готфѣль, Гесснеръ ⁽⁵⁾ и

⁽¹⁾ *Ortolan* Regles internationales, 1864, t. II, ch. IX, p. 357.

⁽²⁾ *Bluntschli* Vri, § 306. *Heffter* Europ. Vri, 1867, s. 206. *Hautefeuille* Droits et devoirs des nations neutres, éd 1838, t. II, p. 282.

⁽³⁾ *Marpens* о правѣ частной собственности во время войны стр. 50.

⁽⁴⁾ *Heffter* Europ. Völkerrecht, § 112, s. 106. *Lauchy* Droit maritime international etc., 1862, t. II, p. 426—28.

⁽⁵⁾ *Hautefeuille* Droits et devoirs des neutres, 1838, t. II, p. 272—88. *Gessner* Le droit des nations neutres sur mer, 1865, p. 245 et suiv.

др., высказываются противъ мирной блокады, указывая преимущественно на несправедливо-причиняемый ею вредъ въ отношеніи нейтральныхъ, и представителемъ того же мнѣнія въ нашей литературѣ является проф. Мартенсъ, который вообще весьма энергически отвергаетъ законность и рациональность этой мѣры. „Мы отказываемся, говоритъ г. Мартенсъ, видѣть въ мирной блокадѣ ступень развитія международной жизни и удовлетворенія духу гуманности нашего столѣтія. Мы безусловно отвергаемъ прогрессъ, состоящій въ смѣшеніи нормального мирнаго положенія съ нормальнымъ—войны; мы возстаемъ, во имя права, противъ всякой попытки потворствовать насиліямъ великихъ державъ относительно безсильныхъ, и препятствовать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, мирнымъ сношеніямъ частныхъ лицъ между собою“⁽¹⁾. Дѣйствительно, въ приведенныхъ словахъ много справедливого. Мирная блокада, какъ и всякая репрессалія, очень легко можетъ остаться безъ всякаго успѣха и лишь затануть международную вражду, какъ это и доказываетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ примѣръ 10-лѣтней блокады Аргентинской республики. Кромѣ того, нельзя оправдать также и распространеніе стѣснительныхъ послѣдствій мирной блокады на права постороннихъ государствъ, неучаствующихъ въ распрѣ, и ихъ подданныхъ и лишать ихъ возможности дружественныхъ сношеній, въ мирное время, съ блокируемою державою. Въ этомъ случаѣ, собственно говоря, не можетъ быть и рѣчи о нейтралитетѣ и объ исполненіи нейтральными своихъ обязанностей, такъ—какъ юридическое состояніе нейтралитета, или права и обязанности нейтральныхъ вызываются лишь открытою войною, какъ неизбежное послѣдствіе военной необходимости. Но тѣмъ не менѣе, съ своей стороны, вслѣдствіе своеобразности международныхъ отношеній, мы все-таки не можемъ считать мирную блокаду безусловно—несправедливою, принудительною мѣрою между государствами. По нашему мнѣнію, для юридическаго оправданія ея, требуется только, въ отличіе отъ существующей практики и въ противоположность ученію публицистовъ, защитниковъ этой мѣры, лишь именно ограниченіе стѣснительныхъ

⁽¹⁾ *Мартенсъ о правѣ частной собственности во время войны*, стр. 84. Ср. тамъ-же предш. стр. 49—53.

послѣдствій мирной блокады самими враждующими государствами и ихъ подданными. И въ самомъ дѣлѣ, если государства, вслѣдствіе своей самостоятельности, для охраненія своихъ взаимныхъ правъ, могутъ прибѣгать даже къ открытой войнѣ, какъ къ крайней насильственной мѣрѣ, то тѣмъ болѣе нельзя оспаривать у нихъ права, посредствомъ наложенія мирной блокады, безъ всякаго кровопролитія, преграждать возможность свободнаго входа и выхода для военныхъ кораблей враждебнаго государства относительно блокируемой мѣстности. Какъ напр., такая блокада, со стороны юридической, совершенно оправдывается, если предпринимается для предупрежденія выхода изъ порта враждебной военной эскадры, предназначенной для нападенія на отдаленную колонию блокирующаго государства и т. под. И точно также, если вслѣдствіе мирной блокады преграждается свободный входъ и выходъ для враждебныхъ купеческихъ судовъ, то въ этомъ нельзя еще видѣть, со стороны блокирующаго государства, прямого нарушенія правъ невинныхъ враждебныхъ подданныхъ,—какъ это бываетъ, напримѣръ, при наложеніи эмбарго и вообще при репрессаліяхъ, когда частныя лица и ихъ имущество подвергаются непосредственному захвату,—а болѣе или менѣе страдаютъ лишь интересы частныхъ лицъ, какъ это, въ извѣстной степени, вообще неизбежно при каждомъ международномъ столкновеніи. Разумѣется, дѣйствіе мирной блокады, относительно прекращенія международныхъ споровъ, по самому существу своему, не можетъ быть столь рѣшительнымъ, какъ результаты открытой войны между государствами, и безпорно также, что ограниченіе стѣснительнаго вліянія этой мѣры лишь самими враждующими сторонами существенно ослабляетъ ея практическое значеніе. Но рѣшеніе вопроса о цѣлесообразномъ примѣненіи того или другаго средства, ради достиженія определенной цѣли, есть уже дѣло государственной политики, и мы старались лишь доказать что мирная блокада, въ качествѣ отдѣльной принудительной мѣры между враждующими государствами, если не распространять ея стѣснительныхъ послѣдствій на постороннія государства и ихъ подданныхъ, не можетъ быть отвергаема на основаніи международного права (1).

(1) Такого же мнѣнія относительно мирной блокады, какъ кажется, держится *Блумч.и.*, хотя я не высказываю его категорически. Ср. его *Das moderne Völkerrecht*, §§ 506—507.

Но чаще всего при безуспешности мирныхъ средствъ для взаимнаго соглашенія, между спорящими государствами происходитъ на практикѣ отозваніе посланниковъ и вообще *перерывъ дипломатическихъ сношеній*. Такія сношенія развиваются все болѣе и болѣе, по мѣрѣ общаго развитія международнаго оборота, и постоянныя посольства являются теперь не только доказательствомъ взаимнаго расположенія между извѣстными государствами, но и обоюдно-выгодны и даже необходимы для нихъ, какъ органы международной дѣятельности государствъ, имѣющіе своимъ назначеніемъ защиту и представительство своихъ отечественныхъ правъ и интересовъ. Поэтому, перерывъ дипломатическихъ сношеній со стороны обиженнаго государства нельзя не признавать весьма важною принудительною мѣрою, чтобы заставить противника вникнуть въ свое поведеніе. „Такою мѣрою, говоритъ Роб. Мольтъ, съ одной стороны выражается сильное чувство оскорбленія и рѣшимость не терпѣть долѣе причиняемой несправедливости, что можетъ побудить противника къ исправленію своего образа дѣйствій; а потомъ, и самый вредъ, происходящій для противника вслѣдствіе прекращенія правильныхъ дружественныхъ сношеній можетъ привести его къ необходимости искать снова сближенія съ обиженнымъ государствомъ, чтобы возратить прежнее взаимно-выгодное положеніе“ (1).— Конечно, и само государство, прерывающее сношенія, болѣе или менѣе, терпитъ отъ этого; но отсюда еще не слѣдуетъ, что такая мѣра не должна имѣть мѣста, если отъ примѣненія ея можно ожидать гораздо большихъ выгодъ. Только, во всякомъ случаѣ, перерывъ дипломатическихъ сношеній, чтобы не быть въ свою очередь нарушеніемъ права, не долженъ имѣть своимъ послѣдствіемъ нарушеніе специальныхъ обязанностей государства, вытекающихъ изъ трактатовъ, а также и общихъ юридическихъ обязанностей и можетъ повлечь за собою лишь отмѣну такихъ льготъ и преимуществъ, которыми пользовался противникъ, или его подданные, при нормальномъ состояніи лишь вслѣдствіе простой вѣжливости и вообще по доброй волѣ со стороны обиженнаго государства (2).

(1) *Rob. von Mohl* Encyklopaedie der Staatswissenschaften. § 66. s. 452,

(2) *Ibidem*. Ср. Также *Huhn* Volkerrrecht. 1865. s. 228—29.

III.—Наконецъ, послѣднее и самое крайнее средство для прекращенія международныхъ несогласій, какъ уже замѣчено, есть война между государствами. Въ отличіе отъ разсмотрѣнныхъ отдѣльныхъ принудительныхъ мѣръ, примѣняемыхъ въ международной практикѣ для охраненія взаимныхъ правъ государствъ, состояніе войны представляетъ собою уже высшую степень международного принужденія и существенно измѣняетъ взаимныя права и обязанности государствъ. Но для того, чтобы понять съ большею правильностью юридическое значеніе войны, мы познакоимся сперва, хотя въ общихъ чертахъ, съ исторіей международныхъ отношеній и постараемся выяснитъ при этомъ послѣдовательное развитіе военныхъ юридическихъ обычаевъ, а потомъ разсмотримъ также и тѣ мѣры, которыя, уже съ давняго времени, предлагаются для устраненія самой возможности войны, или для водворенія всеобщаго и вѣчнаго мира.

ГЛАВА II.

Обзоръ послѣдовательнаго развитія международныхъ отношеній вообще и права войны въ особенности.

Правильное международное общеніе, какъ мы уже замѣтили, составляетъ явленіе собственно новаго времени. Для возникновенія его необходимы вообще два условія: во 1)-хъ совместное и одновременное существованіе нѣсколькихъ отдѣльныхъ государствъ, какъ членовъ международного союза, взаимно признаваемыхъ независимыми и самостоятельными, и во 2)-хъ—общность или солидарность нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе важныхъ интересовъ, существующихъ въ этихъ государствахъ, и сознаніе ими такой солидарности. Но понятно, что оба эти условія въ своей совокупности могутъ образоваться лишь вслѣдствіе достаточнаго развитія какой-либо, по крайней мѣрѣ, въ существенныхъ чертахъ общей цивилизаціи извѣстной группы народовъ. Только развитый народъ, отрѣшившись отъ своихъ племенныхъ и религиозныхъ предразсудковъ, въ состояніи возвыситься до сознанія равноправности другихъ народовъ, и только онъ, преслѣдуя свои многочисленныя жизненныя цѣли, можетъ почувствовать необ-

Ходимость не только случайныхъ, но и правильныхъ взаимныхъ сношеній съ ними; тогда какъ, съ другой стороны, общность цивилизаціи, порождая въ народахъ одинаковыя понятія и потребности, дѣлаетъ эти сношенія болѣе или менѣе постоянными и подчиняетъ ихъ опредѣленному юридическому порядку, основанному на сознаниіи народовъ въ его полезности и практической необходимости⁽¹⁾. Вотъ почему, вслѣдствіе разнообразныхъ историческихъ причинъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, правильная международная жизнь началась въ Европѣ лишь съ XVII стол., и только по мѣрѣ распространенія европейской гражданственности въ другихъ частяхъ свѣта распространяются также соотвѣтственно и территоріальныя предѣлы международнаго союза съ господствующимъ въ немъ международнымъ правомъ.

Но если, такимъ образомъ, правильное международное общеніе является произведеніемъ ново-европейской цивилизаціи, то вообще международныя сношенія, въ томъ или другомъ видѣ, встрѣчаются повсемѣстно и во всѣ времена. Они вызываются уже самымъ фактомъ совмѣстнаго и одновременнаго существованія отдѣльныхъ государствъ и народовъ, и нерѣдко даже вопреки ихъ воли, вслѣдствіе практической необходимости. А вмѣстѣ съ этимъ, въ силу такой же необходимости извѣстнаго порядка въ жизни, у всѣхъ народовъ, мало по малу, путемъ обычая и сознательной воли, соотвѣтственно со степенью культуры, образуются также и извѣстныя нормы для регулированія ихъ взаимныхъ отношеній. Такъ всѣ народы, смотря по требованію обстоятельствъ, отправляютъ и принимаютъ посольства, ведутъ войны другъ съ другомъ, заключаютъ миръ и пр., и все это съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ, сообразно съ пониманіемъ народовъ относительно существа даннаго отношенія. Справедливо, что эти взаимныя отношенія и опредѣляющія ихъ нормы у первобытныхъ, или односторонне-развитыхъ народовъ являются вообщемъ весьма не совершенными и отличаются суровостью и грубостью, какъ и самыя нравы общества; но тѣмъ не менѣе въ нихъ все-таки нельзя не видѣть, болѣе или менѣе, осяза-

⁽¹⁾ Объ условіяхъ образованія международнаго права подробно говорить проф. Блазкѣй въ сочиненіи своемъ «О значеніи междунар. права и пр.» стр. 24—29.

тельныхъ слѣдовъ или зародышей опредѣленнаго международнаго порядка. Слѣдовательно международный бытъ, какъ и вообще всѣ явленія соціально-юридическаго характера, развивается подъ условіями мѣста и времени и раскрывается вполне во всемірной исторіи.

Посмотримъ теперь, въ какомъ же видѣ представляются намъ, въ своемъ послѣдовательномъ развитіи, внѣшнія отношенія и въ особенности военные обычаи у главнѣйшихъ историческихъ народовъ.

Древній міръ.

Въ древности международныя отношенія были вообще проникнуты характеромъ національной исключительности. При отсутствіи высшихъ потребностей, вслѣдствіе первобытной простоты жизни и, главнымъ образомъ, по причинѣ разнообразія мѣстныхъ или національныхъ религіозныхъ вѣрованій, отличавшихся нетерпимостью, древніе народы, въ большей или меньшей степени, чуждались внѣшнихъ сношеній, или же, проникнутые гордымъ сознаніемъ о своемъ относительномъ превосходствѣ, стремились ко взаимному поработанію⁽¹⁾. Поэтому о правильныхъ международныхъ отношеніяхъ, основанныхъ на свободной и сознательной волѣ государствъ, за немногими исключеніями, въ эпоху древности не можетъ быть рѣчи, и вмѣсто общеобязательнаго международного права для цѣлой группы государствъ, мы видимъ тогда лишь нѣсколько, болѣе или менѣе, развитыхъ системъ собственно внѣшняго государственнаго права, по числу историческихъ народностей⁽²⁾.

Обращаясь въ частности къ *Востоку*, мы встрѣчаемъ здѣсь, прежде всего, *теократическія государства* — Индію, Египетъ, Іудію. Здѣсь все основано на религіозныхъ началахъ и священныя книги являются въ тоже время законодательными кодексами. А поэтому, разъ установленный, весь строй жизни, какъ созданіе самого божества, считается безу-

⁽¹⁾ Vergé, Droit des gens avant et depuis 1789 (Introduction à Martens, Précis etc éd. 1858, p. VIII).

⁽²⁾ Ср Müller Jochims, Geschichte des Völkerrechts im Alterthum, 1848, S. 19—20. 226.

словно обязательнымъ и охраняется со всевозможною тщательностью. Отсюда строгій внутренній порядокъ и долговѣчность теократій, а также и ихъ неизбежный порокъ — большее или меньшее порабощеніе индивидуальной свободы человѣка и вообще неподвижность, или застой жизни. Отсюда также и международное затворничество теократическихъ государствъ, или систематическое отчужденіе ихъ отъ внѣшнихъ сношеній съ другими народами, изъ опасенія опорочить себя и утратить чистоту вѣры. Считая себя народами избранными, теократическія націи смотрѣли на иностранцевъ вообще съ презрѣніемъ и затрудняли для нихъ доступъ въ свое государство⁽¹⁾.

Однако же и теократическіе народы, вопреки принципу своей жизни, не могли оставаться совершенно уединенными. По крайней мѣрѣ въ извѣстные періоды своей исторіи, волею-неволею, они вступали въ разнообразныя сношенія съ другими народами и такимъ образомъ содѣйствовали взаимному обмѣну идей и произведеній. Укажемъ, напримѣръ, на постоянныя сношенія Египта, подъ конецъ его самобытнаго существованія, со временъ Псамметиха, съ Греками и Финикіянами, — на сношенія еврейскихъ царей, Давида и въ особенности Соломона съ Хирамомъ Тирскимъ и другими окрестными царями⁽²⁾ и т. под.

Но главнымъ образомъ внѣшнія отношенія теократическихъ государствъ, какъ и вообще международныя отноше-

⁽¹⁾ Индійское законодательство ставитъ иностранцевъ — *mīetchas* — не только ниже всѣхъ туземныхъ кастъ, даже самыхъ отверженныхъ, но и ниже нѣкоторыхъ животныхъ (Ср. *Mānava-Dharma-Sāstra* XII, 43). — Египтяне также признавали всѣхъ иностранцевъ нечистыми, и до VII ст. до Р. Хр. для пребыванія ихъ было открыто въ Египтѣ одинъ только портъ — Навратисъ (*Laurent, Histoire du droit des gens, 1855, T. I. p. 269, 272*). — Пребываніе иностранцевъ въ Иудеѣ могло имѣть мѣсто лишь подъ условіемъ соблюденія или основныхъ заповѣдей (*proselyti inhabitantes*), и только съ полнымъ принятіемъ іудейскаго закона иностранцы получали одинаковыя права съ самими Евреями (*proselyti justitiae*. — Ср. *Müller-Jochims Geschichte des Völkerrechts im Alterthum § 49 S. 60*). — Но Аммонитяне и Моавитяне совершенно не могли быть терпимы въ средѣ Евреевъ и всякія мирныя связи съ ними были безусловно запрещены. (Второз. XXIII, 3—6).

⁽²⁾ 2 кн. Цар. V, 2; 3 кн. Цар. V.

нія въ древности, были враждебныя. Хотя по своему характеру эти государства и не отличались воинственными стремленіями, но какъ самое происхожденіе ихъ совершилось посредствомъ завоеванія, такъ и въ теченіе своей долгой жизни онѣ были вынуждены вести многочисленныя войны съ другими народами, отражая ихъ нападенія и вълѣдствіе религиозной ненависти. Такъ, *Индія*, самая миролюбивая и неподвижная изъ теократій, имѣла, однако же, свой героическій періодъ, когда совершилось завоеваніе Аріицами Индостана. И кромѣ того, даже и подъ теократическимъ господствомъ браминовъ, замкнувшись въ самой себѣ, Индія была верѣдко раздражаема внутренними войнами, между отдѣльными индійскими владѣніями, и въ тоже время подвергалась нападеніямъ великихъ завоевателей древности—Семирамиды, Сесотриса египетскаго, Дарія персидскаго и Александра Великаго. Но военные обычаи древнихъ Индусовъ въ томъ видѣ, каковы они были въ дѣйствительности, мало извѣстны. За то въ священномъ законодательствѣ Ману (*Mānava—Dharma—Śāstra*) мы встрѣчаемъ цѣлую систему внѣшней политики браминовъ, гдѣ содержатся также и опредѣленія, относящіяся къ войнѣ. Браминамъ, говоря вообще, были опасны войны. Какъ жрецы, они уже не могли имѣть во время войны первенствующаго значенія и рисковали даже совершенно утратить его въ пользу воиновъ. А поэтому, понятно, что интересъ браминовъ состоялъ въ томъ, чтобы предупредить войну путемъ дипломатіи, гдѣ тонкій и изворотливый умъ браминовъ могъ найти для себя полное приложеніе. И дѣйствительно, въ такомъ духѣ и начертаны опредѣленія индійскаго законодательства. „Такъ-какъ никогда нельзя предвидѣть съ несомнѣнностью, на чьей сторонѣ будетъ побѣда или пораженіе, то царь обязанъ, по предписанію священной книги, насколько возможно избѣгать войны“ (¹). Средства же для этого, рекомендуемыя законодателемъ:—дипломатическіе переговоры, подкупы, возбужденіе раздорѣвъ въ средѣ противника (²). Все это дѣлается черезъ посредство посланниковъ, въ выборѣ которыхъ царь долженъ быть крайне осмотрителенъ. Отъ искусства посланника зависятъ война и миръ, примиреніе враговъ

(¹) *Mānava-Dharma-Śāstra*, VII, 199.

(²) *Ibid.* VII, 198.

и ссора союзников⁽¹⁾. Посланникъ долженъ внимательно слѣдить за всѣми предпріятіями и намѣреніями иностраннаго правительства и немедленно доносить о нихъ своему государю⁽²⁾. Онъ долженъ даже наблюдать за жестами и тономъ голоса иностраннаго царя и дѣлать по нимъ свои заключенія, долженъ быть неподкупенъ, хотя въ то же время, съ своей стороны, какъ уже замѣчено, не долженъ пренебрегать никакими средствами для достиженія цѣли⁽³⁾. Кромѣ посланниковъ царь долженъ пользоваться и услугами шпионовъ⁽⁴⁾. Но, узаконивъ такимъ образомъ всѣ виды хитрости и коварства съ цѣлью предупредить войну, индійское законодательство предписываетъ вмѣстѣ съ этимъ, если война окажется неизбежною, весьма гуманныя правила относительно самого способа ея веденія. Въ этихъ правилахъ, кромѣ строгой законности, нельзя не видѣть даже нѣкоторыхъ требованій рыцарскаго великодушія. Воинамъ запрещается употреблять отравляющее оружіе и предписывается не убивать просящихъ о помилованіи и добровольно сдающихся въ плѣнъ, также — сляпыхъ, безоружныхъ, смотрящихъ на сраженіе со стороны, убитыхъ горестью, тяжело-раненныхъ, даже трусовъ и спасающихся бѣгствомъ⁽⁵⁾. И точно также, послѣ побѣды, хотя индійскій законодатель и признаетъ право побѣдителя поступить съ завоеванною страню по собственному усмотрѣнію, но въ то же время совѣтуетъ ему, изъ политическихъ соображеній, быть умѣреннымъ въ своихъ требованіяхъ; какъ наприм.—предлагаетъ оставить неприкосновенными мѣстные законы въ покоренной странѣ, оказывать уваженіе мѣстнымъ богамъ и браминамъ, обращаться къ покоренному народу съ успокоительными прокламаціями и т. под.⁽⁶⁾

Вообще, оставая въ сторонѣ постановленія о дипломатическихъ интригахъ, столь свойственныхъ браминамъ по ихъ соціальному положенію, нельзя не согласиться, что юридическое значеніе войны въ индійскомъ законодательствѣ

(1) Ibid. VII, 65—66.

(2) Ibid. VII, 68.

(3) Ibid. VII, 63, 67; ср. также VII, 107, 197.

(4) Ibid. VII, 184.

(5) Ibid. VII, 90—93.

(6) M-D-S, VII, 203, 201.

выражено довольно вѣрно. По его опредѣленіямъ война является не простымъ грубымъ актомъ насилія, но враждебнымъ состояніемъ или борьбою государствъ, вызываемою необходимостью и подчиненною, въ своимъ проявленіи, извѣстными правиламъ, сообразно цѣли войны. Законодательство запрещаетъ во время войны почти всякую бесполезную жестокость и этимъ сообщаетъ войнѣ лишь публичный характеръ,—вражды собственно между самими государствами и ихъ правительствами, не распространяя ее на мирныхъ гражданъ. Правда, весьма сомнительно, чтобы въ дѣйствительности военные обычай Индусовъ соответствовали этимъ гуманнымъ законодательнымъ требованіямъ. Даже и тѣ немногія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ въ этомъ отношеніи, представляютъ намъ факты противоположнаго свойства. Припомнимъ, на примѣръ, отверженное почти безправное состояніе высшихъ кастъ въ Индіи, образовавшихся, какъ извѣстно, изъ покоренныхъ Арійцами туземцевъ Индостана; или же, уважемъ также на свидѣтельство Діодора Сицилійскаго, по словамъ котораго Индусы хотя и оставляли неприкосновенными землевладѣльцевъ во время войны, но въ битвахъ съ войсками Александра В., вопреки запрещенію законодательства, употребляли, однако же, отравленные стрѣлы и вообще далеко не оазывали въ обращеніи съ непріятелями той пощады и гуманности, какъ ихъ знаменитый противникъ⁽¹⁾. Но, если бы даже постановленія Ману относительно веденія войны и оставались у Индусовъ совершенно мертвою буквою, безъ всякаго практическаго примѣненія, то тѣмъ не менѣе, уже сами по себѣ, они все-таки представляютъ знаменательное явленіе. Они свидѣлствуютъ, что совѣсть человѣческая уже въ эпоху глубокой древности⁽²⁾ протестовала противъ безграничнаго произвола въ войнахъ и если еще не вслѣдствіе юридическаго сознанія, то по крайней мѣрѣ, подъ

⁽¹⁾ *Diodor.* II, 36, 40; XVII, 403. — Ср. *Laurent*, l. c. t. 4. p. 78, 80.

⁽²⁾ Время составленія *Уложенія Ману* съ точностью неизвѣстно. Оно имѣло нѣсколько редакцій и вообще было составлено между 43 и 5 стол. до Р. Хр. Мы пользовались этимъ кодексомъ во французскомъ переводѣ *Leisieur Deslongchamps* (*Mānava-Dharma-Sāstra ou Lois de Manou*), помѣщенномъ у *G. Pauthier*, *Livres sacrés de l'Orient*, Paris, 1841, pp. 331—460.

благотворнымъ вліяніемъ религіи и нравственности требовала подчиненія войны опредѣленнымъ правиламъ.

Затѣмъ гораздо чаще, нежели Индія, велъ вѣщнія войны древній *Египетъ*. Къ этому онъ былъ вынужденъ отчасти уже по самому географическому положенію своему. Находясь въ центрѣ древняго историческаго міра, открытый со стороны моря, онъ не могъ совершенно замкнуться въ себѣ самомъ и избѣжать сношеній съ другими народами, а главное, по своемупротивообщественному характеру, не могъ избѣжать враждебныхъ столкновеній съ ними. Къ тому же царская власть въ Египтѣ, въ ущербъ политическаго значенія жрецовъ, была почти неограниченною, что и давало возможность энергическимъ фараонамъ, особенно изъ династии Сесостридовъ, даже самимъ совершать, болѣе или менѣе, обширныя завоеванія⁽¹⁾. Самыя же войны Египтянъ отличались вообще чрезвычайною жестокостью. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ древніе историки и многочисленные памятники египетскаго искусства съ ихъ надписями и изображеніями. Такъ, во время битвы не было пощады ни полу, ни возрасту⁽²⁾. Плѣнные цари возили фараона въ его триумфальной колесницѣ, лучшимъ украшеніемъ которой считалась виллянда изъ отрубленныхъ головъ непріятелей. Остальные плѣнные шли за колесницей, перевязанные по рукамъ въ цѣпи⁽³⁾. Въ первобытныя же времена, по свидѣтельству Манефона, Египтяне приносили плѣнныхъ даже въ жертву богамъ, пока этотъ обычай не былъ отмѣненъ фараономъ Амазисомъ⁽⁴⁾. Кромѣ того, покоренные народы были облагаемы Египтянами огромнымъ трибутомъ и, какъ рабы, трудами цѣлыхъ поколѣній воздвигали пирамиды и другія колоссальныя зданія для увѣковѣченія памяти своихъ притѣснителей⁽⁵⁾.

(1) Ср. Каченовскій, Курсъ междунар. права, вып. 2, 1866, стр. 143—144.

(2) Description de l'Égypte, ou Recueil des observations et des recherches qui ont été faites en Égypte pendant l'expédition de l'armée française édit. de Panckoucke t. II, p. 266.

(3) Rosellini, Monumenti storici dell'Egitto, T. III, P. 1, p. 356, 329. — Wilkinson, Manners and Customs of the ancient Egyptians, t. V, p. 285.

(4) Schmidt, De sacrificiis Aegyptiorum, p. 181, 276, 289.

(5) Ср. Rosellini, Monumenti storici, III, 2, pp. 107, 185.

Въ этихъ неистовствахъ Египтянъ во время войны и въ суровомъ обращеніи ихъ съ покоренными народами, кромѣ грубаго національнаго варварства первобытнаго населенія Африки, нельзя не видѣть вліянія религіозныхъ предрасудковъ. Какъ уже замѣчено, на всѣхъ иностранцевъ Египтяне смотрѣли съ омерзеніемъ, какъ на существа нечистыя, а потому и въ побѣдѣ надъ ними признавали волю боговъ наказать иностранцевъ (¹). Вслѣдствіе этого покоренныя націи, по понятію Египтянъ, не могли имѣть никакихъ правъ и не заслуживали вниманія фараона: по призванію своему „онъ царствуетъ лишь надъ Египтомъ, и караетъ чужеземныя страны“, какъ гласитъ одна изъ надписей Севостриса Великаго (²).

Наконецъ, всѣ войны *Евреевъ*, какъ по значенію своему, такъ и по способу ихъ веденія, можно свести къ двумъ категоріямъ. Это—война священная, которую вели Евреи, по повелѣнію Божію, за обладаніе Палестиной, и затѣмъ всѣ другія войны, предпринимаемыя Евреями по собственному усмотрѣнію.—Самъ Іегова, обѣщая свою помощь, заповѣдалъ Евреямъ завоеваніе Обѣтованной земли (³). Онъ указалъ симъ на 7 хананейскихъ племенъ, жившихъ въ Палестинѣ, и на Амаликитянъ, какъ на вѣчныхъ враговъ (⁴). Въ священной войнѣ съ ними Евреи не могли оказывать пощады ни полу, ни возрасту, ни даже враждебнымъ животнымъ, но должны были совершенно истребить эти племена, чтобъ не заразиться отъ нихъ идолопоклонствомъ и другими гнусными пороками (⁵). И дѣйствительно, Библія повѣтствуетъ, что эта священная война, окончившаяся лишь при Соломонѣ, велась Ев-

(¹) *Pasquale-Fiore*, Droit international, trad. de l'italien par *Pradier-Foléré*, 1869, t. 2, p. 122.

(²) *Rosellini*, Monumenti Storici, T. III, P. 2. p. 163.—О военныхъ обычаяхъ Египтянъ см. вообще *Laurent*, I, p. 257—268; *A. Ferrero-Gola*, Diritto internazionale, v. 1. p. 226.

(³) Второз. VII, 16: «И ясти будещи вся корысти языковъ, яже Господь Богъ твой даетъ тебѣ: да не пощадятъ ихъ око твое».

(⁴) Второз. VII, 1—5; XXV, 17—19.—Исходъ XVII, 16.

(⁵) Тамъ же и кромѣ того Второз. XX, 16—18: «Отъ нихъ да не оставате жива всякаго дыханія.... Да не научатъ васъ творити всякія мерзости своя, елики твориша богомъ своимъ, и согрѣшите предъ Господемъ Богомъ своимъ».

реями самымъ опустошительнымъ образомъ⁽¹⁾. За пѣкоторое послабленіе въ войнѣ противъ Амаликитянъ царь Саулъ, какъ извѣстно, былъ жестоко укоряемъ пророкомъ Самуиломъ⁽²⁾. Но помимо священной войны, какъ завѣщанной самимъ Богомъ и которая была необходима для сохраненія религіозной и политической самостоятельности Евреевъ, въ другихъ своихъ войнахъ Евреи поступали вообще довольно гуманно. Ограниченія военныхъ жестокостей были предписаны отчасти самимъ Моисеемъ, а отчасти же образовались по обычаю, какъ дальнѣйшее развитіе его постановленій. Такъ, прежде осады непріятельскаго города требовалась добровольная сдача⁽³⁾. Сдавшіеся, какъ и вообще плѣнные и покоренные народы не должны быть убиваемы, но обращались въ рабство, или же облагались трибутомъ⁽⁴⁾. Въ самомъ пылу битвы законъ предписываетъ щадить женщинъ, которыя, однакоже, со всѣмъ имуществомъ врага брались въ плѣнъ; но плѣнная женщина, сдѣлавшаяся наложницею Еврея и потомъ овергнутая имъ, становилась свободною⁽⁵⁾. Плодовые деревья въ непріятельской странѣ не должны быть вырублены⁽⁶⁾. Кроме того, во избѣжаніе излишняго кровопролитія, Евреи, во время сраженій, по свидѣтельству талмудистовъ, обыкновенно такъ располагали свой лагерь, что оставляли непріятелю извѣстное мѣсто открытымъ для отступления, тѣмъ же убитыхъ враговъ были предаваемы ими погребенію⁽⁷⁾. Наконецъ Евреи, по своему глубокому религіозному чувству, не вступали въ сраженіе во время праздниковъ, считая ихъ, по закону Моисееву, днями общей молитвы и перемирія, чѣмъ и воспользовались въ послѣдствіи, при взятіи Иерусалима, къ великому вреду Евреевъ, сперва Сиріянъ, а потомъ и Римлянъ, воевавшіе съ ними⁽⁸⁾.

(1) См. Числ. XXI, 1—3.—Кн. Ис. Нав. VIII, 25—30; X, 28—42; XI, 10—20.—2 кн. Цар. VIII, 2; XII, 31.

(2) 1 кн. Цар. XV.

(3) Второз. XX, 10: «Аще же придетши ко граду воевати на нѣ, и воззовети я съ миромъ».

(4) Тамъ же; XX, 11; XXI, 10.

(5) Второз. XX, 13—14; XXI, 11—14.

(6) Тамъ же; XX, 19.

(7) *Maimonid*, Halach Melakim, cap. 6.—*Joseph*, C. Apion. II, 29.—*Müller-Jochmus*, Geschichte des Völkerrechts, S. 72—73.

(8) Исходъ XXXIV, 23—24—1 кн. Маккав. II, 34—38.—*Michaelis*, Mosaisches Recht, § 64—65.

Съ другой стороны, кромѣ теократій, которыя, какъ мы сейчасъ видѣли, отличались затворничествомъ и большею частью были открыты для внѣшнихъ сношеній лишь насильственно, особую группу древне-восточныхъ государствъ представляютъ собою обширныя *деспотіи* Западной и Средней Азіи. Къ нимъ относятся: *Халдея, Ассирія, Валентія, Мидія и Персія*. Кочевые народы, положившіе основаніе этимъ монархіямъ, по самому образу своей жизни, въ противоположность теократическимъ націямъ, были вообще чрезвычайно подвижны и, вслѣдствіе недостатка естественныхъ средствъ къ существованію, склонны къ приключеніямъ и хищничеству. Неудивительно, поэтому, что случайно соединившись, во имя общей поживы или изъ страха наказанія, вокругъ смѣлыхъ и предприимчивыхъ вождей и безпрекословно повинуваясь ихъ желѣзной волѣ, эти народы явились способными къ обширнымъ завоеваніямъ⁽¹⁾. Но основанныя такимъ образомъ посредствомъ насилія и единственно поддерживаемыя имъ деспотическія государства не могли имѣть той устойчивости, какъ теократіи. Ихъ цивилизація была слишкомъ груба и недолговѣчна⁽²⁾. Деспоты скоро утрачивали свой воинственный духъ и преданные властолюбивой нѣгѣ, не умѣли связать своихъ разноплеменныхъ государствъ органическимъ законодательствомъ и правильною администраціей. Многія изъ покоренныхъ провинцій сохраняли свое прежнее управленіе и вообще всѣ имѣли полунезависимыхъ правителей. Но это не было, однакоже великодушіемъ со стороны побѣдителя, а свидѣтельствуетъ лишь о грубости его, такъ-какъ единственная цѣль завоеваній и вся забота управленія, какъ и впоследствии у Монголовъ, состояла только въ полученіи дани, которая взыскивалась съ чрезвычайною строгостью⁽³⁾. Вслѣдствіе этого, возстанія въ провинціяхъ были безпрестанныя, и обширныя имперіи быстро разрушались подъ ударами, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ враговъ.—Такова въ существенныхъ чертахъ исторія всѣхъ означенныхъ де-

⁽¹⁾ *Laurent* I. с. Т. 1. р. 404—405.

⁽²⁾ *Каченовскій*, Курсъ межд. пр., вып. 2, стр. 150.

⁽³⁾ Ср. *Laurent*, I. с. I, 406. *Миллеръ-Юхмусъ*, говоря о Персахъ, справедливо замѣчаетъ, что основнымъ правиломъ ихъ политики, относительно покоренныхъ народовъ, было: «Thut, was ihr wollt, und zahlt, was ihr sollt.» *Geschichte des Völkerrechts*, § 37.

спотій. Всѣ онѣ отличаются завоевательными стремленіями, почти многовенно достигаютъ громаднаго разширенія, но глубоко развращенныя, особенно въ лицѣ господствующаго класса, и лишеныя правильной организаціи, поддерживаются лишь грубымъ насиліемъ, отъ котораго также и падаютъ въ результатъ, почти преемственно смѣняя другъ друга (¹). Вообще международное значеніе этихъ деспотій состояло лишь въ томъ, что онѣ привели въ броженіе и сблизили между собою восточныя націи. Безъ нихъ, въ особенности, своеобразныя цивилизаціи теократическихъ государствъ, чуждавшихся внѣшнихъ сношеній, остались бы безъ должнаго вліянія и мало извѣстными для остальнаго человѣчества (²). Но это сближеніе націй, или правильнѣе сказать, ихъ беспорядочное смѣшеніе совершалось деспотіями лишь единственнымъ путемъ—посредствомъ самаго грубаго насильственнаго поработенія. Не признавая за другими народами никакихъ правъ, деспоты открыто стремились ко всемірному владычеству, какъ это видно въ особенности изъ титула Персидскихъ царей, называвшихся Великими царями, или царями царей. Прежде начатія войны они требовали отъ непріятелей земли и воды, какъ символа безусловнаго подчиненія (³). Самая же война у деспотическихъ народовъ сопровождалась вообще чрезвычайными опустошеніями и представляла всѣ ужасы звѣрства. Можно сказать даже, что счастливы были тѣ, которые погибали въ битвахъ, такъ-какъ плѣнные, особенно въ Ассиріи, подвергались обыкновенно самымъ безчеловѣчнымъ истязаніямъ: у нихъ отрубали рука и ноги, вырывали языкъ, отрѣзывали носы и уши и т. под. (⁴). Кромѣ того, какъ на характеристическую особенность военно-политическихъ обычаевъ деспотическихъ народовъ слѣдуетъ указать на насильственное переселеніе ими побѣжденныхъ націй изъ отечественной страны въ другія провинціи.

(¹) *Montesquieu*, *Esprit des Lois*, VII, 7.

(²) *Pasquale-Fiore*, *Droit international*. t. 2. p. 125.

(³) *Herodot.* IV, 126. *Brisson*, *De regno Persarum* lib. I, c. 3; III, 66—67. Ср. *Laurent*, I, 427, 436.

(⁴) Объ этомъ свидѣлствуютъ надписи ассирійскихъ царей на памятникахъ Ниневіи. См. *Rawlinson's*, *The five Eastern Monarchies*, 1863, t. 2. p. 339, 489—493.

Такъ Израильтянъ увели Ассиріяне въ Мидію и Месопота-
мію, а въ ихъ отечествѣ поселили колонистовъ изъ Вавило-
на (¹). Въ свою очередь Вавилоняне переселили къ себѣ по-
коренныхъ Іудеевъ (²). Персы дозволили Іудеямъ возвратиться
въ отечество, но вывели 6000 Египтянъ и поселили ихъ въ
Сузіанѣ и т. под. (³).

Но если теократіи, по своему міросозерцанію, чуждались
внѣшнихъ сношеній, а грубыя деспотическія націи ознамено-
вали себя лишь обширными и опустошительными завоева-
ніями, то древній Востокъ представляетъ намъ еще другія
государства, которыя, по своему времени, являются замѣча-
тельными международными дѣятелями и отличаются иными
свойствами. Это именно *торювыя государства*—Финикія и
Карфагенъ. *Финикія*, какъ извѣстно, была небольшая страна,
тянувшаяся узкою полоскою, къ сѣверо западу отъ Палести-
ны, по берегу Средиземнаго моря. Она не составляла одного
государства, но заключала въ себѣ вѣсколько богатыхъ не-
зависимыхъ городовъ съ монархическимъ ограниченнымъ
правленіемъ и особою областью, которыя, однакоже, въ слу-
чай общей опасности со стороны враговъ, вступали обыкно-
венно въ союзы между собою (⁴). Уже самая незначитель-
ность территоріи и ея песчаная почва устранили для Фи-
никіянъ всякую возможность, подобно другимъ восточнымъ
народамъ, вести земледѣльческую или пастушескую жизнь;
тогда какъ, съ другой стороны, приморское положеніе Фи-
нікіи съ ея прекрасными гаванями и заливами и обиліе ко-
рабельнаго лѣса послужили причиною, почему Финикіяне,
вопреки всеобщему предразсудку древнихъ народовъ, сдѣла-
лись отважными мореплавателями и прославили себя, вмѣстѣ
съ учрежденіемъ многочисленныхъ колоній въ разныхъ ча-
стяхъ свѣта, обширною торговлею и промышленностью. Од-
ною изъ Финикійскихъ колоній былъ и *Карфагенъ*—значи-
тая аристократическая республика на Африканскомъ берегу

(¹) 4 кн. Цар. XVII, 6. *Laurent*, I, 424.

(²) 2 кн. Паралипом. XXXVI, 20. *Ierem.* III, 27—30.

(³) 2 кн. Ездры, II, 3—5. *Ctesias*, Pers. с. 9.—*Müller-Iochmus*, Ges-
chichte des Vrts. § 42, S 100.

(⁴) *Неволинъ*, Энциклопедія Законовѣденія, изд. 1857, т. 2, § 675,
стр. 124.

Средиземнаго моря. Съ тѣхъ поръ, какъ самостоятельность Финикянъ стала падать подъ ударами Ассирянъ и Вавилонянъ, Кароагеняне сдѣлались преемниками своихъ родичей, какъ въ отношеніи колонизаторской, такъ и торговой дѣятельности и далеко превосшли ихъ по своему могуществу. — Такимъ образомъ, само собою разумѣется, что вслѣдствіе обширныхъ торговыхъ сношеній, посѣщая многочисленныя и отдаленныя страны и учреждая въ нихъ свои колоніи, Финикіянне и Кароагеняне не только служили въ древности международными посредниками для обмѣна матеріальныхъ произведеній, но и содѣйствовали также всеобщему распространенію гражданственности. Въ мифѣ о Мелькартѣ, или о Геркулесѣ Тирскомъ, странствующемъ по Африкѣ, Галліи, Испаніи и Италіи и повсемѣстно обучающемъ народы искусству строить города и обрабатывать землю, символически изображается цивилизаторское значеніе Финикянъ⁽¹⁾. Извѣстно также преданіе, что Фаникянинеъ Кадмъ, поселившійся въ Беотіи, научилъ Грековъ письменамъ, винодѣлію, рудокопству и пр.⁽²⁾ Тѣмъ не менѣе, международная торговля въ эпоху древности, какъ это показываетъ намъ примѣръ Финикянъ и Кароагенянъ, не могла послужить залогомъ прочнаго мира и всеобщаго спокойствія. Говоря вообще, она была пронизана тѣмъ же характеромъ грубаго эгоизма и національной исключительности, какъ и всѣ международныя сношенія тогдашняго времени. Ради корыстныхъ цѣлей древній купецъ не стѣснялся никакими дѣйствіями. Еще Гомеръ говоритъ о Финикіянахъ, какъ о хитрыхъ обманщикахъ и ширатахъ⁽³⁾. Самымъ любимымъ ихъ промысломъ была торговля невольниками⁽⁴⁾. Въ силу общаній, данныхъ Финикіянами и Кароагенянами, въ древности никто не вѣрилъ, такъ что выраженія: *финикійскіе договоры* и *пуническая честность* обратились даже въ поговорку, какъ синонимы коварства⁽⁵⁾. Опасаясь торговой конкуренціи и желая удер-

⁽¹⁾ *Diodor.* IV, 17—19.

⁽²⁾ *Herodot.* II, 49; V, 58. См *Laurent*, I, 471—72.

⁽³⁾ *Odys.* XIV, 218 sq; XV, 414 sq.

⁽⁴⁾ *Каченовскій*, Курсъ межд. права, в. 2, стр. 137.

⁽⁵⁾ *Цицеронъ* (*fragm. orat. pro Scaur.* с. 14) называетъ Финикянъ самымъ лживымъ народомъ: «*Falacissimum genus esse Phoenicum, omnia munimenta vetustatis atque omnes historiae nobis prodiderunt.*» Подобныя же

жать за собою выгодную монополию, какъ Финикіяне, такъ и Карфагеняне верѣдко прибѣгали къ самымъ суровымъ мѣрамъ. Такъ, при учрежденіи колоніи, чтобы сдѣлать ее недоступною для другихъ народовъ, Финикіяне обыкновенно опустошали окрестную страну на далекомъ пространствѣ. И точно также есть извѣстія, что Карфагеняне, съ цѣлью охраненія своего рынка, топили всѣхъ иностранцевъ; подѣзжавшихъ къ Сардиніи и геркулесовымъ столпамъ ⁽¹⁾ Но если такіе поступки позволяли себѣ торговые народы древности даже въ мирное время, то нечего удивляться послѣ этого ихъ жестокостямъ во время войны. Хотя Финикіяне, по своей политической незначительности, не были завоевательнымъ народомъ, но тѣмъ не менѣе они вели довольно частыя войны, какъ внѣшнія—съ иностранными народами, нападавшими на Финикію, такъ и внутреннія, или междоусобныя—между самими финикійскими городами и ихъ колоніями. При этомъ истязанія плѣнныхъ были у Финикіянь въ такомъ же употребленіи, какъ и у деспотическихъ націй: они также отрубали у несчастныхъ пальцы на рукахъ и ногахъ, выкалывали имъ глаза, разбивали младенцевъ, разрѣзывали животовъ у беременныхъ женщинъ и т. п. ⁽²⁾ Такимъ же звѣрствомъ ознаменовали себя и сбродыя, наемныя войска Карфагена, служившія главнымъ орудіемъ поддержанія его могущества и расширенія владѣній. Побуждаемые торговымъ соперничествомъ Карфагеняне были союзниками Персовъ противъ Грековъ ⁽³⁾ и впродолженіи двухъ столѣтій вели самыя истребительныя войны съ Греческою колонією, Сиракузами, за обладаніе Сициліей. Но побѣда, какъ извѣстно, еще не была рѣшена окончательно, когда въ эту борьбу вмѣшались Римляне, которые и покорили Карфагенянь ⁽⁴⁾.

отзывы римскіе историкъ и философы дѣлають и о Карфагеняняхъ, называя ихъ *fraudenti, mendaces, versipelles, bilingues* и пр. Ср. *Laurent*, I, pp. 470, 499—500.

⁽¹⁾ Каченовскій в. ц. с. стр. 158—59. *Müller-Jochmus*, Geschichte u. v. S. 22, 248.

⁽²⁾ Кв. Суд. Изр. I, 7; 4 кв. Цар. XI, 2; 4 кв. Цар. VIII, 12.

⁽³⁾ Сократъ трактатъ Карфагенянь съ Персами былъ заключенъ въ 483 г. до Р. Хр. О немъ см. *Barbeyrac*, recueil des anciens traitez. 1739, t. 1. p. 88—89.

⁽⁴⁾ Кромѣ системы наемныхъ войскъ, сражавшихся не изъ патриотизма, а изъ корыстолюбія, и потому недоступныхъ пощадѣ, другою при-

Тоже начало національной исключительности, которое мы видѣли на Востоку, господствовало и въ международныхъ отношеніяхъ древнихъ Грековъ. Гордые сознаниемъ своего эллинскаго превосходства, Греки на всѣхъ иноплеменниковъ смотрѣли, какъ на существа ниспаго происхожденія и называли ихъ презрительнымъ именемъ—*Варварами*. Даже лучшіе умы Греціи—поэты, ораторы, историки и философы—не могли отрѣшиться отъ этого національнаго предубѣжденія и, превознося эллинизмъ, въ то же время, все дурное приписывали Варварамъ. Только у Грековъ господствуютъ правда и законы, у Варваровъ же—грубая физическая сила. Варвары на столько ниже Эллиновъ, насколько свободные выше рабовъ и даже, насколько вообще люди выше животныхъ. Поэтому, для Грековъ нѣтъ ничего не дозволеннаго, чтобы привести варваровъ къ подчиненію себѣ, какъ естественному предназначенію ⁽¹⁾. Само собою разумѣется, что при такихъ понятіяхъ о Варварахъ правильныя отношенія между ними и Греками не могли имѣть мѣста. Эти отношенія, по существу своему, были постоянно враждебныя, безъ всякихъ правилъ ⁽²⁾, и только случайно смягчались ради взаимной выгоды и вслѣдствіе трактатовъ,—какъ напр., во имя гостепрѣимства, въ интересахъ торговли, колонизаціи и пр.

Что же касается взаимныхъ отношеній между самими греческими государствами и ихъ гражданами, то въ этихъ отношеніяхъ проявляется вообще двойственный характеръ—обособленія и обобщенія. Съ одной стороны, вслѣдствіе непосредственнаго участія гражданъ въ дѣлахъ правленія и рѣшительнаго преобладанія политическихъ интересовъ надъ частными, отдѣльныя греческія государства ревниво охраняли

чиною военныхъ жестокостей какъ Финикіянь, такъ и Кароагенянь, *Лоранъ* считаетъ суровый характеръ ихъ религіи, узаконившей человѣческія жертвы и вообще о финикійской расѣ дѣлаетъ слѣдующій справедливый отзывъ: «Elle est sanguinaire dans sa religion, cruelle dans la guerre, oppressive dans la paix». *Laurent*, I, 524.

⁽¹⁾ Относящіяся сюда мѣста изъ сочиненій Еврипида, Демосоена, Исократы, Геродота, Аристотеля см. у *Laurent*, *Histoire du droit des gens*, 1855, t. II. p. 288—89.

⁽²⁾ *Livius*, XXXI, 29: «Cum alienigenis, cum barbaris, aeternum omnibus Graecis bellum est, eritique. Natura enim quae perpetua est, non mutabilibus in diem causis, hostes sunt».

свое самобытное независимое существованіе; съ другой же—подъ вліаніемъ всегда сознаваемого національнаго и религіознаго единства и потребованію обстоятельствъ замѣтно между Греками стремленіе къ выраженію, въ извѣстной степени, взаимной солидарности всего эллинскаго міра, въ противоположность варварамъ⁽¹⁾. Вслѣдствіе этого, хотя, по общему правилу, каждый Грекъ, за стѣнами своего роднаго города, среди другихъ, иногородныхъ Грековъ, признавался уже иностранцемъ—*χένος*—т. е. врагомъ, или вообще безправнымъ лицомъ и подвергался опасности быть изгнаннымъ изъ чужаго греческаго государства⁽²⁾, но однакоже, на практикѣ положеніе иностранцевъ въ Греціи значительно смягчалось обычаемъ гостепрѣимства и обращавшимся изъ него институтомъ т. наз. *прокинѣи*—т. е. добровольнымъ, а иногда и оффиціальнымъ патронатомъ мѣстныхъ гражданъ надъ иностранцами⁽³⁾. Кромѣ того, между греческими государствами иногда были заключаемы спеціальныя конвенціи, по которымъ иностранцамъ, т. е. иногороднымъ Грекамъ, предоставлялись въ этихъ государствахъ различныя, болѣе или менѣе, существенныя права; какъ напр.—право на вступленіе въ бракъ съ туземными гражданами—*эпигамія*, право на освобожденіе отъ налоговъ и повинностей—*атемія*, и даже, хотя весьма рѣдко, полное сообщеніе гражданскихъ правъ—*исополитія* и т. под.⁽⁴⁾—И точно также, если Греки, подобно Финивіанамъ и Карфагенянамъ, отличались въ-роломствомъ относительно исполненія и толкованія трактатовъ и посреди всеобщаго мира открыто занимались организованнымъ пиратствомъ, считая этотъ промыселъ за похвальное удалство⁽⁵⁾, то рядомъ съ этими проявленіями грубаго эгоизма и исключительности, между отдѣльными греческими

(1) Ср. Бибииковъ, Очеркъ международнаго права въ Греціи. М. 1852, стр. 89—90.

(2) Особенно въ Спартѣ, гдѣ конеласія—изгнаніе иностранцевъ—приписывается узаконенію Ликурга.—*De la Nauze, Mémoire sur la xénélasie, dans les Mémoires de l'Académie des Inscriptions* t. XII, p. 159—176.

(3) *Ch. Tissot, Des proxénies Grecques etc.*, 1863.

(4) *Egger, Mémoire historique sur les traités publiés dans l'antiquité*, 1860, p. 6, 21—22.—Ср. *Неволинъ*, Энциклопедія Законодательства. § 727.

(5) *Thucyd.* I, 8.—*Justin. hist.* XI.III, 3.—Ср. *Kent's, Commentary on International Law*, ed. by *Abdy*, 1866, p. 12.

государствами, во имя общих интересов, мы видимъ также разнообразныя союзы—племенные, религіозныя и политическія. Но однакоже эти союзы не могли водворить въ Греціи прочный порядокъ и обезпечить ея безопасность. Такъ, наиболее замѣчательный въ равнину пору греческой самобытности, союзъ Дельфійской Амфиктіоніи, къ которому принадлежали почти все греческія государства, преслѣдовалъ преимущественно религіозную цѣль—охраненіе храма Аполлона и его священнаго имущества—и, оставляя за союзниками полную свободу, какъ во внутренней, такъ и во внешней политикѣ, въ извѣстной степени ограничивалъ только своеволю Грековъ во взаимныхъ войнахъ⁽¹⁾.—А по этому, хотя и номинально, существованіе Амфиктіоніи продолжалось даже и послѣ паденія греческой независимости, но во времени персидскихъ войнъ, когда суровыя обстоятельства жизни, въ виду общаго и сильнаго врага, вынудили Грековъ тѣснѣе сойтись между собою, Амфиктіонія уже теряетъ свое значеніе, и съ этого времени въ Греціи на первый планъ выступаютъ союзы чисто политическія—*гегемоніи*, основанныя на строгомъ подчиненіи слабѣйшихъ государствъ сильнѣйшему. Но такъ какъ подобная связь рѣшительно противорѣчила мѣстному партикуляризму свободолюбивыхъ Грековъ, то существованіе гегемоній было вообще непродолжительное: онѣ разрушались довольно скоро, вслѣдствіе возстаній союзниковъ и при вмѣшательствѣ другихъ сравнительно-сильныхъ греческихъ государствъ. Таковы были послѣдовательно смѣнявшія одна другую гегемоніи—спартанская, аѣнцкая, опять спартанская, еивапсвая и македонская⁽²⁾.—Только уже подъ конецъ самобытнаго существованія Греціи мы встрѣчаемъ въ ней болѣе правильныя формы политической федераціи въ *Этолійскомъ* и особенно въ *Ахайскомъ*

(¹) Кромѣ преслѣдованія общими силами оскорбителей святыни, амфиктіоны обязывались еще присягою не разрушать ни одного союзнаго города и не лишать его текучей воды ни въ мирное, ни даже въ военное время. Текстъ этой присяги, со словъ Эсхина, помѣщенъ у *Barbéraca*, въ его *Recueil des anciens traités*, part I. p. 2—3.—*Freeman's*, history of federal government, 1863, t. I. ch. III.

(²) О греческихъ гегемоніяхъ см. у *Laurent*, l. c., t. II. pp. 155—276.—Ср. также *Müller—Lochmus*, Geschichte u. s. w. §§ 58—59. S. 125—127.

союзы, которые, подобно современнымъ федераціямъ, были основаны на началѣ равноправности членовъ и, признавая ихъ внутреннюю самостоятельность, имѣли, въ то же время, для завѣдыванія вѣдѣнною политикою и общими дѣлами союза, особыхъ органовъ центральной власти въ лицѣ союзнаго совѣта и президента (стратега). Но эти союзы уже не могли спасти греческой независимости. Они возникли слишкомъ поздно, когда патриотизмъ въ Греціи уже палъ и, раздираемая внутренними междоусобіями, призывая вмѣшательство Македонянъ и Римлянъ, она сама подчиняла себя чужеземному господству (¹).

Вообще Греки, хотя и чувствовали свое родство и общіе интересы, но не умѣли обезпечить себѣ прочнаго спокойствія. Соединяясь для общихъ предпріятій противъ варваровъ, они, въ то же время, вслѣдствіе партикуляризма и взаимнаго недовѣрія, вели между собою почти непрерывныя войны. При этомъ, вѣроломство и клятвопреступленіе, безпощадное опустошеніе непріятельской земли, казни взятыхъ послѣ осады жителей, разрушеніе городовъ, рабство, или изгнаніе побѣжденныхъ изъ отечества—все это обыкновенныя явленія въ греческихъ войнахъ (²). До какой степени коварства и жестокости доходили Греки въ обращеніи съ единоплеменнымъ непріателемъ, свидѣлствуютъ слѣдующіе случаи, разсказанные Фукидидомъ, изъ временъ пелопоннеской войны. Жители Платеи сдались Спартанцамъ съ условіемъ, чтобъ были казнены только виновные, послѣ судебнаго разслѣдованія. Но Спартанскіе судьи сдѣлали Платейцамъ софистическій вопросъ: оказали-ли они, во время войны, какую-либо услугу Спартанцамъ, или ихъ союзникамъ—Фиванцамъ? Такъ-какъ отвѣтъ Платейцевъ, естественно, не могъ быть положительный, то городъ былъ разрушенъ Спартанцами и вмѣстѣ съ областью переданъ Фиванцамъ, а сами Платейцы частью казнены, частью же обращены въ рабство (³). Афиняне откровенно сознавались передъ жителями Мелоса, что не знаютъ противъ нихъ никакой вины, но тѣмъ не менѣе,

(¹) Специальныя сочиненія: *Lucas*, Ueber Polibius Darstellung des Aetolischen Bundes, 1827; *Helwing*, Geschichte des Achaischen Bundes, 1829. —Ср. Каченовскій, Курсъ межд. пр., выи. 2, стр. 175—178.

(²) Каченовскій, в. в. с., стр. 171—72.

(³) *Thucyd.* II, 2—5; III, 52—68.

съ крайней беззащитностью, требовали отъ нихъ сдачи острова, изъ простаго уваженія къ могуществу Афинъ. Мелосцы рѣшились сопротивляться, но вскорѣ были побѣждены, при чемъ всѣ возрастные мужчины преданы смертной казни, а женщины и дѣти, въ качествѣ невольниковъ, взяты въ плѣнъ⁽¹⁾.—Однако же, по природѣ своей, Греки не были воинственнымъ народомъ. Обширныя завоеванія Александра были дѣломъ его личнаго честолюбія, тогда какъ греческія государства боролись только лишь за сохраненіе своей мѣстной независимости, или же за гегемонію въ предѣлахъ самой Греціи. И при этомъ, вмѣстѣ съ проявленіями жестокости мы, встрѣчаемъ у Грековъ и гуманные военные обычаи. Такъ, во избѣжаніе войны, были отправляемы къ непріятелю герольды съ требованіемъ удовлетворенія; или же рѣшеніе спора предоставлялось посредникамъ и третейскимъ судьямъ; иногда же дѣло ограничивалось лишь простыми репрессалиями, или поединкомъ и т. под.⁽²⁾. Самой войнѣ предшествовало обыкновенно торжественное объявленіе, которое дѣлалось чрезъ керикса (герольда) и въ нѣкоторыхъ греческихъ государствахъ сопровождалось еще особенными обрядами; какъ наприм., Афиняне, объявляя войну сосѣдамъ, выгоняли ягвенка на непріятельскую границу⁽³⁾. Что же касается веденія войны, то ожесточеніе побѣдителя нерѣдко смягчалось воспоминаніемъ о гостепримствѣ врага, или же уваженіемъ къ памяти знаменитыхъ людей Греціи. Въ этомъ отношеніи намъ извѣстны многочисленныя примѣры. Во время пелопоннесской войны Архидамъ спартанскій не рѣшался опустошать землю гостепримнаго Перикла, такъ-что послѣдній, для устраненія отъ себя подозрѣнія, нашелся даже вынужденнымъ передать свою землю въ общественное достояніе Афинъ⁽⁴⁾. Подобнымъ образомъ, Александръ В., посреди всеобщаго разрушенія Фивъ, оставилъ неприкосновеннымъ жилище знаменитаго поэта, Пиндара, и освободилъ отъ рабства

⁽¹⁾ *Thucyd.* V, 84—116.—Оба случая ср. у *H. Wheaton*, *Histoire du droit des gens*, 3-ème ed., 1853, T. I., p. 6—12.—*Laurent*, II, 203—205.

⁽²⁾ *Ferr. Gola*, *Diritto internazionale*, v. I, p. 231.—*Бибиковъ*, *Международное право Греціи*, стр. 111—114.

⁽³⁾ *Бибиковъ*, стр. 113.

⁽⁴⁾ *Thucyd.* II, 13.

тѣхъ аѳванскихъ гражданъ и ихъ потомковъ, у которыхъ пользовался гостепріимствомъ, во время своего заложничества въ дѣтствѣ, отецъ героя, Филиппъ Македонскій⁽¹⁾. Многіе изъ Аѳванъ, попавшіе въ плѣнъ во время несчастной сицилійской экспедиціи, были освобождены Сиракузянами собственно за то, что знали наизусть и умѣли пѣть стихи Еврипида и т. под.⁽²⁾. Кромѣ того, въ Эвбеѣ и древней Ахаіи существовали постановленія, по которымъ запрещалось употреблять во время войны скрытое и бросаемое издалека оружіе, такъ что узаконялся лишь рукопашный бой⁽³⁾, а совѣтъ Дельфійской Амфиктіоніи издалъ декретъ, по которому на время празднованія общественныхъ игръ война между Греками прекращалась, ищущіе убѣжища въ храмахъ побѣжденные непріатели объявлены неприкосновенными и предписывалось падшихъ во время битвы воиновъ не оставлять безъ погребенія⁽⁴⁾. Правда, эти постановленія болѣе религіознаго, нежели политическаго характера не всегда исполнялись Греками, по дѣйствуя на совѣсть воюющихъ, они всетаки, въ извѣстной степени, ограничивали ихъ своеволіе. И наконецъ, замѣтимъ еще, что точно также, подъ вліяніемъ религіи и политическаго интереса, основное правило о рабствѣ плѣнныхъ иногда замѣнялось въ Греціи освобожденіемъ ихъ за опредѣленный выкупъ, или же вслѣдствіе взаимнаго размѣна⁽⁵⁾.

Такимъ образомъ нельзя не согласиться, что взаимныя сношенія между греческими государствами, какъ въ мирное, такъ и въ военное даже время, сравнительно съ международными отношеніями на Востокѣ, представляютъ вообще замѣтный прогрессъ по своей гуманности. Но только, къ сожалѣнію, эта гуманность еще не была возведена у Грековъ въ опредѣленный принципъ, а скорѣе являлась лишь смягченіемъ преобладавшаго въ ихъ характерѣ мѣстнаго и политическаго партикуляризма и взаимнаго недовѣрія. Она основывалась не на ясномъ сознаніи взаимной правоспособности

(1) *Aelian*. V. N. XIII, 7.

(2) *Plutarch*. Nic. 29.—Приведенные и другіе примѣры см. у *Laurent*, I. c., II. 133—34.

(3) *Strabo*. X, 448.—*Polyb*. XIII, 3.—Ср. *Бибиковъ*, стр. 110.

(4) *Wheaton*, *Hist. du droit*; I, 12—13.

(5) *Бибиковъ*, стр. 115—116.

всѣхъ греческихъ племень, на чувствѣ общаго національнаго родства между ними и на единствѣ религиозныхъ вѣрованій. Такъ что и Греки, не смотря на свою высокую образованность, еще не знали международнаго права въ настоящемъ смыслѣ, и взаимныя отношенія между отдѣльными греческими республиками, по существу своему эгоистическія, смягчались въ извѣстной степени лишь требованіями религіи и нравственности.

Точно также напрасно было бы искать яснаго сознанія о международномъ правѣ и руководства имъ во внѣшнихъ сношеніяхъ и у другаго классическаго народа древности — у Римлянъ⁽¹⁾. Въ противоположность партикуляризму Грековъ, Римляне, какъ извѣстно, настойчиво стремились въ укрѣпленію своего могущества и расширенію владѣній; но они, какъ и все древніе народы преслѣдовали свою цѣль крайне эгоистично. Знаменитое „salus reipublicae“ было верховнымъ закономъ честолюбивой римской политики. Передъ требованіями общественнаго блага отечественнаго государства, самостоятельность и права другихъ народовъ не имѣли для Римлянъ ни-

(1) Сходное съ международнымъ правомъ по названію римское *jus gentium* имѣло особый смыслъ. Согласно опредѣленію римской юриспруденціи это право основывается на самомъ разумѣ, или природѣ человеческихъ отношеній и, по существу своему, является общимъ для всѣхъ народовъ. «Quod naturalis ratio inter omnes homines constituit, id apud omnes peraequale custoditur, vocaturque *Jus gentium*, quasi quo jure omnes gentes utantur» (Instit. lib. I, tit. II, § 4). Кромѣ войны, плѣна и другихъ явленій международнаго быта, какъ это показываетъ между прочимъ дѣльбѣе продолженіе приведеннаго мѣста институцій, изъ означеннаго *jus gentium* римскіе юристы выводили также происхожденіе рабства и большинства гражданскихъ договоровъ. Первоначально это право было примѣнимо въ Римѣ преторами, при обсужденіи взаимныхъ сношеній собственно между иностранцами; но потомъ, мало-по-малу, путемъ судебно-законодательной дѣятельности преторовъ, вслѣдствіе своего практическаго удобства, оно получило также значеніе и для самихъ римскихъ гражданъ, такъ что впоследствии совершенно слилось съ національнымъ римскимъ *jus civile* и значительно содѣйствовало его совершенствованію. Очевидно, что *jus gentium*, по повѣстію Римлянъ и по самой сферѣ своего примѣненія, не было у нихъ международнымъ правомъ въ совершенномъ смыслѣ, но вообще образовало составную часть всего римскаго права. — О значеніи *juris gentium* у Римлянъ см. Savigny, System des heutigen Römischen Rechts, Bd. I, B. I, Kap. III, § 22. — Ср. также Maine's, Ancient Law, 1861, pp. 48—53.

какого значенія. Они кончили тѣмъ, что подчинили обѣ почти весь древній міръ. Но въ отличіе отъ азятскихъ Варваровъ Римляне не ограничились, однакоже, простымъ завоеваніемъ: они одни изъ всѣхъ завоевателей древности оказались достаточно способными управлять всемірнымъ государствомъ и, сохраняя его цѣлость въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, болѣе или менѣе, ассимилировали покоренныя націи посредствомъ органическаго законодательства и единства администраціи. Съ другой же стороны, какъ народъ практической, съ юридическимъ складомъ ума, Римляне сообщили также и внѣшнимъ своимъ сношеніямъ, при отсутствіи справедливости, по крайней мѣрѣ, довольно опредѣленный формальный порядокъ, какого международный бытъ еще не представлялъ до этого времени (¹).

Такъ, для сношеній съ иносранными народами, существовала въ Римѣ, еще со временъ Нумы Помпили, особая священная *коллегія феціаловъ* (*pontifices feciales*). Она состояла изъ 20 лицъ и глава ея назывался *pater patratus*, вѣроятно потому, что долженъ былъ имѣть въ живыхъ отца и дѣтей, чтобы быть одинаково заинтересованнымъ какъ въ сохраненіи прошедшаго величія, такъ и въ будущемъ благосостояніи государства. Феціалы отъ имени Римлянъ вели переговоры съ иностранными государствами, требовали отъ нихъ удовлетворенія за обиду, объявляли войну и заключали мирныя и союзныя трактаты (²). Сомнительно, однакоже, чтобы феціалы, по крайней мѣрѣ послѣ паденія царской власти, оказывали дѣйствительное вліяніе на внѣшнюю политику Рима. Она зависѣла отъ комицій (народныхъ собраній) и главнымъ образомъ отъ сената. Значеніе же феціаловъ состояло въ произнесеніи опредѣленныхъ словесныхъ формулъ и въ совершеніи различныхъ религіозныхъ обрядовъ, которыми, для успокоенія совѣсти, сопровождалось у Римлянъ почти каждое международное предпріятіе. Во всякомъ слу-

(¹) Müller—*Iochmus*, Geschichte des Völkerrechts im Alterthum § 86, S. 189—191.—*Pasquale—Fiore*, Droit international, t. 2, pp. 135—36.—*Каченовскій*, Курсъ межд. пр., в. 2, стр. 188.

(²) *Varro*, de Ling. lat., lib. IV: *Feciales*, quod fidei publicae inter populos praerant; nam per hos fiebat, ut justum conciperetur bellum et ut foedere fides pacis constitueretur. Ex his mittebant, antequam conciperetur, qui res repeterent; et per hos etiam nunc fit foedus—*Cicero*, de Legg. II, 9; foederum, pacis, belli induciarum oratores feciales iudices sunt.

чаѣ несомнѣнно, что со времени пуническихъ войнъ институтъ феціаловъ все болѣе и болѣе падаетъ, хотя о нихъ еще упоминается и въ императорскомъ періодѣ⁽¹⁾.

Положеніе иностранцевъ въ Римѣ по строгому праву было весьма стѣснительное. Для обозначенія иностранца и врага существовало у Римлянъ, какъ и у Грековъ, одно слово: *hostis*, и по закону XII таблицъ иностранецъ былъ лишенъ всякихъ правъ—*adversus hostem aeterna auctoritas*⁽²⁾. Такая же безправность, при отсутствіи специальныхъ договоровъ, или, по крайней мѣрѣ, существенныхъ ограниченій въ правахъ иностранцевъ, сравнительно съ отечественными гражданами, опредѣляются и въ позднѣйшемъ римскомъ законодательствѣ; наприм., браки иностранцевъ съ Римлянами дозволялись только по особому разрѣшенію, иностранцы не имѣли свободы завѣщанія, подлежали позорному тѣлесному наказанію и пр.⁽³⁾.—Тѣмъ не менѣе, богатый аристократическій Римъ постоянно привлекалъ къ себѣ множество иностранцевъ, которымъ открывалось здѣсь обширное поприще торговой и промышленной дѣятельности. Будучи безправными по закону, они находили здѣсь себѣ, какъ и въ Греціи, защиту и покровительство въ обычаѣ частнаго *гостепріимства* (*hospitium*). Кромѣ того, случалось также, что и само римское правительство, за какія-либо услуги, или же въ видахъ общественной пользы, предоставляло какъ отдѣльнымъ иностранцамъ, такъ и цѣлымъ народамъ публичное гостепріимство и патронажъ⁽⁴⁾. Равнымъ образомъ, въ выгоду иностранцевъ послужило и то обстоятельство, что съ древнѣйшихъ временъ, по особымъ трактатамъ, для разрѣшенія

(1) Правила для дѣйствія феціаловъ (*jus feciale*) были записаны ими въ особую книгу, которая не дошла до насъ.—О феціалахъ см. *Omphale*, *Literatur des Völkerrechts*, Bd. I, §§ 33—34, S. 142—146.—*Laurent*, *histoire etc.*, t. III, p. 13 et suiv.—*Kent*, *International Law*, ed. by *Abdy*, pp. 15—19.

(2) *Cicer.* *de off.*, I, 12.—*Dirksen*, *Uebersicht der Versuche zur Erklärung der XII Tafelgesetze*, S. 262 fg.—Впоследствии, однако, слово *hostis* стало означать у Римлянъ исключительно врага государства, или непріятели, а иностранцы назывались *peregrini*, *gentiles*, *barbari* и пр.

(3) L. 5, § 2, *Dig.* XLIX, 15.—*Gaji* I, 56.—I. I, C. VI, 24; L. 6, § 2, *Dig.* XXVIII, 5.—L. 7, *Dig.* XLVIII, 19.

(4) *Laurent*, III, 66—79.

споровъ между подданными различныхъ государствъ, иногда была назпачаема въ Римѣ т. наз. *рекуперація*, т. е. третейское разбирательство, отличавшееся скоростью производства; а въ послѣдствіи же (съ 245 г. до Р. Хр.) судъ надъ иностранцами, уже по общему правилу, былъ предоставленъ у Римлянъ особому сановнику (*praetor peregrinus*) и производился имъ, какъ уже замѣчено, на основаніи *jus gentium* (¹).

Съ другой стороны, вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ иностранными народами, *посольское право* получило у Римлянъ космополитическій характеръ. Болѣе нежели какой-либо народъ въ древности Римляне практически сознали необходимость неприкосновенности дипломатическихъ агентовъ и сообщили ей законодательную санкцію. Особа посла признавалась у нихъ священною; даже послы враждебнаго государства могли безпрепятственно возвратиться въ свое отечество, а виновный въ оскорбленіи посланника выдавался для наказанія самому обиженному правительству (²). Кромѣ того, посланники, какъ и въ настоящее время, пользовались въ Римѣ до нѣкоторой степени неподсудностью мѣстнымъ властямъ (*jus domum revocandi*) и не платили налоговъ (³).— При этомъ, послѣ паденія значенія феціаловъ, главными органами дипломатіи у Римлянъ, подъ контролемъ и руководствомъ сената, были правители провинцій и полководцы. Они неутомимо трудились надъ созданіемъ римскаго могущества и результатомъ ихъ дипломатической дѣятельности являются многочисленные и разнообразныя *трактаты*. Таковы: *sponsio*, *pacis*, *foedus* и др., различавшіеся между собою какъ по содержанию, такъ и по формѣ заключенія. Многие изъ этихъ трактатовъ послужили основаніемъ послѣдо-

(¹) Спенгл. соч. *Sell's*, Die Recuperatio der Römer, 1837.—Ср. *Müller-Jochims*, Geschichte u. s. w. S. 145—148.

(²) L. 1, § 17, Dig. de legat L. 7: Sancti habentur legati, et ideo, si cum legati apud nos essent gentis cujus, bellum cum eis indicatum sit, responsum est, liberos eos manere; id enim juri gentium conveniens esse; itaque eum, qui legatum pulsasset, Quintus Mucius dedi hostibus, quorum erant legati, solitus est respondere.—Многочисленные приѣзды уваженія неприкосновенности посланниковъ въ римской исторіи представляютъ *Osenbrüggen*, De jure belli ac pacis Romanorum, 1836, p. 40 sq.

(³) L. 3, Dg. L. 7.—L. 8, Cod. de vectig. IV, 63.

вательнаго расширенія римскаго владычества и политической организаціи отдѣльныхъ римскихъ провинцій (¹).

Но при всемъ своемъ значеніи дипломатія служила у Римлянъ лишь второстепеннымъ орудіемъ ихъ внѣшней политики. Главное же средство представляла война. Римляне, какъ извѣстно, вели безчисленныя войны. Они воевали сперва съ сосѣдними племенами, отстаивая свою независимость, потомъ за обладаніе Италіей и, наконецъ, за всемірное владычество (²). Выбѣтъ съ этимъ, съ переменною цѣлю измѣнялся также и самый характеръ римскихъ войнъ. Пока Римляне были еще слабы и предпріятія ихъ не выходили изъ предѣловъ Италіи, ихъ войны не были жестокими и испытывали на себѣ влияние религіи. Но по мѣрѣ того какъ, поощряемые успѣхами и сознавая свое могущество, Римляне стали открыто стремиться ко всемірному господству, они уже не терпѣли соперниковъ и для покоренія ихъ считали дозволенными самыя суровыя мѣры (³). На войну съ независимыми народами они уже смотрѣли, какъ на наказаніе простыхъ мятежниковъ (*rebelles*), виновныхъ въ оскорбленіи величества (*crimen majestatis*) царственнаго народа (*princeps orbis terrarum populus*) и оказывали пощаду врагу лишь по расчету, по требованію собственныхъ интересовъ (⁴).

Въ отдѣльности же военные обычаи у Римлянъ представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Прежде начатія войны обыкновенно дѣлалась попытка миролюбиваго разрѣшенія спора. Съ этой цѣлью римскій сенатъ отправлялъ къ непріятелю феціала, который и требовалъ отъ него удовлетворенія за причиненную обиду—*res repetebat s. postulabat ut jus persolveretur a populo hostili* (⁵). Такое требованіе (*clarigatio s. rerum repetitio*) выражалось въ особой формулѣ, которую произносилъ феціальъ, стоя съ

(¹) Каченовскій, Курсъ м. пр., вып. 2, стр. 194—96.

(²) *Florus*, I, 9: *Populus Romanus primo adversus exteros arma pro libertate arripuit, mox pro finibus, deinde pro sociis, tum gloria et imperio.*

(³) На эту переменную во внѣшней политикѣ Римлянъ и, въ частности, въ характерѣ ихъ войнъ, сожалѣя объ утратѣ добрыхъ нравовъ стараго времени (*mores majorum*) указываетъ Цицеронъ, *De officiis*, lib II, 8.

(⁴) Ср. *Müller-Jochims*, *Geschichte u. s. w.* § 63. S. 133.—Каченовскій, Курсъ м. пр., в. 2, стр. 199.

(⁵) *Liv*, V, 35.

покрытою головою на непріятельской границѣ и въ присутствіи враждебнаго народа, призывая Юпитера въ свидѣтели своей справедливости. Если же немедленнаго удовлетворенія не было дано, то врагу предоставлялся 33-дневный срокъ на размышленіе, и только по истеченіи этого времени начиналась война. Для этого феціаль снова отправлялся на границу непріятельскихъ владѣній и отъ имени сената и римскаго народа—*jussu populi auctoritateque senatus*—дѣломъ *объявленіе войны* (*belli indictio*)—посредствомъ произнесенія новыхъ, еще болѣе торжественныхъ религиозныхъ заклинаній и бросанія копья на непріятельскую землю⁽¹⁾. Впослѣдствіи, однако, этотъ способъ объявленія войны у Римлянъ значительно упростился: феціалы уже не были отправляемы въ отдаленнымъ врагамъ и вмѣсто ихъ война объявлялась другими лицами по назначенію консула; или же все дѣло ограничивалось иногда лишь фиветивнымъ объявленіемъ войны въ предѣлахъ самого Рима передъ случайно-находившимися тамъ враждебными подданными⁽²⁾. Но какъ-бы то ни было, предварительное объявленіе, въ томъ или другомъ видѣ, всегда признавалось Римлянами необходимымъ для каждой законной войны, такъ что война безъ объявленія называлась у нихъ разбойничьимъ дѣломъ—*latrocinium*—и могла имѣть мѣсто лишь противъ пиратовъ⁽³⁾.

Принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, по требованію римской дисциплины, могли только военнослужащіе⁽⁴⁾. Отрава врага и вообще военныя хитрости считались позорными⁽⁵⁾. Но за то открытое насиліе совершенно зависѣло отъ произвола побѣдителя и одинаково распространялось на враждебныхъ лицъ и имущество. Такимъ образомъ, хотя римскіе полководцы прежде осады города и дѣлали обыкновенно непріятелю предложеніе о *мирной сдачѣ* (*deditio*), но большею частью не допускали при этомъ никакихъ условій⁽⁶⁾. Если

⁽¹⁾ *Livius*, I, 32

⁽²⁾ *Servius*, Ad Virg. Aeneid IX, 53.

⁽³⁾ *Liv.*, XXXVIII, 43.—L. 24, Dg. XLIX, tit. 16.—Ср. *Müller-Jochmus*, I, с., § 71.

⁽⁴⁾ *Cicer*, de offic. I, 44. 37: Jus non est, qui miles non sit, cum hoste pugnare.

⁽⁵⁾ *Valer. Maxim.*, lib. VI, с. V, n. 1.—*Tacit.*, Annal. II, 88.

⁽⁶⁾ *Caesar.*, Bell. Gall., II, 32.—*Valer. Maxim.*, VI, 5—*Liv.* XXXVI, 28: se suaque omnia fidei populi Romani permittere.—Ср. *Osenbrüggen*, de jure belli et pacis Romanorum, p. 66.

же сдачи не послѣдовало, то городъ былъ разрушаемъ, причемъ римскіе жрецы вызывали предварительно мѣстныхъ боговъ (evocabant deos) покинуть разоряемые храмы⁽¹⁾.

Почти каждая война сопровождалась у Римлянъ взятіемъ огромнаго количества *плѣнныхъ*. Они брались, какъ и вообще въ древности, безъ различія пола, возраста и общественнаго положенія лицъ. Иногда у плѣнныхъ Римляне остригали волосы для продажи на украшеніе женщинъ, и многіе плѣнные становились у нихъ гладіаторами, которые, какъ извѣстно, погибали тысячами на аренѣ цирка, для потѣхи царственнаго народа. Но по общему правилу практическіе Римляне не убивали и не истязали плѣнныхъ, какъ на Востокѣ: они обращали ихъ въ рабство⁽²⁾. Одни изъ плѣнныхъ, преимущественно съ техническими познаніями, дѣлались государственнымъ невольниками (servi publici), другіе же отдавались солдатамъ, или были продаваемы въ частное рабство съ публичнаго торга (sub corona, vel sub hasta). Кромѣ того, по соображеніи бѣльшей выгоды, военноплѣнные у Римлянъ, какъ и въ Греціи, нерѣдко также освобождались за выкупъ, а впослѣдствіи и взаимно размѣнивались съ непріятелями. Но плѣнные цари и полководцы обыкновенно ованчивали свою жизнь въ Римѣ трагическимъ образомъ: послѣ унижительнаго участія въ триумфальномъ шествіи побѣдителя, они, какъ главные виновники войны, подвергались пожизненному заточенію или же смертной казни⁽³⁾.

⁽¹⁾ Osenbrüggen, l. c., p. 60.

⁽²⁾ L. 239, § 1. Dg. de v. S.: Servorum appellatio ex eo fluxit, quod Imperatores captivos vendere ac per hoc servare, nec occidere solent.—Ср. также L. 12, пр., Dg. XLIX, 15.

⁽³⁾ О плѣнныхъ у Римлянъ см. *Laurent*, III, pp. 19, 143, 246, 323, 325 — *Müller-Jochims*, § 77, S. 171—73. — *Каченовскій*, в. 2, стр. 201.—Замѣчательно, что признавая рабство, по общему правилу, естественнымъ состояніемъ плѣнныхъ, римское законодательство, по строгой логической послѣдовательности, считало и отечественнаго гражданина, повязаннаго въ плѣнъ, рабомъ непріятеля, а потому и лишало его въ отечествѣ всѣхъ правъ; такъ что Римлянинъ, въ случаѣ освобожденія изъ плѣна и возвращенія на родину, возстановлялся въ своемъ прежнемъ юридическомъ положеніи на основаніи особой фикціи—*jure postliminii*.— какъ будто онъ не былъ въ плѣну и всегда оставался полноправнымъ. *Ab hostibus captus servus est hostium et postliminio statum pristinum recuperat.* L. 24, Dg. de captiv. XLIX, tit. 15.—*Dictum autem postliminium a limine et post,*

Съ другой стороны, кромѣ плѣнныхъ, Римляне имѣли обыкновеніе брать еще значительное число лучшихъ гражданъ враждебной стороны, въ качествѣ *заложниковъ* (obsides), въ обезпеченіи военныхъ конвенцій, заключаемыхъ съ непріателемъ; наприм.—въ обезпеченіе конвенціи о перемиріи, о сдачѣ города, или войска и т. п. Судьба этихъ лицъ была также печальна, какъ и плѣнныхъ царей и полководцевъ. Римляне признавали заложниковъ неприкосновенными по принципу (sacrosancti) доколѣ соблюдался договоръ, но дѣлали ихъ отвѣтственными за всѣ проступки согражданъ и нерѣдко подвергали самымъ жестокимъ наказаніямъ безъ всякой вины съ ихъ стороны⁽¹⁾.

Наконецъ, все имущество побѣжденнаго непріателя, не исключая и священныхъ вещей, Римляне считали безспорнымъ своимъ достояніемъ⁽²⁾ и даже полагали, особенно въ раннее время, что прибрѣтенное посредствомъ оружія, или вслѣдствіе войны составляетъ самую надежную собственность⁽³⁾. Но эта обширная споліація, которую представляютъ въ сущности римскія завоеванія, совершалась Римлянами съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ, сообщавшихъ ей опредѣленный видъ внѣшней легальности. А именно, хотя по общему правилу вся завоеванная территория признавалась у Римлянъ государственнымъ доменомъ — *ager publicus*⁽⁴⁾,—однакоже, вслѣдствіе политическихъ соображеній, Римляне ограничивались обыкновенно присвоеніемъ только части этой территоріи, а прочую землю оставляли за мѣстными жителями; или же, случалось иногда, что, уплачивая особый налогъ римскому правительству (vestigal), покоренные туземцы удерживали за собою фактическое пользованіе даже всею землею⁽⁵⁾. Съ другой же стороны, такъ-какъ война, по справедливому понятію

ut cum qui ab hostibus captus in fines nostros postea pervenit postliminio reversum recte dicimus. § 5. Instr. I, tit. 12.—Ср. *Bluntschli*, Völkerrecht, 1868, § 727.

⁽¹⁾ *Müller-Jochmus*, Geschichte u. s. w. § 78, S. 173—174.

⁽²⁾ *Gaji*, Comm. II, 69, § 17: Quae ex hostibus capiuntur ratione nostra fiunt.—Ср. *Ibid.* § 19; L 36, Dg. de religio. XI, 7.

⁽³⁾ *Gaji* Comm. IV, 16: Omnium maxime sua esse credebant quae ex hostibus cepissent. Unde in centumviralibus judiciis hasta praeponebatur.

⁽⁴⁾ L. 49, § 15, Dg. XX, tit. 1.

⁽⁵⁾ *Laurent*, histoire etc. III, p. 20.—*Pasquale-Fiore*, dr. intern., II, p. 137.

Римлянъ, ведется отъ лица цѣлаго государства, то римская дисциплина запрещала солдатамъ, подъ угрозой четвернаго штрафа, самопроизвольное присвоеніе себѣ даже и движимаго враждебнаго имущества. Добыча, какъ государственная собственность, дѣлилась между римскими воинами, какъ и въ новое время, уже вслѣдствіе распоряженія общественной власти⁽¹⁾.

Вообще изъ сказаннаго очевидно, что внѣшняя политика Римлянъ будучи въ сущности столь же насильственной, какъ и у другихъ народовъ древности, отличалась въ то же время практической расчетливостью и уваженіемъ къ порядку. А эти-то качества и способствовали Римлянамъ къ достиженію всемірнаго господства и сохраненію его на долгое время. Подъ римскимъ владычествомъ всѣ древніе народы, какъ члены одного государства, вступили между собою въ широкій и уже мирный обмѣнъ какъ мыслей, такъ и произведеній, и такимъ образомъ, какъ уже замѣчено, болѣе или менѣе взаимно ассимилировались⁽²⁾.—Но въ концѣ концовъ честолюбіе Римлянъ оказалось гибельнымъ для нихъ. Вслѣдствіе легкой наживы и привычки къ празднои жизни на счетъ подчиненныхъ народовъ, развращеніе нравовъ все болѣе и болѣе стало проникать въ римское общество, и въ то же время правительственный произволъ въ провинціяхъ становился невыносимымъ. Поэтому одновременно въ различныхъ частяхъ имперіи вспыхиваютъ возстанія, которыя въ особенности усиливаются съ появленіемъ на границахъ сѣверныхъ варваровъ. Многія провинціи вмѣсто сопротивленія варварамъ встрѣчали ихъ, какъ освободителей⁽³⁾. Напрасно нѣкоторые императоры стараются поддержать порядокъ изданіемъ новыхъ законовъ и строгими наказаніями—всемірное римское государство падаетъ, какъ вслѣдствіе внутренняго разложенія, такъ и подъ натискомъ германскихъ дружинъ.

Н. Ивановъ.

(Продолженіе будетъ).

⁽¹⁾ L. 13, Dg. XLVIII, 13.—*Müller-Jochmus*, S. 169.

⁽²⁾ *Rob. Ward*. Enquiry into the foundation and history of the Law of Nations in Europe, from the time of the Greeks and Romans, to the age of Grotius, 1795, vol. 1, pp. 192—194.

⁽³⁾ *Laurent*, III, p. 522.

К П Ч Т Ч К А

И
БИБЛІОГРАФІЯ.

СКАЗАНІЯ КНЯЗЯ А. М. КУРСКАГО.

3 изд. Н. Устрялова. П. 1868.

Еще не такъ давно въ русскомъ обществѣ существовало повѣрье, что русская исторія представляетъ очень мало привлекательнаго для искусства, что весь складъ старо-русской жизни не въ состояніи былъ выработать *личности*, что архивные памятники только мышамъ да записнымъ ученымъ и могутъ доставить пищу и удовольствіе. Русская читающая публика въ старинѣ своей не обрѣтала развалинъ феодальныхъ замковъ, такъ художественно отъѣвленныхъ въ романахъ западныхъ беллетристовъ, и жизнь русскаго терема, боярскихъ хоромъ и даже царскихъ палатъ не считалась достойною пера художника. Правда, были *сочинители*, которые не пренебрегали нашей стариной, но ихъ произведенія способны были скорѣе утвердить публику въ ея нелюбви къ беллетристическимъ произведеніямъ съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ русской исторіи. Только „Борисъ Годуновъ“, „пѣсня про царя Ивана Васильевича“ и отчасти „Басурманъ“ были блестящими исключеніями изъ общаго правила. Но время все измѣняетъ—и самыя времена; истинные таланты сознали, что русская исторія, какъ и жизнь каждаго историческаго народа, способна дать превосходный матеріалъ для литературнаго произведенія, чему, конечно, помогло значительно и обнародованіе множества историче-

скихъ памятниковъ, долго бывшихъ недоступными массѣ читателей. И чѣмъ болѣе издавалось историческихъ матеріаловъ, тѣмъ болѣе пробуждалось сочувствіе къ изученію и воспроизведенію русской старины; тѣмъ рѣже стали слышаться возгласы, что въ русской старинѣ не могла выработаться личность. Послѣ драматической поэмы Пушкина слѣды совѣстливаго изученія историческихъ памятниковъ впервые обозначились на драматическихъ произведеніяхъ Чаева, и въ романахъ и драмахъ гр. Толстаго. Эпоха, избранная Толстымъ, интересна въ высшей степени: жизнь Руси XVI вѣка начинаетъ осложняться все болѣе и болѣе, сближеніе съ европейскимъ Западомъ становится все ощутительнѣе, образованіе захватываетъ въ свой кругъ все большее и большее число лицъ, и въ силу этихъ обстоятельствъ внутренняя борьба принимаетъ характеръ сравнительно менѣе страдательный, для развитія личности представляется болѣе простора.—Говоря вообще, XVI вѣкъ и прежде болѣе другихъ интересовалъ пишущій людъ, но не будемъ здѣсь говорить—каковы были результаты изученія и воспроизведенія этого вѣка въ литературѣ. Напомнимъ только читателямъ, что и жизнь Курбскаго неоднократно подвергалась опасности отъ нападеній російскихъ писателей—беллетристовъ, несомнѣнно имѣвшихъ въ сороковыхъ годахъ обширный кругъ читателей. Кн. Андрей Курбскій служилъ для нихъ незатѣливой игрушкой: они весьма комфортабельно выкраивали изъ его бурной, полной истиннаго драматизма, жизни—и историческіе романы, и историческія драмы; но и въ тѣхъ и въ другихъ мы видимъ не только отсутствіе таланта, не только незнакомство съ русской стариной, но даже поверхностное, невнимательное изученіе и самыхъ „сказаній“ Курбскаго.

Сказанія Курбскаго, обследованныя и Карамзинымъ и Арцибашевымъ еще въ рукописяхъ, впервые были изданы въ 1838 году.

Эти „сказанія“ и „переписка“, не смотря на ихъ неказистую оболочку—на полуцерковный, полурусскій, полупольскій языкъ, такъ полюбили русскому обществу, что не прошло десяти лѣтъ, какъ уже въ 1842 потребовалось новое ихъ изданіе; а вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждымъ годомъ появлялись въ печати новые матеріалы, разъясняющіе дѣятельность Курбскаго.

Такъ еще въ 1841 году Шевыревъ напечаталъ двѣ замѣтки относительно исторіи Флорентинскаго собора, касающіяся Курбскаго (*).

Въ 1843 году Сахаровъ помѣстилъ въ Москвитанинѣ новое письмо Курбскаго, *важное* по своему содержанию (*).

Тогда же г. Л. Кавелинъ сообщилъ въ ж. „Маякъ“ объясненіе плана Казани, неизвѣстное Устрялову (*).

Въ 1846 году появилась въ „Сѣверной пчелѣ“ весьма важная замѣтка о переводной дѣятельности Курбскаго, значительно дополняющая свѣдѣнія объ этой дѣятельности (*).

Въ 1847 году вышло въ свѣтъ изслѣдованіе г. Соловьева „Объ отношеніяхъ между князьями Рюрикова дома“, — изслѣдованіе, представляющее новый взглядъ на отношенія Курбскаго къ Ивану IV.

Въ 1848 г. г. Строевъ открылъ еще новыя посланія Курбскаго (*).

Въ 1849 г. были изданы весьма любопытныя акты, касающіеся „жизни Курбскаго въ Литвѣ и на Воляни“. Издатель этихъ актовъ, Иванишевъ, помѣстилъ въ этомъ изданіи и „предисловіе князя Курбскаго на книгу словесъ Златоустовыхъ, глаголемую новый маргаритъ“ (*).

Въ 1852 году въ Москвитанинѣ появилась замѣтка о селѣ Курбѣ, отчинѣ и родинѣ князей Курбскихъ (*), — замѣтка, уясняющая одно изъ недоразумѣній Устрялова.

Въ 1867 г. преосвященный Филаретъ Харьковскій указалъ на переводъ діалога патріарха Геннадія и двухъ отрыв-

(*) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1841. Кн. I. стр. 60—78. Москвитанинъ, 1841. т. III. стр. 498—509.

(*) Москвитанинъ, 1843. № 9.

(*) Маякъ, 1843. Т. VIII. Матер. стр. 49.

(*) Сѣверная пчела, 1846. № 11 и слѣд.

(*) Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія Царскому. стр. 577.—Преосвященный Филаретъ (Харьковскій) помѣстилъ выдержки изъ этихъ неизвѣстныхъ посланій Курбскаго въ „Обзорѣ русской духовной литературы“, въ 1856 г.

(*) Предисловіе заимствовано изъ рукописи, находящейся въ Вольфенбюттелѣ. Въ 1870 году напечатано извѣстіе о второй рукописи Маргарита, находящейся въ библиотекѣ Ундольскаго. См. Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго. 1870. Столб. 166—167.

(*) Москвитанинъ, 1852. № 17.

ковъ изъ Дамаскина и Златоуста,—переводъ, сдѣланный Курбскимъ⁽⁸⁾.

Въ 1858 г. было издано предисловіе Курбскаго въ переводу книги Дамаскина „Небеса“⁽⁹⁾.

Въ 1859 г. издателями „Описанія слав. рукописей Моск. синодальной библіотеки“ подтверждена догадка преосвященнаго Филарета о переводѣ діалога Геннадія⁽¹⁰⁾.

Въ 1863 г. были изданы посланія Курбскаго, не вошедшія во 2 изданіе сказаній, указанныя прежде Строевымъ⁽¹¹⁾.

Въ 1868 г. вышло 3 изданіе сказаній.

Прежде нежели скажемъ, какъ Устряловъ воспользовался такимъ богатымъ матеріаломъ при *третьемъ* изданіи сказаній, считаемъ должнымъ заявить, что самое появленіе третьяго изданія „сказаній“ говоритъ и въ пользу самихъ сказаній, и въ пользу массы читателей, и въ пользу самого издателя сказаній, весьма тщательно, для *тридцатыхъ* годовъ текущаго столѣтія, обслѣдовавшаго издаваемый памятникъ. Не будь этихъ сказаній и переписки съ Иваномъ IV—и многочисленные *scriptores exteri saeculi XVI*, и лѣтописныя сказанія не познакомили бы такъ не только читающую публику, но и ученыхъ съ исторіею Руси въ правленіе Ивана IV, съ личностью того царя, который *крозъ* былъ по словамъ народныхъ русскихъ сказаній, который *жестокъ* былъ по увѣреніямъ его современниковъ, и который былъ *великъ* по мнѣнію русскихъ историковъ новейшей школы.

Русскіе историки новой школы видѣли въ вн. Курбскомъ представителя идей отживающей старины, въ Иванѣ IV—представителя новой *государственной* идеи... Разумѣется, между представителями этихъ различныхъ направленій должна была возникнуть борьба, и вотъ эта-то борьба, по словамъ апологистовъ Ивана IV и характеризуетъ вторую половину XVI вѣка русской жизни.

Кто же, спрашивается, вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы? Кто же изъ борцовъ—гонитель? Кто—жертва?

⁽⁸⁾ Исторія русской церкви. Т. III. (3-е изд.) стр. 63.

⁽⁹⁾ Библиографическія записки. Т. I. № 12.

⁽¹⁰⁾ Описание рукописей Московской Синодальной библіотеки. Т. III. стр. 565—569.

⁽¹¹⁾ Православный Собесѣдникъ, 1863. Кн. V—VIII.

Карамзинъ не обинуясь назвалъ жертвами Курбскаго съ товарищи; Арцибышевъ—Ивана IV. Последняго мнѣнія держались и позднѣйшіе русскіе историки, за исключеніемъ Погодина. Самъ же издатель сказаній Курбскаго и въ 1868 году, какъ и въ 1833, не высказалъ вполнѣ опредѣленнаго взгляда на этотъ вопросъ. Вообще Устряловъ болѣе сочувствуетъ Курбскому и не только, какъ видно, не раздѣляетъ мысли о величіи Ивана IV, но и въ его подданныхъ не хочетъ видѣть однихъ крамольниковъ. Въ Курбскомъ онъ не видитъ стариннаго *дружинника*, дерзко поднимающаго руку на государственное начало, царившее въ лицѣ Ивана IV, не упоминаетъ о *правахъ* отъѣзда и совѣта, которыя будто бы отстаивались князьями—дружинниками второй половины XVI вѣка, и ограничивается и въ третьемъ изданіи сказаній тѣми же результатами, до которыхъ онъ дошелъ въ предшествовавшемъ изданіи. *Устряловъ не воспользовался ни однимъ изъ матеріаловъ, указанныхъ нами выше, кромѣ актовъ о жизни Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни*, изданныхъ г. Иванисевымъ; да и изъ этихъ актовъ онъ извлекъ для третьяго изданія сказаній только „предисловіе въ „Маргариту“, два письма Курбскаго къ княгинѣ Збаражской, да нѣсколько словъ изъ изслѣдованія г. Иванисева, которыя вполнѣ опровергають мнѣніе самаго же Устрялова о причинѣ бѣгства Курбскаго въ Литву. Вообще говоря, вопросъ о бѣгствѣ до сихъ поръ остается темнымъ: прежде, до изданія литовскихъ актовъ, касающихся Курбскаго, всѣ думали, что Курбскій бѣжалъ отъ *царскаго мѣва*—мысль, по нашему мнѣнію, единственно вѣрная; но изъ литовскихъ актовъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Курбскій предварительно получилъ отъ короля польскаго и отъ литовскаго гетмана приглашеніе перейти въ Литву, и тогда уже рѣшился оставить отечество. „Слѣдовательно—говоритъ Устряловъ—по справедливому замѣчанію Иванисева, Курбскій явился въ королю Польскому не какъ бѣглець, преслѣдуемый страхомъ казни за проигранное сраженіе: онъ дѣйствовалъ обдуманно, велъ переговоры и тогда только рѣшился измѣнить царю, когда плату за измѣну нашелъ для себя выгодною“ (1²). Допустивъ такую мысль, Устряловъ уже никакъ образомъ не могъ бы, повидимому, на слѣдующей же страницѣ допускать нѣчто совершенно неожиданное, а имен-

(1²) Сказанія кн. Курбскаго. 3 изд. стр. XIV.

но: „Очень можетъ статься—говорить Устряловъ—что Курбскій, свидѣтель безчестной казни князя Михаила Рѣпина и Дмитрія Курлятева, угрожаемый смертью и самъ, какъ другъ Сильвестра, Адашева, Воротынскаго, Шереметева, не задолго предъ тѣмъ изгнанныхъ изъ Москвы, рѣшился по примѣру князя Дмитрія Вишневецкаго и другихъ спасти свою жизнь отъ вѣроятной казни удаленіемъ изъ Россіи“⁽¹³⁾.

Именно эта причина, какъ мы думаемъ, и побудила Курбскаго бѣжать,—но допуская ее, можно-ли въ одно и тоже время говорить, что Курбскій тогда только рѣшился измѣнить царю, когда плату за свою измѣну нашель выгодною? Въ одномъ случаѣ мы видимъ низкій корыстный расчетъ, въ другомъ—одно чувство самосохраненія. Можно-ли безъ оговорки принимать оба положенія? А между тѣмъ дѣло можетъ объясниться просто: Курбскій видѣлъ уже опалу той партіи, къ которой онъ принадлежалъ хорошо и, что бы въ частности ни предшествовало этой опалѣ, онъ очень хорошо зналъ, что и ему не сносить своей головы; но въ тоже время онъ, какъ человѣкъ понимавшій, что могло ожидать его въ Литвѣ, своевременно выговорилъ себѣ извѣстныя гарантіи; словомъ, если въ его бѣгствѣ, предшествуемомъ переговорами, и можно видѣть обманъ, то во всякомъ случаѣ въ таковой обманъ онъ ввелъ Сигизмунда Августа, ибо и безъ гарантій Польскаго правительства, Курбскому всетаки приходилось же разстаться съ „землей святорусской“, въ которой уже было воздвигнуто гоненіе на всѣхъ *адашевцевъ*; а Курбскій и на Руси и въ Литвѣ всегда былъ самымъ жаркимъ сторонникомъ ихъ. Опала главъ партіи непремѣнно должна была отъликнуться и на всѣхъ ея сторонникахъ. Стоитъ только вспомнить, какъ Иванъ IV смотрѣлъ на своихъ недруговъ, стоитъ привести хоть извѣстныя слова его изъ знаменитаго посланія къ игумену Козьмѣ, слова, въ которыхъ прекрасно высказывается значеніе *опалы*: „что мнѣ—писалъ Иванъ—надъ чернецомъ опалитися или поругатися?... Что на Шереметевыхъ гнѣвъ держати, ино *вдѣсть есть братья ею въ миру, и мнѣ есть надъ кѣмъ опала своя положити*“? Курбскій прекрасно понималъ, что значила у Ивана опала надъ бояриномъ, и вотъ какъ высказался по этому поводу

(13) Ibid., стр. XV.

въ предисловіи къ Маргариту: „Законъ Божій глаголетъ: да не понесетъ сынъ грѣховъ отца своего, а ни отецъ грѣховъ сына своего; каждый во своемъ грѣсѣ умретъ и по своей винѣ понесетъ казнь. А ласкатели совѣтуютъ, аще кого оклеветаютъ, и повиннымъ сотворятъ и праведника грѣшникомъ учинятъ, и измѣнникомъ нарекутъ, по ихъ обыкновенному слову; не токмо того безъ суда осуждаютъ и казни предають, но и до трехъ поколѣній, отъ отца и отъ матери по роду влекомыхъ, осуждаютъ и казнятъ, и всеродно погубляютъ, не токмо *единокольныхъ*, но аще и *знаемъ былъ*, и *сусѣдъ*, и *мало ко дружбѣ причастенъ*, иже въ неважреніе и безчисленныя ала, гнѣвъ непримирительный и кровопролитіе производятъ на неповинныхъ“ (14).—Какъ лучшія доказательства правоты словъ Курбскаго мы приведемъ подлинныя слова Ивана IV, въ его „христіанскихъ смиренныхъ отвѣтахъ“ „собакѣ“ Курбскому. Раскрываемъ эту знаменитую переписку и въ первомъ посланіи Курбскаго Ивану находимъ жалобы въ общихъ выраженіяхъ, на гоненія перенесенныя имъ отъ Ивана, и упрекъ въ томъ, что „онъ различнымъ смертемъ предалъ воеводъ своихъ“, „оболгаючи православныхъ измѣнами и чародѣйствы и иными непотребными“. Между прочимъ Курбскій указываетъ на фактъ, примаго объясненія второму пока нѣтъ въ историческихъ памятникахъ того времени, а именно: говоря о томъ, что „онъ тунѣ былъ отогнанъ отъ земли Божіа, аки (Иваномъ IV) побужденъ“, онъ прибавляетъ: „не испросихъ умиленными глаголы, не умолихъ тя многослезнымъ рыданіемъ, и не исходатайствовахъ отъ тебя никакой жъ милости архіерейскими чинами“ (15). И такъ Курбскій, виновный въ чемъ—либо, или невинный, во всякомъ случаѣ былъ уже *на замѣчаніи* у Ивана IV, между тѣмъ какъ Иванъ въ отвѣтъ своемъ обходитъ это обстоятельство, если только мы не признаемъ серьезнымъ со стороны Ива-

(14) Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волини. Т. II, стр. 306.

(15) Не объясняется ли это мѣсто изъ переписки нѣсколькими словами изъ исторіи Ивана, въ которыхъ говоритъ Курбскій о заочномъ судѣ надъ главами вартіи «и надъ всеми добрыми и добро хотящими ему и душѣ за него полагающими», а равно и о тщетномъ заступничествѣ за нихъ митрополита? О томъ же Курбскій писалъ и Вассіану (Муромцеву) въ Псково-печерскій монастырь.

на обвиненіе Курбскаго въ томъ, что этотъ послѣдній „восхотѣлъ своимъ измѣннымъ обычаемъ быть Ярославскимъ владыкою“. Это—единственное обвиненіе, обращенное лично къ Курбскому. Всѣ остальные обвиненія направлены уже не противъ „бѣгуна“, „измѣнника“, „клятвopреступника“ Курбскаго, но противъ той партіи, къ которой онъ принадлежалъ. „Почто, о княже—говорить Иванъ IV—свою душу отвергль еси?.. Чесо на тѣлѣ душу продалъ еси?.. Аще убоялся еси смерти, *по своимъ бесонзвышшихъ друзей и назирателей ложному слову*: и вси, яко же бѣси на весь міръ, такоже и *ваши* извольшіе быти *друзи и служебники*, насъ же отвергшеся преступивше крестное цѣлованіе, бѣсовъ подражающе на многообразные ми воды всюду сѣти поляцающе, и бѣсовскимъ обычаемъ на всяческія назирающе, блюдуще хоженія и глаголанія, мняше насъ, яко бесплотныхъ быти, и отъ сего многія сшивающіи поношенія и укоризны на насъ, и весь міръ позорующихъ и къ вамъ приносящихъ, — вы же имъ воздаяніе много за сіе злодѣйство даровали есте нашею жъ землею и казною, называючи ихъ ложно слугами;—отъ сихъ бѣсовскихъ слуховъ наполнилися есте на мя ярости, и возъярився на мя и душу свою погубивъ, и на церковное разорѣніе стали есте“. Эти слова различнымъ образомъ варьируются въ письмахъ Ивана. Иванъ IV обвиняетъ адашевцевъ въ томъ, что они завладѣли царствомъ, что держали его особу въ невыносимой олекѣ, что Сильвестръ и Адашевъ не оцѣнили его довѣрчивости, что составляли себѣ партію изъ бояръ раздачею имъ вотчинъ, что принимали въ свой совѣтъ измѣнниковъ, что во время болѣзни Ивана хотѣли воцарить Владиміра Старицкаго, что презирали Анастасію. Въ заключеніе Иванъ говоритъ: „не ми мя не разумна суца или разумомъ младенчествующа, якожъ *начальницы ваши* попомъ Сельвестръ и Алексѣй неподобно глаголаху; ниже мните мя дѣтскими страшили утрашити, якожъ прежде сего съ попомъ Сельвестромъ и со Алексѣемъ лувавымъ совѣтомъ прельстите“.

Во второмъ посланіи къ Ивану Курбскій снова ограничивается клятвою, что не считаетъ себя виновнымъ въ чемъ-либо, и называетъ себя „изгнаннымъ безъ правды“.

Въ 1578 г. Иванъ снова пишетъ Курбскому „грамоту“. Въ ней онъ опять упрекаетъ партію, къ которой принадлежалъ Курбскій, и которая „хотѣла съ попомъ Сильвестромъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ и со всѣми своими семьями

подъ ногами своими всю русскую землю видѣти“. Затѣмъ Иванъ рѣшительнѣе чѣмъ прежде упрекаетъ всѣхъ адашевцевъ въ смерти Анастасіи и намѣреніи воцарить Владиміра: „А съ женою меня вы почто разлучили? только бѣ у меня не отняли юницы моея: инобы кроновы жертвы не было. Только бѣ есте на меня съ попомъ не стали, инобѣ того ничего не было: все то учинилося отъ *вашею* самовольства. А князя Володиміра на царство для чего есте хотѣли посадити, а меня и съ дѣтми извести?... И явѣ такія досады стерпѣти не могъ: *за себя есмь сталъ*!“ Вообще второе посланіе Ивана уже далеко не такъ „широковѣщательно“, какъ первое. Въ первомъ Иванъ былъ значительно откровеннѣе; во второмъ — онъ выставляетъ на видъ уже преступленія адашевцевъ, хотъ и самъ не вѣрилъ „счарованію царицы“.

На „вторую эпистолю“ Ивана въ сентябрѣ 1579 г. появляется отвѣтъ Курбскаго ⁽¹⁶⁾. Онъ очень важенъ: въ стремленіи оправдать адашевцевъ у Курбскаго невольно проглядываетъ сознаніе въ излишней притязательности опекуновъ, даже согласіе съ обвиненіемъ ихъ въ неправотѣ. Вообще переписка носитъ на себѣ характеръ защиты частнаго дѣла: Курбскій защищаетъ адашевцевъ, Иванъ IV защищается отъ опеки адашевцевъ. И тотъ и другой высказываютъ много правды. Неправъ Иванъ только въ обвиненіи Курбскаго и всѣхъ адашевцевъ въ смерти Анастасіи, да неправъ въ обвиненіи Курбскаго въ желаніи послѣдняго сдѣлаться „Ярославскимъ владыкою“.—Самъ Иванъ IV объясняетъ намъ—какую борьбу, и за что именно, велъ онъ въ свое продолжительное царствованіе. Въ своихъ посланіяхъ къ Курбскому онъ защищаетъ единственно себя, а не дѣло Руси, которымъ наука хотѣла обременить его темную память. Онъ открылъ борьбу на смерть — не старому отжившему порядку вещей, но правителямъ и ихъ партіи: онъ по собственному выраженію: „за себя сталъ“. Нельзя, конечно, не замѣтить, что правители и ихъ партія неполитично обра-

⁽¹⁶⁾ Первая часть отвѣта помѣчена началомъ, а вторая—концомъ сентября; но не смотря на то вторую часть нельзя считать особымъ (4-мъ) посланіемъ, а только *post — scriptum*омъ. Въ рукописяхъ этотъ *post — scriptum* не носитъ названія отдѣльнаго посланія. Это было уже замѣчено Строевымъ въ оп. рук. библ. Царскаго (стр. 191), но Устряловъ не обратилъ на это вниманія и при новомъ изданіи сказаній.

щались съ особою царя. Сильно подѣйствовавъ на рьяную натуру Ивана, временщики такъ привыкли къ его безусловной покорности, что все дѣлали по своему. Лицъ, удаляемыхъ царемъ, они вводили въ свою „избранную раду“, какъ называетъ Курбскій царскую думу. Чтобы привлечь на свою сторону бояръ и боярскихъ дѣтей, правители издали отъ имени Ивана и, конечно, съ его согласія, въ 1550 г. указъ о раздачѣ вотчинъ боярамъ и боярскимъ дѣтямъ⁽¹⁷⁾.

Такимъ образомъ чѣмъ болѣе Сильвестръ привлекалъ въ себѣ бояръ, тѣмъ болѣе на его сторонѣ было людей, все видѣвшихъ, все слышавшихъ, что ни дѣлалъ, что ни говорилъ Иванъ—и все передававшихъ опекунамъ, которые желали держать Ивана въ рукахъ и въ его зрѣлыя лѣта, какъ и въ его юные годы. Понятно, отчего самолюбіе Ивана, постепенно разжигаемое и людьми и обстоятельствами, взяло верхъ надъ чувствомъ почтенія и долга къ Сильвестру и Адашеву. Ихъ строгія мѣры и лишенія, которыми они окружили царя, могли только ожесточить и безъ того суровую натуру Ивана, не видавшаго радостныхъ дней въ своей жизни, отравленной мнимыми и истинными неудовольствіями. Мудрено ли было истощиться терпѣнію Ивана, разжигаемаго и страстями и людьми неблагонамѣренными? Скрученные порывы страстей должны же были съ годами съискать себѣ выходъ и, съ удаленіемъ правителей, вспыхнули и „разгорѣлись лютымъ пожаромъ въ землѣ Русской“. Разумѣется ранѣе всѣхъ сложили на плахѣ свои головы люди, близкіе къ опальной партіи: а именно какая-то Марія съ пятью сыновьями и Даніилъ Адашевъ съ сыномъ, какъ самый опасный партизанъ и близкій къ Сильвестру и Алексѣю; потомъ Петръ Туровъ, тестъ Даніила, Сатины, родственникъ Адашевыхъ (по женѣ Алексѣя, взятой изъ ихъ рода), родственникъ Адашевыхъ Иванъ Шишкинъ съ женою и дѣтьми), кн. Дм. Оболенскій - Овчина, кн. Мих. Рѣпнинъ кн. Юр. Кашинъ, кн. Дм. Курлятевъ, Никита Шереметевъ. Но въ то время, когда гибли первыя изъ этихъ жертвъ суровости Ивана, виновныя, можетъ быть, по своему родству и близости къ Алексѣю Адашеву,—въ это время одинъ изъ самыхъ близкихъ къ Сильвестру и другъ Адашева, бояринъ, полководецъ, прославившійся своими ратными подвигами подъ Тулою, при взятіи Казани, усмиреніемъ возмугившихся вотяковъ, черемисъ и татаръ — князь Андрей Михайловичъ

⁽¹⁷⁾ Древн. російская вѣствовка. XIII. стр. 3.

Курбскій, потомокъ Ярославскихъ князей⁽¹⁸⁾—былъ въ Ливоніи, вдали отъ катастрофы, постигшей его друзей. Иванъ, посылая Курбскаго въ Ливонію, напутствовалъ его слѣдующимъ при-
вѣтливымъ словомъ: „принужденъ быхъ—свазаль онъ—отъ при-
бѣгшихъ воеводъ моихъ, або самъ итти сопротивъ лифлянтовъ
або тебя, любимаго моего, послати, да охрабрится паки воинство
мое, Богу помогающе ти; сего ради иди и послужи мнѣ вѣр-
нѣ“. Недаромъ Иванъ наговорилъ Курбскому такъ много
лестныхъ, „милосердіемъ растворенныхъ и зѣло любовныхъ
словесъ“, какъ говоритъ Курбскій. Кетлеръ, склонившій со-
сѣднія правительства на помощь Ливоніи, въ 1458 г. одер-
жалъ нѣсколько побѣдъ надъ Русскими войсками. Поэтому-
то Курбскій, рассказывая о своей командировкѣ, и говоритъ,
что „было у воинства его зѣло сердце сокрушено отъ нѣ-
мецъ, зане егда обращали искусныхъ воеводъ и стратила-
товъ своихъ противъ царя перевопскаго храняще предѣ-
ловъ своихъ, вмѣсто тѣхъ случилось посылати въ Лифляд-
скіе грады неискусныхъ и необыкновенныхъ въ полкоустрое-
ніяхъ, и того ради многожды были поражени отъ нѣмецъ
не токмо отъ равныхъ полковъ но уже и отъ малыхъ лю-
дей великіе бѣжали“. Назначая Курбскаго воеводою боль-
шого полка, Иванъ зналъ его храбрость, его военныя способно-

(18) Родоначальникомъ кн. Курбскихъ былъ Феодоръ Черный, въ 6-мъ колѣнѣ потомокъ Владиміра Мономаха—внукъ В. К. Мстислава Дав. Смо-
ленскаго, а достался ему въ удѣлъ Можайскъ, а женился у Ярославскихъ
князей, поваялъ дщерь кн. Василія Всеволодовича, внука Константина Все-
ростовскаго, и по ней достался ему Ярославль, и сѣлъ на княженіи Ро-
стовскомъ—говоритъ родословная книга (Врем. Имп. Моск. Общ. Исторіи,
кн. X стр. 232 и д.).—Феодоръ—въ 1299 г. Внукъ его Василій Грозный
(—1345 г.) владѣлъ Ярославлемъ независимо. Потомство его распалось на
множество поколѣній съ различными наименованіями. Между ними была и
князья Курбскіе. У Ивана Большаго (—1426 г.), внука Василія Грозна-
го, было 5 сыновей: 1-й кн. Романъ, 2-й кн. Александръ (бездѣтенъ) 3-й
кн. Василій, 4-й Воинъ (удѣлъ его былъ Курба), 5-й кн. Семень, прозы-
вавшійся уже Курбскимъ. (Врем. № X ibid). У внука его Михайла Ка-
рамыша (воевода; 1497—1506) былъ сынъ Мих. Курбскій. Отъ него про-
изошли: нашъ Анд. Мих. Курбскій, Иванъ и Романъ. О послѣднемъ знаемъ
только изъ разсказа Андрея Михайловича. Село Курба находится въ Яросл.
губерніи, того же уѣзда, въ 25 вер. отъ города, при рѣчкѣ Курбицѣ. Но впер-
вые въ удѣлъ оно досталось не Семену, какъ утверждаетъ Москв. 1852 года
№ 17, а Воину, что утверждаетъ Родословець, приведенный нами и состав-
ленный еще при Иванѣ IV. Устряловъ и въ третьемъ изданіи «Сказаній»,
какъ и въ прежнихъ, ставитъ вопросъ при географическомъ имени Курба.

сти, но уже предубѣжденъ былъ въ немъ, какъ въ адашевцѣ; недаромъ прибавилъ онъ: „послужи мнѣ вѣрнѣ“. Курбскій одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ непріятелями; присутствие духа измѣнило имъ; Кетлеръ увидѣлъ, что борьба не посылаетъ: въ ноябрѣ слѣдующаго 1561 г. онъ отказался отъ званія гермейстера ордена, взявъ на правахъ ленныхъ Курляндію, предоставивъ опустошенную Ливонію Сигизмунду Августу.

Въ это-то самое время, какъ мы ранѣе замѣтили, въ Россіи разыгрывался первый актъ кровавой драмы: гибли на плахѣ вѣрные „синелиты“, друзья Курбскаго, „понеже уже лють и безчеловѣченъ началъ быти“ Иванъ, замѣчаетъ Курбскій, рассказывая о смерти ландмаршала Филиппа Беля. Курбскому, какъ „адашевцу“, готовилась безъ сомнѣнія такая же участь. Иванъ IV самъ сознавался впоследствии въ томъ, что Курбскому грозило наказаніе⁽¹⁹⁾. Ему, какъ боярину любимому, пользовавшемуся общимъ уваженіемъ партіи, бывшей во главѣ правительства, конечно, тотчасъ же было передано „гнѣвное слово“, вырвавшееся изъ устъ царя. Также безошибочно можно предположить, что и Курбскій—ни въ душѣ, ни въ устной бесѣдѣ—не одобрялъ мѣръ Ивана, предпринятыхъ имъ противъ адашевцевъ; не одобрялъ почетнаго изгнанія Алексѣя Адашева и видимаго усиленія противной партіи. И самъ Иванъ могъ не только предполагать это, но даже могъ быть извѣщенъ объ этомъ кѣмъ-либо изъ враговъ правительственной партіи. Едва-ли мы ошибемся, допустивъ, что Курбскій *еще до Ливонской экспедиціи изложилъ на бумагѣ свое недовольство царемъ*, рассказавъ какое-нибудь неблестящее „дѣло царское“. Доводительствомъ этого можетъ служить неизвѣстное Устрялову письмо Курбскаго, присланное имъ вѣроятно скорѣ послѣ побѣга: „Вымѣте, Бога ради, положенное писаніе подъ печью, *изъ страха ради смертнаго*, а писано въ печерѣ, одно на столбцѣ, а другое въ тетратѣхъ, а положено подъ печью въ избыткѣ моей, *мало писано дѣло царское*. И вы отошлите а либо въ царю, а либо въ Пречистой въ печеры. Да остались тетратки переплетены, а кожа на нихъ не положена и вы тѣхъ,

(19) Тургенева: *Historica Russiae Monumenta*. т. 1. стр. 228.

Бога ради, не затеряйте (*).— „Мало писано дѣло царское... спрятано подъ печью изъ страха ради смертнаго“! Чему и быть, какъ не эпизоду изъ царствованія Грознаго, или протесту противъ его дѣятельности, написанному ранѣе побѣга? Курбскій хотѣлъ, какъ видится изъ дѣла, послать къ Ивану, ранѣе эпистола, свой рассказъ о „маломъ дѣлѣ его“. Кромѣ того, Курбскій проигралъ битву подъ Невлемъ, что по видимому могло заподозрить въ его глазахъ Ивана; но Иванъ, какъ видно, не подозрѣвалъ въ этой неудачной битвѣ измѣны, чего будто ожидалъ Курбскій, по словамъ Бѣльскаго. Послѣдній говоритъ, что Курбскій бѣжалъ въ Литву изъ боязни, чтобы

(*). Москвит. 1843 г. № 9. Хотя и не указано, кому въ Печеры должны быть отосланы эти тетради, но можно положительно сказать, что онѣ отсылались тому же «Вассіану старцу Псковопечерскому», которому, какъ мы знаемъ, писалъ Курбскій изъ Литвы о томъ, что напрасно «билъ челомъ о потребныхъ животу» (253 стр. Курб.). «Ималъ былъ есмь деньги у васъ, и язъ заплатилъ, а нынѣ не хотѣлъ же долженъ есмь быти вашему преподобству», (ibid.) прибавляетъ Курбскій. Здѣсь подразумѣвается «Вассіанъ Муромцовъ, мужъ ученый и искусный и во священныхъ писаніяхъ послѣдователь», какъ характеризуетъ его Курбскій (3-е изд. стр. 108.). Въ доказательство того, что здѣсь подразумѣвается именно Вассіанъ Муромцовъ, приводимъ помѣщенную въ той же вышеуказанной книжкѣ Москвитянина—равно неизвѣстную издателю сказаній—память князя Алексѣя Ив. Полубенскаго къ Якову Шапкину да Игнатію Огибалоу. «Здѣсь у насъ, Яковъ, твой человѣкъ взять, да Игнатѣва жена, да сноха, и будетъ тебѣ, Яковъ, человѣкъ твой надобенъ, и ты бы допытался книгъ князь Андреевскихъ Курбскаго, которые остались въ Юрьевѣ: книга одна въ полдестъ, писана скорописью, а кожа на ней на всей лишена, тетрадѣй въ ней есть съ шестьдесятъ или семьдесятъ, а словеса въ ней: слово Іосифа Еврейна о Маковѣхъ, да слово о Авраамѣ, и о Мельхиседекѣ, и о Оригенѣ, да нныя многія словеса Максима философа, да нныхъ святыхъ; другая книга: Мученіе князя Михаила Черниговскаго, да боярина его Федора, да житіе Августина Ипполійскаго, да нныя словеса; и переведено изъ латынскаго языка; переплетена, новая кожа на ней еще не положена; да книги: Апостолъ, въ дестъ, а письмо доброе и переплетъ по пѣтецки. Далѣе Полубенскій велитъ допытаться зерцалъ, да наручей Курбскаго.... да къ тому три ста рублевъ и наконецъ прибавляетъ: «А будежъ Яковъ тугъ, да недопытался въ Юрьевѣ Августинова житія и ты бы велѣлъ списать у старца у Вассіана у Муромцова въ Печерскомъ монастырѣ, да и явленіе чудеса Августиновыхъ, а писанье при концѣ. Послѣднее указаніе окончательно подтверждаетъ нашу догадку, что «Вассіанъ Псковопечерскій старецъ» былъ именно Вассіанъ Муромцовъ.

товарищъ его по начальству надъ предводительствуемымъ имъ отрядомъ не обнесъ его предъ Иваномъ. Кто привыкъ видѣть Курбскаго всюду побѣдителемъ, для того страннымъ покажется, какъ могъ онъ проиграть битву подъ Невлемъ, распоряжаясь втрое сильнѣйшею арміею; но ни за Курбскаго, ни противъ него ничего нельзя сказать. Извѣстно, что онъ получилъ, около этого времени, приглашеніе отъ Сигизмунда Августа перейти въ его службу; но ранѣе или позже Невельскаго пораженія, достовѣрно сказать нельзя. Польскіе историки разногласятъ и во времени Невельскаго пораженія и въ числѣ войскъ непріятельскихъ. Но положительно извѣстно, что къ Курбскому отправлены были два письма, одно отъ Сигизмунда, другое отъ его сенаторовъ: Гетмана Литовскаго, Николая Радзивила и подканцлера Литовскаго Великаго Княжества, Евстафія Воловича⁽²¹⁾. Король, гетманъ и подканцлеръ приглашали Курбскаго оставить Московское государство и перебраться на жительство въ Литву. И такъ желаніе самого Курбскаго убраться подальше отъ грядущей плахи было поддержано письмами короля и Радзивила, во второй разъ приглашавшими его на жительство въ Литву, гдѣ обѣщаны ему королевскія милости и содержаніе, приличное его состоянію⁽²²⁾.

⁽²¹⁾ Съ 1569 года онъ былъ Каштеляномъ Троцкимъ. Умеръ въ 1584 году Каштеляномъ Виленскимъ и Великимъ Канцлеромъ Литовскимъ: «последній еретикъ преславнаго дому Воловичей», говоритъ Нѣсецкій. Въ бытность свою посланникомъ въ Москвѣ онъ заслужилъ благосклонность Ивана. У Устр. 354 прим. Курбскій въ одномъ изъ своихъ посланій, совѣтывалъ ему, «вспомнить правотѣе его отцевъ, и отъ инославныхъ ученія заткнувши честные слухи свои и возвратиться добрымъ прехвальнымъ возвращеніемъ». Впоследствии Курбскій женился на двоюродной сестрѣ Воловича—княгинѣ Голшанской.

⁽²²⁾ Жизнь въ Литвѣ. т. II, стр. 193. Въ «судебномъ рѣшеніи о правѣ наследниковъ князя Курбскаго на Ковельское имѣніе», читаемъ: «подсудимые... представили два закрытыхъ листа: одинъ листъ Радзивила, Гетмана Литовскаго и пана Евстафія Воловича, а другой—Короля, его милости, Сигизмунда Августа... Оба листа писаны къ покойному князю Курбскому, чтобъ онъ пріѣхалъ изъ Московскаго государства въ Литву. Потомъ представили открытый листъ того же Радзивила къ Курбскому; въ этомъ листѣ обѣщается Курбскому приличное содержаніе Далеѣ, другой листъ того же короля, его милости; въ этомъ листѣ король, е. м. обѣщаетъ быть къ князю милостивымъ...»

Сигизмундъ и прежде прибѣгалъ въ такую политикѣ; охотниковъ жить въ Литвѣ, хотя не подѣ благодатью, но и не подѣ закопомъ, было много. Во время крутыхъ мѣръ Ивана число ихъ должно было увеличиться. Современны побѣгу Курбскаго отправились по призыву Сигизмунда и милостиво имъ приняты—кн. Дмитрій Вишневскій и братья Черкасскіе. Такіе заразительны примѣры были нерѣдки. Граматы Сигизмунда, прибѣгавшаго къ обычаю переманивать въ свое государство бояръ и дѣтей боярскихъ, часто привлекали на жительство въ Литву много недовольныхъ и опальныхъ. Переходя въ Литву, они получали въ ней земли или жили на правахъ шляхты, служили на жалованьи. Въ концѣ 1563 года, въ уѣздѣ Кременецкомъ, нѣкто Михаилъ Болганъ встрѣтилъ отрядъ „Москвитянъ“ подѣ предводительствомъ Владимира Заболотскаго, состоявшій изъ полутора ста человекъ или около этаго⁽²³⁾, въ 1564 году Василій Богд. Шашковичъ прибѣгалъ на службу господарскую (въ Сигизмунду) въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ дѣтей боярскихъ по приказамъ ихъ милостей, нановъ сенаторовъ великаго княжества Литовскаго⁽²⁴⁾; въ Кіевѣ, на службѣ королевской, также было много дѣтей боярскихъ, прибывшихъ еще прежде съ кн. Хованскимъ⁽²⁵⁾. Предводителямъ этихъ шаекъ всегда обѣщались королевская милость. Курбскій бѣжалъ въ Литву, сопровождаемый Тимошеемъ Тетеринымъ и Маркомъ Сарыгозинымъ⁽²⁶⁾, также толпою слугъ и дѣтей боярскихъ. Въ чи-

⁽²³⁾ Жизнь въ Литвѣ, т. II, стр. 245.

⁽²⁴⁾ Ibid. стр. 268.

⁽²⁵⁾ Ibid. стр. 299.

⁽²⁶⁾ Видѣтъ съ первымъ посланіемъ Курбскаго изъ Вольмара оба они прислали письмо къ намѣстнику Юрьевскому, Морозову. Въ письмѣ этомъ ясно отпечатлѣвается вліяніе учителя Марка Сарыгозина, Артешия, котораго весьма уважалъ и Курбскій. Вотъ отрывокъ изъ письма Тетерина: «А называешь, госводине, насъ измѣнники не подѣльно, и мы бѣ, господине, и сами такъ, подобая собакамъ, учѣли противъ лаяти, да не хотимъ того безумія сотворити; а были бы мы, господине, измѣнники тогда, коли бы мы, малая скорби не претерпѣвъ, побѣжали отъ государева жалованья: а то, господине, и такъ виновати, что не исполнили долго Христова слова и Апостольскаго, и не бѣжали отъ гонителя, а побѣжали уже во многихъ нестерпимыхъ мукахъ, и отъ поруганія ангельскаго образа... Письмо Тетерина, конечно, было извѣстно и Ивану, который въ своемъ первомъ посланіи къ Курбскому весьма энергически зашѣтилъ ему: «Что же собака! и

блѣ ихъ нѣкоторые были изъ опальныхъ фамилій, какъ-то: Вешняковъ, Кайсаровъ, Невклюдовъ и Таракановъ. Имъ предстоялъ благоприятный случай переправиться въ землю обѣтованную для всѣхъ желающихъ „самовольно жити“, какъ писалъ Иванъ IV Курбскому; „сего ради—продолжаетъ Иванъ—такого государя искалъ еси по своему злобѣнному хотѣнью, еже ничимъ же собою владѣюща, но паче худѣйша отъ худѣйшихъ рабъ суща, понеже отъ всѣхъ повелѣваемъ есть, а не самъ повелѣвая“. Разумѣется, Курбскій не забывалъ и этаго обстоятельства, и присяга сенаторовъ, вмѣстѣ съ опасною грамматою короля, должна была удовлетворить и желанію Курбскаго и цѣли Сигизмунда: первый надѣялся не только „отъ зневоленья горло свое унести“, но и быть на видномъ мѣстѣ въ Литвѣ; второй привлекалъ на свою сторону опытнаго искуснаго вождя враждебной рати. Въ Литвѣ весьма цѣнили переселеніе туда Курбскаго⁽²¹⁾.

И такъ предъ бѣгствомъ Курбскій былъ воеводою въ Дерптѣ (Юрьевъ Ливонскій) вмѣстѣ съ ватемъ своимъ Мих. Ѧед. Прозоровскимъ. „Князь же Андрей—говоритъ сваавніе⁽²²⁾—увѣдавъ на себя царскій гнѣвъ и не дождався присылки по себя, убояся ярости царевы. Помянувъ же прежняя своя службы и ожесточися; рече же супружницѣ своей сице: Чесо ты, жено! хоцещи: предъ собою ли мертвымъ меня видѣти, или за очи жива мя слышати! Она же къ нему рече, яко не точноя ты мертва хоцу видѣти, но ниже слышати о смерти твоей, господина моего, желаю! Князь же Андрей прослезился цѣловавъ и сына своего девятилѣтна

пишешь и болѣзнуешь, совершивъ такую злобу? Къ чесому убо совѣтъ твой подобенъ будетъ, паче кака смердяи? Или мнѣши праведно быти, еже отъ единомышленниковъ твоихъ злодѣрныхъ уявленно, еже иноческое одѣяніе свергши и на христіанъ воевати? Или се естъ вамъ отвѣщаніе, яко невольное постриженіе? Ино, нѣсть сіе! нѣтъ! Како убо лѣствичникъ видѣ неволю ко иночеству пришедшихъ и паче вольныхъ исправихася? Чесо убо саму слову не подражаете, аще благочестивы есте? Многихъ же и не въ Тимохину версту обращети, такоже и святыхъ, и не поправшихъ иноческаго образа, глаголю же и до царей».

(²¹) „Za gadą tegoż Mikołaja Radziwiłła—pisałъ A. Wołasz—Andrzej czyli Iaroslъw pan ruski z nieprzyjaciela stał się przezasłuch kraju obywatelomъ. См. Pisma h storyczne M. Balinskiego. T. III. стр. 22.

(²²) Ркп. Москов. архива, у Устрялова 213. Кажется тоже извѣстіе передавала и Александровская лѣтопись.

суца, и прощеніе сотворивъ съ ними и чрезъ стѣну града Юрьева, въ немъ же бысть воеводою, прелѣзе, ключи же вратъ градныхъ поверже въ владезь. Нѣкто же вѣрный рабъ его, именовъ Васька, пореклomu Шибановъ, приготова князю своему кони осѣдланы внѣ града, и на нихъ сѣдоша, и къ Литовскому рубежу отѣхаша и въ Литву придоша“. Курбскій прибылъ въ Вольмаръ, занятый непріятелями Русскихъ. Когда именно Курбскій бѣжалъ, съ достовѣрностью опредѣлить трудно. Рукопись, слова которой мы сейчасъ приводили, показываетъ 1563-й, между тѣмъ какъ въ грамматѣ⁽²⁰⁾, данной Курбскимъ слугѣ своему, Михаилу Келемету, Андрей Михайловичъ говоритъ: „скоро выѣхавши изъ земли непріятельской въ томъ же году (Мих. Келеметъ) былъ со мною подъ Полоцкомъ“. Извѣстно, что осада Полоцка началась въ октябрѣ 1564 года. Этотъ же годъ указанъ и въ родословной книгѣ, помѣщенной во „Временникѣ Моск. общ. исторіи и древностей“⁽²¹⁾.

Мы уже говорили, что Курбскій велъ переговоры съ польскимъ Дворомъ, переманивавшимъ его въ Литву. И если онъ такъ скоро изъ Дерпта бросился въ Вольмаръ, то естественно онъ понужденъ былъ къ тому приближающею опасностью. Опала надъ партіею Сильвестра должна была, очевидно, откликнуться и на „любимца“ Ивана IV. Для видимаго оправданія оналы придумана была клевета на адашевцевъ въ отравленіи царицы Анастасіи, и Иванъ, нецеремонно обращавшійся съ истиною, обвинялъ сначала всѣхъ адашевцевъ въ смерти Анастасіи, а потомъ и отдѣльно Курбскаго, усложнивъ это обвиненіе еще желаніемъ Курбскаго сдѣлаться Ярославскимъ владыкою. Этотъ послѣдній фактъ, принимаемый и Арцыбашевымъ⁽²¹⁾, равно какъ и смерть Анастасіи, служилъ однимъ поводомъ къ обвиненію жаркаго „адашевца“. Мысль о „счарованіи“ царицы была пущена въ

⁽²⁰⁾ Жизнь въ Литвѣ. т. I, стр. 37. Русскій посоль Аванасій Теодоровичъ Нагой доносилъ отъ 6-го августа (изъ Крыма); «а отѣхалъ де и отъ тебя Государя къ Королю князь Ондрей Курбскій, а съ нимъ де и отѣхали многіе люди». Слѣдовательно задолго до 6-го августа бѣжалъ Курбскій.

⁽²⁰⁾ «Князь Андрей (Курбскій) бѣжалъ въ Литву изъ Юрьева Ливонскаго въ 72 году», т. е. въ 7072. Врем. № 10. (48 стр.).

⁽²¹⁾ Вѣстникъ Европы, 1821. № 12. стр. 284.

ходъ тотчасъ по удаленіи Сильвестра и Адашева. Потомъ въ 1572 году въ бесѣдѣ съ Феодоромъ Зенькѣ. Воропаемъ⁽²²⁾, агентомъ Литовскихъ и Польскихъ дворянъ, Иванъ обвинялъ уже самого Курбскаго, какъ сторонника правительственной партіи, въ этомъ же преступленіи. „Пусть не дивятся тому—говорилъ Грозный Воропаю—что мои измѣнники худо говорятъ обо мнѣ: имъ свойственно злословить своихъ господъ. Какъ бы я ихъ ни жаловалъ и ни чествовалъ, они никогда не перестанутъ говорить обо мнѣ дурное. Есть тамъ люди, съѣхавшіе изъ моей земли въ вашу. Надобно опасаться чтобы эти люди, когда почуватъ, что Литовскіе и Польскіе паны хотятъ имѣть меня государемъ, не съѣхали отсюда въ чьюнибудь землю подальше, либо въ орду, либо въ Туркамъ. Пусть бы ваши паны заранѣе предупредили это потихоньку, да удержали ихъ, а я, вѣланусь Богомъ, обѣщаю, что этимъ людямъ не буду помнить ихъ неправды. Курбскій... отѣхалъ въ вашу землю. Посмотри-ка, прошу, вотъ на этого (при этомъ онъ указалъ на своего старшаго сына)... вотъ этого дитяти мать, а мою жену отнял онъ у меня. И Богъ свидѣтель, что я даже и не думалъ казнить его; я, собственно говоря, имѣлъ только намѣреніе неможно убавить ему почестей, и отобрать у него мѣста, съ тѣмъ чтобы опять его пожаловать. Но онъ побоялся и отѣхалъ въ Ливонскую землю. Этому...—прибавилъ Иванъ—пусть бы ваши паны поубавили мѣсть, да пусть бы посмотрѣли за нимъ, чтобы онъ отсюда не отправился куда-нибудь“.... Эта рѣчь Ивана превосходно характеризуетъ его мелочной ненавистный характеръ, унижавшійся до очевидной лжи. Этотъ „мужъ добрый и благочестивый, у котораго на всякую мысль готовъ былъ текстъ изъ священнаго Писанія“—какъ отзывался о Грозномъ Баторій—этотъ „благочестивый мужъ“ вляется Богомъ, что за смерть супруги-царицы онъ хотѣлъ у виновнаго только поубавить почестей, съ тѣмъ чтобы послать *возвратить ихъ!* Въ дипломатическомъ разговорѣ, гдѣ рѣчь шла о соединеніи Литвы и Польши съ Державою Московскою, Иванъ не могъ пройти молчаніемъ дѣла бѣлаго подданнаго, задѣвшаго его самолюбіе, взводилъ на него чуждое ему преступленіе, и при этомъ вѣялся помиловать его, если онъ не уйдетъ отъ его рукъ....

(22) Turgenew: Historica Russiae Monumenta. T. I. № CLXIII. стр. 228.

Впрочемъ еще ранѣ этого Колычеву, послу нашему въ Сигизмунду, велѣно было сказать о дѣлѣ Курбскаго: „что онъ хотѣлъ надѣ государемъ нашимъ и надѣ его царицею Настасьею и надѣ ихъ дѣтьми умышляти всякое лихое дѣло: и Государь нашъ, увидавъ его измѣны, хотѣлъ было его помирить, и онъ бѣжалъ“. Въ 1578 году самъ Иванъ писалъ Курбскому: „А и съ женою меня вы прочто разлучили? Только бы у меня не отняли юницы моя: ино бы кроновы жертвы не было“. Отчего же въ посланіи Курбскому Иванъ обвиняетъ всю партію въ словахъ „вы“, а не самого Курбскаго? Естественно потому, что партія пострадала за это мнимое преступленіе и Иванъ, очевидно не вѣрившій въ фактъ преступленія, только повторяетъ то, что ранѣ послужило предлогомъ въ опалѣ адашевцевъ. Словомъ, Иванъ самъ высказывался неоднократно, что Курбскому грозило наказаніе вовсе не за проигранную подъ Невлемъ битву, а за участіе въ смерти Анастасіи, иными словами—въ томъ, что онъ былъ ярымъ адашевцемъ, и Курбскій, стало быть, уносилъ свою голову отъ плахи, а *вовсе не продавалъ высокою цѣною свою измѣну*. Иванъ, чувствуя лживость обвиненія, и самъ постоянно путался въ своихъ показаніяхъ и уликахъ: то онъ обвинялъ всѣхъ адашевцевъ („вы“) въ смерти Анастасіи, то „Курбскаго и его совѣтниковъ“, то одного Курбскаго, какъ напр. въ разговорѣ съ Воропаемъ; но въ глаза Курбскому онъ всегачи не рѣшался сказать, что именно Курбскій повиненъ въ этомъ преступленіи. На столько же долженъ имѣть вѣсу и истины и второй обвинительный пунктъ противъ Курбскаго—желаніе сдѣлаться Ярославскимъ владыкою. Еще въ 1566 г. Колычеву, посланному въ Латву, наказано было заявить о Курбскомъ, что „онъ учалъ ся звать вотчимъ Ярославскимъ, да измѣннымъ обычаемъ съ своими совѣтниками хотѣлъ на Ярославлѣ государити“. Правда, Курбскій не упускаетъ случая сказать, что онъ „рожденъ отъ благородныхъ родителей, отъ племени Вел. Кн. Смоленскаго Теодора Ростиславича, что Иванъ „братію (Курбскаго) единоколѣнныхъ князатъ Ярославскихъ, влкомыхъ отъ роду Великаго Владимира, различными смертми поморилъ, что у него, Курбскаго, съ Иваномъ были одни и тѣ же прародители“; но видѣть въ этихъ словахъ что-нибудь болѣе нежели воспоминаніе о прежнемъ могуществѣ его фамиліи, болѣе нежели упрекъ Ивану—нельзя. Курбскій хо-

рошо зналъ, что уже невозвратно прошли тѣ дни, что новыхъ попытокъ къ восстановленію удѣловъ быть не можетъ, при усиленіи Московскаго Княжества. Титуль Ярославскаго Князя увеличивалъ значеніе Курбскаго въ Литвѣ, и напоминалъ новымъ соотечественникамъ его о высомъ происхожденіи выходца, но никакихъ притязаній на княженіе у него не могло быть. Разумѣется и самъ Иванъ IV понималъ это, но прибѣгалъ къ такому вымышленному обвиненію за отсутствіемъ дѣйствительной вины. Потому же Иванъ обвинялъ Курбскаго и въ смерти царицы. Если бы Иванъ IV дѣйствительно видѣлъ въ адашевцахъ убійцъ Анастасіи, ужели онъ такъ хладнокровно и разнорѣчиво сталъ бы говорить объ этомъ? Ужели онъ ограничился бы первоначально только удаленіемъ Сильвестра и Адашева и не допустилъ бы ихъ до очной ставки съ обвинителями? Нѣтъ! ихъ вина была иная: Ивану IV наскучила ихъ опека, онъ желалъ только отдѣлаться отъ этой опеки, въ чемъ и самъ онъ противъ воли сознается въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ Курбскому, и преимущественно въ первомъ посланіи. И дѣйствительно въ опекѣ этой былъ своего рода заговоръ, въ которомъ принимала участіе вся партія адашевцевъ, въ чемъ, въ свою очередь, невольно сознается и Курбскій, одинъ изъ самыхъ жаркихъ сторонниковъ опальной партіи. Падшая партія, даже видимымъ возвышеніемъ царской власти—коронаціею Ивана хотѣла сдѣлать его обязаннымъ только себѣ и какъ бы вполне независимымъ отъ притязаній другихъ придворныхъ партій. Руководителемъ въ этомъ, конечно, былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, митрополитъ Макарій, умѣвшій чрезъ Сильвестра такъ ловко скрутить порывистаго Ивана, приобрести надъ нимъ такое глубокое вліяніе, что еще пользовался до кончины своей его уваженіемъ. Какъ велико было значеніе Сильвестра—мы знаемъ между прочимъ и изъ „Царственной книги“, сообщающей, что онъ „былъ у Государя въ великомъ жалованьи и совѣтѣ духовномъ и въ думномъ, и бысть яко все мога, и вси его послушаху и никтожь смѣяше ни въ чемъ же противитися ему ради царскаго жалованья. Указоваше и митрополиту и владыкамъ и архимандритамъ и игуменомъ и чернцемъ и попомъ и бояромъ и діаконъ и приказнымъ людямъ и воеводамъ и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ людямъ и съ проста рещи, всякія дѣла и власти сватительскія

и царскія правяше, и никтоже смѣяше ничтожь рещи, ни сотворити не по его велѣнію, и всѣми владѣяше обѣма властью и святительскими и царскими, якожь царь и святитель, точію имени и образа и сѣдалища не имѣяше, но поповское имѣяше; но токмо чтимъ добръ всѣми и владѣяше всѣмъ съ своими совѣтниками⁽⁸³⁾. Сильвестръ и Адашевъ, не забывавшіе и личныхъ интересовъ, возмечтавшіе о вѣчной неволѣ Ивана, не могли, дѣйствуя такъ опрометчиво, побороть сильную партію Захарьинныхъ и другихъ бояръ. Они вооружали противъ себя то возвышеніемъ однихъ фамилій посредствомъ раздачи имъ государственныхъ помѣстій, то несправедливымъ, подъ часъ, униженіемъ другихъ. Мѣстничество такъ долго и такъ упорно стоявшее за себя, не всегда уважаемое самимъ Иваномъ, также много могло сдѣлать не въ пользу правителей, не всегда уважавшихъ этотъ стародавній обычай, но даже по пріязни доставлявшихъ мѣста выгодныя и почетныя и „по недружбѣ“⁽⁸⁴⁾ готовыхъ иногда обидѣть боярина. Преподобный Максимъ Грекъ, Артемій „исповѣдникъ“, также раздѣлявшіе нѣкоторыя мнѣнія правителей и имѣвшіе полное право не любить ихъ противниковъ—всѣ эти лица своими мнимыми или истинными талантами до того завлекли Курбскаго въ свой безвыходный кругъ, что онъ сдѣлался самымъ жаркимъ поборникомъ и ихъ, иногда личныхъ интересовъ и ихъ болѣе или менѣе благонамѣренныхъ идей,—такъ, повторяемъ, далеко зашелъ въ ихъ кругъ Курбскій, что уже не могъ выйти изъ него хладнокровнымъ зрителемъ ихъ неудачъ, ихъ гоненій. Тѣмъ не менѣе Курбскій былъ лучшимъ выразителемъ тѣхъ идей русской гражданственности, которыя, очевидно, были доступны и другимъ лицамъ той же партіи; но ни въ одномъ изъ нихъ не высказалось столько энергіи въ борьбѣ, какъ въ Курбскомъ. Курбскій представляетъ намъ образецъ тѣхъ доблестей, какія могла дать Русь XVI-го вѣка, даваемая правительственнымъ терроромъ, стѣсняемая въ свободѣ изслѣдованія истины, далекая отъ европейскаго запада. Курбскій—это гражданинъ—представитель идеи прогресса, воюющій противъ тупаго абсолютизма, это—воинъ не щадящій живота за дѣло Руси, это—ученый, недовольствующійся тѣмъ

⁽⁸³⁾ Царств. Кн. стр. 342—343.

⁽⁸⁴⁾ Истор. Сборн. II т. 65—66 стр. Еще Щербатовъ (т. VII стр. 449—450) заподозрилъ дѣятельность Сильвестра.

недостаточнымъ образовательнымъ матеріаломъ, съ которымъ уживались другіе книжники его времени, наконецъ это—первый русскій публицистъ, неуклонно идущій по предположенному заранѣе пути... Иванъ IV понималъ Курбскаго, не могъ не чувствовать его превосходства въ ряду остальныхъ бояръ, не стыдился вступить съ нимъ въ переписку, въ которой тщетно старался уязвить своего врага вымышляемыми преступленіями, или неприличнымъ упрекомъ въ отношеніяхъ Курбскаго къ какой-то „стрѣлцой женѣ“... И такъ, если въ перестрѣлкѣ съ Курбскимъ у Ивана не доставало пороху, то онъ нагибался до земли и не гнушался державною десницею поднять даже комъ грязи, чтобы хотя ею бросить въ очи своего жестокаго обличителя.

Словомъ характеръ переписки между Иваномъ и Курбскимъ чисто личный, ничего государственнаго въ ней нѣтъ, и наименѣе государственности въ томъ, въ чемъ ее нѣкоторые видѣли.

Такъ, напримѣръ, *дружинникъ* Курбскій, по словамъ г. Соловьева, настаиваетъ на томъ, что царь долженъ слушаться *совѣта* бояръ, что бояре имѣютъ *право отъѣзда*, а представитель *государственной идеи*—Иванъ IV доказываетъ, что царь не долженъ находиться подъ чьимъ-либо вліяніемъ, что бояринъ, имѣющій притязаніе на право совѣта—измѣнникъ (**).

Право отъѣзда!.. Но Курбскій ни однимъ словомъ не упоминаетъ о такомъ *правѣ*. Могъ-ли онъ настаивать на возвращеніи *права* отъѣзда, столь дорогаго для родичей, будто нарушеннаго Иваномъ IV, когда еще при Иванѣ III пали удѣлы и стало быть отъѣзжать было некуда, а отъѣзды къ королю, къ хану, къ цесарю былъ, очевидно, измѣною. Отчего же бояре, задержанные въ своемъ побѣгѣ, не опирались на право отъѣзда? Естественно потому, что оно во времена Грознаго не могло имѣть юридическаго значенія. Каждый отъѣздчикъ, или правильнѣе, бѣглець могъ только сознаваться въ своей винѣ—а повсе не опираться на давно потерянное право. И не одинъ Курбскій только не ссылался на *право отъѣзда*: князь Лобановъ—Ростовскій, желавшій бѣжать въ Литву въ 1554 г. и задержанный на дорогѣ, отвѣчалъ на допросѣ, что „*хотѣлъ бѣжати отъ убожества и отъ мало-*

(**) Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома. стр. 664.

умства, понеже скудота была у него разума и всякимъ добрымъ дѣломъ“. Тетеринъ писалъ, что „бѣжалъ отъ юнителя многихъ нестерпимыхъ мукъ“!

И Сигизмундъ Августъ и Стефанъ Баторій оправдывали бѣгство Курбскаго не юридическими обычаями, а естественною необходимостью. Первый писалъ Ивану IV: „Што еси, братъ нашъ, всказалъ до насъ о збеговъ твоихъ, которые уносе горъла и здоровье свое, до паньства нашего прлехали, абыхмо ихъ тебе выдали“⁽⁸⁶⁾... Второй писалъ: „Твердишь, же семо с твоими зрадцами съ Курпскимъ, Заболотскимъ и Тетериномъ Полоцкъ брали: о великая то помочь, же три человекъ, которые перед окрутенствомъ твоимъ в горломъ только утекли...“⁽⁸⁷⁾.

Другое дѣло — право совѣта. Курбскій, гдѣ только можетъ, напоминаетъ Ивану тѣ счастливыя времена, когда онъ „любилъ около себя добрыхъ и правду совѣтующихъ“; но и здѣсь Курбскій напоминаетъ объ этомъ для сравненія первой половины царствованія Грознаго со второю, — когда онъ „воздалъ имъ (правду совѣтующимъ) презлыми за предобрѣйшее и въ сладкихъ рѣчахъ наушниковъ вапился смертнаго яду“; Курбскій говоритъ о томъ, что царь не долженъ былъ отгонять отъ себя „добрыхъ“ совѣтниковъ, что взаи́мнъ ихъ явились же недостойнѣйшіе любимцы; говоритъ, что совѣта не чуждались и предки Ивана IV, даже Иванъ III; словомъ Курбскій, а не Иванъ IV, отстаиваетъ истинно государственное положеніе о раздѣленіи власти, да къ тому же въ словахъ его звучитъ пріязнь къ опальной правительственной партіи. Стало бытъ дѣло идетъ не о нарушеніи никогда не отживавшаго обычая или права совѣта, а только о наирасномъ удаленіи Сильвестра и Адашева съ ихъ партіею. Обычай совѣтываться съ боярскою думою имѣлъ силу не только при Иванѣ, но и послѣ него. Иванъ защищалъ свои права не отъ притязаній старины, которая пользовалась по прежнему своими правами, а отъ ограниченій личныхъ, валагаемыхъ на него правителями во время ихъ силы при дворѣ, по удаленіи же ихъ, — отъ попытокъ ихъ партизановъ возвратить вмѣстѣ съ опальными царедворцами былую неволю. Отъ чего же я противъ кого же было Ивану защищать свои права, если

⁽⁸⁶⁾ Кн. Посольская м в. кн. Лит. Т. 1. стр. 266.

⁽⁸⁷⁾ Ibid. Т. 2. стр. 200.

никто не думалъ нарушать ихъ—если не принимать во вниманіе адашевцевъ, не въ мѣру скрутившихъ Ивана? Права бояръ оставались во всей силѣ въ продолженіе всего царствованія Ивана. Въ грамотахъ по прежнему говорилось: „есма приговорили съ отцомъ своимъ.... Митрополитомъ и со всѣми дѣтми и съ бояры“. Да и не самъ ли Иванъ предъ смертью, сознавая тщету своихъ начинаній, назначилъ въ помощь юному Θεодору думцевъ Ив. Петр. Шуйскаго, Ив. Θεод. Мстиславскаго, Ник. Ром. Юрьева, Бѣльскаго и Бориса Годунова? О нарушеніи *права* совѣта, ничего не говоритъ и Курбскій. Онъ вступаетъ только за „опальныхъ“ и „убіенныхъ“ и ни однимъ словомъ не упоминаетъ о нарушеніи правъ сословій. Онъ стоитъ только за своихъ друзей и наставниковъ, краснорѣчиво говоритъ объ ихъ достоинствахъ и еще краснорѣчивѣе умалчиваетъ объ ихъ промахахъ и недостаткахъ.

Вообще говоря, г. Соловьевъ въ своей исторіи отношеній между Рюриковичами весьма высоко ставилъ Ивана IV. Въ исторіи же Россіи онъ вѣрнѣе прежняго взглянулъ на Ивана IV. Послѣ Карамзина, не пощадившаго темной памяти Ивана IV, высокое мнѣніе г. Соловьева о Грозномъ смутило, было, многихъ незнакомыхъ съ прежними разнообразными взглядами на характеръ Грознаго. А между тѣмъ взгляды гг. Соловьева и Кавелина на дѣятельность Ивана IV вовсе былъ не такъ новъ, какъ казалось. Задолго и очень задолго предъ тѣмъ писались и за границей и на Руси панегирики Грозному. Въ иностранной литературѣ существуетъ даже какая-то *Apologia pro Ioanne Basilide IV.* (1711). Въ русской литературѣ, со времени извѣстнаго выраженія Петра I-го о Грозномъ, видны попытки въ оправданію послѣдняго еще въ прошедшемъ столѣтіи. Кто читалъ „Подробную лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи“, изданную въ концѣ прошлаго столѣтія, тотъ не могъ не замѣтить прототипа тѣхъ восхваленій Ивана IV, въ которыхъ просвѣчиваетъ очевидное намѣреніе приравнять дѣятельность Грознаго къ дѣятельности Петра I-го. Аргументація апологиста—весьма не затѣйлива: стоило только сказать, что „нужно было російскій народъ въ муштукъ содержать твердо“, потому что „онъ былъ тогда своеволенъ“^(*)—и величіе Іоанна казалось не прерѣкаемымъ!

(*) Подробная лѣтопись. ч. III. стр. 84. 88.

До чего доходило „ласкательство“ составителя лѣтописи— видно уже изъ того, что самая наружность Ивана IV, описанная извѣстнымъ образомъ у Кубасова, выходитъ весьма привлекательною у лѣтописца (**).—Въ первой четверти текущаго столѣтїя появилось весьма неудачное „похвальное слово Ивану IV“, посвященное, къ вѣщему изумленїю читателя, Императору Александру I-му. Швитковъ, сочинитель „похвальнаго слова“, превознося до небесъ Ивана IV-го, имѣлъ тоже въ виду и Петра I-го. Онъ говоритъ, что слава Ивана IV-го „была пророчески предвозвѣщена прежде еще скипетродержавїя его“. Злонамѣренность и невѣжество противоборствовали опричиннѣ—говоритъ сочинитель—во худо ли имѣть особенныхъ при себѣ тѣлохранителей? Опричина была устроена и для личнаго и для общаго блага, и Иванъ IV находился тогда въ подобныхъ же обстоятельствахъ, какъ и Петръ Великій,—подобное же рвенїе имѣлъ къ усовершенствованїю въ своемъ государствѣ военнаго искусства, и подобнымъ же образомъ подчинилъ Царскому владычеству хотящую равняться съ нимъ не царскую власть. Сочинитель нерѣдко говоритъ и о любви къ ближнему, созидающей у Ивана IV блаженство его поданныхъ; грознымъ же названъ потому, что былъ „ненавистникъ преступленїй и преступниковъ, а особливо мятежниковъ и клеветниковъ“. Въ концѣ концовъ сочинитель договаривается до того, что мудрые нашихъ временъ политики Ивана IV давно уже признаютъ истиннымъ подобїемъ и предтечею Великаго Петра, при чемъ и рассказываетъ, что Петръ I-й самъ назвалъ Ивана IV своимъ предшественникомъ и примѣромъ (**). — Затѣмъ Арцыбашевъ старался оправдать Ивана IV въ статьяхъ своихъ: „О свойствахъ царя Іоанна Васильевича“ и „О степени довѣрїя къ исторїи, сочиненной кн. Курбскимъ“ (**). Въ первой статьѣ сочинитель во всемъ оправдываетъ Ивана IV, во второй—во всемъ обвиняетъ Курбскаго. Обѣ статьи одинаково неудачны. Позднѣйшія попытки на сравненїе Ивана IV съ Петромъ I-мъ, если и заключаютъ въ себѣ что либо существенное, то едвали говорятъ въ пользу Петра!... И Устряловъ, въ статьѣ о Курбскомъ и въ примѣчанїяхъ къ его

(**) Подробная лѣтопись. ч. III. стр. 85.

(**) Слово похвальное царю Іоанну Васильевичу. Спб. 1814. pass.

(**) Вѣстникъ Европы. 1821. №№ 12, 18 и 19.

сказаніямъ, избралъ благую часть: онъ держится взглядовъ Карамзина на эпоху Ивана IV. Но съ другой стороны нельзя не пожалѣть, что издатель сказаній не воспользовался тѣми страницами изъ исторіи Россіи г. Соловьева, которыя наводятъ читателя на мысль объ отношеніяхъ Курбскаго къ лицамъ, окружавшимъ его и имѣвшимъ на него сильное вліяніе—къ друзьямъ или врагамъ его. Припомнимъ, что даже въ предисловіяхъ къ твореніямъ св. Отецъ, съ которыми Курбскій желалъ познакомиться „мятущихся“ литовцевъ, онъ не опускаетъ случая съ глубокимъ уваженіемъ упомянуть имена своихъ „учителей“—имена несомнѣнно громкія, какковы: Макарій, Максимъ Грекъ, Сильвестръ или Артемій, называемый у Курбскаго „исповѣдникомъ“, у Захаріи Копыстенскаго—„ревнителемъ православія“, а на Руси слышій до сихъ поръ за еретика.—Артемій былъ такимъ же борцомъ за православіе на Литвѣ, какъ и Курбскій, и съ изданіемъ полемическихъ посланій Артемія⁽⁴²⁾ противъ Буднаго и другихъ еретиковъ можетъ уясниться еще болѣе роль Курбскаго въ борьбѣ за ту идею православія, которая, очевидно, прежде всего дала толчокъ авторскому таланту Курбскаго.—Отношенія Курбскаго къ его современникамъ вполнѣ уясняютъ намъ взгляды его на лица и событія въ московскомъ государствѣ. Зная отчасти взаимныя отношенія этихъ лицъ—и духовныхъ и свѣтскихъ—принадлежавшихъ къ той или другой партіи, мы легко можемъ объяснить себѣ мотивы возврѣній Курбскаго на то или другое лицо, выдающееся въ его историческомъ разсказѣ или въ его эпистолахъ. Не среди однихъ придворныхъ были партіи: и среди представителей духовенства мы видимъ тотъ же разладъ, тѣ же разногласія—и весьма знаменательныя—въ вопросахъ вѣроисповѣдныхъ, не ограничивающіяся пассивными только заявленіями и требованіями. Въ XVI вѣкѣ, разшатавшемъ гордый авторитетъ Церкви на Европейскомъ Западѣ, и смиренная Русь заявляла свои стремленія—уяснить нѣкоторые вопросы вѣры, не касаясь сущности православной догмы. Артемій, называемый у Курбскаго „святымъ“, очевидно принадлежалъ къ прогрессивной партіи въ русской Церкви,—къ той партіи, которая еще нѣсколько ранѣе заявила о своемъ существова-

⁽⁴²⁾ Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго. стр. 363—370. Ср. Описаніе славянскихъ рукописей М. Синодальной Библиотечки, Т. IV, стр. 342.

ни, представители которой видѣли въ Богѣ не карателя преступлений только, но и высшую любовь, „не хотящую смерти грѣшника“. Желаніе узнать истину, уяснить себѣ какой-то вопросъ церковный, побудило Артемія изъ Пскова съѣздить „къ нѣмцамъ“, затѣмъ, чтобы „поговорить книгами“. Артемій даже на судѣ прямо высказывалъ мысли въ родѣ той, что „напрасно развратники и грабители хотятъ избавиться возмездія по смерти, заказными панихидами и обѣднями“, что „напрасно повторяетъ слова акаѳиста—Радуйся, чистая—тогъ, кто живетъ не въ чистотѣ!“ Не многимъ въ вѣкъ Грознаго, — да можетъ быть и позднѣе—могли нравиться такія мысли, внушенныя критическимъ отношеніемъ къ внѣшности, которая замѣняла для массы внутренней смыслъ явленія. Монастырское владѣніе имуществами то же находило въ духовенствѣ и мірянахъ своихъ противниковъ, въ главѣ которыхъ были люди, близвіе къ Курбскому. Вопросъ о разногласіяхъ между представителями духовенства былъ вполне разрѣшенъ въ литературѣ еще въ 1851 году, когда появился въ печати актъ, раскрывающій намъ причины „вражды на Іосифлянь“, непріязненныхъ духовнымъ наставникамъ Курбскаго (*). Эти проблески мысли, перешагнувшей за молчаливую букву устава или обычая,—проблески, освѣщавшіе коснѣніе массы, не могли не встрѣтить себѣ отпора въ большинствѣ предержавшихъ власть, и естественной человѣческой вѣтеривливости предстоялъ одинъ выходъ или, скорѣе, бѣгство изъ „запертаго царства русскаго“, въ которомъ подавлялось „свободное человѣческое естество“, по прекрасному выраженію Курбскаго. И Курбскій, и Артемій, одинаково недовольные московскими „порядками“, бѣгутъ въ Литву, гдѣ свободнѣе могла высказываться мысль, и тамъ-то развились ихъ, вполне народная, вполне православная книжная дѣятельность. Да иначе и быть не могло: въ Москвѣ нельзя было ни думать, ни говорить о вопросахъ, волновавшихъ человѣческую мысль, за то въ Литвѣ былъ полный просторъ для слова, и каждый недовольный Русью готовъ былъ мириться съ ея недостатками въ Литвѣ въ виду разнузданности слова, посягавшаго на догматъ вѣры не изъ рациона-

(*). Приб. къ изданію Твореній св. Отецъ въ русскомъ переводѣ. Т. X. стр. 502—527.

лизма только, но и вслѣдствіе практическихъ житейскихъ соображеній. Въ Литвѣ, гдѣ и крайніе проповѣдники католицизма и представители крайней реформаціонной доктрины распространяются именно въ моментъ бѣгства Курбскаго, онъ, какъ и Артемій, невольно долженъ былъ приняться за дѣло проповѣди православія, во образѣ ли новыхъ или въ редактированіи старыхъ переводовъ св. отцевъ, въ видѣ ли простыхъ посланій къ лицамъ, съ которыми принужденъ былъ сталкиваться. Въ Литвѣ въ то время *сотни русскихъ православныхъ фамилій забывали въру отцовъ своихъ и дѣлались польскими!* Тамъ нужно было напоминать „правовѣріе праотцовъ“, какъ писалъ Курбскій Евст. Воловичу. Въ Литвѣ и на Волыни Курбскій встрѣтился и съ русскими „еретиками“—бѣлозерскими чернецами Θεодосіемъ Косымъ и Игнатіемъ, пріютившимися около 1575 года въ помѣстьи Чаплиевъ⁽⁴⁴⁾. И Артемій, въ свою очередь, писалъ къ одному изъ этихъ еретиковъ, пріютившихся у Чаплия, а равно и Ивану IV, и Евст. Воловичу, и Чарторижскому, и Зарѣцкому, съ которыми Курбскій былъ въ сношеніяхъ. Этотъ послѣдній преслѣдовалъ въ своихъ посланіяхъ не только католиковъ, но и протестантовъ, несогласныхъ между собою „во скверныхъ ихъ догматѣхъ“, возставалъ противъ „Мелетона“, „Лютера“, „Цвингліана“, „Кальвина“, и прочихъ, разногласящихъ между собою, потому что были *движемы духомъ непостоянства*.

Изъ посланій Курбскаго видно, что онъ, для назиданія современниковъ въ истинахъ православія, переводилъ по частямъ творенія

- а) Іоанна Златоуста,
- б) Іоанна Дамаскина,
- в) Діонисія Ареопагита⁽⁴⁵⁾,

⁽⁴⁴⁾ Курбскій, упрекая Чаплия въ привязанности къ Игнатію, выражалъ сомнѣніе въ его образованности. Устряловъ не зналъ—о какомъ Игнатіи писалъ Курбскій. Сказанія. стр. 362. пр. 342.

⁽⁴⁵⁾ Кромѣ выбора словъ І. Златоустаго, извѣстнаго подъ именемъ „Маргарита“, Курбскій писалъ Мамовичу, что прибудеть къ нему „съ тремя нарочитыми свѣдками“ съ Діонисіемъ Ареопагитомъ, и со Іоанномъ Златоустымъ, и со Іоанномъ Дамаскинскимъ. О переводахъ твореній послѣдняго будетъ сказано ниже. Сѣдларю Курбскій посылалъ „бесѣду І. Златоуста на одно посланіе апостола Павла, переведенную съ римскаго языка во славянскій“. Константину Острожскому посылалъ „бесѣду о вѣрѣ и любви и

- г) Григорія Богослова,
д) Василя Великаго⁽⁴⁶⁾.

Кромѣ того, есть основаніе приписывать Курбскому же переводы изъ Евсевія и патріарха Геннадія, а равно переводъ или новую редакцію стараго перевода повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ⁽⁴⁷⁾.

Обзоръ литературныхъ трудовъ Курбскаго, сдѣланный издателемъ сказаній, весьма неудовлетворителенъ. Мы уже въ началѣ нашихъ замѣтокъ привели списокъ матеріаловъ для опредѣленія историческаго и литературнаго значенія Курбскаго, — матеріаловъ, обнародованныхъ послѣ 1842 г. и сказали, что Устряловъ воспользовался только изданіемъ г. Иванишева. Изъ этого изданія Устряловъ извлекъ не только предисловіе къ „Маргариту“ и письма къ кн. Збаржской, но и ошибочную, на нашъ взглядъ, мысль о *продажности* Курбскаго, — мысль, которую мы старались опровергнуть всѣмъ, имѣющимся въ распоряженіи нашимъ матеріаломъ. Весь остальной матеріалъ, за исключеніемъ изданія Иванишева, оказался совершенно неизвѣстнымъ Устрялову. О литературной дѣятельности Курбскаго Устряловъ и въ новомъ изданіи повторяетъ прежнее мнѣніе, что Курбскій, *сколько извѣстно*, написалъ: 1) исторію Грознаго, 2) четыре письма къ нему, 3) пятнадцать писемъ къ кн. Острожскому, княгинѣ Чарторижской⁽⁴⁸⁾, пану Троцкому и другимъ лицамъ, 4) исторія Флорентійскаго собора, 5) пре-

о надеждѣ, еже толковалъ Хризостомъ апостоломъ Павломъ глаголемыя слова». Издатель описанія р—сей М. С. Б—ки приписываютъ Курбскому еще переводъ одного слова, несправедливо названнаго Златоустовымъ. Т. III. стр. 569.

(46) Марку Сарыгозину Курбскій посылалъ «орачію едину Григорія Богослова, а другое слово Великаго Василя», въ своемъ переводѣ.

(47) Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго. Столб. 167.

(48) Еще въ 1840 г. Максимовичъ замѣтилъ, что эта кн. Чарторижская вовсе не Магдалина Деспотовна, вдова кн. Ивана Вишневецкаго, а Евдокія, вдова Ивана Федоровича Чарторижскаго. Кіевлянинъ. Кн. I, стр. 252; но Устряловъ и въ третьемъ изданіи сказаній не воспользовался этимъ указаніемъ.

дисловіе къ новому Маргариту, 6) перевелъ шесть бесѣдъ І. Златоустаго и нѣсколько отрывковъ изъ исторіи Евсевія (**).

„Въ историческомъ смыслѣ — говоритъ Устряловъ — достаточно было бы напечатать записки Курбскаго съ Іоаннѣмъ Грозномъ и письма къ нему съ отвѣтами на нихъ; но какъ многіе любители старины вѣроятно пожелаютъ видѣть полное собраніе твореній Курбскаго, то я и рѣшился издать все, что сохранилось изъ его писаній (кромѣ переводовъ бесѣдъ Златоуста, большею частью напечатанныхъ) съ присокупленіемъ синодиковъ Іоанновыхъ“. (Сказаніа, 3-е изд. стр. XXVII).

Устряловъ, знакомый далеко не со всѣми трудами Курбскаго, очевидно не выполнилъ своей задачи. Онъ хорошо сдѣлалъ, что не помѣстилъ тѣхъ бесѣдъ Златоуста, которыя *будто бы* извѣстны изъ московскаго изданія твореній Златоуста, вышедшаго въ 1665 году, — хорошо потому что не Курбскому принадлежала редакція перевода *этихъ четырехъ бесѣдъ*, но желательно было бы видѣть въ *третьемъ* изданіи сказаній хоть то, что дѣйствительно принадлежало перу Курбскаго, по крайней мѣрѣ его оригинальныя сочиненія, уже давнымъ давно обнародованныя; а о другихъ трудахъ его, какъ напр. переводы твореній св. отцовъ, читатель вправѣ былъ ожидать хотя библиографическихъ указаній, тѣмъ болѣе, что всѣ такіе переводы сопровождались замѣтками, подѣ часъ весьма интересными, дополняющими исторію Ивана и посланія. И такъ начнемъ чотырьмя бесѣдами Златоуста, *будто бы* вошедшими въ московское изданіе твореній его.

Уже въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1846 г. было замѣчено, что такое мнѣніе ошибочно, что переводъ этихъ бесѣдъ вовсе не принадлежалъ Курбскому, что онѣ переводимы имъ были на литовско-русское нарѣчіе и сохранились въ своемъ первобытномъ видѣ въ рукописи Румянцовскаго музея, № 196. Да и самъ Востоковъ, въ описаніи этой рукописи, заключающей въ себѣ бесѣды Златоуста на Евангеліе отъ Іоанна „въ переводѣ Максима Грека, ученика его Сильвана и кн.

(**) Сказ. 3-е изд. стр. XXXVII. Отрывки изъ исторіи Евсевія встрѣчаются въ рукописяхъ сказаній Курбскаго, напр. въ библиотекѣ гр. Уварова. См. Строева: Рукописи славянскія и російскія принадл. Царскому. стр. 191—192.

Андрея Курбскаго*, замѣтилъ, что этотъ переводъ вездѣ согласенъ съ находящимся въ печатномъ изданіи 1665 г. кромѣ двухъ мѣстъ, изъ которыхъ первое идетъ отъ половины 22-й бесѣды до половины 23-й, а второе мѣсто заключаетъ въ себѣ 44, 45, 46 и 47 бесѣды съ принадлежащими къ нимъ нравоученіями; что въ этихъ мѣстахъ языкъ совершенно отличный, перемѣшанный съ польско-русскимъ, между тѣмъ какъ въ печати эти бесѣды на чистомъ церковно-славянскомъ языкѣ. Изъ этого Востоковъ заключилъ, что польско-русскій переводъ Курбскаго былъ исправленъ еще въ рукописи, или что рукописный переводъ принадлежалъ не Курбскому, а кому нибудь иному, такъ какъ въ предисловіи къ къ печатному изданію переводъ бесѣдъ 44—47 приписанъ Курбскому (**).

Очевидно слѣдуетъ принять первую часть дилеммы Востокова, т. е. что переводъ этихъ четырехъ бесѣдъ, вошедшій въ печатное изданіе, если и принадлежалъ Курбскому, то именно въ той самой формѣ, въ какой мы встрѣчаемъ его въ рукописи Румянцовскаго музея, а потомъ онъ могъ быть кѣмъ нибудь исправленъ, напримѣръ Маркомъ Сарыгозинымъ. Курбскій въ письмѣ „къ Марку, ученику Артемія“, т. е. къ Сарыгозину, жаловался на то, что въ Литвѣ, гдѣ можно встрѣтить знатоковъ греческаго и латинскаго языковъ, нѣтъ знатоковъ славянскаго, вслѣдствіе чего и умолялъ Марка—какъ видно, знатока церковнаго языка—„явить любовь къ единоплеменной Россіи, во всему славянскому языку, дать помощь грубству и неискуству его, Курбскаго и кн. Оболенскаго, необыкшихъ въ конецъ словянску языку, и того ради боящихся пуститься, безъ помощи, на такъ великое и достохвальное дѣло, какъ переводъ твореній св. Отцовъ“.

Далѣе Устряловъ пропустилъ весьма важную замѣтку о переводѣ твореній Іоанна Дамаскина, сдѣланномъ тоже Курбскимъ. Въ этой замѣткѣ *доказано*, что находящіяся въ въ Рум. муз. за № 193 „Іоанна Дамаскина творенія на польско-русскомъ языкѣ, переведенныя большею частью съ латинскаго“, писанныя полууставомъ XVII вѣка, — переведены Курбскимъ, да и самая рукопись XVI, а не XVII

(**) Востоковъ. Описаніе рукописей Румянцовскаго музея. стр. 251.

вѣва. По всей вѣроятности, — говорится въ этой замѣткѣ— переводчикъ имѣлъ предъ собою уже готовый славянскій переводъ; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается новый, сдѣланный съ латинскаго перевода. Не смотря на то, что переводъ не носитъ имени Курбскаго, и только встрѣчается въ замѣткахъ среди перевода „сказъ Андрѣя“, каждый, знакомый съ книжною дѣятельностью Курбскаго, легко могъ замѣтить, что это трудъ Курбскаго: во 1) при рукописяхъ № 193 и 376, содержащихъ предисловія на книгу, „Небеса“, видно изъ этихъ прибавленій переводчика, что онъ знатокъ св. писанія; во 2) онъ былъ въ Москвѣ и знаетъ кирилловскихъ иноковъ; въ 3) онъ знаетъ Максима Грека и старца Вассіана и упоминаетъ объ осифлянахъ, т. е. объ инокахъ Іосифова Волоколамскаго монастыря; въ 4) это страдалецъ, который въ *странствіи* читаетъ книгу многострадальнаго Максима Грека, совѣтующаго читать творенія І. Дамаскина. Но переводчикъ скорбитъ душою о томъ, что „большая часть книгъ учителей нашихъ не переведена есть на словенскій языкъ и нѣкоторые переведены непрямо отъ преводачиковъ неискусныхъ, а нѣцы и отъ преписующихъ вконецъ испорченны“. Даже переводчикъ говоритъ, что онъ съ прилежаніемъ прочиталъ книгу блаженнаго Дамаскина, при чемъ замѣтилъ, что она не токмо преведена недобрѣ или отъ преписующихъ отнюдь растлѣнна, но и къ выразумѣнію неудобна и не сполна преведена“; что, въ его экземплярѣ многихъ словесъ не обрѣтается; что „онъ набылъ книгу грецки по единой странѣ писанную, а на другой странѣ по римски, и къ тому дѣлу призвалъ вспомошь себѣ Михайла Андрѣева сына Оболенскаго, яже есть зъ роду князятъ Черпиговскихъ; самъ бо сему недоволенъ былъ, понеже въ старости уже философскихъ искусствъ приучался, а онъ (т. е. вн. Оболенскій) въ младыхъ лѣтѣхъ прошелъ ихъ и научился, и началъ я (говоритъ переводчикъ) исправляти, а чего не было въ нашей словенской, ново преводити, и такъ трудовоснѣ, ижъ намъ легчайши обрѣталоса не бывшее спреводити, нежели испорченное и растлѣнное исправляти“. Далѣе переводчикъ указываетъ главы, не вошедшія въ переводъ, бывшій у него подъ руками, и замѣчаетъ, что за бѣдами и напастьми не могъ перевести діалектики Дамаскина⁽⁵¹⁾.

(51) Изъ помѣщаемаго здѣсь отрывка этого предисловія можно видѣть, что именно было переведено Курбскимъ вновь изъ І. Дамаскина: «Бо не

Эти неопровержимыя соображенія о переводчикѣ твореній Дамаскина, находящихся въ указанныхъ рукописяхъ Румянцовскаго музея, были повторены преосвященнымъ Филаретомъ въ исторіи русской церкви и въ исторіи духовной литературы и затѣмъ—издателями описанія рукописей Московской синодальной библіотеки. Изъ посланія Курбскаго къ Чаплию видно, что въ 1575 г. у него еще не было подъ руками полнаго славянскаго перевода твореній Дамаскина, а въ сентябрѣ 1579 г. онъ уже съ гордостью писалъ Ивану IV, что „вся (книга твореній Дамаскина) есть цѣла преведена и со великимъ тщаніемъ исправлена“. Здѣсь подразумѣвается книга Дамаскина „Небеса“ (Опис. рук. Рум. муз. № 376) и другія его сочиненія подъ названіемъ Фрагментовъ, по изданію Фробенія. (Опис. рук. Рум. муз. № 193)⁽⁵²⁾.

Затѣмъ переходимъ къ тремъ посланіямъ Курбскаго, изданнымъ въ „Православномъ собесѣдникѣ“ 1863 г., и тоже опущеннымъ изъ виду издателемъ связаній.

Еще Строевъ, какъ мы выше замѣтили, указалъ на два изъ этихъ посланій, находившихся въ сборникѣ XVIII вѣка библіотеки Царскаго, за № 461. Въ 1863 г. всѣ три посланія были напечатаны по списку XVII вѣка. Первое посланіе, начинающееся словами: „Андрей Ивану многоученному отвѣтъ о правой вѣрѣ предлагаетъ. Слышалъ еси святыи символъ, гласящъ еллинскимъ языкомъ, отъ нѣкотораго от-

обрѣташась в' первой книгѣ 6 главъ, ея же паче иныхъ писалъ богословнѣ. Во второй десяти, вторая писана метафизики и физики. Егда же доидохъ до третьей, обрѣтохъ тое книги точию два слова начальные, а двадесати и седми словесъ не было... Тако же и въ четвертой пятнадцати главъ не было. Послѣди же книги сее обрѣтохъ діалектику, zelo нарочито написану и отъ философіи указанія, послану къ Козьмѣ, Еп. Маюмскому, и иные потребныя и прекрасныя повѣсти, ихже у насъ нѣсть преведенно. Азъ же къ тому не могохъ принти за бѣдами и напастыи странства моего, иже бы моглъ преложити до конца его всю книгу священную...» Библ. Зап. Т. I. стр. 360.

(52) Въ библиографическихъ запискахъ за 1858 г. М. А. Оболенскій помѣстилъ замѣтку о переводѣ Дамаскина, сдѣланномъ Курбскимъ, причѣмъ буквально повторилъ все прежде замѣченное въ «Сѣверной пчелѣ», но прибавилъ предисловіе Курбскаго къ книгѣ Небеса, по принадлежавшей Пискареву рукописи, въ которой находится положительное указаніе на принадлежность перевода Курбскому.—Востоковъ въ описаніи рук. Румянц. музея тоже приводитъ части этого предисловія.

рока, и слушая прилежно рекъ еси“: и проч. Это первое посланіе не было извѣстно г. Строеву. Оно направлено и противъ католичества и противъ протестанства. Обѣ западныя религіозно-христіанскія системы, по словамъ издателя, объединяются у Курбскаго въ тожество своего историческаго начала—невѣрности преданіямъ и законамъ вселенскаго православія, и въ общемъ догматѣ объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына⁽⁵³⁾. Въ этой части посланія Курбскій повторяетъ слова своего учителя, многострадальнаго Максима Грека⁽⁵⁴⁾. Во второй части посланія, въ которой опровергается лютеранство, Курбскій упрекаетъ латинянъ за частыя измѣненія въ своихъ законахъ, за употребленіе опрѣснителей въ Евхаристіи, за ученіе о чистилищѣ, за брадобритіе и за новыя законы „песвященнаго Лютера“.

„О, воистину трость колеблема вѣтромъ отъ сопротивныхъ духовъ!—говоритъ Курбскій исповѣдникамъ католичества и лютеранства—о храма вша! создапа на песцѣхъ отъ всѣхъ зрится, и по волямъ вашимъ попущенни быша лжеучители, смятошася и подвигошася, яко піяніи, надѣяшася на хитрость и на философію тщетную, о нейже прета Павелъ въ Колосаямъ пишетъ, и вся мудрость священная у васъ поглощена бысть сего ради. Не токмо образныя богословія догматы растлѣнны или правила и уставы испровержены у васъ, но священныя книги Моисейскія и пророческія отъ жидовскихъ книгъ растлѣнны суци и въ переводѣхъ испрепорчены. И гдѣ прилучится въ ихъ о Христѣ реченному явиѣ или гадательнѣ, во множайшихъ мѣстахъ горная долу поставлена и никакоже согласующе древнимъ семидесяти проповѣдникомъ“⁽⁵⁵⁾. Затѣмъ, указавъ на казаническій переводъ 70 толковниковъ, похваленный и, учителемъ запада, Іеронимомъ, въ противоположность протестантскому переводу св. писанія, и замѣтивъ, что на западѣ растлѣнны отъ расколоторныхъ учителей и книги Новаго Завѣвѣта, Курбскій переходитъ къ истинѣ православной церкви. „И возрите — говоритъ онъ — со простотою подобно на

⁽⁵³⁾ Правосл. Собес. 1863. Май. стр. 157.

⁽⁵⁴⁾ Ibid. 158. Слова X—XIV, перваго тома сочиненій Максима Грека.

⁽⁵⁵⁾ Ibid. Іюль стр. 453—454.

церковь Божию, въ непремѣнномъ тождествѣ стоящу, и на вамена Христова исповѣданія основанну, и седмистолпными догматы укрѣпленну... великими седми соборы, иже сошедшея отъ конецъ вселенныя на разгнаніе звѣремъ въ различныхъ лѣтехъ, градехъ и мѣстехъ, съ ними же быша вкупѣ священномъ ихъ ополченіи Петра апостола намѣстники, древніе папы вѣтхаго Рима, и плевелы различныхъ ересей развѣявъ, и правовѣрныхъ во единомъ мудрованіи совокупивъ и Церковь Христову уставы и правила оградивъ, на ихъ же предѣлехъ почивающіи и ихъ разчиненій держащеся, отъ враговъ мысленныхъ и чувственныхъ неодоливаемы бываютъ“⁽⁵⁶⁾... Далѣ Курбскій, видѣвшій въ протестантствѣ порожденіе того же католичества, противъ котораго оно воюеть⁽⁵⁷⁾,—Курбскій указываетъ и на папъ и на Лютера, не хотѣвшихъ иди по тѣсному и прискорбному пути, похваленному самимъ Господомъ: „Отложите гордость—говоритъ онъ—и всякъ споръ суетенъ, и разсудите съ кротостію и въ тишинѣ духа: кто васъ отлучаетъ отъ любви Христовы? И кто возбраняетъ вамъ отоврещися ученія и неподобнаго мудрованія развращенныхъ нынѣшнихъ папъ вашихъ, нечистымъ и свинскимъ жительствою живущихъ, о ихъ же злѣжительствоѣ смрадномъ и сами послуствуете, и вашего прелестника новоявленнаго Лютера... воля суца и въ кожу овчу оболченна и отъ сопротивнаго духа на люди Божія пущенна, яко воистину предтечу антихристова, иже ему дѣлы своими гладко и удобно предпутіе являя. Бывъ иногда мнихъ, и сего обѣщанія отвергся, и собою образъ показа широкому и пространному пути, вводящему въ гибель; тѣснаго же и прискорбнаго пути, самимъ Господемъ Исусомъ похваленна, ни во умъ пріяти хотя, но нагло отъ него отскочи, и жену себѣ поятъ; а не хотя слушати Господень глаголь, иже не повелѣ ни малыхъ братій соблазнити. Опъ же, окаянный, безчисленные народы соблазни, и великія царства смуты и въ мятежи усобныхъ ратей безчисленны крови пролія и сопротивъ апостоломъ ставъ и святымъ всѣмъ“⁽⁵⁸⁾.

⁽⁵⁶⁾ Ibid. 436,

⁽⁵⁷⁾ Эта мысль превосходно раскрыта Хомяковымъ, въ его извѣстныхъ брошюрахъ о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ.

⁽⁵⁸⁾ Ibid. 458—459.

Вообще въ явленіи Лютера и его реформы, сопровождавшейся на западѣ смутами, правовѣрующій писатель видѣлъ послѣднія времена, почему и называетъ Лютера „во истину предтечею антихриста“.

Второе посланіе Курбскаго, изданное въ августовской книжкѣ Православнаго собесѣдника за 1863 г., начинающееся въ печати словами: „ ину подобія безтѣлесныхъ“, дополняется заглавіемъ того же посланія, указаннаго у Строева: „Посланіе князя Андрея Курбскаго, въ Печерской монастырь, нѣвоему старцу, о ложныхъ писаніяхъ, иже обрѣтаются межъ божественныхъ писаній. Нач. Чину подобія безтѣлесныхъ, во сверстницехъ искуснѣйшему радоватися“ (**).

Это, какъ и слѣдующія за нимъ посланія, писаны были, по всѣмъ соображеніямъ, Псковопечерскому старцу Вассіану Муромцеву, которому въ посланіи, вошедшемъ въ изданія сказаній Курбскаго, этотъ послѣдній жаловался на то, что просилъ игумена Псковопечерскаго монастыря „о потребныхъ животу“, и не получилъ желаемаго. Это тотъ самый Вассіанъ Муромцевъ, „мужъ ученый и искусный, во священныхъ писаніяхъ послѣдователь“, объ убіеніи котораго писалъ Курбскій въ исторіи Іоанна, имя котораго упоминается и въ синодикѣ Ивана IV. Въ доказательство этого мы уже ранѣе привели „память князя А. И. Полубенскаго въ Якову Шапкину да Игнатію Огибалову“, въ которой упоминается именно о „Псковопечерскомъ старцѣ Вассіанѣ Муромцевѣ“. Посланіе, помѣщенное въ изданіи сказаній, оканчивается слѣдующими словами: „да послалъ есмя къ тебѣ второе посланейцо, противъ вашего пятого евангелія. А язъ, хваля на вашей почести, поклоняюся; аще о преподобныхъ и похвальныхъ сицевая получихомъ, о прочихъ же чего чаяти“?

Изъ этихъ словъ видно, что Курбскій говоритъ о первомъ изъ слѣдующихъ двухъ посланій къ Вассіану, которое возражаетъ противъ такъ называемаго пятого или Никодимовскаго апокрифическаго евангелія. Первое посланіе начинается похвалою книги *Райской*, или книги *Рай*, полученной отъ Вассіана, и вслѣдъ затѣмъ слѣдуетъ обличеніе *Никодимовой повѣсти*. Вассіанъ, какъ можно заключить изъ посланія къ нему, вошедшаго въ изданіе г. Устрялова,—

(**) Строевъ. Оп. рук. Царскаго. стр. 577.

вѣрилъ въ подлинность Никодимовскаго евангелія , или по крайней мѣрѣ, сомнѣвался въ его неподлинности , и Курбскій всею силою своего краснорѣчія возстаетъ противъ апокрифа, указывая на преобразование четырехъ евангелистовъ въ Іезекіилевой колесницѣ, „четырма колы составленной“ . „И по лѣтѣхъ—говорить Курбскій—предреченная сбывается сія колесница четырма художники предивно составлена, паче отъ Божества на Параклита укрѣплена, аще и въ различныхъ лѣтѣхъ и градехъ кола составляемы , но по всему равное согласіе пмуща , яко отъ самого Бога и отъ горъ небесныхъ на землю пущаема. И отъ ея звука вселенная потрясешся, дѣмони разбѣгошася, идоли истребишася, нечестія исчезоша, веліарь посрамися , истина проповѣдася, трисіяннаго Божества разумъ въ концы вселенныя водрузися, человекѣи ангеломъ подобни бысть, небеси и земля образна явишася“ (°°). Указавъ примѣромъ разногласіе между апокрифическимъ евангеліемъ и четырьмя евангелистами, Курбскій называетъ Никодимову повѣсть „ложью и неправдою, писанною отъ нѣкогого неискусна и неправа“ (т. е. неправовѣрнаго), и замѣчаетъ, что это „лжеплетеніе“ онъ видалъ и прежде на польскомъ языкѣ (°¹).

Второе посланіе уже подробнѣе распространяется объ апокрифахъ, чрезвычайно вѣрно замѣчаетъ о томъ, что не всѣ сочиненія, носившія имена св. Отецъ , въ дѣйствительности принадлежали имъ , и выводитъ отсюда весь вредъ для истины православія. По нашему мнѣнію, это посланіе одинъ изъ самыхъ краснорѣчивѣйшихъ памятниковъ въ русской письменности XVI вѣка, въ особенности съ тѣхъ строкъ, когда Курбскій начинаетъ говорить вообще о запустѣніи на мѣстѣ святѣ. Курбскій благодаритъ въ началѣ за присылку „житія Герасима“ и „счета лѣтомъ“ и переходитъ къ Никодимой повѣсти. „Ты пишешь—говорить Курбскій—что и Григорій Богословъ называетъ Никодима тайнымъ ученикомъ Христа; но вѣдь и я знаю его. „Блаженные же мужи, Іосифъ и Никодимъ безмѣрнымъ похваламъ достойны отъ Бога Отца и отъ ангелъ удивленіе и отъ соборовъ вѣрныхъ возвеличены , сподобившася послужити во время спасенныя

(°°) Прав. Соб. 1863. Авг. 551.

(°¹) Ibid. 552.

страсти живодательному агнцу Божию, заколенному за весь міръ.— „Ихъ—продолжаетъ Курбскій—превозносили похвалами и многіе святые, и въ особенности І. Златоустъ“. Затѣмъ Курбскій приводитъ отрывокъ изъ поученія Златоуста, въ которомъ говорится объ Іосифѣ и Никодимѣ, и говоритъ: „и азъ, не тѣмъ противяся чюднымъ мужемъ, первое посланейцо послахъ тебѣ: прочти его со вниманіемъ; но противлюся лжесловесникомъ преобразующимся во истовыя учителя, и пишутъ повѣсть сопротивъ евангельскимъ словесемъ, и имена своя скрывше, да не облачени будутъ, и подписуютъ ихъ на святыхъ имена, да удобно ихъ писаніе пріимется простыми и не наученными“^(*). Затѣмъ снова указавъ на невѣрность Никодимовскаго евангелія, Курбскій говоритъ объ опасности, угрожающей Литовскому православію отъ посягающихъ на него враговъ, „превращающихъ апостольскія словеса, толкующихъ развращеніе, возлагающихъ хулу на святыхъ“. „Паче же на Златоуста—говоритъ онъ—клеветами ополчаются и отъ книгъ русскихъ смлочи словеса развращенныя, отъ Іереміи пона Болгарскаго сложены, и иныхъ таковыхъ, и на Златоустаго имя подписано и на иныхъ святыхъ, яко щиты себѣ носятъ, и изъ за нихъ на законъ Христовъ поруганіи и хулами стрѣляютъ, и вѣрныхъ тяжущихся съ ними по невѣдѣнію, аки за словеса святыхъ, удобне одолѣваютъ, яко безотвѣтныхъ и отъ истиннаго пути на прелесть свою возводятъ“. Затѣмъ, указавъ на козни „древняго дракона“, погубившаго нашихъ праотцевъ въ Эдемѣ, искусившаго Іова, вооружившаго „богоборныхъ жидовъ на самого Господа“, возбудившихъ „глаголати развращенная“ и самихъ христіанскихъ учителей, каковы были Арій и Македоній,—Курбскій указываетъ и на иная умышляемая нашимъ древнимъ недругомъ: начальниковъ нашихъ и пастырей подходитъ и нѣкоихъ отъ нихъ гордостемъ и жительству растлѣнному научаетъ, и соль земли въ буйство претворяетъ: яко имъ бѣ должно негиблющими брашны и пребывающими всѣхъ питати и свѣтъ міру быти; и грѣхъ ради людскихъ сопротивная явися; вмѣсто свѣта тьма и смущеніемъ образъ показася и остави твердыя и священныя

^(*) Тоже замѣчаетъ Курбскій въ предисловіи къ «Маргариту». См. жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волынѣ. II т. 311 стр.

словеса, басбскими баснями и растлѣнными словеса и отнюдь не свидѣтельствованными отъ священныхъ буквъ услажати, увѣщавая ихъ“. Затѣмъ онъ указываетъ на забытыя духовенствомъ книги священнаго писанія и творенія свѣтилъ Церкви, дорогіе переплеты которыхъ питаютъ только тщеславіе: „апостольская же и пророческая словеса и святыхъ преподобныхъ великихъ учителей точію кожами красными и златомъ со драгоцѣннымъ каменіемъ и бисеры украсивъ и въ казнахъ за твердыми заклепы положи, и тщеславующеса ими и цѣны слагающе толики и толики связуютъ приходящимъ... И отъ сего явно не на пользу, но на тщеславіе себѣ держимъ ихъ, якоже и дѣломъ показася. И аще бы прочитали ихъ со охотою и внимали лежащему разуму въ нихъ со усердіемъ, не бы никогда же хотѣли услажати чуждо писанными и несогласными повѣстьми, ни же бы на законопреступленіе и слабость когда уклонялися, и ими же насъ Люторъ и ученики его потязуютъ се: „и се ваши святые учителя ложно и несогласно написали“, а учителя того и не слыжали. Написалъ невѣдомой неслыханная, и покрывъ себе, да не слышенъ будетъ, а подписалъ на святыхъ имя и удобно твоя къ прельщенію слышащихъ писанія своя разирающая... Иже во святыхъ рече слово, о томъ и о томъ. А Иванъ (Златоустъ) и иные святые и не слыжали таковыхъ“. Послѣ этого Курбскій снова возвращается къ мысли, часто высказываемой имъ и въ другихъ произведеніяхъ, о приближеніи времени антихриста, „прельстившаго и прельщающаго многія страны во вселенной“, и съ паѳосомъ указываетъ на Востокъ, сіявшій древле благочестіемъ, и потомъ поработенный мусульманиномъ, на православныхъ славянъ, оповоренныхъ потомъ туркомъ, на Западъ, давшій когда-то свѣтилъ церкви, и теперь обуреваемый расколомъ, и возвращается къ любимой повинутой Руси, гдѣ еще въ его пору хотя и „обрѣталась истинная вѣра“, но и тамъ уже начиналось царство „врага лъстящаго славою міра сего“. Эта часть посланія такъ интересна, что мы приводимъ ее вполнѣ:

„Возведемъ мысленное око и посмотримъ разумнымъ видѣніемъ: гдѣ Индія и Эіюпія? Гдѣ Египетъ и Ливія и Александрія, страны великія и преславныя, многою вѣрою во Христу усвоенныя? Гдѣ Сирія, древле боголюбивая? Гдѣ Палестина, земля священная, отъ неяже Христосъ по плоти

и вси пророцы и апостоли? Гдѣ Евтропіяне, иже бѣ въ премудрости правовѣрія многи? Гдѣ Константинъ градъ преславный, онже бысть яко око вселенней благочестіемъ? Гдѣ новопросіявшіе во благовѣрїи Сербы и Болгары и ихъ власти высокія и грады преизобильныя? не вси ли сія преславныя и преименитыя царства въ прежнихъ лѣтахъ единодушно правую вѣру держаше, и нынѣ грѣхъ дѣля многихъ безбожными властели обладанны и врагомъ креста Христова въ рущѣ преданны, отъ нихъ же вѣрныя люди безпреставни прельщаеми и томими и на различныя прелести отъ правовѣрія отводими, овы ласканіи и тщами словами прелестнаго міра сего, овы бѣдами и скорбми многими принуждаеми. И аще гдѣ обрѣтутся народи православныя, вѣрїице православіе держаше, и отъ безбожныхъ тѣхъ властелей гоненія горшая и поруганія безпреставни претерпѣвають, яко имъ пригоже, мнитмися, живыми мученики ото всѣхъ православныхъ нареченнымъ быти. Понеже догматы благочестія невредно соблюдаютъ и закономъ Христовымъ, яко свѣтила въ мирѣ сіяютъ, живуще посреди рода строптивна и развращенна. И паки обратимъ зрительное души къ западнымъ странамъ и посмотримъ опаснѣ мыслію: гдѣ Римъ державный, въ немъ же Петра апостола намѣстники древніе папы пожиша? Гдѣ Италия, отъ самыхъ апостолъ благовѣріемъ украшенна? Гдѣ Испанія славная, отъ апостола Павла благочестіемъ насаженная? Гдѣ Медиоланъ градъ многонародный, въ немъ же Амбросій Великій благочестіемъ кормила управлялъ? Гдѣ Кареагенъ? Гдѣ Галаты нутренныя? Гдѣ Германія великая⁽⁶³⁾? Гдѣ различныя языки по

⁽⁶³⁾ Сравнимъ эти слова Курбскаго съ отрывкомъ изъ «космографіи», гдѣ говорится «о превращеніи престолъ сильныхъ»: «Гдѣ Вавилонъ великій, первый во славу, гдѣ же Индія многострадательная и Персида многонародная, и Еѳіопія и тѣхъ великое пространство со отоки морскими, гдѣ же Асірія Боголюбивая, гдѣ же и Палестина достохваляная, въ ней же Богомъ избранный святыи градъ Іерусалимъ и изъ нея же шъде Христосъ по плоти и вси святыи пророцы и апостоли, гдѣ Антиохія великая градъ Божій и обѣтованна; святая гора Синайская и Александрія преименитѣя, гдѣ же и многомудрая Аевнѣя и грады Еллинскія многофилософныя, гдѣ же Египеть съ Фивадою, да въ нихъ же богоизбранныхъ мужей духоносцевъ со многи якъ песокъ покрай моря, гдѣ же и пресвѣтлый царь градъ, иже тѣлесъ святыхъ наполнены, гдѣ же и надъ вселенною властвующи Римское величество, съ ними же вкупе и Италия и Германія многочеловѣчная, гдѣ же и благочестивая Испанія и Британокіе острова, гдѣ же и много-

западнымъ странамъ живуще, въ нихъ же отъ апостолъ и отъ намѣстникъ апостольскихъ евангелія Христова смотрѣнія проповѣдано, и нарочитыми епископы по всѣмъ тѣмъ странамъ, яко многими звѣздами свѣтлыми, украшенны были, и многіе лѣта единомысліемъ благовѣрія со восточными святыми пожиша, и сошедшеся на всѣхъ соборехъ единая мудрствоваше и единодушно со усердіемъ противу мысленныхъ и чювственныхъ враговъ ополчавшася. И бѣ тогда дивно было видѣти отъ самыхъ край вселенныя, яко крылати летающе, ко единому мѣсту собирающеса слова ради Божія и вѣры утвержденія, ихъ же ревности по Бозѣ ни долгота пути, ни бѣды шума морскаго, ни разбойническая люгости возможе одолѣти. Возримъ днесъ мыслена, гдѣ сія вся? не всѣ ли въ различныя ереси разліяшася? И отъ толь великія любви и ревности по Бозѣ наипаче невѣрныхъ непримирибельныя враги правѣ мудрствующимъ обрѣтаются.

„Мы же убогія, отъ древнихъ родовъ мало познаваемыя, во единомъ углѣ вселенныя живуще, и благодатію Христовою не отъ дѣль призвани, ни отъ добродѣтелей познази, но отъ неизмѣримаго его благодатнаго чюловѣколюбія призвани выхомъ въ Его достояніе, якоже бѣ Ему обычай искони чюловѣческому роду даромъ премногого милосердіе простирати. И днесъ въ какую высоту достигохомъ? Книги отъ Божія Параклита написанны ветхія и новыя своимъ языкомъ имуще, епископы по великимъ властемъ сѣдюще, всякимъ преизобиліемъ полны суще, въ церквахъ многъ міръ имуще. И ащебы хотѣли и учити священному ученію, ни отъ кого же нигдѣ возбраняеми. И вся земля наша русская отъ края и до края, яко пшевица чистая, вѣрою Божіею обрѣтается; храми Божіи на лицѣ ея подобни частостію звѣздъ небесныхъ водруженны; множество монастырей создани, имъ же числа не вѣмъ кто вѣсть, въ нихъ же безчисленное множество преподобныхъ мниковъ водворяются. Царіе и князи въ православной вѣрѣ отъ древнихъ родовъ и поднесъ отъ превышняго помазуются на правленіе суда и на заступленіе отъ враговъ чювственныхъ. Со Ереміемъ рещи милосердіе Господне должно: земля наша

плодная Болгарія и Сербія и Солунъ и Св. Гора Аѳонская, въ пей же мниковъ яко звѣздъ въ небеса? См. А. Попова: Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей внесенныхъ въ хронографы русской редакціи; стр. 475.

наполнена вѣры Божія и превозблудеть, яко же вода морская. Что воздадимъ Господеву, еже воздалъ намъ? Кто не подвигнется и кто отъ радости не восплачетъ и кто не возблагодаритъ несказанныя его и безчисленныя милосердія щедротъ къ нашему языку? Возримъ же съ прилежаніемъ и разумѣмъ внятно, что мы творимъ противу великихъ даровъ челоуѣколюбиваго Бога крѣпце намъ заповѣдающе о соблюденіи заповѣдей своихъ и хотяще насъ сподобити царствія своего небеснаго? Мы же нечувственни и неблагодарни, яко аспиды затыкая уши свои отъ своихъ словесъ Его, и преклоняемся послушаніемъ паче ко врагу своему, лстящему настоящей славою міра сего, и вѣдуще насъ по странному пути въ погибель. Не возможе бо онъ, злоначальный, благодати ради Божія, въ вѣрѣ у насъ никакова порока сотворити, и онъ иными лестями начинаетъ древле учиненнымъ чиномъ смущеніе наводить, хотя испразнити апостоломъ реченное слово: кто въ чемъ призванъ въ томъ и да пребываетъ. Зри и здѣ прилежно, како сопротивная злымъ совѣтомъ его проходятъ? Державные призванны есть и на власть отъ Бога поставлены, да судомъ праведнымъ подвластныхъ расудятъ, и въ кротости и милости державу управятъ, и грѣхъ ради нашихъ, вмѣсто кротости свирѣпѣ звѣрей криводцевъ обрѣтаются, яко ни отъ естества подобию пощаждѣти попустиша, неслыханныя смерти и муки на добротныхъ своихъ умылиша. О нераздѣленіи же державы и кривинѣ суда и о несытствѣ грабленіи чужихъ имѣній и изрещи риторскими языки сяднешніа бѣды возможно. Посмотримъ же и на священнической чинъ въ какихъ обрѣтается, — не яко ихъ осужаемъ: не буди то! но бѣду свою оплакуемъ, не токмо душа своя за паству Христову полагають, но и расхищаютъ, вѣмъ, яко бѣдно ми глаголати: не токмо расхищаютъ, но и учителя расхитителямъ бывають, начало и образъ всякому законопреступленію собою полагають; не глаголють предъ цари; не стыдятся о свидѣніи Господни, но паче потаковники бывають; не вдовицъ и сиротъ заступаютъ, ни напастованныхъ и бѣдныхъ избавляютъ, ни плѣнниковъ отъ плѣненія искупають, но села себѣ устрояють, и великія храмы поставляютъ, и богатствы многими кипятъ, и корыстями, яко благочестіемъ, украшаются. Гдѣ убо кто воспрети царю или властелемъ о законопреступленныхъ и запрѣти благовременно и безвременно? Гдѣ Іліа, о Наоѣвѣ

крови возревновавый и мста царю въ лице обличеніемъ? Гдѣ Елисей, посрамивый царя израилева, сына Ахавова? Гдѣ лики пророкъ, обличающіи неправедныхъ царей? Гдѣ Амбросій медіоланскій, смиривый великаго царя Θεодосіа? Гдѣ златословесный Иванъ, со зблннымъ прещеніемъ обличивый царицу златолюбивую? Гдѣ патріарховъ лики и боговидныхъ святителей и множества преподобныхъ, ревнующе по Бозѣ и нестыдно обличающихъ неправедныхъ царей и властелей въ различныхъ законопреступныхъ дѣлѣхъ, исполняюще и блюдуще слово Спасителя Христа, глаголющее: аще кто постыдится мене и моихъ словесъ въ родѣ семь прелюбодѣйнемъ и грешнемъ, Сынъ человѣческій постыдится его предъ ангелы Божиими. Кто нынѣ не стыдися словеса евангельская глаголетъ? — азъ не вѣмъ кто! Но яко же пожару люту возгорѣвшуся на лицѣ земли всея наша и премножество домовъ зримъ отъ пламени бѣдныхъ напастей искореневаема и кто текше отъ таковыхъ отыметъ и кто угаситъ, и кто братію отъ таковыхъ и толь лютыхъ бѣдъ избавитъ? Никто же во истинну? Ни заступающаго, ни помогающаго нѣсть, развѣ Господа. Но каждо своимъ богатствомъ промышляетъ, и объявши его, простерты лежать, и во властемъ ласкающеса всячески и примѣряющеса, да свое сохранять ихъ, тѣмъ еще множайшее приобращаютъ. И аще кто гдѣ явится по Бозѣ ревнующи правостію слова, и за то отъ державъ властей, яко злодѣи, осуженіе приемлютъ, и по многихъ томленій гордѣ безобразнымъ смертемъ предаются.—Такоже и иноковъ, отрекшихся волею всѣхъ красныхъ міра сего и проклявше себѣ страшными вклятвами предъ Богомъ и святыми его Ангелы, подходит и увѣщаетъ вселукавый змій, яко забывъ обѣты своя многими богатствы подавлятися и безмѣрныхъ имѣній и многихъ селъ властелемъ быти, и отъ тѣхъ себѣ великіе богатства собирать и въ твердыхъ хранилищахъ ихъ затворяти, и наполнивса имъ, отрыгати отъ сихъ во инья, яко язычникомъ бѣ обычай, ихже древле псаломникъ окаяваетъ и тѣмъ хвалитися нестыдящеса предъ всѣми, яко велику нѣбую часть благочестія исправивъ. Многіе же мятежи и крови, отъ тѣхъ имѣній бываемыя, и межюособныя брани и клятвамъ преступленіе кто можетъ изглаголати? Росты же и ишеломства іудейскіе и презрѣвіе убогихъ братьей, глodomъ и мразомъ и нуждами всяческими мучащихся, кто можетъ сказать? И иная же злая и несповѣдимая дѣла,

ихъ же и писанію предати невозможно: совѣсть ихъ да вѣдаетъ.—Воинскій же чинъ нынѣ худѣйшій строевъ обрѣтается, яко многимъ не имѣти нетокмо коней, къ бранемъ уготовленныхъ, или оружей ратныхъ, но и дневныя пищи, ихъ же недостатки и убожества и бѣды и смущенія всяко словество превзыде.—Купецкій же чинъ и земледѣлецъ всѣ днесь узримъ, како стражутъ, безмѣрными данми продаваема и отъ немилостивыхъ приставовъ влачами и безъ милосердія біеми, и овы дани возьмше, ины взимающе, о иныхъ посылающе и иныя умышляюще. Бѣдно видѣніе и умилень позоръ! Таковыхъ ради неистерпимыхъ мукъ овымъ безъ вѣсти бѣгнуомъ отъ отечества быти, овымъ любезныя дѣти своя и исчадія чрева своего въ вѣчныя работы предаваема, и овымъ своими руками смерти себѣ умышляти,—удавленію и быстринамъ рѣчнымъ и инымъ таковымъ себе предавати, отъ многія горести душамъ помрачатися естественному ихъ бытству. Видиши-ли, яко древній змій разрѣшенъ отъ темницы своея, и како ратуеть завистными всѣми козными на церкви Божія“ (64)?

Посланіе оканчивается припискою (65), въ которой Курбскій замѣчаетъ, что все священное писаніе и Ветхаго и Новаго Завѣта существуетъ въ славянскомъ переводѣ уже со времени крещенія Руси, и что переводъ Скорины появился въ свѣтъ всего лѣтъ за пятьдесятъ предъ тѣмъ; что переводъ этотъ сдѣланъ „съ препорченныхъ книгъ жидовскихъ“; что Лютеровскій переводъ библіи во всемъ согласенъ съ переводомъ Скорины.

Повсюду мы видимъ въ Курбскомъ человѣка, для котораго ученіе православной вѣры было единственною живою струею въ эпоху правительственнаго террора на Руси и правительственной неурядицы въ Литвѣ. Всюду бросался онъ за совѣтами къ современнымъ ему „мудрымъ“ и „ученымъ“ мужамъ, спрашивалъ ихъ о переводѣ твореній св. Отцевъ и учителей Церкви, и рѣдко получалъ удовлетворительныя отвѣты. Курбскій не могъ полагаться на рукописи, заключавшія въ себѣ переводы св. Отцевъ, потому

(64) Правосл. Собесѣдникъ, 1863. стр. 560—567.

(65) Въ рукописи Царскаго эта приписка составляетъ отдѣльную статью: «о скорявинныхъ книгахъ новопечатныхъ Полоцкихъ». Стрелевъ считалъ ее принадлежащею Курбскому. (Опис. рук. Царскаго. 577).

что дѣйствительно, по его словамъ, случилось, что „написалъ невѣдомый неслышанная, а подписалъ на святыхъ имя“. Дѣйствительно въ старорусской литературѣ попадались сборники поученій, которыя приписывались тому или другому учителю Церкви, между тѣмъ какъ самыя поученія вовсе не принадлежали имъ. Это обстоятельство и заставляло Курбскаго учиться латини: при помощи ея онъ могъ ясно видѣть, что дѣйствительно принадлежало къ твореніямъ того или другаго учителя Церкви, а съ тѣмъ вмѣстѣ могъ переводить на славянорусскій языкъ все опущенное въ переводѣ ихъ твореній. Какъ видно изъ примѣра Вассіана Муромцева, „мужа ученаго и искуснаго“, не всѣ старцы, занимавшіеся церковною письменностью, были далеки въ знаніи св. писанія и писаній св. Отцевъ, объяснявшихъ его. Другой, тоже весьма уважаемый Курбскимъ старецъ, извѣстный Артемій, превозносимый Курбскимъ и въ „исторіи“ и въ письмѣ къ ученику Артемія Марку Сорыгозину,—и этотъ Артемій, о которомъ и прежде мы упоминали вмѣстѣ съ Устряловымъ (**), зналъ въ переводѣ только „постническую книгу“ Василія Великаго „и нѣколико къ тому отъ различныхъ повѣстей словесъ“. Третій наставникъ Курбскаго, знаменитый Максимъ Грекъ, тоже, какъ видно изъ словъ Курбскаго, не зналъ громадной переводной литературы Болгаръ и Сербовъ.—Я спрашивалъ его—говорить Курбскій и въ предисловіи къ Маргариту—о томъ: всѣ-ли сочиненія великихъ учителей Церкви переведены на славянскій языкъ? И у кого имѣются такіе переводы—у Сербовъ, Болгаръ, или другихъ славянскихъ народовъ? И Максимъ Грекъ отвѣчалъ на это: на греческомъ языкѣ всѣ имѣются, а на славянскомъ нѣтъ ихъ; да не только на славянскомъ—даже и на латинскомъ языкѣ ихъ долго не было; и только послѣ взятія Царьграда начали появляться переводы св. Отцевъ на латинскій языкъ. „Азъ же сіе слышахъ отъ превозлюбленнаго учителя моего, зъ самыхъ его преподобныхъ устъ, и пріѣхавъ мнѣ уже ту, отъ отечества моего, съ сожалѣніемъ потщахся латиньску языку пріучатися того ради, ижъ бы могъ предложить на свой языкъ, что еще не предложено; ижъ нашихъ учителей чуждые наслаждаются, а мы гладомъ

(**) У Устрялова прим. 328.

духовнымъ таемъ, на свои зраше. И того ради немало лѣтъ изнурихъ въ граматическихъ, и діалектическихъ, и въ прочихъ наукахъ приучаяся. Егда же по силѣ моеи навыкахъ ихъ, тогда купихъ книги и умолихъ юношу во преводу (у него же внѣшнимъ наукомъ учихся), имянемъ Амброжія, отъ родителей христіанскихъ рождена, zelo въ писаніяхъ искусна суца и верхъ философіи внѣшняя достигша. И первіе протолковахъ съ нимъ зъ латинскаго въ словенско всѣ главы съ книгъ Златоустовыхъ, што онъ исправилъ на семь свѣтѣ будучи, трехъ ради винъ: первая да явится, колико преведенно Златоустовыхъ словесъ въ нашъ словенскій языкъ, и разсмотрится въ нихъ, коликое еще множество не преведено; другая, негли возревнуютъ ревностію по Божѣ благовѣрные мужіе, желатели благочестія, и преложать сіе на свой имъ языкъ, тую ненасытимую доброту, каплющую отъ златаго языка, духовную благодать, въ похвалу и въ въ память свою и родовъ ихъ. Третья вина, иже нѣкоторые, поетове и многіе еретици написали повѣсти и слова нѣкоторые, на прельщеніе и на наруганіе христіанское, наипаче же преуродливый Еремія, попъ Болгарскій, еретикъ Маннетовы ереси, вѣдаючи того преславнаго учителя ото всѣхъ любима и похваляема, и покрываючи своя имена, подписали титулъ его къ своимъ словесемъ, да удобне приймутся имени его ради. И аще нѣкто разсмотритъ въ реестрѣ семь тогда обличается, аще суть Златоустовыхъ, або ни. Азъ же, разсмотрѣвъ главъ сихъ, и хотѣхъ со жалапіемъ устремитися на епистолѣи Павла, отъ него протолкованные, ажъ бы ихъ могъ сълонити на словенскій отъ латинска, и искахъ мужей, словенскимъ языкомъ книжнымъ добре умѣющихъ, и не возмогохъ обрѣсти. Аще и елицыхъ обрѣтохъ мниховъ и мірскихъ и не восхотѣша помощи ми: мни си отрекошася, уничажающеса не похвальне не глаголю лицемѣрне або лѣнностне, отъ того достохвальнаго дѣла; мирскіе не восхотѣша, объяти будучи суетными міра сего и подавляюще сѣмя благовѣрія терніемъ и осотомъ“⁽⁶⁷⁾.

И Курбскій, не смотря на то, что повсюду встрѣчался съ лѣнностью и невѣжествомъ въ дѣлѣ литературномъ, не те-

⁽⁶⁷⁾ Жизнь кя. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Т. II. стр. 308 и 310—311. Въ библіотекѣ Ундольскаго (см. опис. стр. 166) иѣтется второй списокъ «Маргарата», переведеннаго Курбскимъ. Первый находится въ Вольфенбюттелѣ.

рять своей энергіи, не только поучался самъ, но и поучалъ другихъ, кому, повидимому, ближе должно было быть христіанское просвѣщеніе Руси. Кромѣ переводовъ св. Отецъ Курбскій изучалъ и писалъ или лучше сказать, компилировалъ и историческія сочиненія, трактовавшія о раздѣленіи Церквей. Такъ онъ составилъ и „исторію Флорентійскаго собора“.

Относительно „исторіи флорентійскаго собора“ Устряловъ тоже весьма неопредѣленно выразился въ 363 примѣчаніи касательно источниковъ, которыми пользовался Курбскій для своей статьи. Сказавъ въ слѣдующемъ 364 примѣчаніи, что „уже во времена Курбскаго были описанія флорентійскаго собора, напр. „Симеона Суздальскаго о осьмомъ соборѣ“, издатель сказаній долженъ былъ сравнить это сказаніе, встрѣчающееся во множествѣ списковъ, съ изложеніемъ Курбскаго, или по крайней мѣрѣ указать на то, что наука давно уже разъяснила и оправдала слова Курбскаго: „о той исторіи о осьмомъ соборѣ, и о разорванію, или раздранію умиленномъ, восточныхъ церквей съ западными, написано въ Вильнѣ отъ нѣякаго субдіакона“... Еще до выхода въ свѣтъ 2-го изданія сказаній Курбскаго, Шевыревъ помѣстилъ двѣ статьи, разъясняющія до нѣкоторой степени загадочный для Устрялова вопросъ. Въ 1-ой книгѣ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія за 1841 г. (**) появилась статья Шевырева: „новыя извѣстія о флорентійскомъ соборѣ, извлеченныя изъ ватиканской рукописи“, а затѣмъ въ III т. Москвитянина за тотъ же годъ появились „дополнительныя свѣдѣнія“, въ предыдущей статьѣ (**). Въ этихъ дополнительныхъ свѣдѣніяхъ, Шевыревъ положительно замѣтилъ, что рукопись ватиканской бібліотеки содержитъ въ себѣ оригиналъ статьи, которой руководствовался Курбскій, и о существованіи которой не зналъ Устряловъ, — „иначе вѣроятно, сослался бы на него—замѣтилъ Шевыревъ—ибо многія подробности у Курбскаго и даже мѣста, особенно все то, что касается до магистра Родосскаго, явнымъ образомъ взято изъ этой рукописи,“ (*). Затѣмъ

(**) Журн. М. Н. Пр. Кн. I. Отд. II. стр. 60—78.

(***) Москв. 1841 г. т. III стр. 498—509.

(*) Ibid. стр. 500.

Шевыревъ еще замѣтилъ, что эта рукопись была даже изда-
на въ 1598 г. (11).

Замѣчаніе Шевырева весьма важно. „Исторія о лист-
рійскомъ, то есть разбойническомъ Феррарскомъ или Флорен-
тійскомъ соборѣ, вкратцѣ, но справедливо написанная“, дѣй-
ствительно служила основаніемъ „исторіи флорентійскаго
собора“, писанной Курбскимъ. Хотя Курбскій и замѣчаетъ,
что онъ извѣстные факты слышалъ „отъ преподобнаго Мак-
сима философа“, хотя съ извѣстными прибавленіями, и
разъясняетъ разногласія о нѣкоторыхъ догматахъ Церк-
ви, и затѣмъ во многомъ сокращаетъ изложеніе „о листрій-
скомъ соборѣ, но зато весьма близко, почти дословно дер-
жится указаннаго изложенія съ разсказа о вмѣшательствѣ ро-
досскаго „майстра или апата“, (12). Затѣмъ Курбскій снова крат-
ко рассказываетъ о нападеніи на Аѳонскую гору, хотя и въ
этомъ разсказѣ явственно проглядываетъ его источникъ. Самая
статья, представляющая по рукописямъ сочиненій Курбска-
го „Отвѣтъ восточныхъ или щитъ церкви правовѣрной“, —
по нашему мнѣнію — не иное что, какъ тирада, извлеченная
изъ того же сказанія „о листрійскомъ соборѣ“, (13). Намъ
кажется, что Курбскій въ назиданіе кому-то сдѣлалъ краткое
извлеченіе изъ вышеуказанной исторіи „листрійскаго“ собора, и
придалъ ему сначала форму посланія, но это посланіе дош-
ло до насъ въ испорченныхъ спискахъ.

Черезъ два года по смерти Курбскаго т. е. въ 1585
г. въ Вильнѣ былъ изданъ сборникъ, заключающій въ
себѣ: Патріарха Геннадія — діалогъ о вѣрѣ, Дамаскина —
преніе второе съ магометаниномъ, Златоустаго — о тер-
пѣнн и благохвалѣнн. Въ предисловіи переводчикъ ссы-
ляется на своего „превозлюбленнаго учителя Максима, но-
ваго исповѣдника“, указавшаго ему на трудъ Геннадія.
На этотъ сборникъ, по всѣмъ соображеніямъ заключающій

(11) У Сахарова въ «обозрѣнн сл. русской библіографіи», № 111; а
также есть и у Каратаева.

(12) «Исторія о листрійскомъ т. е. разбойническомъ соборѣ»; въ изда-
ніи: Апокрисисъ Христофора Филарета. Кіевъ. 1870, стр. 387—392.

(13) Ів. стр. 378—379. ср. также: Описаніе рукописей московской
синодальной библіотеки т. III. стр. 473. Очевидно знакомство Курбскаго
съ трудами Григорія Паламы и Нила (Кавасилы) Солунскихъ.

въ себѣ переводъ Курбскаго, не обратилъ вниманія, какъ и на многое другое,—издатель сказаній Курбскаго, хотя въ русской литературѣ дважды было указано значеніе этого сборника, прежде Преосвященнымъ Филаретомъ Харьковскимъ⁽⁷⁴⁾, а потомъ издателями описанія рукописей московской синодальной бібліотеки⁽⁷⁵⁾.

Въ заключеніе останавливается на 424 страницѣ третьяго изданія сказаній Курбскаго, заключающей въ себѣ *будто бы* „изъясненіе плана осады Казанской“, перепечатанное со втораго изданія. Въ этомъ *изъясненіи* говорится, что планъ Казани, сдѣланный когда-то директоромъ 1-ой Казанской гимназіи Каницемъ, „хранится въ военно-топографическомъ депю; описанія же нѣтъ“.

Но издатель сказаній Курбскаго опустилъ изъ виду во первыхъ то, что вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ втораго изданія сказаній, Л. Кавелинъ, имѣвшій подъ руками автографъ самого Каница, помѣстилъ искомое описаніе въ журналѣ „Маякъ“ за 1843 годъ, а во вторыхъ замѣтимъ, что это же описаніе было напечатано ранѣе даже перваго изданія сказаній, въ XXIX книжкѣ журнала „Славянинъ“.

Описаніе, съ незначительными поправками въ слогѣ⁽⁷⁶⁾, было сообщено издателю „Славянина“ бывшимъ профессоромъ Казанскаго Университета Суровцовымъ, и отпечатано даже отдѣльно, съ приложеніемъ иллюминированнаго плана Казани (СПБ. въ типографіи академіи наукъ).

Въ рукописи статья озаглавлена: „Краткое изъясненіе плана древняго города Казани и описаніе осады и взятія онаго въ 1552 году, отъ Ю. Ф. Каница, въ Казани, 1778 г.“; въ печати—Описаніе осады и взятія Казани въ 1552 году, съ краткимъ изъясненіемъ приложеннаго здѣсь плана древняго сего города“. СПБ. 1827 г.

Заключимъ наши замѣтки во первыхъ надеждою, что въ слѣдующее *четвертое* изданіе сказаній Курбскаго, вмѣстѣ съ *новымъ пересмотромъ текста*, войдутъ и указанные нами матеріалы, опущенные въ третьемъ изданіи сказаній, а во вто-

⁽⁷⁴⁾ Исторія русской церкви. 3-е изд. Третій періодъ. стр. 63.

⁽⁷⁵⁾ Опис. III. стр. 567. У Сахарова № 75; у Каратаева № 91.

⁽⁷⁶⁾ Мы имѣемъ подъ руками въ рукописи описаніе, составленное Каницемъ и могли сравнить его съ печатнымъ текстомъ.

рыхъ—увѣренностью, что труды Курбскаго будутъ же когда
нибудь оцѣнены по достоинству, благодаря своему высокому
значенію и въ русской исторіи и въ русской литературѣ, и
благодаря успѣхамъ русской гражданственности, начинающей
вникать въ условія своей исторической жизни.

М. П—скій.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

КАБЪ

ВОСПИТАТЕЛЬ И УЧИТЕЛЬ НАРОДА.

(Окончаніе).

Послѣ заботъ о распространеніи знаній по военному искусству и морскому дѣлу, Петръ особенно старался распространить, посредствомъ обученія, знанія, необходимыя для *добывающей, обрабатывающей и передаточной промышленности*. Учителями въ этомъ случаѣ были преимущественно иностранцы, призываемые въ Россію умножать промышленное дѣло вообще и обучать при этомъ русскихъ. Однако въ послѣдніе годы царствованія Петра стало оказываться, что „иноземцы - мастера, будучи на фабрикахъ и отживъ сроки, отъѣзжаютъ въ отечество, а по себѣ учениковъ безъ совершенства науки ихъ оставляютъ“, такъ что велѣно было прежде всего свидѣтельствовать вывезенныхъ мастеровъ, знаютъ ли они свое дѣло, и потомъ, ежели окажутся искусными, „со *всьми* мастерами, которые употреблены будутъ въ какую нибудь фабрику и мануфактуру, договориться, чтобъ они изъ російскихъ учениковъ при себѣ имѣли и мастерству своему обучали, поставя за то цѣну награжденія и и время, во сколько выучить“ (1).

Въ ученики могли поступать главнымъ образомъ свободные люди всякихъ чиновъ людей. Крѣпостныхъ же людей старались не иначе допускать, какъ только съ отпусковой

(1) П. С. З. №№ 4384, 1, 4345, 3 п. 4378, 10 и 25.

отъ помѣщика, а бѣглыхъ сначала совсѣмъ запрещали принимать, какъ заводчикамъ, фабрикантамъ, такъ и мастерамъ⁽¹⁾. Но съ 1722 г. замѣтно колебаніе правительства относительно допущенія бѣглыхъ крестьянъ на заводы. Указомъ 18 іюля 1722 г. разрѣшено было до возвращенія государя изъ похода не отдавать бѣглыхъ помѣщикамъ⁽²⁾. Этотъ указъ не былъ отмѣненъ, и въ указѣ слѣдующаго года (Демидову) также не запрещалось держать учениковъ изъ бѣглыхъ. Исключеніе составляли бѣгле солдаты⁽³⁾. Въ маѣ же 1724 встрѣчаемъ противорѣчащее предыдущимъ распоряженіе сената: „какъ на заводы, такъ и въ приписныя къ нимъ слободы бѣглыхъ не принимать“⁽⁴⁾ — Петръ не довольствовался добровольно поступающими учениками, онъ издавалъ указы, требовавшіе чего-то въ родѣ небольшихъ наборовъ для обученія какому нибудь мастерству. Такъ въ 1711 году „государь указалъ прислать изъ церковниковъ и изъ служекъ монастырскихъ и изъ дѣтей ихъ 100 человекъ, которые были бы лѣтъ по 15 или 20 и умѣющихъ писать“, чтобъ раздать въ ученики къ мастерамъ по разнымъ дѣламъ. Потомъ велѣно было адмиралтейской коллегіи опредѣлять сиротъ послѣ умершихъ офицеровъ для обученія, по рассмотрѣнію ея, грамотѣ и въ мастерство, „кто куда пристойны“⁽⁵⁾. Кромѣ этихъ мѣръ, касающихся поступленія учениковъ, дальше придется встрѣтиться и частными распоряженіями подобнаго рода.

Для обученія не было устроено особенныхъ школъ, гдѣ бы преподавались теоритическія или даже просто техничeskія научныя и практическія свѣдѣнія, кромѣ школъ въ Еватеринбургѣ и въ адмиралтействѣ. Учили же большею частію при самомъ отправленіи дѣла, безъ учебниковъ, и, очень возможно, безъ строгой системы и порядка. „Выписывая и вызывая иностранныхъ мастеровъ изъ за-границы, говоритъ Афанасьевъ, Петръ въ то же время посылалъ своихъ подданныхъ въ чужіе края учиться мануфактурамъ и ремесламъ. Такія послыки начинаются съ перваго его путешествія по

(1) П. С. З. №№ 3980, 3543, 3309; 4533.

(2) П. С. З. № 4055.

(3) П. С. З. № 4305.

(4) П. С. З. № 4518, 3 п.

(5) П. С. З. № 2499 и № 4227, 4 п.

Европѣ. (1698). Въ 1700 г. онъ заставилъ многихъ мѣщанъ послать своихъ дѣтей на казенный счетъ въ Амстердамъ, Лондонъ, Тулонъ, Брестъ и др. извѣстные города, назначивъ, чему именно каждый долженъ учиться. Съ этого времени отправка молодыхъ русскихъ за границу продолжалась безпрерывно, но извѣстія объ этомъ неполны и отрывочны⁽¹⁾... Именнымъ указомъ 3 декабря 1723 г. велѣно было мануфактуръ-коллегіи „для вкорененія мануфактуръ и фабрикъ и для искусства художества посылать въ чужіе края изъ молодыхъ людей такихъ, которые къ такому обученію склонны, и для того ихъ обнадѣжить, что фамилія ихъ даны будутъ нѣкоторыя привилегіи по разсмотрѣнію ихъ науки, они жъ награждены будутъ для тамошняго ихъ пропитанія жалованьемъ“⁽²⁾.

Чтобы вполнѣ представить какого рода промышленнымъ званіямъ и въ какихъ размѣрахъ началось обученіе при Петрѣ, нужно припомнить то большее число фабрикъ, заводовъ и ремеслъ, которое возникло по инициативѣ государя, число мастеровъ разнаго рода, выписанныхъ и работавшихъ въ Россіи. Самое основаніе промышленнаго заведенія, мастерской, даетъ право предполагать, что рабочимъ ихъ придется обучаться тому или другому, мастерамъ придется сообщать свѣдѣнія, не дожидаясь объ этомъ указовъ свыше. Подробнымъ свѣдѣніямъ объ обученіи повсюду трудно было сохраться; факты же, почерпнутые изъ законодательства, не раскроютъ всѣхъ, но только главнѣйшія стремленія и усилія Петра въ дѣлѣ обученія народа промышленности.

Желая развить горное дѣло въ Россіи, Петръ старался научить свой народъ *добывать руды и обдѣлывать добытое*.

Въ 1710 г. въ жалованной грамотѣ греку Левандіану, ставится ему въ заслугу то, что онъ на основанныхъ имъ серебряныхъ заводахъ въ Нерчинскѣ „выучилъ тамошнихъ жителей нѣсколько человекъ тому мастерству“. Въ 1711 г. говорится о русскихъ ученикахъ руднаго дѣла, — всѣхъ ихъ велѣно было послать въ сибирскую губернію: тамъ по смыслу явились серебряныя и желѣзныя руды. Ученикамъ шло жалованье⁽³⁾.

⁽¹⁾ Государств. хозяйство при Петрѣ В. Совр. 1847. Июль. 10—11

⁽²⁾ П. С. З. № 4381, i.

⁽³⁾ П. С. З. №№ 2259; 2370 и 2438.

Болѣ обстоятельныя свѣдѣнія сохранились объ ученьи на мѣдныхъ и желѣзныхъ заводахъ.

Извѣстно, что Петръ всегда принималъ близко къ сердцу все, способствовавшее развитію у насъ горнаго дѣла. Самыми дѣятельными помощниками въ этомъ случаѣ явились Татищевъ и Геннингъ, или Геннингъ; особенно много они сдѣлали для сибирскихъ заводовъ, можно сказать, создали ихъ. Что касается до обученія горному дѣлу на заводахъ, то прежде всего уважемъ на интересный въ этомъ отношеніи, хотя и неподтверждаемый, кажется, другими свѣдѣтельствами отрывокъ одного извѣстія, полученнаго Веберомъ изъ Петербурга. Онъ приводитъ его въ своихъ Запискахъ: „въ настоящее время (1718) царь повелѣлъ уже устроить въ своей резиденціи, въ Петербургѣ, небольшой горный заводъ съ двумя плавильными печами, серебро и мѣдно-обжигательныя печи, бродильный и сереброочистительный горны для того чтобы съ одной стороны показать русскимъ операциі, какимъ образомъ разрабатываются извлеченныя рудокопомъ изъ шахты руды и россыпи, а съ другой чтобы нѣкоторымъ образомъ практически обучить и приохотить особенно способныхъ русскихъ людей къ плавленью металловъ и вообще къ горнозаводскому дѣлу“⁽¹⁾. Для той же цѣли во время пребыванія въ 1719 г. на петровскихъ заводахъ Петръ велѣлъ набрать 300 человекъ въ науку къ оружейному дѣлу и къ прочимъ (здѣсь плавилъ желѣзо, лили пушки и др. орудія). Впродолженія года успѣли опредѣлить только 62 человекъ, назначивъ имъ ученичье жалованье, какъ прежде было ихъ братьи. На этихъ заводахъ за ходомъ дѣла часто наблюдалъ самъ царь⁽²⁾.

Теперь о Татищевѣ и Геннингѣ. Татищеву было поручено завѣдыванье сибирскими заводами только въ 1720 г. Съ нимъ, кромѣ нѣсколькихъ мастеровъ, отправились еще 4 ученика артиллерійской моск. школы и двое рудныхъ учениковъ съ олонецкихъ заводовъ. Вскорѣ по пріѣздѣ обнаружился недостатокъ въ знаніяхъ, недостатокъ въ мастерахъ

⁽¹⁾ Вебера Записки. Р. Архивъ 1872 г. 1624 стр.

⁽²⁾ П. С. З. № 3554 и Афанасьевъ. Июль, 31 стр. Въ 1725 г. на казенныхъ заводахъ было 22 мастера, 33 подмастерья, 219 учениковъ и горныхъ работниковъ (Афан.).

и людяхъ грамотныхъ. И вотъ „лѣтомъ 1721 г., разсказы-
ваетъ г. Чупинъ въ своей брошюрѣ о Татищевѣ, съ разрѣ-
шенія бергъ-коллегии учреждены были имъ школы въ Кун-
гурѣ и въ Уктусскомъ заводѣ, въ которыя собраны умѣю-
щія грамотѣ дѣти подъячихъ и церковнослужителей, а въ
уктусскую школу поступили кромѣ того многіе сыновья ма-
стеровъ, рабочихъ и солдатъ. Въ этихъ школахъ назначено
было обучать ариметикѣ, геометріи и прочимъ горнымъ дѣ-
ламъ. Главною цѣлью ученія было приготовленіе къ служ-
бѣ горной... Татищевъ просилъ учителей у сибирскаго гу-
бернатора, но получилъ въ отвѣтъ, что „для обученія ари-
метики и геометріи въ Тобольскѣ умѣющихъ нынѣ нѣтъ“. По-
этому онъ поручилъ обучать въ этихъ школахъ, изъ за долж-
ности шихтмейстерамъ (рудничнымъ смотрителямъ) изъ артил-
лерійскихъ школьниковъ... Учащимся въ школахъ сиротамъ
и дѣтямъ бѣдныхъ родителей Татищевъ съ Бліеромъ 24 дек.
1721 г. опредѣлили каждому по полтора пуда въ мѣсяцъ
ржаной муки и по рублю въ годъ на платѣ; а тѣмъ, у кото-
рыхъ отцы зажиточные, либо, находясь при церквахъ или
въ службѣ заводской, получаютъ болѣе 10 рублей въ годъ,
ничего отъ казны не выдавать, пока не начнутъ учить трой-
наго правила: тогда и имъ выдавать тоже содержаніе, какое
назначено сиротамъ. Кромѣ учениковъ, взятыхъ въ шко-
лу для приготовленія къ горной службѣ, (Татищевъ) велѣлъ
принимать и постороннихъ желающихъ, „имая себѣ за трудъ
отъ родителей по возможности ихъ, а отъ немущихъ ни-
чего не требовать“.—Въ одной изъ школъ въ августѣ 1721 г.
было 29 учениковъ, и двое изъ нихъ учили уже тройное пра-
вило, а въ другой въ началу 1722 г.—двадцать семь⁽¹⁾.

Мѣсто Татищева, отозваннаго въ концѣ 1721 года
въ Москву, занялъ Геннингъ, знатокъ горнаго дѣла. Инст-
рукціей, данной ему, предписывалось обратить вниманіе на
литье пушекъ, дѣлать укладъ, сталь, жечь, досчатое и кро-
вельное желѣзо, устроить машины для рѣзанья желѣза и
для проволочнаго дѣла „и которые похотятъ тому всему
отъ партикулярныхъ заводовъ учиться, и тавихъ учить“. Къ
сожалѣнію, болѣе извѣстны факты о его неутомимой дѣя-

⁽¹⁾ Чупинъ. Василій Никитичъ Татищевъ и первое его управленіе
уральскими заводами (изъ Пермск. губ. вѣд.); 6, 8, 25—27.

тельности вообще по умноженію и исправленію заводовъ, а не его заботы объ обученіи русскихъ. Извѣстно напр., что на мѣдноплавильнѣ кунгурскаго уѣзда онъ надѣялся съ плавкой металла начать обученіе русскихъ людей, далъ Демидову плавильнаго мастера для очищенія мѣди и обученія его людей и хотѣлъ послать къ нему горнаго ученика для указанья, какъ вести штольны и шахты. Имъ же была выстроена и школа въ Екатеринбургѣ, гдѣ стали обучать горнымъ наукамъ. Во время же управленія Геннинга, при посредствѣ Татищева, состоялся указъ объ устройствѣ фабрики, гдѣ-бы обучали крестьянъ дѣлать складные и столовые ножи, ножницы, бритвы и т. п. желѣзные издѣлія. Всѣ эти свѣдѣнія, такъ заботливо распространяемыя Петромъ, Татищевымъ и Геннингомъ, носили характеръ элементарныхъ. Но ими не удовольствованъ Татищевъ. Въ сентябрѣ 1724 г. онъ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе въ своей вѣдомости о сибирскихъ заводахъ: „потребно послать въ Швецію молодыхъ людей для обученія, чтобъ они могли онымъ великимъ и древнимъ строеніямъ и множеству разныхъ рудъ въ дѣйствѣ примѣниться, дабы съ таковымъ основательнымъ ученіемъ достойную мзду государству воздать могли“. Эта мысль нашла энергическую поддержку въ Петрѣ. Поручивъ русскому посланнику Бестужеву добиться позволенія у шведскаго сената на помѣщеніе русскихъ учениковъ, онъ вскорѣ отправилъ съ Татищевымъ 22 учениковъ адмиралтейской и артиллерійской школъ. Татищеву удалось все устроить уже послѣ смерти Петра.

Въ 1712 г. велѣно было губернаторамъ выучить около 300 кузнецовъ и столяровъ дѣлать ружья. Въ случаѣ же недостатка ружейныхъ мастеровъ по губерніямъ, велѣно высылать такое же число на тульскіе оружейные заводы, снабдивъ деньгами, провіантомъ и одеждой на дорогу. Указомъ слѣдующаго года опредѣлено, по скольку именно на человѣка, — по 10 алтынъ, по полуосьминѣ, по мундиру сермяжному и по шубѣ. Этотъ же указъ говоритъ, что отъ посланныхъ на тульскіе заводы иные бѣжали съ дороги или съ заводу⁽¹⁾.

Въ 1717 г. велѣно было компаніи Томилина, братьевъ Рюминыхъ съ товарищами, устроить игольный заводъ „и

(1) П. С. З. №№ 3986 1 и 2 шл., 4529 7 п. Афан. Іюль. 23.25—26.28. Поповъ, Татищевъ и его время; 44 и 54 ш др.

(2) П. С. З. № 2575, 2736 и 2806.

русскихъ людей тому игольному мастерству обучать, а во ученье брать въ Москвѣ и въ Рязани изъ бѣдныхъ и малолѣтнихъ, которые ходятъ по улицамъ и просятъ милостыни, и тѣмъ ученикамъ быть при томъ дѣлѣ до совершеннаго возраста, а провіантомъ и платьемъ содержать ихъ компанейщикамъ на своемъ коштѣ“. Въ 1722 году компанія извѣщала, что мастеровъ и учениковъ съ 40 человекъ могутъ иглы дѣлать сами, и новымъ указомъ подтверждено „россійскій народъ обучать во всемъ противъ заморскаго дѣла иглъ“ (¹).

Кромѣ упомянутыхъ заводовъ и фабрикъ учились обработкѣ металловъ и на другихъ (²).

Впрочемъ не на однихъ фабрикахъ и заводахъ хотѣли учить русскихъ. Такъ въ 1715 году Петръ велѣлъ сыскать изъ шведовъ кузнецовъ добрыхъ, взять во всякую губернію по 2 человека и велѣтъ имъ учить кузнечному дѣлу русскихъ, въ которой губерніи сколько содержать можно (³). При типографіяхъ учили гравировальному художеству, пунсонному и словолитному дѣлу.

Въ извѣстіяхъ о типографіяхъ XVIII столѣтія Певарскаго упоминаются нѣсколько русскихъ, обучавшихся у Шхонебека, „грыдорованнаго дѣла мастера“ Пикарда и Никитина. Въ основанной по именному указу въ 1711 году петербургской типографіи для обученія російскаго народа типографскому дѣлу, по словамъ директора этой типографіи Аврамова, „пунсонному и словолитному дѣлу изъ русскихъ людей пунсоны дѣлать и литеры отливать обучились мастерствомъ не хуже иноземцевъ, а грыдоровальныхъ дѣлъ мастера и живописецъ здѣсь же въ дѣлахъ тѣхъ, а наипаче въ рисованіи наилучшую науку получили, изъ которыхъ Алексѣй Ростовцовъ не токмо грыдоровальному мастерству, но и небеснымъ и земнымъ глобусамъ обучился, которые при домѣ его н. в. въ своихъ мастерствахъ чужестранными мастерами достойными быть засвидѣтельствованы“. По словамъ

(¹) П. С. З. № 4006.

(²) Въ какихъ размѣрахъ шло обученье напр. на нѣкоторыхъ желѣзныхъ и оружейныхъ заводахъ, можно отчасти судить по слѣдующимъ цифрамъ: на екатеринбургскихъ мастер. подмост. и учен. было 365

— казенныхъ сибирскихъ 506

въ 1725 г. въ литейномъ домѣ въ Спб. раб. 921 (Афан.).

(³) П. С. З. № 2898.

Голикова велѣно было въ 1719 году Сворнякову - Писареву отправить въ Москву для обученія гравированью двухъ геодвистовъ (¹).

Добыванію и обработкѣ металловъ русскіе ушли и за границу. Въ 1711 г. упоминается рудникъ дѣла мастеръ Зубковъ, который, „былъ того руднаго дѣла въ Саксоніи во ученіи“. Впослѣдствіи было поручено Татищеву взять изъ школъ молодыхъ людей и раздать въ Швецію для наученія горному дѣлу, и онъ, дѣйствительно, ровдалъ 16 русскихъ учениковъ на разные шведскіе заводы. Въ бытность въ Амстердамѣ Неплюевъ встрѣтилъ русскихъ, учившихся мѣдному ремеслу. По словамъ Соловьева, отъ 1722—24 г. возвращались домой учившіеся въ Англій, Голландіи и Франціи русскіе мастеровые; между ними мастеровъ замочнаго и мѣднаго дѣла 4, мѣднаго литейнаго дѣла 2, гридоровальнаго одинъ. Давъ имъ вспоможеніе на первое обзаведеніе, объявили, что бы они учили русскихъ учениковъ (²).

Петръ заботился обучать русскихъ и *обработкѣ минераловъ*.

Въ 1724 году въ письмѣ къ Куракину о томъ, чтобы онъ отыскалъ мастера, умѣющаго выдувать круги стеклянныя прямо и чисто, съ подмастерьемъ, Петръ предполагаетъ поставить такому мастеру однимъ изъ условій то, „чтобъ онъ и русскихъ выучилъ“.— „Немедленно по возвращеніи изъ путешествія, Петръ послалъ нѣсколько молодыхъ людей изъ мѣщанъ въ Голландію для изученія каменнаго мастерства и лучшаго способа обжигать кирпичъ и выписалъ изъ Голландіи каменщиковъ и кирпичниковъ въ Петербургъ, которымъ отдалъ на обученіе русскихъ“ (³).— „Въ 1700 г. онъ велѣлъ сибирскимъ воеводамъ отдавать въ обученіе по 2—3 человекъ тобольскимъ кирпичникамъ и каменщикамъ (⁴).—Такъ какъ петербургскимъ и московскимъ жителямъ въ извѣстныхъ случаяхъ велѣно было крыть строеніе только гонтомъ и черепицей, а петербургскіе гонтовые заводы не удовлетворяли требованіямъ, то велѣно было помѣщи-

(¹) Пекарскій; II, 648, 650—652, 656, 659—660, 667—668.

(²) П. С. З. № 2438; Записки Неплюева. Отеч. Зап. 24 г. XX ч. 124; Солов. XVIII, 189—190, 178.

(³) Афанасьевъ; 43 и 46 стр.

(⁴) П. С. З. № 1800.

камъ ближнихъ уѣздовъ присылать на гонтовые заводы споспѣшихъ крестьянъ и людей для обученія, которое можно окончить въ день или въ два. Для обученія же москвичей велѣно было выслать въ Москву изъ „малороссійцевъ, да изъ Смоленска по 3 человека съ пристойными инструментами; и сдѣлавъ нѣсколько гонтинъ и инструментовъ, чѣмъ оныя дѣлать, для образца,... разослать по всѣмъ градскимъ воротамъ. Буде же кто похочетъ тому обучать людей и крестьянъ, и таковыхъ велѣтъ обучать онымъ же мастерамъ безъ денежной платы“ (1).

Петръ Великій заботился обучить русскихъ улучшеннымъ способамъ *добыванья и обработки продуктовъ растительнаго царства*.

Петромъ была сдѣлана попытка научить крестьянина снимать хлѣбъ болѣе лучшимъ способомъ, чѣмъ переданное отъ предковъ жнитво серпомъ. „Понеже въ здѣшнихъ краяхъ, говорится въ именномъ указѣ Голицину, въ Курляндіи, Лифляндіи и въ Пруссияхъ у мужиковъ обычай есть, что вмѣсто серповъ, хлѣбъ снимать малыми косами съ граблями, что прѣдъ нашими серпами гораздо спорѣе и выгоднѣе, что средній работникъ за 10 человекъ работаетъ,... того для сысковъ такихъ людей изъ здѣшнихъ мужиковъ по нѣсколькѣ человекъ для обученія, послали мы отсель въ наши хлѣбородные города съ такими косами и граблями, съ нарочными посланными офицерами“. При этомъ Петръ писалъ къ подпоручику Болотову: „принять тебѣ здѣшнихъ мужиковъ 9 человекъ и ѣхать съ ними въ Тамбовъ съ поспѣшеніемъ, дабы можно было съ ними поспѣть въ тому времени, какъ начинаютъ первой хлѣбъ снимать и будучи дорогою ихъ беречь, дабы не разбѣжались“ (2).

Желая умноженія пеньковыхъ и льняныхъ промысловъ, Петръ велѣлъ: „гдѣ тому дѣлу необыкновенны, какъ ленъ и пеньку учреждать, дабы обучали крестьянъ“. Такъ какъ при бракованьи льну и пеньки оказалась нужда для Петербурга въ бунтныхъ вязальщикахъ, то велѣно было выслать изъ близкихъ деревень 5 мастеровъ, живущихъ безъ дѣла для обученія другихъ. Въ провинціяхъ же учить чистить пень-

(1) П. С. З. №№ 3858 и 4016.

(2) П. С. З. № 3784 и Афан. Іюнь 92.

ку и вязать бунты поручалось промышленникамъ скупающимъ пеньку, пока уѣздные и градскіе люди то въ обычай себѣ не примутъ ⁽¹⁾.

Стремясь на основаніи „Духовнаго регламента“ ввести въ женскіе монастыри руководѣлья, правительство старалось обучить незнакомыхъ съ послѣдними монахинь и готовящихся къ постриженію. Въ этомъ отношеніи замѣчательнъ синодскій указъ 11 сентября 1722 г. Руководѣлья, которымъ должно было обучать, раздѣлены этимъ указомъ на 1) честныя (почетныя?), какъ шитье, ниванье и т. п. и 2) прядильное мастерство, „нынѣшнее“, болѣе удобное сравнительно съ прежнимъ. Одному изъ первыхъ, по свободному выбору, велѣно было обучать монахинь, происходящихъ отъ благородныхъ и честныхъ родителей, прядильному же мастерству монахинь изъ простонародья и тѣхъ изъ благородныхъ, которыя не хотятъ или не могутъ заниматься честнымъ руководѣльемъ. Монастыри были обязаны обучить всѣхъ въ 2 или 3 мѣсяца со времени полученія указа. Учить прядильному мастерству посылались мастерицы изъ села Покровскаго (гдѣ была фабрика для пражн льна.) При этомъ достойно замѣчаніи стремленіе синода ввести между учащими и учащимися ~~мысли~~^{отношенія} и ограничить власть первыхъ надъ послѣдними: (5 пунктъ): „мастерицамъ велѣтъ въ ономъ обученіи со определенными къ тому ученію поступать кротко и смиренно, и показаніе къ скорому понятію чинить не скрытно, дабы оныя безъ продолженія времени совершенно изучиться и добрѣ дѣйствовать могли. (6 пунктъ.) Власти онымъ мастерицамъ никакой не имѣтъ, и хотя которыя изъ нихъ будутъ въ чемъ и несправны, то доносить на нихъ тѣхъ монастырей игуменьямъ, которыя по усмотрѣнію вины и смирять ихъ должны; а самимъ имъ мастерицамъ никого изъ нихъ не точию чѣмъ бить но и ни какою бранью не бранить, и никакимъ словомъ не оскорблять“ ⁽²⁾.—Въ 1724 г. велѣно было дѣвочекъ сиротъ и подкидышей обучать въ монастыряхъ грамотѣ, а также пражѣ, шитью, плетенью кружевъ и для этого выписать изъ Брабандіи сиротъ, наученныхъ въ монастыряхъ. Въ меморіи Петра, относящейся къ этому указу, добавлено: „также

(1) П. С. З. №№ 3966, 3195, 4210.

(2) П. С. З. № 4089.

хотя бы по одному монастырю, чтобъ и языки притомъ" (1). Такимъ образомъ Петромъ были сдѣланы попытки, хотя и слабыя, ввести образованье и въ среду женщинъ.

Русскихъ еще учили при Петрѣ на заводахъ и фабрикахъ ткать полотна, скатерти, салфетки, тики, причемъ ученикамъ платилось жалованье (2).—Голиковъ упоминаетъ про учениковъ на парусной фабрикѣ Тиммермана. Петръ отправилъ въ Голландію Короткина для обученія бумажному (писчей бумаги) мастерству, и въ 1710 г., по его возвращеніи на основанную бумажную фабрику и мельницу, отдано ему нѣсколько молодыхъ людей въ ученики (3).

По случаю того, что въ Москвѣ въ 1701 году открылся недостатокъ въ дровахъ, Петръ позаботился научить русскихъ „пилованью дровъ“,—для этого велѣно было послать въ близкія отъ Москвы мѣстности образцовыя ручныя пилы, чтобы всѣ готовили на продажу, на подрядъ и про себя изъ 10 сажень дровъ одну испиленную, и такимъ образомъ приучились бы въ пилованью (4).

Петръ стремился научить русскихъ разнымъ родамъ строительнаго искусства. Неплюевъ упоминаетъ про русскихъ, учившихся въ Амстердамѣ столярному ремеслу.—Для обученія строенія мазанокъ Петръ велѣлъ выставить въ Москвѣ нѣсколько образцовъ во всякомъ лѣсномъ ряду (5).—Въ одномъ указѣ 1712 г. упоминаются ученики при архитекторахъ. Неплюевъ говоритъ, что въ 1716 году посланы были во Францію для обученія архитектурѣ 4 человекъ. Въ 1723 велѣно было двухъ архитектурныхъ учениковъ, находившихся въ Римѣ, взять въ Петербургъ и опять послать вмѣсто нихъ столько-же въ Италію, а отъ 1724 г. уцѣлѣлъ указъ, данный русскому агенту фонъ-деръ-Бургу относительно 4, учащихся въ Голландіи и Брабандіи наукъ архитектурной. Петръ велѣлъ ему надзирать, „чтобъ они выучили манеръ голландской архитектуры, а особливо фундаменты, которые нужны здѣсь, ибо равную ситуацію имѣютъ для низости воды и тонкости стѣнъ, въ тому бы обучились строенію

(1) П. С. З. № 4450 и Чистовичъ примѣч. на 440.

(2) П. С. З. №№ 2324, 2867, 3543.

(3) Афанасьевъ. Іюль. II, 64 и 68.

(4) П. С. З. № 1883.

(5) Отеч. Зап. за 24 г. XX ч. 124 стр.; П. С. З. 2972.

огородовъ, какъ ихъ размѣривать и украшать, такожь бы и слюзному дѣлу обучались, которое здѣсь зѣло нужно, и чтобъ они сему послѣднему паче первыхъ учились. И для того, гдѣ такая работа въ Голландіи случится, туда ихъ и носылай для практики“ (1).—Съ обученіемъ архитектурѣ шло обученіе и тѣсно связанпымъ съ ней инженерному искусству и механикѣ. Такъ въ 1715 г. царь писалъ: „Суворова и Туваркова отправить въ Морданъ (у Соловьева въ Мардинъ), гдѣ новый каналъ дѣлають, который изъ Океана въ Медитеранское море проведенъ и въ прочія мѣста, гдѣ дѣлають каналы, доки, гавани и старыя починивають и чистятъ; чтобъ они могли присмотрѣться къ машинамъ и прочему и могли-бъ у тѣхъ фабрикъ учиться“ (2). Неплюевъ упоминаетъ о 4 русскихъ, учившихся въ Амстердамѣ экипажеству и механикѣ (3). О Нартовѣ, посланномъ усовершенствовать свои знанія за границу, въ отзывѣ президента французской академіи говорится, что онъ „при изученіи учили великіе успѣхи въ механикѣ, наипаче же въ оной части, которая касается до токарнаго станка“, говорится о „чистотѣ, исправности и субтильности“ его токарныхъ издѣлій. Нартовъ впослѣдствіи (1723) былъ сдѣланъ главнымъ токаремъ (4).

Но гораздо болѣе Петръ заботился обучить русскихъ кораблестроенію и судостроенію. Объ изученіи кораблестроенія вмѣстѣ съ изученіемъ навигаціи было связано выше; но обученіе одному кораблестроенію началось гораздо раньше. Такъ отъ 1692 г. сохранилось письмо 16 мостильщиковъ (плотниковъ) корабельнаго дѣла, обученныхъ самимъ государемъ—плотникомъ, при участіи и руководствѣ котораго они строили нѣсколько судовъ и первый военный корабль. Большая часть изъ 30 юлонтеровъ великаго посольства была отдана въ Голландіи учиться, кто корабельному дѣлу, кто мачтовому, ботову, парусному, кто дѣлать блоки (5). Въ болѣе обширныхъ размѣрахъ пошло дѣло обученія съ учрежденіемъ

(1) П. С. З. № 2988, 4 п.; Отеч. Зап. 23. XVI, 176 и Солов. XVIII, 194; П. С. З. № 4584.

(2) Пек. I, 227 и Солов. XVI, 331.

(3) Отеч. Зап. за 24, XX ч. 123.

(4) Пекар. I, IV-е прилож. 531 стр. и Устр. I, LV1.

(5) Устрялов. II, 142—143, 360; III, стр. 426.

адмиралтейства, гдѣ должно было работать 1000 человекъ възъ рекрутъ и матросовъ, кромѣ гардемариновъ. Здѣсь должно было быть по 3 человекъ учениковъ у мастеровъ корабельныхъ, галерныхъ, ластовыхъ судовъ, камельныхъ, мачтовыхъ, ботовыхъ, шлюпочныхъ, машинныхъ, парусныхъ, весельныхъ, блоковыхъ. Въ адмиралтействѣ же учили и нѣкоторымъ другимъ ремесламъ, болѣе или менѣе касающимся кораблестроенія: Котельники, паяльники, слѣсары, ложпники, рѣшпвы, компасники, оконнишныя, фонарные, печники, трубочисты, прядильщики, парусныя шведы, конопатчики, пильщики, столяры, токари, свѣчники должны были имѣть при себѣ учениковъ. При комиссарѣ надъ лѣсами, на обязанности котораго лежалъ осмотръ и правильная выдача доставляемаго лѣса и отчетность, были также ученики. Кромѣ того у каждаго мастера всякаго мастерства должны были быть по 2 подмастерья. „Всѣ какъ корабельныя, такъ и прочия художества мастера должны учениковъ, данныхъ имъ со всякимъ прилежаніемъ учить, не скрывая ничего, понеже за то имъ опредѣлено награжденіе. И которые ученики тщательнѣе будутъ приниматься или нѣтъ, о томъ мастерамъ подавать вѣдомости оберъ-сарваеру“, подъ вѣдѣніемъ котораго находились всѣ мастера. Замѣчательно распоряженіе, которымъ не велѣно было мастеровыхъ людей переводить отъ одного мастерства къ другому, — это дѣлалось за тѣмъ, чтобы „лучше въ своемъ художествѣ обыкли“. Для дѣтей плотниковъ и прочихъ мастеровыхъ людей адмиралтейства велѣно было устроить школу и обучать грамотѣ, цифиря и пять-геометріи, чтобы потомъ могли добрыми мастеровыми быть ⁽¹⁾. — Для распространенія въ Россіи вмѣсто староманерныхъ судовъ, — новыхъ: ботовъ разной величины, еверсовъ, гальотовъ и др., — Петръ не только запрещалъ строить прежнія суда, но и посылалъ въ равныя мѣста Россіи офицеровъ, мастеровыхъ, подмастерьевъ и учениковъ изъ адмиралтейства, чтобы обучать этому дѣлу. Посланные большею частію строили въ разныхъ мѣстахъ образцовыя суда, по которымъ окрестные жители сами могли-бы учиться по-

(1) О управленіи адмиралтействомъ. № 3937. Опредѣленіе о мастеровыхъ, а также главы XXII, XLIII, 2 п., XX, 9 и 28 ш. гл. XII, 38 п. гл. I, 60 п.

вому судостроенію. Такъ упоминаются образцовыя суда на Ладогѣ, Вышнемъ Волочкѣ, въ Твери, Дѣдиновѣ московской губерніи, въ Нижнемъ и въ другихъ мѣстахъ ⁽¹⁾. Въ 1719 г. велѣно было подмастерью корабельнаго дѣла Сурмяну ѣхать въ ярославскій и романовскіе уѣзды съ приказаніемъ дѣлать романовки по новому образцу, какой сдѣланъ въ Петербургѣ плотниками-крестьянами ярославскаго уѣзда, и объявить по приѣздѣ имена послѣднихъ, чтобы судохозяева могли нанять ихъ, а другіе учиться отъ этихъ плотниковъ ⁽²⁾. Указъ 11 января 1723 г. говоритъ, что на Олонцѣ промышленности уже изучены въ судовомъ строеніи, а ученика корабельнаго дѣла Илью Нѣмцева, бывшаго тамъ, нужно перемѣстить въ низовые города, гдѣ одному Шпаку трудно находится въ разныхъ мѣстахъ у судостроенія ⁽³⁾. — Посылалась въ мѣста судостроенія конопатчица учить крѣпко конопатить новоманерныя суда ⁽⁴⁾.

Наконецъ Петръ Великій заботился научить русскихъ добыванью и обработкѣ нѣкоторыхъ *продуктовъ животнаго царства*.

Такъ въ завоеванную отъ Персіи провинцію Гилянъ, богатую тузовыми садами, Петръ посылалъ молодыхъ людей изъ астраханцевъ и визлярцевъ учиться шелководству ⁽⁵⁾. Въ 1718 г. позволено было армянину Сафару Васильеву на заводимый имъ заводъ для дѣланія шелку сырцу нанимать въ ученики всякихъ чиновъ людей, кромѣ солдатъ и матросовъ съ платежомъ за труды достойной платы. Изъ донесенія его (въ указѣ 20 мая 1726 г.) видно, что „въ обученію въ работу у него наняты городскіе обыватели армяны, тевки и черкасы, а также и кочевые татары 10 кибитокъ.... тѣ ученики и работники оному шелковому дѣлу являются заобычайны“ ⁽⁶⁾.

По предложенію Кассиса (1724 г.)—выписать италянскихъ мастеровъ, какъ не только очень искусныхъ въ уходѣ

⁽¹⁾ П. С. З. №№ 3139, 3165, 3239, 3638, 3865, 4141, 5, 6, 11, 12 и 16 пп.

⁽²⁾ П. С. З. № 3387.

⁽³⁾ П. С. З. № 4141, 15.

⁽⁴⁾ П. С. З. №№ 2956 и 4058.

⁽⁵⁾ Афанасьевъ, июль, 113 стр.

⁽⁶⁾ П. С. З. № 4887.

за шелковичными червями, въ приготовленіи шелка и въ выдѣлкѣ разнаго рода шелковыхъ матерій, но и могущихъ научить всему этому русскихъ безъ большихъ издержекъ, Петръ поручилъ ему доставить въ Россію таковыхъ „мастеровъ шолковыхъ, которые около червей ходятъ и шелкъ строить по италіански умѣютъ“, также бархатныхъ и легкихъ парчей мастеровъ и отправить въ Италію „русскихъ ребатъ для ученя; но ежели скорѣе поймутъ, нежели опредѣленный срокъ ученикамъ, то-бы ихъ, освидѣтельствовавъ, прислать, хотя-бъ на то и особое иждивеніе употребить“⁽¹⁾. Больше вниманія Петръ обращалъ на обученіе фабричному производству шелковыхъ матерій. На основанную въ Петербургѣ фабрику, гдѣ приготовлялись позументы, тесьмы, шнуры, Петръ отдалъ иноземцамъ въ ученіе русскихъ молодыхъ людей изъ бѣдныхъ новгородскихъ дворянъ и мѣщанъ. Онъ нерѣдко посѣщалъ эту первоначальную фабрику и слѣдилъ за успѣхами учениковъ. Старшіе изъ нихъ должны были каждую субботу послѣ обѣда являться во дворецъ съ образчиками своей работы, и государь распрашивалъ ихъ о занятіяхъ⁽²⁾. Объ основанной въ 1714 г. по повелѣнію Петра „для народнаго обученія“ шелковой фабрикѣ Милютина, научившагося самоучкой твать шелковыя матеріи⁽³⁾, послѣдній въ 1717 г. доносилъ, что онъ нанялъ мастера армянина для чистки пряжи и крашенія шелковъ съ платой 300 рублей, да сверхъ того поилъ и кормилъ, „а за тое плату училъ на моемъ же харчѣ учениковъ 6 человекъ и изъ того числа годныхъ обучилось 4 человекъ....“ нанялъ (еще) „мастера гамбургца на 3 года, и платы ему плачу по 330 рублей на годъ.... и обѣщалъ оный мастеръ выучить 15 человекъ русскихъ людей ленты и позументы твать, гладкіе и фигурные узоры набирать и рисовать чему онъ самъ умѣетъ; а вышеупомянутые ученики и работники всѣ на моемъ хлѣбѣ, также и на одежду даю имъ плату и набираю учениковъ изъ убогихъ людей, и держу съ записми, а за записи плачу пошлинныя же своими деньгами; въ томъ числѣ есть ученики добрые, а иные и

(1) П. С. З. № 4600.

(2) Афанасьевъ, іюль, II, 61—62.

(3) Тамъ же 64.

злые: не хотятъ учиться и добрыми людьми быть, сбѣгаютъ, повиня мастерство и противъ записей не держатся“. — При основаніи шелковой фабрики Шафировымъ и Толстымъ (1718), было дано имъ право свободного найма въ ученики всякихъ чиновъ людей, кромѣ солдатъ и матросовъ⁽¹⁾.

Упоминаются мастеръ и ученики воскобѣдильнаго завода⁽²⁾.

Въ концѣ одного именнаго указа прибавлено: „мастера послать, дабы выучить солить треску“⁽³⁾.

Нуждаясь въ хорошей шерсти для суконныхъ фабрикъ, правительство нашло нужнымъ научить русскихъ болѣе правильнымъ приемамъ овцеводства, а для этого составило и объявило „регулы, какъ содержать овецъ по шленскому обыкновенію“. Нѣкоторые великороссійскіе помѣщики, слѣдуя этимъ правиламъ, начали получать шерсть, которая стала цѣниться въ четверо дороже противъ прежней. Впослѣдствіи тоже самое было еще разъ подтверждено малороссіанамъ особымъ манифестомъ, обнадеживавшимъ ихъ милостью: „а мастеровъ, которые будутъ каждого наставлять въ содержаніи по тѣмъ регуламъ овецъ и надсматривать, велѣли мы содержать на нашемъ жалованьи“⁽⁴⁾. Около этого времени (1724 г.) Петръ хотѣлъ „послать Румянцеву на Украинѣ ордеръ.... чтобы высылалъ своихъ людей для изученія ходить за овцами и баранами, такожъ чтобъ они научились стричь и порядочно выдѣлывать шерсть“⁽⁵⁾. Въ томъ же году состоялся именной указъ: „въ Шлезію для достовѣрнаго усмотрѣнія и обученія россійскаго народа, какъ тамъ овецъ въ лѣтнее и зимнее время содержать и довольствуютъ и стригутъ и шерсть въ дѣло употребляютъ, послать изъ мануфактуръ-коллегии комиссаромъ маіора Кологриваго и къ нему придать изъ дворянъ молодыхъ двухъ человѣкъ и съ ними изъ русскихъ овчаровъ, которые къ тому уже поза-

(1) П. С. З. № 3176; № 3089.

(2) П. С. З. № 3516.

(3) П. С. З. № 4420.

(4) П. С. З. № 4532.

(5) Афанасьевъ, іюнь, 117 стр.

обычайные, сколько человекъ пристойно....“; ихъ оставить тамъ года на два (1).

Еще въ 1705 г. упоминаются ученики суконнаго дѣла; ихъ вмѣстѣ съ мастерами и работниками поручено было вѣдать судомъ и расправою Менщикову и не велѣно было брать съ нихъ никакихъ податей, кромѣ двороваго тягла.—При заведеніи одной изъ суконныхъ фабрикъ (Шеголина и К°) въ 1719 г. велѣно было Петромъ „смотреть накрѣпко.... дабы російскій народъ оной фабрики обучались съ прилежаніемъ“. Такъ какъ оказалось, что „нѣкоторые изъ російскаго народа трудолюбивые и тщательные ко оной фабрикѣ, шерсть прастъ и твять научились, а красить и лощить, и гладить, и тискать, суконъ пристригать и ворсить еще необыкновенны: для того всѣхъ тѣхъ мастерствъ договариваясь съ мастерами, обучать изъ російскаго народа безкрытно, дабы въ Россіи такого мастерства изъ російскихъ людей было довольно число; а которыхъ мастеровъ при томъ суконномъ дѣлѣ нынѣ нѣтъ, и такихъ оной компаніи изъ иноземцевъ добраго мастерства и принадлежаціе инструменты выписывать самимъ“. Требованія правительства основывались и на томъ, что оно дало этой компаніи 30000 р. заимообразно съ правомъ уплачивать этотъ долгъ приготовленными на фабрикѣ сукнами (2).

Были также ученики на шпалерной фабрикѣ (3).

Желая ввести въ Россію улучшенные способы кожевеннаго производства, Петръ старался обучить имъ русскихъ промышленниковъ: „понеже юфтъ, говорится въ указѣ 1716 года, которая употребляется на обувь, весьма негодна есть къ ношенію, ибо дѣлается съ дегтемъ, и когда мокроты хватить, расплывается и вода проходить: того ради оную надлежитъ дѣлать съ ворваннымъ саломъ и инымъ порядкомъ, чего ради посланы изъ Ревеля мастера къ Москвѣ для обученія того дѣла, для чего повелѣвается всѣмъ вышеписаннымъ промышленникамъ во всемъ государствѣ, дабы отъ каждаго города по нѣсколько человекъ ѣхали въ Москву и обучались;

(1) П. С. З. № 4459. Веберъ упоминаетъ о 20 шлезвигскихъ овцеводахъ, посланныхъ въ Казань «чтобы ознакомить русскихъ со стрижкою тамошнихъ овецъ и съ обработкой шерсти». Р. Арх. 1872 г. 1415 стр.

(2) П. С. З. № 2084; №№ 3309 и 3526.

(3) Соловьевъ, XVI, 221.

се́му обученію дается срокъ два года^а. Невыучившимся запрещено подѣ угрозой ссылки въ каторгу готовить юфть по прежнему⁽¹⁾.

Въ 1718 г. подтвержденъ этотъ указъ черезъ промышленниковъ, которые „учились“ уже дѣлать кожи съ ворваннымъ саломъ.—Въ 1717 г. состоялся указъ о высылкѣ изъ городовъ, гдѣ есть кожевенные заводы по два и больше мастеровыхъ людей „къ кожевенному обученію“.—Въ 1719 году велѣно было послать иноземцевъ мастеровъ юфтянаго дѣла для обученія русскихъ людей⁽²⁾ въ кievскую и азовскую губерніи, по 2 человекъ. На учрежденномъ въ Казани заводѣ пумповыхъ кожъ, по донесенію Кудрявцева (1720 г.) „англичанинъ пумповыхъ кожъ мастеръ Умфри учениковъ, по видному, учить прилежно и ученики сказываютъ, что ни въ чемъ отъ нихъ не скрывается...“ Наконецъ Петръ посылалъ въ Англію молодыхъ людей учиться выдѣлкѣ кожъ⁽³⁾.

Отношенія, въ какія былъ поставленъ закономъ промышленный ученикъ къ людямъ, завѣдывавшимъ его обученіемъ,—къ мастерамъ, фабрикантамъ и заводчикамъ во многихъ случаяхъ сходны съ отношеніями, въ какія былъ поставленъ по закону тогдашній работникамъ къ капиталисту, но отъ введенія новаго элемента,—обученія, эти отношенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ стали различаться.

Такъ завѣдывавшіе обученіемъ должны были желать вознагражденія за свои труды и заботы, и законъ позаботился объ этомъ. Хотя по указамъ отъ ученика не требовалось денежной платы за ученіе, а напротивъ правительство и частныя лица безденежно предлагали свои услуги желающимъ учиться, платили жалованье мастеровымъ-учителямъ, даже часто давали харчи, одежду, „достойную плату“, „ученичье жалованье“⁽⁴⁾; но зато за свои услуги и затраты правительство и частныя лица, фабриканты, заводчики и мастера, по закону, вознаграждались трудомъ обучаемого и

⁽¹⁾ П. С. З. № 2949.

⁽²⁾ 3441, 3087, 3335.

⁽³⁾ Соловьевъ, XVI 223. Афанасьевъ, июль, 72.

⁽⁴⁾ Кромѣ упомянутыхъ выше фактовъ о платѣ и жалованьи ученичьемъ есть еще общее постановленіе въ регламентѣ мануфактуръ-коллегии № 4378, 12 п.

пользовались сообщенными знаніями не только во время самаго ученья но и послѣ,—ученикъ долженъ былъ „заживать урочные годы“. Обыкновенный срокъ былъ 7 лѣтъ, но иногда къ этому сроку прибавлялась еще трехлѣтняя обязательная работа въ качествѣ подмастерья. Сначала въ отдѣльныхъ указахъ, потомъ въ общемъ постановленіи, регламентѣ мануфактурь-коллегіи, Петръ старался установить подобнаго рода вознагражденіе за обученіе, старался прикрѣпить учениковъ къ обучившимъ ихъ, предписывалъ наказаніе ученикамъ, бѣжавшимъ до срока и назначилъ сторублевый штрафъ съ лицъ, умыленно переманивавшихъ къ себѣ на работу, а съ принявшаго неумыленно—обыкновенный штрафъ за бѣгство. Послѣ наказанія пойманнаго ученика обратно отдавали на заводъ или фабрику (¹). По окончаніи ученья мастеръ, какъ дѣлалось въ чужихъ краяхъ, давалъ свидѣтельствованное письмо о томъ, что ученикъ совершенно выучился, не то послѣдній не признавался за мастера (²).

Не вдаваясь въ обширный вопросъ объ отношеніяхъ работника къ капиталисту при Петрѣ, упомяну только со словъ Афанасьева, что внутреннее управленіе надъ фабрикой, даже самыя судъ и расправа (кромѣ убійственныхъ дѣлъ) до самаго учрежденія мануфактурь-коллегіи отдавалась фабрикантамъ или директору надъ фабрикой. Это впрочемъ подтверждается и указомъ, которымъ Меншиковъ назначенъ былъ директоромъ суконной фабрики. Слѣдовательно фабричный ученикъ-работникъ и въ этомъ отношеніи становился зависимымъ отъ заведывавшаго его обученіемъ (³).

Такимъ образомъ если припомнимъ, что иногда учиться ремесламъ и мануфактурамъ отдавали безъ согласія учениковъ, что бывали ученики изъ нищихъ (на игольномъ заводѣ) и изъ бѣдняковъ (напр: на шелковой фабрикѣ у Милютина), т. е. люди, зависимые отъ фабриканта, какъ обыкновенно бѣднякъ зависитъ отъ богача, что были ученики изъ бѣглыхъ крестьянъ, нуждавшіеся для избѣжанія преслѣдованій помѣщика и закона въ убѣжищѣ и покровительствѣ фабриканта и чрезъ то также зависимые отъ него, и особенно,

(¹) П. С. З. №№ 3980, 3543, 4378, 12 п., 3309, 3176.

(²) П. С. З. №№ 1752, 2344, 3543, 3980.

(³) Афанасьевъ, июль 18. П. С. З. № 2081.

если припомним тяжелый способ вознагражденія за обученіе—семилѣтнее закрѣпощеніе, при юридическомъ безправіи (не говоря вообще о его экономическихъ отношеніяхъ въ капиталисту), мы должны придти къ заключенію, что ученики-работники поставляемы были часто къ завѣдывавшимъ ихъ обученіемъ не только въ неравноправныя отношенія, но являлись иной разъ безсильными личностями передъ произволомъ какого нибудь фабриканта.—Законъ только въ концѣ 1723 г. позаботился о промышленномъ ученикѣ, когда регламентомъ мануфактуръ-коллегии предписано было ей „всякое попеченіе имѣть о ученикахъ“, „смотреть за компанейщиками, чтобы не было препятствій обученію отъ нужды или недовольства ученикамъ и мастерамъ“, и чтобы ихъ „порядочно содержали“. Мануфактуръ же коллегіи поручено было и экзаменовывать учениковъ⁽¹⁾.

Протестъ противъ невыгодныхъ, тяжелыхъ условий своего положенія ученики могли высказывать тѣмъ, что бѣжали съ фабрикъ, отъ мастеровъ. Если имъ приходилось попадать въ подобныя отношенія за границей, гдѣ для русскихъ было больше свободы въ дѣйствіяхъ, то ремесленные ученики не хотѣли ни у мастеровъ быть, ни у контракторовъ или записей рукъ прикладывать⁽²⁾.

Стремясь расширить передаточную промышленность-торговлю, Петръ Великій заботился научить русскихъ *необходимымъ* для этого *свѣденіямъ*. Такъ онъ старался познакомить съ мореплаваніемъ не однихъ только военныхъ моряковъ, но и другихъ русскихъ людей. Гостямъ Баженинымъ не только позволено было свободно принимать и держать русскихъ, желавшихъ поступить на корабли „для науки морскія службы“, но даже отнюдь не велѣно административнымъ лицамъ брать поступившихъ къ Баженинымъ на казенную службу. Въ Петербургѣ розданы были безденежно разныхъ чиновъ людямъ парусныя и гребныя суда, и чтобы научить, какъ плавать и содержать ихъ, кромѣ наданныхъ для этого правилъ, велѣно было съ мая до октября по разу еженедѣльно ѣздить по морю въ указанномъ мѣстѣ „лавирами, полу- и фордовиндомъ для обученія“ 2, 3, 4 часа, смотря по времени

(1) П. С. З. № 4378, 24, 25 пп.

(2) Фактъ у Соловьева XVI, 302—303.

года. Съ невзвившихся на экзерцицію и уѣхавшихъ съ нея раньше срока брался штрафъ⁽¹⁾. — Весьма вѣроятно, что желаніе обучить русскихъ было однимъ изъ побужденій сдѣлать распоряженіе, по которому на службу на торговые корабли позволялось преимущественно матросовъ русской націи, иноземцевъ же не больше четверти, а иноземцамъ позволено имѣть въ Россіи транспортныя суда только подъ условіемъ, если на нихъ будутъ матросами русскіе⁽²⁾.

Приучая русскихъ къ новому для нихъ торговому пути, — морю, Петръ вмѣстѣ хотѣлъ познакомить съ практикой самаго торговаго дѣла въ томъ видѣ, какъ оно велось за границей. Коммерцъ-коллегіи именнымъ указомъ отъ 8 ноября 1723 года велѣно было „посылать въ чужіе края торговыхъ людей дѣтей, чтобъ никогда меньше 15 человекъ въ чужихъ краяхъ не было, и когда которые обучатся, брать назадъ, а на ихъ мѣсто новыхъ, а обученнымъ велѣтъ здѣсь обучать (понеже всѣхъ посылать невозможно); чего ради брать изъ всѣхъ знатныхъ городовъ, дабы вездѣ сіе велось; а въ Ригу и Ревель человекъ 20 и роздать капиталистамъ сіе обое число изъ посадскихъ; въ тому же коллегіи трудъ имѣть обучать коммерціи опредѣленныхъ изъ дворянскихъ дѣтей“⁽³⁾.

Послѣ разсказа о мѣрахъ, предпринятыхъ Петромъ Великимъ для обученія русскаго народа разнымъ видамъ военного искусства и промышленности, перейдемъ къ мѣрамъ обученія другимъ спеціальнымъ знаніямъ, привлекавшимъ меньшее сравнительно съ предыдущими вниманіе преобразователя. Прежде всего о мѣрахъ къ обученію *медицины*. Медицину учили при Петрѣ не люди, посвятившіе себя исключительно только этому педагогическому дѣлу, но, какъ было часто въ то время и въ другихъ случаяхъ, сообщавшіе свои знанія при отправленіи своихъ собственныхъ обязанностей. При этомъ дѣло обученія могло отодвигаться на второй планъ. Такимъ образомъ были ученики у лѣкарей полковыхъ, корабельныхъ, госпитальныхъ. — По воинскому уставу, полковые лѣкари повинны рогныхъ фельдшеровъ не только для одного

(1) П. С. З. №№ 1749; 3193. Записки Вебера Русск. Арх. 72 г. 1067 стр.

(2) П. С. З. № 3937, 79 и № 3863.

(3) № 4348, 4 п.

бритья солдатскаго употреблять, но и учить лѣкарскому дѣлу⁽¹⁾. Во флотѣ подъ вѣдомствомъ главнаго доктора положено было имѣть при одномъ лѣкарѣ на большемъ кораблѣ по два лѣкарскихъ ученика, а на маломъ по одному; каждому ученику поручался уходъ за нѣсколькими больными⁽²⁾. Въ портахъ при госпиталяхъ, кромѣ доктора и старшаго лѣкаря были простые лѣкаря по одному на 200 больныхъ, и каждому велѣно было имѣть по 2 гезеля и по 4 ученика, получившихъ квартиру и пищу при госпиталѣ. Здѣсь велѣно было обучать не только однихъ учениковъ, но иногда и лѣкарей, и гезелей. Эта обязанность лежала на докторѣ, онъ долженъ былъ „чинить часто разобраніе анатомическое тѣламъ человѣческимъ въ палатѣ, опредѣленной на то, причемъ лѣкари, гезели и ученики должны быти, которымъ долженъ онъ толковать о всѣхъ членахъ, и о болѣзняхъ, и о лѣкарствахъ, пристойныхъ въ тѣмъ болѣзнямъ, а особливо, которыя будутъ болѣзни странныя, тѣхъ отнюдь не пропускать безъ анатоміи“⁽³⁾.

Въ основанномъ въ 1707 г. въ Москвѣ военномъ госпиталѣ Петръ велѣлъ доктору голландцу Бидлоо не только самому лѣчить, но и научить нѣсколько молодыхъ русскихъ людей, знающихъ голландскій и латинскій языки „хирургіи по основанію анатомическому“. Изъ прошенія этого доктора (1712 г.) видно, что онъ въ разное время набралъ до 50 студентовъ и обучалъ ихъ главнымъ образомъ анатоміи, хирургіи и во искусствѣ травъ, часто для этого собственноручно дѣлалъ операціи, не забывая учить пользоваться и другія болѣзни, кромѣ хирургическихъ. Изъ 50 его учениковъ 8 бѣжали, 6 умерли: нѣкоторые изъ остальныхъ усвоили, по словамъ Бидлоо, искусство основательно: „о хирургической наукѣ такъ научилъ, что они во Франціи, Германіи и прочихъ государствахъ, такожь и у вашего величества при дворцѣ во искусствѣ своего ученія похвалены“⁽⁴⁾.—Въ 1719 г., по предложенію адмирала, Петръ велѣлъ отослать къ доктору Блументросту изъ школьниковъ 30 человѣкъ, знающихъ латин-

(1) П. С. З. № 3006, XXXIII гл. 4.

(2) П. С. З. № 3485, отдѣлъ, — сколько какихъ чиновъ людей надлежитъ быть на кораблѣ. Кромѣ того кн. I, гл. VI, кн. III, гл. X.

(3) П. С. З. № 3937 и XLVII, L, 10 п. LI, 2 и 5 шп.

(4) Пек. I, 132—133, 136.

скій и нѣмецкій языкъ, выбравъ изъ нижнихъ чиновъ, для обученія лѣварскаго (¹).

Въ 1698 г., по желанію дьяка посольскаго приказа Волкова, сынъ его былъ отправленъ Петромъ учиться медицинѣ въ падуанскій университетъ съ содержаніемъ въ 1000 ефимковъ. Во время пребыванія во Франціи Петръ просилъ искуснаго офталміатра Уальгоза взять для обученія русскаго ученика. Въ 1724 г. одинъ изъ учениковъ Бидлоо Яповскій былъ посланъ во Францію для усовершенствованія въ медицинѣ (²).

Вмѣстѣ съ устройствомъ новыхъ коллегіальныхъ учрежденій предприняты были мѣры для обученія тамъ практическимъ свѣдѣніямъ по *юриспруденціи*. Сначала въ каждую коллегію дозволено было принимать въ ученіе 6—7 человекъ изъ шляхетства; но такъ какъ такого количества изъ шляхетства не поступало, а въ иныхъ коллегіяхъ даже не было ни одного человека, то велѣно было въ 1724 году, сдѣлавъ смотръ ученикамъ разныхъ школъ и выбравъ 100, разослать ихъ по коллегіямъ. Поступившихъ въ коллегію юнверовъ послѣ первоначальнаго обученія письму черезъ переписку дѣлъ и ариметикѣ велѣно было, подѣ угрозой жестокаго наказанія коллежскимъ членамъ за неисполненіе предписаннаго и за послабленіе, обучать подѣ руководствомъ секретаря коллегіи отправленію всякихъ, начиная съ самыхъ нижнихъ, привязныхъ дѣлъ, принадлежащихъ вѣденію извѣстной коллегіи (³). Въ табелѣ о рангахъ разъяснено нѣсколько, чему должно было учить, „а именно (тому), что касается до праваго суда, также торгамъ внѣшнимъ и внутреннимъ къ прибыли имперіи и экономіи..... Которые научатся вышепиманнымъ наукамъ, тѣхъ изъ коллегіи посылать въ чужіе края по нѣскольку для практики той науки (⁴).

Но обученіемъ только при коллегіяхъ Петръ не довольствовался, онъ хотѣлъ завести юридическія школы. Такъ въ 1722 году въ инструкціи герольдмейстеру поручено было ему пока академіи исправятся, учинить краткую школу; и

(¹) П. С. З. № 3375.

(²) Пекар. J, 225, 44; Смирновъ 239.

(³) П. С. З. № 4457 и № 3534, XXXVI.

(⁴) П. С. З. № 3890, 14-й пунктъ изъ приложенныхъ для руководства.

ему отъ всякой знатныхъ и среднихъ дворянскихъ фамилій обучать экономіи и гражданству указную часть⁽¹⁾.

Сознавая необходимость образования для духовенства, Петръ заботился и о *духовномъ просвѣщеніи*. Впрочемъ постояннаго и непосредственнаго участія въ созиданіи системы духовно-церковнаго образования мало замѣтно. Онъ, выбравъ того или другаго ученаго монаха, предоставлялъ ему самому почти полную свободу относительно внутренняго устройства учебной системы. Только въ послѣднее время непосредственно дополнялось имъ то или другое. Чаше же Петръ стремился способствовать дѣлу обученія духовенства вспомогательными и принудительными мѣрами. Потому въ системѣ духовно-церковнаго обученія, а именно въ важнѣйшей части ея, — школахъ, хотя замѣтно и вліяніе личности и взглядовъ государя, преимущественно отразились три направленія, соотвѣтственно лицамъ, завѣдывавшимъ дѣломъ образования: 1) направленіе Лихудовъ и ихъ учениковъ или греческое, 2) направленіе Стефана Яворскаго и кievскихъ ученыхъ или латинское и 3) направленіе Теофана Прокоповича.

Направленіе, данное духовному образованию братьями Лихудами до Петра, продолжало существовать и въ первые годы его царствованія (считая и двоевластіе послѣ Софьи), когда все еще шло по старому. Съ 1690 г. началась читаться логика и физика по Аристотелю. При изложеніи послѣдней науки наставникъ полемизировалъ съ древними философами и толкователями Аристотеля, причемъ въ основу своихъ сужденій онъ часто бралъ священное писаніе и этимъ оружіемъ поражалъ древнихъ физиковъ и атомистовъ. Кроме того по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ученики собирались въ аудиторію и слушали проповѣди или толкованіе библіи, иногда вели диспуты для пріобрѣтенія діалектической ловкости. Преподаванье шло главнѣйшимъ образомъ на греческомъ языкѣ. Съ удаленіемъ въ 1694 году братьевъ Лихудовъ по прошеніямъ іерусалимскаго патріарха и другихъ грековъ, вѣроятно, недовольныхъ тѣмъ, что Лихуды не хотѣли дѣлиться съ пріѣзжавшими въ Москву соотечественниками, дѣло, начатое Лихудами поддерживали до 1700 году ученики ихъ Поликарповъ и другіе препо-

(1) П. С. З. № 3896, 2 п.

давая грамматикѣ, пѣтику и риторикѣ на одномъ греческомъ языкѣ, изгнавъ совершенно латинскій⁽¹⁾. Направленіе Лихудовъ отразилось и на ихъ бывшихъ ученикахъ; особенно это замѣтно въ Поликарповѣ⁽²⁾. Выставляя въ своемъ букварѣ (1701 г.), что полезной цѣлью ученія можетъ считаться только то, что „учащійся въ царство небесно со святыми успѣетъ“, онъ считаетъ нужнымъ помѣщать въ своей книгѣ творенія Григорія Назіанзинина и стословецъ патріарха Геннадія, а не рѣчи Солона, Цицерона и др., а тѣмъ болѣе „Есопа фригійскаго смѣхотворныя басни“. Въ этомъ же букварѣ высказываются и его педагогическіе взгляды: онъ нашелъ нужнымъ помѣстить двѣ картинки, гдѣ ученики являются и на колѣняхъ, и кланяющимися въ ноги учителю, и разложенными на скамьѣ подъ ударами огромнаго пуга розогъ съ поясненіемъ: „лѣннии за праздность біются“⁽³⁾. Въ 1699 г. однако Поликарповъ съ товарищемъ вышли изъ академіи, поступивъ въ типографскіе справщики. Другихъ учителей, способныхъ поддерживать направленіе Лихудовъ, не оказывалось. Патріархъ Адріанъ, ревнитель греческаго направленія, состарился и мало заботился о школахъ. Петръ, сознавая неудовлетворительность подобнаго положенія дѣлъ, говорилъ Адріану, что нужно бы не одного человѣка въ учителя духовенству, что учениковъ въ московской академіи тоже мало, „никто школы, какъ подобаеть, не назираетъ“⁽⁴⁾. Наконецъ Курбатовъ извѣщалъ царя, что и внѣшняя сторона пришла въ разстройство: „школа..... въ разстройствѣ: ученики числомъ 150 человекъ очень недовольны, терять во всемъ крайній недостатокъ и не могутъ учиться: потолки и печи обвалились“⁽⁵⁾.

Неудовлетворявшее Петра состояніе академіи, — отсутствіе знатнаго и искуснаго обученія, — внѣшнее разстройство ея въ связи съ церковными беспорядками вообще и другими побужденіями, — повліяло на рѣшеніе Петра избрать блюстителемъ патріаршаго престола, а потомъ и протекторомъ академіи ученика кievской академіи, окончившаго схоластическое образованіе въ

(1) Смирновъ. 56, 61, 67, 35—38.

(2) О Головинѣ и Іовѣ смотри тамъ-же 75, 76, 77.

(3) Пекар. I, 174—176.

(4) Устряловъ, III, 511.

(5) Соловьевъ, XV, 117.

польскихъ іезуитскихъ школахъ ученаго монаха Стефана Яворскаго. Приэтомъ ему, по словамъ автора „Молотка на камень вѣры“ наиболѣе подтверждено было „дабы не жалѣя имѣнія и доходовъ дома патріаршаго, училища учредилъ и о наученіи закона христіанскаго крайне прилежалъ“....⁽¹⁾.

Іезуитскія школы пользовались въ то время еще большимъ уваженіемъ не только въ католической Европѣ, но и въ западной Россіи: по образцу ихъ была основана кievская академія и цѣлое XVII столѣтіе еще упорно держалась іезуитскаго устройства, иные православные рѣшались измѣнить своей вѣрѣ, чтобы только поучиться въ этихъ школахъ. Даже Теофанъ Прокоповичъ, враждебно относившійся къ католичеству и его слугамъ іезуитамъ и къ „латынщикамъ“, и тотъ не могъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, отдѣлаться въ иныхъ случаяхъ отъ іезуитскаго образца. Наконецъ и впослѣдствіи, до нашихъ дней, сущность этой системы крѣпко держалась въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Понятно, что Яворскій, въ качествѣ ученика лембергской и познанской школъ имѣвшій возможность познакомиться съ внутреннимъ устройствомъ этихъ школъ, а въ бытность въ Кіевѣ ученикомъ и учителемъ академіи узнавшій и устройство іезуитскаго образца, пересаженнаго на православную почву, вынесшій изъ іезуитскихъ школъ сильное нерасположеніе ко всему протестанскому, а скорѣе сочувствіе къ католичеству, Яворскій, торжественно получившій за свои знанія въ схоластическихъ наукахъ и особенно въ латинской словесности рѣдкій титулъ „poeta laureatus“ ⁽²⁾ и обязанный своимъ возвышеніемъ схоластической учености, сдѣлавшись протекторомъ московской академіи, стремился сдѣлать изъ нея нѣчто подобное іезуитской или скорѣе кievской академіи. Онъ въ этомъ тѣмъ болѣе могъ успѣть, что получилъ отъ Петра, если только самъ не добился, указъ: „завести въ академіи ученія латинскія“ ⁽³⁾. Этимъ какъ бы узаконялось предпочтеніе латинско - кievскаго направленія греческому. Яворскій

⁽¹⁾ Чистовичъ «Теофанъ Прокоповичъ и его время» стр. 394. Арсеній Маціевскій, писавшій противъ «Молотка», не опровергаетъ существованія подобныхъ требованій отъ Яворскаго.

⁽²⁾ Булгаковъ. Исторія кievской академіи 161.

⁽³⁾ Указъ этотъ упоминается у Смирнова, 80 стр.

не замедлил исполненіемъ указа. Съ вызовомъ кіевскихъ ученыхъ, занявшихъ административныя и судебныя должности, а можетъ быть, и подготовленныхъ учениковъ⁽¹⁾, что весьма вѣроятно, латинскія школы (такъ стала называться теперь академія) получили внутреннее устройство очень сходное съ кіевскою академіей.

Подробное описаніе этого устройства содержится въ сочиненіяхъ Булгакова „Исторія кіевской академіи“ и Смирнова „Исторія славяно-греко-латинской академіи“.

Главныя черты внутренняго устройства заключались въ слѣдующемъ.

Гражданская власть почти совершенно устранялась отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ внутренняго управленія школами, предоставивъ это духовному начальству. Высшей властью внутри академіи обладалъ ректоръ, онъ распоряжался суммами, надзиралъ за преподаваніемъ и образомъ жизни наставниковъ, успѣхами и нравственностью учениковъ, съ неограниченнымъ правомъ суда и расправы надъ послѣдними. За нимъ слѣдовалъ рядъ другихъ начальниковъ, преимущественно монаховъ, въ видѣ префекта, суперъ-интенданта, учителей съ правами наказывать тѣлесно; а этими властями назначались еще своего рода начальники изъ „благонравнѣйшихъ“ учениковъ, — аудиторы, цензоры, старшіе и пр. съ тѣмъ, чтобы помогать поставившимъ ихъ, слѣдить неотступно тайно и явно за своими товарищами⁽²⁾.

Ученики⁽³⁾, поступавшіе въ кіевской академіи добровольно, а въ московской иногда подъ угрозой отдачи въ солдаты лишены были права защиты передъ цѣлымъ строемъ начальниковъ, и жизнь ихъ въ академіи должна была подвергаться всѣмъ случайностямъ несдерживаемаго произвола⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ Смирновъ, 81.

⁽²⁾ Булгаковъ, 50, 55—58.

⁽³⁾ Число ихъ извѣстно только за нѣкоторые года; такъ въ 1715 г. въ Кіевѣ обучалось 1100, а въ 1717 въ Москвѣ слишкомъ 200.

⁽⁴⁾ Къ сожалѣнію, относительно внутренняго устройства обѣихъ академій въ началѣ XVIII вѣка приходится довѣрять большую частію на слово Булгакову и Смирнову, такъ какъ первый описываетъ внутреннее состояніе академіи, при разсказѣ о второй половинѣ XVII вѣка и утверждаетъ, что подобное устройство надолго осталось и перешло въ моск. академію, не считая нужнымъ при разсказѣ о XVIII в. касаться ея внутр. состоянія. Смирновъ-же только утверждаетъ о перенесеніи въ Москву кіевскихъ порядковъ, но не описываетъ ихъ.

Относительно же предметовъ учебныхъ занятій и метода изложенія преподаваемыхъ знаній можно сказать, что въ обѣихъ академіяхъ господствовала схоластика. Научившійся читать послavianски и писать могъ быть принятъ въ высшій классъ академіи,—фару. Въ этомъ классѣ, точно также какъ и въ слѣдующихъ: инфимѣ, грамматикѣ и синтаксисѣ, особенное вниманіе обращалось на латинскій языкъ, такъ какъ на немъ читались почти всѣ другіе предметы, писались упражненія, говорились рѣчи и велись диспуты, онъ былъ обязательнымъ разговорнымъ языкомъ въ классахъ. Впрочемъ Максимовичъ замѣтилъ (1723—1724), что въ славяно-латинской академіи „учащіяся юноши истое познаніе латинскаго языка съ неудобствомъ пріемлютъ за скудостью лексионовъ“⁽¹⁾. Но и уступившій свое мѣсто греческій не былъ забытъ какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Москвѣ. Въ послѣдней въ 1704 г. была открыта греческая школа, гдѣ Лихуды учили и учениковъ латинскихъ школъ греческому языку⁽²⁾. За то въ дурномъ состояніи было обученіе славянскому языку. Вотъ что говоритъ про это въ 1721 г. Поликарповъ: „славянская грамматика въ тѣхъ училищахъ не преподаваема за оскуденіемъ сихъ книгъ.... грамматика... едва гдѣ обрѣтается, аки искра въ пеплѣ сокрываема“⁽³⁾. Съ слѣдующихъ затѣмъ классовъ піитики и риторики начиналось вполнѣ господство схоластики. Здѣсь руководствовались главнымъ образомъ правилами Цицерона и Квинтиліана. Въ піитикѣ цѣлый годъ знакомили съ разными родами и видами поэзіи и просодіи, преимущественно латинской, и затѣмъ учили по правиламъ стихосложенія слагать разнаго рода вирши и канты на праздники и торжественные случаи. Въ этихъ, въ большинствѣ мертвыхъ, спитыхъ механически по мѣрѣмъ силлабахъ можно было найти много лести, напыщенныхъ фразъ и украшеній, но мало развивающаго, а еще меньше поэзіи⁽⁴⁾. Риторика оставалась въ сущности той же средневѣковой учительницей краснорѣчія, которая въ продолженіи двухъ лѣтъ „преподавала правила касательно размноженія словъ и мыслей вообще и въ част-

(1) Смирновъ, 109; Булгаковъ, 54 и 75; Пекар. I, 194.

(2) Булгаковъ 77; Смирновъ, 73.

(3) Забѣлинъ Характеръ древняго обвазованія 11—12.

(4) Булгаковъ, 62, 78, 147; на 149 стр. конспектъ учебника поэзіи. 1720. Образцы и характеристика у Пекар. I, гл. XIII.

ности,.... правила, навчающія сочинять рѣчи поздравительныя, привѣтственныя, просительныя, благодарственныя, прощальныя и надгробныя»⁽¹⁾. Развѣ ту практическую пользу можно было извлечь изъ пѣтики и риторики, что научившійся имъ могъ, забавляя слушателей пѣніемъ кантовъ и произнесеніемъ рѣчей, воскурая фиміамъ предъ сильными міра сего, получить подачку въ какомъ нибудь видѣ⁽²⁾.

Въ философіи читалась впродолженіи двухъ лѣтъ схоластическая философія по Аристотелю и комментаторамъ на него (къ Декарту относились недовѣрчиво). Подъ именемъ философіи преподавали скорѣе то, что могло составить предметъ логики, физики, магіи, метафизики, космографіи, астрологіи, фивіологіи, психологіи, метеорологіи въ тогдашнемъ ихъ состояніи, такъ что тутъ наряду съ немногими живыми вопросами разсматривались и мельчайшіе виды силлогизма и вопросы въ родѣ, *quid essentia formae et quidditas compositi?* вопросы о симпатіи и антипатіи, о томъ, что такое пустота?, *de subsistentia, de substantia*, о числѣ небесъ, о вліаніи звѣздъ, о сиренахъ и розѣ безъ шиповъ, о душѣ прозябательной и т. п.⁽³⁾.

Въ богословскомъ классѣ читался впродолженіи 4 лѣтъ обширный курсъ богословія по системѣ Тома Аквината. Схоластики не довольствовались только тѣмъ, на что есть указанія въ библіи, а старались искать въ ученіи о Богѣ и ангелахъ сторонъ трудныхъ и непостижимыхъ, въ родѣ вопросовъ: о познаваемости и возможности воплощенія, въ чемъ состоитъ сущность свѣта славы въ жизни будущей? гдѣ сотворены ангелы? и т. п.

Въ богословіе входило также и объясненіе видовъ волшебства: договоровъ съ дьяволомъ, колдовства, оборотничества, и предлагались средства противъ этого⁽⁴⁾. — Какимъ же методомъ рѣшались упомянутые философскіе и богословскіе вопросы? За отсутствіемъ экспериментальнаго

(1) Учебники 1689, 1698; конспекты риторики 1706, 1711, 1722 гг. у Булг. 64—65, 148—149.

(2) Булг. 79, 106—107; Смирн. 96; Пекар. I, 362.

(3) Учебникъ философіи Лопатинскаго. Разборъ его у Смирнова 158—168. Булг. 67 и 68, 144.

(4) Смирновъ 143; Булгаковъ 69 и слѣд. Смирновъ 150.

и вообще научнаго метода вопросы рѣшались извѣстнымъ схоластическимъ способомъ. При этомъ ученику приходилось для объясненія, доказательства и подтвержденія всѣхъ тезисовъ, пунктовъ, возраженій и опроверженій заучивать тексты священнаго писанія, мнѣнія отцовъ церкви, догадки ученыхъ схоластиковъ, иногда предположенія, противорѣчившія одно другому, неопѣнныя, оставленныя безъ всякаго вывода, распутывать мысленно всѣ отвлеченныя тонкости силлогизмовъ, запомнить послыжки ихъ, чтобы самому сѣумѣть вывести заключеніе, а потомъ показать свои знанія на торжественномъ диспутѣ или на экзаменѣ. Мысль ученика, носясь вѣчно въ туманѣ предположеній и отвлеченностей, тѣмъ болѣе должна была сильно изнуряться, что даже для людей взрослыхъ и подготовленныхъ, какъ г. Булгаковъ „ничего не можетъ быть труднѣе, по его словамъ, для вниманія, какъ *читать* подобныя диспутаціи“. Не менѣе обременялась и память ученика, набиваемая еще съ самаго поступленія латинскими и греческими вокабулами, метрами и риторическими фигурами. Тяжесть подобныхъ занятій сознавалась иногда и схоластиками. По крайней мѣрѣ Арріага говоритъ въ одномъ письмѣ: „вижу, что у тебя кругомъ голова пошла отъ столькихъ превращеній частей въ силлогизмахъ, и разсудокъ и память забиты повтореніемъ множества согласныхъ и гласныхъ: я 20 лѣтъ былъ въ школахъ и въ знаменитыхъ академіяхъ, присутвовалъ при множествѣ диспутовъ, и не зналъ ни одного, кто бы съ пользою могъ усвоить всѣ формы превращенія силлогизмовъ“ (1).

Внѣшнее существованіе кievской академіи поддерживалось главнымъ образомъ на доходы съ вотчинъ кievобратскаго монастыря, при которомъ она находилась, и который заботился о училищномъ зданіи, и содержаніи (безъ жалованья) учащихъ и нѣсколькихъ учащихся, жившихъ въ бурсѣ при монастырѣ. Но доходы съ этихъ вотчинъ, кромѣ того что шли на содержаніе братіи и монастыря, были очень ограниченны и непостоянны, количество ихъ обуславливалось физическими явленіями, войной, хозяйственнымъ управленіемъ. Теофанъ Прокоповичъ говорилъ, что до того времени, какъ онъ сдѣлался ректоромъ, „въ братскомъ монастырѣ такая была во всемъ нищета, что и вспомнить печально“. Не смотря на то, что при Петрѣ число монастырскихъ вотчинъ увеличилось, что онъ велѣлъ ежегодно отпускать 50 рублей деньгами и

50 четвертей хлѣба, и тѣмъ положилъ начало ея независимымъ и постояннымъ средствамъ, всетаки этихъ средствъ было недостаточно для обезпеченія всѣхъ учащихся. Для воспитанниковъ академіи начальство прибѣгало къ сборамъ добротныхъ пожертвованій; одни изъ учениковъ поступали на кондиціи; другихъ же помѣщали при приходскихъ церквахъ исправлять церковныя службы; иные получали деньги за пѣніе кантовъ, а иные съ билетами отъ академіи расходились по кievской губерніи для сбора пожертвованій и подаяній⁽¹⁾.

Въ московской академіи по ходатайству Яворскаго определено было жалованье учителямъ—сначала по 100 рублей; въ 1710 г. оно было увеличено Петромъ до 300 р. ректору и до 150 учителямъ. Съ 1701 же года положено было и жалованье ученикамъ: богословамъ давалось на день по 8 денегъ; а съ 1718 г. 2 алтына; ученикамъ философіи по 8 денегъ постоянно; ученикамъ же прочихъ школъ по 6 денегъ. Такимъ образомъ въ промежутокъ времени отъ 1701—1713 г. ежегодно отпускалось среднимъ числомъ на жалованье почти 2756 р. Въ гораздо худшемъ состояніи находилась другая сторона академическаго хозяйства, какъ это видно изъ меморіала Яворскаго, поданнаго государю и писемъ Теофилакта Лопатинскаго (1715—16 гг.): „школы обветшалыя и ворота разоренныя и весь дворъ школьный исправленія требуютъ.... Кельи учительскія деревянныя и весьма сгнили и жить въ нихъ невозможно.... невозможно будетъ и ученикамъ въ школы ходить и учителямъ въ кельяхъ обветшалыхъ жити. Разореніе сіе школъ многимъ смерть.... можетъ сотворити“. Наконецъ послѣ многихъ просьбъ въ 1718 г. выдано было имъ указомъ 2746 рублей на поправку академіи⁽²⁾. Учащимъ и учащимся приходилось еще выдерживать обиды отъ сильныхъ лицъ. Яворскій въ меморіалѣ говоритъ: „учителямъ и ученикомъ озлобленіе великое творится отъ сильныхъ лицъ и учениковъ бьютъ безъ доложенія, кому надлежитъ, и на учительный дворъ разбоемъ и скопомъ находятъ; отъ которыхъ не малое безчестье и разореніе чинится⁽³⁾“.

(1) Булгаковъ, 50—52, 104—111; Чистовичъ, 19.

(2) Смирновъ 95—96, 88, Чистовичъ 31.

(3) Чистовичъ 31.

Разсмотрѣвъ внутреннее устройство академіи съ беззащитнымъ положеніемъ учащагося, съ трудной для изученія схоластической наукой, а также и нѣкоторыя черты внѣшняго быта, гдѣ ученіе также было не въ безопасности, невольно задаешь себѣ вопросъ, что-же заставляло тогдашнихъ молодыхъ людей подчиняться произволу начальства и биться надъ непривлекательной сухой наукой? Удерживала при академіи боязнь попасть въ солдаты; кромѣ того побуждало оставаться въ ней то, хотя и скудное, содержаніе, которое выдавала академія или помогала получать отъ другихъ, и которое безъ этого было бы трудно получить, особенно ребенку—бѣдняку⁽¹⁾, а главное оставяла надежда на выгоды, которыя отрывались для выучившихся. Можетъ быть привлекали и очень не многія свѣтлыя стороны тогдашней науки. Мнѣ кажется, что только этими побужденіями можно объяснить и то, что въ Кіевѣ, гдѣ выходъ изъ академіи, по словамъ Булгакова, былъ свободенъ, оставалось много учащихся при ней.

Но тяжелое положеніе брало верхъ надъ побужденіями остаться, и ученіе выходило изъ академіи, какъ это бывало въ Кіевѣ и Москвѣ. Если же его лишали и права выхода, старались удержать, какъ это иногда бывало въ Москвѣ, онъ бѣжалъ изъ академіи. Въ 1716 г. Поликарповъ упоминаетъ о 40 подобныхъ бѣглыхъ. По словамъ г. Смирнова, одни изъ нихъ опредѣлялись въ математическую школу, другіе въ приказъ, а иные укрывались въ домахъ родительскихъ или бродили по Москвѣ. Ихъ ловили и представляли на расправу въ академію.

Таково было въ общихъ чертахъ направленіе латинское, существовавшее въ кіевской академіи и введенное Яворскимъ и въ московскую.

Другихъ училищъ даже въ своей епархіи Яворскимъ не было основано, если только не считать того, что онъ позаботился объ ученіи требующихъ посвященія. Имъ изданы еще малыя книжцы съ толкованіемъ десяти заповѣдей⁽²⁾.

⁽¹⁾ Прокоповичъ говорилъ: «приходятъ *многіе* не для ученія, но еще иные и не способные по природѣ, для *жалованья*, только ничѣтною нуждою влекомы. Дух. регл. дома учил. 21 п.

⁽²⁾ Духовный реглам., дома училищныя XVI, 307. Смирн. 107.

⁽³⁾ Чистовичъ, 394 стр. По словамъ автора «Молодка» дѣло здѣсь шло неуспѣшно.

Но кромѣ Яворскаго въ томъ же направленіи дѣйствовали и другіе. Такъ въ 1700 г. ученикомъ кievской академіи Іоанномъ Максимовичемъ введены школы въ Черниговѣ. Въ 1705 году одинъ изъ его помощниковъ, іеромонахъ Антоній, писалъ уже: „живы будемъ,—въ настоящій годъ риторическому ученью начало положено будетъ“ Здѣсь риторикой и кончалось ученье. По примѣру кievской академіи въ черниговскихъ школахъ желающіе безпрепятственно могли оставлять ихъ. Вообще, по словамъ Булгакова, черниговская семинарія была устроена по образу кievской академіи и отъ нея получила первыхъ наставниковъ.

Въ Бѣлградѣ было заведено училище, гдѣ префектъ и учителя—монахи учили въ 8 школахъ тѣмъ же предметамъ, какъ въ кievской академіи, кромѣ богословія. Для бѣдныхъ была заведена бурса (*).

Димитрій, получившій впоследствии названіе Ростовскаго, назначенный въ 1702 г. Петромъ въ митрополиты Ростова, „завелъ училище при своемъ архіерейскомъ домѣ, и самъ ревностно занимался имъ, исполняя и учительскія обязанности, объясняя ученикамъ священныя книги“. „Завелъ было, писалъ онъ къ Іову, училище греческое и латинское, ученики поучились года два и больше, ту же начали было грамматику разумѣть не дурно; но поупущеніемъ Божиимъ скудость архіерейскаго дома положила препятствіе, питающій насъ (Мусинъ Пушкинъ) вознегодовалъ, будто много издерживается на учителей и учениковъ, и отнято все, чѣмъ дому архіерейскому питаться—не только отчины, но и церковныя дани и вѣчныя памяти“ (**).

Филодей Ленцинскій по приѣздѣ въ Tobольскъ думалъ тоже завести школы и учить грамматикѣ славянской и латинской. Петръ велѣлъ ему черезъ Виніуса „паче простираться въ ученіи славянороссійской грамматики, и чтобы вся, яже попу или діакону надобно знать, изучились, и православной вѣры катехизисъ достаточно знали и по согласію содержащей въ ней артикулъ умѣли, и людей мірскихъ учили“ (**).

(*) Пек. I, 109—110; II, 118. Булг. 91. Въ 1728 г. здѣсь учились 257 человекъ.

(**) Пек. 110. Въ 1727 г. здѣсь учились 120 человекъ.

(*) Соловьевъ XV, 126. XVI, 30.

(*) Соловьевъ 127.

Такимъ образомъ латинское направленіе все больше и больше распространялось.

Въ то же время и греческое направленіе, хотя, какъ выше было сказано, и уступило мѣсто латинскому, даже на время исчезло изъ московской академіи, всетаки нашло себѣ людей, желавшихъ поддержать его въ Россіи. Къ нимъ принадлежалъ извѣстный своей благотворительностью Іовъ, митрополитъ новгородскій. Съ позволенія Петра онъ вызвалъ къ себѣ братьевъ Лихудовъ и основалъ при своемъ домѣ греко-славянскую школу⁽¹⁾, гдѣ они и преподавали славянскую и греческую грамматику, піитику, риторику. Для преподаванія славянской грамматики не было и здѣсь хорошаго руководства. Рѣдко встрѣчавшійся обширный учебникъ Смотрицкаго, состоящій изъ вопросовъ и отвѣтовъ, съ трудными славянскими реченіями обременялъ память и затруднялъ пониманье учениковъ. Піитику и риторику Лихуды, вѣроятно, читали по своимъ руководствамъ. Изъ писемъ Іова видно, что въ 1706 г. и въ 1714 было въ этихъ школахъ слишкомъ 100 учениковъ, „которые отъ дому моего обыкновенный себѣ кормъ берутъ, да и учителя.... кормомъ, и одеждами, и жалованьемъ за труды ихъ, пользы ради своей христіанскія церкви, изъ дому же моего награждаются“. Кроме того заведено было 30 другихъ школъ по новгородской епархіи, гдѣ учили чтенію, письму и славянской грамматикѣ; въ одной восемь человѣкъ учились греческому языку, а въ другой двое—риторикѣ⁽²⁾.

Не одинъ Іовъ поддерживалъ греческое направленіе. Удаливши послѣднее изъ московской академіи, Яворскій потому почему-то нашелъ нужнымъ ввести въ латинскія школы преподаваніе греческаго языка, и оставивъ при себѣ Софронія Лихуда въ бытность послѣдняго въ 1708 г. въ Москвѣ, основалъ греческую школу, о которой было уже упомянуто выше.

По смерти Іова (1716 г.) и другой братъ Іоаннѣй былъ вызванъ въ Москву. Греческая школа продолжала существовать въ Москвѣ и во все остальное время царствованія Петра⁽³⁾.

⁽¹⁾ Пекарскій I, 113—114, 183, 216—218. Смирновъ 52.

⁽²⁾ Отъ 1706—1721 въ новгородской епархіи обучалось до 1007 человѣкъ.

⁽³⁾ Смирновъ, 72—73 и у Пекарскаго.

Но рядомъ съ греческимъ и латинскимъ направлениемъ возникло и къ концу царствованія Петра значительно успѣлось новое направленіе, появились люди, не сочувствующіе во многомъ ни прежнему направленію, ни представителямъ его въ школѣ и въ жизни, напротивъ желавшіе нововведеній въ систему духовнаго образованія, люди, сильные не своей численностью, а скорѣе поддержкой, которую они нашли въ Петрѣ. Важнѣйшимъ представителемъ этого новаго направленія можетъ считаться Теофанъ Прокоповичъ.

Свѣтлый умъ и обширная ученость, состоящая не только въ знаніи древнихъ языковъ и схоластическихъ поэзи, краснорѣчія и богословія, а основанная на изученіи отцовъ восточной и западной церкви, языческихъ и христіанскихъ древностей, классической литературы, на знакомствѣ съ протестантскими писателями, съ византійскими и славянскими лѣтописцами и историками, наконецъ его знанія по математикѣ, новой философіи (онъ изучалъ Бекона и Декарта) и новымъ языкамъ, его путешествія и его близкія наблюденія надъ строемъ римской церкви въ центрѣ католицизма ⁽¹⁾, — все это способствовало тому, что изъ него вышелъ не узкій схоластикъ, а ученый съ обширнымъ для своего времени взглядомъ на религію, науку, образованіе и на средства провести ихъ въ общество, поклонникъ науки, пропагандистъ просвѣщенія и ученья до гроба ⁽²⁾, врагъ невѣждъ и самодовольной ограниченности. Критически относясь къ католицизму и перейдя потомъ въ противники его „напечскаго духа“ и иезуитовъ, Прокоповичъ долженъ былъ враждебно смотрѣть на все, что носило вліяніе католицизма, — на русскихъ „латынщиковъ“ и на направленіе, введенное ими въ русскую учебную систему. Дѣйствительно, въ его частныхъ письмахъ, проповѣдяхъ и вообще въ его произведеніяхъ, кромѣ доказательствъ о необходимости духовнаго образованія и нападеній на невѣжество вообще, можно найти насмѣшки и паметки и на одностороннее направленіе въ духовномъ образованіи. Такъ въ „Духовномъ регламентѣ“ послѣ трактата въ защиту ученья

⁽¹⁾ Пекарскій I, 483, 488. 311—332, Чист. 5, 22 и др.

⁽²⁾ «Просвѣщенный человекъ, говорилъ онъ, никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, но не престанетъ никогда же учиться, аще бы онъ и Маусалевъ вѣкъ прежилъ». Дух. регл. домы училищныя.

противъ считающихъ его виновникомъ ересей, Теофанъ говоритъ; „естъ ученіе, которое имени того не достойно есть: а обаче отъ людей, хотя и умныхъ, но того не свѣдующихъ, судится быть за прямое ученіе. Обычно вопрошаютъ мнози, въ которыхъ школахъ былъ онсица: и когда услышатъ, что онъ былъ въ реторикѣ, въ философіи, и въ богословіи, за единия тѣя имена высоко ставятъ, въ чемъ часто погрѣшаютъ“. Объясняетъ это онъ между прочимъ и тѣмъ, что „многія училища въ прежней (средневѣковой) тинѣ остались, такъ что у оныхъ реторики, философіи и прочихъ ученій имена точию суть, и дѣло не тое.... такового же, тако рещи, привидѣннаго и мечтательнаго ученія вкусившии чловѣцы глупѣйшіе бывають отъ неученыхъ (1)“. Опредѣленіе онъ высказываетъ въ другихъ случаяхъ. Такъ говоря о значеніи воспитанія въ дѣтскомъ возрастѣ, онъ прибавляетъ: „а воспитаніе токовое въ Россіи, кто не видитъ, какъ скудное....“ говоритъ, что буквари „славянскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ написаны, того ради лишалися доселѣ отроки подобающаго себѣ воспитанія“, что религиозное образованіе заключается по мнѣнію многихъ, людей богобоязненныхъ, въ исполненіи внѣшнихъ обрядовъ, въ „тѣлесныхъ обученіяхъ“, что вообще ученіе неидетъ далѣе одного чтенія: „не многіи ли обрѣтаются книгочин, которые заповѣдей Божіихъ и силы молитвъ не знаютъ....“? Нѣкоторые же помышляютъ о себѣ, что „понеже читать умѣють, вельми мудры суть...“ (2). Относительно обученія латинскому языку въ академіи, Теофанъ говоритъ, что то, что-бы слѣдовало пройти въ годъ, „у насъ за пять и за шесть мало кто постигаетъ;—что можно знать погому, что студентъ изъ философіи или богословіи изшедшій не можетъ перевести и средняго стилиа латинскаго“ (3). Наконецъ относительно вообще односторонняго направленія тогдашнихъ схоластическихъ учителей, риторовъ, пѣтцовъ и богослововъ и о ихъ невѣжествѣ онъ пишетъ „наши латинціи такъ же (какъ и іезуиты) высоко о себѣ думаютъ, не сомнѣваясь, что проглотили цѣлый океанъ мудрости. Лѣтъ 15 тому назадъ были въ модѣ такъ называемые ораторскіе приемы (conceptus);

(1) Духовный регл., дома училищныя.

(2) Пекарскій I, 178—179, Чистовичъ 50—51.

(3) Духовный регл., дома училищныя.

церковныя воедры оглашались тогда (увы) чудными хитросглетеніями, напр., что значить б буквѣ въ имени Маріи?... и многое тому подобное. И давались на подобные вопросы отвѣты весьма важныя и солидныя. Потомъ настала другая болѣзнь. Всѣ начали стихотворствовать до тошноты, чѣмъ въ особенности страдала новая академія..... Но всетаки прежде мы не такъ еще тяжело болѣли. Нынѣ всѣ мы.... болѣемъ теологією... Всѣ стремятся учить и почти нехочетъ учиться. И въ такія то мрачныя времена, когда почти нельзя найти ревностнаго усерднаго ученика божественныхъ знаній, вотъ тебѣ безчисленное множество учителей!“ (1)—Враждебные протесты Теофана противъ латинскаго направленія не ограничились только нападками и обличеніями т. е. занятіями отрицательнаго характера. Благодаря своей дѣятельной натурѣ, онъ былъ способенъ проводить свои взгляды въ жизнь. Это еще ясно обнаружилось, когда онъ, сдѣлавшись по возвращеніи изъ за границы учителемъ, а потомъ префектомъ кievской академіи, по словамъ одного біографа „non solum logicam, metaphisicam, morumque doctrinam, sed etiam *physicam, arithmeticam et geometriam* magno cum applausu explicuit...“ „*methodo nova, clara et facili*“, какъ добавляетъ другой біографъ (2). Къ тому же обстоятельства благопріятельствовали Теофану. Онъ приобрѣлъ сочувствіе и довѣріе преобразователя и подъ защитой и по желанію этой силы онъ началъ не только свободнѣе высказывать свои взгляды, составлять уставы, проекты, но съ согласія царя и разрушать старое, и прилагать въ широкихъ размѣрахъ выработанныя имъ взгляды къ жизни.

Съ главными чертами того направленія, которое Петръ и Теофанъ хотѣли ввести въ церковно-учебную систему можно познакомиться изъ „Духовнаго регламента“, составленнаго Пролоповичемъ, поправленнаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Петромъ и получившаго потомъ силу закона, кромѣ того изъ

(1) Чистовичъ 39, а также 72.

(2) Тамъ же. 14. По словамъ Чистовича, физика, ариметика и геометрія до Прокоповича не читались. Физика читалась, но только схоластическая, а не экспериментальная, которую, вѣроятно, началъ читать Прокоповичъ, любитель опытовъ.

указа 31 мая 1722 года и изъ указовъ о монашествѣ (31 января 1724 года и 1 сентября 1723 г.).

Въ „Духовномъ регламентѣ“ были высказаны правила, какими слѣдовало руководствоваться при основаніи академіи, семинаріума и училищъ при архіерейскихъ домахъ.

Подъ верховнымъ надзоромъ синода во главѣ академіи поставленъ былъ ректоръ. За нимъ слѣдовалъ префектъ. Подъ угрозой подпасть суду синода, они должны были заботиться объ успѣшномъ ходѣ ученія. Для этого имъ велѣно было наблюдать за посѣщеніемъ классовъ учителями, самимъ являться въ классы, смотрѣть, „такъ-ли учатъ, какъ подобаетъ“, задавать при этомъ ученикамъ вопросы, знаютъ ли они, что уже должно бы имъ знать. Объ учителяхъ, непреклонномъ наставленію ректора, послѣдній доносить въ синодъ. Учителей велѣно было только принимать изъ знающихъ свое дѣло и послѣ испытанія.

Въ ученики должны были поступать дѣти священниковъ, можно было допускать и городскихъ лучшихъ людей, а дворянъ—съ разрѣшенія государя. Впослѣдствіи указомъ 1 сентября 1723 г. Петръ велѣлъ даже „во всѣхъ російской имперіи монастыряхъ переписатьъ молодыхъ ниже 30 лѣтъ монаховъ для ученія, кого какихъ наукъ возможно, въ славяно-латинскія школы собрать“. Новопоступившихъ испытывали въ продолженіи года. Если ученикъ оказывался тупымъ, то учитель долженъ былъ употреблять всевозможные способы, чтобъ узнать, не напускаетъ ли кто на себя тупость, желая отбыть отъ ученія, „какъ то другіе притворяютъ тѣлесную немощь отъ солдатства“. Весьма тупыхъ не принимали въ академію. „Буде покажется дѣтина непобѣдимой злобы, свирѣпый, до драки скорый, клеветникъ, непокорливъ (судьями ученика являясь тѣже начальники, которымъ онъ досадилъ или не покорился) и буде черезъ годовое время ни увѣщанія, ни жестокими наказаніи одолѣть ему невозможно, хотя бы и остроумень былъ, выслать изъ академіи“. Остальные должны были оставаться при ней „до конца всѣхъ ученій“.

Приступая къ ученю, учитель долженъ былъ сказать о значеніи и цѣли изученія извѣстнаго предмета. Въ учебной программѣ были сдѣланы противъ прежняго нѣкоторыя нововведенія. Такъ въ годъ, назначенный для обученія латинской грамматики, велѣно было проходить въ первое полугодіе географію, а во второе исторію, назначивъ этимъ предметамъ

служебную роль матеріала для экзерциціи, т. е. переводовъ съ латинскаго на русскій и съ русскаго на латинскій. При этомъ Теофанъ совѣтуетъ назначить особый день въ недѣлѣ, „въ который на картѣ будетъ показывать учитель циркулы, планисферія и универсальную ситуацію міра, а еще лучше бы сіе дѣлать на глобусѣ и такъ обучать студентовъ, чтобы могли перстомъ показать, когда кто спроситъ ихъ, гдѣ Азія, гдѣ Африка, гдѣ Европа, и къ которымъ сторонамъ подѣ нами лежитъ Америка, такожъ и особь о государствахъ, гдѣ Египетъ, гдѣ Хина, гдѣ Португалія и прочая, а другое полгода дагдѣ въ экзерциціи переводить исторію универсальную, да краткую: только бы былъ авторъ чистаго языка латинскаго, яковъ есть Юстинъ историкъ, и мощно будетъ послѣ другихъ усмотрѣть“. Въ слѣдъ за тѣмъ Теофанъ прибавляетъ, какіе, по его мнѣнію, плоды должно привести подобное совмѣстное изученіе грамматики съ географіей и исторіей: „и сіе весьма полезно: ибо ученицы великое (!) ко ученію возымѣютъ доброходство; когда невеселое языка ученье толь веселымъ (!) міра и мимошеднихъ въ мірѣ дѣлѣ познаніемъ раствороено имъ будетъ: и скоро отъ нихъ грубость отпадетъ (!)“. Послѣ грамматики назпачался годъ на ариѳметику и геометрію. Затѣмъ послѣ трехгодичнаго изученія логики или діалектики, риторики, стихотворнаго ученья, физики и краткой метафизики вводился новый предметъ „политика краткая Пуффендорфова, но не рѣшительно: „аще она потребна судится быть“, „можетъ она при овокунитися и къ діалектикѣ“. Богословіе проходило не въ 4. а въ 2 года, причемъ долженъ быть употребляемъ новый учено-историческій методъ, выработанный протестантской наукой, (по которому для подтвержденія догмата требовалось филологическое и историческое изученіе св. писанія и церковной древности⁽¹⁾). Если будутъ учителя, то допускалось также изученіе греческаго и еврейскаго языка.—Для пособія при обученіи должны быть выбраны лучшія заграничныя руководства по указаннымъ предметамъ, и кромѣ того при академіи должна быть заведена библіотека, которой пользуются учителя и ученики. Для изучившихъ языки даже поставлялось въ обязанность заниматься подѣ руководствомъ учителя переводомъ какого нибудь автора въ опредѣленные часы и дни.

(¹) Чистовичъ 17 стр.

„Но что паче всего, и почитай едино есть потребно и полезно: быть при академіи, а въ началѣ и безъ академіи семинаріумъ для ученія и воспитанія дѣтей, какіе вымыслено не мало во иноземныхъ странахъ“. Семинарія, въ которой предполагалось содержать 50—70 учащихся, должна была исполнять собственно назначеніе бурсъ въ томъ случаѣ, если бы она находилась при академіи, такъ какъ учить семинаристы могли бы въ послѣдней. При отдѣльномъ же отъ академіи существованіи, въ семинаріи пришлось бы, вѣроятно, не только жить, но тутъ-же вести и классныя занятія.

Въ семинаріи ректоръ также „верховная власть всѣхъ, всякимъ по разсужденію наказаніемъ наказывать можетъ“. Затѣмъ слѣдовали префекты или надсмотрщики, обязанностью которыхъ было наблюдать за соблюденіемъ порядка; каждый долженъ былъ смотрѣть за 8 или 9 семинаристами, живущими въ отдѣльномъ помѣщеніи. „А всякъ бы семинаристъ изъ избы своей безъ его благословенія не исходилъ и то съ объявленіемъ причины, куда и для чего исходитъ“. Надсмотрщикомъ можетъ быть „не вельми свирѣпый и не мелахольникъ“. Кромѣ префектовъ назначены были еще два ученыхъ монаха—экзаменаторы, т. е. „ровыщики ученья“, какъ кто учится, лѣниво или прилежно. Префектамъ и экзаменаторамъ дана была власть наказывать провинившихся учениковъ малыхъ розгою, а среднихъ и большихъ словомъ угрозытельнымъ, на неисправляющихся доносить ректору. Поступать могли дѣти отъ 10 до 15 лѣтъ; воспитанные же дома въ страхѣ и въ добромъ надсмотрѣ принимались и старше. Семинарію хотѣли сдѣлать вполне закрытымъ заведеніемъ. Поступившій въпродолженіи 3 лѣтъ не выпускался въ отпускъ никуда, и только по истеченіи этого времени позволялось 2 раза въ годъ по недѣлѣ побывать у родственниковъ, но и тутъ къ ученику приставляли провожатаго, который долженъ былъ находиться при отлученномъ „вездѣ, всегда и при всякихъ случаяхъ“, и о всемъ доносить ректору, а утаившаго дурное велѣно „бить гораздо“. При свиданіяхъ съ родственниками въ академіи также велѣно было присутствовать академическимъ членамъ: ректору или экзаминатору.— Самъ Теофанъ Прокоповичъ долженъ былъ признаваться, что „такое молодыхъ человѣкъ житіе кажется быти стужительное и заключенію плѣнническому

подобное; но, угѣшаетъ дальше онъ, это *обыкнетъ* такъ жить, хотя чрезъ одинъ годъ, тому весьма сладко (?!) будетъ“. Однако всетаки онъ находитъ нужнымъ и возможнымъ развлекать плѣнниковъ тѣмъ, что во время трапезы будутъ читаться исторіи церковныя или воинскія, а ипогда цовѣсти „о мужахъ во ученіи просіявшихъ: церковныхъ великихъ учителяхъ, риторяхъ, философахъ, астрономахъ, историкахъ“ и др. и находить, что это должно быть очень пріятно. Для развлеченія же онъ вводитъ ученіе желающихъ музыкѣ, опредѣляетъ ежедневно *два* часа для всѣхъ на гулянье и игры, однажды или дважды въ годъ разрѣшаетъ устраивать рекреации, дважды или болѣе въ годъ диспуты, комедіи.

Духовный регламентъ обязываетъ также каждаго епископа основать при своихъ домахъ школы для приготовленія священнослужителей, опредѣляетъ учебную программу и средства содержанія. Синодскимъ указомъ 31 мая 1722 г. ⁽¹⁾ было дополнено предыдущее постановленіе Духовнаго регламента, такъ что оба эти постановленія стали требовать слѣдующаго: „учителей опредѣлить умныхъ и честныхъ, которые въ книжномъ чтеніи были бѣ остры и разумны, и право-глаголаніе добро произносить и удареніе просодіи, и препиваніе строчное безпогрѣшно соблюдать знали, и другихъ научить были довольны“. Отъ учителей требовалось, чтобы они дѣтей учили не только чисто, и ясно и точно по книгамъ честь, но и учились бы честь и разумѣть. Потомъ ученики должны были затвердить назусть книжку съ толкованіемъ главнѣйшихъ догматовъ вѣры и 10 заповѣдей (букварь Прокоповича „Первое ученіе“ отрокомъ, въ которомъ были буквы и слоги, также краткое толкованіе законнаго десятословія, молитвы господней, символа вѣры и девяти блаженствъ), а другую о должностяхъ всякихъ чиновъ. Затѣмъ начиналось обученіе славянской грамматики, „а къ тому грамматическому ученю коемуждо архіерею ученыхъ людей получать, откуда кто возможетъ, и о томъ грамматическомъ ученю всепрілежное имѣть тцаніе....“ Наконецъ велѣно было обучать ариметики, и нужнѣйшей части геометріи, — двумя наукамъ потребнымъ и церкви, и гражданству. „Совершеннѣйшихъ же ученій богословскаго и философскаго, такожъ и нужнѣй-

(1) № 4021. въ II. С. 3.

шихъ языковъ искусства еще за скудостью довольныхъ къ нему учителей преподавать не возможно".—Содержаніе учителя: кормъ и жалованье должны были идти изъ архіерейской казны, а потому епископамъ предлагалось сократить непроизводительные расходы, не держать лишнихъ учителей, не дѣлать не нужныхъ строеній, не умножать священническаго одѣянья и своего плагья. На кормъ нуждающимся ученикамъ и на книги велѣно было брать отъ знатнѣйшихъ въ епархіи монастырей 20-ю, а отъ церковныхъ земель (гдѣ есть) 30-ю долю хлѣба.

Не одни академіи, семинаріи и архіерейскія школы предполагалось завести,—задумано было устроить при Невскомъ монастырѣ такое церковно-учебное заведеніе, гдѣ бы выучившіеся въ семинаріи и сдѣлавшіеся потомъ монахами могли съ 30-ти лѣтъ приготовляться къ высшимъ духовнымъ должностямъ.

Верховный надзоръ за школой поручался архимандриту монастыря, онъ слѣдилъ за успѣхами, нравственностью учащихся, могъ виновныхъ наказывать и смирать. При этомъ онъ руководствовался и докладомъ директора, второго лица послѣ архимандрита, которое должно было слѣдить преимущественно за учебными и учеными занятіями упомянутыхъ монаховъ. Послѣдніе, освобожденные нѣсколько отъ строгости монашескаго искуса должны были приучаться говорить проповѣди сначала въ трапезѣ, потомъ всѣ поочереды разъ по 10 въ церкви при семинаріи, въ Невскомъ монастырѣ, затѣмъ уже въ петербургскихъ и московскихъ церквахъ. Въ промежутки-же между приготовленіями къ очереднымъ проповѣдямъ (особенно если проповѣдниковъ будетъ не меньше 10) надлежитъ, гласить указъ, задавать имъ собственные труды, напр. переводить книги и сочинять трактаты о вещахъ, достойныхъ вѣденія. Для этого они должны были ежедневно по 2 часа до и послѣ полудня упражняться въ монастырской бібліотекѣ въ чтеніи исторіи, учителей древнихъ и прочихъ и записывать, что покажется достойнымъ; особенное вниманіе имъ слѣдовало обращать на законы царскіе, правила древнихъ соборовъ, силу ихъ и употребленіе. Обязанность же директора заключалась тутъ въ томъ, чтобы осматривать, исправлять и свидѣтельствовать проповѣди (прежде чѣмъ проповѣдники будутъ говорить), переводы, трактаты и наблюдать за ихъ занятіями въ бібліотекѣ. Оцѣнку сдѣланнаго

каждымъ съ прибавленіемъ своихъ мѣнній о нравственности и рсестромъ трудовъ онъ и сообщалъ архимандриту (1).

Таковы были общія законодательныя мѣры, обязанныя своимъ существованіемъ главнымъ образомъ Теофану Прокоповичу и содѣйствію Петра, мѣры, которыми старались дать новое направленіе церковно-учебной системѣ.

Это новое направленіе выразилось въ томъ, что въ учебную программу академіи вводились ариметика, геометрія, дѣлались попытки ввести географію, исторію, политикѣ извѣстнаго тогдашняго историка Пуффендорфа, измѣнялся схоластическій методъ въ преподаваніи богословія, допускались въ академію мастера музыкѣйскихъ инструментовъ, въ высшихъ школахъ заботились ввести славянскую грамматику, ариметику и геометрію, наконецъ стали готовить къ церковно-ученой и проповѣднической дѣятельности. Но рядомъ съ этими нововводимыми предметами остаются схоластическія пѣтика, риторика и философія.—Сравнивая же отношенія, въ какія поставлены начальствующіе и учащіеся мѣрами Теофана съ прежними, мы замѣчаемъ, что онъ не только узаконялъ юридическую неправоправность ученика относительно начальника, жестока наказанія, но стремился закрѣпить его за академіей, т. е. лишить его и права свободнаго выхода изъ учебнаго заведенія. Кроме того Теофанъ хотѣлъ ввести строго—закрытыя учебныя заведенія со всѣми дурными послѣдствіями ихъ для ученика; въ полнѣйшей зависимости отъ начальства во время класснаго ученія и во время бурсацкой жизни присоединялись еще всѣ невзгоды заключенія.

За изданіемъ этихъ законоположеній послѣдовало примѣненіе ихъ. Тутъ Теофанъ по своей распорядительности и по своему вліанію является тоже главнѣйшимъ дѣвателемъ, часто развивая и дополняя при этомъ свои общія постановленія другими, преимущественно частнаго характера.

Такъ въ томъ же году, какъ былъ изданъ „Духовный регламентъ“ и учрежденъ потомъ синодъ, послѣдовало распоряженіе, по которому академія подчинялась синоду и протекторомъ ея былъ назначенъ сторонникъ Теофана,—архимандритъ Гавріиль Бужинскій (2). Затѣмъ кроме упомянутаго ука-

(1) № 4450, опред. II, 3—12 пп.

(2) Смирновъ 87.

за 1 сентября 1723 г. послѣдовали указы о наборѣ поповскихъ, дьяконскихъ и причетниковыхъ дѣтей въ академію; но такъ какъ въ народѣ смотрѣли на призывъ въ академію точно такъ же какъ дьячохъ интермедіи, который говоритъ:

„посмотрите какая на меня бѣда!
Дѣтей моихъ отъ меня отнимають
и въ проклятую семинарію на муку обирають.
О, мои дѣтушки сердечныя,
не на ученье васъ берутъ, а на мученье безконечное“⁽¹⁾

то велѣно брать и „неволею“, подѣ угрозой лишенія должности тѣхъ отцовъ, которые не представляютъ въ академію дѣтей или будутъ укрывать сбѣжавшихъ⁽²⁾.

Указомъ Петра отъ 1725 года, упоминаемымъ г. Смирновымъ, было подтверждено „учить геометріи и (даже) тригонометріи всякаго званія людей, кто пожелаетъ“⁽³⁾.

Кмѣстѣ съ тѣмъ задумано было учрежденіе новой академіи въ Петербургѣ, хотя въ представленномъ Оеофаномъ проэктѣ онъ предложилъ завести только семинарію съ названіемъ „Петеръ-гартенъ“. Замѣчательно, какое либеральное для того времени нововведеніе хотѣлъ онъ сдѣлать въ этомъ учебномъ заведеніи относительно учителей и программы. „не каковыхъ ни есть, но изрядныхъ и свидѣтельствованныхъ учителей надобѣ, которыхъ призвать бы изъ академіи иноземныхъ.... и не надобѣ опасатися, дабы оныя дѣтей нашихъ не совратили къ своей богословіи, ибо мощно имъ артикулами опредѣлить, чего оныя учить будутъ должны, и надсматривать, не учать ли вѣчто нашему исповѣданію противное. А именно преподавали бы они только ученія внѣшнія, языковъ, философіи, *юриспруденціи*, исторіи и проч., а не богословскихъ догматовъ, которыхъ учиться имѣють ученики отъ единовѣрныхъ себѣ учителей“⁽⁴⁾ Въ томъ же 1721 г. онъ заботился о построеніи училищнаго дома, представлялъ на разсмотрѣніе государя рисунокъ его, смѣту строительныхъ матеріаловъ, прося Макарова поторопиться этимъ дѣломъ,

(1) Пекарскій I, 454.

(2) П. С. З. № 4291. и у Смирнова на 106.

(3) Смирн. 85—86, 113.

(4) Пекарскій I, VII-е приложение §§ 3 и 4. 361. и слѣд. стр.

позаботиться о денежномъ коштѣ для построения, предлагая употребить нѣсколько тысячъ повѣчныхъ денегъ смоленскаго архіерея, хотѣвшаго было употребить ихъ на строеніе каменной церкви. Собравъ 20 учениковъ, Прокоповичъ предлагалъ устроить временное помѣщеніе хотя у себя на дому человѣкъ на 30. Государь велѣлъ отпустить изъ кабинета 2000 р. на строеніе семинаріи, а въ августѣ 1724 г. Синодъ подалъ докладъ государю, спрашивая, откуда довольствоваться учителями, учениками и служителями,—слѣдовательно почти все было приготовлено къ открытію⁽¹⁾.

Наконецъ въ 1721 же году Теофанъ завелъ при своемъ домѣ школу. Въ учителя между прочимъ былъ присланъ одинъ молодой человѣкъ, рекомендованный лютеранскимъ пасторомъ. Теофанъ справлялся о его родителяхъ, характерѣ, способностяхъ. Извѣстно также, что отъ 1722—1725 г. былъ у него учителемъ датчанинъ Адамъ Селлій, а въ 1723 г. взялъ къ себѣ между прочимъ и для надзора за учениками іеродиаконъ Адама, котораго Родышевскій и Лопатинскій считали „лютераниномъ“, „только для виду православнымъ“⁽²⁾.

О внутреннемъ бытѣ этого училища можно судить по сохранившимся правиламъ семинаріи Теофана⁽³⁾.

По основнымъ чертамъ они сходны съ постановленіями духовнаго регламента о академіи и семинаріи. Тѣже почти учебные предметы (введены еще римскія древности и рисованіе), тѣже надсмотрщики (XXV, 1 и 2) и провожатые, почти тѣже увеселенія, но здѣсь Теофанъ довелъ свою воспитательную систему до крайностей, до жестокости и іезуитизма. Директоръ обязывался осматривать инквизиторскимъ взглядомъ даже письма, присылаемыя съ родины отъ отца, матери, брата и проч.. Даже пошептаться съ товарищами и то было нельзя. Такъ какъ самому директору нельзя же было постоянно слѣдить за исполненіемъ мельчайшихъ правилъ,

⁽¹⁾ Чистовичъ 133—136.

⁽²⁾ Тамъ-же. 631, 632, 640.

⁽³⁾ Эти правила помѣщены въ VIII. прилож. къ книгѣ Чистовича «Теоф. Прок. и его время». Впрочемъ они написаны, повидимому, послѣ Теофана, такъ какъ онъ названъ здѣсь архіепископомъ новгородскимъ и великолукскимъ. Если даже при Петрѣ и не существовало письменныхъ правилъ, то Теофанъ руководствовался подобными имъ по духу. Эти письменныя—изложенныя правила не противорѣчатъ и его основнымъ взглядамъ на воспитаніе.

то узаконялось ябедничество не только для желающихъ, но даже требовалось отъ каждаго. Преступившій какое нибудь правило, иногда даже незначительное, а также и другіе, кто видѣлъ это и не донесъ подвергались „жестокимъ наказаніямъ“.

Что касается до школъ, отарываемыхъ другими архіереями⁽¹⁾, то, по дошедшимъ отъ 1727—28 гг. во многихъ отношеніяхъ не полнымъ донесеніямъ изъ разныхъ епархій⁽²⁾, однѣ изъ школъ не открывались вовсе до этого времени (въ епархіяхъ крутицкой, воронесжской переяславской, астраханской), другія (въ рязанской, псковской, устюжской) открылись уже по окончаніи дѣятельности Петра — въ 1725, 26 гг., большинство ихъ открылось только 1723—24 гг. и немногія (какъ въ нижегородской, тверской епархіяхъ) открыты были въ 21 и 22 гг. Численностью учениковъ и успѣхами обученія также не особенно отличались новыя школы. У большинства ихъ едва набиралось по 50 человекъ; только въ нижегородской школѣ оказалось довольно — значительное число (не меньше 500). Труднѣе точно опредѣлить научные успѣхи въ этихъ школахъ при жизни Петра. Извѣстно, что большинство учениковъ сидѣло еще за букварями, часословцами и псалтырями, и только меньшинство принималось за славянскую грамматику и латинскіе элементаріи, нововведеніе же Теофана, — ариметика, преподавалась только въ одной казанской школѣ, да и то въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Въ Казани напр. изъ 52 человекъ обучились букварямъ наизусть, славянской грамматикѣ, начальнымъ основаніямъ латинскаго языка и ариметикѣ до дѣленія только пятеро. Въ нижегородской славяно-россійской школѣ въ 4—5 лѣтъ изъ 84 человекъ выучились грамматикѣ тоже пятеро.

Изъ указанныхъ донесеній нельзя вполне объяснить, вслѣдствіе чего явилось подобное состояніе архіерейскихъ школъ. Замѣчательно то, что за тупость исключали незначительный процентъ, а въ донесеніи изъ холмогорской епархій

(1) Я не касаюсь состоянія школъ въ епархіяхъ кievской, черниговской, бѣгородской, новгородской, гдѣ продолжали существовать старыя школы и постановленія регламента духовнаго о архіерейскихъ школахъ, кажется, мало чѣмъ на нихъ отразились.

(2) У Пекарск. I, 108—121.

отъ 27 года сказано, „изъ зачинаемыхъ же нынѣ вновь учениковъ и много есть, которые и скудные и индѣ учитися не имѣютъ гдѣ и за что, а весьма наслаждаются ученя желаютъ“. — Не мало, конечно, вліяло на школы отношеніе къ этому дѣлу людей, на которыхъ возложено было исполненіе его—отъ епископовъ. Относительно ихъ можно сказать, что при Петрѣ не много было личностей въ средѣ архіереевъ, которые бы высказали дѣятельное, энергическое желаніе поддерживать стремленія Теофана и Петра въ дѣлѣ образованія духовенства. Напротивъ многіе изъ духовенства и монашества относились песочувственно къ Теофану и вообще къ его направленію, въ частности же къ новой учебной системѣ,—ей задѣвались живыя струны: стали вмѣшиваться въ разные церковные доходы, которые духовенство и монашество привыкли считать своей собственностью, отъ епископовъ требовалось довольно безцеремонно уменьшеніе собственныхъ расходовъ—въ пользу школъ, а къ этому не всякій могъ равнодушно отнестись. Нѣкоторые факты, кажется, подтверждаютъ это, а именно у епископовъ, извѣстныхъ своимъ образованіемъ или дѣятельной жизнью дѣло идетъ лучше другихъ. Въ рязанской епархіи съ пріѣздомъ Гавріила Бужинскаго число учениковъ съ 70 возросло до 269. Извѣстный за дѣятельнаго епископа, Питиримъ, повидимому, энергически взялся и за школы.— Должна была вліять и тогдашняя наука, и учебные порядки; наприм. изъ александровской школы слишкомъ треть учениковъ „отстала отъ ученя за невзятіемъ науки и за скорбію“. — Задерживалъ успѣшный ходъ дѣла вообще низкій уровень умственнаго развитія общества: въ иныхъ епархіяхъ (крутицкой, рязанской, вятской) ученье останавливалось за недостаткомъ учителей. Архіереямъ приходилось отрывать отъ школы и посвящать въ священники, діаконы и причетники людей; едва научившихся букварю и тѣмъ удовлетворять незатѣйливымъ требованіямъ общества.—Наконецъ объясненія описаннаго положенія школъ нужно искать и въ характерѣ доходовъ, назначенныхъ на ихъ содержаніе. Сборъ хлѣбомъ былъ доходъ не постоянный, обуславливался случайностями, неурожаемъ и др. Источниковъ для этого дохода не вездѣ было достаточно, а въ другихъ мѣстахъ и совсѣмъ не оказывалось:— это по крайней мѣрѣ выставляють на видъ донесенія многихъ епархій (бѣлогородской, казанской, вятской, переяслав-

ской, астраханской, нижегородской, тобольской, иркутской). Только въ последнее время Петръ старался описаніемъ монастырскихъ имѣній точнѣе опредѣлить сумму дохода-

Въ заключеніе обзора церковно-учебной системы нужно упомянуть еще о нѣсколькихъ ученикахъ московской академіи, получавшихъ по распоряженію Петра духовное образованіе за границей. Такъ въ 1716 г. Петръ велѣлъ послать за границу изъ латинской школы лучшихъ ребятъ, которые „гораздо поостряя“. Изъ нихъ Горлецкій, Постниковъ и Каргопольскій назначены были царемъ въ парижскія училища, а Анохинъ и Козловскій должны были учиться въ Прагѣ вмѣстѣ съ Суворовымъ. Первые трое учились философіи, французскому языку и богословію, остальные либеральнымъ наукамъ у иезуитовъ. Въ 1717 г. отправлены были по приказанію государя Иванъ Воейковъ и Иванъ Ильинскій во Франкфуртъ въ иезуитскую коллегію для изученія философіи и словесныхъ наукъ. При образованіи этихъ учениковъ богословіе было отодвинуто на второй планъ; судя по ихъ позднѣйшей дѣятельности, главнымъ образомъ переводческой, они скорѣе были языковѣды. — Матеріальное положеніе „парижскихъ студентовъ“ часто было крайне незавидно. Вотъ отрывки одного изъ многихъ писемъ къ Зотову съ просьбой о помощи: „живемъ въ послѣдней бѣдности и нищетѣ — едва не отчаеваемся живота нашего, для того что всѣ насъ оставили..... мы бѣдные терпимъ холодъ, наготу, босоту, а въ каморахъ мы свѣчь не имѣемъ и всегда мучимся, а не учимся..... многое время теряемъ безъ прибытка наукъ...“ (1).

Вотъ система церковно-духовнаго образованія, которая была введена въ Россію при поддержкѣ Петра Великаго.

Съ изученіемъ упомянутыхъ специальностей часто соединялось, какъ это и было видно, изученіе новыхъ и древнихъ языковъ (2); нерѣдко впрочемъ оно происходило отдѣльно отъ спеціальнаго образованія разныхъ родовъ, преслѣдуя другія цѣли.

(1) Пекар. I, 238—241. Смирновъ 235.

(2) И указъ Петра относительно переводчиковъ художествъ гласитъ, что знаніе языка и знаніе спеціальности одно съ другимъ должно быть неразрывно.

Обученіе языкамъ происходило въ школахъ⁽¹⁾, у учителей, жившихъ внѣ школы, а также и тамъ, гдѣ представлялась возможность или случай, особенно за границей, на иностранныхъ корабляхъ, верфяхъ и другихъ мѣстахъ. Учителями за недостаткомъ русскихъ, знавшихъ языки, были почти все иностранцы, зачастую плохо, даже вовсе незнавшіе русскаго языка или иногда знакомые съ своимъ языкомъ практически, а не научно, грамматически. Отъ такихъ учителей русскіе обучались (одному или нѣсколькимъ) языкамъ: нѣмецкому, италянскому, французскому, голландскому, англійскому, турецкому, арабскому, персидскому, латинскому, греческому и еврейскому.—Кромѣ упомянутыхъ выше фактовъ объ изученіи языковъ извѣстны и другія свѣденія объ этомъ предметѣ. Такъ Лихуды, кромѣ преподаванья въ академіи, учили частнымъ образомъ латинскому языку. Потомъ въ 1697 г. по удаленіи изъ академіи велѣно было за казенное жалованье обучать италянскооу языку 55 дѣтей бояръ, гостей и людей гостинной сотни и др. Лихуды, дѣйствительно, учили по италянски, но только 10 человекъ изъ разныхъ чиновъ, а остальные не явились по разнымъ обстоятельствамъ⁽²⁾.—Тѣ изъ пѣнныхъ шведскихъ офицеровъ, жившихъ въ Tobolskѣ, которые не могли заниматься никакимъ ремесломъ, опредѣлялись къ комманданту и другимъ значительнымъ лицамъ учителями нѣмецкаго языка⁽³⁾. Этому же языку учиться велѣно было послать въ 1716 г. въ Кенигсбергъ 30 или 40 молодыхъ подьячихъ отъ 15 до 20 лѣтъ, умныхъ и добрыхъ, которые бы могли науки воспріять, и при нихъ надзирателя, чтобъ не гуляли. Содержаніе по 200 ефимковъ на человѣка должно было сбираться съ оставшихся подьячихъ⁽⁴⁾.—Въ 1703 г. въ Амстердамѣ подъ надзоромъ вице-адмирала Крюйса учились русскіе ребята „по голландски и

(1) Кромѣ греческой и латинскихъ, о которыхъ было сказано выше, были и другіе. Пекар. I, 128, 121. Сол. XVI, 307. и П. С. З. № 2389. По видимому, подъ именемъ школъ французской и нѣмецкой нужно понимать училище, заведенное Гляжомъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

(2) Пекарск. I, 190; Смирновъ 69—70.

(3) Журналъ М. Н. П. за 1857 г. 3-й т. Шведская школа въ Tobolskѣ.

(4) П. С. З. №№ 2986 и 2997.

по французски“. Матвѣевъ нашелъ ихъ изрядно выученными „какъ письму, такъ и порядку здѣшнему“ (1).—Еще въ 1700 г. для миссіонерскихъ цѣлей Петръ велѣлъ выбрать въ Малороссіи добраго и ученаго инока съ 3 или 2 другими учеными и добрыми монахами, „которые бы могли китайскому и мунгалскому языку и грамотѣ научиться...“. Это приказаніе Петра, кажется, не приводилось въ исполненіе раньше конца его жизни, когда съ Саввой Рагузинскимъ отправлены были въ Китай трое учениковъ московской академіи съ упомянутыми цѣлями.—Указомъ 1716 г. предписано было „на Москвѣ изъ латинскихъ школъ выбрать изъ учениковъ робятъ добрыхъ молодыхъ 5 человекъ, такихъ, которые бы по меньшей мѣрѣ грамматику выучили, для посланки въ Персиду при посланникѣ г. Волынскомъ для ученія языкамъ турецкому, арабскому и персидскому“. Ниже будутъ указаны и другія мѣры для обученія языкамъ.

Для изученія иностраннаго языка такъ, чтобы не только понимать разговоръ на немъ, но и умѣть правильно, точно переводить на родной языкъ требуется соединеніе многихъ условій. Прежде всего—знакомства съ роднымъ языкомъ. Грамматическія же знанія при Петрѣ были очень ограничены (дальше грамматики Смотрицкаго почти вовсе не шли) и не распространены. Даже въ славено-россійскихъ Академіяхъ, какъ мы видѣли, не преподавалось долгое время славянской грамматики. Наконецъ въ то время славянской и русскій языкъ былъ скуденъ словами,—для многихъ предметовъ и понятій еще не было подыскано подходящихъ именъ и выраженій, не говоря уже о техническомъ языкѣ (2). Затѣмъ способствуютъ изученію языка учебныя пособія, какъ грамматики иностранныхъ языковъ, лексиконы. При Петрѣ же дѣльныя пособія тѣмъ болѣе могли быть полезны, что во многихъ случаяхъ могли бы замѣнить учителей—иностранныхъ, и они, дѣйствительно, время отъ времени появлялись. Были напечатаны латинская грамматика и вокабулы Копіевскаго, переводъ голландской грамматики Севела (1717 г.), нѣмецкіе азбука и вокабулы. Въ 1704 г. вышелъ въ Москвѣ „Лексиконъ трехъязычный, сирѣчь реченій славенскихъ, еллино-

(1) Соловьевъ XV, 61.

(2) Переводъ ихъ довелъ Волкова, переводчика, до отчаянія. Пекарскій I, 226.

греческихъ и латинскихъ сокровище“ Полнварпова для первоначальнаго знакомства съ этими языками ⁽¹⁾. Изъ перечисленія напечатанныхъ при Петрѣ руководствъ нельзя не замѣтить значительныхъ пробѣловъ въ нихъ, особенно по новымъ языкамъ. Сравненіе количества пособій для изученія иностранныхъ языковъ у насъ съ тѣмъ, что было по этому предмету на западѣ, привело Максимовича къ заключенію: „сіе великое всероссійское государство даже до сего времени безъ сего пребываетъ успѣвая....“ ⁽²⁾—Относительно приемовъ преподаванія замѣчательнѣе, между прочимъ, способъ, какимъ хотѣли научить русскихъ гардемариновъ иностранному языку: ихъ размѣщали по одному или по два на какойнибудь иностранной корабль, среди людей, непонимающихъ ни слова по русски ⁽³⁾. При встрѣчѣ только съ упомянутыми неблагоприятными условіями изученіе языковъ, особенно новыхъ, и то для многихъ должно было представлять немалыя затрудненія, а тутъ еще въ самихъ учебникахъ множество препятствій для учащагося въ изложеніи, языкѣ. Въ правѣ ли мы теперь требовать многого отъ тогдашнихъ молодыхъ людей, если даже и при существованіи подготовленныхъ учителей, улучшенныхъ методовъ и учебныхъ пособій не всегда легко дается полное и основательное знаніе иностраннаго языка?...

До сихъ поръ разсматривались мѣры, посредствомъ которыхъ Петръ Великій хотѣлъ ввести въ народъ специально-прикладное образованіе.

При разборѣ предметовъ, входившихъ въ отдѣлы спеціальнаго образованія при Петрѣ, можно замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ чтеніе, ариметика, отчасти языки и др. входили въ составъ программъ при изученіи многихъ специальностей, и притомъ безъ вреда для чисто специальныхъ предметовъ могли изучаться отдѣльно. Отдѣльное изученіе указанныхъ предметовъ могло скорѣе поддерживать и распространять спеціальныя свѣденія. Отъ хорошей общеобра-

⁽¹⁾ Тамъ же. 19—20, 197, 298—300, 195. Только въ 1724 г. вышелъ полный Лексиконъ Максимовича 192.

⁽²⁾ Пок. I, 193.

⁽³⁾ Записки Невцова. Отч. Зап. 23 г. XVI, 160 стр.

зависит от подготовки зависит и большая или меньшая успешность специальных занятий. Но кроме распространения в странѣ знаній специально-прикладныхъ необходимо развитие ихъ, а оно зависитъ отъ степени развитія теоретической науки въ известной странѣ. Вообще заботы о первоначальныхъ, обще-необходимыхъ для разныхъ специальностей знаній, а также развитие теоретической науки никогда не могутъ вредить специальному образованию, а напротивъ — способствуютъ росту его.

Сознаніе ли значенія общеобразовательныхъ предметовъ для специального образования, или сознаніе пользы одного общаго образования безъ отношенія къ специальному⁽¹⁾, чтобы тамъ ни руководило Петромъ, только вмѣстѣ съ мѣрами объ обученіи народа специальнымъ званіямъ видны его стремленія познакомить русскихъ съ *общеобразовательными предметами и высшими научными знаніями*.

Таки инструкціи земскимъ комиссарамъ возлагали на нихъ обязанность заботиться о томъ, чтобы по всюду дѣтей „сколько возможно читанью и письму обучали“, хотя при этомъ не указано, какимъ образомъ онъ долженъ исполнять эту обязанность⁽²⁾.

Основаніе начальнымъ школамъ законодательнымъ путемъ было положено „Уставомъ главнаго магистрата“ и „Инструкціей магистратамъ“ (1721 и 1724 гг.). Поставляя главному магистрату въ обязанность помогать зависящими отъ него средствами академіямъ и школамъ, „Уставъ“ прибавляетъ: „а что до содержанія малыхъ школъ принадлежитъ, въ которыхъ токмо читать, писать и ариметикѣ обучаться будутъ, о томъ магистратамъ во всѣхъ городахъ самимъ имѣть стараніе“⁽³⁾. Инструкція же высказалась еще опредѣленнѣе: „стараться прилежно, чтобы малолѣтныя не токмо позиточныхъ, но и бѣдныхъ людей гражданскихъ жителей дѣти, читать, писать

(1) Въ инструкціи магистратамъ побудительной причиной учрежденія школъ для начального образования выставляется то, что малолѣтныя, а особливо бѣдныхъ гражданъ дѣти безъ обученія растутъ въ непотребство и вредъ, и что, напротивъ, выучившись, они могутъ разными способами приносить обществу пользу П. С. З. № 4622 33 и 34 в.

(2) П. С. З. № 3245, 20.

(3) П. С. З. № 3708, XXI. Учениковъ непослушныхъ своимъ учителямъ велѣно было сажать въ сумрачный дождь. XX. 14.

и арифметикѣ или цифирнаго счисленія обучались, и для того при церквахъ имъ, гдѣ пристойно, учредить школы⁽¹⁾.

Съ 1714 г. начинаются указы о цифирныхъ школахъ. Эти школы должно было открывать по всѣмъ губерніямъ при архіерейскихъ домахъ и при знатныхъ монастыряхъ. Учителя этихъ школъ, назначенные изъ учениковъ навигацкихъ школъ⁽²⁾, выучившихся геометріи и географіи, по 2 въ каждую губернію, должны были учить сначала только дѣтей дворянъ и приказнаго чина отъ 10—15 лѣтъ, а съ 1715 г. вообще молодыхъ ребятъ изъ всякихъ чиновъ людей арифметикѣ и въ некоторой части геометріи. За это учителямъ опредѣлено было жалованье изъ губернскихъ доходовъ по 3 алтына 2 деньги въ день; съ учениковъ же велѣно было брать только послѣ выучки 1 р., при чемъ учитель давалъ свидѣтельствованное письмо, доставлявшее выучившемуся право вступленія въ законный бранъ⁽³⁾.

Учителя были посланы,—нужно было только учениковъ. Но изъ нихъ дворянскіе дѣти были еще въ началѣ 1716 года освобождены отъ поступленія въ упомянутыя школы⁽⁴⁾. Дѣти торговыхъ людей большею частью сидѣли въ радахъ за товарами или были въ отъѣздахъ для торговъ, учились торговому дѣлу, и по отзывамъ отцовъ, вышесказанной наукѣ (цифирн.) обучались сами собою,—былъ это предлогъ или въ самомъ дѣлѣ такъ было, но только торговыми людьми не хотѣлось отдавать дѣтей въ цифирныя школы. Другихъ чиновъ люди иные хотѣли тоже отбыть отъ ученія; напр. въ Новгородѣ и Ярославлѣ они прибѣгали къ уловкамъ,—толковали, что слова указа дѣти „всякихъ чиновъ людей“ не относятся къ ихъ дѣтямъ, такъ что учителя должны были просить новую указа съ объясненіемъ, что слова „всякихъ чиновъ людей“ относятся и къ посадскимъ, и къ церковникамъ, и къ др.⁽⁵⁾ Правительству доносили, что въ некоторыхъ школахъ совсѣмъ не выслушиваютъ учениковъ, что только въ ярославскую прислано было изъ церковниковъ 26 человекъ, что въ губерніяхъ и провинціяхъ

(1) П. С. З. № 4624, 33 п.

(2) По указу 1715 г. Сначала же были названы учениками математическихъ школъ.

(3) П. С. З. №№ 2762, 2778, 2971.

(4) П. С. З. № 2979 «о кромѣ дворянскихъ дѣтей». — вѣроятно, они предназначались для военныхъ школъ.

(5) П. С. З. № 3575.

обрѣтается вообще малое число и только въ Москвѣ 70 учениковъ⁽¹⁾. Что же сдѣлало правительство? Пыталось оно разоб- рать, отъ чего ученики нейдутъ въ школы? Оно послыла- ло указъ за указомъ, которые снова повелѣвали учить „неотмѣнно“, а чтобы не пропадало учительское жалованье, учениковъ „изъ губерній и провинцій въ тѣ школы опредѣ- лять, не упуская времени“⁽²⁾. Ревностные исполнители зако- на въ родѣ Скорнякова—Писарева не только „таскали“ дѣ- тей для „поставки“ въ обученье, но, какъ писали посадскіе въ некоторыхъ городоѣ, „принуждаютъ высылкою дѣтей ихъ изъ Каргополя въ Новгородъ, а съ Устюга на Вологду, а изъ Калуги въ Москвѣ и въ томъ держатъ многихъ изъ нихъ въ тюрьмахъ и за карауломъ“⁽³⁾. Жалобы обижаемыхъ, а можетъ быть и опасеніе потерять плательщиковъ податей и пошлякъ побудило правительство указомъ 1720 г. не понуждать по- садскихъ людей и довольствоваться только добровольно по- ступающими изъ нихъ. Послѣ упомянутыхъ насилій трудно было ожидать со стороны этихъ людей какаго нибудь довѣ- рія къ вновь введенному дѣлу. Приказавъ крѣпко смотрѣть, чтобы ученики имѣли дома въ близости, а не въ дальнемъ разстояніи отъ училища, правительство надѣялось, что у него и безъ посадскихъ будетъ довольно число изъ тѣхъ, „которыя возмутся у другихъ чановъ людей“⁽⁴⁾. Вообще по 1722 годъ учениковъ было въ присылкѣ 1389; изъ этого числа вывчено 93 человека, а за тѣмъ, какъ только „Духовнымъ регламентомъ“ была высказана необходимость архіерейскихъ школъ для поповскихъ и причетниковыхъ дѣтей, „оставшіе едва не всѣ синодальной команды *бѣжали*“⁽⁵⁾. Въ ноябрѣ 1722 года синодъ нанесъ еще тяжелый ударъ этимъ шко- ламъ указомъ: „аріеметическихъ школъ учителямъ при ар- хіерейскихъ домахъ и монастыряхъ школъ не имѣть“⁽⁶⁾. Какими были успѣхи, можно судить по донесенію отъ 1727 г. о переяславско-рязанской цифирной школѣ; открытой

(1) П. С. З. № 3447, 3703. Неплюевъ впрочемъ говорить, что ихъ изъ новгородской школы въ 1715 г., выбрали 24 человека, отправи- ли въ Нарву къ навигатору. Отг. Зап. 23 г., XVI, 174.

(2) П. С. З. № 3447, 3575.

(3) № 3575.

(4) № 3854, 10 п. и 4975.

(5) П. С. З. № 4126.

въ маѣ 1722 года. Учениковъ въ ней было 96; изъ нихъ 59 отлучились отъ нея „самовольно“; обучились только 4 (!), и изъ оставшихся въ 1727 году 32-хъ 11 сидѣло за нумераціей, только 2 изучали десятичныя дроби, 1 циркулярныя приемы геометріи и 1 тригонометрію⁽¹⁾. Не находя выгоднымъ поддерживать отдѣльное, самостоятельное существованіе падавшихъ цифирныхъ школъ, сенатъ въ сентябрѣ 1723 г. предложилъ присоединить ихъ съ учителями къ архіерейскимъ, что оказалось возможнымъ только въ новгородской епархіи, такъ какъ въ другихъ еще не были открыты архіерейскія школы, какъ отозвался синодъ⁽²⁾. Архіерейскія школы какъ бы дѣлались такимъ образомъ общеобразовательными учебными заведениями. Указомъ 17 октября того же года велѣно было въ новгородской епархіи „для словеснаго и письменнаго правильнаго обученія свѣтскихъ всякихъ чиновъ людямъ, которые такихъ учителей у себя не имѣютъ, дѣтей своихъ малолѣтнихъ обучать у тѣхъ архіерейскихъ учителей, чтобъ таковое правильное обученіе умножилось“.

Назначивъ въ началѣ 1724 г. нѣсколько женскихъ монастырей для воспитанія сиротъ и подкидышей, Петръ велѣлъ монахинямъ учить ихъ грамотѣ, по достиженіи же мальчиками 7-лѣтнаго возраста помѣщать ихъ въ выведенные монастыри, и устроить тамъ школы, обучать сверхъ вѣры и заповѣдей божіихъ цифиря и геометріа⁽³⁾. Баскакову, назначенному приводить въ исполненіе это дѣло, велѣно было взять на расходы деньги изъ сбора съ раскольниковъ⁽⁴⁾.

Въ 1703 г. поручено было Петромъ нѣмецкому пробсту Глюку открыть въ Москвѣ первоначальную гимназію для разночинцевъ. Выборъ учителей и составленіе программы были предоставлены Глюку. Онъ, какъ нѣмецъ-пасторъ, посвятившій себя изученію восточныхъ языковъ и богословія, пригласилъ въ учителя иностранцевъ (судя по фамиліямъ больше нѣмцевъ), старался отвести значительное сравнительно съ

⁽¹⁾ Пекарск. I, 117.

⁽²⁾ П. С. З. № 4326. Въ февралѣ 1726 г. присоединены были и остальные.

⁽³⁾ П. С. З. № 4450, опред. I, 13 и 14. Въ меморіяхъ Петра прибавлена еще грамматика чист. 140.

⁽⁴⁾ П. С. З. № 4516 и потомъ ко всякимъ художествамъ въ училищахъ, № 4421, 2 п.

другими предметами мѣсто языкованію. Изъ напечатанной имъ программы видно, что у него было намѣреніе преподавать языкъ французскій, нѣмецкій, латинскій съ латинской риторикой, греческій, еврейскій, сирскій, халдейскій, а также арифметику, географію, политику, дѣятельную и картезианскую философію. Кромѣ того танцовальный мастеръ долженъ былъ учить тѣлесному благолѣпію и complimentамъ чиномъ французскимъ, и нѣмецкимъ; былъ еще учитель для рыцарской конной бѣды и берейторскаго обученія лошадей. Глюкомъ было написано и нѣсколько учебниковъ по языкамъ. На содержаніе этой школы велѣно было отпускать 3000 р. и для нея былъ отведенъ бывшій домъ Нарышкина. Послѣ смерти Глюка училище перешло въ завѣдываніе Іоанна Вернера Пауза⁽¹⁾.

Число общеобразовательныхъ заведеній въ Россіи умножилось съ присоединеніемъ Эстляндіи и Лифляндіи. За тамошними университетомъ и школами оставлены были всѣ прежнія привилегіи. Петру впрочемъ хотѣлось ввести славянскій языкъ, и онъ предоставилъ себѣ право назначить особаго профессора⁽²⁾.

Феофанъ Прокоповичъ послалъ въ Ливонію въ школу Нирота 3-хъ молодыхъ людей, прибывшихъ изъ Кіева, для изученія еврейскаго, греческаго и латинскаго языковъ, также географіи и исторіи. Кромѣ ихъ были въ этой школѣ и еще нѣсколько русскихъ⁽³⁾.

Къ общеобразовательнымъ же заведеніямъ приходится отнести и случайно явившуюся въ Россіи школу въ Тобольскѣ, основанную стараніями капитана Фонтъ-Врека и другихъ пѣнныхъ офицеровъ, посланныхъ въ Тобольскъ, при денежныхъ пособіяхъ со стороны германскихъ и московскихъ вѣдущихъ. Число воспитанниковъ въ продолженіи 6-7 лѣтъ востояно возрастало (въ 1717 г. было 66.). Между учащимися было въ 1715 г. 4 русскихъ мальчика, въ 1717 г. 3

⁽¹⁾ Пек. I, 126—131. Не тѣ-ли это школы вѣденія Веселовскаго, въ которыхъ было 9 человекъ учителей и 38 учениковъ и на содержаніе которыхъ отпускалось тоже 3000 рублей (1050 р. на учителей и 1894 на учениковъ) П. С. З. № 2389?

⁽²⁾ П. С. З. № 2304 на 4 л., 2277, 2278, 2279, 4 статья 2286. 18. 2298. 3, 5 пп.

⁽³⁾ Чистовичъ 49—50.

русскихъ и одинъ маленькій монголь; въ 1719 было 8 русскихъ⁽¹⁾. Сообразно цѣли этой школы, — воспитать набожныхъ, нравственныхъ и учтивыхъ дѣтей, въ ней главнѣйшее вниманіе обращено было на изученіе закона божія: въ первыхъ 4-хъ классахъ большую часть дня дѣти занимались чтеніемъ библіи, ученіемъ наизусть и толкованіемъ ея, молитвами и пѣніемъ псалмовъ, проводили время въ назидательныхъ разговорахъ между собой или съ wybranными изъ строго-благочестивыхъ людей учителями; съ послѣдними не иначе, какъ съ непокрытой головой. Кромѣ того въ первыхъ 4 классахъ учили читать и писать, въ 5-мъ же еще латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ, географіи, ариметикѣ и рисованію. Ученіе прозвонилось на нѣмецкомъ языкѣ. Съ возвращеніемъ плѣнныхъ домой въ 1721 г. школа прекратила свое существованіе⁽²⁾.

Дѣятельность Петра Великаго какъ учителя народа заканчивается основаніемъ высшаго учебнаго заведенія, — академіи наукъ.

Намѣреніе государя основать ее ясно выразилось въ его законодательствѣ еще въ 1721 году, когда на меморіалѣ Фика Петръ написалъ: „сдѣлать академію, а нынѣ прінскать изъ русскихъ, кто ученъ и къ тому склонность имѣеть“. По этому поводу появилось нѣсколько проэктовъ, и наконецъ 28 Января 1724 г. государь выслушалъ и утвердилъ уставъ новаго учрежденія, принявшій форму закона⁽³⁾.

Высокая цѣль, — чтобы „черезъ обученіе и размноженіе наукъ польза въ народѣ впредь была“ руководила и при основаніи и высшаго учебнаго заведенія. Образцомъ для него могли бы служить подобныя заграничныя учрежденія, — академіи, университеты; но находя, что въ странѣ не имѣющей еще „прямыхъ школъ, — гимназій и семинарій“ въ отдѣльномъ существованіи академіи или университета было бы мало пользы, сочли болѣе удобнымъ, а главное выгоднымъ въ матеріальномъ отношеніи замѣнить три рода учебныхъ заведеній, — гимназію, университетъ и академію — однимъ, которое испол-

⁽¹⁾ Веберъ говоритъ, что будто въ шведскую школу прислали сыновья русскихъ изъ Москвы и Вологды. Р. Архивъ 1872 г. 1399 стр.

⁽²⁾ Шведская школа въ Tobольскѣ Ж. М. Н. П. 1857 г. томъ 3.

⁽³⁾ П. С. З. №№ 3208, 4427 и 4443. Печарск. I, 89 и слѣд. IV глава, а также у Числ. 617.

Ученія Зап. Имп. Каз. Унив. 1878 г.

яко-бы назначеніе всѣхъ трехъ, хотя и носило названіе „академія наукъ“. Петербургская академія наукъ должна была состоять изъ общества ученыхъ, обязанныхъ 1) самостоятельно разработывать науку, 2) читать лекціи молодымъ людямъ и 3) готовить изъ послѣднихъ учителей, которые бы могли въ свою очередь обучать другихъ первымъ основаніямъ всѣхъ наукъ, готовя для тѣмъ будущахъ студентовъ академіи.

Въ качествѣ двигателей науки члены академіи обязаны были заботиться самостоятельно о исправленіи и приращеніи наукъ, о изобрѣтеніяхъ, слѣдить за европейской наукой и готовить составленные изъ прочитаннаго экстракты для печати, устраивать ежегодно два по 3 диспуты между двумя членами, а еженедѣльно—собранія для повѣрки другъ у друга опытовъ и мнѣній, для оцѣнки изобрѣтеній.

Къ этимъ обязанностямъ членовъ академіи присоединялись еще другія, которыя лежали на нихъ какъ на профессорахъ. Они должны были готовить курсы лекцій на латинскомъ языкѣ для печати, а также читать ежедневно по лекціи впродолженія часа. Подобно университетамъ въ академіи были учреждены три факультета. Такимъ образомъ одинъ изъ членовъ академіи, разработывая „науки практика“,—право ятуры, публичное съ политикой и этикой, долженъ былъ еще преподавать ихъ, одинъ на цѣломъ юридическомъ факультетѣ, хотя этимъ не исключалась возможность, „еще похочется“, опредѣленія на этотъ факультетъ и другаго „славнаго права искуснаго человѣка“. Три члена, разработывавшіе анатомію, химію и ботанику, обязаны были читать ихъ на медицинскомъ факультетѣ. Академикъ, занимавшійся арифметикой, алгеброй, геометріей и прочими частями теоретическими, обязанный въ случаѣ нужды отправлять еще обязанности академика физики, „можетъ профессоромъ логики и метафизики и математики генеральной быть и при томъ же физикъ генеральную и экспериментальную учить“. Онъ вмѣстѣ съ другими тремя академиками, однимъ, разработывавшимъ астрономію, географію и навигацію, и двумя другими, занимавшимися механикой, составляли факультетъ философіи, который „не можетъ въ совершенствѣ больше сего быть“.—Двоимъ, упражняющимся въ гуманiorахъ, одному въ еловенціи и студіумъ

антиквитаріє, а другому—въ древней и нынѣшней исторіи, поручено было и преподаваніе этихъ предметовъ⁽¹⁾.

Прибавивъ къ обязанностямъ академиковъ, какъ двигателей науки и какъ профессоровъ, еще обязанность приготовлять одного или двухъ адъюнктовъ, мы должны придти къ заключенію, что требованія отъ академиковъ были довольно обширны; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда на одного человека возлагали обязанность разрабатывать и преподавать по нѣсколькимъ предметамъ, едва ли исполнимы во всей полнотѣ.

Въ студенты академіи допускались, по уставу, „угодные люди, которые гуманіора отчасти знаютъ и нѣкоторое малое искусство философіи и математики имѣютъ“.

Профессорамъ дано было нѣкоторое самоуправленіе подъ непосредственнымъ покровительствомъ императора, и они должны были быть обеспечены достаточнымъ и вѣрнымъ денежнымъ содержаніемъ. Для удовлетворенія ученыхъ и учебныхъ нуждъ назначались библіотекарь, живописецъ.

Въ „уставѣ“ не было высказано всѣхъ плановъ Петра относительно академіи, которые однако онъ высказывалъ при другихъ обстоятельствахъ или которые выдержались въ сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ, касающихся академіи наукъ.

Петръ вызывалъ ученыхъ изъ Европы въ заводимое имъ учрежденіе, сдѣлалъ президентомъ его Блуменроста. Учащіеся также не замедлили бы явиться: „какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, говоритъ Чистовичъ, что для образованія русскихъ при академіи учреждается гимназія, Теофанъ обратился къ лейбъ-медику Блуменросту, назначенному президентомъ академіи съ просьбой принять туда нѣсколько молодыхъ людей“. На содержаніе академіи Петръ назначилъ доходъ съ 4 городовъ безъ малаго въ 25000 р. на тогдашнія деньги. Въ распоряженіе академіи отдавалось собранная раньше библіотека и кунсткамера. Государь заботился о помѣщеніяхъ, нужныхъ для обученія студентовъ, для кунсткамеры и библіотеки, о квартирахъ для академиковъ, велѣлъ „академической домъ домашними потребностями удостачить и академиковъ недѣли съ три или съ мѣсяць, не взычетъ, кушаньемъ довольствоваться, а потомъ подрядить за настоящую цѣну, нанявъ отъ академіи, кормить въ томъ же домѣ, дабы ходя въ

(1) Факультетъ езологіи оставленъ былъ на попеченіе синода.

трактиры и другіе мелкіе дома, съ непотребными обращающимися, не обучились ихъ непотребныхъ обычаевъ и въ другихъ забавахъ времени не теряли бездѣльно“. Почти все до мелочей было уже приготовлено къ открытію и высшаго учебнаго заведенія.

Но въ то время какъ послѣ кровавой войны началась усиленная преобразовательная дѣятельность внутри государства, когда Петру было больше возможности обратить вниманіе и на умственное образованіе народа, и когда, дѣйствительно, его дѣятельность какъ учителя народа, принимала все болѣе и болѣе широкій характеръ, не стало этого чело-
вѣка.

И. Соколовскій.

О ВЛІЯНІИ ВОДЫ

НА РАЗВИТІЕ СТЕБЛЕЙ И КОРНЕЙ НѢКОТОРЫХЪ РАСТЕНІЙ.

Извѣстно, что нѣкоторыя высшія растенія, перенесенныя съ суши въ воду или обратно, или періодически заливаемые водой, не погибають отъ такихъ внезапныхъ и рѣзкихъ перемѣнъ въ окружающихъ условіяхъ, а продолжаютъ жить и только, сообразно обстоятельствамъ, болѣе или менѣе видоизмѣняютъ свое развитіе.

Между различнаго рода подобными измѣненіями, мы остановимся, въ данномъ случаѣ, только на разсмотрѣніи тѣхъ перемѣнъ въ формѣ и строеніи корней и стеблей, которыя наблюдаются при развитіи нѣкоторыхъ растеній на сушѣ и въ водѣ.

Одинъ изъ подобныхъ интересныхъ случаевъ изслѣдованъ, какъ извѣстно, Розановымъ у *Desmanthus patans* Willd. и частію у нѣкоторыхъ видовъ *Jussiaea* (¹).

Явленія, представляемая только что названнымъ видомъ *Desmanthus*, при погруженіи его въ воду, состоятъ, по изслѣдованіямъ Розанова (л. с. р. 229 и слѣд.), въ общихъ чертахъ, въ томъ, что конецъ стебля экземпляровъ *Desmanthus patans*, выращиваемыхъ опущенными на дно бассейна, скоро получаетъ способность держаться на поверхности воды, въ горизонтальномъ положеніи. Эти пловучія междуузлія раздуты, бѣловатаго цвѣта и въ узлахъ какъ-бы перетануты.

При разсматриваніи поперечныхъ разрѣзовъ раздутаго междуузлія, можно видѣть, что стебель покрылся бѣлой, рыхлой массой. Поверхность этой массы ребристая и вдоль бороздчатая; выдающіяся ея части покрыты пленкой грязноватаго цвѣта.

(¹) Розановъ. Замѣтка о строеніи плавательнаго органа *Desm. pat.* Труды С. Петерб. Общества Естеств. Томъ I. Вып. II. Стр. 226.

Благодаря развитію описаннаго рыхлаго покрова, стебель *Desmanthus patans* и приобрѣтаетъ способность держаться на водѣ.

Разсматриваемая рыхлая ткань покрова *Desmanthus* представляетъ нѣкоторое сходство съ грибною тканью; длинныя трубчатыя клѣточки, болѣе или менѣе колѣнчато-изогнутыя, часто вѣтвистыя, соединены между собою какъ въ вертикальномъ такъ и въ горизонтальномъ направленіи въ сѣтву, въ петляхъ которой задерживается воздухъ.

Образованія, аналогичныя съ только что описанными у *Desmanthus patans*, были наблюдаемы Розановымъ (I. с. р. 233) и у водныхъ видовъ *Jussiaea*. Такимъ образомъ, *J. repens*, *linifolia*, *diffusa* снабжены плавательными органами, состоящими также изъ губчатой ткани, развивающейся подъ кожицей.

Явленіе, представляющее нѣкоторое сходство съ замѣченнымъ у вышеозначенныхъ видовъ *Desmanthus* и *Jussiaea*, было наблюдаемо мной у *Lythrum salicaria* на экземплярахъ, доставленныхъ мнѣ Консерваторомъ ботаническаго кабинета Казанскаго Университета С. М. Смирновымъ и результатъ этихъ наблюденій былъ сообщенъ въ одномъ изъ засѣданій Общества Естествоиспытателей при Казанскомъ Университетѣ въ видѣ короткой замѣтки о вліяніи воды на развитіе стеблей и корней *Lythrum salicaria* (¹)

Сущность, замѣченныхъ тогда явленій, состояла въ томъ, что, а) въ слѣдствіе вліянія воды, происходитъ измѣненіе относительныхъ размѣровъ стеблей и корней (²) и б)—у экземпляровъ, погруженныхъ до извѣстной высоты въ воду, подводная часть оси сильно утолщается, представляя родъ вадутія, мѣстнаго усиленнаго разрастанія ткани и превращенія ея въ рыхлую губчатую массу.

Вскорѣ послѣ этого, такое-же явленіе было замѣчено А. Ernst'омъ у *Aeschynomene hispidula* Н. В. К. (См. Dr.

(¹) См. Протоколы Общества естествоиспытателей при казанскомъ универ. 28 засѣд. 7 декабря 1871 года.

(²) При максимумъ влаги, корни достигаютъ наименьшей длины, стебли-же, напротивъ, имѣютъ при этомъ наибольшую длину и, наоборотъ, при минимумъ содержанія воды въ почвѣ, корни достигаютъ наибольшей длины, въ то время, когда стебли представляютъ сравнительно небольшіе размѣры.

A. Ernst. Botan. Zeitung. 1872. № 32. S. 586. Ueb. d. Anschwell. d. unter Wasser befindl. Stammth. v. Aeschynomene hispidula). Растение это было найдено въ окрестностяхъ Каракаса, въ болотистой мѣстности, которая, периодически, во время дождей, покрывается водой.

Изслѣдованный экземпляръ представлялъ на части стебля, находившейся подъ водой, замѣтное разбуханіе, которое, по мѣрѣ возвышенія по стеблю, становилось постепенно все слабѣе и слабѣе. Такимъ образомъ, поперечникъ этой разширенной части, въ самомъ низу, при основаніи стебля, былъ равенъ пяти сантиметрамъ, между тѣмъ какъ на $\frac{1}{2}$ метра высоты стебля поперечникъ имѣлъ только 15 миллиметровъ.

Связанное утолщеніе, какъ и у *Lythrum salicaria*, состояло изъ рыхлой губчатой ткани.

Названные случаи развитія губчатой ткани не представляютъ собою явленій исключительныхъ, напротивъ, наблюдаются и у нѣкоторыхъ другихъ растений. Тотъ-же г. Смирновъ, по возвращеніи изъ экскурсіи по Саратовской губерніи, въ прошломъ (1872) году, доставилъ мнѣ вновь нѣсколько засушенныхъ и спиртовыхъ экземпляровъ *Epilobium hirsutum*, *Lycopus aegigraeus* и двухъ видовъ *Lythrum*, стебли и корни которыхъ представляли весьма сильное развитіе губчатой ткани.

Всѣ эти растенія, какъ извѣстно, принадлежатъ къ числу обитающихъ на влажныхъ и сырыхъ мѣстахъ. Лѣтомъ настоящаго (1873) года, я находилъ всѣ названные виды растений на неглубокихъ мѣстахъ озера Кабана; всѣ они представляли чрезвычайно сильное развитіе губчатой ткани на частяхъ, погруженныхъ въ воду. На этихъ послѣднихъ экземплярахъ, мнѣ удалось прослѣдить и исторію развитія рассматриваемыхъ образований.

Но прежде нежели мы скажемъ о происхожденіи губчатой ткани, замѣтимъ, что подводныя части стеблей и корней всѣхъ вышеназванныхъ растений, даже для простого глаза, замѣтно отличаются отъ развившихся на сушѣ тѣмъ, что онѣ покрыты полуразрушившеюся эпидермоидальной тканью, изборужденною продольными трещинами, въ которыхъ виднѣется губчатый слой ткани бѣловатаго цвѣта. Чѣмъ старѣе изслѣдуемая часть, тѣмъ сказанная разница замѣтнѣе и наоборотъ. Такимъ образомъ, мощность рассматриваемыхъ

мага слоя различна и опредѣляется возрастомъ органа и мѣстомъ, съ котораго взяты разрѣзы: чѣмъ выше на стеблѣ лежитъ взятый пунктъ, тѣмъ слой губчатой ткани тоньше, доходя, такимъ образомъ, до одноряднаго; въ корнѣ, по направленію его роста, наоборотъ.

Но различіе водныхъ и сухопутныхъ экземпляровъ однихъ и тѣхъ же видовъ становится еще болѣе рѣзко замѣтнымъ при микроскопическомъ изслѣдованіи структуры стеблей и корней на различныхъ ихъ высотахъ и, вмѣстѣ съ этимъ, оно даетъ возможность объяснить и причину вышесказаннаго различія, замѣчаемаго простымъ глазомъ.

Такъ какъ всѣ изслѣдованные виды представляютъ одни и тѣ же особенности, по этому мы избираемъ какъ образецъ одинъ изъ нихъ — *Eriobium hirsutum*.

Стебель сухопутнаго экземпляра названнаго растенія внутри полый; сердцевина является наиболѣе развитою частью; древесина и кора развиты приблизительно одинаково сильно⁽¹⁾. Клѣтки сердцевины неправильно — шарообразной формы, тонкостѣнны и обильно снабжены пучками игольчатыхъ кристалловъ щавелево-кислой извести. Въ составъ древесины входятъ паренхиматозные элементы и кромѣ того лѣстничные и точечные сосуды. Камбіальная клѣтка веретенообразной формы. Паренхима коры состоитъ изъ 5—7 рядовъ эллипсоидальной формы клѣтокъ, содержащихъ хлорофиллъ; нѣкоторыя изъ нихъ, подобно клѣткамъ сердцевины, заключаютъ въ себѣ пучки игольчатыхъ кристалловъ. Эпидермисъ однорядный, снабженъ устьицами; клѣтки его сдавлены въ радіальномъ направленіи; многія изъ нихъ вытянуты въ волоски. Изслѣдованіе структуры ниже лежащихъ частей стебля представляетъ намъ тоже самое, только вышеназванные элементы являются болѣе мощно развитыми.

При изученіи строенія стебля того же растенія, на той же высотѣ, у воднаго экземпляра, оказывается, что относительное развитіе элементовъ стебля неизмѣняется замѣтнымъ образомъ, но, въ то же самое время, легко видѣть, что между паренхимною коры и камбіальнымъ слоемъ появился двурядный слой клѣтокъ, отличающихся отъ облекающей ихъ паренхимы прозрачностью, отсутствіемъ хлорофилла и зна-

(¹) Изслѣдуемая часть взята на $\frac{1}{4}$ отъ вершины.

чительно большею длиною клѣтокъ⁽¹⁾. Эпидермисъ является лишепнымъ волосковъ, вмѣсто которыхъ остаются только полуразрушенные слѣды ихъ.

Опускаясь ниже по подводной части стебля, можно видѣть постепенное увеличеніе мощности описываемаго слоя. Такимъ образомъ, на половинѣ высоты подводной части стебля, слѣдовательно въ пунктѣ, покрытомъ уже довольно толстымъ слоемъ губчатой ткани, рассматриваемый слой является уже многоряднымъ, состоящимъ изъ клѣтокъ, сохраняющихъ вышеуказанныя особенности и, кромѣ того, имѣющихъ трубкообразную форму. Эпидермисъ и кора, какъ сказано выше, покрыты множествомъ продольныхъ трещинъ.

Еще ближе къ основанію подводной части стебля, а, равнымъ образомъ, при самомъ основаніи, описываемая ткань достигаетъ maximum своего развитія.

Клѣтки ея здѣсь, кромѣ значительной длины, являются на концахъ разширенными и суживающимися постепенно къ срединѣ, соединенными между собою, какъ въ вертикальномъ, такъ и горизонтальномъ направленіи, въ сѣтку, въ петляхъ которой задерживается воздухъ. Эпидермисъ и кора разрушены.

Корни водныхъ экземпляровъ *Epilobium hirsutum* представляютъ тоже самое явленіе.

Все сказанное о губчатой ткани только что названнаго вида *Epilobium* относится вполне, какъ уже замѣчено выше, къ *Lycopus aegoræus* и *Lythrum salicaria*, такъ что описаніе было бы только повтореніемъ.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ поимянованныхъ случаевъ, можно видѣть, что развитіе губчатой ткани происходитъ на стебляхъ и корняхъ растений, обитающихъ на влажныхъ, сырыхъ мѣстахъ, вблизи водовмѣстницъ, при томъ условіи, если растенія эти заливаются водой до большей или меньшей высоты. Въ наиболѣе совершенной формѣ рассматриваемыя образованія являются у *Desmanthus natans*, представляя собою воздухоносные плавательные органы, служащіе для поддержанія стебля на поверхности воды. У прочихъ изслѣдо-

(1) Вотъ эта разница въ относительныхъ размѣрахъ клѣтокъ: у сухопутныхъ экземпляровъ длина клѣтокъ паренхимы коры относится къ ширинѣ какъ 1: 2; длина же клѣтокъ описываемаго слоя относится къ ширинѣ ихъ какъ 1: 3, 1: 4.

важныхъ растений, при почти полномъ сходствѣ развивающейся ткани съ такою же у *Desmanthus*, она не достигаетъ сказаннаго назначенія по самому положенію стеблей; здѣсь видно какъ бы только стремленіе къ известной цѣли. Кромѣ того, при почти полномъ сходствѣ въ формѣ, способѣ соединенія и проч. клѣтокъ, образующихъ губчатую ткань, положеніе ея, относительно элементовъ стебла, у *Desmanthus* иное, нежели у прочихъ растений, обследованныхъ въ этомъ отношеніи; такимъ образомъ у *Aeschynomene*, *Lythrum*, *Eriolobium*, *Lycopus* она лежитъ, прикасаясь непосредственно къ камбію, между тѣмъ какъ у *Desmanthus* (l. c. p. 232)— между вѣтками паренхимы коры.

Сказанное положеніе рассматриваемой ткани (между камбіемъ и корой) опредѣляется способомъ происхожденія ея.

Дѣлая разрѣзы на различной высотѣ рассматриваемыхъ органовъ, можно прослѣдить—какой изъ элементовъ даетъ начало губчатой ткани.

Этотъ гистологическій элементъ есть клѣтки камбія. Такъ, идя по стеблю сверху внизъ, отъ воздушныхъ къ подводнымъ частямъ, мы встрѣчаемъ пучекъ, гдѣ периферическій слой камбія является состоящимъ изъ клѣтокъ, болѣе рѣзко очерченныхъ, значительно вытянувшихся и имѣющихъ правильное рядовое расположеніе; далѣе, ниже, мы находимъ два три и т. д. такихъ слоевъ, имѣющихъ тотъ же характеръ. Еще ниже, продольныя стѣнки наружныхъ рядовъ такихъ клѣтокъ по срединѣ разъединяются, ткань принимаетъ видъ петель, становится губчатой. Въ старыхъ частяхъ правильно-расположенныхъ клѣтокъ вовсе нѣтъ: онѣ всѣ перешли въ губчатую ткань.

Самое происхожденіе рассматриваемой ткани изъ камбіальной таково: периферическій слой клѣтокъ камбія начинаетъ дѣлиться поперечными перегородками; образующіяся такимъ образомъ клѣтки принимаютъ, въ слѣдствіе этого, рядовое расположеніе, растутъ преимущественно въ длину, при чемъ постепенно происходитъ вышесказанное разъединеніе продольныхъ стѣнокъ и превращеніе, такимъ образомъ, ткани въ губчатую; слѣдующій слой подвергается такимъ-же измѣненіямъ. Числомъ слоевъ камбіальной ткани, переходящихъ сказаннымъ способомъ въ губчатую, опредѣляется степенъ мощности послѣдней.

Н. Леваковскій.

ОСТРОВЪ ЛЕСБОСЪ

И

ЛЕСВІЙСКІЕ ПѢВЦЫ И ПОЭТЫ.

Когда заходитъ рѣчь объ умственной и художественной жизни Греціи, на первомъ планѣ сейчасъ же выступаютъ Аѳины. Величественный образъ города, посвященнаго богинѣ мудрости, является какъ бы фокусомъ духовнаго свѣта, складомъ умственнаго и эстетическаго богатства цѣлой страны. Знаменитая политическая соперница Аѳинъ, Спарта въ дѣлѣ интеллигенціи отставала отъ нихъ слишкомъ далеко. Неудивительно, поэтому, что на Аѳинянъ всегда обращалось и обращается почти все вниманіе историковъ греческой цивилизаціи.

Никто, конечно, не будетъ оспаривать духовнаго первенства Аѳинъ въ ряду другихъ греческихъ политій. Значеніе отечества Периклова слишкомъ очевидно, чтобы можно было его заподозрить. Тѣмъ не менѣе несправедливо было бы забывать, что не въ Аѳинахъ родилась и получила первоначальное воспитаніе греческая образованность. Пять столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ эллинская муза впервые создала у западнаго берега Малой Азіи свои безсмертныя поэмы и вдохновила цѣлую вереницу болѣе или менѣе талантливыхъ имъ подражаній, до того времени, когда Аѳины стали отечествомъ греческой поэзіи, науки и искусства. Изъ острововъ, прилежащихъ западному малоазійскому берегу, которые до V столѣтія до Р. X. были главными питомниками зарождающейся греческой цивилизаціи, по своему

духовному значенію особенно выдавался Лесбось. Было время (именно въ 600 гг. до Р. Х.), когда по умственной и эстетической образованности Лесбійцы стояли выше всѣхъ современныхъ имъ Грековъ, а музыкальные литературные таланты Лесбійцъ въ того времени пользовались широкою извѣстностію во всей образованной Греціи въ лучшую эпоху ея умственной жизни.

Далеко не богата литература посвященная исторіи умственнаго и эстетическаго развитія общественныхъ институтовъ и частной жизни Грековъ не-аѳинянь и не-спартавцевъ. Причина таковой скудости кроется въ недостаточности свѣдѣній, сообщаемыхъ древними писателями объ этихъ греческихъ племенахъ. Приурочивая, главнымъ образомъ, свои рассказы къ судьбамъ Аѳинъ и Спарты, эти писатели касаются другихъ греческихъ общинъ только въ краткихъ словахъ, и касаются лишь на столько, на сколько эти общины приходили въ столкновение съ Аѳинами или Спартою,— другими словами,—на сколько онѣ являлись дѣйствующими на аренѣ исторіи обще-греческой.. Такія то короткія, отрывочныя свѣдѣнія дошли до насъ и о лесбійскихъ островахъ. Само собою понятно, что очеркъ быта этой народности, построенный на такихъ недостаточныхъ свѣдѣніяхъ, будетъ блѣденъ и со значительными пробѣлами; но думается, что и онъ можетъ дать нѣкоторое понятіе о тѣхъ бытовыхъ и интеллигентныхъ особенностяхъ, которыя нѣкогда характеризовали даровитыхъ обитателей Лесбоса...

I.

Островъ Лесбось (ή Λέσβος), нынѣ Митилини (ή Μιτυλήνη) или, по турецки, Мидялю, находится подъ 39° с. ш., въ 7—14 верстахъ отъ малоазійскаго берега, въ Дарданельскомъ эялетѣ. Его площадь равняется 29 □ географическимъ милямъ и заселена въ настоящее время 40 тыс. жителей, изъ которыхъ 15—18 тыс. Турокъ, а остальные—Греки.

Древнѣйшее названіе острова Лесбоса было Исса⁽¹⁾, но кромѣ него онъ носилъ еще и другія названія. Лесбось издавна отличается благоуханнымъ, здоровымъ климатомъ и плодородіемъ почвы, такъ что древніе считали его въ числѣ

(1) Діодоръ Сицилійскій V, 81.

пяти острововъ, носившихъ названіе „блаженныхъ“ или „счастливыхъ“ (*αἱ μακάρων νῆσοι*). Горные хребты (высочайшій изъ нихъ Лепетимнъ, *Λεπέτιμνος*, на с.), богатые прекраснымъ мраморомъ (а нѣкогда и агатами) перекрещиваютъ почву острова, обвиняая два обширныхъ залива: Калони (въ древности Пиррейскій) и Иеро. Склоны горъ густо покрыты хвойнымъ лѣсомъ, а въ долинахъ растутъ мирты, оливы дающія хорошее масло, фиги и виноградъ, котораго вино было и у Грековъ, и у Римлянъ въ большой славѣ. Лесбійскій ячмень также отличается хорошимъ качествомъ.

Исторія заселенія о. Лесбоса заключается въ сообщаемыхъ Діодоромъ Сицилійскимъ и Страбономъ короткихъ преданіяхъ. Четыре колонизаціи, по этимъ преданіямъ, образовали населеніе острова. Впервые, передаетъ Діодоръ⁽¹⁾, островъ Лесбосъ, не имѣвшій пока населенія, былъ занятъ какимъ-то аргосцемъ Ксанномъ, который, еще раньше Девкалионова потопа, уплылъ съ пеласгическою колоніею въ малоазійскую Ликию, гдѣ и оставался нѣсколько времени, а затѣмъ со своими Пеласгами перебрался на Лесбосъ... Преданіе это, конечно, такъ же неопредѣленно, какъ неопредѣленна исторія самихъ Пеласговъ... Потопъ стеръ съ лица земли этихъ первыхъ насельниковъ Лесбоса, отъ которыхъ остались лишь кой какія циклопическія развалины по дорогѣ изъ Митилены въ Меимну⁽²⁾, похожія на тѣ, которыхъ такъ много было на материкѣ Греціи. Можетъ быть сходство такихъ развалинъ съ развалинами Целопоннеса и создало приведенное сейчасъ преданіе. Послѣ Девкалионова потопа, по словамъ того же Діодора, поселился на Лесбосѣ сынъ Ила и внукъ Троя Маваръ, которому преданіе придавало пять дочерей,—Митилену, Меимну, Иссу, Антиссу, Арисбу, а въ числѣ сыновей—старшаго Эреза (эти шесть именъ перешли впоследствии на шесть главныхъ лесбійскихъ городовъ, или, вѣрнѣе, взяты отъ этихъ городовъ и приданы дѣтамъ мионическаго Макара). Дѣти Макара отправившись съ Лесбоса подчинили себѣ острова: Самось,

(1) Діодоръ Сицилійскій V, с. 82.

(2) *Saxa Larissaea*, см. у Страбона кн. IX, р. 440.

Хіосъ, Косъ, Родосъ. Эти-то четыре острова, да пятый Лесбосъ и получили вышеупомянутое названіе *αἱ Μασίονες νήσοι*. Легенда указываетъ, очевидно, только на то, что первоначальное заселеніе Лесбоса послѣ мивическаго потопа принадлежало выходцамъ изъ троянскаго Иліона. Хотя изслѣдователь лесбійскихъ древностей Пленъ и (стр. 33) видитъ въ *αἱ Μασίονες* дѣйствительный народецъ, сродный Карійцамъ: („Cares et Masaes quemadmodum Alani, Rhoxalani et Rosalani“); но едвали не вѣрнѣе будетъ согласиться въ этомъ случаѣ съ Діодоромъ Сицилійскимъ, который, въ цитированномъ выше мѣстѣ, слово *μάσιος* считаетъ нарицательнымъ, характеризующимъ счастливую природу острововъ. Можетъ быть это названіе создало и самую легенду о Мاکарѣ, выходцѣ троянскомъ. Во время Троянской войны Ахиллъ, по словамъ Гомера⁽¹⁾, опустошилъ, между прочимъ, „Лесбосъ красивозданный“ и отвелъ въ плѣнъ дочь тамошняго царя Форбанта.

О третьей и четвертой колонизаціи Лесбоса разсказываетъ Страбонъ⁽²⁾. Онъ говоритъ, что спустя сто слишкомъ лѣтъ послѣ Троянской экспедиціи, смѣсь разныхъ греческихъ племенъ, въ отличіе отъ Доранъ и Іонянъ обыкновенно называемая собирательнымъ именемъ Эолянъ⁽³⁾, заняла Лесбосъ. Именно, потомки сына Агамемнонова Ореста, царя Мивень, Аргоса и Спарты, вытѣсненные изъ Пелопоннеса Гераклидами поднялись изъ Аркадіи съ частью Ахеанъ на сѣверъ въ Беогію, затѣмъ сопровождаемые многими изъ Бетійцевъ перешли во Фракію, а оттуда въ Малую Азію и на островъ Лесбосъ. Нѣкоторые писатели приписывали эту колонизацію Малоазійскаго берега самому даже Оресту, или сыну его Певфилу⁽⁴⁾.—Другая колонія, тоже эолійская, прибыла на Лесбосъ подъ предводительствомъ Малаа и Клева, потомковъ того же Агамемнона и вслѣдствіе того же вторженія въ Пелопоннесъ Доранъ. Эта колонія изъ Пелопоннеса сначала направилась въ Локриду, а изъ нея уже перемалась въ Азію, гдѣ, въ 150 году отъ разрушенія Трои,

(1) Илиада, IX, 660.

(2) XIII, p. 582.

(3) Niebuhr's Vortrage über alte Geschichte, 1, 286.

(4) Пяндаръ, ода Нем. XI, 34.

основала городъ Кумы и заняла поморье съ Лесбосомъ. На этомъ поморьѣ возникли кромѣ Кумъ еще 11 большихъ городовъ (не считая второстепенныхъ), которые и образовали извѣстный Эолийскій союзъ; сборнымъ пунктомъ представителей союза былъ мысъ Каны, гдѣ отправлялся эолийскій народный праздникъ „Панэолій“.

Важнѣйшими городами острова Лесбоса были: Митилена, Меѳимна, Антисса, Эресь и Пирра. Къ нимъ можно отнести еще Арисбу, зависѣвшую отъ Меѳимійцевъ. Митилена, главный городъ острова, *ἡ πρώτη Λέσβου*, нынѣ Кастро (съ 6 тыс. жителей), находится на восточномъ берегу острова. Она состояла изъ двухъ частей,—древнѣйшая была на маленькомъ островкѣ (на которомъ и до настоящаго времени существуетъ цитадель); болѣе новая—на лесбійскомъ берегу. Городъ имѣлъ двѣ гавани, изъ которыхъ сѣверная отличалась глубиной и была окружена плотиною. Митилена была хорошо защищена стѣнами и по словамъ римскаго спеціалиста въ архитектурѣ Витрувія ⁽¹⁾ отличалась великолѣпными постройками. Тамъ былъ театръ и пританей, а въ сѣверной части города подходили водопроводы ⁽²⁾.—Меѳимна, лучшій послѣ Митилены городъ Лесбоса, нынѣ Моливо, находится на сѣверномъ берегу острова, въ шестидесяти стадіяхъ отъ противоположнаго малоазійскаго берега. Мѣсто покоренной Меѳимною, сосѣдней съ нею Арисбы, точно опредѣлить трудно. Антисса, съ гаванью, на западномъ берегу острова, первоначально лежала на маленькомъ островкѣ. Эресь лежалъ немного южнѣ Антиссы, на холму вдающемся въ море. Пирра, нынѣ Пера, лежалъ внутри острова, но опять таки при большемъ заливѣ (Пиррейскомъ). При Страбонѣ она была уже полуразрушена и не имѣла особеннаго значенія. Такимъ образомъ географическое положеніе всѣхъ важнѣйшихъ городовъ Лесбоса, лежавшихъ при морѣ, само собою говоритъ о широкомъ развитіи на островѣ морскихъ предпріятій. Владѣнія гражданъ Лесбоса не ограничивались, впрочемъ, однимъ своимъ островомъ: они имѣли города въ Тroadѣ (Сигей), Мизіи (Актеійскіе города, во время

⁽¹⁾ Витр. 1, 6.

⁽²⁾ *Plehn. Lesbiacorum liber. Berolini, 1826; p. 17.* Эта книга служила намъ главнымъ пособіемъ.

Пелопоннеской войны перешедшіе къ Аѳинянамъ) и Оракін (Энъ).

Древнѣйшая исторія Лесбійскихъ городовъ неизвѣстна. Весьма вѣроятно, что эти города, подобно городамъ остальной Греціи, первоначально имѣли своихъ царей, потомковъ Ореста. Отъ этихъ-то первобытныхъ царей лесбійскихъ вела начало митиленская династія Пенфилидовъ, которые, по свидѣтельству Аристотеля⁽¹⁾, за жестокое обращеніе съ гражданами были истреблены аѳиняниномъ Мегакломъ и его сторонниками около 660 г. Въ эпоху молодости поэта Алкея, за 600 съ небольшимъ годовъ до Р. Х., Митилена была освобождена гражданиномъ Питтакомъ отъ власти тирана Меланхра. Послѣ Меланхра Митиленцы, впрочемъ, поддавали власти и другихъ тиранновъ,—Мирсила, Мегалагира, Клеанактидовъ, которыхъ жестоко преслѣдовалъ своими порицаніями Алкей. Но и самъ Алкей, не смотря на свое широкое свободолюбіе и глубокую ненависть къ тираннамъ, добивался для своей партіи преобладающаго значенія въ городѣ⁽²⁾, что и было за тѣмъ причиною его бѣгства изъ отечества, вмѣстѣ съ братомъ Антименидомъ. Когда Алкей съ братомъ набралъ цѣлое войско для мести отечеству, Митиленцы для собственной защиты и наказанія бѣглецовъ выбрали въ „эсимнеты“ въ 590 гг. до Р. Х. вышеупомянутаго Питтака (одного изъ числа извѣстныхъ семи мудрецовъ). Эсимнетомъ (*δ ἀσυνήτας*), по словамъ Аристотеля и Діонисія Галикарнасскаго⁽³⁾, назывался правитель (*δ τύραννος*) избранный городомъ пожизненно, или на извѣстное время, для извѣстнаго предпріятія. Питтакъ, исполнивъ дѣло, на которое былъ избранъ, передалъ снова городу власть;⁽⁴⁾ пользовался онъ ею, по словамъ своего біографа Діогена Лаэртскаго, десять годовъ. Онъ написалъ Митиленцамъ и законы.⁽⁵⁾ Во время эсимнетіи Питтака, а можетъ быть еще и до нея, произошла между Митиленцами и Аѳинянами война изъ-за троядскаго города Сигея. Городомъ этимъ сначала

⁽¹⁾ Полит. V, 8, 13.

⁽²⁾ Страбонъ, lib. XIII, рад. 617.

⁽³⁾ Полит. III, 9; Antiqu. Rom. V. 73.

⁽⁴⁾ Страбонъ, XIII, р. 617, D.

⁽⁵⁾ Полит. Аристот. II, 9, 9; Діонисія Галик. Antiq. Rom. II с. 26.

владѣли Митиленцы, но теперь имъ овладѣли Аѳиняне. Непріязненныя дѣйствія Аѳинянъ и Митиленцевъ длились до примиренія ихъ коринѳскимъ царемъ Періандромъ, который и присудилъ Сигей Аѳинянамъ. Въ этой войнѣ, по словамъ Геродота, ⁽¹⁾ поэтъ Алкей, обращенный въ бѣгство, бросилъ свой щитъ, а Аѳиняне повѣсили его въ Сигейскомъ храмѣ Аѳины.

За 570 лѣтъ до Р. Х. лидійскій царь Крезъ едва было не покорилъ себѣ въ числѣ другихъ азіатскихъ Грековъ и Лесбіянъ; только мудрый совѣтъ Солона, какъ говоритъ Геродотъ, побудилъ Креза оставить это намѣреніе. ⁽²⁾ За 556 лѣтъ до Р. Х. персидскій царь Киръ подчинилъ себѣ въ числѣ прочихъ малоазійскихъ Іонянъ и Эолянъ Лесбійцевъ. Хотя Греки и храбро отстаивали свою независимость, но ихъ старанія остались напрасными. Лесбійцы принуждены были участвовать въ разныхъ персидскихъ экспедиціяхъ и помогать своимъ владыкамъ въ порабоженіи другихъ Грековъ. Были ихъ отряды и въ Скиѳскомъ походѣ Дарія подъ предводительствомъ Коеса. Но когда тираннъ Милета, города малоазійскихъ Іонянъ, Аристагоръ задумалъ около 500 г. до Р. Х. отложиться отъ власти Персовъ и склонилъ къ тому и другихъ азіатскихъ Грековъ, Коесъ Митиленскій былъ схваченъ въ числѣ другихъ преданныхъ Персіи тиранновъ, и Митиленцы побили его камнями. По смерти во Фракіи Аристагора отецъ его Гистіей, страшась мести царя, нашелъ убѣжище и помощь въ Митиленѣ, и Лесбійцы вмѣстѣ съ Іонянами рѣшились выступить открыто противъ Персовъ; они снарядили отъ себя семьдесятъ судовъ къ островку Лада. Но когда Самосцы, боясь нерѣшительности остальныхъ Іонянъ, первые удалились домой, за ними послѣдовали Лесбіяне и оставшіеся изъ Іонянъ понесли жестокое пораженіе отъ Персовъ. Разрушивъ въ 494 году Милетъ, Персы подчинили себѣ снова, въ числѣ другихъ малоазійскихъ острововъ, Лесбосъ, и его жители подверглись жестокому мщенію. Они опять должны были принять постыд-

⁽¹⁾ Геродотъ, V, 94, 95.

⁽²⁾ Геродотъ, I, 26, 27. Дальнѣйшій рассказъ о судьбахъ Лесбоса до Пелопоннесской войны основанъ тоже на исторіи Геродота, кн. I (с. 144, 169, 171), IV (97), V (26, 36, 37), VI (14, 15, 31), IX (106).

ное участіе въ походѣ варваровъ на Грековъ. Только послѣ пораженія Персовъ при Платеяхъ и Микале (489 г.) Лесбійцы съ прочими островитянами стали снова свободными и вошли въ общій греческій союзъ. Но порабощеніе Лесбоса азіатскими деспотами тяжело отразилось на характерѣ его жителей, и эпоха этого порабощенія б. эпохою упадка ихъ цивилизаціи. Послѣ Персидской войны Лесбійцы сначала зависѣли вмѣстѣ съ Хіяннами и Самосцами отъ Спарты, но вслѣдствіе ея грубости съ союзниками отошли къ Аѳинянамъ. Искреннюю, впрочемъ, дружбу къ демократическимъ Аѳинянамъ питала главнымъ образомъ чернь. Чтоже касается аристократовъ митиленскихъ, то симпатіи большинства ихъ, какъ это было почти во всѣхъ общинахъ греческихъ, склонялись на сторону Спарты. Втихомолку они посылали туда даже довѣренныхъ лицъ съ изъявленіемъ своей преданности; но это пока ни къ чему не привело. Только въ Пелопоннесскую войну Лесбосу пришлось жестоко поплатиться за сношенія своего дворянства со Спартой. (1).

При началѣ Пелопоннесской войны (431 г. до Р. Х.) аристократія Лесбоса была, по крайней мѣрѣ видимо, все въ ладахъ съ Аѳинянами и послала имъ на помощь лесбійскіе корабли; но на 4-й годъ лесбійскіе сторонники Спарты, побуждаемые соплеменными Беотійцами, задумали уже явно отложиться отъ союза съ Аѳинянами, у которыхъ жестокая язва сгубила теперь много лучшихъ силъ (ея жертвою былъ самъ Периклъ). Изъ городовъ острова одна Меимна, соперница Митилены, не думала приставать къ отложенію отъ Аѳинъ... Аѳиняне рѣшили примѣрно наказать невѣрныхъ союзниковъ. Начали они съ того, что задержали посланнаго имъ на помощь въ началѣ войны десять митиленскихъ триремъ, а весь экипажъ ихъ взяли подъ караулъ. Далѣе, зная что Митиленцы отправляютъ за городомъ въ честь Аполлона праздникъ на Малоентскомъ полѣ, Аѳиняне послали немедленно флотъ, чтобы напасть внезапно на празднующихъ; если это не удастся, полководцы аѳинскіе должны были, по крайней мѣрѣ, потребовать срытія стѣнъ города и выдачи

(1) Оукидидъ, I, 116. Дальнѣйшія свѣдѣнія о распрѣ Митиленцевъ съ Аѳинянами и о покореніи первыхъ послѣдними взяты изъ начала III кн. того же Оукидида.

кораблей, а иначе—объявить войну. Но Митиленцы, узнавъ объ опасности, на поле въ праздникъ свой не вышли, а поскорѣе укрѣпили стѣны и порты. Противъ прибывшаго аѳинскаго флота они вышли въ морское сраженіе, но ихъ корабли принуждены были убраться назадъ въ портъ. Пришлось обратиться къ аѳинскимъ вождямъ съ просьбою о перемиріи. Получивъ его, Митиленцы отправили въ Аѳины пословъ съ просьбою отозвать флотъ и съ обѣщаніемъ съ своей стороны покорности; но въ то же время другой митиленскій корабль тайно отплылъ въ Спарту съ просьбой о помощи противъ Аѳинянъ. Аѳиняне, въ свою очередь, не вѣрили покорности Лесбійцевъ; съ обѣихъ сторонъ Митилена выстроились они лагеремъ и заперли своими кораблями оба порта. Между тѣмъ корабль митиленскій, посланный тайно въ Спарту, благополучно достигъ Пелопоннеса, и тамъ порѣшено было отправить въ берегамъ Аттики спартанскіе корабли, чтобы тѣмъ отвлечь отъ Лесбоса аѳинскій флотъ. Но Аѳиняне сами поплыли въ берегамъ Пелопоннеса. Лакедемонскіе корабли должны были вернуться домой. Сверхъ того Аѳиняне отправили на Лесбосъ еще тысячу вооруженныхъ воиновъ, которые и окружили Митилену стѣной. Такимъ образомъ теперь городъ былъ запертъ и съ моря, и съ суши. Это, впрочемъ, не помѣшало пробраться въ Митилену чрезъ какое то ущелье лакедемонцу Салею, приплывшему изъ Спарты съ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи на Лесбосъ спартанской помощи. Дѣйствительно Пелопоннесцы уже отправили было въ Митилену сорокъ два корабля. Салею, не дождавшись ихъ, поспѣшилъ сдѣлать изъ Митилены противъ аѳинскаго войска вылазку, но при этомъ допустилъ такую ошибку, которая окончательно испортила дѣло Митилены: онъ снабдилъ митиленскую чернь тяжелымъ оружіемъ, забывъ о томъ, что эта чернь всегда симпатизировала Аѳинямъ. Получивъ оружіе, чернь потребовала открытія житницъ и раздѣленія хранящагося въ нихъ хлѣба по ровну между всѣми гражданами, а и иначе грозила сдать городъ Аѳинянамъ. Не ожидая для себя ничего добраго отъ народа, явно расположеннаго къ своимъ непріателямъ и теперь пріобрѣтшаго всю силу, аристократы митиленскіе сочли за лучшее сдать Аѳинянамъ и въ 427 г. до Р. Х. аѳинское войско вступило въ Митилену. За Митиленой сдались Аѳинянамъ города Цирра и Эресь.

Въ Аѳинахъ начали кару Лесбосу съ того, что базнили Салеаа и приславныхъ съ нимъ оптиматовъ митиленскихъ и затѣмъ порѣшили было, для внушенія страха союзникамъ, избить и всѣхъ Митиленцевъ до одного, а ихъ женъ и дѣтей продать въ рабство; но послѣ смиловались и ограничились только тѣмъ, что всѣ лесбійскія поля, исключая меонійскихъ, раздѣлили на три тысячи участковъ которые подѣлили между собой, оставивъ лишь триста участковъ въ честь боговъ. За воздѣлываніе полей, взятыхъ Аѳинянами себѣ, Митилиняне должны были платить имъ аренду. Кромѣ того Аѳиняне взяли у Митиленцевъ ихъ корабли, скрыли стѣны городскія и лишили права осуждать, безъ ихъ согласія, кого либо на смертную казнь. Черезъ три года были окончательно усмирены Аѳинянами и тѣ изъ Лесбійцевъ, которые бѣжали послѣ взятія Лесбоса въ Троаду и оттуда безпокоили аѳинскій горнизонъ⁽¹⁾.

Когда стало извѣстно о пораженіи Аѳинянь въ Сициліи (414 г. до Р. Х.), ихъ союзники одинъ за другимъ стали поводить ихъ. Тогда и лесбійскіе приверженцы Спарты опять подняли голову на бѣду своему острову. Они отправили посольство къ находившемуся тогда въ Атикѣ у Декеліи спартанскому царю Агиду съ просьбою о принятіи ихъ подъ свой протекторатъ. За Лесбіянь просили царя и Беотійцы. Агидъ согласился послать на Лесбосъ десять кораблей, да Беотійцы отъ себя столько же; но эта отправка не состоялась, а помогли Лесбійцамъ своими кораблями жители острова Хіоса. Но Аѳиняне сами явились у Лесбоса съ кораблями и овладѣвъ флотомъ Хіянъ, опять таки подчинили себѣ Митилену, а за ней и весь островъ. (Всѣ эти обстоятельства довольно подробно разсказаны Фукидидомъ въ началѣ VIII книги).

Въ 26-й годъ войны спартанскій полководецъ Калликратидъ занялъ на Лесбосѣ главное гнѣздо аѳинскихъ приверженцевъ, — городъ Меониму и сурово распорядился съ жителями. Это дошло до свѣдѣнія адмирала аѳинскаго флота Конона. Отправившись на выручку Меонимы, Кононъ былъ побѣжденъ Спартанцами въ морскомъ сраженіи у Лесбоса, ушелъ въ митиленскій портъ и сталъ готовиться къ осадѣ. Чернь митиленская охотно ему помогала въ укрѣпленіи го-

⁽¹⁾ Фукидидъ, IV. 52, 73.

рода и порта, и въ Митилену собралось много сельскаго населенія. Калликратидъ осадилъ ее. Конону приходилось туго, и онъ послалъ тайно въ Аѣины за помощію. Аѣиняне отправили для освобожденія Конона сто десять кораблей. Калликратидъ пошелъ имъ на встрѣчу, но теперь былъ самъ разбитъ и оставленная имъ часть флота у Митилены отплыла къ Меонимнѣ (¹).

Послѣ полного пораженія Аѣинянъ при Эгосъ-Потамосѣ въ 405 г., Лизандръ Спартанскій овладѣлъ таки Лесбосомъ и мечты аристократовъ о прибраніи демократовъ къ рукамъ наконецъ сбылись: Лизандръ поставилъ въ лесбійскихъ городахъ децемвировъ (²). Но этотъ порядокъ дѣлъ оставался всего двѣнадцать лѣтъ. Въ 393 году Кононъ Аѣинскій отнялъ у Спартанцевъ власть надъ Митиленой, а немного спустя Фрасибулъ одержалъ и въ Меонимнѣ побѣду надъ лакедемонскимъ гармостомъ и, казнивъ его, подчинилъ Аѣинянамъ весь Лесбосъ. Даже послѣ Анталкидова мира Лесбосъ, отошедшій было по договору къ Спартѣ вмѣстѣ съ Родосомъ и Хиосомъ, вскорѣ снова присталъ къ Аѣинянамъ. Покончивъ съ этими войнами, Лесбійцы на первыхъ порахъ пользовались нѣкоторое время автономіею, но позднѣе у нихъ стали появляться тиранны (Каммесь, Клеомень), чѣмъ, по мнѣнію Плена, они были обязаны персидскому вліянію (³).

Александръ Македонскій послѣ побѣды надъ Даріемъ при Гранивѣ, по свидѣтельствамъ Арріана и Курція (⁴), заключилъ съ Лесбійцами союзъ и очистилъ ихъ города отъ властолюбивыхъ оптиматовъ. Въ 334 г., адмиралъ Даріева флота Мемнонъ Родосскій приплылъ къ Лесбосу и подчинилъ города острова Дарію, исключая Митилены, которая осталась вѣрна Александру. Преемники Мемнона взяли и Митилену, и между Митиленійцами и Персами былъ заключенъ миръ, главнымъ условіемъ котораго былъ разрывъ союза съ македонскимъ царемъ и возвращеніе изгнанныхъ сановниковъ митиленскихъ съ отдачею имъ половины конфискованнаго имущества. Такимъ образомъ теперь для аристократовъ лесбійскихъ персидскій царь сталъ тѣмъ же,

(¹) Ксенофонта Ист. Гр. I, 6, 13, 15—24, 37, 38; II, 25; IV, 8, 28—30.—V, 1, 31; Діодоръ Сицилійскій: XIII, 77—79; XIV, 85; XV, 28.

(²) *Lesbiacorum liber*, стр. 92.

(³) Тамъ же, стр. 74.

(⁴) Тамъ же, стр. 77—78.

Ученныя Зап. Имп. Каз. Унив. 1873 г.

чѣмъ были прежде для нихъ Лакедемоняне... Персы поставили въ Митиленѣ тиранномъ одного изъ возвращенныхъ и дали въ его распоряженіе свой гарнизонъ. Но черезъ два года Александрово войско взяло Митилену и другіе города острова. Тиранновъ Лесбійцы казнили, а Александръ зная, что только сила заставила Митилену, расположенную къ Македоніи, разорвать съ нею союзъ, ни чѣмъ не наказалъ ее и даже расширилъ ея владѣнія.

Исторію Лесбоса послѣ смерти Александра мы знаемъ очень мало. Въ первой половинѣ I ст. до Р. Х., во время войны Римлянъ съ Митридатомъ, царемъ Понтійскимъ, Митилена была въ союзѣ съ послѣднимъ; послѣ пораженія Митридата Лесбосъ былъ взятъ римскимъ преторомъ Минуціемъ Оермомъ въ 85 г. и сталъ римскимъ. Позднѣе, уроженецъ Митилены Теофанъ, панегиристъ и искренный другъ Помпея, исходатайствовалъ у него своему отечеству свободу⁽¹⁾. Плиній въ цитатѣ приведенной въ книжкѣ Плена (стр. 83) говоритъ, что Митилена была въ его время „αὐτόνομος“. О дальнѣйшей судьбѣ этой автономіи точнаго ничего сказать нельзя. При раздѣленіи Римской имперіи на Восточную и Западную, Лесбосъ вошелъ въ территорію первой. Императоръ Іоаннъ Палеологъ отдалъ островъ въ приданное за своею сестрою—Франциску Гателузу. У фамиліи Гателузовъ султанъ Мухаммедъ II въ 1462 г. отнялъ Лесбосъ, присоединивъ его къ Турціи.

Въ разныя эпохи своего политическаго существованія Лесбосъ пережилъ различныя формы правленія. Какъ уже было упомянуто выше, первоначально правила островомъ дари изъ поколѣнія Пенфила, сына Орестова. По истребленіи ихъ при помощи Аѳинянъ, дѣлами Лесбоса управляли тиранны, а потомъ эсимнеть Питтакъ. Послѣ Питтака Лесбосъ былъ подѣ протекторатомъ то Спарты, то Аѳинъ. Спарта учреждала на островѣ обыкновенно аристократическую форму правленія (децемвиры), а Аѳиняне, напротивъ, покровительствовали демократіи. Въ тѣ года, когда

⁽¹⁾ Страбонъ, XIII, р. 617, D.,—Плутархова Жизнь Помпея, 42.

Лесбось пользовался свободой, у нихъ заправляли выборные пританы. Въ лесбійскихъ надписяхъ времени Александра Македонскаго упоминаются „сенать“ (*βόλλα*) и „народъ“ (*δῆμος*); въ яныхъ—является полнымъ распорядителемъ одинъ народъ. На монетахъ времянъ императоровъ упоминаются „стратеги“ (*στρατηγοί*), которыхъ Пленъ (стр. 94) считаетъ не только военными начальниками, но и гражданскими.

Еще равнше XXVI олимпіады (676 г. до Р. X.) Митилена является уже городомъ мореходнымъ. Съ теченіемъ времени ея флотъ приобрѣтаетъ постепенно болѣе и болѣе значенія. Лесбійцы помогаютъ своими судами гражданамъ Милета противъ самосскаго тирана Поликрата; съ ихъ флотомъ дѣлаетъ вторженіе въ Египетъ Камбисъ; они помогаютъ судами, далѣе, Дарію въ покореніи азіатскихъ острововъ и Ксерксу противъ европейскихъ Грековъ (последній, по словамъ Діодора, имѣлъ у себя 40 ихъ судовъ, а по словамъ Геродота—60⁽¹⁾). Всѣ эти суда были, вѣроятно, трехвесельные (*triremes*). Торговля (морская) шла на широкую ногу особенно у Митиленянъ. Ихъ суда съ виномъ хаживали и въ Египетъ, и въ Аѳины, и въ другія мѣста; въ Аѳинахъ, по свидѣтельству комика Алексиды, эти винные торговцы пользовались правомъ безошливной продажи⁽²⁾.

Что касается религіознаго культа, Лесбійцы въ особенности почитали Аполлона. О. Миллеръ въ своей исторіи Дорянъ (I р. 219) полагаетъ, что культъ Аполлона распространили въ Малой Азійи и на сосѣднихъ съ нею островахъ часто предпринимавшіе туда морскія путешествія Критяне, которые, какъ Доряне, относились къ этому богу съ особеннымъ уваженіемъ. Съ другой стороны Лесбійцы, большіе любители музыки, уже и по этому должны были питать глубокое почтеніе къ богу покровителю искусства Музъ. Какъ бы то нибыло, Аполлона почитали, по дошедшимъ до насъ письменнымъ свидѣтельствамъ, Митиленійцы, отправлявшіе въ честь его праздники за городомъ на полѣ Малоентскомъ, а также жители гг. Эреса и Напы.

Послѣ Аполлона Лесбійцы болѣе другихъ боговъ уважали Артемиду Терамайскую (*Θερμαίαν*), покровительницу ис-

(1) Діодоръ IX, 196; Геродотъ III, 95.

(2) *Lesbiacorum liber*, р. 97.

точниковъ, которые такъ были необходимы для острова бѣднаго пресною водой. Въ честь ее былъ праздникъ *ἡ θεομακῆ πανηγυρίς*, упоминаемый въ надписяхъ. Почитали Лесбійцы также Вакха и Афродиту, какъ боговъ наслажденій, къ которымъ они были весьма равнодушны, а за тѣмъ Геру (у жертвенника ея происходила оцѣнка женской красоты), отца боговъ Зевса и владыку моря Посейдона, носившаго названіе *ἑλύμνιος* ⁽¹⁾.

Въ заключеніе нашего географическо-историческаго очерка Лесбоса скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ, умственномъ развитіи и нравѣчии его жителей.

Лесбіяне, какъ видно уже изъ сказаннаго выше, относились къ тѣмъ эллинскимъ племенамъ, которыя, не принадлежа ни къ іонійской, ни къ дорійской семьѣ, носили собирательное имя Эолянъ (вѣроятно отъ *αἰώλος*— „разнообразный“, „пестрый“). Къ Эолянамъ и историки, и грамматики греческіе причисляли на европейскомъ материкѣ Греціи жителей Фессаліи и Беотіи, на Пелопоннесѣ Ахеянъ, Аркадянъ и Элеянъ, а въ Малой Азіи Эолійскія колоніи съ островомъ Лесбосомъ. Характеръ всѣхъ этихъ племенъ былъ очень разнообразенъ. Фессалійцевъ современники считали народомъ очень грубымъ, преданнымъ лишь матеріальнымъ наслажденіямъ и не проникнутымъ никакими болѣе высокими стремленіями. Такъ оговаривался о нихъ и Сократъ по разсказу Платона (въ XV гл. діалога „Критонъ“). Беотійцы считались развѣ не многимъ лучше Фессалійцевъ. Этотъ „крѣпко тучный народъ“ (*μάλα πλῶν δῆμος*) ⁽¹⁾ за свою привязанность къ разгульной жизни Греки называли въ насмѣшку „свиньями Беотійскими“ (*ὡς Βοιωτῖα*) ⁽²⁾. Впрочемъ въ болѣе древнюю эпоху Беотійцамъ была не чужда и поэзія, и Гезіодъ въ началѣ своей Теогоніи называетъ ихъ страну „жилищемъ Музъ“. Объ Ахеянахъ нѣтъ данныхъ сказать что нибудь опредѣленное, и нѣкоторые эллинисты (напр. А. Бѣкъ въ своихъ лекціяхъ

⁽¹⁾ Lesb. liber. глава IV. § 1.

⁽²⁾ Илиада, V, 712.

⁽³⁾ Пиндаръ, VI Ол. ода, 153.

о Греческихъ древностяхъ), считаютъ ихъ названіе собира- тельнымъ именемъ всѣхъ Грековъ Троянской эпохи. Арка- дане, жители Сѣдной производительностію горной мѣстности, вели довольно суровую, пастушескую жизнь, любили пѣсни, но вообще были по развитію не далеки (*Ἀρκαδίον βλάστημα* „Аркадское растеніе“ было эпитетомъ чловѣка вялаго). Эоляне малоазійскаго побережья, жившіе въ странѣ весьма плодо- родной и обладавшіе значительнымъ довольствомъ, вели жизнь роскошную, крѣпко любили выпить и повеселиться въ кру- гу женщинъ,—въ чемъ, вѣроятно, сказалось вліяніе сосѣд- нихъ азійскихъ народовъ; но вообще ни особенной энергіей, ни умственнымъ развитіемъ не отличались, далеко усту- пая и въ той, и въ другомъ своимъ іонійскимъ сосѣ- дямъ. Пленъ въ своей книгѣ (стр. 120) видитъ причину превосходства Іонянъ азійскихъ предъ сосѣдними Эолянами въ слишкомъ богатой производительности страны послѣд- нихъ; намъ, однакоже, думается, что это не самая глав- ная причина. Главную роль въ этомъ играетъ врож- денная іонійскому племени энергія и даровитость, а за тѣмъ и болѣе близкое сосѣдство съ храбрыми и предприимчивыми Лидійцами. Хотя въ послѣдствіи Киръ и успѣлъ системати- чески подавить въ Лидійцахъ ихъ прежнюю храбрость, одна- кожь и за тѣмъ у нихъ еще долго процвѣтала и промыш- ленность, и широкая торговля. Кстати замѣтить, что еще не давно было время, когда признаніе благотворнаго вліянія Азіи на Грековъ казалось едва не святотатствомъ. О. Мюллеръ, напримѣръ, считалъ греческій народъ оригинальнымъ вполне. Выѣстъ съ А. Бѣкомъ и Велькеромъ онъ отвергалъ всякое вліяніе Азіи на Грецію, отвергалъ даже азійскія переселе- нія въ нее, не допускалъ никакого вліянія на греческую цивилизацію ни Египта, ни Финикіи, — будетъ ли оно въ религіи, въ наукѣ или искусствѣ. Нибуръ склонялся къ то- му же взгляду, допускаая, однакоже, дѣйствительность пересе- леній Кадма, Кекропса и Даная⁽¹⁾, хотя и относилъ ихъ къ самой глубокой древности, не придавая имъ при этомъ ни- какого вліянія на исторію Греціи... Что такой эллинскій пуризмъ не выдерживаетъ строгой критики, достаточно вспо- мнить, что—если и не принимать цѣликомъ высказаннаго Ге-

(1) Vorträge über alte Geschichte, Berlin, 1847. I. S. 96—98.

родотомъ мнѣнія о происхожденіи греческой религіи (въ началѣ II вв.)—религія эта во всякомъ случаѣ приняла въ себя еще въ доисторическую эпоху азіятскіе культы, напр. Афродиты (сирійской Астарты); что Пифагорова наука чиселъ по сознанію самихъ Грековъ вышла изъ Египта; что музыкальные лады Лидіи и Фригіи легли въ основаніе греческой музыки. О вліяніи египетскаго искусства на зачатки греческаго есть прекрасная статья (въ Тракт. Корол. ав. наукъ за 1871 г.) Р. Лепсіуса: *Über einige ägyptische Kunstformen und ihre Entwicklung*. Самые элементы греческой письменности, буквы, называвшіяся нѣкогда *фолмиѳа* ⁽¹⁾, суть только видоизмѣненіе буквъ семитическихъ.

Островъ Лесбось, конечно вслѣдствіе своихъ мѣстныхъ и историческихъ условий (выяснить которыя со всею полнотою мы не имѣемъ данныхъ), какъ бы стянулъ въ себя всѣ лучшія силы азіятскихъ Эолянъ; онъ сталъ ихъ бьющеюся артеріею, подобно тому, какъ и нарѣчіе его жителей сдѣлалось для грамматиковъ прототипомъ всѣхъ говоровъ эолийскихъ... Еще въ началѣ нашего очерка было замѣчено, что мы весьма мало знаемъ о частной жизни грековъ не-Аеинянъ и не-Спартанцевъ; но въ этомъ весьма маломъ есть такіе факты, которые говорятъ очень много въ пользу Лесбійцевъ. Объ ихъ энергическомъ стремленіи къ свободѣ и противъ своихъ тиранновъ, и противъ царей Азіи уже сказано выше, точно такъ же, какъ и объ ихъ морскихъ предпріятіяхъ. Ихъ сильная любовь къ образованію видна изъ богатства ихъ мѣстной литературы, поэтической и прозаической (см. слѣдующую главу); она воспитала въ нихъ и записанное Эліаномъ ⁽²⁾ убѣжденіе въ томъ, что величайшее наказаніе для человѣка есть отнятіе у него возможности образованія своихъ дѣтей умственно и эстетически (*ἡράματα μὴ μανθάνειν τοὺς παῖδας. μηδὲ μουσικὴν διδασκασθαι*). Поэзія была какъ бы неотъемлемымъ удѣломъ Лесбоса,—острова, по выраженію древнихъ, „самаго поэтическаго“ (*ἡ νῆσος ποιέων ἀειδοτάτη*), что породило и приводимую Овидіемъ древнюю легенду о томъ, какъ волны моря выкинули на Лесбось голову Орфея, вмѣстѣ съ его лирой (послѣ того какъ Фракіянки убили его за

(1) Геродотъ, V, 58.

(2) *Lesbiacorum liber*, стр. 89.

обученіе ихъ мужей восточной педерастіи ('). Но всего рѣзче бросается въ глаза сравнительно съ остальною Греціею положеніе на Лесбосѣ женщинъ.

Судьба женщины въ главныхъ центрахъ Греціи, въ Спартѣ и Аѳинахъ, была весьма не блестяща. У малоазійскихъ Грековъ, судя по поэмамъ приписываемыхъ Гомеру, женщина пользовалась въ нѣкоторомъ смыслѣ свободою,—могла, на примѣръ, выйти изъ своего отдѣленія въ мужское, выслушать въ присутствіи мужа просьбу о покровительствѣ отъ чужестранца; дѣвушка могла съ подругами участвовать въ хороводахъ и даже отправиться безъ родителей за городъ. Нѣтъ спора, что и въ эту эпоху образцовый сынъ могъ смѣло высказать своей матери ту горькую истину, что ея мѣсто не въ обществѣ мужей, а около ткацкаго станка и прялокъ ('); но все же это было далеко не то, что стало съ греческой женщиной позднѣе. Въ эпоху героизма, въ этотъ вѣкъ физической силы, женщина на большее не могла и рассчитывать... Но когда греческое общество въ значительной мѣрѣ утратило свое благоговѣніе къ физической мощи и сдѣлало большіе успѣхи въ развитіи умственномъ, положеніе женщины въ немъ не улучшилось, чего бы, по видимому, слѣдовало ожидать, а ухудшилось... Причина этого ухудшенія врется, по нашему мнѣнію, въ широкомъ развитіи у позднѣйшихъ Грековъ идеи государства. Этой идеѣ у нихъ мало по малу подчинилась вся жизнь,—общественная, религіозная и частная. *Ἀνδραγατός*, человѣкъ самъ по себѣ, потерялъ свое значеніе и каждый пользовался имъ лишь какъ *πολίτης*, членъ своего государства, гражданинъ. Не мудрено поэтому, что и женщина, отстраненная отъ непосредственнаго участія въ политикѣ, потеряла свое личное значеніе, и если пользовалась уваженіемъ, то лишь какъ жена или мать гражданина. Спарта, обязанная своимъ политическимъ бытіемъ милитаризму, требовала отъ своихъ гражданъ прежде всего физической крѣпости; поэтому и женщины спартанскія, какъ матери будущихъ гражданъ, обязаны были, въ видахъ государственной пользы, заботиться объ укрѣпленіи или, вѣрнѣе, заваленіи своего организма. Отсюда—официальное обученіе спартанскихъ дѣ-

(¹) *Μεταμορφώσεις*, XI, 55; у Плена стр. 138.

(²) *Ὀδυσσεύς*, I, 325—60.

вупекъ гимнастикѣ, военная муштровка, бракъ безъ сердечнаго влеченія и за тѣмъ ограниченіе самой святой обязанности женщины, — воспитанія своихъ дѣтей, — годами лишь ранняго ихъ дѣтства. Объ умственномъ образованіи спартанокъ, конечно, не было рѣчи; но за то и сами спартіаты не всѣ умѣли даже считать⁽¹⁾. Положеніе женщины въ Аѣинахъ было еще неутѣшительнѣе того, какимъ она пользовалась въ Спартѣ. Въ послѣдней женщина все таки несла, хотя и второстепенную, службу государству, слѣдовательно и пользовалась за то нѣкоторымъ уваженіемъ; въ Аѣинахъ и того не выпало на ея долю. Хлопотать о женщинахъ, даже въ видахъ образованія изъ нихъ крѣпкихъ матерей, не особенно воинственному аѣинскому государству не было надобности; оно и оставило ихъ въ покоѣ, поручая всю заботу о нихъ родителямъ и мужьямъ. Такъ какъ аѣинянинъ женился лишь затѣмъ, чтобы имѣть, во первыхъ законныхъ дѣтей, а во вторыхъ вѣрнаго стража своему имуществу⁽²⁾, то и воспитаніе молодой аѣинянки было направлено только къ тому, чтобы она вышла чадолубивою матерію и расцегливою хозяйкою. Съ этой цѣлью заботились больше всего о томъ, чтобы она „какъ можно меньше видѣла, какъ можно меньше слышала и какъ можно меньше спрашивала“⁽³⁾. Перейдя изъ — подъ крова родительскаго въ гинекей мужа, взявшаго ее вовсе не по сердечному влеченію, эта аѣинянка продолжала проводить свою прежнюю затворническую жизнь, осуществляя вышеупомянутыя двѣ цѣли своего бытія. Хлопотать мужу объ образованіи своей жены не было охоты: во 1-хъ это было не обычно; во 2-хъ потребовало бы не мало труда, вовсе не сподручнаго довольно лѣнивому бонвивану, а въ 3-хъ и не въ чему: день незамѣтно проходилъ на шумной агорѣ, а отвести душу умною рѣчью, пропитанною самой тонкой аттической солью, можно было во всякое время въ обществѣ пикантныхъ гетеръ (что не считалось ни малопредосудительнымъ); а образованная жена можетъ еще возбудить толки о себѣ, чѣмъ скомпрометируетъ лишь мужа, потому что даже по словамъ таковаго передоваго аѣинянина, какимъ былъ Периклъ⁽⁴⁾,

(1) Платона Гиппій старшій, р. 285.

(2) Демосеенова рѣчь за Нееру, pag. 1386.

(3) Ксенофонта Экономикъ; VII, 5.

(4) Фукидидъ; II, 45.

„лучшая слава для женщины—въ томъ, чтобы о ней какъ можно меньше говорили; будетъ ли то въ дурную или хорошую сторону,—все равно“.

Положеніе женщины у греческихъ колонистовъ, какъ на западъ, такъ и на востокъ, было иное. Здѣсь мы уже не видимъ ни аѳинской замкнутости, ни спартанской дрессировки. Причину этой свободы греческой женщины-колонистки нужно искать во первыхъ, какъ мы уже замѣтили, въ значительно-меньшемъ развитіи у этихъ колонистовъ идеи политическаго организма (такъ какъ воплѣ самостоятельнаго государства они никогда и не составляли, и на первомъ планѣ у нихъ стояли интересы не политическіе, а скорѣе торговые), а затѣмъ—во влияніи на колонистовъ народовъ сосѣднихъ... И вотъ мы видимъ, что въ Кротонѣ (въ Италіи) женщины свободно втсупаютъ въ политически-философскій орденъ Пинагора, а на островѣ Лесбосѣ женщины свободно занимаютъ музыка и поэзію (какъ напр. Сапфо, Горго, Андромеда), окружаютъ себя ученицами изъ молодежи своего пола⁽¹⁾; изображенія даровитѣйшихъ изъ нихъ чеканятся на отечественныхъ деньгахъ⁽²⁾. Женская стройность и грація считалась на Лесбосѣ божественнымъ даромъ, и на ежегодный праздникъ въ честь Геры, называвшійся *καλλιτεΐα*, лесбіянки являлись для состязанія въ красотѣ⁽³⁾.

Но „*audiat et altera pars*“... Говоря о свѣтлыхъ сторонахъ натуры Лесбіянокъ, было бы несправедливо умолчать совѣмъ о темныхъ сторонахъ. При своихъ прекрасныхъ наклонностяхъ, Лесбіянки были очень усердными служителями Вакха и Афродиты. Особенно въ послѣднемъ отношеніи Лесбіянки приобрѣли дурную славу: у нихъ явился позднеѣ даже свой, туземный родъ разврата, *τὸ λεσβίζειν* (*μολύνεσθαι τῷ στόματι*, *penem fellare*)⁽⁴⁾. Лесбіянки не уступали въ сладострастіи мужчинамъ: *ἐν Λέσβῳ λέγουσι γυναῖκας γυναῖξί πληραζούσας ὡπερ ἄνδρας*⁽⁵⁾. Пленъ въ своей книжкѣ

⁽¹⁾ Максимъ Тирскій, *Diss.* XXIV, p. 297.

⁽²⁾ Поллуксъ, IX, 6, 4.

⁽³⁾ Аевней въ *Lesbiacorum libro*, стр. 125.

⁽⁴⁾ Евстацій къ Иліадѣ Гомера, p. 740; схолиастъ греческій къ Осамъ Аростофана, 1385, и Лягушкамъ, 1835.

⁽⁵⁾ *Lesbiacorum liber*, p. 123.

(стр. 124) старается оправдать въ этихъ порокахъ Лесбіянь и въ большинствѣ обвиненій видитъ лишь выдумки аттическихъ комиковъ, отъ рѣдкихъ частныхъ случаевъ заключившихъ къ общему. Можетъ быть послѣднее отчасти и правда; но, по нашему мнѣнію, старанія оправдывать Лесбіянь въ приписываемой имъ чувственности и вызванныхъ ею порокахъ, излишни. И горячая натура Лесбійцевъ, и близкое соудство ихъ съ сластолюбивой Азіей естественно давали себя чувствовать; но эта страстность и вызванная ею распущенность нравовъ не помѣшала имъ быть нѣкогда народомъ энергическимъ и даровитымъ, что въ наше время наглядно доказываютъ, напримѣръ, Французы.

Нарѣчіе жителей острова Лесбоса⁽¹⁾ не принадлежало ни къ семьѣ говоровъ іонійскихъ, ни къ семьѣ дорійской. Оно было припимаемо всѣми греческими грамматиками за образецъ такъ называемаго діалекта Эолійскаго. Самою характерною особенностію нарѣчія Лесбійскаго, по свидѣтельству древнихъ грамматиковъ, было отсутствіе аспираціи (*spiritus gravis*), за тѣмъ избѣжаніе ударенія на послѣднемъ слогѣ (исключая нарѣчій и предлоговъ); такимъ образомъ Лесбіяне вмѣсто *ὁ ἀνὴρ* говорили *ᾠνῆρ*. Далѣе, буква *ι* въ дифтонгахъ то выпускалась, то переходила передъ плавною въ ту же плавную, то произносилась, на оборотъ, раздѣльно; такъ, напримѣръ, богъ брака назывался *Ἰμέναιος*, вмѣсто *εἰμῆ* говорили *ἔμμῆ*, вмѣсто *παῖς—παῖς*. Съ другой стороны, въ звукѣ *ι* переходила полугласная *υ* предъ *ς*, вслѣдствіе чего во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ образовалась долгая гласная предъ *ς* вслѣдствіе исчезновенія *υ* или *υτ*, у Лесбійцевъ вставлялось *ι*; поэтому вмѣсто винительнаго падежа *μευάλας, στεφάνους* (образов. изъ *μευάλας, στεφάνους*) Лесбіяне говорили *μευόλας, στεφάνους*; вмѣсто *κρύπτουσι* (древн. *κρύπτονται*)—*κρύπτοισι*; вмѣсто *πλήθουσα* (древн. *πλήθοντα*)—*πλήθοισα*. *Ι* слѣдовавшая за *δ* предъ гласною переходила вмѣстѣ съ *δ* въ сложную букву *ζ*: вмѣсто *διά* говорилось *ζά*, вмѣсто *καρδία*—*κάρζα*. Въ спряженіи у Лесбіянь было больше, чѣмъ въ діалектѣ Аттическомъ, глаголовъ чистыхъ древней формы, то есть кончавшихся на *μι*, каковы, напримѣръ, *ῥρημι, κάλημι, δοκίμαμι* (вмѣсто *ῥράω*,

(¹) См. нашу статью «Краткій обзоръ нарѣчій Греческаго языка», помѣщенную въ Циркулярѣ по Казанскому учебному округу, 1873 г., № 4.

καλέω, δοκιμάω); неопредѣленное наклоненіе вмѣсто *ειν, εἶναι* или *ἦναι* больше кончалось сокращенно, на *ην*, напр. *ἄγην, τεθνάκηην, γενήθηην*; причастія въ именительномъ падежѣ единственнаго числа мужескаго рода удерживали арханческое окончаніе на *ς*, напр., *φιλεῖς* (изъ *φιλε—ντες*), *γέλας, ὄρθοις*. Было, наконецъ, въ нарѣчіи Лесбіанъ и нѣсколько дорисмовъ.

А. Иноземцевъ.

(Окончаніе будетъ).

ВЕНЕЦІЯ И ДУБРОВНИКЪ

ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

СЪ 998 ДО 1358 ГОДА.

Историческая наука до сихъ поръ еще не сказала своего послѣдняго слова объ отношеніяхъ Венеціи къ Дубровнику до 1358 года. Въ первую половину нынѣшняго столѣтія даже трудно было ожидать болѣе или менѣе безпристрастнаго рѣшенія этаго вопроса: память обѣихъ республикъ была одинаково дорога нѣкоторымъ ученымъ. Обыкновенно, Венецію считаютъ царицею средиземныхъ водъ; но иные, особенно Eusèbe Salvèrte въ своемъ сочиненіи: *De la civilisation Venise et Raguse*, любопытномъ во многихъ отношеніяхъ, отдаегъ преимущество Дубровнику предъ Венеціей.

Всѣ ученныя мнѣнія объ отношеніяхъ Венеціи и Дубровника можно раздѣлить на три разряда. Венеціанскіе бытописатели, основываясь преимущественно на хроникахъ Дандоло и Сабеллико, утверждаютъ, что Дубровникъ съ конца X вѣка и до половины XIV вѣка почти непрерывно находился подъ владычествомъ Венеціи. Это мнѣніе въ Венеціи было всегда господствующимъ, а оттуда перешло ко всѣмъ западнымъ ученымъ—французскимъ и нѣмецкимъ. Сами дубровничане до XVI вѣка не высказывались; а послѣ того, когда въ XVI и XVII вѣкахъ, подъ вліяніемъ матеріальнаго процвѣтанія, народный патріотизмъ въ Дубровникѣ достигъ высшей степени развитія, то и вопросъ объ отношеніяхъ къ Венеціи былъ выдвинутъ въ первые ряды. Явилось множество изслѣдователей отечественной свободы и самобытности, и каждому изслѣдователю хотѣлось сказать что-нибудь новое, свое. Одни изъ нихъ шли вслѣдъ за венеціанскими историками; таковъ, напр., Іоаннъ Лучичъ (Joannes Lucius, † 1530), написавшій: *De regno Croatiae et Dalmatiae libri sex* (въ первый разъ было напечатано въ Амстердамѣ 1668 г.,

потомъ вошло въ сборникъ Швандтнера: *Scriptores rerum Hungaricarum*). Взглядъ венеціанцевъ и Лучича воскресилъ въ наше время докторъ Любичъ, выступившій въ 1868 году съ своей статьей „*Ob odnoszajih dubrovačke sa mletačkim republikam tja do g. 1358*“. И Лучичъ, и Любичъ, а послѣдній по новымъ и многочисленнымъ даннымъ, доказываютъ, что Дубровникъ цѣлыхъ четыре столѣтія находился подъ властію и въ подданствѣ республики Венеціанской.—Другіе, отвергая такого рода зависимость, признаютъ только покровительство. Такой взглядъ впервые былъ высказанъ Юніемъ Растичемъ (*Giugno Resti*, 1671—1735) въ его „*Chroniche di Ragusa*“, остающейся до сихъ поръ въ рукописи (въ Зарѣ въ 1861 г. издано предисловіе, около того же времени Медо-Пущичъ издалъ краткое извлеченіе на сербскомъ языкѣ, и Макушевъ—небольшой отрывокъ, годы 1358, 1373 и 1389, въ IX дополн. къ магистерск. своей диссертациі „О бытоп. Дубровн.“). Растичъ первый старается поколебать свидѣтельства Дандоло, Сабеллико и др. Его сочиненіе до сихъ поръ еще продолжаетъ служить опорой для всѣхъ противниковъ зависимости Дубровника. Въ началѣ XIX вѣка взглядъ Растича раздѣляли Аппендини, издавшій въ 1803 г. въ Дубровникѣ „*Notizie storico-critiche sulle antichità, storia e letteratura di Ragusei*“, и Энгель въ своемъ трудѣ „*Geschichte des Freystaates Ragusa*. Wien. 1807“. Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести и А. Майкова (Исторія сербскаго языка), который, впрочемъ, значительно колеблется, называя сначала отношенія Дубровника въ XIII—XIV вв. сомнительными (стр. 84), потомъ принимая независимость (стр. 85), и вслѣдъ за тѣмъ верховную власть Венеціи (стр. 85). — Наконецъ, третьи отвергають всякую зависимость Дубровника отъ Венеціи, не признають даже покровительства венеціанскаго, считая всѣ факты, противорѣчащіе ихъ теоріи, выдумкою Дандоло и Сабеллико. Самый даровитый изъ этой партіи былъ Себастьянъ Сладичъ (*Sebastiano Dolci*, 1699—1777 г.). Мечта о всегдашней независимости и самобытности Дубровника была его *idée fixe*, полнѣе всего выразившейся въ „*Dissertatio critico-cronologico-historica*, 1771 г.“, гдѣ онъ развиваетъ свой взглядъ съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія. По стопамъ Сладича въ наше время пошелъ В. Макушевъ, написавшій свое „Исслѣдованіе объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника“ съ безотчетнымъ

послѣдованіемъ Сладичевымъ внушеніямъ и идеямъ. Тридцатые годы нынѣшняго столѣтія были апопеезой этой партіи. Тогда явилось уже упомянутое нами сочиненіе Е. Сальверта; тогда же А. Соркочевичъ издалъ книгу: *Fragments sur l'histoire politique et littéraire de l'ancienne République de Raguse et sur la langue Slave* (Paris, 1839), которая представляетъ похвальную пѣснь Дубровнику, и другую: *Origine et chute de l'ancienne République de Raguse*, составляющую какъ бы надгробное слово.—Само собою понятно, что при такомъ состояніи вопроса объ отношеніяхъ взятыхъ нами двухъ республикъ, для избѣжанія крайностей прежнихъ изслѣдователей, необходимо остановиться на слѣдующихъ главныхъ пунктахъ: 1) на возможно полномъ собраніи и критической провѣркѣ свидѣтельствъ о зависимости Дубровника отъ Венеціи; 2) на опредѣленіи сущности и степени власти Венеціи надъ Дубровникомъ, и наконецъ 3) на томъ, какъ отразилось вліяніе Венеціи на внутренней организаціи Дубровника. Рѣшеніе этихъ трехъ пунктовъ даетъ намъ съ одной стороны твердую почву для изслѣдованія, а съ другой прольетъ ясный свѣтъ на массу часто противорѣчивыхъ свидѣтельствъ. Но всему будетъ предшествовать обзоръ источниковъ, относящихся до разсматриваемаго нами вопроса.

Источниками будутъ служить:

I. *Оффиціальныя данныя, куда относятся:*

а) Четыре договора Дубровника съ Венеціей, изданные въ Вѣнѣ 1856 году Тафелемъ и Томасомъ въ *Urkunden zur älteren Handels—und—Staatsgeschichte der Republik Venedig*, во 2-мъ томѣ. Изданіе исполнено по рукописямъ венеціанскаго Архива; но ученые издатели читали текстъ рукописей въ очень многихъ мѣстахъ неправильно, напр. вмѣсто *inventum* они читали *in junctum*, а изъ *partibus* дѣлали *portibus*. Такихъ мѣстъ у нихъ приходится, на одинъ первый договоръ двадцать три.—Г. Макушевъ въ своемъ изслѣдованіи о бытописателяхъ Дубровника перепечаталъ изъ Тафеля-Томаса первый договоръ.—Лучшее изданіе договоровъ со всею тщательностію серьезнаго ученаго было сдѣлано дикторомъ Любичемъ, въ приложеніи къ его статьѣ „объ отношеніяхъ Дубровника въ Венеціи“, также съ рукописей Венеціанскаго Архива, провѣрено и сличено съ документами вѣнскаго

Архива, который составленъ изъ упраздненныхъ архивовъ далматскихъ городскихъ общинъ.

β) Акты венеціанскаго Архива, касающіеся сношеній Дубровника съ Венеціей. Они изданы Бѣлградскимъ профессоромъ Іоанномъ Шафариковъ, сначала въ Гласникѣ съ XI до XV кн., а потомъ отдѣльно въ Бѣлградѣ, подъ заглавіемъ: *Acta Archivi Veneti t. I 1860 года, a t. II 1862 г.*

γ) Акты ватиканскаго Архива, содержащія въ себѣ папскія буллы къ Дубровницкой Республикѣ. Папы по особенной склонности къ этой общинѣ всегда старались уравновѣшивать отношенія ея къ Венеціи; отъ этого папскія буллы получаютъ для насъ новый интересъ. Онѣ изданы Тейнеромъ въ Римѣ 1863 г. подъ названіемъ: *Vetera Monumenta Slavogum meridionalium historiam illustrantia.*

δ) Статуты Дубровника. Они заключаются въ четырехъ книгахъ; но для насъ важны только первыя три; именно: 1) *Liber statutorum civitatis Rhacusii 1272 г.* 2) *Reformatiopes 1310 г.,* и *liber viridis 1358 г.,* важны потому, что составлены подъ очевиднымъ вліяніемъ Венеціи. Статуты до сихъ поръ еще остаются въ рукописи. Нѣкоторые отрывки изъ книги *Reformatiopes* и *viridis* изданы Пуцичемъ въ Споменицахъ т. II; извлечения изъ Статута сдѣланы также г. Макушевымъ въ „Исслѣдованіи“ его стр. 151—164.

ε) Таможенный уставъ Дубровника. Въ первый разъ онъ былъ обнаруженъ въ 1277 году; потомъ былъ дополняемъ до 1674 г. Таможенный уставъ можно считать официальной исторіей дубровницкой торговли; для насъ онъ важенъ потому, что въ немъ сдѣлано много постановленій относительно торговли съ Венеціей, въ ея пользу и въ ущербъ собственной торговли. Такія исключенія встрѣчаются до второй половины XIV вѣка, и прекращаются вмѣстѣ съ венеціанскимъ владычествомъ. Таможенный уставъ находится въ рукописи; извлечения изъ него представлены г. Макушевымъ въ „Исслѣдованіи“ стр. 171—176.

II. Неофициальныя данныя, къ нимъ принадлежатъ:

а) *Shrgisum sacrum* въ VIII томахъ, изъ коихъ къ нашему предмету относится собственно VI томъ. Въ немъ много собрано драгоценныхъ свѣдѣній историческихъ-гражданскихъ и церковныхъ, заимствованныхъ какъ изъ лѣтописей,

такъ изъ актовъ официальныхъ. Но и другіе томы этого изданія далеко не излишни для для занимающагося дубровницкой исторіей. Такъ большая часть перваго тома посвящена древней исторіи и географіи Далмаціи и Иллирика, на основаніи Птолемея, Страбона, Плинія старшаго, и многихъ другихъ древнихъ и позднѣйшихъ ученыхъ. Въ другихъ томахъ содержатся политическая и церковная исторія сосѣднихъ съ Дубровникомъ городовъ.

b) *Johannis Diaconi chronicon Venetum et Gradense*. Изъ извѣстныхъ доселѣ это самая древняя венеціанская хроника, писанная въ началѣ XI вѣка. Составитель ея съ точностію не извѣстенъ. На самомъ древнемъ манускриптѣ ея, ввиду по листамъ, находится надпись, сдѣланная рукою Іоанна Загорнинскаго, слесарныхъ дѣлъ мастера. Но такъ какъ по всеобщему обычаю подобныя надписи дѣлаютъ владѣльцы книгъ, то изъ этого должно заключать, что Загорнинскій слесарь былъ только однимъ изъ первыхъ владѣльцевъ рукописи, а не составитель ея. Основываясь на томъ обстоятельстве, что хроника болѣе всего занимается временемъ дожа Петра Урсеола II и оканчивается его смертію, и что изъ другихъ лицъ этого времени одно изъ видныхъ мѣстъ въ ней занимаетъ приближенный дожа Іоаннъ Діаконъ, полагаютъ, что этотъ послѣдній и былъ писателемъ хроники. Другія доказательства въ пользу Іоанна Діакона слѣдующія: 1) обстоятельное описаніе посольства къ Императору Отгону III; 2) политическое состояніе Далмаціи, сдѣланное очевидцемъ; 3) изложеніе путешествія въ Далмаціи Петра Урсеола II; 4) точныя извѣстія о сношеніяхъ этого дожа съ Византійскими императорами. Все это необходимо заставляетъ видѣть въ расказчикѣ очевидца и близко знакомаго съ дѣломъ человѣка. Кромѣ того, писатель хроники обладалъ достаточною начитанностію въ сочиненіяхъ Беды, Павла Діакона и др., и коротко знакомъ съ церковною исторіей своего вѣра. Конечно, къ Іоанну Діакону такія условія приложимы болѣе, чѣмъ къ кому—либо другому. Онъ былъ министромъ Петра Урсеола II, пользовался у него особенною любовію и уваженіемъ, и за то былъ преданъ дожу и его семейству всею душою; участвовалъ лично во всѣхъ важныхъ событіяхъ тогдашняго времени, въ качествѣ дожева совѣтника; былъ посвященъ во всѣ тайны правленія; былъ началь-

явномъ посольства къ императорамъ Оттону III и Генриху II, отъ которыхъ равнымъ образомъ успѣлъ заслужить любовь и уваженіе. Хроника его издана въ IX томѣ Пертцевыхъ Monumenta Germaniae historica. Она служила основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ хроникъ.

с) Chronicon Venetum, quod Altinote pincipatur. Авторъ этой хроники неизвѣстенъ. Но она уже съ давнихъ поръ обращала на себя вниманіе ученыхъ по современности описываемымъ въ ней событіямъ. Уже Монфоконъ писалъ: существуетъ пергаменный кодексъ, писанный около 1210 года, и заключающій въ себѣ венеціанскую исторію. Венеціанцы не знаютъ другой хроники древнѣе этой. Она начинается съ описанія острововъ, на которыхъ расположена Венеція, и о которыхъ существуютъ столь рѣдкія и скудныя свѣдѣнія, и заключаетъ въ себѣ исторію патриарховъ аввильскихъ, Градскихъ, епископовъ торчельскихъ и венеціанскихъ, а также папъ, императоровъ и дождей, — съ присовокупленіемъ краткаго повѣствованія о нѣкоторыхъ древнихъ патриціанскихъ семействахъ, во многомъ несходнаго съ тѣмъ, что говорятъ о нихъ позднѣйшія хроники. Еще Апостоль Зенъ замѣтилъ, что Дандоло въ своей хроникѣ, писанной около 1350 г., весьма часто пользовался книгой и памятниками этаго писателя (Diarium Italia. V, 77). Этотъ взглядъ Монфокона былъ господствующимъ до второй четверти нынѣшняго столѣтія, когда была открыта и достаточно оцѣнена хроника Іоанна Діакона, о которой сказано выше. Теперь хроника Альгинатская заняла въ ряду венеціанскихъ хроникъ второе мѣсто по древности. Рукописи ея распространены и встрѣчаются во многихъ итальянскихъ библіотекахъ. Лучшими считаются: 1) рукопись тревизской библіотеки, подъ именемъ которой до 1845 года была извѣстна и самая хроника, и 2) рукопись библіотеки венеціанской патриаршей семинаріи. Последняя признана итальянскими учеными древнѣйшею и исправнѣйшею и поэтому ее выбрали для изданія. Оно сдѣлано съ итальянскимъ переводомъ въ VIII томѣ Archivio storico italiano, Firenze 1845 года.

d) Andreae Danduli Venetorum Ducis Chronicon Venetum usque ad 1339 an. Андрей Дандоло принадлежалъ къ древнѣйшей и лучшей фамиліи, давшей Венеціи многихъ великихъ дѣятелей. Въ дѣтствѣ онъ получилъ блестящее воспитаніе и образованіе и при выступленіи на общественную

дѣятельность запыля мѣсто между первыми умами и первыми учеными своего времени. Тѣсная дружба его съ Петраркой и переписка съ нимъ уже достаточно извѣстны образованному свѣту. Въ свое время это также много способствовало въ увеличенію блеска, который уже окружалъ имя Андрея Дандоло. Какъ цѣнили его соотечественники, лучше видно изъ того, что на 36 году возраста Андрей Дандоло былъ избранъ дожемъ Венеціи, въ 1343 г.,—примѣръ чрезвычайно рѣдкій. И сограждане не ошиблись въ выборѣ Андрея. Не смотря на физическія бѣдствія, постигшія Венецію въ это время, не смотря на трудныя войны, которыя въ одно и то же время должно было вести и съ турками, и съ Генуей, и съ Венграми, и съ Іоанномъ Висконти, Андрей Дандоло со славою правилъ республикой и вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ трудностей, служа своему отечеству столько-же умомъ своимъ, сколько и воинскою доблестью. Въ это же время онъ написалъ и свою знаменитую хронику. Источниками для него служили: древніе венеціанскіе лѣтописцы, между которыми ярко выдаются Іоаннъ Діаконъ и Альгинатскій Анонимъ; официальные документы Венеціанскихъ Архивовъ; хрисовулы Визавтійскихъ императоровъ,—многіе изъ такихъ хрисовуловъ утрачены и не дошли до нашего времени; грамматы германскихъ императоровъ, папскія буллы и мн. друг. Дандоло воспользовался бывшимъ въ его распоряженіи матеріаломъ весьма искусно, съ тактомъ основателянаго ученаго. Напрасно исследователи, въ томъ числѣ и позднѣйшіе, считаютъ его выдумщикомъ, слагателемъ разныхъ басенъ; всѣ эти обвинители не говорили бы такъ, еслибы обстоятельнѣе постарались ознакомиться съ лѣтописями древними, каковы двѣ вышеприведенныя нами, которыя вполнѣ оправдываютъ Дандоло. Акты, которые теперь издаются въ значительномъ числѣ изъ разныхъ европейскихъ архивовъ, также подтверждаютъ извѣстія Дандоловой хроники, которая на долго останется образцемъ осторожнаго пользованія источниками. Хроника Дандоло явилась въ свѣтъ въ двухъ редакціяхъ—подробной и сокращенной; подробная давно уже утрачена, а до насъ дошла только сокращенная, отпечатанная въ XII т. Муратори *Regum italicarum Scriptorum*. Лучшею рукописью хроники Дандоло считается Амвросіанская въ Миланѣ, въ которой, кромѣ того, на поляхъ содержатся очень важныя замѣчанія.

е) Послѣ знаменитаго лѣтописца-дожа слѣдуетъ упомянуть о Сабеллико. Маркъ Антоній Кокчіо Сабеллико былъ сначала секретаремъ кардинала Бессаріона, известнаго венеціанскаго мецената половины XV вѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ исправлялъ должность кардинальскаго бібліотекаря. Потомъ, по рекомендаціи кардинала, онъ получилъ въ Венеціи должность государственнаго историографа, съ пенсіей въ 200 дукатовъ. Глубоко изучивъ Саллюстія, онъ взялъ его за образецъ своего труда. Но Сабеллико слишкомъ увлекся изящностію саллюстіева языка, вслѣдствіе чего и самъ болѣе заботился о внѣшней отдѣлкѣ своего сочиненія, болѣе обращалъ вниманія на красоту слога, чѣмъ на изслѣдованія фактовъ и критическую провѣрку источниковъ, которые были ему доступны. Даже не замѣтно, чтобы онъ пользовался всѣми бывшими въ его распоряженіи средствами. Книгу Сабеллико скорѣе можно назвать компиляціей хроники Дандоло. Званіе государственнаго историографа также отразилось на трудѣ Сабеллико, потому что хроника его вышла панегирикомъ венеціанскому правительству и, слѣдовательно, вполне справедливы тѣ, которые относятся къ ней съ недовѣріемъ. Но она написана увлекательною средневѣковою латынью, что и было причиною того, что ее читали всегда охотно и съ удовольствіемъ. Въ первый разъ сочиненіе Сабеллико появилось подъ названіемъ „*Historia Veneta*“, и доведена была до послѣдней четверти XV вѣка. Но очень рано явился ея переводъ итальянскій съ такимъ заглавіемъ: „*Chroniche che trattano dela origine de Venetia e del principio dela città e de tutte le guerre*“; въ этомъ видѣ она является доведенною до конца XV в. Мы могли бы не говорить объ исторіи Венеціи Сабеллико; но дубровницкіе патриоты обвиняютъ и его, какъ Дандоло, въ выдумываніи фактовъ, въ чемъ онъ совершенно неповиненъ, хотя и отличается пристрастіемъ въ республикѣ, прославившей его имя.

г) Здѣсь кстати скажемъ нѣсколько словъ о Сабелликовомъ современникѣ, Лаврентіи де Монасис, который былъ великимъ канцлеромъ критскимъ. Онъ написалъ свой трудъ десятками тремя лѣтъ ранѣе выхода въ свѣтъ исторіи Сабеллико. На одной изъ рукописей хроники de Monacis стоитъ слѣдующее заглавіе. *Historia venetiana manuscripta latinè eleganterque exarata anno 1424 a Laurentio de Monaco cancellario magno regni cretensis*. Изъ заглавія этой рукопи-

си, хранящейся въ тревизской библіотекѣ, видно, что этотъ трудъ exagatus, т. е. выданъ въ 1424 году. А изъ другой рукописи, отпечатанной въ Венеціи 1758 г., подъ заглавіемъ: *chronicon de rebus venetiis*, видно, что этотъ трудъ доведенъ только до 1354 года. Официальное положеніе автора открывало ему тѣже источники, которыми пользовался и Сабеллико. Но de Monacis отнесся къ нимъ совершенно иначе; его хроника носитъ печать глубокаго изученія памятниковъ. Она также строга въ выборѣ фактовъ и точна въ ихъ изложеніи. Для насъ хроника эта важна тѣмъ, что,—не сообщая ничего новаго,—она точными документами подтверждаетъ сказанія предшественниковъ.

г) Заключимъ обзоръ источниковъ нѣсколькими словами о дубровницкихъ лѣтописяхъ. Онѣ не дошли до насъ въ первоначальномъ видѣ, и теперь имѣются только списки съ позднѣйшихъ передѣлокъ. Всѣхъ списковъ, извѣстныхъ теперь,—насчитывается до пяти. Но каждый изъ нихъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Макушевъ, въ отношеніи текста представляетъ особую редакцію. Одинъ списокъ сдѣланъ ученымъ Маттеи въ концѣ XVIII вѣка, съ рукописи, которую онъ относилъ къ XIV вѣку. Другой списокъ доктора Студлича сдѣланъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія съ рукописи XVI вѣка, хранящейся въ архивѣ Дубровницкомъ: доведенъ до 1543 года. Третій списокъ приписывается Ивану Гундуличу, но не основательно, какъ утверждаетъ В. В. Макушевъ (стр. 205). Онъ оканчивается на 1463 г. и древнѣе Студличева. Четвертый списокъ принадлежитъ францисканской библіотекѣ въ Дубровникѣ; начинается съ 800 г. и оканчивается 1607 г. Пятый списокъ принадлежитъ Мартекини и включаетъ изложеніе событій съ 525 по 1607; т. е. останавливается тамъ же, гдѣ кончается францисканскій списокъ. Изъ книги И. Кукулевича—Сакцинскаго „*Conversatus Monumentorum historicorum*“ и т. д., видно, что кромѣ этихъ лѣтописей, отрывки изъ которыхъ помѣщены у г. Макушева въ приложеніи подъ №№ 1—V (стр. 305—358), существуютъ и другія; но Кукулевичъ не сообщилъ о нихъ никакихъ свѣдѣній. Что же касается до указанныхъ пяти, то о нихъ должно замѣтить, что первая и послѣдняя начинаются второю четвертью VI вѣка, вторая—687 г., четвертая 800, а третья ранѣе всѣхъ, 459 годомъ. Окончиваются самыя позднія изъ нихъ началомъ XVII вѣка. Изъ сравненія ихъ меж-

ду собою видно, что онѣ суть разные экземпляры одной и той же лѣтописи; вся разница между ними состоитъ въ томъ, что однѣ полнѣе, другіе сокращеннѣе; одни содержатъ въ себѣ болѣе древнихъ оборотовъ и выраженій, другіе менѣе. Впрочемъ, разница между списками появляется только въ XII вѣкѣ. Такъ какъ первоначальная лѣтопись не дошла до насъ, то и нельзя судить о степени ея достовѣрности. Но достоинство списковъ, которые сдѣланы на итальянскомъ языкѣ, невольно подвергается сомнѣнію. Они претендуютъ на самое точное знаніе первыхъ дней Дубровника, — знаніе, доходящее до чрезвычайныхъ подробностей въ годахъ, мѣсяцахъ, и даже дняхъ: между тѣмъ нельзя не видѣть, что эти начальныя страницы суть ничто иное, какъ обезображенная передѣлка мѣстъ изъ Константина Порфиророднаго о далматскихъ городахъ, и Кедрина о томъ же предметѣ; только все это искажено и перемѣшано съ фактами, посящими очевидные слѣды преданія. Собственное творчество дубровницкихъ лѣтописцевъ свазалось тѣмъ, что они вездѣ, гдѣ только можно, еурили оміямъ своему патріотическому чувству. Отъ этаго случилось, что многія важныя событія, но не льстяція народному самолюбію, у нихъ опущены совершенно: такъ напр., осада Дубровника саррацинами въ 867 году, продолжавшаяся 15-ть мѣсяцевъ. Обыкновенно полагаютъ, что начало лѣтописанія въ Дубровникѣ относится къ первой половинѣ VIII вѣка. Но это несправедливо, какъ сейчасъ увидимъ. Въ исторической литературѣ Дубровника извѣстенъ такъ называемый „Versus Miletii“, произведеніе конца XIII вѣка. Въ подлинности и исторической точности его никто не сомнѣвается; онъ то и будетъ служить для насъ точкою опоры въ данномъ случаѣ (напеч. съ коммент. въ 17 т. *illug. Sacrum*, стр. 13). Въ этомъ стихѣ Милетій въ послѣдовательномъ порядкѣ излагаетъ событія дубровницкой исторіи, и при этомъ держится порядка самихъ источниковъ, свачала помѣщаетъ то, что беретъ изъ преданія, потомъ описываетъ событія, заимствованныя изъ лѣтописей, и наконецъ говоритъ о томъ, чему самъ былъ очевидцемъ. Самое древнее событіе, взятое имъ, по его словамъ, изъ древней лѣтописи — *pagina prisca* — сыло осада Дубровника Бодиномъ въ 1116 году. Значитъ, и начало лѣтописанія въ Дубровникѣ нужно отнести къ началу XII вѣка. Основною канвою дубровницкихъ лѣтописей будутъ служить записки современни-

ковъ, начавшіяся съ XII вѣка, чѣмъ объясняется и разность въ редакціяхъ дубровницкихъ лѣтописей и этаго времени. А въ послѣдующее время, можетъ быть—въ XIV вѣкѣ, или XV, когда просвѣщеніе въ Дубровникѣ достигло значительной степени и явилось стремленіе къ историческимъ изслѣдованіямъ, какой-нибудь досужій ученый, по Константину и Кедрину, придѣлалъ начало къ лѣтописямъ, захвативши періодъ времени съ основанія республики до XI столѣтія включительно. Отъ этаго происходитъ и согласіе всѣхъ лѣтописныхъ редакцій въ разсказѣ о начальныхъ событіяхъ. Прибавимъ еще, что между началомъ и концемъ лѣтописей дубровницкихъ со стороны языка нѣтъ разницы.

Теперь нѣсколько словъ объ ученой обработкѣ памятниковъ. Венеціанская исторія нашла себѣ многихъ усердныхъ изслѣдователей и историковъ, какъ въ цвѣтущую пору своей славы, такъ и послѣ паденія. Въ нынѣшнемъ столѣтіи Сисмонди въ своемъ классическомъ сочиненіи „*Histoire des républiques italiennes au moyen âge*“ посвятилъ много прекрасныхъ листовъ венеціанской исторіи. Вскорѣ послѣ Сисмонди появилось другое сочиненіе, специально посвященное Венеціи. Это—*Histoire de la république de Venise*. VII vls. Paris. 1819,—соч. Дарю. Сочиненіе Дарю должно быть настольною книгою для всякаго, занимающагося венеціанской исторіей. Важность его основывается какъ на полнотѣ и точности изложенія, такъ и на громадной массѣ источниковъ, на которыхъ оно основано. Дарю началъ изучать источники венеціанской исторіи съ того времени, какъ архивы уничтоженной республики были переведены въ Парижъ; потомъ продолжалъ свое дѣло въ Миланѣ, куда были свезены архивы; оба эти обстоятельства послужили Дарю въ пользу, потому что онъ имѣлъ возможность изучать венеціанскія рукописи—въ первый разъ вмѣстѣ съ парижскими,—а во второй вмѣстѣ съ другими итальянскими, находившимися въ Миланѣ, Веронѣ, Тревизѣ и др. мѣстахъ. Послѣдніе два тома его исторіи представляютъ обзоръ источниковъ, большею частію рукописныхъ, число которыхъ по словамъ Дарю (tom VI, introd. VII) простирается до 4000, хотя только половина этаго числа было имъ лично перечитана. Многіе изъ болѣе замѣчательныхъ документовъ онъ помѣщаетъ цѣликомъ въ этихъ послѣднихъ двухъ томахъ; таковы: постановленія государственнхъ иневиантировъ, данныя статистическія, фи-

нансовья, нѣкоторыя донесенія венеціанскихъ пословъ, полный списокъ дожей, переписка, предшествовавшая уничтоженію Венеціанской республики и много другихъ рѣдкихъ документовъ и мемуаровъ. Къ немаловажнымъ достоинствамъ этого труда относится и то, что Дарю приложилъ къ нему нѣсколько тщательно исполненныхъ географическихъ картъ Венеціанской республики. Но главное достоинство труда заключается въ безпристрастіи автора, который не далъ себѣ увлечься посторонней идеей и писалъ безъ всякой предвзятой мысли, стараясь только объ одномъ, чтобы въ точности воспроизвести фактъ. Въ этомъ причина, почему сочиненіе Дарю еще на долго останется лучшимъ пособіемъ для Венеціанской исторіи.

Что сдѣлалъ Дарю для венеціанской исторіи, то самое намѣревался сдѣлать В. В. Макушевъ для исторіографіи Дубровника въ своемъ „Изслѣдованіи объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, СПб. 1867 г.“. Возможность для этого у него была полная. По его собственнымъ словамъ, онъ четыре года (съ 1862 до 1866) прожилъ въ Дубровникѣ, въ теченіе которыхъ собралъ большой запасъ матеріаловъ по исторіи внѣшнихъ сношеній дубровницкой республики, и не мало памятниковъ литературныхъ и юридическихъ. Хотя онъ не могъ получить доступа въ дубровницкій архивъ, но за то пользовался бібліотеками францисканцевъ, доминиканцевъ и іезуитовъ, и кромѣ того книгохранилищами книгопродавца Мартеккини (въ другомъ мѣстѣ В. В. Макушевъ говоритъ, что Мартеккини, самъ не пользуясь своими рукописными сокровищами, не дозволяетъ пользоваться ими и другимъ, стр. 169. Какъ понимать теперь увѣренія г. Макушева?) графа М. Пуцича, д-ра И. Казначича и Хр. Влайка (Введ. III). Въ самомъ дѣлѣ, у г. Макушева собрано довольно много бібліографическихъ подробностей. Мы имѣли уже случай не одинъ разъ указать, что онъ въ приложеніи къ своей диссертациі помѣстилъ нѣсколько отрывковъ изъ подлинниковъ. Конечно, не остается сомнительнымъ, что былъ знакомъ съ тѣми историческими памятниками, о которыхъ онъ говоритъ, — знакомъ непосредственно. Выше мы отмѣтили его противорѣчивое показаніе о пользованіи бібліотекой Мартеккини; а здѣсь скажемъ, что на книгѣ ученаго нашего изслѣдователя слишкомъ видно вліяніе Серафима Червы (*Metropolis sacra Ragu-*

sina и Vitae Illustriam Ragusinorum) и Себастьяна Сладича (*Libertas perpetua Ragusina ab omni jure Veneti dominii asserta et vindicta, dissert. crit.—cronol.—hist. 1771*), писателей второй половины прошлаго столѣтія. Но такъ какъ оба эти писателя часто пользовались источниками очень смутными, напр. монастырскими преданіями и лѣтописями, то уже Колетти, продолжатель *Storia Sacra*, указывалъ у нихъ ошибки (t. VI, 46 напр.), которыхъ современная наука обнаруживаетъ еще болѣе. Понятно, что ихъ ошибки перешли и къ В. В. Макушеву, который смѣло довѣрился Червъ и Сладичу, найдя у нихъ почти весь матеріалъ для своего сочиненія. Такъ онъ на слово вѣритъ Червъ въ вопросъ объ основаніи Дубровника, которое полагаетъ въ 258 г. А Черва пришелъ къ такому выводу вслѣдствіе того, что Тессалонику, которую сием осаждали въ 258 и 279 гг., призналъ за Салону приадриатическую; и Эпидамнъ, окрестности котораго опустошали славяне, грабившіе въ 546 г. Македонію и Тессалию, за Эпидавръ Далматскій; а известно изъ Константина Порфирогенита (ed. Vol. III, 29), что этотъ послѣдній и Салона, разрушенные Хорватами въ 638 г., дали начало Дубровнику. В. В. Макушевъ также сильно довѣрился имъ въ вопросъ о началѣ дубровницкихъ лѣтописей, которыхъ онъ относитъ къ началу VIII, или концу VII вѣка. Мы уже сказали, что должно думать объ этомъ; но странно, какъ г. Макушевъ не узналъ въ начальныхъ извѣстіяхъ лѣтописей — Константина Багрянороднаго, съ которыми онъ, кажется, долженъ быть знакомъ. Увлеченный Сладичемъ, онъ казнилъ суровыми и рѣзкими выраженіями Дандоло и Сабеллико; а между тѣмъ совершенно незнакомъ съ хрониками Іоанна Діакона и Альтинатскаго, которые служили для нихъ источниками. Мы могли бы указать множество подобныхъ недостатковъ обширной книги Макушева, если бы имѣли въ виду представить обстоятельный разборъ ея; но это не входитъ въ планъ настоящей работы. Мы укажемъ вмѣсто того на видное достоинство его сочиненія: это—приложенія. Но и это достоинство не безупречное. Когда смотришь въкоторыя приложения, напр. IX, изъ сочиненія Растица, то рѣшительно недоумѣваешь, почему г. Макушевъ отпечаталъ изъ этого, столько имъ обожаемаго, автора всего двѣ странички, на которыхъ при томъ три отрывка, а изъ Серафима Раци, который по общему признанію и Червы, и Сладича, и самого г. Маку-

шева велъ дѣло небрежно (*Razzis et aliena et nostra indiligenter scripsit*) помѣстилъ цѣлыхъ пять страницъ. Напрасно В. В. Макушевъ разсыпаетъ щедрою рукою упреки противъ итальянцевъ, и въ особенности противъ Аккендини, котораго онъ называетъ безстыднымъ самохваломъ (стр. 291)... Аккендини навсегда останется серьезнымъ изслѣдователемъ. Даже явно нерасположенный къ нему авторъ почтеннаго „Изслѣдованія о дубровницкихъ бытописателяхъ“ не отказывается пользоваться имъ во многихъ случаяхъ.

Теперь перейдемъ къ изложенію нашей задачи.

Обращаясь къ исторіи Венеціи и Дубровника, мы находимъ, что оба города основаны были по одинаковому поводу: приморскіе жители искали здѣсь защиты отъ нападеній варваровъ. Разница была только во времени; Венеція опередила Дубровникъ своимъ происхожденіемъ на два с лишкомъ столѣтія. Даже событія перваго времени существованія обоихъ городовъ сходны въ общихъ чертахъ; то была борьба съ пиратами. Но едва прошло сто лѣтъ со времени первыхъ поселеній въ Дубровникѣ, какъ между нимъ и Венеціей уже пылала жестокая вражда, которая сколько служила къ развитію могущества Венеціи, столько же приносила вреда Дубровнику.

Извѣстно, что и Венеція и Дубровникъ, лежатъ при одномъ и томъ же морѣ, и оба кажутся построенными на островахъ,—одна на низкихъ, другой на скалистомъ утесѣ, отрѣзанномъ отъ материка озеромъ и лѣсомъ. Лишенные почвы, которая могла бы питать ихъ, оба города должны были искать себѣ спасенія отъ голода въ окружающемъ морѣ. И оно сдѣлалось для нихъ всѣмъ: оно замѣняло имъ плодородныя поля, доставляя изъ нѣдръ своихъ средства къ пропитанію; оно же служило для нихъ превосходною дорогою къ сообщенію съ другими городами, центрами тогдашней жизни и дѣятельности. Понятно, что и Венеціи, и Дубровнику, хотѣлось безраздѣльно господствовать надъ моремъ. Отсюда началась между ними борьба, которая для нихъ была тоже-степенна съ борьбою за жизнь; но размѣры борьбы увеличились, когда къ этому присоединилось соперничество въ торговлѣ.

Положеніе, занимаемое обоими противниками при началѣ борьбы, и силы ихъ—были далеко неодинаковы. Торговля Венеціи обнимала уже всю Адриатику; войны съ пиратами, саррацинами, остготами и лангобардами развили въ ней страшныя морскія силы и она была уже повелительницею прилегающаго къ ней моря, когда Дубровникъ начиналъ свое существованіе. И другія обстоятельства ему не благопріятствовали: какъ провинціальныи городъ Восточной Имперіи, онъ не могъ имѣть собственныхъ военныхъ силъ, и нивакихъ другихъ кораблей, кромѣ торговыхъ; защитой ему служили, какъ и другимъ городамъ Имперіи, общія государственныя силы, которыя большею частію заняты были войнами на крайнемъ востокъ, или на Дунаѣ. Отсюда съ точностію можно было опредѣлить, какое направленіе приметъ борьба Венеціи съ Дубровникомъ; заранѣе можно было предвидѣть, что Венеція не только будетъ стараться уничтожить ненавистнаго соперника, но и попытается подчинить его своей власти. Другихъ цѣлей Венеція не могла имѣть, если желала своего усиленія; а отъ Дубровника такая цѣль не могла укрыться, потому что была слишкомъ очевидна. Сознывая свою слабость, Дубровникъ искалъ помощи и защиты у славянскихъ пиратовъ, неретвянъ (Nareutani), что также не осталось тайной для Венеціи. Въ VIII и IX вѣвахъ борьба была въ полномъ разгарѣ; но побѣда еще не принадлежала никому. Венеціанцы захватывали дубровницкіе корабли и жестоко поступали съ тѣми дубровничанами, которые попадались имъ въ руки (лѣт. Стулл. подъ 971 г. у Макуш. стр. 319). Дубровничане въ свою очередь поощряли и возбуждали неретвянъ къ нападеніямъ на венеціанъ, что было для послѣднихъ весьма чувствительно; потому что неретвяне заставляли Венецію покупать у себя за большія деньги право безопасной торговли по адриатическому морю (Mug. XII, 225; A; Pertz, IX, 29). А если помощь неретвянъ была недостаточна, то дубровничане обращались къ Византійскому императору. Такъ въ лѣтописяхъ Дубровника записано нѣсколько случаевъ такого рода, что венеціане, по ходатайству императоровъ, нѣсколько разъ возвращали Дубровнику захваченные корабли съ богатымъ грузомъ, на 12,000, на 25,000 дукатовъ (Стулл. у Мак. 319—320). Но такое состояніе дѣлъ измѣнилось, когда дожемъ Венеціи былъ избранъ въ 991 году Петръ Урсеоло II.

Никогда выборъ Венеціи не оправдывался успѣхами большими и полезнѣйшими, какъ на этотъ разъ, замѣчаетъ Дарю (*Hist. de la républ. Ven. t. 1, 102*). Разсказываютъ, что отецъ Петра Урсеоло II предсказалъ, что сынъ его будетъ славою отечества. Новый дождь былъ тридцати лѣтъ отъ роду въ то время, какъ принималъ бремя правленія республикой, которая внутри была раздираема междоусобіями партій, а извнѣ была утѣснена пиратами. Впрочемъ, трудныя обстоятельства послужили только къ скорѣйшему обнаруженію блестящихъ дарованій молодаго Дожа. Чтобы успокоить партіи и прекратить между ними борьбу, онъ постановилъ закономъ, чтобы за всякое оскорбленіе въ общественномъ мѣстѣ платили штрафъ въ 20 фунт. золота (Дарю, *ibid. 103*). Вслѣдъ за тѣмъ онъ заключилъ союзы съ итальянскими государами и съ императоромъ Оттономъ III. Обнадеженный этими союзами, онъ запретилъ платить дань неретвянскимъ пиратамъ, и когда далматскіе славяне хотѣли отмстить венеціанамъ, то онъ силою принудилъ ихъ къ миру, отнявши у нихъ одинъ островъ (*Pertz, IX, 29, 30; Murat. XII, 226*). Далматскія дѣла, вѣроятно, подали поводъ дожу къ дипломатическимъ сношеніямъ съ Византіей, которая считала славянъ балканскаго полуострова и земли, ими занимаемыя, своими собственными. Однакожь, дѣла Византіи были тогда въ такомъ состояніи, что Петру Урсеоло нечего было опасаться за счастливый исходъ сихъ сношеній.

Внутренній порядокъ восточной имперіи и ея матеріальныя силы, доведенныя до высокой степени Іоанномъ Цимисхіемъ, оставались въ такомъ же положеніи и послѣ его смерти: потому что правленіе перешло въ руки благоразумнаго и дѣятельнаго Василія II, сына Константина Багрянороднаго. Но при всемъ томъ, положеніе Василія было затруднительно. Съ самаго начала ему пришлось вести двѣ тяжелыя войны на противоположныхъ концахъ своего государства, на востокъ съ магометанами, и на западъ съ возставшими болгарамы. Особенно трудна была послѣдняя война, продолжавшаяся около 40 лѣтъ, и поглощавшая всѣ силы Византіи. Изъ этого достаточно ясно, что Василій II не могъ оказывать дѣятельнаго вмѣшательства во всѣ другія внѣшнія дѣла. Даже хорваты пользовались такими обстоятельствами, и то помогали болгарамъ, то тѣснили приморскіе далматскіе города, принадлежавшіе еще восточной им-

періи. Когда въ 997 г. въ Византію явилось венеціанское посольство съ Іоанномъ, сыномъ дожа, во главѣ, то Василій считъ себя совершенно удовлетвореннымъ, и, по словамъ гѣтописи, не только одарилъ дожева сына весьма щедро, но еще отличалъ его особенными почестями (Pertz IX, 31; Murat. XII, 226).

Но была и другая причина, которая, безъ сомнѣнія, имѣла большое вліяніе на такой исходъ переговоровъ. Венеція съ давняго времени оказывала восточнымъ императорамъ важныя услуги. Морскія силы ея не разъ блестящимъ образомъ сражались за Византію—то въ войнѣ съ Готами, служба Велизарію и Нарзесу, то въ войнахъ съ Сарацинами, въ преслѣдованіи пиратовъ, расплодившихся на средиземномъ морѣ. За это восточные императоры давно уже отличали венеціанцевъ и давали имъ разныя торговыя привилегіи въ своей имперіи. Такимъ образомъ, симпатіи взаимныя между имперіей и республикой имѣли за собою уже нѣсколько вѣковъ существованія.

Установленіе тѣсныхъ связей между Венеціей и Византіей, освященныхъ потомъ чрезъ 6 лѣтъ женитьбою дожева сына Іоанна на племянницѣ Василія II, имѣло такія послѣдствія, какихъ, можетъ быть, не предвидѣли ни дожъ, ни императоръ. Граждане города Задры (Цара), выведенные изъ терриоріи набѣгами Кроатовъ и Неретвянъ, и обладавшие тѣсною дружбою между Византіей и Венеціей, вступили въ подданство послѣдней. Примѣру ихъ послѣдовали почти всѣ остальные далматскіе города, и просили дожа защитить ихъ отъ свирѣпости славянъ. Такъ рассказываетъ хроника Іоанна Діавона (Pertz, IX, 31). Дандоло прибавляетъ въ этому, что города сначала обратились къ императору Василю II въ Византію, и что уже съ позволенія императора Венеція приняла ихъ въ свое подданство. Дандоло заключаетъ свой рассказъ увѣреніемъ, что онъ подтверждается документальными данными, которыя содержатся въ древнѣйшихъ кодексахъ греческихъ и венеціанскихъ (Murat. XII, 227, В). Къ сожалѣнію, эти данныя не дошли до насъ; вѣроятно, кодексы сгорѣли во время пожара 1503 г., когда погибла большая часть венеціанскаго архива (Daru. Hist. de la républ. de Venise. t. 3, 265 св. также t. VI, intr. V), такъ что приходится положиться на добросовѣстность Дандоло и на послѣдующіе подобныя примѣры изъ практики Византійской, какъ увидимъ ниже.

Когда дожъ Петръ Урсеоло II получилъ просьбу прибрежныхъ городовъ Далмаціи, въ числѣ которыхъ, вѣроятно, находился и Дубровникъ: то, не теряя времени, сталъ снаряжаться къ походу въ Далмацію для принятія подданства и водворенія тамъ мира. Вездѣ его встрѣчали какъ избавителя, и приносили ему присягу. Когда онъ прибылъ на островъ Корчулу (Cuzola), то къ нему прибылъ туда архіепископъ дубровницкій съ лучшими изъ гражданъ, и здѣсь отъ лица всего Дубровника, вмѣстѣ съ своими спутниками, принесъ дожу присягу и обѣщалъ ему повиновеніе (Pertz, IX, 33). Разказъ объ этомъ, записанный сначала современникомъ и очевидцемъ Діакономъ Іоанномъ, буквально перешелъ изъ хроники послѣдняго въ лѣтопись Дандоло.

Это—первый случай, когда Дубровникъ изъ болѣе, или менѣе счастливаго соперника Венеціи сдѣлался ея подданнымъ, или, какъ было по древнему русскому праву,—пригородомъ ея. Дубровницкія лѣтописи, однакожь, не знаютъ такого событія. За тоже почти время, именно 997 годъ, мы находимъ въ нихъ извѣстіе другаго рода, рассказанное двоякимъ образомъ. По первому разказу (Стулли, у Мак. 320), венеціанцы захватили дубровницкое судно, шедшее изъ Апуліи съ серебромъ и воскомъ. По этому поводу, дубровничане отправили въ Венецію двухъ пословъ—Лукварича и Рыбичу, чтобы истребовать удовлетвореніе и, не получивъ его, запретили своимъ купцамъ торговать съ венеціанцами.— По другому разказу, послами были отправлены архіепископъ съ нѣкоторыми именитыми людьми, и не въ Венецію, а къ дожу, на островъ Корчулу; такъ говоритъ Растичъ (по Макуш. стр. 30—39) и другіе. Прекращеніе торговли,—продолжается въ обоихъ разказахъ,—побудило Венецію въ 1001 году прислать въ Дубровникъ пословъ просить мира, который и былъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: Дубровникъ ежегодно платитъ Венеціи по три бочки вина рыбальскаго и столько-же Мальвазіи, да двѣ гинеи; а Венеція Дубровнику 14 аршинъ алаго сукна и двухъ дивихъ быковъ; въ случаѣ войны обѣ республики посылаютъ другъ другу на помощь по одной вооруженной галерѣ (смотри. Стулл. у Макуш. 320). Въ этой дубровницкой повѣсти останавливаются на себѣ наше вниманіе, болѣе другихъ, четыре главныя обстоятельства: 1) указанная разница въ разказахъ; 2) несо-

образность съ тогдашнямъ политическимъ значеніемъ Венеціи, которая была тогда на столько сильна, что могла совершенно уничтожить дубровицкій флотъ и торговлю; 3) логическая несообразность въ самомъ разсказѣ, который заставляетъ венеціанцевъ, вынужденныхъ къ миру и, слѣдовательно, побѣжденныхъ, платить такія ничтожныя вещи, а побѣдителей—дубровичанъ очень значительную сумму; 4) позднее появленіе разсказа, потому что дубровницкіе памятники въ которыхъ онъ содержится, не ранѣе XV вѣка. Ни Сладичъ, ни его послѣдователи, включая и В. В. Макушева, не обратили никакого вниманія на эти обстоятельства, и приняли извѣстія дубровницкихъ источниковъ безъ всякой повѣрки. При томъ, прежде чѣмъ рѣшить окончательно вопросъ о томъ, кому слѣдуетъ довѣриться—своимъ, или чужимъ, слѣдовало рассмотреть по обстоятельству, объ одномъ ли и томъ же говорятъ они? Можетъ быть, и свои, и чужіе—равно справедливы, но только говорятъ о разныхъ событіяхъ, случившихся въ послѣдовательномъ порядкѣ.—Если обратиться опять къ Дандоло и его источнику Іоанну Діакону, то увидимъ, что дѣйствительно такъ. По хроникахъ ихъ, не задолго до присяги Дубровника Венеціи, возвращались домой десять кораблей съ знатными Неретвянами. Узнавши объ этомъ, Петръ Урсеоло II захватилъ ихъ въ плѣнъ, потому что между Неретвянами и Венеціей еще продолжалась вражда. Когда вѣсть объ этомъ дошла до князя Неретвянъ, то онъ просилъ дожа объ ихъ освобожденіи, обѣщая не вредить болѣе венеціанцамъ. дожъ согласился, освободилъ плѣнниковъ, кромѣ шести, которые остались въ качествѣ заложниковъ (Pertz, IX, 32. Murat. XII, 228—229). Ни здѣсь ни въ другихъ мѣстахъ нѣтъ ни слова о судахъ, захваченныхъ у Дубровника; а между тѣмъ сродство этого факта съ записаннымъ въ дубровицкихъ лѣтописяхъ, несомнѣнно. Разница же вышла отъ того, что послѣднія представляютъ фактъ въ искаженномъ видѣ, разбавивъ его патристическими приправами.—Такимъ образомъ, дубровницкія свидѣтельства не опровергаютъ факта о подчиненіи Дубровника Венеціи. Между тѣмъ онъ подвергается многими другими данными; такъ объ немъ говоритъ Сабеллико (Decad. I, lib. 4) и Лаврентій de Monacis (lib. III, 54—56). Кромѣ того въ венеціанскомъ архивѣ имѣется оффиціальныи документъ (Compen. стр. 13), въ которомъ прямо говорится,

что Петръ Урсеоло II *Ragusim in eadem* (какъ и другіе далматскіе города) *fidelitatem habuit*. По свидѣтельству упомянутыхъ венеціанцевъ, когда Дубровникъ присягнулъ на вѣрность дожу и Венеціи: то Петръ Урсеоло поставилъ въ немъ своего графа, или намѣстника, которымъ былъ сдѣланъ на первый разъ одинъ изъ его сыновей—Оттонъ Урсеоло (*Mug. XII, 230*, выноска вторая). Съ этаго времени венеціанскіе дожи стали употреблять титулъ: *Dux Venetiae et Dalmatiae*.

Хотя Дубровникъ подчинился Венеціи, но нѣтъ сомнѣнія, что чуждое владычество было не по душѣ дубровничанамъ. Да и кто можетъ легко сносить власть того, съ кѣмъ недавно соперничалъ самъ? Изъ лѣтописей невидно, долголи они соблюдали дубровничане свои обязательства предъ Венеціей; но есть нѣкоторые факты, изъ которыхъ можно заключать, что они искали перваго удобнаго случая, чтобы свергнуть ненавистное иго. У Кедрина подъ 1033 годомъ замѣчено, что византійскій полководецъ Патрицій Никифоръ и дубровничане разбили Сарацинъ, которые жгли и грабили приморскіе города Иллирика (Кедр. томъ II, 499). Если это свидѣтельство не даетъ права заключать о возвращеніи Дубровника въ составъ восточной имперіи, то все же показываетъ, что онъ находился съ ней въ дружескихъ связяхъ. Десять лѣтъ спустя, т. е. въ 1043 г., Задра, по проискамъ вепгерскаго короля, отказала Венеціи въ повиновеніи и отдалась подъ защиту Венгріи. Но венеціанцы отправили подъ нее сильное войско съ дожемъ Доменико Кантарини (1041—1069), и Задра была снова возвращена. Хроника Дандоло при этомъ говоритъ: подобнымъ образомъ и нѣкоторые изъ далматинцевъ, узнавъ о прибытіи дожа, приступили къ соблюденію обычнаго подданства (*Mug. XII, 244. A*). А Лаврентій de *Mopacis* увѣряетъ, что присутствіе дожа многу способствовала къ утвержденію въ вѣрности другихъ далматинцевъ (*lib. III, 77*). Праведенныя мѣста даютъ разумѣть, что въ это время вообще вся Далмація была въ броженіи, и готовилась возстать противъ Венеціи. Едва ли должно сомнѣваться въ подобномъ же настроеніи Дубровника. Не даромъ въ нѣкоторыхъ венеціанскихъ хроникахъ оволо этого времени помѣщается рассказъ о томъ, что будто венеціанцы, пришедшіе съ Доменикомъ Кантарини для усмиренія возстанія въ Дубровникѣ, построили не далеко отъ него крѣ-

пость св. Лаврентія, чтобы при ея помощи подавлять всякія восстанія и удобнѣе господствовать (у Мак. 433) надъ дубровничанами. Далѣе, по дубровницкимъ источникамъ мы находимъ, что съ 1081 до 1085 г. дубровницкій флотъ помогаль Роберту Гискару въ войнѣ съ Алексѣемъ Комниннымъ (Annales. di Ragus. lib. I, 13). Если это справедливо, то нужно будетъ согласиться, что Дубровникъ въ это время не былъ подъ властію Венеціи, такъ какъ флотъ этой послѣдней помогаль Алексію Комнину. Но извѣстіе дубровницкихъ лѣтописей не подтверждается ни венеціанскими, ни византійскими источниками. Напротивъ, у Дандоло мы находимъ, что норманны нѣсколько разъ пытались овладѣть Далмаціей, но всегда были прогоняемы дожами, и что дожъ Виталій Фанвери, чтобы усилить юридическія связи Далмаціи съ Венеціей, просилъ Алексія Комнина новымъ хрисовуломъ подтвердить верховную власть Венеціи надъ Далмаціей, Кроаціей и островами, что и было сдѣлано (Mug. XII, 250). Надо полагать, что Дубровникъ, если и волновался, то не дѣлалъ въ это время открытаго возмущенія противъ Венеціи. Въ 1115 году мы видимъ архіепископомъ дубровницкимъ венеціанца Доминника; а это можетъ служить доказательствомъ нашего предположенія; потому что принятіе епископа изъ чужихъ рукъ, означало тогда подчиненіе (см. объ арх. Дом. Шуг. Sacr. t. VI, p. 60).

А. Небосклоновъ⁽¹⁾.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

(¹) Печатаая этотъ послѣдній трудъ автора, не можемъ не выразить искренняго прискорбія о слишкомъ ранней потерѣ для русской науки этого молодого, только что начавшаго работать дѣятеля. Настоящая статья была имъ представлена въ факультетъ въ качествѣ годоваго обязательнаго студенческаго сочиненія на избранную нами тему. Тогда авторъ только что кончилъ изслѣдованіе на премію Славянскаго Комитета. Можно судить что общали его энергія, его образцовое трудолюбіе въ будущемъ. Посланный, по окончаніи курса, въ томъ же 1871 г. за границу, для приготоваенія къ профессурѣ по Славянской исторіи, Небосклоновъ выногаль болѣе и болѣе, но не переставалъ работать . . . Онъ скончался въ Загребѣ отъ чахотки.

Н. Осокинъ.

КЪ ПАТОЛОГИИ ПОДЖЕЛУДОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ

ВЪ ОСТРЫХЪ ИНФЕКЦИОННЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ.

Поджелудочная железа еще съ древнихъ временъ начала обращать на себя вниманіе изслѣдователей, какъ врачей, такъ и естествоиспытателей вообще; однако патологія ея разработана гораздо менѣе патологіи другихъ железистыхъ органовъ и въ настоящее время еще представляетъ очень крупныя пробѣлы.

До сихъ поръ еще съ точностью не опредѣлено отношеніе ея къ острымъ инфекціоннымъ болѢзнямъ, тогда какъ очень большое количество капитальныхъ патолого-анатомическихкихъ работъ, относящихся къ этимъ болѢзнямъ, въ настоящее время, представляютъ уже подробныя и точныя изслѣдованія и описанія измѣненій всѣхъ главныхъ органовъ человеческого тѣла, за исключеніемъ однако поджелудочной железы, на долю которой выпало странное и необъяснимое забвеніе изслѣдователей.

Мы говоримъ—забвеніе—именно потому, что хотя очень многіе изслѣдователи и обращали вниманіе на измѣненія поджелудочной железы при этихъ болѢзняхъ, однако ихъ изслѣдованія были такъ бѣглы и поверхностны, что даже не могли доставить наукѣ никакихъ положительныхъ результатовъ; измѣненія-же другихъ органовъ изслѣдованы такъ подробно и точно, что представляютъ уже стройное и положительное ученіе о патолого-анатомическихкихъ измѣненіяхъ при острыхъ инфекціонныхъ болѢзняхъ.

Еще болѣе непонятно это забвеніе въ настоящее время, когда съ одной стороны нормальная гистологія гроздовидныхъ железъ, благодаря новѣйшимъ работамъ Pflüger'a (¹), Giovanni

(¹) Die Endigung der Absonderungsnerven bei die Pancreas. Archiv für Mikr. Anatomie Max Schultze. V Band. S. 199.

Saviotti⁽¹⁾, Heidenhain'a⁽²⁾ и др., сдѣлала громадныя успѣхи и тѣмъ самымъ облегчила патолого-анатомическій путь изслѣдованія и, когда съ другой стороны работы Bernard'a, Donders'a, Bidder'a и Schmidt'a и Данилевскаго, точно опредѣлили столь важную роль сока поджелудочной железы въ актѣ пищеваренія, глубокое разстройство котораго представляетъ постоянный и самый ранній симптомъ при всѣхъ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ.

Не смотря однако-же на ту важную роль, какую играетъ поджелудочная железа въ организмѣ человѣка, даже лучшіе изслѣдователи инфекціонныхъ болѣзней не обращаютъ на нее никакого вниманія и проходятъ ее молчаніемъ въ своихъ знаменитыхъ трактатахъ объ инфекціонныхъ болѣзняхъ.

Въ старой литературѣ впервые только у Andral'a⁽³⁾ мы находимъ слабый намекъ на то, что поджелудочная железа, наряду съ другими органами, принимаетъ участіе въ заболѣваніи при острыхъ заразительныхъ болѣзняхъ. Онъ описываетъ случай вскрытія, гдѣ у больной, умершей на 19 день болѣзни—нервной лихорадки (которая по его же патолого-анатомическимъ признакамъ была ничто иное, какъ брюшной тифъ), на ряду съ измѣненіями другихъ органовъ,—какъ инъекція слизистой оболочки кишечнаго канала, язвы толстыхъ кишекъ, увеличеніе селезенки и правой parotis,—онъ нашелъ также сильную инъекцію поджелудочной железы и притомъ преимущественно въ промежуточной соединительной ткани ея. Этимъ однако и ограничивается его замѣчаніе.

Затѣмъ Vigsby⁽⁴⁾ упоминаетъ о томъ, что Grigors, наблюдая надъ болѣзнями англійскихъ войскъ во время походовъ ихъ въ Испанію, нашелъ, что при дизентеріи и поджелудочная железа была больна, но въ чемъ именно выразалось ея заболѣваніе и какія анатомическія измѣненія представляла железа, объ этомъ, къ сожалѣнію, авторъ умалчиваетъ.

(¹) Untersuchung über den feinem Bau des Pancreas Dr. Giovanni Saviotti; l. c. S. 404.

(²) Heidenhain's Studien des physiologischen Instituts zu Breslau, 1868.

(³) Andral. Clinique medical. T. III. pg. 93 и 369.

(⁴) Edinb. Journ. vol. 44. 1835.

Позднѣ Portal⁽¹⁾ описываетъ состояніе размягченія железы при желтой горячкѣ, кори, оспѣ и другихъ заразительныхъ болѣзняхъ.

А. В. Clot-Bey⁽²⁾, изслѣдуя въ Египтѣ сто труповъ людей умершихъ отъ чумы, находилъ поджелудочную железу обыкновенно отвердѣвшюю, причемъ въ двухъ случаяхъ она была вдвое большаго объема противъ нормы, однако наблюденія Emangard'a и Rigand'a⁽³⁾, приведенныя въ его же сочиненіи не подтверждаютъ его наблюденій.

Потомъ поджелудочная железа была забыта на нѣкоторое время, такъ что цѣлый рядъ изслѣдователей, какъ Buhl, Chomel, Forget, Griesinger, Oppolzer и др. въ своихъ замѣчательныхъ трактатахъ объ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ вовсе и не упоминаетъ объ ней ничего. Если же кто нибудь и упоминаетъ о патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ поджелудочной железы, какъ Stannius⁽⁴⁾, Louis⁽⁵⁾, Murchison⁽⁶⁾, то у всѣхъ ихъ мы встрѣчаемъ самое поверхностное описаніе наружной формы, цвѣта, вида, величины и консистенціи железъ, притомъ само описаніе дѣлается только вскользь, безъ всякой попытки въ опредѣленіи сущности патолого-анатомическаго ея измѣненія, и наконецъ описаніе одного изъ нихъ несогласно съ описаніемъ другихъ.

Такъ Stannius находитъ поджелудочную железу при инфекціонныхъ болѣзняхъ всегда нормальною, тогда какъ Louis говоритъ, что онъ видѣлъ ее болѣе розоваго цвѣта; въ одномъ такомъ случаѣ она была значительно больше обыкновеннаго, въ другомъ же желтаго цвѣта и увеличенной консистенціи. Наконецъ Murchison находилъ поджелудочную железу при инфекціонныхъ болѣзняхъ обыкновенно нормальнаго, но иногда вслѣдствіе гипереміи розоваго цвѣта, иногда даже уменьшенной консистенціи.

(1) Mémoires sur la nature et les traitements de plusieurs maladies. Paris. 1808. T. II. pg. 96.

(2) A. V. Clot-Bey; de la peste observée en Egypte. Paris. 1840 pg. 88.

(3) l. c. pg. 95.

(4) Stannius. Ueber den Sectionsbefund bei den an nervösen Fiebern verstorbenen. Hufsl. Zeitschrift, Febr. 1855. S. 74.

(5) Louis. Recherches etc. Paris 1841. t. I. pg. 290.

(6) Murchison. Die Typhoiden Krankheiten. S. 566.

Даже въ спеціальной работѣ Д-ра E. Ancelet⁽¹⁾, въ которой, хотя безъ всякой критической оцѣнки, но все таки собраны всевозможныя страданія этой железы, извѣстныя до того времени въ литературѣ, — тамъ гдѣ касается измѣненія железы въ инфекціонныхъ болѣзняхъ, авторъ ограничивается только слѣдующимъ краткимъ описаніемъ въ отдѣлѣ Pancreatite: „Nous rapprochons de l'inflammation les deux lésions suivantes qui nous paraissent en être un de modes, une des periodes: le ramolissement que caracterise l'infiltration du tissu cellulaire interlobulaire par un liquide sereux ou sero-sanguinolent. Cet état s'est rencontré dans les grandes intoxications: rougeole, variole, fièvre jaune, fièvre typhoïde. L'hyperémie caracterisée par une coloration plus foncée, sans une autre modification. Cette rougeur se retrouve dans l'inflammation franche“...

Въ другихъ же спеціальныхъ сочиненіяхъ какъ Claessen'a⁽²⁾ и Bamberger'a⁽³⁾ совершенно не упоминается объ ея измѣненіяхъ при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ. Слѣдовательно, хотя до 1869 года и встрѣчаются у нѣкоторыхъ авторовъ указанія на то, что поджелудочная железа подвергается измѣненіямъ при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, однако ни у кого изъ нихъ нѣтъ малѣйшаго намека на сущность измѣненія паренхимы железы и только въ 1869 году является первое обстоятельное и точное изслѣдованіе патолого-анатомическихкихъ и патолого-гистологическихкихъ измѣненій поджелудочной железы при брюшномъ тифѣ. Мы говоримъ объ изслѣдованіяхъ Hoffmann'a⁽⁴⁾, помѣщенныхъ въ его спеціальной работѣ объ Ileo typhus. Онъ пришелъ къ тому заключенію, что поджелудочная железа подвергается заболѣваніямъ не во всѣхъ случаяхъ брюшнаго тифа, а только въ пяти въ трехъ, она представляетъ видимыя измѣненія, которыя выражаются вначалѣ пролифераціей железистыхъ элементовъ, затѣмъ припуханіемъ и помутнѣніемъ ихъ и наконецъ дѣло доходитъ до исчезанія контуровъ отдѣльныхъ

⁽¹⁾ E. Ancelet. Etudes sur les maladies des Pancreas. Paris. 1864 pg. 13.

⁽²⁾ Claessen. Die Krankheiten der Bauchspeicheldrüse. Köln. 1842.

⁽³⁾ Krankheiten des Chylopoëtischen Systems H. Bamberger. Erlangen 1864.

⁽⁴⁾ Hoffmann. Die Veränderungen der Organe beim Abdominal—Typhus. Leipzig. 1869.

клетокъ. Далѣе Hoffmann высказываетъ положеніе, что измѣненія рапсгеаз при брюшномъ тифѣ, совершенно сходны съ измѣненіями слюнныхъ железъ при этой болѣзни. Одно уже подобное сравненіе неминуемо вызываетъ недоразумѣніе, такъ какъ слюнные железы, гораздо рѣже первой, подвергаются измѣненіямъ при брюшномъ тифѣ, какъ объ этомъ говоритъ самъ же Hoffmann, да и самый характеръ ихъ измѣненій имѣетъ свои отличительныя особенности, никогда не встрѣчающіяся въ поджелудочной железнѣ. Такъ у первыхъ довольно часто встрѣчается нагноеніе петелько въ промежуточной ткани, но и въ самой паренхимѣ железы, ведущее верѣдко къ совершенному уничтоженію какой либо части паренхимы и даже всей железы, чего въ поджелудочной железнѣ Hoffmann нигдѣ не описываетъ.

У другихъ-же патолого-анатомовъ мы даже и въ это время наталкиваемся на самыя разнообразныя мнѣнія и заключенія.

Такъ Handfield Jones⁽¹⁾ съ положительною увѣренностью высказывается, что паренхима поджелудочной железы при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ всегда остается нетронутой и не принимаетъ никакого участія въ заболѣваніи другихъ железистыхъ органовъ при острыхъ заразительныхъ болѣзняхъ. Съ этимъ возрѣніемъ вполне соглашается Н. Lebert⁽²⁾, который говоритъ, что ему самому никогда не случалось наблюдать воспаленія рапсгеаз и что другіе авторы дѣлаютъ большую ошибку, находя аналогію между ея страданіями и страданіями слюнныхъ железъ.

Рокитанскій⁽³⁾, въ послѣднемъ изданіи своего „Руководства къ Патологической Анатоміи“, равно какъ и Ферстеръ, вполне примкнули къ Вирховской школѣ; хотя у того и другаго встрѣчается описаніе жироваго перерожденія клетокъ поджелудочной железы, однако оно становится въ зависимость или отъ камней выводныхъ протоковъ или отъ давленія близлежащихъ органовъ; но нигдѣ не встрѣчается у нихъ даже намека, чтобы панкреатическія клетки измѣнились при острыхъ заразительныхъ болѣзняхъ наравнѣ съ клетками другихъ железистыхъ органовъ.

⁽¹⁾ Handfield Jones et E. H. Siereking. A manual of path. Anatomy. London. 1854.

⁽²⁾ Н. Lebert. Traité d'Anatomie pathologique. Paris. 1861.

⁽³⁾ Rokitsansky. Lehrbuch der path. Anatomie. 1861.

Позднѣ Гоффмана E. Klebs⁽¹⁾ при septicaemia находилъ поджелудочную железу желтою и плотною, а клѣтки ея подвергшимися зернистому перерожденію и безъ ясныхъ контуровъ. Далѣе онъ замѣчаетъ, что повидимому зернистое перерожденіе рапсгеас при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ гораздо рѣже осложняется интерстиціальнымъ размноженіемъ клѣтокъ, чѣмъ это бываетъ въ околушной железѣ.

Наконецъ, говоря объ измѣненіяхъ паренхимы поджелудочной железы, Клебсъ⁽²⁾ совершенно справедливо замѣчаетъ, что изъ наблюденій надъ животными вполне констатированъ тотъ фактъ, что поджелудочная железа уже въ предѣлахъ физиологическаго состоянія представляетъ значительныя измѣненія въ своемъ объемѣ и что эти измѣненія находятся въ связи съ тѣмъ: совершается ли въ данное время пищевареніе или нѣтъ. Во время пищеваренія железа разбухаетъ, увеличивается въ объемѣ, становится сочною и полнокровною, а внѣ этаго времени она блѣдна, суха и малокровна.

Хотя Bérnard увеличеніе железы во время пищеваренія считаетъ въ зависимости только отъ усиленнаго накопленія крови въ ея сосудахъ и говоритъ, что отдѣленіе панкреатическаго сока совершается только во время акта пищеваренія и всегда связано съ увеличеннымъ приливомъ крови къ ткани железы; однако позднѣйшія изслѣдованія показали, что увеличеніе железы въ объемѣ во время пищеваренія зависитъ не только отъ одной гипереміи, но также и отъ измѣненія самаго железистаго эпителия. Отдѣльныя клѣтки поджелудочной железы увеличиваются въ объемѣ, принимаютъ болѣе сферическую форму отъ закругленія ихъ краевъ и угловъ и наполняются мелкою непрозрачною зернистостью.

Хотя еще до сихъ поръ остается недоказаннымъ, существуютъ ли у человѣка подобныя измѣненія поджелудочной железы, зависящія отъ пищеваренія, однако-же по аналогіи можно допустить возможность существованія таковыхъ измѣненій и этимъ самымъ можно объяснить давно уже замѣченныя значительныя различія въ видѣ железистаго вещества рапсгеас, которыя встрѣчаются независимо отъ болѣзненныхъ ея измѣненій.

⁽¹⁾ Klebs. Handbuch der path. Anatomie. 3 Lieferung 1870. Seite 535.

⁽²⁾ l. c. S. 534.

Основываясь на этих изменениях, Клебс совершенно правъ, говоря что слабыя степени патологическихъ процессовъ въ поджелудочной железѣ не могутъ быть опредѣлены точно и безошибочно, но что въ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, гдѣ вліяніе пищеваренія можетъ быть совершенно исключено, — найденное измененіе должно быть поставлено въ зависимость только отъ одной инфекціи.

Далѣе онъ задается вопросомъ: подвергается ли панкреасъ при лихорадочныхъ болѣзняхъ такому же зернистому (паренхиматозному) перерожденію, какому подвергаются при этихъ болѣзняхъ другіе железистые органы нашего организма. Не имѣя однакоже достаточнаго количества фактовъ для рѣшенія этого вопроса, — такъ какъ собственныя его наблюденія относятся только къ септицеміи, а имѣющіяся еще наблюденія Гофманна къ одному лишь брюшному тифу, гистологическихъ-же изслѣдованій при другихъ острыхъ болѣзняхъ еще не было произведено, — онъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ только предположеніемъ, что вѣроятность эта существуетъ и высказывается въ необходимости дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи.

Въ виду такого разногласія во мнѣніяхъ и такого громаднаго пробѣла въ патологіи инфекціоннымъ болѣзней и въ патологіи поджелудочной железы, мы съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, согласно предложенію профессора М. М. Руднева, принялись за изслѣдованіе измененій поджелудочной железы при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ.

Матеріаломъ для изслѣдованія служили намъ железы труповъ, вскрытыхъ въ патолого-анатомическомъ Институтѣ въ продолженіи прошлаго академическаго года, а для пополненія матеріала и еще большаго разнообразія, мы доставали еще поджелудочныя железы въ Ново-Александровской Больницѣ.

Всѣ эти железы были подвергаемы нами тотчасъ послѣ вскрытія подробному макроскопическому изслѣдованію, а также и тому возможному микроскопическому разсмотрѣнію, которое могло только быть приложено къ мягкому свѣжему органу. Болѣе же подробное микроскопическое изслѣдованіе предпринималось послѣ предварительнаго уплотненія ткани железъ.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что приступая къ собиранію поджелудочныхъ железъ, мы предполагали воспользо-

ваться самыми употребительными способами сохраненія и уплотненія тканей въ Мюллеровской жидкости, какъ болѣе индифферентно дѣйствующей на нормальныя и патологическя животныя ткани. Съ этою цѣлю, изрѣзанныя въ достаточно мелкя куски, железы, были погружаемы на три недѣли въ мюллеровскую жидкость, причемъ жидкость была въ началѣ ежедневно перемѣняема. Однако по истеченіи этого времени ни одна железа не была достаточно отвердѣвшая, а напротивъ многя изъ нихъ стали даже мягче прежняго, почему мы и принуждены были всѣ железы перекладывать въ крѣпкій спиртъ и оставлять ихъ въ немъ на одну или двѣ недѣли. Этотъ методъ въ большинствѣ случаевъ оказался вполне достаточнымъ для должнаго уплотненія железъ, изъ которыхъ легко удавалось посредствомъ бритвы получать тончайшія микроскопическя объекты. Нерѣдко однакожь попадались такя железы, которыя послѣ предварительнаго пребыванія въ спиртѣ, оставались мягки и потому негодны для изслѣдованія. Такя железы мы принуждены были власть въ смѣсь Gummi - Arabicі съ глицериномъ, затѣмъ перекладывать въ спиртъ и дня чрезъ два получались препараты почти хрящеватой плотности, изъ которыхъ уже нетрудно было приготавливать тончайшія микроскопическя отрѣзки.

Не смотря на богатство труповъ, какъ въ паталогическомъ Институтѣ, такъ и въ Ново - Александровской Больницѣ, мы имѣли большое затрудненіе въ выборѣ нашего матеріала, такъ какъ въ прошломъ году было очень мало больныхъ, умиравшихъ отъ острыхъ инфекціонныхъ болѣзней и при томъ на секціонный столъ большей частью попадали трупы, въ которыхъ измѣненія отъ инфекціонныхъ болѣзней, представлялись развившимися на какойнибудь другой болѣзненной почвѣ; собственно же чистыя формы болѣзней, были въ это время очень рѣдкимъ предметомъ анатомическаго изслѣдованія.

Въ виду такого неприятнаго затрудненія, мы рѣшились собирать для изслѣдованія поджелудочныя железы изъ всѣхъ труповъ подлежавшихъ вскрытію больныхъ, умершихъ отъ острыхъ инфекціонныхъ болѣзней, и, наряду съ этимъ, железы изъ труповъ больныхъ, умершихъ отъ другихъ острыхъ и хроническихъ болѣзней, чтобы путемъ сравненія измѣненій железы при разныхъ болѣзняхъ, составить возможно болѣе точное заключеніе объ измѣненіяхъ ея, какъ

при инфекціонныхъ, такъ и при другихъ острыхъ и хроническихъ болѣзняхъ, предполагая встрѣтить значительную разницу въ патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ.

Однако дальнѣйшія наши изслѣдованія показали, что при нѣкоторыхъ хроническихъ и острыхъ болѣзняхъ, особенно хроническихъ при очень продолжительномъ ихъ теченіи, измѣненія поджелудочной железы представляютъ самую слабую степень того процесса, который въ гораздо большей степени поражаетъ ее при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, вслѣдствіе чего, желая получить болѣе точные результаты, мы старались свои выводы относительно измѣненія поджелудочной железы при инфекціонныхъ болѣзняхъ, основывать преимущественно на случаяхъ, въ которыхъ эти болѣзни были выражены въ чистой формѣ и при томъ на почвѣ предварительно неизмѣненной другими болѣзнями. Если же иногда и приходилось основывать нѣкоторыя заключенія на осложненныхъ случаяхъ, то мы всегда выбирали такіе изъ нихъ, въ которыхъ легко можно было бы разграничить измѣненія поджелудочной железы, свойственныя каждой отдѣльной болѣзни.

Эта - то строгая осторожность въ выборѣ имѣющагося матеріала и была причиной того, что результаты нашей работы основаны только на 41 случаяхъ инфекціонныхъ болѣзней и на 13 случаяхъ незаразительныхъ болѣзней.

Въ силу только что изложенныхъ причинъ, изъ числа инфекціонныхъ болѣзней, здѣсь рассмотримъ подробно измѣненія поджелудочной железы только въ 9 случаяхъ сыпного тифа, 3-хъ Gastro—enteritis epidemicae, 3 хъ азиатской холеры, 3-хъ возвратной горячки, 1 — скарлатины, 12-ти брюшного тифа, 7-ми родильной горячки и 3-хъ дифтерита.

Что же касается измѣненій поджелудочной железы при незаразительныхъ болѣзняхъ, мы укажемъ измѣненія ея при 3-хъ случаяхъ хроническаго воспаленія легкихъ, 2-хъ остраго и 2-хъ хроническаго туберкулоза, 1-мъ Pleuritis purulenta, 2-хъ Polyarthritidis и 3-хъ Syphilis constitucionalis, когорый, какъ хроническая заразительная болѣзнь, не входилъ въ спеціальный вопросъ нашего изслѣдованія.

Поджелудочная железа, при всѣхъ изслѣдованныхъ нами острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, представляетъ одинъ и тотъ же болѣзненный процессъ съ тою только разницею, что не во всѣхъ формахъ этого ряда болѣзней, измѣненія ея

являются на одной и той же степени развитія, а напротивъ при нѣкоторыхъ изъ нихъ онѣ всегда развиты въ меньшей степени, при другихъ же въ большей.

Имѣя въ виду эту разницу, мы считаемъ болѣе умѣстнымъ расположить порядокъ измѣненій поджелудочной железы, смотря по степени ея пораженія, почему мы сначала опишемъ ея измѣненія при сыпномъ тифѣ, Gastro—enteritis epidemicae, азиатской холерѣ, возвратной горячкѣ и скарлатинѣ, затѣмъ брюшномъ тифѣ и послѣ родовой горячкѣ и наконецъ при дифтеритѣ, при которомъ поджелудочная железа представляетъ нѣкоторыя особенности въ пораженіи.

I. СЫПНОЙ ТИФЪ.

Мы имѣли возможность изслѣдовать поджелудочную железу въ девяти случаяхъ сыпнаго тифа. Во всѣхъ этихъ случаяхъ она представляла совершенно одинаковыя какъ макроскопическія такъ и микроскопическія измѣненія, вслѣдствіе чего во избѣжаніе излишнихъ повтореній, мы ограничимся подробнымъ разборомъ одного только случая, остальные же будутъ анализированы нами въ предѣлахъ спеціальной цѣли нашихъ изслѣдованій.

Временно-отпускной рядовой Юрій Пялякусъ, 33 лѣтъ, прибылъ въ терапевтическую академическую клинику 23 февраля 1872 года, умеръ 1 марта. Протоколъ вскрытія № 75.

Diga mater сильно переполнена кровью, Pia также сильно гиперемирована, отечна, при отдѣленіи разрывается. Ткань мозга также необыкновенно переполнена кровью, мягка, желудочки незначительно растянуты. Сосуды основанія мозга склерозированы. Сердце увеличено въ объемъ, полости растянуты, стѣнки утолщены, мускулатура дрябла; свободный край mitrae утолщенъ, равно какъ и клапаны аорты, tricuspidalis утолщена. Правое легкое срощено верхнею долею старыми ложными перепонками; ткань проходима, пигментирована, переполнена кровью, слегка отечна, слизистая оболочка бронховъ утолщена, гиперемирована и покрыта слизью. Лѣвое легкое срощено переднимъ краемъ, при верхушкахъ содержитъ небольшіе узлы непроходимой ткани, вслѣдствіе развитія интерстиціальной кѣтъчатки. Въ остальныхъ частяхъ также гиперемія, пигментация почекъ. Печень увеличена въ объемъ, капсула напряжена, ткань очень рыхла, тѣстообразна, сѣраго цвѣта. Желчный пузырь сильно растянутъ тягучей слизью. Селезенка равномерно увеличена въ объемъ, темно-краснаго цвѣта, рыхла, рѣбра легко выскабливаются изъ стромы. Капсула почекъ мѣстами трудно отдѣляется, кортикальный слой утолщенъ, гиперемированъ, довольно рыхлъ, изъ сосочковъ легко выжимается много

эмульсивной жидкости. Слизистая оболочка Lei нижней ея части, блѣдна, довольно рыхла, мѣстами представляетъ незначительную инъекцію сосудовъ. Солитарные и пейеровы железы безъ измѣненій. Слизистая оболочка желудка утолщена, сильно разрыхлена съ многочисленными капиллярными экстравазатами, бородавчата. Слизистая оболочка толстыхъ кишекъ аспиднаго цвѣта.

Поджелудочная железа слегка увеличена въ объемѣ, на ощупь мягка, малоупруга, однако кое гдѣ очень немногія отдѣльныя большія дольки болѣе упруги и твердоваты. Брюшинный покровъ ея безцвѣтенъ, гладкій, лоснящійся; сквозь него просвѣчиваютъ большіе междольчатые кровеносные сосуды, сильно налитые кровью и рѣзко разграниченныя отдѣльныя дольки железы желтоватаго цвѣта, пронизанныя частою сѣтью мелкихъ кровеносныхъ сосудовъ. Вслѣдствіе сильнаго налитія кровью большихъ и малыхъ кровеносныхъ сосудовъ, на поверхности железы преобладаетъ темнокрасный цвѣтъ, а отъ этого и дольчатость слабо выражена. Ткань железы слегка выпячивается на поверхности разрѣза, явленія гипереміи здѣсь также сильно выражены какъ и на свободной поверхности, вслѣдствіе чего и дольчатость мало явственна, однако послѣ обмыванія водою слегка выпяченныя дольки выступаютъ гораздо яснѣе, причемъ обнаруживаются вокругъ нихъ очень тонкія полоски красноватой соединительной ткани. Съ поверхности разрѣза легко соскабливается ножомъ небольшое количество желтовато-сѣрой густой кашицы, перемѣшанной съ темнокрасными каплями и полосками крови. При микроскопическомъ изслѣдованіи этой кашицы обнаруживается большое количество красныхъ кровяныхъ шариковъ, небольшое число безцвѣтныхъ кровяныхъ тѣлецъ и масса железистыхъ клѣтокъ. Послѣднія нѣсколько увеличены въ объемѣ, края и углы ихъ въ большей или въ меньшей степени закруглены, контуры болѣе рѣзко выражены. Содержимое такихъ клѣтокъ помутнено, мелкозернисто и малопрозрачно; ядро большей частью незамѣтно, только въ очень немногихъ оно слегка очерчено и расположено у края клѣтки, однако послѣ прибавленія капли уксусной кислоты, содержимое клѣтокъ значительно просвѣтляется и контуры ядра становятся рѣзче. Нѣсколько меньше попадаетъ клѣтокъ гораздо большей величины, болѣе округленной формы и съ болѣе рѣзкими контурами; содержимое ихъ изобилуетъ малопрозрачными, крупными темными зернышками, ядра совершенно

незамѣтно, однако отъ прибавленія капли уксусной кислоты зернистость клѣтокъ значительно просвѣтляется, а въ нѣкоторыхъ даже и появляется ядро.

При изслѣдованіи тончайшихъ отрѣзковъ уплотненной железы подъ микроскопомъ замѣчается, что отдѣльныя дольки ея нѣсколько увеличены въ объемѣ и самыя мелкія изъ нихъ такъ тѣсно прилегаютъ одна къ другой, что между ними съ трудомъ даже удается различать сильно сжатая части *mesangia propriae*. Большія дольки также увеличены въ объемѣ, но *mesangia propria* ихъ гораздо менѣе сжата и потому еще удоборазличаема. Междольчатая соединительная ткань занимаетъ гораздо меньше мѣста, вслѣдствіе сжатія элементовъ ея увеличенными долками, однако капиллярныя ея сосуды плотно набиты красными кровяными шариками и рѣзко отдѣляются отъ окружающей ихъ ткани. Между элементами соединительной ткани преимущественно около капилляровъ разбросаны далеко одинъ отъ другаго круглыя лимфоидныя тѣла, которыя своимъ положеніемъ указываютъ на слаборазвитую ячеистую инфильтрацію соединительной ткани. Наружная оболочка мелкихъ сосудовъ и окружающіе ихъ участки междольчатой соединительной ткани еще слабѣе инфильтрированы молодыми лимфоидными элементами. Увеличеніе долекъ железы зависитъ отъ увеличенія отдѣльныхъ клѣтокъ ихъ составляющихъ. Всѣ клѣтки слегка увеличены въ объемѣ, контуры ихъ значительно закруглены, однако же довольно легко различаемы, только въ немногихъ клѣткахъ они по видимому слились, что, какъ показываетъ болѣе точное изслѣдованіе, зависитъ отъ надвиганія одной разбухшей клѣтки на другую, а не отъ нарушенія ихъ цѣлости. Содержимое большей части клѣтокъ мелкозернисто, малопрозрачно и совершенно затемняетъ ядро, которое замѣтно только въ очень немногихъ клѣткахъ. Послѣ прибавленія капли крѣпкой уксусной кислоты содержимое клѣтокъ значительно проясняется и контуры ядра выступаютъ гораздо яснѣе; подобное же явленіе происходитъ послѣ суточного пребыванія микроскопическаго отрѣзка железы въ алкогольъ и слѣдующаго затѣмъ дѣйствія эфира.

Чрезвычайно рѣдко попадались клѣтки съ двумя ядрами, большаго-же числа ядеръ намъ не приходилось наблюдать ни въ одной клѣткѣ. При самомъ тщательномъ изслѣдованіи, мы никогда не встрѣчали также лимфоидныхъ тѣлъ между железистыми клѣтками внутри долекъ.

Мелкіе выводные протоки железы были запружены или разбухшими и помутнѣвшими вѣтками, въ которыхъ изрѣдка еще удавалось съ большимъ трудомъ различать ядра, или-же были набиты мелкозернистою мутною массою съ малыми блестящими жирными капельками безъ всякаго слѣда эпителиальныхъ вѣтокъ. Въ болѣе крупныхъ и большихъ протокахъ просвѣтъ былъ чрезвычайно суженъ разбухшими мутными вѣтками эпителия; въ большей же части крупныхъ протоковъ эпителий былъ или слегка помутненъ, или же совершенно нормальный.

Патолого-анатомическія измѣненія органовъ въ настоящемъ случаѣ для болѣе удобнаго анализированія, слѣдуетъ раздѣлить на двѣ категоріи: острые и хроническіе процессы.

Острыя патолого-анатомическія измѣненія, какъ паренхиматозное воспаленіе печени, почекъ, пепсиновыхъ железъ и мускулатуры сердца, опухоль селезенки, гиперемія и отекъ мозга и его оболочекъ, незначительная водянка желудочковъ мозга, гиперемія и слабый отекъ обоихъ легкихъ, а также жидкая темнокраснаго цвѣта, вездѣ безъ свертковъ кровь, принадлежать безспорно всѣ къ одновременнымъ пораженіямъ, которыя въ совокупности съ клиническою картиною болѣзни даннаго случая, позволяютъ съ полнымъ правомъ діагностировать сыпной тифъ. Всѣ остальные измѣненія найденныя въ трупѣ представляютъ хроническіе патолого-анатомическіе процессы. Изъ нихъ утолщеніе двустворчатой и трехстворчатой заслоночекъ сердца и клапановъ аорты въ соединеніи съ склерозомъ сосудовъ основанія мозга, вполне объясняютъ обусловленную имъ гипертрофію сердца. Хроническій катарръ бронховъ, пигментація и приращенія обоихъ легкихъ, рубцы въ верхушкѣ лѣваго легкаго, хроническій катарръ желудка съ капиллярными экстравазатами въ ткани разныхъ слизистыхъ оболочекъ, хроническій катарръ тонкихъ и пигментація толстыхъ кишекъ представляютъ неминуемыя послѣдствія пороковъ сердца.

Во избѣжаніе излишнихъ повтореній, мы не будемъ описывать подробно каждый изъ изслѣдованныхъ нами остальныхъ восьми случаевъ петехіальнаго тифа, потому что, какъ макроскопическія такъ и микроскопическія измѣненія поджелудочной железы, оказались вездѣ совершенно аналогичными съ тѣми измѣненіями, которыя мы подробно описали въ первомъ случаѣ. Если иногда и замѣчалась нѣкоторая раз-

вица въ объемѣ, цвѣтѣ, консистенціи и интензивности гипереміи, то эта разница была всегда чрезвычайно незначительна, такъ что во всѣхъ случаяхъ железы макроскопически были весьма схожи во всѣхъ своихъ свойствахъ съ описанной нами въ первомъ случаѣ поджелудочной железой. Гистологическія измѣненія также не представляли различія въ сущности пораженія, а только занимали то большія, то меньшія пространства твани, смотря по періоду сыпного тифа, въ которомъ больной умеръ. Въ скоротечныхъ случаяхъ пространства пораженія были гораздо меньше чѣмъ въ болѣе длительныхъ.

Патолого-анатомическія измѣненія остальныхъ органовъ во всѣхъ этихъ случаяхъ представляли слѣдующія явленія: значительную опухоль селезенки, паренхиматозное воспаленіе печени, почекъ и мускулатуры сердца, иногда незначительное припуханіе солитарныхъ железъ, гиперемію мозга, слизистой оболочки бронховъ, часто гипостазы легкихъ, словомъ всѣ явленія, характеризующія острый инфекціонный процессъ. Почти во всѣхъ случаяхъ эти измѣненія представляли разныя степени развитія, почему мы имѣемъ полное право заключить, что поджелудочная железа была нами исследована въ разныхъ періодахъ петехіальнаго тифа. Съ другой же стороны, мы находили только въ двухъ трупахъ такія измѣненія органовъ, которыя безспорно принадлежали хроническимъ страданіямъ, а именно: разъ, явленіе хроническаго ватарра вишевъ, а другой разъ хроническое воспаленіе легкихъ.

Такъ какъ хроническія заболѣванія неинфекціоннаго характера не оказываютъ почти никакого вліянія на измѣненія поджелудочной железы, въ чемъ мы убѣдились цѣлымъ рядомъ исследованийъ, а при всѣхъ девяти случаяхъ петехіальнаго тифа, не смотря на разные періоды и степени его развитія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, мы наблюдали вездѣ совершенно аналогичныя измѣненія железы, то въ силу этого съ полнымъ правомъ можемъ принять, что измѣненія поджелудочной железы во всѣхъ этихъ случаяхъ петехіальнаго тифа находятся въ прямой зависимости отъ одной только инфекціи, тѣмъ болѣе, что и вліяніе процесса пищеваренія при сыпномъ тифѣ можетъ быть также совершенно исключено.

И такъ поджелудочная железа при сыпномъ тифѣ всегда подвергается заболѣванію, сущность которой состоитъ въ

паренхиматозномъ воспаленіи ея железистой ткани съ весьма слабою наклонностью къ пролифераціи и съ очень слабою одновременною ячеистой инфильтраціею междольчатой соединительной ткани молодыми лимфоидными элементами.

II. ЭПИДЕМИЧЕСКОЕ ВОСПАЛЕНИЕ ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНАГО КАНАЛА.

Материаломъ для изслѣдованія измѣненій поджелудочной железы при этой болѣзни, послужили намъ три случая смертельнаго исхода *Gastro-enteritis epidemicae* изъ клиническаго госпиталя.— Вотъ протоколъ вскрытія одного изъ нихъ.

Отставной фельдфебель Фокъ Фроловъ, 44-хъ лѣтъ отъ роду, прибылъ въ госпиталь 11-го октября 1871-го года, умеръ 24 ноября того же года. Протоколъ вскрытія № 321-й, 26-го ноября.

Сводъ черепа утолщенъ и переполненъ кровью. Рѣа отечна, приподнята, извилины истончены и раздвинуты; при отдѣленіи разрывается; въ желудочкахъ немного жидкости. Ткань мозга отечна, умѣренно налита кровью, эпендима желудочковъ незначительно утолщена; *plexus choroideus* содержитъ кисты. Сосуды основанія мозга незначительно склерозированы. Сердце:—объемъ уменьшенъ, по бороздамъ находится жиръ въ видѣ студенистыхъ массъ. Стѣнка лѣваго желудочка истончена до 4-хъ линій, лѣвая полость уменьшена, полость праваго нормальна. Легкія. Правое за исключеніемъ верхушки очень хорошо сократилось; при верхушкѣ содержитъ гнѣзда съ развитіемъ большаго количества соединительной ткани, въ окружности ихъ съ сильной пигментаціею. Ткань вездѣ проходима суха и малокровна. Лѣвое легкое срощено заднимъ краемъ съ грудной кѣткой, хорошо сокращается, при верхушкѣ находятся такія же рубцовыя образованія, обуславливаюція вдавленіе по поверхности. Ткань остальная вездѣ суха и малокровна. Селезенка незначительно увеличена въ объемѣ, капсула напряжена, ткань плотна, поверхность разрѣза представляется мраморною, умѣренно налита кровью, представляетъ разсѣянные узелки въ просіянное зерно, невыдающіеся на поверхности разрѣза. Печень срощена мѣстами съ діафрагмою, капсула утолщена, на поверхности представляетъ рубцы; объемъ ея нѣсколько меньше нормальной, но при разрѣзѣ капсулы, паренхима на краю разрѣза обнаруживаетъ большее противъ нормы напряженіе, выворачивается; ткань пастозна, малокровна. Лѣвая почка увеличена, кортикальный слой утолщенъ, капсула мѣстами срощена, на поверхности замѣчаются рубцы. Правая почка также увеличена и вообще представляетъ тѣ же явленія въ высшей степени развитія. Брыжеечныя железы сильно увеличены въ объемѣ. Кишечный каналъ. Слизистая оболочка *Lei* аспиднаго цвѣта. Солитарныя железки мѣстами увеличены въ

объемъ. Въ верхней части Lei слизистая оболочка усѣяна капиллярными экстравазатами. Слизистая оболочка Jejuni сильно утолщена и разрыхлена, усѣяна многими экстравазатами. Слизистая оболочка толстыхъ кишекъ очень ипъещирована кровью съ многими капиллярными экстравазатами. Солитарныя железки ихъ увеличены въ объемъ и многія изъ нихъ лопнули. Мочевой пузырь сжатъ, пустъ, наполненъ немного эмульсивной жидкостью, слизистая оболочка его усѣяна капиллярными экстравазатами. Паховыя лимфатическія железы увеличены въ объемъ. На тыльной поверхности лѣвой стопы рубецъ съ пигментированной окружностью. Въ локтевыхъ сгибахъ на внутренней поверхности обширныя струпыя, имѣющіе характеръ чирьевъ.

Pancreas значительно увеличена въ объемъ, преимущественно въ короткихъ поперечникахъ ея ширины и толщины; брюшинный покровъ ея безцвѣтенъ, лоснащійся; поверхность ея неровна, бугриста, изрыта по всѣмъ направленіямъ глубокими и мелкими бороздками, вслѣдствіе втягиванія его въ глубь железы, уплотненною и сжатою междольчатую соединительную тканью, болѣе развитою противъ нормальнаго и почти рубцовой плотности. Сквозь него въ глубокихъ бороздахъ просвѣчиваютъ широкія полосы бѣловатой междольчатой соединительной ткани съ изрѣдка попадающимися большими и малыми сосудами, сильно переполненными кровью; на поверхности же бугровъ ясно выражены болѣе мелкія бороздки, просвѣчивающія блѣднокраснымъ цвѣтомъ отъ сильной гипереміи сосудовъ и заключенныя между ними большія и малыя дольки железы блѣдносѣраго цвѣта, нерѣзко очерченныя, вслѣдствіе интенсивной гипереміи густой сѣти мельчайшихъ кровеносныхъ сосудовъ. На ощупь во всѣхъ частяхъ железа очень плотна, какъ циррозная печень; отдѣльныя большіе бугры ея подъ пальцемъ даютъ ощущеніе плотныхъ узелковъ. Ткань, вслѣдствіе значительной плотности, трудно разрѣзывается, при разрѣзахъ хруститъ, выдѣляетъ значительное количество темной жидкой крови, однако менѣе обильное, чѣмъ при сыпномъ тифѣ. На поверхности разрѣза бугристость не такъ сильно выражена, какъ на свободной поверхности железы, за то дольки рѣзче разграничиваются, по всему вѣроятію, вслѣдствіе опорожненія перерѣзанныхъ кровеносныхъ сосудовъ; послѣ промывки водою дольчатость еще рѣзче выражается.

При соскабливаніи лезвіемъ ножа, легко отдѣляется гораздо меньшее количество, чѣмъ при сыпномъ тифѣ, сѣроватой густой кашицы, перемѣшанной съ кровью. Подъ ми-

микроскопомъ эта кашаца представляетъ подобную же картину какъ при *typhus petechialis*, однако съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что отдѣльныя железистыя клѣтки гораздо большей величины,—приблизительно въ два или три раза больше противъ нормальныхъ; всѣ они почти правильной сферической формы, вслѣдствіе болѣе значительнаго закругленія краевъ и угловъ; протоплазма ихъ гораздо болѣе крупнозерниста, менѣе прозрачна, совершенно закрываетъ ядро или, что гораздо рѣже случается, сильно затемняетъ его и только изрѣдка попадаются клѣтки меньшей величины, съ мелкокрупничатымъ болѣе прозрачнымъ содержимымъ и менѣе затемненнымъ ядромъ, какъ при *typhus petechialis*. Крѣпкая уксусная кислота только слегка просвѣтляетъ протоплазму, отчего контуры ядра нѣсколько рѣзче выступаютъ, только не во многихъ клѣткахъ, въ большей же части изъ нихъ ядра все-жъ таки остаются совершенно замаскированными.

При подробномъ микроскопическомъ изслѣдованіи затвердѣлой железы оказывается слѣдующее:—дольки значительно увеличены въ объемъ и далеко раздвинуты одна отъ другой широкими полосками старой волокнистой соединительной ткани, идущими по всѣмъ направленіямъ. Отъ этихъ широкихъ полосъ отходятъ мѣстами въ разныя стороны болѣе узкія полоски такой же по возрасту соединительной' ткани, разграничивающія отдѣльныя дольки меньшей величины, и мѣстами даже малыя группы железистыхъ клѣтокъ, расположенныхъ не по обычному типу долекъ или протоковъ железы, а въ видѣ кучекъ случайныхъ формъ и величинъ, имеющихъ вокругъ себя *membrana propria*. Между волокнами промежуточной соединительной ткани разсыяно гораздо меньшее число, чѣмъ при сыпномъ тифѣ, юныхъ элементовъ, имеющихъ характеръ лимфатическихъ тѣлъ. Нигдѣ они не скучиваются въ группы, а почти равномерно распределены по всей соединительной ткани железы. Кромѣ того какъ въ широкихъ такъ и въ узкихъ полоскахъ соединительной ткани нерѣдко попадаютъ железистыя клѣтки съ ясными контурами, разбросанныя по одной, по двѣ и болѣе. Клѣтки выполняющія дольки въ два, иногда даже въ три раза больше противъ нормы; края и углы ихъ значительно закруглены, вслѣдствіе чего онѣ имѣютъ почти правильную сферическую форму и почти всѣ рѣзко контурированы. Протоплазма большей части клѣтокъ крупнозерниста, малопрозрачна, отчего

клетки очень мутны и ядра ихъ совсѣмъ незамѣтны, только въ весьма немногихъ клеткахъ, при поверемѣнномъ опусканіи и подниманіи трубки микроскопа микрометрическимъ винтомъ, удается замѣтить очень слабо контурированное шарообразной или безобразной формы ядро, расположенное всегда эксцентрически, какъ въ отношеніи клетки, такъ и всей альвеолы.

Хотя также съ большимъ трудомъ удается различать ядро въ клеткахъ нормальной железы, однако оно видно въ каждой клеткѣ, контуры его значительно рѣзче, да и самыя клетки большей частью полигональной формы съ острыми краями и углами и рѣзко отдѣляются одна отъ другой. Здѣсь же ядра въ клеткахъ прикрыты очень мутными и крупными зернами. Самыя же клетки, хотя рѣзко контурированы, но большинство ихъ вслѣдствіе сильнаго разбуханія не представляются уже полигональными, но почти правильной сферической формы.—Здѣсь встрѣчается гораздо меньше двухъ-ядерныхъ клетокъ, чѣмъ при петехіальномъ тифѣ; клетковъ же съ большимъ числомъ ядеръ совсѣмъ нѣтъ.

Эпителій крупныхъ и мелкихъ выводныхъ протоковъ железы былъ въ такой-же степени измѣненъ, какъ и при сыпномъ тифѣ.

Патолого-анатомическія измѣненія, найденныя въ органахъ трупа, представляютъ острые и хроническіе процессы. Первые въ совокупности характеризуютъ острую инфекционную болѣзнь, извѣстную подъ названіемъ Gastro-enteritis epidemicae. Къ числу этихъ измѣненій относятся: опухоль селезенки, паренхиматозное воспаленіе печени и почекъ, острое катарральное воспаленіе желудка и кишечъ, развисяеся на почвѣ хроническаго желудочно-кишечнаго катарра со многими разбросанными капиллярными экстрavasатами и значительною припухлостью солитарныхъ железъ, изъ которыхъ многія представляются лопнувшими.

Остальныя измѣненія свидѣтельствуютъ о законченномъ хроническомъ процессѣ и всѣ въ совокупности указываютъ на конституціональный сифилисъ. Къ нимъ относятся рубцы въ верхушкахъ обоихъ легкихъ, на поверхности печени и почекъ, а также утолщеніе костей черепа, увеличеніе лимфатическихъ железъ и склерозъ сосудовъ основанія мозга.

Измѣненія поджелудочной железы представляютъ также двоякаго рода явленія. Разростаніе соединительной ткани,

какъ хроническій процессъ, безспорно принадлежитъ сифилису; измѣненій же паренхимы, встрѣчаемыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сифилиса и выражающихся гнѣздо-расположеннымъ полнымъ распадомъ железистыхъ элементовъ, мы здѣсь нигдѣ не встрѣчаемъ, а встрѣчаемъ только равномерное весьма значительное припуханіе и помутненіе элементовъ, въ родѣ того, какое мы наблюдали при сыпномъ тифѣ, почему мы и въ правѣ полагать, что паренхиматозное воспаленіе железы въ данномъ случаѣ также зависитъ отъ острой инфекціонной болѣзни, а не отъ конституціональнаго сифилиса.

Другіе два случая *Gastro-enteritidis epidemicae* представляли измѣненія, свойственныя острой инфекціонной болѣзни, почти совершенно аналогичныя съ первымъ случаемъ, съ тою только разницею, что при одномъ изъ нихъ было острое рожистое воспаленіе кожи лица; при другомъ же особенныхъ осложненій не было. Поджелудочная железа въ обоихъ случаяхъ представляла только явленія паренхиматознаго воспаленія железистыхъ элементовъ, развитыя въ такой же степени какъ въ первомъ случаѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что величина клѣтокъ была немногимъ больше нормальной и не попадалось ни одной клѣтки, какъ въ случаѣ осложненномъ съ сифилисомъ. Ячеистая инфильтрація промежуточной ткани была и въ этихъ двухъ случаяхъ такъ-же слабо развита, какъ и въ первомъ случаѣ.

Поджелудочная железа при 3-хъ случаяхъ холеры, 3-хъ случаяхъ возвратной горячки и 1-мъ случаѣ скарлатины всегда представляла такую же степень паренхиматознаго воспаленія какъ при петехіальномъ тифѣ и *Gastro-enteritidis epidemicae*, почему мы и считаемъ излишнимъ приводить описаніе этихъ измѣненій отдѣльно.

Рѣзкую особенность представляли только измѣненія промежуточной соединительной ткани во всѣхъ случаяхъ холеры. Здѣсь ячеистая инфильтрація лимфоидными элементами была болѣе обильна. Мѣстами молодые элементы располагались въ видѣ большихъ или меньшихъ группъ, но большей частью они были разбѣяны въ безпорядкѣ между волокнами соединительной ткани. Между юными круглыми лимфоидными элементами часто попадались болѣе развитыя, узкія, тонкія и удлиненныя формы. Наконецъ, хотя въ весьма маломъ числѣ, встрѣчались веретенообразные элементы, соединяющіеся своими длинными и тонкими отростками.

Такимъ образомъ измѣненія поджелудочной железы, во всѣхъ изслѣдованныхъ нами случаяхъ холеры, представляли большую аналогію съ холерными измѣненіями печени, которыя были впервые подмѣчены и подробно описаны д-ромъ Ю. Чудновскимъ ⁽¹⁾.

Во всѣхъ же случаяхъ возвратной горячки и скарлатины активное участіе основы поджелудочной железы въ воспаленіи ея паренхимы выражалось всегда только слаборазвитою сплошною, ячеистою инфильтраціею, какъ во всѣхъ случаяхъ сыпного тифа и гастро-ентерита. Что же касается паренхимы железы, то припухлость, помутненіе и пролиферація ея эпителія были такъ слабо выражены при холерѣ, возвратной горячкѣ и скарлатинѣ, какъ мы это видѣли при сыпномъ тифѣ и гастро-ентеритѣ.

Патолого-анатомическія измѣненія остальныхъ органовъ показывали при всѣхъ случаяхъ холеры сильную инъекцію слизистой оболочки тонкихъ кишекъ, которая увеличивалась по направленію къ Баугиновой заслонкѣ, съ разбросанными мельчайшими эхинозомами; кромѣ того кишечный капальъ былъ переполненъ большимъ количествомъ водянистаго трансудата; солитарныя желѣзки и пейеровы бляшки были увеличены въ объемѣ и пропитаны серозною жидкостью. Паренхиматозное воспаленіе печени, почекъ и мускулатуры сердца было довольно сильно выражено. Смерть во всѣхъ случаяхъ наступила *in stadio algido*.

Во всѣхъ случаяхъ возвратной горячки наблюдалось паренхиматозное воспаленіе печени, почекъ и мускулатуры сердца и большая опухоль селезенки. Кромѣ того въ двухъ изъ нихъ была общая желтуха и болѣе сильно выраженное паренхиматозное воспаленіе печени.

Такимъ образомъ измѣненія поджелудочной железы, при сыпномъ тифѣ, гастро-ентеритѣ, возвратной горячкѣ и скарлатинѣ, состоятъ главнымъ образомъ въ паренхиматозномъ воспаленіи ея железистой ткани, которая имѣетъ ту особенность, что съ одной стороны наклонность элементовъ къ пролифераціи здѣсь очень слаба, съ другой-же паренхиматозное воспаленіе не имѣетъ здѣсь наклонности къ разрушенію элементовъ и измѣненія ихъ во всѣхъ случаяхъ такъ сравни-

⁽¹⁾ Д-ра Ю. Чудновскаго. Измѣненія въ строеніи печени при холерѣ. Архивъ внутр. болѣзней Боткина 1872 года. Стр. 332—360.

тельно незначительны, что гораздо скорее возможен обратный прогрессивный метаморфозъ, и, какъ результатъ его, полное возстановленіе нормальной функціи поджелудочной железы, чѣмъ обратный регрессивный процессъ съ полнымъ разрушеніемъ элементовъ и прекращеніемъ навсегда ихъ жизнедѣятельности.

Постоянное активное участіе междольчатой соединительной ткани поджелудочной железы, ея паренхимы, даетъ паренхиматозному воспаленію ея полную аналогію съ такимъ же воспаленіемъ другихъ железистыхъ органовъ, въ которыхъ воспалительные процессы при разбираемыхъ нами заразительныхъ болѣзняхъ никогда не происходятъ безъ одновременнаго пораженія какъ собственно железистой ткани, такъ и основы железы. Это вполне доказано для гроздовидныхъ железъ, печени, почекъ и др.

Еще большую наклонность въ прогрессивному метаморфозу имѣетъ паренхиматозное воспаленіе поджелудочной железы при холерѣ. Это выражается незначительнымъ помутненіемъ железистыхъ элементовъ, умѣренной пролифераціею ихъ и главнымъ образомъ тѣмъ, что юные элементы инфильтрируютъ соединительную ткань железы, не подвергаясь обратному метаморфозу, а принимаютъ характеръ формирующей стойкой соединительной ткани.

III. БРЮШНОЙ ТИФЪ.

Поджелудочныя железы при этой болѣзни были получены изъ 12-ти труповъ больныхъ, умершихъ въ разные періоды развитія брюшнаго тифа. Приведемъ здѣсь полный разборъ случая, въ которомъ брюшной тифъ достигъ очень высокой степени развитія.

Аптекарскій помощникъ Осипъ Ючъ 22-хъ лѣтъ. Протоколъ вскрытія № 26. 16-го января 1872 г.

Кости черепа мѣстами склеризированы, на ріа mater утолщенія въ видѣ пахионовыхъ грануляцій, сосуды ріа mater умѣренно налиты кровью. Ріа съ трудомъ отдѣляется, при отдѣленіи разрывается. Ткань мозга мягка, на поверхности разреза выступаютъ крупныя капли крови, боковые желудочки растянуты прозрачною жидкостью. Plexus choroideus блѣденъ, еpendыма утолщена, сосуды основанія мозга безъ измѣненій.—Сердце увеличено въ поперечномъ діаметрѣ, pericardium малопрозрачна, утолщена и мутна. Полость праваго желудочка увеличена, стѣнка утончена, мускулатура дрябла, endocardium безъ измѣненій. Полость лѣваго желудочка

увеличена, стѣнка утончена, endocardium мутна и непрозрачна, клапаны безъ измѣненій. Лѣвое легкое свободно, правое сращено заднимъ краемъ, лѣвое легкое проходимо, малокровно, задній край легкаго въ состояніи гипостаза до спленизаціи; ткань верхней доли проходима, суха; средняя точно такъ же; нижняя отечна. Печень увеличена въ объемъ, капсула безъ измѣненія, ткань печени малокровна, рыхла, отечна; соединительная ткань развита по направленію порталныхъ сосудовъ. Желчный пузырь наполненъ тягучею свѣтлою жидкостью. Селезенка увеличена въ объемъ, капсула напряжена, пульпа разрыхлена и неравномѣрно измѣнена. Капсула почекъ мѣстами довольно трудно отдѣляется и мѣстами утолщена, кортикальный слой утолщенъ, блѣденъ, довольно плотенъ, пирамиды также блѣдны. Въ самомъ глухомъ концѣ Coeci находится язва величиной до дюйма въ діаметрѣ, дно ея мышечный слой, края истончены, подриты; въ нижней части Pei разбѣяны многочисленныя язвы до 6-ти линій въ діаметрѣ, съ вѣсточечными подритыми краями; дно ихъ состоитъ изъ мышечнаго слоя; слизистая оболочка Jejunі и верхней части Pei за исключеніемъ блѣдности не представляетъ измѣненій. Слизистая оболочка желудка блѣдна и сочна. Слизистая оболочка толстыхъ кишекъ аспиднаго цвѣта, рыхла и до Flexura Sygmoidea усѣяна капиллярными экстравазатами.

Pancreas значительно увеличена въ объемъ, брюшинный покровъ ея сильно напряженъ, безцвѣтенъ, лоснящійся. Сквозь него просвѣчиваютъ спавшіеся большіе кровеносные сосуды, слабоокрашенные въ блѣдноокрасный цвѣтъ; между ними, съ большимъ трудомъ, удается различать однѣ только большія долики, почти слившіяся одна съ другой грязносѣраго цвѣта съ слабымъ желтоватымъ оттѣнкомъ. На ощупь железа дрябла, значительно мягче противъ того, чѣмъ она представлялась во всѣхъ случаяхъ только что описанныхъ болѣзней. Ткань железы легко разрѣзывается, значительно выпячивается на поверхности разрѣза, отдѣляетъ небольшое количество грязноокрасной жидкой крови, причемъ сосуды спадаются и вся поверхность разрѣза получаетъ однообразный глинистый цвѣтъ, съ изрѣдка попадающимися малыми кровеносными сосудами, содержащими небольшое количество жидкой крови. Дольчатость на разрѣзахъ слабо выражена. При соскабливаніи вожомъ, гораздо легче, чѣмъ при всѣхъ преждеописанныхъ болѣзняхъ, железа отдѣляетъ небольшое количество грязносѣрой желтоватой кашицы съ немногими мелкими каплями блѣдной жидкой крови.

При микроскопическомъ изслѣдованіи капли соскобленной кашицы, она состоитъ изъ большого количества железистыхъ кѣловокъ и мелкозернистой мутной массы, въ кото-

рой, между мелкою непрозрачною пылью, попадаетея множество темноконтурированныхъ крупинокъ, блестящихъ и очень мало кровавыхъ шариковъ. Всѣ клѣтки болѣе или менѣе округленной формы, очень мутны, малопрозрачны; содержимое ихъ чрезвычайно мелкозернисто съ разбросанными блестящими рѣзкоокайменными прозрачными крупинками. Контуры клѣтокъ очень слабо выражены, во многихъ точкообразны. Ядра незамѣтны даже послѣ прибавленія крѣпкой уксусной кислоты.

Микроскопическіе тонкіе разрѣзы уплотненной железы не отличаются своею обыкновенною прозрачностью, а напротивъ совершенно матовы и мутны. Отдѣльныя дольки железы значительно увеличены въ объемѣ, шенбгала ргоргіа во многихъ мѣстахъ сжата и между малыми дольками даже незамѣтна. Границы железистыхъ клѣтокъ болѣею частью не существуютъ, или же онѣ очень неясно выражены, такъ что вся долька представляетъ однообразную пылевидную массу, раздѣленную прозрачными рѣзкоокайменными крупинками жира на большое количество малыхъ кучекъ, тѣсноприлегающихъ одна къ другой и нѣсколько напоминающихъ своимъ положеніемъ отдѣльныя клѣтки альвеоль. Ни въ одной долькѣ незамѣтно даже никакихъ слѣдовъ ядеръ. При дѣйствіи крѣпкой уксусной кислоты препаратъ становится немногимъ свѣтлѣе, мелкозернистость отчасти только исчезаетъ, но количество блестящихъ крупинокъ не уменьшается, а эти крупинки мѣстами сливаются въ болѣе крупныя капельки.— Если же микроскопическій препаратъ погрузить на сутки въ абсолютный алкоголь и потомъ оставить его на таковой же промежутокъ времени подѣ дѣйствіемъ хлороформа или эфира, то блестящія крупинки жира совершенно исчезаютъ и на мѣстѣ долекъ остается только однообразная пылевидная мутная масса, безъ всякаго слѣда контуровъ, клѣтокъ и ядеръ. Микроскопическіе отрѣзки, подѣ влияніемъ крѣпкой уксусной кислоты и послѣдовательнымъ дѣйствіемъ алкоголя и эфира, представляютъ подобную же картину съ тою только разницею, что дольки въ нихъ менѣе мутны и болѣе прозрачны, чѣмъ послѣ дѣйствія каждаго изъ реактивовъ отдѣльно.

Измѣненія въ промежуточной соединительной ткани гораздо сильнѣе развиты, чѣмъ при всѣхъ вышеописанныхъ болѣзняхъ. Инфильтрація ея лимфоидными элементами здѣсь также сплошная, но ихъ здѣсь гораздо больше и они гораз-

до тѣснѣе расположены другъ къ другу, мѣстами же они скучиваются въ группы округленной формы, которыя въ большинствѣ числѣ расположены in adventitia малыхъ сосудовъ, въ оволесосудистыхъ-же пространствахъ мелкихъ капилляровъ и собственно въ стромѣ железы преобладаетъ диффузная ячеистая инфильтрація.

Эпителій большихъ и малыхъ выводныхъ протоковъ въ большинствѣ ихъ совершенно разрушенъ и просвѣтъ ихъ наполненъ эмульсивною массою. Только въ очень немногихъ протокахъ эпителий еще сохранился, но за то въ значительно измѣненномъ видѣ: эпителиальные клѣтки въ нихъ такъ припухли, что совершенно закрываютъ просвѣтъ протока, протоплазма ихъ мутна и пронизана множествомъ крупинокъ жира, ядро совершенно замаскировано и не проявляется даже отъ дѣйствія уксусной кислоты и эфира, контуры въ большей части клѣтокъ совершенно сглажены или точечны.

Пораженіе поджелудочной железы не во всѣхъ мѣстахъ представляетъ только что описанную картину. Такое значительное измѣненіе встрѣчается преимущественно въ головкѣ железы, въ хвостѣ-же и средней части ея, хотя и превалируетъ такая же степень паренхиматознаго воспаленія, однако чѣмъ ближе къ хвосту, тѣмъ чаще попадаются какъ большія, такъ и малыя дольки, въ которыхъ контуры клѣтокъ нѣсколько рѣзче выражены, а протоплазма такъ измѣнена, какъ при петехіальномъ тифѣ. Въ такихъ мѣстахъ часто попадались двухъядерныя клѣтки, но клѣтокъ съ большимъ числомъ ядеръ намъ не приходилось наблюдать.

Измѣненія свойственныя брюшному тифу, какъ въ кишечномъ каналѣ такъ и въ паренхиматозныхъ органахъ, указываютъ на высокую степень развитія тифознаго процесса въ данномъ случаѣ. Такъ въ нижней части подвздошной кишки и въ слѣпой находятся многочисленныя язвы различной величины, доходящія до мышечнаго слоя. Слизистая оболочка желудка и толстыхъ кишекъ представляютъ явленія остраго катарра. Паренхиматозное воспаленіе печени, почекъ и мускулатуры сердца также сильно развиты. Кромѣ этого въ заднемъ край лѣваго легкаго гипостаза и отекъ въ нижней доли. Степень паренхиматознаго воспаленія поджелудочной железы въ данномъ случаѣ указываетъ на глубокое разстройство этаго органа, такъ какъ большая часть

железистыхъ элементовъ ея близки въ полному разрушенію и превращенію въ свободную эмульсивную массу.

Такою высокою степенью тифознаго процесса въ кишкахъ и паренхиматознаго воспаленія поджелудочной железы, мы наблюдали кромѣ этаго случая еще шесть разъ. Въ остальныхъ пяти случаяхъ брюшнаго тифа, поражение кишечнаго канала было развито въ гораздо меньшей степени, такъ что дѣло доходило только до значительной припухлости солитарныхъ железъ и неберовыхъ бляшекъ и до образования струпеивъ. Измѣненія всѣхъ остальныхъ органовъ представляли также меньшую степень развитія. Процессъ паренхиматознаго воспаленія поджелудочной железы, хотя и занималъ всю ткань железы, однако только самая малая пространства ея были такъ сильно поражены, какъ въ первыхъ семи случаяхъ, большая же часть паренхимы представляла измѣненія аналогичныя съ тѣми, которыя встрѣчались при петехиальномъ тифѣ, развѣ только немного болѣе развитыя.

Такимъ образомъ паренхиматозное воспаленіе и при брюшномъ тифѣ поражаетъ также сплошь всю ткань поджелудочной железы, но оно здѣсь достигаетъ гораздо болѣе степени развитія тѣмъ при сыпномъ тифѣ и всѣхъ вышеразобранныхъ болѣзняхъ. Здѣсь уже преобладаетъ наклонность къ разрушенію элементовъ железы, однако даже въ самые позднѣйшіе періоды сильно развитыхъ формъ брюшнаго тифа, большая часть паренхимы еще не разрушается, и, слѣдовательно, восстановление къ нормѣ остается еще вполне возможнымъ въ случаяхъ благопріятнаго исхода общей болѣзни.

IV. ПОСЛѢРОДОВАЯ ГОРЯЧКА.

При послѣродовой горячкѣ мы изслѣдовали поджелудочную железу изъ семи труповъ больныхъ, умершихъ вслѣдствіе различныхъ пuerперальныхъ процессовъ женскаго полового аппарата.

Считаемъ вполне достаточнымъ анализировать подробно одинъ случай.

Жена бомбандира, Авдотья Ефремова, отъ роду 32 лѣтъ, поступила въ клинику 27 декабря 1871 года, умерла 28 января 1872. Протоколъ вскрытія № 40, 29 января.

Pia рыхла, инъецирована, легко разрывается; ткань мозга пастозна, мягка и отечна, сосуды мозга безъ измѣненія. Сердце увеличено въ по-

перечномъ размѣрѣ, по бороздамъ много жира. Правый желудочекъ увеличенъ, стѣнки утончены, мускулатура дрябла, endocardium безъ измѣненій. Лѣвый желудочекъ слегка увеличенъ, стѣнки утончены, мускулатура дрябла и окрашена. Правое легкое свободно, верхняя доля проходима, ткань пигментирована, нижняя доля проходима; среднія доли проходимы, при заднемъ краѣ гиперемированы. Лѣвое легкое въ верхнихъ доляхъ срощено ложными перепонками, ткань проходима. Печень значительно увеличена въ объемѣ, капсула напряжена, ткань въ разрѣзѣ рыхла, сѣраго цвѣта, дольки увеличены, ткань малокровна. Правая почка увеличена, поверхность разрѣза малокровна, ткань дрябла, сѣраго цвѣта, картимальный слой утолщенъ, пирамиды гиперемированы, капсула отдѣляется легко; на поверхности замѣчаются рубцовыя углубленія. Въ лѣвой почкѣ тѣже измѣненія что въ правой. Селезенка увеличена въ объемѣ, капсула напряжена, малокровна, мягка, на поверхности разрѣза замѣчаются бѣловатыя пятна, разсѣянныя, неправильнаго очертанія величиной до 3 линій. Матка увеличена въ объемѣ до размѣровъ большого кулака, слизистая оболочка влагалища аспиднаго цвѣта, полость матки растянута. На внутренней поверхности на задней стѣнѣ и на двѣ замѣчаются клочковатыя массы сѣроаспиднаго цвѣта, рыхлыя. На поверхности шейки матки, особенно близъ наружнаго отверстія, поверхность изъязвлена, на задней губѣ опухоль, сидящая на ножкѣ, величиной въ горошину; на передней губѣ такая же опухоль, сидящая на широкомъ основаніи. Клѣтчатка широкихъ связокъ безъ измѣненій. Слизистая оболочка фаллопиевыхъ трубъ рыхла, утолщена. Правый яичникъ увеличенъ въ объемѣ, ткань рыхла, отечна, легко разрывается, темноаспиднаго цвѣта. Подъ этимъ яичникомъ флегмонозное воспаленіе клѣтчатки, распространяющееся подъ серознымъ слоемъ на заднюю поверхность матки, гдѣ она представляется въ видѣ возвышеній, на разрѣзѣ которыхъ подъ серознымъ покровомъ находится полость выполненная клочками омертвѣвшей ткани. Сосуды peritoneum сильно налиты кровью. Слизистая оболочка тонкихъ кишекъ утолщена, разрыхлена, инъецирована и мѣстами содержитъ капиллярные экстравазаты. Въ нижней части Pei пейеровыя бляшки увеличены въ объемѣ и представляются рѣшетчатыми отъ лопанья отдѣльныхъ солитарныхъ железъ. Слизистая оболочка толстыхъ кишекъ также налита кровью и содержитъ экстравазаты. Кожа въ области правой ягодицы представляется припухшею, при разрѣзѣ подкожная клѣтчатка представляется пронизанною и хорозною жидкостью съ клочками омертвѣвшей клѣтчатки. Въ окружности этого пораженія, клѣтчатка отечна и пропитана серозною жидкостью.

Поджелудочная железа значительно больше увеличена въ объемѣ, чѣмъ при всѣхъ болѣзняхъ, подлежавшихъ нашему изслѣдованію, на ощупь чрезвычайно мягка, тѣстообразна, брюшинный покровъ ея безцвѣтный, гладкій, лоснящійся. Железа во всѣхъ частяхъ однообразно блѣдносѣраго,

глинистаго цвѣта съ легкимъ желтоватымъ оттѣнкомъ. Ткань ея на разрѣзѣ такого же цвѣта, анемична, мягка, пастозна, чрезвычайно легко соскабливается. Дольчатость какъ на свободной поверхности железы, такъ и на разрѣзѣ совершенно незамѣтна.

Капля кашицы, соскобленной съ поверхности разрѣза железы, состоитъ подъ микроскопомъ изъ однообразной мелкозернистой полупрозрачной массы, съ разбросанными въ большемъ количествѣ рѣзкоконтурированными, блестящими крупинками жира слабо желтаго цвѣта, и изрѣдка попадающимися слабоконтурированными шарообразными клѣтками, содержимое которыхъ пылевидно, малопрозрачно, съ небольшимъ количествомъ рѣзкоокаймленныхъ блестящихъ прозрачныхъ крупинокъ; мѣстами попадаются обломки железистыхъ клѣтокъ такого же свойства. Отъ прибавленія капли уксусной кислоты, содержимое клѣтокъ слегка просвѣтляется, блестящія крупинки сливаются въ болѣе крупныя капельки, однако контуры клѣтокъ отъ этаго нисколько не становятся рѣзче; дѣйствіе уксусной кислоты на свободную пылевидную массу, такое же какъ на содержимое клѣтокъ. Тончайшіе отрѣзки уплотненной железы еще болѣе мутны и непрозрачны, чѣмъ при абдоминальномъ тифѣ. При разсматриваніи ихъ подъ микроскопомъ преобладаетъ однообразная пылевидная масса, малопрозрачная, съ перваго взгляда производящая такое впечатлѣніе, какъ будто все поле микроскопа затянута густою кисеей. При болѣе подробномъ разсматриваніи оказывается, что въ большей части отрѣзка невозможно отличить не только границъ отдѣльныхъ клѣтокъ, но даже отдѣльныхъ долекъ и слѣдовъ ихъ *membranae propriae*, такъ что пространство соответствующее мѣсту трехъ или четырехъ долекъ, представляетъ вышеописанную пылевидную массу полного распада элементовъ, жирныя крупинки которой разбросаны въ безпорядкѣ и не образуютъ кучекъ напоминающихъ своимъ видомъ и расположеніемъ отдѣльныя железистыя клѣтки, какъ это мы видѣли въ такой же эмульсивной массѣ при всѣхъ случаяхъ брюшнаго тифа.

Очень рѣдко и притомъ въ безпорядкѣ попадались цѣлыя дольки, клѣтки которыхъ еще не разрушены и находятся въ разныхъ степеняхъ паренхиматознаго воспаленія.

Въ очень немногихъ изъ нихъ съ большимъ трудомъ еще удалось различить одно или рѣже два ядра, большаго-же числа ядеръ не попадалось ни въ одной клѣткѣ.

Промежуточная соединительная ткань была инфильтрована юными лимфоидными элементами еще въ гораздо большей степени, чѣмъ при брюшномъ тифѣ, однако инфильтрація представлялась здѣсь диффузною, узловатою-же, какъ и при брюшномъ тифѣ, здѣсь не встрѣчалось.

Эпителій, выводящихъ протоковъ железы какъ большихъ, такъ и малыхъ, представлялъ измѣненія аналогичныя съ измѣненіями элементовъ паренхимы железы. Просвѣтъ большей части протоковъ былъ наполненъ только одною эмульсивною полупрозрачною массою, состоящею изъ мельчайшихъ и болѣе крупныхъ бѣловыхъ и жирныхъ крупинокъ безъ всякаго слѣда эпителиальныхъ клѣтокъ. Только изрѣдка попадались протоки, эпителий которыхъ еще не былъ разрушенъ, но клѣтки по большей части были шарообразны, значительно помутѣны, изобиловали крупинками и капельками жира.

Измѣненія внутреннихъ половыхъ органовъ въ этомъ случаѣ относятся къ разрушительнымъ процессамъ послѣродоваго періода. Такъ слизистая оболочка матки находится въ высокой степени дифтерита съ распающимися язвами и струпьями; слизистая оболочка влагалища и фаллопиевыхъ трубъ представляетъ явленія остраго катарра. Подсерозная клѣтчатка на задней поверхности матки инфильтрована гноевидною жидкостью, причемъ въ послѣдней попадаются даже клочки омертвѣлой соединительной ткани. Состояніе праваго яичника указываетъ на сильное паренхиматозное его воспаление. — Остальные органы представляютъ измѣненія свойственныя острой инфекціонной болѣзни, какъ-то паренхиматозное воспаление печени, почекъ и мускулатуры сердца, большую припухлость селезенки, также гиперемію легкихъ и мозга и острый желудочно-кишечный катарръ. Навонецъ, омертвѣніе подкожной клѣтчатки въ области правой ягодицы, имѣющее видъ пролежня, также показываетъ, что въ данномъ случаѣ всѣ процессы имѣли разрушительный характеръ.

Поджелудочная железа какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ остальныхъ шести случаяхъ, представляла всегда однообразную картину распаденія большей части элементовъ ея въ свободную эмульсивную массу, причемъ это измѣненіе

представлялось всегда равномерно разлитым по всей ткани железы. Во всех этих шести случаях послеродовое заболевание выражалось то дифтеритическим заболеванием внутренней поверхности матки и фаллопиевых труб, то появлением абсцессов в мускульном ее слое, то флегмонозным воспалением клетчатки широких связок и подсерозного слоя матки, то наконец гнойным воспалением брюшного покрова матки, резко ограниченным или переходящим на всю брюшину. В остальных органах кроме явлений гиперемии и паренхиматозного воспаления ничего особенного не наблюдалось.

V. ДИФТЕРИТЪ.

Мы исследовали поджелудочную железу из трех трупов больных, умерших вследствие дифтеритического поражения разных органов.

Дочь бывшего помощника Тифлисского контролера, Людмила Зейдлицъ, отъ роду 1 годъ и 8 мѣсяцевъ, поступила 5 января, умерла 12 января 1872 г. Протоколъ вскрытія № 22.

На ребрахъ, на мѣстѣ соединенія костей съ хрящами, замѣчаются рахитическія измѣненія въ незначительной степени. Кости свода черепа тонки, дірловъ темянныхъ костей очень плохо развита, передній родничекъ представляется перепончатымъ въ передне-заднемъ діаметрѣ на полтора дюйма. Sutura coronalis двухъ дюймовъ. Dura плотно соединена съ внутренней поверхностью костей во многихъ точкахъ, преимущественно съ переднимъ концомъ темянныхъ костей. Pia сильно гиперемична, рыхла, при отдѣленіи легко разрывается. Боковые желудочки растянуты и содержатъ небольшое количество жидкости. Сосуды подъ ерндума сильно налиты кровью и на поверхности разрѣза выступаютъ значительныя капли крови. Ткань мозга мягка, plexus choroideus очень блѣденъ. Ерндума плотна и блѣдна, ткань продолговатаго мозга и Варолиева моста также плотна, ткань мозжечка малокровна. Сердце:—Pericardium мутна и непрозрачна, лѣвый желудочекъ уменьшенъ, стѣнки утолщены, endocardium мутна, chorda tendinea укорочена и утолщена. Полость праваго желудочка растянута, стѣнка истончена, endocardium мутна, клапаны недостаточны. Правое легкое свободно, лѣвое тоже. Передній край праваго легкаго безкровень, блѣденъ, задній же край значительно переполненъ кровью и содержитъ при поверхности задняго края свѣжіе темнокрасныя инфаркты величиной въ горошину; ткань вездѣ проходима. Ткань лѣваго легкаго вездѣ проходима и представляетъ довольно значительныя пузырьки интерстиціальной эмфиземы. Селезенка увеличена въ объемѣ, капсула напряжена, ткань плотна, представляетъ обильное развитие трабекулъ и на по-

верхности разреза представляет разсыпанные блѣдно-сѣрые миллиарные узелки. Печень увеличена въ объемѣ, края закруглены. На поверхности при переднемъ краѣ и подъ краемъ на нижней поверхности просвѣчиваютъ бѣлыя плотныя опухоли, изъ которыхъ одна величиной въ горошину, а другая нѣсколько меньше. Ткань печени плотна и совершенно безкровна, граница долекъ очень слабо выражена. При разрезѣ вышеозначенной опухоли она представляетъ твердо-волокнистую капсулу и довольно мягкое творожистое, содержимое въ центрѣ. Другая меньшая опухоль вся состоитъ изъ плотной бѣлой ткани, не рѣзко отличной отъ паренхимы печени и въ центрѣ творожистыхъ массъ нѣтъ. Капсула почекъ легко отдѣляется, кортикальный слой блѣденъ, рыхла, *Column. Vert.* утолщены, пирамиды умеренно налиты кровью. Мезентеріальныя железы значительно увеличены въ объемѣ, сочны, блѣдны и довольно мягки. Въ нижней части *Pei* пейеровы бляшки утолщены, рыхлы, фолликулярныя мѣшечки большей частью лопнули, вслѣдствіе чего видъ ихъ рѣшетчатый. Солитарныя железы увеличены въ объемѣ и также много лопнувшихъ, равно какъ и пейеровы бляшки. Слизистая оболочка по всему протяженію кишечнаго канала утолщена, мѣстами разсыпаны капиллярныя экстравазаты. Мезентеріальныя железы, соответствующія верхней части *Jejuni* также увеличены въ объемѣ и клѣтчатка ихъ одѣвающая утолщена, плотна. Многія железы, заключающіяся въ этой плотной соединительной ткани, потерпѣли творожистую метаморфозу и размягчены, такъ что въ утолщенной брыжейкѣ находится полость язвенная величиной въ миндальный орѣхъ, стѣнка которая также творожиста, измѣнена и легко разрывается. Въ окружности этой творожистой язвенной полости на *Peritonaeum* брыжейки и на *Peritonaeum* прилежащей петли тонкихъ кишекъ, разсыпаны многочисленныя сѣрые узелки, преимущественно по направленію сосудовъ. Слизистая оболочка толстыхъ кишекъ въ высшей степени разрыхлена; *Colon descendens* покрытъ тонкимъ дифтеритическимъ налетомъ. Слизистая оболочка прямой кишки представляетъ небольшое развитіе дифтерита съ поверхностными обширными изъязвленіями.

Поджелудочная железа почти нормальной величины и плотности, развѣ только слегка увеличена въ объемѣ и нѣсколько мягче, однако на поверхности ея мѣстами попадаются небольшія пространства, величиной отъ горошины до лѣснаго орѣха, которыя подъ пальцемъ даютъ впечатлѣніе мягкой пульпозной ткани, значительно потерявшей свою упругость, такъ что послѣ вдавленія пальца остается надолго неглубокая впадина, не исчезающая сама собою, а только сглаживающаяся послѣ давленія на окружающую ткань железы. Брюшинный покровъ железы гладкій съ обыкновеннымъ лоскомъ, безцвѣтенъ; сквозь него отчетливо просвѣчиваютъ большіе кровеносные сосуды, переполненные темно-красною жид-

кою кровью, а также отдѣльныя большія и малыя дольки, окрашенныя въ розовый или блѣдножелтый цвѣтъ и часто попадающіяся мягкія бляшки грязножелтаго глинистаго цвѣта. Розовыя и желтыя дольки пронизаны густою сѣтью мелкихъ сосудовъ, имѣющихъ видъ мелчайшихъ темнокрасныхъ полосокъ, рѣзко очерченныхъ почти во всѣхъ долькахъ, исключая грязножелтыхъ бляшекъ, въ которыхъ подобной сѣти не замѣчается, а попадаютъ только отдѣльныя, большею частью на периферіи расположенныя, крупныя сосудистыя вѣточки, растанутыя темнокрасною кровью. Ткань железы удоборазрѣзываема; на поверхности разрѣза выплываются розовыя и блѣдножелтыя дольки, въ видѣ округленныхъ пупырышковъ, значительно возвышающихся надъ ровною поверхностью грязножелтыхъ бляшекъ. Гиперемія сосудовъ также сильно выражена какъ на поверхности разрѣзовъ такъ и на свободной поверхности.

Съ поверхности бляшекъ соскабливается легко глинистая темная кашица, съ малыми капельками крови; съ остальныхъ мѣстъ разрѣза соскабливается довольно трудно малое количество блѣдножелтой густой кашицы, съ примѣсю большаго числа кровяныхъ полосокъ и точекъ.

Глинистая масса бляшекъ подъ микроскопомъ даетъ точно такую же картину, какую мы наблюдали всегда при послѣродовой горячкѣ; блѣдножелтая же масса, соскабливаемая съ плотныхъ мѣстъ разрѣза, состоитъ подъ микроскопомъ изъ массы железистыхъ вѣтчекъ, большая часть которыхъ не представляетъ никакихъ отклоненій отъ нормы и только меньшинство ихъ представляетъ двоякаго рода измѣненія: однѣ какъ при сыпномъ, другія же какъ при брюшномъ тифѣ.

Микроскопическое изслѣдованіе отрѣзковъ уплотненной железы открываетъ во всѣхъ мѣстахъ рапсегас очень пеструю картину въ одномъ и томъ-же отрѣзкѣ. Мѣстами попадаютъ отдѣльныя группы долекъ, въ которыхъ железистые элементы приближаются почти къ нормальному состоянію, рядомъ съ ними лежатъ другія группы долекъ, въ которыхъ вѣтки потеряли обыкновенную свою полигональную форму, углы ихъ округлились, вслѣдствіе чего онѣ приняла сферическій видъ; протоплазма большей части въ такихъ вѣткахъ мелкозерниста и совершенно закрываетъ ядро, въ другихъ же содержимое крупнозернисто, а ядра такъ

же видны. Однако какъ тѣ такъ и другія клѣтки сохранили свои контуры, такъ что границы клѣтокъ легко различаемы. Наконецъ, встрѣчаются группы долекъ, отстоящія одна отъ другой гораздо дальше, чѣмъ предыдущія, въ которыхъ уже незамѣтно и слѣдовъ клѣтокъ, а все пространство выполнено однообразнымъ мелкозернистымъ распадомъ съ большимъ количествомъ рѣзкоконтурныхъ жировыхъ крупинокъ.

При болѣе точномъ изслѣдованіи большого ряда микроскопическихъ препаратовъ пораженной такимъ образомъ железы, въ степени пораженія ткани ея, замѣчается особенная постепенность, выражающаяся въ томъ, что пространства полного распада элементовъ окружены поясомъ долекъ, состоящихъ изъ крупно и мелко-зернистыхъ клѣтокъ, сохранившихъ свои контуры; этотъ поясъ въ свою очередь окруженъ поясомъ совершенно нормальныхъ долекъ. Между этими двумя поясами можно различать еще не рѣзко разграниченную полосу слегка помутненныхъ клѣтокъ, ядра которыхъ, хотя слабо, однако еще замѣтны. Въ большей части клѣтокъ находится по одному ядру и только въ очень немногихъ по два. Дѣйствіе вѣрниковъ уксусной кислоты и эфира окончательно подтверждаетъ только что описанный характеръ измѣненій элементовъ железы.

Пораженіе междольчатой соединительной ткани идетъ рука объ руку съ измѣненіями паренхимы железы такимъ образомъ, что вокругъ долекъ железистыя клѣтки которыхъ представляютъ полный распадъ, соединительная ткань очень густо инфильтрирована молодыми лимфоидными элементами; соотвѣтственно-же поясу помутнѣвшихъ клѣтокъ, клѣточная инфильтрація гораздо слабѣе развита и наконецъ, въ поясѣ нормальныхъ долекъ соединительная ткань совершенно нормальна, безъ всякихъ слѣдовъ инфильтраціи лимфоидными элементами.

Мелкіе и крупныя выводныя протоки железы по большей части были высланы совершенно нормальнымъ эпителиемъ, однако встрѣчались и такіе протоки, эпителий которыхъ былъ значительно помутненъ, ядра клѣтокъ замаскированы мутной протоплазмой, содержащей въ изобиліи капельки жира. Попадалось очень немногое и притомъ всегда самыхъ мельчайшихъ протоковъ, въ которыхъ эпителий былъ совершенно разрушенъ, а просвѣтъ ихъ запруженъ мелкозернистою полупрозрачною массою и мельчайшими жирными капельками безъ всякаго слѣда эпителиальныхъ клѣтокъ.

Остальные органы въ данномъ случаѣ представляютъ измѣненія свойственныя тремъ болѣзненнымъ процессамъ.

Дифтеритическій процессъ выражается въ видѣ обширныхъ изъязвленій на слизистой оболочкѣ прямой кишки и въ видѣ тонкаго налега въ нисходящей части и S—образномъ искривленіи толстой кишки; остальная часть желудочнокишечнаго канала представляетъ явленія хроническаго обостренаго катарра слизистой оболочки. Острое паренхиматозное воспаленіе печени, почекъ и мускулатуры сердца, инфильтрація мезентеріальныхъ железъ и инфаркты легкихъ — несомнѣнно представляютъ непосредственное послѣдствіе дифтерита кишекъ. Измѣненія на ребрахъ и косыхъ свода черепа указываютъ на рахитическій процессъ, развитый въ очень слабой степени. — Измѣненія же селезенки въ видѣ плотной опухоли съ разбросанными въ ея ткани сѣрыми милліарными узелками, нахождение въ мезентеріальныхъ железахъ каверны, вокругъ которой въ брюшинномъ покровѣ брыжейки и прилежащей пегли кишки разсыяны многочисленные сѣрые узелки, а также творожистый мегоморфозъ многихъ мезентеріальныхъ железъ, — принадлежать на долю туберкулезнаго процесса.

Остальные два случая, изъ которыхъ въ одномъ было дифтеритическое пораженіе миндалевидныхъ железъ, а въ другомъ такое же пораженіе нижней части толстой кишки, не представляли никакихъ осложненій, кромѣ свойственнаго дифтеритическому процессу паренхиматознаго воспаленія железистыхъ органовъ.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ поджелудочная железа представляла ту же картину пораженія, вслѣдствіе чего мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать заключеніе, что паренхиматозное воспаленіе поражаетъ ткань поджелудочной железы при дифтеритѣ разныхъ органовъ не сплошь, какъ при другихъ острыхъ или, инфекціонныхъ болѣзняхъ, а въ видѣ разсыянныхъ гнѣздъ въ центрѣ которыхъ элементы паренхимы разрушаются и превращаются въ эмульсивную массу, на перифиріи же претерпѣваютъ всѣ переходныя степени паренхиматознаго воспаленія.

Острыя и хроническія болѣзни не инфекціоннаго характера.

Параллельно съ изслѣдованіемъ поджелудочной железы при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, мы изслѣдовали ее также и при другихъ острыхъ и хроническихъ болѣзняхъ единственно только съ цѣлью убѣдиться въ разницѣ ея пораженія при заразительныхъ и незаразительныхъ болѣзняхъ, почему и ограничились только изслѣдованіемъ ея при трехъ случаяхъ хроническаго воспаления легкихъ, двухъ—хроническаго туберкулоза, двухъ—*Polyarthritidis chronica*, двухъ—остраго туберкулоза и одномъ—*Pleuritis purulenta*.

Въ литературѣ уже давно встрѣчаются различныя указанія на то, что поджелудочная железа подвергается измѣненіямъ во многихъ болѣзняхъ неинфекціоннаго характера, однако это были однѣ только предположенія, потому что основывались не на патолого-анатомическомъ изслѣдованіи, а только на прижизненныхъ симптомахъ, которые имѣли невѣрную основу въ неправильномъ пониманіи физиологическихъ отправленій поджелудочной железы.

Въ прежнія времена поджелудочной железнѣ придавали чрезъ чуръ большое значеніе, приписывая ей заболѣванію причину происхожденія многихъ болѣзней.

Такъ Fernelius ⁽¹⁾ смотрѣлъ на лихорадку, меланхолію и гипохондрию, какъ на выраженіе заболѣванія *rancreas*.

Шенкъ ⁽²⁾ развилъ этотъ взглядъ еще въ большихъ размѣрахъ, описывая множество самородныхъ болѣзней, которыя по его мнѣнію развивались вслѣдствіе первоначальнаго заболѣванія поджелудочной железы. Только послѣ того, какъ Virsung, прозекторъ Феслинга въ Падуѣ, открылъ въ 1642 году выводной протокъ поджелудочной железы, взглядъ на ее физиологическія отправленія, а потомъ и на ее патологию значительно измѣнился, такъ какъ на нее стали смотрѣть какъ на железу, предназначенную для отдѣленія въ кишечный каналъ пищеварительнаго сока.

Воѣ Sylvius ⁽³⁾ и въ особенности его ученики Graaf, Swalwe и Schawl, развили ученіе состоящее въ томъ, что,

⁽¹⁾ Fernelius. De naturali parte Medicinae lib. VII. Paris. 1542.

⁽²⁾ Schenkus a Graefenberg. Observationes medic. Tomus unus. Francf. 1600. pg. 742.

⁽³⁾ Sylvius. Praxeos medicae idea nova. 1667—1674.

чрезъ смѣшеніе кислаго сока поджелудочной железы съ щелочною желчью, въ кишечномъ каналѣ происходитъ особеннаго рода броженіе, которое и служитъ главной причиною пищеваренія; разстройство же этаго процесса, по ихъ мнѣнію, ведетъ къ различнымъ болѣзнямъ, а задержаніе сока поджелудочной железы въ ея выводномъ протокѣ (*retentio excrementis*) ведетъ къ сильному ея опуханію, чрезъ что она давитъ на близлежащія органы: печень, селезенку и пр. Это ученіе было извѣстно подъ названіемъ *Triumviratus Sylvii* и господствовало въ медицинѣ около 150 лѣтъ.

Такое долгое господство подобнаго ошибочнаго взгляда дѣлается понятнымъ, если принять въ соображеніе, что заключенія въ то время дѣлали большею частью не по результатамъ патолого-анатомическихъ вскрытій, а по однимъ только прижизненнымъ признакамъ, между тѣмъ какъ ни одно изъ отправленій поджелудочной железы не свойственно исключительно ей одной, но и другія придаточныя железы кишечнаго канала имѣютъ въ различной степени тѣже самыя свойства, чрезъ что функціональное ея разстройство, дало-бы весьма мало симптомовъ по которымъ съ достовѣрностью можно бы было заключить о ея страданіи, такъ какъ вслѣдствіе превращенія или измѣненія отправленія *Pancreas*, не являюся какія нибудь особенныя характеристическія признаки, свойственные только ей одной.

Если же функціональное разстройство поджелудочной железы даетъ намъ весьма мало данныхъ при діагнозѣ ея болѣзней, то и результаты объективнаго изслѣдованія на больныхъ, въ большинствѣ случаевъ также отрицательны, такъ какъ положеніе *pancreas* такое глубокое, что иногда даже самыя значительныя увеличенія ея въ объемъ ускользаютъ отъ нашего вниманія и остаются неузнанными при жизни.

Все это было причиною того, что даже въ 18-мъ столѣтіи и даже въ патолого-анатомическихъ работахъ, какъ: *Büchner'a* ⁽¹⁾, *Barfoth* ⁽²⁾ и др., высказываются однѣ только теоретическія соображенія, по которымъ можно только заключить о возможности заболѣванія поджелудочной железы.

⁽¹⁾ *Büchner*. De domnis ex male affecto pancreate in sanitatem reditantibus. 1759.

⁽²⁾ *Barfoth*. Dissertatio morborum pancreatis affectionibus. 1779.

Болѣе вѣрный взглядъ на предметъ мы встрѣчаемъ впервые только у Harless'a (1), Bécourt'a (2) Mondier'a (3), которые уже описываютъ воспаленіе промежуточной соединительной ткани поджелудочной железы съ исходомъ въ нагноеніе, которое то бываетъ гнѣздное, то является въ видѣ большихъ абсцессовъ. У нихъ-же находимъ мы описаніе камней выводныхъ протоковъ, равно какъ и вліяніе давленія сосѣднихъ органовъ на pancreas, вслѣдствіе чего развивается атрофія железы или жировой метаморфозъ ея паренхимы.

Въ послѣдствіи уже Claessen (4), критически разобравъ въ своей обстоятельной и обширной монографіи всѣ извѣстные до него случаи заболѣванія поджелудочной железы, показала, что большая часть изъ нихъ вовсе не были болѣзнями pancreas, а болѣзнями желудка, кишечнаго канала или даже болѣе отдаленныхъ отъ нея органовъ. Однако-же въ послѣднее время мы находимъ рядъ неподлежащихъ сомнѣнію наблюденій, гдѣ поджелудочная железа или принимала участіе въ заболѣваніи вслѣдствіе перехода болѣзненныхъ процессовъ съ сосѣднихъ органовъ или участвовала въ заболѣваніи наравнѣ съ другими органами. Случаи эти однако-жъ весьма рѣдки, такъ что Bamberger говоритъ, что изъ ста труповъ ему едва приходилось видѣть только въ одномъ заболѣваніе поджелудочной железы и тогда оно было случайное при жизни неузнаваемое явленіе и никогда не было причиной смерти.

Lobstein (5) наблюдалъ атрофію поджелудочной железы въ старческомъ возрастѣ, при марастическихъ болѣзняхъ, идіотизмѣ, параличѣ и другихъ болѣзняхъ. Въ этихъ случаяхъ железа имѣла меньшій объемъ и была тверже обыкновеннаго.

Munk и Klebs (6) описываютъ случаи, гдѣ при Diabetes Mellitus pancreas была до того атрофирована, что на мѣстѣ ея оставалась только соединительная ткань съ сосудами.

(1) Harless. Ueber die Krankheiten des Pancreas in den Abhandlungen der physicalischen medicinischer Societät zu Erlangen 2B d. St. 135—213.

(2) Bécourt. Recherches sur le pancreas, ses fonctions et ses alterations organiques. Strassbourg. 1830.

(3) Mondiere. Archive. générale de médecine. Juillet 1836.

(4) Die Krankheiten der Bauchspeicheldrüse. Köln. 1842.

(5) Klebs S. 537.

(6) l. c. S. 536.

Вотъ все что извѣстно до настоящаго времени относительно измѣненія поджелудочной железы при незаразительныхъ болѣзняхъ. Въ изслѣдованныхъ нами трехъ случаяхъ хроническаго воспаленія легкихъ, двухъ случаяхъ Polyarthritiс chronicа и одномъ случаѣ хроническаго туберкулоза, мы находили незначительную атрофію железы. Она была меньше обыкновеннаго и апемична, за то гораздо тверже нормальнаго. Эпителіальныя влѣтки паренхимы железы были значительно меньше нормальныхъ, однако протоплазма ихъ была прозрачна и ядра ясно выражены.

Во всѣхъ случаяхъ острыхъ незаразительныхъ болѣзней, поджелудочная железа макроскопически представляла явленія незначительной гипереміи и слабого отека промежуточной соединительной ткани. Консистенція железы была совершенно нормальна и дольчатость какъ на поверхности такъ и на разрѣзѣ ясно выражена; цвѣтъ розоватый безъ всякаго оттѣнка въ желтый; поверхность разрѣза всегда гладкая безъ замѣтнаго выпячиванія отдѣльныхъ долекъ.

Съ поверхности разрѣза довольно трудно соскабливалось незначительное количество розовой кашицы, которая подъ микроскопомъ состояла изъ большаго количества железистыхъ влѣтокъ съ ясными контурами и рѣзко очерченными краями и углами, содержимое ихъ большею частью слегка мутноватое, часто съ нѣсколькими большими и малыми каплями жира, однако во всякой влѣткѣ ядро относительно ясно контуровано. Отъ прибавленія уксусной кислоты мутность исчезала и ядро еще рѣзче выражалось.

Разрѣзы уплотненной железы, изслѣдованные подъ микроскопомъ показываютъ, что всѣ дольки окружены ясно замѣтной собственной оболочкой и выстланы слегка мутноватыми влѣтками, рѣзкоразграниченными одна отъ другой, съ довольно замѣтными ядрами, причемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ попадаются большія и малыя жировыя капельки. Послѣ дѣйствія крепкой уксусной кислоты влѣтки просвѣтляются, ядра ихъ получаютъ болѣе рѣзкіе контуры и капельки жира сливаются въ болѣе крупныя капли. Если же препаратъ обработанный уксусной кислотой подвергать дѣйствію алкоголя и затѣмъ эфира, то капли жира исчезаютъ, влѣтки становятся совершенно прозрачными рѣзко контурованы и ядра ихъ еще рѣзче выражаются.

Соединительная междольчатая ткань не представляла никаких видимых изменений, даже в случае острого туберкулоза, где миллиарные узелки в громадном количестве находились почти во всех органах, преимущественно же на слизистой оболочке кишечного канала, в мезентериальных железах и на peritoneum. Серозный покров поджелудочной железы также был усчан ими, но при микроскопическом исследовании не видно было узелков ни в промежуточной соединительной ткани, ни в альвеолах; панкреатическая же клетка была слегка мутна и содержала очень немного жировых капель.

Такое изменение поджелудочной железы при остром туберкулезе наблюдали и другие авторы, но взгляд их на этот процесс был различный. Так Клебс⁽¹⁾ смотрит на это изменение как на зернистое (паренхиматозное) перерождение, а Ancelet⁽²⁾ как на первый период образования туберкулов.

Из всех известных литературных случаев видно, что ткань поджелудочной железы весьма мало расположена к туберкулезным заболеваниям, так что многие авторы вовсе не упоминают о рапсгее при туберкулах, другие же, как Cruveillier⁽³⁾, говорят только о перерождении лимфатических сосудов на поверхности железы. Lebert и Claessen уверяют, что туберкулы весьма редко отлагаются в рапсгее; Агап⁽⁴⁾ же описывает каверну величиной в куриное яйцо в хвосте поджелудочной железы.

В исследованных нами двух случаях, как мы сказали выше, не было отложения туберкулов в ткани поджелудочной железы.

Таким образом при острых незаразных болезнях поджелудочная железа представляет макроскопически только явления незначительной гиперемии и слабого отека, гистологически же — слабо-выраженное помутнение элементов паренхимы без всяких следов пролиферации клеток и без изменения междольчатой соединительной ткани; при хронических же, особенно марастических болезнях, является

(1) Klebs S. 562. 1870.

(2) Ancelet. Etudes sur les maladies des Pancreus. 1864.

(3) Cruveillier. Tr. d'an. pat. 849.

(4) Arch. génér. de méd. 1846.

атрофія поджелудочной железы, которая выражается анеміей, какъ всей железы, такъ и отдѣльныхъ элементовъ ея паренхимы. Слѣдовательно паренхиматозное воспаленіе поджелудочной железы соединенное съ активнымъ участіемъ ея основы, является исключительно только при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ и не наблюдалось еще никогда при острыхъ незаразительныхъ болѣзняхъ.

Сифилисъ.

Исслѣдованія поджелудочной железы при конституціональномъ сифилисѣ, хотя не входили въ программу исслѣдованій по занимавшему насъ спеціальному вопросу, однако произведены были нами съ цѣлью сравненія измѣненій pancreas при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ и при конституціональномъ сифилисѣ. Что сифилисъ поражаетъ внутренніе органы—это фактъ, давно уже констатированный въ медицинѣ. Относительно же времени пораженія ихъ прежде держались того убѣжденія, что только при сильномъ развитіи сифилическихъ припадковъ, а именно при третичныхъ явленіяхъ, начинаютъ появляться измѣненія во внутреннихъ органахъ (Ricord).

Вирховъ ⁽¹⁾ опредѣлилъ сущность пораженія органовъ при сифилисѣ, говоря, что зараженіе прежде всего распространяется на лимфатическіе сосуды, затѣмъ на наружныя части и наконецъ на внутренніе органы.

Однако—жрядъ патолого-анатомическихъ и клиническихъ исслѣдованій и наблюденій Lanceraux ⁽²⁾, Beer'a ⁽³⁾, Руднева и др. произведенныхъ въ послѣднее время, отчасти опровергли мнѣнія Рикора и Вирхова, доказавъ, что паренхиматозные органы при сифилисѣ поражаются относительно очень рано, одновременно съ кожными высыпаниями, при которыхъ иногда даже являются лихорадочныя движенія, icterus и расстройство желудочно-кишечнаго канала и эти симптомы несомнѣнно служатъ выраженіемъ пораженія внутреннихъ органовъ.

⁽¹⁾ Virchow's. Archiv. Bd. XV. Ученіе объ опухоляхъ. Т. II. Ст. П. 1868.

⁽²⁾ E. Lanceraux. Traité historique et pratique de la syphilis. Paris. 1866.

⁽³⁾ Beer. Die Eingeweidesyphilis. Tübingen. 1867.

Въ настоящее время стали также обращать вниманіе и на измѣненія гроздовидныхъ железъ при сифилисѣ, въ томъ числѣ и на рапсгеас, которая теперь уже гораздо болѣе изслѣдована, чѣмъ другія гроздовидныя железы, такъ что въ литературѣ мы уже находимъ большое число наблюденій, прямо относящихся къ поджелудочной железѣ. Въ ней были найдены всѣ измѣненія, являющіяся при сифилисѣ и въ другихъ внутреннихъ органахъ, а именно: разлитое интерстиціальное воспаленіе, гуммозныя узлы и амилоидное перерожденіе стѣнокъ сосудовъ.

Кромѣ этихъ измѣненій, принадлежащихъ собственно стромѣ рапсгеас, имѣются еще наблюденія относительно пораженія железистыхъ элементовъ ея.

Такъ Ракитанскій въ одномъ случаѣ конституціональнаго сифилиса описываетъ амилоидное перерожденіе панкреатическихъ клѣтокъ, но такъ какъ онъ не употреблялъ никакихъ регенцій, то это наблюденіе слѣдуетъ считать сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что другіе изслѣдователи до сихъ поръ еще не наблюдали амилоиднаго перерожденія клѣтокъ паренхимы поджелудочной железы. Вирховъ ⁽¹⁾ и въ послѣднее время Оедмансонъ ⁽²⁾ описали полное жировое перерожденіе эпителиальныхъ клѣтокъ поджелудочной железы у новорожденныхъ сифилитиковъ.

Наконецъ въ послѣднее время г. Ивановскій ⁽³⁾ нашелъ въ пяти случаяхъ конституціональнаго сифилиса старое интерстиціальное воспаленіе поджелудочной железы, которое то распространялось на весь органъ, то ограничивалось только переднею частью железы — головкою ея; въ трехъ случаяхъ онъ наблюдалъ амилоидное перерожденіе стѣнокъ мелкихъ артеріальныхъ сосудовъ. Остальные же изслѣдованные имъ случаи, хотя и не представляли измѣненій ни въ соединительной ткани ни въ кровеносныхъ сосудахъ, но за то эпителиальная клѣтка железы представлялись всегда измѣненными въ болѣе или менѣе значительной степени, причемъ характеръ измѣненія во всѣхъ случаяхъ былъ одинъ и тотъ-же и вы-

⁽¹⁾ Virchow's Archiv. Bl. XV. S. 315.

⁽²⁾ Oedmanson. Syphilitische Casuistik. Рефератъ о немъ Zeissl'я въ Jahresb. d. Gesammt. Medicin 1869, Bd. II. S. 560.

⁽³⁾ Ивановскій. Паренхиматозныя измѣненія железистыхъ органовъ Ст.-П. 1871.

ражался въ равныхъ періодахъ сифилиса — въ гнѣздномъ паренхиматозномъ воспаленіи съ полнымъ детритомъ въ центрѣ гнѣзда; въ позднихъ же періодахъ отдѣльныя гнѣзда сливались между собою, такъ что пораженіе поджелудочной железы имѣло уже болѣе разлитой характеръ и только кое гдѣ нрѣдка встрѣчались небольшіе островки относительно здоровой ткани.

Мы изслѣдовали поджелудочную железу въ трехъ случаяхъ конституціональнаго сифилиса, діагнозъ которыхъ былъ основанъ на анатомическихъ измѣненіяхъ, найденныхъ въ главныхъ органахъ и на анамнестическихъ данныхъ. Главныя паренхиматозныя органы, какъ печень, легкія, почки и др. представляли во всѣхъ трехъ случаяхъ значительное развитіе плотной соединительной ткани съ разбросанными въ ней плотными гуммовыми узлами, иногда содержащими въ центрѣ извѣстковые конкременты или детритическій распадъ.

Въ одномъ нашемъ случаѣ уже макроскопически поджелудочная железа представляла значительныя измѣненія. Она была сильно сплющена, имѣла бугроватый видъ какъ на свободной поверхности, такъ и на поверхности разрѣзовъ, была въ высшей степени малокровна, блѣдно-желтаго цвѣта и почти хрящеватой плотности.

При микроскопическомъ изслѣдованіи отрѣзковъ этой железы оказалось, что дольки разграничены широкими полосами неравномѣрно развитой старой соединительной ткани. Сосуды железы были безъ всякихъ видимыхъ измѣненій, а панкреатическія вѣтки представлялись слегка мутными, зернистыми, увеличенными въ объемѣ, съ неясно замѣтными ядрами и почти сферической формы. Помутнѣніе не въ одинаковой степени было развито во всѣхъ вѣткахъ и кромѣ того попадались множество вѣтокъ совершенно нормальныхъ съ ясно обрисованными контурами и ядрами.

Въ остальныхъ двухъ случаяхъ железа не представляла такихъ рѣзкихъ макроскопическихъ измѣненій какъ въ первомъ случаѣ. Она была только немного уменьшена въ объемѣ, слегка уплотнена, нѣсколько анемична и совершенно гладка, какъ на свободной поверхности такъ и на разрѣзѣ. Гистологическія измѣненія были развиты болѣе въ па; скихъ железахъ, чѣмъ въ ея стромѣ, хотя и въ послѣдней видно было интерстиціальное воспаленіе съ развитіемъ новой соединительной ткани, однако повообразование это не достигло

такихъ большихъ размѣровъ, какъ въ первомъ случаѣ и неравномѣрно было распространено по всему органу, а болѣе ограничивалось головкой железы и притомъ по преимуществу было развито около большихъ сосудовъ и большихъ выводящихъ протоковъ.

Паренхима-же принимала болѣе дѣятельное участіе въ сифилитическомъ процессѣ. На препаратахъ кое гдѣ попадались пространства, соотвѣтствующія приблизительно по величинѣ одной или двумъ долькамъ, въ которыхъ незамѣтно было даже и слѣдовъ кѣлочнаго устройства, а находилась только мелкозернистая, малопрозрачная масса, въ которой было разбросано множество мелкихъ и крупныхъ, рѣзко контурированныхъ, блестящихъ жирныхъ крупинокъ и капелекъ. Вокругъ такого фокуса детрита паренхимы были расположены железистыя кѣлки, однако нерѣзко разграниченныя, съ мутнымъ содержимымъ и большимъ количествомъ жировыхъ крупинокъ. Ядра въ нихъ не были замѣтны даже при дѣйствіи реактивовъ. Далѣе къ периферіи фокуса распада, кѣлки гораздо рѣзче разграничены, менѣе мутны, однако еще съ неяснозамѣтными ядрами и наконецъ еще далѣе къ периферіи расположены совершенно нормальныя железистыя кѣлки и цѣлыя асіні. Подобныхъ гнѣздъ полнаго распада элементовъ попадается на каждомъ препаратѣ довольно много, но они не такъ часто разбросаны и имѣютъ между собою гораздо больше здоровой, железистой ткани, чѣмъ мы это наблюдали при дифтеритѣ. Изрѣдка попадались мельчайшіе выводные протоки, запруженные мелкозернистою массою и жирными крупинками безъ всякихъ слѣдовъ эпителія. Гораздо чаще встрѣчались протоки, выстланные цилиндрическимъ малозмѣненнымъ эпителиемъ, просвѣтъ которыхъ однако былъ суженъ, а стѣнки утолщены отъ развитія вокругъ нихъ соединительной ткани.

Такимъ образомъ при конституціональномъ сифилисѣ, также какъ при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, подвергается измѣненіямъ и паренхима и строма поджелудочной железы, однако въ характерѣ этихъ измѣненій замѣтна большая разница. Такъ при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, за исключеніемъ дифтерита, паренхиматозное воспаление въ большей или меньшей степени поражаетъ сплошь весь органъ, междольчатая же соединительная ткань представляетъ явленія остраго воспаления съ свѣжей ячеистой инфильтраці-

ей, за исключеніемъ холеры, при которыхъ замѣтна наклонность молодыхъ лимфодныхъ элементовъ метаморфизироваться въ стойкую соединительную ткань, однако новообразование соединительной ткани при холерѣ никогда не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ при сифилисѣ, при которомъ или преобладаетъ новообразование соединительной ткани, какъ въ нашемъ первомъ случаѣ и тогда разница отъ холернаго пораженія и отъ пораженія при всѣхъ другихъ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ очень велика, или-же преобладаетъ пораженіе паренхимы железы и тогда оно является какъ фокусное, чѣмъ и отличается отъ сплошнаго паренхиматознаго воспаленія при холерѣ и другихъ инфекціонныхъ болѣзняхъ.

Только на первый взглядъ можетъ показаться нѣкоторое сходство между пораженіями железы при сифилисѣ въ случаѣ фокуснаго распада ея паренхимы съ пораженіемъ ея при дифтеритѣ. Однако и между этими двумя процессами замѣтна большая разница. Такъ при дифтеритѣ фокусы распада элементовъ расположены гораздо чаще одинъ отъ другаго, а въ острой клеточной инфильтраціи промежуточной соединительной ткани ограниченной только пространствами фокуснаго пораженія паренхимы у молодыхъ лимфодныхъ элементовъ незамѣчается наклонности переходить въ стойкую соединительную ткань, что всегда въ большей или меньшей степени развито при конституціональномъ сифилисѣ.

Такимъ образомъ наши изслѣдованія поджелудочной железы при острыхъ и хроническихъ инфекціонныхъ и неинфекціонныхъ болѣзняхъ, приводятъ насъ прежде всего къ тому заключенію, что поджелудочная железа при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ подвергается всегда глубокимъ измѣненіямъ, которыя рѣзко отличаются отъ измѣненій ея при другихъ острыхъ и хроническихъ болѣзняхъ и состоятъ въ паренхиматозномъ воспаленіи.

Патолого-анатомическія измѣненія поджелудочной железы при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ рѣзко выражаются уже и макроскопически. Такъ во всѣхъ случаяхъ сып-

наго тифа, Gastro-enteritidis epidemicae, азіатской холеры, возвратной горячки и скарлатины, даже невооруженнымъ глазомъ мы замѣчали уже явныя измѣненія, свойственныя и другимъ железамъ при паренхиматозномъ воспаленіи, а именно: замѣтное увеличеніе железы въ объемѣ, значительно-потерянную упругость ея ткани, вялость, уменьшенную противъ нормы консистенцію ея, сильную гиперемію крупныхъ и мельчайшихъ кровеносныхъ сосудовъ, значительный отекъ междольчатой соединительной ткани и наконецъ весьма характерный желтоватый цвѣтъ долекъ железы съ блѣдно-краснымъ оттѣнкомъ, вслѣдствіе гипереміи мельчайшихъ междольчатыхъ сосудовъ.

При брюшномъ тифѣ макроскопическая картина измѣненій поджелудочной железы еще рѣзче выражается. Во всѣхъ 12 случаяхъ этой болѣзни поджелудочная железа была грязно-сѣраго цвѣта, гораздо большей величины и значительно мягче, чѣмъ при первомъ рядѣ болѣзней, гиперемія и отекъ соединительной ткани были очень слабо выражены.

Такия же точно бросающіяся въ глаза измѣненія, только еще нѣсколько болѣе развитыя, мы встрѣчали во всѣхъ семи случаяхъ послѣродовой горячки. Самое же характерное измѣненіе поджелудочная железа представляла при дифтеритѣ, гдѣ среди припухшихъ и гиперемированныхъ то розовыхъ, то желтоватыхъ долекъ, на первый уже взглядъ рѣзко отличались плоскія грязно-сѣрыя бляшки разной величины, лишенныя въ центрѣ сосудовъ и только на своей периферіи пронизанныя кое гдѣ поладающими вѣточками крупныхъ кровеносныхъ сосудовъ.

Всѣ эти макроскопическія измѣненія поджелудочной железы при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, мы въ правѣ считать волюнѣ характерными и свойственными только имъ однимъ, потому что при другихъ острыхъ болѣзняхъ, раптеас, хотя представляетъ явленія слабой гипереміи и незначительнаго отека въ промежуточной соединительной ткани, однако общій видъ и свойства железы не представляютъ ничего сходнаго съ измѣненіями ея при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, такъ какъ при первыхъ ни объемъ, ни цвѣтъ, ни консистенція железы ничѣмъ не отличаются отъ нормы, при послѣднихъ же, во всѣхъ случаяхъ мы замѣчали значительныя измѣненія, рѣзко бросающіяся въ глаза,

особенно въ брюшномъ тифѣ, послѣродовой горячкѣ и дифтеритѣ.

При хроническихъ незаразительныхъ болѣзняхъ макроскопическія измѣненія рапсгеас также совершенно противоположны измѣненіямъ ея при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, такъ какъ они выражаются уменьшеніемъ объема, анеміей и замѣтнымъ увеличеніемъ консистенціи железы. Тогда какъ при всѣхъ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ объемъ железы постоянно увеличенъ, а консистенція уменьшена.

Наконецъ макроскопическій видъ поджелудочной железы при конституціональномъ сифилисѣ или представляетъ рѣзкую, характерную только для него лишь особенность, когда измѣненія развиты болѣе въ стромѣ железы и вся железа представляется значительно уменьшенной въ объемѣ, сплюсненною, бугристою, въ высшей степени малокровною и плотною, почти какъ хрящъ; или же, если болѣе измѣнена паренхима, то въ наружномъ видѣ железы также пѣтъ ни малѣйшаго сходства съ наружнымъ видомъ ея при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, такъ какъ тогда железа нѣсколько уменьшена въ объемѣ, слегка уплотнена и анемична, острымъ же инфекціоннымъ болѣзнямъ присуща мягкость и увеличеніе объема поджелудочной железы.

Вслѣдствіе этихъ-то значительныхъ макроскопическихъ измѣненій поджелудочной железы при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, которыхъ по своимъ особенностямъ трудно не замѣтить, намъ кажется страннымъ, почему прежніе исследователи, какъ Buhl, Griesinger, Oppolzer, Stannius, Murchison и другіе находили ее совершенно нормальною, или же какъ Louis и Murchison, только слегка измѣненною въ цвѣтѣ и консистенціи, или же наконецъ, какъ Hoffmann, находилъ ее измѣненною при брюшномъ тифѣ не во всѣхъ случаяхъ, а только въ трехъ изъ каждаго пяти. Подобное обстоятельство мы можемъ объяснить только тѣмъ, что эти наблюдатели случайно производили свои изслѣдованія или въ самомъ началѣ болѣзни или же въ періодѣ выздоровливанія, когда больной умиралъ вслѣдствіе явившихся осложненій основной инфекціонной болѣзни. Понятно, что поджелудочная железа въ обоихъ этихъ случаяхъ, будетъ представлять самую низшую степень измѣненія, такъ какъ въ первомъ случаѣ смерть могла застать поджелудочную железу только въ періодѣ гипереміи, во второмъ-же въ періодѣ полнаго возвращенія къ нормѣ.

Не разъ уже мы имѣли случай упоминать о томъ, что сущность измѣненій поджелудочной железы при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ состоитъ въ паренхиматозномъ воспаленіи ея, однако прежде чѣмъ коснуться подробнаго разсмотрѣнія этихъ измѣненій, мы считаемъ необходимымъ предпослать критическій обзоръ ученія о паренхиматозномъ воспаленіи.

Нельзя ошибиться, если сказать, что понятіе о воспаленіи появилось уже съ первыхъ дней существованія медицины и самый терминъ — воспаленіе (*Inflamatio*),—одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ терминовъ сохранился въ наукѣ и до сихъ поръ, не смотря на то, что возрѣніе на сущность воспаленія мѣнялось каждый разъ съ перемѣной главнаго направленія въ медицинѣ.

Возрѣніе древнихъ на сущность процесса воспаленія, на сколько сохранилось опредѣленіе его у Галена, выражалось въ четырехъ главныхъ симптомахъ—*calor, rigor, tumor, dolor*,—причемъ жаръ, какъ извѣстно, игралъ самую главную роль, отчего и самый процессъ получилъ названіе воспаленіе.

Въ послѣдствіи вопросъ о животной теплотѣ вообще въ наукѣ отступилъ на задній планъ и самое главное значеніе при воспаленіи стали придавать краснотѣ, а понятіе о воспаленіи стали связывать съ сосудами послѣ того, какъ въ прошломъ столѣтіи Боэргавъ производилъ воспаленіе отъ чисто механическихъ причинъ — отъ засоренія сосудовъ и слѣдующаго за нимъ застоя крови.—Со времени-же Бруссе во французской школѣ гиперемія заступила мѣсто всѣхъ прочихъ существенныхъ признаковъ воспаленія.

Только одна вѣнская школа пыталась измѣнить это ученіе, однако она на мѣсто симптомовъ воспаленія на первый планъ поставила продуктъ его—экссудатъ, или, выражаясь иначе, въ ученіи ея на первый планъ выступила опухоль. Наконецъ въ ученіи невропатологовъ боль считалась за самое существенное и первоначальное измѣненіе въ процессѣ воспаленія.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія взглядъ на патологическіе процессы вообще и въ особенности на сущность воспаленія совершенно измѣнился, благодаря многочисленнымъ работамъ Р. Вирхова, результатомъ которыхъ было обстоятельство, что Вирховъ доказалъ полную весосто-

тельность учения о воспаленіи—всѣхъ до него существовавшихъ школъ, какъ древней, такъ и французской и невропатологической и вѣнской. Онъ говоритъ, что „изъ всѣхъ этихъ различныхъ ученій о воспаленіи, анатомическое ученіе вѣнской школы могло бы считаться самымъ вѣрнымъ, если-бы можно было доказать, что дѣйствительно при каждомъ воспаленіи бываетъ эксудатъ, что опухоль обусловливается главнымъ образомъ этимъ эксудатомъ и въ особенности, что этотъ эксудатъ имѣетъ постоянный типическій характеръ и что содержаніе фибрина въ немъ можетъ считаться вѣрнымъ признакомъ его воспалительнаго происхожденія“⁽¹⁾.

Опровергнувъ вполне всѣ до него существовавшія теории воспаленія, Вирховъ предложилъ свое ученіе о воспаленіи, которое мы считаемъ необходимымъ развить здѣсь вкратцѣ, такъ какъ она сохранилась во всей своей силѣ и по настоящее время.

Впервые въ 1848 году Вирховъ проводилъ мысль о томъ, что элементарныя части организма, т. е. сами вѣтки способны къ самостоятельной дѣятельности и что дѣятельность эта предполагаетъ существованіе возбужденія или раздраженія, которое только и можетъ вызвать дѣятельность вѣтокъ или функциональную, или нутритивную или формативную. Нутритивная раздражительность состоитъ, по его ученію, въ способности элементарныхъ частей тѣла отвѣчать на дѣйствія извѣстныхъ раздражающихъ причинъ Солѣе или менѣе значительнымъ воспріятіемъ и удержаніемъ питательнаго матеріала и именно въ количествѣ, необходимымъ для сохраненія ихъ массы, или, какъ это бываетъ въ патологическихъ случаяхъ, въ количествѣ болѣе значительномъ, чѣмъ они приняли бы при обыкновенныхъ условіяхъ. Это обстоятельство по Вирхову и есть исходная точка простой гипертрофіи, т. е. увеличенія элементовъ въ объемѣ по не въ числѣ (гиперезія по его ученію является вслѣдствіе формативнаго раздраженія).

Увеличенное воспріятіе и удержаніе питательнаго матеріала элементами въ патологическихъ случаяхъ ведетъ часто къ растройству самой ткани и даже къ ея гибели, такъ какъ опытъ

⁽¹⁾ Р. Вирховъ. Изллюлярная патологія. Переводъ Чацкина. Москва 1868 г. стр. 309.

показалъ, что каждая ткань выносить только известную степень увеличенія. Измѣненія этого рода образуютъ значительную часть тѣхъ болѣзней, которыя носятъ общее названіе воспаленій ⁽¹⁾.— Такъ между воспалительными болѣзнями есть цѣлый рядъ такихъ, которыя въ началѣ своего развитія представляются ничѣмъ инымъ, какъ усиленнымъ воспринятіемъ матеріала во внутренность клѣтокъ, совершенно такимъ-же, какъ при простой гипертрофій, однако разница здѣсь состоитъ въ томъ, что клѣточки воспринимаютъ увеличенное количество матеріала не постепенно, а очень быстро, вслѣдствіе чего онѣ не только увеличиваются въ объемъ, но еще и мутнѣютъ, потому что внутренность ихъ наполняется обильнымъ бѣловатымъ, зернистымъ матеріаломъ. Зернышекъ накопляется иногда такъ много, что за ними пavidно и ядра. Это состояніе элементовъ, какъ начало воспаления, Вирховъ назвалъ припухлостью съ помутнѣніемъ (Trübe Schwellung). Припухлостью отдѣльныхъ элементовъ, Вирховъ объясняетъ припухлость всей воспаленной части или что прежде называли воспалительную опухоль (tumor inflammatorius).

Однимъ изъ первыхъ изслѣдованій Вирхова, которыя болѣе всего привели его къ такой идеѣ о сущности воспаления, нужно считать его изслѣдованіе почекъ при Брайтовой болѣзни, на которую онъ сталъ смотрѣть какъ на парепхиматозное воспаленіе почекъ.

Одинъ изъ его слушателей, нѣкто Neimann, воспользовавшись тѣмъ, что Вирховъ не успѣлъ еще вполне обнаружить свое ученіе о воспаленіи, написалъ диссертацию, въ которой описывалъ уже собственно воспаленіе элементовъ ткани.

Въ послѣдствіи Вирховъ все болѣе и болѣе развивалъ свое ученіе, доказывая, что при воспаленіи самые клѣточные элементы принимаютъ участіе въ пораженіи, что еще нагляднѣе доказалъ на роговой оболочкѣ глаза. Д-ръ Струве по его идеѣ предпринялъ рядъ экспериментальныхъ изслѣдованій cornea, результаты которыхъ изложилъ въ своей диссертациі: о нормальномъ устройствѣ роговой оболочки и о ея патологій, въ которой показалъ что при воспаленіи роговой оболочки

⁽¹⁾ Virchow's Archiv IV, 277, 314, 316.

измѣненія касаются однихъ ея тѣлецъ и промежуточнаго вещества, безъ выдѣленія эксудата.

Взглядъ Вирхова рѣзко отличался отъ современной ему теоріи: *ubi stimulus, ibi affluxus* т. е. что ближайшей причиною раздраженія бываетъ усиленный притокъ крови, который ведетъ къ усиленному выдѣленію жидкаго эксудата, отчего и зависитъ припуханіе воспаленной части, однако эта теорія вѣнской школы, такъ сильно вкоренилась въ понятіяхъ медиковъ того времени, что даже самъ Вирховъ въ первыхъ своихъ трудахъ не могъ сразу отказаться отъ нея и еще часто употреблялъ выраженіе паренхиматозный эксудатъ, но уже скоро убѣдился вполнѣ, что при воспаленіи дѣло состоитъ въ припуханіи самихъ элементовъ ткани, безъ выдѣленія свободнаго эксудата и назвалъ это состояніе элементовъ—паренхиматозная припухлость—а самый процессъ воспаленія—паренхиматознымъ воспаленіемъ.

Естественно, что въ томъ періодѣ воспаленія, который Вирховъ называетъ припухlostью съ помутнѣніемъ, гдѣ все дѣло состоитъ только въ излишнемъ накопленіи питательнаго матеріала, по его ученію возможно и обратное удаленіе самаго излишка безъ того, чтобы элементы пострадали; они могутъ переработать часть своего содержимаго, превратить его въ растворимыя вещества, которыя уже въ этомъ видѣ могутъ всосаться.

Если же послѣдняго не бываетъ, то къ нутритивному раздраженію можетъ присоединиться формативное, сначала въ ядрышкѣ и ядрѣ, которыя дѣлятся, потомъ и въ самихъ клѣткахъ и тогда наступаетъ размноженіе клѣтокъ (*Proliferatio*). Весь этотъ періодъ воспаленія, начиная съ увеличеннаго воспріятія клѣтками питательнаго матеріала и окончивая ихъ размноженіемъ, Вирховъ причисляетъ къ активнымъ процессамъ.

Въ дальнѣйшемъ теченіи воспаленія накопленіе новаго количества питательнаго матеріала въ клѣткахъ можетъ достигъ размѣровъ, угрожающихъ организаціи ткани, тогда клѣтки теряютъ часть своей способности къ дѣятельности или совершенно погибаютъ и съ этихъ поръ начинается жировой метаморфозъ т. е. второй стадій воспаленія—чисто пассивный процессъ.

Это происходитъ такимъ образомъ, что сначала въ помутнѣвшемъ содержимомъ припухшихъ клѣтокъ, появляются

мельчайшія жировыя крупинки, ихъ число постепенно увеличивается до того что онѣ выполняютъ всю полость клѣтки; далѣе онѣ сливаются въ маленькія капельки, но никогда въ такія большія, какъ при жировой инфильтраціи. Развитие жировыхъ крупинокъ начинается вокругъ ядра, рѣдко-же отъ самаго ядра. Клѣточки становятся отъ этаго зернистыми, потомъ исчезаетъ ядро, а за нимъ и оболочка клѣточки, причѣмъ происходитъ родъ растворенія ихъ. Тогда вмѣсто клѣточки получается простой зернистый шарикъ затѣмъ накопецъ наступаетъ полное распаденіе его, вслѣдствіе того, что остатокъ содержимаго клѣточки соединявшій крупинки и капельки жира въ кучкѣ, совсѣмъ разрушается. Такимъ образомъ ткань распадается и здѣсь уже не возможно непосредственное нутритивное или просто регенеративное возстановленіе.

Таковы главныя основы ученія Вирхова о паренхиматозномъ воспаленіи. Замѣчая преимущества своего ученія о воспаленіи предъ всѣми существовавшими до него теоріями, Вирховъ говоритъ: „теперь послѣ моихъ изслѣдованій ничего болѣе не остается, какъ очистить понятіе о воспаленіи отъ всего, что въ немъ есть онтологическаго и смотрѣть уже на воспаленіе не какъ на процессъ, существенно отличный отъ другихъ болѣзненныхъ процессовъ, а какъ на отличающійся отъ нихъ только своей формой или теченіемъ“.

Кромѣ паренхиматознаго воспаленія Вирховъ различаетъ еще и другую форму воспаленія, существенно отличающуюся отъ перваго и называетъ ее отдѣлительнымъ (экссудативнымъ) воспаленіемъ. Этотъ видъ воспаленія появляется на кожѣ, легкихъ, слизистыхъ, серозныхъ и синовиальныхъ оболочкахъ, но мы не будемъ входить въ полный разборъ его, такъ какъ это близко не касается предмета нашего изслѣдованія.

Въ послѣднее время возрѣніе на воспаленіе опять значительно измѣнилось послѣ работъ Сопгеймъа; однако это нисколько не касалось паренхиматознаго воспаленія, а только одного остраго интерстиціального воспаленія съ нагноеніемъ. Сопгеймъ экспериментальнымъ путемъ изслѣдованія доказалъ происхожденіе гноя изъ бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, которые эмигрируютъ изъ сосудовъ съвозъ тонкія стѣнки капилляровъ въ окружающую ихъ соединительную ткань и путемъ размноженія и дальнѣйшаго жироваго метаморфоза превращаются въ гнойныя тѣльца.

Взглядъ Вирхова на паренхиматозное воспаление не претерпѣвалъ и по настоящее время никакихъ существенныхъ измѣненій и только появлялись попытки измѣнить названіе или разграничить его на періоды или стадіи.

Такъ Клебсъ въ своемъ руководствѣ къ Паталогической Анатоміи, говоря о печени, предпочитаетъ названію—паренхиматозное воспаление—зернистое (паренхиматозное) перерожденіе и свои доводы главнымъ образомъ основываетъ на томъ, что считаетъ лучшимъ при настоящемъ положеніи разсматриваемаго процесса, употреблять названіе, которое бы не предрѣшало приговора о свойствѣ самаго процесса, такъ какъ иногда этотъ процессъ не имѣетъ сходства съ обыкновенными воспалительными процессами.

Что же касается разграниченія паренхиматознаго воспаления на періоды, то самъ Вирховъ опредѣленно не высказался объ этомъ и только вскользь говоритъ, что жировой метаморфозъ онъ считаетъ 2-ой или 3-ей фазой воспаления и что ему предшествуетъ обыкновенно гиперемія и фаза припуханія съ помутнѣніемъ. Въ послѣдствіи являлось нѣсколько раздѣленій, различное число стадіевъ, однако же, каждое изъ нихъ не выдерживало строгой критики, вслѣдствіе чего и было отвергаемо одно за другимъ. Въ настоящее время болѣе распространено дѣленіе паренхиматознаго воспаления на 4 стадіи: періодъ набуханія и помутнѣнія клѣтокъ, періодъ появленія въ нихъ зернистости, періодъ сглаживанія ихъ контуровъ и наконецъ періодъ полного распада элементовъ. Это дѣленіе не представляетъ однако рѣзко разграниченныхъ рубрикъ, по которымъ каждую помутнѣвшую клѣтку можно бы было легко отнести къ тому или другому стадію.

Такая шаткость въ опредѣленіи періодовъ паренхиматознаго воспаления побудила насъ принять въ основу разграниченія стадіевъ этого процесса болѣе рѣзкія отличія относящіяся къ цѣлости измѣнившихся элементовъ. На этомъ основаніи мы раздѣляемъ паренхиматозное воспаление, только на два періода: 1) *неразрушительный* и 2) *разрушительный*.

Въ первомъ періодѣ воспаления паренхиматозные элементы припухаютъ, увеличиваются въ объемѣ, края и углы ихъ закругляются, вслѣдствіе чего клѣтки принимаютъ почти сферическую форму, протоплазма ихъ мутнѣетъ и потомъ въ ней появляются жировыя крупинки, которыя затѣмъ начинаютъ сливаться въ болѣе крупныя капельки; однако въ

этомъ періодѣ воспаленія клѣтки и отдѣльныя ихъ части еще сохраняютъ свою цѣлость.

Второй-же періодъ мы считаемъ отъ того момента, когда въ клѣткахъ разрушаются ядра и наружныя ихъ контуры и клѣтки превращаются въ жирозернистый шарикъ, т. е. въ эмульсивную слабосцѣпленную массу, частицы которой затѣмъ окончательно разъединяются и получается однообразная эмульсивная жидкость (*detritus*).

Практичность нашего дѣленія особенно оправдывается въ отношеніи къ измѣненіямъ поджелудочной железы при инфекціонныхъ болѣзняхъ, которая даже въ нормальномъ состояніи, какъ во время пищеваренія, такъ и въ свободныя отъ него промежутки, представляетъ различныя степени увеличенія въ объемѣ, зависящія какъ отъ большаго или меньшаго накопленія крови въ ея сосудахъ (*Bernard*), такъ и отъ того, что отдѣльныя клѣтки ея во время пищеваренія увеличиваются въ объемѣ, закругляются и наполняются мелкою непрозрачною зернистостью.

Само собой разумѣется, что послѣднее обстоятельство совершенно естественно могло бы быть причиной заблужденія наблюдателя при опредѣленіи перваго періода паренхиматознаго воспаленія, такъ какъ мутная зернистость и округленность контуровъ по общепринятому дѣленію на 4 стадіи вполне соотвѣтствуетъ первому періоду этаго процесса. Слѣдовательно руководясь этимъ дѣленіемъ, явленіе составляющее неотъемлемую принадлежность фізіологическаго процесса, легко можетъ быть принято за патологическое состояніе железы.

Въ виду возможности появленія подобныхъ ошибокъ ставится понятнымъ, что придерживаясь дѣленію паренхиматознаго воспаленія только на два періода, которые имѣютъ въ своей основѣ опредѣленіе патолого-анатомическаго процесса по столь рѣзкограниченнымъ признакамъ, какъ измѣненіе элементовъ еще съ сохраненіемъ ихъ цѣлости и полное ихъ разрушеніе,—измѣненія, которыя такъ рѣзко между собою различаются, что даже малоопытный наблюдатель, не можетъ впасть въ такія заблужденія, къ которымъ, какъ мы видѣли легко можетъ привести общепринятое дѣленіе на четыре стадіи.

Въ силу такихъ гарантій нашего дѣленія процесса паренхиматознаго воспаленія, мы считаемъ себя въ правѣ при-

нять его въ основу классификаціи измѣненій поджелудочной железы при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ. При всѣхъ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, которыя подлежали нашему изслѣдованію, паренхиматозные элементы железы и эпителий ея мелкихъ протоковъ всегда представляли то меньшую, то большую степень паренхиматознаго воспаленія, какъ мы убѣждались въ этомъ, прибѣгая ко всѣмъ извѣстнымъ методамъ изслѣдованія, результаты которыхъ подробно описаны отдѣльно при каждой болѣзни.

Постоянство, съ которымъ опредѣленные степени паренхиматознаго воспаленія, являются при одномъ рядѣ острыхъ инфекціонныхъ болѣзней и никогда не встрѣчаются при другихъ острыхъ инфекціонныхъ же болѣзняхъ, позволяютъ намъ раздѣлить измѣненія поджелудочной железы на три группы, принимая въ основу этаго дѣленія только двѣ стадіи паренхиматознаго воспаленія.

1-ая группа. Къ ней мы отнесемъ первую степень паренхиматознаго воспаленія поджелудочной железы, которому она подвергается при сыпномъ тифѣ, Gastro—enteritidis epidemicae, холерѣ, возвратной горячкѣ и скарлатинѣ. При этихъ болѣзняхъ измѣненія ея ограничиваются набуханіемъ и помутнѣніемъ элементовъ, какъ отдѣльныхъ долекъ, такъ и мельчайшихъ протоковъ, затѣмъ въ протоплазмѣ являются жировыя крупинки, отчего содержимое клѣтокъ становится зернистымъ, контуры ихъ округляются и ядро вполне закрывается зернистостью, но не исчезаетъ совершенно, въ чѣмъ убѣждаетъ насъ дѣйствіе реактивовъ. Цѣлость клѣтокъ при этихъ болѣзняхъ не нарушается, какъ это отчетливо видно на искусственно разъединенныхъ элементахъ.

2-ая группа. Къ этой группѣ мы отнесемъ измѣненія поджелудочной железы, перешедшіе уже во второй стадіи паренхиматознаго воспаленія. Такія измѣненія мы наблюдали въ видѣ разлитаго процесса только при брюшномъ тифѣ и послѣродовой горячкѣ. Во всѣхъ семи случаяхъ послѣродовой горячки, представляющихъ различныя послѣродовыя формы пораженія полового аппарата и прилежащихъ къ нему органовъ, поджелудочная железа, при макроскопическомъ изслѣдованіи, представляла явленія распада отдѣльныхъ клѣтокъ ея и цѣлыхъ долекъ въ свободную эмульсивную мелкозернистую массу, со всѣми переходными ступенями этаго процесса, начиная отъ значительнаго помутнѣнія клѣтокъ со слити-

емъ ихъ контуровъ и исчезаніемъ ядеръ.—Въ изслѣдованныхъ 12-ти случаяхъ брюшнаго тифа разрушеніе железистыхъ клѣтокъ рапсгеас достигало такой же высокой степени развитія, какъ и при послѣродовой горячкѣ, однакожь въ интензивности разрушенія замѣчалась нѣкоторая разница, такъ какъ мѣста полнаго распада элементовъ въ детритическую массу, были еще не такъ велики и не такъ часто расположены другъ около друга, а также жирозернистые шары и уцѣлѣвшіе элементы встрѣчались въ гораздо большемъ количествѣ чѣмъ при послѣродовой горячкѣ.

3-ья группа. Измѣненія поджелудочной железы при самостоятельныхъ дифтеритическихъ пораженіяхъ различныхъ органовъ представляютъ такіа значительныя особенности, что ихъ съ полнымъ правомъ слѣдуетъ отнести въ отдѣльную группѣ, не смотря на большое ихъ сходство по степени процесса съ измѣненіями второй группы, такъ какъ здѣсь распадненіе элементовъ и превращеніе ихъ въ эмульсивную массу, преобладаетъ надъ болѣе ранними стадіями паренхиматознаго воспаленія, однако пораженіе это является здѣсь не разлитымъ, какъ во 2-ой группѣ, а довольно рѣзко разграниченными отдѣльными фокусами разбросанными по всей ткани железы.

Въ дополненіе характеристики измѣненій поджелудочной железы при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, остается, только прибавить, что при всѣхъ этихъ болѣзняхъ измѣненія всегда неравномѣрно распространяются по ткани органа.

Такъ при каждой болѣзни, головка железы представляетъ гораздо высшую степень процесса, чѣмъ тѣло и хвостъ ея, притомъ отдѣльныя дольки и клѣтки ихъ также неравномѣрно поражены, и представляютъ всѣ переходныя степени паренхиматознаго воспаленія до самой высшей, свойственной данной инфекціонной болѣзни. Однако процессъ паренхиматознаго воспаленія является всегда разлитымъ, за исключеніемъ дифтерита, при которомъ мы всегда наблюдали гнѣздное пораженіе ткани железы.

И такъ пораженіе поджелудочной железы при всѣхъ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ представляетъ одинъ и тотъ-же процессъ паренхиматознаго воспаленія. Процессъ этотъ обнаруживается въ началѣ заболѣванія сильной гипереміей железы, набуханіемъ отдѣльныхъ ея элементовъ и слабой пролифераціей послѣднихъ. Затѣмъ въ протоп-

лазмѣ клѣтокъ появляются жировыя крупинки и процессъ на этомъ останавливается, какъ это бываетъ при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ 1-й группы, или же, — какъ во 2-й и 3-й группѣ болѣзней, — крупинки сливаются въ болѣе крупныя капельки, затѣмъ разрушается ядро, теряется наружный контуръ элементовъ и клѣтки превращаются въ жирозернистые шарики, которые наконецъ совершенно разрушаются, расплываясь въ свободную эмульсивную жидкость.

Эпителій большей части выводныхъ протоковъ железы подвергается такому же измѣненію.

Въ заболѣваніи паренхимы, и основа железы принимаетъ при всѣхъ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ постоянное дѣятельное участіе, которое выражается въ ея острой инфилтраціи молодыми лимфоидными элементами.

Въ заключеніе считаю обязанностью выразить мою признательность г. профессору М. М. Рудневу за его содѣйствіе при веденіи этой работы.

Л. Манделъштамъ.

ПОЛОЖЕНІЯ.

къ ДИССЕРТАЦИИ:

1. Поджелудочная железа при всѣхъ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ подвергается паренхиматозному воспаленію, соединенному съ острой инфилтраціей промежуточной соединительной ткани молодыми лимфоидными элементами.

2. Паренхиматозное воспаленіе поджелудочной железы является разлитымъ по всей ткани железы, за исключеніемъ дифтерита, гдѣ оно представляетъ гнѣздный характеръ.

3. Паренхиматозное воспаленіе поджелудочной железы не въ одинаковой степени поражаетъ всѣ части органа: головка всегда больше измѣнена чѣмъ тѣло и хвостъ железы.

4. Вѣрный посмертный діагнозъ острыхъ инфекціонныхъ болѣзней не можетъ быть сдѣланъ по однимъ только измѣ-

незіямъ поджелудочной железы, такъ какъ они не содержатъ въ себѣ ничего специфическаго.

5. Дѣти съ врожденнымъ сифилисомъ, большей частью, погибають отъ паренхиматозныхъ воспаленій внутреннихъ органовъ.

6. Гистологическій способъ изслѣдованія долженъ быть обязательенъ для врачей во многихъ судебно-медицинскихъ случаяхъ.

КЪ ВОПРОСУ О ВЛІЯНІИ СРЕДЫ НА ФОРМУ РАСТЕНІЙ.

Существуетъ значительное число примѣровъ, указывающихъ на вліяніе среды на форму растений. Такъ, изъ наблюдений Hildebrand'a⁽¹⁾ надъ *Marsilia quadrifolia*, *M. pubescens*, *Sagittaria sagittifolia*, *Polygonum amphibium* и изслѣдованій Askenasy⁽²⁾ надъ *Ranunculus aquatilis* извѣстно, что названные виды растений могутъ развиваться въ водѣ и на сушѣ, причемъ, между водными и наземными экземплярами, замѣчается нѣкоторая разница въ формѣ и структурѣ органовъ.

Въ общихъ чертахъ, различіе это выражается: въ измѣненіи длины и гибкости черешковъ,—въ силѣ и скорости роста стеблей и листьевъ,—степени развитія органовъ размноженія, — распредѣленіи, числѣ, положеніи и размѣрѣхъ устьицъ,—измѣненіи вида эпидермоидальныхъ вѣтокъ и—расположеніи зеренъ хлорофилла⁽³⁾.

Къ только что представленнымъ даннымъ, мы можемъ прибавить, съ своей стороны, еще слѣдующія: лѣтомъ прошедшаго (1872) года, члену-сотруднику Общества Естественныхъ Испытателей при Казанскомъ Университетѣ, С. М. Смирнову

(1) Hildebrand. Ueber d. Schwimmbl. von *Marsilia* und einigen anderen amphib. Pfl. Botan. Zeitung. 1870. № 1.

(2) Askenasy. Ueber d. Einfluss des Wachstums—medium auf d. Gestalt d. Pfl. Botan. Zeitung. 1870. № 14.

(3) Кроме того, мы находимъ значительное число указаній касательно вліянія воды на форму растений въ статьѣ E. Faivre. Infl. des milieux sur la variabilité des espèces. Revue d. cours scientifiques. Cinquième année. p. 24. и слѣд.

удалось встрѣтить такого рода случай вліянія среды на форму растенія: вѣтка *Rubus fruticosus* опустилась концомъ въ воду небольшого бассейна; листья, бывшіе на ней, мало по малу сгнили, вершинная-же почка загнулась вверхъ, раздулась и размѣромъ своимъ превзошла остальные стеблевныя почки того-же экземпляра; изъ междуузлій погруженной части вѣтви развилось большое количество корней. Въ этой фазѣ развитія экземпляръ *Rubus fruticosus* былъ найденъ и доставленъ мнѣ.

Желая ближе ознакомиться съ вліяніемъ воды на развитіе растеній и, имѣя, такимъ образомъ, въ полученномъ экземплярѣ названнаго выше вида *Rubus* прямое указаніе на способность этого растенія развиваться въ сказанной средѣ, я предпринялъ рядъ опытовъ и наблюденій съ выше-названной цѣлью.

Для изслѣдованія былъ взятъ, въ послѣднихъ числахъ сентября мѣсяца прошедшаго года, экземпляръ *Rubus fruticosus*, высаженъ въ цвѣточный горшокъ въ соотвѣтственную почву и выставленъ на окно, обращенное на южную сторону.

Взятый экземпляръ былъ уже безъ листьевъ, успѣвшихъ опасть еще до пересадки, но былъ снабженъ здоровыми почками.

Въ первой половинѣ октября, когда взятый экземпляръ *Rubus* успѣлъ нѣсколько укорениться въ новой почвѣ, когда почки его начали разбухать, приготавлиаясь распусться, нѣсколько стеблей его были пригнуты и опущены, вершинами внизъ, въ стеклянный сосудъ, наполненный водой, до $\frac{1}{2}$ аршина высоты.

На каждомъ изъ погруженныхъ стеблей находилось, какъ сказано, по нѣсколькѣ еще закрытыхъ почекъ.

Журналъ наблюденій, произведенныхъ мною въ теченіе 11 мѣсяцевъ, такимъ образомъ описываетъ состояніе изслѣдуемаго экземпляра:

25 октября. Развитіе подводныхъ почекъ отстаетъ отъ одноименныхъ съ ними воздушныхъ частей: въ то время, когда изъ послѣднихъ успѣли уже развиваться по 5 — 6-ти листовъ, длиною каждый около 1 сантиметра, подводныя почки еще не раскрылись; тѣмъ неменѣе, на видъ онѣ совершенно здоровы.

По прошествіи мѣсяца (22-го ноября), почки стеблей; погруженныхъ въ воду, вышли изъ покровныхъ чешуекъ, онѣ

зелены, но развитие ихъ какъ-бы остановилось. Эта медленность, отсталость въ ростѣ подводныхъ частей (почекъ) особенно рѣзко бросается въ глаза при сравненіи ихъ съ находящимися на вѣтвяхъ того-же экземпляра *Rubus*, но погруженныхъ въ воду; у послѣднихъ почки не только развились и дали, какъ сказано, побѣги, покрытыя листьями, но образовали цвѣты, успѣвшіе отцвѣсти; между тѣмъ какъ первые находятся только въ начальныхъ фазахъ развитія.

Въ началѣ декабря (7-го), нѣкоторыя почки на стебляхъ *Rubus*, погруженныхъ въ воду, погибли, не раскрывшись, но, въ замѣнъ ихъ, появились новыя, въ сравнительно большемъ числѣ. На стеблѣ, около одной изъ такихъ почекъ, образовались патевидные корешки.

По прошествіи еще мѣсяца (5-го января 1873 г.), сказанные водяные корешки *Rubus fruticosus* значительно выросли и дали вторичныя образования. Подводныя почки образовали побѣги, сантиметра въ $1\frac{1}{2}$, длиною, но безлиственныя и при томъ слабо зеленоватаго цвѣта.

Еще чрезъ мѣсяць (1-го февраля), на каждомъ узлѣ подводныхъ стеблей изслѣдуемаго экземпляра, вмѣсто погибшихъ почекъ, развились по двѣ, по три новыя; онѣ представляютъ ту особенность, что значительно мельче воздушныхъ и на вершинѣ болѣе заострены; окрашены нормально.

Въ началѣ апрѣля (9-го числа), на молодыхъ побѣгахъ, достигшихъ длины 2—4 сантиметровъ, изъ бывшихъ почекъ (уже образовавшихся въ водѣ), развились мелкіе листья (длина пластинки около 1 сант.), по формѣ почти не отличающіеся отъ воздушныхъ. Образование новыхъ почекъ, какъ и прежде весьма мелкихъ, постоянно продолжается, въ слѣдствіе чего побѣги покрыты какъ-бы бородавками, что придаетъ имъ особенность, отличающую ихъ отъ одноименныхъ съ ними воздушныхъ частей. Различіе это становится еще болѣе замѣтнымъ по мѣрѣ развитія изъ эгихъ почекъ побѣговъ.

Къ началу іюня мѣсяца (5-му числу), вѣтви *Rubus fruticosus*, погруженныя въ воду, образовали большое количество длинныхъ водныхъ корней. Листья развиваются нормально, но мелки (длина листа отъ основанія черешка до вершины пластинки 2—3 сантиметра; ширина пластинки 1—1,5 сант.).

Къ концу іюня мѣсяца (25-му числу), за все время пребыванія въ водѣ, побѣгъ удлинился до 10-ти сантиметровъ,

образовавши при этомъ множество боковыхъ, длиною до 3—4 сантиметровъ. Эти вторичныя образования покрыты листьями, имѣющими тотъ-же характеръ, какъ и вообще подводные листья разсматриваемаго вида *Rubus*. Первичный побѣгъ имѣлъ горизонтальное положеніе, вторичныя-же, перпендикулярныя къ нему, направлены вверхъ.

Такъ какъ развитіе изслѣдуемаго экземпляра происходило значительную часть времени въ періодъ, неблагоприятный для вегетаціи (осенью и зимою), по этому съ наступленіемъ февраля мѣсяца новый экземпляръ *Rubus fruticosus* былъ погруженъ, какъ и первый, нѣсколькими вѣтвями въ бассейнъ одного изъ отдѣленій оранжереи, гдѣ онъ и оставался до конца іюля мѣсяца. Развитіе подводныхъ частей этого экземпляра представило тѣ же самыя явленія, на которыя мы имѣли случай указать выше, только болѣе быстро, вслѣдствіе болѣе благоприятныхъ условій.

Въ продолженіе лѣта настоящаго года, опытъ погруженія въ воду побѣговъ *Rubus fruticosus* былъ повторяемъ нѣсколько разъ и постоянно давалъ одни и тѣ-же результаты.

Если вѣтка была погружаема не глубоко вершиною внизъ, то на этой послѣдней, вмѣсто одной вершинной почки часто развивалось нѣсколько; каждая изъ нихъ давала начало молодому побѣгу. На нижней сторонѣ погруженной части стебля очень скоро развивалось большое количество корней.

Наконецъ, для того, чтобы имѣть возможность видѣть развитіе, въ сказанныхъ условіяхъ, не только нѣсколькихъ вѣтвей, но всего экземпляра *Rubus fruticosus*, взятъ новый укоренившійся экземпляръ изслѣдуемаго растенія и вмѣстѣ съ цвѣточнымъ горшкомъ опущенъ въ бассейнъ съ водою на такую глубину, что вода покрывала на нѣсколько сантиметровъ вершины вѣтвей. (Это погруженіе было произведено 4 іюня).

По прошествіи мѣсяца, погруженный экземпляръ потерялъ всѣ бывшіе на немъ листья; въ замѣнъ ихъ изъ пазушныхъ почекъ развились подводные побѣги, длиною 1—2 сантиметра; каждый изъ нихъ былъ покрытъ очень мелкими листьями; однимъ словомъ, представлялъ опять тѣ же самыя особенности, на которыя мы указывали выше. Вѣтви, развивающіяся изъ подводныхъ пазушныхъ почекъ, сообщаютъ

воднымъ экземпляромъ *Rubus fruticosus* форму, значительно отличную отъ сухопутной.

Кромѣ сказанныхъ измѣненій, водные и сухопутные экземпляры разсматриваемаго вида *Rubus* представляютъ нѣкоторыя особенности и въ структурѣ.

Онѣ состоятъ въ слѣдующемъ:

Стебель воздушныхъ экземпляровъ *Rubus fruticosus* состоитъ изъ сильно развитой сердцевины, въ составъ которой входятъ полиэдрической формы паренхимныя клѣтки, — слабо развитой сосудистой системы, за которой слѣдуетъ хлорофиллоносная паренхима коры, состоящая изъ клѣтокъ, шаровидной формы и, наконецъ — эпидермиса, покрытаго одно и много-клѣтными волосками.

Клѣтки эпидермиса нѣсколько вытянуты (длина ихъ превосходитъ ширину въ 2 или 2, 5 раза), кутикуляризованы и снабжены значительнымъ числомъ мелкихъ устьицъ. Хлорофилловыя зерна мелки, шарообразной формы, отлагаются во внутреннихъ клѣткахъ коры, прилегающихъ къ камбію; въ клѣткахъ, лежащихъ ближе къ периферіи органа, хлорофилла вовсе нѣтъ.

Стебли водныхъ экземпляровъ изучаемаго вида *Rubus*, имѣя то же самое строеніе, представляютъ, вмѣстѣ съ этимъ ту особенность, что волоски, покрывающіе эпидермисъ, преимущественно одноклѣтны; зерна хлорофилла находятся, главнымъ образомъ, въ периферическихъ слояхъ коры.

Поперечный разрѣзъ листового черешка имѣетъ почковидную форму. Близъ середины выпуклой его стороны проходитъ большой сосудистый пучекъ, состоящій изъ нѣсколькихъ сросшихся между собой; два такихъ-же меньшихъ пучка расположены по бокамъ почковидныхъ возвышеній. Въ составъ пучковъ входятъ: спиральные, лѣстничные и кольчатые сосуды и камбіальныя клѣтки. Пучки облечены паренхимной тканью, имѣющею клѣтки шарообразной формы, съ точечными слоями утолщенія; 3—4 наружныхъ слоя паренхимной ткани хлорофиллоносны; но въ значительно большемъ количествѣ хлорофилловыя зерна находятся въ клѣткахъ, прилегающихъ къ сосудистымъ пучкамъ. Зерна хлорофилла неправильно шарообразной формы. Самый наружный слой черешка составляетъ однорядный эпидермисъ, наружныя стѣнки клѣтокъ котораго кутикуляризованы.

Клѣтки эпидермоидальной ткани имѣютъ удлиненную форму (длина ихъ превосходитъ ширину въ 3 или 3,5 раза), снабжены устьицами и волосками (волоски эти преимущественно одноклѣтныя). Устьица эллипсоидальной формы и нѣсколько крупнѣе нежели на листьяхъ.

Тоже самое строеніе представляютъ черешки водныхъ экземпляровъ *Rubus fruticosus*, съ той только разницей, что хлорофилловыя зерна скучены преимущественно въ наружныхъ слояхъ паренхимы; устьица въ меньшемъ числѣ нежели на черешкахъ сухопутныхъ экземпляровъ; волоски одноклѣтныя.

Въ составъ листовой пластинки входятъ: сосудистыя пучки, мезофиллъ и кожица. Сосудистыя пучки состоятъ изъ спиральныхъ, лѣстничныхъ и кольчатыхъ сосудовъ. Клѣтки мезофилла неправильно-шарообразной формы; такой-же видъ имѣютъ заключающіяся въ нихъ зерна хлорофилла; онѣ крупнѣе нежели въ стеблѣ и листовомъ черешкѣ. Клѣтки эпидермиса верхней и нижней стороны листа тупо-звѣздчатой формы, кутикуляризованы и снабжены одноклѣтными волосками, которые на нижней сторонѣ пластинки находятся въ большемъ числѣ нежели на верхней. Кромѣ волосковъ, нижняя сторона пластинки снабжена большимъ числомъ устьицъ. На верхней сторонѣ листа устьицъ очень мало. Устьица обѣихъ сторонъ листа эллипсоидальной формы, мельче нежели на стеблѣ и черешкѣ.

Въ структурѣ пластинки листа водныхъ экземпляровъ *Rubus fruticosus* замѣчается та особенность, что устьицъ на верхней сторонѣ листа находится болѣе нежели на той-же сторонѣ у сухопутныхъ экземпляровъ и при томъ форма ихъ нѣсколько иная: они менѣе вытянуты, и по виду ближе къ кругу нежели къ эллипсису.

Такимъ образомъ, различіе въ формѣ и структурѣ между сухопутными и водными экземплярами одного и того же вида *Rubus* выражается:

- а) въ измѣненіи величины листьевъ;
- б) въ измѣненіи числа вѣтвей;
- в) въ измѣненіи числа, распредѣленія и формы устьицъ;
- г) въ структурѣ волосковъ.

Н. Леваковскій.

ВѢКСЕЛЬ ВЪ ЕГО ПРОШЕДШЕМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ годичномъ собраніи
ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета, 5 ноября 1873 года,

Ординарнымъ профессоромъ А. М. Осиповымъ.

Мм. Гг!

Въ день своего основанія Университетъ ежегодно приглашаетъ къ себѣ любителей и ревнителей просвѣщенія, чтобы вмѣстѣ съ ними отпраздновать памятный день своего открытія и сообщить имъ результаты своей дѣятельности за истекшій годъ. Въ тотъ-же день Университетскаго торжества, по искони заведенному обычаю, одинъ изъ членовъ Университета предлагаетъ собравшимся изложеніе какого-либо научно-жизненнаго вопроса по своей спеціальности, говоритъ объ открытіяхъ и усовершенствованіяхъ въ его области знанія, объ успѣхахъ имъ избранной науки вообще, или о совершившихся или имѣющихъ совершиться преобразованіяхъ въ общественной жизни и т. п. Настоящее царствованіе, богатое законодательными реформами, даетъ представителямъ юриспруденціи обильный матеріалъ для бесѣды съ обществомъ. И вотъ, въ качествѣ члена юридическаго факультета, я осмѣливаюсь явиться передъ Вами, Мм. Гг., съ вопросомъ, по моему крайнему разумѣнію, настолько-же важнымъ, насколько и достойнымъ Вашего вниманія, съ вопросомъ „о векселѣ въ его прошедшемъ и настоящемъ“. Полный экономическаго и юридическаго интереса вопросъ о начаткахъ и современномъ положеніи векселя имѣетъ особое значеніе для насъ

въ данную минуту, въ виду предстоящей реформы вексельныхъ законовъ. О важности послѣдней распространяться было-бы излишне; достаточно замѣтить, что, по общепризнанной истинѣ, кредитъ—душа промышленности, а вексель, несомнѣнно, лучшій представитель кредита. Я убѣжденъ поэтому, что для Васъ безъинтересно будетъ познакомиться, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, съ такимъ замѣчательнымъ институтомъ, какъ институтъ вексельный, и это убѣжденіе было главнымъ мотивомъ выбора моей рѣчи, которую и имѣю честь предложить Вашему благосклонному вниманію.

Изобрѣтеніе векселя принадлежитъ къ числу величайшихъ и благодѣтельныхъ изобрѣтеній торговаго міра. Служа рычагомъ большихъ торговыхъ предпріятій, устанавливая связь между всѣми коммерческими народами вселенной, вексель и въ другихъ отношеніяхъ оказалъ такое важное и благотворное вліяніе на развитіе торговли, какъ ни одно изъ великихъ открытій міра. Компасъ расширилъ географическій кругозоръ человѣчества, деньги освободили торговлю отъ тѣсныхъ узъ мѣны, а вексель,—клочекъ бумаги, необезпеченный достояніемъ государства, развилъ кредитъ,—эту могучую силу и основу всей современной промышленности. Переноса капиталы изъ однихъ рукъ въ другія, вексель тѣмъ самымъ вызываетъ къ дѣятельности безъ него непроеизводительныя богатства, увеличиваетъ размѣры производства, развиваетъ промышленныя таланты и способности на пользу общественнаго благосостоянія. И далѣе: служа способомъ передачи капитала, вексель въ тоже время и самъ являет-

ся капиталомъ, и самъ имѣеть покупательную силу. Кому не извѣстно великое значеніе замѣны натурального хозяйства денежнымъ; а между тѣмъ вексель, превосходя экономическую важность денегъ разнообразіемъ своихъ функцій, превосходитъ послѣднія и какъ платежный знакъ. Значеніе денегъ и даже звонкой монеты ограничено государственною территоріею, внѣ которой онѣ, если не совсѣмъ, то во всякомъ случаѣ въ значительной степени теряютъ свою стоимость; вексель-же всегда и вездѣ имѣеть одинаковую цѣнность, его дѣйствіе не ограничено никакими предѣлами, его сила не обусловлена никакими законами ввоза и вывоза, и въ этомъ отношеніи онъ справедливо заслужилъ названіе универсальнаго средства уплаты и монеты всего торговаго міра. Этого мало: вексель имѣеть и другія преимущества передъ деньгами. Деньги всегда выражаютъ опредѣленную стоимость, вексель можетъ выразить какую угодно сумму; пріисканіе денегъ сопряжено съ важными затрудненіями, вексель же можетъ быть созданъ во всякое время, какъ скоро есть у лица соответствующая для этого цѣнность. Но этимъ не исчерпывается экономическая важность векселя. Служа орудіемъ кредита и суррогатомъ наличной уплаты, имѣя покупательную силу денегъ, вексель пріобрѣтаетъ значеніе товара, получаетъ свою опредѣленную стоимость и свой опредѣленный курсъ, давая тѣмъ самымъ начало банковымъ учрежденіямъ и поддерживая великое значеніе ихъ (1).

Не менѣе важно и юридическое значеніе векселя. Вспомните, съ какою заботою законодательства охраняютъ это великое орудіе промышленнаго кредита, съ какою неумолимою строгостью преслѣдуютъ они всякое нарушеніе оказаннаго довѣрія. Неплатежъ по векселю моментально задѣва-

еть имущественную сферу должника, моментально разлагает имущество послѣдняго на составные элементы для продажи съ публичнаго торга и распространяетъ свои притязанія даже на личную неприкосновенность самого должника. И какъ велика юридическая сила векселя! Предъ лицомъ всѣхъ законодателей вексель безспорный документъ: онъ уничтожаетъ всякія недоразумѣнія между должникомъ и кредиторомъ, онъ не допускаетъ никакихъ отговоровъ, никакихъ возраженій по существу векселя со стороны лица, противъ котораго предъявленъ во взысканію, какъ скоро лицо это является отвѣтственнымъ по векселю. Мало того: вексель не допускаетъ спора даже противъ мотива, по которому выданъ. Извѣстно, что всякій договоръ представляетъ собою добровольное соглашеніе двухъ сторонъ, по которому или обѣ стороны, взаимно, или одна относительно другой, обязываются къ опредѣленному дѣйствию. Очень естественно, что въ большинствѣ случаевъ сторона рѣшается обязать себя въ пользу другой только въ виду полученія какой либо выгоды со стороны послѣдней. И вотъ этотъ-то обоюдный интересъ сторонъ, эта взаимность ихъ обязательствъ и составляетъ мотивъ или, технически, причину договора. Очевидно, что этотъ мотивъ долженъ составлять существенную принадлежность большинства договоровъ, а потому всякій споръ противъ мотива колеблетъ силу и самаго договора, пріостанавливая удовлетвореніе по немъ до разъясненія недоразумѣній (*).

Совершенно другое мы видимъ въ векселѣ. Здѣсь мотивъ не имѣетъ никакого значенія и при взысканіи, въ случаѣ спора, не принимается въ соображеніе, была или не была получена должникомъ имущественная выгода; была-бы толь-

ко соблюдена форма векселя, а, за исключеніемъ этого, ничто не избавляетъ должника отъ обязательства удовлетворить вексельнаго кредитора.

Таково экономическое и юридическое значеніе векселя. Кому-же, спрашивается, міръ обязанъ изобрѣтеніемъ этого великаго учрежденія? Вопросъ этотъ, какъ и всѣ вопросы подобнаго рода, не получилъ до сихъ поръ положительнаго отвѣта; съ давнихъ поръ и до настоящаго времени онъ раздѣляетъ ученыхъ на нѣсколько категорій, съ давнихъ поръ вызываетъ рядъ несогласныхъ, другъ друга исключаящихъ мнѣній, иногда несвободныхъ и отъ примѣси патріотизма. Такъ одни ученые не признаютъ ни за еѣмъ пальмы первенства въ изобрѣтеніи векселя. Они не могутъ представить себѣ, чтобы торговый оборотъ, въ какой-бы грубой формѣ онъ ни проявлялся, не зналъ когда либо вексельнаго института. И вотъ утверждаютъ, что понятіе о векселѣ коренится въ естественномъ правѣ, что идея и практика векселя общи всѣмъ народамъ: вексель существовалъ всегда и вездѣ, хотя и не вездѣ и не всегда носилъ то имя, которымъ мы называемъ его теперь (*). Другіе, наоборотъ, приписываютъ изобрѣтеніе вексельнаго института Евреямъ. Униженные и презрѣнные, гонимые изъ Франціи, Евреи, по этой догадкѣ, должны были выдумать вексель, чтобы выручить изъ рукъ гонителей свои имущества, переводя ихъ при посредствѣ векселя на своихъ соотечественниковъ, находящихся въ другихъ странахъ западной Европы (*). Затѣмъ, нѣмецкіе ученые первенство въ изобрѣтеніи векселя приписываютъ своей націи, опираясь на то, что въ Германіи искони неисполненіе денежныхъ обязательствъ сопровождалось личнымъ задержаніемъ; какъ будто глубокая древность не лишала неоплатнаго дол-

жница свободы и не давала кредиторамъ права удовлетворять себя разрубленными частями его тѣла (*). Большою авторитетностью пользуются два другія мнѣнія. Одно изъ нихъ, проникаясь величіемъ римскаго права и указывая на существованіе у Римлянъ перевода денегъ, (который, можетъ быть, у нихъ дѣйствительно и былъ, но имѣетъ мало общаго съ векселемъ), настаиваетъ на римскомъ происхожденіи векселя (*), другое—считаетъ вексельный институтъ продуктомъ средневѣковой жизни, Италію—его родиной (?). И нельзя не отдать предпочтеніе послѣднему мнѣнію передъ первымъ. Простое соображеніе говоритъ, что вексель—слуга развитой промышленности, могъ зародиться только на почвѣ государства торговаго. А между тѣмъ сравните торговлю древнихъ Римлянъ съ торговлю средневѣковыхъ Итальянцевъ. Римляне—храбрый и воинственный народъ, великіе государственные люди и мудрые законодатели, ораторы и ученые,—никогда не были торговою націею. Вся ихъ политика—политика меча, вся ихъ внѣшняя дѣятельность—дѣятельность завоеваній. Справедливо замѣчаютъ, что политическая экономія Римлянъ состояла въ потребленіи, а не въ производствѣ и увеличеніи богатства. Римляне презирали промышленность и гнушались торговлею, предоставляя такіа занятія рабамъ и отпущенникамъ, какъ занятія недостойныя чести римскаго гражданина. Предъ своею смертію Римъ, правда, сталъ заниматься торговлею, но какою?—торговлею не дѣятельною, пассивною торговлею, которая вела его къ всеобщему оскудѣнію и окончательно содѣйствовала гибели Имперіи. Теперь сопоставимъ торговлю римскихъ рабовъ съ торговлею свободныхъ, энергическихъ и предприимчивыхъ Итальянцевъ. Кому не извѣстно величіе средневѣковой Италіи? Кто не знаетъ славы Венеціи и

Генуи? Будучи наслѣдницею цивилизаціи древняго Рима и Греціи, занимаемая выгодное географическое положеніе на торговомъ пути между западною Европою и Востокомъ, Италия сосредоточивала въ своихъ рукахъ всѣ торговые обороты средневѣковой жизни. Всѣ богатства Востока, всѣ караваны Леванта стягивались въ Италиі и отсюда уже, какъ изъ центра, расходились въ другія государства западной Европы. И если ко всему этому прибавить, что первыя указанія на вексель принадлежатъ итальянскимъ писателямъ, что терминологія частей вексельнаго договора по своему происхожденію итальянская, то можно-ли сомнѣваться въ томъ, что честь изобрѣтенія векселя принадлежитъ Италиі? Итальянцы—изобрѣтатели векселя, они-же и популяризаторы его идеи (*). Ведя торговлю съ государствами Востока и Запада, всюду имѣя первенствующее значеніе, всюду пользуясь почетомъ, правами и привилегіями, они всюду распространяли правитву векселя. Итальянцы первые познакомили съ векселемъ Францію, Испанію, Португаллію, Англию, Германію, первые перенесли его въ Родосъ, Кипръ, Константинополь, Тунисъ, и только въ наше отечество вексель перешелъ чрезъ посредство нѣмецкихъ купцовъ (**).

Однако было-бы ошибочно думать, что Итальянцамъ принадлежитъ и окончательная отдѣлка вексельнаго института. Первичная структура векселя была далеко не та, что теперь. Величіе Италиі продолжалось недолго; на сцену выступили другіе народы Европы, и имъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ дальнѣйшее развитіе векселя. Съ измѣненіемъ юридическихъ и экономическихъ условій бытовой жизни, съ расширеніемъ денежныхъ оборотовъ, вексельныя начала, выработанныя на почвѣ Италиі, потерпѣли уже въ другихъ

западно-европейскихъ государствахъ рядъ глубокихъ измѣненій, имѣвшихъ цѣлью приспособить вексель къ потребностямъ промышленнаго кредита. Только совокупными усиліями всѣхъ націй Европы вексель достигъ той славы, которою пользуется теперь. Любопытно поэтому прослѣдить болѣе выдающіяся преобразованія вексельнаго учрежденія въ ихъ исторической преемственности, прослѣдить генезисъ ихъ отъ первыхъ неясныхъ очертаній векселя до современнаго его состоянія.

Первоначальная фізіономія векселя опредѣляется потребностями, вызвавшими его существованіе. Извѣстно, что въ средніе вѣка западная Европа была раздроблена на множество мелкихъ феодальныхъ владѣній; извѣстно, что каждое изъ этихъ владѣній и почти каждый городъ, на основаніи данныхъ ему привилегій, имѣли право чеканить свою особую монету. Отсюда понятны тѣ трудности, съ которыми должна была бороться торговля, выходящая за предѣлы одного города, не говоря уже о трудностяхъ торговли международной. Нужно было размѣнять монеты, нужно было опредѣлить ихъ денежный курсъ, ихъ сравнительную стоимость, для чего нужны были спеціальныя знанія, которыми обладалъ не всякій торговецъ. И вотъ на помощь торговому обороту являлись итальянскіе мѣнялы, играющіе такую важную роль въ первоначальной исторіи векселя. Сначала финансовыя операціи мѣняли ограничивались Италією, но съ развитіемъ потребностей кредита, они переносятъ свою дѣятельность и въ другія государства западной Европы, составляя изъ себя одно цѣлое, пользуясь привилегіями и правомъ суда своихъ сочленовъ. Съ XI ст. появляются уже мѣняльныя конторы, достигнувшія въ скоромъ времени замѣчательнаго развитія.

Въ одной Италиі было болѣе 80 такихъ конторъ, имѣвшихъ отдѣленія во всѣхъ частяхъ свѣта, во всѣхъ главныхъ торговыхъ пунктахъ. Выгодность мѣняльнаго промысла была такъ велика, что весьма часто одна и таже торговая фирма имѣла сѣть мѣняльныхъ конторъ, раскинутую по всѣмъ главнымъ городамъ Европы и Италиі. Финансовая ловкость мѣняль скоро сдѣлалась извѣстна всѣмъ государствамъ Востока и Запада, и можно сказать безъ преувеличенія, что ни одинъ болѣе или менѣе значительный заемъ не миновалъ ихъ рукъ; владѣя общимъ кредитомъ, они пользовались огромными средствами. Первоначальныя операціи мѣняль, какъ показываетъ и самое названіе ихъ, ограничивались почти исключительно размѣномъ денегъ. Но съ повсемѣстнымъ учрежденіемъ мѣняльныхъ конторъ дѣятельность мѣняль расширяется, размѣнъ денегъ получаетъ другую форму. Развивающійся торговый оборотъ все болѣе и болѣе заявляетъ о необходимости перевода денегъ изъ одного мѣста въ другое. При существовавшемъ разнообразіи монетныхъ системъ это было крайне затруднительно. Желаящему отправить деньги за предѣлы своего города нужно было размѣнять деньги на мѣстѣ ихъ отсылки, а между тѣмъ мѣнялы оперировали только мѣстною монетою. Далѣе, купцу было не всегда удобно, а вслѣдствіи развитія грабежа и насилій на дорогахъ, и небезопасно возить съ собою денежные капиталы, — и съ этой стороны чувствовалась потребность въ уменьшеніи риска, сопряженнаго съ перевозкою денегъ (1°). И вотъ мѣнялы удовлетворяютъ той и другой потребности при помощи слѣдующаго оборота. Берутъ отъ купца деньги, предназначенныя къ пересылкѣ или переводу, и, не имѣя требуемой монеты для размѣна, вы-

даютъ ему письмо на своего агента, жительствоющаго въ томъ мѣстѣ, куда предназначаются деньги или куда намѣревается отправиться купецъ, письмо, въ которомъ приказывается агенту удовлетворить такого-то предъявителя тою или другою монетою. Вотъ этотъ - то письменный актъ и былъ первичною формою векселя, который и теперь еще называется у Итальянцевъ „письмомъ о размѣнѣ“—*lettera di cambio*. Этотъ видъ векселя извѣстенъ въ наше время подъ именемъ векселя трассированнаго на себя. Первоначально это была единая форма, изъ которой путемъ дифференцированія развились впоследствии двѣ разновидности векселя: вексель переводный и простой. Сама - же по себѣ первичная форма векселя составляетъ нѣчто среднее между переводнымъ векселемъ, т. е. векселемъ, представляющимъ порученіе стороннему лицу произвести платежъ за векселедателя, и простымъ векселемъ, который различается отъ заемнаго письма тѣмъ только, что въ векслѣ указывается не на заемъ, а на другое основаніе долга и обозначается, что выданный документъ есть вексель. Отъ переводнаго векселя первоначальный вексель отличается, очевидно, тѣмъ, что въ немъ и выдаетъ вексель и платитъ по векселю одно и то же лицо, или разныя конторы одного и того же лица или торговаго дома. Отъ простаго - же векселя онъ отличается тѣмъ, что въ немъ мѣсто выдачи векселя и мѣсто уплаты—различны, что составляетъ уже характеристическій признакъ векселя переводнаго. Итакъ, первоначально вексель является орудіемъ перевода денегъ и способомъ уменьшенія риска, сопряженнаго съ перевозкою золотой и серебряной монеты.

Дальнѣйшее развитіе векселя совершается путемъ ярмарокъ. Извѣстно, что во всѣхъ мало развитыхъ государствахъ

ярмарки играют весьма важную роль. Тѣмъ болѣе онѣ необходимы были въ эпоху среднихъ вѣковъ, при дурныхъ путяхъ сообщенія и грабежахъ на дорогахъ. При такихъ условіяхъ ярмарки представляли не только удобное средство сбыта и покупки товаровъ, но и давали купцамъ возможность гарантировать себя отъ опасностей пути, посредствомъ передвиженія въ ярмаркамъ соединенными караванами. Значеніе ярмарокъ особенно поднялось со времени открытія Америки и морскаго пути въ Индію. Съ этихъ поръ начинаются обширныя торговыя предпріятія, увеличившія потребности кредита, а вмѣстѣ съ этимъ и распространеніе векселей, при помощи которыхъ совершались почти всѣ торговыя операціи ярмарокъ. Въ связи съ количественнымъ увеличеніемъ практики векселя идетъ и качественное его развитіе, отдѣляя его фیزیономію, какъ юридическаго института. Известно, что въ средніе вѣка существовало правило, по которому всякая незапрещенная корпорація имѣла право чинить расправу надъ своими членами, по собственнымъ установленіямъ. Въ силу этого и ярмарки имѣли свою особую юрисдикцію, и въ этомъ правѣ ихъ лежитъ причина той строгости, которая характеризуетъ исключительно вексельныя обязательства. Получивъ отъ мѣнялы вексель, купецъ отправлялся на ярмарку въ полной увѣренности, что по этому векселю онъ получитъ немедленно удовлетвореніе. Отъ платежа въ срокъ зависѣла иногда удача цѣлаго предпріятія его, неавсуратность мѣнялы могла разворить купца. И вотъ городскія власти и торговые суды, заботясь объ интересахъ, составляющихъ богатство и славу ихъ городовъ, покровительствуютъ вексельному кредитору, принимая мѣры къ немедленному удовлетворенію его по векселю. Непосредственно заинтересованные

въ дѣлѣ, судьи сами принимаютъ дѣятельное участіе при взысканіи. Лишь только мѣняла откажется отъ уплаты по векселю, судебныя мѣста тотчасъ-же налагаютъ повсемѣстный арестъ на его имущество и подвергаютъ должника личному задержанію. Впослѣдствіи, когда практика векселя вышла за предѣлы ярмарокъ, ярмарочное производствo по векселямъ стало прилагаться и къ векселямъ неярмарочнымъ, сохранившись во всей строгости до настоящаго времени. Эта быстрота и строгость вексельнаго взысканія и дала поводъ къ появленію простаго векселя. Между тѣмъ какъ ярмарочныя векселя охранялись такъ строго торговыми судами, другія денежныя обязательства оставались общественной властью почти безъ всякой защиты. Естественно поэтому было стремленіе подвести подъ вексельную строгость и простыя долговныя обязательства. И достигалось это весьма просто. Для этого называли долговой актъ векселемъ, что было совершенно достаточно для примѣненія къ этому акту вексельнаго права. Стремленіе это тѣмъ болѣе понятно, что въ средніе вѣка, при господствѣ церковныхъ доктринъ, проценты за предоставленіе пользованія капиталомъ были строго запрещены въ другихъ денежныхъ обязательствахъ и дозволены въ торговомъ кредитѣ. На ярмаркахъ-же измѣняется и первоначальная роль векселя: изъ способа уменьшенія риска при переводѣ денегъ онъ становится способомъ охраненія промышленнаго кредита. Теперь мѣняла выдаетъ вексель не съ цѣлью размѣна денегъ, а съ цѣлью сдѣлать заемъ, обязуясь или самъ уплатить долгъ, или поручая произвести платежъ своему агенту. Въ такомъ видѣ вексель практиковался на ярмаркахъ, и путемъ обычая удержалъ эту форму до настоящаго времени. Въ ту же эпоху ярмарокъ развивается

и актъ , извѣстный подъ названіемъ акцепта. вмѣстѣ съ уменьшеніемъ значенія ярмарокъ , сокращались и сроки послѣднихъ ; среднимъ числомъ ярмарки длились не болѣе недѣли. Очень понятно , что для мѣнялы , если ярмарка не была постояннымъ торговымъ пунктомъ , было не удобно устраивать на ярмаркѣ на такой короткій срокъ свою контору. И вотъ , не предполагая отправиться лично на ярмарку , и въ тоже время не желая отказать обращающимся съ просьбою о переводѣ туда денегъ , мѣняла выдавалъ или , говоря технически , трассировалъ вексель на кого-либо изъ своихъ знакомыхъ или банкировъ , находящихся на мѣстѣ ярмарки , обязывая послѣдняго уплатить вмѣсто себя ту или другую сумму денегъ , входя , разумѣется , въ предварительное соглашеніе по этому поводу съ плательщикомъ. Такимъ образомъ отдѣляется роль плательщика отъ роли векселедателя , что соединялось прежде въ одномъ и томъ-же лицѣ. вмѣстѣ съ этимъ развивается и актъ акцепта. Прежде , когда векселедателемъ и плательщикомъ было одно и тоже лицо , или различныя конторы одного и того же торговаго дома , тогда не было необходимости въ акцептѣ , не было необходимости справляться , желаетъ-ли или нѣтъ должникъ произвести удовлетвореніе по векселю. Но когда плательщикомъ по векселю явилась не контора векселедателя , а контора другого лица , то естественно было необходимо узнать предварительно , намѣрено-ли лицо , означенное плательщикомъ по векселю , произвести платежъ въ назначенный срокъ. Такимъ образомъ актъ акцептаціи сдѣлался существенно необходимымъ при взысканіи по векселю и въ тоже время актомъ самостоятельнымъ , отдѣльнымъ отъ платежа ⁽¹¹⁾.

Таковы измѣненія векселя на ярмаркахъ. Значеніе послѣднихъ продолжается недолго. Съ конца XVII ст. торговля получаетъ новое направленіе; промышленный духъ охватываетъ всю Европу; повсемѣстное распространеніе торговли подрываетъ важность ярмарокъ, вмѣстѣ съ которыми падаютъ мѣны. Въ связи съ этимъ чувствуется неудобство, происходящее отъ того, что сила векселя поставляется въ зависимость отъ періодическихъ собраній ярмарокъ. Возникаетъ мало по малу потребность въ учрежденіи, которое-бы всегда и вездѣ охраняло ненарушимость вексельной сдѣлки и притомъ съ тою-же быстротой и строгостью, съ какой это дѣлалось на ярмаркахъ. Съ этихъ поръ вексель не есть уже сдѣлка опредѣленнаго мѣста и опредѣленныхъ лицъ, — это сдѣлка не ограниченная ни мѣстомъ, ни временемъ, сдѣлка всегда и вездѣ стоящая подъ охраною вексельной строгости, сдѣлка доступная для всѣхъ. Вмѣстѣ съ этимъ развивается и объемъ функцій векселя. Отправляя уже функціи способа передачи капитала и охраненія промышленнаго кредита, вексель въ XVII ст. пріобрѣтаетъ, наконецъ, покупательную силу, при помощи передаточной надписи. Само собою понятно, что выдача векселя на лицо, его непосредственно пріобрѣтающее, и исключительная принадлежность права требованія по векселю одному, векселепріобрѣтателю, съ развитіемъ кредита, должны были оказаться слишкомъ стѣснительными. Векселепріобрѣтатель не всегда имѣлъ возможность ѣхать лично на мѣсто жительства лица, обязаннаго по векселю, для полученія денегъ, а между тѣмъ самому приходилось платить. За неимѣніемъ наличныхъ денегъ естественно предложить кредитору вексель на своего должника, давая ему полномочіе на полученіе по этому векселю. И полномочія такіа давались дѣйствительно, сначала

особою довѣренностью, а впоследствии надписью на самомъ векселѣ, на обратной сторонѣ его—in dorso, откуда надпись эта и получила названіе индоссамента. Такая передача вексельныхъ правъ, очевидно, ничуть не стѣсняла должника; для послѣдняго было, конечно, все равно, кому-бы не возвратить взятую сумму, непосредственно ли самому кредитору или его уполномоченному; достаточно было простаго убѣжденія, что предъявляющій вексель владѣетъ имъ законно. А отсюда открылась прямая возможность передавать вексель не только по довѣренности, но и въ собственность, т. е. открылась возможность при помощи индоссамента не только уполномочить лицо на полученіе по векселю, но и самому передавать этотъ вексель по надписи другому и т. д., такъ что всякій новый пріобрѣтатель могъ посредствомъ индоссамента въ свою очередь передать вексель, давая такимъ образомъ ему ходъ, какъ платежному знаку⁽¹²⁾.

Такъ выработалось вексельное учрежденіе на почвѣ западной Европы. Обязанный своимъ происхожденіемъ торговому сословію, или, вѣрнѣе, той тайной, но могучей силѣ, которую я назову автономією торговаго сословія, вексель долгое время не обращалъ на себя вниманіе законодателей. Служа на пользу торговли, онъ развивался первоначально путемъ обычая и до законодательныхъ регламентацій былъ знакомъ всему торговому міру, владѣя своимъ развитымъ правомъ. Законодательное вмѣшательство начинается лишь съ XV ст.; съ этой-же эпохи начинается и задержка въ развитіи великаго вексельнаго учрежденія. Его понятія, опредѣляемыя прежде экономическими потребностями жизни, стали подводиться подъ римскую теорію о контрактахъ, его свободу передвиженія ограничили предѣлами тѣсной государ-

ственной территоріи. Во взглядахъ законодателей вексель теряетъ свой космополитическій характеръ и становится мѣстнымъ учрежденіемъ. Этимъ путемъ шли законодательства до настоящаго времени, и только теперь замѣчается поворотъ къ далекому прошлому, къ той эпохѣ первичнаго зарожденія векселя, когда послѣдній не зналъ никакихъ территориальныхъ ограниченій. Законодательства поняли, что жизни нельзя навязывать предвзятыхъ теорій, что цѣль законодательства—служить потребностямъ народа, а ограничивать дѣйствіе космополитическаго института предѣлами какой либо территоріи—это значитъ идти противъ юридическаго самосознанія торговаго міра. Поэтому современныя вексельныя законодательства принимаютъ все болѣе и болѣе общій характеръ, стремясь въ объединенію между собою, и къ достиженію этой цѣли идутъ двумя путями: путемъ объединенія вексельныхъ законовъ племенныхъ народностей и путемъ примиренія мѣстнаго вексельнаго законодательства съ подобными законодательствами другихъ народовъ. Первый путь избранъ Обще-германскимъ вексельнымъ Уставомъ. Первоначально въ Германіи дѣйствовало до 60 различныхъ вексельныхъ уставовъ; но съ 1848 г. Германія имѣетъ одинъ общій вексельный уставъ, во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательный. Въ его основѣ лежитъ не система народной особенности, а вексельныя правила всѣхъ народовъ цивилизованнаго міра. Этотъ универсальный характеръ, это обобщеніе законовъ западно-европейскихъ народовъ и дѣлаетъ Обще-германскій вексельный Уставъ вполне достойнымъ той славы, которою онъ теперь пользуется. Съ небольшими измѣненіями этотъ Уставъ дѣйствуетъ теперь въ Швеціи, Финляндіи и нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи (11). Наоборотъ, другія правительства стараются сгладить мѣстный

оттѣновъ вексельнаго учрежденія посредствомъ примиренія своихъ вексельныхъ законовъ съ законами другихъ государствъ, оправдывая тѣ или другія особенности экономическими и юридическими условіями бытовой государственной жизни, Этому направленія придерживаются законодательства итальянское и русское. Въ основаніе предстоящей вексельной реформы Италіи предполагается положить Обще-германскій вексельный Уставъ, согласуя его съ потребностями мѣстной жизни (¹⁴). Русское законодательство въ отношеніи къ вексельнымъ Уставамъ не отличается самостоятельностью. Такъ первый Уставъ вексельный 1729 г. не только не былъ составленъ русскими, но и написанъ былъ на англійскомъ языкѣ, переведенъ на нѣмецкій и уже съ нѣмецкаго сдѣланъ русскій переводъ (¹⁵). Дѣйствующій теперь вексельный Уставъ 1832 г., опираясь въ общихъ началахъ на Уставъ 1729 г., равнымъ образомъ переполненъ заимствованіями изъ французскаго и нѣмецкаго вексельнаго права. Настоящій Проектъ Устава о векселяхъ руководится Обще-германскимъ вексельнымъ Уставомъ, заимствуя кое-что изъ законодательствъ французскаго, голландскаго и др., оставляя въ тоже время непривосновенными начала Устава 1832 г. и видоизмѣняя нѣкоторыя изъ правилъ западно-европейскихъ государствъ по соображенію мѣстныхъ условій и понятій (¹⁶). На нашъ взглядъ это смѣшеніе разнообразныхъ постановленій западно-европейскихъ законодательствъ съ мѣстными началами можетъ считаться главнымъ недостаткомъ Проекта. Отчего-бы не взять Обще-германскаго Устава цѣликомъ? Тогда по крайней мѣрѣ законодательства сосѣднихъ государствъ были бы объединены, что практически существенно важно. Неудобствъ къ этому особыхъ не представляется. Въ силу тѣсныхъ торго-

ныхъ отношеній Россіи съ Германіей, вексельная практика этихъ государствъ почти одна и та-же. Правда, Проектъ указываетъ на мѣстныя особенности нашего вексельнаго законодательства, но особенности эти не настолько существенны, чтобы могли мѣшать введенію Обще-германскаго Устава; самъ-же Проектъ утверждаетъ, что основныя начала вексельнаго права одни и тѣже у всѣхъ народовъ.

Позвольте въ заключеніе сказать два слова о томъ, какъ смотритъ на вексель юридическая наука. Она считаетъ его учрежденіемъ общечеловѣческимъ, институтомъ, служащимъ на пользу всѣхъ вообще, торговли и промышленности въ особенности. Подобно тому какъ торговля не обусловлена предѣлами той или другой государственной территоріи, такъ и вексель, ея первый и главный слуга, не долженъ имѣть никакихъ ограниченій, характеръ его долженъ быть также космополитическій. Истинное желаніе науки поэтому—не реформа отдѣльныхъ законодательствъ, а одно общее, для всѣхъ государствъ единое международное законодательство⁽¹⁷⁾. Присоединимся-же и мы къ этому желанію и выразимъ надежду на скорую общность и общечеловѣческій характеръ не только вексельныхъ, но и вообще всѣхъ торговыхъ уставовъ Европы.

ПРИМЪЧАНІЯ

ВЪ СТАТЬѢ: „*Вексель въ его прошедшемъ и настоящемъ*“.

(¹) *Vidari*, La lettera di cambio. Studio critico di legislazione comparata. Firenze. 1869 стр. 23—31; *Endemann*, Ueber die Entwicklung des Wechsels und des Wechselrechts въ Zeitschrift für Gesetzgebung und Rechtspflege in Preussen. III Band. Zweites Heft. Berlin. 1869 стр. 177—180; Archiv für deutsches Wechselrecht von Siebenhaar und Th. Tauchnitz. Leipzig. 1851. Bd. I стр. 1—3.

(²) *Meiеръ*. Очеркъ русскаго вексельнаго права въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета за 1857 кн. 2. стр. 103—104; *Engelmann*, Das deutsche Handels—und Wechselrecht. Leipzig. 1869 стр. 215—218. *Thöl*. Das Wechselrecht. Göttingen. 1865 стр. 73—77;—*Vidari*, l. c. стр. 31—41.

(³) *Sigism. Scaccia*. Tract. de commerciis et cambio (Col. 1620) § 1 qa. 6 n. 1. «Quo jure fuerit introductum cambium pecuniae cum pecunia, non vidi apud eos, qui de cambiis scripserunt, examinatum: vero fuisse introductum de jure gentium, pluribus suaderi potest rationibus».

(⁴) *Montesquieu*. L'esprit des Lois. liv. XX ch. XX: «Les juifs, pros crits tour à tour de chaque pays, trouvèrent le moyen de sauver leurs effets... Ils inventèrent les lettres de change»; *Nouguier*. Des lettres de change. Paris. 1851 ch. 2 стр. 24.

(⁵) *Leisewitz*. Ueber den Ursprung des Wechselrechts въ Selchow Jurist. Bibliothek, Th. V, стр. 730 и въ Leisewitz'a sämtliche Schriften, Braunschweig. 1838 стр. 121. *Fischer*. Geschichte des deutschen Handels, Hannover 1793 т. I стр. 477—482; *Runde*, deutsches Privatrecht 1794 § 230; *Petzoldt*. Diss. inaug. de fundamento vigoris cambialis, 1795 стр. 15.

(⁶) *Biener*. Wechselrechtliche Abhandlungen. Leipzig. 1859 стр. 28 и слѣд.: *Siegel*. Einleitung zum Wechselrecht, Leipzig. 1751 стр. 54—55.

(⁷) *Braun*., Die Lehre vom Wechsel. Leipzig. 1868 стр. 3; *Kheil*, Wechselrecht des österreichischen Kaiserstaates. Wien 1867; *Kletke*, Encyclopädie des gesammten europäischen Wechselrechts. Leipzig. 1862 т. I стр. 8; *Story's* Engliches und Nordamerikanisches Wechselrecht. Deutsch bearbeitet von Treitschke. Leipzig. 1845 стр. 4; *Martens*. Versuch einer historischen Entwicklung des wahren Ursprungs des Wechselrechts, Göttingen, 1797, стр. 30 и м. д.

(⁸) *Biener*, l. c. стр. 68 и слѣд.; *Biener*, Abhandlungen aus d. Gebiete der Rechtsgeschichte. Leipzig. 1846 I стр. 157.

(⁹) *Wächter*, Wechsellehre nach den deutschen und ausländischen Gesetzen. Stuttgart. 1860 стр. 20—25. *Hartmann*, Das Deutsche Wechselrecht. Berlin. 1869. стр. 21—22; *Neumann*. Geschichte des Wechsels im Hansagebiete bis zum 17 Jahrhundert. Erlangen. 1863. стр. 148—151.

(¹⁰) *Kheil*, l. c. стр. 14—26; *Biener*, l. c. стр. 11—28. *Kletke*. l. c. стр. 25—30.

(¹¹) *Kuntze*, Deutsches Wechselrecht auf Grundlage der allgemeinen Deutschen Wechselordnung und der Nürnberger Novellen, Leipzig. 1862 стр. 117—158; *Dedekind*. Abrisz einer Geschichte der Quellen des Wechselrechts. Braunschweig. 1843 стр. 91; *Hartmann*, l. c. стр. 17—18.

(¹²) *Renaud*, Lehrbuch des Allgemeinen Deutschen Wechselrechts. Gieszen. 1868. стр. 166—169. *Endemann*, l. c. стр. 176. *Kuntze*, l. c. стр. 178 и слѣд.

(¹³) Журналъ Гражданскаго и Торговаго Права. 1871 стр. 436.

(¹⁴) Zeitschrift für das gesammte Handelsrecht. Erlangen. XIV Band. 1870. стр. 654.

(¹⁵) Объяснительная записка гр. М. М. Сперанскаго къ проекту вексельнаго устава 1831 года: «написанъ былъ сперва на англійскомъ языкѣ, переведенъ на нѣмецкій и потомъ уже съ сего послѣдняго переведенъ, и во многихъ мѣстахъ переведенъ ошибочно и невразумительно, на языкъ русскій». Ср. Заруднаго: Торговое Уложение Италианскаго королевства. 1870. стр. XII.

(¹⁶) Проектъ Устава о Векселяхъ съ объяснительною къ нему запискою. 1869. стр. 5—8.

(¹⁷) *Borchardt*, Vollständige Sammlung der geltenden Wechsel—und Handels—Gesetze aller Länder. Berlin. 1871. Band. I. стр. VII, XIII—XIV.

ВЕНЕЦІЯ И ДУБРОВНИКЪ

ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

СЪ 998 ДО 1358 ГОДА.

(Окончаніе).

Безспорная зависимость Дубровника отъ Венеціи начинается съ 1122 года. Тогда дубровничане, отложивши всякія колебанія, постарались примкнуть тѣснѣе къ Венеціи. Причины были часто внѣшнія: съ одной стороны боязнь Венгріи, а съ другой нежеланіе подчиняться твердому и мужественному византійскому императору Калоіоанну. Этотъ послѣдній поставилъ своею задачею возстановить предѣлы Восточной имперіи и напомнить то, чѣмъ она была въ VI или VII вѣкѣ. Онъ покорилъ большую часть балканскихъ славянъ, и тоже намѣренъ былъ сдѣлать съ Далмаціей и Кроаціей. Но въ начавшейся изъ-за этого войнѣ съ Венеціей Комнень терпѣлъ большею частію пораженія. Въ такихъ обстоятельствахъ дубровничане сами просили себѣ у Венеціи графа (Рацци, Лукарить и др.). Самъ Себастьянъ Сладичъ не отвергаетъ этого (Liber регр. Rag. cap. II, у Мак. 433): онъ признаетъ вмѣстѣ съ прочими, что венеціанскіе графы управляли Дубровникомъ съ этого времени въ продолженіе 30 лѣтъ, и называетъ даже имена правившихъ тогда четырехъ графовъ. Но подчиненія онъ все-таки тутъ не видитъ, увѣряя, что это все было дѣломъ одной лишь дружбы, и что графы, по минованіи въ нихъ надобности, были отпущены домой съ благодарностію и великими дарами. Но призваніе графовъ изъ Венеціи получаетъ другой смыслъ, если мы обратимся къ современнымъ источникамъ. Заключая въ 1141 году договоръ съ городомъ

Фано, по случаю войны послѣдняго съ Флоренціей, венеціанцы поставили между прочимъ слѣдующее условіе: „мы, т. е. граждане Фано, обѣщаемся давать вамъ (венеціанцамъ) на помощь вооруженную галеру на нашемъ содержаніи, гдѣ бы не напали враги на ваши предѣлы, начинающіеся Дубровникомъ и оканчивающіеся Равенной“ (Rad juhosl. Acad. V, 76). Въ 1145 году, заключая трактатъ съ Каподистріей, венеціанцы обязываютъ каподистріянъ идти на войну, если она будетъ происходить въ предѣлахъ венеціанской республики отъ Венеціи до Дубровника (Tafel. Theil I, 106). У Дапдоло подъ 1146 годомъ о томъ же читаемъ: „народъ Юстанополя обѣщаль посылать дожу вверхъ отъ Дубровника одну галеру, а внизъ—опредѣленное число людей“ (Mug. XII, 281). Въ 1154 г. въ договорѣ съ Вильгельмомъ Сицилійскимъ венеціане обязываютъ его не беспокоить владѣній Венеціи, лежащихъ внизъ отъ Дубровника (Ibid. 286). Изъ сличенія этихъ мѣстъ видно, что въ періодъ времени съ 1124 по 1154 годъ, когда Дубровникомъ управляли призванные изъ Венеціи графы, границы венеціанской республики простирались сначала отъ Равенны до Дубровника включительно; затѣмъ начинались Венеціей и оканчивались Дубровникомъ, и, наконецъ, начинались Венеціей и продолжались за Дубровникъ къ греческому полуострову. Значитъ, Дубровникъ и въ это время входилъ въ составъ венеціанскихъ владѣній. Въ первый разъ съ 998 года положеніе Дубровника измѣнилось только послѣ 1154 года: послѣ заключенія договора между Венеціей и Сициліей по этому же поводу.

Алексѣи Комнинъ и Калоіоаннъ хорошо знали, какими страшными врагами для Византіи могутъ быть Венеція и Сицилійское королевство. Оттого Мануиль, сынъ Калоіоанна, составилъ планъ,—возбуждая одну противъ другаго, стараться ослабить ихъ, если невозможно совсѣмъ уничтожить. Въ такихъ видахъ онъ сначала предложилъ свой союзъ противъ Венеціи королю Сицилійскому, Вильгельму, когда узналъ, что послѣдній заключилъ договоръ съ республикой. Не успѣвши здѣсь, онъ обратился съ такимъ же предложеніемъ къ Венеціи; равнымъ образомъ и съ этой стороны получилъ успѣха не больше. Тогда Мануиль рѣшился мстить, потому что обстоятельства были для него довольно благопріятны: вся Германія и Италия были охвачены борьбою гвельфовъ

и гибелиновъ; эта борьба вовлекла въ войну съ германскимъ императоромъ и Венецію. Мануилъ послалъ въ Далмацію сильный флотъ, и завладѣлъ Корцирой, Дубровникомъ, Трогиромъ, Сплатомъ и нѣкоторыми другими мѣстами въ Далмаціи. Это произошло въ 1167 г. (Нивит. Хон. lib. 5, с. 9). Венеція, быть можетъ, и уступила бы эти мѣста Византіи, чтобы избѣжать новой войны, потому что она смотрѣла на этотъ поступокъ Мануила хладнокровно; но Восточный императоръ самъ повредилъ себѣ, когда года черезъ три велѣлъ арестовать всѣхъ венеціанскихъ купцевъ, находившихся въ имперіи. Это вызвало войну. Въ 1171 году Венеція послала флотъ на Восточную имперію. Но флотъ прежде всего долженъ былъ возвратить города, захваченные Мануиломъ. Всѣ города безъ сопротивленія отворяли венеціанцамъ свои ворота, только Дубровникъ не хотѣлъ повиноваться, и его пришлось осаждать. Дубровничане, надѣясь на укрѣпленія, построенныя около ихъ города императоромъ Мануиломъ, рѣшились выдержать осаду. Они выставили на своихъ стѣнахъ византійское знамя, а на берегъ выслали отрядъ, чтобы препятствовать высадкѣ венеціанцевъ. Последніе съ яростью ударили на дубровничанъ и прогнали ихъ въ городъ; затѣмъ начался приступъ; хотя было уже довольно поздно, но осаждающіе успѣли овладѣть нѣсколькими башнями и частію стѣнъ. Окончаніе дѣла было отложено до утра. Когда на слѣдующій день венеціанское войско готовилось къ послѣдней битвѣ, изъ города явилась къ дожу депутація, состоявшая изъ архіепископа, трибуна Михайла, духовенства и властелей. Депутація скорѣе походила на процессію духовную, потому что несла съ собою почти всю дубровницкую святыню; стоя на колѣнахъ, пришедшіе просили у дожа пощады городу. Дожъ не могъ устоять передъ святыней, и по совѣту своихъ общалъ дубровничанамъ миръ, который, однакожь, состоялся на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Всѣ жители, начиная съ двѣнадцатилѣтняго возраста, должны принести присягу настоящему дожу и его наследникамъ по власти. 2) Часть стѣнъ, а также укрѣпленія, сдѣланныя греками, должны быть разрушены. 3) Жители клянутся, что ихъ архіепископъ навсегда будетъ подчиненъ патриарху венеціанскому, если только на это согласится папа. Такъ записана осада Дубровника современнымъ составителемъ альгинатской хроники

(Arch. stor. Ital. VIII, 165), откуда была введена Андреем Дандоло в его хронику (Mur. XII, 294, В. С.). Райнер Цане был оставлен в Дубровник венецианским наместником. Затем Ваталь Микеле II, так звали дожа — завоевателя Дубровника, отправился в Архипелаг, но там был обманут греками, лишился большей части своего флота, и, по возвращении в Венецию, был казнен (1156—1172). В дубровнических летописях и историях эта осада Дубровника представляется иначе. Сладич, в III главе своей диссертации (у Мак. 435), совершенно отвергает существование такого факта. Доказательства его состоят в том, что 1) архиепископ дубровницкий никогда не был подчинен патриарху венецианскому, а 2) в венецианских памятниках есть такие данные, которые приписывают войну с Мануилом другим дожам, жившим ранее Ваталья Микеле II; напр. на гроб дожа Доменико Мивеля сохранилась надпись, в которой он назван ужасом императора Мануила; эта надпись, конечно, сделана современниками, вскоре по смерти дожа; она выдумана, ибо Доменико Микеле умер за 23 года до начала царствования Мануилова. Отсюда он заключает, что все венецианские источники об осаде Дубровника в 1171 году ложны. Но против первого положения Сладичева должно заметить, что подчинение дубровницкого архиепископа венецианскому патриарху в договор было поставлено в зависимость от папы; значит, если подчинения не было, то не было на то согласия папского. Но что такое условие в договоре находилось, это доказали Манзи, Угелли, и Колетти (Mur. Sacrum; VI, 79). Что же касается до второго положения, то Сладичу сначала следовало бы показать, на основании достоверных данных, когда и по чьему распоряжению была сделана надпись, найти для нее какие-нибудь серьезные основания, дабы придать ей значение, равное с заметками летописными, современными самому описываемому событию, опровергнуть точными доказательствами эти последние данные. Летописцы дубровницкие совсем не знают этого события. Растич, в третьей книге своей истории, утверждает, что дубровничане со славою отбили венецианский флот; а потом, видя, что император Мануил в решительную минуту не прислал им помощь, отпали от него, и сдались Вильгельму Сицилийскому в 1173 г. (в извл. Пулич. 21 стр.). Но чтобы

видѣть, какъ далеко зашли дубровничане въ своемъ патриотизмѣ, стоитъ только обратиться къ договору, заключенному между Венеціей и Вильгельмомъ въ 1175 году. Здѣсь мы читаемъ: „мы, т. е. Вильгельмъ, обязуемся не нападать на земли, которыя находятся подъ державою дожа и Венеціи, именно отъ Дубровника до Венеціи (Rad. V, 82)“.—Такимъ образомъ завоеваніе Дубровника Венеціей остается фактомъ несомнѣннымъ. Первая попытка дубровничанъ отдѣлаться отъ Венеціи не удалось. Но гораздо счастливѣе была вторая попытка,—отдаться подъ власть сицилійскому королю, только не въ 1172 году, какъ думалъ Растичъ, а лѣтъ четырнадцать спустя.

Послѣ казненаго Виталия Мизеле II, дожемъ былъ избранъ семидесятилѣтній Себастіано Ціани (1173—1192), *varientior et legalior*, по замѣчанію Дандоло,—но при томъ отличившійся особеннымъ усердіемъ къ религіи. Главною заботою его, по принятіи правленія, было устроить крестовый походъ. Заключивъ въ 1176 году мирные договоры съ императоромъ Мануиломъ и королемъ Вильгельмомъ, Ціани принялся за осуществленіе своей главной цѣли—приготовленія къ крестовому походу, и среди нихъ упустилъ изъ вниманія государственныя дѣла. Впрочемъ ему сочувствовали всѣ венеціанцы, хотя съ другими цѣлями, въ видахъ распространенія своего вліянія и своей торговли на Востокъ. Известно, какъ въ 1205 г. они закончили свои крестоносныя стремленія.—Но когда Венеція устремляла свое вниманіе на Востокъ, сосѣди ея, венгры и сицилійскіе норманны, съ такою же жадностію захватывали ея владѣнія въ Далмаціи.

Первые слѣды норманнскаго владычества въ Дубровникѣ относятся къ 1187 году. Заключая въ этомъ году договоръ съ сербскимъ княземъ Стефаномъ Неманемъ, дубровничане назвали свой сенатъ „куріей господина преславнаго короля Вильгельма“, а полномочіемъ къ заключенію договора выставили „вдвое повелѣніе и распоряженіе преславнаго государя короля Вильгельма“. Если вѣрить Энгелю (*Geschichte d. Freyst. Ragusa*, стр. 83), то Вильгельмъ поставилъ въ Дубровникѣ свой гарнизонъ, и всѣ дѣла поручилъ своему намѣстнику. Присяга данная однимъ изъ этихъ намѣстниковъ въ Дубровникѣ въ 1190 г., при вступленіи въ должность,—это второй памятникъ норманнскаго владычества. Наконецъ, третій памятникъ состоитъ въ договорѣ норманнскаго намѣстника въ Дубровникѣ

въ съ княземъ Мірославомъ, братомъ Немани, въ томъ же 1190 году,—salvo juramento domini nostri regis Tancredi, который наследовалъ Вильгельму (Растичь, въ извл. Пучича, р. 21—22; Кукулевичъ. Арх. югослав. IV, 326). Вотъ всѣ памятники, напоминающіе о власти сицилійскихъ норманнскихъ королей въ Дубровникѣ. Обыкновенно полагали, что сицилійскіе короли владѣли Дубровникомъ съ 1172 по 1192 годъ; но и этотъ небольшой періодъ надо сократить. Мы видѣли, что первый памятникъ этого рода относится къ 1186 г., а отъ 1182 года есть положительное извѣстіе, что Дубровникъ принадлежалъ тогда Венеціи (Murat, XII, 309). Андронинъ, вступившій на престолъ по смерти Мануила, обязался возвратитъ Венеціи все захваченное у ней его предшественникомъ. Невѣроятно также, чтобы сицилійскіе короли приняли Дубровникъ подъ свою власть ранѣе или въ самомъ 1185 году, когда они въ союзъ съ Венеціей воевали противъ Восточной имперіи. Значитъ, Дубровникъ подпалъ власти сицилійскихъ королей только въ 1186 г., къ которому относится и первое свидѣтельство. А близкія отношенія съ 1192 г. къ Византіи могутъ служить достаточнымъ ручательствомъ, что Византія смѣнила Сицилію въ Дубровникѣ. Это становится еще болѣе вѣроятнымъ потому, что со смертію Танкреда въ сицилійскомъ королевствѣ начались внутреннія неурядицы и смуты. Такимъ образомъ, на періодъ сицилійскаго владычества въ Дубровникѣ приходится 6 лѣтъ, и потомъ вдвое болѣе на долю византійскаго.

Теперь возвратимся въ Венеціи.

Набожнаго дожа Себастіана Ціани, умершаго въ 1178 г., и пробудившаго въ Венеціи мысли о крестовыхъ походахъ, дожемъ сталъ Оріо Малипьеръ (Aureus Mostropetro, 1178—1192), столь же набожный и столь же пылавшій рвеніемъ къ крестовымъ походамъ. Но когда онъ замѣтилъ, что съ однимъ благочестіемъ трудно управлять государствомъ, то удалился въ монастырь, а званіе дожа было возложено на знаменитаго Генриха Дандола (1182—1205). Дандоло не отсталъ отъ двухъ своихъ предшественниковъ; онъ возложилъ на себя крестъ въ 1201 году, но при этомъ у него были совершенно мірскія цѣли. Онъ хотѣлъ воспользоваться крестоноснымъ войскомъ, чтобы на счетъ Венгріи и Византіи вознаградитъ Венецію за потери въ Далмаціи. Въ слѣдующемъ году Далмація, отнятая у венгровъ, снова принадле-

шла венеціанцамъ. Но Дубровникъ пока удѣлялъ,—не потому, чтобы крестоносцы и Дандоло затруднились новой осадой, но потому, что дальнѣйшей войнѣ въ Далмаціи воспротивился папа Иннокентій III, и потому еще, что дождь рассчитывалъ на большую поживу со стороны Византіи. Здѣсь уже нѣсколько времени продолжались внутреннія смуты и междоусобія, и одна партія давно уже требовала помощи у папы, Венеціи и императора (Murat. XII; 322, 323). Въ началѣ 1203 года дождь повелъ крестоносцевъ на Константинополь; и теперь не подѣйствовали на Дандоло ни папскія убѣжденія, ни обѣщанія, ни угрозы. Расчеты удались вполнѣ; Византія пала, а пятая часть земель византійскихъ и несмѣтныхъ богатства были вознагражденіемъ Венеціи. Но послѣдняя не позабыла и о Дубровникѣ.

Когда венеціанецъ Томасъ Мавроцено, или Морозини, избранный въ латинскіе патріархи Константинополя, отправлялся къ мѣсту своего назначенія, то ему изъ Венеціи далъ флотъ и порученіе возвратитъ къ повиновенію Дубровникъ. По словамъ Дандоло, патріархъ Томасъ Морозини *Ragusinae urbi, quae Graecorum instinctu jam diu Venetis rebellaverat, bellum intulit; illique de Graecorum diffisi favore civitatem Venetis reddiderunt* (Mur. XII, 332). Изъ этого свидѣтельства мы узнаемъ: 1) взглядъ венеціанцевъ на тогдашнее состояніе Дубровника; она не признавала въ немъ византійскаго владычества, а видѣли одно долговременное возмущеніе противъ Венеціи вслѣдствіе подстрекательства грековъ; и 2) что Дубровникъ и на этотъ разъ былъ покоренъ военной силой. Вышеприведенныя слова Дандоло почти слово въ слово повторяетъ Лоренцо де Моноко (*lib. III, p. 114*) и съ нѣкоторыми подробностями, невыясняющими, впрочемъ, дѣло приводитъ Сабелликъ (*Decad. 1, lib. 8*). Дубровникцкіе лѣтописцы, какъ мы и привыкли ожидать, отрицаютъ фактъ въ такомъ видѣ, и передаютъ его иначе,—каждый писатель по своему. Мы впрочемъ передадимъ рассказъ Растича, одного наиболѣе въ этомъ случаѣ умѣреннаго (85—80). По его словамъ въ Дубровникѣ одинъ изъ ректоровъ республики, Даміанъ Іуда, окруживъ себя войскомъ, хотѣлъ сдѣлаться бессмѣннымъ правителемъ. Настала жестокая тираннія. Сами дубровничане не имѣли достаточно ни силъ, ни мужества свергнуть его, и потому обратились за помощію къ венеціанскому флоту, на которомъ явился Томасъ Мерозини. Послѣдній, сдѣлавъ визитъ Іудѣ,

пригласилъ его въ себѣ на корабль осмотрѣть подарки, назначавшіеся для императора византійскаго Балдуина. Ничего не подозрѣвая, Іуда спокойно отправился на венеціанскій корабль, но тамъ былъ схваченъ и отправленъ въ Венецію, а Дубровникъ, изъ благодарности, принялъ венеціанскаго графа. Таковъ разсказъ Растича. Въ немъ всѣ подробности весьма правдоподобны; даже соблюдена хронологія, что нужно замѣтить, встрѣчается у дубровничанъ довольно рѣдко; его можно бы принять, если бы въ немъ не было замѣтно желаніе и стараніе примирить источниви венеціанскіе и дубровницкіе, при чемъ Растичъ избралъ между ними средній путь, и еслибы не были извѣстны объ этомъ предметѣ другія достовѣрныя данныя, кромѣ Дандоло, Сабеллико и де Монако (Mopacis). Въ библіотекѣ Чиванье, въ Венеціи, находится рукописный сборникъ, составленный изъ отрывковъ древнѣйшихъ хроникъ о дѣяніяхъ фамиліи Дандоло. Въ сборникѣ (на стр. 55) находится, подъ заглавіемъ:— завоеваніе Дубровника—извѣстіе, вполне подтверждающее сказанное въ хроникѣ Дандоло. Въ томъ же сборникѣ (стр. 331) помѣщенъ отрывокъ изъ книги Александра Капелларія съ такимъ заглавіемъ: „Il Campidoglio“, который также подтверждаетъ Дандоло. Оба эти извѣстія принадлежатъ современникамъ.—Кстати замѣтимъ объ Іудѣ. Онъ былъ лицомъ историческимъ, что въ послѣднее время доказано официальными документами. Коррора (Arch. Copit. di Spal. p. 73) въ одномъ памятникѣ вѣнскаго архива, 1221—1223 г., нашелъ слѣдующее: „всѣмъ извѣстно, и отъ васъ не утаено, что Іуда, бывший нѣкогда дубровницкій графъ, ни своимъ согражданамъ, ни вамъ, не хотѣлъ давать праваго суда“,—такъ говорили дубровницкіе посланники Сплитскому графу. Въ другомъ памятникѣ венеціанскаго архива (lib. comunis f. 45 br. 345) отъ 1226 года, между именами другихъ дубровничанъ, названъ „Graj filius comitis Jude“. Но сами дубровничане не могутъ съ точностію опредѣлить времени, когда былъ у нихъ этотъ Іуда. Іоаннъ Равенскій относитъ смерть его къ 1215 г., Растичъ къ 1204; Мавро Орбиллчъ къ 1263, Радци къ 1263 г., а автописи для ректорства его назначаютъ время съ 1260—1263 г. (Макуш. 99—100).

Основанія, на которыхъ Дубровникъ подчинился Венеціи, были слѣдующія: 1) принятіе графа изъ Венеціи; 2) ежегодный платежъ дани; 3) обѣщаніе не заводить торговыхъ

сношеній съ Сиріей, съ Египтомъ, вообще съ Востокомъ. Дубровницкія лѣтописи хотя не упоминаютъ о двухъ послѣднихъ условіяхъ, но они несомнѣнно существовали. Когда дожъ Яковъ Тіеполо принималъ управленіе венеціанской республики, то присягалъ, что будетъ брать ежегодную дань съ Керса (Cherso) а равно и съ графствъ: Арбы, Дубровника и Севья, какъ брали предшественники его. А какъ велика была дань съ Дубровника, показываетъ другой документъ отъ 1225 г. (lib. comit. f. 43 br. 349), въ которомъ Марино Цена ручается дожу за Іоанна Дандолоу, при назначеніи послѣдняго дубровницкимъ графомъ, четырьмястами венеціанскихъ фунтовъ, которые обществу венеціанскому самъ графъ Іоаннъ долженъ pro salutione comitatus ejus. Присягу, данную Тіеполо (1228—1249), повторилъ въ такихъ же словахъ Марино Морозини (1249—1252) и Ренъ Цено (1252—1268); послѣдній впрочемъ опредѣляетъ при этомъ и вѣличесто дани: *libras XX minus soldos IV a communi Ragusii omni anno in festo omnium Sanctorum* (Rad; V, 88, 89. примѣч.). Дандоло такъ выражается объ этомъ предметѣ: „въ четвертый годъ правленія дожа Якова Тіеполо (т. е. въ 1232 г.), дубровничане, которые бунговались до этого дня, по наущенію славянъ и грековъ, прислали пословъ и возвратились въ подданство Венеціи, обѣщавъ ежегодную дань (Mug. XII, 344)“. Относительно торговли на Востокъ, сохранился слѣдующій любопытный документъ: „1224 года 16 іюля Іоаннъ Вереро изъ Дубровника обѣщаетъ господину дожу, что онъ въ своемъ путешествіи, которое будетъ дѣлать съ своимъ слугою,—въ Александрію или Египетъ не пойдетъ и клянется св. евангеліемъ исполнить это; поручителями за него въ этомъ Петръ Новело, Павелъ Рагузскій и Доминикъ Рагузо (Шафар. Act. Arch. Ven. № DXXV)“.—Наказаніемъ за преступленіе подобное служили—лишеніе имущества, личное наказаніе и отлученіе отъ Церкви. О первыхъ двухъ родахъ упоминается въ вышеприведенномъ же обязательствѣ, взятомъ съ Іоанна Вереро (въ словахъ: *Sub poena talius iuris ejus et suae personae*); а относительно третьяго имѣется любопытный документъ ватиканскаго архива, изданный Тейнеромъ (Mon. vetera Slav. Merid. t. 1, p. 121). Это булла папы Бенедикта XI пріору братьевъ предикаторовъ въ Дубровникъ, которою папа снимаетъ отлученіе съ дубровничанъ Марино де Готе, Марино де Гроссе и Юнія

де Вольеассо, наложенное на нихъ за то, что они были въ Александріи и тамъ торговали.

Завладѣвъ Дубровникомъ, Венеція начала систематически ослаблять и подавлять его. Въ 1226 году дожъ Петръ Ціани, привазывая въ точности исполнять всѣ предписанія изъ Венеціи и указывая при этомъ, кто изъ дубровичанъ долженъ прибыть въ Венецію въ качествѣ заложниковъ, заключаетъ такимъ образомъ: „мы также хотимъ и повелѣваемъ, чтобы всѣ баллисты (метательныя орудія), которыя у васъ находятся, вы прислали намъ безъ замедленія. Также предписываемъ и повелѣваемъ, чтобы вы не ходили въ земли нашихъ враговъ и не имѣли съ ними никакихъ торговыхъ отношеній (Liber comm. f. 45, br. 375; Шаф. Act. Ven. Arch. № 526)“. Въ томъ же году дожъ постановилъ: „никто изъ венеціанъ не долженъ принимать въ домъ своемъ никакого дубровничанина, и даже товары дубровницкіе, если въ первый или во второй день не извѣститъ о томъ намѣстника дожева въ Венеціи; въ противномъ случаѣ платитъ штрафъ 30 фунтовъ, 12 солидовъ, или вдвое, если дубровничанинъ долженъ заплатить двойной штрафъ по существу своихъ товаровъ“ (Шаф. *ibid.* № 530). Въ слѣдующемъ году дубровничане обязаны были платить 40% съ товаровъ, привозимыхъ изъ славянскихъ земель (*ibid.* 532). Такія требованія со стороны Венеціи, конечно, были очень тяжелы; поэтому само собою понято, что дубровничане не имѣли никакихъ особенныхъ желаній исполнять ихъ. Къ тому же, славяне и греки постоянно возбуждали ихъ противъ Венеціи (Mur. XII, 347). Дубровничане, однакожъ, вели себя сдержанно, пока въ политическомъ мірѣ имъ ничего не благопріятствовало. Когда же въ 1228 году вспыхнуло на островѣ Критѣ возстаніе противъ Венеціи и, будучи поддержано нубейскимъ императоромъ Іоанномъ Ватацемъ, продлилось до конца 1232 года, тогда и Дубровникъ рѣшился прекратить всякія связи съ Венеціей. Намѣстникъ венеціанскій былъ въ 1231 году изгнанъ. Но вскорѣ послѣ того утихло критское возстаніе и дубровничане, опасаясь за цѣлость города, добровольно подчинилась ненавистному игу и обязались—своего архіепископа подчинить венеціанскому патриарху, платить обычную ежегодную дань, и быть врагами пиратовъ и враговъ Венеціи (Murat. XII, 347). Черезъ три года снова повторилось такое же и отпаденіе а затѣмъ новое подчиненіе Дубровника, вы-

званное войнами между Венеціей и Ватацемъ. Съ 1237 года до 1358 года Дубровникъ твердо уже старался соблюдать свои обязательства къ Венеціи. Только побѣды Людовика Великаго, короля венгерскаго, заставили венеціанскую республику отказаться отъ владычества надъ Дубровникомъ и Далмаціей. По мирному договору, заключенному въ Задрѣ 1358 г., весь далматскій берегъ со всѣми островами до Дурацпа отходилъ къ Венгріи (Ив. Кукул. *Juga regni Croat. Dalmat. et Slav. pars I*, 127—130). Со времени венгерскаго владычества, для Дубровника наступаетъ эпоха наибольшаго развитія могущества и богатства этой республики.

Владычество Венеціи надъ Дубровникомъ продолжалось, какъ мы видѣли, въ продолженіи 360 лѣтъ, съ 998 по 1358 г. Но отсюда слѣдуетъ еще исключить 19 лѣтъ, когда Дубровникъ признавалъ власть Сициліи и Византіи (1186—1205 г.). Нельзя сказать, чтобы во весь такой промежутокъ времени власть Венеціи всегда стояла по отношенію къ Дубровнику на одной и той же высотѣ. Напротивъ, она развивалась постепенно и представляетъ, во всякомъ случаѣ, два періода своего роста: первый до 1171 года, и второй послѣ него до конца владычества. Между ними замѣчается то главное различіе, что въ первомъ періодѣ венеціанцы были въ Дубровникѣ вассалами византійскихъ императоровъ, а во второмъ періодѣ—полномочными владыками.

Припомнимъ, что когда Венеція приобрѣла въ первый разъ господство надъ далматскимъ берегомъ и Дубровникомъ, то она получила все это отъ византійскихъ императоровъ въ *dominium* (Dand. у Mur. XII, 227, A), и вмѣстѣ съ этимъ дожъ принялъ титулъ *dux Dalmatiae*. Отсюда должно заключать, что новыя приобретенія не имѣли тѣсной государственной связи съ Венеціей и представляли особое цѣлое. Это было *ducatus*, княжество, а дожъ былъ въ немъ княземъ. Мы полагаемъ, что византійскіе императоры уступили эти земли венеціанцамъ съ цѣлью защиты этихъ мѣстъ, не отказываясь впрочемъ отъ верховнаго права на нихъ. Такая политика была въ Византіи обычная. И если она не подтверждается оффиціальными документами, то доказывается множествомъ этого рода примѣровъ. Уже Константинъ Великій принималъ цѣлыя толпы варваровъ и поселялъ ихъ на границахъ имперіи для защиты внутреннихъ областей отъ нашествій прочихъ варваровъ. Такъ при немъ

были приняты скифы и сарматы. Послѣ него на такихъ-же условіяхъ поселены были по Дунаю готы, которые, впрочемъ, чрезъ нѣсколько времени совершенно отказались повиноваться императорамъ. Особенное развитіе подобная раздача земель получила со времени Ираклія, который пригласилъ сербовъ и хорватовъ поселиться на балканскомъ полуостровѣ, вступить въ подданство имперіи и защищать ея границы. Съ этою же цѣлью отдавалъ Никифоръ Фоа болгарскую землю русскому князю Святославу. На такихъ же правахъ получила и Венеція далматское побережье. Это сознавали очень хорошо и дожи и императоры. На этомъ основаніи Виталий Фальеро просить у Алексѣя Комнина новаго подтвержденія своихъ правъ на Далмацію, Кроацію и острова. Изложивъ этотъ фактъ, Дандоло прибавляетъ: „Дождь зналъ, что они принадлежатъ къ имперіи Константинопольской; Далмація есть первая провинція Греціи и до времени императоровъ Константина и Василя ею владѣли короли и герцоги, управляя, однакожъ, именемъ имперіи“ (Mugat. XII, 250). Когда по смерти Алексѣя, престолъ занялъ сынъ его Калоіоаннъ, дождь Доминикъ Микеле и у него ищетъ подтвержденія права на земли, уступленныя Венеціи его отцомъ. Калоіоаннъ долго не соглашался на это, увѣрая, что потерялъ бумаги отца, но предъ концемъ своей жизни все-таки удовлетворилъ требованію дожа. Когда при началѣ царствованія Мануила, Рожеръ сицилійскій завоевалъ нѣсколько мѣстъ въ южной Греціи, то императоръ, требуя помощи у венеціанъ, послалъ имъ хрисовуль, подтверждавшій то, что имъ дали его отецъ и дѣдъ. Но спустя немного, потребовали у Венеціи обычныхъ субсидій и, получивши отказъ, Мануиль отнялъ у нея вассальныя права въ Далмаціи и Дубровникѣ, и присоединилъ эти земли къ имперіи (Mug. XII, 291, XIV; 292, XIX). Но тогда Венеція приобрѣла далматское побережье силою оружія, какъ мы видѣли выше.—Какъ вассалы, подручники византійскаго императора по владѣнію далматскими городами, дожи, кажется, числились въ византійскихъ придворныхъ спискахъ и получали разные знаки отличія по мѣрѣ своихъ услугъ для имперіи. Такъ дождь Іоаннъ Урсеоло получилъ титулъ патриція отъ императора Василя II (Mug. XII, 233, XIV). Доминикъ Сильвіо носилъ титулъ протопроедра, данный ему императоромъ Михайломъ (ibid. 247) Алексѣй Комнинъ въ дожскому титулу Виталия Фальеро присоединилъ званіе императорскаго

протосевастоса (ibid. 250). Послѣ сказаннаго, не покажется удивительнымъ, встрѣтить въ 1033 году дубровничанъ, находившихся подъ владычествомъ Венеціи, въ войскахъ византійскихъ императоровъ; это вполне сообразно съ юридическими отношеніями Дубровника къ Венеціи и Византіи.

Завоеваніе Дубровника въ 1171 и 1205 годахъ создало второй періодъ венеціанскаго владычества въ Дубровникѣ, когда онъ сталъ полной собственностью Венеціи. Сущность новыхъ отношеній, возникшихъ въ этомъ періодѣ, была не многосложна. Она состояла: 1) въ присягѣ всѣхъ дубровничанъ, начиная съ 12-лѣтняго возраста, дожу и Венеціи, 2) въ ежегодной дани въ опредѣленномъ количествѣ, 3) въ подчиненіи архіепископа дубровницкаго венеціанскому патріарху и 4) въ принятіи намѣстника изъ Венеціи. Такъ было опредѣлено непосредственно за завоеваніемъ Дубровника. Третье условіе, впрочемъ, не соблюдалось, потому что соблюденіе его было поставлено въ зависимость отъ папскаго согласія, котораго, вѣроятно, никогда не было, о чемъ должно заключать изъ того, что до насъ не дошло никакихъ слѣдовъ его. Но степень зависимости была опредѣлена, главнымъ, образомъ, четырьмя договорами, или вѣрнѣе, грамотами, данными Венеціей Дубровнику въ разные промежутки періода 1232—1252 года.

Всѣ четыре грамоты не представляютъ ничего существенно различнаго въ своемъ содержаніи: текстъ первой всегда служилъ основаніемъ для каждой новой грамоты и только былъ по мѣстамъ дополняемъ сообразно съ переменною нѣкоторыхъ частныхъ обстоятельствъ. Каждая грамота получала силу только на три года, и настолько болѣе, сколько это будетъ угодно дожу Венеціи *et pactum usque ad tres annos et tantum plus, quantam voluntas domini ducis Venetiarum fuerit, inter utramque partem initam est* (выраженіе, внесенное во всѣ договоры). Самыя грамоты читались такъ, что служили письменнымъ изложеніемъ воли дожа. Во всѣхъ четырехъ грамотахъ въ началѣ, отъ лица дубровничанъ говорится: „мы—цѣлая община города Дубровника—даемъ вамъ полную власть и силу, и что вы скажете, сдѣлаете, или постановите, или опредѣлите съ господиномъ нашимъ, дожемъ Венеціи и его сенатомъ, то и мы будемъ считать твердымъ и всегда имѣющимъ силу закономъ“. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе статей, которое начинается словами: „господинъ дожъ, снисходя къ просьбѣ ихъ (т. е. дубровничанъ), поста

новилъ слѣдующее...“ И вотъ главнѣйшее содержаніе всѣхъ четырехъ грамматъ: 1) Венеція посылаетъ въ Дубровникъ своего графа, который наблюдаетъ за исполненіемъ граммати. 2) Архіепископъ дубровницкій всегда избирается въ Венеціи, и если господинъ дожъ получить согласіе господина паны, чтобы дубровницкое архіепископство было подчинено церкви градской (венеціанской патріархіи), то избраніе утверждается патріархомъ градскимъ и избранный посвящается, взаменъ чего архіепископъ дубровницкій общается патріарху вѣрность, почтеніе и должное повиновеніе. Кромѣ того, архіепископъ приноситъ еще присягу господину дожу и его приемникамъ на вѣрность. 3) Клиръ же трижды въ годъ,—на Рождество, на Пасху, и въ день Св. Власія (покровителя Дубровника)—возглашаетъ въ главной соборной церкви многолѣтіе господину дожу, господину патріарху, своему архіепископу и графу и за это получаетъ три шпернера, одинъ отъ насъ дожа, другой отъ архіепископа, а третій отъ графа. 4) Графа дубровничане всегда получаютъ отъ Венеціи, по назначенію дожа и большинства совѣта; графъ приноситъ присягу на вѣрность дожу и его наследникамъ по власти, для соблюденія обоюдныхъ выгодъ Венеціи и Дубровника; онъ приноситъ также присягу и Венеціи въ ненарушимомъ охраненіи ея интересовъ. 5) Если господинъ дожъ приблизится когда къ предѣламъ Дубровника, то граждане принимаютъ его съ приличными почестями, равно какъ и посланниковъ его; если дожъ пожелаетъ остановиться въ дворцѣ архіепископа, то дворецъ уступается ему безпрекословно; если же онъ не захочетъ оставаться въ немъ, то назначается ему, равно какъ и его посланникамъ другой домъ, приличный ихъ сану. 6) Если Венеція пошлетъ войско къ восточному берегу адриатическаго моря, то и Дубровникъ посылаетъ туда войска въ размѣрѣ одной тридцатой части дѣйствующихъ силъ отправленныхъ изъ Венеціи, и при этомъ дубровничане во время войны находятся въ полномъ распоряженіи Венеціи,—*in servitio Venetiae*. 7) Со всѣхъ иностранныхъ кораблей, приходящихъ въ дубровницкій портъ, дубровничане берутъ такую пошлину, какую берутъ венеціанцы въ подобномъ случаѣ и дѣлятъ ее на три части, одна идетъ архіепископу, другая графу, а третья дубровницкому обществу. 8) Всѣхъ друзей Венеціи Дубровникъ считаетъ своими друзьями, и враговъ ея—своими врагами; онъ также не принимаетъ Кадниковъ и Оми-

нанъ *Sasichios et Dalmesanos*) (племя приадриатическаго прибрежья, занимавшихся пиратствомъ), ни другихъ бродягъ, — разбойниковъ и грабителей, — ни въ своихъ стѣнахъ, ни въ своемъ округѣ, и не даетъ имъ никакихъ даней. И если Венеція пошлетъ противъ нихъ свой флотъ, то Дубровникъ посылаетъ также судно съ пятидесятью прилично вооруженными людьми. Вообще, со всѣми пиратами Дубровникъ ведетъ войну безъ хитрости и лукавства. 9) Ежегодно въ праздникъ всѣхъ Святыхъ Дубровникъ платитъ: регалий дожу 12 гипернеровъ, обществу венеціанскому въ Венеціи 100 гипернеровъ старымъ золотомъ настоящей цѣнности, и своему графу такую же монету — 400 гипернеровъ съ общества, и всѣ налоги, исключая налога на соль. 10) Дубровникъ ежегодно даетъ Венеціи 12 заложниковъ изъ 12 лучшихъ фамилій, которые на половину содержатся на счетъ Дубровника. Если кто изъ нихъ умретъ, или убѣжитъ, то его замѣняютъ другимъ. 11) Графъ и всѣ чины Дубровника отвѣчаютъ своей головой за неисполненіе этихъ постановленій до тѣхъ поръ, пока они не будутъ отпущены дожемъ и большинствомъ сената. Кроме того, относительно торговли Дубровникъ соблюдаетъ слѣдующее: а) со всѣхъ товаровъ, которые привозятся его гражданами изъ Византіи въ Венецію, платится пошлина пять процентовъ, равно какъ съ товаровъ азійскихъ и африканскихъ. б) Съ товаровъ сицилійскаго королевства платитъ сороковую часть ихъ стоимости (потому что это были хлѣбные запасы); но если венеціанцамъ будетъ запрещено ходить въ Сицилію и Апулію, то и дубровничане не должны ходить туда. в) Съ товаровъ славянскихъ земель не платитъ никакой пошлины (въ 1227 году однакожь, славянскіе товары были обложены высокою пошлиною, именно 40%; но это имѣло тогда смыслъ запрещенія, такъ какъ Венеція была во враждѣ съ хорватами). д) Дубровничане должны отправлять въ Венецію каждый годъ не менѣе четырехъ небольшихъ судовъ. е) Дубровничане не должны торговать въ мѣстахъ, запрещенныхъ для торговли дожемъ. ф) Находясь въ Венеціи, дубровничане не торгуютъ съ иностранцами (т. е. невенеціанцами). г) На пути изъ Анконы, или изъ другаго города на этомъ берегу, дубровничане заходятъ въ Венецію только для внесенія пошлинъ. — Вотъ въ главныхъ чертахъ содержаніе грамматъ. Отъ времени до времени отдѣльные пункты подтверждались новыми предписаніями. Такъ въ 1290

году было снова предписано дубровничанамъ, чтобы они, по силѣ договоровъ, приходили въ Венецію однажды въ годъ на небольшихъ судахъ, но только съ торговою цѣлью. Спустя три года Дубровнику было строго предписано, почему они не вооружили судна, какъ то слѣдовало по договорамъ. Въ 1294 году въ сенатѣ венеціанскомъ было постановлено: „такъ какъ дубровничане медлятъ выполнить договорную статью о вооруженіи судна съ 150 людьми, то съ нихъ будетъ взыскана денежная сумма, потому что они обязаны платить деньги за то время, сколько промедлятъ вооруженіемъ (Rad, V, 97)“.

На основаніи этихъ договорныхъ грамотъ определялись всѣ отношенія между Венеціей и Дубровникомъ. Всякій новый случай подводился въ статьямъ грамотъ и объяснялся изъ нихъ. Какъ и всегда бываетъ, отношенія Дубровника къ владычествующему надъ нимъ городу были сначала просты и незначительны; только уже впоследствии они были развиты до необыкновенной точности и мельчайшихъ подробностей. Подное и обстоятельное изложеніе ихъ было бы—съ одной стороны утомительно, а съ другой потребовало бы слишкомъ много времени; по этому мы ограничимся указаніемъ на одни главныя черты.

Прежде всего должно сказать, что Дубровникъ находится въ полномъ подчиненіи по отношенію къ Венеціи. Памятники венеціанскіе обозначаютъ это понятіе различными словами, но во всѣхъ нихъ выражается одинъ и тотъ же смыслъ безусловнаго повиновенія. Такъ, въ 1171 и 1205 годахъ дубровничане передаютъ свой городъ Венеціи (Mur. XII, 332. Arch. stor. Ital. VIII, 165); въ 1232 и 1251 они же вринаты въ прежнее подданство (*pristina sibijectio*; Mur. XII, 347, 360). Въ грамотахъ они постоянно обязываются соблюдать вѣрность и повиновеніе; просятъ дожа, признавая за нимъ полную власть, дѣлать для Дубровника постановленія, которыя для этой общины вполнѣ обязательны, а дожъ могъ измѣнить ихъ во всякое время, если пріобрѣталъ себѣ большинство голосовъ въ большомъ совѣтѣ Венеціи (Rad. V, 115). Сами дубровничане постоянно называются подданными и вѣрными (*subditi et fideles*).

Уже изъ этого одного видно, что Венеція властвовала въ Дубровникѣ также неограниченно, какъ древній Римъ въ своихъ провинціяхъ. Разница заключалась въ томъ, что въ

древнемъ Римѣ каждый проконсулъ предъ вступленіемъ на должность издавалъ свой эдиктъ, въ которомъ развивалъ свой взглядъ на примѣненіе римскихъ законовъ къ провинціи; между тѣмъ какъ Венеція разъ навсегда опредѣлила свои требованія, оставивъ за собою право измѣнять ихъ, смотря по обстоятельствамъ, въ будущее время. Власть Венеціи надъ Дубровникомъ, вслѣдствіе общей системы управленія, сосредоточивалась въ рукахъ дожа и большаго собранія (*Majus Consilium*), а представителемъ ея на мѣстѣ былъ графъ.

Въ договорахъ было ясно опредѣлено, что графъ выбирался въ Венецію, и изъ венеціанъ. Впрочемъ, это не было исключеніемъ для Дубровника, а общимъ правиломъ Венеціи въ дѣлѣ управленія провинціями. Графъ всегда избирался за два года ранѣе, чѣмъ слѣдовало принимать должность, и принималъ присягу въ вѣрности и соблюденіи интересовъ дожа и Венеціи. Когда новый графъ отправлялся на мѣсто службы, то ему давалась особая инструкція (*commissio*), которая часто содержала въ себѣ дополненія къ прежнимъ грамматамъ, полученнымъ дубровничанами изъ Венеціи. Въ актахъ венеціанскаго архива находится много ссылокъ на такія инструкціи (*Rad. V, 98*). Графа избиралъ дожъ съ своимъ совѣтомъ, а иногда и одинъ, что бывало, впрочемъ, только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, напр. послѣ возмущеній Дубровника. Оттого и титулъ графа выражалъ только зависимость его отъ одного дожа. Вотъ начало одного посланія: „Великолѣпному и высокому нашему господину и отцу, Божіей милостію дожу Венеціи Марино Бадуріо, его повелѣніемъ графа Дубровника“ (*Соп. I, 57*), или: „Мы, Маркъ Цено, повелѣніемъ славнаго господина дожа Венеціи, графъ Дубровника“. По прибытіи въ Дубровникъ, графъ принималъ новую присягу. Текстъ дубровницкой присяги представляетъ любопытныя данныя. Въ ней графъ обѣщается: 1) управлять ввѣреннымъ ему городомъ, какъ того требуетъ достоинство дожа и Венеціи; 2) взимать съ Дубровника дань въ такомъ количествѣ, въ какомъ всегда брали ее прежніе графы въ Дубровникѣ и во всякомъ другомъ мѣстѣ; 3) давать всѣмъ справедливыи судъ и 4) вмѣстѣ съ большимъ совѣтомъ, который сходится по звуку колокола, злые обычаи въ городѣ истреблять, а добрые возвращать (эта присяга составляетъ первую статью II книги статута Дубровника; у *Мае. 154—155*). Изъ этого довольно ясно можно составить себѣ понятіе о пра-

вахъ и обязанностяхъ венеціанскаго графа въ Дубровникѣ. Для Дубровника онъ будетъ тоже, что для самой Венеціи былъ дожъ: всѣ военныя дѣла, внѣшнія сношенія, назначенія и смѣна должностныхъ лицъ, верховный судъ, право созывать и прекращать засѣданія въ большомъ и маломъ соборахъ и представленіе рѣшеній ихъ на утвержденіе Венеціи,—все это составляло прямыя обязанности графа (онѣ составляютъ содержаніе первой книги статутровъ Дубровника; у Макуш. 151—155; къ сожалѣнію, г. Макушевъ, за исключеніемъ 1-й ст., привелъ одни оглавленія). Онъ имѣлъ полную власть не только надъ дубровничанами, но и венеціанцы, проживавшіе въ Дубровникѣ, подлежали его вѣдѣнію (Engel. стр. 303).

Графу давали изъ Венеціи на помощь сначала одного, а потомъ двухъ, товарищей и секретаря. Въ 1256 году большимъ совѣтомъ въ Венеціи было прямо постановлено, чтобы графъ имѣлъ двухъ товарищей на должности (Lib. comm. стр. 187). Въ статутъ Дубровника (II кн. ст. II) есть даже особая присяга *militum sive sociorum D. comitis*. Она почти та-же, что и графская; вся разница заключается въ примѣненіи къ другому лицу. Такъ онъ, т. е. товарищъ, обязывается давать совѣты, если ихъ потребуетъ графъ, подобно требованіямъ ненарушимаго достоинства дожа и графа; обязуется нести свою должность только до тѣхъ поръ, пока несетъ свою графъ, и когда графъ поручитъ ему свою должность, то обязуется проходить ее согласно съ присягой графа, данной дожу (у Макуш. 155). Статьи 29 и 30 первой книги статутровъ опредѣляютъ права и обязанности товарищей графа. О секретарѣ имѣется слѣдующая замѣтка въ концѣ одного документа: „при этомъ присутствовалъ, и по просьбѣ написалъ и скрѣпилъ Томазій де Савере, сенатскою и дожиною властію венеціанскій нотарій и секретарь Дубровника“ (Rad. V, 98). Но ва то есть много мѣстъ въ самихъ статутахъ, гдѣ говорится о куріи, въ которой графъ производилъ свои дѣла, по преимуществу судебныя; наур. такова почти вся третья книга статутровъ, гдѣ постоянно встрѣчаемъ: *Comes cum sua Curia* и т. д.

Предѣлы графской власти были довольно ограничены; его распоряженія и рѣшенія имѣли окончателъную форму въ тѣхъ только случаяхъ, на которые онъ имѣлъ полномочіе или въ своей инструкціи, или же въ особыхъ порученіяхъ.

Всѣ же остальные дѣла получали силу только тогда, когда были утверждаемы большимъ совѣтомъ Венеціи. Въ венеціанскомъ архивѣ есть особый разрядъ документовъ за 1325 годъ, озаглавленныхъ такимъ образомъ: отгѣты, данные дубровницкому посольству, и исправленіе нѣкоторыхъ неправильныхъ постановленій Дубровника (Rad. V, 102). Ниже мы приводимъ въ переводѣ замѣчательное прошеніе графа дубровницкаго дожу Венеціи: „Свѣтлѣйшему и великолѣпному господину нашему Джіоранни Саранцо, Божіею милостію дожу Венеціи, Далмаціи и Кроаціи и проч.—Паоло Тревизано, его повелѣніемъ графъ Дубровника, судьи, члены совѣтовъ и вся община, ваши вѣрноподданные. Хотя наши дѣла и не вполне соответствуютъ высокимъ обязанностямъ, съ давняго времени возложеннымъ на насъ дожескою властію, однако мы всегда съ совершенною готовностію стараемся объ исполненіи своего долга. По этому, что бы при такой преданности и давнишней вѣрности нашей мы не совершали чего-нибудь, отступающаго отъ нашего долга,—то мы единодушно просимъ, чтобы тѣ условія, распоряженія, исправленія и постановленія, которыя были объявлены намъ чрезъ Джіованни Калворино, нотарія вашего дожскаго двора, вы приказали употреблять для руководства въ дѣлахъ, дабы это послужило въ чести, пользѣ вашего города Дубровника“ (Сопп. III, 20). Приведенное прошеніе всего лучше показываетъ, что хотя Дубровникъ имѣлъ свои учрежденія, но они не имѣли никакого значенія, были совершенно лишены смысла въ администраціи и власти (Dagu. Hist. de la républ. de Ven. V, 479). Община должна была, какъ милости, выпрашивать у Венеціи, чтобы она дала своей просительницѣ законы, и дала опять-таки для того, чтобы община не погрѣшила въ чемъ противъ Венеціи. Униженное состояніе! На этомъ основаніи Венеція постоянно вмѣшивается во внутреннія дѣла Дубровника, или, вѣрнѣе, не вмѣшивается въ нихъ, а распоряжается ими. Въ 1340 году въ большомъ совѣтѣ венеціанскомъ было рѣшено, что онъ вслѣдствіе прошенія дубровницкаго графа, дозволяетъ флорентинцу Лотарю жить въ самомъ городѣ Дубровникѣ (Rad. V, 102). Въ томъ же году Венеція назначаетъ періодъ времени съ 1-го сентября и до ближайшаго дня св. Михаила, въ который дубровничане обязываются сдѣлать поправки и измѣненія въ своихъ статутахъ по тѣмъ указаніямъ, какія имъ сдѣланы уже со стороны Венеціи. Слѣст

нѣсколько лѣтъ Венеція дала дубровничанамъ право относительно присужденія къ смертной казни поступать и располагать такъ, какъ имъ угодно, лишь бы это не служило къ нарушенію правъ графа. Такимъ образомъ, самое нелицедушное повидимому распоряженіе, большой совѣтъ Венеціи дѣлаетъ бесплоднымъ на дѣлѣ прибавкой статьи о ненарушимости правъ графскихъ (Ibid. 103). Едва ли слѣдуетъ говорить здѣсь о тѣхъ карахъ, которыми казнили венеціанцы своихъ ослушниковъ. Уже въ изложеніи грамоты содержится особый пунктъ, по второму дубровничане отвѣчали каждый своей головой, въ случаѣ неисполенія ими условій и постановленій грамоты. Варварства венеціанскихъ судовъ и безчеловѣчныхъ наказаній слишкомъ извѣстны, чтобы распространяться о нихъ.

Но какъ сильна была опека Венеціи надъ Дубровникомъ въ дѣлахъ внутреннихъ, въ такой же мѣрѣ велика она была и въ дѣлахъ внѣшнихъ. Венеція на себя приняла защиту и представительство интересовъ Дубровника при дворахъ иностранныхъ. По свидѣтельству Растича (113—123), дубровничане жалуются Венеціи на сербскаго короля Стефана Уроша въ 1252 году. Дожь Марино Морозини приказалъ дубровницкому графу отправиться по этому дѣлу въ Сербію для личныхъ переговоровъ съ кралемъ; но графъ будто бы струсилъ. Такая же ссора произошла между дубровничанами и Стефаномъ Урошемъ въ 1265 г. Дубровничане опять обращаются къ Венеціи, хотя дѣло уладилось и безъ ея дѣятельнаго участія. Гораздо дѣйствительнѣе было участіе Венеціи въ другихъ дѣлахъ. Въ 1290 г. дубровничанинъ Марино де Маньово получилъ по ея требованію отъ сицилійскаго правительства тысячу унцій золота за судно, отнятое у него сицилійцами около тунисскихъ береговъ. Въ 1301 г. Венеція отправляла въ упомянутому уже сербскому кралю особое посольство, которое разобрало ссоры его съ Дубровникомъ и заключило съ нимъ договоръ. Но Стефанъ Урошь придавалъ этому трактату не особенно важное значеніе, потому что вскорѣ снова началъ вражду противъ Дубровника, опустошалъ его округъ и захватывалъ земли. Тогда въ 1317 году Венеція чрезъ новое посольство потребовало у краля сербскаго удовлетворенія строгимъ тономъ, объявивъ ему, что дубровничане подданы Венеціи и что обиды, сдѣланныя имъ, наносятся самой

Венеція. Сербскій краль и на этотъ разъ унялся, но не надолго. Въ 1326—1328 годахъ онъ снова началъ опустошать округъ Дубровника. Тогда и дѣйствія венеціанскаго посла, отправленнаго въ Сербію, сдѣлались такъ настойчивы и строгы, что онъ выхлопоталъ дубровничанамъ полное вознагражденіе и заключилъ мирный договоръ (Mikl. Mon. Serb. 146). Пожалуй, укажемъ еще на то, что Венеція въ 1340 году приказала своему посланнику въ Византіи требовать возвращенія имущества, принадлежавшаго какому-то умершему въ Константинополь дубровничанину.

Но и кромѣ этого Венеція приняла на себя, надо сознаться, довольно трудную обязанность разбирать распри Дубровника съ другими городами, подвластными венеціанской республикѣ. Въ этомъ отношеніи можно указать на то, что въ венеціанскомъ архивѣ отъ 1328 г. осталось цѣлое дѣло по поводу вопросовъ, касающихся городовъ Задры и Дубровника. Спустя нѣсколько времени Венеція разбирала распри между Дубровникомъ и однимъ графомъ, которому писала при этомъ, что если онъ имѣетъ что, то долженъ былъ доносить въ Венецію (Rad. V, 101). А въ 1288 году венеціанское правительство постановило, чтобы ни венеціанцы, ни дубровничане не давали въ кредитъ купцамъ изъ Кетора (Каттаро). Точно также, если случались какія нибудь распри у дубровничанъ съ своимъ графомъ, то и тутъ, и конечно по своей прямой обязанности, Большой совѣтъ и дожъ Венеціи старались разбирать тяжбы и распри. Однажды, напр. въ 1294 году, вышло столкновение между общиной и графомъ въ Дубровникѣ по поводу сборовъ, на нѣкоторую часть которыхъ графъ имѣлъ право, а община тому противилась. Въ Венеціи было рѣшено, чтобы обѣ стороны прекратили тяжбу и графъ взял свою часть (ibid. 101). Подобная же тяжба вышла въ 1308 году между графомъ и островомъ Ластовымъ, принадлежавшимъ въ Дубровнику, послѣ того, какъ жители Ластова отказались платить налогъ въ пользу графа и его намѣстника. Тяжба кончилась тѣмъ, что Венеція приказала островитянамъ платить графу ежегодно восемь фунтовъ и XV солидовъ, а намѣстнику 60 гиперверовъ (ibid). Вообще, выходила-ли у Дубровника ссора съ иностранными правительствами, или съ городами, подвластными Венеціи, или же съ графами подобныхъ городовъ, или же, наконецъ, выходили недоумѣнія съ собственными графами,—во

всѣхъ случаевъ дѣла отдавались на судъ дожа и большого совѣта Венеціи, гдѣ судъ не всегда былъ безпристрастенъ. Та изъ тяжущихся сторонъ, которая въ предъидущія времена оказывала Венеціи болѣе вѣрности и преданности, всегда получала преимущество и въ судѣ, и въ большей свободѣ управленія (Dagu. Hist. de la republ. de Ven. V, 482).

Венеція никогда не держала постоянныхъ гарнизоновъ въ подвластныхъ ей мѣстахъ; этимъ объясняются отчасти быстрые и какъ бы непредвидѣнные отпаденія городовъ отъ Венеціи. Но чтобы имѣть болѣе близкій надзоръ и великую силу на всякій случай подъ руками, Венеція во многихъ городахъ учреждала морскіе арсеналы. Такъ было и въ Дубровникѣ. Въ немъ никогда не бывало венеціанскаго гарнизона, исключая тѣхъ случаевъ, когда дубровничане сами просили у Венеціи войскъ по случаю своихъ войнъ съ сербскими кралами. Но за то въ Дубровникѣ былъ морской арсеналъ и военная гавань Венеціи; въ немъ хранилась въ складакъ множество военного оружія и запасовъ, и сохранялись матеріалы для постройки, поправки и укомплектованія военныхъ кораблей. Въ 1286 г. въ Дубровникъ было отправлено два корабля, съ тѣмъ, чтобы дубровничане держали ихъ у себя для преслѣдованія Османъ и другихъ злодѣевъ (M. C. lib. 204). Въ 1328 году изъ Венеціи было предписано, чтобы секретарь дубровницкой общины завѣдывалъ венеціанскимъ складомъ военныхъ запасовъ въ Дубровникѣ; а въ слѣдующемъ году послѣдовалъ приказъ о формальномъ открытіи въ Дубровникѣ арсенала, при которомъ бы сохранялись военные суда и галеры (lib. capit. III, 21). Сохранился приказъ, данный въ 1337 году капитану Виадру, чтобы онъ отправлялся въ Дубровникъ для починки своего корабля. Приведемъ еще одинъ фактъ: въ 1339 году дожъ торопилъ дубровничанъ, чтобы они скорѣе кончили вооруженіе начатаго суда, и принимались бы за другое (Mist. XVIII, 66). Этого достаточно, чтобы видѣть какими вѣрными узниками былъ приказанъ Дубровникъ къ Венеціи. Въ его гавани всегда находилось нѣсколько военныхъ венеціанскихъ кораблей, которые служили для него своего рода прозою; между тѣмъ руси дубровничанъ ежедневно работали въ гавани, вооружая и поправляя флотъ своей повелительницы. Къ концу втораго періода венеціанскаго владычества въ Дубровникѣ, жители послѣдняго настолько свыклись и сжились съ своимъ по-

ложениемъ, что Венеція стала поступать съ ними довольно безцеремонно. Такъ; когда въ 1345 году возмущилась противъ Венеціи Задра, дожъ приказалъ дубровничанамъ вооружить двойное противъ обыкновеннаго число людей, и половину отправить подъ Задру къ венеціанскому войску (Rad. VII, 187, прим. 1). Но это была уже послѣдняя служба.

Нельзя не согласиться, что при такихъ отношеніяхъ вліяніе Венеціи на развитіе общественной жизни должно было имѣть огромное вліяніе. Это замѣтно въ Дубровникѣ на каждомъ шагѣ; все въ немъ или было заимствовано изъ Венеціи, или передѣлано на ея ладъ. Каждый городъ, подчиненный Венеціи, организовывалъ свою администрацію по образцу митрополи и по ея же образцу каждый городъ развивалъ свои учрежденія (Daru. Hist. de la républ. de Ven. V, 479). О позднѣйшемъ періодѣ венеціанскаго владычества въ этомъ отношеніи, конечно, нечего и говорить: тутъ Венеція могла и имѣла право принуждать Дубровникъ къ принятію венеціанскихъ формъ правленія и государственнаго устройства. Но сказанное выше положеніе имѣетъ такую же силу и для перваго періода венеціанскаго владычества. Тутъ причина вліянія Венеціи была другая она заключалась въ средствѣ первоначальнаго устройства обоихъ городовъ. Дубровникъ видѣлъ въ венеціанскомъ внутреннемъ строѣ свое родное, но только болѣе развитое, и потому не могъ не заимствовать его. Чтобы вполне разъяснить это, должно сдѣлать отступленіе и обратиться къ раннимъ временамъ, такъ сказать ко дню рожденія обоихъ городовъ.

Сохранился документъ отъ 421 года, по которому Венеція представляется ничѣмъ инымъ, какъ колонією римскаго города Падуи. Въ документѣ читаемъ: „въ лѣто отъ Р. X. CCCXXI... во время управленія господъ консуловъ, Галіана изъ Фонтаны, Симеона изъ Главконій и Антонія Кальва, въ царствованіе Гонорія и Θεодосія, сына Аркадія, консулы, сенатъ и избранные изъ лучшихъ людей города Падуи (Patricianum) постановили: построить городъ на Ривоалтѣ и собрать туда же жителей околележащихъ острововъ, держать тамъ вооруженный флотъ, чтобы имѣть убѣжище отъ нападеній враговъ...; ибо готы и провинцію опустошили и къ городу подошли, раззоряя его“ (Daru. Hist. de la républ. de Ven. I, 21—22, прим. 2-е). Колонисты принесли съ собою въ основанный городъ тѣ самыя порядки, которые были въ мит-

роболія; это было римское городское устройство: консулы, сенатъ и курія. Въ этомъ уже виднѣвъ зародышъ внутренняго строя будущей венеціанской республики. Съ теченіемъ времени первоначальное римское устройство измѣнилось такимъ образомъ: вмѣсто консуловъ явились сначала трибуны, а потомъ дожи; курія получила названіе *Consilium Majus*, большой совѣтъ; сенатъ остался съ такимъ же названіемъ; затѣмъ къ этимъ двумъ—были присоединены: меньшій совѣтъ, *Consilium Minus* (въ нач. XIV в.), совѣтъ сорока (нач. XIII в.), совѣтъ дожа (XIV в.), и наконецъ государственная инквизиція (1454 г.); изъ должностныхъ лицъ кромѣ дожа, особенно важенъ прокураторъ св. Марка, второе лице въ республикѣ (въ концѣ XII в.). При изложеніи правъ и обязанностей этихъ учреждений, мы будемъ обращать особенное вниманіе только на тѣ изъ нихъ, которыя нашли соотвѣтствующее примѣненіе въ Дубровникѣ.

Дожи въ первую пору существованія этого достоинства (697—1032) были настоящими владыками города; они рѣшали вопросы о войнѣ и мирѣ, начальствовали войскомъ, выбирали членовъ совѣта, назначая каждому особое занятіе и даже иногда дѣлали своихъ сыновей или братьевъ своими преемниками, созывали совѣты, имѣли право давать награды, и если нельзя связать, чтобы они издавали законы, то несомнѣнно, что они были верховными судьями. Затѣмъ до положины XIII вѣка дожи успѣли уже потерпѣть нѣкоторое ограниченіе своей власти; такъ имъ стали давать совѣтниковъ; всѣ дѣла дожъ долженъ былъ представлять на утвержденіе сената, хотя сенатъ былъ созываемъ дожемъ и сенаторы выбирались по его усмотрѣнію. Дожъ не могъ уже назначать себя преемника. Наконецъ съ половины XIII в. и до конца республики дожи были уже только первыми сановниками республики: сенатъ, большой совѣтъ, допустивъ наслѣдственныхъ членовъ, захватилъ въ свои руки всю власть. Съ этого времени дожъ обаявался присягой—не стараться объ усиленіи ввѣренной ему власти, хранить государственныя тайны, не читать донесеній пословъ и никакихъ дипломатическихъ бумагъ одинъ безъ своихъ совѣтниковъ, и не отправлять безъ ихъ вѣдома никакихъ депешъ посламъ, не выслушивать безъ совѣтниковъ никакого посла и не давать ему цѣвѣла, своимъ родственникамъ не раздавать ни церковныхъ бенефцій, ни государственныхъ ваекъ бы то ни было долж-

постей, дѣтей своихъ не назначать въ миссіи къ иностран-нымъ дворамъ, не назначать ихъ избирателями и не полу-чать никакихъ даровъ. За то онъ былъ обязанъ присутство-вать на всѣхъ совѣтахъ, участвовать въ большей части цер-емоній, располагать свое время сообразно постановленіямъ, и подчиняться имъ даже въ пищѣ и одеждѣ, такъ что онъ былъ наименѣе свободнымъ членомъ республики. Теперь пе-рейдемъ къ большому совѣту Венеціи.

Всѣ патриціи, имѣвшіе 25 лѣтъ отъ роду, имѣли право участвовать въ засѣданіяхъ большаго совѣта съ правомъ го-лоса; иногда допускались въ совѣтъ даже на 21 году. Большой совѣтъ собирался каждое воскресенье, подъ предсѣдатель-ствомъ дожа. Къ кругу обязанностей и правъ большаго со-вѣта относилось: управление государствомъ, внѣшняя и внут-ренняя политика, утвержденіе законовъ, назначеніе новыхъ налоговъ, и т. п. Но чтобы его рѣшенія могли имѣть законную силу, для этого необходимо было, чтобы они имѣли—въ обы-новенныхъ дѣлахъ большинство 200 голосовъ, а въ экстрен-ныхъ случаяхъ 600 голосовъ. Право дѣлать предложенія въ совѣтѣ принадлежало не всѣмъ членамъ, но—1) дожу, 2) ше-сти членамъ совѣта дожа, 3) тремъ начальникамъ въ совѣ-тѣ сорока, 4) одному изъ трехъ адвокатовъ общины и 5) ми-нистру морскому и военному. Означенные во 2 и 3 пунк-тахъ должны были дѣлать предложенія коллективно при единодушномъ согласіи на него. Когда начинались разсужденія по поводу военныхъ предложеній, то каждый членъ имѣлъ право говорить и за и противъ, но непременно на венеці-анскомъ нарѣчій. Никто не имѣлъ право входить въ совѣтъ съ оружіемъ; но за то рядомъ съ залой засѣданія находился цѣлый арсеналъ оружія. Замѣчательно, что прокураторъ св. Марка не имѣлъ права участвовать въ засѣданіяхъ больша-го совѣта, и вообще не былъ его членомъ, хотя былъ вто-рымъ лицомъ въ республикѣ.

Что касается до сената, что члены его сначала изби-рались самимъ дожемъ, вслѣдствіе чего и назывались *rogati* или *pregadi* (*Consilium Rogatorum*, *Consiglio dei pregadi*); но съ теченіемъ времени большой совѣтъ присвоилъ себѣ право избирать сенаторовъ. Въ сенатѣ, подъ предсѣдатель-ствомъ дожа, находились: прокураторъ св. Марка, девять членовъ совѣта дожа, весь совѣтъ десяти, три адвоката об-щины, два цензора, шестьдесятъ сенаторовъ, избранныхъ

большинств собраніе, шестьдесят сенаторовъ - адъюнктовъ, члена избранныя большимъ собраніемъ, совѣтъ сарона, тридцать министровъ, пятьдесятъ пять кандидатовъ, избранныхъ большимъ совѣтомъ, посланники, не выѣхавшіе изъ Венеціи, или уже возвратившіеся; бывшіе подесты Вероны, Виченцы и Бергамо, и наконецъ: шестнадцать „gradiotti“. Изъ кандидатовъ тридцать, и десять изъ „мудрыхъ“ — имѣли только право совѣщательнаго голоса. Предметомъ разсужденій въ сенатѣ было то же, о чемъ говорилось и въ большиимъ совѣтѣ: дѣла политаескія, война и миръ, трактаты, внутренняя полиція и всѣ административныя распоряженія относительно подданныхъ. На это было только обсужденіемъ проектовъ, которые потомъ поступали въ большой совѣтъ на утвержденіе. Исключительному же вѣдѣнію сената подлежали вѣдыванія: государственными финансами, выпускъ монеты, озиманіе палатовъ, общественныя работы. Для того, чтобы могло состояться засѣданіе сената, необходимо было, чтобы тамъ присутствовало; но вѣрней мѣрѣ, шестьдесят членовъ, имѣющихъ право голоса рѣшающаго. Патриціи, живущій быть избраннымъ въ сенаторы, долженъ имѣть 40 лѣтъ отъ раду. Право дѣлать предложенія въ сенатъ исключительно принадлежало совѣту дожа.

Совѣтъ меньшій состоялъ изъ десяти патриціевъ, достигшихъ сорокалѣтняго возраста; и былъ облеченъ властію чрезвычайной, неограниченной — такъ въ правленіи, такъ и въ администраціи. Тайно отъ сената и синьорія онъ слѣдилъ за теченіемъ дѣлъ республики; но его главнымъ занятиемъ было наблюденіе за тишиною и спокойствіемъ республики. По этому конь завѣдывалъ уголовными преступленіями, которые были совершены патриціями, духовенствомъ или секретарями дожа; ему же были подвѣдомы: преступленія уголовныя, совершенныя въ лагунахъ и на корабляхъ, оскорбленія сдѣланныя маскамъ, театральныя дѣла, злоумышленія касающаеся антературн и поэже — печати. Таки образомъ, меньшій совѣтъ, или совѣтъ десяти, какъ онъ назывался иначе, имѣлъ столь обширный и разнообразный кругъ обязанностей и при этомъ такую власть, что его справедливо считали стривлащемъ республики. Это былъ родъ государственнаго тайнаго контроля надъ правительствомъ и администраціей сарая. Въ немъ всегда было трое президентовъ. Когда совѣтъ получалъ какое-либо извѣщеніе, то одинъ изъ трехъ президентовъ собиралъ подробности, выслу-

шивалъ свидѣтельства, дѣлалъ допросы; однимъ словомъ производилъ слѣдствіе, подвергая аресту при этомъ тѣхъ лицъ, которыхъ считалъ нужнымъ. Во всемъ упомянутомъ онъ давалъ отчетъ двумъ другимъ своимъ товарищамъ, и уже они въ третью рѣшали, должно-ли вносить начатое дѣло на рассмотрениеъ всего совѣта, или нѣтъ. Если не считали нужнымъ давать дѣлу дальнѣйшій ходъ, то оно прекращалось безъ всякихъ послѣдствій; въ противномъ случаѣ трое президентомъ дѣлались обвинителями, не переставая быть и судьями. Преступникъ, во все время суда, не имѣлъ ни защитника, ни спонсеровъ съ другими людьми, хотя бы самыми близкими. Осужденный былъ наказываемъ секретнымъ образомъ; во и наказанія были — или пожизненное заключеніе въ тюрьмѣ, или смерть (обыкновенно кидали въ море) или

Государственная инквизиція по характеру своему имѣла большое сходство съ совѣтомъ меньшимъ, но была страшнѣе его по необычайной таинственности и быстротѣ, съ какою вела свои дѣла. Она состояла изъ семнадцати судей, трое изъ нихъ назывались государственными инквизиторами и выбирались: двое изъ совѣта меньшаго, и одинъ изъ совѣтниковъ дожа; выборы происходили въ меньшомъ совѣтѣ, но въ совершенной тайнѣ. Инквизиторы, выбранные изъ меньшаго совѣта и называвшіеся черными, отправляли свою должность въ теченіе года; а выбранный изъ совѣтниковъ дожа, и называвшійся краснымъ, — въ продолженіи лишь восьми мѣсяцевъ. Инквизиторы въ своихъ засѣданіяхъ избѣгали всякой формальности; отъ нихъ требовалось лишь единодушіе во взглядѣ на дѣло. Кругъ дѣятельности ихъ былъ самый обширный; они могли требовать корреспонденцію отъ всѣхъ сановниковъ и служащихъ республики.

Но обыкновенныя дѣла по преступленіямъ рѣшались совѣтомъ сорока, члены котораго назначались большимъ совѣтомъ, и всегда изъ патриціевъ. Совѣтъ сорока состоялъ изъ четырехъ отдѣленій. Первое завѣдывало исключительно уголовными дѣлами; оно было самое древнее и принимало участіе въ управленіи. Всѣ члены его засѣдали въ совѣтѣ, а трое президентомъ въ совѣтѣ дожа. Этому отдѣленію предоставлялось право верховнаго суда — право милости и казни; но замѣчательно, что право милости никогда не имѣло примѣненія на практикѣ. Три остальныхъ отдѣленія занимались только дѣлами гражданскими — одно отдѣленіе въ

самой столицѣ, а два другія въ провинціяхъ. Совѣтъ сорока избирался на одинъ годъ.

Совѣтъ дожа, или синьорія, состоялъ изъ трехъ президентовъ уголовного отдѣленія совѣта сорока и шести членовъ, выбранныхъ по одному отъ шести кварталовъ Венеціи. Послѣдніе назначались въ большемъ совѣтѣ, и на 8 мѣсяцевъ, а трое первыхъ членами своего отдѣленія и только на два мѣсяца. Засѣданія происходили подъ предсѣдательствомъ дожа, а если онъ былъ въ отсутствіи, то при сенатѣ, или въ большемъ совѣтѣ. Эти совѣтники дожа пользовались въ сущности всею властію правительственною, оставивъ дожу одно имя. Они читали всѣ бумаги, присланныя на его имя, даже въ его отсутствіе, между тѣмъ какъ онъ послѣдняго не могъ дѣлать. Два раза въ недѣлю они объявляли народу о состояніи дѣлъ, въ остальное же время они постоянно находились во дворцѣ. Въ отсутствіе дожа и когда этотъ санъ представлялъ вакансію, они исправляли обязанности самаго дожа. Къ этимъ членамъ присоединяли еще шестнадцать „мудрыхъ“, избравшихся сенатомъ. Но въ этомъ видѣ совѣтъ дожа назывался Коллегією. Чтобы имѣть право на избраніе въ коллегію, должно было при патриціанскомъ происхожденіи имѣть по крайней мѣрѣ тридцать лѣтъ отъ роду. На обязанности совѣта дожа лежало, между прочимъ, составленіе проектовъ, которые отсюда передавались на разсмотрѣніе сената, и потомъ уже получали окончательную санкцію въ большемъ совѣтѣ.—Чтобы закончить очеркъ венеціанскихъ учреждений, скажемъ нѣсколько словъ о прокураторѣ св. Марка. Онъ избирался также изъ патриціевъ, и главною его обязанностію было пеccись о благосостояніи и имуществѣ церкви св. Марка, которая была государственной святынею Венеціи. Но къ этому послѣ присоединили попеченія о вдовахъ и сиротахъ, изслѣдованіе правильности завѣщаній, такъ что въ его рукахъ сосредоточились всѣ дѣла по вопросу объ опекахъ и наследствѣ. Было время, когда прокураторъ св. Марка по двумъ послѣднимъ вопросамъ имѣлъ значеніе легальное для цѣлой Италіи; со всѣхъ мѣстъ ей присылались къ нему документы для засвидѣтельствованія.

Все населеніе Венеціи раздѣлялось на три сословія,—патриціевъ, горожанъ и народъ. Такое дѣленіе было еще остаткомъ римскаго владычества, римскихъ порядковъ. Патриціи считали себя самымъ древнимъ сословіемъ, и возводи-

ли свой родъ въ первымъ поселенцамъ, пришедшимъ изъ Падуи на Ріальто. Весь патриціатъ Венеціи раздѣлялся на нѣсколько классовъ. Къ первому классу относились потомки первыхъ правителей республики и тѣхъ 12-ти трибуновъ, которые избрали перваго дожа; такихъ 22 фамиліи, изъ которыхъ выбирался всѣ дожи. Ко второму классу принадлежать тѣ, предки которыхъ участвовали въ собраніяхъ большаго совѣта, до его окончательнаго преобразованія въ XIV вѣкѣ; такихъ фамилій до 60, и всѣ они дожескія, т. е. были избираемы въ дожи. Къ третьему классу 30 фамилій, вступившихъ въ патриціатъ послѣ XIV вѣка, за особенныя услуги отечеству; три фамиліи между ними давали дожей. Къ четвертому классу принадлежать всѣ, вышедшіе изъ дворянскаго сословія съ острова Кандіи, изъ провинціи и др. мѣстъ, т. е. иностранное дворянство, принявшее венеціанское подданство. Къ этому классу принадлежалъ дожъ Венеціи Людовико Маньини,—первый и послѣдній примѣръ избранія изъ этого четвертаго рода. Торговля была запрещена для венеціанскаго патриціата, которая должна была посвящать себя исключительно государственной службѣ. Большой и меньшій совѣты, сенатъ, синьорія, совѣтъ сорока, государственная инквизиція—все это наполнялось исключительно одними патриціями; они занимали всѣ должностныя мѣста въ столицѣ; въ ихъ рукахъ находилась администрація провинцій и колоній; ими же наполнялись офицерскія должности на флотѣ и въ войскѣ; на нихъ, наконецъ, возлагались званія посланниковъ. Вообще, все, съ чѣмъ бы ни соединялось понятіе о власти, начальства, все это принадлежало патриціямъ.—Къ сословію горожанъ принадлежали тѣ изъ жителей, которые имѣли право заниматься правовѣденіемъ, медициной и тремя видами торговли: шелковыми и шерстяными матеріями и произведениями хрустальныхъ заводовъ Мурано. Чтобы поступить въ это сословіе, нужно было или прослужить опредѣленное число лѣтъ въ конницѣ, или отъ правлять должности механика въ теченіе двухъ поколѣній. Граждане въ государственной службѣ могли занимать только однѣ канцелярскія должности, какъ-то: секретарей совѣтовъ, дожескихъ нотаріевъ и т. п., они могли присутствовать въ засѣданіяхъ совѣтовъ, но молча, безъ права какой бы-то-ни было подачи голосовъ.—Всѣ же остальные жители, которые не принадлежали въ этимъ двумъ сословіямъ, составляли

третій классъ населенія, народъ (popolo). Онъ вмѣщалъ въ себя самыхъ богатыхъ торговцевъ, высшее духовенство, почти всѣхъ, занимавшихся профессіями свободными отъ налоговъ, художниковъ, и, наконецъ, лицъ рабскаго состоянія и пролетаріевъ. Это сословіе не имѣло никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ,—ни въ правленіи, ни въ администраціи, ни въ судахъ, и даже не было допускаемо къ канцелярскимъ должностямъ. Въ одномъ только случаѣ они подавали свой голосъ и непремѣнно утвердительный, когда имъ показывали новозбраннаго дожа, съ слѣдующими словами: «вотъ вамъ дожъ, если вамъ угодно».

Для насъ нѣтъ надобности прибавлять къ этому очерку что-нибудь изъ различныхъ и многочисленныхъ подробностей касательно конституціи, администраціи, чиновниковъ республики и т. п. Для нашей цѣли это необходимо настолько, насколько можетъ объяснять внутреннее устройство Дубровника,—въ которомъ мы и переходимъ.

Первоначальное ядро населенія въ Дубровникѣ было такое же, какъ и въ Венеціи. Уже за нѣсколько десятковъ лѣтъ до нашей эры, еще во времена республики, изъ Рима стали выселяться цѣлыя колоніи на берега вѣнчешней Далмаціи. Такими же колоніями были Салона и Епидавръ. Авторъ сочиненія „о войнѣ Александрійской“, написаннаго до Р. Х., говоритъ, что Салону населяли самые мужественные и твердые изъ римскихъ гражданъ. Осталось нѣсколько древнихъ надписей, въ которыхъ Салона прямо называется колоніей римской. Такое же точно свидѣтельство о Салонѣ сохранилось на монетѣ отъ временъ Клавдія (Shugisum Sacrum; 1,285). Нужно замѣтить, что эту далматскую Салону не слѣдуетъ смѣшивать съ тремя другими: съ Салоной Галльской, не далеко отъ Марселя, съ Солоной Малоазійской, что иначе называлась Виенніей, и съ Салоной Македонской (или Тессалоника); эту послѣднюю и далматскую смѣшалъ Серафимъ Черва и за нимъ г. Макушевъ (изслѣд. объ истор. пам. стр. 1, прим. 1). Тоже должно сказать и объ Епидаврѣ. Городовъ съ такимъ названіемъ было три: одинъ находился въ Целопоппесѣ при заливѣ Арголидскомъ, въ Лаконіи; другой въ Арголидѣ при заливѣ Сароническомъ и былъ замѣчательнъ храмомъ Эскулапа; третій—въ Далмаціи. Этотъ послѣдній многіе, въ томъ числѣ и оба вышеназванные писатели (ibid.), смѣшиваютъ съ Эпидамномъ въ Эпи-

рѣ, который есть ничто иное, какъ нынѣшній Дубровико (слов. Драчь), а прежде Диррахій, или Эпидамнъ, о чемъ ясно говорятъ Аппіанъ въ книгѣ „о гражданской войнѣ“ и Страбонъ въ Географіи, равно какъ и уцѣлѣвшія надписи (Илуг. Sacr. VII, 335—337). Далматскій Епидавръ былъ такою же римскою колоніей. Въ развалинахъ его, которыя лежатъ по берегу верстъ на десять южнѣе нынѣшняго Дубровника, находятъ много надписей, свидѣтельствующихъ о его римскомъ происхожденіи (Илуг. Sacr. 1,149). Римское происхожденіе какъ Епидавра и Салоны, такъ и другихъ далматскихъ городов,—было такъ ясно и несомнѣнно, что императоръ Нинифоръ, по договору въ 810 г. съ Карломъ Великимъ, оставилъ ихъ за собою, именно въ слѣдствіе ихъ римскаго происхожденія и населенія, а Константинъ Порфирогенитъ прямо писалъ, что жители этихъ городовъ называютъ себя римлянами потому, что переселились сюда изъ Рима (De adm. imp. С. XXIX, 128, t. III). Когда въ половинѣ VII вѣка славяне и авары разрушили Салону и Епидавръ, равно какъ и другіе города, то жители первыхъ двухъ, избѣгая рабства и смерти, укрылись на скаль, гдѣ теперь Дубровникъ. Константинъ Багрянородный даже перечисляетъ въ некоторыхъ знатнѣйшихъ изъ первыхъ поселенцевъ. Такимъ образомъ, Дубровникъ своимъ происхожденіемъ и первымъ населеніемъ обязанъ римлянамъ. Устройство городовъ восточной имперіи, которой въ VII в. была подвластна Далмація, оставалось и по законодательству и на практикѣ чисто римскимъ. Поэтому и Дубровникъ необходимо долженъ былъ усвоить себѣ внутренній строй римскихъ муниципій, ибо этого требовала какъ преемство традицій, такъ и дѣйствующее право. Хотя объ этомъ и нѣтъ древнихъ свидѣтельствъ, современныхъ основанію города, но оно тѣмъ не менѣе несомнѣнно; какъ только памятники начинаютъ говорить о Дубровникѣ, то всегда представляютъ его муниципіей.

Но уже очень рано, съ VIII столѣтія, въ него проникаетъ славянство. Съ 638 года еще всѣ окрестности были уже заняты славянами; къ концу же столѣтія они, по всей вѣроятности, стали проникать и въ городъ. Но дубровникціи лѣтописи помнятъ только, что въ 717 г. по смерти тробиньскаго бана Павлиміра, который отстроилъ и укрѣпилъ городъ, сторонники его поселяются въ Дубровникѣ (versus

Melitii. Illug. Sacr. VI, 13). Допустимъ даже, что этотъ разсказъ содержитъ въ себѣ много баснословнаго, однакожь онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что уже очень рано славянская стихія стала распространяться въ городѣ. Теперь вопросъ въ томъ, какое мѣсто отводилось славянамъ въ дубровницкой общинѣ? Изъ аристократическихъ фамилій въ древнихъ памятникахъ очень немного встрѣчается славянскихъ названій, а по большей части латинскія и итальянскія. По дубровницкимъ лѣтописямъ, въ Венецію 997 г. былъ посылаемъ, въ числѣ другихъ, и нѣкто Добрана Рыбица. Поэтому нужно думать, что изъ славянъ тѣ, которые у своихъ носили званіе веза, были причисляемы въ аристократію, всѣ же прочіе поступали въ разрядъ низшихъ сословій. Въ такомъ случаѣ можно примирить и противорѣчивыя показанія двухъ памятниковъ: Вильгельма Тирскаго, приводимаго Бандури (Const. Porphyg. de adm. imp. III, 336) и Лукарича (Ann. di Rag. 15); по первому въ XII в. въ Дубровникѣ были одни римляне и говорили по-латыни, а по второму — уже въ X в. этотъ городъ ославянился и славянской языкъ былъ господствующимъ. Очевидно, что Вильгельмъ Тирскій, одинъ изъ спутниковъ Ричарда Львиное—сердце, видѣлъ одну аристократію, гордую своимъ римскимъ происхожденіемъ и упорно сохранявшую свой языкъ; другой же говоритъ о низшихъ сословіяхъ, на самомъ дѣлѣ образовавшихся изъ славянъ, положившихъ остатки римскихъ *urbanoium*, и потому употреблявшихъ славянской языкъ.

Кажется, что вслѣдствіе смѣшаннаго населенія, въ которомъ масса была на сторонѣ славянства, римское муниципальное устройство въ Дубровникѣ должно бы сильно пострадать. Такъ обыкновенно и думаютъ многіе, напр. г. Майковъ (ист. серб. яз. 156), основываясь на Лучичѣ, и г. Макушевѣ (изслѣд. стр. 5). Но этого не случилось, и спасительницей была Венеція. Хотя Дубровникъ съ ней враждовалъ, но по всей вѣроятности это относится къ низшимъ классамъ, но что указываютъ много разъ упоминаемые союзы съ Неретвянами, славянскимъ племенемъ. При недостаткѣ памятниковъ, мы ограничимся лишь предположеніемъ, что въ Дубровникѣ, какъ и въ другихъ городахъ, очень рано началась борьба аристократіи съ демократіей; объ этомъ можно догадываться изъ той непримиримой ненависти, какую римскіе аристократы Дубровника питали къ славянскому

языку и православной вѣрѣ съ самыхъ раннихъ поръ (Мак. Исслѣд. 5—7). Вѣроятно также, что во время борьбы демократія опиралась на своихъ сосѣдей славянъ, аристократія же на Венецію; мы уже видѣли, что далматскіе города (надо разумѣть: аристократія) призвали дожа въ 998 г. и подчинились ему, въ томъ числѣ и Дубровникъ: но это служить только подтвержденіемъ нашего предположенія. Мы видѣли, что города обратились въ Венецію тогда, когда были очень стѣснены сосѣднимъ хорватскимъ княземъ, и не имѣли защиты отъ Византіи. Едва ли нельзя видѣть въ этомъ одинъ изъ эпизодовъ распри демократовъ съ аристократами, изъ которыхъ первые, утѣсненные вторыми, призвали хорватскаго князя. Что же оставалось вторымъ? Въ Византіи они и въ самомъ дѣлѣ не могли найти себѣ помощи, какъ потому, что Византія въ то время была занята борьбой съ булгарами, такъ и потому, что абсолютныя монархіи не благопріятствуютъ развитію аристократіи. Въ Венеціи, напротивъ, аристократія господствовала: туда и обратились. Какъ-бы-то-ни-было, до X в. аристократія въ Дубровникѣ удержалась, а съ этого времени ее поддерживала Венеція.

Такъ какъ Венеція получила въ X в. Далмацію въ ленъ, то понятно, что она и не могла дѣятельно относиться въ внутреннему строю Дубровника, пока онъ самъ не подалъ ей въ тому повода. Въ 1122 году дубровничане просили у Венеціи такихъ людей, которые научили бы ихъ веденію государственныхъ дѣлъ. Желаніе ихъ было исполнено; въ теченіе 30 лѣтъ Дубровникъ былъ преобразованъ, сообразно устройству тогдашней Венеціи. Вслѣдъ за тѣмъ, съ 1171 г. Венеція дѣлается полною владычицею Дубровника а по статутамъ венеціанскимъ требуется, чтобы порядокъ митрополіи былъ обязателенъ для подвластныхъ городовъ. Теперь и правленіе, и администрація, суды и законодательство перешли въ руки Венеціи. Въ 1242 г. для Венеціи были изданы статуты дожемъ Джакомо Тіеполо, а тридцать лѣтъ спустя эти же статуты примѣнены были и для Дубровника. Вотъ его заглавіе: *Liber statutorum civitatis Rhacusii, compositus per egregium virum D - um Marcum Justinianum de Venetiis honorabilem Comitem Rhacusii a. D. 1272, ind. XV mensis Maji confirmatus per populum Rhacusinum, more solito congregatum die Dominico, nono ejusdem mensis* (Мак. Исслѣд. 149—150). Послѣднія хвастливыя сло-

на напоминаютъ подобное же утверждение дома народомъ венеціанскимъ. Поэтому статуту венеціанскій строй навсегда узаконенъ и утвержденъ въ Дубровникѣ.

Сообразно образцу, который представляла Венеція, въ Дубровникѣ были также три сословія: патриціи, они же везезы, бояре и владетели; горожане, или градъчи, *popolani, citadini*, и наконецъ люди, поселяне, *villani, artifices*.

Сословіе патриціевъ въ Дубровникѣ было не многочисленно, что зависѣло отъ двухъ причинъ: 1) об'единенія фамиліи владетелей съ теченіемъ времени входили въ составъ средняго сословія (Майк. 159) и 2) пополненіе его другими сословіями, т. е. доступъ патриціату со стороны средняго сословія, былъ очень труденъ, и сдѣлался свободнѣе только въ концѣ существованія республики (Мам. стр. 43). По словамъ Рацци, въ его время въ Дубровникѣ было всего 29 владетельскихъ фамилій (*ibid.* 36). Хотя на то нѣтъ положительныхъ данныхъ, однакожь съ достовѣрностію можно полагать, что дубровницкое сословіе патриціевъ, также имѣло нѣсколько степеней какъ и въ Венеціи. Въ грамотахъ 1232—1252 г., фамиліи нобилей слѣдуетъ всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ, т. е. сначала фамиліи итальянскія, потомъ славянскія и при томъ прежде *judices*, и за нимъ *consilarii*. Въ договорѣ 1232 года читаемъ: *Nos judices Rhacusii civitatis: Johannes Gundale, Gervasius Marini, Andreas Dabgane, Matheus Bobatie, Bubanna Petri, et nos consilarii: Damianus Bocinoli, Balatia Gervasii, Petrus Bollislave, Thomas Pezane, Johannes Lampri*. Также въ договорѣ 1236 года: *Nos judices: Rogdanus Goyslavi, Nicolaus Maurus, Gervasius Marini, Petrus Ballislave, et nos consilarii: Grubessa Gundul, Martinusius Gervasii... quondam coitis, Clemens Sersii, Paulus Damiani Bocinuli, Micha Petri Malussi, Andreas Domane Rapane* (Rad. V; 113, 117). Такой порядокъ въ разстановкѣ именъ и въ другихъ документахъ. Фамилія Гундулы или Гундулича всегда занимаетъ первое мѣсто, — стоятъ ли она въ ряду судей, или совѣтниковъ. Далѣе за нимъ слѣдуетъ еще нѣсколько фамилій латинскихъ; потомъ упоминается славянская, и въ концѣ означаются фамиліи, по всей вѣроятности, переселившіяся изъ другихъ городовъ, напр. Томасъ Пезане. Намъ кажется, хотя мы и не имѣемъ, какъ упомянули выше, изъ достаточныхъ данныхъ, что собственно дубровницкіе владетели составляли три класса: въ первомъ классу относились потомки первыхъ, поселившихся въ Дубровникѣ, римскихъ

патрициевъ; ко второму принадлежали тѣ фамиліи, которая переселились въ Дубровникъ изъ другихъ римскихъ городовъ въ періодъ времени съ половины VII в., т. е. съ основанія города, и до XI в., до подчиненія Венеціи; въ третьему классу причислялись славянскіе княжескіе роды. Что же касается до четвертаго класса, то онъ наполнялся причислявшимися въ Дубровнику патриціанскими родами изъ итальянскихъ, дамматскихъ и другихъ городовъ съ XI в. Венеціанскіе роды принимаемы были въ Дубровникъ не ниже втораго класса и, можетъ быть, въ первый: мы видѣли, что Мартинузіи Гервасіо, сынъ бывшаго графа, поставленъ вслѣдъ за Грубишей Гундулой, на второмъ мѣстѣ; но его должно считать венеціанцемъ, потому что съ 1205 по 1237 г. въ Дубровникѣ не было своихъ графовъ. Какъ въ Венеціи, такъ и здѣсь власти отличались отъ другихъ сословіи даже костюмомъ. Права и обязанности ихъ были тѣже самыя, что и у венеціанскихъ патрициевъ: они занимали всѣ высшія и важнѣйшія государственныя должности; они и жили, и родились для управленія другими; всѣ пути къ славѣ были для нихъ открыты. Но въ Дубровникѣ, кромѣ того, власти могли строить фабрики, посылать корабли въ разныя моря (Майн. 188). Бѣдность, государственная извѣна, женитьба на горожанкѣ вели въ лишенію властельскаго званія.

Сословіе горожанъ было, конечно, также древне; какъ и властельное, и было одинаковаго происхожденія съ горожанами Венеціи. Всѣ горожане Дубровника собирались въ цѣхи и братства, значить раздѣлялись на отдѣльныя корпораціи. Они могли имѣть свои особыя совѣщанія, но въ правленіи не принимали никакого участія. Изъ должностей имъ, какъ и въ Венеціи, были доступны однѣ канцелярскія, которыя въ Дубровникѣ назывались скрибами, *Scribae*. Они даже не имѣли непосредственнаго сношенія съ правительствомъ, но выбирали отъ себя на этотъ случай особыхъ представителей, которые назывались *procuratores universitatis*, *procuratori del popoli*, порци градьци (*primores*). Граждане имѣли право владѣть землею, а торговля и ремесла были къ почти исключительной принадлежностію; они пользовались личною независимостію; какъ и власти, носили оружіе содержали городскую стражу, исправляли различныя общественныя работы и платили подати. Для пополненія состава этого сословія было много источниковъ: лишеніе дворян-

ства, отпущеніе на волю брѣпостныхъ людей и т. п. Но за важныя государственныя услуги изъ этого сословія можно было переходить въ составъ властельскаго, хотя это постановленіе до 1667 г. едва ли имѣло приложеніе на дѣлѣ; только послѣ этого года, когда во время землетрясенія погибло много патриціевъ, возвышеніе горожанъ въ патриціи стало свободнѣе. Науки и искусства для горожанъ не были недоступны. Въ XVI вѣкѣ встрѣчаются даже поэты изъ этого сословія.

Третье сословіе поселянъ, или земледѣльцевъ, было во многомъ отличнo отъ венеціанскаго, вслѣдствіе естественныхъ условій. Въ нѣкоторомъ отношеніи оно напоминало свой первообразъ, даже носило названіе *artifices* и состояло изъ промышлявшихъ такими занятіями, съ которыхъ не взимались пошлыны, и изъ пролетаріевъ; но здѣсь сроднаго съ Венеціей было немного. Вся громада третьяго сословія образовалась вслѣдствіе разныхъ сдѣлокъ Дубровника съ королями Сербіи и Босніи, вслѣдствіе которыхъ къ нему отошло нѣсколько славянскихъ округовъ. вмѣстѣ съ округами отошло къ нему и населеніе ихъ со всѣмъ заведеніемъ. Всѣ такіе люди вообще считались подданными Дубровника, оставаясь на своей землѣ. Они занимали въ Дубровникѣ такое же положеніе, какое принадлежало врѣстьянамъ свободнымъ въ Сербіи. Но отъ нихъ должно отличать еще врѣпостныхъ людей, приписанныхъ къ землѣ (*glebae adscripti*), и людей называвшихся просто поселянами, — пользовавшихся личною свободою, но лишенныхъ земли. Эти послѣдніе брали землю у властеля на горожанъ подъ условіемъ отбыванія въ его пользу нѣкоторыхъ повинностей.

Что же касается до государственнаго устройства, разныхъ нравственныхъ, административныхъ и судебныхъ учрежденій, до высшихъ сановниковъ республики, то они были перенесены въ Дубровникъ въ такомъ видѣ, какъ въ тотъ моментъ они состояли въ Венеціи.

Первымъ сановникомъ въ Дубровникѣ, какъ уже было неоднократно указано, былъ графъ, какъ въ Венеціи дожъ. Графъ созывалъ и распускалъ совѣты, хранилъ государственную печать, ключи городскіе, провозводилъ судъ. Хотя дожи потеряли свою власть до второй половинѣ XIII вѣка, и значеніе ихъ упало, но графы въ Дубровникѣ продолжали пользоваться

ся своею властію, въ качествѣ намѣстниковъ Венеціи. Когда съ 1358 г. Дубровникъ отошелъ къ Венгрии, то вмѣсто чуждыхъ графовъ, сталъ избирать изъ своихъ сенаторовъ ректора, который уже не пользовался никакою властію и былъ лишь президентомъ въ совѣтахъ, съ правомъ одного голоса.

Вторымъ сановникамъ считался хранитель имущества Св. Маріи (*Procurator di sancta Maria*, онъ же *Proaefectus, aegarii*), тоже что прокураторъ Св. Марка. Права и обязанности были также одинаковы. Послѣ венеціанскаго владычества этихъ хранителей избиралось до 5; но здѣсь и права ихъ разширились, они стали государственными назначаемыми.

Средоточіемъ правительственной власти въ Дубровникѣ было Большое Вѣче, какъ оно называется въ славянскихъ памяткахъ, или *Consilium Majus* по латинскимъ документамъ. По извѣстію Лукарича, Большое вѣче состояло изъ 100 и болѣе, даже иногда изъ 250 членовъ. Определеннаго числа не было, потому что оно всегда состояло только изъ наличнаго числа совершеннолѣтнихъ властелей. Засѣданія его совершались по воскресеньямъ, позвону колокола и подъ предсѣдательствомъ графа или ректора. Во времена венеціанскаго господства вѣче собиралось болѣе для формы и дѣятельность его была незначительна. Но послѣ оно вступило во всѣ свои права; оно издавало законы, смѣняло и утверждало сенаторовъ, назначало чиновниковъ, рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ, было верховнымъ судилищемъ по дѣламъ уголовнымъ; безъ его утвержденія никакое правительственное, административное и судебное дѣйствіе не имѣло силы. Чтобы могло состояться его засѣданіе, требовалось, чтобы въ немъ участвовало не мѣнѣе двухъ третей наличнаго числа. Такъ нѣкоторые грамматы были подписаны 70 и 72 членами отъ Большаго вѣча. Засѣданія вѣча всегда сопровождались особаго рода церемоніями.

Сенатъ послѣ Большаго вѣча былъ главнымъ правительственнымъ мѣстомъ Дубровника. По венеціанскому образцу сенаторы выбирались изъ Большаго вѣча и назывались—въ славянскихъ грамматахъ умоленные отъ вѣча, а въ дубровникскихъ *Senato de Padri*, или *Consiglio dei pregadi*, въ латинскихъ же *consilium rogatorum*. Число ихъ сначала не превышало 20, а потомъ возрастало постепенно и въ послѣдніе годы существованія республики простиралось до 60. Всѣ члены сената выбирались изъ Большаго вѣча и имъ же; засѣда-

нія происходили подъ предсѣдательствомъ графа, а потомъ ректора, четыре раза въ недѣлю. Въ его рукахъ находилась вся распорядительная и исполнительная власть; но онъ ничего не могъ дѣлать безъ разрѣшенія Большаго вѣча и отдавалъ ему отчетъ въ своихъ дѣлахъ.

Одиннадцать человѣкъ сенаторовъ съ графомъ, или ректоромъ въ главѣ, составляли *consilium minus, consiglio minore*, Малое вѣче. Они находились постоянно при ректорѣ, такъ что послѣдній безъ нихъ не могъ сдѣлать шагу изъ своего дворца. Венеціанскіе графы, само собою понятно, не были въ такой зависимости отъ Малаго вѣча; которые для нихъ составляли скорѣе приличную свиту, чѣмъ имѣли дѣйствительное значеніе. Одинъ изъ Малаго вѣча всегда обязанъ былъ представлять собою лицо ректора, если онъ самъ не могъ явиться по чему-либо. Въ этомъ случаѣ вѣчникъ надвѣвалъ обыкновенно ректорское облаченіе (Рація у Мал. 37). Но кромѣ этихъ вѣшнихъ отличій Малое вѣче, по кругу своихъ обязанностей, обыкновенно, сближается съ совѣтомъ десяти въ Венеціи.

Въ устройствѣ судебной части было сдѣлано отступленіе отъ венеціанскихъ порядковъ. Оно и понятно. Совѣтъ сорока завѣдывалъ и судами провинцій; для Дубровника не было надобности учреждать особую высшую судебную инстанцію, которая уже имѣлась. По этому въ Венеціи за благо разсудили учредить для Дубровника одни только низшія инстанціи суда. Съ точки зрѣнія государственныхъ соображеній это было и справедливо и полезно. Такимъ образомъ, въ Дубровникѣ ограничились по судебной части только тѣмъ, что ежегодно назначали отъ четырехъ до пяти человѣкъ судей; одна часть которыхъ рѣшала уголовныя преступленія, а другой были подсудны гражданскіе иски. Съ прекращеніемъ венеціанскаго владычества, высшей судебной инстанціей сталъ сенатъ; низшія же остались по прежнему. — Еще одна особенность судебного строя въ Дубровникѣ. Мы уже знаемъ, что большинство населенія въ немъ составляли славяне, никогда не прекращавшіе связей съ своими родичами въ Босній и Сербій и сосѣдями. При судѣ надъ славянами Дубровникъ не могъ допустить соблюденія нѣкоторыхъ славянскихъ обычаевъ. Особенно этому способствовали много договоры, заключенные Дубровникомъ съ сосѣдними славянскими владѣтелями. Въ такихъ договорахъ князья всегда стави-

ли однимъ изъ важнѣйшихъ условій судъ надъ ихъ подданными въ Дубровникѣ и его округѣ по славянскимъ обычаямъ, а разбирательство пограничныхъ ссоръ мѣстнымъ судомъ. Отсюда въ Дубровникѣ распространились нѣкоторыя городскія учрежденія славянъ и введены были славянскія судебныя должности. Но все это было для однихъ славянъ и по преимуществу для тѣхъ, которые жили въ округѣ и на границахъ. Только въ такихъ именно предѣлахъ можно допустить присяжный судъ въ Дубровникѣ, о чемъ говоритъ г. Майковъ (111—114), потому что, по яснымъ и точнымъ словамъ Рапци, суда присяжныхъ—какъ общаго государственнаго учрежденія—въ Дубровникѣ никогда не было (Stor. di Rag. libr. III; Макуш. 37).

Венеціанской синьоріи въ Дубровникѣ соотвѣтствовала курія. Въ періодъ владычества Венеціи ея существованіе для Дубровника доказывается многими документами, что было показано въ своемъ мѣстѣ. Но что стало съ нею съ отходомъ его къ Венгріи, неизвѣстно; достоверно одно, что она болѣе существовала, какъ самостоятельное учрежденіе. Намъ думается, что въ концѣ XIV или въ началѣ XV столѣтія курія была соединена съ Малымъ вѣчемъ (Consiglio minore); основаніе для такого предположенія заключается въ томъ, что Малое вѣче, соотвѣтствуя Меньшему совѣту (совѣту десяти тоже) Венеціи, вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчаетъ назначенію и синьоріи, находясь постоянно во дворцѣ ректора и участвуя съ нимъ во всѣхъ дѣлахъ. Нѣкоторые писатели, напр. г. Майковъ (168), нерѣдко смѣшивали даже Малое вѣче съ куріей; но возможность смѣшать ихъ хотя очевидна, но ея должно избѣгать.

Если бы наша цѣль требовала дальнѣйшаго сравненія внутренняго строя Венеціи и Дубровника, то мы могли бы доказать безъ труда, что Венеція, и послѣ прекращенія ея владычества, была для Дубровника постояннымъ образцомъ подражанія, простиравшагося даже до перениманія покрова платья для властелей и чиновниковъ. Всѣ учрежденія, которыя появлялись въ Венеціи, тотчасъ же были пересаживаемы на дубровницкую почву, разумѣется, въ соотвѣтствующемъ объемѣ. Даже государственная инквизиція явилась въ видѣ Reipublicae Provisorum (consiglio de' proveditori della repubblica). Но разборъ подобныхъ учреждений выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи.—Общій выводъ, въ которому мы при-

хѣдимъ, тотъ, что Дубровникъ невозможно изучать безъ сравненія съ Венеціей и что искать въ немъ славянскихъ началъ, загбшихъ и издавна исчезнувшихъ, возможно, а дѣйствовавшихъ когда-либо послѣ и теперь вымирающихъ,—напрасный трудъ.

А. Небосклоновъ.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

О МАГНИТНЫХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ ВЪ ВОСТОЧНОЙ РОССІИ

за 1873 годъ.

Результаты магнитныхъ наблюденій, произведенныхъ лѣтомъ
1873 года.

III. Наклоненіе ⁽¹⁾.

1) *Казань*. Мѣсто наблюденія: въ концѣ поляны между
Первой и Второй горами, за садомъ профессора Янншев-
скаго ⁽²⁾.

19 апр. отъ 4,0 до 5,2 ч. в.	наклоненіе=68°34',47	стр. № 17
29 — 9,0—11,5 ч. у.	— = 36,04	— 17
— — — — —	— = 36,55	— 16
1 мая 2,5— 5,5 ч. в.	— = 38,50	— 17
— — — — —	— = 42,09	— 16
12 — 4,5— 6,5 — —	— = 37,73	— 17
13 — 0,0— 1,0 — —	— = 36,98	— 17
22 — 1,0— 2,0 — —	— = 36,20	— 17
Среднее=68°37',32		

2) *Митески*. На возвышенности, къ сѣверу отъ мечети

23 мая отъ 2,4 до 4,7 ч. в.	наклоненіе=68°58',67	стр. № 17
— — — — —	— = 57,47	— 16
Среднее=68°58',07		

21 авг. 1828 г. Ганштень получ. накл.=68 54 , 9
Измѣненіе наклоненія въ 45 лѣтъ = + 3',2

⁽¹⁾ Начало отчета о магнитныхъ изслѣдованіяхъ въ Восточной Рос-
сіи помѣщено въ «Извѣстіяхъ Казанскаго Университета» за 1872 годъ, стр.
369—402.

⁽²⁾ Во всемъ отчетѣ числа считаются по новому стилю, а часы,
приблизительно, по казанскому времени.

3) *Милетъ*. За огородомъ почтовой станціи.

25 мая	отъ 5,0— 8,0 ч. в.	наклоненіе=	68 51,65	стр. № 17
—	—	—	= 52,55	— 16
27	— 9,5—11,5 ч. у.	—	= 53,98	— 17
			= 53,56	— 16
		Среднее=	68 52,93	

22 авг. 1828 г. Ганштень получ. накл.=68°50,1
Измѣненіе наклоненія въ 45 лѣтъ + 2',8.

3) *Кожиль*. За огородомъ почтовой станціи.

28 мая	10,4—0,2 ч. в.	накл.=	69°23',85	стр. № 17
—	—	—	= 25,23	— 16
—	4,3—8,0	—	= 22,27	— 17
—	—	—	= 22,48	— — въ аз +20°
—	—	—	= 22,52	— — въ аз—20
—	—	—	= 21,63	— — въ аз+40
—	—	—	= 19,92	— — въ аз—40
—	—	—	= 21,34	— — въ аз+60
—	—	—	= 20,46	— — въ аз—60
		Среднее=	69°23',03	

23 авг. 1828 г. Ганштень пол. накл.=69 21,8
Измѣненіе наклоненія въ 45 лѣтъ = + 1,2

4) *Зури*. За огородомъ почтовой станціи, по дорогѣ въ Глазовъ.

30 мая	отъ 2,4—4,2 ч. в.	накл.=	70°47',32	стр. № 17
	—	—	= 48,12	— 16
		Среднее=	70°47',72	

24 авг. 1827 г. Ганштень пол. накл.=70°36,1
Измѣненіе наклоненія въ 45 лѣтъ + 11',6.

5) *Глазовъ*. За огородами почтовой станціи, недалеко отъ острога ссыльно-каторжныхъ.

1 іюня	—	накл.=	70°29',20	стр. № 17
	—	—	= 29,83	— 16
		Среднее=	70°29',51	

6) *Морозовка* Воронинской волости. Около волостнаго правленія на верху горы, возлѣ угла изгороди.

2 іюня	0,0—1,7 ч. в.	накл.=	70°25',26	стр. № 17
	—	—	= 25,48	— 16
—	4,9—5,8 ч. в.	—	= 23,77	— 17
		Среднее изъ 2 опр.=	70°24',57	

8) *Пешерская*, деревня въ лѣсу между Залазинскимъ и Кирсинскимъ желѣзными заводами. Мѣсто наблюденія: въ концѣ улицы къ Кирсинскому заводу.

4 іюня	—	накл.=70°49',44	стр. № 17
	—	= 48,52	— 16
Среднее=70°48',93			

9) *Каѣ*. На верху горы, внутри изгороди, гдѣ овиный.

7 іюня	0,0—2,5 ч. в.	накл.=71°31',17	стр. № 17
	—	= 30,67	— 16 въ мерид.
	—	= 30,59	— — въ аз. +30°
	—	= 29,92	— — — —30°
9 іюня	10,7—0,5 ч. в.	— = 31,65	— 17
	—	= 31,57	— 16
Среднее=71°31',19			

10) *Тихово*. Къ сѣверу отъ деревни, въ ста саженьхъ отъ послѣдняго дома по дорогѣ въ Каю.

10 іюня	8,3—10,2 ч. у.	накл.=71°25',87	стр. № 17
	—	= 29,30	— 16
Среднее=71°27',58.			

11) *Бабкинская*. На горѣ возлѣ овина по дорогѣ въ Каю.

12 іюня	8,5—10,5 ч. у.	накл.=70°31',50	стр. № 17
	—	= 31,13	— 16
Среднее=70°31',31.			

12) *Лекма*.

13 іюня	11,0—0,0	накл.=70°42',39	стр. № 17
---------	----------	-----------------	-----------

13) *Прокопьевка*. Возлѣ волостнаго правленія.

15 іюня	9,3—1,5 ч. в.	накл.=71 7',07	стр. № 17
	—	= 5,37	— —
	—	= 4,11	— —
	—	= 5,80	— —
	—	= 6,55	— 16
	—	= 6,05	— —
	—	= 5,93	— —
	—	= 6,25	— —
Среднее=71°5',85.			

14) а. *Макарьевская* слобода въ сѣверу отъ города Вятки.

17 іюня	9,0—11,0 ч. у.	накл.=70 31',22	стр. № 17
	—	= 29,69	— 16
18	—	= 30,56	— 17
	—	= 30,13	— 16
Среднее=70 30',40.			

в. Вятка. Возлѣ земскаго училища для распространенія сельско-хозяйственныхъ и техническихъ свѣдѣній, директоръ училища П. А. Германъ сдѣлалъ наблюденіе инструментомъ Adie въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ предполагаетъ устроить магнитную обсерваторію.

18 іюня около 4-хъ ч. в. накл.=70°25,82 стр. № 17

15) *Котельничъ*. Между городомъ и пивовареннымъ заводомъ.

20 іюня 11,0—1,0 ч. в. накл.=70 16',84

— — — = 14,09

Среднее=70 15,45

16) *Кукарка*. Внѣ города около того мѣста, гдѣ строится больница.

22 іюня 8,1—10,0 ч. у. накл.=69 55,41 стр. № 17

— — — = 57,53 — 16

Среднее=69 56,47

17) *Турекъ*, въ 14 верстахъ отъ Уражума на берегу р. Вятки. Мѣсто наблюденія: огородъ четвертаго дома отъ амбаровъ на берегу р. Вятки.

23 іюня 10,0—0,0 накл.=69 38,85 стр. № 17

— — — = 39,29 — 16

На площади возлѣ рѣки.

25 іюня 7,8—9,9 ч. у. — 40,27 — 17

— — — = 40,68 — 16

Среднее=69 39,77.

18) *Пьяный боръ*. На берегу Камы возлѣ того мѣста, гдѣ весной бывають парходныя пристани:

27 іюня 4,0—6,0 ч. у. накл.=68 28,27 стр. № 17

— — — = 29,36 — 16

Среднее=68 28,81

19) *Саранулъ*. Въ концѣ города противъ строящейся земской больницы.

28 іюня 10,8—0,7 ч. в. накл.=69°11,38

— — — = 10,75

Среднее=69 11,06

Въ 1872 году 13 и 14 іюня я получилъ наклоненіе въ другомъ мѣстѣ въ полверстѣ отъ нынѣшняго мѣста=69°9,1

20) *Слудка*. Между селомъ и деревней, недалеко отъ склада дровъ.

2 іюля 3,3—5,0 ч. в. накл.=70 50,49 стр. № 17
 — — — = 47,94 — 16
 Среднее=70 49,20.

Въ 1872 году 24 іюня я получилъ наклоненіе въ селѣ недалеко отъ волостнаго правленія =70 48,9

21) *Пермь*. Въ томъ же мѣстѣ, что и въ 1872 году.

4 іюля 11,7—1,6 ч. в. накл.=70 25,00 стр. № 17
 — — — = 26,01 — 16
 Среднее=70 25,50

Въ 1872 г. 20 и 21 іюня я получилъ накл.=70°24',2.

22) *Крыласово*. Въ томъ же мѣстѣ, что и въ прошломъ году.

5 іюля 0,0—1,6 ч. в. накл.=70 28,75 стр. № 17
 — — — = 28,62 16
 Среднее=70 28,68

Въ 1872 г. 3 и 6 іюня я получилъ накл.=70°25',3

23) *Быково*. За деревней, противъ почтовой станціи.

7 іюля 10,0—1,0 ч. в. накл.=70°11,77 стр. № 17
 — — — = 11,94 — — въ аз.=+30°
 — — — = 10,49 — — — =+30
 — — — = 11,07 — — — =+60
 — — — = 7,55 — — — =+60
 — — — = 12,67 — 16
 Среднее=70°11,64

30 авг. 1828 г. Ганштень пол. н.=69 51,4
 Измѣненіе наклоненія въ 45 лѣтъ +20',5

24) *Киришанг*. За огородомъ почтовой станціи.

8 іюля 6,0—8,0 ч. у. накл.=70°9',13 стр. № 17
 — — — = 8,97 — 16
 — 3,0—3,9 ч. в. = 7,59 — 17
 Среднее=70 8,56

31 авг. Ганштень получ. накл.=69 51,3
 Измѣненіе наклоненія въ 45 лѣтъ=+17',3

25) *Екатеринбургъ*. Въ отчетѣ за 1872 годъ я написалъ: „Большая разность въ полученномъ наклоненіи заставляеть меня вновь побывать въ Екатеринбургѣ и сдѣлать на-

блюденія при лучшей погодѣ и въ разныхъ частяхъ города. Во время моего пребыванія въ Екатеринбургѣ были постоянные дожди*. Въ этомъ году я выполнилъ свое прошлогоднее намѣреніе, хотя погода была въ нынѣшнемъ году еще хуже прошлогодней.

а) За городомъ возлѣ пермской заставы.

11 іюля накл.=69°45',20 стр. № 17

б) Къ югу отъ кладбища, на холмѣ, подъ которымъ находится кожевенный заводъ

12 іюля накл.=69 26',00 стр. № 17

с) Въ павильонѣ Екатеринбургской магнитной обсерваторіи.

13 іюля 9,8—0,6 ч. в. накл.=70°15',52 стр. № 17

— — = 17,64 — 16

Среднее=70 15',58

д) На сѣвн. площади, гдѣ бываетъ конская ярмарка въ Петровъ день.

14 іюля 1,0—2,2 ч. в. накл.=70 1',62 стр. № 17

Первыя два мѣста *a* и *b* находятся недалеко отъ Верхне-Исетскаго завода: мѣсто *a* въ 1 верстѣ, мѣсто *b* въ трехъ верстахъ

Въ 1828 году Ганштенъ получилъ накл.=69 42,1 между тѣмъ какъ Эрманъ 69 24,0. 15 іюля 1829 г. Гумбольдтъ получилъ накл.=69°8',8. 26 іюня 1830 г. Фуссъ получилъ накл.=69 18',6.

Мои опредѣленія наклоненія лежатъ въ предѣлахъ 49',6; опредѣленія Ганштена, Эрмана, Гумбольдта и Фусса въ предѣлахъ нѣсколько меньшихъ, а именно 33',3.

Такой выводъ изъ моихъ наблюденій и работъ прежнихъ ученыхъ заставляеть меня думать, что не только не слѣдуетъ имѣть магнитной обсерваторіи въ Екатеринбургѣ, но всякій ученый путешественникъ долженъ избѣгать этотъ городъ и дѣлать свои наблюденія въ какомъ нибудь селѣ въ востокъ отъ Екатеринбурга.

26) *Мостовая*. За огородомъ почтовой станціи.

15 іюля 7,0—9,2 накл.=69 54',66 стр. № 17

— — = 54,76 — 16

Среднее=69 54',71.

27) *Невьянскъ. На вершинѣ Лебяжьей горы.*

17 іюля	11,5—1,5 ч. в.	накл.=70 46 ,46	стр. № 17
—	—	= 46 ,62	— 16
18 іюля	9,0—10,0 ч. у.	= 48 ,41	— 17

18 іюля наблюденіе сдѣлано на другомъ мѣстѣ той-же горы.

Среднее=70 47 ,06

5 сент. 1828 года Ганштень получилъ накл.=69 35 ,8

У Ганштена не сказано, гдѣ было сдѣлано его наблюденіе, а потому я и не буду сравнивать его результата съ своимъ. Замѣчу только, что Невьянскъ представляетъ вѣроятно подобныя же аномаліи, какъ и Екатеринбургъ и всѣ пункты до Верхотурья.

28) *Грань или Анатолевская. Позади станціи на горѣ.*

18 іюля отъ 4,5 накл.=72°37,1. Это наблюденіе сдѣлано однимъ концомъ А стр. № 17

Восточнѣе перваго мѣста на 100 сажень въ лѣсу.

— — =72 4',2

По окончаніи наблюденія я сталъ разсматривать горныя породы и между авгитовыми породами нашолъ большіе куски бураго желѣзнака.

29) *Нижне-Тагильскъ. На бывшемъ этапномъ дворѣ, въ южномъ концѣ завода.*

19 іюля	10,5—0,3 ч. в.	накл.=70°18 ,43	стр. № 17
—	—	= 18 ,42	— 16
—	0,5—1,5 —	= 20 ,46	— 17
Среднее 2 опред.=70 19 ,47			

Послѣднее наблюденіе сдѣлано было въ концѣ Кочкова-той площади.

7 сент. 1828 г. Дуэ получилъ наклоненіе=69°46 ,8

30 іюня 1829 г. Гумбольдтъ получ. накл.=69 29 ,8

Въ Нижне-Тагильскѣ находится магнитная гора Высокая, отъ которой вѣроятно и зависятъ разности въ результатахъ наблюденій Дуэ и Гумбольдта. —

30) *Кушва.*

а) За селомъ по дорогѣ въ Н. Тагильскъ.

21 іюля 10,0—11,0 ч. у. накл.=71°10',60 стр. № 17

б) На вершинѣ горы Благодати, на краю скалы возлѣ памятника Вогугу Чумпину накл.—80°38'.

с) Внизу, подѣ часовней 60°26'1.

д) За селомъ по Серебрянской дорогѣ

24 іюля 5,0—6,0 ч. в. накл.=71°29'94 стр. № 17

е) Близъ часовни, что на Тагильской дорогѣ

22 іюля накл.=71° 7,01 стр. № 17

— — = 7,77 — 16

Среднее=71° 7',39

Мѣста наблюдений а и е находятся одно отъ другаго въ двухъ верстахъ.

8 сентября 1828 г. Дуэ получилъ накл.=70 50 ,8

31. *Имянная*. На горѣ въ лѣсу.

23 іюля 3,0—4,0 ч. в. накл.=70°52 ,73 стр. № 17

31. *Верхотурье*. Въ концѣ улицы, на которой стоитъ почтовая станція

24 іюля 7,9—9,8 ч. у. накл.=71 24 ,20 стр. № 17

— — — = 23 ,66 — 16

29 — 11,0—1,0 ч. в. — = 21 ,53 — 17

— — — = 21 ,50 — 16

Среднее=71 22 ,72

11 сен. 1828 г. Дуэ пол. накл.=71°12 ,4

Измѣненіе наклоненія въ 45 лѣтъ=+ 10 ,6

33. *Питатели* или Латинское. Въ Кедровой рошѣ.

25 іюля 0,0—1,9 ч. в. накл.=71 21 ,43 стр. № 17

— — — = 20 ,50 — 16

Среднее=71 20 ,96

34. *Болословскъ*. За селомъ, въ концѣ улицы, на которой находится домъ горнаго начальника.

26 іюля 1,3—4,3 ч. в. накл.=71 51 ,27 стр. № 17

— — — = 48 ,93 — — въ аз=+30°

— — — = 49 ,95 — — въ аз=30

— — — = 54 ,75 — — въ аз=+60

— — — = 48 ,00 — — въ аз=—60

— — — = 49 ,57 — 16

27 — 3,5—5,5 — = 51,33 стр. № 17
— — — = 49,24 — 16
Среднее=71 50,44

14 сентября 1828 г. Ганштень пол. накл.=71 36,0
Измѣненіе наклоненія въ 45 лѣтъ=+14,0

35. *Кротковская.* Возлѣ крайняго овина къ лѣсу.

30 юля 3,2—5,1 ч. в. накл.=71 4,28 стр. № 17
— — — = 5,05 — 16
Среднее=71 4,66

36. *Певьянская слобода или Монастырь.* Около запасныхъ магазиновъ.

30 юля 1,0—3,0 ч. в. накл.=70 51,57 стр. № 17
— — — = 51,69 — 16
Среднее=70 51,63

37. *Ирбитъ.* За городомъ, къ лѣсу, за солдатскими казармами.

1 авг. 3,0—4,0 ч. в. накл.=70 47,70 стр. № 17
2 — 2,5—4,5 — — = 47,45 —
— — — = 47,88 — 16
Среднее 2 опред.=70 47,62

38. *Красное село.* На поскотинѣ.

3 авг. 8,0—10,0 ч. у. накл.=70 40,08 стр. № 17
— — — = 40,79 — 16
Среднее=70 40,43

39. *Тюмень.* На сѣнной площади.

4 авг. 0,3—2,8 ч. в. накл.=70 42,36 стр. № 17
— — — = 42,45 — 16
Среднее=70 42,40
4 окт. 1828 г. Ганштень пол. накл.=70 15,5
Измѣненіе наклоненія въ 45 лѣтъ=+26,9

40. *Лыбаево.*

6 авг. 9,0—11,0 — накл.=70 17,95 стр. № 17
— — — = 16,46 — 16
Среднее=70 17,20

41. *Блгозерское.* Позади почтовой станціи, около крайняго овина.

7 авг.	10,5—0,5 ч. в.	накл.=69 33,13	стр. № 17
—	—	= 34,26	— 16
		Среднее=69 33,70	

42. *Меньшиково.*

8 авг.	9,5—11,5 ч. у.	накл.=69° 3',64	стр. № 17
—	—	= 3,94	— 16
		Среднее=69 3,79	

43. *Пръсногорьковская.* Въ лѣсу, близъ прѣснаго озера.

9 авг.	11,5—1,5 ч. в.	накл.=68 29,93	стр. № 17
—	—	= 31,55	— 16
10	— 0,0—2,0 —	= 30,45	— 17
—	—	= 31,05	— 16
		Среднее=68 30,74	

30 окт. 1829 г. Ганштень пол. накл.=67 48,1
Измѣненіе наклоненія въ 44 года=+42',6

44. *Кочердыцкая.*

11 авг.	2,3—4,5 ч. в.	накл.=68 18,52	стр. № 17
—	—	= 17,64	— 16
		Среднее=68 18,08	

24 октяб. 1829 г. Ганштень пол. накл.=67°40',8
Измѣненіе наклоненія въ 44 года=+37,3

45. *Березовскій.* На горѣ, недалеко отъ кладбища.

14 авг.	9,0—11,0 ч. у.	накл.=68° 3',14	стр. № 17
—	—	= 3,76	— 16
		Среднее=68 3,45	

46. *Челяба.* Въ лѣсу, при вѣздѣ въ городъ по Троицкой дорогѣ.

16 авг.	2,0—4,0 ч. в.	накл.=68 49,26	стр. № 17
—	—	= 50,13	— 16
18	— 7,0—9,0 ч. у.	= 50,99	— 17
—	—	= 49,79	— 16
		Среднее=68 50,04	

47. *Златоустовъ*. Въ 3¹/₂ верстахъ отъ города, въ сторону отъ дороги въ Міась, по дорогѣ къ пивоваренному заводу, на берегу пруда.

19 авг.	1,0—3,2	ч. в. накл.=68 15,70	стр. № 17
—	—	= 14,04	— 16
		Среднее=68 14,87	
7 нояб. 1829 г.		Ганштень пол. накл.=67 43,5	
		Измѣненіе наклоненія въ 44 года=+31',4	

48. *Мосегутово*. На острову, гдѣ овины.

21 авг.	10,5—0,5	ч. в. накл.=68 39,27	стр. № 17
—	—	= 39,30	— 16
		Среднее=68 39,28	
10 нояб. 1829 г.		Ганштень пол. накл.=68 18,0	
		Измѣненіе наклоненія въ 44 года=+21',3	

49. *Тюпкильды*.

26 авг.	0,0—2,0	накл.=67 30,26	стр. № 17
—	—	= 29,83	— 16
		Среднее=67 30,04	

50. *Дымское*. Въ деревнѣ, на берегу рѣки.

27 авг.	3,5—5,5	накл.=67 25,94	стр. № 17
—	—	= 26,82	— 16
		Среднее=67 26,38	

51. *Сокъ-Кармала*. Къ югу отъ церкви, влѣво по выѣздѣ изъ села къ Бугуруслану.

28 авг.	въ 4	ч. накл.=67 39,99	стр. № 17
—	—	= 40,12	— —
		Среднее=67 40,05	

Второе наблюденіе сдѣлано въ другомъ мѣстѣ къ востоку отъ перваго на 100 сажень.

52. *Бугурусланъ*.

а) Въ концѣ города около кладбища.

29 авг.	10,3—1,0	ч. в. накл.=67 3,07	стр. № 17
—	—	= 3,22	— 16

б) На верху горы, гдѣ вырываютъ плитнякъ. Съ этой горы по вечерамъ спускается стадо коровъ.

30 авг.	11,0—1,0 ч. в.	накл.=67	0,89	стр. № 17
—	—	=	0,40	— 16
		Среднее 2 опр.=67	1,89	

53. *Бузулукъ*. За городомъ около деревянной церкви.

30 авг.	4,0—6,5 ч. в.	накл.=65	59,54	№ 17
—	—	=	62,46	— 16
		Среднее=66	1,00	

54. *Павловка—Богатовка—Богатый Уметъ*. На горѣ въ концѣ села, по дорогѣ въ Самару.

2 сент.	1,0—3,0 ч. в.	накл.=66	19,60	стр. № 17
—	—	=	18,68	— 16
		Среднее=66	19,14	

55. *Бобровка*. Въ селѣ противъ почтовой станціи.

3 сент.	7,0—9,0 ч. у.	накл.=66	25,40	стр. № 17
—	—	=	24,36	— 16
		Среднее=66	24,88	

56. *Самара*. Въ югозападномъ углу сада М. З. Курлиной.

5 сент.	11,3—3,0 ч. в.	накл.=66	0,31	стр. № 17	
—	—	=	2,01	—	въ аз+30°
—	—	=	1,54	—	въ аз—30
—	—	=	3,99	—	въ аз+60
—	—	=	4,87	—	въ аз.—60
—	—	=	1,47	— 16	
		Среднее=66	0,72		

Въ 1871 и 1872 годахъ я дѣлалъ наблюденія южнѣе на 7 верстѣ и получилъ наклоненіе=66°9',5.

Изъ слѣдующей таблицы, въ которой я собралъ всѣ свои наблюденія и наблюденія Ганштена, весьма интересными являются разности наклоненія: т. е. измѣненія наклоненія въ періодъ времени между экспедиціей Ганштена и моею (отъ 44 до 45 лѣтъ). Нельзя не пожалѣть только, что въ прежнее время весьма мало было опредѣлено пунктовъ въ восточной Россіи. Но магнитныхъ наблюденій и въ остальной Россіи было весьма мало сдѣлано, а потому мнѣ остается лишь пожелать искренно чтобы изслѣдованія, предпринятые Советомъ Императорскаго Казанскаго Университета, не ограничивались одной восточной Россіей.

	Мѣсто наблюденія.	Набл. Ганштена.		Набл. Смирнова.		Измѣненія накл.
		Наклон.	Годъ.	Наклон.	Годъ.	
	I. Казанская губерніа.					
1	Казань	68°26',5	1828	68°37',3	1873	+10',8
2	Митескій	54,9	—	58,1	—	3,2
3	Чистополь			23,0	1872	
	II. Вятская губерніа.					
4	Милеть	50,1	—	52,9	1873	2,8
5	Кожиль	69 21,8	—	69 23,0	—	1,2
6	Зури	70 36,1	—	70 47,7	—	11,6
7	Глазовъ			29,5	—	
8	Морозовка			24,6	—	
9	Пешерская			48,9	—	
10	Кай			71 31,2	—	
11	Тихово			27,6	—	
12	Бабкинская			70 31,3	—	
13	Лекма			42,4	—	
14	Прокопьевка			71 5,9	—	
15	Макарьевская			70 30,4	—	
16	Котельничъ			15,5	—	
17	Кукарка			69 56,5	—	
18	Турекъ			69 39,8	—	
19	Пьяный Боръ			68 28,8	—	
20	Сарапулъ			69 10,1	1873/73	
	III. Пермская губерніа.					
21	Оса			29,9	1872	
22	Оханскъ	70 13,4	—	70 19,1	—	5,7
23	Пермь	8,8	—	24,8	1873/73	16,0
24	Слудка			49,0	—	
25	Уссолье			71 23,9	1872	
26	Чердынъ			72 2,9	—	
27	Крыласово	70 2,7	—	70 27,0	1873/73	24,3
28	Суксунъ			69 45,9	1872	
29	Алмазъ			2,0	—	
30	Быково	69 51,1	—	70 11,6	1873	20,5
31	Киргишанъ	51,3	—	8,6	—	17,3
32	Кыштымъ			69 45,2	1872	
33	Никольское			42,2	—	
34	Екатеринбургъ	отъ 69°88,0 до 69 42,1	—	отъ 69 26,0 до 70 15,6	1873	
35	Мостовая			69 54,7	—	
36	Невьянскъ	69 35,8	—	70 47,1	—	
37	Грань			72 4,2	—	
38	Н. Тагильскъ	69 46,8	—	70 19,5	—	

39	Кушва	70°50',8	1828	отъ 71°7',4 до 71 29,9	1873	
40	Имянная			70 52,7	—	
41	Верхотурье	71 12,1	—	71 22,7	—	+10',6
42	Питатели			21,0	—	
43	Богословскъ	71 36,0	—	50,1	—	14,1
44	Кротковская			4,7	—	
45	Невьянская сл.			70 51,6	—	
46	Ирбятъ			47,6	—	
47	Красное село.			70 40,4	—	
IV. <i>Тобольская губ.</i>						
48	Тюмень	70 15,5	—	70 42,4	—	26,9
49	Лыбаево			17,2	—	
50	Бѣлозерское			69 33,7	—	
51	Меньшиково			3,8	—	
52	Прѣсногорьковская	67 48,1	1829	68 30,7	—	42,6
V. <i>Оренбургская губ.</i>						
53	Челяба			50,0	—	
54	Кочердыцкая	40,8	—	18,1	—	37,3
55	Березовскій			3,5	—	
56	Троицкъ	20,9	—	67 52,1	1872	31,2
57	Козьльская	47,0	—	68 19,2	—	32,2
58	Степная			67 36,9	—	
59	Верхнеуральскъ			33,3	—	
60	Магнитная			17,4	—	
61	Н. Кизильская			66 35,7	—	
62	Уртазымка			9,1	—	
63	Тоналыкъ			65 49,9	—	
64	Орскъ			14,7	—	
65	Ильинская			20,4	—	
66	Красногорская			23,5	—	
67	Оренбургъ	64 47,6	—	16,8	—	29,2
68	Илецкая защита	42,2	—	13,6	—	31,4
VI. <i>Уфимская губ.</i>						
69	Златоустовъ	67 43,5	—	68 14,9	1873	31,4
70	Мосегутово	68 18,0	—	39,3	—	21,3
71	Апрѣлово	31,0	—	51,0	1872	20,0
72	Азаматово	16,2(*)	—	33,0	—	16,8
73	Уфа	67 37,4	—	67 56,6	—	19,2
74	Толбазы	12,8	—	32,6	—	19,8
75	Мелеусъ	66 14,1	—	66 37,8	—	23,7
76	Тюпкильды			67 30,0	1873	

(*) У Ганштена отмѣчено: сомнительно.

№	Место	Широта	Долгота	Год	Длина
VII. Самарская губер.					
77	Дымское			1873	67°26',4
78	Сокъ Кармала			—	40,1
79	Богуруславъ			—	1,9
80	Бузулукъ			—	66 1,0
81	Павловка			—	49,4
82	Бобровка			—	24,9
83	Самара			—	0,7
				1872	9,5
VIII. Симбирская губ.					
84	Симбирскъ			—	59,3
IX. Саратовская губ.					
85	Хвалынокъ			1871	65 50,4
86	Сосновка			—	6,4
87	Вольскъ			—	36,4
88	Саратовъ	64°39',7	1830	—	64 45,3
89	Камышинъ	63 45,9	—	—	62 53,3
90	Царицынъ	62 14,2	—	—	62 20,8
X. Тамбовская губ.					
91	Полынки			—	65 48,1
XI. Астраханская губ.					
92	Астрахань	60 5,7	—	—	60 20,2
				—	14,5

По окончаніи путешествія въ 1873 году я узналъ, что въ 1869, 1870 и 1871 годахъ сдѣланы наблюденія въ Оренбургскомъ краѣ полковникомъ Тилло и только во время печатанія этаго листа получилъ № 5 девятаго тома Извѣстій Имп. Геогр. Общ., въ которомъ помѣщены результаты наблюденій полковника Шарнгорста, сдѣланныхъ въ 1871 и 1872 г. Найдя нѣсколько общихъ пунктовъ, я считаю пріятною обязанностью сравнить величины магнитнаго наклоненія, полученные всѣми тремя наблюдателями.

	Шарнгорсть	Тилло	Смирновъ
Самара	66°26' въ 1871 г.		66° 9' въ 1872 г.
Оренбургъ	65 41 —	65°21' въ 1870 г.	65 17 —
Илецкая Защита		65 5 — 1871	65 14 —
Орскъ		65 15 — 1870	65 15 —
Пермь	70 45 въ 1872 г.		70 24 —
Казань	68 50 —		68 37 въ 1873 г.
Екатеринбургъ	70 29 —		

Отсюда получимъ слѣдующія разности, весьма полезныя для вычисленія всѣхъ результатовъ.

Тилло—Смирновъ въ Орскѣ	= 0'.
— Илецк. 3	= -9 .
— Оренбургъ	= +4 ;
Шарнгорсть—См—ъ— Самарѣ	= +17
— Перми	= +24
— Казани	= +13
Шарнгорсть—Тил. — Оренбургъ	= +20

Въ Самарѣ я получилъ наклоненіе въ 1871 и 72 гг. $65^{\circ}9',5$, между тѣмъ какъ въ 1873 г. тѣмъ же инструментомъ, но въ другой точкѣ, сѣвернѣе первой на 7 верстъ, только— $65^{\circ}0',7$. Поэтому не одинаковыя разности между моими наблюденіями и А. А. Тилло я склоненъ приписать случайнымъ погрѣшностямъ наблюденій и особеннымъ условіямъ, въ которыхъ находятся общіе наши пункты. Однако средняя разность въ $+18'$ между наблюденіями г. Шарнгорста и г. Тилло и моими зависитъ по всей вѣроятности кромѣ этихъ причинъ, еще и отъ самаго инструмента.

И. Смирновъ.

ОСТРОВЪ ЛЕСБОСЪ

И

ЛЕСБІЙСКІЕ ПѢВЦЫ И ПОЭТЫ.

(Окончаніе).

II.

Послѣ краткаго очерка географическихъ особенностей и историческихъ судебъ острова Лесбоса и общей характеристики общественной дѣятельности и нравовъ Лесбійцевъ, скажемъ нѣсколько словъ о поэтахъ и пѣвцахъ лесбійскихъ VII и VI вѣковъ до Р. X. Мы оставимъ въ сторонѣ тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ кромѣ именъ ничего неизвѣстно, и остановимся только на четырехъ, о дѣятельности которыхъ дошли до насъ опредѣленные свѣдѣнія. При этомъ нужно оговориться, что подѣ именемъ лесбійскихъ мы разумѣемъ всѣхъ тѣхъ пѣвцовъ и поэтовъ греческихъ, которые родились и воспитались на островѣ Лесбосѣ, хотя бы ихъ дѣятельность проявилась и въ другихъ мѣстностяхъ греческой земли и хотя бы, съ другой стороны, языкомъ ихъ произведеній было не родное ихъ лесбійское нарѣчіе.

Кто былъ первымъ насадителемъ грамотности на островѣ Лесбосѣ—объ этомъ умалчиваютъ даже преданія. Всего естественнѣе предположить, что Лесбійцы были обязаны ея малоазійскимъ Іонянамъ. Не смотря на то, что вопросъ о греческой письменности еще далеко не разработанъ, можно навѣрное сказать, что она явилась у Іонянъ еще въ глубокой древности. Геродотъ ⁽¹⁾ говоритъ, что Финикіане при-

(1) Кн. V, гл. 58.

бывшіе съ Кадмомъ въ Беотію, научили Еллиновъ письму. Изъ Еллиновъ ближе всѣхъ къ Финикійцамъ были Іоняне; они-то первые и приняли финикійскія буквы, немного измѣнивъ ихъ и назвавъ *φονηήσα*. Дѣйствительно, самыя древнѣйшія надписи греческія, дошедшія до насъ (еберейскія и эпсамбульскія; первыя приведены Францемъ въ его *Elementa epigraphicae graecae*) суть надписи Іонянъ, относимыя къ VII в. до Р. X.; въ очертаніяхъ этихъ надписей именно замѣтенъ финикійскій пошибъ. Одни изъ этихъ надписей (эпсамбульскія) вырѣзаны іонійскими воинами на скалахъ, на память ихъ поѣздки вверхъ по Нилу. Значитъ письменность у Іонянъ уже въ VII в. до Р. X. была въ значительномъ употребленіи, если даже простые воины умѣли вырѣзывать свои имена. Іоняне, колонизовавши малоазійскіе берега, конечно, привнесли съ собою изъ Европы и письменность. Въ эпоху появленія гомерическихъ поэмъ азбука Іонянамъ уже была извѣстна. Если на это въ вышеупомянутыхъ поэмѣхъ и нѣтъ указаній прямыхъ, однакоже въ *Иліадѣ* ⁽¹⁾ говорится, что царь Притъ послалъ въ Ликію Беллерофонта и далъ ему гребельные знаки, написавъ на дощечкѣ складной (*σήμερα λυρά, ῥοήσας ἐν πύκτῃ πύκτῳ*). А. Ф. Вольфъ понимаетъ слово *ῥοήσας* въ смыслѣ „выдолбивъ“, „вырѣзавъ“, а не „написавъ“, а *σήμερα*, вмѣстѣ съ Евстаціемъ, признаетъ лишь условленными гіероглифическими знаками. Положимъ, что это такъ. Но что такое *πύκτῃ πύκτῳ*? Гдѣ поэтъ это видалъ? Складныя дощечки ни на что не употреблялись, какъ только для писемъ, которыя въ нихъ вкладывались. Такимъ образомъ если пѣвецъ гнѣва Ахилла и паденія Трои зналъ „складныя дощечки“, то, естественно, зналъ и то, для чего они употреблялись. Если онъ нигдѣ не говоритъ о письмѣ прямо, то это еще не значитъ, что онъ его не зналъ; всего вѣрнѣе, что этимъ молчаніемъ поэтъ хотѣлъ лишь выразить, что воспѣваемые имъ герои еще обходились безъ письменности, да и тутъ проговорился о Притѣ.... Итакъ малоазійскіе Іоняне, имѣвшіе сильное вліяніе въ интеллигентномъ отношеніи на Lesbійскихъ Эолянъ, всего вѣрнѣе, и познакомили послѣднихъ съ письменностью.

(1) Рапо. VI, ст. 167—8.

Какъ, вѣроятно, письменностью, такъ, уже несомнѣнно, и первыми зачатками литературы Лесбійцы были обязаны вліянію тѣхъ же Іонянъ: самый древній писатель лесбійскій, имя котораго дошло до насъ, является подражателемъ Хиоскаго слѣпца. Это былъ *Лесхъ* или *Лесхеій* (*Λέσχος, Λέσχειος*), сынъ Эхилена, уроженецъ Митилены или Пирры. По Клименту Александрійскому (1), онъ былъ современникомъ Архилоха, слѣдовательно жилъ около 708 г. до Р. X. Лесхъ принадлежалъ къ разряду поэтовъ-кикликовъ. Этимъ именемъ назывались писатели излагавшіе въ гекзаметрическихъ стихахъ на древне-Іонійскомъ нарѣчіи разные мѣны, начиная съ самой древней эпохи до окончанія Троянскаго погрома и возвращенія домой изъ подъ Трои греческихъ героев. По свидѣтельству Прокла, Лесхъ написалъ въ четырехъ книгахъ „Малую Илиаду“, заключающую рассказъ о завоеваніи той же Трои, кончавшійся введеніемъ въ ворота троянскаго посвященнаго Греками деревяннаго воина. Но въ сохранившихся Цецемъ одиннадцати стихахъ Лесха (2) рассказъ продолжается далѣе,—до отвезенія плѣнныхъ Троянцевъ въ Грецію. Пленъ, вмѣстѣ съ Германномъ, полагаетъ, что Малая Илиада имѣла еще продолженіе,—Разрушеніе Трои, и приводимые Цецемъ стихи относятся къ послѣднему. Осаду и паденіе Трои Лесхъ избралъ темою для своихъ поэмъ, конечно, потому, что всѣ киклики любили быть подражателями Гомера; но къ этому также, думается, его побуждали и близкія Лесбосу и по мѣстности, и по стариннымъ преданіямъ (припомнимъ легенду о колонизаторѣ острова, сынѣ Иловомъ, Макарѣ) развалины многострадаальной столицы троядской. Первые стихи Малой Илиады (приписанной неизвѣстнымъ биографомъ Гомера самому творцу Илиады и Одиссеи) были слѣдующіе:

*Ἴλιον δαῖδα, καὶ Δαρδανίην εὐπάλον
ἧς περὶ πολλὰ πάθον Δαναοί, θεράποντες Ἄρηος.*

•Трою пою и конями богатую Дарданію;

•Изь за нея потерпѣлись Данаицы, Аревы слуги.

Судить о достоинствѣ поэмъ Лесха, по незначительности дошедшихъ до насъ отрывковъ, трудно. Вышеупомяну-

(1) *Τὰ Στρώματα*, I, 398.

(2) Помѣщ. въ парижскомъ Дидотовскомъ изд. Гомера. 1865 г., стр. 597—8.

тій фрагментъ въ 11 стихахъ написанъ стихомъ плавнымъ, но изложеніе въ немъ сжато и довольно прозаично. Но отъ Лесха нечего и требовать многого: онъ былъ только подражателемъ, а не самостоятельнымъ талантомъ.

Самымъ древнимъ, насколько мы знаемъ, и самымъ знаменитымъ изъ пѣвцовъ-музыкантовъ лесбійскихъ былъ *Терпандръ* (*Τέρπανδρος*), сынъ Дерденея (по свид. Магн. Рагіі). Хотя его дѣятельность проявилась и не на самомъ Лесбосѣ, а въ далекой Спартѣ, тѣмъ не менѣ нельзя не замѣтить, что предварительною подготовкой къ своему дѣлу онъ вполне обязанъ своей „любимой Музамъ“ землѣ. Терпандръ по справедливости можетъ быть названъ отцемъ греческой музыки. Онъ очистилъ различныя ходячія въ его время мелодіи, подвелъ ихъ подъ опредѣленные законы и реформировалъ самую инструментовку.

По всей вѣроятности Терпандръ принадлежалъ къ одной изъ тѣхъ фамилій, въ которыхъ занятіе музыкою было наследственнымъ, переходя отъ отцовъ къ дѣтямъ съ незапамятныхъ временъ, и которыхъ на „музыкальномъ“ Лесбосѣ было, конечно, не мало. Что такія фамиліи (*γένη*) были и въ остальной Греціи, видно изъ существованія, напримѣръ, въ Аѳинахъ рода Эвнидовъ, котораго обязанностью была игра на квеарѣ во время религиозныхъ процессій, или элевзинскихъ Эвмолпидовъ (*εὐ-μολπιδῶν*, хорошо пою), пѣвцовъ праздничныхъ гимновъ. Точно такъ же и въ Спартѣ игра на флейтѣ была занятіемъ фамиліальнымъ. Можетъ быть тотъ родъ, къ которому принадлежалъ Терпандръ, велъ свое начало изъ Беотіи, этого „отечества Музъ“, какъ ее называетъ въ началѣ своей *Теогоніи* Гезіодъ. Память о перенесеніи лирическаго искусства изъ Беотіи и Фракіи на Лесбосъ сохранилась въ потомствѣ въ упомянутой нами уже легендѣ о томъ, какъ море принесло мертвую голову Орфея и его лиру изъ Фракіи къ Лесбосу, и она была погребена здѣсь, въ маленькомъ городѣ Антиссѣ, гдѣ, по словамъ одного лесбійскаго поэта, (Мирсила) „соловьи пѣли слаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ“. А Антисса, по словамъ большинства древнихъ писателей, и была родиною Терпандра.

О времени жизни Терпандра мы можем заключить изъ свидѣтельства его земляка, историка Гелланика ⁽¹⁾, который говоритъ, что Терпандръ въ Лаведемонѣ на Карнейскомъ музыкальномъ состязаніи, учрежденномъ въ 26 олимпіаду (676 г. до Р. Х.) одержалъ первую побѣду. Объ обстоятельствахъ жизни Терпандра на Лесбосѣ и его дѣятельности дома мы не имѣемъ никакихъ свѣденій.

Явившись въ Спарту, Терпандръ, кромѣ упомянутой сейчасъ побѣды на Карнеяхъ, четыре раза сразу получалъ первый призъ на музыкальныхъ состязаніяхъ въ Дельфахъ, около пнейскаго святилища. Музыкальные агоны въ Дельфахъ отправлялись чрезъ каждыя восемь лѣтъ еще за долго до учрежденія тамъ игръ гимнастическихъ ⁽²⁾. Эти четыре побѣды относятся къ 670—646 г. до Р. Х. Послѣ нихъ уже Терпандръ приступилъ къ дѣлу организаціи музыки спартанской. Плутархъ въ 41 гл. своего трактата „О музыкѣ“ рассказываетъ, что побудительнымъ мотивомъ къ этому предпріятію Терпандра послужила какая-то неурядица между Спартанцами, и послѣдніе, по совѣту оракула пнейскаго, пригласили Терпандра заняться улучшеніемъ ихъ музыки. Какъ-бы то ни было, Спартанцы, страстные любители, съ одной стороны, пѣнія и религиозныхъ хоровъ, а съ другой—стройности и порядка, естественно должны были позаботиться объ усовершенствованіи и упроченіи своихъ народныхъ, переходящихъ по преданію отъ поколѣнія къ поколѣнію гимновъ.... Организація музыки, произведенная со знаніемъ дѣла лесбійцемъ Терпандромъ, такъ пришла въ Спартанцамъ по вкусу, что даже впослѣдствіи, когда имъ случалось слышать какого нибудь отличнаго артиста, они отзывались о немъ, что онъ исполняетъ какъ Лесбійскій поэтъ — *μῦθι Λεσβίων φῶδόν* ⁽³⁾.

О греческой музыкѣ ⁽⁴⁾, въ особенности—древней эпохи, довольно трудно составить совершенно опредѣленное понятіе. Сочиненія древнихъ, посвященныя музыкѣ и дошедшія

⁽¹⁾ Аевней. XIV, р. 635, с.

⁽²⁾ O. Müller. Les Doriens, edit. 1, II, р. 320.

⁽³⁾ Lesbiacorum liber, р. 147.

⁽⁴⁾ См. французскій переводъ Греч. Лит. О. Мюллера, часть III, exsurgens с.

до насъ (¹), отличаются больше отвлеченнымъ характеромъ. Въ нихъ мы не найдемъ ни анализа известныхъ музыкальныхъ произведеній, ни опредѣленной теоріи гармоніи, а только общую, скорѣе философскую, характеристику ходячихъ мелодій... Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію то, что музыка у Грековъ уже въ глубокой древности достигла широкаго развитія. Она входила въ религіозный культъ; она составляла въ воспитаніи Грека одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ, потому и пользовалась у греческаго общества болѣею симпатіею, чѣмъ у насъ. Простота ея мотивовъ и ихъ преимущественная неизмѣнность еще болѣе содѣйствовали послѣднему обстоятельству. При всемъ томъ музыка греческая не была такъ свободна, какъ современная намъ. Въ нашихъ музыкальныхъ произведеніяхъ главное — гармонія; текста пьесы можетъ и не существовать, иногда же онъ составляетъ принаровляясь къ гармоніи уже послѣ (*libretto*); у Грековъ было на оборотъ: тамъ музыка дополняла слова, а не слова музыку.

Музыка греческая была вокальная и инструментальная. Первая носила характеръ нашего вою. Хотя пьесу исполнялъ и не одинъ пѣвецъ, а цѣлый хоръ, все таки этотъ хоръ былъ унисонный: пѣвцы не исполняли, какъ у насъ, отдѣльныхъ партій (*basso*, напр., — *тенор* и др.), но пѣли въ одинъ голосъ, усиливая лишь соло. Такой характеръ до настоящаго времени удержало греческое церковное пѣніе. Музыка инструментальная допускала и партіи. Древнѣйшимъ музыкальнымъ инструментомъ греческимъ была камышевая свирѣль бога лѣсовъ Пана, перешедшая послѣ въ флейту (*αὐλός*). Струнные инструменты явились, какъ кажется, уже послѣ. На это намекаетъ мифъ о томъ, какъ Афина бросила

(¹) Эти сочиненія по порядку времени слѣдующія: 1) Платонъ, 3, 398; 2) изъ сочиненій Гераклида Понтійскаго, слушателя Платонова, выдержки у Аеенея, 14. с. 624 и дал.; 3) Аристотеля *πρόβληματα*; 4) Аристоксена Тарентскаго (ж. около 318 г. до Р. X.) 3 книги *ἁρμονικὰ στοιχεῖα*; 5) известнаго математика Эвклида 2 книги *εἰσαγωγή ἁρμονικῆ*; 6) Плутарха трактатъ *Περὶ μουσικῆς*; 7) современника Плутархова Аристиды Квинтиліана 3 книги того же названія; 8) современника Августова Никомаха Герасскаго 2 книги *Ἐυκλείδειον ἁρμονικῆς*; 9) Феоянъ Смирискаго (во II в. по Р. X.) математ. комментаріи къ Платону.

флейту (потому что она безобразила лицо во время игры). Флейту подынял было фригіецъ Марсій, но онъ былъ побѣжденъ въ музыкальномъ состязаніи Аполлономъ, игравшимъ уже на струнномъ инструментѣ ⁽¹⁾. Древнѣйшіе струнные инструменты Lesbійскіе устраивались изъ щита черепахи (*χέλυς*); о такой лирѣ упоминаетъ и Сапфо (судя по 109 фр. изд. Бергва). Число струнъ сначала не превышало четырехъ (*τετράχορδον*); но такъ какъ ихъ было недостаточно для выраженія цѣлой октавы, то тетра хорды были высокаго и низкаго строя и взаимно одинъ другимъ дополнялись (напр. если одинъ давалъ звуки e, d, c, h, другой—h, a, g, fis). Употребительнѣйшихъ строевъ или мелодій еще до Терпандра было три: дорійскій (съ основнымъ тономъ e), фригіійскій (основной тонъ d) и лидійскій (c); впоследствии число ихъ увеличилось ⁽²⁾.

Реформу греческой музыки Терпандръ началъ съ самыхъ инструментовъ. Существованіе до него тетра хорды онъ соединилъ въ одинъ семиструнный инструментъ (*επτάχορδον*: e, d, c, h, a, g, fis). У Плутарха сохранилось извѣстіе о томъ, будто бы эфоры лакедемонскіе, противники всякой новизны ⁽³⁾, наказали Терпандра за это нововведеніе (*ἐξημέλειαν*) и самую лиру его пробили гвоздемъ. Но едвали это вѣроятно, если принять во вниманіе то обстоятельство, что Терпандръ взялся за реформу спартанской музыки по волѣ самого оракула. Всего вѣроятнѣе, что Плутархъ (или другой кто раньше его) смѣшалъ здѣсь съ Терпандромъ другаго митленійца, Фриниса ⁽⁴⁾, который гораздо позднѣе (въ эпоху Персидскихъ войнъ) въ семи струнамъ лиры прибавилъ еще двѣ, и когда со своимъ изобрѣтеніемъ явился (изъ Аѳинъ) въ Спарту, то подвергся порицанію въ „порчѣ музыки“. Семиструнная лира удержалась въ Спартѣ до самой Пелопоннеской войны. Аевней ⁽⁵⁾ приводитъ свидѣтельство Циндара о томъ, что Терпандръ позднѣе снова дополнял греческій струнный музыкальный инструментъ, подъ именемъ барбитона (*τὸ βάρβιτον*).

⁽¹⁾ Діодоръ III. 58; Аполлодоръ I. 4. 2.

⁽²⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ сочин. Р. Вестфаля *Griechische Rhythmik und Harmonik* (Leipzig. 1867). § 25.

⁽³⁾ De instit. Laconum, p. 251.

⁽⁴⁾ *Lesbiac. liber*, стр. 197.

⁽⁵⁾ XIV p. 685, D.

Барбитономъ или магадиною (*ἡ μόγαδις*) назывался трехугольный, похожий на арфу, инструментъ, заключавшій, по малой мѣрѣ, двѣ октавы; струны на немъ брались пальцами, безъ помощи смычка. Этотъ инструментъ былъ усовершенствованною формою лидійской многострунной арфы, пектиды (*ἡ πηκτίς*).

За усовершенствованіемъ музыкальнаго инструмента, Терпандръ приступилъ къ регуляціи самой музыки спартанской. Плутархъ въ III кн. своего трактата „О музыкѣ“ говоритъ, что Терпандръ „составилъ образцы (*νόμους*) для пѣнія піесъ Гомера и своихъ собственныхъ и пѣлъ ихъ на агонахъ“. Составленіе новыхъ образцовъ само собою предполагаетъ отбѣну прежнихъ; значить Терпандръ измѣнилъ старыя дорійскіе напѣвы,—и измѣнилъ ихъ, конечно, въ лучшему, воспользовавшись, насколько могъ, своимъ знаніемъ богатой разнообразными мотивами музыки малоазійской. Что *νόμοι* Терпандра были не правила, излагавшія теорію композиціи, а только піесы, мелодія которыхъ должна была служить образцомъ для пѣнія (въ родѣ „гласовъ“ греческаго церковнаго пѣнія) видно во 1-хъ изъ сохранившагося до нашего времени начала одного нѣма (въ изданіи Бергга, № 2): *Ἄμφι μοι αὖτε ἀναχθ' ἐκατηβόλον φέτω ἄ φρήν* („Далекоразящаго бога пусть снова мой духъ воспѣваетъ!“). Во 2-хъ каждый *νόμος* ⁽¹⁾ дѣлился на 8 частей, въ числѣ которыхъ можно отличить, кромѣ развитія темы, и прелюдію (*ἔπαρχα*), и финалъ (*ἐπίλογος*) ⁽²⁾. Чтобы предохранить свои образцовыя пѣсни отъ порчи и измѣненій (чему непременно они подверглись бы при устной передачѣ) и сохранить ихъ для будущихъ поколѣній, Терпандръ долженъ былъ придумать и нотные знаки. Поэтому онъ и считается обыкновенно изобрѣтателемъ греческихъ нотъ. Впрочемъ Аристидъ Квителианъ приписываетъ изобрѣтеніе греческихъ нотъ уже позднѣйшему лицу, философу Пизагору. Можетъ быть и дѣйствительно Пизагоръ придумалъ большее число музыкальных знаковъ, да только и Терпандръ безъ всякихъ знаковъ не могъ обойтись. При этомъ нужно знать, что греческія древнѣйшія ноты служили для выраженія не отдѣльных звуковъ, но цѣлыхъ пас-

⁽¹⁾ Подлукса «*Onomasticon*». изд. I. Bekker, Berlin, 1847.

⁽²⁾ Свидя опредѣляетъ номъ такъ: *νόμος* есть квинародическій родъ мелодіи, имѣющей опредѣленную гармонію и ритмъ.

сажей (*γένος ἑναρμόνιον*). Такимъ образомъ главная заслуга Терпандра—въ томъ, что онъ улучшилъ спартанскіе національныя напѣвы, очистивъ ихъ отъ слишкомъ грубыхъ вариаций и дополнивъ родными ему мелодіями Малой Азіи,—на сколько, конечно, послѣднее было возможно сдѣлать въ рѣвнивой къ своимъ отеческимъ преданіямъ Спартѣ, и сохранилъ ихъ надолго въ составленныхъ имъ гармоническихъ образцахъ.

У Климента Александрійскаго записано (¹) преданіе о томъ, что „Терпандръ Антисскій воспѣлъ и законы лакедемонскіе“. Иные видятъ въ этихъ законахъ названные уже образцы религиозно-государственной музыки Лакедемонянъ; но Пленъ (стр. 157), слѣдуя мнѣнію Перизонія и Мейбома, подразумѣваетъ здѣсь именно извѣстные Ликурговы законы.

Кромѣ стихотворныхъ гекзаметрическихъ піесъ собственнаго сочиненія (²), служившихъ образцами для музыкальной композиціи и, если вѣрить Клименту, стихотворнаго же переложенія Ликурговыхъ законовъ, Терпандръ, по словамъ Плутарха, изобрѣлъ (*εὐρετής ἦν*) еще сколіи,—пѣсни пѣвшіяся на веселыхъ праздничныхъ пиршествахъ. Подъ этимъ „изобрѣтеніемъ“ надо разумѣть, на самомъ дѣлѣ, скорѣе только усовершенствованіе и очищеніе обыкновенныхъ застольныхъ пѣсней, ведшихъ у Грековъ свое начало изъ самой глубокой древности. Вѣроятно Терпандръ и для сколій составилъ опредѣльные музыкальныя νόμοι,—и уже не въ размѣрѣ эпического гекзаметра. А что у Терпандра были такія піесы, это видно изъ дошедшаго до насъ его отрывка изъ чистыхъ спондеевъ (³):

*Ζεῦ πάντων ἀρχά, πάντων ἀγῆτωρ,
Ζεῦ, σοὶ σπένδω ταῦτα ὕμνων ἀρχάν
•Ты, Зевсъ, всего начало, всего руководитель.
Тебѣ я возливаю въ началѣ этихъ пѣсней.*

(¹) *Στρώματα*, I, 309.

(²) Вѣроятно начало одного такого стихотворенія, *τὸ προῶμιον*, сохранилось до нашего времени (въ изд. Бергка: *Lyrici graeci*, Lipsiae, 1867, III, p. 815):

•Музыку четырехзвучную мы разлюбили, тебѣ же подъ семиструнную лиру составимъ новыя пѣсни.

(³) Тамъ же, стр. 813.

Содержаніе отрывка явно указываетъ на пѣніе піесъ при праздничномъ возліаніи. Діалектъ стихотвореній Терпандра то дорическій, то эпическій.

Музыкальныя студіи Терпандра нашли въ Греціи многихъ послѣдователей. Въ числѣ ихъ нужно поставить выше всѣхъ его земляка, Меоимнейца *Аріона* (*Ἀρίων*), современника коринфскаго тирана Періандра (628—585 гг. до Р. X.). Аріонъ, какъ и Терпандръ, не жилъ на своемъ родномъ островѣ, но, по словамъ Геродота ⁽¹⁾, провель большую часть своей жизни въ Коринѣ у Періандра. Объ Аріонѣ сложилъ ся таковой анекдотъ, сохраненный тѣмъ же Геродотомъ (*ibidem*). Разъ онъ ѣздилъ изъ Коринѣа моремъ въ Италію и Сицилію, гдѣ и нажилъ много денегъ (вѣроятно благодаря своему артистическому таланту). На обратномъ пути изъ Тарента въ Грецію жадные на деньги корабельщики заставили его броситься въ море; но дельфинъ, услышавъ его предсмертную игру на лирѣ, поднялъ его на свою спину и такимъ образомъ доставилъ къ лапонскому мысу Тенару, откуда артистъ благополучно прибылъ въ Коринѣ. Въ благодарность за свое чудесное спасеніе Аріонъ поставилъ въ Тенарѣ мѣдное изображеніе челоуѣка сидящаго на дельфинѣ. Такое изображеніе въ Тенарѣ видѣлъ еще Эліанъ ⁽²⁾. Можетъ быть Аріонъ и дѣйствительно подвергался на морѣ опасности и счастливо ея избѣгъ (хотя и не сверхъестественнымъ путемъ), дельфины же замѣшаны въ исторію о его спасеніи потому, что эти животныя, по убѣжденію древнихъ, считались большими любителями музыки,—а Аріонъ былъ лучшимъ изъ каваристовъ. Что касается мѣднаго изображенія въ Тенарѣ, то тенарскій всадникъ на дельфинѣ вѣроятно былъ самъ Посейдонъ (особенно чтимый въ этомъ городѣ), которому Аріонъ могъ принести эту статую въ благодарность за возвращеніе изъ плаванія. Статуя позднѣе могла дать начало и самой легендѣ. Эліанъ добавляетъ, что Аріонъ написалъ въ честь спасаго его Посейдона гимнъ, и приводитъ самый его текстъ. А. Бѣвъ, въ *Actis Academiæ Berolinensis* за 1836 г., не признаетъ этотъ гимнъ за произведеніе самого Аріона, приписывая его болѣе древнему поэту; издатель лирниковъ греческихъ Бергъ, напротивъ, вмѣстѣ съ Германномъ и Лер-

⁽¹⁾ Кн. I, р. 24.

⁽²⁾ *Historia animalium*, XII, 45.

сомъ, считаетъ стихотвореніе позднѣйшимъ и не думаетъ, чтобы оно могло появиться раньше Эврипида: въ дорической рѣчи въ немъ не мало примѣшано аттицизмовъ. Какъ бы то ни было, только Аріонъ не могъ разсказывать о себѣ легенду, сложившуюся, конечно, позднѣе (¹).

Аріонъ былъ, по словамъ Геродота (цитированы выше), самымъ лучшимъ китаристомъ своего времени, чѣмъ, конечно, онъ былъ не мало обязанъ своему богатому артистическими талантами отечеству. Пленъ въ своей книгѣ (на стр. 167) сообщаетъ преданіе о томъ, что Аріонъ былъ ученикомъ знаменитаго музыканта и поэта, лидійскаго уроженца, эолянина Алмана (жилъ около 660 г.). Высокій музыкальный талантъ Аріона очень рельефно охарактеризованъ уже въ приведенной выше легендѣ: самые дельфины плываютея его игрою и пѣсней. Но Аріонъ не былъ только музыкантомъ; онъ былъ и поэтомъ. Не говоря о вышеприведенномъ свидѣтельствѣ Эліана о гимнѣ Посейдону, не говоря объ упоминаніи Свиды о *проомна* и *ѳомста* написанныхъ Аріономъ, Геродотъ (въ упомянутомъ выше мѣстѣ) приписываетъ ему честь изобрѣтенія особеннаго рода лирическихъ стихотвореній, носавшихъ названіе дидирамбовъ. Такъ назывались гимны въ честь Бахха. Названіе *διδύραμβος* — довольно темное; иные объясняютъ отъ *δύς* и *τύρα* (видя намекъ на двукратное рожденіе Бахха или Діониса). Такъ какъ Баххъ является съ одной стороны страдальцемъ отъ ненавистныхъ людямъ силъ, а съ другой — богомъ восторженнаго экстаза и пьянаго воодушевленія, то и дидирамбъ отличался съ одной стороны глубокой скорбью, съ другой — отчаяннымъ разгу-

(¹) Вотъ этотъ отрывокъ (по изд. Бергка «I.ugici graeci», стр. 872), отличающійся не столько поэзію, достойною славнаго пѣвца, сколько очевидною испорченностью первоначальной редакціи: «Высочайшій изъ боговъ, мощный владыка трезубца золотого, Посейдонъ земледержецъ на морѣ чреватомъ!... Тебя окружаютъ пловучіе звѣри съ плавнями, быстро вырывающіе напоромъ легкихъ ногъ, тупоносые, съ поднятой гривой, быстросходные щенки (?—*σκύλακες*), дельфины любители музъ, морскіе питомцы дѣвственныхъ богинь Нереидъ, рожденныхъ Амфитридой... Вы доставили меня, блуждавшаго на Сицилійскомъ морѣ, въ землю Пелопса къ скалѣ Тенарской, неся на выгнутыхъ спинахъ, расстѣкая широкое ложе Нерей,—непротопанный путь,—когда люди коварные меня кинули съ мореходнаго гладкаго корабля въ волну пурпурнаго моря».

ломъ. За праздничнымъ возліаніемъ въ честь Бакха пѣвецъ рецитировалъ куплеты, излагавшіе легенду о подвигахъ бога, а его товарищи дружно подхватывали припѣвъ.

Дѣйствительное начало пѣнія въ Греціи, по крайней мѣрѣ азіатской, дионрамба опередило на много годовъ Аріона; оно, безъ сомнѣнія, появилось съ самымъ культомъ Бакха, а Аріонъ, которому какъ урожденцу разгульнаго Лесбоса, этотъ культъ былъ роднымъ, только усовершенствовалъ прежнія грубыя бакхическія пѣсни, далъ имъ опредѣленную форму и размѣръ и придалъ надлежащую торжественную обстановку. Греческій схоластъ въ одахъ Пиндара (¹) говоритъ, что Аріонъ *установилъ (ἔστησε)* при торжественномъ пѣніи дионрамба въ Коринѣ круговой пляшущій около Бакхова жертвенника хоръ. Тоже подтверждаетъ и Свида (*ibidem*), добавляя, что Аріонъ придалъ дионрамбу и трагическую обстановку (*τραγικὸν τρόπον*), введя въ него хоръ сатировъ. Такимъ образомъ дионрамбъ изъ прежней простой религіозной пѣсни о богѣ, благодаря Аріону, перешелъ какъ бы въ мимическое представленіе, въ которомъ сатиры изображали свиту Бакха. Такой дионрамбъ былъ примитивною формой позднѣйшей греческой трагедіи.

Всѣ другіе музыканты лесбійскіе (Кепіонъ—другъ Терпандра, вышеупомянутый Фринисъ, его современникъ Аристоклидъ и Тимоеей) приобрѣли извѣстность однимъ только исполненіемъ музыкальныхъ піесъ. Ни какихъ подробныхъ свѣдѣній объ ихъ артистической дѣятельности до насъ не дошло кромѣ того, что Кепіонъ придумалъ новую форму кляры (*κλαίς*, по VI кн. Плутарха „О музыкѣ“), а Фринисъ къ семи струнамъ лиры прибавилъ еще двѣ.

Выше всѣхъ поэтовъ лесбійскихъ стояла знаменитая двоица лириковъ, которыми восхищалась не только вся образованная Эллада, но и интеллигентный Римъ. Будучи современниками, одинъ—мущина, другая—женщина, они оба своими поэтическими талантами составляли одно гармоническое цѣлое, въ которомъ выразилось характеристическими особенностями художественное творчество роднаго имъ пле-

(¹) *Lesbiacorum liber*, p. 108.

мени.... Какъ при воспоминаніи о древнихъ малоазійскихъ іонянахъ невольно возстаетъ изъ мрака вѣковъ величавый образъ пѣвца разрушенія Трои и странствованій Одиссея, такъ съ именемъ Лесбоса тѣсно связаны славныя имена Алкея и Сапфо.

Алкей (*Ἄλκαῖος*) не былъ поэтотъ ех professo. Онъ посвящалъ искусству Музъ лишь досуги своей, богатой тревоженіями, жизни. Не былъ онъ и первымъ звѣномъ въ цѣпи лириковъ лесбійскихъ; скорѣе онъ относится въ завершенію ея. Хотя до насъ древность и не сохранила именъ лесбійскихъ лириковъ—предшественниковъ Алкея, тѣмъ не менѣе изъ богатства поэтическаго языка Алкеевыхъ піесъ и изъ законченности ихъ формы очевидно обнаруживается, что этотъ поэтъ имѣлъ предъ собою готовые уже литературные образцы. Да такъ и слѣдовало быть. Лесбійское племя по своему характеру болѣе всего благопріятствовало раннему возникновенію въ немъ лирики. Страстная, впечатлительная натура Лесбійцевъ всего естественнѣе должна была выражаться въ томъ родѣ поэзіи, который главною темою своею имѣетъ личныя душевныя ощущенія. Эту субъективность, какъ отличительное свойство, поэзія Лесбійцевъ удерживала за собою постоянно, пока была самостоятельною. Лирическія произведенія другихъ греческихъ племенъ были совсѣмъ другаго рода, чѣмъ у Лесбійцевъ.

Лирика Іонянъ выродилась изъ эпоса. Ея форма: религиозный гимнъ, элегія и ямбъ. Древнѣйшіе іонійскіе религиозные гимны были тѣже эпическія произведенія, содержащія рассказъ о событіяхъ рожденія бога и его чудесахъ. И размѣръ ихъ, и самое вступленіе были чисто эпическія (напр.: „Вспомню я, не позабуду о богѣ-стрѣльцѣ Аполлонѣ“, или „Муза, скажи мнѣ дѣла золотой Афродиты Киприды“). Прimitивная элегія въ своемъ вѣшнемъ видѣ была соединеніемъ героическаго гекзаметра съ болѣе мягкимъ пентаметромъ, да и по содержанію была не далека отъ эпическихъ сказаній. Эпосъ рассказывалъ о военной и государственной доблести предковъ; элегія учила этой доблести современниковъ. Таковы элегіи Каллиноса Эфесскаго (жилъ около 766 г. до Р. Х.), Тиртея Аѳинскаго (около 685 г.) или Солона. Элегія въ нашемъ смыслѣ у Іонянъ развилась уже позднѣе. Въ то время, какъ политическая элегія учила современниковъ военной и политической доблести, ямбъ имѣлъ въ виду

на первых порахъ ту же дидактическую цѣль, преслѣдуя въ своихъ, болѣе короткихъ, стихахъ все дурное, достойное осмѣянія въ современникахъ. Конечно, къ благородной цѣли назиданія зачастую въ ямбѣ примѣшивалась и личная злоба поэта, которой не чуждъ былъ даже первый іоническій ямбографъ, Архиласъ Паросскій (720—708 г. до Р. X.); но все же личные отношенія поэта не были и здѣсь самымъ главнымъ элементомъ. Таковъ характеръ первоначальной лирики Іонянъ,—лирики по преимуществу общественнаго, государственнаго пошиба. Лирикою въ собственномъ, нашемъ смыслѣ она даже и назваться не можетъ.

Лирика Дорянъ замѣтно отличается отъ эпоса. Въ ея короткихъ піесахъ мы не найдемъ эпической іонійской картинности; онѣ заключаютъ въ себѣ лишь лирическое обращеніе къ богамъ или героямъ. Такъ напр. элидскія женщины на праздникъ Діониса пѣли: „Приди, о Діонисій вождь, въ твой храмъ святой на берегу морскомъ; приди въ сопутствіи Харитъ. Вступи въ святилище ногою раздвоенной, священный волю, священный волю!“ На публичныхъ празднествахъ хоры старцевъ, вѣрослыхъ мужчинъ и юношей пѣли одинъ за другимъ: „Мы были юны нѣкогда и полны силы.— Мы сильны и теперъ; приди и убѣдись. А мы, придетъ пора, еще сильнѣе будемъ“ (1). Лидіецъ Алкманъ (за 600 л. до Р. X.) придалъ хорovýmъ пѣснямъ главныхъ представителей доризма Спартанцевъ болѣе художественную форму и составилъ нѣсколько своихъ гимновъ,—опять таки въ честь боговъ и героев—для хорового пѣнія не только мужчинъ, но и дѣвицъ (*τὰ παρθένων μέλη*). Хотя Аэней и говоритъ, что Алкманъ писалъ и эротическія піесы; но ихъ число въ сурово-цѣломудренной Спартѣ конечно не могло быть значительно (изъ 100 фрагментовъ сочиненій Алкмана мы имѣемъ лишь одинъ эротическій, въ 2 строки) (2). Что Алкманъ для Спартанцевъ, тоже для Дорянъ итальянскихъ сдѣлалъ сициліецъ Стесихоръ (645—560). Повдѣ Пиндаръ посвятилъ дорійскую музу главнымъ образомъ прославленію доблести побѣдителей на національныхъ играхъ... Лирика Дорянъ произвела, слѣдовательно, главнымъ образомъ праздничныя пѣсни;

(1) Histoire de la litt. gr., par. O Müller. II, 139.

(2) XIII, 600, F; у Бергга Fr. 36.

сопровождать
цессію; въ
Ея характер
ное, а цѣло-
Совсѣмъ
Ея произведе
люсь игрою
носили въ се
ба покровите
не восхвален
ними ея тем
Часто личное
любву, личн
вдохновляли
пѣвцу, какъ
и политическ
ся выразител
нальныхъ, с
кѣрѣ, того в
зюкъ. Самый
сжатый и пл
строгой. Муз
пѣсенъ, соста
фригійскими.
номъ и особ
ныхъ душевн
терпявала ка
музыки какъ
Современ
въ войнѣ сво
Алей, арист
характеръ вс
словіе. Съ од
стойкость вол
другой сторо
ей политичес
нать выше
указаетъ лю
ита бы эти
пущенными.
нимъ сыном
Ученна За

сопровождаясь обыкновенно торжественною хоровою процессією; въ Спартѣ на этихъ пѣсняхъ она и остановилась. Ея характеръ былъ серьезень и важенъ; ея чувство—не личное, а цѣло-народное.

Совсѣмъ другаго рода была лирика лесбійскихъ Эолянъ. Ея произведенія, пѣніе которыхъ обыкновенно сопровождалось игрою на лирѣ (древнѣе, можетъ быть, и на флейтѣ) носили въ себѣ чисто индивидуальный характеръ. Не просьба покровительства своему государству у боговъ - патроновъ, не восхваленіе доблестей предковъ - героевъ служили главными ея темами, но внутренній міръ отдѣльнаго субъекта. Чисто личное отношеніе къ какому нибудь божеству или человѣку, личная любовь или ненависть, личная радость и горе вдохновляли лесбійскихъ лириковъ. Когда случалось такому пѣвцу, какъ на примѣръ Алкею, воснуться въ своей пѣсни и политическаго быта своей родины, то и тогда онъ является выразителемъ мыслей и чувствъ не столько общенациональных, сколько своихъ собственныхъ или, по крайней мѣрѣ, того кружка, который былъ непосредственно ему близокъ. Самый стихотворный размѣръ лесбійскихъ пѣсней, сжатый и пластичный, отличался особенною легкостью и быстротой. Музыкальные мотивы, сопровождавшіе пѣніе этихъ пѣсней, составляли средину между мотивами лидійскими и фригійскими. А музыка лидійская отличалась высокимъ тономъ и особенною экспрессивностью для выраженія сильныхъ душевныхъ ощущеній, тогда какъ фригійскую характеризовала такая то мягкая извѣженность; звуки послѣдней музыки какъ бы замирали въ страстномъ томленіи.

Современникъ Питтака, участвовавшій вмѣстѣ съ нимъ въ войнѣ своихъ согражданъ противъ Аеніанъ за г. Сигей, Алкей, аристократъ по происхожденію, носилъ въ своемъ характерѣ всѣ достоинства и недостатки отличавшіе его сословіе. Съ одной стороны мы замѣчаемъ въ немъ сильную стойкость воли, воинственное воодушевленіе и смѣлость; съ другой стороны онъ является крайнимъ приверженцемъ своей политической партіи, который выгоды этой партіи цѣнить выше пользы общенародной и который не особенно уважаетъ людей поставленныхъ судьбою поперегъ его дороги, хотя бы эти люди были личностями во всѣхъ отношеніяхъ почтенными. Какъ частный человѣкъ, Алкей былъ истиннымъ сыномъ своей народности. Идеаломъ лучшей жизни

Для него является жизнь полная наслаждений,—и тѣлесныхъ и духовныхъ. Аресъ, Бакхъ и Афродита были главными божествами, которымъ онъ вѣрно служилъ въ теченіи всей своей богатой приключеніями жизни. Эти главные мотивы всей дѣятельности Алкея очень рельефно отразились и на его поэтическихъ произведеніяхъ, и если кто, такъ именно онъ имѣлъ полное право сказать: моя поэзія—моя жизнь. Прекрасно охарактеризовалъ нашего поэта Гораций:

....ferox bello, tamen inter arma
sive jactatam religarat udo
litore navim,
Liberum et Musas Veneremque et illi
semper haerentem puerum canebat. (Carm. I, 32,
6—10).

Еще въ годы юности Алкея, когда упомянутый уже нами тираннъ Меланхръ захватилъ въ свои руки власть надъ Митиленой, молодой поэтъ вооружился противъ него своими стихами, и до насъ дошелъ одинъ отрывокъ (21-й по изд. Бергга ⁽¹⁾), въ которомъ Алкей называетъ тирана достойнымъ стыда для государства.... Послѣ убійства Меланхра (убійства, въ которомъ участвовали вмѣстѣ съ Питтакомъ братья Алкея Антименидъ и Клеисъ) власть надъ Митиленой захватилъ въ свои руки Мирсилъ. Алкей снова берется за стиль и въ своемъ стихотвореніи изображаетъ печальное положеніе своей родины (фр. 18 и 19), сравнивая ее съ кораблемъ разбитымъ бурей и носимымъ по бѣшеннымъ волнамъ. Смерть Мирсила вызвала восторженную пѣснь Алкея (фр. 20), въ которой онъ приглашаетъ своихъ друзей „пить съ радости хотя бы черезъ силу“. Впослѣдствіи и самъ Питтакъ сдѣлался предметомъ стихотворныхъ нападеній Алкея, когда этотъ разошелся съ нимъ въ политическихъ убѣжденіяхъ и былъ изгнанъ со своимъ братомъ Антименидомъ, какъ человекъ политически вредный, изъ отечества. Тогда Алкей осмѣялъ (фр. 37) Эолянъ, „восхищавшихся своимъ *тиранномъ* Питтакомъ, гражданиномъ смирнаго, несчастнаго города“. Въ своей ненависти къ митиленскому эсимнету Алкей увлекся до того, что позволялъ себѣ даже обзывать его въ своихъ стихахъ (во фр. 37 13) „волочащимъ по землѣ ноги хвастуномъ, толстобрюхимъ обжорой“. — Изгнанный поэтъ

(¹) Всѣ фрагменты Алкея и Сапфо мы цитируемъ по изд. Бергга „Lyrici graeci“.

долженъ былъ вести нѣсколько времени бродячую жизнь. Онъ успѣлъ побывать даже въ Египтѣ, а братъ его поступилъ на службу къ Вавилонянамъ, гдѣ и отличился убивъ на войнѣ какого-то силача противника. Этотъ подвигъ Антименида Алкея не замедлялъ, конечно, прославить (фр. 33). Позднѣе Алкей хотѣлъ силою опять войти снова въ свой родной городъ и, конечно, принять участіе въ его политическихъ дѣлахъ, но набранные имъ отряды были поражены Питтакомъ и поэтъ нашъ былъ взятъ въ плѣнъ. Мудрый правитель простилъ (¹) своего врага, и Алкей, которому вѣроятно уже надоѣла скитальческая жизнь эмигранта, оставивъ политику, какъ полагаютъ, спокойно провелъ остатокъ своей жизни въ родномъ городѣ, пользуясь дружбой Питтака. На это примиреніе указываетъ и одна митиленская монета, на которой лицевая сторона представляетъ изображеніе Питтака, а обратная—Алкея (²).

Мы знаемъ изъ приведенныхъ уже нами выше свидѣтельствъ Аристотеля и Діонисія Галикарнасскаго, что Питтакъ былъ избранъ въ эсимнеты для защиты отечества отъ вторженія партіи Алкея, и пораженіе этой партіи было первымъ дѣломъ эсимнета. Римскій историкъ Валерій Максимъ добавляетъ (³), что Питтакъ *tandiu tyrannidem sustinuit, quamdiu bellum de Sigeo cum Atheniensibus gerendum fuit*. Значитъ Сигейская война случилась, по мнѣнію Валерія Максима, уже въ концѣ власти Питтака, — послѣ пораженія и прощенія Митиленцами Алкея. А въ этой именно войнѣ, по словамъ Геродота (⁴), участвовалъ Алкей и, обращенный въ бѣгство, кинулъ свой щитъ, который Аѣиняне и повѣсили въ сигейскомъ храмѣ Аѣины. Ни Пленъ въ своей книгѣ (стр. 49), ни Бернгарди и О. Мюллеръ въ своихъ исторіяхъ греческой литературы на свидѣтельство Валерія Максима не обращаютъ вниманія (полагая, что римскій историкъ простое предводительство войсками смѣшалъ съ эсимнетією) и относятъ Сигейскую войну, въ которой участвовалъ Алкей, къ болѣе раннему времени, когда Питтакъ еще не былъ об-

(¹) Диогенъ Лаэртскій, I, pag. 47.

(²) Pauly's Real — Encyclopädie der class. Alt., подъ рубрикой Alcaeus.

(³) Factorum et dictorum memorabilia, V, 5, 1.

(⁴) Книга V. гл. 95.

леченъ въ Митиленѣ государственною властью. Но вопросъ этотъ, думается намъ, до сихъ поръ еще окончательно не рѣшенъ и свидѣтельство Валерія ждетъ болѣе серьезнаго опроверженія.

Кромѣ пѣсенъ политическаго характера, носящихъ на себѣ воинственный колоритъ (*στρατιωτικὰ*), Алкей написалъ и нѣсколько гимновъ въ честь боговъ. До насъ дошли отрывки изъ его гимновъ Аполлону, Гермесу, Аѳинѣ и Гефесту. Незначительность отрывковъ лишаетъ возможности составить опредѣленное понятіе о художественности построенія этихъ гимновъ. Болѣе чѣмъ гимнами, Алкей прославился своими сколіями и эротическими стихотвореніями. Въ сколіяхъ Алкей является самымъ страстнымъ поклонникомъ веселаго наслажденія. И зимній холодъ (фр. 34), и лѣтній зной (фр. 39), и горе (фр. 35), и радость (фр. 20)—все зоветъ Алкея въ круговой чашѣ... Но несправедливо было бы заключить изъ этого, что Алкей во всѣхъ сколіяхъ воспѣваетъ одинъ только пьяный разгулъ: „принносящее забвеніе“ вино является для него лишь средствомъ дающимъ возможность высказаться сердцу; оно—„зеркало души“ (фр. 53), „обнаруживаніе правды“ (фр. 57). Изъ эротическихъ стихотвореній Алкея видно, что богиня любви была не меньше Бакха близка сердцу поэта. Главными предметами его любви была, кажется, знаменитая его современница, поэтесса Сапфо (фр. 55) и юноша Ликъ⁽¹⁾. Конечно, Алкей и въ молодости воспѣвалъ не разъ наслажденія пировъ и любви; но главнымъ мотивомъ его поэтическихъ студій они стали вѣроятно тогда, когда юношеская военная отвага, послѣ многихъ разочарованій, въ немъ уже улеглась, когда его „перестрадавшая не мало голова и грудь сѣдая“ искали только „умашенья муромъ“ (фр. 42).

Пѣсни Алкея занимали нѣкогда, по меньшей мѣрѣ, десять книгъ⁽²⁾; теперь мы имѣемъ изъ нихъ сотню незначительныхъ фрагментовъ, изъ которыхъ лишь три около десятка строкъ, а остальные—гораздо менѣе. Нарѣчіе этихъ пѣсенъ лесбійско-Эолійское. Судить о литературномъ достоинствѣ поэтическаго таланта Алкея по незначительнымъ фраг-

(1) Horatii carmina, I, 32, 44.

(2) Аевней, кн. XI, pag. 481, A.

ментамъ, вонечно, трудно, и намъ остается только указать на то, какъ смотрѣли на значеніе поэзіи Алкея талантливейшіе изъ Римлянъ, имѣвшіе въ своихъ рукахъ еще неутрачившіяся его произведенія. Въ этомъ отношеніи для насъ, кажется, будетъ достаточно свидѣтельства Горація ⁽¹⁾, удостоившаго Алкея золотого смычка и поставившаго его на ряду съ Гомеромъ, Пиндаромъ, Сапфо и Стесихоромъ. Мы находимъ нелишнимъ привести здѣсь *буквальный* переводъ двухъ фрагментовъ Алкея (34—35 и 18—19).

Лишаетъ насъ смысла возстанье вѣтровъ:
то съ этого бока бушуетъ волна,
то съ бока другаго, а мы среди волнъ
несемъ на суднѣ смоленомъ,
жестоко страдая отъ бури большой.
Вода наполняетъ все дно корабля;
просвѣчивать парусъ давно уже сталъ,—
такъ крѣпко онъ весь изорвался....
Но вотъ выше прежнихъ несется волна;
не мало труда она намъ принесетъ,
пока нашъ корабль проберется.

Посылаетъ намъ Зевсъ непогоду
и жестокою зиму съ небесъ;
леденятся рѣчныя теченья....
Но забудь о зимѣ и огонь
разожги, да вино медовое
не жалѣя смѣшай, а виски
ты укрѣй себѣ волосомъ мягкимъ.
О дурномъ много думать не слѣдъ:
сокрушаясь, бѣдѣ не поможешь.
Всѣмъ готовымъ упиться виномъ—
ты отличное, Бакхъ, исцѣленье!

Биографическихъ свѣдѣній о знаменитой современницѣ Алкея *Сапфо* дошло до насъ не больше того, чѣмъ сколько мы имѣемъ ихъ о самомъ Алкеѣ. Да и эти немногія свѣдѣнія не остались безъ романтическихъ прикрасъ. Сапфо (*Σαπφώ*) или, какъ она называлась на туземномъ нарѣчій, Псапфо (*Ψάπφα*), по свидѣтельству Свида, въ 612 г. до Р. Х. была уже знаменитою поэтессой; значитъ время ея рож-

(1) Сарм. II, 13; IV, 9.

денія можно положить не позже 630 г. По словам Геродота, отечествомъ ея былъ городъ Митилена, а по словам Аеенея—городъ Эресъ⁽¹⁾. Вслѣдствіе этого разногласія Эліапъ⁽²⁾ (а съ его словъ и нѣкоторые позднѣйшіе писатели, напр. Висконти въ своей Иконографіи) признаетъ, что были двѣ Сапфо: одна—Митиленская, знаменитая поэтесса; другая—Эресская, куртизанка любившая нѣкоего Фаона. Пленъ полагаетъ (стр. 177), что Сапфо родилась въ Эресѣ, а въ Митиленѣ она лишь позднѣе получила гражданство. Въ этомъ мнѣніи онъ слѣдуетъ Велькеру⁽³⁾, который думаетъ, что двойственность личности Сапфо была принята древними для того, чтобы съ чистой для современниковъ личности Сапфо снять ту черную тѣнь, которую позднѣе набросали на нее аѳинскіе комики... Имя отца Сапфо, котораго она лишилась, кажется, въ раннемъ возрастѣ, было, по словам Геродота, Скамандронимъ, — по извѣстной троянской рѣкѣ. Можетъ быть это имя, бывшее, конечно, родовымъ, указываетъ на малоазійское (троадское) происхожденіе рода поэтессы. Сапфо имѣла, по словам Свиды, трехъ братьевъ; одинъ изъ нихъ отправлялъ въ Пританеѣ митиленскомъ должность виночерпія, и сама Сапфо не разъ его прославляла въ своихъ стихотвореніяхъ⁽⁴⁾; другой, по (цитированному выше) свидѣтельству Геродота, торговалъ въ египетскомъ городѣ Навкратисѣ лесбійскимъ виномъ и велъ тамъ жизнь разгульную, за что и укоряла его сестра. Изъ этого можно заключить, что Сапфо происходила изъ семьи богатой.

Достигши совершеннолѣтія, Сапфо вышла замужъ за андросца Керкола и имѣла отъ него дочь Клайду, къ которой она привязалась такою нѣжною любовью, что,—какъ говорила сама (фр. 85 по изд. Бергка),—„не промѣняла бы свою милую дочку на всѣ сокровища земли Лидійской“. Мужа своего Сапфо лишилась рано и, оставшись молодою богатою вдовой, она собрала около себя тѣсный кружокъ изъ даровитѣйшихъ дѣвушекъ своего отчества, и ея домъ превра-

(1) Геродота кн. II, 135; Аеенея кн. XIII, 396, e.

(2) *Variae historiae*, X, 19.

(3) *Sappho von einem herrschenden Vorurtheil befreit*, Goettingen, 1816. Эту статью мы пользовались въ изданіи *Kleine Schriften von F. G. Weicker*, Bonn, 1845, II, стр. 80—144.

(4) Аееней, X, 424, F.

тился въ „жилище Музъ“ (фр. 126), посвященное поэзіи и музыкѣ. Подобное близкое общеніе людей, достигшихъ уже зрѣлаго возраста, съ молодежью своего пола было съ самыхъ древнихъ временъ въ обычаѣ. Такъ, на островѣ Критѣ, законы котораго пользовались отличнымъ уваженіемъ у всѣхъ Грековъ и приписывались полумифическому царю Миносу, названному въ XIX рапсодіи Одиссеи „собесѣдникомъ Зевса“, было уже въ обычаѣ у лучшихъ людей окружать себя даровитою молодежью и тѣмъ нравственно вліять на ихъ образованіе. Такой обычай перешелъ отъ Критянъ и въ Спарту (¹). Что такія отношенія людей уже зрѣлыхъ къ молодежи въ древнюю эпоху были вполне чистыми, подтверждаетъ, между прочимъ, Эліанъ (²), добавляя при этомъ, что подозрительныя отношенія старшихъ къ младшимъ вызвали бы въ Спартѣ глубочайшее презрѣніе. И въ Аѳинахъ мы встрѣчаемъ, даже въ не особенно раннюю эпоху, совершенно чистое близкое общеніе Сократа съ талантливыми и прекрасными юношами, что даже злѣйшіе его враги не ставили въ укоръ его цѣломудрію. Конечно, первоначальная чисто-образовательная цѣль этого обычая, съ теченіемъ времени, постоянно отодвигалась на второй планъ, и главнымъ мотивомъ подобныхъ близкихъ отношеній стала глубокая античная симпатія ко всему прекрасному и стремленіе къ идеальному наслажденію красотой, врожденное эллинской натурѣ; лишь позднѣе, когда греческое общество начинало уже нравственно разлагаться, близкія отношенія людей возрастныхъ къ юношамъ дѣйствительно заслужили недобрую о себѣ молву.

Эстетическія студиі Сапфо со своими подругами и ученицами не остались, безъ сомнѣнія, безъ благотворнаго, развивающаго вліянія. Максимъ Тирскій, писатель II в. по Р. Х., говоритъ (³), что какъ Сократъ имѣлъ своими друзьями Алкивіада, Хармида и Федра, такъ лесбіянка (Сапфо) Гиригну, Атеиду и Анакторію (⁴), и какъ первый имѣлъ соперниками Продика, Горгія и др., такъ послѣдняя—Андромеду и Горго (значитъ не одна Сапфо была въ Мителенѣ

(¹) Тотъ же историкъ, XIII. р. 511.

(²) Разныя исторіи, III, 12.

(³) Dissert. XXIV, 8.

(⁴) Имена первыхъ двухъ упоминаются въ дошедшихъ до насъ фрагментахъ Сапфо, также какъ имена Горго и Андромеды.

служительницею Музъ). Свидѣ еше болѣе увеличиваетъ число пріятельницъ Сапфо. Вмѣстѣ съ Евстаѳіемъ (¹), онъ говорить также, что подругою (*ἑταῖρα*) Сапфо была и другая знаменитая поэтесса, жительница той же Митилены (родомъ изъ Телоса) Эринна (*Ἐριννα*), написавшая на смѣпанномъ лесбійско-дорійскомъ нарѣчїи поэмѣ Прялка (*Ἠλακίτη*), которой стихи приравнивались къ гомеровскимъ. Эта талантливая подруга Сапфо 18-ти лѣтъ отъ роду уже сошла въ могилу. Изъ ея „Прялки“ дошло до насъ всего пять стиховъ (въ изд. Бергга „*Lyrici graeci*“, II, стр. 926).

Ни одна изъ античныхъ женщинъ, занимавшихся литературой (да ихъ не много и было), не высказывала такъ смѣло предъ обществомъ въ своихъ произведенїяхъ широкаго пониманїя человѣческаго сердца, ни одна не въ состоянїи была нарисовать самыми смѣлыми и, въ тоже время, поразительно вѣрными чертами сильную женскую натуру, увлекающуюся безумною любовью, какъ Сапфо. Голосъ самой бурной страсти слышался въ ея сжатой, гармонической рѣчи. Это можно замѣтить даже въ тѣхъ незначительныхъ отрывкахъ стихотворенїй Сапфо, которые дошли до насъ (особенно въ этомъ отношенїи характеристиченъ отрывокъ 2-й). Не даромъ уже древнїе (Платонъ и Плутархъ, напр.) причисляли Сапфо къ Музамъ. Эти качества таланта Сапфо, столь не обычныя ни аѳинской, ни спартанской женщинѣ, удивляли не мало позднѣйшихъ Грековъ, которымъ не знакома была древняя жизнь Лесбїянъ, и въ эпоху которыхъ женское населенїе этого острова отличалось уже сильною нравственною испорченностью. Аѳинянамъ IV и болѣе позднихъ вѣковъ трудно было примириться съ той мыслью, чтобы женщина такъ глубоко, какъ Сапфо, понимавшая жизнь сердца, сумѣла сама сохранить свое сердце чистымъ, да въ добавокъ еще—женщина лесбїйская.... И вотъ, спустя не менѣе, по крайней мѣрѣ, двухъ вѣковъ по смерти митиленской поэтессы, на ея память была брошена неблаговидная тѣнь. Въ глазахъ комиковъ аѳинскихъ, никого и ничего не щадившихъ для „краснаго словца“, Сапфо сдѣлалась женщиной легкаго поведенїя и въ то же время такой пламенной обожательницей нѣкоего юноши Фаона, что, отверженная имъ,

(¹) Смотр. статью Велькера «*De Erinna et Corinna poetriis*» въ его *Kleine Schriften*, 2 изд., II, стр. 145.

она бросается со скалы Левкатской и въ волнахъ морскихъ оканчиваетъ свою жизнь ⁽¹⁾.

Что всё эти рассказы—чистая выдумка, видно уже изъ того, что даже спустя столѣтiе по смерти Сапфо Греки,— да еще и сосѣди Lesbosa,—ничего объ этомъ не знали: Геродотъ, упоминая о Сапфо, какъ о извѣстной только поэтессѣ (*ἡ μουσοποιός*), не только не называетъ ее гетерой, но, напротивъ, рассказываетъ ⁽²⁾, что она сильно уворяла своего брата за тѣсное его знакомство въ Египтѣ съ гетерой Родописъ. Затѣмъ, современникъ и соотечественникъ Сапфо, поэтъ Алкей, въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ его фрагментовъ (55-мъ) прямо называетъ ее „цѣломудренной“ (*δυνα*), и говоритъ, что, обращаясь къ ней съ рѣчью, онъ дѣлается застѣнчивымъ (*με κολίει δίδως*). Этотъ эпитетъ „цѣломудренной“, эта застѣнчивость поэта, конечно, были бы по малой мѣрѣ неумѣстны въ обращенiи къ женщинѣ завѣдомо-легкаго поведенiя. Есть и въ сочиненiяхъ самой Сапфо одинъ фрагментъ (28-й), гдѣ она обращается къ одному изъ своихъ поклонниковъ (вѣроятно къ тому же Алкею) съ такою рѣчью: „если бъ ты хотѣлъ чего прекраснаго и честнаго, языкъ твой не загнулся бы позорно и стыдъ не показался бы тогда въ твоихъ глазахъ“. Что касается до любви къ Фаону и романтическаго паденiя съ Левкатской скалы, то эта сказка рассказывалась древними не объ одной Сапфо (см. названную статью Велькера). Что относительно Сапфо это не болѣе, какъ сказка, видно уже и вотъ изъ чего. Свидѣя относитъ эпоху извѣстности Сапфо къ 42 о. (612—9 гг.), Евсевiй—къ 44 о. (604—1 гг.), хроника Паросскаго камня (по Бѣку)—къ 604—591 гг. Если мы выберемъ среднюю изъ этихъ датъ,—604-й годъ, время рожденiя Сапфо нужно будетъ положить не позже 630 г. до Р. X. Съ другой стороны, по свидѣтельству Геродота, гетера Родописъ, предметъ страсти брата Сапфо, жила при-египетскомъ царѣ Амазисѣ, а Амазисъ воцарился только въ 570 г. Оказывается, что Сапфо жила на свѣтѣ по малой мѣрѣ 60 лѣтъ. Едвали естественно въ такомъ возрастѣ увлечься любовью къ юношѣ до самоубiйства.

⁽¹⁾ Комикъ Менандръ у Страбона, X. 452.

⁽²⁾ Кн. II, гл. 134 и 135,

Такою же выдуманною оказываются и интимныя отношенія къ Сапфо Анакреона, о которыхъ говоритъ современникъ Александра Македонскаго, колофонскій поэтъ Гермесіанаксъ у Аеенея ⁽¹⁾. Чтобы видѣть несообразность этого извѣстія, довольно припомнить то, что Сапфо въ 570 г. до Р. X. была уже 60 лѣтъ отъ роду, а Анакреонъ провелъ большую часть своей жизни у самосскаго тирана Поликрата. Поликрать, по Евсевію, сталъ тиранномъ лишь чрезъ 38 лѣтъ послѣ 570 г.; по другимъ свидѣтельствамъ—чрезъ 5 лѣтъ: даже въ послѣднемъ случаѣ Анакреонъ годился скорѣе во внуки Сапфо, чѣмъ въ обожатели. Впрочемъ уже самъ Аееней замѣчаетъ, что любовь Анакреона къ Сапфо могла быть лишь любовью поэта къ своей предшественницѣ *ex professo*.

Въ хроникѣ Паросскаго мрамора значится, что Сапфо (примѣрно лѣтъ 30 отъ роду) ушла изъ Митилены, убѣгая (*φυγῶσα*) въ Сицилію. Причина этого удавленія была, конечно, политическая: бѣгство Сапфо совпадаетъ съ эпохою возстанія митиленскихъ аристократовъ подъ предводительствомъ Алкея. Долго-ли она пробыла въ Сициліи, не извѣстно; по что вернулась потомъ домой,—въ этомъ едвали можно сомнѣваться: ей пришлось бы, въ противномъ случаѣ, провести самую лучшую эпоху своей жизни въ чужой землѣ, и ее, конечно, не назвала бы тогда древность лесбійской поэтессой, подобно тому какъ Терпандра назвали поэтomoъ дорійскимъ, а Эринну—лесбійскою. Въ 126 фрагментѣ Сапфо, состоящемъ изъ двухъ стиховъ, поэтесса проситъ свою дочь „не оплакивать ея смерть, потому что неприлично слышать рыданія въ жилищѣ Музъ“. Быть можетъ объ этой прощальной пѣснѣ, изъ которой мы имѣемъ приведенные два стиха, Эліанъ ⁽²⁾ рассказываетъ анекдотъ, рельефно характеризующій уваженіе къ таланту нашей поэтессы лучшихъ ея современниковъ. Когда извѣстный законодатель аеинскій Соловь уже въ глубокой старости услышалъ на пиру одного юношу, пѣвшаго предсмертную пѣсню Сапфо, то пожелалъ выучиться ей самъ,—съ тѣмъ, добавилъ онъ при этомъ, чтобы умереть узнавши ее.

Древніе художники, высоко цѣнившіе талантъ Сапфо, не разъ воспроизводили ея бюстъ изъ мрамора, рисовали

⁽¹⁾ Аеенея кн. XIII, 598, с.

⁽²⁾ У Стобея, XXIX, 58.

кистью и вырѣзывали на геммахъ. Послѣднія дошли и до нашего времени. Если вѣрить Максиму Тирскому, писателю II в. по Р. Х., Сапфо имѣла наружность не изъ лучшихъ: была мала ростомъ и смугла лицомъ ⁽¹⁾.

Оды и элегии Сапфо составляли нѣкогда цѣлыхъ девять книгъ; отдѣльная книга заключала ея эпиеаламіи. Это были стихотворенія въ честь новобрачныхъ. Обиліе эпиеаламій по-казываетъ, что она не оставалась безъучастною къ семейнымъ радостямъ своихъ согражданъ и что кругъ ея знакомыхъ былъ не малъ. Изъ девяти книгъ до насъ дошло не много болѣе сотни незначительныхъ фрагментовъ на лесбійскомъ нарѣчій. Самый большой изъ нихъ—въ 28 стиховъ, другой—въ 17. Мы позволимъ себѣ привести въ *дословномъ* русскомъ переводѣ первый отрывокъ:

На расписанномъ тронѣ богиня сидящая,
Афродита, коварная Зевсова дочь!
Не круши ты, могучая, горемъ и мукою
душу мою;
но явись ты ко мнѣ, какъ являлася нѣкогда,
издалека услышавши рѣчи мои.
На своей колесницѣ, оставя родительскій
домъ золотой,
ты, бывало, летишь,—а несутъ тебя милые
воробьи быстролетные къ черной землѣ,
и волнуютъ они по-поднебесью крыльями
легкій эфиръ.
Принесутъ тебя живо, а ты, о блаженная,
спросишь тутъ, улыбаясь безсмертнымъ лицомъ,
чѣмъ я мучусь опять и зачѣмъ было надобно
звать мнѣ тебя,
чего именно сердцу безумному хочется,
кого снова въ любовныя сѣти завлечь
убѣжденья богиня должна.—«Кто обидѣтъ мого,
Сапфо, тебя?
«кто бѣжить отъ тебя,—за тобою погонится;
«кто даровъ не беретъ.—отъ себя принесетъ;
«кто не любить тебя,—скоро, волей-не волею,
будеть любить».
О, явись же, богиня, еще и тяжелыя
муки сердца уйми; чего хочеть оно,--

(1) Dissert. XIV, p. 412.

все исполни ему и сама мнѣ помощницей
сдѣлайся ты.

Сапфою мы и заканчиваемъ нашъ короткій очеркъ поэтическихъ талантовъ Lesbosa... Конечно, артистическая дѣятельность Алкея и Сапфо не могла не вызвать болѣе или менѣе талантливыхъ туземныхъ подражателей и продолжателей; но ихъ извѣстность была слишкомъ блѣдна предъ славными именами ихъ геніальныхъ предшественниковъ, и не только произведенія этихъ подражателей, но даже и самыя имена ихъ исчезли для насъ безслѣдно. Были, правда, изъ урожденцевъ Lesbosa позднѣе и такіе поэты, имена которыхъ извѣстны (Діонисій, напримѣръ, Θεολιτῆς, Ἐσχυρίων, Алфей Митиленскій); но это уже были поэты искусственные, эпики александрійскаго пошиба, подражатели не Алкея и Сапфо, но Аполлоніевъ Родосскихъ, Квинтовъ Смирнскихъ, Колуеовъ и К°. Персидское порабоженіе, а затѣмъ несчастное участіе въ Пелопоннесской войнѣ убили какъ политическую, такъ и духовную самостоятельность Лесбійцевъ.... Но Алкей и Сапфо нашли себѣ не мало подражателей и продолжателей внѣ Lesbosa: мотивы ихъ пѣсень воспитали у Грековъ талантъ Анакреона, а у Римлянъ послужили образцами безсмертнымъ произведеніямъ славнаго друга Мecenатова, который самъ хвалился тѣмъ, что *princeps Aeolium carmen ad Italos deduxisset* (1).

А. Иноземцевъ.

(1) Horatii carminum lib. III, ode 30.

К Р У М Ч К А

И

БИБЛИОГРАФІЯ.

Hartmann. Philosophie des Unbewusten. 1871.

Нельзя не обратить вниманія на одно явленіе въ современной нѣмецкой философской литературѣ. Я говорю о книгѣ Эд. Гартмана подъ заглавіемъ: „Философія непознаваемаго“—*Philosophie des Unbewusten*. Первое изданіе этой книги явилось въ 1869 году, а въ 1871 году явилось уже третье изданіе. Эту книгу читали и знаютъ не только тѣ, которые изучаютъ философію по спеціальности но объ ней знаютъ, ее читали или стремятся прочесть и познакомиться съ ея содержаніемъ и тѣ, которыхъ никогда серьезно не интересовали метафизическіе вопросы. Книга Гартмана болѣе и болѣе дѣлается популярной въ Германіи и, такъ сказать, модной книгой.

Книга Гартмана представляетъ весьма обьемистый (въ 824 стр.) томъ. На заглавномъ листѣ обозначено: „спекулятивные результаты по индуктивно-научному методу“. Въ книгѣ видна большая эрудиція автора. Результаты наукъ естественныхъ: физиологіи, зоологіи, математики, физики, химіи, анатоміи извѣстны автору и нашли мѣсто въ его книгѣ. Кромѣ того, онъ изучилъ исторію философіи и въ книгѣ встрѣчаются имена не только такихъ философовъ, какъ Аристотель, Декартъ, Лейбницъ, Локъ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель, Шопенгауеръ, но—менѣе извѣстныхъ съ цитатами изъ ихъ сочиненій. Такая эрудиція тѣмъ болѣе обращаетъ вниманіе, что авторъ книги еще молодъ.

Сверхъ всего этого, книга отличается новостію и оригинальностію философскаго взгляда, представляетъ попытку проложить новый путь къ рѣшенію метафизическихъ вопросовъ — въ связи съ послѣдними результатами естественныхъ наукъ.

Все это привлекло вниманіе образованной нѣмецкой публики къ книгѣ Гартмана и сдѣлало ее извѣстной за предѣлами Германіи. Вскорѣ явились самыя похвальные отзывы о книгѣ Гартмана въ нѣмецкихъ философскихъ и нефилософскихъ журналахъ и газетахъ.

Книга Гартмана носитъ, какъ сказано, названіе: „Философія непознаваемаго“. На принципѣ „непознаваемаго“ авторъ стремится основать новую натурфилософскую систему. Въ чемъ состоитъ этотъ принципъ, авторъ не даетъ въ началѣ своей книги точнаго опредѣленія. Для уясненія себѣ этого принципа приходится въ самомъ изложеніи извлекать основныя черты его. На первый разъ достаточно знать, что съ этимъ принципомъ совпадаетъ неизвѣстная причина извѣстныхъ предшествующихъ явленій, лежащая за предѣлами нашего сознанія.

Все сочиненіе распадается на три отдѣла, изъ которыхъ первый излагаетъ обнаруженія (дѣйствія) „несознаваемаго“ въ тѣлесности (*Leiblichkeit*), второй — въ человѣческомъ духѣ, третій — въ метафизикѣ.

Конечно, нѣтъ необходимости изложить послѣдовательно содержаніе всей книги на нѣсколькихъ страницахъ. Поэтому, мы остановимся только на нѣкоторыхъ главахъ книги, которыя дадутъ вамъ уже возможность ознакомиться съ духомъ и характеромъ стремленій автора, съ главною сущностію новой натурфилософской системы и съ методическими приемами натурфилософовъ, въ ихъ изслѣдованіяхъ.

На методическіе приемы изслѣдованія авторъ обращаетъ вниманіе читателя въ самомъ началѣ книги. Заглавный листокъ гласитъ уже, мы сказали, о методѣ изслѣдованія автора. Сказавъ на первыхъ страницахъ о „задачѣ“ сочиненія, авторъ посвящаетъ далѣе цѣлую главу „методу изслѣдованія и способу изложенія“.

Что касается метода изслѣдованія и способа изложенія, то, говоритъ авторъ, діалектическій методъ (Гегеля) устраняется, такъ какъ онъ — необщепонятенъ. Впрочемъ, защит-

ники этого метода не должны осуждать этого сочинения, такъ какъ ихъ стремленія отразить общаго врага (материализма) нуждаются въ положительныхъ данныхъ. Дедуктивный методъ совершенно не допускается. Этотъ методъ есть методъ схожденія сверху внизъ; начинается онъ отъ принципа, отъ неизвѣстнаго и силится развернуть изъ этого принципа, сходя внизъ, всѣ явленія дѣйствительности. Онъ парализируетъ противоположный ему методъ индуктивный, — методъ восхожденія снизу вверхъ. Послѣдній наблюдаетъ и собираетъ единичныя явленія; изъ нихъ составляетъ группы и раскрываетъ такимъ образомъ неизвѣстное изъ даннаго извѣстнаго, такъ что, сдѣланный каждый разъ, строго научный шагъ составляетъ добавленіе къ другимъ, уже приобрѣтеннымъ научнымъ успѣхамъ, которые вмѣстѣ ведутъ къ общему благу.

Но индукція, продолжаетъ Гаргманъ, не доводитъ до послѣднихъ принциповъ и системы. Какъ дедукція не доходитъ до объясненія дѣйствительности и не даетъ посредствующаго между принципами и явленіями, такъ и индукція не можетъ объять послѣднихъ принциповъ и цѣлаго. Цѣлое, такимъ образомъ, неуловимо ни тѣмъ ни другимъ методомъ въ отдѣльности. На пути лежитъ пропасть (Kluft) непроходимая. Но дѣло, по мнѣнію автора, не совсѣмъ безнадежное. Съ одной стороны, индуктивная наука сдѣлала весьма важныя успѣхи во всѣхъ отрасляхъ органической и неорганической природы, равно и духа. Съ другой стороны всѣ прежніе періоды блестящаго развитія философіи конца прошлаго столѣтія и начала девятнадцатаго доставили спекулятивному духу такое важное обогащеніе, что теперь обѣ части—наука и спекуляція противостоятъ другъ другу, какъ равныя по происхожденію. Задача настоящаго времени, говоритъ авторъ, состоитъ въ томъ, чтобы ухватить крайніе пункты двухъ противныхъ сторонъ и вбить переходный мостъ, сдѣлавъ между собою крайніе пункты. Это—возможно; лишь недостаетъ пока личности, которая объяла бы обѣ стороны съ одинаковою любовью и поняла бы ясно предстоящую задачу. Авторъ не считаетъ себя такою личностію, хотя думаетъ, что онъ заслуживаетъ благодарность уже потому самому, что онъ, узнавъ эту истину отъ другихъ, ясно поставилъ задачу, какъ цѣль настоящей философіи, дѣйствительно, страдающей отъ спекулятивныхъ построеній.

Такимъ образомъ, книга Гартмана громко заявляетъ о правахъ индуктивнаго, естественно-научнаго метода въ философіи, нападая на господствовавшій прежде односторонній методъ дедуктивный. Но здѣсь мы удержимся пока отъ всякаго личнаго приговора и сужденій о приведенной нами главѣ изъ книги Гартмана и пойдемъ дальше.

Гартманъ заявляетъ, что онъ узналъ отъ другихъ о принципѣ „непознаваемаго“. Объ немъ начали, по его словамъ, говорить философы еще съ Декарта. Послѣдній признавалъ, что душа наша мыслить непрерывно, что безъ мысли она немислима въ какой либо моментъ, какъ матерія немислима безъ протяженія. Въ то же время извѣстно, что сознаніе въ человѣкѣ занимаетъ очень ограниченный кругъ, а иногда бываютъ минуты, что сознаніе совершенно оставляетъ человѣка. Такимъ образомъ, по ту сторону сознанія находится цѣлая область „несознаваемаго“, которую признать необходимо въ силу признанія перваго положенія о „несознаваемомъ“ говорилъ Лейбницъ. Онъ отличалъ перцепціи отъ апперцепцій. Послѣднія только проходятъ чрезъ сознаніе; о существованіи же въ природѣ первыхъ мы узнаемъ по нѣкоторымъ явленіямъ въ организамахъ, напр. по инстинктамъ животныхъ и проч. Безсознательныя представленія занимали Локка и Канта. Гартманъ указываетъ на то мѣсто въ книгѣ Локка: „Опыты объ умѣ“, гдѣ Локкъ касается положенія Декарта, что душа мыслить непрерывно. Что касается до Канта, то Гартманъ говоритъ: „Ясное слово яснаго великаго Кенигсбергскаго мыслителя дало исходный пунктъ его (Гартмана) изслѣдованію“. Это слово нашель Гартманъ въ антропологии Канта, гдѣ Кантъ говоритъ: „имѣть представленія и несознавать ихъ, въ этомъ находится, кажется, противорѣчіе, потому что, какъ мы можемъ знать о томъ, что мы имѣемъ ихъ, если мы не сознаемъ ихъ“. „Мы, продолжаетъ Кантъ, можемъ познать посредственно то, что мы имѣемъ представленія, т. е. несознаваемыя, хотя ихъ мы не сознаемъ непосредственно“. Опускаемъ подробности мѣстъ, гдѣ авторъ дѣлаетъ перечисленіе дальнѣйшихъ философовъ, учившихъ о „несознаваемомъ“. Гартманъ особенно указываетъ на Шеллинга и говоритъ: „въ полнѣйшей чистотѣ, ясности и глубинѣ находимъ мы ученіе о „несознаваемомъ“ у Шеллинга“. Послѣ Шеллинга болѣе видное мѣсто дано Шопенгауеру. Это—понятно. Въ

системъ Гартмана, какъ мы увидимъ ниже, играетъ важную роль несознаваемая воля, какъ мировой принципъ, а это, какъ извѣстно, составляло основу философіи Шопенгауера.

Приступая къ собственному изслѣдованію, Гартманъ говоритъ: „несознаваемое представленіе есть, конечно, парадоксъ для естественнаго разума, но противорѣчіе, заключающееся въ этомъ, есть, какъ показалъ Кантъ, только видимое. Потому что, если мы можемъ знать только то, что имѣемъ въ сознаніи, такимъ образомъ ничего не можемъ знать о томъ, чего не имѣемъ въ сознаніи, то какое мы имѣемъ право утверждать, что то, существованіе чего не находится въ нашемъ сознаніи, не должно существовать и внѣ нашего сознанія?“ Авторъ думаетъ, что, напротивъ, въ такомъ случаѣ мы не можемъ утверждать ни существованія ни несуществованія и должны на этомъ основаніи оставаться при признаніи несуществованія только до тѣхъ поръ, пока не получимъ право на утвержденіе существованія какимъ либо инымъ путемъ.

„Несознаваемое“ дѣйствуетъ въ природѣ ближайшимъ образомъ, какъ „несознаваемая воля“ и „несознаваемое представленіе“. То и другое вмѣстѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что въ животномъ царствѣ мы называемъ инстинктомъ. Послѣдній, какъ извѣстно, играетъ весьма важную роль въ органической природѣ и духъ и покоится на цѣлесообразности. Эта цѣлесообразность не есть достояніе одной органической природы и духа, она обнимаетъ дѣйствіе законовъ и неорганической природы. Такимъ образомъ, цѣлесообразность-то, которая въ органической природѣ достигается такъ называемымъ инстинктомъ, а въ неорганической—черезъ систему физико-химическихъ законовъ, заставляетъ признавать вездѣ присутствіе и дѣйствіе въ природѣ воли и представленія, какъ предшественниковъ къ достиженію цѣли; онѣ-то и суть обнаруженія дѣйствія того, что названо принципомъ „несознаваемого“, и сами несознаваемы. Указанныя сейчасъ воля и представленія существуютъ, по словамъ автора, безъ всякаго матеріальнаго субстрата; это—чисто-духовная дѣятельность. Хотя воля и представленіе не входятъ въ область сознаваемого, тѣмъ не менѣе дѣйствіе ихъ несомнѣнно; равно несомнѣнно и ихъ чисто-духовное происхожденіе. Авторъ беретъ доказать это безчисленными примѣрами, заимствуя ихъ изъ анатоміи, физиологіи, патологіи и проч. Если, говоритъ авторъ, хри-

стианское учение такъ сильно выдвинуло на видъ то, что дѣйствіе Бога содержится не только въ цѣломъ и великомъ, но Его величіе обнаруживается удивительнѣйшимъ образомъ въ каждомъ маломъ, то этотъ взглядъ установленъ именно чрезъ разсужденіе объ органической природѣ. Несознаваемое, говоритъ Гартманъ, никогда не ошибается. Дѣйствіе его имѣетъ мѣсто въ органической природѣ въ каждый моментъ, всегда соразмѣрно и постоянно—цѣлесообразно. Въ неорганической природѣ оно съ удивительною мудростію совершаетъ свое участіе чрезъ систему физико-химическихъ законовъ самой природы. „Несознаваемое всевѣдуще“, говоритъ Гартманъ.

Явленія несознаваемаго въ тѣлесности. Въ первой главѣ этого отдѣла авторъ старается доказать наличное существованіе „несознаваемой воли“ въ самостоятельныхъ функцияхъ спиннаго мозга и гангліозной системы. Онъ заявляетъ, что воля и хотѣніе составляютъ первую и основную духовную дѣятельность во всѣхъ существахъ. Многими примѣрами авторъ доказываетъ, что эта высшая духовная дѣятельность не связана съ головнымъ мозгомъ. Послѣ операціи, обезглавленная лягушка, долго оставаясь въ покоѣ, вдругъ начинаетъ дѣлать движенія и прыжки, принимаетъ определенное направленіе и, если выводить ее изъ этого направленія, она старается по собственному соображенію снова принять его; подползаетъ подъ шкафъ или въ другіе углы, видимо ища защиты отъ своихъ преслѣдователей. Безъ сомнѣнія, въ ея спинномъ мозгу должно быть присутствіе воли. Далѣе, идетъ указаніе авторомъ на разрѣзанное насекомое, въ частяхъ котораго совершаются тѣже отправленія, какія совершались, когда части соединены были вмѣстѣ, т. е. передняя часть сохраняетъ способность къ ѣдѣ, задняя—къ половому отправленію. Видимо, замѣчаетъ авторъ, высшая духовная дѣятельность воли имѣетъ мѣсто въ различныхъ отдѣльныхъ частяхъ гангліозныхъ узловъ. Указываетъ также на полиповъ, которые въ стаканѣ воды стремятся помѣститься въ той сторонѣ, которая обращена къ солнцу. Эти факты, говоритъ авторъ, доказываютъ, что на низшей ступени нервнаго аппарата, гдѣ послѣдній не существуетъ, какъ отдѣльная часть организма, а также въ гангліяхъ суставчатыхъ животныхъ, въ спинномъ мозгу рыбъ и проч. находится присутствіе воли. Почему же, спрашиваетъ онъ,

гангліозные узлы и спинной мозгъ высшихъ животныхъ и человѣка не должны имѣть того-же свойства? Если у насѣкомыхъ воля къ ѣдѣ находится въ передней части, а воля къ половому отправленію—въ задней, почему не слѣдуетъ напередъ предсказать, что существуетъ такое же распределеніе труда воли у человѣка? Такимъ образомъ, авторъ признаетъ дѣйствіе „несознаваемой воли“ въ спинномъ мозгу и гангліозныхъ узлахъ у высшихъ животныхъ и человѣка. Для большей убѣдительности въ этомъ авторъ ссылается на опыты Биддера и Флурана. Первый дѣлалъ опыты надъ лягушками. Онъ разрушалъ напр. спинной мозгъ лягушки и она жила отъ 6 до 10 недѣль. Съ разрушеніемъ головного и спинного мозга и при сохраненіи продолговатаго мозга (для дыханія) жизнь еще продолжалась до 6 дней. Когда былъ разрушенъ и послѣдній, можно было еще наблюдать бѣженіе сердца и кровообращеніе около 2 дней. Особенно опыты Флурана кажутся автору убѣдительными для признанія существованія несознаваемой воли въ различныхъ частяхъ нашего организма независимо отъ головного мозга. Собачка и морская свинка, у которыхъ отнять былъ экспериментаторомъ большой мозгъ, должны были, по мнѣнію автора, свободно ходить послѣ операціи; ихъ движенія должны быть совершенно схожи съ движеніями здоровыхъ животныхъ. Нельзя сказать вполне того же о курицѣ; но и она во время сна прятала голову подъ крылья, при пробужденіи махала ими и чистила свой клювъ. Если ее толкали, она шла прямо впередъ; когда бросали ее въ воздухъ, она летѣла. Сама она не ѣла, но глотала кормъ положенный ей въ гортань. Маханіе крыльями, чищеніе клюва, ходьба и летаніе суть, по убѣжденію автора, акты воли. Они несознаваемы, потому что сознание принадлежитъ большому головному мозгу въ высшихъ животныхъ, а въ настоящемъ случаѣ онъ устраненъ чрезъ операцію.

Во второй главѣ перваго отдѣленія авторъ хочетъ доказать, что во всѣхъ произвольныхъ нашихъ движеніяхъ находится и участвуетъ „несознаваемое представленіе“. Онъ считаетъ центральныя оконечности двигательныхъ нервовъ подобными клавиатурѣ. Нужны отдѣльныя прикосновенія къ этимъ оконечностямъ импульсовъ воли, чтобы вызвалось известное движеніе въ мускулахъ. Если послѣдуетъ одно или два неправильныхъ такихъ прикосновеній, то произой-

дуть движенія, неотвѣчающія намѣренію; напр. при разговорѣ, при письмѣ. Число движеній, идущихъ отъ мозга въ каждому члену — очень велико, говоритъ авторъ, а число движеній, идущихъ отъ мозга ко всему тѣлу—безчисленно. По этому,—весьма малая вѣроятность существуетъ для того, чтобы сознательное представленіе движенія совпадало съ дѣйствительнымъ движеніемъ безъ всякаго причиннаго средства. Если бы не дѣйствовала непосредственно на центральныя нервныя оконечности простая духовная дѣятельность, то оба (сознательное представленіе дѣйствія и мускульное движеніе) ничего между собою не сдѣлали бы. Авторъ представляетъ дѣло такимъ образомъ: дана воля, которой содержаніе есть сознательное представленіе опредѣленнаго движенія; требуется, какъ посредникъ, импульсъ воли на пунктъ *P* въ мозгу; отыскать возможность, какъ этотъ импульсъ воли прямо встрѣтится съ пунктомъ *P*, а не съ другимъ. Механическое объясненіе чрезъ распространеніе колебаній оказывается невозможнымъ; упражненіе въ этомъ случаѣ—пустое, бессмысленное слово; внесеніе въ объясненіе мускульнаго чувства, какъ сознательнаго причиннаго посредствующаго члена—односторонне и не объясняетъ дѣла. Изъ невозможности объясненія путемъ механическимъ слѣдуетъ, что долженъ быть посредствующій членъ духовной природы; изъ неоглазывающихся на лицо удовлетворительныхъ сознательныхъ посредствующихъ членовъ слѣдуетъ, что посредствующій членъ долженъ быть несознаваемымъ. Изъ необходимости волеваго импульса на пунктъ *P* слѣдуетъ, что сознательная воля—производить опредѣленныя движенія указываетъ на несознаваемую волю—возбуждать пунктъ *P*, дабы достигнуть цѣли движенія чрезъ возбужденіе *P*. Содержаніе этой воли—возбуждать пунктъ *P* предполагаетъ несознаваемое представленіе пункта *P*. Представленіе пункта *P* можетъ состоять въ представленіи его положенія въ отношеніи къ другимъ пунктамъ мозга. Этимъ рѣшается проблема. Каждое произвольное движеніе предполагаетъ такимъ образомъ, по убѣжденію автора, несознаваемое представленіе, какъ необходимый посредствующій членъ въ процессѣ, предшествующемъ движенію, какъ результату этого процесса.

Въ третьей главѣ авторъ хочетъ доказать дѣйствіе „несознаваемаго“ въ истиннѣхъ. Истиннѣхъ опредѣляетъ онъ, какъ

цѣлесообразный поступокъ безъ сознанія цѣли. Инстинктъ можетъ быть объясняемъ, говоритъ авторъ, или 1), какъ простое, слѣдствіе тѣлесной организаціи, или 2) природою, устроенный механизмъ мозга и духа, или 3), какъ слѣдствіе несознаваемой дѣятельности духа. Но 1) инстинктъ не можетъ быть, продолжаетъ Гартманъ, слѣдствіемъ тѣлесной организаціи. Во первыхъ, онъ не можетъ быть такимъ слѣдствіемъ потому, что мы видимъ совершенно различные инстинкты при одинаковыхъ свойствахъ тѣла; напр. всѣ пауки имѣютъ одинъ и тотъ же паутинный аппаратъ, а между тѣмъ одинъ родъ ихъ строятъ гнѣзда лучеобразныя, другой—совершенно неправильныя. Тоже нужно сказать о постройкѣ гнѣздъ птицами. Организація у птицъ одна и таже (клювъ, ноги и проч.), гнѣзда же различны по виду, образу постройки и способу закрѣпленія. Весьма мало зависитъ отъ органа голоса пѣніе птицъ, или своеобразный способъ построекъ пчелъ и муравьевъ—отъ ихъ тѣлесныхъ свойствъ. Во вторыхъ, при различной организаціи обнаруживаются тѣже инстинкты. На деревьяхъ, живутъ, напр. птицы съ ногами, приспособленными къ лазанью, и безъ такихъ ногъ,—обезьяны съ гибкимъ хвостомъ и безъ такого хвоста и проч. Но 2) инстинктъ не есть и природою устроенный механизмъ мозга и духа такимъ образомъ, что инстинктивные дѣйствія совершаются механически безъ представленія цѣли; цѣль указывается будто бы каждый разъ природою или провидѣніемъ; представляется, что индивидуумъ такъ организованъ психически, что приводитъ въ дѣйствіе средства единственно механически. Здѣсь разсуждается о психической организаціи, замѣчаетъ авторъ, также, какъ прежде разсуждалось о физической, какъ причинѣ инстинкта. Такое объясненіе было бы еще мыслимо, если бы средства въ выполненію сознательной цѣли были всегда одни и тѣже; но послѣднія—весьма разнообразны; постоянна лишь одна несознаваемая цѣль (слѣдуютъ далѣе примѣры изъ царства птицъ и животныхъ).

Самъ авторъ доказываетъ, что каждое отдѣльное инстинктивное дѣйствіе имѣетъ въ себѣ несознаваемое представленіе цѣли и что инстинктъ есть ни что иное, какъ сознательная воля средства для несознаваемой воли цѣли (¹). Авторъ

(¹) Авторъ еще прежде въ своей книгѣ различилъ четыре причинныхъ посредниковъ между волей и дѣйствіемъ, именно: а) воля цѣли, б) воля средства, в) осуществленіе средства и г) осуществленіе цѣли.

всѣми силами старается устранить присутствіе въ инстинктѣ сознательнаго размышленія. Въ пользу присутствія въ инстинктѣ сознательнаго размышленія можно бы, говорить онъ, привести то, что чѣмъ ограниченнѣе бываетъ кругозоръ сознательной дѣятельности духа въ существѣ, тѣмъ острѣе бываетъ способность къ выполненію относительно всесторонняго пониманія въ одностороннемъ ограниченномъ направленіи. Но это подтверждаемое многими опытами въ человѣкѣ и животныхъ, находитъ свое объясненіе, говоритъ авторъ, въ томъ, что качество исполненія зависитъ въ этомъ случаѣ отъ духовныхъ способностей съ одной стороны и отъ упражненія и образованія этихъ способностей въ опредѣленномъ направленіи съ другой стороны. Если же хотять приложить это явленіе къ инстинктивнымъ дѣйствіямъ, то должны взять во вниманіе границы въ отношеніи понятливости. Способности у низшихъ животныхъ постепенно уменьшаются, не смотря на это инстинктивныя дѣйствія довольно одинаковы въ отношеніи ихъ совершенства на всѣхъ ступеняхъ животнаго царства. Изъ этого вытекаетъ то, что мы въ инстинктѣ имѣемъ дѣло съ другимъ принципомъ, чѣмъ сознательный разумъ. Далѣе, инстинктивнымъ дѣйствіямъ свойственно, говоритъ авторъ, то, что онѣ съ перваго же раза прежде всякаго воспитанія выполняются съ совершенствомъ. Если же все это для кого либо неубѣдительно для того, чтобы устранить изъ объясненія инстинкта сознательное размышленіе, то авторъ фактами хочетъ показать, что инстинктъ совершаетъ тавія дѣйствія, которыя основываются на знаніи будущихъ событий; знаніе это не могло быть получено ни чрезъ чувственное воспріятіе, ни чрезъ опытъ или воспитаніе.

Вообще разсужденіе объ инстинктахъ представило автору богатый матеріалъ для указаній дѣйствія въ природѣ принципа „несознаваемаго“. Тутъ вышли и предчувствія и сновидѣнія и сомнамбулизмъ и ясновидѣнія и проч.

Въ четвертой главѣ авторъ разсуждаетъ о связи воли и представленія. Онъ приходитъ къ тому результату, что какъ, съ одной стороны, не бываетъ воли безъ представленія, такъ съ другой, всякое представленіе связано съ волей. Это замѣчено еще Аристотелемъ, говоритъ авторъ. Здѣсь авторъ дѣлаетъ снова обращеніе къ инстинктивной цѣли.

Онъ говоритъ, что одно несознаваемое представленіе инстинктивной цѣли не можетъ приносить никакой пользы, ес-

ли цѣль не вошла въ хотѣніе, [потому что только воля цѣ-
ли можетъ вызвать волю средства и проч.

Пятая глава говоритъ о явленіяхъ „несознаваемаго“ въ
рефлективныхъ движеніяхъ. Но мы заканчиваемъ здѣсь свое
изложеніе книги Гартмана.

Такъ въ продолженіи пяти главъ содержаніе книги
Гартмана не выходитъ изъ предѣловъ физиологіи, зоологіи,
анатоміи, патологіи и проч. О субстанціяхъ, сущностяхъ,
ноуменахъ, феноменахъ, объ абсолютномъ и случайномъ, о я и
не я и о всемъ прочемъ, что неизбѣжно встрѣчалъ читатель
въ прежнихъ и встрѣчаетъ въ современныхъ философскихъ со-
чиненіяхъ,—у Гартмана нѣтъ разсужденій. Видимо авторъ ос-
тавляетъ прежній избитый путь обычнаго схоластическаго
способа разсужденія о философскихъ вопросахъ и пробиваетъ
новый путь философскихъ изслѣдованій. Онъ сосредотчиваетъ
свои изслѣдованія на одномъ полѣ съ физиологами, зоолога-
ми и проч., вообще съ естествоиспытателями. Гартманъ не
довольствуется и неограничивается лишь скромной ролью
ученаго спеціалиста а стремится обнять явленія шире и
освѣтить ихъ общимъ философскимъ взглядомъ.

Существовало и теперь существуетъ мнѣніе, идущее изъ
лагеря спеціалистовъ что внесеніе философскаго элемента
въ спеціальныя научныя занятія не только излишне, но и
вредно. Это мнѣніе высказывается по преимуществу естествоис-
пытателями; оно весьма распространено. Обыкновенно нѣтъ
предѣла нападеніямъ и насмѣшкамъ надъ философіей, и особен-
но надъ ея претензіями рѣшать міровыя вопросы и заходить въ
область естествознанія. Не говоря уже объ узкихъ, замкну-
тыхъ, глупо-самодовольныхъ спеціалистахъ, которыхъ ни-
когда не интересовали вопросы, выходящіе изъ круга ихъ
узкой спеціальности,—такой ученый, какъ Либихъ, неблаго-
пріятно высказался противъ философскихъ стремленій въ
естествознаніи. Нѣмецкій ботаникъ Мольтъ, нападая на фило-
софію, въ своей рѣчи, доказываетъ, что, нѣтъ и не можетъ
быть ничего общаго между философіей и естествознаніемъ.
„Требованіе, которое поставляетъ для доказательства истины
естествоиспытатель существенно различно отъ требованія
философа“ „Глубокая пропасть между естествознаніемъ и фи-
лософіей, продолжаетъ онъ, при безиредѣльности природы,
никогда не будетъ наполнена“.

Не стану доказывать, что нападенія такого рода на фи-
лософію не имѣли и не имѣютъ серьезнаго основанія. Цѣлая

исторія философіи представляетъ доказательство, какъ безуспѣшны были попытки философовъ къ объясненію міровыхъ явленій и ихъ претензіи на это. Особенно крайности нѣмецкихъ философовъ послужили поводомъ въ сильнымъ нападеніямъ противъ философіи со стороны естествоиспытателей. Не говоря уже о школѣ идеалистической, не лучше зарекомендовала себя и школа матеріалистовъ, не смотря на то, что она по видимому не отрывалась отъ дѣйствительныхъ фактовъ и наблюдений. Нужно замѣтить, что Либихъ, порицая вторженіе философскихъ элементовъ въ объясненіе природы, имѣлъ въ виду нѣмецкихъ натурфилософовъ—матеріалистовъ. Опыты этихъ натурфилософовъ онъ называлъ диллетантизмомъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ разбору и критикѣ книги Гартмана, мы сочли нужнымъ по поводу той же книги, войти въ краткое разъясненіе недоразумѣнія, существующаго между философіей и естествознаніемъ, и сказать нѣсколько словъ о томъ, въ какихъ границахъ законны вторженія философіи въ область естествознанія и насколько законны или незаконны нападенія естествоиспытателей-спеціалистовъ на такія вторженія.

На основаніи историческихъ опытовъ и наблюдений природы человѣческой нужно сказать, что напрасны нападенія естествоиспытателей на вторженія философскаго элемента въ естествознаніе, сколько бы онѣ ни были законны. Потребность обнять всѣ міровыя явленія въ общемъ міровозрѣніи глубоко лежитъ въ природѣ человѣческой. Нужно замѣтить, никогда еще человѣчество не доходило до такого сознанія слабости ума человѣческаго къ широкому осмысленію всѣхъ міровыхъ явленій, какъ теперь. Это сознаніе никогда не проникало такъ отчетливо въ умы людей, какъ въ настоящее время. Оно есть плодъ безпристрастной научной оцѣнки и научнаго анализа способностей человѣческаго ума, границъ и предѣловъ ихъ дѣятельности и предѣловъ знаній человѣческихъ. Человѣчество, устремившись въ новой эрѣ къ изученію природы, открывая законъ за закономъ, вызывая, такъ сказать, тайну за тайной у природы, въ тоже время выкало постепенно въ то, что доступно нашему знанію и что недоступно, каковы наши способности и что мы въ состояніи сдѣлать съ помощію этихъ способностей. Но результатомъ всего этого было то, что человѣчество, и послѣ безпристрастнаго приговора о себѣ и своей

власти, о границахъ послѣдней и предѣлахъ дѣятельности способностей, не отказалось отъ своей потребности обнять всѣ міровыя явленія въ общемъ міровоззрѣніи и не высказало безнадежности удовлетворить этой своей потребности; опредѣлены лишь границы, въ которыхъ возможно для человѣка понять и обнять всѣ міровыя явленія. Открытія въ естествознаніи и другихъ наукахъ вселяютъ надежду въ философскіе умы выполнить по возможности великую задачу, давно рѣшаемую человѣчествомъ. Гартманъ—не первый, выразившій стремленіе съ помощію естественно-научныхъ результатовъ обнять въ общемъ міровоззрѣніи всѣ міровыя явленія. Тоже стремленіе выразилось напередъ въ диллетантическихъ, какъ назвалъ Либихъ, стремленіяхъ современныхъ намъ матеріалистовъ; въ позитивной философіи Конта и теоріи Дарвина. Глубокій и весьма осторожный критикъ Д. Стюартъ Миль въ „системѣ логики“ съ рѣшительностью, основанною на тонкомъ анализѣ и глубокомъ пониманіи опытовъ человѣческихъ знаній, высказывалъ, что для многихъ наукъ началась уже дедуція.

Строгая оцѣнка опытовъ и результатовъ, а также и границъ нашихъ знаній и нашихъ способностей, о которой мы сказали выше, привела мыслящіе умы не въ тому, чтобы изгнать философскій элементъ изъ спеціальнаго изученія, а, напротивъ, въ тому чтобы, привести его въ каждое спеціальное изученіе, каждую науку. Въ прошломъ отчетъ я указывалъ на англійскаго врача-психіатра, Винслова, который жалуется на пренебреженіе со стороны врачей эмпириковъ изученія математическихъ философскихъ системъ. Такое изученіе онъ считаетъ весьма важной философскою подготовкой для научныхъ изслѣдованій въ медицинѣ. Гамильтонъ доказываетъ преимущество логическаго образованія предъ математическимъ въ дѣлѣ общаго образованія. Д. Стюартъ Миль указываетъ на важность логики въ дѣлахъ обыденныхъ, не говоря уже о научныхъ изслѣдованіяхъ. Словомъ въ Англии съ Бэкона научно-философскіе умы постоянно доказываютъ необходимость философскаго и логически научнаго образованія для успѣховъ въ научныхъ открытіяхъ. Отсюда, великій Ньютонъ, передавая потомству свои сочиненія, заключающія его открытія въ наукѣ, запечатлѣлъ ихъ философскимъ характеромъ (*Philosophiae naturalis principia mathematica*) и записалъ тотъ логическій-философскій путь, которымъ онъ шелъ въ своихъ открытіяхъ міровыхъ законовъ. Д. Виліамъ Гершель написалъ

объ общемъ характерѣ, пользѣ и принципахъ изслѣдованія природы, гдѣ изложилъ логически—философскій методъ для изслѣваній природы (Preliminary discourse on the study of natural philosophy). Уэвелъ написалъ: „новый органъ“ (Novum organum renovatum), гдѣ изложилъ тотъ-же философскій методъ въ изслѣдованіяхъ природы. Всѣмъ извѣстна индуктивная логика Д. Стюарта Мизля. Послѣ Бэкона знаменитый естествоиспытатель-химикъ Бойль свой трактатъ: „De ipsa natura, sive libera in receptam naturae rationem disquisitio“ и другой: „de utilitate experimentalis philosophiae“ наполнилъ логически-философскими изслѣдованіями и правилами. Мы указываемъ только на главныя сочиненія такого рода у англичанъ и притомъ только на тѣ изъ нихъ, которыя вышли изъ лагеря естествоиспытателей и защитниковъ естествознанія, не упоминая о другихъ трактатахъ такого рода, написанныхъ философскими мыслителями, обращающимися въ изученіи психологіи или философіи духа и логикѣ, каковы: Локъ, Ридъ, Юмъ, Догальдъ Стюартъ и Броунъ.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ, богатомъ научными открытіями, ученые, вышедшіе изъ лагеря естествоиспытателей, сильно стремились провести философскій элементъ въ научныя изслѣдованія и многіе изъ нихъ оставили логически-философскіе трактаты, назначенные для руководства въ естество-научныхъ изслѣдованіяхъ. Изъ таковыхъ слѣдуетъ упомянуть послѣ англійскихъ ученыхъ, нами указанныхъ, особенно французскихъ. Извѣстны имена Лесажа, Гравессанда, Дидро, Даламбера, Лапласа, Кондильяка и друг. Логически-философскіе трактаты упомянутыхъ сейчасъ ученыхъ и тенденція ихъ и доселѣ могутъ быть весьма поучительны для узкаго спеціалиста, ратующаго противъ вторженія философскаго элемента въ спеціальныя занятія. Въ наше время изъ французскихъ мыслителей Кантъ въ своемъ „курсѣ позитивной философіи“ показалъ, что значить философское образованіе по отношенію къ изученію естественныхъ наукъ, какія требованія выдвигаетъ это образованіе для естественныхъ наукъ въ частности и всѣхъ наукъ вообще, куда оно ведетъ мыслящій умъ.

У самихъ нѣмцевъ болѣе и болѣе обнаруживается стремленіе разрушить преграду между естествознаніемъ и философіей и уничтожить пропасть, отдѣляющую естествознаніе и философію, о которой говорилъ ботаникъ Мольтъ. Среди естествоиспытателей—спеціалистовъ выражается стремленіе познакомиться съ философскими и научными сочиненіями, напр.

Лейбница (¹), который не отдѣляетъ такъ рѣзко свою философію отъ естествовѣдѣнія, какъ сдѣлали это послѣдующіе философы; особенно сильно стремленіе къ изученію философіи Канта. Въ главѣ такихъ стоитъ напр. Гельмгольцъ. Я уже говорилъ въ прошломъ отчетѣ о сильномъ тяготѣннн лучшихъ нѣмецкихъ умовъ къ изученію философіи Канта. Въ настоящей семетрѣ (замѣчу здѣсь мимоходомъ) я слушалъ лекціи проф. Лянге, сильнаго поклонника и комментатора философіи Канта. Изъ лекцій послѣдняго можно было видѣть, какое благотворное вліяніе производитъ среди лучшихъ философскихъ нѣмецкихъ умовъ настоящаго времени лучшее пониманіе философіи Канта въ ея болѣе здравыхъ научныхъ элементахъ. Правда, тутъ нельзя отказать сильному вліянію и англійскихъ логико-философскихъ сочиненій Гершеля, Уэвеля и Милля, которыя, какъ видно, съ успѣхомъ штудированы проф. Лянге и нерѣдко указываются имъ. Но какъ бы мы не смотрѣли сами на философію Канта, нужно совнаться, что среди нѣмецкихъ философовъ Кантъ не имѣлъ и не имѣетъ себѣ равнаго. Философія Канта вліяетъ на развитіе критическихъ талантовъ. Философскія сочиненія его—единственныя, можно сказать, въ этомъ родѣ у нѣмцевъ.

Такъ постоянно заявлялось и особенно въ настоящее время заявляется о законности и необходимости введенія философскаго элемента въ естествознаніе, и вообще въ науки, куда бы они ни относились. Эти заявленія, какъ мы видѣли, идутъ со стороны тѣхъ же естествоиспытателей и научныхъ мыслителей, которымъ наука обязана многими открытіями и объясненіями. Интересно и необходимо теперь знать, казого рода и въ какихъ предѣлахъ долженъ быть, по требованію вышеуказанныхъ ученыхъ и мыслителей, введенъ философскій элементъ въ научныя изслѣдованія и подготовку къ таковымъ изслѣдованіямъ. Сколько удалось намъ познакомиться, большею частію спеціалистамъ или неизвѣстны требованія философско-научныхъ мыслителей или смутно и неопредѣленно понимаются ими эти требованія.

(¹) Въ 1870 году вышло сочиненіе о Лейбницевской философіи проф. Каспари, знакомящее нѣмецкую ученую публику съ развитіемъ философіи Лейбница о монадахъ подъ вліяніемъ эмпирическихъ фактовъ и физиологическихъ открытій, особенно микроскопическихъ открытій Сваммердана—подъ заглавіемъ: Leibnitz philosophie. Beleuchtet son Gesichtspunkt der phisikalischen Grundbegriffe von Kraft und Stoff. Ein historischer Beitrag. Caspari, Leipzig. 1870 г.

Профессоръ Лянге, о которомъ мы упомянули выше, въ своей „исторіи матеріализма“ (*Geschichte des Materialismus*. Lange. 1866)⁽¹⁾, согласно съ духомъ и направлениемъ развиваемыхъ и опредѣляемыхъ англійскими и другими научными мыслителями требованій введенія философскаго элемента въ научныя изслѣдованія и подготовку къ нимъ, формулировалъ эти требованія въ трехъ главныхъ пунктахъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ самое важное требованіе *метода*, на второмъ—требованіе *философской критики* и на третьемъ—требованіе *изученія исторіи наукъ*. Подъ требованіемъ метода разумѣется требованіе индуктивнаго метода, который въ лицѣ нѣкоторыхъ современныхъ мыслителей получилъ самую широкую и точную разработку въ главныхъ его основаніяхъ. Противъ этого требованія обыкновенно не возражаютъ спеціалисты, напротивъ, доказываютъ, что и самая философія заимствовала его у спеціальныхъ наукъ и въ частности у естествознанія. Доказывая послѣднее, спеціалисты и неподозрѣваютъ, что разработка и точно-научное развитіе и опредѣленіе индуктивнаго метода зависѣли отъ философской критики и весьма многимъ обязаны сей послѣдней. Не имѣя весьма часто понятія и знанія сей послѣдней, спеціалисты остаются нерѣдко при самомъ поверхностномъ знаніи самаго индуктивнаго метода, особенно оказываются невѣждами въ тѣхъ отдѣлахъ знанія индуктивнаго метода, на разработку которыхъ вліяла философская критика. Что же разумѣется подъ философской критикой? Съ Локка и Канта подъ философской критикой стали разумѣть анализъ нашихъ познавательныхъ способностей, научное опредѣленіе ихъ свойствъ и предѣловъ ихъ дѣятельности; такимъ образомъ, научное опредѣленіе границъ человѣческихъ знаній на основаніи опредѣленія границъ дѣятельности нашихъ способностей и ихъ свойствъ. Благодаря такому изученію области познавательной, явившемуся въ трудахъ замѣчательныхъ мыслителей, теорія индукціи получила твердое основаніе и расширилась въ своихъ предѣлахъ. Остается еще сказать объ изученіи наукъ, какъ требованіи философскомъ. О пользѣ этого изученія, какъ и о пользѣ всякаго осмысленнаго изученія, никто не станетъ возражать. Но не эта польза разумѣется, когда высказывается необходимость изученія *исторіи наукъ*,

(1) Въ настоящее время готовится 2-е изданіе.

какъ философское требованіе для успѣшнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій и подготовки къ нимъ. Это неслучайное несомненное указаное профессоромъ Лянге. Сознаніе этой необходимости изученія исторіи наукъ, какъ философскаго требованія, выработалось исторически. Лянге указываетъ на два важныя явленія въ этомъ родѣ въ исторіи науки: на трудъ Кювье по исторіи наукъ и солидное сочиненіе Уэвеля: „исторія индуктивныхъ наукъ“. Эти явленія доказываютъ, по мнѣнію Лянге, сознаніе ученыхъ естествоиспытателей о необходимости знакомства съ исторіей наукъ въ дѣлѣ научныхъ изслѣдованій. Это сознаніе выражено и другими учеными съ философско-логическимъ направленіемъ. Въ указанной нами книгѣ Гершеля цѣлая половина книги посвящена исторіи наукъ. И дѣйствительно, о Ньютонѣ напр. передается, что Эвклидовы „Начала“ рано были изучены имъ, служили образцомъ для его собственныхъ упражненій въ рѣшеніи геометрическихъ задачъ и положили отпечатокъ на весь складъ его философско-математическаго ума. „Въ наше время, говоритъ Догадь Стюартъ, долгъ каждаго, кто посвятилъ себя научной цѣли, тщательно дорожить, какъ матеріалами, собранными и добытыми прежде насъ другими, такъ и правилами и методами, съ которыми они могли встрѣтиться въ теченіи своихъ занятій. Въ настоящее время должны быть собраны безчисленные разбросанные свѣточки изъ работъ нашихъ предшественниковъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ; ибо, быть можетъ, ни чѣмъ другимъ возможно дать философіи желаемую великую силу, какъ сосредоточеніемъ этихъ лучей и введеніемъ ея въ тѣ предѣлы, которые были уже изслѣдованы. *Отъ такого сосредоточенія можно ожидать большой помощи, какъ въ направленіи занятій другихъ, такъ и въ дѣятельности нашего собственнаго разума.* (Prelimin. Dissert. 63—4 стр.). Еще Бэконъ сказалъ, что солидныя и вѣрныя способы научныхъ открытій будутъ расти и развиваться съ накопленіемъ самыхъ открытій. Догадь Стюартъ, высказывая вышеприведенныя слова, былъ проникнутъ истинною и справедливою замѣчанія Бэкона, понялъ его значеніе и практическую важность, и въ этомъ духѣ давалъ практическій совѣтъ, самъ работая на томъ же поприщѣ. Джонъ Стюартъ Миль заявляетъ, что матеріалы для разработки теоріи индуктивнаго метода онъ нашелъ въ наукахъ,

какъ осязаемыхъ фактахъ дѣятельности человѣческаго ума. Исторія развитія наукъ легла въ основаніе 6-ти томовъ „позитивной философіи“ Конта, о которыхъ заговорилъ весь свѣтъ, и по которымъ Контъ провозглашенъ творцемъ новой философіи. Кто не знаетъ, что въ каждой наукѣ существуютъ пробѣлы и несовершенства; но не всякій ясно сознаетъ эти пробѣлы и несовершенства, тѣмъ болѣе — неясны требованія для восполненія пробѣловъ. Контъ, на основаніи опытовъ точныхъ и совершеннѣйшихъ наукъ, по аналогіи стремился указать для наукъ менѣе совершенныхъ пробѣлы, въ нихъ существующіе, и настоящія научныя требованія, къ выполненію которыхъ менѣе совершенныя науки должны стремиться; онъ стремился установить основныя философскіе элементы и начала каждой науки. Вотъ въ какомъ духѣ высказано профессоромъ Лянге третіе важное требованіе — изученіе исторіи наукъ въ изслѣдованіяхъ научныхъ и подготовкѣ къ нимъ, какъ требованіе философское. Въ заключеніе Лянге замѣчаетъ, что въ настоящее время неизслѣдователь не можетъ быть натурфилософомъ.

Мы далеко уклонились отъ нашего предмета. Но, какъ будетъ видно ниже, мы имѣли на это основаніе. Мы не имѣли намѣренія убѣждать специалистовъ, обратиться къ изученію философіи. Слишкомъ самонадѣянна была бы наша попытка; въ этомъ случаѣ слишкомъ много мы брали бы на себя. Цѣль нашего отступленія та, чтобы имѣть прочныя основанія для себя въ разборѣ книги Гартмана и на этихъ основаніяхъ произнести свой критическій судъ объ ней.

Мы видѣли, Гартманъ въ началѣ книги разсуждаетъ о методѣ. Мы представили краткое содержаніе этого разсужденія. Быть можетъ, наше изложеніе покажется слишкомъ общимъ и невыясняющимъ понятія о методѣ: общія мѣста и съ разныхъ сторонъ собранныя термины; популярное представленіе объ индукціи, какъ восхожденіи снизу вверхъ, и дедукціи, какъ схожденіи сверху внизъ; сравненія ничего не говорящія и проч. такъ покажется особенно тому, кто знакомъ съ полной теоріей индукціи въ ея настоящей разработкѣ. Но мы увѣрены, что читатель не найдетъ большаго для себя и въ самой книгѣ Гартмана. Что Гартманъ не имѣетъ лучшаго представленія о методѣ, доказательствомъ этому служить вся его книга.

Но индуктивному методу и по мысли самого Гартмана не суждено, собственно говоря, играть главной роли въ „философіи несознаваемого“. Задача этой философіи—примирить индуктивно-научныя знанія съ спекулятивными, метафизическими понятіями. Изъ послѣднихъ выступаютъ на сцену въ книгѣ Гартмана „несознаваемая воля“ и „несознаваемое“ представленіе, какъ выраженіе „принципа несознаваемого“. Задача, поставленная Гартманомъ, собственно говоря, не новая; она поставлена только, быть можетъ, въ иной формѣ. Чтобы разумно и безпристрастно относиться къ задачамъ такого рода, исторія философіи и науки выработала философскую критику, о которой мы сказали выше. Локкъ и Кантъ первые представители этой критики. Уже этими двумя философскими критиками установлено, что вещи „въ себѣ“ и „для себя“ (an sich, für sich) недоступны нашему знанію, онѣ доступны намъ по способу воспріятія ихъ нашими способностями и свойству послѣднихъ. Въ такихъ предѣлахъ познанія понятія наши и идеи бывають простыя и сложныя. Чтобы оцѣнить научнымъ образомъ данное понятіе или идею, нужно разсмотрѣть ихъ относительно простоты и сложности. Сложныя понятія нужно анализировать и разлагать на ихъ составныя элементы и опредѣлить ихъ происхожденіе. По элементамъ, входящимъ въ составъ понятія или идеи, можно судить о достоинствѣ самаго понятія или идеи и исходить къ строгонаучнымъ изслѣдованіямъ вещей, выражаемыхъ понятіемъ или идеей. Локкъ и Кантъ не сошлись въ оцѣнѣ свойствъ и достоинства первыхъ элементовъ понятій и идей и основали различныя школы. Эти школы продолжаютъ существовать и доселѣ. Тѣмъ неменѣе основныя требованія философской критики и основныя ея принципы прочно установлены и одинаково признаются обѣими школами.

Гартману, какъ видно, нѣтъ дѣла до принциповъ и основныхъ требованій философской критики, хотя онъ и выражаетъ глубокое уваженіе къ Канту. Онъ беретъ: понятія, волю и представленіе, и не ощущаетъ ни малѣйшей нужды анализировать ихъ; онъ употребляетъ ихъ, какъ простыя, всѣмъ понятныя термины. Для характеристики этихъ понятій Гартманъ указываетъ лишь на „цѣлесообразность“, какъ слѣдствіе дѣйствія указанныхъ понятій. Его мало смущаетъ при введеніи новаго понятія „цѣлесообразность“ то, что и это понятіе также не простое, а сложное и едва ли не тем-

нѣе двухъ первыхъ. Забыть имъ тотъ безконечный, мучащій человечество, споръ о цѣлесообразности, который идетъ почти чрезъ всю исторію науки и продолжается доселѣ; между тѣмъ какъ Кантъ напр., столь уважаемый Гартманомъ, первый не согласенъ съ популярнымъ пониманіемъ цѣлесообразности, которое усвоено Гартманомъ. Передъ однимъ терминомъ: „несознаваемое“ Гартманъ останавливается. „Конечно, говорить онъ; „несознаваемое представленіе“ есть парадоксъ для здраваго смысла“. Да, парадоксъ, какихъ встрѣчается не много, отвѣтимъ мы. Но насъ не смущаетъ слишкомъ парадоксъ, когда дѣло касается научныхъ истинъ. Изъ исторіи науки мы знаемъ, что нѣкоторыя вновь открываемыя научныя истины считались сначала парадоксами и не легко проникали въ сознаніе людей. Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ мы останавливаемся на новомъ ученіи Гартмана, тѣмъ съ большею охотою желаемъ убѣжденія, доказательствъ и разъясненія, такъ какъ понятно, что тутъ ожидается новое открытіе, перемѣна, быть можетъ, взгляда на вещи или извѣстный кругъ вещей и будущая польза, могущая преисойти отъ новаго открытія. Но, какъ мы уже замѣтили, Гартманъ въ началѣ книги отказался дать объясненіе того, что онъ разумѣетъ подѣ „принципомъ несознаваемаго“, отсылая читателя слѣдить за этимъ въ продолженіе изложенія. Въ началѣ книги Гартманъ старается лишь убѣдить читателя не спѣшить отрицаніемъ существованія такого принципа потому только, что онъ составляетъ для здраваго смысла парадоксъ, и не оставить чрезъ это чтеніе книги. Въ этомъ случаѣ хорошій, хотя и не новый, приѣмъ употребляетъ Гартманъ—свидѣтельство исторіи, что „несознаваемыя представленія“ признавались великими умами гораздо раньше автора. Въ первыхъ же строкахъ приводятся слова яснѣйшаго великаго кенигсбергскаго философа, Канта. Затѣмъ въ особой главѣ приводится цѣлый рядъ мыслителей говорившихъ и говорящихъ „о безсознаваемыхъ представленіяхъ“ и „несознаваемой волѣ“. Очевидно, что голосъ Гартмана, заговорившаго о несознаваемой волѣ и несознаваемыхъ представленіяхъ, не есть случайность, а имѣетъ въ основаніи явленіе историческое. Значитъ, существуютъ явленія, которыя наталкивали мыслителей на признаніе таковой воли и представленій. Тѣмъ съ большимъ интересомъ читатель желаетъ познакомиться съ мнѣніемъ каждаго мыслителя, дабы войти

въ новый кругъ понатій и, прежде изслѣдованій автора, усвоить взгляды другихъ, ознакомиться съ положеніемъ вопроса въ данное время. Хотя читатель и находитъ указаніе на философовъ, говорившихъ о несознаваемыхъ представленіяхъ и волѣ (преимущественно о первыхъ), но не можетъ удовлетворить своего желанія. Перечисляются философы различныхъ направленій; но это не принято во вниманіе авторомъ. Слова и мнѣнія философовъ приводятся авторомъ отрывочно. Возраженій противъ мнѣній философовъ совершенно не указано; а они-то и выясняли бы положеніе вопроса.

Не прежде, чѣмъ авторъ указалъ на историческіе примѣры ученія о „несознаваемомъ“, онъ сдѣлалъ свои доводы къ тому, что читатель не имѣетъ права отрицать существованіе „несознаваемаго“. Мы выписали эти доводы выше. Подобный приемъ доказательства, слишкомъ общій, избытій, софистическій, мало убѣдительно для читателя. На доводы автора, что мы не имѣемъ права отрицать существованіе того, чего не имѣемъ въ сознаніи, читатель можетъ отвѣтить просто и болѣе убѣдительно, чѣмъ аргументъ автора, — что, если мы не имѣемъ права отрицать существованіе того, что не находится въ нашемъ сознаніи, то имѣемъ право говорить, что оно не существуетъ для насъ, а потому не имѣетъ и не можетъ имѣть для насъ никакого научнаго значенія. Снова ссылаемся на философскую критику и исторію наукъ. Были примѣры въ исторіи науки, что истины научныя принимались умами, не смотря на ихъ кажущуюся на первый разъ парадоксальность; но были примѣры и такого рода, что не принимались, не смотря на всѣ усилія провести ихъ въ сознаніе людей. Последнія казались только истинными и не были такими на самомъ дѣлѣ. Таковы метафизическія системы. Вызвана была потребность опредѣлить, что можетъ быть принято. Философская критика въ связи съ естествознаніемъ и другими точными науками выяснила границы между тѣмъ, что можетъ быть нужно, и тѣмъ что не можетъ быть принято, какъ истина. Теперь менѣе представляется препятствій къ принатію научной истины, хотя бы она и представлялась на первый разъ парадоксомъ. Но, съ другой стороны, иногда не достанетъ силъ у автора заставить вѣрить, какъ въ истину, въ то, что выступаетъ за предѣлы, поставленныя критикой. Авторъ „несознаваемаго“ вступилъ на опасный путь.

Мы познаем несознаваемое представлѣніе посредствомъ". Таково положеніе Канта, которое Гартманъ принимаетъ за исходный пунктъ для своихъ изслѣдованій. Наука и критика философская не противъ посредственнаго знанія, потому что въ анализѣ нашихъ познаній оказывается, что мы имѣемъ весьма не много знаній, полученныхъ нами непосредственно. На этомъ основаніи цѣлю задачу индуктивной логики составляютъ знанія посредственные—выводныя. Определить границы выводныхъ заключеній—дѣло не легкое. Было время, что силлогистическая форма выводныхъ заключеній совершенно отрицались логиками-индуктивистами. Хотя послѣдними индуктивными мыслителями и признаны права силлогистической формы въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія, но признаны съ весьма важными ограниченіями и условіями. Положимъ, что изслѣдователь встрѣчается съ явленіями, которыя видитъ онъ въ первый разъ и не могъ еще приложить къ нимъ своихъ экспериментальныхъ изслѣдованій, а между тѣмъ старается понять эти явленія на основаніи своего готоваго запаса индуктивныхъ знаній. Онъ идетъ пока въ своемъ изслѣдованіи путемъ гипотезъ или посредственныхъ заключеній. Тѣмъ болѣе есть явленія, въ которыхъ изслѣдователь совершенно не имѣетъ возможности приложить свой непосредственный экспериментальный способъ изслѣдованія. Въ изслѣдованіи такихъ явленій возможенъ только единственный путь посредственныхъ заключеній. Нѣтъ болѣе трудныхъ для научнаго объясненія явленій, какъ явленія такого рода, по количеству дѣйствующихъ причинъ и особенно по тому, что явленія недоступны экспериментальному анализу и изслѣдованію. Понятно, что тутъ—мѣсто догадкамъ и предположеніямъ, а вмѣстѣ и ошибкамъ. Что же постановила на этотъ разъ индуктивная логика? Не говоря уже о предписаніи осторожности самой осмотрительной и неторопливости въ заключеніяхъ, индуктивная логика отчетливо и положительно высказала принципъ, что такого рода явленія должны быть объясняемы (безъ всякаго исключенія) изъ законовъ, добытыхъ путемъ экспериментальнымъ. Послѣдніе должны быть просты и точно сформулированы, такъ чтобы относительно ихъ не оставалось никакого сомнѣнія. На основаніи историческихъ опытовъ науки съ помощію философской критики, индуктивная логика сдѣлала точнымъ самое понятіе закона, а также понятіе причины и дѣйствія, такъ часто понимае-

мы въ различныхъ значеніяхъ подъ вліяніемъ метафизики. Законъ есть не что иное, какъ *фактъ*, получившій обобщеніе. Какъ фактъ, законъ долженъ выполнять всѣ условія воспріятія нами всякаго факта, т. е. онъ долженъ быть полученъ нами не иначе, какъ въ опытѣ со всѣми условіями послѣдняго. Причина и дѣйствіе суть неизмѣнныя предыдущее и послѣдующее. Какъ и законъ, онѣ должны быть восприняты въ опытѣ. Такова процедура и таковы условія дедуктивныхъ или посредствующихъ заключеній, установленныя строго—индуктивной логикой. Посмотримъ, такъ ли обставлено посредственное знаніе у Гартмана.

Гартманъ умозаключаетъ такимъ образомъ: „Въ инстинктѣ, наблюдаемомъ нами, мы видимъ цѣлесообразность дѣйствія. Цѣлесообразность дѣйствія является только тамъ, гдѣ есть воля и представленіе. Слѣд. въ инстинктѣ дѣйствуютъ воля и представленіе“. „У обезглавленной лягушки замѣчается также цѣлесообразность дѣйствія. Она не имѣетъ головного мозга, но имѣетъ спинной мозгъ и гангліозныя узлы. Слѣд. воля и представленіе существуютъ въ спинномъ мозгу и гангліозной системѣ“, и такъ далѣе. „Въ инстинктѣ воля и представленіе не сознаются непосредственно, но присутствіе ихъ несомнѣнно, ибо очевидно слѣдствіе—цѣлесообразность, имѣющее причиною волю и представленіе. Слѣд. нужно признать несознаваемую волю и несознаваемое представленіе“.

И такъ, очевидно, что заключеніе Гартмана признать несознаваемую волю и несознаваемое представленіе основывается на отношеніи между цѣлесообразностью и между волей и представленіемъ, какъ причиной и слѣдствіемъ. Гдѣ видна цѣлесообразность, тамъ необходимо дѣйствіе въ тотъ же моментъ воли и представленія. Мы спросимъ Гартмана: кто установилъ въ опытѣ законъ, что причина дѣйствуетъ въ опытѣ въ тотъ же моментъ, въ который мы наблюдаемъ дѣйствіе? Исторія науки показываетъ, что было время, когда признавали безусловную всеобщность этого закона, и причиною такого признанія было замедленіе нѣкоторыхъ научныхъ открытій и бесполезное усиліе подвести всѣ явленія подъ этотъ законъ. Современная индуктивная логика на основаніи опытныхъ данныхъ признаетъ, что дѣйствіе можетъ продолжаться, когда причина устранена. Если это извѣстно Гартману, то мы спросимъ его, на какомъ основаніи онъ убѣжденъ, что причина должна быть на лицо въ данномъ

выше примѣръ въ моментъ наблюденія нами дѣйствія?... Когда наука приняла, какъ элементарный неизмѣнный законъ, упомянутое отношеніе между волей и представленіемъ и между цѣлесообразностію, какъ причиной и слѣдствіемъ?... Далѣе, мы сказали: индуктивная логика требуетъ, чтобы объясненіе сложныхъ явленій шло чрезъ факты, единично наблюдаемые въ опытѣ и обобщенные въ неизмѣнный законъ. На этомъ основаніи мы спросимъ Гартмана: кто когда либо наблюдалъ въ опытѣ несознаваемое представленіе и несознаваемую волю? для кого возможно это наблюденіе? кто понимаетъ Гартмана, когда онъ говоритъ о бессознательномъ представленіи? Гартманъ думаетъ, что онъ говоритъ новыя умныя рѣчи, а индуктивный изслѣдователь удивляется пустому мудрствованію автора. Кантъ подсказалъ Гартману, что Локкъ былъ противникомъ несознаваемыхъ представленій и отрицалъ ихъ. Если доводы Локка неубѣдительны для Гартмана, то, быть можетъ, были бы убѣдительны доводы другихъ мыслителей: Броуна, Бэка, Миля и друг. Эти индуктивные психологи въ анализѣ представленій пришли къ твердому убѣжденію, что нельзя отдѣлять сознаніе отъ представленій и поставять его особенной способностію: всякое представленіе есть самый сознательный духъ, находящійся въ извѣстномъ состояніи.

Что такое „цѣлесообразность“ съ точки зрѣнія индуктивной науки? Субъективное понятіе, которае усваивается нами на извѣстной степени нашего развитія. Первые движенія новорожденнаго дитяти, говорятъ, не цѣлесообразны и это—вѣрно. Умѣнье достигать удовлетворенія своихъ потребностей развиваетъ въ насъ понятіе о цѣлесообразности. Отсюда, если мы видимъ, что подобное намъ существо удовлетворяетъ своимъ потребностямъ также, какъ мы удовлетворяемъ своимъ, мы говоримъ, что дѣйствія этого существа цѣлесообразны. Движенія новорожденнаго ребенка не направлены къ удовлетворенію его потребностей и мы называемъ эти движенія нецѣлесообразными. Вмѣстѣ съ этимъ развивается въ насъ и понятіе воли или дѣйствія по нашей собственной инициативѣ. Безпорядочныя мускульныя движенія дитя постепенно пріучается направлять къ удовлетворенію своихъ потребностей. Удавшіеся въ этомъ направленіи опыты приводятъ дитя къ сознанію, что оно можетъ по собственной инициативѣ направлять свои движенія къ удовле-

творенію своихъ потребностей. Конечно, представленія играютъ тутъ важную роль. Неповытными казались обнаруженія цѣлесообразныхъ дѣйствій въ инстинктахъ, потому что дѣйствіе инстинктовъ замѣчалось на такой ступени, гдѣ не замѣтно было никакого предварительнаго упражненія и дѣйствія сознательныхъ представленій. Изученіе человѣческихъ инстинктовъ, являющихся въ болѣе поздній періодъ жизни, дало руководительную нить къ объясненію въ опытѣ инстинктовъ вообще, гдѣ бы она ни являлась. Инстинкты, являющіеся въ болѣе поздній періодъ жизни человѣка, неоспоримо, есть результатъ упражненія, проведеннаго черезъ дѣйствіе сознательныхъ представленій. При такой руководительной нити болѣе точныя опытыя наблюденія показали, что нигдѣ не являются инстинктивные дѣйствія безъ предварительнаго упражненія и обученія. Всѣ животныя отъ низшихъ до высшихъ должны учиться напр. ходить. Время этого обученія зависитъ отъ числа сдѣланныхъ движеній, отъ степени развитія новорожденнаго и проч. Для ребенка напр. необходимо болѣе года, чтобы выучиться ходить; насѣкомое чрезъ минуту уже ходитъ; цыпленокъ въ часѣ дѣлаетъ необходимый для него опытъ. Но этотъ же цыпленокъ не будетъ еще ловить паука, который встрѣтится ему на пути, и съѣдать его, потому что курица научаетъ его есть. Лишь чрезъ упражненіе и обученіе, соединенныхъ съ извѣстной долей сообразительности, происходитъ закрѣпленіе такихъ цѣлесообразныхъ дѣйствій, каковы инстинктивные дѣйствія. Дарвинъ указалъ въ далекомъ прошедшемъ постепенное развитіе, усвоеніе, закрѣпленіе инстинктовъ живыхъ существъ.

Гартманъ въ своихъ объясненіяхъ цѣлесообразныхъ дѣйствій инстинктовъ, повидимому, близко подходитъ къ сущности дѣла; но незнаніе истинныхъ пріемовъ, условій и требованій индуктивной методы приводитъ его къ нелѣпостямъ и фантастическимъ заключеніямъ,—къ признанію несознаваемыхъ представленій и несознаваемой воли. Дѣйствительно, коль скоро сознательныя дѣйствія перешли въ инстинктивные, сознательность оставила свое мѣсто. Но и воля и представленіе не имѣютъ болѣе тутъ мѣста. За чѣмъ нужно непременно признавать ихъ присутствіе и дѣйствіе въ тотъ моментъ, когда мы наблюдаемъ инстинктивные дѣйствія? Нѣтъ никакой необходимости, когда мы изъ многихъ примѣровъ знаемъ, что дѣйствіе продолжается, между тѣмъ какъ при-

чина устранена. Напр. строитель машины может не существовать на свѣтъ, а машина дѣйствуетъ,—зачѣмъ признавать непосредственное присутствіе и дѣйствіе въ машинѣ того ума и воли, по которымъ машина создана? Физиологи и натуралисты справедливо называютъ инстинктивныя дѣйствія рефлективными.

Опыты Флурана обратили вниманіе физиологовъ на изученіе психологической стороны физиологическихъ явленій. Самъ Флуранъ объяснилъ цѣлесообразныя дѣйствія обезглавливаемыхъ имъ животныхъ рефлективными, т. е. безъ всякаго участія сознанія, воли и представленій; такимъ образомъ, отвергъ присутствіе послѣднихъ въ спинномъ мозгу. Пфлюгеръ продолжалъ опыты Флурана надъ обезглавленной лягушкой и такъ пораженъ былъ нѣкоторыми цѣлесообразными движеніями ея, что вопреки Флурану призналъ присутствіе сознанія и въ спинномъ мозгу. Споръ объ этомъ у физиологовъ продолжается доселѣ. Большинство не соглашалось съ Пфлюгеромъ. Ему замѣтили, что онъ при наблюденіи болѣе воображалъ, чѣмъ видѣлъ на самомъ дѣлѣ. Вопросъ чрезвычайно трудный для рѣшенія. На основаніи непосредственныхъ опытовъ мы не можемъ приблизиться въ представленіи къ состоянію обезглавленнаго животного, продолжающаго обваруживать признаки жизни и дѣйствій. Но при методической постановкѣ вопроса посредствующимъ путемъ можно съ увѣренностью утверждать, что факты доселѣ наблюдаемые физиологами ограничиваются лишь рефлективными движеніями обезглавленнаго животного, непричастны ми сознанію и волѣ. Всѣ эти движенія совершались или могли совершаться инстинктивно или рефлективно въ животномъ въ то время, когда большой мозгъ не былъ устраненъ. Что же можетъ доказывать въ этихъ движеніяхъ обезглавленнаго животнаго присутствіе сознанія и воли? Чтобы доказать посредственнымъ путемъ (непосредственный путь невозможенъ теперь) присутствіе въ обезглавленномъ животномъ сознанія и воли, нужны другіе факты, выходящіе изъ предѣла инстинктивныхъ. Это значитъ, требуется наблюденіе новыхъ комбинацій и усвоеній, совершаемыхъ подъ вліяніемъ сознанія, если таковое находится въ животномъ оперируемомъ; но, какъ извѣстно, такіа комбинація и усвоенія вообще не скоро приобрѣтаются и обнаруживаются и въ здоровомъ животномъ; оперируемое же жи-

вотное живетъ недолго и не такъ живо отвѣчаютъ его нервы на вѣшніе стимулы, какъ въ здоровомъ животномъ.

Гартманъ всюду видитъ присутствіе и дѣйствіе безсознаваемой воли и несознаваемаго представленія. Съ этимъ всеильнымъ магическимъ жезломъ онъ проникаетъ всюду и ни передъ чѣмъ не останавливается. Гдѣ другимъ индуктивнымъ изслѣдователямъ кажется труднымъ объясненіе, для него не кажется таковымъ. Напротивъ, гдѣ другіе объясняютъ просто, тамъ Гартману явленіе не кажется такимъ простымъ; напр. растительные процессы, біеніе сердца, движенія въ желудкѣ и кишкахъ. По его убѣжденію, и всѣ эти процессы совершаются не иначе, какъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ несознаваемой воли. Всего интереснѣе объясненіе Гартмана, какъ произвольныя движенія совершаются, благодаря участію несознаваемаго представленія и несознаваемой воли. Оно выписано нами выше. Ни сознательное представленіе, ни мускульныя движенія ничего не сдѣлали бы между собою, по убѣжденію автора, если бы несознаваемое представленіе и несознаваемая воля не помогли своимъ вмѣшательствомъ. Несознаваемое представленіе знаетъ, въ какомъ пунктѣ слѣдуетъ прикоснуться, чтобы послѣдовало цѣлесообразное мускульное движеніе; несознаваемая же воля дѣлаетъ это прикосновеніе. Кто долженъ быть болѣе благодаренъ такому открытію Гартмана—физиологъ или психологъ? Послушаемъ физиолога относительно этого открытія Гартмана. „*Risum teneatis, amici*, эта классическая пословица невольно приходитъ въ голову, когда я, говорить докторъ Стиблингъ (Stiebeling. *Naturwissenschaft gegen Philosophie Neu-Iork*. 1871 года), перечитываю это драгоценное доказательство натурфилософской логики. Непониманіе анатоміи и физиологій нервной системы и происходящая отсюда неспособность ясно обозрѣть на лицо находящіеся факты и вывести изъ нихъ надлежащія слѣдствія суть причины, по которымъ въ этой главѣ господствуетъ такая путаница, что мнѣ было трудно найти собственный ходъ мыслей сочинителя. Авторъ утверждаетъ, что прямой переходъ сознательнаго представленія къ центральнымъ оконечностямъ двигательныхъ нервовъ невозможенъ, потому что первое находится въ большомъ мозгу, а послѣднее въ продолговатомъ и маломъ мозгу. Какой анатомъ открылъ это? Уже внѣ всякаго сомнѣнія установлено, что, какъ двигательныя такъ и чувствительныя первыя нити входятъ въ большой и малый мозгъ и тамъ находятся въ

непосредственномъ сопривосновеніи съ сѣрой субстанціей, собственно носительницей всякой духовной дѣятельности“. Такъ говоритъ физиологъ по поводу открытія Гартмана, нами приведеннаго. Напрасны были бы, скажемъ мы съ своей стороны, стремленія индуктивнаго психолога найти въ опытѣ и представить въ научной формѣ неизмѣнныя *предвидущія* и *послѣдующія* духовныхъ явленій, если онъ будетъ принимать объясненія изъ невѣдомой области и не можетъ сказать положительно, угодно ли будетъ несознаваемому представленію и несознаваемой волѣ принять участіе въ дѣйствіи въ тотъ моментъ, когда дѣйствующему лицу нужно произвести произвольное движеніе для его сознательныхъ цѣлей. Смотра съ этой точки зрѣнія вообще на книгу Гартмана, невольно задаешь вопросъ: въ какомъ отношеніи стоитъ она къ движенію науки и цивилизаціи? Въ исторіи разработки напр. физиологии признается крупнымъ шагомъ впередъ моментъ устранения признаваемой прежде жизненной силы; съ этого момента физиология выступила на путь истинной науки. Но раньше признавались и вводились въ объясненіе физиологическихъ явленій дѣйствующіе въ организмъ духи (spiriti). Признававшіе жизненную силу называли теорію духовъ мистической. Но индуктивная наука не нашла различія двухъ теорій по научному достоинству. Почему лучше признавать жизненную силу, чѣмъ—духовъ или другое что либо въ этомъ родѣ? Для насъ одинаково непонятно и неуловимо дѣйствіе этихъ неизвѣстныхъ силъ. Съ устраненіемъ жизненной силы изъ физиологии начались въ ней открытія положительныхъ законовъ, которые нашли или найдутъ еще свое практическое приложеніе, увеличивая силу человѣческой власти надъ природой. Теперь можно спросить: чѣмъ лучше жизненной силы признаваніе „несознаваемаго“, проповѣдуемаго Гартманомъ? Его дѣйствіе, скрытое за предѣлами доступнаго намъ наблюденія, также непонятно и неуловимо для насъ, какъ и дѣйствіе жизненной силы. Что пользы въ томъ, что Гартманъ открылъ несознаваемыя представленія и несознаваемую волю? Гдѣ найдетъ свое практическое полезное приложеніе это открытіе? въ педагогикѣ? Но развѣ можно дѣйствовать какими либо средствами но то, что изолировано отъ всякаго прямаго и посредствующаго вліянія?

Можно бы еще кое-что замѣтить Гартману, напр. его противорѣчіе въ томъ, что, по его положенію, воля есть пер-

вая и основная дѣятельность духа, а, по его вложенію, оказывается такою ощущеніе и представленіе. Впрочемъ, тутъ можетъ быть недоразумѣніе, происходящее отъ неточности выраженій Гартмана.

Въ заключеніе замѣтимъ, что цѣль нашего краткаго разбора книги Гартмана состоитъ въ томъ, чтобы защитить философію и философскія занятія отъ новыхъ наръканій. Докторъ Стиблингъ въ указанной нами выше брошюрѣ говоритъ: „я поставилъ для себя задачей показать, что философія и естествознаніе суть двѣ совершенныя противоположности, которыя не могутъ быть соединены между собою“. „Философія, говоритъ онъ далѣе, не заслуживаетъ имени науки. Она кончила свою роль и быстро клонится къ паденію“. „Лучше, заключаетъ онъ, по моему мнѣнію, если изслѣдователь будетъ продолжать свою работу въ спеціальной своей наукѣ, какъ было до этого времени“. Все это высказано докторомъ Стиблингомъ по поводу „Философіи Несознаваемаго“. Но что сказали бы докторъ Стиблингъ, когда бы услышалъ, что философія въ настоящихъ своихъ требованіяхъ не такова, какъ онъ ее воображаетъ на основаніи книги Гартмана, что она отрицаетъ „Философію Несознаваемаго“, какъ неизмѣющую съ ней ничего общаго? Если намъ удалось въ краткомъ нашемъ очеркѣ дать понятіе о томъ, каковы настоящія, законныя, такъ сказать, претензіи вторженія философіи въ предѣлы естествознанія и другихъ наукъ, то Стиблингъ не правъ въ своихъ нападеніяхъ на философію вообще. Онъ правъ въ отношеніи къ „Философіи Несознаваемаго“. Но философская критика не менѣе строго относится къ фантазіямъ „Философіи Несознаваемаго“, какъ и естествознаніе. Она находитъ въ книгѣ Гартмана пезнаніе и нарушеніе основныхъ и элементарныхъ ея требованій. Тутъ уже оказывается виноватою не философія; виновато превратное развитіе автора, который все еще вѣритъ въ магическую силу спекулятивнаго мышленія.

Закончу эту статью сообщеніемъ о лекціяхъ въ Цюрихскомъ университетѣ проф. Лянге. Этотъ замѣчательнѣйшій изъ нѣмецкихъ философскихъ мыслителей настоящаго времени, профессоръ, авторъ книги: „Исторія матеріализма“, въ настоящій семестръ читалъ „логику“, „исторію педагогика“ и „элементы социальной и моральной

статистики". Проф. Лянге обладает замѣчательнымъ критическимъ талантомъ; онъ отличается ясностію и отчетливостію изложенія философскихъ матерій. Онъ поклонникъ и комментаторъ философіи Канта, которую понимаетъ въ главныхъ ея требованіяхъ весьма отчетливо и ясно. Правда, въ объясненіи происхожденія пространства и времени видно уже у него вліяніе ученія объ ощущеніяхъ новыхъ физиолого-психологовъ, напр. Гельмгольца. Въ приложеніи этого ученія къ ученію о пространствѣ и времени проглядываетъ уже натяжка. Лянге доказываетъ, что Уэвель, извѣстный англійскій кантіанецъ, извратилъ настоящій смыслъ философіи Канта. Но самъ проф. Лянге, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ англійскихъ индуктивныхъ мыслителей, иногда обнаруживаетъ себя такимъ индуктивнымъ мыслителемъ и критикомъ — повитивистомъ, что Кантъ, у котораго сильно было стремленіе къ отвѣченному спекулятивному мышленію, не призналъ бы его совершеннымъ послѣдователемъ принциповъ своей философіи. Нужно замѣтить, что Лянге всегда обращается лишь къ „критикѣ чистаго разума“ и игнорируетъ другія сочиненія Канта, умалчивая о нихъ. Въ своихъ лекціяхъ по логикѣ, Лянге долго останавливался на разборѣ логики Аристотеля и комментировалъ сочиненія, сюда относящіяся. Онъ несогласенъ съ ходячимъ мнѣніемъ, что формальная логика неспособна къ усовершенствованію. Въ этомъ случаѣ онъ сходится во взглядѣ на формальную логику съ послѣдователями шотландскаго философа послѣдняго времени—Гамильтона, сочиненія которыхъ болѣе и болѣе умножаются по логикѣ. Лянге до перехода въ Цюрихскій университетъ читалъ лекціи въ Кенигсбергскомъ университетѣ вмѣстѣ съ умершимъ въ прошломъ году проф. Ибервегомъ. Къ послѣднему Лянгѣ относится съ глубокимъ уваженіемъ за его философскіе труды. Извѣстенъ трудъ Ибервега: „Система логики“ (System der Logik. Bonn. 1857). Этотъ трудъ посвященъ изложенію формальной логики. Хотя въ подробностяхъ Лянге, по его собственному признанію, расходится съ Ибервегомъ; тѣмъ не менѣе изученіе формальной логики Лянге признаетъ столь же важнымъ, какъ и Ибервегъ. Въ исторіи новоевропейской логики Лянге занимался почти исключительно развитіемъ научно-индуктивной логики; формальная логика совершенно уже была оставлена. Подвергнуты были разбору: Бэконъ, Декартъ, Кантъ, Ньютонъ, Гершель, Уэвель,

Милль и друг. Посвященъ былъ отдѣлъ „теоріи вѣроятности“, гдѣ говорилось о Паскалѣ, Монтенѣ, Яв. Бернулли, Лапласѣ и друг. По убѣжденію Лянге,—„теоріи вѣроятности“ принадлежитъ будущее. Вообще, критическій анализъ (чего бы ни касался проф. Лянге), отчетливость и ясность изложенія, самое живое и серьезное отношеніе къ дѣлу, богатство историческихъ знаній, желаніе быть безпристрастнымъ и не узкосмотрящимъ на предметъ,—дѣлали лекціи Лянге весьма интересными и поучительными. Лекціи по „исторіи педагогики“ были болѣе кратки, чѣмъ лекціи по логикѣ. Особенно древняя педагогика заняла мало мѣста въ лекціяхъ Лянге. Болѣе подробно рассмотрѣно было состояніе школъ и обученія въ періодъ возрожденія наукъ и цивилизаціи. Новая исторія педагогики тоже сильно была сокращена въ лекціяхъ Лянге (вопреки, впрочемъ, его намѣренію, по случаю болѣзни). Ясность и отчетливость изложенія тоже были отличительною чертою лекцій. Чтеніе „исторіи педагогики“ назначено мѣстнымъ правительствомъ для ознакомленія съ нею будущихъ учителей народныхъ школъ, готовящихся при университетѣ. Лянге, какъ профессоръ психологіи, долженъ былъ принять на себя это чтеніе; но назначилъ только 2 часа въ недѣлю для всей исторіи педагогики. Понятно, что во всякомъ случаѣ неизбѣжно было краткое изложеніе предмета. Руководствомъ и пособіемъ для фактическихъ свѣдѣній служили ему: для древней педагогики—Шмидъ, для новой—Раумеръ.

Ө. Зеленогорскій.

Цюрихъ.

11 декабря 1872 г.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНИИ „ПРАВОСЛАВНАГО СОВЕЩЬДНИКА“

въ 1874 году.

Православный СовеЩдникъ издается Казанскою Духовною Академіею съ 1855 г. Поставивъ своею задачею противодѣйствіе расколу и магометанству, Православный СовеЩдникъ съ самаго начала своего существованія и доселѣ оставался неизмѣнно вѣрнымъ этой задачѣ и по возможности выполнялъ ее добросовѣстно. Кромѣ статей общаго, научно-богословскаго содержанія, и въ частности капитальныхъ статей по исторіи Русской Церкви и церковному законовѣдѣнію, въ Православномъ СовеЩдникѣ напечатано очень много оригинальныхъ сочиненій, специально направленныхъ противъ раскола и магометанства и представляющихъ очень важное пособіе для всякаго, занимающагося изученіемъ того и другаго, въ особенности для тѣхъ пастырей Церкви, которые ведутъ полемику съ тѣмъ и другимъ. Православнымъ СовеЩдникомъ издано также нѣсколько памятниковъ древней русско-церковной письменности, весьма важныхъ въ миссіонерскомъ противураскольническомъ отношеніи, равно какъ и вообще для изученія исторіи отечественной церкви и исторіи древней отечественной письменности. Таковы—сочиненія Максима Грека, Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго, Истинны показаніе Зиновія мниха, Остенъ, Стоглавъ. Сверхъ сего при СовеЩдникѣ напечатано шесть томовъ *Дьяній вселенскихъ соборовъ* (печатаніе седьмаго, начатое въ настоящемъ году, будетъ продолжаться и въ будущемъ), составляющихъ драгоценное приобрѣтеніе для церковно-богословской науки и вообще для всякаго, кто интересуется судьбами вселенской Церкви, и въ частности составляющихъ необходимое пособіе для тѣхъ, кои посвятили себя самостоятельной разработкѣ древней церковной исторіи. Столь-же драгоценнымъ вкладомъ въ отечественно-богословскую литературу служатъ изданныя при СовеЩдникѣ *Толкованія бл. Теофилакта* почти на всѣ книги Новаго Завета, представляющія интересъ ученый и назидательный.

Въ будущемъ 1874 г. Православный СовеЩдникъ будетъ издаваться по прежней, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, ежемѣсячными книжками, заключающими въ себѣ отъ 10 до 12-ти печатныхъ листовъ. Кромѣ статей оригинальныхъ, относящихся къ различнымъ отраслямъ богословской науки, изъ которыхъ по истеченіи года составитъ три тома, будетъ издаваться, въ видѣ приложенія, переводъ Дѣяній седьмаго вселенскаго собора. Новые подписчики на журналъ получаютъ безвозмездно первые листы Дѣяній этого собора, отпечатанные въ 1873 году. При этомъ Редакція покорнѣйше проситъ гг. новыхъ подписчиковъ, при подпискѣ на журналъ, заявлять, что въ предъидущемъ году они не получали его, а также просить всѣхъ подпис-

чѣковъ съ возможною точностію и ясностію обозначать адреса, куда высылать журналъ.

Кромѣ оригинальнаго и переводнаго отдѣла при Православномъ Собесѣдникѣ будутъ печататься журналы засѣданій совѣта Казанской Академіи, изъ которыхъ составится по истеченіи года особый томъ съ особымъ счетомъ страницъ.

Редакція употребитъ возможное съ ея стороны стараніе о томъ, чтобы содержаніе оригинальнаго отдѣла издаваемаго ею журнала соотвѣтствовало его программѣ и современнымъ требованіямъ публики, интересующейся вопросами богословской и церковно-исторической науки.

Цѣна за полное годовое изданіе ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА на 1874 годъ, со всеми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ доставкою на домъ по г. Казани и съ пересылкою во все мѣсто Имперіи—

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается въ Казани, въ Редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи.

Извѣстія по казанской епархіи,

издаваемые при „Православномъ Собесѣдникѣ“ съ 1867 года, будутъ выходить и въ 1874 году, два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна „ИЗВѢСТІЙ“ для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ: а) отдѣльно отъ „Православнаго Собесѣдника“ четыре руб., б) а для выписывающихъ и „Православный Собесѣдникъ“ три руб. (всего за оба изданія десять руб.) сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также въ Редакціи Православнаго Собесѣдника.

О ПОДПИСКѢ НА 1874 ГОДЪ

НА

„ВЕЧЕРНЮЮ ГАЗЕТУ“,

ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ:

Съ 1 января 1874 г. «Вечерняя Газета» вступаетъ въ десятый годъ своего существованія и будетъ издаваться не измѣняя оной прежней программы, которую оставляютъ:

Г. *Современная летопись.* Внутреннія извѣстія, официальные и неофициальные; Высочайшіе указы, повелѣнія, приказы и административныя распоряженія по всемъ отраслямъ государственнаго управленія; отчеты правительственныхъ мѣстъ и лицъ. Руководящія статьи по разнымъ государственнымъ и общественнымъ вопросамъ, какъ возникающимъ со сто-

роны администраціи, такъ и порождаемымъ современною жизнію общества. Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Биржевая хроника. Отчеты судебныхъ засѣданій и рѣшенія по онимъ.

II *Политическія заграничныя извѣстія*, почерпаемая изъ иностранныхъ газетъ и корреспонденцій. Отдѣльныя статьи по разнымъ современнымъ вопросамъ иностранной политики. Телеграфическія депеши.

III *Учено-литературный отдѣлъ*. Статьи по части политики, финансовъ, исторіи, статистики, этнографіи и другимъ отраслямъ знанія. Беллетристическія статьи въ разныхъ родахъ; критическія замѣтки о важнѣйшихъ явленіяхъ въ русской библиографіи и журналистикѣ. Новости литературы иностранной.

IV *Фельетонъ*. Новости общественной жизни, искусствъ, театра и пр.; вѣсти и слухи.

«Вечерняя газета» по древнему будетъ издаваться ежедневно, но исключая дней, слѣдующихъ за праздниками, и каждый ея номеръ будетъ посылаться во всѣ города Россіи въ бандероликѣ, съ печатнымъ адресомъ всякаго подписчика.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкою въ С.-ПЕТЕРБУРГЪ и съ ПЕРЕСЫЛКОЮ въ ГУБЕРНІИ;

На 1 годъ	8 р. — к.	На 6 мѣс.	4 р. 75 к.
— 11 мѣс.	7 „ 50 „	— 5 —	4 „ — „
— 10 —	7 „ — „	— 4 —	3 „ 25 „
— 9 —	6 „ 50 „	— 3 —	2 „ 50 „
— 8 —	6 „ — „	— 2 —	1 „ 75 „
— 7 —	5 „ 50 „	— 1 —	— „ 75 „

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ—по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; для неслужащихъ—въ три взноса, впередъ за каждую треть года.

Подписка принимается исключительно въ главной конторѣ Редакціи «Вечерней Газеты», въ С.-Петербургѣ, по Литейному проспекту, д. № 42.

Контора Редакціи покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, во избѣжаніе задержки въ полученіи газеты: 1) объявлять свои требованія *своблво времени*; 2) присылать адреса четко написанные, съ точнымъ обозначеніемъ мѣста своего жительства, губерніи, уѣзда и почтовой конторы, гдѣ подписчикъ желаетъ получать газету и гдѣ раздача ее допускается, и 3) если кто изъ гг. подписчиковъ желаетъ имѣть вѣсотъ съ газетою и билетъ на ея полученіе, то заявить объ этомъ въ своемъ требованіи, прилагая почтовую марку на пересылку билета.

Редакторъ-издатель *К. В. Трубииковъ*,

„РУССКІЙ МІРЪ“

(ГОДЪ ТРЕТІЙ)

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

будетъ выходить въ 1874 году безъ предварительной цензуры ежедневно (въ форматѣ большаго газетнаго листа).

«Русскій Міръ», руководясь своею основною программой, смотритъ на русское государство и русское общество какъ на одно нераздѣльное цѣлое, въ которомъ христіанскіе общечеловѣческіе интересы не противорѣчатъ интересамъ отечественнымъ; гдѣ порядокъ, чувство законности и отсутствіе произвола должны уважаться, какъ единственныя условія правильнаго движенія впередъ; гдѣ свобода дѣйствій не должна противопоставляться праву, а право—свободѣ личности и мысли, и гдѣ сословія не противопоставляются одно другому, какъ различные враждующіе лагеря. Если всѣхъ людей, раздѣляющихъ приведенныя убѣжденія, можно назвать въ Россіи партіею, то мы очень рады служить такой партіи.

Въ нашихъ цѣляхъ—прежде всего дать широкое развитіе **ВНУТРЕННЕМУ ОТДѢЛУ** и, какъ его подраздѣленію, **ОТДѢЛУ ЗЕМСКОМУ**, такъ какъ лишь при условіи гласности и общественнаго контроля земское самоуправленіе можетъ принести богатые плоды. Затѣмъ внимательно будемъ слѣдить за вопросами **ОБРАЗОВАНИЯ**, эстетическаго развитія народа и общества; за **ВОЕННЫМЪ ДѢЛОМЪ**, столь важнымъ для внутренней и политической жизни государства, а также за интересами биржевыми и промышленными. **ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА** займетъ прежнее видное мѣсто въ газетѣ, не вдаваясь въ мелочи и частности, но имѣя постоянно въ виду, что мы живемъ въ Европѣ, что годось Россіи не только не утратилъ своего значенія въ образованномъ мірѣ, но что многіе теперь прислушиваются въ нему внимательнѣе, чѣмъ прежде, и что такое положеніе налагаетъ на русскій народъ весьма важныя обязанности.

Что касается литературы, то мы постараемся предложить читателямъ чтеніе, которое желали бы поставить внѣ зависимости отъ тенденціозной литературы. Въстѣ съ тѣмъ библиографическая и журнальная хроника будутъ по возможности развиты и появляться періодически.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ „РУССКІЙ МІРЪ“:

	Съ доставкою и пересылкою.		Безъ доставки.	
	Р.	К.	Р.	К.
На одинъ годъ	16	—	13	50
На 11 мѣсяцевъ	15	—	13	—
— 10 —	14	—	12	—
— 9 —	12	50	11	—
— 8 —	11	50	9	50
— 7 —	10	—	8	—
— 6 —	9	—	7	50
— 5 —	7	50	6	—
— 4 —	6	—	5	—
— 3 —	5	—	5	—
— 2 —	3	50	3	—
— 1 —	1	75	1	50

ПОДПИСКА НА „РУССКІЙ МІРЪ“ ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: 1) Въ конторѣ газеты, на углу Симеоновскаго пер. и Литейнаго просп., въ д. № 8—45, кв. № 16. 2) Въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова, на Невскомъ просп., въ д. Ольхина, и у другихъ книгопродавцевъ. 3) Въ д. Жуковского, № 21, у Казанскаго моста, кв. № 16.

Въ Москвѣ: 1) Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, и у другихъ книгопродавцевъ. 2) Въ конторѣ газеты, на Софійскѣ, въ д. Аргамакова. 3) На Солянкѣ, въ конторѣ Мейера.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца, съ доставкою по городской почтѣ въ С.-Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи, и безъ доставки, съ полученіемъ №№ въ конторѣ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; для неслужащихъ—по соглашенію съ Редакціей, для чего необходимо обращаться въ главную контору Редакціи. (На углу Симеоновскаго пер. и Литейной, д. № 8/16). Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за головной экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 6 руб., въ концѣ марта 5 руб. и въ концѣ іюня 5 руб.

Редакторъ-издатель *П. А. Висковатовъ*.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ

„Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Уни-
верситета“.

ЗА 1834—1872 ГОДЫ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО.

- Адамюкъ* Е. В. Къ ученію о внутриглазномъ кровообращеніи и давленіи. 1867. IV. Прага. стр. 1—92.
- Аристовъ* Е. Ф. О гласоженіяхъ. Лекція. 1853. II. стр. 3—45.
- О способѣ происхожденія краснаго слоя на печенкѣ крови. 1856. II. стр. 1—48.
- Лекція изъ общей патологической анатоміи. 1857. III. стр. 3—20.
- Аристовъ* Н. И. О современномъ состояніи и значеніи Русской Исторіи. 1868. стр. 3—20.
- Ахматовъ* М. Н. Критическій обзоръ разныхъ исправительныхъ системъ. 1845. II. стр. 47—165.
- Банзаровъ*. Черная вѣра или шаманство у монголовъ. 1846. III. стр. 53—120.
- Берен.* Отрывки изъ записокъ путешественника. 1835. IV. стр. 290—345; 1836. II. стр. 99—125; 1837. II. стр. 3—55.
- Основныя начала антропологіи. 1839. I. стр. 3—128; IV. стр. 3—81.
- Физиологико-психологическій сравнительный взглядъ на начало и конецъ жизни. 1858. II. стр. 3—83.
- Березинъ* И. Н. Годичный отчетъ путешествующаго во Востоку. 1845. I. стр. 96—190; III. стр. 3—14.
- *Recherches sur les dialectes musulmans.* 1849. II. стр. 1—92.
- *Recherches sur les dialectes persans.* 1851. II. стр. 67—224; III. стр. 43—119; 1852. II. стр. 1—149.
- Булгарь на Волгѣ. 1852. III. стр. 74—160.
- Блосфельдъ* Г. I. Начертаніе судебной медицины для правовѣдовъ 1846. III. стр. 124—165; IV. стр. 39—172.—1847. I. стр. 1—80.
- Уч. Зап. Имп. Каз. Унив. 1879. № 1.

- Замѣчанія о восточной холерѣ. 1848. I. стр. 1—102.
- Prolegomena in Encyclopediam et methodologiam medicinae. 1849. III. стр. 1—133.
- Судебная токсикологія, особенно въ техническомъ отношеніи. 1855. II. стр. 3—104.
- Начертаніе правилъ, соблюдаемыхъ при составленіи и обсужденіи, сообразно съ законными постановленіями, психологико-врачебныхъ свидѣтельствъ. 1859. II. стр. 3—74.
- Вступительная лекція въ энциклопедію и методологію медицины. 1861. II. стр. 82—113.
- Больцани** I. А. Математическія изслѣдованія о распредѣленіи гальваническаго тока въ тѣлахъ даннаго вида. 1854. III. стр. 1—112.
- Теорія Якобевыхъ функций и эллиптическихъ функций и интеграловъ. 1856. кн. III и IV, стр. XXVII и 1—170.
- Брауелль.** De acidı osmici in homines et animalia effectu comment. physiologica. 1849. II. стр. 61—177.
- Буескій.** О климатѣ Кунгурскаго уѣзда. 1857. I. стр. 159—169.
- Жители Кунгурскаго уѣзда. 1857. I. стр. 141—165.
- Булличъ** Н. Н. Университетскій судъ надъ профессоромъ Солнцевымъ во время попечительства Магницкаго. 1864. I Отд. стр. 267—288.
- Къ столѣтней памяти Ломоносова. 1865. стр. 189—320.
- Литература и общество въ Россіи въ послѣднее время. Актовая рѣчь. 1865. стр. 385—416.
- Биографическій очеркъ Карамзина и развитіе его литературной дѣятельности. 1866. стр. 527—639.
- О мнѣнскомъ преданіи, какъ главномъ содержаніи народной поэзіи. 1870. стр. 266—308.
- Булъинъ** В. О происхожденіи слова «князь». 1834. I. стр. 105—133.
- Историческія воспоминанія на пути изъ Казани въ Симбирскъ. 1834. III. стр. 114—131.
- Бунге** Ал. Описаніе новыхъ родовъ и видовъ китайскихъ и монгольскихъ растений. Десятокъ первый, 1835. IV. стр. 154—180.
- Бутлеровъ** А. М. Дневныя бабочки Волго-Уральской фауны. 1849. I. стр. 1—60.
- Отчетъ о путешествіи за границу. 1859. III. стр. 172—194.
- О химическомъ строеніи веществъ. 1862. I. стр. 1—24.
- Поѣздка за границу лѣтомъ 1861 года и ея результаты. Ibid. стр. 1—10.
- О третичныхъ алкоголяхъ. 1864. II. Отд. I. стр. 130—145.
- Объ охлоренныхъ неэфальныхъ эфирахъ. Ibid. стр. 146—148.
- Бѣллесъ** И. Д. Положеніе русскаго общества въ царствованіи Михаила Федоровича. 1862. II. стр. 245—253.

- Ваиерс* П. П. Описаніе новаго минерала Пушкинита. 1840. II. стр. 134—150.
- Общій взглядъ на геогностическій составъ почвъ Казанской губерніи. 1859. I. стр. 3—14.
- Общій взглядъ на геогностическое строеніе почвъ Сибирской губерніи. 1859. IV. стр. 3—16.
- Ваиерс* Н. П. Общій взглядъ на классъ животныхъ паукообразныхъ. 1854. I. стр. 1—150.
- Самопроизвольное зарожденіе гусениць у насѣкомыхъ 1862. I. стр. 25—114.
- Отчетъ о зоологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ 1863 году на южномъ берегу Крыма. 1863. II Отд. стр. 1—13.
- Виноградскій* В. Н. Обь опредѣленіи элементовъ орбитъ двойныхъ звѣздъ. 1872. II Отд. стр. 116—176.
- Винтеръ*. Die wissenschaftliche Bearbeitung der Staatswirthschaftskunde. 1836. IV. стр. 3—216.
- Dichtlehre, als philosophische Theorie der wissenschaftlichen Dichtkunst. 1839. III. стр. LXXIV и 1—132
- Волковскій* М. Изслѣдованіе полного солнечнаго затмѣнія. 1851. IV. стр. 13—42.
- Гавриилъ* (архим.) Исторія философіи. 1837. III. стр. 3—99; 3—94; 1838. I. 125—155; II. 3—131; III. 66—122; IV. 3—147; 1839. II. 3—192; 1840. I. 3—73; II. 3—62; III. 3—64; IV. 3—48.
- Историческое описаніе Казанскаго Успенскаго второкласнаго Зилантова монастыря. 1839. IV. стр. 108—160.
- Философія правды. 1842. IV. стр. 59—120. =
- Понятіе о церковномъ правѣ. 1844. I. стр. 3—32.
- Глиисскій* Г. Н. О нѣкоторыхъ превращеніяхъ винильныхъ соединеній и объ однохлоренномъ укусуномъ альдегидѣ. 1868. стр. 251—288.
- О радикалахъ въ органической химіи. 1872. II. Отд. стр. 1—112.
- Головкинскій* Н. А. О кремнекислыхъ соединеніяхъ. 1861. II. стр. 3—81.
- О послѣдствіиныхъ образованіяхъ по Волгѣ въ ея среднемъ теченіи. 1865. стр. 451—524.
- Отчетъ о поѣздкѣ въ Ядринскій уѣздъ. Извѣстія 1867 г. стр. 347—352.
- Горловъ* И. Я. Руководство къ политической экономіи, сочиня. Бланки. Спб. 1838. III. стр. 155—172.
- Калмыцкое народонаселеніе въ Россіи. 1840. I. стр. 163—165.
- О доходѣ съ капитала. 1840 II. стр. 63—94.
- Описаніе Тагильскаго горнаго округа. 1840. III. стр. 119—139.

- Статистическіе очерки Сѣверо-Американскаго Союза. 1840. IV. стр. 73—112.
- Движеніе народонаселенія въ Казанской губерніи. Ів. стр. 167—174.
- Горскій С. М.* Обь историческомъ значеніи царствованія **Алексѣя Михайловича**. 1857. IV. стр. 33—83.
- Готвальдъ І. Ѳ.* Описаніе арабскихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекѣ Казанскаго Университета. 1854. II. стр. 43—171; IV. 1—67.—1855. IV. 1—118.
- Опытъ арабско-русскаго словаря на коранъ, семь моаллакатъ и стихотворенія Ишрулькейса. 1861. II. 114—139; III. 60—176; IV. 1—144.
- Григорьевичъ В. И.* Краткое обозрѣніе славянскихъ литературъ. 1841. I. стр. 93—153.
- Опытъ литературы Словянъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ. 1842. III. стр. 105—216; IV. стр. 3—58.
- Очеркъ ученаго путешествія по Европейской Турціи. 1848. IV. стр. 1—214.
- О значеніи церковно-словенскаго языка. 1851. I. стр. 3—25.
- О трудахъ, касающихся древняго словеснаго языка до Мелетія Смотрицкаго. Іbid. стр. 26—52.
- Предварительныя свѣдѣнія, касающіяся литературы церковно-словенской. Ів. стр. 53—70.
- О древнѣйшихъ памятникахъ церковно-словенской письменности. Ів. стр. 71—94.
- Замѣчаніе о лексикальномъ изученіи рукописей, писанныхъ на древне-словенскомъ языкѣ. Іbid. стр. 95—108.
- Древне-словенскій памятникъ, дополняющій житіе словенскихъ апостоловъ, святыхъ Кирилла и Меодія. 1862. Вып. 2. стр. 1—29.
- Григорьевъ В. В.* О нѣкоторыхъ событіяхъ въ Бухарѣ, Хокандѣ и Кашгарѣ. Записки Мирзы Шемса Бухари. 1861. I. стр. 3—129; II. стр. 140—169.
- О передачѣ звуковъ киргизскаго языка буквами русскои азбуки. 1862. II. стр. 81—92.
- Незданная монета Уйгурскихъ владѣльцевъ Маверранагра. 1863. I. стр. 1—115.
- Гусевъ М.* Отчетъ обь опредѣленіи географическаго положенія Вятки. 1850. I. стр. 30—64.
- Даниль (архим.)* Переводъ съ китайскаго языка изъ книги подь заглавіемъ «драгоценное зеркало для просвѣщенія ума». 1837. II. стр. 139—158; III. стр. 99—110.
- Всеобщая исторія Китая, переводъ съ китайскаго. 1837. IV. стр. 95—145; 1838. II. стр. 132—154; IV. стр. 148—179.

- Данилевскій* А. Я. Предварительное сообщеніе; 1) о мѣстѣ и образѣ разрушенія кровяныхъ шариковъ внутри и вѣн организма; 2) объ отношеніи нервныхъ центровъ другъ къ другу. 1865. стр. 85—88.
- Добротворскій* И. М. Минно-молоканское вѣроисповѣданіе. 1866. стр. 149—165.
- Университеты прежде и теперь. Извѣстія 1867 г. стр. 78—97.
- Дубовицкій* А. П. О кровотеченіи вообще, о строеніи кровеносныхъ сосудовъ, о лѣченіи кровотеченій и въ особенности о разныхъ способахъ останавливанія и предотвращенія ихъ. 1837. III стр. 114—166; IV. стр. 146—203.
- Камнекрушеніе (Lithotripsie). 1837. III. стр. 167—174.
- Обь альбинизмѣ. 1838. II. стр. 155—178.
- Вѣломость о больныхъ въ хирургическомъ отдѣленіи клиники. 1840. I. стр. 129—162; II. стр. 134—176; III. стр. 140—154; IV. стр. 131—166; 1841. I. стр. 168—207.
- Дьяконовъ* К. С. Къ ученію о перевариваніи бѣлковыхъ веществъ. 1864. II отд. I. стр. 159—192.
- Елалчицъ* Ф. О. Донесеніе изъ заграничнаго путешествія. 1857. IV. стр. 204—224.
- и *Китеръ*: Новый способъ вырѣзывать всю матку, невыпавшую и пораженную ракомъ. 1847. I. стр. 101—143.
- Жбиковскій* А. К. Теорія планиметра Амслера. 1864. II Отд. I. стр. 219—223.
- Обь Эйлеровыхъ интегралахъ. 1867. стр. 212—276.
- Залюскій* Ф. Соврожденное почечное мочезадержаніе. Замѣчательный патологическій случай. 1858. II. стр. 154—163.
- Очерки главнѣйшихъ публичныхъ лѣчебныхъ заведеній обѣихъ столицъ. 1659. I. стр. 127—241.
- Зининъ*. Изысканія надъ тѣлами бензоильнаго ряда. 1840. II. стр. 95—110.
- Зоммеръ* Н. Обь основаніяхъ новой китайской философіи. 1851. I. стр. 109—177.
- Ивановъ* Н. А. О сношеніяхъ папъ съ Россією. 1849. IV. стр. 121—154.
- Краткій обзоръ русскихъ временниковъ, находящихся въ библіотекахъ С. Петербургскихъ и Московскихъ. 1843. II и III. стр. 3—57.
- Общее понятіе о хронографахъ и описаніе нѣкоторыхъ списковъ ихъ. Ib. 58—396.
- Ивановъ* Н. П. Основанія частной международной юрисдикціи. 1865. стр. 136—188.
- Ильминскій* Н. И. Матеріалы для изученія киргизскаго нарѣчія. 1860. III. стр. 107—159; IV. стр. 53—165; 1861. I. стр. 130—162.

- Вступительное чтение въ курсъ турецко-татарскаго языка. 1861. III. стр. 1—59.
- Учащательная форма татарскаго глагола. 1863. I. стр. 15—18.
- Матеріалы для джагатайскаго спряженія. 1863. II. стр.
- Воспоминанія объ А. А. Бобровниковѣ. 1865. стр. 417—450.
- Имшенецкій** В. Г. О функціяхъ равносторонней гиперболы и круга 1862. II. стр. 1—19.
- Способъ трилинейныхъ координатъ. Ib. стр. 20—44.
- Обь интегрированіи уравненій съ частными производными перваго порядка. 1864. Отд. II. стр. 1—172.
- Конечное интегрированіе одного вида уравненій съ частными производными посредствомъ введенія канонической системы переменныхъ. 1866. стр. 5—14.
- Ислѣдованіе способа интегрированія уравненій съ частными производными 2-го порядка функціи двухъ независимыхъ переменныхъ. 1868. стр. 111—256.
- О функціяхъ Я. Бернулли и выраженіи разности между однопредѣльными суммою и интеграломъ. 1870. стр. 244—265.
- Каземъ-Бекъ** А. К. О ваятѣ Астрахани въ 1660 году. 1835. I. стр. 139—153.
- Камбекъ**. Der Concurs der Gläubiger nach russischen Gesetzen. 1845. III. стр. 107—148.
- Grundzüge des gerichtlichen Verfahrens in bürgerlichen Rechtsstreitigkeiten nach russischen Gesetzen. 1846. III. стр. 1—52; IV. 1—39.—1847. 1—42.
- Камковъ** А. Л. Лермонтовъ. Рѣчь. 1856. I. стр. 145—162.
- Киттары** М. Я. Анатомическое исслѣдованіе обыкновенной и колючей сольпуги. 1848. II. стр. 58—125.
- Публичныя лекціи технологовъ. 1852. I. стр. 1—59.
- Отчетъ о путешествіи въ Лондонъ на всемірную выставку. Статья I. 1853. II. стр. 45—111.
- О сушкѣ овощей въ русской печи. 1855. I. стр. 3—90.
- Клаусъ** К. К. Химическое разложеніе водъ города Казани. 1839. IV. стр. 82—107.
- Химическое исслѣдованіе остатковъ уральской платиновой руды. 1844. III. стр. 15—200.
- Клорре**. Ходъ температуры въ Казани изъ наблюденій 1873 года. 1835. I. стр. 89—110.
- Наставленіе учителямъ Казанскаго Учебнаго Округа для дѣланія метеорологическихъ наблюденій. Ib. стр. 193—199.
- О темныхъ лучахъ свѣта. 1842. III. стр. 84—104.
- Ковалевскій** О. М. Содержаніе монгольской книги, подъ заглавіемъ «море притчъ». 1834. I. стр. 134—162; II. стр. 236—259.
- Каталогъ савскритскимъ, монгольскимъ, тибетскимъ, манджурскимъ и китайскимъ книгамъ и рукописямъ въ библиотекѣ Казанскаго Университета хранящимся. 1824. II. стр. 263—292.

- О китайскомъ календарѣ. 1835. I. стр. 111—138.
- Буддiйская космологія. 1835. II. стр. 373—427; IV. 217—289.—1837. I. 98—135.
- Ковалевскій** Н. О. Анатомико-физиологическія изслѣдованія селезенки. 1860. III. стр. 48—106.
- Работы Р. Вагнера надъ головнымъ мозгомъ. 1862. I. 1—10.
- Матеріалы къ изученію легочнаго дыханія. 1865. стр. 105—135.
- Ковальскій** М. А. Теорія движенія Нептуна. 1850. IV. стр. VI. 1—100; 1—27.
- Sur les lois du mouvement propre des étoiles du catalogue de Bradley. 1860. I. стр. 47—136.
- Sur le calcul de l'orbite elliptique ou parabolique d'après un grand nombre d'observations. Ib. стр. 166—181.—1860. II. 99—155.
- Developpement de la fonction perturbatrice en série. 1860. II. стр. 94—155.
- *Поповъ и Гусевъ*: Отчетъ о путешествіи въ Бердянскъ для наблюденія полного солнечнаго затмѣнія. 1851. III. стр. 3—149.
- Корнухъ-Троцкій** П. Я. Замѣчанія о паленикѣ (*rubus arcticus*). 1840. III. стр. 152—159.
- Корсаковъ** Д. А. Мера и Ростовское княжество. Очерки изъ исторіи Ростовско-Суздальской земли. 1871. Прил. стр. 1—246.
- Корсакъ** Ал. Историко-статистическое обзорѣніе торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ. 1856. I. стр. 91—144; II. стр. 49—176; 1857. I. 3—169; III. 70—109.
- Котельниковъ** П. И. О численномъ значеніи суммъ и пр. 1848. IV. 9—14.
- Кремлевъ** Н. А. Къ ученію о правѣ добросовѣстнаго владѣльца на плоды по римскому праву. 1864. I Отд. стр. 425—488.
- Сепарация, какъ способъ приобрѣтенія собственности добросовѣстнымъ владѣльцемъ, по классическому римскому праву. 1867. стр. 321—459.
- Кривошапкинъ** М. Ѳ. Объ экзакрированіи вообще и о приимѣненіи его къ отнятію геморроидальныхъ опухолей и узловъ въ особенности 1862. II. стр. 46—135.
- Кулаевскій** М. В. О синовиальныхъ сумкахъ сухихъ жилъ мускуловъ: длиннаго сгибателя большаго пальца и общихъ поверхностныхъ и глубокихъ сгибателей прочихъ пальцевъ руки. 1867. стр. 277—320.
- Кучинъ** К. З. О строеніи спиннаго мозга рѣчной миноги. 1863. II Отд. I. стр. 31—53.
- Леваковскій** Н. Ѳ. О вліяніи нѣкоторыхъ внѣшнихъ условій на форму корней. 1868. стр. 395—460.
- Левандовскій** Ф. М. О народныхъ училищахъ и учительскихъ семинаріяхъ въ Пруссіи. 1859. IV. стр. 17—92.
- Левитскій** П. И. Матеріалы къ изученію дѣйствія бромистаго потассія на здоровый и больной организмъ. 1865. стр. 115—148.

- Лекстремъ** К. И. О мирныхъ договорахъ между Россією и Швеціей въ XIV столѣтіи. 1855. II. стр. 103—154.
- Линдиренъ** И. Г. Versuch einer Nosologie der Cholera orientalis. 1847. IV. стр. VIII и 1—235.
- О значеніи госпитальной клиннки. 1849. IV. стр. 113—122.
- Ueber die Entwicklung der Hospitalklinik an Universitäten Russlands. 1850. II. стр. 1—82.
- Разсужденіе о госпитальной клиннкѣ. 1850. III. стр. 3—76.
- Лобачевскій** Н. И. Пониженіе степени въ двучленномъ уравненіи, когда показатель безъ единицы дѣлится на 8. 1834. I. стр. 9—32.
- Объ исчезаніи тригонометрическихъ строкъ. 1834. II. стр. 167—226.
- Воображаемая геометрія. 1835. I. стр. 3—88.
- Способъ увѣряться въ исчезаніи безконечныхъ строкъ и приближаться къ значенію функций отъ весьма большихъ чиселъ. 241—242.
- Новая начала геометріи съ полной теоріей параллельныхъ. 1835. III. стр. 3—48.—1836. II. 3—38.—III. 3—50.—1837. I. 3—97.—1838. I. 3—124; III. 3—65.
- Примѣненіе воображаемой геометріи къ нѣкоторымъ интеграламъ. 1836. I. стр. 1—194.
- Полное затмѣніе солнца въ Пензѣ 26 іюня 1842 г. 1842. III. стр. 54—83.
- Значеніе нѣкоторыхъ опредѣленныхъ интеграловъ 1853. IV. стр. 1—34.
- Пангеометрія. 1855. I. стр. 4—56.
- Лукашевичъ** К. О дѣйстви азотной кислоты на двустороння соединенія алкогольныхъ радикаловъ. 1868. стр. 510—513.
- О дѣйстви азотной кислоты на эфирный уксусный эфиръ и уксусный тиоангидридъ. Ib. 514—515.
- О дѣйстви іодистаго ацетила и іодистаго эфира на уксусный тиоангидридъ и іодистаго ацетила на сѣрный эфиръ. Ib. 516—517.
- Маловъ** Е. М. Статистическія свѣдѣнія о крещеныхъ татарахъ Казанской и нѣкоторыхъ другихъ епархій въ Волжскомъ бассейнѣ. 1866. стр. 311—387.
- Марковниковъ** В. В. Объ изомеріи органическихъ соединеній. 1864. II. Отд. I. стр. 1—108.
- Матеріалы по вопросу о взаимномъ вліяніи атомовъ въ химическихъ соединеніяхъ. 1869. Прил. стр. 4—106.
- Мейеръ** Д. И. О юридическихъ вымыслахъ и предположеніяхъ, о скрытыхъ и притворныхъ дѣйствіяхъ. 1853. IV. стр. 4—127.
- Очеркъ русскаго вексельнаго права. Лекціи, изданныя А. Випинимъ. 1857. II. стр. 3—108.
- Чтенія о русскомъ гражданскомъ правѣ. 1858. I. стр. 117—140; II. стр. 84—151.—1859. I. стр. 15—126.

- Мельников** М. И. Обь интегрированіи уравненій съ частными дифференціалами втораго порядка. 1841. I. стр. 208—242; II. 167—340.
- Микшевич** Ю. А. Продажа государственныхъ имуществъ, какъ одцо изъ средствъ для удовлетворенія современнымъ финансовымъ потребностямъ Россіи. 1869. II. стр. 1—93.
- Нѣсколько словъ о новой системѣ довѣрія. 1862. I. 1—32.
- Модестовъ** В. И. Римская письменность въ періодъ царей. 1867. стр. 460—576; 631—672.
- Навроцкий.** Краткія замѣчанія о различіи между калмыцкимъ и монгольскимъ языками. 1840. III. стр. 160—176. 1841. I. стр. 3—34.
- Назаріанецъ** С. И. Бѣглый взглядъ на исторію гайканской литературы до конца XIII вѣка. 1844. I. стр. 46—95.
- Обзорѣніе гайканской письменности въ новѣйшіи времена. 1846. II. стр. 1—158.
- Абуль-Касемъ Фердауси тусскій. 1849. III. стр. 34—136.
- Нелидовъ** Н. К. Обзоръ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросовъ относящихся къ древне-германскому государственному устройству. 1868. стр. 542—662.
- Нератовъ** Ал. Гидравлическія колеса. 1841. III. стр. 3—211.
- Николаи** Л. Обь эмпирической формулѣ, представляющей аналитическую зависимость между объемами насыщеннаго пара и его температурой. 1868. стр. 497—509.
- Овслиминовъ** Ф. В. О путешествіи за границу въ 1860—1861 году. 1863. I. стр. 11—22.
- Ордынский** Б. И. Сличеніе грамматики простонароднаго ново-греческаго языка съ грамматикой языка древне-греческаго. 1858. III. стр. 3—126.
- Осиповъ** А. М. Брачное право древняго Востока. 1872. I Отд. стр. 181—387.
- Осокинъ** Б. Г. Обь организаціи финансоваго управленія въ Авинахъ. 1852. IV. стр. 128—222.
- Осокинъ** Н. А. Савонарола и Флоренція. Историческая монографія. 1863. I Отд. I и II. стр. 1—321.
- Замѣтки по экономической исторіи Италіи. 1864. I Отд. стр. 33—68.
- Аттендоло Сфорца и королева Іоанна II. Историческіе очерки. 1864. I Отд. стр. 499—640.
- Утвержденіе арагонской династіи въ Неаполѣ и Сфорцы въ Миланѣ. 1867. стр. 114—148.
- Личный и историческій характеръ Оливера Кромвелля. 1868. стр. 522—541.
- Вступительная лекція въ курсъ исторіи XIII вѣка. 1868. стр. 673—696.
- Исторія Альбигойцевъ до кончины папы Иннокентія III. 1869. стр. 3—582.

- Первая инквизиція и завоеваніе Лангедока Французами (второй томъ «Исторіи Альбигойцевъ и ихъ времени»). 1871. стр. 249—592.—1872. I Отд. стр. IV и 1—180.
- Павловъ А.** С. О коричней инока князя Вассіана Патрикѣва. 1864. I Отд. стр. 489—498.
- Личныя отношенія супруговъ по греко-римскому праву. 1865. стр. 89—104.
- Обь участіи мірянъ въ дѣлахъ Церкви съ точки зрѣнія православнаго каноническаго права. 1866. стр. 481—526.
- Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ. 1869. Прил. стр. 1—100.
- Пелль.** О превращеніи растений. 1857. IV. стр. 1—32.
- Перемеско.** О развитіи поперечно-полосатыхъ мышечныхъ волоконъ изъ мышечныхъ ядеръ. 1863. II Отд. стр. 1—30.
- Петровский М. П.** Отчетъ о путешествіи по славянскимъ землямъ. 1862. II. стр. 93—102.
- Матеріалы для славянской діалектологіи. 1866. стр. 388—480.—1867. стр. 155—191.
- Образцы живой славянской рѣчи (къ изслѣд. Матеріалы и проч.). 1864. I Отд. стр. 289—368.
- Два слова въ память Карамзина. 1867. стр. 100—113.
- Петровъ А.** В. Къ ученію обь урѣи. 1862. II. стр. 1—27.
- Критическій разборъ работъ обь урѣи. 1863. II Отд. I. стр. 55—93.
- О состояніи и преподаваніи патологической анатоміи за границею. 1865. стр. 321—340.
- Петровъ П. Я.** Программа для преподаванія санскритскаго языка и литературы. 1842. II. стр. 73—95.
- Покровский А.** Краткое обозрѣніе металлургическихъ работъ Екатеринбургскихъ заводовъ, съ описаніемъ Екатеринбургскаго горнозаводскаго округа. 1835. III. стр. 92—113; IV. стр. 181—216.
- Поповъ А.** Ѳ. Обь опредѣленіи высотъ посредствомъ бумажнаго зѣтя. 1845. III. стр. 95—106.
- Исслѣдованія, относящіяся къ теоріи звука. 1848. IV. стр. 15—63.
- Замѣчаніе на формулу Фурье, обобщенную Ливилемъ. Ibid. стр. 1—8.
- О законахъ колебанія жидкости въ цилиндрическихъ сосудахъ. 1850. I. стр. 3—19.
- Обь условіяхъ движенія жидкости, представляющей постоянный токъ. Ib. стр. 20—29.
- Геометрическое опредѣленіе однороднаго тѣла. Ib. стр. 65—72.
- О значеніи нѣкоторыхъ интеграловъ и суммъ. 1851. IV. стр. 1—8.
- Обь одномъ приближеніи принятомъ въ теоріи волнъ. Ib. стр. 9—11.

- Обь интегрированіи системы уравненій, имѣющихъ приложение въ теоріи равновѣсія упругихъ и движенія текучихъ тѣлъ. 1852. IV. стр. 35—72.
- Новое рѣшеніе задачи о волнахъ. Ib. стр. 79—96.
- Приложение теоріи волнъ къ измѣренію потоковъ. 1853. III. стр. 4—12.
- Теорія опредѣленнаго интеграла и проч. 1855. I. стр. 57—76.
- Воспоминаніе о службѣ и трудахъ Лобачевского. 1857. IV. стр. 153—159.
- Рѣшеніе задачи о волнахъ съ высшимъ приближеніемъ. 1860. I. стр. 3—37.
- Опытъ теоріи постоянныхъ волнъ. Ib. стр. 38—46.
- Ученіе объ опредѣленныхъ интегралахъ. Часть I. 1863. II Отд. стр. 1—167.
- Теорія волнъ, происходящихъ отъ поступательнаго внѣшняго давленія. 1867. Прима.
- Извлеченіе изъ записки: «Теорія отвѣсной жидкой струи». 1869. стр. 583—586.
- Удвоеніе куба съ какимъ угодно приближеніемъ. 1870. стр. 233—235.
- Значеніе интеграла... Ib. стр. 236—243.
- О затмѣніяхъ спутниковъ планеты Урана. Ib. стр. 309—312.
- Обь отраженіи отвѣсной струи на горизонтальной плоскости. 1871. стр. 239—246.
- Программа содержанія приготовленной къ печати: «Исторіи развитія ариметики» и вступленіе къ ней. 1872. II Отд. стр. 113—115.
- Поповъ А.** По поводу сродства углероднаго пая. 1864. II Отд. I. стр. 149—158.
- Раненбаумъ.** Анатомическое описаніе мускусовой выхухоли (*shugale moschata*). 1860. III. стр. 77—172.
- Рожанскій В. Я.** Декартъ и его философія. 1865. стр. 341—384.
- Рудникскій Г. А.** Исслѣдованіе состава болы гречиши въ различные періоды проварстанія. 1867. стр. 192—211.
- Рудниковъ А.** О воспитаніи у древнихъ римлянъ. 1851. II. стр. 3—66.
- Рябовъ И.** Былина и временность Нижнетагильскихъ заводовъ. 1848. II. стр. 4—57.
- Рельсовое производство въ Нижнетагильскихъ заводахъ. 1858. II. стр. 166—173.
- Саблуковъ Г. С.** Состояніе православной россійской Церкви въ царствѣ Кипчакской или Золотой орды. 1842. II. стр. 38—55.
- Исслѣдованіе о мѣстѣ Сарая, столицы Кипчакской орды. Ib. стр. 55—76.
- Савельевъ А. С.** О гальванической проводимости жидкостей. I. стр. 3—177.
- Савинковъ А.** О свойствахъ аналитическихъ факториаловъ и способахъ вычислять эту функцію. 1851. IV. стр. 43—105.

- Самосатскій* А. О дѣйствіи водорода in statu nascenti на анисовый альдегидъ. 1868. стр. 518—521.
- Сазаровъ* В. Поллюиъ, IV эклога Виргилія. 1866. стр. 461—496.
- Сбоевъ* В. А. Ювъ въ художественномъ отношеніи. 1837. II. стр. 90—138.
- Гносисъ и гностики. 1839. I. стр. 129—189.
- О предметной реальности человѣческихъ познаній. 1845. IV. стр. 3—72.
- Серафимовъ*. Записки о Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. 1858. IV. стр. 102—131.
- Сергеевъ* П. С. Историческій взглядъ на почтовое управленіе въ Россіи. 1840. I. стр. 74—89.
- Симоновъ* И. М. Опредѣленіе географическаго положенія нѣкоторыхъ мѣстъ Казанской, Сибирской и частію Оренбургской губерніи. 1834. I. стр. 33—104.
- Новое доказательство параллелограмма слъзъ. 1834. II. стр. 227—238.
- Опытъ математической теоріи земнаго магнетизма. 1835. III. стр. 49—68.
- Recherches sur l'action magnétique de la terre. 1840. III. стр. 65—112; IV. стр. 49—72.—1845. II. стр. 4—46.
- Синаискій*. Критическій взглядъ на рѣчи Фукидда. 1840. IV. стр. 113—130.
- Скандовскій* Н. А. Замѣчанія о глазныхъ операціяхъ и послѣдствительномъ ихъ лѣченіи. 1840. II. стр. 111—133.
- О перемежающейся лихорадкѣ. 1842. II. стр. 3—37.
- Поѣздка на Уралъ въ 1842 году. 1844. I. стр. 33—45.
- О пользѣ знанія народной медицины, особенно духовному званію. 1845. III. стр. 73—94.
- Объ отличіяхъ пластической жизни отъ животной. 1847. I. стр. 81—100.
- Краткая физиологія человѣка. 1849. IV. стр. 1—112.
- Воспоминаніе о профессорѣ Г. Б. Никольскомъ. 1855. IV. стр. 129—141.
- О тифозной горячкѣ. 1860. I. стр. 137—165.
- Смирновъ* А. О расколѣ шитовъ вообще и расколѣ измазатовъ въ особенности. 1846. I. стр. 79—180.
- Смирновъ* В. О дѣйствіи и измѣненіяхъ нефильнаго алкоголя въ организмѣ. 1862. II. стр. 28—43.
- Смирновъ* И. Н. О суточныхъ періодическихъ измѣненіяхъ температуры въ Казани. 1864. II Отд. I. стр. 193—218.
- Соколовскій* А. А. О дѣйствіи различныхъ средствъ на нервную систему, въ примѣненіи къ теоріи Дюбуа Реймонда. 1868. IV. стр. 3—59.
- Питательныя вещества и напитки. Лекціи изъ гігіены и дѣтства. 1859. II. стр. 75—222; IV. 93—157.

- Собрание открытій и наблюдений по предмету фармакологій, отданных съ 1856 по 1859 годъ. 1859. III. стр. 3—181.
- Соколовъ А. И.** Краледворская рукопись и судъ Любушки. 1845. IV. стр. 3—145.—1846. I. стр. 1—76.
- Обь историческихъ народныхъ пѣсняхъ Сербовъ. 1854. II. стр. 3—42.
- Степановъ Я. С.** О полиціи, какъ наукѣ во Франціи. 1867. стр. 577—630.
- О полиціи, какъ наукѣ въ Англіи. 1868. стр. 384—394.
- Струевъ Ѡ. А.** De argumento carminum epicorum, quae res ab Homero in Iliade narratas longius prosecuta sunt. 1850. II. стр. 63—171.
- Praeceptoris ac discipulis Caesarei gymnasii Dorpatensis solemnina anniversaria celebrantis. 1853. II. стр. 112—138.
- De vita scriptique Cl. Tchorzewski. 1855. III. стр. 119—138.
- Novae curae in Quinti Smirnaei posthomera. 1860. III. стр. 3—148.
- Суворовъ Ѡ. М.** О характеристикахъ системъ трехъ измѣреній. 1871. стр. 1—114.
- Суворцевъ Г. Е.** Обь основаніяхъ изъщнаго. 1835. III. стр. 111—138.
- О чувашскомъ языкѣ. 1837. I. стр. 136—168.
- Нѣчто о собраніи областныхъ словъ. 1839. II. стр. 193—206.
- Отчетъ о сооруженіи памятника Державину. 1847. III. стр. 129—139.
- Теплоуховъ.** 130 провинціальныхъ и техническихъ словъ Пермской губерніи. 1857. III. стр. 170—179.
- Тхоржевскій К. С.** De politia Timaeo-Critia, ultimo platonico ternione etc. 1847. II. стр. XII и 1—188.
- In Solonem atheniensem diatribe. 1855. III. стр. 54—115.
- De Aristophanis Ecclesiastusis. habita ratione reipublicae Platonis. Ib. стр. 123—172.
- Исслѣдованіе о космической системѣ Платона. Ib. стр. 123—172.
- О цѣли преподаванія древнихъ языковъ. Ib. стр. 183—200.
- Тыжновъ.** О приращеніи по римскому праву, сравнительно французскимъ и русскимъ законодательствами. 1858. I. стр. 8—116; III. стр. 127—173; IV. стр. 60—101.
- Улискій А. О.** О предисловіи Фукидда съ критико-исторической точки зрѣнія. 1868. стр. 289—383.
- Фатеръ.** Der Argonautenzug. Aus den Quellen dargestellt u. erklärt. 1844. II. стр. VIII и 1—168.—1845. I. стр. VII и 1—166.
- Quaestionum historicarum fasc. primus. De Isocratis qui fertur epistolis. 1844. IV. стр. 1—96.
- Das Verhältniss der Linguistik zur Mythologie u. Archäologie. Ib. стр. 97—176.
- Triton und Euphemos oder die Argonauten in Libyen. 1849. II. стр. 93—102.

- Фогель Л.** Welches sind die Ursachen der unnatürlichen Sterblichkeit unter den Kindern in ihrem ersten Lebensjahre. 1835. III. стр. 69—94.
- Biologie. Fragment aus dem Systeme der Physiologie. 1837. 76—89.
- Фогель Г.** Ueber sittliche und bürgerliche Besserung der Verbrecher, als das sicherste Mittel den Zweck der Strafgesetzgebung zu erreichen. 1834. II. стр. 283—327.
- Опытъ возстановленія текста и объясненія Правды Русской. 1848. II. стр. 126—177.
- Фойтль К. К.** Рѣчь при открытіи памятника Державину. 1847. III. стр. 43—128.
- Обзорніе хода и успѣховъ преподаванія въ Казанскомъ Университетѣ съ 1842 по 1852 годъ. 1852. I. стр. 103—143.
- Холмогоровъ И. Н.** Объ основныхъ постановленіяхъ ислама. 1848. I. стр. 103—143.
- Исторія Сербедаровъ изъ V тома исторіи Мирхонда. Переводъ. 1860. IV. стр. 1—52.
- Очерки арабской рѣчи и арабской письменности. 1862. I. стр. 33—80.
- Исторія Восточнаго Халифата, Фахри. Переводъ съ арабскаго. Приложение къ 1862 и 1863 годамъ; стр. 1—384 и LXVIII.
- Шейхъ Мослихуддинъ Саади Ширазскій и его значеніе въ исторіи персидской литературы. 1865. стр. 525—612.— 1866. Прилож.
- Грамматы Надиръ-Шаха своему сыну Ридза-Кули-Миртѣ, касающіяся индійскихъ походовъ Надира. Съ персидскаго. 1870. стр. 313—320.
- Чебышевъ-Дмитріевъ А. П.** О преступномъ дѣйствіи по русскому праву. 1862. I. стр. 1—242.
- Чулуповъ А. К.** Отчетъ по обзорнію фабрикъ и заводовъ Самарской, Московской и С. Петербургской губерній. 1859. IV. стр. 158—198.
- Сѣрная кислота и сода. 1864. II Отд. II. стр. 198—215.
- Шалаевъ.** Описаніе Лысенскаго завода. 1858. IV. стр. 132—149.
- Шарбе А. А.** Сновидѣніе Сципіона. 1853. III. стр. 13—60.
- Шарбе Р. А.** De genis, manibus et laribus. Ib. стр. 61—197.
- Переводъ и разборъ четвертой элоги Виргилія. 1854. IV. стр. 69—120.
- Мысли о воспитаніи въ гимназіяхъ (извлеченіе изъ рѣчи). 1857. III. стр. 21—69.
- Шестаковъ П. Д.** Мысли Карамзина о воспитаніи. 1867. стр. 3—27.
- Св. Стефанъ, первосвятитель Перискій. 1868. стр. 21—110.
- Медя , трагедія Еврипида; русскій переводъ. 1863. I Отд. стр. 324—380.—Примѣчанія къ переводу; его же. 1864. I Отд. стр. 1—32.

- Гипполятъ, несущій вѣнокъ, трагедія Еврипида; русскій переводъ. 1871. стр. 115—196.—Примѣчанія къ переводу; его-же. 1874. стр. 197—238.
- Штиловскій** С. М. Объ источникахъ русскаго права въ связи съ развитіемъ государства до Петра I. 1862. II. стр. 257—332.
- Союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ. 1864. I Отд. 124—266.—1866. стр. 15—114.
- «Исторія Госуд. Рос.» въ отношеніи исторіи русскаго права. 1867. стр. 52—99.
- Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ. 1869. стр. 587—742.—1870. стр. 1—232.
- Щербаконъ** А. Я. Продукты пищеваженія въ крови. 1864. II Отд. II. стр. 173—197.
- Эвермана** Э. А. Естественная исторія птицъ Оренбургскаго края. 1866—1867 г. Прил.
- Addenda ad celeberrimi Pallasii zoographiam Rosso-Asiaticam. 1835. II. стр. 343—372.—1841. I. стр. 154—167.
- Fauna Entomologica, Tomus primus. Lepidoptera. 1841. II. стр. XIV и 1—166.—1842. I. стр. 3—190; III. стр. 3—19.
- Эрдманнъ** Ф. И. Erläuterung u. Ergänzung einiger Stellen der von *Mirschawend* verfassten Geschichte des Stammes Buweih. 1836. III стр. 51—142.
- Ueber einisigen Münzen Tamerlans. 1857. II. стр. 56—75.
- Иродотъ заимствовалъ свое повѣствованіе о древней персидской исторіи изъ персидскихъ источниковъ. 1840. I. стр. 90—128.
- Kritische Beurtheilung des Werkes: Histoire des Mongols de la Perse, écrite en persan, par Raschid-eldin etc. 1841. I. стр. 35—92.
- Vollständige Uebersicht der ältesten türkischen, tatarischen und mogholischen Völkerstämme nach Rashed-uddin's Vorgange bearbeitet. 1841. IV. стр. 3—188.
- Ueber Muhammed's Geburt u. Abraham's Untergang. 1852. II. стр. 96—143.
- Der Veitstanz keine Krankheit. 1842. III. стр. 20—50.
- Behram-Gur u. die russische Fürstentochter. Muhammed Nis-Zamiu-d-din, dem Gendscher nachgebildet. 1843. I. и IV. стр. XXVII и 1—271.
- Дополненіе къ опыту областного великорусскаго словаря. 1857. II. стр. 106—167.
- Яичъ** В. Исторія сербско-хорватской литературы. Древній періодъ. Переводъ съ сербско-хорватскаго М. П. Петровскаго. 1874. Прил. стр. 1—243.
- Яковлевъ** В. Е. Немірта прыволжской фауны (*Rhynchota heteroptera*). 1864. II. Отд. I. стр. 109—129.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ

ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

ВЪ 1873 ГОДУ.

Православный Собесѣдникъ, издаваемый при Казанской духовной Академіи, по распоряженію св. Синода, съ 1855 года, и выходявшій въ первые три года (1855, 1856, 1857) повременно въ четырехъ книжкахъ, а съ 1858 года выходящій ежемѣсячно по двѣнадцати книжкѣ въ годъ, въ слѣдующемъ 1873 году будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Въ немъ будутъ помѣщаемы:

- 1) Дѣянiя (акты) вселенскихъ соборовъ, *въ русскомъ переводѣ*, въ полномъ ихъ составѣ (VII в. соборъ).
- 2) Толкованiя блаж. Теофилакта, архіепископа болгарскаго, на посланiя ап. Павла, *въ русскомъ переводѣ*.
- 3) Памятники древне-русской духовной письменности.

Примѣчаніе. Каждое изъ этихъ трехъ изданiй, по окончанiи, составитъ особую книгу, съ особыми — заглавнымъ листомъ, счетомъ страницъ и оглавленіемъ.

- 4) Оригинальныя статьи догматическаго, нравственнаго, истолковательнаго, церковно-историческаго содержанiя, и другія, болѣе или менѣе подходящія къ утвержденной прежде св. Синодомъ программѣ Православнаго Собесѣдника.

Примѣчаніе. Изъ этихъ оригинальныхъ статей, по окончанiи года, составитъ три тома Православнаго Со-

бесѣдника, съ особыми — заглавными листами, счетомъ страницъ и оглавленіями.

5) Протоколы совѣта Казанской духовной Академіи (съ особымъ счетомъ страницъ).

6) Магистерскія диссертациі (тоже съ особымъ счетомъ страницъ).

Цѣна за полное годовое изданіе **Православнаго Собесѣдника** на 1873 годъ остается прежняя: *съ доставкою на домъ по в. Казани и съ пересылкою во всю мѣста Имперіи—*

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается *въ Казани въ редакціи Православнаго Собесѣдника при Духовной Академіи.*

Примѣч. Отдѣльныя книжки **Православнаго Собесѣдника** могутъ быть приобретаемы желающими: 1855, 1856 и 1857 годовъ по 1 рублю, а всѣхъ прочихъ годовъ по 60 коп.—за каждую книжку, и съ пересылкою.

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ.

Съ 1867 года при „Православномъ Собесѣдникѣ“ издается отдѣльное прибавленіе по заглавіемъ „Извѣстія по казанской епархіи“, которыя будутъ выходить и въ 1873 году, два раза въ мѣсяць, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна „Извѣстій“ для мѣстъ и лицъ *другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ*: а) отдѣльно отъ „Православнаго Собесѣдника“ *четыре* руб., б) а для выписывающихъ и „Православный Собесѣдникъ“ *три* руб. (всего за оба изданія *десять* руб.) сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также *въ редакціи Православнаго Собесѣдника.*

Редакція **Православнаго Собесѣдника** проситъ желающихъ выписывать означенныя въ семъ объявленіи изданія ея—обращаться съ своими требованіями *прямо* въ эту редакцію, съ приложеніемъ за нихъ денегъ по вышеозначеннымъ цѣнамъ, и прописывать свои адреса ясно и точно. Въ почтовыхъ же мѣстахъ подписка на ея изданія не принимается.

III.

О ПОДПИСЬ НА 1873 ГОДЪ

НА

„ВЕЧЕРНЮЮ ГАЗЕТУ“

ПОЛИТИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ.

Съ 1-го января 1873 г. „Вечерняя Газета“ начнет девятый годъ своего существованія и, не измѣняя ни въ чемъ своей прежней программы, будетъ издаваться по прежнему ежедневно, не исключая дней, слѣдующихъ за праздниками. Всѣхъ номеровъ выйдетъ 360.

Въ 1873 году „Вечерняя Газета“ будетъ печататься новымъ, крупнымъ и четкимъ шрифтомъ.

Каждый номеръ „Вечерней Газеты“ будетъ посылаться во всѣ города Россіи въ бандеролахъ, съ печатнымъ адресомъ каждаго подписчика.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ С.-Петербургъ и съ пересылкою въ губерніи:

На годъ	8 р.	— к.
„ 11 мѣсяцевъ	7 „	50 „
„ 10 „	7 „	— „
„ 9 „	6 „	50 „
„ 8 „	6 „	— „
„ 7 „	5 „	50 „
„ 6 „	4 „	75 „
„ 5 „	4 „	— „
„ 4 „	3 „	25 „
„ 3 „	2 „	50 „
„ 2 „	1 „	75 „
„ 1 „	1 „	— „

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи „Вечерней Газеты“, въ С.-Петербургѣ, по Литейному проспекту, въ домѣ № 42.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ—по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; для неслужащихъ—по соглашенію съ редакціею, для чего необходимо обращаться въ главную контору „Вечерней Газеты“.

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“

въ 1873 году, будетъ выходить нумерами въ 10—12 листовъ печати въ 2 книгахъ въ большую осьмую долю листа ежемѣсячно, кромѣ мѣсяцевъ Іюня и Іюля, по слѣдующей программѣ.

Книга 1. Семейное Чтеніе.

Чтеніе религиозно-нравственнаго содержанія. Разказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр.

Занятія: игры, работы, руководлія, мастерства и проч., матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, будутъ прилагаемы расунки и картины.

Книга 2. Часть 1. Воспитаніе и обученіе вообще.

ОТДѢЛЪ I. Педагогическія, Дидактика и Методика. Общія статьи педагогическаго содержанія: Воспитаніе домашнее и общественное. Физическое воспитаніе и гигиена. Предметы и методы обученія. Учебныя пособія. Учебные матеріалы и принадлежности.

ОТДѢЛЪ II. Критика и библіографія русскихъ и замѣчательнѣйшихъ изъ иностранныхъ сочиненій изданій и пособій, соприсносновенныхъ съ учебнымъ дѣломъ.

ОТДѢЛЪ III. Библіографическіе очерки педагогическихъ дѣятелей и статьи по исторіи педагоги, съ приложеніемъ портретовъ замѣчательныхъ дѣятелей иностранныхъ и русскихъ.

ОТДѢЛЪ IV. Хроника. Постановленія и жизнь учебныхъ и учебно-воспитательныхъ заведеній, правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ.

ОТДѢЛЪ V. Смѣсь. Корреспонденціи. Заявленія педагогическаго содержанія и всякаго рода объявленія о вновь выходящихъ книгахъ, учебныхъ пособіяхъ, матеріалахъ и проч.

Часть 2. Наша Начальная Школа.

- 1) Правительственныя распоряженія.
- 2) Руководящія статьи по всѣмъ вопросамъ училищевѣдѣнія и школьной дидактики а также по вопросу о народномъ воспитаніи.
- 3) Земство и народная школа въ періодическихъ обзорѣніяхъ.

V.

4) Современное состояніе у насъ школьнаго дѣла. Начальныя училища для мальчиковъ и дѣвочекъ. Школы грамотности и частное обученіе.

5) Историческіе очерки, біографіи и проч.

6) Критико-бібліографическое обозрѣніе; указаніе пособій по начальному обученію; перечень вновь выходящихъ книгъ и проч.

7) Приложенія, состоящія изъ образцовыхъ уроковъ, чтеній и учебниковъ, печатаемыхъ по частямъ или цѣликомъ.

(По временамъ предполагается давать картины для нагляднаго обученія).

Условія подписки:

Подписная цѣна въ годъ, за 10 №№ (20 книжекъ) „Семь Школъ“ съ „Нашею Начальною Школою“ (содержащихъ 100—120 лист.):

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на домъ 8 руб.; съ доставкою на домъ 8 руб. 50 коп., съ доставкою и пересылкою 9 руб.

Въ Москвѣ съ пересылкою черезъ книжный магазинъ И. Г. Соловьева 8 руб. 50 коп., съ пересылкою черезъ газетную экспедицію 9 руб.

Во всѣ города Имперіи съ пересылкою черезъ газетную экспедицію 9 руб.

За границу—съ пересылкою по почтѣ 12 руб. 50 к.

Отдѣльно „Наша Начальная Школа“ 10 номеровъ съ приложеніями и съ доставкою въ Имперіи 5 руб. 50 коп. Безъ приложеній—3 р. 50 коп.

Лца и учрежденія, желающія получить по 2 или болѣе экземпляра каждаго приложенія, приплачиваютъ за каждый лишній годичный экземпляръ всѣхъ приложеній по 4 рубля.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать письма, заявленія, статьи и подписныя требованія на имя Редактора-Издателя Юл. Симашко. въ С.-Петербургъ, Владимирская № 7.

VI.

ОБЩЕСТВА ВРАЧЕЙ Г. КАЗАНИ:

1) Протоколы Общества врачей г. Казани за 1870 годъ съ Извлеченіями изъ Протоколовъ за 1868—69 гг., съ 2 табл. фотографическихъ и 2 табл. литограф. рисунковъ и рисунками въ текстѣ. Казань. 1870. ЦѢНА 3 РУБ., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 3 Р. 25 КОП.

2) Протоколы Общества врачей г. Казани за 1871 годъ съ Приложеніями. 50 листовъ in 8°, со многими таблицами и рисунками. Казань. 1871. ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 5 РУБ.—Протоколы безъ Приложеній 2 РУБ. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

3) Протоколы Общества врачей г. Казани за 1872 годъ съ Приложеніями («Дневникъ» Общества). Болѣе 20 л. in 8°. ЦѢНА 2 РУБ., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 2 РУБ. 50 КОП.—Протоколы безъ «Дневника» 1 РУБ. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

4) Труды Общества врачей г. Казани за 1872 годъ—въ двухъ Отдѣлахъ. Выпукъ: Отд. I. Вып. 1, 2 и 3. Отд. II. Вып. 1 и 2. Цѣна каждому выпуску (отъ 6—8 листовъ, со многими рисунками и таблицами) 60 КОП., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 75 КОП.

5) Запѣтки о земской медицинѣ въ Казанской губерніи, А. В. ПЕТРОВА и А. Я. ЩЕРБАКОВА. Казань. 1872. ЦѢНА 60 КОП., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 75 КОП.

6) Земская медицина, очеркъ И. И. МОЛЛЕСОНА (земскаго врача въ г. Перми). Казань. 1871. ЦѢНА 40 КОП., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 50 КОП.

7) Разборъ питанія нашихъ солдатъ и характеръ болѣзней, имъ обусловливаемый. В. И. ДУНАЕВА. Старш. врача въ Перми. Казань. 1871. ЦѢНА 40 КОП., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 50 КОП.

8) Обь отношеніяхъ между тѣломъ и духомъ, между умственными и другими разстройствами нервной системы. Три лекціи Доктора Генрика МОДОЛИ (Читаны въ Королевской Лондонской медицинской коллегіи, 1870). Переводъ съ англійскаго Е. А. Безобразовой. ЦѢНА 40 КОП., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 50 КОП.

9) О строеніи корешковъ спинныхъ нервовъ, спиннаго и продолговатаго мозга человека и нѣкоторыхъ животныхъ. Соч. П. В. РУДА-НОВОКАГО, Д-ра при Нижнетагильскихъ заводахъ, члена Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ и Общества врачей г. Казани. Выпускъ 1-й: о строеніи корешковъ спинныхъ нервовъ (съ 30 фотографическими рисунками на 4 таблицахъ). ЦѢНА 3 РУБ. 25 КОП., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 3 Р. 50 К.—Второй выпускъ печатается.

Съ требованіями обращаются непосредственно къ Предсѣдателю Общества врачей г. Казани, профессору университета Александру Васильевичу Петрову, въ Казань.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„УЧЕНЫХЪ ЗАПИСОКЪ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА“

за 1873 годъ.

	<i>Стр.</i>
О сущности выразительной способности глазъ, <i>Е. В. Адлюка</i>	3—34.
Коммуна средневѣковой Франціи сѣверной полосы и центральной въ связи съ политическимъ ростомъ третьяго сословія, <i>А. И. Смирнова</i>	35—112; 221—306; 407—343.
Неаполитанскіе государи въ XIV вѣкѣ. Разказы изъ итальянской исторіи. <i>Н. О.</i>	113—150; 189—220.
Братья (Adelphi). Комедія Публія Теренція; переводъ <i>М. П—скаго</i>	307—328; 345—406.
Петръ Великій, какъ воспитатель и учитель народа. <i>И. В. Соколовскаго</i>	545—633; 761—820.
О значеніи права войны, въ связи съ общимъ понятіемъ о международныхъ отношеніяхъ; гл. I—II. <i>Н. П. Иванова</i>	634—710.
О вліяніи воды на развитіе стеблей и корней нѣкоторыхъ растений, <i>Н. Ѳ. Леваковскаго</i>	821—826.
Островъ Лесбосъ и лесбійскіе пѣвцы и поэты. <i>А. Д. Ингоземцева</i>	827—847; 1007—1032.
Венеція и Дубровникъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ съ 998 до 1358 года. <i>А. Небосклонова</i>	848—868; 951—990.
Къ патологіи поджелудочной железы въ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ. <i>Л. Б. Мандельштама</i>	869—924.
Къ вопросу о вліяніи среды на форму растений. <i>Н. Ѳ. Леваковскаго</i>	925—930.
Вексель въ его прошедшемъ и настоящемъ. <i>А. М. Осипова</i>	931—950.
Отчетъ о магнитныхъ изслѣдованіяхъ въ восточной Россіи за 1873 годъ. <i>И. Н. Смирнова</i>	991—1006.
<i>Критика</i> : Родственна-ли Меря съ Вогулами; по поводу соч. гг. Корсакова и Уварова; <i>П. Д. Шестакова</i> , 181—187.—Объ опре-	

II

дѣленіи элементовъ орбитъ двойныхъ звѣздъ, соч. В. Виноградскаго; *М. А. Ковальскаю*, 329—339.—О радикалахъ въ органической химіи, соч. Г. Глянскаго; *А. М. Зайцева*, 340—343.—Сказанія князя Курбскаго, 3 изд.; *М. П—скаю*, 741—760.—*Philosophie des Unbewussten*, соч. Гартмана; *Θ Зеленоюрскаю*, 1033—1063.

Приложеніе: Указатель статей, помѣщенныхъ въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета» за 1834—1872 годы включительно; стр. I—XVI.

Index for

1834-1872

ИЗВѢСТІЯ
И
УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ГОДЪ ХЛ.

1873.

№ 1.

(ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ).

КАЗАНЬ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ УНИВЕРСИТЕТА.

1872.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ:

ИЗВѢСТІЯ:

	<i>Стр.</i>
Личный составъ Казанскаго Университета въ январѣ 1873 г.	3.
Состоящія при Университетѣ особыя учрежденія къ 1 январю 1873 года	10.
Число студентовъ къ 1 январю 1873 г. по факультетамъ.	13.
Темы для соисканія наградъ въ 18 ⁷² / ₇₃ акад. году.	15.
Протоколы Совѣта Университета за октябрь 1872 года.	17.
Обозрѣніе преподаванія въ Университетѣ за первую половину 18 ⁷² / ₇₃ акад. года.	48.
Мнѣніе о докторской диссертациі Н. Осокина (Первая инквизиція и завоеваніе Лангедока Французами), представленное проф. Оврсовымъ	62.
Мнѣніе о докторской диссертациі А. Осипова (Брачное право древняго Востока), представленное проф. Шпилевскимъ	64.
Молебствіе 14 января 1873 года по выздоровленіи Государя Наслѣдника. — Замѣшеніе каведръ. — Избраніе профессора Боткина въ почетные члены Казанскаго Университета. — Диспутъ г. Боголюбова. — Публичныя лекціи.	68.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ:

О сущности выразительной способности глазъ. Рѣчь Е. В. АДАМЮКА.	3.
Коммуна средневѣковой Франціи сѣверной полосы и центральной въ связи съ политическимъ ростомъ третьяго сословія. Гл. I—II. А. И. СМІРНОВА	35.
Неаполитанскіе Государя въ XIV вѣкѣ. Разказы изъ итальянской исторіи. — I—II — Н. О.	113.
<i>Критика:</i> Родственна-ли Меря съ Вогулами? По поводу соч. гг. Корсакова и Уварова. П. Д. ШЕСТАКОВА.	151—187.
Указатель статей, помѣщенныхъ въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета» за 1834—1872 годы включительно	I—XVI.

ИЗВѢСТІЯ
И
УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ГОДЪ ХЛ.

1873.

№ 2.

(МАРТЪ—АПРѢЛЬ).

КАЗАНЬ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ УНИВЕРСИТЕТА.
1873.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ:

ИЗВѢСТІЯ:

Протоколы засѣданій Совѣта Университета за ноябрь и декабрь
1872 г.

Протоколы засѣданій Совѣта Университета за январь 1873 г.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ:

Неаполитанскіе Государя въ XIV вѣкѣ. Разказы изъ итальян-
ской исторіи. Ш—IV. (Окончаніе).—Н. О.

Коммуна средневѣковой Франціи сѣверной долины и централь-
ной въ связи съ политическимъ ростомъ третьяго сословія.—Ш
(Продолженіе).—А. И. ОМИРНОВА.

Братья (Adelphi). Комедія Публія Теренція. 1 и 2 дѣйствія.
Переводъ М. П.—ОКАГО.

Критика: В. Виноградскій—Объ опредѣленіи элементовъ
бить двойныхъ звѣздъ. Ст. М. А. КОВАЛЬСКАГО. 329.—Г. Га-
скій—О радикалахъ въ органической химіи. Ст. А. М. ЗАЩЕ-
ПИНЪ. 340—343.

Печатается по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго
Университета.

ИЗВѢСТІЯ

И

УЧЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ГОДЪ XL.

1873.

№ 3.

(МАЙ—ІЮНЬ).

КАЗАНЬ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ УНИВЕРСИТЕТА.

1873.

СОДЕРЖАНИЕ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ:

ИЗВѢСТІЯ:

	<i>Стр.</i>
Протоколы засѣданій Совѣта Университета за февраль, мартъ и апрѣль 1873 г.	199.
Отчетъ о занятіяхъ философіею за границей приватъ-доцента Ө. ЗЕЛЕНОГОРОСКАГО въ зимній семестръ 18 ⁷¹ / ₇₂ г. . . .	343—363.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ:

Братья (Adelphi). Комедія Публія Теренція. Окончаніе. Переводъ М. П—ОКАГО.	345.
Коммуна средневѣковой Франціи сѣверной полосы и центральной въ связи съ политическимъ ростомъ третьяго сословія.—Окончаніе —Гл. IV и заключеніе.—А. И. ОМИРНОВА. . . .	407—543.

*Печатается по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго
Университета.*

ИЗВѢСТІЯ
И
УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ГОДЪ XL.

1873.

№ 5.

(СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ).

КАЗАНЬ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ УНИВЕРСИТЕТА.
1873.

СОДЕРЖАНИЕ ПЯТОЙ КНИЖКИ:

ИЗВѢСТІЯ:

	<i>Стр.</i>
Протоколы засѣданій Совѣта Университета 31 мая, 3, 18 августа и 3 сентября 1873 года	483.
Мнѣнія о диссертацияхъ, представленныхъ въ 1873 г. <i>А. Попова</i> , 505;— <i>Н. Державина</i> , 506;— <i>Н. Владимірскаю</i> , 507;— <i>А. Туполева</i> , 508;— <i>Н. Алексѣва</i> и <i>В. Манасеина</i> , 509;— <i>М. Лебедева</i> , <i>П. Иванова</i> и <i>В. Бронникова</i> , 510;— <i>А. Докучаева</i> и <i>П. Степанова</i> , 511.	
<i>Замѣтки</i> : Публичныя лекціи. Свѣдѣнія о вновь поступившихъ студентахъ	517.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ:

Петръ Великій, какъ воспитатель и учитель народа. Окончаніе. И. В. СООКОЛОВСКАГО	761.
О вліяніи воды на развитіе стеблей и корней нѣкоторыхъ растений. Н. О. ЛЕВАКОВСКАГО	821.
Островъ Лесбось и лесбійскіе пѣвцы и поэты. Гл. I. А. Д. ИНОЗЕМЦЕВА	827.
Венеція и Дубровникъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ съ 998 до 1358 года. А. НЕВОСКЛОНОВА	848.
Къ патологій поджелудочной железы въ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ. Л. В. МАНДЕЛЬШТАМА	869.

Печатается по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго
Университета.

ИЗВѢСТІЯ
И
УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ГОДЪ XL.

1873.

№ 6.

(НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ)

КАЗАНЬ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ УНИВЕРСИТЕТА.
1873.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ:

ИЗВѢСТІЯ:

	<i>Стр.</i>
Извлеченіе изъ отчета Императорскаго Казанскаго Университета за 1872 гражданскій годъ	519.
Отчетъ о занятіяхъ за границей философій — кандидата А. И. СМЕРНОВА	537.
Отчетъ о занятіяхъ за границей славянскою исторіею въ 1872 году—кандидата А. НЕВОСКЛОНОВА	592.
Отчетъ о занятіяхъ въ Петровской Академіи въ теченіи лѣта 1873 года—кандидата В. ОРОКИНА	592.
Протоколы засѣданій Совѣта Университета 11 и 29 сентября, 6 и 20 октября 1873 года	395.
Мнѣнія о медицинскихъ диссертацияхъ, представленныхъ въ 1873 г.:—на степень доктора медицины, г. <i>Мандельштамма</i> ; на медальныя темы	678.
<i>Замѣтки:</i> Свѣдѣнія о числѣ студентовъ въ Казанскомъ Университетѣ къ 1 январю 1874 года. Замященіе кафедръ	684.
—Темы для соисканія наградъ въ 1873/4 акад. году	685.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ:

Къ вопросу о вліяніи среды на форму растений. Н. О. ЛЕВАКОВСКАГО.	923.
Вексель въ его прошедшемъ и настоящемъ А. М. ОШИЦОВА.	931.
Венеція и Дубровникъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ съ 998 до 1358 года. (Окончаніе). А. НЕВОСКЛОНОВА	954.
Отчетъ о магнитныхъ изслѣдованіяхъ въ восточной Россіи за 1873 годъ. И. Н. СМЕРНОВА	991.
Островъ Лесбось и лесбійскіе пѣвцы и поэты. (Окончаніе). А. Д. ИНОЗЕМЦЕВА	1007.
<i>Критика.</i> <i>Hartmann</i> . Philosophie des Unbewusten. 1871.— Ст. О. ЗЕЛЕНОГОРОКАГО.	1033.

Въ Редакціи „Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета“
можно между прочимъ получать слѣдующія ея изданія:

Адамюкъ Е. Къ учению о внутриглазномъ кровообращеніи и давленіи. 1867. Ц. 1 р.

Буличъ Н. Къ столѣтней памяти Ломоносова. 1865. Ц. 50 к.

Буличъ Н. Біографическій очеркъ Карамзина и развитие его литературной дѣятельности. 1866. Ц. 75 к.

Виноградскій В. Объ опредѣленіи элементовъ орбитъ двойныхъ звѣздъ. 1872. Ц. 1 р.

Глинскій Г. О радикалахъ въ органической химіи. 1872. Ц. 1 руб.

Корсаковъ Д. Мера и Ростовское княжество. Очерки изъ исторіи Ростовско-Суздальской земли. 1872. Ц. 1 р. 50 к.

Кремлевъ Н. Къ учению о правѣ добросовѣстнаго владѣльца на плоды, по римскому праву. 1866. Ц. 50 к.

Кремлевъ Н. Сепарация, какъ способъ пріобрѣтенія собственности добросовѣстнымъ владѣльцемъ, по классическому римскому праву. 1867. Ц. 1 р. 50 к.

Леваковскій Н. О вліяніи нѣкоторыхъ виѣшнихъ условий на форму корней. Съ 14 табл. рисунковъ. 1868. Ц. 1 р. 50 к.

Модестовъ В. Римская письменность въ періодъ царей. 1868. Ц. 1 р. 50 к.

Осиповъ А. Брачное право древняго Востока. 1872. Ц. 1 р.

Осокинъ Н. Савонарола и Флоренція. Историч. монографія въ двухъ частяхъ. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

Осокинъ Н. Исторія Альбгойцевъ до кончины папы Иннокентія III. 1866. Ц. 3 р.

Осокинъ Н. Первая инквизиція и завоеваніе Лангедока Французами. 1869. Ц. 3 р.

Статьи по поводу столѣтняго юбилея Карамзина. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Суворовъ Ѳ. О характеристикахъ системъ трехъ измѣреній. 1871. Ц. 1 р.

Шпилевскій С. Союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Шпилевскій С. Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ. 1869. Ц. 2 р.

Ягичъ В. Исторія сербско-хорватской литературы. Древній періодъ. Переводъ съ сербско-хорватскаго. 1871. Ц. 2 р.

Ѳирсовъ Н. Положеніе инородцевъ Сѣверо-Восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ. 1866. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳирсовъ Н. Инородческое населеніе прежняго казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 г. и колонизація закамскихъ земель. 1869. Ц. 2 р.

Тамъ же можно получать изданія трудовъ «Общества врачей г. Казани» и «Общества Естествоиспытателей при Казанскомъ Университетѣ».

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

„Извѣстiя“ и „Ученыя Записки“ Казанскаго Университета выходятъ шесть разъ въ годъ, начиная съ марта мѣсяца, выпусками, содержащими въ себѣ до 13 и болѣе листовъ. По окончанiи года каждое изданiе составить отдѣльный томъ, до сорока листовъ съ особымъ заглавiемъ.

Извѣстiя представляютъ собою официальную исторiю Университета, протоколы совѣтскихъ засѣданiй, мнѣнiя о диссертациахъ на ученые степени, отчеты, программы курсовъ и т. п.—Ученыя Записки—труды казанскихъ профессоровъ по наукамъ историческимъ, филологическимъ, математическимъ, естественнымъ, юридическимъ и медицинскимъ, магистерскiя и докторскiя диссертации, пробныя и вступительныя лекции, документы и неизданные памятники, отчеты факультетскихъ клиникъ и лабораторiй и критико-библиографическiй отдѣлъ, составляемый специалистами.

Подписная цѣна за оба изданiя шесть рублей съ пересылкою.

Подписка исключительно принимается въ Редакции „Извѣстiй“ и „Ученыхъ Записокъ“ Казанскаго Университета и въ книжныхъ магазинахъ Кожанчикова въ Петербургѣ, Варшавѣ и Казани.

Подъ редакцiей Н. ОСОКИНА.

